

РУССКАЯ

7-8
1906

МЫСЛЬ.

*University of California
Library*

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

Berkeley Cal.

І Ю Л Ъ.

МОСКВА.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о, Фимен. ул., соб. домъ.

1906.

ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ
журнала „Русская Мысль“,

Окладъ: Москва, Пименовская ул., Т-го Кушнерова и К°.

Н. ВАСИЛИЧЪ. Очерки и рассказы. (I. Изъ былой жизни провинціального города. — II. По методѣ графини Венденъ. — III. Изъ воспоминаній помѣщика - охотника: На усадьбѣ и на охотѣ. Привидѣніе. Смерть Захара. Навожденіе. Вершины. Абрамъ. Васька Лашманъ. — IV. Донъ Педро и Мавра Андреевна. — V. Риневъ.) Цѣна 1 руб. Продается: въ к-рѣ „Русской Мысли“; въ Типографіи Кушнерова; во всѣхъ главныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и большихъ городовъ.

Э. Фрименъ. Развитие англійской конституціи съ древнѣйшихъ временъ. Пер. съ англійскаго С. Г. Займовскаго. Цѣна 60 коп.

Л. Олстонъ. Краткій очеркъ современныхъ конституцій. Пер. съ англійскаго. Проф. К. А. Тимирязева. 2-е изд. Цѣна 30 коп.

Э. Лабулэ. Политическія идеи Бенжамена Констана. Цѣна 40 коп.

Планъ государственнаго преобразованія графа М. М. Сперанскаго. (введеніе къ уложенію государственныхъ законовъ 1809 г.) Цѣна 1 руб.

UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

КНИГА VII

МОСКВА.

—
1906.

70 .XIV
A. B. O. J. A. O.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пименовская ул., соб.
МОСКВА—1906.

AP50
R875
V.27:7-8
MAIN

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТЪ.	
I. ВЪ БУРНЫЕ ГОДЫ. Романъ. — Ольги Шапиръ. <i>Продолженіе.</i>	1
II. ДИТЯ ГОРЯ. Жельма Сетэлэ. Перев. съ финск. — М. Благоушченской. <i>Окончаніе</i>	45
III. СТИХОТВОРЕНИЕ. — Ив. Бунина	70
IV. СТАРАЯ. Разсказъ. — Анны Догановичъ	71
V. ВИННЫЙ СЕЛАДЪ. (LA BODEGA). Повѣсть Висенте Власко-Ибаньеса. — Перев. съ испанск. М. В. Ватсонъ. <i>Продолженіе</i> .	95
VI. СТИХОТВОРЕНИЕ. — Татьяны Грейеръ	155
VII. А. ЧЕХОВЪ ВЪ РЯДУ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ЮМОРИСТОВЪ. — С. П. Когана.	1
VIII. БЪГЛЫЙ ОЧЕРЕЖЪ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИВИ ГЕРМАНИИ. — Политикуса	13
IX. БАКИНСКІЕ ССУДО-ПРОМЫШЛЕННИКИ. — Н. У. Р.	36
X. ДЖУЗЕППЕ МАДЗИНИ. — Н. Г—ской.	54
XI. ГРУЗИНСКАЯ ПЕЧАТЬ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЪ И АВТОНОМІИ ГРУЗИИ. — А. С. Хаханова. <i>Окончаніе.</i>	76
XII. ЗАПИСКИ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА УНГОВСКАГО. <i>Окончаніе.</i>	88
XIII. О НАРОДНОМЪ ПРОСВѢЩЕНІИ. (Докладъ, читанный въ районныхъ собраніяхъ конституціонно-демократической партіи). — В. В—ра.	117
XIV. ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА ВЪ РОССІИ И УСЛОВІЯ СУЩЕСТВОВАНІЯ БООПЕРАЦИ ВООБЩЕ. — В. Тотоміанца . .	136

	<i>Стр.</i>
XV. ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ	167
XVI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ	179
XVII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — В. А. Г.	198
XVIII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книжки: Беллетристика.— Публицистика.—Философія, психологія.—Книжки для дѣтей.— Учебники.—II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 іюля по 1 іюня 1906 г. .	173
XIX. ОБЪЯВЛЕНІЯ	1

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редація «Русской Мысли» въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюнь, іюль, августъ) открыта только по средамъ отъ 1—3 час. дня.

Непринятая редакціей рукопись хранится въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничтожается.

Непринятая редакціей стихотворенія не сохраняются. Авторы, въ теченіе 3 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта, могутъ располагать стихотвореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихотвореній редація не входитъ въ переписку.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

**МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,**

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ:

Волею Нашею призваны были къ строительству законодательному люди, избранные отъ населенія. Твердо уповавъ на милость Божію, вѣря въ свѣтлое и великое будущее Нашего народа, Мы ожидали отъ трудовъ ихъ блага и пользы для страны. Во всѣхъ отрасляхъ народной жизни намѣчены были Нами крупныя преобразованія, и на первомъ мѣстѣ всегда стояла главнѣйшая забота Наша разсѣять темноту народную свѣтомъ просвѣщенія и тяготы народныхъ облегченіемъ условій земельного труда.

Ожиданія Нашимъ ниспослано тяжкое испытаніе. Выборные отъ населенія вмѣсто работы строительства законодательнаго уклонились въ непринадлежащую имъ область и обратились къ разслѣдованію дѣйствій, поставленныхъ отъ Насъ мѣстныхъ властей, къ указаніямъ Намъ на несовершенство законовъ основныхъ, измѣненія которыхъ могутъ быть приняты лишь Нашею Монаршею волей и къ дѣйствіямъ явно незаконнымъ, какъ обращеніе отъ лица Думы къ населенію. Смущенное же таковыми непорядками крестьянство, не ожидая законнаго улучшенія своего положенія, перешло въ цѣломъ рядѣ губерній къ открытому грабежу, хищенію чуждаго имущества, неповиновенію закону и законнымъ властямъ. Но пусть знаютъ Наши подданные, что только при полномъ порядкѣ и спокойствіи можно прочное улучшеніе народнаго быта. Да будетъ же вѣдомо, что не допустимъ никакого своеволія или беззаконія и всею силой государственной мощи приведемъ ослушниковъ закона къ подчиненію Нашей речкой воли.

Призываемъ всѣхъ благомыслящихъ русскихъ людей объединиться для держанія законной власти и возстановленія мира въ Нашемъ дорогомъ чествѣ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

Да возстановится же спокойствіе въ землѣ русской и да поможетъ Намъ Всевышній осуществить главнѣйшій изъ царственныхъ трудовъ Нашихъ— поднятіе благосостоянія крестьянства. Воля Наша къ сему непреклонна, и пахарь русскій безъ ущерба къ чужому владѣнію получить тамъ, гдѣ существуетъ тѣснота земельная, законный и честный способъ расширить свое землевладѣніе. Лица другихъ сословій приложить, по призыву Нашему, всѣ усилія къ осуществленію этой великой задачи, окончательное разрѣшеніе которой въ законодательномъ порядкѣ будетъ принадлежать будущему составу Думы. Мы же, распуская нынѣшній составъ Государственной Думы, подтверждаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ неизмѣнное намѣреніе Наше сохранить въ силѣ самый законъ объ учрежденіи этого установленія и соотвѣтственно съ этимъ указомъ Нашиимъ, Правительствующему Сенату 8-го сего іюля даннымъ, назначили время новаго ея созыва на 20-е февраля 1907 года.

Съ непоколебимою вѣрою въ милость Божию и въ разумъ русскаго народа Мы будемъ ждать отъ новаго состава Государственной Думы осуществленія ожиданій Нашихъ и внесенія въ законодательство страны соотвѣтствія съ потребностями обновленной Россіи.

Вѣрные сыны Россіи, Царь вашъ призываетъ васъ, какъ отецъ своихъ дѣтей, сплотиться съ Нимъ въ дѣлѣ обновленія и возрожденія Нашей святой родины. Вѣримъ, что появятся богатыри мысли и дѣла и что самоотверженнымъ трудомъ ихъ возсіяетъ слава земли русской.

Данъ въ Петергофѣ въ 9-й день іюля въ лѣто отъ Рождества Христова 1906-е, царствованія же нашего въ 12-е.

На подлинномъ собственной Его Императорскаго Величества рукой подписано:

НИКОЛАЙ.

ВЪ БУРНЫЕ ГОДЫ *).

(Романъ.)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Въ народъ.

XXII.

Соничка Скворцова примѣрляла передъ зеркаломъ яркую атласную наголку васильковаго цвѣта, какія носятъ мѣщанки и мелкія купчихи. Трудность состояла въ томъ, чтобы носить ее не граціозной шапочкой, поверхъ пушистыхъ короткихъ волосъ, что даже очень плохо къ ея задорному, свѣжему лицу, но чтобы надвинуть достаточно солидно на передъ и упрятать подъ нее непокорные колючки, всегда порхающіе на бѣлоснѣжномъ лбу. Люстриновое платье непріятнаго рыжеватаго цвѣта, съ короткой таліей и густыми прямыми складками вокругъ всего пояса, присѣбно мѣняло гибкую фигуру Сони.

Она не могла достаточно насмотрѣться на свои широчайшіе бока и «облизанную» голову, вмѣсто разсыпанныхъ по плечамъ, слегка вьющихся волосъ, которыми въ тайнѣ души своей Соня очень гордилось.

— По торговой части большая привычка требуется, а мы, всемімъ даже, напротивъ, и въ мысляхъ никогда не держали, — произноситъ Соня нарастающе, и озабоченными глазами слѣдить въ зеркаль за тѣмъ, какъ у нея шевелятся губы, слушаетъ, какимъ звукомъ выходятъ изъ нихъ слова.

У боковой стѣны на диванѣ растянулся Скворцовъ и читалъ каз-то печатные, но не сброшурованные листочки, сложенные небольшою кучкой на столѣ.

— По торговой части большая привычка...

*) Русская Мысль, кн. VI, 1906 г.

Ахъ, чортъ! Соня, да ты перестанешь когда-нибудь?—воскликнулъ съ досадою, опуская недочитанный листъ.—Что за идиотизмъ долбить какую-то глупую фразу.

— Отстань, пожалуйста! Вотъ уменъ тоже, вообразилъ, что слова заучиваю? Я давно убѣдилась, суть вовсе не въ словахъ. Можно самыя что ни есть мужицкія выраженія нанизывать, и всетаки выходить интеллигентная рѣчь, а не простая. Тутъ выраженіе лица... звукъ... чортъ его знаетъ! только это ужасно трудно.

Глаза Скворцова начали улыбаться. Онъ водилъ ими по всей фигурѣ жены, съ торчащей юбкой и оголенной бѣленькой шейкой, съ которой подняты и упрятаны подъ голубую кичку ея прелестные волосы. Голова кажется отъ этого очень маленькой, большія, золоченыя сережки качаются въ ушахъ, еще не совсѣмъ зажившихъ и слегка припухшихъ послѣ только что произведенной надъ ними операціи прокалыванія.

Соня скромно опускала рѣсницы, стараясь сквозь нихъ слѣдить за зеркаломъ, и необыкновенно миловидно поджимала свои малиновые губки, причемъ надъ верхней губой то появлялась, то исчезала маленькая глубокая ямочка.

— Ну и шельмецы же вы, бабы! откуда у васъ что берется?—расхохотался весело Скворцовъ.

— Хорошо? правда?—вскинула она на него радостно глазами.— Скворца, чего ты хохочешь, дуракъ этакій! Я вѣдь это серьезно. До смерти боюсь, что буду выглядѣть ряженой, какъ тогда въ Порховѣ. Вѣдь ужъ какъ старалась и воображала, что выходитъ превосходно, а какъ начала компанія переглядываться, да какъ понасупились мои молодцы... нѣтъ, ужъ спасибо въ другой-то разъ!

По ея оживленному лицу прошла тѣнь. Она рѣшительно тряхнула головой и вернулась къ зеркалу отъ дивана, куда передвинулась какъ-то совсѣмъ произвольно.

— Еще мнѣ легче другихъ, потому что у меня лицо простое... Ну, чѣмъ это не молодуха, слажите на милость?

Соня подбоченилась и опять подскочила къ дивану, широко размахнувъ сладками рыжей юбки.

— Ну, вотъ, и нигуда не годится! Нѣшто молодухи-то смачутъ, какъ сороки?—смѣялся мужъ, забывъ, повидимому, окончательно про недочитанные листочки.

— Такъ вѣдь я же и говорю, что главное не языкъ, а манеры,—выговорила Соня сокрушенно и принялась обдергивать разбившіяся складки платья.

— Можно въ вамъ?—постучали въ эту минуту въ коридорную дверь.

— Ага!—отозвался Скворцовъ и сбросилъ обѣ ноги на полъ.

Въ комнату вошелъ маленький, худощавый брюнетъ чахоточнаго вида, съ свалившейся грудью и сутоловатыми плечами; на плечи накинуть толстый пледъ поверхъ сильно изношеннаго легкаго пиджана.

— Не потеплѣе ли у васъ, братцы... совсѣмъ застылъ!—сказалъ онъ жалобно и, не договоривъ фразы, уставился растерянно своими черными глазами на Сою: —Что за причина... вы ли, Софья Дмитриевна?

Соня наслаждалась; не говоря ни слова, она гордо прохаживалась передъ нимъ на нѣсколькихъ шагахъ.

— Да, да, да... дѣло, стало быть, на мази?—догадался сейчасъ же Либерзонъ и поскорѣе примостился въ креслѣ поближе къ печкѣ, съжившись подъ тяжелымъ пледомъ.

Либерзонъ жилъ у той же хозяйки. Его восьмирублевая угловая комната не имѣла отдѣльной печки, а его сосѣдка, полная, разбитная барышня, родственница хозяйки, вѣчно изнемогала отъ жары. Она отрывала трубу, если зябкій сосѣдъ ухитрился натопить пожарче въ ея отсутствіе.

— Заморозила, окаянная полька!.. Кашель совсѣмъ расколотилъ за ночь,—пояснилъ онъ слабымъ голосомъ, въ отвѣтъ на безмолвный, сострадательный взглядъ Скворцова.—Поколѣешь тутъ видно, какъ собака, изъ-за ея двадцати пяти рублей...

— И по дѣломъ вамъ! Вы бы больше упрямились, когда вамъ предлагали расплатиться съ хозяйкой!—прикрикнула на него фамильярно Соня.

— Что объ этомъ толковать!—отмахнулся онъ слабо рукою.

— Нѣтъ-съ, не «что толковать», а не для чего было такъ дурить!—наступала Соня запальчиво.

Похваляемся, что отрѣшились отъ всѣхъ предрасудковъ, а чуть коснется дѣло нашего паршиваго самолюбьшика, такъ сейчасъ же выдвигаются на сцену цѣлыя фаланги допотопныхъ тѣней. Спрашивается, кого вы осчастливите, если и вовсе сляжете въ этомъ сумѣ углу??..

Либерзонъ смотрѣлъ на нее добрыми, красивыми глазами и пельно улыбался.

— Осчастливить я все равно никого не могу, Софья Дмитриевна, къ зачѣмъ же еще грабить на свою бесполезную особу? Все равно мрять. Слягу, такъ по крайности въ больницу приберуть.

Этотъ умпрающій подъ богомъ, молодой еврей отравлялъ Сони

ея счастливую жизнь. Но какъ она его ни отчитывала, какъ ни изобрѣтала разныя геніальныя хитрости, чтобы заставить принять какую-нибудь поддержку—«Либерзончикъ», какъ она звала его, непоколебимъ въ своей рѣшимости умирать на свои собственные иждивенія, заключавшіяся въ пятнадцати рубляхъ пенсіи какихъ-то родственниковъ. Сбить его съ этой позиціи не было никакой возможности. Пенсію состоятельной родни онъ признавалъ законной, въ виду неизлѣчимой болѣзни, но пользоваться общественными средствами при своей «бесполезности» считалъ великимъ позоромъ.

Напрасно Соня усиливалась разбить «фетишъ крови» и поколебать привилегію неслишкомъ-то почтенной въ ея глазахъ родни. Она сталкивалась съ врожденными, несокрушимыми основами морали. Вообще Либерзонъ «изводилъ» своей придирчивой моралью. Почти не двигаясь изъ комнаты, слѣдя только издали, съ чужихъ словъ, за бурными перипетіями общественной жизни, человекъ этотъ только и занимался тѣмъ, что взвѣшивалъ эту жизнь на самыхъ чувствительныхъ вѣсахъ и творилъ надъ нею неумолимый идейный судъ. Заслужить отъ Либерзона одобреніе не было никакой возможности; похвалы или хотя бы внутренняго удивленія передъ какимъ-нибудь поступкомъ онъ совершенно не понималъ: поступки могутъ быть дурны, или они хороши, т.-е. таковы, какими и должны быть, причемъ же тутъ похвала? По его мнѣнію, въ ней даже заключается обида сомнѣнія. Никто не могъ быть въ своихъ сужденіяхъ суровѣе и неумолимѣе этого добрѣйшаго существа, съ его кроткими глазами и слабымъ голосомъ.

— Ну, теперь Либерзончикъ загрызетъ!—говорила обыкновенно Соня, когда почему-нибудь у нея нечиста совѣсть.

Соня достала съ окна мѣшочекъ съ кедровыми орѣхами и принялась быстро грызть своими блестящими зубами.

— Не хотите ли?—предложила она Либерзону.

— Спасибо. Отъ орѣховъ въ горлѣ першить.

— Да, правда!—почувствовала она сейчасъ же угрызеніе совѣсти:—Ну, сидите же, я вамъ леденцовъ добуду.

И она выпорхнула изъ комнаты, не слушая его протестовъ.

— Я такъ приходите къ вамъ не могу, Скворцовъ, если она непремѣнно всегда угощаетъ меня чѣмъ-нибудь! Это нелѣпая барская привычка... замашка богатыхъ людей,—волновался гость.

— Да будетъ вамъ о пустягахъ... Ну, что вамъ съ того, коли ей леденцовъ хочется?—успокаивалъ Скворцовъ.

— Нѣтъ-съ, ей вовсе не леденцовъ хочется, а она считаетъ, что сахаръ полевенъ для горла.

— Трагедія и есть! и какъ еще вамъ около нашей печки грѣться не зазорно?—усмѣхнулся Скворцовъ.

Либерзонъ нахмурился и затихъ.

Соня скоро вернулась. Въ одной рукѣ она держала мѣшочекъ съ леденцами, въ другой стаканъ чая.

— Что, небось, хочется?—подмигнула она мужу, ставя передъ нимъ стаканъ.

— Ты, знаешь что... не верти такъ юбками, когда ходишь! Учись ужъ, коли такъ, плавать павой,—проговорилъ Скворцовъ со смѣхомъ и задержалъ на минуту ея мягкую ручку въ узкомъ рукавѣ.

Соня приласкала его смѣющимися глазами, быстро придвинула стулъ и усѣлась сбоку такъ близко, что онъ почувствовалъ ея колѣни.

Всѣ были единодушно согласны въ томъ, что пустынька Соня и въ подметки не годится такому молодцу, какъ Скворцовъ. Только самъ Скворцовъ, повидимому, не подозрѣвалъ этого и просто-напросто благоденствовалъ со своей всегда довольной, здоровой и веселой жenkой. Соня никуда не допускала его уѣхать одного, она непременно «увязывалась за нимъ». Но зато она ѣхала всюду и дѣлала все, чего онъ хотѣлъ, не умничая, не разсуждая и не страшась ничего.

— Была не была, авось, Богъ не выдастъ!—говорила она въ критическихъ случаяхъ свою удалую поговорку и какъ-то безотчетно, крѣпко вѣрила въ свою звѣзду.

А еще Соня вѣрила въ то, что ничто не можетъ разлучить ее со Скворушкой, если она всегда и во всемъ будетъ съ нимъ заодно: на худой конецъ, вмѣстѣ даже на каторгѣ будетъ сносно. Въ этомъ былъ весь секретъ ея безопасности и безстрашія.

— Ну, конечно! въ этой квартирѣ всегда что-нибудь да жуютъ!—раздалось неожиданно съ порога восклицаніе Евы.

Соня поватилась со смѣху и разсыпала цѣлую горсть орѣховъ, лежавшую у нея въ колѣняхъ.

— Что дѣлать, Евочка! тутъ вѣдь грѣшныя люди проживаютъ, не подвижники... ахъ, правда Либерзончикъ! да это я ему леденцы вязала, онъ и то чуть не плачетъ!

Съ Евой пришелъ еще Бакланъ, большой любимецъ ея и Гринча. Онъ только что пріѣхалъ изъ Москвы; это онъ привезъ печатные листки, которые Скворцовъ такъ и не дочиталъ изъ-за болтовни Соней. Онъ подумалъ объ этомъ съ неприятнымъ чувствомъ при ѣ Баклана.

— У тебя изъ всего потѣха, никакъ не можешь иначе! — проговорила сквозь зубы Ева, окинувъ глазами Сонинъ нарядъ.

Если Соня съ кѣмъ-нибудь держала себя солидно, то единственно съ Евой. Лицо ея сейчасъ же вытянулось, голубые глаза стали большіе и скучные.

— Ну, можетъ быть тутъ и не одна потѣха, не рѣшайте всегда такъ очень скоро! — отвѣтила она значительно и невольно дотронулась до своихъ ушей, которыя разбалчивались сильнѣе отъ тяжелыхъ серегъ.

Въ глазахъ Евы для нея всегда свѣтится какъ будто недовѣріе. Соню пока рѣшительно не въ чемъ упрекнуть, а за очень многое не грѣхъ бы даже и похвалить.

Но почему-то всѣмъ казалось, что удачно выходитъ само собою, случайно и помимо Сониной воли, а впереди всегда чего-то побаивались на ея счетъ. Соня такъ привыкла къ этому, что вѣроятно сама очень удивилась бы, еслибъ кѣмъ-нибудь ей было выражено довѣріе высшей пробы.

Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ ей нечѣмъ гордиться: она не ощущала въ своей груди никакой героической рѣшимости, не вынашивала въ умѣ блестящихъ идей и остроумныхъ плановъ. Но, главное, она рѣшительно не умѣла ни горячо ненавидѣть, ни *болтъ душою*, какъ болѣли всѣ тѣ, на кого она скромно взирала снизу вверхъ. Соня просто шла за другими, повѣривъ разъ навсегда и въ ихъ правду и въ нихъ самихъ. Но шла она мужественно и бодро, не смущая ни себя, ни другихъ сомнѣніями, вся проникнутая простымъ сознаніемъ, что снявши голову, глупо плакать по волосамъ. Притомъ же Соня всегда кого-нибудь любила, а дѣлать одно дѣло съ любимымъ человѣкомъ было единственное счастье, какое она понимала.

— Для чего это вы такой кикиморой вырядились? — спросилъ Соню мелькомъ Бакланъ, отрываясь отъ своего разговора со Скворцовымъ.

Онъ какъ пришелъ, такъ сейчасъ же и началъ тотъ горячій разговоръ, который заранѣе предвидѣлъ Сонинъ мужъ.

— Кикимара? — повторила обиженно Соня, положительно увѣренная, что смѣшной нарядъ въ своемъ родѣ очень даже идетъ къ ней. — Скажите-ка лучше, достаточно ли это мѣняетъ меня? Ну те, вамъ какъ кажется?

Бакланъ серьезно оглянулъ ее съ головы до ногъ.

— Что толку, коли глазки у васъ играютъ, а руки точно у ребенка малаго. Кто же васъ за мѣщанку приметъ!

«Глазки» таки уязвили Соню. Руки она вытянула въ уровень съ лицомъ и точно въ первый разъ критически поглядѣла на нихъ.

— Не бѣда! во-первыхъ, я изображаю не монашку какую-нибудь а, самую что ни есть разбитную бабу, было-бъ вамъ извѣстно! Я чудесно солдатскія пѣсни играть научилась, вы еще меня не знаете!

Она подмигнула однимъ глазкомъ, перевела чуть замѣтно плечиками и въ заключеніе умилно прикрыла ротикъ ладонью.

Мужчины расхохотались и захолопали въ ладоши.

— Моя профессія, публикѣ зубы заговаривать, вы понимаете?— продолжала Соня, увлекшись:— Такъ ужъ этого наврядъ достигнешь молчанкой да постными минами. Одно бѣда, будь ты самая что ни есть огонь-баба, а двигаться свободно, по-нашему, всетаки не моги! да вамъ еще эта подлая привычка наша размахивать руками просто горе! Я до самаго отъѣзда такъ вотъ и прощоголяю, чтобы обдержаться хорошенечко, а ужъ вы, господа, пожалуйста говорите, коли что не такъ.— А Ева Дмитриева, какъ водится, успѣла ужъ потѣхой попрекнуть...

Соня бросила на Еву укоризненный взглядъ и пошла изъ комнаты, совсѣмъ какъ надо—навой. Черезъ четверть часа она вернулась съ подносомъ, уставленнымъ стаканами на всю компанію.

Бакланъ и Ева спорили о статьѣ. Бакланъ былъ недоволенъ: для своего брата въ ней черезчуръ много америкъ, а простому человѣку всетаки не понять. А коли и пойметъ, такъ отъ страху умретъ! Такъ нельзя, огуломъ рубить направо налево и сыпать, точно горохомъ изъ мѣшка, всякими странилицами. И хвататься такъ тоже не слѣдъ, перескакивать съ тезиса на тезисъ, неравно, молъ, всего сказать не успѣю. Разбивать надо не спѣша и по порядку—«чередомъ», мужики говорить, но ужъ зато такъ, чтобы въ ласкѣ было. И подходить надо умѣть съ манерцей, а нехудо и съ хитрецей, чтобы козырный-то доводъ каждый разъ словно обухомъ по башкѣ опарашилъ.

— Ишь вы какой мастеръ расписывать? зачѣмъ дѣло стало? возьмите, да сами и напишите,—вставилъ возбужденно Либерзонъ, слушавшій его съ блестящими глазами.

— Насъ въ литераторы никто не производилъ пока. А критиковать обязанъ каждый,—отвѣтилъ ему несовсѣмъ довольный Бакланъ.

— Все это прекрасно, только вы адресомъ ошибаетесь,—загорела горячо Ева:—Никто не думаетъ читать народу прямо такія енци, и, разумѣется тоже и не для насъ съ вами! Важно оно для такой аудиторіи, которая подготовлена достаточно со стороны чувства и только нуждается въ руководящей теоріи. Но, впрочемъ, даже

и нашему брату вовсе нелишнее, много новых ссылокъ и интересныхъ цитатъ. По крайней мѣрѣ я прочтала съ удовольствіемъ.

— Ну! московская затѣя не шуткой пахнетъ, чтобы забавляться для удовольствія, — проговорилъ ирачно Багланъ и въ третій разъ пересѣлъ на новый стулъ.

— Экъ, скоры вы на приговоры, Багланъ! — замѣтилъ спокойно Скворцовъ. — Дайте наладиться, много ли и времени-то прошло?

— А вы, стало быть, очень увѣрены, что времени вамъ отпущено вволю? да?? — оглянулся тотъ на него, блеснувъ глазами: — Нѣтъ-съ, батюшка мой, нашему брату приходится такъ двигаться, какъ будто земля горитъ подъ ногами! Прохлаждаться, да на бобахъ разводить некогда.

Въ жару разговора никто не замѣчалъ появленія новаго слушателя, уже нѣсколько минутъ стоявшаго въ глубокомъ вниманіи у двери.

— Баскина! — крикнула первая Соня.

Вѣру давно никто не видалъ. Всѣ начали спрашивать, что съ нею? хвораетъ она, что ли? Она выглядѣла очень дурно. Сильно осунулась, точно поблекла вдругъ. Глаза окоймились коричневой тѣнью. Никогда въ ея красивомъ лицѣ не было мягкости, но въ немъ играла жизнь и ясная, самоувѣренная энергія. Теперь оно точно застыло въ угрюмомъ выраженіи.

Вѣра отвѣтила небрежно, что да, болѣла... Вѣрнѣе сказать, кисла! ни то, ни се: день на ногахъ, другой проваляешься... хуже нѣтъ!

И сейчасъ же, не снимая шляпы, съ оживившимся лицомъ, она подсѣла къ Баглану и вмѣшалась въ разговоръ. Она слышала его послѣднія замѣчанія.

— Давно такихъ умныхъ рѣчей не слыхать! Нѣтъ, у насъ земля подъ ногами не горитъ... Мы все полегоньку да потихоньку, на Бога въ надеждѣ чуда ждемъ: молитвой тигровъ укротить надѣмся! Противъ пушекъ мы вотъ такія бумажныя пули льемъ! и Вѣра насмѣшливо помахала однимъ изъ листовъ со стола.

Ея саркастическая рѣчь точно подхлестнула всѣхъ присутствующихъ. Даже хладнокровный Скворушка привскочилъ на своемъ мѣстѣ, а Соня, стоя около него, забывшись, положила руку ему на плечо, чего она ни подъ какимъ видомъ неосмѣлилась бы одѣлать сознательно въ публикѣ.

Либерзонъ такъ раскашлялся, что чуть не продавилъ себѣ грудь кулаками. Ева кусала губы, усиливаясь сначала прослушать до конца.

У Баглана блеснули весело глаза; онъ улыбку на Баскиной ра-

достной улыбкой единомышленника, не чаявшего поддержки. Красивый розовый румянец залилъ его юное лицо, а пепельный чубъ надъ бѣлымъ, какъ молоко, лбомъ задорно закивалъ во всѣ стороны. Онъ вспомялъ со стула, на который сейчасъ же пересѣла Вѣра.

— Очень безцеремонно! Баскина!—воскликнулъ Свирцовъ:—Интересно знать, вообще ли вы нынче такого мнѣнія насчетъ пропаганды или только въ частности о московской статьѣ?

Вѣра встрѣтилась съ нимъ глазами.

— Въ частности нахожу статью слабой, хоть и черезчуръ хлесткой. Вообще же я само собой, не отрицаю необходимости пропаганды, но и не могу придавать этому того исключительнаго значенія, какое придается здѣсь. Черезъ десять лѣтъ можно уже смѣть подвести итогъ! сопоставимъ потраченныя усилія съ фактическимъ результатами. Это же единственный способъ провѣрки, чтобы не повторять тѣхъ же ошибокъ.

— Ну-съ, что же гласить по-твоему подобная провѣрка? — не выдержала дольше Ева.

Вѣра перевела глаза на нее.

— То именно, что я сейчасъ сказала: усиливаемся укрощать дикихъ звѣрей заклинаніями и отбиться отъ пуль потоками краснорѣчивыхъ словъ. Не мѣшало бы при этомъ помнить, что читаютъ ихъ обыкновенно тѣ, кому это вовсе ненужно, и почти никогда не читаютъ тотъ, кого собственно имѣютъ въ виду. Впрочемъ, виновата, я позабыла о просвѣщеніи гимназистовъ!

Вѣра знала, что всѣ и безъ того злятся, и понимала, какъ раздражаетъ еще сильнѣе каждымъ словомъ. Но ея собственное раздраженіе неудержимо рвалось наружу: Пусть! Пора высказаться до конца, поставить ребромъ вопросъ, который очевидно долженъ развести ихъ.

— Странно, что вы высмѣиваете такъ презрительно то самое, что и вы дѣлали вмѣстѣ со всѣми?—замѣтили ей въ негодованіи.

...Ничуть не странно. Да, дѣлала вмѣстѣ со всѣми, ну и стало быть, она вѣдь подозрѣній! имѣетъ она право осудить другихъ вмѣстѣ съ собою? Но дѣло вовсе не въ осужденіи. Ихъ путь нельзя назвать ошибочнымъ, онъ былъ неизбеженъ. Правда, и десять лѣтъ задъ были люди, которые видѣли дальше, которые не поддавались люзіямъ, пытались бороться противъ общаго идеализма. Но единичные голоса ничего не значатъ! Не на слово же можно вѣрить кому то ни было въ такихъ вещахъ? Нуженъ былъ опытъ, фактичій, для всѣхъ очевидный и неопровержимый. За опытъ заложено юго... Но теперь, теперь, когда этотъ ужасъ у всѣхъ на глазахъ, жели продолжать безъ конца наполнять бочку Данаидъ?? . . .

Всѣ глаза были устремлены подозрительно въ ея лицо. Всѣ понимали, о комъ она говоритъ, чьи пророчества она напоминаетъ, въ неудержимомъ побужденіи поставить этого человѣка высоко надъ всѣми...

...Конечно, теперь нѣтъ смысла спорить о томъ, что сдѣлано, заговорилъ Бакланъ, но онъ со своей стороны склоненъ думать, что «опытъ» вовсе и не былъ такъ ужъ неизбѣженъ. Исторія учитъ всѣхъ, должна избавлять отъ необходимости начинать съ азовъ, и выплачивать одинаковое количество жертвъ. Въ данномъ случаѣ, больше чѣмъ когда-нибудь, можно было положиться на готовые данныя: ужъ, конечно, русскій народъ не могъ представить условій болѣе благопріятныхъ, чѣмъ другіе.

Это замѣчаніе отклонило споръ въ сторону. Скворцовъ сейчасъ же принялъ къ сердцу такое легкомысленное обобщеніе русскаго народа съ другими.

Скворцовъ специалистъ по народническому вопросу. Въ университетѣ онъ обратилъ на себя вниманіе талантливой диссертацией, заставившей провозгласить въ немъ будущаго ученаго. Конечно, Скворушка не думалъ вовсе объ ученой карьерѣ и увѣрялъ, что презираетъ архивную пыль, однако, попавъ на любимаго коня, онъ сейчасъ же воодушевлялся и готовъ былъ спорить до утра.

Скворцовъ успѣлъ уже нѣсколько воспитать въ этомъ направленіи окружающихъ, при всякомъ случаѣ усердно виѣдря «здравныя понятія». Какъ разъ въ этомъ, по убѣжденію его, въ отличительныхъ духовныхъ свойствахъ русскаго народа, лежитъ вѣрный залогъ безошибочности ихъ работы. «Русскій путь» ему представлялся несравненно болѣе упрощеннымъ и легкимъ: вотъ гдѣ предстоитъ взять барышъ за старые убытки! За убогую культуршику, за невѣжество и бѣдность. Это они сохранили народную ниву во всей ея неприкосновенности, тогда какъ у богатенькихъ сосѣдей она вся загромождена неприступными твердынями.

Въ сущности, ни у кого другого не было такого цѣльнаго и законнаго міросозерцанія, какъ у Скворцова. Ничье отрицаніе дѣйствительности не вытекало такъ логически изъ вѣры твердой и ясной. Онъ былъ однимъ изъ инициаторовъ и несокрушимымъ фанатикомъ хожденія въ народъ. Никакія неудачи и потери не обезкураживали его глубокіхъ упованій въ прирожденную социалистическую складку російскаго духа.

Браннымъ прозвищемъ Скворцова было «славянофилишка», на самомъ дѣлѣ, чистокровный социалистъ, безъ всякой племенной или мистической подкладки. Ни исторической миссіи славянскаго племе-

ни, ни гнѣющаго запада, ни лучезарнаго православнаго стяга, ничего такого не было въ его плавно-люющаго рѣчахъ, проникнутыхъ однимъ широкимъ обобщеніемъ.

Прежде, во времена бодрыхъ увлеченій, Баскина была очень дружна со Скворушкой. Да и всѣ были съ нимъ дружны, всѣхъ пригрѣвала и бодрила всегда ровная, безмятежная гармонія этой натуры. Мысль и чувство одинаково витаютъ въ широкомъ просторѣ историческихъ перспективъ и синтезовъ, — все что ниже произвольно вынадеетъ изъ поля зрѣнія, относится къ разряду «частностей» и нагоняетъ на него непобѣдимую скуку.

— Когда Скворушку посадятъ на цѣпь, онъ воспользуется свободной минуткой и добросовѣстно займется изслѣдованіемъ орудій пытки, какъ одного изъ факторовъ прогресса. Такимъ образомъ онъ и не замѣтитъ сколько лѣтъ его продержали подъ замкомъ.

Это сказала про него однажды Даша Просвѣтова, души въ немъ не чаявшая. Она была убѣждена, что Соня совершенно не способна понимать его. Это было въ ту пору, когда Скворцовъ пропадалъ въ красной комнатѣ: былъ «влюбленъ въ Просвѣтовыхъ», насмѣшничала Баскина. И кто же могъ ожидать, что онъ окажется самымъ ординарнымъ образомъ влюбленнымъ въ хохотушку Союю!

Итакъ, Скворцовъ «проглотилъ» Баклана, а Вѣра досталась на долю Евы, Либерзона и Соня.

Соня сразу вся насторожилась. Она давно уже смутно обезпокоена новыми вѣяніями въ раздраженныхъ рѣчахъ Гриневича, Баклана и этой бѣдовой Жанны д'Аргъ, мутившей уже второй годъ. Правда, въ этихъ вѣяніяхъ не было ничего принципиально новаго, только разъ отъ раза они крѣпнютъ въ силѣ, выясняются отчетливѣе. А вотъ ужъ и поднимаются одновременно съ разныхъ сторонъ отдѣльными вихрями...

...Охъ, не просто пошли нынче все такіе разговоры!

Либерзонъ страстно отстаивалъ обязательность общихъ положеній, выработанныхъ «единымъ непогрѣшимымъ коллективнымъ умомъ», и абсолютное право коллективнаго разума надъ увлеченіями, блужденіями и ошибками личности. Баскиной не охота было схватиться съ нимъ въ серьезъ на такую тему, и она отдѣлывалась нерпѣливыми рѣзкими афоризмами, когда онъ черезчуръ ее бѣсилъ и шалъ разговору съ Евой.

А Ева упускала основной, принципиальный смыслъ спора изъ-за ячей обиды за прошлое: ея лучший и самый надежный другъ, ея даніе — маленькая Жанна д'Аргъ, вдругъ точно выросла на цѣлюю

голову! Съ увѣренностью глубоко продуманныхъ выводовъ, со спокойствіемъ безповоротныхъ рѣшеній, Вѣра не просто отступала, но безпощадно обличала, но выворачивала всѣ слабыя стороны, извила въ самыя больныя мѣста.

Ева не въ силахъ отрѣшиться отъ оскорбленія... Ей не до одѣнки того, на что Вѣра указываетъ, что ее окрыляетъ новой вѣрой, какинъ-то мрачнымъ увлеченіемъ.

Для Евы очередное, только это гордое озлобленное «отступничество» отъ прошлаго. Она всю душу свою вложила безъ остатка, — она не могла понестись куда-то еще съ новымъ пыломъ и энергіей. Другіе могутъ! Ихъ все больше съ каждымъ днемъ! Измученная, несчастная Вѣра говоритъ страстно притихшимъ голосомъ, колеблящимся отъ внутренняго напряженія... Въ ея сѣрыхъ глазахъ вспыхиваетъ огонь настоящаго энтузіазма.

Вѣра отстраняетъ всѣхъ и саму Еву вмѣстѣ съ десятию годами собственной юности, усилій, борьбы. И въ ту минуту, когда ея волненіе достаточно вышаго напряженія, когда это почти равняется вдохновенію и могучей вспышкой выжигаетъ все личное, въ ту минуту, когда Вѣра вдругъ поднялась надъ страстной мукой, раздиравшей ея душу, и почувствовала опять, что она еще способна жить одной идеей, въ такую минуту Ева, негодующая и оскорбленная, бросила ей ядовитыя слова:

— Впрочемъ, сама не знаю, чему собственно я удивляюсь!... *Чьи это рѣчи*, всѣ мы прекрасно знаемъ... Зачѣмъ только, для того, чтобы уѣхать въ Женеву, тебѣ понадобилось стереть съ лица земли все, что дѣлалось до сихъ поръ? И всѣхъ насъ въ придачу!... Геркулесовы столбы гордыни!

Вѣра оторопѣла. Нѣсколько секундъ она смотрѣла открытымъ недоумѣвающимъ взоромъ въ мрачные глаза Евы. Потомъ вся побѣлѣла до самыхъ губъ и однимъ упругимъ движеніемъ вскочила на ноги.

— Ну, прощайте! Здѣсь мнѣ дѣлать больше нечего! Здѣсь слушаютъ только самихъ себя... На принципиальныя вещи отвѣчаютъ оскорбленіями... Ну, намъ будетъ полезно разстаться на время!

XXIII.

Отъ Баскина только что уѣхалъ ассистентъ извѣстнаго профессора, посланный патрономъ для вторичнаго осмотра больного на дому. Молодой врачъ подтвердилъ всѣ неутѣшительныя гипотезы пред-

варительной консультаціи, когда профессоръ очень спѣшилъ, не могъ удѣлить Баскину достаточно времени и только констатировалъ какое-то сложное нервное расстройство, требующее дальнѣйшихъ наблюдений.

Ассистентъ назначилъ день новой консультаціи у профессора, и Баскинъ почувствовалъ себя совсѣмъ необычно, во власти посторонней силы...

Сергѣй Львовичъ никогда серьезно не хворалъ и теперь не вздумалъ бы лѣчиться, если бы не приставанія друзей, отравлявшія ему жизнь и заставлявшія чувствовать себя точно виновнымъ передъ всѣми.

Впрочемъ, быть можетъ, одного этого все же не было бы достаточно, еслибъ Баскинъ не уловилъ важнаго для себя *предостереженія*, въ послѣднихъ столкновеніяхъ съ Ольгой. Столкновеніяхъ, — увы! возобновляющихся все чаще и неудержимѣе.

...Ну, нѣтъ! Онъ не имѣетъ ни малѣйшаго желанія позволить себя третировать, какъ *больного* и отнести все ихъ разногласіе за счетъ «нервнаго расстройства», «ненормальнаго возбужденія» и проч., и проч. Ему показалось, что Ольга внезапно сдѣлалась какъ-то особенно снисходительна и терпѣлива въ спорахъ съ нимъ, всегда заставлявшихъ ее особенно горячиться. Раза два она явно отмалчивалась, когда не удалась попытка отклонить въ другую сторону раздражавшій его политическій разговоръ.

...Ну, нѣтъ, милые друзья, раненько еще записывать въ инвалиды! Не такъ еще онъ старъ и боленъ, чтобы не быть для нихъ опаснымъ противникомъ на этой аренѣ!

...Вотъ, въ яще premier'ы, пожалуй, не годится. Не намѣревается состязаться съ полковникомъ Волжинымъ въ искусствѣ волновать женское сердце. Своихъ правъ не будетъ отстаивать, если въ ней шевельнулось хотя бы смутное желаніе отнять... Не противъ дружбы съ Волжинымъ, противъ этого страннаго, не натурального увлеченія славянскимъ вопросомъ, противъ «патріотическаго бѣснованія», въ какое ее вовлекаетъ сближеніе съ славянофилами и съ молодымъ военнымъ кружкомъ, шумно требующимъ войны, конечно, своихъ профессиональных чаяній и интересовъ.

Женщинѣ въ этомъ, разумѣется, не разобратся... Но гдѣ же — то вліяніе — авторитетъ?

Двойственнымъ побужденіемъ Сергѣй Львовичъ вовлеченъ въ борьбу съ разгорающимся движеніемъ. Его скептическія рѣчи проносятся холоднымъ дуновеніемъ надъ разгоряченными головами. Исчужая опытная диалектика безжалостно разбивала иллюзіи, неумо-

лимая логика каждый раз поворачивала вспять, заставляя оглянуться на готовые итоги. Онъ вносилъ отрезвленіе, въ которомъ не чувствовалось потребности въ этомъ первомъ взрывѣ увлеченія.

Напротивъ, увлеченія жаждали. За него хваталось смущенное общество, съ одной стороны подавленное собственными разочарованиями, съ другой, напуганное загадочными проявленіями тайныхъ организацій, открыто провозглашенныхъ революціонными.

«... Не суждено ли примириться всему въ новомъ освободительномъ движеніи противъ гнета и насилія! Знамя свободы, поднятое за предѣлами родины, осѣнить всѣхъ, кто готовъ посвятить силы святому дѣлу! Свѣтъ возжженный все равно для кого, развѣ не различается неудержимо повсюду?»

Когда Ольга Николаевна изливала въ такихъ рѣчахъ свой энтузіазмъ, когда она фантазировала на тему вѣроятнаго хода грядущихъ событій, получалась грандіозная перспектива всеобщаго освобожденія и братства. И грозная, внутренняя смута вливалась въ освободительный потокъ... И вѣнецъ свободы вѣнчалъ великодушный подвигъ великаго народа.

А новые друзья Ольги Николаевны изъ рядовъ славянофильства порой доходили до настоящаго умопомраченія въ своихъ прорицаніяхъ: историческая миссія Россіи, переворотъ всего цивилизованнаго міра передъ ея побѣднымъ шествіемъ «на челѣ объединеннаго славянства». Византія являлась неизбѣжной декорацией картины, въ смѣшанномъ вкусѣ былинъ, библейскихъ пророчествъ и доморощеннаго юродства.

Въ новизнѣ такихъ угловъ зрѣнія, баронесса Ферзенъ умѣла ускользать отъ принципиальныхъ споровъ: «Теперь время дѣйствовать, а не разговаривать!»

Изъ частныхъ лагерей движеніе въ защиту балканскихъ славянъ проникло уже въ потокъ общей печати. Теперь Ольга встрѣчала Баскина съ газетами въ рукахъ и опонировала не только собственнымъ «увлеченіемъ», но и зажигательными статьями извѣстныхъ публицистовъ.

Все яснѣе Сергій Львовичъ чувствовалъ себя лишнимъ въ ея гостиной. Все чаще онъ сталкивался не только съ чужими, но и принципиально враждебными личностями. Даже въ Артаевѣ Баскинъ съ грустью подмѣчалъ нѣкоторое охлажденіе къ себѣ.

И тутъ старый другъ нехотати мѣшалъ слѣпо отдаваться во власть вздымающагося подъема, отравлялъ своимъ сомнѣніемъ зарождающіяся иллюзіи. Онъ сводилъ высокіе вопросы на досадную почву фактовъ и цифръ, онъ всѣхъ раздражалъ, бессильный образумить

хоть кого-нибудь. Отъ безопасной туманности общихъ разсуждений онъ перетягивалъ насильно къ выкладкамъ «нашей боевой готовности» и финансовыхъ ресурсовъ. Вскрывалъ область вѣроятныхъ политическихъ комбинацій и возможныхъ матеріальныхъ итоговъ отъ грядущихъ побѣдъ или поражений.

— Вотъ когда хотѣлось бы быть военнымъ! — восклицалъ съ жаромъ Баскинъ, проектируя со своими единомышленниками систематическій газетный походъ противъ воинственного вихря, пока еще разбивавшагося о благоразумную стойкость правительства.

Сергѣй Львовичъ зарылся въ спеціальныя сочиненія и увѣсилъ свой кабинетъ военными картами. Онъ искренно увлекся вопросомъ и съ животрепещущимъ интересомъ погрузился въ кровавыя пучины военной исторіи. Онъ готовилъ свою первую статью за подписью — *невоспитанный*.

И въ такую-то минуту доктора предписываютъ полный отдыхъ и совершенную переимѣну обстановки. Его посылали путешествовать. Пожалуй, въ деревню, если онъ чувствуетъ влеченіе къ хозяйственнымъ занятіямъ и будетъ большую часть дня проводить на воздухѣ.

Баскинъ выслушивалъ хладнокровно и возражалъ слегка, съ спокойной увѣренностью оставить благіе совѣты безъ послѣдствій. Легко это сказать: измѣнить совершенно образъ жизни! Какъ будто въ нашей власти этотъ выборъ интересовъ, способныхъ завладѣть умомъ, влить въ душу свою благотворную или вредоносную струю. Въ деревню его никогда не тянуло иначе, какъ въ творческой роли насадителя животворныхъ новыхъ началъ, какимъ онъ и сознавалъ себя когда-то. Теперь же именно этотъ горькій контрастъ прошлаго съ настоящимъ гнали вонъ изъ Хвалыновки, какъ онъ ни старался обмануть себя прелестью деревенскаго затишья.

Охотнѣе думалось о заграничной поѣздкѣ, коли окажется фактическая необходимость, — но не теперь, конечно, когда политическій горизонтъ заволакивается грозowymi тучами.

Его это разомъ выкинуло изъ полосы угнетающей апатіи. Энергичная дѣйственная натура встрепенулась знакомымъ побужденіемъ выѣзжаться, быть тамъ, гдѣ главное русло теченіе! Но ощущеніе глупаго диссонанса собственныхъ мыслей съ доминирующей струей общественныхъ настроеній глубоко волновала больное сердце. Нельзя же, быть можетъ, чѣмъ боль личныхъ потерь и ударовъ.

Въ первый разъ еще они съ Ольгой расходились въ противоположныя стороны. Она полна упрека и горестнаго удивленія: Онъ «не ими», не на высотѣ великодушнаго порыва. Для нея это обставленіе, онъ это видитъ, самыми возвышенными символами. Какъ же

разглядить она истинную жизненную суть: матеріальныхъ расчетовъ, ни передъ чѣмъ не останавливающегося карьеризма или поверхностнаго легкомысленнаго недомыслия.

... Не сумѣеть, или казалось Баскину, и *не засочетъ*. Десять лѣтъ ихъ близости и его вліянія, не помѣшали отдаться совершенно иному вѣянію, облеченному въ неотразимый соблазнъ новой любви. Полковникъ Волжинъ въ свой чередъ идетъ быстро къ цѣли знакомымъ ему, расчищеннымъ путемъ общихъ интересовъ и одинаковыхъ увлеченій. Для нея любить, значить думать и чувствовать въ унисонъ съ любимымъ человѣкомъ. Но и логика тутъ обратная: мысль безъ труда и борьбы примѣняется къ выбору сердца, а не сама руководитъ этимъ выборомъ.

Спадаютъ красиво драпирующіе покровы, — покровы изжитой любви.

Положеніе Баскина было трудное и впередъ уже заподозрѣнное. Само собой разумѣется, и Ольга, и ея друзья помѣщали центръ тяжести разлада въ его чувствѣ затаенной ревности: соперничество съ Волжинымъ мѣшаетъ ему поддержать любимую женщину въ ея благородномъ увлеченіи... Ревность отуманиваетъ его умъ... Прошлые недочеты и личные разочарованія лишаютъ энергіи и вѣры.

Баскина *не осуждали* изъ уваженія къ прежнимъ заслугамъ... Слишкомъ ясно все это слышится между словъ! Не разъ Сергѣй Львовичъ оказывался уже въ нестерпимомъ положеніи человѣка, всѣ слова и поступки котораго принимаются не серьезно, не за то, что они есть, а подъ готовымъ предрѣшеннымъ угломъ сужденія, въ специфической окраскѣ.

Баскинъ не допускалъ, что Ольга настолько ослѣплена, чтобы ставить Волжина на одну съ нимъ доску. Нѣтъ, ей только одно остается: *усумниться въ немъ*. Ухватиться за его мнимую болѣзнь, чтобы увѣрить себя, это уже не прежній Баскинъ. Не она измѣняетъ ему и себѣ, а сама судьба отнимаетъ у нея эту прекрасную любовь...

Но это способны только женщины съ ихъ страннымъ уиѣніемъ *нечестно мыслить*, когда отъ этого зависитъ счастье. Мужчина все себѣ позволить, но не станетъ себя увѣрять въ томъ, чего нѣтъ.

Послѣ одного столкновенія, показавшаго это особенно ясно, Баскинъ уѣхалъ отъ нея возмущенный до глубины души. Онъ рѣшилъ отстраниться, — предоставить ее самой себѣ. Только, чего добраго, этимъ героямъ скоро понадобится выдавать его за слабоумнаго?

На другой же день Баскинъ поѣхалъ къ доктору. Теперь онъ соглашался даже лѣчиться, — всѣ силы, вся энергія нужны ему теперь! Свѣжая голова и вѣрліе нервы, чтобы вступить открыто въ борьбу.

Онъ дастъ себѣ трудъ перевести лицемѣрный языкъ патріотическихъ славословій и мистическихъ прорицаній—на неумолимый будничныи слогъ реальной дѣйствительности, гдѣ за каждую ошибку и за каждую подлость должна будетъ расплачиваться вся страна.

Сергѣй Львовичъ былъ доволенъ вступительной статьей, «не военнаго».

... Чѣмъ бы ни грозили доктору, онъ еще ощущаетъ въ себѣ старую испытанную способность въ горячую минуту отдаваться работѣ всѣмъ существомъ, всѣми силами, сконцентрированными въ одномъ вдохновенномъ напряженіи. Работа сама по себѣ всегда доставляла ему наслажденіе.

Но,—увъ! давно ужъ работа не приноситъ никакой другой отрады, не радуется тѣми итогами и умозаключеніями, къ какимъ приходитъ неподкупная мысль. Теперь для Баскина работать—значитъ въ тоже время болѣть душой.

Вотъ въ какомъ настроеніи застигла отца Вѣрочка, когда явилась къ нему неожиданно послѣ долгаго промежутка. Онъ также давно не былъ у нея, всю эту зиму они рѣдко видѣлись—болѣютъ и хандрятъ, каждый въ своемъ углу, пользуясь тѣмъ, что одни въ Петербургѣ, ни ради кого не обязаны себя ломать.

Вѣра тихо оправлялась послѣ сильной болѣзни.—Точно она разомъ поблекла, исхудала, подурнѣла. Она не лѣчилась, и никто не зналъ хорошенько, что съ нею было. Она надѣялась силой воли побороть то, въ чемъ было бы «постыдно сознаться».

Хозиева промежь себя прозвали ее «припадочной», послѣ двухъ тяжелыхъ приступовъ истерики. Но съ тѣхъ поръ припадки не повторялись больше, и никто изъ близкихъ не узналъ объ этомъ. Лѣчиться значило рассказать доктору, и вотъ что ее всего больше удерживало.

Но еще удерживало сознание, что существуетъ глубокой источникъ такого упадка жизненной энергии, внезапно обнаружившаго наследственное слабое мѣсто ея сильной натуры. Душу гложетъ глухое отчаяніе и безжалостный добровольный разрывъ—точно воспламенилъ сердце! Зажегъ въ немъ жажду счастья обуздываемую долгие, долгие годы.

Теперь, когда все кончено, когда она оттолкнула Гриневича, онъ ушелъ оскорбленный, отказываясь признать за нею право причинять ему столько страданія—теперь, когда все кончено, у нея не было больше ни силъ, ни цѣли ломать себя. Теперь можно страдать и любить вволю!—Теперь бороться съ собою она не обязана.

Любовь какъ будто только и ждала этого—своего признанія.

Она воцарилась полновластно во всемъ ея существѣ. Ничего, ничего ей не оставила ни одного свободного уголка, гдѣ бы могла отдохнуть и собраться съ силами. Въ плѣну! Конечно не своя она больше, со всѣми чувствами, ощущеніями, мыслями. Прежде она ясно видѣла свое мѣсто въ жизни—теперь точно вдругъ оторвалась и застываетъ въ этомъ отвратительномъ, мертвящемъ равнодушіи ко всему.

Его она оттолкнула—но тѣмъ же отчаяннымъ толчкомъ и себя сбросила съ мѣста. Какъ ей быть!? какъ собрать свои силы, желанія, надежды, какъ жить!?

И точно все ждетъ чего то, ждетъ безъ конца.

Вопросъ рѣшенъ безповоротно. Гриневицъ уѣхалъ. Еще разъ онъ промелькнулъ въ Петербургѣ на обратномъ пути изъ Одессы, но она не видала его. Для чего онъ пріѣзжалъ? Она была увѣрена, что заѣзжать въ Петербургъ вовсе не было надобности.

Это взволновало ее невыразимо. Она заперлась дома, пролежала нѣсколько дней на кровати, глядя безжизненнымъ взглядомъ въ стѣну, полная смертельной боязни, что онъ нарушитъ ея волю, ворвется къ ней.

А когда узнала, что Гриневицъ уѣхалъ—точно ударъ оглушилъ. Стало такъ отвратительно жить, что нѣсколько минутъ она машинально твердила одно слово: «умереть! можно умереть, умереть можно»...

Соня Просвѣтова прислала какую-то ничтожную записку, гдѣ въ концѣ было приписано.

«Г. уѣхалъ сегодня утромъ въ Женеву». Вся записка написана для этого, Соня пожалѣла ее.

— Чего же она ждетъ?..

Гриневицъ не писалъ. По мѣрѣ того какъ дни уходили, беспросвѣтные, мучительные, длинные дни, она стала догадываться, что именно этого она ждетъ: письма отъ него!

Онъ долженъ еще разъ попытаться сломить ее, если правда что не можетъ признать необходимость разрыва. Вѣдь въ такомъ случаѣ онъ мучается еще нестерпимѣе чѣмъ она!.. Такъ отчего же не писать? Помирися съ совершившимся фактомъ? Постарайся утѣшиться—хочетъ забыть. Вѣдь стоитъ полюбить другую! Конечно другая не станеть ломать двѣ жизни ради отвлеченнаго совершенства.

Да, да, отвлеченное совершенство, ничего больше! Оттолкнувъ счастье, она не стала сильнѣе, не стала неуязвимѣе и свободнѣе, какъ все это полагается въ теоріи... Кто сочиняетъ такія теоріи?! Напротивъ, превратилась въ безсильное, ничтожное, ни на что негодное существо. Она себя убила, хоть убить хотѣла только любовь...

Вѣдь онъ все это говорилъ, чего же ждетъ? Онъ долженъ знать, что неизбежно она тоже пойметъ рано или поздно. Считаетъ ее сильнѣе? Не ожидаетъ, что побѣдитъ такъ скоро! Не воображаетъ, что всей ея прыти достанетъ только на то, чтобы прогнать его съ глазъ, а потомъ, потомъ сейчасъ же начать умирать отъ отчаянія...

Ей неоткуда было узнать что нибудь про Гриневича. Ева уѣхала изъ Петербурга, не помирившись, даже не повидавшись съ нею, послѣ грубой сцены у Скворцовыхъ. У супруговъ за послѣднее время Вѣра опять стала бывать изрѣдка, послѣ того какъ Соня, невыдержала по добротѣ сердца и пришла, какъ ни въ чемъ небывало, навѣстить ее.

Со Скворцовымъ у нея было еще нѣсколько принципиальныхъ споровъ, только болѣе разсудительныхъ, безъ прежней необузданной запальчивости. Для него окончательно выяснилось при этомъ, что по всѣмъ своимъ тенденціямъ и врожденнымъ свойствамъ, Баскина подходитъ больше къ другой фракціи, пока еще не выдѣлившейся изъ партіи официально, но опредѣлившейся уже вполне ясно, и категорически добивавшейся повернуть дѣло на новый путь. Предстоитъ лишиться нѣсколькихъ и притомъ наиболѣе выдающихся членовъ, какъ Гриневицъ, Баскина, Бауланъ и нѣкоторые другіе.

Однако, Скворцовъ не примѣшивалъ къ этому, никакой личной горечи, не называлъ *измѣной*, какъ Ева. Дѣло развивается — разливается многими отдѣльными потоками, но всетаки остается однимъ общимъ дѣломъ освобожденія родины, не понималъ, какъ возможно враждовать изъ-за того только, что каждая голова думаетъ на свой ладъ.

Вѣра еще разъ съ удовольствіемъ подумала, что «со Скворушкой всегда можно столковаться», хоть самого и не сдвинешь съ его идеалистическихъ народническихъ устоевъ. Однако, дальше пошло уже не такъ ладно. Разговоръ долженъ былъ коснуться вопроса, что именно фактически разумѣть подъ «*болѣе активнымъ образомъ дѣятельности*».

По нервамъ прошло невольное содроганіе. Что-то внутри ея какъ бы физически съежилось и зануло...

Способна ли она перешагнуть черезъ *это* и теперь въ своемъ тѣсномъ состояніи разслабленности и равнодушія, что если нѣтъ, то способна больше?..

И вдругъ всю всколыхнулъ страстный взрывъ протеста. Она закричала рѣзко и отерято о такихъ вещахъ, по которымъ обыкновенно скользятъ не пазывая своимъ именемъ. Ей казалось что на-

конецъ она чувствуетъ желанное, такъ давно покинувшее ее одушевленіе.

Добродушное лицо Скворцова стало сейчасъ же очень серьезно. Онъ смотрѣлъ уклончиво, говорилъ съ возрастающей неохотой, точно отказываясь принимать серьезно неожиданныя откровенности... Или, пожалуй, не вполне довѣрялъ имъ? Вдругъ онъ сорвался уходить—вспомнилъ внезапно о какомъ-то дѣлѣ. Простился смущенно, несвободно.

Прерванный разговоръ больше не возобновлялся, и съ этого дня въ отношеніяхъ Вѣры со Скворцовымъ осталась замѣтная натянутость.

«Ну, еще бы! гдѣ тебѣ, мягкосердечному бабнику!» — думала озлобленно Вѣра, когда онъ очень ужъ явно уклонялся отъ разговора, а она, напротивъ, добивалась съ мучительнымъ раздраженіемъ.

Итакъ—кончено! Здѣсь все кончено. Старыя связи порвались. Они упорствуютъ, хотятъ во что бы то ни стало держаться своихъ идиллическихъ мирныхъ путей, какія бы явныя поправки не вносили въ теорію живой опытъ. Что же это такое? упрямство, малодушіе или какая-то роковая слѣпота? На что они надѣются?

А она быстро подвигалась впередъ. Ея умъ работалъ въ какой-то скрытой гармоніи со страстнымъ отчаяніемъ, переполнявшимъ душу. Точно замерли или даже совсѣмъ изгладились нѣкоторые оттѣнки чувствъ и ощущеній... Какія-то преграды распались, выпустили на полную волю раздраженную мысль. Здѣсь, только здѣсь сосредоточивалась теперь вся энергія ея существа. Окунуться съ головой въ кипучую дѣятельность! Жажда риска, опасностей самыхъ отчаянныхъ. Закружиться какъ-нибудь, чтобы подавить, чтобы пересилить глухую, сокровенную муку.

Только гдѣ же ея новые товарищи? гдѣ тѣ, кто отнынѣ будутъ для нея *свои*, вмѣсто милыхъ Просвѣтовыхъ и всего стараго, дружескаго кружка? Вѣра едва знала по именамъ кое-кого. До сихъ поръ для нея все было связано съ Гриневичемъ, онъ долженъ былъ свести ее съ другими. Но вѣдь съ нимъ даже и не переговорили о дѣлахъ!

Наконецъ, вчера Вѣра узнала случайно, что въ Москву ѣдутъ одного изъ южанъ, съ кѣмъ особенно близокъ Гриневичъ. Мгновенно она рѣшила ѣхать: захватить его въ Москвѣ во что бы то ни стало познакомиться, а дальше будетъ видно.

Къ отцу она пришла проститься и взять деньги—содержаніе свс за полгода впередъ. Въ провинціи гроша не добудешь, а высылат помѣсячно нельзя, коли она и сама никакого представленія не имѣет о томъ, что тамъ съ нею будетъ.

XXIV.

Сергѣй Львовичъ усадилъ дочь на отоманку. Ему показалось, что она еще больше похудѣла и глаза лихорадочные. Но Вѣру всегда неприятно задѣваютъ разспросы о здоровьи, и отецъ удержался... вѣдь онъ и самъ отлично понималъ это!

— Да, встати, у меня тутъ письмо для тебя есть, Вѣруша, — вспомнилъ Баскинъ.

— Отъ матери? — спросила Вѣра, послѣ того, какъ мысленно сказала себѣ это утвердительно.

«Ухъ, какое длинное должно быть», — подумала она, опуская конвертъ въ карманъ.

— Гдѣ же онъ теперь? въ деревнѣ, наконецъ?

— Нѣтъ... все еще въ обители. Я такъ и предвидѣлъ!

Баскинъ вздохнулъ, поднялся со стула и прошелся нѣсколько разъ въ раздумьи передъ отоманкой.

— Бъ лучшему, Вѣра, повѣрь мнѣ. Я самъ прихожу къ убѣжденію, что въ этомъ единственное возможное успокоеніе для ея больной души.

Вѣра пожала плечами.

— Да откуда же взялось вдругъ, по шучьему велѣнію?... Кажется, тебѣ извѣстно, что никогда не было особенной религіозности. По-моему это столько же надежно, какъ и всѣ другія фантазіи. Вліяніе бабушки — но та умретъ не сегодня завтра, а вѣдь этого назадъ ужъ не возьмешь!

— Какъ знать! — протянулъ въ раздумьи Баскинъ. — Что можно сказать съ увѣренностью о чужой душѣ?...

«Просто тебѣ нравится такъ думать!» — подумала раздражительно дочь.

Она сидѣла съ холоднымъ, обороняющимся выраженіемъ въ лицѣ, которое всегда появляется, какъ только рѣчь заходитъ о матери.

— Пишетъ необходимъ еще взносъ. Но вѣдь меня останавливала единственно неувѣренность въ ней.

Вѣра иронически глядѣла на него.

— Да? опять деньги? Ну, само собой, такъ и надо ждать, что они сейчасъ же примутся обирать!

Лицо отца болѣзненно передернулось.

— Зачѣмъ такъ рѣзко, Вѣра... Безъ взноса, конечно, нигуда примутъ, да и съ какой же стати, наконецъ?

— Нѣтъ, я не понимаю, съ какой стати поощрять тунеядство! вѣчно будутъ сосать, тянуть подъ разными предлогами. Славная

исторія, нечего сказать! Кажется, можно найти болѣе разумное употребленіе для денегъ, коли они у тебя есть!

«У меня денегъ никогда нѣтъ!» — договорила она мысленно.

— Это ужъ дѣло матери, какъ ей угодно распорядиться собственной жизнью, — возразилъ недовольно Баскинъ.

Въ письмѣ Марья Гавриловна умоляла дочь пріѣхать въ монастырь для свиданія съ нею.

Сергій Львовичъ предвидѣлъ, что Вѣра откажется. Конечно, безполезное, мучительное свиданіе, но всетаки ѣхать обязательно же, будетъ жестоко отказать...

Вѣра объявила, что лицемѣритъ она не намѣрена. Она не можетъ сказать матери, что *одобряетъ* такое внезапное рѣшеніе, напротивъ, возмущается имъ до глубины души: и принципиально и даже въ искренность его вовсе не вѣрить.

— Но вѣдь тебя только зовутъ проститься. Никто не дѣлаетъ тебя судьей надъ своей совѣстью! — возмутился отецъ.

— Это совершенно все равно. Судья каждый всякому, противъ этого ничего ужъ нельзя подѣлать. Пусть меня не зовутъ, если не хотятъ знать моего мнѣнія, вѣдь не о погодѣ же мы тамъ будемъ разговаривать? Ты увидишь, что это только новая форма для старой сути. Теперь-то и начнутся возлюбленные мелодрамы.

Отецъ смотрѣлъ на нее съ глубокой печалью.

— Сколько ожесточенія, Вѣра... и ни капли жалости!...

Дѣвушка помолчала нѣсколько секундъ, потомъ подняла хмурые глаза.

— Что дѣлать! Не умѣю отдѣлать своего чувства отъ разума, не умѣю любить того, что принуждена осуждать. Есть кого жалѣть, есть чему сострадать на свѣтѣ, отецъ, помимо такой нервной блажи! Будь это чужая женщина, ты бы первый безпощадно осуждалъ, оттого, что наша жена и мать, всѣ оцѣнки мнѣняются!

— Должна быть разница—свое или чужое, въ этомъ жизнь... Не передѣлаешь! Наши обязанности не могутъ обнять весь міръ... Это логика жизни.

— Есть еще логика справедливости, — возразила съ силой Вѣра: — не ближайшее, а *важнѣйшее* должно стоять на первомъ мѣстѣ.

— Но это-жъ цѣлая область чувствъ и настроеній, намъ съ тобой совершенно чуждыхъ, какіе же мы судьи и кому нужны наши приговоры? Не Богъ знаетъ какая жертва отъ тебя и требуется: дать человѣку возможность примириться со всѣмъ, что онъ оставляетъ

за собою навѣки... Неужели этого нельзя понять даже помимо религиознаго чувства?

«Какая безнадежная расплывчатость,—думала дочь:—чего добраго, въ концѣ-концовъ онъ и для себя припасетъ гдѣ-нибудь келійку?... Право, все тутъ возможно»...

— Извини, но я не могу признавать безконечной растяжимости суждений,—возразила Вѣра холодно.—Я всегда совершенно определенно понимаю или не понимаю, признаю или отвергаю что-нибудь. Иначе запутаешься! И теперь я увѣрена, что насъ съ тобой еще не одинъ разъ будутъ торжественно призывать въ обитель.

Она поднялась съ отоманки. Разговоръ давно надоѣлъ ей.

Отецъ спросилъ, отвѣтитъ ли она, по крайней мѣрѣ, на письмо матери?

Она попыталась объяснить ему, что ея письмо во всякомъ случаѣ матери не можетъ быть пріятно. Что можетъ она сказать въ такую серьезную минуту кромѣ правды? И про всю ихъ жизнь, и про эти монастырскія прелести!

Глаза Баскина блеснули, голось зазвенѣлъ:

— Нѣтъ, ужъ этого ты не напишешь! Несомнѣнно, въ серьезную минуту говорить только правду, но самая близкая и единственно достоверная правда для каждаго—это правда про самого себя! Загляни... поини въ своемъ сердцѣ, Вѣра... не шевельнется ли тамъ какое-нибудь угрызение? Была ли ты всегда права, всегда справедлива? Исполнила ли всѣ твои обязанности полностью?

...Призывъ къ покаянію? Это, какъ видно, заразительно. Онъ, повидимому, не допускаетъ для нея другихъ обязанностей... иныхъ угрызений...

Онъ по-своему понялъ сарказмъ ея блѣдной усмѣшки:

— Лежачаго не бьютъ... Впрочем... впрочемъ вы это всегда дѣлаете!—договорилъ онъ скороговоркой, точно скрывая отъ кого-то слова.

Кровь кинулась въ лицо дочери.

— Не правда! Я только и дѣлала, что всю жизнь оборонялась, спасалась! Только и хотѣла непричастной быть всему этому юродству!

Послѣ многихъ лѣтъ отецъ увидѣлъ слезы въ ея глазахъ. Она кинулась къ столу, гдѣ бросила свою шляпку, и стала надѣвать ея рожаницы руками.

За ея слитной взволнованный голось просилъ войти въ его положеніе между ними двумя. Вывалъ просто и прямо къ человѣческому уству жалости.

— Ну, напишу, напишу, Боже мой... какъ сумбуръ! Раскаиваться мнѣ не въ чемъ, но вѣдь я первая всегда считала, что ничего не можетъ быть нехлѣбнѣе нашей семейной жизни. Вотъ, кажется, пахнѣю того, что я въ состояніи написать въ твоёмъ духѣ!

Вѣра пришла къ отцу очень мягко настроенная. Болѣзнь его смущала, а тутъ еще ея отъѣздъ встревожить и огорчить. Какъ на грѣхъ, всегда она должна его огорчать! Она ни въ чемъ не можетъ успокоить его, не ломая собственныхъ взглядовъ и желаній. Но кто же можетъ вѣчно ломать взгляды и желанія?

Баскинъ ничего больше не прибавилъ. Подавляла полная безполезность словъ.

А она медлила уходить.

Проклятый денежный вопросъ! Нѣсколько разъ отецъ готовъ былъ продать Хвалыновку, чтобы выдѣлить ее, и каждый разъ его удерживалъ отъ этого Артаевъ, и не скрывалъ отъ нея. Въ ея рукахъ капиталъ исчезнетъ въ самый короткій срокъ, но у отца уже не будетъ возможности оплачивать теперешній образъ дѣятельности. Она вѣдь не могла сказать Андрею, что онъ ошибается! И все оставалось по-старому.

...Стоитъ «колодь въ горлѣ» разговоръ о деньгахъ послѣ тяжелаго непріязненнаго спора. Она даже и сказать не успѣла, что пришла съ нимъ проститься, такъ быстро онъ увлекъ въ это препирательство.

...А *туда* опять денегъ требуютъ на монахинь! Послѣднія крохи—Баскинскія деньги—пойдутъ на колокола, иконостасы, на жирныхъ игумень. Дорожка торная для дворянскихъ состояній черезъ руки подобныхъ субъектовъ!

...Задыхается отъ обиды и негодованія, но надо молчать! Прямо не скажешь, что протестуетъ противъ такого употребленія ея же состоянія, въ концѣ-концовъ! Сколько уплѣветъ такимъ путемъ для собственныхъ плановъ?

...Конечно, можетъ и даже обязана протестовать! Но почему-то слова не сходятъ съ губъ. Да и бесполезно! Онъ вѣдь связываетъ съ этимъ «умиротвореніе больной души». Ну и еще... свое собственное угрызение, что ли... Вотъ онъ, сумбуръ понятій! Ничто не проводится послѣдовательно до конца—во всемъ новое привлекается къ старому—и на повѣрку все тотъ же развѣдающій романтизмъ.

Отецъ замѣтилъ, наконецъ, что Вѣрочка надъ чѣмъ-то колеблется, не уходитъ. Сейчасъ же дружески спросилъ, въ чемъ дѣло?

...О, это было бы совсѣмъ просто, да теперь, оказывается, пред-

стоять совершенно экстренные расходы? Пожалуй, такой авансъ затруднить его?

Онъ не замѣчалъ ея стѣсненія, потому что имъ владѣло другое: такъ и слѣдовало ожидать, что онъ узнаетъ объ ея отъѣздѣ наканунѣ.

... Не все ли равно, въ сущности?

... Все равно. Онъ давно твердитъ это себѣ, но нѣтъ, сердцу не все равно. Вѣчно новая, никогда не дѣлающаяся привычной душевная обида.

Но на этотъ разъ было что-то особенное въ томъ, какъ отецъ выслушиваетъ бѣглыя, неясныя объясненія... намеки на объясненіе! Лицо стало строгое и непроницаемое.

... Но вѣдь слишкомъ хорошо она понимаетъ это лицо: *онъ ей не скрытъ.*

... Какъ?! она отправляется, «сама не знаетъ куда?» Не можетъ даже сказать, гдѣ, съ кѣмъ, зачѣмъ?

Спѣша и волнуясь, Вѣра пыталась *образумить*, ничего не сказавъ опредѣленно: подробности совершенно безразличны, важенъ только смыслъ. Гдѣ бы то ни было, среди личностей, которыхъ видишь впервые, каждый безошибочно находитъ дорогу—достаточно знать, что *свои*. Дѣло будетъ завтра же, первое, что окажется на очереди. Ничего и не нужно знать впередъ. Гдѣ и что именно—совершенно безразлично.

... Почему, почему чуть не ужась въ его лицѣ?... Неужели ему не понятно что-нибудь послѣ того, какъ цѣлыя рѣчи красуются въ газетныхъ отчетахъ, произносятся на судѣ!

Теперь Вѣра была въ отчаяніи, что началось это объясненіе. Оно угрожаетъ перейти на такіе пути, отъ которыхъ она систематически уклоняется, и благополучно успѣвала приучить къ этому и отца.

У него напряглись жилы на лбу, взглядъ получилъ особенную, почти неприятную остроту, что обозначаетъ въ немъ сильнѣйшее волненіе.

— Позволь... Для чего же ты уѣзжаешь изъ Петербурга? Здѣсь такъ довольно дѣлѣ?—спросилъ вдругъ прямо, какъ не принято шиповать между ними.

— Что за вопросъ! вѣдь я же не могу рассказать сейчасъ все, ты не знаешь.

— Нѣтъ, ставлю тебѣ очень опредѣленный, ограниченный вопросъ. У тебя есть готовый отвѣтъ на него.

Никогда, кажется, голосъ не звучалъ такъ сухо... Вѣра поняла,

что будет *иначе* на этотъ разъ. Неуловимый отгѣнокъ суровости на этотъ разъ неотступимъ!

— Ты же это зналъ? Я давнымъ давно собираюсь въ провинцію. Опроблятилъ Питеръ.

— Въ народъ??

— Не понимаю, что за допросъ сегодня?

— Да или *нѣтъ*??

Точно что-то огромное, тяжелое накатывается на нее. Загораживаешь выходъ.

— Сама, сама ничего не знаю, пока... сколько же повторять?! Папа, пусти меня уйти, пожалуйста! Въ одну минуту нельзя же измѣнить нашихъ отношеній. Зачѣмъ тебѣ понадобилось?

— Недостойно, Вѣра, отыгрываться уклончивыми фразами, которыя ровно ничего не даютъ мнѣ, кромѣ тревоги.

— Изволь!—усмѣхнулась она судорожно.— Нѣтъ, не въ народъ! По всей вѣроятности... Во всякомъ случаѣ,—это очень неожиданное вымогательство! Даже губы побѣлѣли. Нестерпимое чувство—осязаніе пасилія!... и не знаешь, вышла ли ты изъ него.

— Но почему же такъ экстренно? точно бѣжишь...

И все тотъ же новый властный тонъ—напроломъ. Она не знаетъ, какъ сладить съ нимъ!

Гнѣвно засверкали глаза. Но сейчасъ же точно кто-то невидимый взялъ за руки и настойчиво удержалъ отъ рѣзкаго движенія.

— Вернешься ты опять къ твоимъ дѣламъ здѣсь послѣ этой поѣздки?

— Едва ли...

— Такъ что же заставляетъ...

— Отецъ!—перебила она внѣ себя:—есть же мѣра, наконецъ! Вѣдь рѣчь была только объ *одномъ* вопросѣ.

— Не моя вина, что ты вынуждаешь меня идти окольнымъ путемъ. Одно только: поссорилась съ Просвѣтовымъ? да?!

Онъ взялъ ее за обѣ руки, точно хотѣлъ успокоить своимъ прикосновеніемъ.

— Нѣтъ!

— Все равно—разошлись на чемъ-то? да? Хорошо, довольно... Я понялъ. Мое насиліе кончено. Первое въ твоей жизни, Вѣра.

Баскинъ круто повернулся и вышелъ изъ комнаты.

XXV.

Передъ вечеромъ Вѣра укладывала въ ящикъ свои коллекціи. Хозяйка обѣщала послѣ ея отъѣзда перевезти вещи къ отцу, но пре-

дупредить объ этомъ она такъ и не успѣла. Да и ничего не сдѣлала толкомъ, зачѣмъ пошла къ нему сегодня!

Вѣра не ожидала такого тяжкаго разставанія съ отцомъ. Ужъ если рѣшился взять съ нее этотъ непривычный требовательный тонъ, стало быть все превозмогла тревога за нее. Нѣсколько искусныхъ вопросовъ смутно указываютъ ходъ мысли.

Она вернулась домой измученная. Ахъ, довольно, за глаза съ нея довольно всѣхъ этихъ невольныхъ «ранъ» и обидъ! Меньше чѣмъ когда-нибудь теперь способна хладнокровно усугублять его хандру.

Мысль по привычкѣ обратилась къ Артаеву. Кажется, онъ забросилъ отца послѣднее время?... Вотъ и сегодня—идя къ отцу, подумала, что вѣроятно тамъ встрѣтится съ Андреемъ. Чего бы лучше! Нелѣпныхъ сценъ можетъ быть и не было бы.

Во всякомъ случаѣ немислимо уѣхать не простившись, чистѣйшее свинство съ ея стороны. Опять приходится злиться на себя за то, что не подумала раньше... наказаніе сущее! Все непроизвольно выпадаетъ изъ памяти... свинство... былъ всю жизнь вѣдь какъ братъ, Андрей!

«...Забралъ въ голову эту невозможную любовь—горе сущее!—развѣ виноватъ человекъ, если ему это жизнь перегородило!—думаетъ по новому снисходительная, унылая Вѣрочка.

...Уѣзжаетъ неприязненно, разрывая со всѣмъ старымъ. Впереди ничего кромѣ загадокъ. Не то бѣда! Было бы на душѣ бодро и ясно попрежнему. А вамъ, не хватаетъ теперь ко всѣмъ прелестямъ прибавить еще сентиментальныя угрызения, à la Сергій Львовичъ: несчастный отецъ, бѣдненькій Андриушенька...

Вѣрочка силится разбудить, на защиту себя, привычную строптивость, жажду ясныхъ, категорическихъ положеній. Ну, что, что можетъ она сдѣлать для нихъ?! Какая имъ польза, хоть бы она начала вдругъ слезы лить??

...Вѣдь не останется же она, ради отца, вѣчно сидѣть въ Питерѣ, не перевѣнчаться же изъ состраданія съ Артаевымъ—безплодное ковырянье души, и только!

...Никто, никто не умѣетъ смотрѣть безобоязненно... и она не лучше другихъ... Ева!... Счастливица Ева, всегда это думала! Только вотъ, Вася ея умеръ... да и жилъ, бѣдняга, не на радость.

...А-а!... существуетъ какъ будто для нихъ радость!... Если суждено принципиально всякое личное благополучіе (а когда-то оно сѣмъ равно будетъ доступно)! Если изъ неоплатныхъ должниковъ за цѣлую жизнь нельзя мечтать откупиться, какъ же смѣть роптать, она есть эта возможность служить дѣлу!...

Ну... на цѣпурѣ попадешь, другое дѣло. Такъ даже и то имѣть свою неопредѣленную сторону: миръ удовлетворенной совѣсти.

Заплють бѣднѣгу куда Макарь телятъ не гонялъ, а онъ оттуда развеселѣя письма шлетъ, точно вдругъ жить началъ сызнова.

«Пока что, занять ближайшимъ знакомствомъ съ собственной личностью»... написалъ одинъ славный пріятель изъ Якутской области. И понятно: завертѣлся съ гимназіи, безъ оглядки, пока замокъ не щелкнулъ...

Есть такіе, что ни объ освобожденіи, ни о какихъ новыхъ планахъ и не помышляютъ. Не значить это, разумѣется, что своимъ убѣжденіямъ измѣняютъ — ничуть, *думаютъ* они все попрежнему, да жить-то поневолѣ начнетъ той обыденностью, чего и знать раньше не желалъ. Гдѣ мирно солнце свѣтитъ, цвѣты цвѣтутъ, любовь, дѣти... Жизнь.

«Отгеройствовалъ — и правъ, будто воинскую повинность отбылъ. Въ геройствѣ тоже свое мѣщанство отстаивается». Умѣетъ Ева словечки пришиливать!

...Какъ бы Ева вотъ эту ея тоску окрестила??... Да... одинъ выборъ: либо вымѣняй себѣ чечевичную похлебку — либо вѣкъ такъ вотъ... волкомъ травленнымъ... Отгрызаться добровольно отъ всего, что грозитъ привязать, что волю твою шатаетъ...

...Впередъ, впередъ! Изъ *путя* выдираться надо! Все равно въ какіе ключья кожа твоя превратится при этомъ. Только пока дѣйствуютъ еще сложные старые аппараты рафинированной дворянской психики, впереди досуга для нея не предвидится! — думаетъ она лихорадочно...

Звонокъ!...

...Письмо??...

...Всегдашняя, произвольная мысль! Ждетъ непрерывно — всегда. О чемъ бы ни думала, чѣмъ бы ни была занята. Все существо *помнитъ* безъ словъ. Звонокъ не вызываетъ никакой другой мысли.

Сердце грубо схватили рукой... Ознобъ по тѣлу... Выпрямилась на стулѣ, а внутри вся напрягается, сливается въ одну точку — тянется по воздуху до звонка, чувствуетъ, слышитъ сквозь запертыя двери.

А въ слѣдующій мигъ летитъ стремглавъ съ какой-то высоты.

...Не Андрей ли?...

Машинально что-то перекладываетъ на столѣ дрожащими пальцами, слушаетъ, какъ стихаетъ сердце.

...«Уѣду... мука эта кончится»...

...Отецъ!

Вѣра ахнула и вскочила на ноги. Ни разу не подумала, что отецъ можетъ самъ придти, ждала, что деньги пришлеть. Сергѣй Львовичъ вышелъ, молча подаль большой конвертъ... Въ голову поцѣловаль.

...Суетъ конвертъ въ столъ, не глядитъ на него. Но развѣ не знаетъ онъ этотъ нервный трепетъ милого лица?... Глаза влажные. А не приди онъ, сама конечно не надумалась бы, такъ бы и уѣхала послѣ утренняго разговора... Теперь рада!

Что подѣлаешь—каждый такой, каковъ онъ есть. Баскинъ часто говоритъ себѣ: *нельзя имъ иначе*. Должны выработать въ себѣ закалъ, мягкосердечіе—опаснѣйшій врагъ. Только такъ оно и побѣждается: шагъ за шагомъ, безъ отступленій, безъ пощады... Вѣдь не его же Вѣра нарочито мучить желаетъ! Сама, сама отъ него обороняется... Такъ и проходить жизнь, обороняясь отъ всего, чѣмъ молодость красна...

О, да!... все это онъ понимаетъ. Видитъ, какъ заматывается клубокъ...

— Сю минуту, папа... Я только Андрею написать должна,—сказала Вѣра, чтобы выйти поскорѣе изъ растроганныхъ чувствъ.

Баскинъ пораженъ—возможно ли, что Артаевъ не знаетъ про ея отъѣздъ!

Вѣрочка оправдывалась: вѣдь это же суцая правда, что до вчерашняго дня она и сама не знала, что придется уѣхать завтра.

Сергѣй Львовичъ давно избѣгаетъ говорить про привязанность Артаева. Каждое легкомысленное касаніе настраиваетъ его враждебно... Въ этомъ ревнивое чувство мужского достоинства передъ женской несправедливостью; щекотливость глубоко чувствующаго чело-вѣка при поверхностности «моднаго умничанья» на душевныя темы... О *любви* положительно онъ не въ состояніи бесѣдовать съ Вѣрочкой.

— Дописывай скорѣе въ такомъ случаѣ—сейчасъ отошлемъ. Боли Андрей дома, онъ явится сейчасъ, а нѣтъ, такъ можетъ вернуться не поздно. О чемъ чело-вѣкъ думалъ до сихъ поръ!...

Да, Вѣрочкѣ страстно захотѣлось, чтобы такъ вышло—пріѣхалъ бы Андрей! Втроемъ легче... Милый дружный вечеръ на прощанье—послѣ отвратительной тоски, въ какой она изнывала въ одиночку. Въ послѣдній разъ сегодня не одна, со своими.

Сергѣй Львовичъ вышелъ отослать съ посыльнымъ письмо.

Вѣрочка встряхнулась, отгоня предательскія мысли.

...Что теперь? Чаемъ ихъ надо напоить, угостить на разставаньи...

Лавку хотъ самой сходить, бухарка пусть самоваръ поставитъ.

Часъ спустя отецъ съ дочерью спдѣли за чайнымъ столомъ.

Вѣра «весьма прилично» нарѣзала на тарелки ветчину и сыръ, разложила печенье, которое не разрѣшаетъ себѣ покупать, хоть любить сладкое. Ну, вино-то, кажется, подгуляло, по крайней мѣрѣ Баскинъ сгримасничалъ, когда она заставила его попробовать. Имъ съ Андрюшей вмѣсто этого пиво и варенье вишневое.

Минутами было почти весело. Что-то давно забытое, ребяческое порывалось... но быстро падало, какъ падаютъ перешибленные крылья. Только бы Артаевъ пріѣхалъ! Именно такъ надо: втроемъ, болтать отъ души... Не серьезничая, не затрагивая никакихъ большихъ мѣстъ.

Только отецъ необыкновенно молчаливъ сегодня. О чемъ-то упорно думаетъ. Не замѣчаетъ даже ея оживленія, которому всегда такъ радъ.

Наконецъ вернулся посыльный. Звонокъ заставилъ такъ Вѣру вспыхнуть и вскочить на ноги.

«А если письмо? Хоть она каждую минуту ждала именно этого звонка посыльнаго.

Артаева дома не оказалось.

— Ничего, можетъ быть еще явится попозднѣе, замѣтилъ на это Сергѣй Львовичъ, и ей бросилось въ глаза, что отецъ какъ будто оживился послѣ этого.

— Ну, теперь изволь же ты одинъ ѣсть все это, не даромъ я разорвалась сегодня! — пошутила разочарованно Вѣра.

— Буду, буду ѣсть — кстати плохо обѣдалъ. А доктора пичкають, велеть пихать въ себя хоть насильно. Да, дружочекъ... въ починку скорѣе обомъ намъ надобно, въ починку!

Досказалъ горячо и многозначительно и пожалъ на лету руку, въ которой она только подняла, было, чайное ситичко.

— Да вѣдь ты все не слушаешься! — взглянула мелькомъ дѣвушка, занятая чаемъ.

— Знаешь что, Вѣра? Поговоримъ чуточку серьезно. Совсѣмъ, совсѣмъ мирно, дружокъ, ты не бойся, ради Бога. Хочу тебѣ одно предложеніе сдѣлать.

Онъ улыбнулся ей, возбужденно придвинулся къ столу и принялся намазывать хлѣбъ.

«Такъ и знала!» сказала она себѣ.

— Тебѣ неинтересно въ чемъ дѣло? — спросилъ шутливо Баскинъ, наглядывая на хлѣбъ ветчину.

... «Ну, для чего онъ точно съ ребенкомъ»... думаетъ Вѣра тоскливо.

— Да боюсь я... опять что-нибудь такое, чего я никакъ не мо-

гу?—косится она на него подозрительно:—Опять должна буду огорчить тебя, а вѣдь и мнѣ не сладко...

Сергѣй Львовичъ облокотился на столъ, подперъ рукою голову, смотритъ возбужденными глазами, пронизывающими и ласкающими:

— Неужели же я ничего, ничего больше не значу для тебя? Это неправда, Вѣра... этого быть не можетъ! Ты такъ себя затолкала въ одну сторону, какъ будто ничего другого и не существуетъ на свѣтѣ—но вѣдь это не такъ—ложь это! Дай себѣ перевести духъ, только передохни чуточку, моя дѣвочка! Не на срокъ ваши дѣла? Погляди на себя...

Вѣра рѣзко отбросила свой стулъ и заходила по комнатѣ.

— Ну, конечно, конечно — это неизбежно! Тебѣ непременно нужно еще измучить и себя и меня,—вырвалось у нея страдальчески.

Баскинъ спохватился. Онъ вѣдь твердо рѣшилъ объясниться, какъ можно *проще*, такъ сказать, прозаичнѣе, чтобы безъ трагедій.

— Ты, моя милая, развинулась-го еще почище меня!—воскликнулъ онъ легкимъ тономъ, какаго она никакъ ужъ не ожидала въ эту минуту:—Видишь сама, какъ я правъ: пора въ починку, Вѣра! Не очень оно ладно, что ты въ парѣ со мною, старикомъ, очутилась—да взыскивать все равно не съ кого, предложеніе мое такое: ѣдемъ-ка вмѣстѣ за границу погѣчимся!

Тонъ ужасно легкій. Вѣра приостановилась и слушала, разомъ успокоившись.

— Меня, видишь ли, формально гонять вскулапы. Сулятъ иначе всякія гадости. Двухъ смертей не бываетъ—но не на всякій же рожонъ стоитъ лѣзть.

— Что же именно они находятъ у тебя?—спросила Вѣра и подошла къ столу, подозрительно вглядываясь въ его лицо.

Скучно все это повторять. Нервное истощеніе и упадокъ жизненной энергіи—въ общихъ чертахъ. Лѣкарства не помогутъ: нуженъ полный отдыхъ, перемѣна обстановки, путешествіе — музыка извѣстная!

— Какъ видишь, все такое гдѣ ихъ кухня не причемъ... Не угодно ли самому добывать, какъ умѣешь.

...Точно не серьезно все это звучитъ... Точно для нея нарочно и придумано...

Баскинъ поймалъ недоумѣвающій взоръ:

— Впрочемъ, латинскихъ названій—хоть отбавляй. Рисуютъ и зныя сплетенія и обозначаютъ, какія именно узлы и точки.

— Вхвать, разумѣется, коли такъ!

Отецъ замысловато усмѣхается и потянулся за ея рукою.

— Послушай, Вѣрочка... Вотъ и тебѣ *надо бы* быть благодарзумной—несомнѣнно... Не можешь? Ну, такъ будемъ же помогать другъ другу!... Скучныя вещи для другого всегда легче дѣлаются. Ты меня — я тебя.—Нѣтъ, это не смѣшно, а очень-очень серьезно, Вѣра.

— Нѣтъ, именно смѣшно—для удобства сдѣлать человѣка большимъ, по востребованію!

Она въ негодованіи отняла руку и забѣгала по комнатѣ.

Онъ опять заговорилъ о консилиумѣ. Онъ вѣдь не собственныя измышленія излагалъ сейчасъ...

— Ты же встать фактически свободна въ данный моментъ, сколько я могъ понять изъ нашего разговора?

...«Ахъ, вотъ оно что!... Вотъ какъ ловко воспользовался!»

— Никакія прямыя обязанности не пострадаютъ, если ты принесешь мнѣ эту жертву—мѣсяць-другой? Блянусь тебѣ—одинъ я не въ силахъ выбраться. Такъ и провалиюсь на этомъ диванѣ! Нуженъ какой-нибудь нравственный стимулъ... Понимаешь ты меня?

...О, да—это состояніе она понимала прекрасно. Но развѣ *понять* недостаточно, чтобы уже не допустить себя до безразсудства?...

...Считаетъ ли кто-нибудь, что она совершаетъ подвигъ самообладанія, разрушивъ счастье свое собственными руками?... Ничуть не бывало! Ее же этими муками попрекаютъ, какъ Ева... Или, пожалуй, высмѣиваетъ Соня со своимъ богатыремъ!... А еслибъ они разрѣшили себѣ, какъ Скворцовы, какъ большинство благодуетствующихъ безъ всякихъ угрызений, кому какое дѣло?! Никому не нужна ея великолѣпная послѣдовательность передъ собственнымъ сознаніемъ, полныя баллы, которые она выслуживаетъ такой цѣной!...

Готовыя мысли по первому намеку точно загораются всѣ разомъ въ мозгу... Ядовитая горечь закипаетъ отъ малѣйшаго прикосновенія.

Вѣра очнулась, съ усиленіемъ вслушалась въ то, что такъ увлекательно отецъ доказываетъ:

...Какія мирныя картины!

Они забираются далеко-далеко... Изъ Европы... Африка... Востокъ... Мимо столичныхъ городовъ, мимо людской толпы, подальше отъ проклятыхъ вопросовъ словянскихъ, польскихъ, еврейскихъ всякихъ иныхъ.

Только созерцаютъ, вбираютъ въ себя красоту міровой жизни. Все то, для чего у нихъ обоихъ никогда не было времени. О, конечно, вѣчный примиряющій смыслъ въ этихъ спокойныхъ глубинахъ по которымъ носится блестящая ядовитая пѣна людскихъ дѣяній. Н

дѣло въ томъ, что порознь, въ одиночку, ни для нея, ни для него это недостижимо. Они родились и созрѣли въ ядовитой гнѣвѣ. Ихъ глаза близоруки, слишкомъ приспособлены къ ея микроскопическимъ красота́мъ и ужасамъ. Имъ еще надо учиться жить иными впечатлѣніями, различать свободно міровые горизонты... Надо сначала соскрести всякія мудренныя амальгамы, чтобы добраться до естественной чувствительной пластинки!...

— Я... изъ рая небеснаго, коли онъ пусть—сбѣгу! Даже въ тотъ же ненавистный славянскій вопросъ! Но для новыхъ связей, знакомствъ, столкновений, для чужихъ людей—откуда силъ взять? Ни силъ, ни охоты! Только *свой* милый человѣкъ нуженъ. Тотъ, ради кого будешь бороться съ собственной немощью... Словомъ—будемъ другъ для друга настоящимъ лѣкарствомъ.

Вѣра хмуро слушала не одни слова (краснорѣчивъ Сергѣй Баскинъ, кто же этого не знаетъ!)—ихъ истинный затаенный смыслъ проступаетъ въ этомъ постоянномъ странномъ обобщеніи: ея молодости, съ нимъ, больнымъ и израненнымъ жизнью.

...Смыслъ можетъ быть только одинъ: отецъ понимаетъ, что она несчастна... Можетъ быть и все остальное понимаетъ. Трудно ли угадать отчего можетъ *сожнуть* двадцатисемилѣтняя дѣвица!..

...Есть ли такое сокровенное, самое святое для души, чтобы не было въ то же время рутинной! Праздное любопытство выворачиваетъ чужую душу, примѣряетъ на нее готовые шаблоны. Любовь и только! Любовь Сонички Просвѣтовой или Вѣры Баскиной для зрителя не составляетъ существенной разницы.

...Ну, и если не любопытство, если сочувствіе, страхи, всякія ижнѣйшія чувства—все равно, все равно! Ничьи глаза нестерпимы, когда своимъ собственнымъ—и то мука!... Мука...

— Да, знаю, знаю, что тебѣ нужно и какъ всегда: негдѣ мнѣ взять того, что тебѣ нужно!... Повѣрь мнѣ: отдохнуть ты только и можешь подалеже отъ меня. Этого нельзя измѣнить.

Отецъ отвѣтилъ не сразу:

— *Отъ тебя* мнѣ нужно только, чтобы поѣхала со мною. Я не собираюсь сдѣлать изъ тебя сидѣлку или забавницу. Вѣра... право! Достойно насъ отыгрывать словами! Ты вѣдь хорошо понимаешь меня...

Онъ смотрѣлъ на нее съ отчаяніемъ: Все напрасно! Нѣтъ возможности оторвать ни на минуту.

— Вѣдь я не слѣпъ: тебя что-то гложетъ. Ты рѣшаешься на что-важное??

— Ни на что особенное... не именно теперь... Нѣтъ, я—я на распути! Мученье чувствовать себя на распути, необходимо выйти изъ этого какъ можно скорѣе. Буда я могу ѣхать?... Ты это долженъ понимать... Смѣшно въ такіе моменты думать объ отдыхѣ!... Довольно, папа, пощади меня! Вотъ я сказала, чтобы ты не думалъ, что я не хочу исполнить для тебя.

Прежде чѣмъ она кончила говорить, онъ сталъ цѣловать ея руки, подолгу удерживая и прижимая ихъ къ своему горячему лицу.

— Всегда, всегда мучаю тебя, это проклятье мое!

— Все... проклятье!... все самое лучшее въ жизни,—сказала она вдругъ, точно забывшись, самой себя.

Тогда отецъ не могъ дольше выдержать: Это уже не вопросы, мольбы униженныя.

...Пусть она вспомнить, что онъ старикъ. Для старости не можетъ быть ничего непонятнаго въ жизни. На какомъ бы распути ни очутилась она, тутъ не все. Только личное горе, только завѣтная душевная мука могутъ довести до подобнаго состоянія въ ея годы.

Вѣра не отвѣтила. Молча ушла отъ него и закружилась поперекъ узкой комнаты, то и дѣло задѣвая за мебель своими порывистыми движеніями.

...Ему не зажимаютъ рта?... не оспариваютъ?

...А-а!... стало быть, какой-то онъ не любить? Несчастная любовь! вотъ сверхштатное украшеніе доблестныхъ граждановъ!

Охватило злобное, почти брезгливое возмущеніе. *Кто-то* могъ пренебречь такой дѣвухой! Могъ довести до малодушной муки эту гордую душу!...

...Бто, кто?... Неужели не знаетъ и Андрей?... Языкъ не повернется спрашивать Андрея. Отъ кого узнать, кто разбилъ ей сердце?...

Баскинъ тяжело поднялся на ноги.

Онъ не зналъ, что дальше? Что еще онъ можетъ, долженъ ей сказать?...

Это была самая, самая горькая минута, хуже чѣмъ утромъ, когда онъ былъ такъ встревоженъ и уязвленъ... И явился сюда со своимъ наивнымъ планомъ путешествія!

Это ея первая, неопытная любовь. Ей кажется, что жить нельзя послѣ этого. А онъ ее Алжиромъ угощаетъ, свсией хандрой испугать надѣялся.

...Уйдетъ завтра.

...Бросается во что-то отчаянное одна, измученная, полубольная.

... Ни удержать, ни защитить, ни помочь, ни даже знать ничего нельзя...

Она вдруг судорожно обняла ее... Изъ груди вырвалось сухое рыданіе.

— Папа!... папа, бѣдный. Зачѣмъ ты пришелъ ко мнѣ!—Она съ отчаяніемъ цѣловала руки.

— Напиши сейчасъ. Прощай, прощай! Адресъ пришли скорѣе. Прощай, родная, прощай...

XXVI.

Когда явилась Соня за письмами, Вѣра не сразу сообразила, сколько же прошло времени съ ухода отца?

— Батюшки!... тутъ цѣлый пиръ у нея?... Это вы одна такъ роскошничаете?... Что за развратъ, Баскина!

Вѣра предложила раздѣться и поужинать.

— Любимый мой сыръ, генеральское угощеніе!—посмѣивалась Соня, проворно стаскивая пальто.

— Вы, Баскина, всегда будете кутилкой! Оттого, что мы съ вами всамоудѣлешной, а не добровольной нужды не видывали и хоть вы и всѣми признанный характеръ, а никогда вамъ не угоняться за моимъ Либерзончикомъ, по части искорененія личныхъ потребностей.

— Признаю вполне,—кинула ей Вѣра.

— Да вѣдь это прежде всего потому, что у Либерзончика никогда ихъ и не бывало, этихъ самыхъ потребностей!... не можетъ же онъ, напримѣръ, какъ я—обожать швейцарскій сыръ, коли на своемъ вѣку можетъ быть никогда и не пробовалъ! Ну, скажите на милость, какая тутъ заслуга съ его стороны и какое преступленіе съ моей?...

Соня со смѣхомъ набивала себѣ ротъ сыромъ и запивала краснымъ виномъ, поглядывая лукаво на Баскину.

— Я не понимаю, къ чему этотъ цинизмъ? Кажется можно сыромъ наслаждаться и безъ этого,—проворчала Вѣра.

— Для того, чтобы расшевелить васъ! У васъ противоестественно-замороженный видъ сегодня! Знаете что? бросьте простывшій чай. вайте, Баскина, чокнемтесь на прощанье! Не знаю ужъ, поймите вы когда-нибудь, что я васъ всегда... всегда очень сочувствовала вамъ, однимъ словомъ!

Соня чуть было не выпалила: всегда васъ жалѣла и даже покрасна отъ радости, что спохватилась во-время.

Вѣра мягко смотрѣла на нее. Чокнулись.

— Я знаю, что вы очень добрая, Соня.

Соня налила себѣ еще вина. Ея свѣжее лицо быстро разгоралось въ жаркой комнатѣ.

— Нѣтъ, хотите скажу вамъ, Вѣра, что во мнѣ цѣннѣе всего?—спросила она вдругъ, улыбаясь.

Довольно-таки странно говорить о собственныхъ достоинствахъ! но, должно быть, отъ усталости нѣтъ охоты протестовать.

Веселые голубые глаза вдругъ приняли какое-то особенное, мечтательное выраженіе.

— Лучше всего то, что я счастлива!—пропѣла Соня протяжно.

— Оригинальная заслуга!—скривила губы Баскина, въ ожиданіи поясненій.

— Да-съ, именно это и хочу сказать!—подтвердила серьезно Соня.—Подумайте одну минуту и согласитесь, что я представляю единственное явленіе въ своемъ родѣ? Я одна не скрываю, что *ничуть не страдаю*, хоть надѣюсь я ни передъ чѣмъ еще не отступала изъ-за этого?

— Соня, бросьте вино, вы невозможное говорите, вздоръ!—остановила ее рѣзко Баскина.

— Тѣмъ лучше, очень полезно поболтать вздоръ,—смѣялась она вызывающе.—Замѣтьте, я вѣдь вовсе не вѣрю, что всѣ другіе *на самомъ дѣлѣ* такъ уже страдаютъ. Они свое счастье скрываютъ. Или же не цѣнятъ—стараются принимать его какъ можно поверхностнѣе. Понимаете, что хочу сказать? Вотъ безуміе! Да, я одна умѣю цѣнить, люблю и берегу. Ну, пейте же скорѣе, Баскина—за счастье!! урра!

Соня вскочила на ноги и выпила залпомъ полстакана вина.

... «Этакая шальная!»—думала Вѣра, невольно вглядываясь въ нее съ жгучимъ любопытствомъ.

Она опять повторила, что Соня говоритъ вздоръ,—но вздоръ этотъ странно волновалъ ее. Она какъ-то безпокойно сознавала, что передъ нею въ самомъ дѣлѣ счастливая женщина, переживающая въ дѣйствительности все то, о чемъ сама она не разрѣшаетъ себѣ даже и думать. И вѣдь это Просвѣтова, жена такой прелести, какъ Севоруха! Любовь не сдѣлала Соню малодушной, менѣе усердной. Сама Ева ни въ чемъ не могла уличить ее.

Соня сѣла на свое мѣсто и принялась за ветчину. Ей было искренно жаль Баскину.

Внезапныя безпричинныя появленія въ Петербургѣ Гриневича, его сумрачный видъ и упорное прятанье Вѣры—все это слишкомъ явно выдавало интимную драму.

Сонѣ до смерти хотѣлось знать, чѣмъ же, наконецъ, это кончится? Неужели разойдутся? такъ себѣ, здорово живешь, изъ одного «принципа». О, эта Баскина сложная штука! Самая характерная и самая мудреная изъ всѣхъ. А въ сущности натура вовсе неподходящая для такихъ ригорическихъ воззрѣній. Нервная, страстная натура. Ее тянетъ жить и наслаждаться. Это не Ева! Вонъ любовь эта какъ ее обработала.

— Баскина, развѣ у васъ не найдется для меня никакихъ порученій?—спросила Соня и изъ вѣщаго великодушія отвела въ сторону свои блестящіе глаза.

Вѣра сейчасъ же поняла, что она хочетъ сказать. Бровь начала медленно приливать къ ея щекамъ.

Съ нею не смѣли заговоривать о Гриневицѣ въ какомъ-нибудь личномъ смыслѣ. Но въ послѣднюю минуту, послѣ двухъ мирительныхъ сценъ этого дня, — возможность говорить о немъ вдругъ мелькнула какимъ-то неизвѣданнымъ соблазномъ. О, она такъ устала! устала бороться съ собой и въ то же время давать отпоръ другимъ. Съ Соней легче, чѣмъ съ другими.

Положеніе безвыходное, письмо Гриневича дѣйствительно можетъ придти послѣ ея отъѣзда. Будутъ ждать, обсуждать, комментировать (навѣрное Соня все выбалтываетъ мужу!) Такъ неужели же пропадать письму изъ самолюбія?

Она подъ столомъ бессознательно выламывала себѣ пальцы и не отвѣчала. Соня, наконецъ, взглянула на нее.

— Я думала вы мнѣ поручите пересылать ваши письма.

— Да... едва ли, впрочемъ, будутъ письма... — процѣдила сквозь зубы отвѣтъ.

«Глуности! небось не такъ бы отбрила, еслибъ писемъ не должно быть! — начала, наконецъ, раздражаться Соня такой неблагодарностью.

— Будьте покойны, я перешлю! Я надѣюсь всетаки, что письма будутъ! — улыбнулась она поощрительно.

У Вѣры дрогнули губы, о туманились глаза. И только.

Красное вино шумѣло въ Сониной головѣ, она выпила одна почти всю бутылку.

— Господи, Баскина! когда же вамъ надоѣсть, наконецъ, ваше менное величіе?—крикнула она внезапно и хлопнула рукой по столу, такъ что зазвенѣли стаканы.—Ну, для чего меня-то морозе, когда я вамъ всѣмъ сердцемъ сочувствую!

...И разомъ все стало возможно, стало необходимо. Зазвенѣло ушахъ, какъ всегда отъ волненія.

— Я вовсе не морочу, но я не умѣю говорить... и зачѣмъ?— выговорила Вѣра такимъ голосомъ, какого еще никто никогда не слышалъ у нея.

Соня почувствовала, что способна расплакаться отъ сочувствія.

— Слушайте, дитя вы милое... да, будьте увѣрены, что вы самый глупый ребенокъ въ этихъ вещахъ, хоть вы и первостепенная умница!... вѣдь вы просто безумствуете... вы сами не простите себѣ этого потомъ! Зачѣмъ вы себя терзаете?

— *Зачѣмъ...* вотъ еще неглѣпый вопросъ!—воскликнула съ отчаяніемъ Вѣра. Вы, кажется, знаете и знали всегда, что я противъ брака... Я должна быть свободна!

Задѣтая за большое мѣсто, Соня начала было горячо возражать, но Вѣра остановила ее.

— Знаю, знаю вашу *теорію*, вы ею всё уши прожужжали! Не повторяйте, пожалуйста! Вашъ блистательный примѣръ ничего еще не доказываетъ. И каждый долженъ быть вѣренъ себѣ... Надѣюсь, вы не рассчитываете переубѣдить меня въ чемъ-нибудь?

Презрительно дергались губы, злыми глазами глядѣла Соня въ лицо.

— Куда ужъ мнѣ, коли никакія собственныя муки васъ не убѣждаютъ. И такъ жизнь безъ любви, вѣчное одиночество, да? За всё труды, жертвы, за эту собачью травлю не взять даже одного счастья, которое есть у послѣдняго нищаго!... Все равно этого вѣдь никому не уступишь,—не подѣлишь своей доли на всѣхъ поровну. Нѣтъ, по-моему умъ за разумъ заходитъ отъ вашей сатанинской гордости. Только знайте напередъ: силъ вы себѣ этимъ не прибавите, Баскина, а убавите! И можетъ случиться, что потомъ... Ну, черезъ нѣсколько лѣтъ вы уже будете сами думать иначе. И тогда вы снизойдете въ концѣ-концовъ на что-нибудь гораздо болѣе мелкое, чѣмъ ваша теперешняя истинная любовь. Давно другъ друга любите, я знаю вѣдь.

— Никогда, никогда, никогда!—твердила страстно Вѣра, глядя въ потолокъ горящими глазами, и почти лежа съ запрокинутой головой на своемъ стулѣ.

— Ну, какъ вы можете это знать?! Что за дичь давать какіе-нибудь зарокі!—негодовала Соня.—Ужъ не вы ли это стоите за глѣтвы и торжественные обѣты?

— Вотсе не обѣты, но довольно разъ истереть въ порошокъ свое сердце, надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что послѣ такой операци отъ него ничего не останется.

Вѣра произнесла это съ мрачнымъ торжествомъ и провела рукою

по глазамъ. Какъ странно! Говорить о своей любви и испытываетъ при этомъ какое-то непонятное, горькое облегченіе.

— Неужели вамъ не жаль Гриневича?—спросила вдругъ просто Соня.

Этого Вѣра не ждала. Глаза ея расширились отъ внезапнаго смятенія.

— Онъ не слабѣе меня,—выговорила она, наконецъ.

— Однако, въ правѣ онъ смотрѣть на это иначе? И конечно онъ смотритъ иначе. Мужчины умнѣ насъ! Вы страдаете по крайней мѣрѣ по убѣжденію, ну, а онъ?

Только любящая женщина могла такъ просто и такъ ужасно поставить вопросъ. Въ памяти промелькнуло лицо Гриневича, искаженное мукой.

«Да образумься, же образумься, моя Жанночка». Не то молить, не то приказываетъ его голосъ.

— Это просто непостижимо! По-вашему, стало быть, можно любить человѣка и не жалѣть?—не унимается Соня.

— Я не могла бы любить человѣка, котораго нужно жалѣть.

Соня смотрѣла на нее презрительно.

— Ну-съ, а себя вы жалѣете или нѣтъ?

— Съ какой стати? Я поступаю какъ сама хочу, какъ только и могу поступать по своимъ убѣжденіямъ.

— Великолѣпно! вы, стало быть, счастливы?

— Стало быть я довольна—это важнѣе, чѣмъ счастье.

Соня взмахнула руками отъ невозможности найти подходящія слова для своего волненія.

— Ну, погодите же, погодите!... будете вы наказаны, и подѣломъ! Это ничего не значить, что пока вы еще не совсѣмъ измотались!—приговаривала она съ угрозой, какъ будто ее лично оскорбляла такая дьявольская выдержка.

Вѣра мрачно вскинула на нее глазами. Развѣ не чувствуетъ она минутами того же самаго.

«...А вотъ уѣду завтра—всему конецъ. Отъ бездѣлья раскисъ»,—подумала она горячо.

Соня собралась уходить. Баскиной хотѣлось, чтобы она еще поѣла. Она чувствовала какъ неожиданный разговоръ возстановлять твердость, распатанную долгой душевной мутой. Собственные дремлюнные отвѣты разгоняютъ кошмаръ затаенной, безысходной ти.

— Соня, неужели же вы меня совсѣмъ не понимаете?—спросила внезапно.

Соня усмѣхнулась съ сожалѣніемъ.

— Чего тутъ не понимать—это все изъ катехизиса. Такъ разсуждаютъ всѣ, пока не влюбятся. Я бы не удивлялась нисколько, еслибъ не знала, что у васъ серьезное чувство... На что же вы надѣетесь, Вѣра, если до сихъ поръ вамъ же не удастся задушить его.

«...Ни на что... нельзя разлюбить!»—отвѣтила она мысленно съ отчаяніемъ. Вся мука, что больше не усиливалась скрывать, отражалась въ ея больномъ лицѣ.

— Нѣтъ, такъ никто кромѣ васъ не безумствуетъ, даже Ева!—смотрѣла на нее съ удивленіемъ Соня.—Неужели вы не понимаете, что Ева не была бы такъ сильна, еслибъ она не прошла сначала черезъ свою неудачную любовь? Но вы—вы были бы безумно счастливы! какъ мы со Скворкой... разумѣется, со всѣмъ въ другомъ родѣ. И сама, сама не хотите! Нѣтъ. Знаете что? я скажу Гриневичу, что вы его нисколько не жалѣете, даже считаете постыднымъ жалѣть.

— Вы этого не скажете, Соня, вы не произнесете передъ нимъ моего имени!—крикнула, вспыхнувъ Вѣра.

— Это почему? ужъ не воображаете ли вы, что никто вашего имени не произноситъ? вотъ еще фантазія! Нѣтъ-съ, онъ узнаетъ, какъ дико вели себя все послѣднее время... Васъ всѣ, всѣ осуждаютъ. А я скажу, что вы бездушны! Я очень люблю нашего Гринечку, мнѣ его очень жалко. Если вы только и мечтаете, чтобы это кончилось, значить вы должны желать, чтобы онъ скорѣе охладѣлъ къ вамъ... И полюбить другую. Вотъ единственный исходъ для васъ обоихъ.

Соня ушла съ этимъ жестокимъ приговоромъ. Приговоръ, впрочемъ, не произвелъ впечатлѣнія, но зато весь разговоръ подѣйствовалъ какъ разъ обратно тому, чего добивалась Просвѣтова. Вѣра давно уже не чувствовала на сердцѣ такого затишья.

Было очень поздно. Кое-что оставалось еще не уложеннымъ, и Вѣра провозилась около часа, для того, чтобы быть совсѣмъ свободной утромъ, когда явится Артаевъ.

Страшно устала она въ этотъ мучительный день. Но и сонъ былъ тревожный, какъ бываетъ послѣ сильныхъ возбужденій. Во снѣ она продолжала объясняться съ отцомъ и съ Соней. Вдругъ, посреди разговора, Соня опустила руку въ карманъ и вынула оттуда письмо. Между ними очутилась огромная, широкая лѣстница. Соня издали показывала конвертъ и коварно хохотала. Вѣра порывалась къ ней въ безсильномъ бѣшенствѣ.

Сердце неистово колотилось въ груди.

Открыла глаза и долго не понимала, что это наяву: хозяйка

стоитъ передъ кроватью, будить ее и подаетъ депешу. Было семь часовъ утра.

Подъ депешей стоялъ псевдонимъ Гриневича.

«Буду, Петербургъ, завтра».

Она сидѣла на постели, стуча зубами отъ холода и перечитывала эти пять словъ десятки разъ.

Гриневичъ никогда не предупреждалъ о себѣ депешей. Въ этомъ какой-то особенный смыслъ?

Артаевъ явился въ десять часовъ. Все было готово, вещи увязаны.

Андрей давно не видалъ ее и былъ пораженъ исхудалымъ видомъ, хоть сегодня она выглядѣла несравненно свѣжѣе, нежели наканунѣ. Его поразила лихорадочная напряженность во взглядѣ, болѣзненная надомленность голоса.

Вѣра встрѣтила его необыкновенно тепло и долго объясняла про внезапность своего отъѣзда. Какъ всегда, она поручала ему отца и чего никакъ уже не ожидалъ, среди разговора она вдругъ схватила за обѣ руки и выговорила скороговоркой:

— Вы должны простить мнѣ, Андрей! вѣдь это не въ нашей власти!... Не считайте меня бездушной... ужасно несправедливо.

И прежде чѣмъ взволнованный, онъ успѣлъ выговорить что-нибудь, — она уже выпустила руки и подхватила недоговоренную фразу о томъ, что онъ одинъ имѣетъ вліяніе на отца и долженъ убѣдить его послушаться докторовъ и уѣхать за границу.

Артаевъ понялъ, что отъ него не требуется никакого отвѣта.

Вѣра уѣхала. Артаевъ нѣсколько разъ повторялъ, что у нея навѣрное лихорадка; щеки горить, какъ въ жару, а руки холодныя. Говорить безъ умолку, странно разбрасываясь и не договаривая.

— Послушайте! — сказала она вдругъ, прищурившись куда-то вдаль. — Вы вѣдь помните, что я получила первую золотую медаль въ гимназій? Ну и всегда... все за что берусь, я добиваюсь дѣлать на полные баллы... Вы мнѣ вѣрите? Сегодня получаю вторую золотую медаль. Надѣюсь, это уже послѣдняя въ моей жизни.

Они ходили взадъ и впередъ по платформѣ вдоль готоваго поѣзда. Вѣра бросилась въ вагонъ, онъ не могъ отвѣтить на странную фразу.

Вечеромъ Артаевъ отправился къ Севорцовымъ и засталъ тамъ Гриневича.

«...А-а!... не предчувствовала!» — подумалъ Андрей сейчасъ же, не подозревая наивности своего злорадства.

Приятно было удостовериться въ сумрачномъ лицѣ Гриневича и отмѣчать непривычную неровность его обращенія. Рассказываетъ всякіе пустяки заграничныя. Даже анекдоты про хромого англичанина рассказалъ зачѣмъ-то, а въ каждую свободную минуту пропадаетъ весь въ глубокой думѣ. Вопросы плохо слышнѣтъ. Глаза совсѣмъ уже щелочками смыкаются. Такъ, такъ!...

О Баскиной не было рѣчи. Но разговоръ плохо вязался; чувствовалось, что всѣ о чемъ-то думаютъ и, должно быть, думаютъ всѣ объ одномъ и томъ же.

Соня любопытно поглядывала на Артаева и, улучивъ минутку, спросила:

— Провожалъ Вѣру?

Поглядѣли въ глаза другъ другу.

«А ты, небось, радъ до смерти!»—подумала, усмѣхаясь Соня. Артаевъ скоро простился и ушелъ. Къ его изумленію, на дворѣ его догналъ Гриневичъ. Они пошли въ одну сторону.

«...Что-жъ, побесѣдуемъ пожалуй»,—рѣшилъ Андрей съ новымъ приливомъ злорадства и заговорилъ первый.

— Вы нынче частый гость у насъ, Гриневичъ.

Тотъ чуть замѣтно вздрогнулъ, какъ будто не ожидалъ, чтобы его спутникъ могъ мирно заговорить.

— Такія дѣла. Не худо бы и вовсе пожить хоть съ полгода, какъ сподручнѣе.

— Ну, будто вы въ звѣзду свою не вѣрите!—не утерпѣлъ Андрей.

— Въ свою звѣзду вѣрить каждый,—отвѣтили ему тономъ челоуѣка, принимающаго вызовъ. Одно изъ самыхъ полезныхъ вѣрованій, между прочимъ, люди годны на что-нибудь только въ упряжкѣ.

Артаевъ поглядѣлъ на него въ бока.

— Ну, это не вполне вразумительно въ вашихъ устахъ. Убѣжденія и вѣрованія—упряжка?

Гриневичъ повернулъ голову и въ первый разъ посмотрѣлъ на него.

— И самая надежная, разумѣется... Вы, помнитса, къ психологіи были привержены?... Да, кстати, не забыть бы, вамъ усердно кланяется Даша Просвѣтова.

Артаевъ началъ сочувственно спрашивать. Ему Даша всегда правилась больше другихъ сестеръ.

— У этой не простая упряжка, а съ шорами!—замѣтилъ Гриневичъ, давая ему кое-какія подробности ея учебныхъ мытарствъ.— У васъ и всѣ поразѣхались? Соня жалуется, что они попались въ ловушку, и теперь имъ вовсе не выбраться... Не вышло.

Артаевъ попросту промолчалъ.

Какая-то незнакомая злобная дрожь пробѣжала по тѣлу. Зашевелилось колючими мурашками въ пальцахъ. Гриневичь безсознательно сжалъ кулаки.

«...И навѣрное видѣлъ ее послѣдній, — провожалъ на вокзалъ, само собой разумѣется».

Весь этотъ человекъ, давно знакомый, но всегда одинаково далекий — вся крупная, спокойно мощная фигура мгновенно пропиталась несноснымъ ощущеніемъ физическаго отвращенія.

«...Всегда его терпѣть не могъ, всегда... влеталъ на себя Гриневичь, насыщая этимъ что-то. Молчить скотина! не угодно ли спрашивать».

— Баскина... говорить уѣхала сегодня... Здорова? Больна была въ послѣдній разъ.

«...Ага! тебѣ лестно, чтобы она умирала по тебѣ!... Сонька доложила, разумѣется...» — разомъ весь закипѣлъ Андрей.

— Отецъ не могъ умолить съ нимъ поѣхать за границу, здорова стало быть.

Гриневичь вздрогнулъ, безотчетно пугаясь новой неожиданностью, что еще за фокусы?

Гулко разносятся шаги среди чуткой тишины. Сторожать всюду прозрачно блѣдные духи весенней ночи. Ускользаютъ безшумно за всѣми углами. Новые и новые наплываютъ сзади, сверху, сбоковъ. Загадочно дремлютъ блѣдныя зданія, точно разступаются шире отъ каждаго неурочнаго шага. Только линіи контуровъ отчетливо выступаютъ въ затушеванныхъ, какъ на рисунокѣ деталей. Безъ привычныхъ огней дома кажутся пустыми. Возможно ли, что миллионная толпа продолжаетъ дышать за этими сомкнувшимися камнями, не выдавая себя ни однимъ звукомъ, движеніемъ.

Дивно идетъ къ волшебнымъ ночамъ важный и печальный обликъ пустого города. Идетъ къ нимъ строгая точность прямыхъ линій и угловъ въ этихъ пересѣкающихся перспективахъ — идетъ всего больше величавая красота Невы, съ просторомъ спокойной мощи. Быть жеть, весь характеръ города, сухой и однотонный, идетъ къ волшебнымъ ночамъ этимъ полнымъ отсутствіемъ фантазіи; ничто рѣзко выдѣляется, задерживая глазъ, тревожа вниманіе. Никакіе величьи не нарушаютъ общей гармоніи, не заслоняютъ собой вѣющаго востора безцвѣтнаго неба. Есть только впечатлѣніе прекраснаго цѣлого, какъ полнота аккорда.

На шаги по каменнымъ плитамъ возмущали царство весеннихъ

тѣней. Двое людей—плечо къ плечу, несли въ груди одну мятежную своевольную силу въковѣчной земной муки.

Отъѣзд Баскиной послѣ его телеграммы возмущилъ Гриневича. Гдѣ искать?! О, конечно, она-то ужъ сумѣетъ *исчезнуть*, коли найдеть нужнымъ. Въ первую минуту мелькнула надежда, что Вѣра не получила депеши, запоздать могла. Справка телеграфной станціи убила и эту надежду.

...Уѣхала намѣренно, *отъ него* уѣхала.

— Вамъ Баскина не говорила, на долго ли она въ Москву?— прозвучалъ, наконецъ, прямой вопросъ.

...Пусть этотъ черберъ думаетъ что угодно!... На вопросъ отвѣчаютъ—это все что нужно.

Бровь кинулась въ лицо Артаеву.

Разомъ въ этомъ вопросѣ всталъ простой неизбѣжный фактъ, о которомъ почему-то ни разу не подумалъ: что же мѣшаетъ Гриневичу броситься въ догонку, найти ее!

...Чему, чему онъ ребячески радовался?!

«Опоздалъ, молъ, другъ сердечный, на себя пѣний». Бываетъ же человѣкъ идиотомъ!

Онъ пробормоталъ, что не знаетъ, не спросилъ. Но вдругъ... со взрывомъ злобы, въ отместку за то, что смѣютъ распрашивать, съ ядовитымъ восторгомъ дерзкой выходки Андрей остановился и выговорилъ, глядя прямо въ лицо Гриневичу:

— Вы, конечно, поѣдете въ Москву?

Гриневичъ запнулся отъ неожиданности и точно не смѣя промедлить, отвѣтилъ сейчасъ же:

— Да, мнѣ надо дальше.

Дотронулся до своей шляпы и свернулъ за уголъ направо.

«...*Мнѣ надо дальше!*—повторялъ въ бѣшенствѣ Артаевъ.— «Надо дальше...» что означаетъ сія грамматическая бессмыслица?!»

...Не смѣлъ, небось, отвѣтить честно: «да, я сегодня же ѣду въ Москву».

«...*Мнѣ* этого сказать не посмѣлъ».

...Проводилъ и успокоился! Смотрѣлъ, какъ тотъ у Скворцовыхъ вертѣлся, точно на горячихъ угольяхъ и всетаки не понималъ.

...Въ разговоры вступалъ, отвѣчалъ, злорадствовалъ.

Точно его одурачили.

Точно онъ не помѣшалъ чему-то, чему можно было помѣшать. Для спасенія Вѣры не сдѣлалъ чего-то.

Прозрачно блѣдные духи весенней ночи смѣялись надъ нимъ.

Ольга Шапирь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДИТЯ ГОРЯ *).

Хельми Сетэле.

(Переводъ съ финскаго.)

Мы поселились въ необыкновенно живописномъ мѣстѣ, гдѣ уже одна природа способна была разсѣять самое тяжелое горе. И дѣйствительно, ея горе стало смягчаться. Мы гуляли цѣлые дни, всходили на горы и катались на лодкѣ по голубой поверхности моря. На ея щекахъ снова появился румянецъ, глаза приобрѣли утраченный блескъ и ея тѣло стало опять гибкимъ, какъ прежде. Я радовался, какъ дитя, глядя на нее, и мы прожили снова нѣсколько счастливыхъ мѣсяцевъ. Но вдругъ на нашемъ горизонтѣ снова появилась темная туча.

Она стала молчалива и грустна. Я боялся вѣрить своей догадкѣ и старался отогнать эту мысль, но долго я не могъ обманывать себя. Она опять ждала ребенка. Она не могла радоваться этому, такъ какъ заранѣе боялась потерять и этого ребенка, и это приводило ее въ ужась.

Но ради меня она старалась казаться спокойной; она не хотѣла отравлять мою радость. Но когда я замѣтилъ, какихъ усилій ей это стоило, то я также пересталъ радоваться. Я обвинялъ себя въ новомъ несчастіи, такъ какъ предчувствовалъ, что ея положеніе будетъ только новымъ источникомъ горя. Но если бы я только могъ предвидѣть всю бездну несчастія, то я едва ли вынесъ бы это.

Мы вернулись въ нашъ старый домъ, который, несмотря на всѣ орестныя воспоминанія, былъ для насъ такъ дорогъ. Вскорѣ послѣ нашего возвращенія она стала такъ слабѣть, что должна была слечь.

Я тогда еще не подозрѣвалъ, что она узнаетъ сама, какъ опасно і положеніе. Докторъ, который съ первой минуты увидалъ опасность, сообщилъ, наконецъ, и мнѣ, что предстояла борьба между

*) *Русская Мысль*, 1906 г., кн. VI.

жизнью и смертью. Я не повѣрилъ ему, я *не хотѣлъ* вѣрить. Я думалъ, что ея слабость является лишь естественнымъ слѣдствіемъ ея положенія, и былъ увѣренъ, что силы снова вернутся къ ней.

Однако я не зналъ себѣ больше покоя, хотя и старался скрыть отъ нея свою тревогу. Тѣмъ не менѣе я не могъ вполне владѣть собою. Она читала горе и беспокойство въ моихъ глазахъ, и ея подозрѣнія проснулись. Я слышалъ, какъ она стонала по ночамъ, и видѣлъ, какъ на ея глаза наворачивались слезы. Она не хотѣла умирать, хотя и чувствовала смертельную усталость.

Она старалась подавить свой страхъ, но онъ всетаки проявлялся. Въ ея душѣ проснулись вновь тѣ сомнѣнія, которыя мучили ее, когда она готовилась къ конфирмаціи. Впрочемъ, они никогда и не покидали ее совершенно, хотя я по своему легковѣрію и воображалъ это. Она видѣла всѣ свои маленькіе проступки въ страшно преувеличенномъ видѣ. Она считала себя великой грѣшницей, для которой не могло быть прощенія.

Но смерть нашихъ дѣтей мучила ее больше всего. Она почему-то обвиняла себя въ ихъ смерти, но тогда я не могъ объяснить себѣ хода ея мыслей. Теперь только я понялъ ее совершенно. А тогда я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о всей глубинѣ ея страданій. Когда она неотступно наблюдала за мной, какъ если бы она хотѣла проникнуть въ самую глубину моей души, мнѣ казалось, что она думаетъ о горечи разлуки. Но потомъ оказалось, что ея мысли были заняты разрѣшеніемъ одной загадки; она видѣла корень нашего горя гораздо глубже, чѣмъ я это могъ предполагать.

Однако по мѣрѣ приближенія рѣшительной минуты она становилась все спокойнѣе. Борьба въ ея душѣ понемногу утихала, и она какъ бы отрывалась постепенно отъ всего земного. Подъ конецъ она спокойно говорила о разлуцѣ и старалась утѣшить меня.

Я чувствовалъ свое безсиліе удержать ее, и мое сердце разрывалось на части.

Я долженъ былъ стоять возлѣ нея и наблюдать за тѣмъ, какъ смерть приближается къ ней шагъ за шагомъ. Она лежала безъ сознанія цѣлыми днями; но у нея не было собственно никакой определенной болѣзни, она была только очень слаба.

У меня не сохранилось ясныхъ воспоминаній объ этихъ тяжелыхъ дняхъ. Но я всегда вижу ее передъ собой, блѣдную и холодную, въ гробу съ нашимъ мертворожденнымъ ребенкомъ на рукахъ. На ея головѣ былъ миртовый вѣнокъ, какъ однажды раньше, но теперь она вѣнчалась со смертью.

Съ того дня прошли годы. Меня неотвязно мучаетъ вопросъ, за-

тѣмъ я живу. Почему я самъ старѣю, тогда какъ горе въ моемъ сердцѣ никогда не старѣеть?

Теперь я одинокъ и покинутъ всѣми. Когда мучительный, безконечный день приходитъ къ концу, я иду въ ея комнату. Изъ ящика стола я вынимаю пожелтѣвшіе листы и перечитываю ихъ еще и еще разъ. И при чтеніи передо мной постепенно выступаютъ два образа: одинъ веселый и жизнерадостный, какой она была отъ природы, другой—надломленный горемъ, какою она стала по моей винѣ.

Рождественскій сочельникъ. Огонь въ печкѣ потухъ. Часы бьютъ полночь. Другіе уже успѣли повеселиться вокругъ елки и надѣлили другъ друга подарками. Мой подарокъ ждетъ меня тамъ, въ той комнатѣ, гдѣ воздухъ спертый. Я захожу въ комнату, вынимаю единственное воспоминаніе, которое она сама оставила мнѣ, и читаю—я самъ не знаю, въ который разъ—эти пожелтѣвшіе листы.

Когда я была маленькой, то я всегда желала имѣть крылья, чтобы улетѣть куда-нибудь далеко-далеко. И мысленно я представляла себѣ, какимъ долженъ казаться свѣтъ, если смотрѣть на него съ вышины. Мнѣ казалось, что онъ долженъ походить на муравейникъ, въ которомъ кипитъ жизнь и откуда раздается рокоть, напоминающій шумъ водопада или отдаленные раскаты грома.

И вотъ на моихъ плечахъ выросли теперь крылья. Я несусь черезъ безбрежное пространство воды, не по воздуху надъ его поверхностью, а на пароходѣ, который направляется въ неизвѣстную для меня даль. Мое сердце готово разорваться отъ радости. Я несусь къ свѣту, свободѣ и счастью!

Мнѣ хочется заключить весь міръ въ свои объятія, такъ я счастлива и довольна. Мы поселились на уединенномъ островѣ, гдѣ наняли рыбацью хижину. Я вижу море даже со своей кровати. Мы отыскали въ береговыхъ скалахъ одно ущелье, защищенное отъ вѣтровъ, и туда мы отправляемся каждый день съ нашимъ мольбертомъ. Я лежу вытянувшись на пескѣ и слѣжу за полетомъ облаковъ или люблюсь, какъ солнце вечеромъ погружается въ море.

Какое блаженство предаваться иногда полному бездѣлю. Я лежу на пескѣ, и книжка со стихотвореніями Гейне замѣняетъ мнѣ подушку. Изрѣдка я произношу отрывки изъ его стихотвореній. Я выискиваю всегда самыя страстныя изъ его любовныхъ пѣсенъ, онѣ мнѣ больше всего нравятся, такъ какъ отвѣчаютъ моему настроенію.

Я исподтишка смотрю на тебя, когда ты сидишь за работой. У тебя такая изящная и бѣлая рука и ты такъ красиво водишь кистью. Иногда твой взоръ надолго устремляется вдаль и твоя рука падаетъ на колѣни. Тогда я наблюдаю за тобой съ затаеннымъ дыханіемъ и стараюсь угадать, что занимаетъ твои мысли. Но едва мнѣ начинаетъ казаться, что я разрѣшила эту загадку, какъ ты взглядываешь на меня, и я отворачиваюсь и краснѣю.

Я совершенно довольна и не нуждаюсь ни въ чьемъ обществѣ, для меня довольно моихъ мыслей. Я стараюсь вызвать въ своей памяти мое дѣтство. Годъ за годомъ я ухожу въ глубь своихъ воспоминаній, но подъ конецъ я всегда останавливаюсь передъ сѣрой стѣной, за которую я не въ силахъ проникнуть. Ты рассказывалъ мнѣ, какъ я однажды вечеромъ во вьюгу очутилась передъ твоей дверью, этого я, конечно, не помню, но я такъ часто слышала объ этомъ, что совершенно ясно вижу передъ собой эту картину. Но какъ я попала къ тебѣ, гдѣ я до тѣхъ поръ находилась—этого я никогда такъ и не узнаю. Часто во время прогулокъ я старалась всматриваться во всѣхъ встрѣчавшихся мнѣ старыхъ, бѣдныхъ женщинъ, чтобы открыть въ ихъ чертахъ хоть одну знакомую черту, которая могла бы разбудить во мнѣ воспоминаніе о далекомъ прошломъ. Я такъ увѣрена, что принадлежу къ тому классу людей, которые не знаютъ радостей и наслажденій жизни. Иногда меня охватываетъ невыразимая душевная тревога; мнѣ хочется отдать хоть половину всѣхъ тѣхъ благъ, которыми я пользуюсь, другой, но кому—я не знаю. Потому я никогда не могу пройти мимо бѣдной, которая протягиваетъ мнѣ свою сморщенную руку, не подавъ ей милостыни.

Всѣ здѣсь думаютъ, что я твоя дочь. И мы оставляемъ ихъ въ этой увѣренности. Но разъ, когда наша старая хозяйка спросила меня, когда умерла моя мать, я не знала, что ей отвѣтить. У этой старушки есть такъ много, о чемъ порассказать. Когда она сидитъ за своей самопрялкой, я сажусь рядомъ съ ней и прошу ее что-нибудь рассказать. По большей части она говоритъ о морѣ и о разныхъ несчастіяхъ. Ея мужъ погибъ въ морѣ уже много лѣтъ тому назадъ, а оба ея сына пропали безъ вѣсти. «Никогда не выходите замуж, милая барышня,—сказала она мнѣ только что,—это источникъ всѣхъ несчастій». Конечно, я никогда не выйду замужъ за моряка.

Вчера ты говорилъ со мной о своей большой картинѣ. Ты почти всегда посвящаешь меня въ свои планы, ты знаешь, что я никому

нихъ не разскажу, потому что они составляютъ какъ бы наше общее достояніе. Когда я слушаю, какъ другія дѣвушки разговариваютъ о своихъ платьяхъ и объ удовольствіяхъ, я съ недоумѣніемъ спрашиваю себя, неужели онѣ никогда не думаютъ ни о чемъ другомъ. Неужели у нихъ нѣтъ такого друга, какъ у меня, который посвящалъ бы ихъ въ свои тайны.

Ты хочешь нарисовать «тоску по родинѣ». Ты находишь, что этотъ песчаный берегъ, омываемый открытымъ моремъ, представляетъ изъ себя удачную обстановку для задуманной картины. А величіе, уединеніе и тишина, царящія здѣсь, дадутъ должное настроеніе. Эта картина, какъ живая, стоитъ передъ моими глазами. На берегу вырисовывается фигура молодой дѣвушки; заслонивъ влажные глаза рукой, она вперила свой взоръ въ туманную даль, и при этомъ ея стройный, слегка наклоненный станъ вотъ-вотъ готовъ улетѣть вслѣдъ за мыслями въ родной край.

Мы долго искали подходящую натурщицу для молодой дѣвушки, но напрасно. Мара слишкомъ толста и неуклюжа, у Герты лицо крупное и красное, и ни у той, ни у другой нѣтъ и тѣни выраженія душевнаго страданія и тоски на лицѣ. Всѣ дѣвушки здѣсь здоровыя рыбки, которыя понятія не имѣютъ о томъ, что такое тоска или душевное страданіе. Я предложила тебѣ лучше нарисовать двухъ краснощекихъ дѣвушекъ въ лодкѣ во время бури съ развѣвающимися волосами и платками. Но ты только засмѣялся на мое предложеніе.

Вчера уже поздно вечеромъ я вышла прогуляться. Былъ ясный лунный вечеръ и было свѣтло, какъ днемъ, хотя свѣтъ былъ таинственный, почти наводящій страхъ. Я взобралась на одну прибрежную скалу, чтобы оттуда полюбоваться, какъ луна разсыпаетъ свои серебряные лучи по поверхности моря, и долго стояла тамъ, забывъ все кругомъ. Когда я оторвала, наконецъ, свой взоръ отъ дали, то я увидала тебя на берегу въ моихъ ногахъ. Однимъ прыжкомъ спрыгнула я внизъ и съ лаской бросилась къ тебѣ на шею. Ты взялъ мою голову въ объ твои руки и посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза. «яоМ илая Бѣлая Куропаточка, теперь я нашелъ, наконецъ, натурщицу для моей дѣвушки, ты точно создана для этого».

Я позировала передъ тобой много дней. Ты безъ конца поправляешь складки на моемъ бѣломъ платьѣ, но ты все недоволенъ чѣмъ-то. такъ хорошо знаю эту глубокую морщину между твоими бровями,

когда тебѣ что-нибудь не удастся. Ты часто прерываешь свою работу съ нетерпѣливымъ и недовольнымъ видомъ. Я стараюсь утѣшить тебя и придать тебѣ мужества, но ничто не помогаетъ. Если бы ты далъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, посмотрѣть, что ты нарисовалъ, но нѣтъ, ты всегда отказываешь мнѣ въ этомъ.

Ты такъ безпокоенъ, тебя что-то мучаетъ. Мнѣ не удастся больше разсмѣшить тебя, и ты не хочешь больше слушать моего милаго Гейне. И мнѣ самой стало, наконецъ, грустно.

Теперь я знаю причину. Боже, если бы я только знала, что мнѣ дѣлать. Съ одной стороны мнѣ такъ хочется исполнить твое желаніе, съ другой—возстаетъ вся моя женская стыдливость. Мы не сказали объ этомъ ни слова, и все-таки я знаю, что оба мы только и думаемъ объ этомъ. Ты показалъ мнѣ, наконецъ, то, что ты нарисовалъ. Не знаю почему, но картина представлялась мнѣ совершенно другой. Отъ нея вѣяло холодомъ, въ линіяхъ не было изящества. Въ то время, какъ я разсматривала картину, ты поставилъ рядомъ съ ней изображеніе капитолійской Венеры. И скороговоркой, какъ бы страхась своихъ собственныхъ словъ, ты проговорилъ: «Вотъ какой она должна была бы быть!»

Я посмотрѣла на тебя. Я почувствовала, какъ густая краска залила мои щеки, и ты также отвернулъ свое покраснѣвшее лицо. Наступило мучительное молчаніе. Я поняла, чего ты хотѣлъ, но я не была въ состояніи произнести ни одного слова.

Это становится невыносимо. Мы стали вдругъ точно чужими другъ для друга. Я видѣла, какъ ты страдалъ, да и сама я измучилась. Безчисленное множество разъ я старалась убѣдить себя, что въ этомъ нѣтъ ничего дурного; вѣдь я съ ранняго дѣтства привыкла восхищаться красотой человѣческаго тѣла, и никогда мнѣ и въ голову не приходило, что въ этомъ есть что-нибудь дурное или унижительное. Я отлично знала, что у тебя было множество голыхъ натурщицъ и натурщиковъ, хотя я ихъ никогда и не видала. И я, наконецъ, согласилась. Ты сейчасъ же понялъ меня, хотя я не выразила своего согласія ни единымъ словомъ. Твоя радость тронула меня. Ты называлъ картину моею картиной, нашей общей работой, такъ какъ безъ меня она никогда не удалась бы тебѣ.

Какъ странно смотрѣть на эту картину теперь, когда она готова. Лицо не мое, фигуру я также не узнаю. Все вмѣстѣ представляеть

изъ себя массу яркаго свѣта, который почти ослѣпляетъ. У меня никогда не хватаетъ духу смотрѣть на нее въ твоёмъ присутствіи; я это дѣлаю потихоньку, когда никто этого не замѣчаетъ.

Меня точно подмѣнили; я какъ будто боюсь или стыжусь тебя. Я чувствую на себѣ твой взглядъ и мнѣ кажется, точно онъ проникаетъ сквозь мое платье. Мнѣ стало тягостно жить на этомъ островѣ, я хочу прочь отсюда, меня тянетъ въ общество другихъ людей. Я боюсь тебя, хотя не имѣю для этого никакого основанія.

Я потеряла сонъ. Я лежу съ закрытыми глазами, но мысли работаютъ въ моей головѣ, какъ никогда раньше. Моя фантазія создаетъ одну картину за другой. Я вижу сны, хотя и не сплю, и живу своей особенной скрытой жизнью, удивительно прекрасной, которая гораздо лучше дѣйствительности. Этой жизнью я живу съ самыхъ малыхъ лѣтъ.

Я помню, какъ невыразимо я горевала, когда еще совсѣмъ маленькой дѣвочкой узнала, что ты мнѣ не отецъ. Но потомъ я начала строить воздушные замки. Ты представлялся мнѣ рыцаремъ, который спасъ меня отъ громадной опасности, снесъ въ свой замокъ и сдѣлалъ меня своей женой. Когда я стала старше, то мои мечты приняли болѣе осмысленный характеръ. Но всѣ мои надежды, всѣ мои помышления, всѣ мои понятія о счастіи группировались вокругъ тебя. Для меня существовалъ ты одинъ, всѣ остальные не имѣли никакого значенія для меня. Однако, твое спокойствіе, твоя отеческая нѣжность мучили меня. Ты обращался со мной, какъ съ ребенкомъ, тогда какъ мнѣ самой казалось, что я стала уже взрослой дѣвушкой. Я стала ревновать тебя, я слѣдила за каждымъ твоимъ шагомъ, за каждымъ твоимъ словомъ. Но я старалась скрыть это чувство, потому что мнѣ самой было стыдно за него.

Отъ лѣта осталось одно лишь воспоминаніе. Мы снова дома и наступаютъ длинные зимніе вечера. Въ ателье въ большой печкѣ каждый вечеръ горитъ огонь, передъ которымъ мы сидимъ и болтаемъ. И не вѣрнѣе сказать: ты сидишь, а я лежу, растянувшись на медной шкурѣ, и представляю себѣ, что лѣто не прошло, и что я лежу на пескѣ на берегу моря. Какъ медленно ползутъ дни. Я хотѣла бы дать времени крылья, чтобы оно унесло меня въ полдень жизни. Эта пора манитъ и чаруетъ меня, хотя въ то же время и пугаетъ.

Я искала одинъ рисунокъ въ ящикѣ своего стола и на мѣсто него нашла эту синюю тетрадь. Я не видала ее цѣлыхъ два года. За эти два года въ моей жизни было столько душевной борьбы и впечатлѣнія смѣнялись такъ быстро, что я не была въ состояніи заносить ихъ на бумагу. Теперь, когда буря улеглась и осталось только легкое волненіе, я могу оглянуться назадъ на свою жизнь, и я должна сознаться, что это время было богато не только страданіями, но также и радостью. Безъ страданья я едва ли могла оцѣнить то, что ты подарилъ мнѣ.

Если бы ты раньше сказалъ мнѣ, что настанетъ время, когда я буду для тебя чужой, то я не повѣрила бы тебѣ. Но такъ это и случилось. Это было самое печальное, самое мрачное время въ моей жизни. Теперь я могу спокойно думать о немъ, но тогда во всемъ моемъ существѣ произошелъ переворотъ и мои лучшія чувства возставали другъ противъ друга. Я была высокомерна и ставила себя выше тебя.

Ты далъ мнѣ вырасти въ полной свободѣ и за это я сохраню къ тебѣ вѣчную благодарность. Природа была моимъ храмомъ, который наполнялъ мою душу благочестіемъ. То ученіе, которое проповѣдывалось въ этомъ храмѣ, не ставило преградъ для души и не знало никакихъ узкихъ догматовъ. Оно состояло только изъ одной любви. И тотъ Богъ, которому я выучилась поклоняться, былъ великій, добрый и всепрощающій. Это не былъ Богъ мести или Богъ ненависти. Искусство было моей библіей. Оно давало мнѣ духовную пищу. Въ немъ нѣтъ ничего низкаго, ничего несправедливаго. Я выучилась восхищаться природой и почитать ее святыней. Ничто въ ней не казалось мнѣ безобразнымъ или ничтожнымъ.

Тѣ понятія, которыя внушались мнѣ въ школѣ, отпадали отъ меня, не оставляя никакихъ слѣдовъ. У меня былъ свой собственный взглядъ на жизнь, своя религія. И я презирала узкіе взгляды моихъ подругъ и ихъ мелочность. Онѣ могли находить непримичнымъ многое такое, что я съ малыхъ лѣтъ привыкла считать прекраснымъ. Они смѣялись надо мной, когда я копировала картины старинныхъ мастеровъ, находившихся въ нашихъ мастерскихъ. Я видѣла въ человѣческомъ тѣлѣ красоту, тогда какъ онѣ видѣли въ немъ лишь что безобразное и нечистое.

Однако, нравственное давленіе, производимое на меня извнѣ, было настолько сильно, что у меня не хватало силъ противиться ему. Я рѣшила готовиться къ конфирмаціи, какъ и мои подруги. Нашъ учитель былъ большой ораторъ; онъ сталъ дѣйствовать сперва на наши чувства и это ему удалось. Каждый разъ, когда я сидѣла въ

его низкой комнатѣ, которая была наполнена воспоминаніями его учениковъ и поклонниковъ, я чувствовала себя во власти какихъ-то чаръ. Я прислушивалась невольно къ его словамъ и вѣрила имъ. Мое сердце сжималось, я чувствовала, какъ его сжимала сильная рука моего учителя, и я едва осмѣливалась дышать. Мой покой былъ утраченъ. Я начала задумываться надъ религіозными вопросами. Я не видѣла впереди ничего, кромѣ гибели и ада, и мой Богъ, который до тѣхъ поръ былъ для меня добрымъ отцомъ, превратился въ строгаго судью.

Я во всемъ стала видѣть грѣхъ, во всемъ, что я раньше находила прекраснымъ и благороднымъ. Искусство превратилось въ грѣхъ, а наше ателье я находила настоящимъ вертепомъ грѣха и боялась переступить туда ногой. Вѣдь тамъ на стѣнѣ висѣлъ мой портретъ, на которомъ я была изображена голая, облитая солнечными лучами и зноемъ. Я видѣла въ этой картинѣ воплощеніе грѣха. И каждый разъ, когда я вспоминала о ней, я чувствовала, что мои щеки пылаютъ. Какъ могла я пасть такъ низко! Какъ могла я обнажить передъ тобой мое тѣло и позволить тебѣ нарисовать меня голой! Мнѣ казалось, что этимъ поступкомъ я заклемила себя на всю жизнь, и что существуетъ только одинъ способъ избавиться отъ этого пятна. Я вскочила, взяла со стола острый ножъ и бросилась въ ателье. Я помню, съ какимъ злорадствомъ и съ какимъ святымъ гнѣвомъ я вонзила ножъ въ середину картины, и какое наслажденіе я почувствовала, когда полотно разорвалось подъ моей рукой. Вѣдь только этимъ способомъ я могла избавиться отъ своего грѣха и успокоить угрызения совѣсти.

Но вдругъ я услышала крикъ отчаянія, который вырвался изъ твоей груди; и я обернулась. Ты стоялъ въ дверяхъ, блѣдный, съ искаженными чертами лица. Никогда не забуду я этого выраженія страданія; одно мгновеніе мнѣ даже показалось, что я вонзила свой ножъ въ твое собственное сердце. Но я закалила свое сердце и старалась даже радоваться твоему горю, которое я находила грѣховнымъ. Однако, какъ я не старалась увѣрить себя, что поступила справедливо, твои печальные глаза, которые постоянно укоряли меня, не давали мнѣ покоя. Мнѣ было бы гораздо легче, если бы ты упрекалъ меня, если бы ты въ гнѣвѣ топнулъ на меня ногой или прибилъ бы меня, потому что тогда я могла бы защищаться и доказать тебѣ свою правоту.

Но ты оставилъ меня въ покоѣ и ни единымъ словомъ не старался образумить меня. Въ своемъ духовномъ высокомеріи я приговорила тебя къ вѣчной гибели, такъ какъ я была увѣрена, что ты ни

во что не вѣришь, — вѣдь ты и мнѣ не преподалъ никакой вѣры. Я цѣлыми днями читала религиозныя книги, — я и сама не знаю, откуда я ихъ доставала, — и я рѣшила начать совершенно новую жизнь. Я дала себѣ слово покинуть твой домъ и строить множество плановъ относительно своей будущности. То я была на пути въ Африку въ качествѣ миссіонера, то я была сестрой милосердія и т. п.

Все это время оба мы жили каждый своей отдѣльной жизнью. Мы едва обмѣнивались другъ съ другомъ словами и встрѣчались только за столомъ. По вечерамъ я всегда сидѣла въ своей комнатѣ и читала или ходила на религиозныя собранія. Мое мѣсто въ ателье, гдѣ я привыкла сидѣть по вечерамъ съ самаго дѣтства, теперь оставалось пустымъ, и я даже не переступала порога этой комнаты.

Я пошла на конфирмацію, не сказавъ тебѣ ни слова. Только позже я поняла, насколько это было дурно съ моей стороны. Когда я стояла передъ алтаремъ, то я вдругъ увидела тебя въ толпѣ. Ты смотрѣлъ на меня съ такой любовью и въ то же время такъ печально. Мое сердце сжалось и я не могла удержать слезъ, которыя полились изъ моихъ глазъ.

Когда я вышла изъ церкви, то тебя уже нигдѣ больше не было видно. Я пошла домой одна; никогда этотъ путь не казался мнѣ такимъ тяжелымъ и длиннымъ. На столѣ въ моей комнатѣ лежалъ снопокъ розъ, нѣжное благоуханіе которыхъ такъ и пахнуло мнѣ навстрѣчу въ дверяхъ. Снопки состоялъ только изъ однихъ желтыхъ розъ — моихъ любимыхъ цвѣтовъ. Я бросилась на свою кровать и разразилась слезами.

Не знаю, сколько времени я плакала, но въ концѣ-концовъ ты очутился возлѣ меня. Ты старался меня успокоить и нѣжно гладилъ мои волосы. Въ комнатѣ было темно, но дверь въ сосѣднюю комнату была открыта и оттуда падала полоса свѣта прямо на твое лицо. Оно было очень блѣдно, а твой взоръ выражалъ безпредѣльную нѣжность. Я прижала твою руку къ своимъ губамъ и прерывающимся голосомъ говорила что-то, сама не сознавая что именно.

Ты притянулъ меня къ себѣ и успокаивалъ меня, и твой голосъ дрожалъ отъ волненія. Ты говорилъ такимъ примирительнымъ тономъ и такъ умно. Религія нѣчто благородное и возвышенное, она не раздѣляетъ людей въ ненависти, а соединяетъ ихъ въ любви. Вѣдь мы и на свѣтѣ имѣемъ только другъ друга. Вмѣстѣ мы счастливы, а въ разлукѣ мы такіе жалкіе.

Когда я вспоминаю обо всемъ этомъ, то мнѣ дѣлается больно отъ стыда. Какъ ты былъ безконечно терпѣливъ; ты выслушивалъ мои возраженія, убѣждалъ меня и поддерживалъ совѣтомъ. Сперва я пс-

ходила на упрямого ребенка, который противорѣчить только изъ желанія противорѣчить и который слишком упоренъ для того, чтобы уступить и внять голосу разсудка. Я мало обращала вниманія на то, что ты мнѣ говорилъ, я только сама торопилась выложить весь запасъ тѣхъ мнѣній, которыя были искусственно привиты мнѣ, и я дѣлала это съ необыкновеннымъ самообладаніемъ и очень увѣренно. И только, когда весь мой запасъ истощился, заговорилъ ты. Я никогда не подозрѣвала, что ты, презиравшій, какъ мнѣ казалось, религію, способенъ говорить о ней такъ серьезно и съ такимъ благоговѣніемъ. Я вдругъ узнала тебя съ новой стороны и поняла, что ты также ищешь истину, и что ты вѣришь въ высшую цѣль жизни. И это открытіе заставило понемногу прозрѣть и меня.

Помнишь ли ты еще эти часы, когда мы сидѣли въ сумеркахъ и болтали? Впрочемъ, скорѣе ты говорилъ, а я слушала. Ты рассказывалъ мнѣ о своей молодости, о своихъ сомнѣніяхъ и внутренней борьбѣ. Ты рассказывалъ мнѣ также и о моемъ дѣтствѣ и о томъ, какъ ты съ самаго моего равняго дѣтства старался выучить меня любить природу и искусство, а черезъ нихъ и величіе Бога и любовь. А когда я спросила тебя о твоихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, ты объяснилъ мнѣ свою точку зрѣнія въ этомъ вопросѣ, не стараясь впрочемъ измѣнить моихъ понятій. Но потому-то твое вліяніе на меня и было такъ сильно. Ты никогда не осуждалъ мнѣній, которыя я высказывала, ты не противорѣчилъ мнѣ рѣзко, ты давалъ мнѣ полную свободу въ выборѣ. Ибо путей, ведущихъ къ истинѣ, много, а любовь Божія несравненно болѣе велика, нежели люди себѣ это могутъ представить.

Я снова вернулась къ тебѣ. Ты сталъ для меня вдвое дороже, потому что ты оказалъ мнѣ довѣріе и раскрылъ передо мной свою душу. И жизнь наша стала снова спокойна и гармонична.

Каждый день приносить съ собой новыя радости. Я не мечтаю больше, какъ раньше, и не строю воздушныхъ замковъ, потому что дѣйствительность меня вполне удовлетворяетъ. Ты работаешь въ своемъ ателье, а я занимаюсь хозяйствомъ. Когда наступаетъ вечеръ, мы оба располагаемся передъ топящейся печкой и разговариваемъ, а иногда мы сидимъ молча, какъ бы по обоюдному соглашенію. Бываетъ молчаніе, которое происходитъ не оттого, что не имѣешь ничего сказать другъ другу, и такое молчаніе содержитъ въ себѣ гораздо больше смысла, чѣмъ самыя громкія слова.

Часто ты читаешь мнѣ вслухъ своихъ любимыхъ авторовъ. Ты

восхищаешься Якобсеномъ, но меня онъ приводитъ въ недоумѣнїе, такъ какъ я понимаю его лишь наполовину.

Я нашла одно очень интересное занятіе, или вѣришь, это твоя идея, а я только бездушная машина, исполняющая твой замыселъ. Я начала ткать большой коверъ по твоему узору. Когда онъ будетъ готовъ, я его разложу на низкомъ диванѣ въ ателье. Это будетъ моимъ любимымъ уголкомъ, такъ какъ я воткала въ коверъ вмѣстѣ съ нитками и мои мысли.

Молодой Байла приходитъ къ намъ каждый день. Это очень талантливый человѣкъ, его картина, изображающая пустыню, необыкновенно хорошо передаетъ настроеніе. Весной онъ собирается уѣхать въ Италію. Онъ рисуетъ въ нашемъ ателье, а я работаю за ткацкимъ станкомъ. Онъ спросилъ меня, не тку ли я цвѣты любви на моемъ коврѣ. Мнѣ кажется, что эти цвѣты болѣе похожи на цвѣты горя.

Байла попросилъ позволенія нарисовать меня, сидящей за станкомъ съ немного склоненной фигурой. Онъ хочетъ, чтобы солнце играло въ моихъ волосахъ и образовало вокругъ головы ореолъ. Его усердіе трогательно. Онъ славный малый, но и только.

Мы теперь почти всегда проводимъ время вдвоемъ, Байла и я. Его картина приближается къ концу и мой коверъ также. Онъ предлагаетъ вмѣстѣ отпраздновать окончаніе нашихъ работъ. Онъ можетъ праздновать одинъ, вѣдь мой коверъ предназначенъ не для него. Онъ начинаетъ держать себя слишкомъ развязно. Не понимаю, на что онъ надѣется и что онъ себѣ воображаетъ. Но такъ какъ ты ничего не говоришь, то можетъ быть я и ошибаюсь относительно его.

Ты вошелъ вчера слишкомъ поздно въ ателье, ты видѣлъ только плающія щеки Байлы и подумалъ, что ты помѣшалъ нашему tête à tête. На самомъ дѣлѣ ты явился настоящимъ ангеломъ-хранителемъ. Какъ разъ передъ твоимъ приходомъ Байла подкрался ко мнѣ сзади и прежде чѣмъ я могла опомниться, я почувствовала прикосновеніе его горячихъ губъ къ моей шеѣ. Его дыханіе обожгло меня, я вскочила и ударила его по щекѣ. Можетъ быть я поступила дурно, но я не помнила себя отъ негодованія. Онъ вспыхнулъ, какъ напавшій школьникъ, и что-то пробормоталъ. Въ эту минуту вошелъ ты. Я отлично видѣла, что ты подумалъ. Неужели ты думаешь, что я способна была бы въ самомъ дѣлѣ влюбиться въ такого мальчишка? Неужели ты не знаешь меня лучше?

Случай въ ателье снова заставилъ работать мое воображеніе. Я мечтаю только о тебѣ, мои мысли всегда заняты тобою. Неужели ты можешь ревновать меня къ Байлѣ? Такъ значить, ты не чувствуешь ко мнѣ полнаго равнодушія? Нѣтъ, равнодушіе—это не то слово. Но я хочу сказать, неужели ты любишь меня немного иначе, нежели любовью отца? Вспоминаешь ли ты хоть иногда, что я собственно совершенно чужая для тебя?

Вчера ты попросилъ меня сѣсть рядомъ съ тобой; въ твоей комнатѣ было почти совсѣмъ темно и я не могла различить выраженія твоего лица, но ты говорилъ такъ серьезно и твой голосъ дрожалъ. Я съ нетерпѣніемъ ждала, что ты скажешь и въ то же время меня охватывалъ страхъ передъ тѣмъ, что я услышу. Но ты спросилъ только люблю ли я Байлу. Я не могла удержаться отъ смѣха, хотя въ то же время на глазахъ у меня выступили слезы. О, глупый, неужели же ты не понимаешь, чѣмъ всегда полна моя душа?

Ты такъ беспокоенъ и молчаливъ. Что угнетаетъ тебя? Ты говоришь, что такъ ужасно старъ. Для меня ты всегда останешься молодымъ, а твои сѣдые волосы составляютъ мою гордость. Но я только глупая дѣвочка, и мною ты никогда не могъ бы быть доволенъ. Твоя жена должна быть гораздо умнѣе и лучше. Но никто не могъ бы любить тебя такъ, какъ я.

Сегодня ты вернулся домой совсѣмъ блѣдный. Я боюсь, что ты расхвораться. Если ты умрешь, то что будетъ со мною? У меня только одно желаніе, чтобы когда-нибудь сказалъ мнѣ, что любишь меня.

Я сижу и пишу при слабомъ свѣтѣ ночника, а ты лежишь больной въ постели. Твои щеки пылаютъ отъ сильнаго жара и ты спокойно мечешься по постели. Твои глаза закрыты и ты стонешь безпрерывно. О Боже, какъ жутко сидѣть одной въ ночной тишинѣ! Но я боюсь оставить тебя хоть на одну минуту. Старая Стина обѣщала идти смѣнить меня, но она такъ крѣпко заснула, что у меня не хватаетъ духу разбудить ее. На дворѣ жалобно завываетъ вѣтеръ и чуждые капли тяжело плещутся о стекла оконъ. Меня охватываетъ ознобъ и вѣки мои становятся тяжелыми.

Въ концѣ-концовъ я заснула. Я вздрогнула и вскочила, ничего не понимая съ просонокъ. Я ясно слышала, что кто-то говорилъ

возлѣ меня. Я вся похолодѣла отъ страха, — кто могъ забраться сюда? Я была такъ взволнована, что боялась оглянуться: навѣрное кто-нибудь стоитъ позади меня. По моей спинѣ проходили мурашки, но я боялась шевельнуться. Вдругъ голосъ снова раздался. Я поняла, что это говоришь ты. Твои глаза были раскрыты и я подумала, что ты проснулся, и склонилась надъ тобой. Ты говорилъ совершенно ясно и осмысленно, но твои глаза смотрѣли пристально въ одну точку. Я опустила на колѣни и спрятала свое лицо въ твою объѣмку.

Твои слова заставили мои щеки покрыться жгучей краской. Какъ безгранично ты долженъ былъ страдать, какую борьбу ты перенесъ съ самимъ собой! Неужели ты не могъ прочесть отвѣта на твои сомнѣнія въ глазахъ твоей дѣвочки? Неужели ты не зналъ, что на всемъ свѣтѣ для нея существуешь только ты одинъ? Развѣ ты не слышалъ, какъ бьется ея сердце, когда она обвиваетъ своими руками твою шею? О, если бы ты очнулся отъ твоего бреда, чтобы я могла высказать тебѣ всю мою великую любовь!

Ты все продолжаешь бредить. Докторъ приходитъ каждый день. Онъ хочетъ, чтобы я взяла сидѣлку, но я на это не соглашаюсь. Развѣ я могу допустить, чтобы постороннія уши слышали тайну, которая касается только меня одной. Я страшно устала, но не все ли равно? Твои слова доставляютъ мнѣ невыразимое счастье. Если бы ты только пришелъ въ себя и перенесъ эту тяжелую болѣзнь!

Докторъ говоритъ, что въ эту ночь наступитъ кризисъ. Произойдетъ переломъ или къ лучшему, или къ худшему! Я сижу неподвижно возлѣ тебя и едва осмѣливаюсь дышать. Я не отрываю глазъ отъ твоего лица и слѣжу за малѣйшимъ измѣненіемъ на немъ. О, Боже, если бы у любви дѣйствительно было какое-нибудь могущество, то моя любовь должна была бы вылѣчить тебя. Я готова отдать жизнь, лишь бы ты выздоровѣлъ! Но если ты умрешь... нѣтъ, это невысказано! Богъ не можетъ быть такъ жестокъ.

Какъ медленно ползетъ время, а въ твоемъ состояніи все еще нѣтъ ни малѣйшей переменъ! Ты пересталъ бредить, ты не называешь меня больше самыми нѣжными именами. Что ты скажешь, когда узнаешь, что я знаю твою великую тайну. Я знаю ее, несмотря на то, что ты такъ бережно, такъ тщательно пряталъ ее въ самой глубинѣ твоего сердца.

Я всетаки заснула, несмотря на то, что всеми силами боролась съ усталостью. Я проснулась оттого, что почувствовала легкое при-

косновение къ своей рукѣ. Когда я открыла, то увидала, что ты проснулся. Значитъ ты спасенъ! Я плакала отъ радости и безъ счета цѣловала твою руку.

На дворѣ уже появляются признаки весны, и въ моемъ сердцѣ проснулась весна. Днемъ съ крышъ капаетъ и изъ водосточныхъ трубъ льется вода и шумитъ какъ дождь. Воздухъ напоенъ благоуханіемъ весны. Мое сердце съ каждымъ днемъ все больше согрѣвается и расширяется. Мнѣ хотѣлось бы заключить въ свои объятія весь свѣтъ. Онъ весь облить солнцемъ и полонъ радости и счастья.

Твое счастье ошеломляетъ меня. Вѣдь я только маленькая, глупая дѣвочка, неужели это возможно, чтобы я могла дать тебѣ столько счастья? Но я должна этому вѣрить, когда ты кладешь свою голову ко мнѣ на плечо или осыпашь меня поцѣлуями. Единственно, что омрачаетъ мое счастье—это твое здоровье; ты все еще такъ необыкновенно слабъ.

Рыцарь моей мечты! Такъ ты всетаки появился, наконецъ, ты поднялъ меня на своихъ сильныхъ рукахъ и унесъ далеко-далеко, въ твой золотой замокъ.

Я стояла рядомъ съ тобой съ миртовымъ вѣнкомъ на головѣ. Мы пригласили послѣ вѣнчанія нѣсколько друзей къ намъ на обѣдъ. Наше ателье представляло изъ себя настоящій садъ. Ты сказалъ, что самый прекрасный изъ всѣхъ цвѣтковъ—это я. Если счастье краситъ человѣка, то ты правъ.

Ты все еще такъ блѣденъ и такъ слабъ. Когда ты сидишь на палубѣ парохода, закутанный въ шубу, и дремлешь съ закрытыми глазами, я подолгу смотрю на тебя, но ты этого не замѣчаешь. Въ твоихъ чертахъ есть что-то страдальческое и утомленное. Ты для меня больное дитя, за которымъ я должна ухаживать. Быть можетъ юное солнце вернетъ тебѣ твою молодость и жизненные силы.

Я стою одна на носу парохода и смотрю на пѣнящуюся воду. Луна освѣщаетъ море своимъ серебрянымъ свѣтомъ и гребни волнъ переливаются и играютъ въ лунномъ свѣтѣ. Царитъ величественная тишина. Ты спишь въ своей каютѣ. Ночной вѣтеръ ласкаетъ мои волосы и освѣжаетъ голову, какъ прикосновение мягкой прохладной руки къ пылающему лбу.

Я смотрю изъ окна на большой городъ, который разстиается передо мной, и прислушиваюсь къ біенію его сердца, доносящемуся до меня. Тысячи огней сверкаютъ вдали, но я не могу себѣ позволить соблазняться шумомъ и суетой чужого города. Ты не въ силахъ еще пойти со мной въ городъ, а одну меня ты не хочешь отпустить. Но это ничего. Я наслаждаюсь зрѣлищемъ изъ моего окна; я слѣжу за проѣзжающими экипажами и стараюсь угадать, кто въ нихъ сидитъ и куда эти люди ѣдутъ. Я вижу какъ развиваются кружева и вуали и слышу смѣхъ и веселый говоръ. Но глухой отдаленный рокотъ, доносящійся съ улицъ черезъ закрытыя окна, занимаетъ меня еще больше, чѣмъ мои фантазіи.

Ты страдаешь, я это вижу ясно, хотя и не понимаю причины твоихъ страданій. На мои вопросы ты также не отвѣчаешь. Ты недоволенъ мной, или тебѣ надоѣла моя нѣжность? Твое удрученное состояніе заражаетъ и меня, но когда я вижу такъ много новаго и удивительнаго вокругъ себя, то я забываю всѣ заботы и только радуюсь жизни. Можетъ быть тебѣ не нравится моя радость? Иногда меня охватываетъ предчувствіе чего-то неизвѣстнаго и таинственнаго, но я не могу тебя спросить объ этомъ, такъ какъ я сама не понимаю, что это такое, а кромѣ того, я даже не знаю, какъ мнѣ оформить свой вопросъ.

Весь день мы провели въ вагонѣ, проносясь черезъ цѣлый рядъ туннелей. Мы выбрали береговую дорогу, чтобы имѣть возможность уже изъ оконъ вагона любоваться на Средиземное море съ его голубыми волнами. Но едва ли мы видѣли что-нибудь иное, кромѣ туннелей. Только изрѣдка мелькалъ дневной свѣтъ и тогда передъ нашими глазами разстилалось море, но оно было сѣрое и мутное, какъ и небо. Я думала, что небо Италіи всегда ясное и голубое.

Въ вагонѣ съ нами ѣхала молодая швейцарка. Она сорвалась съ мѣста, когда въ первый разъ промелькнулъ кусочекъ моря, и въ восторгѣ закричала: «La mer, la mer!» Она никогда раньше не видала моря. Но едва успѣло показаться море, какъ сейчасъ же и исчезло, уступая мѣсто мраку туннеля, и она снова опустилась на свое мѣсто. Она навѣрное разъ десять вскакивала и снова опускалась на мѣсто разочарованная.

На родинѣ у насъ холодно и сыро, а здѣсь мы живемъ въ полномъ разгарѣ весны. Я наслаждаюсь каждымъ солнечнымъ лучомъ, каждымъ цвѣточкомъ при дорогѣ.

Мы приѣхали вчера въ Сорренто и здѣсь мы остановимся на нѣсколько недѣль. Мы живемъ среди апельсиновой рощи; передъ нашими окнами висятъ вѣтви, отягченныя золотыми плодами, а другія вѣтви еще стоятъ въ цвѣту. Нашъ балконъ выходитъ на обрывъ, который отвѣсной стѣной спускается прямо въ море. Неаполитанскій заливъ сверкаетъ передъ нашими глазами, а синеватый хребетъ Капри вырисовывается въ туманной дали надъ заливомъ. Мнѣ хотѣлось бы все время перелетать съ мѣста на мѣсто, не останавливаясь нигдѣ ни на минуту!

Ты начинаешь понемногу поправляться, но мнѣ кажется, что ты теперь не такой веселый, какъ прежде. Твоя грусть не дастъ мнѣ покоя. Отчего ты не скажешь мнѣ совершенно откровенно, что недоволенъ мною. Я это поняла бы слишкомъ хорошо. Вѣдь я только глупая дѣвочка. Если бы ты поправился хоть настолько, что могъ бы снова приняться за работу, тогда ты сталъ бы спокойнѣе!

Теперь я знаю, что мое подозрѣнiе было вѣрно. Ты говорилъ мнѣ сегодня во время прогулки, когда мы сѣли отдохнуть, такія странныя вещи, что я только наполовину могла понять тебя. Ты сказалъ мнѣ, что я не твоя жена... что ты хотѣлъ этимъ сказать? Уже не раскаиваешься ли ты, что связалъ свою судьбу съ моею? Ты могъ бы найти, быть можетъ, другую женщину, которая болѣе соответствовала бы твоему идеалу? Но почему ты сказалъ мнѣ также, что хочешь обладать мною всецѣло? Вѣдь я принадлежу тебѣ и никому другому.

Что это за тайна, которой я не знаю? Она пугаетъ меня именно своей сокровенностью. Какъ горько сознавать, что у меня нѣтъ никого, къ кому я могла бы обратиться, и кто разрѣшилъ бы мнѣ эту загадку, не дожидаясь моихъ вопросовъ. О, если бы у меня была мать, въ объятiяхъ которой я могла бы найти успокоенiе! Ты съ радостью пришелъ бы ко мнѣ на помощь, если бы я довѣрилась тебѣ, но пойми, есть обстоятельства, когда женщина можетъ довѣряться только женщинѣ.

Ты говоришь, что женщина во мнѣ еще не проснулась. Что подразумѣваешь ты подъ этимъ словомъ: женщина? Ты постоянно ласкаешь меня и почти душишь меня твоими поцѣлуями, и лицо твое ласкаетъ. Я начинаю бояться тебя, такъ какъ твоя страсть все растетъ, но я не смѣю сказать ни слова.

Моя кровь горитъ и лицо пылаетъ, когда я думаю объ этомъ! Теперь я все знаю! Все мое существо возстаетъ къ борьбѣ. Мнѣ неудержимо хочется бѣжать куда-нибудь далеко, я боюсь всѣхъ людей, съ которыми мнѣ приходится встрѣчаться, потому что ихъ улыбающіяся лица, точно говорятъ мнѣ, что и они знаютъ все. Зачѣмъ, зачѣмъ, зачѣмъ? Я была такъ весела и такъ счастлива, твои ласки были для меня блаженствомъ. Я не понимала, что этого для тебя было мало, что требуешь отъ меня большаго. Требуешь нѣчто такое, о чемъ я не имѣла ни малѣйшаго понятія. Только теперь я поняла, какинъ ребенкомъ я была.

Твое счастье мѣшаетъ мнѣ открыть тебѣ мои страданія. Вѣдь я всегда готова была пожертвовать для тебя всѣмъ, почему же я не могу принести себя въ жертву и въ этомъ отношеніи? Ахъ, если бы я только не испытывала такой нравственной муки отъ этого?

Я хожу, какъ во снѣ, не понимая самое себя, ни того, что происходитъ вокругъ меня. Я чувствую, что во мнѣ происходитъ какая-то перемѣна, хотя и не могу понять, какая именно. Почему въ жизни такъ много страшнаго и непонятнаго, причиняющаго столько страданій? Прежде жизнь представлялась мнѣ ровнымъ путемъ, по которому я могла идти съ закрытыми глазами, но теперь жизнь превратилась для меня въ лабиринтъ, отъ котораго у меня кружится голова. Въ ту минуту, когда я думаю, что двигаюсь, наконецъ, впередъ, я замѣчаю, что заблудилась и опять попала на дорогу, которая ведетъ обратно.

Ты такъ часто говоришь со мной о нашемъ ребенкѣ и твои глаза сіяютъ отъ счастья. Ты говоришь, что никогда не могъ себѣ представить, что будешь держать на рукахъ своего собственнаго ребенка, и что теперь, когда у тебя явилась эта надежда, ты совсѣмъ потерялъ голову отъ счастья. Не знаю, радуюсь ли я сама этому. Можетъ быть я радуюсь больше твоему тихому счастью и твоей заботѣ обо мнѣ. Ты снова сталъ тотъ же, что и прежде, твоя бурная страсть исчезла. Если бы я никогда не была, то я несомнѣнно гораздо больше радовалась бы ребенку. Но теперь я еще не совсѣмъ пришла въ себя отъ того, что пережила.

Ты говоришь, что твоей завѣтной мечтой было имѣть ребенка. Ты уже видишь его живымъ передъ собой. Ты представляешь себѣ, что играешь съ нимъ, что уже много разъ рисовалъ его портретъ и

выучилъ его всему, что только ты знаешь лучшаго. Тебѣ кажется, что онъ долженъ появиться у насъ въ зимній вечеръ, когда на дворѣ завываетъ вьюга, а въ печкѣ горитъ яркій огонь, и мы сидимъ передъ нимъ, какъ ожидая кого-то. Ты слышишь стукъ въ дверь, идешь и берешь на свои руки ребенка и укладываешь его въ свою постель... О Боже! Я стараюсь слѣдить за картиной, которую рисуетъ твое воображеніе, но сама я не надѣюсь ни на что, не жду ничего. Я тоскую только по моему старому дому и стремлюсь туда, все чужое и новое внушаетъ мнѣ лишь отвращеніе.

Мы снова у себя дома. Каждый уголокъ мнѣ такъ хорошо знакомъ, но сама я уже не та, что была раньше. Я стараюсь быть веселой и улыбаться, чтобы ты не замѣтилъ переменны во мнѣ. Я все время на сторожѣ, и точно боюсь самое себя. Только ради тебя я не хотѣла бы быть такой, какой я стала на самомъ дѣлѣ.

Всѣ страданія представляются мнѣ лишь страшнымъ сномъ. Никогда я не могла себѣ представить, что такое крошечное существо, плоть отъ плоти твоей и кровь отъ крови, можетъ произвести такой переворотъ. Теперь, когда я держу своего крошку на рукахъ, я смѣюсь надъ своимъ страхомъ, я не могу себѣ представить, какъ я не стремилась всегда его имѣть. Теперь наше счастье совершенно. Мы способны часами сидѣть у колыбели ребенка, мы мечтаемъ о его будущности и строимъ воздушные замки. Ты говоришь, что только теперь видишь во мнѣ настоящую женщину, что я только теперь вполнѣ отвѣчаю тому образу, который ты создалъ въ своемъ воображеніи.

Я хожу, какъ въ лихорадкѣ. Малютка лежитъ въ своей кроваткѣ и тяжело дышитъ. Его лицо пылаетъ. Онъ разбрасываетъ ручки и мечется по подушкѣ. Я совершенно растерялась и неспособна мыслить хоть сколько-нибудь правильно.

Передъ моими глазами стоятъ начертанными мои собственныя и огненными буквами. Я никогда не желала ребенка, я не рада-лась его рожденію. Такъ это было, если только я хочу быть вполнѣ о кровенной съ собой. Теперь наступилъ часъ возмездія. Въ ночной тишинѣ, когда я сижу у постели ребенка, мнѣ чудится голосъ, который шепчетъ мнѣ: «Ты этого желала. Я только исполняю твою волю! Это ты, смерть, шепчешь мнѣ на ухо? Сжался, я никогда не желала е смерти. Но мысленно ты обрекла его уже заранѣе на смерть!»

Я вижу твою горе и оно дѣлаетъ мои страданія еще тяжелѣе. Неужели я виною тому, что надежда, которую ты такъ долго носилъ въ своемъ сердцѣ, теперь угасла? Я хотѣла дать тебѣ счастье, но принесла тебѣ одно лишь горе. Ты говорилъ, что я дитя счастья, но нѣтъ, скорѣе я дитя горя.

Все кончено. Онъ лежитъ въ своемъ бѣломъ гробикѣ въ кружевахъ и цвѣтахъ. Онъ пристально смотритъ на меня своими стеклянными глазами. Неужели и ты обвиняешь меня? У меня нѣтъ больше слезъ, лишь жгучая тоска разрываетъ мнѣ сердце. Кажется, будто желѣзная рука выжимаетъ изъ моего сердца послѣднюю каплю крови.

День и ночь въ моихъ ушахъ раздается колокольный звонъ. Похоронный звонъ. Вечеромъ, едва я успѣю положить голову на подушку, какъ я снова вскакиваю: мнѣ чудится, что ребенокъ плачетъ гдѣ-то вдалекѣ, голосъ его хрипитъ, какъ будто онъ уже давно плачетъ. Если мнѣ удастся заснуть, то я сейчасъ же просыпаюсь, вся дрожа, и бросаюсь къ кроваткѣ ребенка: мнѣ кажется, что онъ лежитъ тамъ и зябнетъ. На дворѣ такъ холодно и земля покрыта снѣгомъ. Его зарыли подъ бѣлой пеленой снѣга. Не плачетъ ли тамъ мой малютка, дрожа отъ холода?

Я боюсь сказать тебѣ что-нибудь, чтобы не увеличить твоего горя. Но какимъ-нибудь образомъ я должна облегчить свою тоску, а потому я пишу эти строки. Можетъ быть когда-нибудь, когда меня не будетъ больше, эти листы попадутъ въ твои руки, и можетъ быть тогда ты поймешь меня лучше, чѣмъ теперь. Когда меня не будетъ! Куда же мнѣ уйти? Ты, конечно, никогда не прогонишь меня, но можетъ быть другіе унесутъ меня и зарюютъ подъ холоднымъ снѣгомъ. О, Боже, Боже, откуда у меня являются такія мысли? Вѣдь я такъ молода еще и моя жизнь едва началась, и я хочу жить, жить!

Я завидую тебѣ, ты снова можешь работать, тогда какъ я брожу, точно душа, не знающая покоя. Все кругомъ напоминаетъ мнѣ о прошедшемъ. Изъ каждаго угла на меня пристально смотрятъ два стеклянныхъ глаза. Я боюсь оставаться одна, но еще больше боюсь быть съ тобой: я не хочу, чтобы ты увидалъ всю бездну моего страданія.

Ты повелъ меня въ твою комнату, и при этомъ лицо твое сіяло счастьемъ. Въ послѣднее время у тебя былъ такой таинственный видъ

и ты работала такъ прилежно, хотя и не показывала мнѣ твоей работы. У меня не хватало силъ быть любопытной, а потому сюрпризъ удался вполне. Уже въ дверяхъ я увидела на мольбертѣ картину, изображавшую меня съ нашимъ маленькимъ мальчикомъ на рукахъ. Я сейчасъ же узнала его шелковистые локоны и его ручку, которую онъ положилъ на мою грудь. Я вспомнила, что ты набросала насъ однажды, когда я кормила его грудью.

Я бросилась къ тебѣ на шею, и изъ моихъ глазъ полились благодарныя слезы. И на твоихъ глазахъ также появились слезы, когда ты заключила меня въ свои объятія. Острота въ моемъ горѣ понемногу исчезаетъ и мнѣ дышется какъ будто немного легче.

Я снова ожидаю ребенка. Его участь встанетъ передо мной, какъ мрачный призракъ, и мои прежнія страданія охватываютъ меня съ удвоенной силой. Ты и теперь полонъ надеждъ. Мнѣ все представляется въ черномъ свѣтѣ. Если бы ты могъ подѣлиться со мной твоей свѣтлой надеждой?

Ты утѣшаешь меня, стараешься придать мнѣ мужества. Твое терпѣніе безгранично. Я хотѣла бы быть твоей радостью, но не могу. Печальная дѣйствительность угнетаетъ меня. Скажи, почему нашъ путь не ровень и не усыпанъ розами? Почему столько страданія ложится на наши плечи?

Лѣто прошло, наступила осень и надвигается зима. Едва успѣли зарыть одну могилу, какъ появилась новая. Мое горе утратило прежнюю остроту. Я похожа на дерево подъ напоромъ бури: вѣтеръ рветъ его вѣтви и пригибаетъ верхушку къ самой землѣ, и дерево не сопротивляется. Въ моей душѣ порвалась струна и надорванный звукъ постоянно раздается въ моихъ ухахъ и не даетъ мнѣ покою. Мои силы убываютъ. Сила сопротивленія надломлена во мнѣ окончательно.

Ты сдѣлала все, чтобы пробудить меня къ новой жизни, ты увезъ меня подъ южное небо. Ты ухаживала за мной, какъ за маленькимъ ребенкомъ, ты носила меня на рукахъ. Твоя вѣра въ будущее и твоя мудрость заразили, наконецъ, и меня. Но я успѣла ожить только на половину. А теперь я снова пригнулась къ землѣ.

Я знаю, что неизбежно наступитъ, какъ это ни горько. Ты этого знаешь, да ты и не повѣрилъ бы мнѣ, если бы я даже сказала хбъ это. А когда это, наконецъ, свершится, и ты будешь сидѣть внѣ въ нашемъ домѣ, то я приду къ тебѣ и буду говорить съ тобой ровнеише, чѣмъ когда бы то ни было.

Ты не понимаешь, какимъ образомъ я узнала это. Два раза я смотрѣла смерти въ глаза, въ третій разъ я этого не перенесу. Я не могу больше радоваться ничему, да и горевать я больше не способна ни о чемъ.

Когда ты подойдишь ко мнѣ и ласково проводишь рукой по моимъ волосамъ, мое сердце сжимается отъ боли. Я не хочу доставлять тебѣ новаго горя, ты уже и такъ посѣдѣлъ и согнулся.

Постараюсь быть какъ можно откровеннѣе, чтобы ты когда-нибудь, когда эти листы попадутъ въ твои руки, могъ понять меня вполне. Какъ часто приходилось мнѣ видѣть въ твоихъ глазахъ недоумѣніе, когда ты смотрѣлъ на меня. Но я не могла дать тебѣ отвѣта на твой нѣмой вопросъ. Не потому, чтобы я не имѣла довѣрія къ тебѣ, а просто потому, что я сама себя не понимала.

Даже и теперь, когда я стараюсь найти разгадку своей жизни, я не могу добиться полной ясности. Мнѣ кажется, что самыя главныя, основныя черты въ моей натурѣ исчезли и уступили мѣсто чему-то чуждому и новому. И въ то же время, какъ то новое стало моей второй натурой, старое, основное сдѣлалось мнѣ чуждымъ.

Когда я думаю о томъ, какой я была нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда я была жизнерадостна и кровь била во мнѣ ключомъ и когда я только ждала, что еще подаритъ мнѣ жизнь, то я едва узнаю себя. Тогда мнѣ казалось всегда, что жизнь ползетъ слишкомъ медленно, она никогда не казалась достаточно богатой и разнообразной. Я была горячая и страстная, но я жила только въ мирѣ фантазіи и не понимала дѣйствительной жизни. И когда всѣ мои надежды осуществились, я вдругъ замѣтила, какъ мало похожа настоящая жизнь на лучезарный миръ моей мечты. Не знаю, понимаешь ли ты меня? Горе мое было въ томъ, что у меня никогда не было матери, которая объяснила бы мнѣ тайны жизни.

Неужели я не такая, какъ всѣ другія женщины? Неужели въ ихъ душахъ не происходитъ ожесточенная борьба противоположныхъ чувствъ, какъ у меня? Я любила тебя, но я никогда не могла бы полюбить тебя такъ, какъ ты этого желалъ. Меня согрѣваетъ твоя ласка и я люблю нѣжныя ноты въ твоемъ голосѣ, но твоя бурная страсть внушала мнѣ страхъ. Я отдавалась тебѣ лишь потому, что у меня не хватало духу сопротивляться, и въ твоихъ объятіяхъ я чувствовала душевную муку. Быть можетъ я была слишкомъ молода и ты задушилъ во мнѣ какое-то чувство, которое еще не успѣло расцвѣсти.

Скажи, что за провлятіе преслѣдуетъ насъ? Почему мы теряемъ все, что только есть для насъ самаго дорогаго на землѣ? У меня такое чувство, точно мы все давимъ подъ нашими ногами, точно все разбивается въ нашихъ рукахъ. Почему всюду, гдѣ мы ищемъ жизнь, является смерть?

Я такъ устала, такъ невыразимо устала. Я читаю на твоёмъ озаченномъ лицѣ, что ты беспокоишься обо мнѣ. Я жажду отдыха и покоя, но въ то же время я боюсь этого. О, если бы ты могъ быть со мной, чтобы мнѣ не надо было вступать одной въ царство великой тишины!

Я лежу почти весь день. Ты поминутно подходишь къ моей постели и на твоёмъ лицѣ такое серьезное выраженіе, такое устрашающе серьезное. Не сказалъ ли тебѣ что-нибудь докторъ? Неужели мои предчувствія оправдываются? До тѣхъ поръ, пока лишь моя собственная фантазія рисовала мнѣ смерть, это не казалось мнѣ такъ страшно, но если это правда, если ты и всѣ другіе знаютъ это, то... О, Боже, Боже, вѣдь я еще такъ молода, моя жизнь едва началась!

Я стараюсь прочесть истину въ твоихъ взорахъ, но это мнѣ не удается. А спросить я боюсь, потому что истина была бы еще ужаснѣе неизвѣстности.

Я часто просыпаюсь ночью и часами лежу безъ сна. И во тьмѣ ночи меня снова охватываетъ страхъ смерти. На моемъ лбу выступаетъ холодный потъ и мнѣ хочется исцать у тебя защиты, какъ прежде, когда я была ребенкомъ.

Сегодня я спросила тебя и ты долженъ былъ отвѣтить мнѣ правду. Теперь я знаю, что и ты боишься за мою жизнь, но ты старался внушить мнѣ надежду. Однако твои слова не могутъ успокоить меня. Ахъ, если бы ты могъ мнѣ сказать, для чего человекъ живетъ на свѣтѣ и почему всѣ должны умереть! Что для насъ смерть, врагъ или другъ? Если она намъ другъ, то почему мы боимся ее?

Какъ мнѣ хотѣлось бы быть вѣрующей! Тогда смерть не казалась бы мнѣ такой страшной. Ты увѣряешь меня, что мы еще встрѣсимъ, что смерть лишь на время разлучитъ насъ, но вѣришь ли ты въ то, что говоришь? Ты только утѣшаешь меня. Но нѣтъ, чѣмъ не можетъ окончиться со смертью, она должна продолжаться и еще свѣтлѣе и совершеннѣе.

Я не могу больше спать по ночамъ. Ты думаешь, что я сплю, но я лежу съ открытыми глазами и смотрю въ темноту. Иногда мнѣ кажется, что пахнуло холодомъ, какъ если бы кто-нибудь отворилъ дверь и вошелъ въ комнату. Меня охватываетъ страхъ и мнѣ хочется громко закричать. Мнѣ чудится, что вошедшій подходитъ все ближе, онъ склоняется надо мной, я чувствую его ледяное дыханіе. Онъ хватается мое сердце своей ледяной рукой и сжимаетъ его изъ всѣхъ силъ. Господи, сжапись надо мной! Не проклинай меня! Я во многомъ грѣшна передъ тобой, но вѣдь ты Богъ любви и милосердія, а не ненависти!

Ты держишь мою руку. О, если бы ты никогда не отпускалъ ее! Прости мнѣ все. Никогда не хотѣла я причинить тебѣ зла, но часто я это дѣлала по невѣдѣнію. Ради тебя я желала бы еще жить, какъ бы ни была для меня тяжела жизнь. Еще тяжелѣе причинить тебѣ горе.

Иногда, когда я лежу въ темнотѣ, мнѣ начинаетъ вдругъ казаться, что я снова превратилась въ маленькаго ребенка и стучу въ твою дверь. Ты стараешься отпереть мнѣ дверь, но она не отворяется, и я должна снова выйти на вьюгу и стужу. Мнѣ такъ холодно, что мое сердце превращается въ кусокъ льда. Мои руки ооченьли и ноги отказываются мнѣ служить. Я опускаюсь на снѣжный сугробъ и теряю сознаніе.

Случается также, что я представляю себя совѣтъ старой. Ты и наши внуки стоите вокругъ меня, мои сѣдые волосы покрываетъ бѣлый чепецъ, мои сморщенные руки дрожатъ. Я гладу свои руки на ваши головы и благословляю васъ. Въ изнеможеніи я опускаюсь на подушки и чувствую, какъ смерть хватается мое сердце своими холодными пальцами.

Часто я думаю о нашемъ третьемъ ребенкѣ. Если онъ останется живъ, а я умру, то тебѣ снова придется начать жизнь, полную заботъ о маленькомъ ребенкѣ. Можетъ быть моя смерть спасетъ малютку. Можетъ быть я сняла бы такимъ образомъ проклятіе, которое тяготѣетъ надъ нашимъ домомъ. Но мнѣ было бы жалко тебя, вѣдь ты уже старъ. Лучше будетъ, если ты потеряешь насъ обоихъ сразу.

Но нѣтъ! Я не хочу умирать, слышишь, я хочу жить! Ты долженъ помочь мнѣ, спасти меня изъ когтей этого чудовища!

.....

Я не могъ вырвать ея изъ рукъ смерти. И ея также зарыли подъ снѣжной пеленой, какъ и всѣхъ нашихъ малютокъ. Я надломленный человѣкъ. Каждый разъ, когда на дворѣ злится вьюга, мнѣ чудится, что стучать въ дверь. Я открываю дверь и думаю, что въ сѣняхъ стоять всѣ мои, оконченѣвшіе отъ холода. Но въ сѣняхъ пусто. И я снова возвращаюсь въ комнату и съжимаюсь въ своемъ креслѣ.

Перев. М. Благовѣщенская.

Мистицамъ.

Въ холодный залъ, луною освѣщенный,
Ребенкомъ я вошелъ.
Тѣнями рамъ старинныхъ испещренный,
Блестѣлъ воцеленный полъ.
Какъ въ алтарѣ, высоки окна были,
А тамъ, въ саду—луна,
И бѣлый снѣгъ, и въ пудрѣ снѣжной пыли—
Столѣтняя сосна.
И въ страхѣ я въ дверяхъ остановился:
О, да, какъ въ алтарѣ,
По загу ладонь сумрака дымился,
Сквозя на серебрѣ!
Но взглядъ упалъ на небо... Небо ясно,
Луна чиста, свѣтла—
И страхъ исчезъ... Какъ часто, какъ напрасно
Дѣтей пугаетъ игла!
Теперь давно мистическаго храма
Мнѣ жалокъ темный бредъ:
Когда идешь надъ бездной, надо прямо
Смотрѣть въ лазурь и свѣтъ!

Иванъ Бунинъ.

СТАРАЯ

Разказъ.

I.

Я отправилась въ больницу навѣстить мою горничную Дашу.

Она лежала въ хирургической палатѣ съ вывихомъ ступни. При приемѣ врачъ сказалъ мнѣ, что случай это совсѣмъ пустой и дѣвушка болѣе 5 дней не пролежитъ. Между тѣмъ пошла уже другая недѣля, а Даша не выписывалась. Я захотѣла справиться.

Меня провели въ просторную и свѣтлую палату съ шестью койками. Больныя сидѣли и лежали на постеляхъ. На кровати возлѣ окна сидѣла женщина въ халатѣ, тихо бесѣдуя съ пришедшей къ ней дочерью-подросткомъ; дѣвушка на угловой койкѣ громко разговаривала со своей сестрой, спрашивая ее про домашнихъ.

Даша лежала близъ стѣны, перекидываясь отрывочными фразами съ сосѣдкой-старухой.

Въ больничной одеждѣ я не сразу узнала свою горничную. Она первая замѣтила меня и поздоровалась со мной, обрадованная моимъ приходомъ.

— Мы вѣдь здѣсь всѣ по послѣдней модѣ разряжены, будто на балъ,—шутливо сказала она,—оттого и на себя не похожи.

— Какъ вы себя чувствуете?—спросила я.

— Да ровно бы и ничего... только тоска одолѣла, хоть бы отпустили меня отсюда поскорѣе... Вотъ табуретка,—указала Даша, видя, что я осматриваюсь.

Я сѣла.

— А вы развѣ еще не встаете?—спросила я.

— Вставала... ступня, говорятъ, совсѣмъ прошла, а ходить это-то не могу: сильная боль по всей ногѣ дѣлается и даже подъ щею подступаетъ. Фельдшерница говоритъ, что это нервы тамъ ка-

нѣ-то... Надо, говорить, ихъ успокоить... вотъ и растирають чѣмъ-то ногу, да велятъ еще здѣсь полежать... только не знаю, долго ли, — прибавила она недовольно.

Пока Даша говорила, я разсматривала ея сосѣдку. Наружность старухи отличалась удивительнымъ благообразіемъ, напоминая портреты фламандской школы: желтая кожа больной была испещрена морщинами, голубые глаза выпѣвли и тѣмъ не менѣе лицо ея привлекало мягкостью линий, симпатіей и ласковымъ выраженіемъ. Сѣдые волосы старухи, гладко причесанные, были аккуратно подобраны подъ больничный чепецъ, который не только не безобразилъ ее, а даже какъ-то шелъ къ ней.

— Какая славная старушка, — невольно замѣтила я.

Даша быстрымъ движеніемъ повернула голову къ сосѣдкѣ и весело крикнула:

— Трофимовна! Ты очень моей барынь полюбилась!

Старуха подняла на меня благодарный взоръ.

— Спасибо вамъ, матушка-сударыня, — произнесла она теплымъ, задушевнымъ тономъ.

Отъ фигуры Трофимовны и ея рѣчи на меня повѣяло чѣмъ-то далекимъ, совсѣмъ забытымъ, чего теперь ужъ не встрѣчается въ жизни. Въ воображеніи промелькнуло раннее дѣтство съ фигурой крѣпостной старухи-няньки Неонилы, оставившей по себѣ признательную память въ нашей семьѣ.

Я улыбнулась Трофимовнѣ и освѣдомилась, чѣмъ она больна.

— Изъ-за ноги тоже лежу здѣсь, — отозвалась старуха, — поскользнулась на улицѣ, упала, нога-то и подвернулась и кость переломилась.

— Что же вамъ въ гипсъ ее положили?

— Да... Вотъ уже шестую недѣлю съ ней маюсь... Не приведи Богъ!

— Чего тебѣ крушиться, — замѣтила Даша, — вѣдь докторъ сказалъ, что кость почти уже срослась и тебя скоро выпишутъ.

— Это вѣрно, — согласилась та, — обнадеживалъ, даже сказывалъ, что нога-то крѣпче здоровой будетъ. Только вотъ лежать тошнотухонько!

— Видно ничего не подѣлаешь, придется потерпѣть, — сказал я ободряюще.

— Такъ, такъ, сударыня-матушка... конечно, супротивъ Божіе воли не пойдешь... За грѣхи Богъ испытаніе намъ посылаетъ.

Старуха вздохнула. Выраженіе мимолетнаго нетерпѣнія исчезъ съ ея лица, которое снова стало кроткимъ и яснымъ.

Я вспомнила про пакетикъ, который принесла Дашѣ, и, вынувъ его изъ кармана, положила на столикъ.

— Вотъ чай и сахаръ...

— Ахъ, какъ это кстати, спасибо вамъ,—и добавила, обращаясь со смѣхомъ къ Трофимовнѣ,—подѣлюсь и съ тобой, не тужи, что твоя барыня тебя забыла!

Это задѣло старуху и она возразила съ волненіемъ:

— Барыня забыть меня не можетъ, потому что мы вмѣстѣ росли... я сызмала ухаживала за ней... Потомъ меня и въ приданое ей отдали. Помѣвѣна въ услуженіи у ней состою... Теперешнія-то вы и не понимаете этого... А ты говоришь—забыла!

— Вы изъ крѣпостныхъ?—спросила я ее.

— Да-съ... господь Садовыхъ, а потомъ меня отдали господѣмъ Чернодубравскимъ. Это за кого барышня-то наша, Сусанна Галактіоновна вышли,—пояснила Трофимовна,—родители ихъ настоящіе столбовые дворяне, истинные тульскіе помѣщики, а Чернодубравскіе—и того выше, самые что ни на есть именитые дворяне, во всѣхъ книгахъ дворянскихъ записаны... вотъ они какіе! Чай про нихъ изволили слышать? Еще дѣдушка нашего покойнаго молодого барина, Ильи Діомидовича, при императорѣ Николаѣ I въ генералахъ служилъ и много разныхъ орденовъ имѣлъ.

Старуха воодушевилась, вспоминая родословную своихъ господъ, и, приподнявшись съ подушки на локтѣ, добавила:

— Вотъ мои господа какого знатнаго рода... могутъ ли они сдѣлать это, сами посудите?...

По какой логикѣ являлся подобный выводъ, для меня было совершенно непонятно. Мое недоумѣніе, видимо, вполнѣ раздѣляла и Даша, которая задорно возразила:

— И очень даже могутъ... ну, какъ же не забыла-то, если ты больше мѣсяца тутъ лежишь, а барыня тебя ни разу не навѣстила?

— Барыня моя недужная,—пояснила старуха тономъ оправданія,—у нея часто ноги болятъ. А тутъ шутка ли на таваю лѣстницу подняться!... Я-то ее все тепленькимъ маслицемъ на ночь растираю, съ и легче... А вотъ безъ меня, поди, она совсѣмъ замаялась, серпантинная!... Сама бывало сызмала ни чулочка, ни башмачка себѣ не сдѣлаетъ, а все меня влечетъ: Аксюша, да Аксюша!... И я тутъ, и тутъ... Прежде-то мои господа большую дворню держали, а потъ всѣ ушли на волю, только я одна у нихъ осталась, ни на кого промѣняла... За это они очень меня цѣнили... и когда умиралъ я Діомидовичъ, то просилъ не покидать барыни съ ея сыномъ-мѣточкой Витенькой, котораго я сама и вынянчила.

— Кромѣ тебя у нихъ развѣ и прислуга не было?—поинтересовалась Даша.

— Никого больше не было. Я одна все справляла, потому что Илья Діомидовичъ скоро послѣ воли въ отставку вышелъ, да сталъ хворать. Тутъ они много потратились, въ деньгахъ-то недостатки пошли, потому что полной пенсіи баринъ не выслужилъ... Но при немъ все еще кое-какъ справлялись; а послѣ смерти его барыня стала получать всего 40 руб. въ мѣсяць, намъ и совсѣмъ тяжело пришлось.

Даша фыркнула.

— Чего же ты давеча больно расхвасталась про своихъ господъ, а выходишь, что они не очень-то важные, когда имъ дали такую небольшую пенсію.

— Это Илья Діомидовичъ мало служилъ, а что роду они преважнѣющаго!—съ убѣжденіемъ воскликнула старуха,—иначе бы мы свою барышню за него ни въ жизнь не отдали бы, вѣдь она первая распрасавица во всей округѣ была... Да и женихъ-то попался—заглядѣнье!... вотъ ихъ пара на рѣдкость и выдалась. Люди-то на нихъ налюбоваться не могли! Вотъ какіе мой господа-то были!

Даша засмѣялась.

— Ну и чудачка же ты, какъ я погляжу на тебя: господами-то ровно дѣтскими родными хвастаешься.

Дашѣ, какъ и всѣмъ выросшимъ и живущимъ въ иныхъ жизненныхъ условіяхъ, были совершенно непонятны чувства того поколѣнія, къ которому принадлежала Трофимовна. Въ свою очередь люди далекаго прошлаго не понимали психологій молодежи и съ грустью обращались мысленно къ минувшему.

Эта рознь въ понятіяхъ неволью проскользнула и теперь, когда Трофимовна вмѣсто отвѣта лишь глубоко вздохнула, скользя въ по Дашѣ мимолетнымъ взглядомъ, въ которомъ выразились отчужденность и сожалѣніе. Выговорившись и тѣмъ облегчивъ сердце, старуха сразу успокоилась и улеглась на подушку въ болѣе удобной позѣ.

— А вы не были замужемъ?—спросила я ее.

— Была, сударыня, была,—отвѣтила она инымъ, словно потухшимъ голосомъ.

— За кѣмъ?—съ любопытствомъ спросила Даша.

— За лакеемъ бариновымъ, Мелетіемъ Захаровымъ.

— Вы разставались тогда съ господами?

— Никакъ вѣтъ, сударыня. Господа такъ рѣшили, погуда у насъ не было дѣтей, а тамъ посадили бы на свое хозяйство. Да не при-

валъ Богъ... въ скорости мой Мелетій погубилъ свою душу и оставилъ меня бездѣтной вдовой.

— Почему погубилъ душу?—спросила Даша.

Старуха тяжело вздохнула.

— Потому, что его попуталъ врагъ рода человѣческаго, и Мелетій возсталъ противъ законнаго, своего господина.

Тяжелая житейская драма видимо оставила неизгладимую рану въ сердцѣ Трофимовны. Эту рану тяжело было бередить старухѣ.

— Ой, Расскажи, Расскажи, пожалуйста!—безцеремонно пристала къ сосѣдкѣ заинтересованная Даша.

Съ новымъ вздохомъ Трофимовна тихо заговорила, словно на исповѣди:

— Господа мои захотѣли выдать замужъ свою сѣнную дѣвushку—Анфису, сестру моего Мелетія, за кучера Савелія, котораго баринъ очень любилъ. И этотъ Савелій въ ноги кланялся господамъ, выпрашивалъ себѣ въ невѣсты Анфису. А дѣвка-то любила садовника княго, Николая. За Савелія она и не шла. Хотѣли ее силкомъ выдать... Мало ли нашего брата силкомъ-то выдавали!... Сперва, конечно, тошно приходилось, а потомъ привыкали и сживались... Не даромъ сказано: стерпится—слюбится. А Анфиса-то не такого, видно, характера была: дѣвка горячая, нравная... Она возьми, да и удавилась на чердакѣ. Съ братомъ же она очень дружна была, и онъ ее гораздо жалѣлъ. Смерть ея не въ переносъ была Мелетію; задумался онъ, замучился, а тамъ и пошелъ съ топоромъ въ спальню зарубить своего барина... Вотъ оно какого грѣху-то поддаться: человѣкъ ровно ума лишился. Но только Богъ спасъ Илью Доюмидовича, увидела Мелетія ключница и живо народъ сбила! Едва Мелетій успѣлъ перешагнуть въ опочивальню-то барскую, какъ его настигли сзади, повалили и связали... Онъ не запырлся, и потомъ во всемъ суду спокаялся... Осудили его на каторгу... Только не дошелъ и до Сибири, горемычный, въ пути померъ...

Эта грустная повѣсть вызвала слезы на глаза Трофимовны.

Даже легкомысленная Даша, растрогавшись, сокрушенно покачала головой.

Старуха вытерла глаза платкомъ.

Послѣ минутнаго молчанія Даша вдругъ вскипѣла и произнесла съ дерзгій:

— И ты еще служишь у такихъ аспидовъ? Не бросила ихъ, хотя твоего мужа погубили?

— Нѣшто они хотѣли этого?—покорно произнесла Трофимовна.— Нѣдъ не знали, что такъ дѣло-то обернется... Всему виною Са-

велий, кабы онъ не выпрашивалъ Анфисы у господъ, зная ея нелюбовь къ себѣ, то дѣвка и не погубила бы себя и мой Мелетій на грѣхъ не пошелъ бы.

— Нѣтъ ужъ это они виноваты,—упрямо возразила Даша,—я бы и знать-то ихъ больше не захотѣла, а ты... правду говорю, что чудная, либо ужъ такая святая душа и есть!

Отъ возбужденія Даша даже сѣла на кровати и сопровождала свои слова энергичной жестикуляціей.

Но проходившая черезъ палаты нянька остановила ее.

— Тебѣ лежать велѣно, а ты опять сѣла.

Дѣвушка снова опустилась на подушку.

— И не такія еще дѣла-то творились въ наше время,—раздумчиво произнесла Трофимовна,—одно слово, были крѣпостными... ровно вещи какія... что хотѣли, то съ нами и дѣлали... Анфису-то хоть по нечаянности погубили, говорю; ну, а прочихъ бывало нарочно подъ грѣхъ подводили... Вы-то, теперешнія, никакого понятія не имѣете о нашей жизни.

— Да и слава Богу!

Въ это время въ палату ввалилась грузная дама немовѣрной толщины. Она остановилась близъ дверей, тяжело дыша и отдуваясь.

— Пфъ!... Охъ... Пфъ... Ахъ!...

Она неволью привлекла къ себѣ общее вниманіе.

Одѣтая очень скромно, во все черное, юбку и кофту, но съ претензіей на моду, въ шелковой навидкѣ и бархатной шляпкѣ—капотъ, дама имѣла надменный видъ.

— Ну-ка, гдѣ тутъ лежитъ моя старая?—громко произнесла она властнымъ тономъ.

Даша такъ и впилась въ нее глазами.

Трофимовна, крихтя, тотчасъ же поднялась ей навстрѣчу съ подушки и радостно воскликнула:

— Здѣсь я, сударыня моя! Охъ, Царица моя Небесная, не пожалѣли вы для меня своихъ ноженекъ, матушка-барыня!

Она съ умиленіемъ прижала къ груди сложенные руки. Ея лицо освѣтилось такой живой радостью, какая могла выражать тогда сильную любовь къ своей госпожѣ.

— А, вонъ ты гдѣ,—произнесла дама.

И тяжело ступая по полу, она направилась въ нашу сторону

Это и была Чернодубравская. Но та красота, которую не такъ такъ расписывала Трофимовна, не оставила по себѣ ни малѣйшаго слѣдова на лицѣ ея барыни. Физиономія ея походила на красавицу

арбузь съ двумя щелочками на мѣстѣ глазъ и широкимъ расплывшимся носомъ.

— Сюда, моя барыня золотая!—говорила больная, указывая на табуретку, которая тотчасъ же затрещала подъ грузнымъ корпусомъ Сусанны Галактіоновны.

Трофимовна обернулась къ Дашѣ и кинула на нее выразительный взглядъ, означавшій: «вотъ вѣдь госпожа не забыла меня, какъ ты говорила!»

Чернодубравская брезгливо повела кругомъ головой, осматривая палату, и въ то же время снимая съ рукъ порванные лайковыя перчатки.

— Какъ вы поживаете - то безъ меня, сударыня?—заботливо спросила больная.

— Сама знаешь, легко ли мнѣ,—брюзжащимъ тономъ отвѣтила Чернодубравская, скользнувъ по мнѣ небрежнымъ взглядомъ и снова обращаясь къ старухѣ, продолжала:—чего же ты такъ долго завалилась тутъ? Жду не дождусь... Это, наконецъ, удивительно!

Чернодубравская пожала плечами. Она обвиняла Аксиныю въ болѣзни, какъ бы въ неблаговидномъ проступкѣ лично противъ нея самой.

Трофимовна начала оправдываться.

— Радешенька всей душой вырваться отсюда, да что же, коли кости-то мои старыя еще не срослись доселѣ. И то ужъ все сердце заболѣло по васъ!

— Я думаю! Я вѣдь сама больна...

— Охъ, охъ, знаю я, сударыня моя болѣзная... Вы бы къ доктору обратились...

Чернодубравская недовольно передернула плечами, видимо не желая признаться, что на это нужны деньги.

— Какъ здоровье Витеньки?—освѣдомилась старуха о своемъ выводѣшѣ.

— Не знаю,—сухо и холодно отозвалась Сусанна Галактіоновна.

— Не видѣли вы его съ тѣхъ поръ?—съ тревогой спросила бо

— Нѣтъ,—еще рѣзче отвѣтила барыня.

Число было, что у матери съ сыномъ происходили нелады.

— И не писалъ онъ вамъ?—допытывалась Трофимовна.

Чернодубравская уже молчала, только отрицательно покачала головой, желая прекратить непріятные для нея разспросы. Старуха по это и смолкла, глубоко вздохнувъ. Лицо ея омрачилось. Видимо,

чувства ея раздѣлялись поровну между матерью и сыномъ. Обѣ эти женщины являлись типичными представительницами далекаго прошлаго.

— А вѣдь она не принесла своей старухѣ ни чаю, ни сахару, — шопотомъ замѣтила мнѣ горничная.

— Вѣроятно, не могла, — такъ же тихо отвѣтила я, и взглянула на часы. Они показывали пять. Мнѣ пора было домой.

Простившись съ Дашей и Трофимовной, я ушла.

II.

Прошло мѣсяца два.

Даша давно уже выписалась изъ больницы, и такъ какъ мою кухарку потребовалъ къ себѣ въ деревню мужъ, то горничная временно помогала мнѣ по кухнѣ.

Однажды Даша очень удивила меня, сказавъ, что пришла наняться Трофимовна.

— Не можетъ быть!... Пошлите-ка ее сюда.

Даша ушла и вскорѣ явилась дѣйствительно Трофимовна.

Чисто и прилично одѣтая въ темное платье съ кофтой, съ шелковымъ наголовникомъ по-мѣщански, старуха выглядѣла еще симпатичнѣе, нежели въ больницѣ.

Трофимовна поклонилась, скромно остановившись у двери.

— Почему вы ищите мѣста?—задала я ей вопросъ.—Вы такъ привязаны къ своей барынѣ... Развѣ она умерла?

— Храни Богъ, никакъ нѣтъ, сударыня, а случай такой вышелъ... занудилось, значить... Вашъ же адресъ мнѣ Даша въ больницѣ сказывала, вотъ я и отправилась прямо къ вамъ, когда узнала, что вы безъ кухарки.

Чувствовалось, что настоящую причину она скрывала, и потому отдѣлывалась общими фразами.

— Можетъ быть вы поссорились съ Чернодубравской?—допытывалась я.

Трофимовна отрицательно покачала головой.

— Статочное ли это дѣло, сударыня!... Покуда я не нужна Суваннѣ Галактионовнѣ... значить, по необходимости.

Трофимовна какъ-то съежилась и замкнулась въ себя, подобравъ и плотно сжавъ губы.

Я устыдилась своего любопытства.

— Мнѣ нужна знающая свое дѣло кухарка, — сказала я, — потому что моя прежняя прислуга, которую я отпустила къ мужу, извѣстила меня, что она остается въ деревнѣ и въ городъ не вернется.

— Будете мною довольны, сударыни.

— А позволяют ли ваши силы взяться за это дѣло?—прямо поставила я вопросъ, такъ какъ старуха выглядѣла довольно драхлой.

— За что я возмущусь, то справлю все въ аккуратѣ,—вѣско отвѣтила она,—на этотъ счетъ не извольте сумлѣваться.

Трофимовнѣ, видимо, очень хотѣлось поступить ко мнѣ, и она настойчиво добивалась своей цѣли; кромѣ того, мои условія оказались ей подходящими и она согласилась на нихъ безъ всякихъ оговорокъ.

На слѣдующій день она перебралась ко мнѣ, принеся небольшую корзинку со своимъ скуднымъ имуществомъ.

— Развѣ ты къ намъ не совсѣмъ?—спросила ее Даша, подозрительно оглядывая «багажъ» кухарки.

— Остальное я потомъ возьму,—неопредѣленно отозвалась старуха, устраниваясь въ кухонномъ уголкѣ безъ всякихъ затѣй и претензій.

Весь багажъ Трофимовны заключался въ небольшой ручной корзинчкѣ. Даша очень смѣялась надъ этимъ и не на шутку допекала бѣдную старуху, спрашивая ее:

— Когда же ты за сундукомъ-то поѣдешь?

— Еще не требуется онъ мнѣ,—отзывалась кухарка.

— Ахъ онъ такъ у тебя наложенъ всякаго добра, что больно грузенъ?—продолжала шутить дѣвушка.

— Наладила сорока Якова...

— И скупая же ты, какъ я погляжу на тебя, все наслѣдникамъ, видно, хочешь оставить, а сама только два платья и носишь.

Въ другой разъ горничная допекала старуху иначе:

— Признайся, Трофимовна, какъ попу на духу, что, вѣроятно, ты выпиваешь тайкомъ и никакого сундука у тебя нѣтъ! Вѣдь кто пьетъ, у того никогда нѣтъ одежды.

Безукоризненно трезвая Трофимовна не переносила такой напраслины и раздражалась:

— Отвяжись ты отъ меня, Христа ради! И чего пристала ко мнѣ, какъ репей къ одежѣ.

Даша хохотала.

Сундукъ Трофимовны скоро сдѣлался легендарнымъ. Однако, не смотря на это, обѣ мои прислуги жили въ полномъ согласіи и даже дѣлались.

Готовила Трофимовна мастерски. Изъ крѣпостного времени она вѣдала массу рецептовъ какъ на кушанья, такъ и на печенья, солянья и варенья, хотя отъ старости она нѣкоторые перепутала и слу-

чались кулинарные курьезы къ великому ея конфузу. Такъ она однажды положила шафрану въ какой-то замысловатый соусъ къ жареному мясу, чѣмъ и испортила его; или въ другой разъ прибавила изюму въ рыбный пуддингъ, который поѣтому никто не могъ и ѣсть.

Огорченіе Трофимовны въ такихъ случаяхъ было безпредѣльно. Она охала и стонала, и ничто на могло ее утѣшить.

— Охъ, голова моя безталанная!—причитала она надъ собой,— мало меня учили... мало били! Кабы грамоту знала, сейчасъ бы въ книжкѣ прочитала! А теперь-то я темная, все и запомнила.

— Эка невидаль какая!—говорила Даша, — вотъ господа-то только посмѣялись... А ты нашла надъ чѣмъ убиваться!

— Ахъ, ты ничего не понимаешь, дѣвушка-младешенька!

— Понимаю столько же, сколько и ты, потому что тоже грамотѣ-то не обучена.

— Охъ, учись, дѣвушка, пока не ушло твое времячко!

— Ничего, и такъ живу—не тужу! Что и не такъ сдѣлаешь—повинишься! Головы вѣдь за это не снимаютъ!

— У насъ-то, бывало, за такія провинности и кожу сущали, такъ отстегаютъ на конюшнѣ... Ну, а по нынѣшнимъ временамъ взыску за это нѣтъ, да зато совѣсти-то тяжелой... Она такъ сердце и грызетъ... Охъ, мнѣ!

— Погрызетъ, да не съестъ, не собака,—отшучивалась Даша.

Впрочемъ, въ такой просакъ моя кухарка попадала очень рѣдко. Зато у нея былъ другой крупный недостатокъ, происходившій отъ ея преклоннаго возраста: Трофимовна была необыкновенно копотлива. Благодаря этому нарушался весь пищевой режимъ нашего дня. Мы завтракали и обѣдали не въ назначенные для этого часы, а когда старуха успѣвала приготовить. Ни просьбы, ни выговоры не вели ни къ чему. Даша вскорѣ сдѣлалась добровольной помощницей Трофимовны. Ея собственное дѣло страдало отъ этого. Но я терпѣла неудобство, потому что готовила Трофимовна очень хорошо. Сочные паштеты и кулебяки, необыкновенныя тѣльные, красныя и бѣлыя части изъ разной рыбы, ароматныя буженины и фаршированныя птицы удавались старухѣ на славу.

Хозяйство же мое шло самымъ удивительнымъ образомъ: чѣмъ больше порядка водворялось на кухнѣ, тѣмъ его меньше становилось въ комнатахъ.

Но я надѣялась, что со временемъ моя старуха присноровится и жизнь войдетъ въ обычную колею.

Меня очень удивляла работоспособность Трофимовны въ ея годы.

— Это оттого,—поясняла моя мать,—что прежній народъ былъ

грѣпче... Теперешній измелъчалъ... Вонъ въ деревняхъ: въ сорокъ лѣтъ уже старухи и просятся на печку...

Кромѣ массы работы, Трофимовна ежедневно урывала время спрѣдывать свою барыню, жившую гдѣ-то недалеко отъ насъ.

— Диву даюсь я на нашу Трофимовну,—говорила Даша,—она не знаетъ устали... словно двушильная! Иное я съ ногъ собьюсь, а она копошится себѣ, да копошится, и хоть не скоро, а дѣло все подвигается понемножку впередъ... Настоящая черепаха!

Дѣйствительно, кухарка была очень дѣятельна: вставала она, что называется, ни свѣтъ, ни заря, днемъ никогда не отдыхала, а лежала позднѣе всѣхъ. Она не только стряпала превосходно: каждое дѣло, попадавшее ей въ руки, она исполняла съ возможной добросовѣстностью. Трофимовну всѣ мы полюбили за ея выдержку и добродушіе и охотно стали мириться съ ея недостатками. Она сама любила пошутить и весело встрѣчала шутки надъ собой. Но у нея была своя ахиллесова пята: она не выносила, когда кто-нибудь принимался бранить прежнее время. Она тотчасъ возставала на защиту его:

— Въ наше-то время много было и хорошаго,—убѣжденно говорила она,—мы за господами-то жили, что за отцами родными. Они о насъ заботились, не давали своихъ въ обиду, никто у насъ не умиралъ съ голоду, какъ теперь. Хорошему мужику всегда вниманіе оказывали, поддерживали и дорожили имъ...

— Награждали розгами да побоями,—презрительно отзывалась Даша.

— Не безъ вины вѣдь тоже наказывали... Впрочемъ, что говорить, и господа лиходѣи попадались, тогда была бѣда... А то—ничего... все жили кучно, веселѣе... И горе, и радость вмѣстѣ дѣлили... А теперь разбрелись всѣ люди будто по лѣсу, другъ дружѣ чужіе, никому ненужные... Ни заступы у мужика не стало, ни опоры.

— Вонъ, на голодныхъ-то собираютъ,—авторитетно заявляла Даша,—господа ѣздить кормить и лѣчить мужиковъ.

— Видала я эту кормежку... вѣрно все... Только теперь всѣмъ всѣ чужіе... И прежде вѣдь чужимъ и прохожимъ подавали тоже и не судали, покоили ихъ... но не то, что своихъ... За своихъ-то тутъ стояли...

— Да ты все про какихъ-то особенныхъ господъ говоришь,—и была Даша,—всѣ же прочіе не мало тиранствовали надъ нашимъ бѣгомъ.

— Случалось, дѣвушка, всего случалось... А все же тогда было не во многомъ... а теперь только хорошо одно—воля... никто

не измывается надъ душой вольнаго человѣка,—согласилась Трофимовна.

— Вотъ видишь!

Но старуха не сдавалась окончательно, утверждая упрямо, что кромѣ воли во всемъ прочемъ «въ прежнія времена было не въ примѣръ лучше нынѣшняго». Съ этой позиціи ее нельзя было сбить никакими логическими доводами.

Даша сердито оборвала ее.

— Ну, извѣстно—мертвецъ, такъ и говорить, что въ гробу, да въ землѣ лучше, нежели на вольномъ-то воздухѣ... А по-моему и хорошо, что все это прошло! Говорятъ: прожитое, что пролитое—не воротись! И слава Богу!

III.

Я была очень удивлена, заставъ однажды Трофимовну въ кухнѣ за вязкой чулокъ.

— Вы еще можете заниматься рукодѣліемъ?—замѣтила я.

— Благодареніе Создателю, что глаза сохранилъ мнѣ до старости,—отвѣтила она,—прежде-то я видѣла даже ровно бы хуже, чѣмъ теперь... Вонъ моя барыня безъ очковъ ничего не видитъ вблизи, а мнѣ и очковъ не надо...

Она быстро перебирала спицами, какъ-то на лету считая петли.

Помолчавъ, она спросила меня:

— Не надо ли вамъ, сударыня, какихъ чулочковъ связать, либо надвязать? Я съ моимъ удовольствіемъ и беру не дороже, чѣмъ машинныя, а ручная-то вязка прочяѣе, сами знать изволите.

— Вы и это по заказу готовите?

— Да... полдюжины надо справить въ филипповкамъ.

— Развѣ успѣете? Вѣдь мало времени осталось до поста.

— Боли взялся за гужь, не говори, что не дюжь... Да и какъ не успѣть!...

Дѣйствительно, она успѣла, хотя иногда засиживалась за работой очень долго.

Затѣмъ она связала и мнѣ дюжину чулокъ. Такимъ образомъ старуха заработала не мало денегъ въ мѣсяцъ, доставъ на одинъ чулкахъ 8 рублей. Кромѣ того, она распродала какіе-то шарфики, косыночки, кружева.

Даша смѣясь увѣряла, что Трофимовна отдумала выходить замужъ и потому распродаетъ свое приданое, оттого же и сундукъ свой къ намъ не перевозить.

Старуха и мнѣ принесла продавать старые кружева ручной работы. Она спросила за нихъ дорого и я купила ихъ только потому, что узоръ ихъ былъ очень затѣйливый и старинный, какового я нигдѣ не встрѣчала; плетеніе же отличалось необыкновенной чистотой и ровностью. Такое изящество достигалось либо машиной, либо руками крѣпостныхъ кружевницъ.

— И куда тебѣ, Трофимовна, столько денегъ?—полюбопытствовала Даша.

— Много мнѣ надо, дѣвушка,—неопредѣленно отозвалась та.

— Ты не молодая, тебѣ много совсѣмъ не требуется.

Старуха вздохнула и покачала головой.

— Деньгамъ всегда мѣсто найдется.

— Дай въ долгъ на пальто, я буду тебѣ изъ жалованья выплачивать,—попросила какъ-то у нея горничная.

— И-и, касатка, мои денежки съ крылышками, недолго въ карманѣ посиживать, скорехонько вспорхнуть и улетать... Только я ихъ и видѣла!

— И скупая же ты, какъ я погляжу... видно ты себѣ на газетный гробъ капиталъ припасаетъ...—укоризненно произнесла обиженная Даша.

За глаза она стала звать старуху сквалыгой и скаредомъ.

Даша увѣряла однажды сосѣдскую прислугу, что если Трофимовна потеряетъ копѣйку, то удавится съ горя.

Это конечно былъ шаржъ, но «жадность» къ деньгамъ и скупость старухи дѣйствительно бросались невольно въ глаза.

— Надо услѣдить, куда Трофимовна свои деньги дѣваетъ,—сказала какъ-то Даша:—на себя она вѣдь ничего не тратитъ.

— Какъ же вы ее выслѣдите?—поинтересовалась я.

— А вотъ куда она каждый вечеръ бѣгаетъ?... Будто совсѣмъ недалеко отъ насъ, только я не услѣдила еще... Укараулю безпремѣнно и тогда все узнаю. Выведу ужъ ее на чистую воду!

Это Дашѣ наконецъ и удалось. Она вбѣжала ко мнѣ взволнованная и съ таинственнымъ видомъ сообщила:

— Ну, вотъ, узнала-таки я секретъ нашей Трофимовны: куда и зачѣмъ она ходитъ... и сама я даже тамъ побывала!

— Гдѣ же именно и про что вы говорите? Про какой секретъ?

Торопясь, Даша выкладывала добытые свѣдѣнія.

— Бѣгаетъ Трофимовна въ Бахроминскую дворянскую богадѣльню, что въ нашей улицѣ... Туда опредѣлилась ея барыня...

— Чернодубравская?—съ удивленіемъ переспросила я.

— Она самая... Вотъ старуха-то важничала, а видно, что и за

честь, коли нечего ёсть!... послѣ сладкаго-то житья и пустымъ богадѣленскимъ щамъ стала рада... Трофимовнѣ-то стыдно было признаться, въ какой дворецъ ей важная барыня попала, а я вотъ и попыталась... нарочно съ богадѣленской прислугой знакомство свела...

— Но въ томъ еще нѣтъ ничего унижительнаго, что Чернодубравская поступила въ богадѣльню,—замѣтила я.

— Тогда почему же таилась-то Трофимовна?—задорно отозвалась дѣвушка.

— Можетъ быть у нея есть на это какія-нибудь причины.

— Причина въ томъ, что Трофимовна всѣ свои деньги барынь отдасть.

Я была крайне удивлена этимъ открытіемъ.

— Зачѣмъ же? Вѣдь Чернодубравская получаетъ пенсію...

— Пенсія вся идетъ въ уплату долговъ, такъ мнѣ сказали, и барыня одной копѣйки изъ своей пенсіи не видитъ... А привыкла къ чаюмъ, да кофеймъ, и куску сладкому... Вотъ Трофимовна-то и работаетъ для нея... Да и этого мало: какъ придетъ спровѣдать барыню, то и ноги ей разотретъ масломъ... Богадѣленская-то прислуга не станетъ этого дѣлать!

— Какая добрая старуха!—замѣтила я.

— Раба она крѣпостная своей барыни до сей поры,—съ отѣнкомъ презрѣнія пояснила Даша:—воля-то, видно, мимо нея проѣхала, она и не замѣтила ее!

— Не забывайте, Даша, что Трофимовна и родилась, и выросла вмѣстѣ со своей барыней и во всю жизнь онѣ не разставались, это сроднило ихъ.

— Поровняли тоже: то—барыня, а то—ея крѣпостная! Нѣтъ, я бы ни въ жисть не стерпѣла и ушла бы на вольную волюшку.

Вернувшись въ кухню, Даша подняла на смѣхъ Трофимовну, которая лишь слабо возражала ей. Должно быть горничная очень допекла бѣдную старуху, что она явилась ко мнѣ вечеромъ за хозяйственными распоряженіями сильно смущенная.

Я постаралась ободрить ее и похвалила за доброту и привязанность.

Трофимовна такъ обрадовалась, что неожиданно поцѣловала у меня руку, которую я не успѣла отдернуть.

— Зачѣмъ это!

— Вотъ вы понимаете, сударыня, а онѣ темныя, потому безо всякаго понятія и точать зубы.

— И меня удивила ваша преданность Чернодубравской... теперь такого чувства у прислуги не встрѣтишь...

— Истинно такъ, сударыня... Мы жили для господъ, а онѣ-то господами. Только ими и дышать, а сами злобой на нихъ пышутъ... Но, впрочемъ, всё безъ корня... не за что ухватиться людямъ ни съ которой стороны... А старинные-то люди всё съ корнями... что баре, что крестьяне... Сколько надъ землей, столько же и въ землѣ... Но ничего этого не стало, оттого и различіе пошло.

— Скажите, Трофимовна, неужели вы всё деньги отдаете барынь?—спросила я.

— Ну, какъ это можно, сударыня,—возразила она:—вѣдь и я живъ человекъ тоже... всякое и мнѣ самой требуется... Изъ жалованья восемь рублей отдаю, а четыре оставляю про свою потребу... Не думала моя барыня, не гадала, что подъ старость-то ей такъ нудаться придется...

Трофимовна вздохнула и покачала головой.

— Какъ же это такъ случилось, что у нея всю пенсію берутъ?—спросила я.—Вѣдь за долги вычитаютъ обыкновенно извѣстную часть.

— Вообще-то оно такъ, но тутъ вышло по особому обстоятельству. Моя барыня за сынка поручилась и съ нея взяли такую подписку... не знаю я ужъ какъ и обсказать вамъ это...

— Вошла въ особое соглашеніе что ли?

— Да-съ, по уговору, значить... барыня и книжку свою пенсіонную тому человекъ отдали, и онъ каждый мѣсяцъ приноситъ только, значить, росписаться, а денегъ моя барыня и не видитъ совсѣмъ. Когда же долгъ выплатить, то онъ вернетъ опять ей книжку.

— И долго еще надо платить?

— Еще мѣсяцевъ восемь осталось, если не больше... Точно я не сумѣю вамъ сказать.

— На что же понадобилось вашему Витѣ столько денегъ?—задала я вопросъ.

— На службу онъ ладился поступить, одежду надо было справить, ну, и все прочее...

— Онъ служить гдѣ-нибудь?

— Никакъ нѣтъ, потому некому похлопотать за него... объѣздили ему... водили, водили, но нигуда не опредѣлили... Такъ онъ и молодости лѣтъ довѣрился имъ...

— Чѣмъ же онъ занимается, что теперь дѣлаетъ?

— Какъ есть не у дѣла... опять ищетъ мѣста и обѣщанія получаетъ... все въ надеждѣ живеть.

— Барыня-то ваша вѣроятно изъ-за долга и въ богадѣльню пошла?

— Да-съ, это въ расчетѣ было у нихъ-съ... а иначе никакъ невозможно было долгъ выплатить, потому самому, какъ нанимали комнату за 15 руб. въ мѣсяцъ, да содержаніе, да стирка, пенсін-то въ обрѣзъ хватало... а долги-то платить имъ было и не изъ чего... Ну, разсудили, чтобы ужъ, значить, пристроиться къ мѣсту до послѣдняго своего часа и не мытариться больше по мебелированнымъ комнатамъ. Теперь у нихъ и уголъ свой всегда есть и хлѣба кусокъ... Тутъ барыня себѣ хоть спокойствіе нашла... Теперь сиди себѣ на одномъ мѣстѣ, не тужи... А то вѣдь сколько, бывало, намъ маяты-то всякой съ переѣздами. Не приведи Богъ! Если бы еще здоровье было, а то барыня моя недужная, ей склониться не даетъ, башмачка надѣтъ, въ голову сейчасъ кровь ударяетъ... Вотъ она и платитъ прислугѣ, чтобы та ее обувала и одѣвала... Теперь-то покажѣсть трудненько, а какъ книжка очистится, то и вовсе хорошо будетъ... Но только, разумѣется, сыночка нельзя безъ помощи оставить... не его вина, что онъ незадачливый.

— А можетъ быть онъ и не ищетъ, благо мать помогаетъ?

— Какъ можно!—воскликнула старуха:—кажинъ день хлопоталъ, никогда дома не сидѣлъ. Да, видно, судьбы своей не нашель еще. Онъ у насъ хорошій-прехорошій и сердце у него золотое... когда маленькимъ-то былъ, безъ своей няньки шагу ступить не могъ... Сидитъ у меня на колѣняхъ, слушаетъ сказки, а потомъ обниметъ и говоритъ: «Когда вырасту большой, я тебѣ куплю серебряное платье, потомъ золотое и еще алмазное». «Ты мнѣ справь ситцевое запросто ходитъ»—скажешь ему бывало,—а онъ: «ситцевыя ты теперь носи, а потомъ наряжу тебя въ серебряное, золотое и алмазное...» Вотъ все такъ-то собирался окрутить свою няню... Да и потомъ-то какъ росъ, да учился Витенька, онъ меня больше матери слушался. Зато же я его больше барыни и жалѣю. Онѣ, часомъ, гнѣваются на сынка, а у меня нѣтъ на него сердца, будто онъ мнѣ кровный... Видитъ Богъ!

— Выходитъ, что вы и ему помогаете, помогая его матери.

Старуха махнула рукой.

— Я не считаю этого... Какая моя помощь! грошовая! Такъ ли они привыкли жить, ну и трудно имъ сократиться, въ особенности Витенькѣ... человекъ онъ молодой, то нужно, другое нужно, а взять негдѣ... Сами посудите, какъ же ему быть-то? Ну и задолжаетъ по неволѣ...

Было ясно, что старуха безумно любила своего выводуша, во всемъ оправдывала его, а потому и работала на Чернодубравскій,

не жалѣя своихъ послѣднихъ силъ. Но и въ любви ея къ своимъ господамъ и въ самой службѣ имъ было много рабскаго чего-то.

Даша моя, напримѣръ; несмотря на всю свою простоту и провинциализмъ, была въ то же время до крайности самолюбива и обидчива. Малѣйшее замѣчаніе, хотя бы самое справедливое и выраженное съ возможной мягкостью, сильно задѣвало горничную и она потомъ долго ходила надутая.

Однажды послѣ какого-то моего замѣчанія Даша ушла въ кухню и принялась тамъ недовольно ворчать про себя.

Узнавъ о причинѣ ея раздраженія, старуха неодобрительно покачала головой.

— Эхъ, дѣвушка, дѣвушка!—замѣтила она,—погляжу я на тебя, какъ вы всѣ набалованы нынче. То ли бывало въ наши-то времена! Не только выбранять, но и побьютъ, и за косы оттрепляютъ... и то ничего... поплачешь, бывало, въ чуланѣ, да и стерпишь обиду...

— Не Дубравчика ли тебѣ косы рвала?—освѣдомилась Даша озлобленно.

— Нѣтъ, барыня моя любила меня и если строжила когда, такъ только за провинность. А другимъ дѣвушкамъ отъ нея попадало... это правда... Но все же она поступала по справедливости, не такъ, какъ ея мать, царство ей небесное... Та въ гнѣвъ люта была и на руку тяжела. Одна сѣнная дѣвушка не успѣла ей къ сроку платокъ кружевной вышить, такъ она чуть не полгосы вырвала, трепавши ее. Мы-то всѣ прочія дѣвушки бросились обнимать барынѣ ноги, умоляя отпустить Пашутку... еле-еле наша старая барыня смиловилась.

— Вишь аспидъ-то какой, а ты ее еще добромъ поминаешь! Проклясть такую мало.

— Вотъ ты какая непереносная, а мы не проклинали, терпѣли, потому что старуха только характерная была, но до насъ добрая. Какъ опамятуется, то потомъ не знаетъ, чѣмъ и загладить свой гнѣвъ, одарить, бывало, чѣмъ только возможно. Ничего, мы смирились и обида забывалась... Наши господа еще были лучше другихъ и намъ завидовали...

— Теперешніе господа не смѣютъ такъ тиранствовать надъ нами, такого закону нѣтъ,—задорно отвѣтила Даша.

— Вѣрно, они больше не тиранствуютъ и за что прежде розгами стегали, зато теперь намъ только выговоры даютъ. Вотъ и рассуди сама, какое облегченіе новѣ пошло.

— Мало ли, что тамъ вы терпѣли, а мы не хотимъ,—такъ же

задорно отзывается Даша.—Было время для господь-то, да прошло! Поминай, как звали!

На эту тему у моей прислуги шли постоянныя прерѣванія.

Сама же Трофимовна высказывала большую терпимость ко всякимъ выговорамъ. Она очень усердно извинялась за свою оплошность и давала обѣщанія впредь никогда не повторять ее. Погрѣшности же ея происходили помимо ея воли, больше всего изъ-за ея безпамятства.

IV.

Въ день полученія жалованья Трофимовна какъ-то обратилась ко мнѣ.

— Позвольте васъ спросить, сударыня, какой это вы духовитый кофе покупаете?

— Менадо... это высшій сортъ. Вамъ для кого?

Старуха слегка замаялась, но потомъ отвѣтила:

— Моя барыня поручила мнѣ купить самаго хорошаго, а я и не знала какого.

— Имѣйте въ виду, — предупредила я кухарку, — что этотъ кофе сильно дѣйствуетъ на сердце, значить вреденъ, и въ особенности старымъ. Вы лучше возьмите смѣсь двухъ сортовъ мокко пополамъ: Ливанскаго и Аравійскаго. Изъ этого тоже получается превкусный кофе.

Трофимовна низко поклонилась.

— Покорно благодарю, сударыня, пропишите мнѣ все это на бумажѣ для памяти... да ужъ и того, духовитаго-то... его я хоть немножко возьму... Я знаю, что моей барынѣ будетъ это очень приятно. До хорошаго-то кофе она большая охотница... Какъ напьется его, ровно бы у нея и праздникъ на душѣ.

Я исполнила просьбу старухи и подала ей записку.

Она поблагодарила еще разъ и удалилась.

Послѣ завтрака я пошла въ фруктовый магазинъ. Подъ воротами мнѣ встрѣтился возъ, нагруженный шкафами, стойками и ящиками. Среди зимы кто-то переѣзжалъ въ пустовавшую квартиру рядомъ съ воротами.

Я подалась назадъ и подождала, когда ломовой проѣдетъ во дворъ.

Онъ остановился у чернаго крыльца квартиры и ему тотчасъ же отворила дверь красивая брюнетка, закутанная въ теплый платокъ. Она громко позвала дворника.

Послѣдній не отозвался. Тогда она закричала его еще громче и прибавила ругательство, черезчуръ эксцентричное въ устахъ женщины.

Я прошла подъ освободившимися воротами, гдѣ навстрѣчу мнѣ пробѣжалъ дворникъ, спѣшившій на зовъ новой жилицы.

Фруктовый магазинъ былъ недалеко въ нашей же улицѣ.

Войдя въ него, я была очень удивлена, заставъ тамъ Трофимовну.

Она выбирала груши и не сразу замѣтила меня. Въ рукѣ она уже держала пакетъ съ кофеемъ.

— Не обмани меня, — говорила она приказчику, — давай самыхъ что ни есть сочныхъ и нѣжныхъ. Худыхъ моя барыня и кушать не станетъ.

— Не беспокойся, разужу твою барыню, — отозвался приказчикъ. — Вотъ эти груши сами во рту таютъ. Небойсь, спасибо скажешь.

— То-то, смотри у меня, чтобы безъ обмана.

Я спросила себѣ яблоковъ, и когда мнѣ ихъ отпустили, то я вмѣстѣ съ Трофимовой вышла изъ магазина.

— Вы и это своей барынь? — спросила я ее.

— Да-съ... гостинчика снестъ, — смущенно произнесла она и, вздохнувъ, прибавила: — имъ вѣдь только и отрады осталось...

— А сынь? — напомнила я.

— На сынка онѣ изволятъ теперь гнѣваться.

— За долги?

— По этой самой причинѣ-съ... Охъ, грѣхи, грѣхи наши тяжкіе!...

Старуха снова вздохнула.

— Часто вы такъ балуете свою барыню? — снова спросила я.

— Ну гдѣ же часто... развѣ когда при деньгахъ, — отозвалась она. — И какъ милая барыня обрадуется всегда моему гостинчику!... «Ты, — говорить, — лучше меня умѣешь все выбрать! Бромѣ тебя никто мнѣ не можетъ угодить».

Мы прошли подъ своими воротами.

Дворникъ съ ломовымъ носили въ квартиру вещи. На крыльцѣ и прежнему стояла жилица. Увидѣвъ Трофимовну, она поздоровалась съ ней, какъ со знакомой.

Старуха остановилась поговорить съ ней.

По возвращеніи Трофимовны домой я спросила у нея, кто такая та ая жилица?

— Это — магазейщица Синюхина, Татьяна Ивановна.

— Бабу вы ее знаете?

Старуха замялась.

— Тутъ по особенному случаю... жили въ одномъ домѣ.

Она видимо что-то скрывала.

Въ этотъ вечеръ моя старуха больше обыкновеннаго пробыла въ богадѣльнѣ и вернулась оттуда такая довольная и веселая, точно не снесла, а сама получила отъ барыни гостинецъ.

Черезъ нѣсколько дней Синюхина устроилась на новосельи. На обѣихъ окнахъ ея магазина, вмѣсто наклеенныхъ бѣлыхъ билетовъ, появилась выставка нарядныхъ шляпъ. Работали у ней двѣ мастерицы, а хозяйка, нарядно одѣтая, торговала въ магазинѣ.

Мнѣ приходилось часто видѣть, какъ къ магазину подъѣзжалъ или подходилъ красивый молодой человекъ, всегда изысканно одѣтый и по манерамъ и обращенію, видимо, принадлежавшій совсѣмъ къ иному кругу, нежели сама Синюхина. Нерѣдко случалось, что они вмѣстѣ ичались куда-то на рысакѣ. Это выдавало ихъ близость.

Трофимовна повадилась мимоходомъ забѣгать къ Синюхиной. Дружба ея съ модисткой меня удивляла и забавляла. Скоро это разъяснилось: Даша сообщила мнѣ, что молодой человекъ былъ выводимъ Трофимовны.

Подошли праздники. На святкахъ, возвращаясь домой отъ знакомыхъ очень поздно, я встрѣтила у воротъ подъѣхавшихъ на извозчикѣ Синюхину съ Витей, которые были сильно выпивши. Поддерживая другъ друга для сохраненія равновѣсія, они перекинулись фамиллярными замѣчаніями съ дворникомъ, который отвѣтилъ имъ грубой шуткой.

Модистка разразилась громкимъ одобрительнымъ смѣхомъ.

Мнѣ стало ясно, почему Чернудубравская сердилась на сына за его близость съ этой вульгарной женщиной.

Прошло около двухъ недѣль.

Возвращаясь однажды домой, я застала подъ воротами тихо, но оживленно разговаривавшими Трофимовну съ Витей. Когда я поровнялась съ ними, то они смолкли.

«Нашли мѣсто гдѣ разговаривать, — неволью подумала я, — словно старуха не бываетъ у нихъ ежедневно».

Я услышала въ это время за собой, какъ Трофимовна простилась съ Витей.

— Эй, старая, — крикнулъ ей въ догонку Чернудубравскій, — смотри, объ этомъ и Танѣ ни слова!

— Слушаю-съ, сударикъ мой, — отозвалась она.

«У нихъ какой-то заговоръ, — подумала я, — онъ сказалъ и Танѣ,

значить, еще и раньше кого-то поминалъ... можетъ быть, свою мать... это интересно».

Мнѣ не долго пришлось оставаться въ невѣдѣніи на этотъ счетъ, такъ какъ все объяснилось само собой: на другой же день ко мнѣ явилась Трофимовна съ убѣдительною просьбой дать ей денегъ.

— Но вы же на-дняхъ получили свое жалованье, — отозвалась я.

— Я все издержала, — виновато промолвила она.

— Сколько же вамъ надо?

— Всего-то рублей 50... А вы ужъ дайте, сколько можете, я отслужу... Охъ, горе мое, гдѣ-то я добуду столько!

Я сообразила, въ чемъ было дѣло.

— Это вы для Вити?

Старуха смутилась, но не отреклась.

— Для кого же мнѣ больше? Все для нихъ-съ, — съ сокрушеннымъ вздохомъ промолвила она.

— Что же: опять, вѣроятно, новый вексель?

— Точно такъ-съ...

Меня возмутила эксплуатація чувства бѣдной старухи и я воскликнула:

— Какъ не стыдно этому шалопаю не падить вашихъ старыхъ силъ! Вѣдь онъ, какъ разбойникъ на большой дорогѣ, грабитъ и душить васъ обѣихъ съ матерью, вымогая послѣдніе гроши!

— Христось съ вами, сударыня! Что вы говорите! — торопливо остановила меня Трофимовна. — Вы не знаете Витеньки, онъ не станетъ безъ пути должать! Это прижали его злые люди, дыхнуть ему не дадутъ, сердешному! Вотъ чтобы въ три дня подай деньги, да и все тутъ... А ему ихъ негдѣ взять-то... Сердце у Витеньки предоброе...

Разубѣдить старуху не было никакой возможности и я махнула на нее рукой.

Она же стояла, кланялась и все просила меня.

Но я была не при деньгахъ и потому рѣшительно отказала ей.

Это озадачило старуху, но только на нѣсколько секундъ. Затѣмъ она еще горячѣе продолжала:

— Матушка сударыня, займите для меня, а я заслужу вамъ, заживу все до послѣдней копѣечки.

Давать такое обѣщаніе при ея возрастѣ было довольно рискованно, но все же не это остановило меня исполнить ея желаніе: я не хотѣла и пальцемъ шевельнуть для Вити, а потому и повторила свой отказъ.

Трофимовна сдѣлала движеніе броситься мнѣ въ ноги. Замѣтивъ это, я стремительно предупредила ее, удержавъ за плечо.

Это вызвало у меня раздраженіе.

— Какъ вамъ не стыдно! Земно кланяются только Богу! Это вы дѣлали въ крѣпостное время, а теперь мы къ такимъ унижительнымъ поклонамъ не привыкли. Прошу васъ никогда этого больше не дѣлать...

Эта форма обращенія возмутила меня еще тѣмъ болѣе, что подъ ней скрывалось насиліе: другая была бы этимъ побѣждена и дала бы ей денегъ, хотя потомъ, можетъ быть, и негодовала бы на себя за этотъ вынужденный поступокъ.

Бросивъ на меня робкій взглядъ, старуха поникла головой. Во всей фигурѣ ея выразилось отчаяніе.

Я сухо отпустила ее:

— Можете идти къ себѣ.

Трофимовна кряхтя поплелась на кухню разбитой походкой.

На другой день она отпросилась у меня и отправилась куда-то очень далеко; она вернулась лишь на слѣдующее утро усталая и недовольная. Тѣмъ не менѣе послѣ обѣда исчезла опять и проходила до глубокой ночи.

На слѣдующій день Даша сказала мнѣ:

— Старуха-то всю ночь проплакала, что не достала денегъ... Ей даютъ гдѣ-то, да мало, всего 15 рублей... Сегодня опять куда-то собирается... Послѣдній срокъ... Что только и будетъ съ ней, коли не получить!

Даша покачала головой съ видомъ соболѣзнованія.

— Изведутъ ее эти аспиды,—прибавила она въ заключеніе.

Старуха дѣйствительно опять ушла. На этотъ разъ она не только не ночевала, но и не вернулась домой и утромъ.

Такая неаккуратность была не въ ея правилахъ.

— Не случилось ли чего-нибудь съ нашей Трофимовной?—задала я невольно вопросъ, беспокоясь ея отсутствіемъ.

— Ой, не порѣшила ли она съ собой!—сдѣлала трусливое предположеніе Даша.

— Что за глупости!

Время проходило, а старуха не возвращалась.

Пора было позаботиться о завтракѣ.

Чтобы не отрывать горничную отъ уборки, я сама отправилась въ мясную лавку.

Подъ воротами я увидѣла Трофимовну съ Витей.

Старуха имѣла самый жалкій видъ: сторбилась и осунулась, словно пережила за эти дни цѣлый десятокъ лѣтъ.

Витя поспѣшно пряталъ въ портмоне только что полученные отъ нея деньги.

Въ одномъ углу рта у него дымилась сигара. Видъ Чернодубравскаго былъ самый небрежный и независимый.

Онъ что-то процѣдилъ сквозь зубы, повернулся и, засунувъ руки въ карманы, быстро зашагалъ, опередивъ меня.

Трофимовна, качаясь и припадая на одну ногу, поплелась домой. Меня она не замѣтила.

Когда я вернулась съ провизіей, то застала старуху, лежавшей на постели. Трофимовна стонала и охала отъ обострившагося ревматизма. Но сердце ея успокоилось и, въ промежуткахъ между приступами боли, она со счастливой улыбкой передавала Дашѣ о пережитыхъ мытарствахъ.

— Ты у своихъ господъ словно цѣпной песъ,—съ негодованіемъ опредѣляла горничная.—Ты совсѣмъ какая-то особенная! Подъ стѣлянный бы колпакъ тебя, да развозить по бѣлу свѣту и показывать какъ диво какое, много бы денегъ можно было собрать!

Несмотря на возобновившіяся боли, Трофимовна снова улыбнулась.

— Языкъ-то у тебя безъ костей, дѣвушка,—добродушно отозвалась она и застонала.

Пришлось пригласить врача.

Онъ прописалъ ей лѣкарство и велѣлъ нѣсколько дней оставаться въ постелѣ.

Старуха пролежала цѣлую недѣлю, испытывая сильныя страданія.

— Помрешь ты изъ-за своихъ господъ,—говорила ей Даша.

— Богъ милостивъ,—отзывалась больная,—не впервой это у меня, да отпускало...

Но на случай она все же исповѣдалась и причастилась.

— Нѣтъ ужъ, не жилица ты на этомъ свѣтѣ,—съ увѣренностью говорила горничная,—вонъ какъ ты осунулась, вѣдь краше въ гробъ и падуть!

Бѣдную старуху дѣйствительно, что называется, «перевернуло».

Однако Даша ошиблась: и на этотъ разъ Трофимовну «отпустило», хотя замѣтно прибавило ей дряхлости. Старыя силы возстановились очень медленно. Лишь мѣсяць спустя Трофимовна сказала:

— Ну теперь, слава Богу, все прошло! Я снова человѣкомъ стала!

Однажды Даша испугала меня, влетѣвъ ко мнѣ стремглавъ въ комнату.

— Барыня, барыня, что я узнала-то сейчасъ отъ Поли, синюхинской мастерицы! Тѣ 50 рублей, которые доставала наша Божья старушка, да еще чуть за нихъ и душу свою не положила, Витька-то ее безстыжій въ карты проигралъ! А!... Растерзать вѣдь такого человѣка мало!

— Трофимовна знаетъ это?

— Нѣтъ, онъ обманулъ ее, увѣрилъ, что на дѣло... Вотъ-то обрадую ее!

Она такъ же быстро исчезла, какъ и появилась.

Я не успѣла остановить ее, чтобы она не разстраивала старуху.

Черезъ минуту въ кухню поднялся шумъ.

Бъ моему удивленію у Трофимовны и тутъ нашлось для ее Витеньки какое-то оправданіе.

— Ну, такъ и дурища же ты послѣ этого!— вскричала сердито Даша.— Жаль, что тебя бить некому! Да твои аспиды живо тебя уложатъ въ могилу! Дождешься отъ нихъ этого вмѣсто благодарности...

Весной я поѣхала на югъ, съ цѣлью провести въ Крыму и зиму. Обѣихъ прислугъ я отпустила.

Когда же черезъ годъ я вернулась изъ Крыма, то узнала, что Трофимовна недавно умерла въ больницѣ отъ тифа.

Такъ кончила жизнь одна изъ послѣднихъ моговиканокъ «добраго стараго времени».

Анна Догановичъ.

ВИННЫЙ СКЛАДЪ ?.

(LA BODEGA).

Повѣсть Висенте Бласко-Ибаньеса.

(Съ испанскаго.)

VI.

Цыганка Мари-Брусь умирала. Объ этомъ Алканарронъ своими вслепываніями оповѣщалъ всѣхъ бывшихъ на мызѣ, не обращая вниманія на протесты матери.

— Что ты знаешь, глупый? Другіе бывали еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ она, а ихъ спасала моя кума.

Но цыганъ, пренебрегая вѣрой сеньоры Алканаррона въ мудрость ее кумы, предчувствовалъ, съ ясновидѣніемъ любви, смерть своей двоюродной сестры. И на мызѣ, и въ полѣ онъ рассказывалъ всѣмъ о происхожденіи ее болѣзни.

— Все проклятая шутка сеньорита! Бѣдняжка всегда была хмельная, всегда хвораая, а внезапный ее испугъ передъ быкомъ окончательно ее убилъ. Пусть бы Богъ послалъ...

Но почтеніе къ богатому, традиціонная покорность хозяину удержали на его устахъ цыганское проклятiе.

Тотъ вѣщій воронъ, который, какъ онъ полагалъ, сзываетъ добрыхъ, когда кто-нибудь изъ нихъ не достаесть на кладбищѣ, должно быть, уже бѣдствуетъ, поглаживая клювомъ черныя крылья и готовясь къ карканію для вызова молодой цыганки. Ахъ, бѣдняжка, Мари-Брусь! Лучшая изъ всей семьи!... И чтобы больная не угадала его мыслей, онъ держался на нѣкоторомъ разстояніи, смотря на нее издали, не отваживаясь приблизиться къ тому углу людской, гдѣ она лежала, растянувшись на циновкѣ изъ тростника, которую поденщики сострадательно уступили ей.

*) Русская Мысль, кн. VI, 1906 г.

Сеньора Алканаррона, увидавъ свою племянницу, два дня спустя послѣ ночнаго кутежа, въ жару и не имѣющей силъ идти въ поле, тотчасъ распознала болѣзни съ своей опытностью ворожей и лѣкарки-колдуньи. Это внезапный испугъ передъ быкомъ «вошелъ въ нее *внутрь*».

— У бѣдняжки, — говорила старуха, — были ея... словомъ, эти... а извѣстные; то въ такомъ случаѣ, слѣдуетъ избѣгать испуга. Испорченная кровь бросилась ей на грудь и душилъ ее. Вотъ почему она все проситъ пить, точно съ нея мало и цѣлой рѣки.

И вмѣсто всякаго лѣкарства, старуха отправляясь со всей своей семьей на разсвѣтъ работать въ поле, ставила близъ лохмотьевъ постели кувшинъ, всегда полный водой.

Большую часть дня дѣвушка проводила въ одиночествѣ, въ самомъ темномъ углу спальни поденщиковъ. Которая-нибудь изъ дворянъ, войдя по временамъ въ людскую, кружилась около больной съ глухимъ рычаніемъ, выражавшемъ ея изумленіе, и затѣмъ, послѣ попытки лизнуть блѣдное ея лицо, собака удалялась, оттолкнутая безкровными, прозрачными, дѣтскими руками.

Въ полдень, когда солнечный лучъ проникалъ золотистой лентой въ полумракъ человѣческой конюшни, весеннія мухи долетали до земного угла, оживляя своимъ жужжаніемъ одиночество больной.

Иногда Сарандилья и его жена заходили провѣдать Мари-Брусъ.

— Бодришь, дѣвушка; сегодня видъ у тебя лучше. Необходимо лишь одно, чтобы ты освободилась отъ всей этой дряни, которая бросилась тебѣ на грудь.

Больная съ слабой улыбкой протягивала исхудалыя свои руки, чтобы взять кувшинъ, и пила, и пила, въ надеждѣ, что вода потушитъ горячій и удушливый влупокъ, затруднявшій ея дыханіе, передавая всему тѣлу огонь лихорадки.

Когда солнечный лучъ исчезалъ, жужжаніе мухъ прекращалось и клочокъ неба, обрамленный дверью, принималъ нѣжный фіолетовый оттѣнокъ, больная чувствовала радость. Это было для нея лучшая пора дня: скоро вернутся ея близкіе. И она улыбалась Алканаррону и его братьямъ, которые садились на полъ полукругомъ, не говоря ни слова, и смотрѣли на нее вопросительно, точно желая уловить бѣглое здоровье. Каждый вечеръ по возвращеніи съ поля тетя а ея первымъ дѣломъ спрашивала, не освободилась ли она отъ *этой*, ожидая, что у нея выйдетъ ртомъ гніеніе, испорченная кровь, которую внезапный испугъ накопилъ у нея въ груди.

Больную оживляло также присутствіе ея товарищей по работѣ, поденщиковъ, которые, прежде чѣмъ засѣсть за вечернюю похлебку,

проводили нѣсколько минутъ съ ней, стараясь ободрить ее суровыми словами. Грозный Хуанонъ говорилъ съ ней каждый вечеръ, предлагая энергичное лѣченіе, свойственное его характеру:

— Тебѣ нужно ѣсть, дитя, питаться. Вся твоя болѣзнь—лишь голодъ.

И затѣмъ онъ подносилъ ей необычайные пищевые продукты, которыми обладали его товарищи: кусочекъ селедки, колбасу, принесенную изъ горъ, и какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшіе въ людской. Но цыганка отталкивала все съ благодарнымъ жестомъ.

— Это ты напрасно,—мы предлагали отъ души.—Оттого ты такъ сморщилась и высохла, оттого и умрешь, потому что не ѣшь.

Хуанонъ подвѣривался въ этой мысли, видя крайнее исхуданіе дѣвушки. На ней не было уже и малѣйшаго признака плоти, слабые мускулы ея анемичнаго тѣла словно улетучились. Оставался лишь костяной скелетъ, обозначавшій свои углы изъ-подъ матовой бѣлизны кожи, тоже, казалось, утончившейся до прозрачной плевы. Вся жизнь ея словно сосредоточилась въ ввалившихся ея глазахъ, все болѣе черныхъ, все болѣе блестящихъ какъ двѣ дрожащія капли ила въ глубинѣ сине-блѣдныхъ глазныхъ ея впадинъ.

Ночью Алканарронъ, сидя на корточкахъ сзади ея постели, избѣгая ея взглядовъ, чтобы свободнѣе плакать, видѣлъ при свѣтѣ свѣчи до чего стали прозрачными ея уши и ноздри.

Надемотрикъ, встревоженный состояніемъ больной, совѣтовалъ позвать изъ города доктора.

— Это не по-христіански, тетка Алканаррона, бѣдная дѣвушка умираетъ какъ животное.

Но она съ негодованіемъ протестовала:

— Доктора? Доктора созданы только для сеньеровъ, для богатыхъ. А кто заплатитъ за него?... Притомъ во всю свою жизнь она не нуждалась въ докторѣ и дожила до старости. Люди ея племени, хотя и бѣдные, имѣютъ свой небольшой запасъ науки, къ которой часто прибѣгаютъ и *гаши* *).

И позванная ею, явилась на мизу ея *кума*, древнѣйшая цыганка, которая пользовалась большой славой цѣлительницы въ Хересѣ и его окрестностяхъ.

Выслушавъ Алканаррону, старуха ошупала несчастный скелетъ больной, одобряя всѣ предположенія своей пріятельницы. Она права: то внезапный испугъ, испорченная кровь, которая бросилась дѣвчнкѣ на грудь и душилъ ее.

* На цыгане.

Цѣлый вечеръ онѣ проходили вдвоемъ по сосѣднимъ холмамъ, отыскивая травы, и попросили у жены Сарандильи самыя негѣныя снадобья для знаменитой припарки, которую собирались смастерить. Ночью обитатели людской молчаливо съ легковѣрнымъ уваженіемъ поселянъ ко всему чудесному, наблюдали манипуляціи двухъ колдуній кругомъ горшка, придвинутаго къ огню.

Больная смиренно выпила отваръ и дала обложить себѣ грудь припаркой, таинственно приготовленной двумя старухами, какъ будто въ ней заключалось сверхъестественное могущество. *Кума*, не разъ дѣлавшая чудеса, отрицала свою мудрость, если раньше двухъ дней ей не удастся потушить огненный клубокъ, душившій дѣвушку.

Но два дня прошли, и еще два дня, а бѣдная Мари-Брусъ не чувствовала облегченія.

Алканарронъ продолжалъ плавать, уходя изъ людской, чтобы больная не слышала. Съ каждымъ днемъ хуже ей! Она не можетъ лежать, задыхается. Его мать перестала уже ходить въ поле, и оставалась въ людской, чтобы ухаживать за Мари-Брусъ. Даже когда она спала, нужно было и приподымать, и поддерживать въ сидячемъ положеніи, въ то время какъ грудь ея волновалась словно хрипѣніемъ сломаннаго раздувательнаго мѣха.

— Ахъ, Господи!—стоналъ цыганъ, теряя послѣднюю надежду.—Совершенно такъ, какъ птички, когда ихъ ранять.

Рафаэль не смѣлъ ничего совѣтовать семьѣ, и входилъ повидать больную только лишь въ то время, когда поденщики были въ полѣ.

Болѣзнь Мари-Брусъ и кутежъ на мызѣ хозяина поставили его во враждебныя отношенія ко всѣмъ обитателямъ людской.

Нѣкоторые изъ дѣвушекъ, когда къ нимъ вернулся разумъ послѣ той пьяной ночи, ушли домой, въ горы, не желая больше оставаться на мызѣ. Онѣ ругали манихеросъ *) , заботливости которыхъ родные поручили ихъ, а тѣ первые посовѣтовали имъ идти съ дономъ-Луисомъ. И послѣ того, какъ онѣ разгласили среди рабочихъ, вернувшихся въ воскресенье вечеромъ, случившееся наканунѣ ночью, онѣ однѣ пустились въ обратный путь домой, рассказывая всѣмъ о скандалахъ на мызѣ.

Поденщики, вернувшись въ Матансуалу, уже не застали тамъ хозяина. Онъ и вся его компанія, хорошенько проспавшись, уѣхали въ Хересь, какъ всегда веселые и шумно развлекаясь. Въ негодованіи своемъ рабочіе возложили всю отвѣтственность за случившееся на надсмотрщика и на все *правительство* мызы. Сеньорито былъ далекъ, да притомъ же они ѣли его хлѣбъ.

*) Нѣчто вродѣ старшины надъ извѣстнымъ числомъ поденщиковъ.

Нѣкоторые изъ тѣхъ, которые оставались въ людской въ ночь кутежа, должны были взять расчетъ и искать работу на другихъ мызахъ. Товарищи были возмущены. Готовились удары кинжаловъ. Пьяницы! Изъ-за четырехъ бутылокъ вина они продали дѣвушекъ, годившихся имъ въ дочери!...

Хуанонъ однажды очутился глазъ на глазъ съ надсмотрщикомъ.

— Итакъ, — сказалъ онъ, плюнувъ на полъ съ презрительнымъ видомъ, — ты доставляешь хозяину дѣвушекъ изъ людской, чтобы онъ позабавился? Ты пойдешь далеко, Рафаэль. Мы теперь знаемъ, на что ты пригоденъ.

Надсмотрщикъ вскочилъ, точно его ударили ножомъ.

— Я самъ знаю, на что я пригоденъ. А также и на то, чтобы убить человѣка лицомъ къ лицу, если онъ оскорбитъ меня.

И уязвленный въ своей гордости, онъ съ вызывающимъ видомъ смотрѣлъ на Хуанона и на самыхъ отважныхъ изъ поденщиковъ, держа на-готовѣ ножъ въ карманѣ своей куртки, всегда на чеку, чтобы кинуться на нихъ при малѣйшемъ вызовѣ. Желая показать, что онъ не боится людей, которые хотятъ дать выходъ старому злопамятству своему противъ надзираемаго за ихъ работой, Рафаэль старался оправдать хозяина.

— Это была шутка. Донъ-Луисъ выпустилъ быка, чтобы позабавиться, никому не вреда. То, что произошло, было лишь несчастливой случайностью.

И изъ гордости Рафаэль не говорилъ, что именно онъ отвелъ животное въ конюшню, освободивъ бѣдную цыганку отъ роговъ, которые жестоко разрывали ей платье. Точно также умолчалъ Рафаэль и о своей стычкѣ съ хозяиномъ, послѣ того какъ онъ спасъ Мари-Брусъ; о томъ, съ какой откровенностью, онъ его порицалъ, о бѣшенствѣ донъ-Луиса, собиравшагося дать ему пощечину, точно онъ былъ одинъ изъ головорѣзовъ его свиты.

Рафаэль крѣпко стиснулъ ему руку своей рукой, повернувъ его какъ ребенка, и одновременно другой рукой сталъ доставать свой ножъ съ такимъ рѣшительнымъ видомъ, что Чиво не отважился пойти къ нему, несмотря на громкій зовъ сеньорито, приказывавшаго у убить этого человѣка.

И тотъ же храбрецъ, страпась надсмотрщика, уладилъ дѣло, похвально объявляя, что всѣ они трое одинаково доблестны, а доблестные люди не должны ссориться другъ съ другомъ. И они вмѣстѣ пили послѣдній стаканъ вина, въ то время, какъ Марсита хранила подъ столомъ, а дѣвушки, вѣв себя отъ испуга, убѣжали въ цскую.

Когда недѣлю спустя Рафаэль былъ вызванъ къ хозяину, онъ поѣхалъ въ Хересь въ полной увѣренности, что не вернется больше въ Матансуэлу. Онъ вѣрше вызванъ для сообщенія ему о томъ, что на его мѣсто найденъ другой надсмотрщикъ. Но безумный Дюпонъ встрѣтилъ его съ веселымъ видомъ.

Наканунѣ онъ окончательно поссорился съ своей двоюродной сестрой. Ея капризы и скандалы надоѣли ему. Теперь онъ будетъ серьезнымъ человѣкомъ, чтобы не причинять неприятностей дону-Пабло, замѣняющаго ему какъ бы отца. Онъ думалъ посвятить себя политикѣ, сдѣлаться депутатомъ. Другіе его земляки состоятъ же ими, не обладая иными достоинствами, кромѣ состоянія и рожденія равныхъ его. При томъ же, онъ рассчитываетъ на поддержку отцовъ іезуитовъ, бывшихъ своихъ учителей, которые сочтутъ за счастье для себя видѣть его въ домѣ дона-Пабло, превратившагося въ серьезнаго человѣка и занятаго защитой священныхъ общественныхъ интересовъ.

Но онъ быстро утомился говорить въ такомъ тонѣ, и взглянулъ на надсмотрщика съ нѣкоторымъ любопытствомъ.

— Рафаэль, знаешь ли ты, что ты храбрецъ?

Это было единственнымъ его намекомъ на сцену той ночи. Затѣмъ, словно раскаявшись въ томъ, что онъ выдалъ такъ безудовольно этотъ аттестатъ храбрости, донъ-Луисъ скромно добавилъ:

— Я, ты и Чиво, мы трое самые величайшіе храбрецы во всемъ Хересѣ. Пусть бы только кто-нибудь всталъ бы намъ на дорогѣ.

Рафаэль слушалъ его безстрастно, съ ноучительнымъ видомъ хорошаго слуги. Единственное во всемъ этомъ интересовавшее его, была увѣренность, что онъ остается въ Матансуэлѣ.

Затѣмъ хозяинъ спросилъ его, что новенькаго на мызѣ. Могуцественный донъ-Пабло, всегда все знавшій, побранилъ его за его кутежъ, о которомъ много разговора въ Хересѣ (эти слова онъ говорилъ съ нѣкоторой гордостью), упомянулъ о какой-то цыганкѣ, будто бы заболѣвшей отъ испуга. «Что это такое?» И онъ съ видомъ досады выслушалъ, объясненія Рафаэля.

— Въ сущности ровно ничего. Мы отлично знаемъ, какъ и гане всегда все преувеличиваютъ. Это пустяки. Испугъ изъ выпущеннаго на дворъ быка!... Но вѣдь шутка эта самая что на есть обыденная.

И онъ перечислилъ всѣ деревенскіе кутежи богатыхъ людей, филоналомъ которыхъ была остроумная эта шутка. Потомъ, съ великодушнымъ жестомъ, онъ издалъ приказаніе своему надсмотрщику:

— Дай этимъ добрымъ людямъ все, чтобы имъ не понадобилось. Выдай дѣвушкѣ ея поденную плату за время ея болѣзни. Я хочу, чтобы мой двоюродный братъ убѣдился бы, что я не такой дурной человекъ, какъ онъ думаетъ, и тоже умѣю оказывать милосердіе, когда мнѣ вздумается.

Выйдя изъ дома хозяина, Рафаэль, сѣвъ верхомъ, прищпорилъ лошадь, чтобы побывать въ Марчамало прежде, чѣмъ вернуться на мызу, но его задержали около «Собранія ѣздоковъ».

Самые богатые сеньоритосъ Хереса побросали свои стаканы съ виномъ, чтобы выбѣжать на улицу, окруживъ здѣсь лошадь надсмотрщика. Они хотѣли подробнѣе узнать о случившемся въ Матансуэлѣ. Этотъ Луисъ такъ часто хвастаетъ, рассказывая о своихъ подвигахъ. И когда Рафаэль отвѣтилъ имъ серьезно, въ нѣсколькихъ словахъ, они всё разсѣялись, найдя подтвержденіе уже слышаннымъ ими извѣстіямъ. Выпущенный быкъ, преслѣдующій пьяныхъ поденщицъ, вызывалъ шумные взрывы хохота у молодыхъ людей, которые, распивая вино, укрощая лошадей и толкуя о женщинахъ, ожидали то время, когда они отъ отцовъ своихъ унаслѣдуютъ богатство и земельную собственность всего Хереса. Вотъ такъ молодецъ этотъ донъ-Луисъ! И подумать, что они не присутствовали при этой его затѣѣ. Нѣкоторые съ горечью вспоминали, что онъ ихъ приглашалъ на кутежъ и сѣтовали на свое отсутствіе.

Одинъ изъ нихъ спросилъ, вѣрно ли, что дѣвушка изъ людской заболѣла отъ внезапнаго испуга? Когда Рафаэль сообщилъ, что это цыганка, многіе пожали плечами. Цыганка! Она поправится скоро! Другіе, знавшіе Алканаррона и разныя плутовскія его продѣлки, смѣялись, услышавъ, что больная изъ его семьи. И всё забывъ о цыганкѣ, опять принялись обсуждать остроумную выходку безумнаго Дюпона, и обращались съ новыми вопросами къ Рафаэлю, желая узнать, что дѣлала Маркесита въ то время, какъ ея любовникъ выпускалъ быка, и долго ли быкъ бѣгалъ на свободѣ.

Когда Рафаэлю ничего больше не оставалось сообщить, всѣ юнцы вернулись въ «Собраніе», не простившись съ нимъ. Разъ имъ любопытство было удовлетворено, какое имъ было дѣло до рабочаго, для того они такъ поспѣшно повставали изъ-за стола.

Надсмотрщикъ пустилъ свою лошадь галопомъ, желая какъ можно рѣе добраться до Марчамало. Марія де-ла-Луисъ не видѣла его въ ченіе двухъ недѣль и встрѣтила его непривѣтливо. Также и до нихъ шла преувеличенная разными пересудами вѣсть о случившемся Матансуэлѣ.

Приказчикъ качалъ головой, порицая происшествіе, и дочь его,

воспользовавшись тѣмъ, что сеньоръ Ферминъ вышелъ на нѣкоторое время, накинулась на своего жениха, точно одинъ онъ былъ отвѣтственъ за скандалъ, случившійся на мызѣ. Ахъ, проклятый! Вотъ почему онъ столько времени не пріѣзжалъ на виноградникъ! Сеньоръ возвращается снова къ прежнимъ своимъ правамъ веселаго кутялы и превращаетъ въ домъ безстыдства эту мызу, о которой она мечтала, какъ о гнѣздушкѣ чистой, законной любви.

— Молчи, безсовѣстный. Не хочу слышать твоихъ оправданій, я знаю тебя...

И бѣдный надсмотрщикъ почти что плакалъ, оскорбленный несправедливостью невѣсты. Обращаться съ нимъ такъ, послѣ испытанія, которому его подвергло пьяное безстыдство Маркеситы, о чемъ онъ умалчивалъ изъ уваженія къ Маріи де-ла-Лусъ. Онъ оправдывался, указывая на свое подчиненное положеніе. Вѣдь онъ же не болѣе, какъ только слуга, которому приходится закрывать глаза на многія вещи, чтобы не лишиться своего мѣста. Что могъ бы сдѣлать ея отецъ, еслибъ владѣлецъ виноградника былъ бы такимъ же кутялой какъ его господинъ?...

Рафаэль уѣхалъ изъ Марчамало, нѣсколько утишивъ гнѣвъ своей невѣсты, но онъ увезъ въ душѣ, словно острую боль, ту суровость, съ которой простилась съ нимъ Марія де-ла-Лусъ. Господи, этотъ его сеньорито! Сколько неприятностей доставляютъ ему его развлеченія!... Медленно возвращался онъ въ Матансуэло, думая о враждебномъ отношеніи къ нему поденщиковъ, объ этой дѣвушкѣ, быстро гаснувшей, въ то время какъ тамъ, въ городѣ, праздные люди говорили о ней и о ея испугѣ съ громкимъ смѣхомъ.

Едва онъ сошелъ съ лошади, какъ увидѣлъ Алканаррона, скитавшагося съ безумными жестами по двору мызы, словно обиліе его горя не уживалось подъ крышей.

— Она умираетъ, сеньоръ Рафаэль. Уже недѣлю мучается она. Бѣдняжка не можетъ лежать, и день и ночь сидитъ вытянувъ руки, двигая ими вотъ такъ... такъ, точно она ищетъ свое здоровьице, навсегда улетѣвшее отъ нея. Ахъ, бѣдная моя, Мари-Брусъ! Сестра души моей!...

И издавалъ онъ эти возгласы точно ревъ, съ трагической экспансивностью цыганскаго племени, которое нуждается въ свободномъ пространствѣ для своихъ горестей.

Надсмотрщикъ вошелъ въ людскую и прежде, чѣмъ добратся до кучи лохмотьевъ, которую представляла изъ себя постель больной, онъ услышалъ шумъ ея дыханія, словно болѣзненное пытаніе испор-

ченнаго раздувальнаго мѣха, которымъ расширялся и сбрацался несчастный реберный аппаратъ ея груди.

Чувствуя, что задыхается, она съ дрожью смертельнаго томленія разстегивала рваный свой корсажъ, обнажая грудь чахоточнаго мальчика, бѣлизны жованной бумаги, безъ другихъ признаковъ своего пола, кромѣ двухъ смуглыхъ шариковъ, ввалившихся посреди ея ребръ. Она дышала, поворачивая голову туда и сюда, точно желая вобрать въ себя весь воздухъ. Въ нѣкоторыя минуты глаза ея расширялись съ выраженіемъ ужаса, точно она чувствовала прикосновеніе чего-то холоднаго и незримаго въ сжатыхъ рукахъ, которыя она протягивала передъ собой.

Тетка Алканаррона питала уже меньше увѣренности въ выздоровленіе ея, чѣмъ въ началѣ ея болѣзни.

— Еслибъ она только могла выкинуть отъ себя все это дурное, что у нея внутри!—говорила она, глядя на Рафаэля.

И вытирая холодный и липкій потъ съ лица больной, она ей предлагала кувшинъ съ водой.

— Пей, дитя души моей! Бѣлая моя голубка!...

И несчастная голубка, раненая на смерть, глотнувъ воды, высывала языкъ, касаясь имъ своихъ синихъ губъ, словно желая продлить ощущеніе прохлады; свой сухой языкъ выжеванный, цвѣта варенаго бычачьяго языка.

По временамъ шумное дыханіе ея прерывалось сухимъ кашлемъ и вылиезываніемъ мокроты, окрашенной кровью. Старуха качала головой. Она ждала нѣчто черное, ужасное, цѣлые ручки гнилости, которые выходя унесли бы съ собой и всю болѣзнь дѣвушки.

Надсмотрщикъ сообщилъ теткѣ Алканарронъ о пяти червонцахъ, которые онъ имѣетъ передать ей по приказанію хозяина, и глаза цыганки просвѣтлѣли.

— Да, донъ-Луисъ истинный кабальеро! Всему причиной лишь злая судьба дѣвушки, несчастная случайность. Пусть Богъ вознаградитъ сеньорито!...

И старуха отошла отъ постели больной, чтобы проводить надсмотрщика до дверей, бормоча похвалы хозяину, спрашивая, когда ѣ можно явиться къ Рафаэлю получить деньги.

Прошло два дня. Десять прошло съ тѣхъ поръ, какъ Мари-Крусъ болѣла. Поденщики въ людской казалося привыкли уже видѣть цыганку, сидящую на своей гучѣ лохмотьевъ, и слышать ея болѣзненное дыханіе. Время отъ времени нѣкоторые поговаривали о томъ, чтобы отправить въ Хересь за помощью и привести доктора, но

имъ отвѣчали пожиманіемъ плечъ, словно полагали, что это состояніе больной можетъ продолжаться безконечно.

Ночью поденщики засыпали, убаюкиваемые этимъ громкимъ пыхтѣніемъ сломаннаго раздувальнаго мѣха, исходящаго изъ угла комнаты. Они привыкли видѣть больную и уже проходили мимо нее, не глядя на нее, смѣясь и громко разговаривая. И только тогда оборачивали они головы съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, когда въ теченіе нѣсколькихъ минутъ переставало раздаваться тяжкое дыханіе.

Члены семьи Алканарроновъ, измученные бессонными ночами, сидѣли неподвижно на полу, кругомъ постели больной, не рѣшаясь идти въ поле на заработокъ.

Однажды вечеромъ старуха разразилась громкимъ крикомъ. Дѣвуха умираетъ—она задыхается!... Она, такая слабая, что едва могла двигать руками, теперь перекручивала весь свой костяной скелетъ съ необычайной силой смертельнаго томленія, и эти порывы ея были таковы, что тетка едва могла удержать ее въ своихъ объятяхъ. Опираясь на пятки, больная вставала, выгибаясь какъ лукъ, съ выпяченной впередъ, тяжело дышащей грудью, съ судорожнымъ, посинѣвшимъ лицомъ.

— Хосе-Марія, — стонала старуха. — Она умираетъ... Умираетъ тутъ, въ моихъ объятяхъ! Сынъ мой!

А Алканарронъ, вмѣсто того, чтобы прибѣжать на зовъ матери, кинулся изъ людской какъ безумный. Онъ видѣлъ часъ тому назадъ человѣка, проходившаго по дорогѣ изъ Хереса, направляясь къ постоянному дворику дель-Грахо.

Это былъ онъ, то необычайное существо, о которомъ всѣ бѣдныя говорили съ уваженіемъ. Тотчасъ же цыганъ почувствовалъ себя проникнутымъ той вѣрой, что вожди народа умѣютъ проливать кругомъ себя.

Сальватьерра, находившійся на постояломъ дворикѣ, бесѣдуя съ Матагордилльось, своимъ больнымъ товарищемъ, отступилъ назадъ, удивленный стремительнымъ появленіемъ Алканаррона. Цыганъ смотрѣлъ во всѣ стороны безумными глазами и кончилъ тѣмъ, что бросился къ ногамъ Сальватьерры, схвативъ его руки съ умоляющею горячностью.

— Донъ Фернандо! Милость ваша всемогуща! Милость ваша дѣлаетъ чудеса, когда желаетъ того! Моя двоюродная сестра... моя Мари-Брусъ... она умираетъ, донъ-Фернандо, она умираетъ!

И Сальватьерра не могъ дать себѣ отчета, какимъ образомъ онъ вышелъ изъ постоялаго двора, взятый на буксиръ лихорадочной рукой Алканаррона, и какъ онъ съ быстротой сновидѣнія дошелъ до Матан-

суэлы, и бѣжалъ за цыганомъ, который тащилъ его и въ то же время призывалъ своего Бога, увѣренный, что онъ совершитъ чудо.

Революціонеръ очутился вскорѣ въ полумрагѣ людской, и при огнѣ свѣчи, которую держалъ одинъ изъ цыганенковъ, онъ увидѣлъ синія губы Мари-Крусъ, сведенныя предсмертной судорогой, ея глаза расширенныя ужасомъ страданія, съ выраженіемъ безпредѣльнаго томленія. Тотчасъ приложилъ онъ ухо къ нотной и скользкой кожи этой груди, которая, казалось, была близка къ тому, чтобы лопнуть. Его осмотръ былъ краткій. Поднявшись, онъ инстинктивно снялъ шляпу и остался стоять съ непокрытой головой передъ бѣдной больной.

Ничему нельзя было помочь здѣсь! Началась агонія,—упорная и ужасающая борьба, послѣдняя мука, ожидающая, притаившись, конецъ всякаго существованія.

Старуха сообщила Сальватьеррѣ мнѣніе свое о болѣзни племянницы, ожидая, что онъ одобритъ ея мнѣніе. Все это лишь испорченная кровь отъ внезапнаго испуга, не имѣющая выхода и убивающая ее.

Но донъ-Фернандо отрицательно покачалъ головой. Его любовь къ медицинѣ, хотя и беспорядочное, но обширное чтеніе во время долгихъ годовъ тюремнаго заточенія, постоянное общеніе съ бѣдной всего этого было достаточно, чтобы онъ при первомъ же взглядѣ распозналъ болѣзнь. Это была чахота, быстрая, жестокая, молниеносная, чахотка въ формѣ удушенія, страшная гранулація, явившаяся вслѣдствіе сильнаго волненія истощеннаго организма, открытаго для всякихъ болѣзней, и жадно внизававшего ее въ себя. Онъ окинулъ взглядомъ съ ногъ до головы это исхудалое тѣло столь болѣзненной бѣлизны, въ которомъ, казалось, кости были хрупкія, какъ бумага.

Сальватьерра шопотомъ спросилъ о ея родителяхъ. Онъ угадывалъ отдаленный отзвукъ алкоголя въ этой агоніи. Тетка Алканаарона запротестовала.

— Ея бѣдный отецъ пилъ какъ и всѣ, но это былъ человѣкъ отличающійся необычайной силой. Друзья называли его *Дамаскуанъ*. Видѣли ли его пьянымъ?... Никогда.

Сальватьерра сѣлъ на обрубокъ пня и печальными глазами слѣдилъ за ходомъ агоніи. Онъ оплакивалъ смерть этой дѣвушки, которую видѣлъ всего лишь разъ—несчастный продуктъ алкоголизма, покидающій міръ, вытолкнутый изъ него звѣрствомъ опьянѣнья въ тѣ ночь.

Бѣдное существо билось на рукахъ у своихъ родныхъ въ ужасѣ отъ удушья, протягивая руки впередъ.

Казалось, передъ ея глазами носится туманъ, умалявшій ей зрѣнїи. Не имѣя подъ руками другого лѣкарства, старуха давала ей пить и вода шумно вливалась въ желудокъ больной, точно на дно сосуда; она ударялась о парализованныя стѣнки пищевода, производя звукъ, будто они были изъ пергамента. Лицо бѣдняги теряло общія свои очертанія: щеки чернѣли, виски вдавливались, носъ вытягивался, ротъ судорожно сводился страшной гримасой... На землю спускалась ночь и въ людскую стали входить поденщники, а женщины, молчаливо собравшись по близости отъ умирающей, стояли опустивъ головы, сдерживая свои рыданія.

Нѣкоторые ушли въ поле, чтобы скрыть свое волненіе, въ которомъ была и доля страха. Исусе Христе! Вотъ какъ умираютъ люди! Какъ трудно разставаться съ жизнью!... И увѣренность, что всѣмъ предстоитъ пройти черезъ ужасную эту опасность, съ ея судорогами и тяжелыми мучами, заставляла ихъ считать сносной и даже счастливой жизнь, которую они вели.

— Мари-Бру! Голубонька моя!—вздыхала старуха.—Видишь ли ты меня? Всѣ мы тутъ около тебя!...

— Отвѣть мнѣ, Мари-Бру!—умолялъ Алканарронъ, всхлипывая.—Я твой двоюродный братъ, твой Хосе Марія...

Но цыганка отвѣчала лишь только тяжелымъ хрипѣніемъ, не отрывая глазъ своихъ, сквозь неподвижныя вѣки, которымъ видѣлась роговая перепонка цвѣта мутнаго стекла. Въ одномъ изъ сдѣланныхъ ею судорожныхъ движеній она обнажила изъ-подъ кучи лохмотьевъ маленькую, исхудалую ножку, совершенно почернѣвшую. Въслѣдствіе неправильнаго кровообращенія кровь скоплялась у нея въ оконечностяхъ. Уши и руки тоже почернѣли.

Старуха разразилась сѣтованіями!... То именно, что она говорила! *Испорченная кровь*; проклятый испугъ, не вышедшій изъ нея и теперь, съ ея смертью, распространяющійся по всему ея тѣлу. И она бросалась на умирающую, и цѣловала съ безумной жадностью, точно кусая, чтобы вернуть ее къ жизни.

— Она умерла, донъ-Фернандо! Развѣ ваша милость не видитъ? Она умерла...

Сальватерро заставилъ старуху умолкнуть. Умирающая ничего уже не видѣла, перерывы болѣзненнаго ея дыханія становились все продолжительнѣе, но слухъ еще сохранился. Это было послѣднее сопротивленіе чувствительности передъ смертью, оно длилось пока тѣло мало-по-малу повергалось въ черную бездну безсознанія. Медленно прекратились судороги: вѣки раскрылись въ послѣднемъ при-

ступѣ озноба, обнажая веницы глазъ, расширенные, съ матовымъ и гускнымъ оттѣнкомъ.

Революціонеръ взялъ на руки это тѣло, легкое какъ ребенка, и отстраняя родныхъ, медленно опустилъ его на кучу лахмотьевъ.

Донъ-Фернандо дрожалъ: его синіе очки потускнѣли, мѣшая ему корошенько видѣть, холодная безстрастность, отличавшая его во всѣхъ случайностяхъ жизни, таяла передъ этимъ маленькимъ трупомъ, легкимъ какъ перышко, которое онъ положилъ на нищенскую постель. Въ его движеніяхъ было нѣчто въ родѣ священнодѣйствія, какъ будто онъ признавалъ смерть единственной несправедливостью, передъ которой преклонялся его гнѣвъ революціонера.

Когда цыгане увидѣли Мари-Брусъ, лежащую неподвижно, они долгое время пробыли въ безмолвномъ оцѣпенѣніи. Въ глубинѣ людской раздавались рыданія женщинъ, поспѣшный шопоть молитвы.

Алканарроны смотрѣли на трупъ издали, не дерзая ни подѣловать его, ни соприкоснуться съ нимъ, въ виду суевѣрнаго уваженія, которое смерть внушаетъ ихъ племени. Но вскорѣ старуха поднялась, царапая себѣ судорожными руками лицо, углубляя пальцы въ жирные свои волосы, еще черные, несмотря на ея годы. Вкругомъ лица ея рассыпались пряди ея волосъ, и продолжительный вопль заставилъ всѣхъ вздрогнуть.

— А-а-ай! Моя дѣвонька умерла! Моя бѣлая голубка! Моя апрѣльская розочка!...

И крики свои, въ которыхъ звенѣлъ обильный паеосъ скорби жителей Востока, она сопровождала царапинами лица, окровавливая ими свои морщины. Одновременно съ этимъ послышался глухой стукъ, это Алканарронъ бросился о землю и бился головой о полъ.

— А-а-ай! Мари-Бру ушла! — ревѣлъ онъ, какъ раненый звѣрь. — Лучшая изъ всего нашего дома! Честь нашей семьи!...

И маленькіе Алканарроны, какъ будто внезапно подчиняясь обряду своего племени, поднялись на ноги и начали бѣгать по двору и вкругъ, издавая крики и царапая себѣ лицо.

— О-ой, ой! Умерла бѣдненькая двоюродная сестра!... Ой... Ушла отъ насъ Мари-Бру!...

Какъ безумные бѣгали они по всѣмъ отдѣлѣніямъ мызы, точно желая, чтобы и самыя скромныя животныя узнали о ихъ несчастіи. Они проникали въ конюшни, скользили подъ ногами животныхъ, повторяя свои вопли о смерти Мари-Брусъ: ослѣпленные слезами, они ичались, стучаясь объ углы, опрокидывая здѣсь плугъ, тамъ стулъ, въ сопровожденіи собакъ, не бывшихъ на цѣпи, и слѣдовавшихъ за

ними по всей мызѣ, присоединяя и свой лай къ отчаяннымъ ихъ воплямъ.

Нѣкоторые поденщики погнались за маленькими бѣсноватыми, и схвативъ ихъ, приподняли ихъ высоко, но и въ такомъ видѣ, будучи въ плѣну, они продолжали размахивать въ воздухъ руками, не прерывая свой плачь.

— О-ой... умерла наша двоюродная сестра! Бѣдняга Мари-Бру!

Утомившись рыдать, царапать себѣ лицо, биться головой о землю, измученная шумнымъ своимъ горемъ, вся семья снова усѣлась вокругъ трупа.

Хуанонъ съ нѣсколькими товарищами собирался бодрствовать надъ мертвой до слѣдующаго утра. Семья ея можетъ въ это время лечь спать за стѣнами людской, потому что сонъ имъ необходимъ. Но старая цыганка воспротивилась этому. Она не желаетъ, чтобы трупъ оставался дольше въ Матансуэлѣ. Тотчасъ же они отправятся въ Хересь и увезутъ туда трупъ на телѣжкѣ ли, на ослѣ, или же на плечахъ ея и ея дѣтей, если это окажется нужнымъ.

У нихъ свой домъ въ городѣ. Не бродяги же Алганарроны? Семья ихъ многочисленная и безконечна; отъ Бордовы и до Бадикса нѣтъ той лошадиной ярмарки, гдѣ бы нельзя было встрѣтить кого-либо изъ ихъ родственниковъ. Сами они бѣдные, но у нихъ есть родные, что могли бы съ ногъ до головы обложить ихъ червонцами; богатые цыгане, которые ѣздятъ по дорогамъ съ слѣдующими за ними цѣлыми стадами лошадей и муловъ. Всѣ Алганарроны любили Мари-Брусь, большую дѣву съ нѣжными глазами: похороны ея будутъ королевскими, хотя что жизнь ея и была жизнью вьючнаго животнаго.

— Идемъ,—сказала старуха съ сильной экзальтаціей въ голосѣ и движеніяхъ.—Идемъ сейчасъ же въ Хересь. Я хочу, чтобы еще до разсвѣта ея видѣли всѣ наши, такой красивой и нарядной, какъ сама Матерь Божія. Я хочу, чтобы ее видѣлъ дѣдушка, отецъ мой; самый старый цыганъ во всей Андалузій, и чтобы бѣдняга благословилъ ее своими руками святого отца, которыя дрожать и кажется, что изъ нихъ исходитъ свѣтъ.

Обитатели людской одобряли мысль старухи съ эгонизмомъ усталости. Они не могутъ воскресить мертвую, и лучше, для спокойствія ихъ, чтобы эта шумная семья, мѣшающая имъ спать, удалилась бы.

Рафаэль вступился, предлагая имъ двуколку мызную. Дядя Зарандилья запряжетъ ее и менѣе чѣмъ въ полчаса они могутъ увести трупъ въ Хересь.

Старая Алганаррона, увидавъ надсмотрщика, взволновалась въ

ея глазахъ засверкалъ огонь ненависти. Наконецъ-то она встрѣтилась съ тѣмъ, на кого можетъ взвалить вину своего несчастія.

— Это ты, воръ? Ты вѣрно доволенъ теперь, проклятый надсмотрщикъ. Посмотри-ка на бѣдняжку, которую ты убилъ.

Рафаэль отвѣтилъ неудачливо:

— Поменьше упрековъ и брани, тетка колдунья. Что же касается той ночи, вы болѣе виноваты, чѣмъ я.

Старуха хотѣла броситься на него съ адской радостью, что нашелся тотъ, кого можно обвинить въ своемъ горѣ.

— Подлецъ... Ты, ты виноватъ во всемъ! Будь проклята твоя душа и душа разбойника господина твоего.

Но тутъ она нѣсколько поколебалась, словно раскаяваясь въ томъ, что проявляла сеньора, всегда уважаемаго людьми ея племени.

— Нѣтъ, не хозяина. Онъ молодой, богатый и у сеньоритъ нѣтъ другой обязанности, кромѣ развлеченій. Будь проклять ты, одинъ ты, притѣсняющій бѣдныхъ и слѣдящій за ихъ работою, точно они негры, ты, доставляющій дѣвушкамъ хозяевамъ, чтобы лучше скрывать свое воровство. Не желаю ничего твоего: бери назадъ тѣ пять червонцевъ, которые ты мнѣ далъ; бери ихъ назадъ воръ; вотъ они, негодяй.

И вырываясь изъ рукъ мужчинъ, державшихъ ее, чтобы она не бросилась на Рафаэля, она рылась въ своихъ тряпкахъ, отыскивая деньги, съ дѣланной поспѣшностью и твердымъ намѣреніемъ не найти ихъ. Но несмотря на это, ея поза была не менѣе драматична.

— Бери деньги, злая собака!... Бери ихъ и пусть изъ каждой песеты родится для тебя несчастье и будетъ грызть тебѣ сердце.

И она разжимала сжатые руки, какъ будто бросая что-то на землю, хотя и ничего не бросала, сопровождая свои жесты гордыми взглядами, точно она дѣйствительно бросила червонцы на полъ.

Донъ-Фернандо вступился, вставъ между надсмотрщикомъ и старухой. Она довольно уже наговорила, пора ей замолчать.

Но цыганка выказала еще большую наглость, увидавъ, что она защищена тѣломъ Сальватерры, и обернувъ голову, продолжала оскорблять Рафаэля.

— Пусть Богъ допуститъ, чтобы у тебя умеръ кто тебѣ всего дороже... Пусть ты увидишь холодной и неподвижной, какъ мою бѣдняжку Мари-Бру, ту гани, которую ты любишь.

Надсмотрщикъ слушалъ ее до той поры съ презрительнымъ хладнокровіемъ, но когда прозвучали послѣднія ея слова, удерживать подшникамъ пришлось уже его.

— Колдунья!—заревѣлъ онъ,—меня оскорбляй сколько хочешь, но не смѣй называть имени той особы, потому что я убью тебя!

И казалось, онъ былъ склоненъ убить ее, такъ что поденщики лишь только съ большими усилиями могли увести его изъ людской. Какъ можно обращать вниманіе на женщинъ?... Пусть онъ забудетъ старуху, вѣдь она обезумѣла отъ горя.—А когда, побѣжденный словами Сальватерра и толчками столькихъ рукъ, онъ переступилъ черезъ порогъ людской, онъ еще услышалъ пронзительный голосъ колдуньи, который, казалось, преслѣдовалъ его.

— Уходи, живой человѣкъ и пусть Богъ накажетъ тебя, отнявъ у тебя гаши, живущую на виноградникѣ. Пусть возьметъ ее у тебя изъ-подъ носа сеньорито... пусть донъ-Луисъ насладится ею, и ты узнай о томъ!

О, какое усиліе долженъ былъ сдѣлать надъ собой Рафаэль, чтобы не вернуться назадъ и не задушить старуху!...

Полчаса спустя Сарандилья подѣхалъ на двуколѣ къ дверямъ людской, Хуанонъ и другіе товарищи обернули простыней трупъ, поднявъ его съ его ложа лохмотьевъ. Онъ былъ теперь легче, чѣмъ въ минуту смерти. Это было перышко или соломенка, по словамъ поденщиковъ. Казалось, что вмѣстѣ съ жизнью улетучилась и вся матерія.

Двуколка двинулась въ путь, съ пронзительнымъ скрипомъ покачиваясь на своихъ осяхъ по неровностямъ дороги.

Сзади телѣги, соприкасаясь съ ней, шла старуха и ея младшія дѣти. А за ними шелъ Алканарронъ рядомъ съ Сальватеррой, пожелавшаго сопровождать до города этихъ бѣдныхъ людей.

У дверей людской скопились поденщики и въ черной ихъ массѣ сверкалъ огонекъ свѣчи. Всѣ съ безмолвнымъ вниманіемъ слѣдили за скрипомъ двуколки, не видной въ темнотѣ, и за воплями цыганъ, раздававшихся въ тишинѣ мертваго и синеватаго поля подъ холоднымъ блескомъ звѣздъ.

Алканарронъ чувствовалъ нѣкоторую гордость, идя рядомъ съ этимъ человѣкомъ, о которомъ вездѣ было столько толковъ. Они вышли уже на большую дорогу: на ея бѣлой полосѣ выдѣлялся слыуэтъ двуколки, отъ которой, въ ночномъ безмолвіи, распространялось тихое позвякиваніе бубенчиковъ и стenanія семьи, шедшей позади нея.

Цыганъ вздыхалъ, словно эхо того горя, которое ревѣло впереди него и въ то же время говорилъ съ Сальватеррой о своей дорогой умершей.

— Она была самой лучшей изъ семьи, сеньоръ... и поэтому она ушла. Хорошіе живутъ недолго. Вотъ двоюродныя мои сестры, Алканарроны, онѣ безчестье семьи, и величайшія плутовки,—а у нихъ

червонцы цѣлыми пригоршнями, у нихъ есть и кареты, и газеты говорятъ о нихъ, а бѣдняжка Мари-Бру, которая была лучше пшеничной муки, умираетъ послѣ жизни тяжелаго труда.

Цыганъ стоналъ, взглядывая на небо, словно онъ протестовалъ противъ этой несправедливости.

— Я очень любилъ ее, сеньоръ; если я желалъ чего-либо хорошаго, то лишь для того только, чтобы подѣлиться съ нею. Еще вѣрнѣе, чтобы все ей отдать. А она, незлобивая голубка, апрѣльская розочка, была всегда добрая ко мнѣ, всегда защищала меня... Когда мать моя сердилась на меня за какую-нибудь мою продѣлку, Мари-Бру сейчасъ же защищала своего бѣднаго Хосе Маріа... Ахъ, двоюродная моя сестренка! Моя нѣжная святая! Мое смуглое солнышко съ глазами, казавшимися яркимъ пламенемъ!... Чтобы только ни было готовъ сдѣлать для нея бѣдняга цыганъ!... Слушайте, милость ваша, сеньоръ. У меня была невѣста; я хочу сказать, у меня ихъ было много, но та была гаши, т.-е. дѣвушка не нашего племени; у нея не было семьи и имѣла она собственный домикъ въ Хересѣ. У нея было состояніе, сеньоръ, и къ тому же, она была влюблена въ меня, за мое, какъ она говорила, умѣніе пѣть нѣжныя пѣсенки. А когда мы уже были одѣты, чтобы идти вѣнчаться, я сказалъ ей: «Гаши, пусть домъ пойдетъ моею бѣдной матери и моею двоюродной сестрѣ Мари-Бру. Онѣ такъ много работали, и жили собачьей жизнью въ людскихъ, пусть поживутъ нѣкоторое время хорошо и въ свое удовольствіе. Ты и я, мы молоды, здоровы и можемъ спать на дворѣ». А гаши не пожелала и прогнала меня; но я не огорчился этимъ, потому что я оставался съ моею матерью и двоюродной сестрой, а онѣ стоять больше всѣхъ женщинъ въ мірѣ. Я имѣлъ невѣсть дюжинами, я чуть было не женился, мнѣ очень нравятся дѣвушки, но Мари-Бру я люблю, какъ не полюблю никогда никакую женщину... Какъ объяснить это вашей милости, которая такъ много знаетъ? Я люблю бѣдняжку, которую везутъ впереди насъ на двуколкѣ, такъ, что не сумѣю это объяснить, какъ священникъ любить Божью Мать, когда онъ служитъ обѣдню. Мнѣ нравилось видѣть ея большіе глаза и слушать золотой ея голосокъ; но прикоснуться до низка ея платья? Это никогда мнѣ и въ голову не приходило.

Она была для меня святой Дѣвой и какъ на тѣ, которыя въ церкви, я смотрѣлъ лишь на ея головку; на милую головку, созданную для ангеловъ...

И когда онъ снова застоналъ, подумавъ объ умершей, ему отвѣтъ хоръ плачущихъ, сопровождавшихъ двуколку.

— А-а-а-ай!... Моя дѣвочка умерла! Мое сверкающее солнце! Мое нѣжное сердечко!

И цыганята на крики матери отвѣчали взрывомъ жалобныхъ воплей, чтобы и темная земля, и синее пространство, и ярко сверкавшія звѣзды хорошенько проникнулись бы тѣмъ, что умерла ихъ двоюродная сестра, нѣжная Мари-Крусъ.

Сальватьерра чувствовалъ, что имъ овладѣло это трагическое и шумное горе, скользившее сквозь тьму ночную, раздаваясь въ безмолвіи полей.

Алканарронъ пересталъ стонать.

— Скажите мнѣ, сеньоръ, вы, который столько знаете. Думаете ли вы, милость ваша, что я когда-нибудь увижусь снова съ моей двоюродной сестрой?...

Ему необходимо было это узнать, его мучила тоска сомнѣнія, и замедляя шагъ, онъ умоляюще смотрѣлъ на Сальватьерру своими восточными глазами, блестящими въ полумракѣ отливами перламутра.

Революціонеръ взволновался, увидавъ томленіе этой искренней души, умолявшей въ своемъ горѣ о лучѣ утѣшенія.

Да, онъ опять увидится съ нею; это онъ подтвердилъ ему съ торжественной серьезностью. Болѣе того, онъ во всякое время будетъ соприкасаться съ нѣчто такимъ, что составляло часть ея существа. Все, что существуетъ, остается въ мірѣ; и только мѣняется форма, ни одинъ атомъ не теряется. Мы живемъ окруженные тѣмъ, что было прошлымъ, и тѣмъ, что имѣетъ быть будущемъ. Останки лицъ, которыхъ мы любили, и составныя части тѣхъ, которые въ свою очередь будутъ любить насъ, носятся вокругъ насъ, поддерживая нашу жизнь.

Сальватьерра, подъ давленіемъ своихъ мыслей, чувствовалъ потребность исповѣдываться кому-нибудь, говорить съ этимъ простодушнымъ существомъ о своей слабости и своихъ колебаніяхъ передъ тайной смерти. Это было желаніе изложить свою мысль съ увѣренностью не быть понятымъ, излить свою душу, подобно тому, какъ онъ это видѣлъ у великихъ шекспировскихъ дѣйствующихъ лицъ, королей въ несчастіи, вождей, преслѣдуемыхъ судьбой, которые бы иски довѣряли свои мысли шутамъ и безумцамъ.

Этотъ цыганъ, котораго всѣ осмѣиваютъ, выступалъ теперь въ величественный внезапно горемъ, и Сальватьерра чувствовалъ необходимость передать ему свою мысль, точно онъ ему братъ.

Революціонеръ тоже позналъ страданіе. Горе дѣлало его трусомъ; но онъ не раскаявался, такъ какъ въ слабости онъ находилъ славу.

утѣшенія. Люди изумлялись энергіи его характера, стоицизму, съ которымъ онъ встрѣчалъ преслѣдованія и физическія муки. Но все это проявлялось въ немъ лишь въ борьбѣ съ людьми: передъ непобѣдимой тайной смерти, жестокой, неизбѣжной, вся энергія его уничтожалась.

И Сальватерра, словно забывая присутствіе цыгана и говоря самъ съ собой, вспомнилъ, какъ гордо онъ вышелъ изъ тюрьмы, бросаая вновь вызовъ преслѣдованіямъ, и недавнюю свою поѣздку въ Бадиксъ, чтобы видѣть уголокъ земли близъ стѣны, среди мраморныхъ крестовъ и надгробныхъ плитъ. И это было все, что имѣется у него послѣ существа, наполнявшаго его мысль? Отъ матери его, отъ старушки доброй и нѣжной, какъ святая женщины христіанскихъ религій—остался лишь только этотъ четвереугольникъ свѣже-разрытой земли, и дикія цвѣтушія маргаритки? Утратилось навѣки нѣжное пламя ея глазъ, звукъ ея ласкающаго голоса, надтреснутаго отъ старости, который съ дѣтскимъ пришепелываніемъ звалъ Фернандо, «дорогого Фернандо».

— Алканарронъ, ты не можешь понять меня, — продолжалъ Сальватерра дрожащимъ голосомъ. — Быть можетъ счастье для тебя что дѣтская твоя душа, позволяющая тебѣ и въ горе и въ радости быть вѣтреннымъ и непостояннымъ, какъ птичка. Но выслушай меня, хотя ты меня и не поймешь. Я не отрекаюсь отъ того, чему научился; я не сомнѣваюсь въ томъ, что знаю. Загробная жизнь-ложь, гордая мечта человѣческаго эгоизма; и небо религій тоже ложь. Люди эти говорятъ во имя поэтического спиритуализма, вѣчная ихъ жизнь, ихъ воскресеніе тѣлъ, ихъ загробныя радости и наказанія отдаютъ материализмомъ, отъ котораго тошнить. Для насъ не существуетъ иной жизни, кромѣ земной; но ихъ, передъ саваномъ, изъ земли покрывающемъ могилу моей матери, я впервые почувствовалъ, что убѣжденія мои пошатнулись. Насъ нѣтъ больше, когда мы умираемъ, но нѣчто наше остается у тѣхъ, которые замѣщаютъ насъ на землѣ; нѣчто, которое не только есть атомъ, питающій новыя жизни; нѣчто неосоздаемое и неопредѣленное, личная печать нашего существованія. Мы словно рыбы въ морѣ; понимаешь ли ты меня, Алканарронъ? Мы живемъ въ той же водѣ, въ которой растворились ихъ предки въ которой скрыты зародыши ихъ преемниковъ. Наша вода та обстановка, въ которой мы существуемъ: пространство и земля; мы живемъ, окруженные тѣми, которые были, и тѣми, которые будутъ. [я, другъ Алканарронъ, когда чувствую желаніе плакать, вспоминая, что нѣтъ ничего подъ этой земляной насыпью, вспоминая печальное ничтожество окружающихъ ее цвѣтковъ, думаю, что мать

моя не вся подь землей, что нѣчто вырвалось оттуда и оно обращается среди жизни, оно прикасается ко мнѣ, привлеченное таинственной симпатіей, и сопровождаетъ меня, окружая лаской столь сладостной, какъ поцѣлуй... «Ложь», кричитъ мнѣ голосъ мысли. Но я не слушаю его; я хочу мечтать, хочу сочинять прекрасный обманъ на утѣшеніе себѣ. Быть можетъ, въ этомъ вѣтерѣ, прикасающемуся къ нашему лицу, есть нѣчто отъ тѣхъ нѣжныхъ и дрожащихъ рукъ, которыя ласкали меня въ послѣдній разъ передъ тѣмъ, какъ я отправился въ тюрьму.

Цыганъ пересталъ стенать, и смотрѣлъ на Сальватьерра своими африканскими глазами, расширенными изумленіемъ. Онъ не понималъ большую часть его словъ, но изъ-нихъ ему свѣтила надежда.

— Судя по этому, милость ваша думаетъ, что Мари-Бру не со всѣмъ умерла? Что я смогу еще увидѣть ее, когда воспоминанія о ней будутъ душить меня?

Сальватьерра чувствовалъ, что на него повліяли вопли цыганъ, агонія Мари-Брусъ, при которой онъ присутствовалъ, трупъ, качавшійся въ двуколѣ нѣсколько шаговъ впереди него. И грустная поэзія ночи, съ ея безмолвіемъ, прерываемая по временамъ воплями скорби, вливалась ему въ душу.

Да, Алканарронъ будетъ чувствовать вблизи себя свою дорогую умершую. Нѣчто ея пахнетъ ему въ лицо какъ благоуханіе, когда онъ будетъ копать землю лопатой и изъ новой борозды до обонянія его донесется свѣжесть разрыхленной почвы. Нѣчто изъ души ея будетъ также и въ колосьяхъ пшеницы, въ макѣ, вкрапливающимъ тамъ и сямъ красный цвѣтъ въ золотыя полосы хлѣбныхъ нивъ, нѣчто будетъ и въ птицахъ, воспѣвающихъ разсвѣтъ, когда человѣческое стадо идетъ на закланіе, въ горныхъ кустарникахъ, надъ которыми порхаютъ насѣкомыя, испуганныя бѣгомъ кобылъ и гнѣвнымъ мычаніемъ быковъ.

— Кто знаетъ,—продолжалъ революціонеръ,—нѣтъ ли теперь въ этихъ звѣздахъ, словно мигающихъ въ высь очами своими, нѣчто изъ блеска тѣхъ другихъ очей, которыя ты такъ любилъ, Алканарронъ?

Но взглядъ цыгана выдавалъ его изумленіе, имѣвшее въ себѣ кой что похожее на состраданіе, словно онъ считалъ Сальватьерру безумнымъ.

— Тебя пугаетъ величина міра по сравненію съ малостью твоей бѣдной умершей и ты отступаешь. Сосудъ слишкомъ великъ для одной слезы: это несомнѣнно. Но точно также и капля теряется въ морѣ... тѣмъ не менѣе она тамъ находится.

Сальватерра продолжалъ говорить, какъ будто онъ желалъ убѣдить самого себя. Что значить величина или малость? Въ капляхъ жидкости существуютъ миллионы и миллионы существъ, имѣющихъ всю собственную свою жизнь: также какъ и люди, населяющіе планету. И одного лишь изъ этихъ бесконечно-малыхъ организмовъ достаточно, чтобы убить человѣческое существо, чтобы эпидеміей истребить массу народа. Почему люди не могутъ вліять на микробы бесконечности въ этой вселенной, въ нѣдрахъ которой остается сила ихъ индивидуальности?

Но затѣмъ революціонеръ, казалось, сомнѣвался въ своихъ словахъ, раскаивался въ нихъ.

— Быть можетъ это вѣрованіе равносильно трусости: ты не можешь понять меня, Алванарронъ. Но, увы! Смерть! незнакомка, которая шпионитъ и слѣдитъ за нами, насмѣхаясь надъ нашими тщеславіями и нашими утѣхами!... Я ее презираю, смѣюсь надъ ней, жду ее безъ страха, чтобы наконецъ отдохнуть: и подобно мнѣ и многіе другіе. Но мы, люди, любимъ, и любовь вынуждаетъ насъ дрожать за тѣхъ, которые насъ окружаютъ: она подрѣзываетъ нашу энергію, и мы падаемъ ницъ, труся и дрожа передъ этой колдуньей, сочиняя тысячи обмановъ, чтобы найти себѣ утѣшеніе отъ ея преступленій. Ахъ, если бы мы ихъ любили... какимъ храбрымъ и отважнымъ существомъ былъ бы человѣкъ!

Двуколка съ своимъ тряскимъ ходомъ уѣхала впередъ, оставивъ позади цыгана и Сальватерру, которые останавливались, чтобы говорить. Они уже не видѣли ее. Имъ служили указаніемъ дальній ея скрипъ и плачь семьи, идущей позади двуколки, и снова принявшейся за свое скорбное цѣніе.

— Прощай, Мари-Бру!—кричали малютки, точно служки похоронной религіи.—Наша двоюродная сестра умерла!...

И когда они замолкали на мгновеніе, раздавался голосъ старухи, полный отчаянія, пронзительный, точно голосъ жреца скорби.

— Угасла бѣлая голубва, нѣжная цыганка, еще не открывшійся бутонъ розы!... Господи Боже! о чемъ ты думаешь, если ты только добрыхъ губишь?...

Когда въ сентябрѣ мѣсяцѣ настала пора винограднаго сбора, богатые въ Хересѣ были болѣе озабочены положеніемъ, принятымъ помещиками, чѣмъ хорошимъ урожаемъ вина.

Въ «Circulo Caballista» даже наиболѣе веселые сеньоритосы забывали о хорошихъ статьяхъ своихъ кобылъ, о достоинствахъ своихъ собакъ и о прелестяхъ дѣвушекъ, обладаніе которыми они другъ

у друга оспаривали, чтобы говорить лишь только объ этихъ людяхъ, опаленныхъ солнцемъ, привыкшихъ къ труду, грязныхъ, съ дурнымъ запахомъ и злопамятными глазами, работавшихъ на ихъ виноградникахъ.

Въ многочисленныхъ увеселительныхъ собраніяхъ, занимавшихъ почти всѣ нижніе этажи улицы Ларга, не говорили ни о чемъ другомъ. Что еще нужно виноградарямъ?... Они зарабатываютъ подневно десять реаловъ, ѣдятъ въ мискахъ менестру, которую заказываютъ себѣ сами, безъ внимательства хозяина; зимой у нихъ на дню часъ отдыха, а лѣтомъ два часа, чтобы они не упали бездыханные на известковую землю, сыпавшую искрами; имъ позволяютъ выкуривать въ теченіе дня восемь сигаръ, а ночью большинство изъ нихъ спитъ, подостлавъ простыню на тростниковую циновку. Настоящіе сибариты эти виноградари!— и они еще жалуются и требуютъ улучшеній, угрожая стачкой?...

Въ «Собраніи ѣздоковъ» владѣльцы виноградниковъ въ внезапномъ порывѣ состраданія проявляли умиленіе, говоря о полевыхъ работникахъ на мызахъ. Эти бѣдняги дѣйствительно заслуживаютъ лучшей участи. Два реала подневной платы, вся ихъ ѣда—отвратительная похлебка, а спать они на полу одѣтые, менѣе защищенные кровомъ, чѣмъ даже животныя. Было бы естественно, еслибъ они выражали бы неудовольствіе, а не виноградари, живущіе сеньорами по сравненію съ полевыми работниками.

Но владѣльцы мызъ протестовали съ негодованіемъ, видя, что намѣреваются обрушить на нихъ всю тяжесть опасности. Если они не платятъ лучше полевымъ своимъ работникамъ, то лишь потому, что доходы мызъ очень незначительны. Возможно ли сравнивать доходы съ пшеницы, ячменя и скотоводства съ доходами отъ этихъ виноградниковъ, прославленныхъ во всемъ мірѣ, изъ лозъ которыхъ золото льется потоками и даетъ владѣльцамъ ихъ въ иные годы болѣе легкую прибыль, чѣмъ еслибъ они выходили грабить на большую дорогу... Когда пользуешься такимъ богатствомъ, слѣдуетъ быть великодушными и удѣлить хоть малую толику благосостоянію тѣмъ, усиліями которыхъ оно поддерживается. Виноградари жалуются справедливо.

И на вечеринкахъ богачей происходили непрерывные споры между владѣльцами мызъ и владѣльцами виноградниковъ.

Праздная ихъ жизнь остановилась. Никто не подходилъ къ рулеткѣ; колоды картъ лежали не распечатанными на зеленыхъ столахъ; хорошенькія дѣвушки мелькали по тротуарамъ и ни одинъ изъ

вицковъ не высовывалъ изъ оконъ казино голову, отпуская имъ вслѣдъ комплименты и насмѣшливо мигая имъ глазами.

Швейцаръ «Собранія» искалъ, какъ очумѣвшій, ключъ того, что въ уставѣ общества торжественно титуловалось «библіотекой»: шкафъ, притаившійся въ самомъ темномъ углу дома, съ скуднымъ содержимымъ, словно буфетъ бѣдняка; сквозъ пыльную и покрытую паутиной стеклянную дверь его виднѣлись нѣсколько дюжинъ книгъ, до которыхъ никто не прикасался. Сеньоры члены «Собранія» чувствовали себя внезапно охваченными желаніемъ просвѣтиться, освѣдомиться о томъ, что называли социальнымъ вопросомъ и каждый вечеръ они устремляли свои взоры на шкафъ, словно на святую святыхъ науки, надѣясь, что, наконецъ, появится ключъ и они почерпнутъ изъ нѣдръ его столь желанный ими свѣтъ. Въ дѣйствительности не очень-то велика была ихъ поспѣшность получить свѣдѣнія о вопросахъ социализма, свернувшихъ головы работникамъ.

Нѣкоторые негодовали противъ книгъ, прежде чѣмъ прочли ихъ. Ложь, все ложь, чтобы лишь влить горечь въ жизнь. Они ничего не читаютъ, и счастливы. Почему не слѣдуютъ ихъ примѣру деревенскіе глупцы, отнимающіе у себя по ночамъ цѣлые часы сна, толпясь кругомъ товарища, читающаго имъ газеты и брошюры? Чѣмъ человекъ больше невѣжа, тѣмъ онъ счастливѣе. И они бросали взоры отвращенія на книжный шкафъ, какъ на складъ злодѣяній, въ то время, какъ онъ, несчастный, хранилъ въ своихъ нѣдрахъ лишь сокровище самыхъ безобидныхъ томовъ, большинство которыхъ было принесено въ даръ министерствомъ по настоянію мѣстнаго депутата: стихотворенія о Пресвятой Дѣвѣ Маріи, и патріотическіе пѣсенники; руководства для воспитанія канареекъ и правила для разведенія домашнихъ кроликовъ.

Пока богатые спорили другъ съ другомъ, или негодовали, обсуждая требованія работниковъ, эти послѣдніе продолжали свое протестующее къ нимъ отношеніе. Стачка началась частично, безъ общей связи, доказывая этимъ произвольность сопротивленія работниковъ.

Въ нѣкоторыхъ виноградникахъ хозяева, побуждаемые страхомъ лишиться урожая винограда, «перешагнули черезъ все», лаская, однако, въ злопамятномъ своемъ умѣ надежду на возмездіе, лишь только виноградъ ихъ окажется сложеннымъ въ давальняхъ.

Другіе, болѣе богатые, имѣли настолько стыда, какъ они высокомерно заявляли, чтобы не входить въ какое бы то ни было соглашеніе съ мятежниками. Донъ-Пабло Дюпонъ принадлежалъ къ наиболее выскочкамъ изъ этого числа. Онъ скорѣе готовъ былъ лишиться

своей бодеги, чѣмъ *унизиться* до этого сброда. Предъявлять требованія ему, который для своихъ работниковъ чисто отецъ и заботится не только о пропитаніи ихъ тѣла, но и о спасеніи ихъ душъ, избавляя ихъ отъ «грубаго матеріализма».

— Это принципиальный вопросъ, — заявлялъ онъ у себя въ конторѣ въ присутствіи служащихъ, утвердительно кивавшихъ головами еще раньше, чѣмъ онъ началъ говорить. — Я не прочь дать имъ то, что они желаютъ, и даже больше того. Но пусть они меня просятъ, а не требуютъ отъ меня. Это отрицаніе священныхъ моихъ хозяйскихъ правъ. Деньги имѣютъ для меня очень малое значеніе, въ доказательство чего, прежде чѣмъ уступить, я лучше согласенъ лишиться всего урожая винограда Марчамалы.

И Дюпонъ, задорный въ защитѣ того, что онъ называлъ своими правами, не только отказывался выслушать требованія поденщиковъ, но изгналъ изъ своихъ виноградниковъ всѣхъ, выдѣлившихся въ качествѣ агитаторовъ еще задолго до того, что виноградари рѣшили бастовать.

Въ Марчамалѣ оставалось очень мало поденщиковъ, и Дюпонъ замѣнилъ стачечниковъ цыганками изъ Хереса и дѣвушками, явившихся изъ горныхъ селъ, побуждаемые къ тому приманкой значительной поденной платы.

Такъ какъ сборъ винограда не требовалъ большого утомленія, Марчамало былъ полонъ женщинами, которыя, прикурнувъ на склонахъ холмовъ, срѣзывали виноградъ, въ то время какъ съ большой дороги ихъ осыпывали бранью лишившіеся заработка ради «идеи».

Мятежъ поденщиковъ совпалъ съ тѣмъ, что Луисъ Дюпонъ называлъ своимъ періодомъ серьезности.

Бутила достигъ того, что изумилъ своимъ поведеніемъ могущественнаго двоюроднаго брата. Ни женщинъ, ни скандаловъ! Маргесита забыла уже о немъ: оскорбленная его пренебреженіемъ, она снова вернулась къ союзу съ торговцемъ свиньями, «единственнымъ человѣкомъ, умѣвшимъ обращаться съ ней».

Сеньорито казался огорченнымъ, когда съ нимъ говорили о его знаменитыхъ кутежахъ. Всему этому крышка навсегда: нельзя же быть юнцомъ всю свою жизнь. Теперь онъ мужчина, серьезный и дѣловой. У него въ головѣ есть *нѣчто*: бывшіе учителя его, — отцы іезуиты признаютъ это. Онъ рѣшилъ наперекъ всѣ свои усилія, чтобы добиться столь же высокаго положенія въ политикѣ, какое двоюродный его братъ занимаетъ въ промышленности. Другіе поглупѣ его, управляютъ дѣлами страны, и къ голосу ихъ прислушивается правительство тамъ, въ Мадридѣ, какъ къ голосу вице-королей.

Отъ прошлой своей жизни Луисъ сохранилъ лишь дружбу съ головорѣзами, увеличивъ свиту свою новыми храбрцами. Онъ баловалъ ихъ и содержалъ, имѣя въ виду, что они будутъ служить ему союзниками въ его политической карьерѣ. Кто дерзнетъ пойти противъ него при первыхъ его выборахъ въ депутаты, видя его въ столь почтенной компаніи! И чтобы развлечь свою великолѣпную свиту, онъ продолжалъ ужинать съ ними въ ресторанахъ и вмѣстѣ пьянствовать. Это не нарушить уваженія къ нему. Попойка время отъ времени не поводъ къ тому, чтобы вызвать чье-либо негодованіе. Это мѣстный обычай, не болѣе того, и въ придачу это ведетъ за собой известную популярность.

И Луисъ Дюпонъ, убѣжденный въ значеніи своей личности, ходилъ изъ казино въ казино, ораторствуя о «соціальному вопросу» съ пылкой жестикуляціей, грозившей опасностью бутылкамъ и стаканамъ, разставленнымъ на столахъ.

Въ «Círculo Caballista» онъ избѣгалъ общества молодыхъ людей, лишь вспоминая о прошлыхъ его безумствахъ, чтобы восхищаться ими, предлагая ему новые, еще болѣе скандальные подвиги. Онъ искалъ разговора съ «серьезными отцами», богатыми земельными собственниками и владѣльцами большихъ виноградниковъ, начинавшихъ слушать его съ нѣкоторымъ вниманіемъ, признавая, что у этого *кутилы* свѣтлая голова.

Дюпонъ дѣлался надменнымъ, говоря краснорѣчиво и пылко о мѣстныхъ рабочихъ. Онъ новторялъ слышанное имъ отъ двоюроднаго брата и отъ монаховъ различныхъ орденовъ, посѣщавшихъ домъ Дюпона, но заходилъ дальше ихъ въ рѣшеніи вопросовъ съ авторитетнымъ и звѣрскимъ жаромъ, очень нравившимся его слушателямъ, людей столь же грубыхъ, какъ и богатыхъ, находившихъ удовольствіе поражать быковъ и укрощать дикихъ жеребцовъ.

Для Луиса рѣшеніе рабочаго вопроса казалось донельзя простымъ. Немножечко состраданія и затѣмъ религіи, побольше религіи, и палка тому, кто отказывается повиноваться. Этимъ владеется предѣлъ такъ называемому «соціальному конфликту», и все пойдетъ гладко, такъ по маслу. Могутъ ли жаловаться поденщики тамъ, гдѣ есть такіе люди, какъ его двоюродный братъ и многіе изъ присутствующихъ (здѣсь аудиторія дѣлаетъ жесты одобренія и на лицахъ появляются благодарныя улыбки), сострадательные до излишества, и е могущіе видѣть несчастія, чтобы тотчасъ же не взяться за кошелекъ и дать дурасъ и даже до двухъ дурасовъ?

На это мятежники отвѣчаютъ, что состраданія недостаточно, и

что, вопреки ему, множество людей живетъ въ нуждѣ. Но что же могутъ сдѣлать хозяева, чтобы поправить непоправимое?

Всегда будутъ существовать на свѣтѣ богатые и бѣдные, голодные и сытые, и только безумцы или преступники могутъ мечтать о равенствѣ.

Равенство!... Дюпонъ прибѣгалъ къ ироніи, приводившей въ восторгъ его аудиторію. Всѣ шутки, внушенныя его двоюродному брату Пабло и его свитѣ изъ церковниковъ самымъ благороднымъ изъ человѣческихъ стремленій, Луисъ повторялъ съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ, словно это былъ выводъ изъ всемірныхъ думъ. Что такое равенство?... Всякій, кому вздумается, можетъ овладѣть его домою, если онъ ему правится; зато и онъ, въ свою очередь, похититъ сюртукъ у своего сосѣда, потому что онъ ему нуженъ; а тотъ наложитъ лапу свою на чужую жену, разъ она ему пришлась по вкусу. Безбрежное море, кабальеросы!... Не заслуживаютъ ли разстрѣла или рубашки для сумасшедшихъ тѣ, которые говорятъ о равенствѣ?

И съ смѣхомъ оратора сливались раскаты хохота всѣхъ членовъ собранія. Соціализмъ раздавленъ! Какимъ остроуміемъ и ораторскимъ талантомъ владѣетъ этотъ молодой человѣкъ!...

Многіе изъ старыхъ сенъоровъ кивали головой съ покровительственнымъ видомъ, признавая, что Луиса недостаетъ въ иномъ мѣстѣ, и жалко, что его слова теряются въ этой атмосферѣ, пропитанной табачнымъ дымомъ, а при первомъ же случаѣ надо будетъ исполнить его желаніе съ тѣмъ, чтобы вся Испанія слушала бы съ парламентской трибуны эту столь остроумную и справедливую критику.

Дюпонъ, одушевленный всеобщимъ одобреніемъ, продолжалъ говорить, но теперь уже серьезнымъ тономъ. То, въ чемъ нуждается чернь, еще прежде заработной платы, это—утѣшеніе религіи. Безъ религіи народъ живетъ жестоко страдая, подвергаясь всевозможнымъ несчастіямъ, какъ въ настоящемъ случаѣ, работники Хереса. Они ни во что не вѣрятъ, но ходятъ къ обѣднѣ, смѣются надъ священнослужителями и только и думаютъ, что о социальной революціи съ убійствами и разстрѣлами буржуевъ и іезуитовъ; у нихъ нѣтъ надежды на загробную жизнь, — утѣшеніе и награда за всѣ земныя горести, которыя незначительны, такъ какъ онѣ продолжаютъ лишь нѣсколько десетковъ лѣтъ, и какъ логическій выводъ изъ столь великаго безвѣрія, бѣдность ихъ кажется имъ болѣе тяжелой, съ новыми мрачными оттѣнками.

Эта толпа, вѣчно недовольная и безъ Бога, заслуживаетъ кару—свою участь! Пусть они не жалуются на хозяевъ, такъ какъ они стараются повернуть ихъ на добрый путь! Пусть и они требуютъ

отвѣта отъ истинныхъ виновниковъ ихъ несчастія, отъ Сальватерры, и другихъ, подобныхъ ему, отнявшихъ у нихъ вѣру!

— Бъ тому же, сеньоры,—ораторствовалъ сеньорито съ парламентскимъ паэосомъ,—какой получился бы результатъ отъ увеличенія заработной платы? Только лишь поддержка порока и ничего больше. Эти люди не дѣлаютъ сбереженій, они ничего не копятъ. Пусть мнѣ укажутъ хоть одного поденщика, который сдѣлалъ бы сбереженія.

Слушатели молчали, кивая головой въ знакъ согласія. Никто не предьявлялъ поденщика, требуемаго Дюпономъ, и онъ улыбался, торжествуя, и тщетно ожидая изумительное существо, которому бы удалось скопить маленькое состояніе на данный заработокъ въ нѣсколько реаловъ.

— Здѣсь, у насъ,—продолжалъ онъ торжественно,—нѣтъ ни любви къ труду, ни духа бережливости. Посмотрите на рабочаго другихъ государствъ: работаетъ онъ больше здѣшнихъ и копитъ маленький капиталъ себѣ на старость. Но у насъ, у насъ поденщикъ въ молодости думаетъ о томъ, чтобы невзначай овладѣть какой-нибудь дѣвушкой позади ли амбара, или ночью въ людской; въ старости же, лишь только у него въ карманѣ окажется нѣсколько сантимовъ, онъ ихъ употребляетъ на вино и пьянство.

И всѣ въ одинъ голосъ, точно они внезапно потеряли память, съ величайшей суровостью придавали анаѳемѣ пороки работниковъ. Что можно было ждать отъ черни, безъ иныхъ стремленій и иллюзій въ жизни, какъ только пьянства?... Дюпонъ вѣрно говорить. Пьяницы! Низкіе люди, сами виноватые въ длительности тяжелаго своего положенія, насилюя женщинъ, точно они животныя!...

Сеньориту извѣстно средство покончить съ этой анархіей. Значительная часть вины падаетъ на правительство. Теперь, когда началась стачка, въ Хересь слѣдовало бы послать баталіонъ, цѣлую армію, если бы понадобилось, и пушекъ, побольше пушекъ. И онъ горько жаловался на беззаботность стоявшихъ у власти, точно единственное назначеніе испанскаго войска было охранять богатыхъ Хереса, чтобы они могли спокойно жить, и точно равнялось предательству, что улицы и села не были тотчасъ же наполнены солдатами въ красныхъ панталопахъ и съ сверкающими штыками, лишь только виноградари проявили нѣкоторое недовольство.

Луисъ былъ либераломъ, очень большимъ либераломъ. Въ этомъ отношеніи онъ расходился съ своими учителями иезуитами, говорившми о донъ-Карлосѣ съ восторгомъ, подтверждая, что это «единственное ихъ знамя». Луисъ былъ на сторонѣ тѣхъ, которые повелѣвали въ Испаніи, и ни разу не упоминалъ о королевскихъ особахъ, что-

бы не предпослать имъ титула «королевскаго величества», словно они могли издали слышать выраженія его глубочайшаго къ нимъ почтенія и наградить его тѣмъ, что онъ пожелаетъ. Онъ былъ либераломъ, но его свобода была свободой благопристойныхъ людей.

Свободу для тѣхъ, у которыхъ есть что-нибудь терять, а для черни столько хлѣба, сколько возможно и палокъ, побольше палокъ, единственное средство уничтожить злые инстинкты, рождающіеся вмѣстѣ съ человѣкомъ и развивающіеся безъ узды религіи.

— Знаете ли вы, — говорилъ онъ, — почему Франція богаче насъ и прогрессивнѣе?... Потому что она хорошо раздѣлалась съ разбойничьими коммунами и въ нѣсколько дней было разстрѣляно болѣе сорока тысячъ этихъ людей, причемъ прибѣгали къ пушкамъ и миотральезамъ, чтобы поскорѣй покончить съ низкимъ сбродомъ, и затѣмъ все потекло мирно и гладко. Мнѣ, — продолжалъ сеньорито докторальнымъ тономъ, — не нравится Франція, потому что она республика и потому что тамъ приличные люди забыли Бога и смѣются надъ его служителями. Но я желалъ бы для нашей страны человѣка, подобнаго Тьеру. Это то, что недостаетъ намъ здѣсь, человѣка, который улыбается и стрѣляетъ картечью въ сволочь.

И онъ улыбался, чтобы показать, что самъ способенъ быть такимъ же Тьеромъ, какимъ былъ тотъ.

Конфликтъ въ Хересѣ былъ бы устраненъ имъ въ двадцать четыре часа. Пусть дадутъ ему власть и увидятъ, на что онъ способенъ. Основательныя экзекуціи во времена «Черной руки» привели къ нѣкоторымъ результатамъ. Толпа струсила передъ висѣлицами, возведенными на площади de la Carcel. Но этого недостаточно. Требуется хорошее кровопусканіе, чтобы отнять силы у мятежнаго быдла. Если бы правилъ онъ, были бы уже забраны въ тюрьму агитаторы и вожди всѣхъ союзовъ крестьянскихъ работниковъ, которые вносятъ тревогу въ городъ.

Но и это то же казалось ему недостаточнымъ, только лишь полумѣрой и онъ затѣмъ поправлялся, дѣлая болѣе свирѣпыя предложенія. Лучше было бы провоцировать мятежниковъ, не дать планамъ ихъ созрѣть, ущипнуть ихъ, чтобы выскочили бы они раньше времени», и лишь только они перейдутъ къ открытому возстанію, напасть на нихъ и не давать пощады никому! Много жандармеріи, много конной стражи, много артиллеріи.

Для этого-то богатые и несутъ бремя налоговъ, большая часть которыхъ идетъ на войско. Если это не было бы такъ, на что служили бы солдаты, стоявшіе такъ дорого, въ странѣ, которой не предстоитъ вести войну?

Въ видѣ предупредительной мѣры нужно было бы стереть съ лица земли развратныхъ агитаторовъ, подбивающихъ къ мятежу полчище нужды. Всѣхъ тѣхъ, которые ходятъ по деревнямъ, изъ села въ село, раздавая гнусныя прокламаціи и ядовитыя брошюрки—разстрѣлять. Всѣхъ тѣхъ, которые зубоскалятъ и говорятъ бѣшенныя рѣчи въ этихъ тайныхъ собраніяхъ, ночью по артелямъ или въ окрестностяхъ какого-нибудь постоялаго двора—разстрѣлять. То же самое и тѣхъ, которые на виноградникахъ, слушиваясь хозяевъ и гордясь умѣніемъ читать, сообщаютъ своимъ товарищамъ свѣдѣнія о негѣпостяхъ, печатаемыхъ въ газетахъ... И Фернандо Сальватерра то же разстрѣлять.

Но едва онъ сказалъ это, сеньорито словно раскаялся въ своихъ словахъ. Мягкость и добродѣтели этого мятежника внушали ему извѣстное уваженіе. Даже слушатели Луиса, вполнѣ одобрявшіе его предложенія, на этотъ разъ хранили молчаніе, точно имъ было противно включить революціонера въ щедрое распредѣленіе разстрѣловъ. Онъ былъ безумецъ, вызывавшій удивленіе, святой, не вѣрившій въ Бога; и эти сеньоры чувствовали къ нему уваженіе, равное уваженію мавра къ полоумному святошѣ, который прокликаетъ его и угрожаетъ ему палкой.

— Нѣтъ,—продолжалъ свою рѣчь сеньорито,—на Сальватерру слѣдуетъ одѣть рубашку для сумасшедшихъ и пусть отправляется, пропагандируетъ ученіе въ домъ умалишенныхъ на весь остатокъ своей жизни.

Слушатели Дюпона одобряли эти предложенія. Владѣтели каменныхъ заводовъ, старички съ сѣдѣющими бакенами, проводившіе часы, созерцая бутылки въ священнодѣйствующемъ безмолвіи, измѣняли своей серьезности, чтобъ улыбнуться юношѣ.

— Этотъ молодой человѣкъ весьма талантливъ,—заявилъ одинъ изъ нихъ.—Онъ говоритъ точно депутатъ.

И остальные одобряли его.

— Двоюродный его братъ Паблито позаботился о томъ, чтобы мы его выставили кандидатомъ, когда наступятъ выборы.

Луисъ чувствовалъ себя подчасъ утомленнымъ и отъ триумфовъ, которые онъ пожинаетъ въ казино, и отъ изумленія, внушаемымъ езапной серьезностью былымъ товарищамъ веселой жизни. Воскресеньи вновь склонности его развлекаться съ людьми униженными.

— Я по горло сытъ сеньоритами,—говорилъ онъ съ отвращеніемъ выдающагося человѣка, своему вѣрному спутнику Чиво.—И въ деревню: маленький кутежъ всегда на пользу организму.

И желая сохранить протекцію могущественнаго своего двоюрод-

наго брата, онъ на денегъ отправляется въ Марчамало, прикидываясь будто интересуется результатомъ винограднаго сбора.

Виноградникъ былъ полонъ женщинами, и Луису нравилось обращеніе этихъ дѣвушекъ изъ горныхъ селъ, смѣявшихся надъ шутками сеньорито, и благодарныя ему за его щедрость.

Марія де-ла-Лусъ и ея отецъ принимали за честь столь частыя посѣщенія дономъ Луисомъ виноградника. О скандальномъ приключеніи въ Матансуэлъ сохранилось только лишь блѣдное воспоминаіе. Шалости сеньорито! Люди эти, по традиціи привыкшіе къ уваженію туманныхъ развлеченій богатыхъ, оправдывали ихъ, точно это была какая-то повинность молодыхъ лѣтъ.

До сеньора Фермина дошли слухи о великой переменѣ, происшедшей въ образѣ жизни дона Луиса, о его стремленіяхъ быть серьезнымъ человѣкомъ, и онъ съ удовольствіемъ видѣлъ, что Луисъ пріѣзжаетъ на виноградникъ, спасаясь отъ городскихъ искушеній.

Его дочь также принимала ласково сеньорита, говоря ему ты, какъ во времена ихъ дѣтства, и смѣясь надъ всѣми его шутками. Онъ хозяинъ Рафаэля и наступитъ день, когда и она будетъ его слугой на мызѣ, которую воображеніе ежечасно рисовало въ видѣ гнѣздышка ея счастья. О скандальномъ кутежѣ, вызвавшемъ въ ней такое сильное негодованіе противъ надсмотрщика, она почти что не помнила. Сеньорито проявляетъ раскаяніе въ своемъ прошломъ, и, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, скандалъ на мызѣ былъ окончательно забытъ всѣми.

Луисъ выказывалъ особенную любовь къ жизни въ Марчамалѣ. Иногда онъ очень поздно засиживался здѣсь и оставался ночевать въ башнѣ Дюпоновъ.

— Я словно патріархъ тамъ, — говорилъ онъ друзьямъ своимъ въ Хересѣ, — окруженъ дѣвушками, которыя привязаны ко мнѣ, словно я родной ихъ отецъ.

Друзья смѣялись надъ благопристойнымъ тономъ, которымъ кутила говорилъ о своихъ невинныхъ развлеченіяхъ съ ватагой дѣвушекъ, работавшихъ на виноградникѣ. Кроме того, ему нравилось оставаться на виноградникѣ изъ-за ночной прохлады.

— Вотъ это значитъ жить, сеньоръ Ферминъ, — говорилъ онъ на аспланадѣ въ Марчамало, при сіяніи звѣздъ обвѣянной ночнымъ вѣтеркомъ.

Вечеринки протекали въ патріархальномъ мирѣ и спокойствіи. Сеньорито подавалъ гитару приказчику.

— Идите сюда! Покажите искусство золотыхъ вашихъ ручекъ! — кричалъ онъ.

И Чиво, по его приказанію, бѣгалъ вынимать изъ ящиковъ экипажа нѣсколько бутылокъ лучшаго вина фирмы Дюпонъ. Какъ есть настоящий бузень. Но мирный, порядочный, тихій, безъ пошлыхъ словъ и дерзкихъ жестовъ, которые испугали бы зрительницъ - дѣвушекъ, слышавшихъ въ своихъ селахъ рассказы объ ужасномъ донѣ Луисѣ, и видя его вблизи, теряли предубѣжденія свои, признавая, что онъ не такой дурной, какъ молва о немъ разглашала.

Марія де-ла-Лусъ пѣла, пѣлъ также и сеньорито, и даже хмурый Чиво, подчиняясь приказанію своего натрона, начиналъ пѣть грубымъ своимъ голосомъ отрывки воспоминаній о свиданіи у рѣшетчатыхъ окнахъ или о кинжальныхъ ударахъ въ защиту матери или любимой женщины.

— Олѣ, великолѣпно! — кричалъ приказчикъ иронически этой фигурѣ висѣльнига.

Послѣ того сеньорито бралъ за руку Марію де-ла-Лусъ, выводилъ ее въ середину кружка присутствующихъ, и они начинали отплясывать «севильяну», съ рѣзвостью и искусствомъ, вырывавшемъ у зрителей крики восторга.

— Милосердый Богъ! — восклицалъ отецъ, ударя аккордами по гитарѣ съ новымъ пыломъ. — Вотъ такъ парочка голубей!... Это, дѣйствительно, называется танцевать!

И Рафаэль надсмотрщикъ, появившійся въ Марчамалѣ лишь изрѣдка, увидавъ раза два эту пляску, былъ польщенъ честью, оказанной сеньорито его невѣстѣ. Хозяинъ его не дурной человекъ, прошлое его лишь сумасбродство молодости; но теперь, когда онъ образумился, вышелъ сеньорито хоть куда, донельзя симпатичный, одаренный большою склонностью къ общенію съ людьми низшаго сословія, точно они были ему равней. Онъ хлопалъ въ ладоши, глядя на танцующую пару безъ малѣйшаго проблеска ревности, онъ, способный хвататься за ножъ, едва кто-либо бросалъ взглядъ на Марію де-ла-Лусъ. Чувствовалъ онъ лишь нѣкоторую зависть оттого, что не умѣлъ танцевать съ такимъ изяществомъ, какъ его хозяинъ. Вся жизнь его уходила на завоеваніе себѣ хлѣба, и онъ не имѣлъ времени научиться такимъ тонкостямъ. Онъ могъ только пѣть, и то лишь на суровый дикій ладъ, какъ научили его товарищи по контрабандѣ, когда они верхомъ на своихъ кобылахъ, согнувшись съ товарищемъ, ѣхали, оглашая пѣніемъ своимъ уединенныя горныя ущелія.

Донъ-Луисъ властвовалъ на виноградникѣ, словно онъ былъ хозяинъ. Могущественный донъ-Пабло отсутствовалъ. Онъ проводилъ лѣто съ своимъ семействомъ на сѣверномъ побережьи, пользуясь тщеславіемъ, чтобы посѣтить Лоюлу и Деусту — центры святости и

учености добрыхъ его совѣтчиковъ. И кузень, чтобы еще болѣе доказать ему, что онъ человѣкъ серьезный и дѣловитый, писалъ ему длинныя письма, сообщая о своихъ поѣздкахъ въ Марчамало, надзоръ надъ сборомъ винограда и о хорошихъ результатахъ этого сбора.

Онъ въ самомъ дѣлѣ интересовался ходомъ работъ на виноградникѣ. Испытываемое имъ желаніе сразиться съ работниками, его стремленіе побѣдить забастовщиковъ побуждали его быть трудолюбивымъ и упорнымъ. Онъ кончилъ тѣмъ, что совершенно поселился въ башнѣ Марчамало, давъ вѣяту, что не сдѣлаетъ шагу изъ имѣнія, пока не будетъ конченъ виноградный сборъ.

— Дѣло идетъ на ладъ, — говорилъ онъ приказчику, насмѣшливо мигнувъ глазами. — Разбойники эти впадутъ въ уныніе, видя, что съ помощью женщинъ и нѣсколькихъ почтенныхъ виноградарей мы кончимъ работу, ни мало не нуждаясь въ нихъ. По вечерамъ у насъ пляска и благопристойный кутежъ, сеньоръ Ферминъ, чтобы негодяи эти узнали и бѣсились бы.

Такимъ образомъ проходилъ виноградный сборъ, среди музыки, пиршества и вина въ щедро раздаваемомъ изъ лучшихъ сортовъ.

По вечерамъ домъ виноградныхъ давленей, имѣвшій какой-то монастырскій отгѣнокъ, вслѣдствіе своего безмолвія и строгой дисциплины, когда въ Марчамало находился донъ-Пабло Дюпонъ, теперь оглашался до поздней ночи шумными празднествами.

Поденщики забывали о ночномъ отдыхѣ, чтобы пить господское вино. Дѣвушки, привыкшія къ нуждѣ, царившей въ мызныхъ людскихъ, широко раскрывали изумленные глаза, точно онѣ видѣли осуществленными изобиліе и довольство тѣхъ чудесныхъ сказокъ, которыя онѣ слышали на вечеринкахъ. Ужинъ былъ великолѣпный. Донъ-Луисъ платилъ не считая.

— Вотъ что, сеньоръ Ферминъ: пусть привозятъ говядину изъ Хереса: пусть всѣ эти дѣвушки ѣдятъ до отвала, пусть пьютъ, пусть пьянѣютъ: я беру на себя всѣ расходы. Мнѣ хочется, чтобы та сволочь видѣла, какъ мы угощаемъ хорошо покорныхъ работниковъ.

И лицомъ къ лицу, съ признательнымъ полчищемъ дѣвушекъ, онъ скромно говорилъ:

— Когда увидите забастовщиковъ, скажите имъ, какъ угощаютъ Дюпоны своихъ работниковъ. Правду, — одну лишь правду.

Въ теченіе дня, когда солнце сжигало землю, распалая бѣлесоватая покатоги Марчамалы, Луисъ спалъ подъ аркадами дома, съ бутылкой, стоявшей около него и снабжающей его прохладой, протягивая время отъ времени свою сигару Чиво, чтобы онъ зажегъ ее.

Луисъ находилъ еще новое, неиспытанное имъ удовольствіе, ра-

выгрывая хозяйина обширнаго имѣнія; ему искренно казалось, что онъ выполняетъ великую социальную функцію, созерцая изъ своего тѣнистаго убѣжища работу столькихъ людей, согнувшихся и задыхающихся подъ огненнымъ дождемъ солнца.

Дѣвушки видѣлись всюду на склонахъ холмовъ, съ своими цвѣтными юбками, словно стадо голубыхъ и розовыхъ овецъ. Мужчины, въ рубахахъ и штанахъ, двигались на четверенькахъ, точно бѣлые козлы. Они переправлялись отъ однихъ лозъ къ другимъ, ползая на животѣ по пылающей землѣ. Лозы разбрасывали красноватые и зеленые гроздья свои въ уровень съ почвой, и виноградныя ягоды покоились на извести, передавшей имъ до послѣдней минуты свою производительную теплоту.

Другія дѣвушки поднимали по холмамъ вверхъ большія корзины срѣзаннаго винограда, чтобы сложить его въ виноградныхъ давилкахъ, и проходили постоянной вереницей передъ сеньоритомъ, который, лежа въ растяжку на буковомъ диванѣ, покровительственно улыбался, размышляя о красотѣ труда и извращенности сволочи, претендующей перевернуть міръ, столь мудро организованный.

Иногда, наскучивъ молчаніемъ, онъ звалъ къ себѣ приказчика, ходившаго съ холма на холмъ, надзирающаго за работой.

Сеньоръ Ферминъ садился на корточкахъ передъ нимъ, и они говорили о забастовкѣ и о свѣдѣніяхъ, получаемыхъ изъ Хереса.

Приказчикъ не скрывалъ своего мрачнаго взгляда на вещи. Упорство рабочихъ все усиливается.

— Голодь очень великъ, сеньорито—говорилъ онъ съ убѣжденіемъ сельскаго жителя, считающаго желудокъ побудителемъ ко всѣмъ дѣйствіямъ. А кто говоритъ голодь, подразумѣваетъ безпорядки, палящія удары, стычки. Прольется кровь и въ тюрьмѣ готовится пощение для многихъ... Будетъ чудо, если дѣло не кончится тѣмъ, что плотники возведутъ эшафотъ на площади de la Carcel.

Старикъ, казалось, чуялъ катастрофу, но смотрѣлъ на приближеніе ея съ егоистическимъ спокойствіемъ, такъ какъ двое людей, которымъ была отдана его любовь, находились вдали.

Сынъ его уѣхалъ въ Малагу, по порученію своего принцепала, въ качествѣ довѣреннаго лица, по дѣлу одного банкротства, и находился тамъ, занятый пересмотромъ счетовъ и спорами съ другими кредиторами. Пусть бы онъ не возвращался годъ! Сеньоръ Ферминъ боялся, чтобы вернувшись въ Хересь, онъ не скомпрометировалъ бы себя, покровительствуя забастовщикамъ, побужденный къ тому наставленіемъ своего учителя Сальватерры, привлекавшихъ его на сторону уничиженныхъ и мятежниковъ. Что же касается дона-Фер-

нандо, уже долгіе дни онъ выбылъ изъ Хереса подъ охраной жандармеріи.

Когда началась забастовка, богатые дали ему косвенно знать, что ему необходимо какъ можно скорѣй удалиться изъ всей губерніи. Онъ одинъ отвѣтственъ за все то, что происходитъ. Его присутствіе возбуждаетъ рабочій народъ, дѣлая его столь же дерзкимъ и мятежнымъ, какъ во времена: «Черной руки». Главные агитаторы рабочихъ союзовъ, относившіеся съ благоговѣніемъ къ революціонеру, просили его бѣжать, опасаясь за его жизнь. Указанія власть имущихъ равнялись угрозѣ смерти. Рабочіе, привыкшіе къ репрессіямъ и насилію, дрожали за Сальватьерру. Быть можетъ его убьютъ гдѣ-нибудь ночью на улицѣ, такъ что правосудіе никогда не откроетъ убійцу. Могло случиться, что власть, пользуясь далекими загородными экскурсіями Сальватьерры, подвергнетъ его смертельнымъ пыткамъ, или *упразднитъ* палочными ударами, какъ это дѣлалось не разъ съ другими, болѣе незначительными людьми, чѣмъ онъ.

Но донъ-Фернандо отвѣчалъ на эти совѣты упорнымъ отказомъ. Онъ здѣсь по своему желанію и останется здѣсь... Наконецъ власти отрыли одинъ изъ многихъ судебныхъ процессовъ, еще подлежащихъ разбирательству за его пропаганду социальной революціи, судья вызвалъ его въ Мадридъ, и донъ-Фернандо былъ силой вынужденъ предпринять путешествіе въ сопровожденіи жандармовъ, словно ему на роду было написано путешествовать всегда между двумя ружьями.

Сеньоръ Ферминъ радовался такому рѣшенію вопроса. Пусть бы Сальватьерру держали подольше въ Мадридѣ! Пусть бы онъ вернулся не раньше, какъ черезъ годъ! Онъ зналъ дон-Фернандо, и былъ увѣренъ, что, еслибъ онъ остался въ Хересѣ, не замедилъ бы вскорѣ послѣдовать взрывъ возстанія голодныхъ, за которымъ вслѣдъ явилась бы жестокая репрессія, и для дон-Фернандо тюрьма быть можетъ на всю жизнь.

— Это кончится кровью, сеньорито, — продолжалъ приказчикъ.

— До сихъ поръ бастуютъ одни лишь виноградари, но подумайте о томъ, милость ваша, что теперь какъ разъ самый тяжелый мѣсяцъ для полевыхъ работниковъ. Вездѣ кончена молотьба, а пока еще начнется посѣвъ, тысячи и тысячи поденщиковъ со скрепченными руками готовы плясать подъ какую угодно дудку. Сеньорито увидитъ, что они и тѣ и другіе — не замедлятъ соединиться и тогда пойдетъ исторія. На мызахъ начались уже пожары сѣноваловъ, а виновники ихъ такъ и остаются не раскрытыми.

Дюпонъ воспламенялся. Тѣмъ лучше: пусть они соединяются всѣ, пусть скорѣй возстаютъ, чтобы проучить ихъ и принудить вернуться

къ повиновенію и спокойствію. Онъ желаетъ мятежа и столкновенія еще сильнѣе, чѣмъ работники.

Приказчикъ, удивленный его словами, качалъ головой.

— Плохо, очень плохо, сеньорито. Миръ съ кровью—плохой миръ. Лучше сговориться по хорошему. Пусть вѣрять его милость старику, который самъ былъ очевидцемъ пронунсіамента и революцій.

Въ другія утра, когда Луисъ Дюпонъ не чувствовалъ желанія бесѣдовать съ приказникомъ, онъ шелъ въ домъ, отыскивая Марію-дела-Лусъ, работавшую въ кухнѣ.

Веселость дѣвушки, свѣжесть этой здоровой смуглянки вызывали въ сеньорито нѣкоторое волненіе. Добровольное цѣломудріе, храняемое имъ въ уединеніи своемъ, значительно увеличивало въ его глазахъ прелести поселянки. Онъ всегда чувствовалъ нѣкоторое расположеніе къ дѣвушкѣ, встрѣчая въ ней хотя и скромныя, но пикантныя и здоровыя прелести, словно благоуханье полевыхъ травъ. Теперь же, въ его уединеніи, Марія-дела-Лусъ казалась ему превосходящей Марсеситу и всѣхъ пѣвичекъ и веселящихся дѣвушекъ Хереса.

Но Луисъ сдерживалъ свои порывы и скрывалъ ихъ подъ личиной искренняго довѣрія, воспоминанія дѣтскаго братанія. Когда онъ позволялъ себѣ какую-нибудь дерзость, возмущавшую дѣвушку, тотчасъ же онъ прибѣгалъ къ воспоминанію дѣтскихъ лѣтъ. Вѣдь они все равно, что братъ и сестра? Вѣдь они росли вмѣстѣ?...

...Ей не слѣдуетъ видѣть въ немъ сеньорито, хозяина своего жениха. Онъ для нея тоже, что и братъ ея Ферминъ: она должна смотрѣть на него, какъ на члена семьи.

Луисъ боялся скомпрометировать себя какой-нибудь дерзкой выходкой въ этомъ домѣ, принадлежавшемъ его строгому двоюродному брату. Что сказалъ бы Пабло, изъ уваженія къ отцу своему смотрѣвшій на приказчика и его семью, какъ на смиренное продолженіе собственной своей семьи? Къ тому же, знаменитый ночной кутежъ въ Натансуагѣ причинилъ ему немалый вредъ и онъ не желалъ скомпрометировать другимъ скандаломъ только что зарождающуюся свою славу серьезнаго человѣка. Это была причина его робости съ многими сборщицами винограда, которыя ему нравились, и онъ ограничивалъ свои удовольствія интеллектуальнымъ развратомъ, напивая дѣвушекъ по ночамъ, чтобы видѣть ихъ веселыми, безъ предубѣжденій съливости, болтающими другъ съ другомъ, щиплющими и преслѣдуя одинъ друга друга, точно онѣ были одинъ.

Съ Маріей-дела-Лусъ онъ также велъ себя очень осторожно. Онъ

не могъ ее видѣть, не обдавая цѣлымъ потокомъ похвалъ за ея красоту и веселость. Но это не пугало дѣвушку, привыкшую къ шумному взрыву мѣстной галантности.

— Спасибо, Луисъ,—говорила она смѣясь.—Что за разлюбезный сеньорито! Если ты будешь продолжать такимъ образомъ, я влюблюсь въ тебя и мы кончимъ тѣмъ, что убѣжимъ вмѣстѣ.

Иногда Дюпонъ, подъ вліяніемъ уединенія, подстрекающаго къ наибольшей смѣлости, а также аромата дѣвственнаго тѣла, которое, казалось, курилось жизнью въ часы дневного жара,—позволялъ себѣ увлечься своими инстинктами и коварно прикасался руками къ этому тѣлу.

Дѣвушка вскакивала, сдвинувъ брови и сурово сжавъ губы.

— Прочь руки, Луисъ, это что такое, сеньорито? Бѣшай праники съ другой, а я угощу тебя пощечиной, которую услышать даже въ Хересѣ.

Враждебнымъ своимъ жестомъ и угрожающей рукой она показывала твердое свое намѣреніе дать эту сказочную пощечину. Въ эти минуты онъ указывалъ, въ видѣ извиненія, на воспоминаніи дѣтства.

— Но, глупишка ты, злюка такая? Вѣдь я безъ всякаго дурного намѣренія; только чтобы пошутить, чтобы посмотрѣть на миленькую твою мордочку, когда ты сердиться!... Ты знаешь, что я тебѣ братъ. Ферминъ и я, одно и то же.

Лицо дѣвушки, какъ будто, прояснилось, но враждебный жестъ ея не исчезалъ.

— Хорошо; только пусть братъ держитъ руки тамъ, гдѣ слѣдуетъ. Языкомъ болтай что хочешь, но если ты выпустишь когти, дитя, доставай себѣ другую фізіономію, потому что эту я расшибу однимъ ударомъ.

— Олѣ, веселыя вояки!—восклицалъ сеньорито.—Такой праритя мнѣ моя дѣвочка! Отважной, смѣлой и сердитой!...

Когда Рафаэль пріѣзжалъ въ Марчамало, сеньорито не отказывался отъ непрерывнаго восхваленія Маріи-де-ла-Лусъ.

Надсмотрщикъ принималъ съ наивнымъ удовлетвореніемъ всѣ похвалы невѣстѣ, расточаемыя ей его хозяиномъ. Въ концѣ-къ и-цовъ, онъ былъ словно родной ея братъ, и Рафаэль гордился отъ гъ родствомъ.

— Разбойникъ,—говорилъ ему сеньорито съ комическимъ неодованіемъ въ присутствіи дѣвушки.—Ты заберешь себѣ лучшее во всей странѣ, жемчужину Хереса и его окрестностей. Посмотри на и-ноградникъ Марчамало, стоящій сотни милліоновъ?... Но онъ нич о;

лучшее здѣсь—эта вотъ дѣвушка, это сокровище прелестей. И оно принадлежитъ тебѣ, воръ... безстыдникъ.

И Рафаэль смѣялся во все горло, также какъ и сеньоръ Ферминъ. До чего остроумень и милъ донъ-Луисъ! Сеньорито, придерживаясь тона комической серьезности, набрасывался на своего надсмотрщика:

— Смѣйся, разбойникъ... Посмотрите, какъ онъ доволенъ завистью къ нему всѣхъ остальныхъ. Въ одинъ прекрасный день я убиваю тебя, увожу Марию-де-ла-Лусъ и сажаю ее на тронъ въ Хересъ, посреди площади Нуэва, а у ногъ ея соберу всѣхъ цыганъ Андалузін, чтобы они играли и танцовали и, соперничая другъ передъ другомъ, воспѣвали бы королеву красоты и изящества... Это сдѣлаю я, Луисъ Дюпонъ, хотя бы двоюродный мой братъ и отлучилъ меня за это отъ церкви.

И онъ продолжалъ въ томъ же тонѣ нанизывать цѣлый рядъ гиперболическихъ и безсвязныхъ похвалъ среди смѣха Маріи-де-ла-Лусъ и ея отца и жениха, признательныхъ за милое обхожденіе сеньорито.

Когда кончился сборъ винограда, Луисъ почувствовалъ гордость какъ послѣ совершенія великаго подвига.

Они справились со сборомъ винограда съ помощью лишь женщинъ, а между тѣмъ храбрецы забастовщики не осмѣлились даже и показаться, ограничиваясь лишь потоками угрозъ. Это произошло несомнѣнно потому, что онъ находился на виноградникѣ, оберегая его, и оказалось достаточнымъ для нихъ узнать, что донъ-Луисъ защищаетъ Марчамало съ своими друзьями, чтобы никто не приблизился съ намѣреніемъ помѣшать работѣ.

— Что вы скажете на это, сеньоръ Ферминъ,—говорилъ онъ стремительно.— Они хорошо сдѣлали, что не явились, потому что ихъ встрѣтили бы выстрѣлами. Какъ вознаградить меня мой двоюродный братъ за то, что я дѣлаю для него? Какое тамъ вознагражденіе. Онъ часто говоритъ, будто я ни на что не годенъ... Но сегодняшній день надо отпраздновать. Я тотчасъ же поѣду въ Хересъ и привезу самое лучшее вино изъ бodeги. И если Пабло взбѣситя, когда вернется, пусть себѣ бѣситя. Что-нибудь же долженъ онъ мнѣ дать за мои заступы. И сегодня ночью у насъ кутежъ... самый большой кутежъ за долгое время: пока не взойдетъ солнце. Мнѣ хочется, чтобы эти дѣвушки, спустившись къ себѣ въ горы, остались бы довольными и помнили бы сеньорито... Привезу также музыкантовъ, чтобы дать вамъ отдыхъ; привезу еще и танцовщицу, чтобы Марикита не одна бы пѣла и уставала бы.

...Какъ, вамъ не желательны женщины такого рода въ Марча-

мало?... Вѣдь мой двоюродный братъ не узнаетъ!... Ну, хорошо, не привезу ихъ. Вы, сеньоръ Ферминъ, устарѣли; но чтобы сдѣлать вамъ удовольствіе, я отказываюсь отъ пѣвицъ. Впрочемъ, хорошенько разсудивъ дѣйствительно, нѣтъ нужды еще привозить женщинъ туда, гдѣ и такъ ихъ столько, что кажется цѣлое женское училище. Но музыки и вина у насъ будетъ поверхъ головы! И пляска деревенская, и всякіе танцы—полька, вальсъ... Вы увидите, что за пиръ на весь міръ будетъ у насъ сегодня ночью, сеньоръ Ферминъ.

И Дюпонъ уѣхалъ въ городъ въ своемъ экипажѣ, оглашавшемъ дорогу громкимъ звономъ бубенчиковъ. Вернулся онъ уже съ наступленіемъ ночи, лѣтней, теплой и такой тихой, что ни малѣйшее дуновение вѣтерка не колебало воздушныя струи.

Земля испускала изъ себя горячія испаренія; синева неба отличала блесковатымъ оттѣнкомъ, звѣзды казались окутанными густымъ туманомъ. Въ ночномъ безмолвіи слышался трескъ виноградныхъ лозъ, кора которыхъ разсѣдала, расколота жарой. Кузнечики неистово трещали въ бороздахъ, сжимаемыхъ землей, лягушки квакали вдаль, точно имъ мѣшала спать слишкомъ теплая влага ихъ лужи.

Спутники Дюпона, снявъ сюртуки, въ однихъ жилетахъ, разставляли подъ аркадами безчисленныя бутылки, привезенныя изъ Хереса.

Женщины, одѣтыя легко, въ однихъ лишь ситцевыхъ юбкахъ, выставляя голыя руки изъ-подъ платка, скрещеннаго на груди, занялись корзинами съ провизіей и восхищались ихъ содержимымъ, осыпая похвалами щедраго сеньорито. Приказчикъ хвалилъ качества закусокъ и оливоекъ, служащихъ для возбужденія жажды.

— Вотъ такъ кутежъ готовить намъ сеньорито,—говорилъ онъ, смѣясь какъ патріархъ.

Во время обильнаго ужина на эспланадѣ, то, что всего больше привлекло восхищеніе людей, было вино. Женщины и мужчины ѣли стоя, и взявъ въ руки стаканы съ виномъ, они подходили къ столику, за которымъ сидѣлъ сеньорито съ приказчикомъ и его дочерью, и на которомъ стояли двѣ свѣчи. Ихъ красноватое пламя, поднимавшее копотные языки въ ночной тишинѣ безъ малѣйшаго дрожанія, освѣщало золотистую прозрачность вина. Но что это такое?... И всѣ принимались опять смаковать вино, налюбовавшись прекраснымъ е) цвѣтомъ, и отрывали широко глаза съ смѣшнымъ изумленіемъ, отыскивая слова, точно они не могли найти достаточно сильныхъ выраженій для того благоговѣнія, которое имъ внушала чудесная жидкость.

— Это какъ есть настоящія слезинки Іисуса,—говорили нѣкоторые, набожно прищелкивая языкомъ.

— Нѣтъ, — возражали другіе, — это самое, что ни на есть молоко Пресвятой Матери Божьей.

И сеньорито смѣялся, наслаждаясь ихъ изумленіемъ. Это было вино изъ бодегъ «братъевъ Дюпонъ», старое и страшно дорогое, которое пили только лишь *милорды* тамъ, въ Лондонѣ. Каждая капля стоила песету. Донъ-Пабло хранить это вино, какъ хранить сокровище, и было весьма вѣроятно, что онъ вознегодуетъ узнавъ объ опустошеніи, совершонномъ его легкомысленнымъ родственникомъ.

Но Луисъ не раскаявался въ своемъ великодушіи. Ему доставляло удовольствіе виномъ богатыхъ довести до потери разума толпу бѣдняковъ. Это было удовольствіе римскаго патриція, который напивалъ дошьяна своихъ кліентовъ и рабовъ питьемъ императоровъ.

— Пейте, дѣти мои, — говорилъ онъ отеческимъ тономъ. — Пользуйтесь, такъ какъ вамъ никогда больше въ жизни не видать такого вина. Многіе сеньоритосы изъ «Сігисло» позавидовали бы вамъ. Знаете ли цѣнность всѣхъ этихъ бутылокъ? Это цѣлый капиталъ: вино это дороже шампанскаго и за каждую бутылку приходится платить не помню сколько дурасовъ.

И бѣдные люди набрасывались на вино, и пили жадно пили, словно въ ротъ къ нимъ вливалось счастье.

На столики сеньорито подавались бутылки послѣ долгаго пребыванія ихъ въ сосудахъ со льдомъ. Вино оставляло пріятное ощущеніе прохлады.

— Мы опьянѣемъ, — говорилъ поучительнымъ тономъ приказчикъ. — Вино это пьемъ, не чувствуя его. Это прохлада для рта и огонь въ желудкѣ.

Но онъ продолжалъ наливать имъ свой стаканъ чуть ли не послѣ каждаго съѣденнаго имъ куска, смакуя холодный нектаръ и завидуя богатымъ, которые могутъ ежедневно доставлять себѣ это удовольствіе боговъ.

Марія-де-ла-Лузъ пила столько же, какъ и отецъ ея. Какъ только ея стаканъ оказывался пустымъ, сеньорито спѣшилъ наполнить его снова.

— Перестань подливать мнѣ, Луисъ, — молила она. — Ты увидь, что я опьянѣю. Это вино предательское.

— Глупая, оно вѣдь точно вода! И если ты бы даже опьянѣла, въ это же пройдетъ!...

Когда кончили ужинать, послышался звонъ гитаръ, и рабочіе съ образовалъ кружокъ, усѣлись на полъ передъ стульями, заняты музыкантами и сеньорито съ его свитой. Всѣ были пьяны, но должны были пить. Зрѣлище было непривлекательное. Потъ выступилъ

у нихъ на кожь; грудь ихъ расширялась, точно имъ не хватало воздуха. Вина, еще вина! Противъ жары нѣтъ лучшаго средства: это настоящее андалузское прохладеніе.

Одни хлопали въ ладоши, другіе ударяли бутылкой о бутылку, какъ бы палочками, аплодируя знаменитой «севальянѣ», отплясываемой Маріей-де-ла-Лусъ и сеньорито. Дѣвушка танцевала, стоя среди кружка противъ Луиса, съ раскраснѣвшими щеками и необычайнымъ блескомъ глазъ.

Никогда еще она не танцевала съ такимъ увлеченіемъ и такой граціей. Голыя ея руки, жемчужной бѣлизны, поднимались надъ головой ея. Словно перламутровыя арки роскошной округлости. Ситцевая юбка, среди *фру-фру*, обрисовывавшаго дивныя очертанія ея бедеръ, давала возможность видѣть изъ-подъ ея подола маленькія ножки, превосходно обутыя, точно ножки сеньориты.

— Ахъ! Не могу больше!—сказала она вскорѣ, задыхаясь отъ танца.

И она упала, тяжею лодыша, на стулъ, чувствуя, что кругомъ нея начинается вертѣться эспланада, и всѣ присутствующіе, и даже большая башня Марчамало.

— Это жара,—сказалъ серьезно ея отецъ.

— Прохладись немного и все пройдетъ,—добавилъ Луисъ.

И онъ предложилъ ей стаканъ золотистой жидкости, такой холодной, что стекло вспотѣло. Марія пила тревожно, съ неистовою жаждой, и желаніемъ возобновить ощущеніе прохлады во рту, такъ сильно пылавшемъ, точно у нея въ желудкѣ былъ огонь. Время отъ времени она протестовала.

— Я непременно опьянѣю, Луисъ. И даже думаю, что и теперь я пьяна.

— Такъ что-жь,—восклипалъ сеньорито.—И я тоже пьянъ, и твой отецъ, и всѣ мы. На то вѣдь и праздникъ! Еще стаканъ. Олѣ, дѣвочка моя, храбрѣй. Бутить такъ бутить!

Среди круга плясали съ деревенской тяжеловѣсностью нѣсколько дѣвушекъ, въ парѣ съ виноградарями, не менѣе мужиковатыми.

— Это ничего не стоитъ,—крикнулъ сеньорито.—Прочь, прочь! Идите-ка сюда, мажиро *Орель*—продолжалъ онъ, обращаясь къ гитаристу.—Салонный танецъ для всѣхъ. Польку, вальсъ, что-нибудь такое. Мы будемъ танцевать, держа другъ друга за талию, какъ сеньоры.

Дѣвушки, отуманенныя виномъ, схватили другъ друга, или упали въ объятія молодыхъ виноградарей. Всѣ принялись кружиться подъ звуки гитары. Приказчикъ и спутники дона-Луиса аккомпанировали

гитарѣ, ударя пустой бутылкой о бутылку, или же палкой о полъ, смѣясь какъ дѣти надъ этимъ своимъ музыкальнымъ искусствомъ.

Марію-де-ла-Лусъ увлечь сеньорито, схвативъ ее за руку, и въ то же время обнявъ за талию. Дѣвушка сопротивлялась, не желая танцевать, кружится, когда голова ея какъ будто качается и все кругомъ нея вертится. Но, наконецъ, она перестала сопротивляться, и пошла съ своимъ танцоромъ.

Луисъ потѣлъ, утомленный неподвижностью дѣвушки. Вотъ такъ тяжесть! Прижимая къ себѣ это безсильное тѣло, онъ чувствовалъ на груди прикосновеніе упругихъ выпуклостей. Марія положила голову свою ему на плечо, точно не желая ничего видѣть изнуренная темнотой. Только разъ подняла она ее, чтобы взглянуть на Луиса, и въ ея глазахъ сверкнула слабая искра сопротивленія и протеста.

— Оставь меня, Рафаэль, это не хорошо.

Дюпонъ разсмѣялся.

— Какой тамъ Рафаэль!... Ахъ какъ мило, и въ какомъ состояніи дѣвочка! Вѣдь мое имя Луисъ!...

Дѣвушка снова уронила ему голову на плечо, точно не понимая словъ сеньорито.

Все болѣе и болѣе чувствовала она себя уничтоженной виномъ и движеніемъ. Съ закрытыми глазами и мыслями, кружащимися, какъ бѣшенное колесо, ей казалось, что она виситъ надъ темной бездной, въ пустомъ пространствѣ, безъ иной опоры, какъ только этихъ мужскихъ рукъ. Если онъ отпустить ее, она станетъ падать, падать, не достигая дна и инстинктивно цѣпляясь она за свою поддержку.

Луисъ былъ не менѣе взволнованъ, чѣмъ его танцовщица. Онъ тяжело дышалъ отъ тяжести дѣвушки и трепеталъ отъ свѣжаго и сладкаго прикосновенія ея тѣла, съ ароматомъ здоровой красоты, который, казалось поднимался сладострастнымъ потокомъ изъ вырѣзки на ея груди. Отъ дыханія ея у него поднималась кожа на шеѣ и проходилъ трепеть по всему его тѣлу... Богда побѣжденный усталостью онъ усадилъ Марію, дѣвушка упала на стулъ, шатаясь, блѣдная, съ закрытыми глазами. Она вздыхала, поднимая руку ко лбу, точно она болѣла у нея.

Между тѣмъ парочки среди круга танцевали съ бѣшеными возгласами, стучаясь, намѣренно сталкиваясь, и съ такой силой, что члѣны не опрокидывали на полъ зрителей, заставляя ихъ удаляться со своими стульями.

Двое парней принялись ругать другъ друга, схвативъ за руку одну и ту же дѣвушку. Въ пьяныхъ ихъ глазахъ сверкнулъ огонь стыда, и они кончили тѣмъ, что бросились въ виноградные давилъ-

ни, чтобы взять оттуда рѣзакъ, короткіе и тяжелые кривые ножи, убивавшіе однимъ взмахомъ.

Сеньорито переступилъ имъ дорогу. Какъ можно убивать другъ друга изъ-за того, чтобы танцевать съ какой-то одной дѣвушкой, когда ихъ столько здѣсь ожидающихъ танцоровъ? Пусть замолчатъ и развлекаются. И онъ заставилъ ихъ дать другъ другу руку и пить виѣстъ изъ одного стакана.

Музыка умогла. Всѣ смотрѣли тревожно въ ту сторону вспланиды, гдѣ были двое посорившіеся.

— Праздникъ пусть продолжается, — приказалъ Дюпонъ словно добродушный тиранъ. — Ничего не случилось здѣсь.

Музыка заиграла снова, парочки пустились опять плясать, и сеньорито вернулся въ кругъ. Стулъ Марикиты оказался пустымъ. Луисъ оглянулся кругомъ, но не увидѣлъ дѣвушки нигдѣ на площадкѣ.

Сеньоръ Ферминъ стоялъ, углубленный въ раздумьи, созерцая руки Пакорра *Орла*, съ восхищеніемъ гитариста. Никто не видѣлъ, какъ удалилась Марія-де-ла-Лусъ.

Дюпонъ вошелъ въ домъ виноградныхъ давленъ, идя на цыпочкахъ, открывая двери съ кашачьями ухватками, самъ не зная почему.

Онъ обыскалъ комнату приказчика. Ему представилось, что дверь въ комнату Марикиты будетъ заперта; но при первомъ же толчкѣ она широко распахнулась. Бровать дѣвушки оказалась пуста и вся комната въ порядкѣ, словно никто не входилъ сюда. Также пусто было и въ кухнѣ. Тихонько прошелъ онъ въ большую комнату, служившую спальней для работниковъ. Ни одной души! Затѣмъ онъ просунулъ голову въ отдѣленіе виноградныхъ давленъ. Разсѣянный свѣтъ неба, проникавшій черезъ окна, бросалъ на полъ слегка прозрачные пятна. Въ этомъ безмолвіи Дюпону послышался точно звукъ дыханія и слабое движеніе кого-то, лежащаго на полу.

Онъ пошелъ впередъ. Ноги его наткнулись на толстую дерюгу, а на ней лежало какое-то тѣло. Вставъ на колѣни, чтобы лучше видѣть, онъ скорѣе ошупью, чѣмъ глазами угадалъ Марію-де-ла-Лусъ, приютившуюся здѣсь. Безъ сомнѣнія ей было неприятно уйти къ себѣ въ комнату въ такомъ позорномъ видѣ.

Отъ прикосновенія рукъ Луиса, казалось, проснулась эта плоть, поверженная въ усыпленіе пьянства. Прелестное тѣло повернулось, глаза заблестѣли, одно мгновеніе, усиливаясь остаться открытымъ и горячіе уста прошептали что-то сеньорито. Ему послышалось.

— Рафаэ... Рафаэ...

Больше она ничего не сказала.

Обиженные руки скрестились на шеѣ Луиса.

Марія-де-ла-Лусъ падала и падала въ черную яму безсознания, и падая цѣплялась съ отчаяніемъ за эту поддержку, сосредоточивая на ней всю свою волю, оставивъ свое тѣло въ безчувственномъ небреженіи.

УШ.

Въ началѣ января забастовка работниковъ распространилась по всѣмъ окрестностямъ Хереса. Полевые поденщики на мызахъ присоединились къ виноградарямъ. Владѣльцы имѣній, въ виду того, что въ зимніе мѣсяцы земледѣльческія работы не очень значительны, терпѣливо переносили этотъ конфликтъ.

— Они сдадутся, — говорили хозяева. — Зима жестокая и голодъ силенъ.

На виноградникахъ уборка лозъ производилась пригазчиками виѣсть съ болѣе преданными хозяину поденщиками, на которыхъ и обрушивалось негодованіе забастовщиковъ, называвшихъ ихъ предателями и угрожавшихъ имъ местию.

Люди богатые, несмотря на свое высокомѣріе, проявляли нѣкоторый страхъ, какъ и всегда. Мадридскія газеты заговорили по ихъ желанію о забастовкѣ въ Хересѣ, разрисовывая ее самыми черными красками, раздувая все дѣло и придавая ему значеніе національнаго бѣдствія.

Власть имущіе укорялись за ихъ беззаботность, по съ такими упреками на неотложность, точно каждый богатый былъ осажденъ въ своемъ домѣ, защищаясь ружейными выстрѣлами противъ жестокой и голодной толпы. Правительство, чтобы положить конецъ жалобамъ этихъ нищенствующихъ у власти, послало, по обыкновенію, вооруженную силу, и въ Хересъ прибыли новые отряды жандармеріи, двѣ роты пѣхоты и конный эскадронъ, соединившійся со стражей у склада сѣмянъ.

Благопристойные люди, какъ ихъ называлъ Луисъ Дюпонъ, улыбаясь съ блаженствомъ при видѣ столькихъ красныхъ панталонъ и уличахъ. Въ ушахъ ихъ раздавалась словно самая лучшая музыка —бряцанье сабель по мостовой, и войдя въ свои казино, душа ихъ радовалась при видѣ сидящихъ вокругъ столовъ офицеровъ въ ихъ военныхъ мундирахъ.

Тѣ, которые нѣсколько недѣль передъ тѣмъ оглушали правительство своими жалобами, точно имъ предстояла участь быть обезгла-

взвешенными этими сборищами работников, оставшихся у себя в селах со скрещенными руками, не осмѣливаясь вступить въ Хересъ,—теперь выказывались надменными и хвастливыми до жестокости. Они смѣялись надъ хмурыми лицами забастовщиковъ, надъ ихъ глазами, въ которыхъ можно было прочесть голодъ и отчаяніе.

Сверхъ того, власти сочли, что насталъ моментъ дѣйствовать устраниеніемъ, и жандармерія арестовывала тѣхъ, кто стоялъ во главѣ рабочихъ союзовъ. Ежедневно отводилось нѣкоторое ихъ число въ тюрьму.

— Уже болѣе сорока человекъ взяты,—говорили люди свѣдущіе на званыхъ вечерахъ.—Когда накопится ихъ сто или двѣсти, все успокоится какъ по мановенію волшебства.

Въ полночь сеньеры, выходя изъ казино, встрѣчали женщинъ, закутанныхъ въ потертыхъ накидкахъ или съ юбками накинутыми на головы, и эти женщины просили милостыню.

— Сеньоръ, намъ нечего ѣсть... Сеньоръ, мы умираемъ отъ голода... У меня трое малютокъ, и мужъ, который тоже изъ бастующихъ, не приноситъ намъ хлѣба въ домъ.

Сеньоры только смѣялись, ускоряя шагъ. Пусть имъ дастъ хлѣба Сальватьерра и другіе ихъ проповѣдники. И они смотрѣли съ почти влюбленнымъ чувствомъ на солдатъ, проходившихъ по улицамъ.

— Будьте вы прокляты, сеньоритосы!—ревѣли несчастныя женщины, доведенныя до отчаянія.—Дай-то Богъ, чтобы когда-нибудь власть перешла бы къ намъ, бѣднымъ.

Ферминъ Монтенегро смотрѣлъ съ грустью на ходъ глухой этой борьбы, которая не могла кончиться иначе, какъ чѣмъ-нибудь ужаснымъ, но онъ смотрѣлъ издали, такъ какъ уже не было въ Хересѣ его учителя Сальватьерры. Молчалъ онъ также и въ конторѣ, когда здѣсь, въ его присутствіи, друзья дона Пабло выражали свои жестокія желанія репрессіи, имѣющей устроить работниковъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вернулся изъ Молагы, его отецъ всякій разъ, что видѣлся съ нимъ, совѣтовалъ ему быть осторожнымъ. Онъ долженъ молчать. Въ концѣ-концовъ, они ѣдятъ хлѣбъ Дюпоновъ, и было бы неблагородно съ ихъ стороны присоединиться къ этимъ отчаявшимся, хотя жалобы ихъ и вполнѣ справедливы; къ тому же, для сеньора Фермина, всѣ человѣческія стремленія вмѣщались въ донъ-Фернандо Сальватьерра, а онъ отсутствовалъ. Его держали въ Мадридѣ подъ бдительнымъ надзоромъ, чтобы не дать ему вернуться въ Андалузію.

Ферминъ подчинялся желаніямъ отца, храня осторожность. Онъ выслушивалъ молча насмѣшки конторскихъ служащихъ, которые,

зная о его дружбѣ съ Сальватьеррой, чтобы польстить хозяину, смѣялись надъ забастовщиками.

Но вскорѣ Монтенегро пересталъ думать о забастовкѣ, такъ какъ у него появились свои собственныя тяжелыя заботы.

Однажды, выйдя изъ конторы, чтобы идти обѣдать въ гостиницу, гдѣ онъ жилъ, онъ встрѣтилъ надсмотрщика Матансуэлы.

Рафаэль, казалось, поджидалъ его, стоя на углу площадки, противъ бodeгъ Дюпона. Ферминъ не видѣлъ его уже давно. Онъ нашелъ его очень измѣнившимся: лицо похудѣло, глаза провалились и подъ ними появились черныя круги. Одежда на немъ была грязная и запыленная, и вообще онъ былъ одѣтъ съ большой небрежностью, точно онъ забылъ о прежнемъ желаніи своемъ считаться однимъ изъ наиболѣе эlegantныхъ и нарядныхъ деревенскихъ всадниковъ.

— Ты нездоровъ, Рафаэль? Что съ тобой?—воскликнулъ Монтенегро.

— Горе,—сказалъ односложно надсмотрщикъ.

— Прошлое воскресенье я не видѣлъ тебя въ Марчамалѣ, и въ предпрошлое тоже. Не поссорился ли ты уже съ моей сестрой?

— Мнѣ надо поговорить съ тобой, но очень-очень продолжительно,—сказалъ Рафаэль.

На площади этого нельзя сдѣлать, въ гостиницѣ тоже, потому что то, что надсмотрщикъ имѣетъ сообщить, должно оставаться въ тайнѣ.

— Хорошо,—согласился Ферминъ, угадывая, что дѣло идетъ о любовномъ горѣ.—Но такъ какъ я долженъ обѣдать, пойдемъ въ гостиницу Моншаньесъ, и тамъ ты можешь излить мнѣ всѣ эти маленькія горести, мучающія тебя, пока я буду ѣсть.

Въ гостиницѣ Монтаньесъ, проходя мимо самой большой изъ комнатъ, они услышали звонъ гитары, хлопанье въ ладоши и крики женщинъ.

— Это сеньорито Дюпонъ,—сказалъ имъ лакей,—пируетъ здѣсь съ друзьями и красавицей, привезенной имъ изъ Севильи. Теперь у нихъ начался кутежъ и продлится онъ до утра.

Двое друзей выбрали себѣ какъ можно больше комнату, чтобы шепотъ пиршества не помѣшалъ ихъ разговору.

Монтенегро заказалъ себѣ обѣду, и чelовѣкъ накрылъ на столъ въ этой маленькой комнаткѣ. Вскорѣ затѣмъ онъ вернулся, неся бокалъ и подносъ, уставленный бутылками. Это была любезность, оказанная имъ дономъ-Луисомъ.

— Сеньоритъ,—сказалъ чelовѣкъ,—узнавъ, что вы здѣсь, пожелать вамъ все это. Вы можете выбирать, что вамъ понравится, и не заплачено.

Ферминъ поручилъ ему передать дону-Луису, что онъ зайдетъ къ нему, лишь только кончитъ обѣдать, и заперевъ на ключъ дверь комнатки, они остались наединѣ съ Рафаэлемъ.

— Слушай, другъ,—сказалъ Ферминъ, указывая на блюда,—возьми себѣ что-нибудь.

— Не хочу ѣсть,—отвѣтилъ Рафаэль.

— Не хочешь ѣсть? Ты, какъ всѣ влюбленные, живешь, что ли воздухомъ? Но ты выпьешь?

Рафаэль, не говоря ни слова, сталъ нектово пить вино ставанъ за ставаномъ.

— Ферминъ,—сказалъ онъ немного спустя, глядя на друга краснѣвшими глазами.—Я сошелъ съ ума... окончально сошелъ съ ума.

— Я это вижу,—отвѣтилъ Монтенегро флегматично, не переставая ѣсть.

— Ферминъ,—точно какой-то демонъ нашептываетъ мнѣ въ уши самыя ужасныя вещи. Еслибъ твой отецъ не былъ бы моимъ крестнымъ и еслибъ ты не былъ бы ты, давно уже я убилъ бы твою сестру, Марію де-ла-Лусъ. Бянусь тебѣ этимъ вотъ лучшимъ моимъ спутникомъ, единственнымъ наслѣдствомъ моего отца.

И вынувъ шумно изъ его ножонъ старинный нѣсколько заржавленный ножъ, онъ поцѣловалъ его блестящее лезвіе.

— Ты говоришь что-то не то,—заявился Монтенегро, устремивъ пристальный взглядъ на друга.

Онъ уронилъ вилку и зеленое облачко омрачило ему лобъ. Но тотчасъ же затѣмъ лицо его прояснилось.

— Ба,—добавилъ онъ,—ты дѣйствительно сошелъ съ ума, и больше чѣмъ слѣдуетъ.

Рафаэль заплакалъ, слезы текли у него по щекамъ, падая въ вино.

— Это правда, Ферминъ, я сошелъ съ ума. Угрожаю, а самъ готовъ расплакаться—чисто баба. Посмотри каковъ я, подпасокъ, и тотъ бы справился со мною, чтобы я убилъ Марикиту? Хорошо было бы, еслибъ у меня хватило жестокости на это. Потому ты бы убилъ меня, и всѣ мы отдохнули бы.

— Но, говори же!—воскликнулъ Ферминъ съ нетерпѣніемъ.—Что это все означаетъ? Расскажи и брось плакать, а то ты напоминаешь ханжу въ процессіи выноса плащаницы. Что у тебя такое съ Марикитой?

— Она не любитъ меня!—крикнулъ надсмотрщикъ съ тономъ отчаянія.—Она меня не хочетъ знать. Мы съ ней порвали и больше не видимся.

Монтенегро улыбнулся.

— И это все? Ссора влюбленныхъ, капризъ молодой дѣвушки... Это пройдетъ. Онъ это знаетъ по опыту.

Ферминъ говорилъ съ скептицизмомъ практическаго юноши, на *англійскій манеръ*, по его выраженію, такъ какъ онъ былъ врагомъ идеалистической любви, дивившейся годами и бывшей одной изъ мѣстныхъ традицій. Для себя онъ не признаетъ ничего такого и ограничивается тѣмъ, что просто беретъ, что можетъ, время отъ времени, для удовлетворенія своихъ желаній.

— Это бываетъ пользительно, — продолжалъ онъ, — но утонченныхъ отношеній, со вздохами, терзаніями и ревностью! Этого мнѣ не требуется. Время нужно мнѣ для другихъ вещей.

И Ферминъ старался насмѣшливымъ тономъ своимъ утѣшить друга. Плохая полоса эта пройдетъ. Все лишь капризы женщинъ, дѣлающихъ видъ, что онѣ негодуютъ и сердятся, чтобы ихъ больше полюбили. Когда онъ менѣе всего будетъ ждать этого, онъ увидитъ, что Марія де-ла-Лусъ вернется къ нему, говоря: все была лишь шуткой, для испытанія его чувства, и она сильнѣе прежняго любитъ его.

Но юноша отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ, она не любитъ меня. Все кончено, и я умру.

Онъ рассказалъ Монтенегро какъ порвались ихъ отношенія. Однажды ночью она позвала его, чтобы поговорить съ нимъ у рѣшетчатаго окна, и сообщила ему, такимъ голосомъ и съ такимъ выраженіемъ, отъ воспоминанія которыхъ еще теперь бросало въ дрожь бѣднаго юношу, что между ними все кончено. Инсусе Христе, вотъ такъ извѣстіе, чтобы получить его сразу, не будучи подготовленнымъ къ нему.

Рафаэль ухватился за рѣшетку, чтобы не упасть. Затѣмъ онъ прибѣгъ ко всему: къ мольбамъ, угрозамъ, слезамъ; но она оставалась непреклонной, и съ улыбкой, отъ которой бросало въ холодъ, отказывалась продолжать съ нимъ прежнія ихъ отношенія. Ахъ, женщины!...

— Да, сынъ мой, — сказалъ Ферминъ, — легкомысленная порода!... Хотя рѣчь идетъ о моей сестрѣ, не дѣлаю исключенія для нея.

— Но какую же причину привела тебѣ Марикита?...

— Что она уже не любитъ меня, что сразу погасла прежняя ея любовь, что у нея не осталось ни крошки привязанности и она не имеетъ дѣлать, притворяясь влюбленной. Какъ будто любовь можетъ погаснуть сразу, какъ гаснетъ огонь свѣчи!

Рафаэль вспомнилъ финалъ послѣдняго своего разговора съ ней. Умившись умолять и плакать, держался за рѣшетку и стоялъ на

колѣняхъ, какъ ребенокъ, отчаяніе заставило его разразиться угрозами. Пусть проститъ ему Ферминъ, но въ ту минуту онъ чувствовалъ себя способнымъ совершить преступленіе. Дѣвушка, утомившись слушать его мольбы, испуганная его проклятьями, кончила тѣмъ, что разомъ захлопнула окно. И такъ обстоитъ дѣло до сихъ поръ.

Два раза побывалъ онъ въ Марчамало днемъ подъ предлогомъ повидать сеньора Фермина, но Марія де-ла-Лусъ пряталась, едва слышала галопъ его лошади на большой дорогѣ.

Монтенегро слушалъ его задумчиво.

— Нѣтъ ли у нея другого жениха? — сказалъ онъ. — Можетъ быть она влюбилась въ кого-нибудь?

— Нѣтъ, нѣтъ, — поспѣшилъ возразить Рафаэль, — словно эта увѣренность служила ему утѣшеніемъ. — То же самое подумалъ и я въ первую минуту и уже видѣлъ себя сидящимъ въ тюрьмѣ въ Хересѣ и вызваннымъ въ судъ. Всякаго, кто бы отнялъ у меня мою Марикиту де-ла-Лу — я убью. Но, ахъ, никто не отнимаетъ ее у меня, она сама отошла... Я проводилъ дни, издали наблюдая за башней Марчамало. Сколько стакановъ вина выпилъ я въ постояломъ дворикѣ на большой дорогѣ и это вино обращалось въ ядъ, когда я видѣлъ кого-нибудь поднимающагося или спускающагося съ холма виноградника... Я проводилъ ночи, лежа между виноградными лозами, съ ружьемъ наготовѣ, рѣшивъ всадить нѣсколько пуль въ животъ первому, кто подошелъ бы къ рѣшетчатому окну Марикиты... Но я никого не видѣлъ, кромѣ дворнягъ. И за все это время я забросилъ свои обязанности на мызѣ въ Матансуэлъ, хотя, что мнѣ тамъ дѣлать при забастовкѣ. Меня никогда тамъ нѣтъ; обо всемъ заботится бѣдный Сарандилья. Еслибъ хозяинъ узналъ бы объ этомъ, онъ тотчасъ же отказалъ бы мнѣ. Глаза и уши у меня только лишь на то, чтобы слѣдить за твоей сестрой, и я знаю, что и жениха у нея нѣтъ, и никого она не любитъ. Мнѣ все еще мерещится, будто она неравнодушна ко мнѣ, видишь какой я безумецъ!... Но проклятая избѣгаетъ видѣться со мной и говорить, что не любитъ меня.

— Но можетъ ты въ чемъ-нибудь провинился передъ нею, Рафаэль? Можетъ быть она разсердилась на тебя за какой-нибудь т ой легкомысленный поступокъ?

— Нѣтъ, этого тоже нѣтъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я полюбилъ твою сестру, я не смотрю ни на одну дѣвушку. Всѣ кажутся мнѣ некрасивыми, и Марикилья это знаетъ. Въ послѣднюю ночь, когда я говорилъ съ ней и умолялъ ее простить меня, самъ не зная за что, и спрашивалъ ее, не оскорбилъ ли я ее чѣмъ-нибудь, бѣдняжка и а-

кала словно кающаяся Магдалина. Ей хорошо извѣстно, что я ни въ чемъ не виновать передъ ней. Сама она говорила: «Бѣдный Рафаэль! Ты хорошій! Забудь меня, со мной ты былъ бы несчастливъ». И она захлопнула окно передо мной.

Юноша стоналъ, говоря это, въ то время, какъ его другъ задумался.

— Ничего не понимаю. Марикилья порываетъ съ тобой и не имѣетъ другого жениха. Она чувствуетъ къ тебѣ состраданіе, говоритъ, что ты добрый... Разгадай, кто можетъ эти героглифы!

Послѣ долгаго молчанія надсмотрщикъ вдругъ сказалъ.

— Ферминъ, одинъ ты можешь устроить все дѣло.

Для этого-то онъ и ждалъ его у выхода изъ конторы. Ему извѣстно, какое онъ имѣетъ большое вліяніе на сестру. Марія де-ла-Лусъ уважала его сильнѣе, чѣмъ отца, и восхищалась его знаніями.

— Если ты ей скажешь, что сдѣлала, она сдѣлаетъ. Постарайся смягчить это каменное сердце.

— Хорошо, я готовъ сдѣлать все, что могу. Повидаю Марикиту, поговорю съ ней о тебѣ. Доволенъ ты? Рафаэль, вытирая слезы и улыбаясь, спросилъ, когда онъ думаетъ идти къ Марикитѣ.

— Завтра. Сегодня вечеромъ мнѣ въ конторѣ еще надо привести въ порядокъ счеты.

— Нѣтъ, Ферминъ, умоляю тебя спасеніемъ души твоей. Поѣзжай сейчасъ.

И Рафаэль такъ усиленно сталъ молить его, что Монтенегро уступилъ. Раннимъ вечеромъ Ферминъ отправился въ Марчамало, сидя верхомъ на крупѣ лошади Рафаэля, которую тотъ бѣшено прищипывалъ. Оба они спѣшили на постояломъ дворикѣ по большой дорогѣ, вблизи виноградника.

— Я подожду тебя здѣсь, — сказалъ надсмотрщикъ. Но Ферминъ объявилъ, что онъ переночуетъ на виноградникѣ, и пусть Рафаэль пріѣзжаетъ за нимъ на другой день утромъ.

Когда сеньоръ Ферминъ увидѣлъ, что идетъ его сынъ, онъ нѣсколько тревожно спросилъ его, не случилось ли что въ Хересѣ.

— Ничего, отецъ.

Пріѣхавъ онъ переночевать сюда, такъ какъ его отпустили изъ конторы, гдѣ у него въ этотъ вечеръ не было работы. Радуюсь пощению сына, старикъ все же не могъ отдѣлаться отъ безпокойства, сказаннаго имъ, когда онъ увидѣлъ сына.

— Я подумалъ, увидавъ тебя, что въ Хересѣ дѣла плохи; но и ничего еще тамъ не случилось, то скоро случится. Сидя здѣсь,

мнѣ все извѣстно; я имѣю друзей на другихъ виноградникахъ, которые сообщаютъ мнѣ о намѣреніяхъ забастовщиковъ.

И приказчикъ разсказалъ сыну о большомъ митингѣ работниковъ, который долженъ состояться на слѣдующій день на равнинѣ Каулина. Никто не знаетъ, кто давалъ приказаніе, но изъ устъ въ уста распространился призывъ по горамъ и селамъ, и многія тысячи человѣкъ соберутся вмѣстѣ, даже работники изъ окрестностей Малаги, — всѣ тѣ, которые занимались поденщиной въ округѣ Хереса.

— Настоящая революція, сынъ мой! Всѣмъ руководить молодой человѣкъ, пріѣзжій изъ Мадрида, котораго прозвали *Мадриленю*. Онъ проповѣдуетъ о убійствѣ богатыхъ и распредѣленіи между бѣдными всѣхъ сокровищъ Хереса. Народъ точно обезумѣлъ: всѣ увѣрены, что завтра они побѣдятъ и что нуждѣ наступитъ конецъ. *Мадриленю* прикрывается именемъ Сальватьерра и будто бы дѣйствуетъ по его приказанію; и многіе утверждаютъ, точно сами видѣли его, что донъ-Фернандо скрывается въ Хересѣ и явится, лишь только начнется революція. Что ты скажешь на это?

Ферминъ съ недоувѣрчивостью покачалъ головой. Нѣсколько дней тому назадъ Сальватьерра писалъ ему, но не выражалъ намѣренія вернуться въ Хересъ. Ферминъ сомнѣвается въ его пріѣздѣ туда. Притомъ, онъ считаетъ неправдоподобнымъ это намѣреніе возстанія. Надо думать, что это лишь одно изъ многихъ ложныхъ тревогъ, выпускаемыхъ доведенныхъ до отчаянія голодныхъ. Было бы безуміемъ попытаться овладѣть городомъ въ то время, какъ тамъ войско.

— Вы увидите, отецъ, что если и состоится собраніе въ Каулинѣ, то все ограничится лишь криками и угрозами, какъ во время собраній въ деревняхъ. А относительно донъ-Фернандо не беспокойтесь. Я убѣжденъ, что онъ въ Мадридѣ. Онъ не такой сумасшедшій, чтобы вмѣшаться въ нелѣпость, подобную этой.

— И я думаю такъ же, сынъ мой; но во всякомъ случаѣ завтра постарайся держаться дальше отъ этихъ безумцевъ, если они дѣйствительно вступятъ въ городъ.

Ферминъ смотрѣлъ во всѣ стороны, ища глазами свою сестру. Наконецъ, показалаcя Марія де-ла-Лусъ, она улыбалась Фермину и осыпала его возгласами радостнаго удивленія. Юноша внимательно взглянулъ на нее. Ничего! Еслибъ не разговоръ съ Рафаэлемъ, онъ не могъ бы на лицѣ ея уловить признаки горя.

Прошло болѣе часа, и Ферминъ все еще не могъ говорить наединѣ съ сестрой. По пристальнымъ взорамъ, устремленнымъ на него братомъ, дѣвушка, казалось, угадывала нѣчто изъ мыслей. Она тѣлѣднѣла, то краснѣла.

Сеньоръ Ферминъ спустился внизъ съ холма виноградника, идя навстрѣчу погонщикамъ, проѣзжавшимъ по большой дорогѣ. Это были друзья и ему хотѣлось узнать отъ нихъ кой-что о предполагавшемся завтрашнемъ собраніи.

Оставшись одни, братъ и сестра обмѣнялись взглядами среди тягостнаго молчанія.

— Мнѣ надо поговорить съ тобой, Марикита, — сказалъ, наконецъ, юноша съ тономъ рѣшимости.

— Говори, Ферминъ, — отвѣтила она спокойнo. — Увидавъ тебя, я поняла, что ты пріѣхалъ съ какой-нибудь цѣлью.

— Нѣтъ, я не буду говорить здѣсь. Отецъ можетъ вернуться, а то, о чемъ намъ съ тобой нужно переговорить, требуетъ времени и спокойствія. Пойдемъ прогуляемся.

И они направились внизъ съ холма, по спуску, противоположному большой дорогѣ, сзади башни. Марія де-ла-Лусъ нѣсколько разъ хотѣла остановиться, не желая идти такъ далеко. Ей хотѣлось поскорѣй выйти изъ тревожной неизвѣстности. Но братъ не соглашался начать разговоръ, пока они не покинутъ виноградника Дюпона, гдѣ отецъ ежеминутно можетъ встрѣтиться съ ними.

Наконецъ они остановились вблизи ряда кустарниковъ, у большого отверстія въ стѣнѣ, откуда виднѣлся оливковый садъ, сквозь листья котораго прорывались лучи заходящаго солнца.

Ферминъ усадилъ сестру на холмикъ, самъ же, стоя передъ ней, сказалъ съ ласковой улыбкой, чтобы побудить въ ней довѣрчивость къ нему:

— Ну, маленькая сумасбродка, скажи мнѣ, почему ты порвала съ Рафаэлемъ и прогнала его отъ себя, какъ собаку, нанеся ему такое горе, что, повидимому, бѣдняга умретъ отъ него.

Марія де-ла-Лусъ, казалось, желала обратить въ шутку все дѣло, но ея лицо покрылось блѣдностью и улыбка смахивала на горестную гримасу.

— Потому, что я его не люблю, потому что онъ мнѣ надоѣлъ, вотъ почему. Онъ дуракъ, наскучившій мнѣ. Не вольна я развѣ любить человѣка, который мнѣ нравится?...

Ферминъ заговорилъ съ ней, какъ съ мятежной дѣвчонкой. Она не умѣетъ скрыть, что любитъ Рафаэля. Во всемъ этомъ есть нѣчто, что ему необходимо знать для блага ихъ обоихъ, чтобы сноваладить дѣло между ними. Она не злой человѣкъ и не можетъ такъ жестоко обойтись со своимъ женихомъ. Какъ, такимъ образомъ топтать любовь, начавшуюся чуть ли не съ дѣтства? Какъ, такимъ разомъ, гоняютъ отъ себя человѣка, продержавъ его долгій рядъ

годовъ, какъ говорится, пришитымъ къ своей юбкѣ. Что-то есть необъяснимое въ ея поведеніи, и необходимо, чтобы она во всемъ открылась бы ему.

Но дѣвушка не поддавалась на ласкающій и убѣждающій тонъ брата.

— Ничего такого нѣтъ, — отвѣтила она энергично, выпрямившись, какъ бы желая встать. — Все это твои выдумки. Другого ничего нѣтъ, кромѣ того, что всякое ухаживаніе мнѣ надоѣло, я вообще не желаю выходить замужъ и рѣшила провести свою жизнь съ отцомъ и съ тобой.

И такъ какъ дѣвушка, чтобы скрыть свое смущеніе, возвысила голосъ, повторяя, что она вольна надъ своими чувствами и можетъ поступать, какъ ей заблагоразсудится, Ферминъ сталъ раздражаться.

— Ахъ ты, обманщица, съ жесткой душой и каменнымъ сердцемъ! Думаешь ли ты, что можно такъ бросать человѣка, когда такъ взбредетъ на умъ, послѣ того, какъ въ теченіе долгихъ годовъ вели съ нимъ любовные разговоры у рѣшетчатаго окна, довели его до безумія медовыми рѣчами, и утверждала, что любишь его больше, чѣмъ жизнь? За меньшее, чѣмъ это, убивали дѣвушекъ ударомъ кинжала... Кричи: повторяй, что ты сдѣлаешь то, что тебѣ вздумается; мои мысли обращены лишь къ тому несчастному, сердце котораго, когда ты болтаешь, словно безразсудная, исходить кровью и онъ плачетъ какъ ребенокъ, несмотря на то, что онъ самый храбрый мужчина изъ всѣхъ мужчинъ въ Хересѣ. И все изъ-за тебя... изъ-за тебя, которая ведешь себя хуже цыганки, изъ-за тебя, флюгеръ!...

Возбужденный порывомъ гнѣва, онъ говорилъ о горе Рафаэля, о слезахъ его, когда онъ молилъ Фермина о помощи, о терзаніяхъ, съ которыми онъ ждетъ исхода его посредничества. Но ему пришлось прервать свою рѣчь.

Марія де-ла Лусъ, внезапно переходя отъ сопротивленія къ унынію, разразилась слезами и стонами, все увеличивающимися по мѣрѣ того, какъ Ферминъ подвигался въ разговорѣ о любовномъ отчаяніи ея жениха.

— Ахъ, бѣдняжка! — стонала дѣвушка, забывъ о всякомъ притворствѣ. — Ахъ, Рафаэль души моей!...

Голосъ брата смягчился.

— Ты любишь его, видишь ли, что ты его любишь? Ты сама выдала себя, зачѣмъ заставляешь ты его страдать? Зачѣмъ это упрямство, доводящее его до отчаянія и тебя до слезъ?

Дѣвушка молчала, она крѣпко сжимала губы, боясь сказать лишнее и только плакала.

— Говори!—крикнулъ повелительно Ферминъ. — Ты любишь Рафаэля, быть можетъ, даже больше, чѣмъ прежде. Отчего ты разсталась, отчего порвала съ нимъ? Говори, или, мнѣ кажется, я убью тебя!

И онъ грубо встряхнулъ Марію де-ла-Лусъ, которая, словно она была не въ состояніи вынести тяжесть своего волненія, упала на холмикъ, спрятавъ лицо въ свои руки.

Солнце садилось. Послѣдніе его лучи, ложась по землѣ, обливали оранжевымъ сіяніемъ стволы оливковыхъ деревьевъ, верескъ, росшій кругомъ, и изгибы тѣла дѣвушки, лежащей на землѣ.

— Говори, Марикита!—загремѣлъ голосъ Фермина. — Скажи, почему ты это дѣлаешь? Бога ради, скажи! Не то я сойду съ ума! Скажи твоему брату, твоему Фермину!

Голосъ дѣвушки раздался слабый, словно далекій, стыдливый.

— Я не люблю его, потому что слишкомъ сильно люблю его... Я не могу его любить, потому что слишкомъ его люблю, чтобы сдѣлать его несчастнымъ.

И Марикита приподнялась, пристально устремивъ на Фермина глаза, наполненные слезами.

Онъ можетъ и убить, но она не вернется къ Рафаэлю. Она влялась, что если будетъ считать себя недостойной его, то броситъ его, хотя бы погубила этимъ душу свою. Было бы преступленіемъ наградить эту отомъ сильную любовь, внеся въ будущую ихъ совмѣстную жизнь нѣчто, что могло бы оскорбить Рафаэля, такого добраго, благороднаго и любящаго.

Водворилось продолжительное молчаніе.

Солнце зашло. Теперь черная листва оливковыхъ деревьевъ вырисовывала на фіолетовомъ небѣ, съ легкой золотой бахромой на краю горизонта.

Ферминъ молчалъ, точно сраженный тѣмъ, что онъ предчувствовалъ.

— Значитъ, — сказалъ онъ съ торжественнымъ спокойствіемъ, — ты считаешь себя недостойной Рафаэля? Ты избѣгаешь его, тому что въ твоей жизни есть нѣчто, могущее оскорбить его, влать его несчастнымъ?

— Да, — отвѣтила она, не опуская глаза.

— Что же это такое? Говори: я думаю, что брату это должно быть извѣстно.

Марія де-ла-Лусъ снова спрятала голову свою въ рукахъ. Нѣтъ,

она ничего не скажетъ. Мука эта превосходить ея силы. И она опять расплавалась.

Монтенегро заговорилъ мягко, нѣжно, напоминая дѣвушкѣ тѣсную дружбу, соединявшую ихъ.

Они не знали своей матери, и Ферминъ заступилъ ея мѣсто для малютки. Сколько разъ сидѣлъ онъ у ея колыбели, сколько разъ отдавалъ ей свой кусокъ хлѣба, когда она была голодна, ухаживалъ за ней во время ея болѣзней, и она никогда не имѣла тайнъ для него. А теперь? Ты дурная сестра... Какъ плохо я тебя зналъ!

— Ферминъ, я бы хотѣла быть нѣмой, чтобы ты не страдалъ, потому что я знаю, что правда истерзаетъ тебя.

И она принялась рассказывать случившееся съ ней безстрастнымъ голосомъ, точно рассказывала о несчастіи другой женщины. Ея слова вызвали быстро мѣняющіся представленіе въ умѣ ея брата. Ферминъ видѣлъ общее пьянство въ послѣднюю ночь послѣ сбора винограда, видѣлъ пьяную дѣвушку, упавшую, словно недвижимое тѣло въ углу виноградныхъ давленъ, и затѣмъ появленіе сеньорито, чтобы воспользоваться ея безчувственнымъ состояніемъ.

— Вино! Проклятое вино!—говорила Марія де-ла-Лусъ съ гнѣвнымъ выраженіемъ лица.

— Да, вино,—повторялъ Ферминъ.

И онъ вспомнилъ Сальватьерру, проклинавшаго вино и его тлетворное вліяніе.

Затѣмъ, слушая сестру, онъ видѣлъ ея полное ужаса пробужденіе, когда исчезъ печальный обманъ опьянѣнія, то негодованіе, съ которымъ она оттолкнула отъ себя человѣка, котораго не любила и еще болѣе ненавистнаго ей вслѣдствіе легкой его побѣды.

Все было кончено для Маріи де-ла-Лусъ. Она уже не можетъ принадлежать любимому человѣку. Она должна притворяться жестокой, разлюбившей его, должна заставить его страдать, вѣрить въ ея непостоянство, но не говорить ему правды.

Она была вся во власти предубѣжденія женщинъ, которыя смѣшиваютъ любовь съ физической дѣвственностью. По мнѣнію ихъ женщина можетъ тогда лишь выйти замужъ, когда сумѣла сберечь свое цѣломудріе. Если она его потеряла даже противъ своей воли, по какой-нибудь печальной случайности, все же приходилось склонить голову, проститься съ счастьемъ и пройти жизненный путь свой въ одиночествѣ и скорби, въ то время какъ несчастный женихъ удалялся съ своей стороны, отыскивая новую урну любви, нетронутую и неприкосновенную.

Ферминъ слушалъ молча, съ опущенной головой и закрытыми

глазами. Онъ казался точно трупъ. Первое его движеніе было ударить сестру, но это былъ лишь краткій проблескъ аравистической жестокости. Какое право имѣеть онъ карать сестру, она лишь жертва, а главный виновникъ—вино, этотъ золотистый ядъ, дьяволъ янтарнаго цвѣта, распространявшій съ своимъ ароматомъ безуміе и преступленіе.

Ферминъ долгое время оставался безмолвнымъ.

— Обо всемъ случившемся,—сказалъ онъ наконецъ,—ни слова отцу. Бѣдный старикъ умеръ бы.

Марикита утвердительно кивнула головой.

— Если встрѣтишься съ Рафаэлемъ,—продолжалъ онъ,—и ему тоже ни слова. Я его знаю: бѣдному юношѣ пришлось бы идти по твоей винѣ на каторгу.

Предупрежденіе было излишне. Чтобы избѣжать этой мести Рафаэля, она солгала, притворившись, что разлюбила его.

Ферминъ продолжалъ говорить мрачнымъ тономъ, но повелительно, не допуская возраженія. Она выйдетъ замужъ за Луиса Дюпона. Ненавидитъ его? Убѣжала отъ него съ чувствомъ глубочайшаго отвращенія послѣ той ужасной ночи?... Но это единственное рѣшеніе вопроса. Съ ихъ семейной честью ни одинъ сеньорито не можетъ играть безнаказанно. Если она его не любитъ, то ей по обязанности придется терпѣть его. Самъ Луисъ явится къ ней и попроситъ ея руки.

— Я его ненавижу, презираю!—говоритъ Марикита.—Пусть онъ не приходитъ! Не хочу видѣть его!...

Но всѣ ея протесты разбились о твердое рѣшеніе ея брата. Она вольна въ своихъ чувствахъ, но честь семьи выше ихъ. Остаться дѣвушкой, скрывъ свое безчестіе, съ грустнымъ утѣшеніемъ, что она не обманула Рафаэля, ее это могло бы удовлетворить. Но его, ея брата? Какъ былъ бы онъ въ состояніи жить, встрѣчаясь ежедневно съ Луисомъ Дюпонъ, не потребовавъ отъ него удовлетворенія за оскорбленіе, нанесенное имъ, мучимый мыслью, что сеньорито съѣется про себя надъ нимъ, встрѣчаясь съ нимъ?...

— Молчи, Марикита,—сказалъ онъ рѣзко.—Молчи и будь по-сы лива. Если ты, какъ женщина, не сумѣла уберечь себя, то не мѣшай брату защитить честь семьи.

Становилось темно и Ферминъ съ сестрой вернулись на мызу. Эту ночь они оба провели безъ сна.

Незадолго до разсвѣта Ферминъ покинулъ Марчамало, направившись въ Хересь. Выйдя на большую дорогу, онъ встрѣтилъ близъ оялаго дворика Рафаэля верхомъ, поджидавшаго его.

— Если ты такъ рано вышелъ, вѣрно имѣешь что-нибудь хорошее сказать мнѣ, — воскликнулъ юноша съ дѣтскимъ довѣріемъ, чуть не вызвавшимъ слезы на глазахъ Фермина. — Говори скорѣй, Ферминильо, какой результатъ твоего посольства?...

Монтенегро долженъ былъ сдѣлать громадное усиліе надъ собой, чтобы солгать. Дѣло двигается понемногу и обстоитъ недурно. Рафаэль можетъ быть спокоенъ: женскій капризъ, не имѣющій надъ собой ни малѣйшаго основанія. Самое важное то, что Марикита любить его попрежнему. Въ этомъ онъ можетъ быть увѣренъ.

Рафаэль сіялъ отъ счастья.

— Садись Ферминильо, я доведу тебя въ Хересь во мгновеніе ока.

И они помчались по дорогѣ галопомъ, разставшись лишь въ предмѣстьѣ Хереса. Рафаэлю нужно было ѣхать въ Матансуэлу, такъ какъ онъ имѣлъ свѣдѣнія о томъ, что готовилось вечеромъ въ равнинѣ Каулина. Онъ долженъ соблюдать интересъ своего хозяина, дона-Луиса.

Фермину эти слова юноши доставили лишь новыя муки. Если бы онъ только зналъ весь тотъ день. Монтенегро провелъ въ конторѣ, работая механически, съ мыслями, уходившими далеко, далеко. Онъ поднималъ иногда голову съ своихъ счетовъ и устремлялъ неподвижный взглядъ на Пабло Дюпона. Принципалъ разговаривалъ съ дономъ-Рамономъ и другими сеньорами, богатыми землевладѣльцами, приходившихъ съ сумрачными лицами, однако, прояснявшимися, когда они выслушивали сообщенія миллионера, послѣ чего всѣ дружно смѣялись.

Монтенегро не обращалъ на нихъ вниманія, должно быть они говорили о собраніи въ Каулинѣ.

Не разъ, лишь Дюпонъ оставался одинъ въ своемъ кабинетѣ, Ферминъ чувствовалъ искушеніе войти туда, но онъ сдерживался. Нѣтъ, не здѣсь. Онъ долженъ говорить съ нимъ наединѣ. Взбалмошный характеръ былъ ему хорошо извѣстенъ. Онъ, отъ удивленія, разразится крикомъ и всѣ служащіе въ конторѣ услышатъ его.

Поздно вечеромъ Ферминъ направился къ роскошному дому вдовы Дюпонъ. На мгновеніе остановился онъ во дворѣ съ бѣлыми аркадами, среди елмубъ платанъ и пальмъ. Въ одной изъ галлерей слышалось журчаніе воды. Это былъ фонтанъ съ притязаніями на монументъ, украшенный статуей Пресвятой Дѣвы Лурдской изъ бѣлаго мрамора.

Лишь только было доложено о Ферминѣ, его тотчасъ же провели въ кабинетъ сеньора, который какъ разъ стоялъ у телефона съ трубкой въ рукахъ.

— Что такое? Имѣешь сообщить что-нибудь? Тебѣ известно что-либо о собраніи въ Баулинѣ? Мнѣ только что передавали, что отовсюду въ городъ идутъ толпы крестьянъ. Ихъ около трехъ тысячъ.

Монтенегро сдѣлалъ жестъ безразличія. Онъ ничего не знаетъ о собраніи и пришелъ по другому дѣлу.

— Я радъ что ты такъ относишься, — сказалъ донъ-Пабло, садясь за письменный столъ. — Ты всегда былъ немного *зеленый*, и я очень доволенъ, что ты не вмѣшиваешься въ эти дѣла. Говорю тебѣ это потому, что расположенъ къ тебѣ, и потому что господамъ забастовщикамъ придется плохо... очень плохо. Но говори, Ферминильо, какое дѣло у тебя ко мнѣ?

Дюпонъ сидѣлъ, устремивъ взглядъ на своего служащаго, который съ нѣкоторою робостью началъ объясненіе свое. Ему известно доброе чувство донъ-Пабло и всей его семьи къ семьѣ бѣднаго приказчика въ Марчамалю. Кромѣ того Ферминъ высоко ставитъ характеръ своего принцепала, его религіозность, неспособную мириться съ порокомъ и несправедливостью. И потому, въ трудную минуту для его семьи, онъ обращается къ дону-Пабло за совѣтомъ, за нравственной поддержкой.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ съ нетерпѣніемъ донъ-Пабло. — Говори скорѣй и не трать даромъ время. Не забывай, что сегодня необычайный день. Съ минуты на минуту меня опять вызовутъ къ телефону.

Ферминъ стоялъ съ опущенной головой, съ такимъ горестнымъ выраженіемъ лица, какъ будто слова сжимали ему языкъ. Наконецъ, онъ началъ разсказъ о случившемся въ Марчамалѣ въ послѣднюю ночь винограднаго сбора.

Вспыльчивый, гнѣвный и властный характеръ Дюпона сказался въ громкихъ крикахъ. Его эгоизмъ побудилъ его прежде всего подумать о себѣ, о безчестіи, нанесенномъ его дому.

— Такия мерзости у меня въ Марчамалѣ! — воскликнулъ онъ, вскакивая со стула. — Башня Дюпоновъ, мой домъ, куда я часто ввожу свою семью, превращенъ въ вертепъ порока! Демонъ исказивости творилъ подвиги свои въ двухъ шагахъ отъ часовни, отъ ама Божьяго, гдѣ ученые священнослужители церкви провозглашали свои высокія и прекрасныя проповѣди.

И негодование душило его.

— Пожабѣй меня, Ферминъ, — кричалъ донъ-Пабло. — Я богатъ, въ моя святая жена, истинная христіанка, дѣти послушныя. Но і тяжкій престъ, это — дочери маркиза и этотъ Луисъ, двоюродный братъ, безчестіе всей семьи!

Дюпонъ упалъ на стулъ свой, въ изнеможеніи закрылъ лицо руками. Но взглянувъ на стоявшаго передъ нимъ Фермина, онъ его спросилъ:

— Какъ ты думаешь, чѣмъ же я могу помочь тебѣ во всемъ этомъ?

Монтенегро стряхнулъ свою робость, чтобы отвѣтить принципалу. Онъ пришелъ просить у него совѣта, болѣе того—поддержки для исправленія зла, и это онъ, какъ христіанинъ и кабальеро, какъ онъ всегда отзывался о себѣ,—навѣрное и не преминетъ сдѣлать.

— Вы глава вашей семьи и поэтому я и обратился къ вамъ. У васъ есть средство оказать намъ добро и вернуть честь моей семьѣ.

— Глава... глава...—иронически повторилъ донъ-Пабло. И онъ замолкъ, точно отыскивая въ умѣ рѣшеніе вопроса. Затѣмъ заговорилъ о Маріи де-ла-Лусъ. Она тяжело согрѣшила и ей есть въ чемъ раскаиваться.

— Я думаю—добавилъ онъ,—что лучше всего твоей сестрѣ пойти въ монастырь. Не дѣлай отрицательнаго жеста. Я поговорю съ моей матерью. Мы дадимъ пять или шесть тысячъ дурасовъ... сколько понадобится... для взноса въ одинъ изъ самыхъ лучшихъ монастырей.

Ферминъ всталъ, блѣдный, нахмуривъ брови.

— Это все, что вы имѣете сказать мнѣ,—спросилъ онъ глухимъ голосомъ.

Милліонеръ удивился вопросу юноши. Какъ, онъ недоволенъ этимъ? Можетъ онъ предложить лучшее рѣшеніе вопроса. И съ безпредѣльнымъ изумленіемъ, точно говорить о чемъ-то неслыханномъ и безконечно-нелѣпомъ, донъ Пабло добавилъ:

— Развѣ только тебѣ приснилось, что двоюродный мой братъ можетъ жениться на твоей сестрѣ?

— Это самое простое, естественное и логическое, то, что требуетъ честь и единственное, что можетъ посовѣтовать такой христіанинъ, какъ вы.

Дюпонъ снова заговорилъ возбужденнымъ тономъ.

— Та, та, та!... Теперь христіанство вамъ по вкусу! Вы, *зеленые*, толкуете его на свой ладъ. Хотя мы и дѣти одного небеснаго отца, но пока живемъ на землѣ, социальный строй, установленный свыше, не долженъ нарушаться. Каждый обязанъ оставаться въ томъ общественномъ сословіи, въ которомъ онъ родился. Хотя Лусъ развратный человѣкъ, но онъ можетъ со временемъ исправиться, и онъ членъ моей семьи. Вспомнимъ, что и святой Августинъ въ молодости...

Но Дюнона позвали какъ разъ къ телефону и, простоявъ нѣсколько минутъ у аппарата, слушая и издавая радостныя восклицанія, обернулся затѣмъ къ Монтенегро, какъ казалось, уже забывъ о причинѣ его посѣщенія.

— Они подходятъ къ городу, Ферминъ,—сказалъ онъ, потирая обѣ руки.

— Мнѣ сообщаютъ отъ имени алкальда, что собравшіеся на Банинѣ начинаютъ направляться къ городу. Небольшой страхъ въ первую минуту, а затѣмъ: *бумз, бумз, бумз*, — хорошій урокъ, который имъ недостаетъ, потому что тюрьма, и даже нѣсколько казней, чтобы они опять стали осторожнѣе и насъ оставили бы въ покоѣ на некоторое время.

Донъ-Пабло приказалъ закрыть ворота и ставни его дома. Если Ферминъ не желаетъ переночевать здѣсь, ему надо уходить сейчасъ. Принципаль говорилъ торопливо, съ мыслями, устремленными на низкое нашествіе забастовщиковъ, доведенныхъ до отчаянія, и онъ алкалъ Фермина къ выходу, провожая его до дверей, точно онъ замышлялъ о его дѣлѣ.

— На чемъ же мы порѣшили, донъ-Пабло?

— Ахъ, да... Твое дѣло... дѣло сестры твоей. Посмотримъ... Иди другой разъ; я поговорю съ моей матерью. Мысль о монашеской жизни лучше всего, повѣрь мнѣ.

И увидавъ на лицѣ Фермина протестъ, онъ заговорилъ смиреннымъ тономъ.

— Брось мысль о свадьбѣ. Пожайй меня и мою семью. Не достаточно ли уже у насъ горя? Дочери маркиза, безчестія насъ, живя со сводочью. Луисъ, который, казалось, пошелъ, наконецъ, по хорошему пути и вдругъ такое приключеніе съ нимъ... Ты хочешь огорчить меня и мою мать, настаивая, чтобы Дюпонъ женился на дѣвушкѣ изъ виноградника? Я думалъ, что ты насъ больше уважаешь. Пожайй меня, пожайй.

— Да, донъ-Пабло, я жалѣю васъ,—сказалъ Ферминъ.—Вы заслуживаете состраданія по грустному состоянію вашей души. Религія ваша совершенно иная, чѣмъ моя.

Дюпонъ отступилъ на шагъ, забывъ моментально о всѣхъ своихъ тревогахъ. Была затронута самая чувствительная его струна. И слушавшій его осмѣливался говорить съ нимъ такимъ тономъ.

— Моя религія... моя религія...—воскликнулъ онъ гнѣвно, не зная съ чего начать.—Что ты можешь сказать о ней? Завтра мы обсудимъ этотъ вопросъ въ конторѣ... а если нѣтъ, то сейчасъ...

Но Ферминъ прервалъ его.

— Завтра это было бы трудно, — сказалъ онъ спокойно. — Мы съ вами не увидимся завтра, и, быть можетъ, и никогда. Сейчасъ тоже нельзя: я очень спѣшу... Прощайте, донъ-Пабло! Не буду беспокоить васъ вторично: вамъ больше не придется просить меня пожалѣть васъ. То, что мнѣ остается сдѣлать, я сдѣлаю одинъ.

И онъ послѣшно вышелъ изъ дома Дюпона. Когда онъ очутился на улицѣ, начинало темнѣть.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ДВѢТОКЪ.

На широкомъ окнѣ, въ скромной вазѣ моей
Распустился чудесный цвѣтокъ,
На высокомъ стеблѣ, юный, снѣга бѣлый,
Золотой межъ тычинокъ, глазокъ.
Баждый разъ онъ навстрѣчу весеннему дню,
Улыбаясь сквозь сонъ небесамъ,
Открывалъ бѣлоснѣжную чашу свою
И тянулся къ горячимъ лучамъ;
Баждый разъ—лишь ложились печальная тѣнь
На моемъ одинокомъ окнѣ
И горѣлъ, умирая, ликующій день,
Онъ сжимался въ таинственномъ снѣ.
Съ каждымъ днемъ все пышнѣй распускался цвѣтокъ,
Брасотою лаская мой взглядъ,
А въ окно залетавшій порой, вѣтерокъ
Цѣловалъ его бѣлый нарядъ...
Помню ночь; я читать при свѣчѣ начала,
Но мнѣ такъ показалось темно,
Что поспѣшно поднявшись я лампу зажгла
И поставила свѣтъ на окно:
И о чудо. Мой спавшій доселѣ цвѣтокъ
Просыпаться какъ будто бы сталъ...
Вотъ сначала чуть-чуть золотистый глазокъ
Межъ разжатыхъ листовъ замерцалъ,
Больше, больше и вдругъ серебристой звѣздой
Засіялъ онъ въ ночи, словно днемъ,
Чисто дѣвственно-юной блестя красотой,
Согрѣваемой яркимъ огнемъ,
И всю ночь онъ сіялъ, и всю ночь онъ струилъ

Аромат опьяняющій свой.
Мнѣ казалось, дышалъ онъ и страстно любилъ,
Упиваясь своею весной;
А на утро, когда сночь горячихъ лучей
И шалунъ молодой вѣтерокъ
Заглянули въ окно, межъ поблекшихъ стеблей
Умиралъ мой чудесный цвѣтокъ,
Умиралъ на зарѣ... и какъ кроткій укоръ,
Какъ печаль надъ минувшей весной,
Его взоръ золотистый, доврчивый взоръ
Потускнѣлъ подъ жемчужной слезой...
Онъ сгорѣлъ, не дождавшись лазурнаго дня,
Отуманенный знойною сказкой:
Вѣдь за солнце онъ принялъ сіянье огня
И погибъ подъ мятежною лаской.

Татьяна Грейеръ.

А. Чеховъ въ ряду европейскихъ юмористовъ).

I.

И въ эпохи общественнаго и политическаго ненастья, и въ безоблачные дни мира и общаго довольства, литература—это правдивое отраженіе разнообразныхъ колебаній волнующагося житейскаго океана,—выставляла особый типъ своеобразныхъ художниковъ слова, рѣзко выдѣлявшихся на общемъ фонѣ.

Смѣхъ былъ могучимъ элементомъ въ творческомъ дарѣ этихъ писателей. Они смѣялись тогда, когда бичевали пороки слѣпыхъ, и смѣялись тогда, когда рыдали надъ страданіями жертвъ общественнаго неустройства. Этотъ смѣхъ смягчалъ грустныя думы о несовершенствѣ видимаго порядка. Онъ вносилъ успокоеніе въ умы въ минуты взаимнаго озлобленія и борьбы. Онъ заставлялъ человѣка неожиданно для себя улыбаться среди порывовъ ненависти и отчаянія. Онъ придавалъ больше интенсивности торжеству и счастью въ эпохи бодрости и подъема духа. Этотъ смѣхъ облегчалъ чело-вѣчеству горе, позволялъ сильнѣе чувствовать радость.

У писателей-юмористовъ, какъ и у всѣхъ художниковъ, много сложныхъ и разнообразныхъ задачъ. Для обнаруженія своего внутренняго міра они владѣютъ всѣми средствами, всѣми формами, въ которыя облачается поэтическое слово. Въ длинной вереницѣ смѣющихъ поэтическихъ гениевъ прошлаго не трудно рассмотретьъ и истинныхъ трагическихъ поэтовъ, раскрывавшихъ съ улыбкой на устахъ жестокіе конфликты, возникающіе на вѣчь несовершенства нашей природы, и элегическихъ пѣвцовъ, рассказывавшихъ свои меланхолическія думы, и гражданъ-борцовъ, зажигавшихъ пылающіе энтузіазма и жажду дѣятельности въ сердцахъ современниковъ. Но была черта, роднящая этихъ разнообразныхъ и столь несходныхъ служителей поэзіи,—смѣхъ, смѣхъ, который не сходилъ съ ихъ устъ, о чемъ бы ни говорили они, чтобы ни проповѣдывали, куда бы ни звали.

Юморъ есть видимый міру смѣхъ сквозь невидимыя міру слезы». Въ

) Чтено въ засѣданіи Общества любителей россійской словесности въ па-
м Чехова.

эту краткую выразительную формулу не укладывается сложное и богатое наследіе, завѣщаное намъ писателями-юмористами. Не только слезы свои, но и свои завѣтные земныя думы, разгаданныя имъ тайны человѣческой психологіи и подслушанныя тайны міровой жизни пропускаетъ юмористъ сквозь призму смѣха. Юморъ—это весь невидимый людямъ міръ, отраженный въ душѣ поэта и раскрывающійся сквозь видимый людямъ смѣхъ.

Только благодаря этому смѣху поэты-юмористы образуютъ одну общую семью. Отдаленіе времени и пространства исчезаетъ между ними. Въ мірѣ идей и поэтического творчества существуютъ свои особыя мѣрки разстояній. То, что въ мірѣ матеріальномъ кажется отдаленнымъ и несходнымъ, то сближается въ сферѣ духовныхъ отношеній. Именно сегодня, когда мы чувствуемъ память грустнаго поэта, умѣвшаго внести обаяніе смѣха въ сумерки нашей дѣйствительности, сегодня встаетъ вспомнить о славныхъ его предшественникахъ, среди которыхъ бессмертными буквами вписано и его имя. У нихъ было одно общее дѣло—смѣхомъ облегчать муки человечества, когда они вскрывали его раны. Черезъ вѣка и пространства подають другъ другу руки эти художники слова. На разныхъ языкахъ, при равныхъ условіяхъ, бросали они въ міръ разные идеи, отражали думы и волненія своей эпохи, но никогда не забывали при этомъ своего назначенія: мягкая улыбка и примиряющій смѣхъ не покидали ихъ устъ.

II.

Никогда ни въ предшествующія мрачныя времена аскетическаго средневѣковья, ни въ послѣдующія столѣтія политической и соціальной борьбы этотъ смѣхъ не звучалъ такими торжествующими раскатами, какъ въ эпоху свѣтлаго Ренессанса. Средніе вѣка заканчивали свою эволюцію, феодальное общество умирало. Схоластическая философія еще царила въ XVI вѣкѣ, но она находилась въ предсмертной агоніи. Въ самыхъ университетахъ она подвергалась жестокимъ нападкамъ, и новая наука, основанная не на тонкихъ ухищреніяхъ діалектики, а на фактахъ и опытѣ, оспаривала у схоластики ея мѣсто. Въ борьбѣ съ властью авторитета, которымъ папство опутывало средневѣковое человечество, освобожденная личность и освобожденная мысль не видѣла ничего трагическаго. За эту личность былъ ходъ исторіи и логика событій. Вотъ почему смѣхъ этой эпохи лишенъ грустнаго отпечатка.

Рабле былъ лучшимъ юмористомъ того времени. Въ его романѣ, въ этой энциклопедіи Ренессанса, безпощадно осмѣяны комическія фигуры послѣднихъ представителей отжившаго строя жизни. Богословъ Гипподаеусъ съ его безпрестанными ссылками на св. писаніе, на древнихъ и новыхъ авторовъ, съ его безконечно длинными рѣчами, съ его способностью запутывать и затемнять простые вопросы, врачъ Рондибилисъ, призывающій Гиппократа и Демокрита, академикомъ и перипатетикомъ въ доказательство того, что распущенность есть естественное состояніе общества,

Философъ Трульоганъ, это воплощеніе схоластическаго искусства, этотъ виртуозъ слова, умѣющій внѣшней формальной логическою правильностью прикрыть полное отсутствіе мысли *) и вереница другихъ образовъ, увѣковѣчившихъ эпоху крушенія средневѣковыхъ идеаловъ, остаются вѣчнымъ свидѣтельствомъ того, что попытка удержать старое, когда оно не соответствуетъ духу и задачамъ времени, ведетъ къ лицемерію и извращенію идеаловъ, выдвинутыхъ другой эпохой и другими условіями.

Смѣхъ Рабле звучалъ радостно и свободно, какъ смѣхъ побѣдителя. Авторъ «Гаргантюа» видѣлъ безсиліе своихъ противниковъ, чувствовалъ близкое торжество принциповъ, которые воплотилъ въ своемъ романѣ. Девизъ телемской обители былъ тѣмъ девизомъ, который опредѣлялъ смыслъ послѣдующей культурной жизни Европы. Это—освобожденіе человѣческой личности, это—возвратъ къ земнымъ интересамъ, реабилитация правъ плоти, защита земныхъ желаній и страстей человѣка. Красивые и веселые—желанные члены телемскаго общества. Монахи-изувѣры и кривотворы-схоластики изгнаны изъ этого царства счастья и свободы. Воздореніе нормальной здоровой жизни, самая эта задача обуславливала характеръ юмора Рабле. Его смѣхъ дышитъ здоровьемъ. Въ его юмору неслучайно знаменитое опредѣленіе «видимый міру смѣхъ сквозь невидимыя міру слезы». У Рабле нѣтъ слезъ. Онъ не знаетъ печали. Полною грудью вдыхаетъ онъ жизнь, онъ пьетъ изъ полной чаши ея наслажденій. Ему не нужно дѣлать усилій, чтобы открыть человѣчеству путь къ счастью. Въ ту эпоху немногіе еще провидѣли тернии, которыми будетъ усыпать этотъ путь. Мучительныя сомнѣнія Гамлета, нависшія черезъ столѣтіе надъ европейскимъ обществомъ еще не отравляли, этому обществу медоваго мѣсяца свободы. Рабле только смѣется, и самый смѣхъ его раздается какъ погребальная пѣснь аскетизму. Его улыбка, по удачному выраженію Флери **), это—гримаса гиганта. Ему весело потому, что здравы и веселы идеалы, которые онъ отстаиваетъ. Онъ хохочетъ потому, что борьба не требуетъ напряженія, смѣшины и жалги поборники обскурантизма, побѣдоносно начала свое шествіе освобожденная человѣческая личность. Никогда еще смѣхъ не былъ такимъ естественнымъ выраженіемъ настроенія интеллигенціи, ходъ событій не совпадалъ такъ удачно съ потребностями мыслящей части общества. Въ юморѣ Рабле нѣтъ внутренняго разлада. Міръ, отраженный въ немъ, такъ же свѣтелъ, какъ и форма, въ которую вылилось это отраженіе. Юморъ Рабле—гармоничный юморъ.

И въ эту же эпоху, нѣсколько позднѣе, явилось странное твореніе, представлявшее образецъ другого юмора, въ которомъ причудливо переплетаются смѣхъ и слезы, чистая улыбка отражаетъ тайную тоску, возмущенное предстаетъ въ армянскомъ нарядѣ. Много критическихъ умовъ

*) Кн. III, гл. XXXIX, XXX и сл.

**) Rabelais et son oeuvre, par Jean Fleury II, Paris, 1877 г., стр. 365.

изошрялось надъ тѣмъ, чтобы отгадать тайну, скрытую въ безсмертномъ произведеніи Сервантеса. У его загадочнаго героя были восторженные поклонники и безпощадные хулители. «Донъ-Кихотъ» была первая книга, которую прочелъ поэтъ-юмористъ XIX вѣка Генрихъ Гейне. Въ своей дѣтской искренности онъ принялъ исторію бѣднаго рыцаря за дѣйствительность. Онъ былъ убѣжденъ, что на долю героя всегда выпадаютъ насмѣшки и тѣлесныя раны, и первыя сердилъ его такъ же сильно, какъ сильно чувствовалъ онъ вторыя въ своей собственной душѣ. «Я былъ ребенокъ и не зналъ ироніи, которую Богъ создалъ и поселилъ въ мирѣ— и горькія слезы проливалъ я, когда благородный рыцарь за всѣ свои доблести получалъ только неблагодарность и удары. Я читалъ вслухъ, и птицы, и ручьи, и деревья могли слышать каждое слово, а такъ какъ этимъ невиннымъ созданіямъ природы міровая иронія знакома отнюдь не больше, чѣмъ дѣтямъ, то они тоже принимали все за наличную монету и плавали вмѣстѣ со мною о страданіяхъ бѣднаго рыцаря; одинъ старый выслужившій свое время дубъ даже рыдалъ, водопадъ смѣльче трясъ своей бѣлой бородой и казался бранилъ людей за ихъ скверность» *).

Никто лучше не постигъ самой сущности сервантесовскаго юмора! Это— плачь надъ крушеніемъ идеализма, надъ жалкимъ удѣломъ его на землѣ и одновременно смѣхъ надъ его комическими усміями. Что можетъ быть приличнѣе необходимости видѣть самыя дорогія для себя вещи въ потѣпныхъ лоскуткахъ, самыхъ близкихъ сердцу людей въ клоунскихъ маскахъ! И притомъ эти лоскутья подобраны такъ остроумно, эти маски сдѣланы такъ искусно, что смѣхъ невольно вырывается изъ груди и заглушаетъ рыданія, подступающія къ горлу.

Таковъ юморъ Сервантеса.

Последняя схватка умирающаго рыцарства и начинающейся гражданственности давала богатую тему такому юмору. Пусть новыя учрежденія, суды и полиція взяли на себя защиту слабыхъ, охрану женщинъ и восстановление справедливости, но отъ этого не стали менѣе увлекательными возвышенныя стремленія благородныхъ мечтателей. Сервантесъ, самая жизнь котораго была волшебной сказкой, воспользовался замѣчательнымъ культурнымъ конфликтомъ своей эпохи, чтобы показать тщету иллюзій, одновременно обрисовать и поэзію ослѣпленнаго идеализма и его комическую роль въ жизни. «Удивленіе, вызываемое геройскимъ духомъ рыцаря, — говоритъ Гейне, — не ослабѣваетъ отъ того, что левъ, не желая съ нимъ сражаться, поворачиваетъ ему спину, и его подвиги представлялись намъ тѣмъ достохвальнѣе, чѣмъ слабѣе и худощавѣе было его тѣло, чѣмъ дряннѣе защищавшее его вооруженіе и чѣмъ плачевнѣе клыча, носившая его на себѣ» **). Дорогой образъ даже униженный и растоптанный, даже наряженный въ нищенскія лохмотья, остается дорогимъ и прекраснымъ!

*) Г. Гейне; „Собр. соч. похъ ред. Вейкберга“. Спб., 1898 г., т. I, стр. 515.

**) Г. Гейне, ib., стр. 516.

III.

Рабле и Сервантесъ—два полюса Ренессанса. Одинъ бодро воспѣлъ его земныя стремленія, другой—произнесъ надгробное слово похороннымъ идеаламъ прошлаго. Диккенсъ и Гейне сыграли подобную роль въ XIX вѣкѣ. Начало этого вѣка отмѣчено безпримѣрными успѣхами науки и техники, колоссальнымъ ростомъ промышленности. Это время имѣетъ не меньше правъ именоваться временемъ изобрѣтеній и открытій, чѣмъ эпоха Возрожденія. XIX вѣкъ снова призвалъ общество къ бодрой и разумной дѣятельности. Но въ моментъ новаго увлеченія блестящими побѣдами чело-вѣческаго генія не замѣчали новыхъ тернѣвъ, лежащихъ на пути этихъ успѣховъ. Ростъ промышленности открылъ доступъ къ счастью и богатству всѣмъ и каждому, исчезли привилегіи, исчезли старыя формы гнета. Но вмѣстѣ съ этими успѣхами назрѣвала новая важная проблема, проблема бѣдности. Родовитое дворянство предшествовавшаго вѣка утрачивало свое прежнее значеніе. Но его мѣсто заняли энергія и таланты. И новый гнетъ былъ тяжелѣе прежняго. Люди, которымъ желѣзная воля дала возможность овладѣть средствами производства въ эпоху господства свободной конкуренціи, завоевали міръ. Эти новые владельцы были болѣе жестоки и черствы, чѣмъ ихъ предшественники. Они были лишены той поэзіи, которая смягчала гнетъ феодаловъ или придворныхъ Людовика XIV. Они были меркантильны и прозаичны. Въ ихъ душѣ жила одна страсть, жажда наживы. Ихъ гордыя мечты сводились къ одной идеѣ, къ расширенію операцій своего торговаго дома. Эта эпоха породила жестокихъ людей. И Диккенсъ увѣковѣчилъ разнообразныя типы промышленниковъ и коммерсантовъ. Всѣ эти Домби, Бондерби, Градгринды съ желѣзной волей, съ ненавистью къ чувству и фантазіи, съ преклоненіемъ передъ фактами и цифрами, эти люди, глухіе къ стонамъ своихъ рабочихъ, надменные, благодаря своимъ милліонамъ, это позолоченное торжествующее мѣщанство, нашло въ Диккенсѣ своего безпощаднаго обличителя. Жестокое время требовало жестокихъ красокъ, и Диккенсъ не пожалѣлъ сгустить ихъ. Въ его распоряженіи два средства: смѣхъ и страданіе. Одинаково ярко изображаетъ онъ оргіи палачей и мученія жертвъ. Онъ потрясенъ картинами соціальной неправды. Онъ ставитъ себѣ цѣлью всюду искать слѣды ея и онъ выбираетъ раздирающія душу сцены. Его назначеніе терзать сердце. Онъ не позволитъ успокоиться, пока не исчезнутъ причины его недовольства, т.-е. не позволитъ успокоиться никогда. Балзакъ и Жоржъ Сандъ также любятъ изображать горе — дающаго человечества, но они не ищутъ страданій, они случайно встрѣютъ ихъ среди прочихъ явленій жизни. Но Диккенсъ ищетъ страданіе юду. Онъ выбираетъ сюжеты, въ которыхъ оно проявляется одно и при онъ въ болѣе высокой степени, чѣмъ гдѣ бы то ни было *).

*) И. Тэнъ: „Ист. англійск. лит.“, т. V. „Современники“, пер. П. Когана. М., 4 г., стр. 21.

же жестоко, какъ и его слезы. Этотъ смѣхъ наноситъ сердцу такія же неисцѣлимыя раны, какъ и его рыданія. Его изобрѣтательность при изображеніи человѣческой гнусности такъ же неистощима, какъ и при изображеніи человѣческаго несчастія. Съ утонченной жестокостью опытнаго палача придумываетъ онъ разнообразныя пытки; онъ примѣняетъ ихъ медленно, не сразу, какъ бы наслаждаясь муками жертвы. Его смѣхъ рожденъ эпохой жестокой социальной борьбы. Онъ звучалъ въ томъ народѣ, который первый втянулся въ условія мирового объѣма. Правда, Диккенсъ прежде всего гуманистъ, а не социальный борецъ. Онъ ждетъ спасенія не отъ рабочихъ, а отъ хозяевъ, не отъ стачекъ, а отъ нравственного пробужденія. Онъ призываетъ не угнетенныхъ къ насилію, а угнетателей къ милосердію. Но чтобы разбудить черствыхъ людей, нуженъ безопадный сатирическій бичъ. Его Пексифъ способенъ привести въ ужасъ тартюфовъ всего міра. Въ его Домби не одинъ надменный богатъ услышалъ себя смертный приговоръ. Его Градгриндъ послужилъ страшнымъ урокомъ не для одного сухого служителя фактовъ. Если юморъ есть смѣхъ съвозъ слезы, то его слезы смѣшаны съ кровью. Его юморъ, юморъ палача, жестокаго, но правдиваго, сознающаго неизбежную необходимость своей работы. И Карлейль былъ неправъ, замѣтивъ послѣ его смерти: «смолокъ безобидный смѣхъ» *).

И въ то время, когда Диккенсъ провидѣлъ новыя проблемы, отерывавшіяся передъ обществомъ, нѣмецкій поэтъ-юмористъ жадно цѣплялся за обрывки романтическихъ иллюзій, растоптанныхъ прозаическимъ вѣкомъ конкуренціи. Гейне былъ послѣднимъ поэтомъ романтизма, онъ въ послѣдній разъ причудливымъ фантастическимъ свѣтомъ озарилъ его волшебное царство, и онъ же уничтожилъ это царство своими саркастическими насмѣшками. Не даромъ онъ любилъ рыцаря печальнаго образа, грубая дѣйствительность, вторгающаяся въ міръ поэзіи, любимая тема «Книги пѣсенъ». Смѣхъ Гейне—это смѣхъ надъ самимъ собою, надъ своей слабостью, надъ двойственностью человѣка. Конфликтъ между возвышенными порывами духа и пошлыми требованіями земли, сознаніе могущества второй и слабости первыхъ—таковы причины его смѣха. Гейне сумѣлъ принести свои поэтическія грѣзы въ жертву требованіямъ времени. Но онъ до конца жизни не могъ сбросить съ себя романтическаго наряда и подобно Сервантесу смѣялся надъ собственными дорогами иллюзійми. Онъ самъ съ обычнымъ остроуміемъ изобразилъ картину этого разлада въ своей душѣ: «Съ трепетомъ думаю я о томъ времени,—пишетъ онъ о коммунистахъ,—когда эти мрачные иконоборцы достигнуть господства. Своими грубыми руками они безопадно разобьютъ всѣ мраморныя статуи красоты, столь дорогія моему сердцу; они разрушатъ всѣ тѣ фантастическія игрушки искусства, которыя такъ дороги поэту, они вырубятъ мои олеандровыя роши и ста-

*) *John Forster: „The Life of Charles Dickens“. V. VI. Leipzig, 1874, 209.*

нужно сажать въ нихъ картофель; розъ, этихъ праздныхъ невѣсть соловьевъ, постигнетъ та же участь; соловьи, эти бесполезные пѣвцы будутъ прогнаны и, увы! изъ моей «Вяжи пѣсенъ» бакалейный торговецъ будетъ дѣлать пакеты и всыпать въ нихъ кофе или нюхательный табакъ для старыхъ бабъ будущаго. Побѣдоносный пролетаріатъ угрожаетъ моимъ стихамъ, которые сойдутъ въ могилу вмѣстѣ со старымъ романтическимъ міромъ. И несмотря на это мысль объ этомъ производитъ на мою душу чарующее впечатлѣніе. Великодушное отчаяніе овладѣваетъ мною и я восклицаю: обвинительный приговоръ уже произнесенъ надъ старымъ обществомъ, да совершится правосудіе! да разобьется этотъ старый міръ, въ которомъ невинность погибала, эгоизмъ благоденствовалъ, человѣка эксплуатировалъ человѣкъ! да будутъ разрушены до основанія эти мавзолеи, въ которыхъ царилъ ложь и неправда, и да благословенъ будетъ торговецъ, который будетъ готовить изъ моихъ стиховъ пакеты и всыпать въ нихъ кофе и табакъ для бѣдныхъ честныхъ старухъ, которыя въ нашемъ теперешнемъ несправедливомъ мірѣ должны были отказывать себѣ въ такихъ невинныхъ удовольствіяхъ».

Немногіе нашли въ себѣ мужество такъ смѣло взглянуть въ лицо обстоятельствамъ, разбить свои мечты и принести ихъ въ жертву страдающему человѣчеству. Диккенсъ не питалъ никакихъ иллюзій, Гейне всю жизнь скорбѣлъ о необходимости разстаться съ ними. Его поэзія—поэзія мировой скорби, скорби о несоотвѣтствіи между идеаломъ и дѣйствительностью, между стремленіями человѣка и его силами. Смѣхомъ заглушалъ онъ тоску свою по мировой гармоніи. Его юморъ—болѣзненный юморъ. Онъ умѣлъ смотрѣть на себя со стороны и смѣяться надъ своими собственными слезами. Стоило ему настроиться на возвышенный ладъ, и непрощенная улыбка тотчасъ искривляла его ротъ. Этотъ смѣхъ облегчилъ ему тяжелую задачу—пережить мучительный процессъ, отрѣшиться отъ заманчивыхъ притязаній и перейти къ трезвой социальной работѣ.

IV.

Соберите вмѣстѣ эти черты обрисованныхъ здѣсь юмористовъ и передъ вами встанетъ образъ болѣе близкаго, родного намъ поэта. Въ его душѣ, какъ въ душѣ Рабле, звучали радостные гимны счастью и веселью, никогда не умирала бодрая вѣра въ грядущее освобожденіе человѣческой личности въ осуществленіи ея права на разумную нормальную жизнь. Подобно Сервантесу съ грустной и мягкой улыбкой изображалъ онъ печальную участь человѣческой восторженности. Въ немъ жилъ могучій общечеловѣчій инстинктъ и въ изображеніи человѣческой пошлости онъ хохоталъ иногда безпощаднымъ смѣхомъ Диккенса. Ему знакома была гейневская тоска по мировой гармоніи, черезъ его сердце тоже прошла та мировая трещина, о которой говорилъ нѣмецкій поэтъ, и улыбкой смягчалъ свою скорбь о невозможности жить въ царствѣ поэзіи и свободы,

свою скорбь о необходимости оставаться въ сферѣ будней и житейской пошлости.

Онъ былъ лишенъ даже того утѣшенія, которое могло быть утѣломъ его предшественниковъ. Онъ жилъ не только въ печальное, но и скучное время. Благодаря особымъ условіямъ русской жизни въ 80 и 90-е годы, дѣйствительность выбрасывала на поверхность только пассивныхъ людей, «человѣковъ въ футлярѣ», людей, инстинктивно охраняющихъ сложившійся мертвый порядокъ обывательскаго застоя. Все одаренное инициативой, проникнутое широкими замыслами не находило примѣненія своимъ силамъ среди этого благополучнаго покоя. Глохли энергія и дарованіе. Не было простора для развитія общественныхъ инстинктовъ. Не было элементовъ, на которые можно было опереться. Не было могучихъ противниковъ, которые требовали бы пламенныхъ рѣчей и вдохновеннаго пафоса. Чеховъ—пѣвецъ этой сѣрой обывательщины, ея мелкихъ интересовъ, смѣшныхъ печалей и печальныхъ радостей.

Кто его излюбленный герой и каковы интересы этого героя? Докторъ Шеместовъ, приготовляющійся вылить ушатъ сплетенъ на своихъ сочленовъ въ провинціальномъ медицинскомъ обществѣ, становой приставъ Подпруинъ и врачъ Радужный, исписывающіе стопы бумаги взаимными жалобами и обогащающіе бумажныхъ фабрикантовъ; члены санитарной коммиссіи, арестовывающіе нѣсколько гнилыхъ яблокъ и въ концѣ-концовъ съѣдающіе ихъ за рюмкой водки; шестидесятилѣтній почтовый пріемщикъ Фендриковъ, пишущій диктантъ для полученія права на чинъ коллежскаго регистратора, и учитель географіи Галкинъ, мстящій единицами сыну Федрикова за то, что тотъ однажды на почтѣ не захотѣлъ принять заказное письмо отъ Галкина внѣ очереди; таковы представители этого бѣднаго общества, убивающаго свою тоску картами и алкоголемъ, находящаго исходъ своей энергіи въ пошлыхъ сплетняхъ и жалкихъ препирательствахъ.

Но можетъ быть положительныхъ героевъ Чехова слѣдуетъ искать не въ представителяхъ провинціальной интеллигенціи, а въ другихъ сферахъ необъятной Россіи. Онъ заглянулъ въ деревню и вотъ безотрадные выводы, вынесенные имъ изъ наблюденія надъ средой, на которую возлагало свои надежды наше народничество: «Бывали такіе часы и дни, когда казалось, что эти люди живутъ хуже скотовъ, жить съ ними было страшно; они грубы, не честны, грязны, не трезвы, живутъ несогласно, постоянно ссорятся, потому что не уважаютъ, боятся и подозрѣваютъ другъ друга. Кто держитъ кабакъ и спаиваетъ народъ? Мужикъ. Кто растрчиваетъ и пропиваетъ мірскія, школьныя, церковныя деньги? Мужикъ. Кто украдетъ у сосѣда, поджогъ, ложно показавъ на судѣ за бутылку водки? Мужикъ. I о въ земскихъ и другихъ собраніяхъ первый ратуетъ противъ мужиковъ? Мужикъ».

Съ самыхъ нижнихъ ступеней общественной лѣстницы поднимаемся а самыя верхнія. Быть можетъ тамъ среди людей, стоящихъ у источника ь

знанія и власти, найдутся отрадные факты. Профессоръ Серебряковъ («Дядя Ваня»), сынъ простаго дьяча, бурсакъ, добился ученыхъ степеней и каеэдры, сталъ его превосходительствомъ, и пр., и пр. Это ли не отрадный фактъ, поселяющій вѣру въ силы народа. Но нашъ юмористъ и въ этомъ фактѣ не видитъ ничего бодрящаго. Итоги этой блестящей карьеры такъ же сѣры и печальны, какъ сѣра и печальна вся наша дѣйствительность. Эти итоги: подагра, ревматизмъ, мигрень, печенка, вспухнувшая отъ ревности и зависти. «Человѣкъ ровно двадцать пять лѣтъ читаетъ и пишетъ объ искусствѣ, ровно ничего не понимая въ искусствѣ, говорить о немъ Войничкій. Двадцать пять лѣтъ онъ пережевываетъ чужія мысли о реализмѣ, натурализмѣ и всякомъ другомъ вздорѣ; двадцать пять лѣтъ читаетъ и пишетъ о томъ, что умнымъ давно ужъ извѣстно, а для глупыхъ неинтересно, значить, двадцать пять лѣтъ переливаетъ изъ пустого въ порожнее».

Отъ этого прозябанія не избавлены и истинные жрецы науки, вдохновенные ораторы, и въ минуту послѣдняго издыханія вѣряшіе, что «наука—самое важное, самое прекрасное и нужное въ жизни человѣка, что она всегда была и будетъ высшимъ проявленіемъ любви и что только ею одной человѣкъ побѣждаетъ природу и себя» («Скучная исторія»). Итоги, которые подводитъ своей жизни герой скучной исторіи, не менѣе печальны, тѣмъ заключительный моментъ исторіи Серебрякова: «Семейныя дрязги, немилосердіе кредиторовъ, грубость желѣзно-дорожной прислуги, неудобства паспортной системы, дорогая и нездоровая пища въ буфетахъ, всеобщее невѣжество и грубость въ отношеніяхъ—все это и многое другое, что было бы слишкомъ долго перечислять, касается меня не менѣе, тѣмъ любого мѣщанина, извѣстнаго только своему переулку... Не люблю я своего популярнаго имени; мнѣ кажется, что оно обмануло меня».

Обмануло профессора его имя, какъ Писаревъ и Добролюбовъ обманули Шаликова («Мужъ»). Равнодушіе, тупое равнодушіе къ окружающему,—отличительная черта чеховскихъ героевъ. Почему акцизный чиновникъ Шаликовъ въ университетѣ читалъ Писарева и Добролюбова, а кончалъ тѣмъ, что сталъ «коллежскій ассессоръ и больше ничего?» Почему душу этого когда-то мыслившаго и спорившаго человѣка обуяла безпричинная злость и тоска, и ему хотѣлось придти въ клубъ и сдѣлать такъ, чтобы всѣмъ стало скучно и горько и чтобы всѣ почувствовали, какъ ничтожна и плоска эта жизнь, «когда вотъ идешь въ потемкахъ по улицѣ и слышишь, какъ всхлипываетъ подъ ногами грязь и когда знаешь, что проснешься завтра тронь—и опять ничего, кромѣ воды и картъ».

Почему Андрей Ефимычъ («Палата № 6»), любившій «умъ и честость», человѣкъ образованный, читавшій философскія книги, равнодушенъ къ своему дѣлу. Онъ принимаетъ ежедневно десятки больныхъ, а мертвость въ городѣ не уменьшается и больные не перестаютъ ходить. Онъ приходитъ къ безнадежному выводу, что жизнь есть ловушка, изъ

которой нѣтъ выхода. Хочетъ онъ знать цѣль и смыслъ своего существованія, ему не говорятъ...

Какой просторъ для мефистофельскаго смѣха тому, кто бродитъ по этой унылой нивѣ русской жизни! Какъ смѣшны и жалки слабыя усилія и мелкіе интересы этихъ ничтожныхъ людей. Злой сатирикъ могъ бы разразиться негодующими филиппиками, жестоко посмѣяться надъ людскою пошлостью.

Но не таковъ смѣхъ Чехова.

Въ немъ нѣтъ злобы и негодованія. Онъ не обвинитель и не палачъ. Онъ оправдалъ и пожалѣлъ своихъ героевъ. А оправдать—значитъ наметить истинныя причины зла. Онъ нигдѣ не указываетъ прямо на эти причины, но онѣ ясны и понятны и безъ этихъ указаній. Онъ осудилъ мужа, но онъ же сказалъ о мужикахъ: «Да, жить съ ними страшно, но все же они люди, они страдаютъ и плачутъ, и въ жизни ихъ нѣтъ ничего такого, чему нельзя было бы найти оправданія. Тяжкій трудъ, отъ котораго по ночамъ болитъ все тѣло, жестокія зимы, скудные урожаи, тѣснота, а помощи нѣтъ и не откуда ждать».

Эти слова—не программа, но они важнѣе всякой программы по ясности и простотѣ своего смысла.

Не въ мужикѣ, а внѣ его—причины его грубости и невѣжества. Не въ интеллигентѣ, а внѣ его—причины его равнодушія и апатія. Русская дѣйствительность тщательно и долго отучала современнаго обывателя чувствовать свою связь съ окружающимъ. Не онъ—творецъ своей жизни. Онъ засталъ ее въ готовомъ видѣ, мелкую и надоедливую, и при всей своей ничтожности сильную и несокрушимую. Его не звали реформировать ее. Онъ чувствуетъ себя отвѣтственнымъ за ея неурядицы. Всякій разъ, когда онъ пытался вмѣшаться въ нее, разбить старыя оковы, онъ чувствовалъ, что грубая сила отталкиваетъ его, что прочна и неизблема эта система всеобщаго застоя, что онъ долженъ втянуться въ общій круговоротъ бессмысленно-монотоннаго существованія, если не желаетъ быть выброшенъ за бортъ, очутиться внѣ нормальныхъ формъ жизни. А для послѣдняго у него не хватаетъ героизма. Чеховъ—поэтъ среднихъ сѣрыхъ людей. Не вина профессора, что паспортная система, всеобщее невѣжество и сотни другихъ мелкихъ неурядицъ отравляютъ ему существованіе, какъ не вина мужика, что притупляющій трудъ и нищета довели его до пьянства и отчаянія. Есть что-то болѣе сильное, чѣмъ частная воля. Герой Чехова утратилъ чувство своей связи съ цѣлымъ. Разбросаны и разсѣяны по разнымъ угламъ силы великаго народа. Порвана могучая связь, сплетающая отдѣльныя единицы общества въ цѣльный организмъ безчисленными нитями сложныхъ интересовъ.

Чеховъ—поэтъ этой тяжелой доли. Онъ смѣется, но его смѣхъ—не мефистофельскій смѣхъ отрицанія. Онъ—не пессимистъ и не пѣвецъ мировой скорби, который не видитъ въ мирѣ ничего, за что можно было бы

ухватиться. Онъ знаетъ, въ чемъ истинная радость и истинное счастье. «Есть же вѣдь вольныя птицы, вольные звѣри, вольный Марьякъ, и никого они не боятся и никто имъ не нуженъ... Вскочить бы на лошадь, не спрашивая, чья она, носиться бы чортомъ впередонку съ вѣтромъ по полямъ, лѣсамъ и оврагамъ, любить бы дѣвушекъ, смѣяться бы надъ всѣми людьми» («Воры»). Это—не идеализація босачества, не философія разгула. Это—тоска о томъ, чего нѣтъ въ официальной русской дѣйствительности, тоска по волѣ, стремленіе къ самоопредѣленію, къ свободному проявленію своей личности. Въ обществѣ нѣтъ условій для нормального осуществленія этихъ стремленій, и мысль невольно обращается въ сферѣ, стоящія внѣ общества, гдѣ сброшены путы, оковавшіе личность, гдѣ эта личность сумѣла остаться собою, хотя ея свобода перешла всякіе предѣлы и превратилась въ распущенность.

Его идеалъ не въ программной дѣятельности. Онъ не примкнулъ ни къ одному изъ существующихъ у насъ общественныхъ міросозерцаній. Но онъ, быть можетъ, не стремясь къ этому и не сознавая этого, сталъ союзникомъ лучшихъ и прогрессивнѣйшихъ элементовъ мыслящаго общества. Его задача—задача поэта. Онъ только рисовалъ идеалъ, но онъ не былъ политикомъ и социологомъ, и не начерталъ точной программы борьбы за этотъ идеалъ. Онъ зналъ, что «въ I вѣкѣ солнце, какъ и теперь, каждое утро вставало солнце и каждый вечеръ ложилось спать, утромъ съ росой цѣловались первые лучи, земля оживала, воздухъ наполнялся звуками радости, восторга и надежды» («Безъ заглавія»). Онъ напоминалъ о свѣтлыхъ источникахъ счастья, таящихся въ природѣ и человѣкѣ. И развѣ показать красоту вѣчныхъ неумирающихъ идеаловъ и раскрыть пошлость, которой поруганы и растоптаны они, не значитъ звать къ борьбѣ и будить общественныя силы?

Эти два основныхъ элемента чеховскаго творчества, глубокое проникновеніе въ бездны пошлости и мысль о чистыхъ радостяхъ истинной человѣчности, опредѣляютъ и характеръ его юмора. Онъ смѣется надъ пошлостью, но въ этомъ смѣхѣ нѣтъ унижающей ненависти. Въ самой насмѣлкѣ своей не разстается онъ съ свѣтлымъ настроеніемъ. Онъ видитъ ясное, свѣтлое будущее. Ему легко, потому что онъ вѣритъ въ наступленіе того будущаго, о которомъ говоритъ Соня въ «Дядѣ Ванѣ»: «Мы услышимъ ангеловъ, мы увидимъ все небо въ алмазахъ, мы увидимъ, какъ все зло земное, всѣ наши страданія потонуть въ милосердіи, которое наполнитъ собою весь міръ, и наша жизнь станетъ тихою, нѣжною, сладкою, какъ ласка». Соня говоритъ, что тогда «мы съ улыбкой и умиленьемъ оглянемся на наши теперешнія несчастія». Онъ смотрѣлъ на эти несчастія съ «улыбкой и умиленьемъ» уже теперь, и въ этомъ сущность юмора.

Если онъ соединилъ въ своемъ смѣхѣ свѣтлую радость Рабле, общечеловѣческую сатиру Диккенса, сервантесовскую скорбь о гибели восточной

наго и гейневскую тоску по идеалу, то онъ внесъ въ юморъ нѣчто новое, свое, чего не было ни у одного изъ его предшественниковъ, именно ту трогательную вѣру въ свѣтлое будущее, которая цвѣтетъ только въ кристально-чистыхъ сердцахъ, ту особую поэтически-нѣжную любовь къ страдающему человѣчеству, которую онъ самъ такъ хорошо опредѣлилъ словомъ: *умиленіе*.

Онъ не былъ поэтомъ программы. Но отъ этого не менѣе велика его заслуга передъ обществомъ. Онъ по-своему служилъ общему дѣлу. И когда сѣрый туманъ нашихъ будней разгонятъ яркіе лучи весенняго солнца, и пошлые интересы «человѣковъ въ футлярѣ» будутъ смыты могучимъ потокомъ грозныхъ общественныхъ волнъ, развѣ тогда въ пантеонѣ славныхъ именъ, завоевавшихъ намъ право на это будущее, не будетъ въ первыхъ рядахъ вписано имя того, память о комъ собрала и объединила насъ сегодня.

П. Коганъ.

Бѣглый очеркъ колониальной политики Германіи.

Полковникъ Франсуа, губернаторъ тогда не совсѣмъ еще завоеванной нѣмецкой колоніи «Юго-западная Африка», возымѣлъ въ 1892 году намѣреніе лично посѣтить, съ цѣлью подкупа, своего непріятели африканскаго «короля», Witbooi. «Я имѣлъ въ виду *) предложить Witbooi, въ случаѣ его согласія заключить съ нами миръ и признать надъ собою власть германскаго правительства, ежегодное жалованіе въ 5,000 марокъ и кромѣ того еще зачислить главнѣйшихъ изъ его подчиненныхъ въ мою армію. Сдѣлавъ ему нѣсколько комплиментовъ какъ недюжинному военному начальнику, я тутъ же категорически заявилъ, что пора, наконецъ, и ему, подобно другимъ африканскимъ князьямъ, признать надъ собой протекторатъ нѣмецкой имперіи, энергично прибавивъ, что правительство Германіи рѣшило оставить способъ воздѣйствія на непослушныхъ князьковъ увѣщаніями или запрещеніемъ ввоза огнестрѣльнаго оружія въ ихъ владѣнія, а что думаетъ дѣйствовать рѣшительно, мимоходомъ замѣтивъ: что жду большихъ подкрѣпленій». «Я никакъ не могу взять въ толкъ,—даетъ король Witbooi въ отвѣтъ,—тѣхъ мотивовъ, на основаніи которыхъ самостоятельная королевская династія, владѣющая цѣлымъ народомъ и громаднымъ количествомъ земли, страна, имѣющая свое собственное правительство, свое судопроизводство и свои обычаи, добровольно и безъ всякихъ причинъ должна признать надъ собою покровительство ей чуждаго, внѣ Африки живущаго, бѣлаго народа. Не нуждаюсь я и ни въ чемъ покровительствѣ, ибо ни съ какой стороны мнѣ не угрожаетъ опасности. А если и правда, что между нашими африканскими князьями существуютъ раздоры, то причѣмъ здѣсь встаетъ нѣмцы... Васъ Богъ наградила большимъ умомъ; вы въ умахъ огнестрѣльные оружія и порохъ, чтобъ при ихъ помощи уничтожить несправедливость на землѣ, къ каковой роли оказались неподходящими нагайки и плети; вашимъ купцамъ Богъ внушилъ благородную мысль въ всѣмъ и каждому продавать оружіе и порохъ и вы же вопреки же-

*) Такъ приблизительно рассказываетъ Français въ своей книгѣ „Deutsch-Sudafrika“. Berlin, 1899.

ланія Всевышняго запрещаете ввозъ этихъ драгоценностейъ въ нашу страну. Какъ дождь Богъ ниспосылаетъ на землю для всѣхъ людей одинаково, такъ и на порохъ и на оружіе всякій смертный имѣетъ неотъемлемое право».

Этимъ закончились неудачные переговоры между королемъ Witbooi и съ нимъ начавшимъ и не успѣвшимъ закончить войны полковникомъ Франсуа, вскорѣ замѣщеннымъ новымъ губернаторомъ, майоромъ Лейтвейномъ.

Одержатъ верхъ надъ хорошо вооруженной арміей искуснаго полудикаго африканскаго полководца, короля Witbooi, рѣшившагося во что бы то ни стало отдѣлаться отъ непрощенныхъ гостей и ихъ подозрительной дружбы, нѣмцамъ было не такъ ужъ легко; а потому и новый губернаторъ, опасаясь поражений, что было бы равносильно потерѣ всякаго престижа въ глазахъ уже ему подчинившихся разныхъ князьковъ, съ своей стороны тоже началъ съ переписки.

«Итакъ, послѣ двухмѣсячнаго размышленія ты снова отклоняешь протекторатъ Германіи... Помни же, что въ сравненіи съ германскимъ императоромъ, ты ничтожнѣйшій капитанишка и что считать себя его подчиненнымъ должно для тебя составлять наивысшую честь...»

«Всѣ вы бѣлые и краснокожіе,—отписываетъ Witbooi,—хорошо знаете, что земля, которой я владѣю, досталась мнѣ отъ моихъ предковъ и что вся она пропитана нашею кровью. Зная это, вы тѣмъ не менѣ задумали лишить меня ея и съ этой цѣлью объявляете мнѣ войну... Вы выражаете свое глубокое сожалѣніе по поводу моего отказа признать надъ собою власть германскаго императора, ставя мнѣ это въ большую вину, и грозите военнымъ нападеніемъ. Я могу лишь возразить, что не имѣю чести быть лично знакомымъ съ вашимъ императоромъ, а значить и не имѣлъ до сихъ поръ случая ни навлечь на себя его гнѣва, ни вызвать въ немъ къ себѣ дружескихъ чувствъ. И меня, и вашего императора Всевышній награждаетъ другъ отъ друга независимыми государствами, и я не вижу цо тупека въ томъ, что хочу остаться самостоятельнымъ властелиномъ въ своей землѣ... Вы пишете, что право въ силѣ и думаете дѣйствовать согласно этой морали. Признавая свое ничтожество въ сравненіи съ вами, я всетаки, если вы рѣшите стрѣлять въ меня, отвѣчу тѣмъ же... Однако, я васъ умоляю оставить меня въ покоѣ. Уйдите вы отсюда! Вернитесь вы на свою родину и уведите вы съ собой своихъ храбрыхъ воиновъ» *).

Лизнувшій западно-европейской культуры, гордый африканецъ Witbooi, къ сожалѣнію, не слышалъ лекцій и не читалъ книгъ профессора Фридриха Листа, убѣдительно доказывавшаго нѣмецкому народу и его императорамъ необходимость колониальныхъ рынковъ; онъ не былъ знакомъ съ содержаніемъ Hübner-Schleiden'sкаго двухтомнаго сочиненія «Äthiopien», воспѣвавшего его родину, Африку, какъ лучшую точку приложенія нѣмецкаго капитала и нѣмецкой промышленности; онъ не зналъ содержанія цѣлаго ряда брошюръ, имѣвшихъ большое вліяніе на Бисмарка, пастора

*) См. Schwabe: „Deutsch Sudwestafrika“.

Фабри, умолявшаго коммерческимъ языкомъ своихъ соотечественниковъ подумать, пока еще не поздно, о колониальной политикѣ; онъ не подозрѣвалъ дѣлаго поколѣнія сыновъ нѣмецкихъ юнкеровъ, жаждущихъ военной славы и большихъ окладовъ; онъ не представлялъ себѣ друзей тѣхъ католическихъ миссіонеровъ, которые обратили его и его родственниковъ въ христіанство, въ роли главныхъ виновниковъ его несчастія; онъ не зналъ, что благодаря лишь поддержке центра нѣмецкаго рейстага Бисмарку удалось открыть эру теперешней германской колониальной политики, а значитъ и нападеній на его отечество.

Напрасно, впрочемъ, Witbooi такъ обрушился на нѣмцевъ. Вѣдь не у нихъ однимъ лежитъ сердце къ Африкѣ и давно уже тому назадъ европейцы перестали быть равнодушными къ его родинѣ, нерѣдко, какъ передаетъ исторія, горячо отстаивавшейся африканцами, съ тою только, конечно, разницею, что дѣлали они это не съ огнестрѣльнымъ оружіемъ въ рукахъ и не оправдывали свою оборону королевскими правами, дарованными Богомъ.

Ну, да тогда они, да и европейцы были менѣе культурны. Въ то время первые еще не понимали, что ружья, порохъ и пушки «лучшія средства избавленія человѣчества отъ несправедливостей», а вторые этими средствами въ такой мѣрѣ какъ теперь, еще не торговали. Теперь носители западно-европейской культуры куда гуманнѣй; теперь многихъ изъ нихъ «любовь къ ближнимъ» запрещаетъ торговать рабами ужъ просто потому, что торговля эта перестала быть не только выгодной, но сдѣлалась даже крайне вредной современному способу обогащенія.

Еще въ недалекомъ прошломъ европейцевъ Африка интересовала больше съ точки зрѣнія растительныхъ жировыхъ веществъ, т.-е. продукта, необходимаго на ряду съ другими успѣшному процвѣтанію нѣкоторыхъ отраслей промышленности. Въ поискахъ за этими продуктами они и открыли богатѣйшіе африканскіе пальмовые лѣса откуда и начали вывозить, въ большомъ количествѣ и очень дешево, пальмовое масло и т. п. И варварски истребляя эти лѣса, они вывозили бы до тѣхъ поръ, пока нечего было бы вывозить и постепенно ослабѣвалъ бы у нихъ интересъ къ «черной части свѣта», если бы случайно не наткнулись на давно тщетно разыскиваемые драгоценные камни и золото, и если бы не пронюхали, что въ Африкѣ нѣтъ еще большой запасъ слоновой кости и не напали бы на мысль: создать себѣ въ ней новый внѣшній рынокъ, число которыхъ для Европы

Америки съ каждымъ годомъ сокращается. Быстро тогда начали возникать разныя африканскія торговыя компаніи, а подъ ихъ давленіемъ западно-европейскія правительства напяливать на себя маску африканскихъ альтрутрегеровъ.

Въ то время, какъ въ XVII—XVIII вѣкѣ отъ африканцевъ главнымъ образомъ требовалось исполненіе роли поставщиковъ извѣстнаго рода товаровъ и рабовъ, въ XIX и XX вѣкѣ въ этой роли еще прибавились обязанности потребителей, почему и нужно было развить въ нихъ вкусъ къ

европейской культурѣ, т.-е. въ продуктамъ производства западно-европейской и американской буржуазіи, какъ-то: европейскому костюму, спиртнымъ напиткамъ, ружьямъ, пороху и т. д.

Современная буржуазія имѣетъ въ запасѣ въ качествѣ новыхъ внѣшнихъ рынковъ еще только Азію и Африку. Первая изъ нихъ населена культурными народами, не сегодня—завтра рискующими, возьмемъ хотя бы Китай, послѣдовать примѣру Японіи, рѣшившись при помощи европейскихъ финансистовъ развить свою собственную промышленность и сдѣлать этимъ, что называется, *ein strich durch die Rechnung* западно-европейской промышленности.

Иное дѣло населенная дикарями Африка, способная въ продолженіе еще очень долгаго времени лишь покупать, или вѣрнѣе, выгодно обмѣнивать, а не производить.

Германская колоніальная политика имѣетъ своимъ историческимъ началомъ 80 годы XVII вѣка, когда великій бранденбургскій курфюрстъ, увлеченный проектами голландскаго авантюриста Кауи'я, рѣшилъ осуществить свою давно желѣнную мечту, по примѣру другихъ, заняться въ Африкѣ торговлей рабами.

Потерявъ въ этомъ предпріятіи большія деньги, курфюрстъ рѣшилъ перепродать свои частныя колоніальныя владѣнія прусскому королевству, превратившемуся такимъ образомъ 18 мая 1711 года въ колоніальное государство. Спустя же 6 лѣтъ Фридрихъ Вильгельмъ I, давно задумавшій отдѣлаться отъ африканскихъ владѣній, стоившихъ къ тому времени 2 милліона талеровъ, напелъ на нихъ покупателя въ лицѣ той самой голландской компаніи, которая такъ много вредила Бранденбургу. Онъ продалъ ихъ за 6,000 талеровъ, и какъ бы въ утѣшеніе за всѣ неудавшіяся попытки торговать рабами, еще и за 12 рабовъ-негровъ, и обязался далѣе заказать даже своимъ потомкамъ впредь не приобрѣтать владѣній въ Африкѣ и не вести торговли съ африканскими народами. Такъ Пруссія снова перестала быть колоніальнымъ государствомъ.

Но съ мыслью навсегда оставить попеченіе о колоніальныхъ предпріятіяхъ, значить и о колоніальной политикѣ въ той или другой формѣ, нѣмцы примириться никакъ не могли. Неудивительно поэтому, что въ XIX вѣкѣ опять то здѣсь, то тамъ, и буквально ежегодно, возникаютъ соответствующія мертворожденные общества.

Съ возникновеніемъ въ 40-хъ годахъ германскаго таможеннаго союза нѣмецкая промышленность быстро поднимается въ гору, и, такъ называемое, національное богатство растетъ; а одновременно съ этимъ растетъ и число бѣгущихъ отъ холода и голода сыновъ нѣмецкой имперіи преимущественно въ сѣверную и южную Америку. Вотъ это-то *qui pro quo* современныхъ общественныхъ отношеній и служило въ продолженіе долгаго времени основаніемъ новыхъ колоніальныхъ попытокъ. Если остановить бѣгущихъ не въ нашихъ силахъ и если уже въ лицѣ удрающихъ вы-

тренній нѣмецкій рынокъ теряетъ большое количество потребителей, разсуждали тогдашніе политики, то должно, по крайней мѣрѣ, обставить это бѣгство такъ, чтобы убѣгающіе во всѣ части свѣта не переставали и оттуда покупать товары своего стараго отечества. При какихъ другихъ обстоятельствахъ, продолжали они, нѣмецкая промышленность можетъ выставить такое количество ей въ высшей степени необходимыхъ *comptivo-uageu'овъ*. Поселясь, скажемъ въ Америкѣ, разсуждали они дальше, наши соотечественники заносить туда нѣмецкую культуру и могутъ при нашемъ содѣйствіи вести тамъ широкую агитацію въ пользу продуктовъ отечественной промышленности. «Поражаешься тому безчисленному количеству,— пишетъ *Hable-Schleiden* о томъ времени *) всевозможныхъ предпріятій, спекуляцій и разныхъ фантастическихъ плановъ, излагавшихся на столбцахъ тогдашнихъ переселенческихъ газетъ». И всѣ эти предпріятія, прибавимъ отъ себя, потерпѣли полнѣйшее фіаско, а большая часть изъ нихъ была еще къ тому и мошеннической продѣлкой.

Но вотъ колониальный зудъ нѣмцевъ на нѣкоторое время унимается, чтобы съ тѣмъ большей силой послѣ франко-германской войны овладѣть умами нѣмецкихъ патриотовъ. Почувствовавъ въ 1870 году побѣду надъ Франціей обезпеченной, сторонники колониальной политики, ломая голову надъ вопросомъ «о вознагражденіи за пролитую нѣмецкую кровь», пришли къ заключенію, что самымъ лучшимъ будетъ поживиться одной частью французскихъ колоній (Алжиромъ и Кокхинной), эти свои пожеланія яро выразивъ въ соответствующей петиціи, поданной «бременскими корабельщиками, берлинскими купцами и учеными» на имя сѣверо-германскаго рейхстага; по поводу этой петиціи въ рейхстагѣ велись горячіе и длинныя дебаты, закончившіеся, наконецъ, принятіемъ предложенія оставить желаніе петентовъ безъ всякаго вниманія. А Бисмаркъ, чтобы, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время покончить съ несвоевременными мечтаніями о колоніяхъ, послалъ въ 71 году по адресу не дававшихъ ему ни отдыха, ни покоя, между прочимъ и принца *Adalbert'a* **, стоявшаго еще до заключенія перемирія съ Франціей за отнятіе у нея части ея колоній, какъ, напримѣръ, *Saigon'a*, послужившаго исходнымъ пунктомъ французской колониальной политики въ Азіи, заявленіе: «я не намѣреваюсь вести колониальной политики, ибо это было бы равносильно введенію нашимъ отечествомъ польскаго хозяйства; это значило бы наряжаться въ шелка и бархаты, имѣя подъ ними рубище». При этомъ онъ слѣдовалъ настояніямъ своей правой руки *Delbrück'a*, державшагося взгляда, что «колоніи для Германіи были бы большимъ несчастіемъ, такъ какъ онѣ тѣсно связаны съ увеличеніемъ нѣмецкаго флота, что потребовало бы громадныхъ затратъ». Да и до колониальной ли политики было тогда Бисмарку? Нужно

*) См. *Hable-Schleiden*: „*Ubersische Politik*“ zweiter Theil Hamburg, 1883.

**) См. *Dr. Ottokar Lorenz*: „*Kaiser Wilhelm und die Begründung des Reiches*“. Jena, 1902.

вѣдь было раньше всего внутренне укрѣпить только что возникшую нѣмецкую имперію и сосредоточить все свое вниманіе на защитѣ сухопутныхъ и морскихъ границъ. Гдѣ ужъ тутъ было кидаться на разныя заморскія предпріятія и авантюры! Вотъ почему онъ, когда ему въ 1874 г. былъ предложенъ протекторатъ надъ Занзибаромъ, великодушно отъ него отказался, поступивъ точно также и по отношенію къ Борнео и Трансваалу (1876). И вотъ почему онъ отвергъ планъ колонизаціи Далагобая и старательно избѣгалъ всякихъ споровъ и раздоровъ, вопреки желаніямъ неугомонныхъ колониальныхъ политиковъ, то съ Англіей изъ-за захваченныхъ ею Фиджіискихъ острововъ (1874 г.), или угольныхъ станцій на островѣ Тонга (1876 г.) или Самоа (1879 г.); то съ Испаніей изъ-за Боролинскихъ острововъ или Архипелага-Сулу (1873 г.).

Недолго, однако, Бисмаркъ держался этой позиціи. Въ срединѣ 80-хъ годовъ всѣ французскіе миллиарды были растрочены, и Бисмаркъ, почувствовавъ нужду въ деньгахъ, задумалъ увеличить государственные доходы при помощи косвенныхъ налоговъ и былъ не прочь повысить и ввозныя пошлины. Съ цѣлью оказанія давленія на правительство въ послѣднемъ смыслѣ, аграріи и промышленники закончили въ 1877 г. между собою перемиріе, и при помощи центра нѣмецкаго рейхстага Бисмарку удалось одать Германію искусственнымъ валомъ возвышенныхъ ввозныхъ пошлинъ. Это было какъ разъ въ тѣ годы, когда и Германію посѣтилъ промышленный кризисъ, расшевелившій уже было задремавшихъ колониальныхъ политиковъ. Сколько разъ, писали и говорили они, мы обращали вниманіе правительства и истинныхъ патріотовъ на ненормальное теченіе нашей торгово-промышленной жизни, и всякій разъ нашъ голосъ оставался вопіющимъ въ пустынѣ. Лишь промышленный кризисъ заставилъ насъ взяться за умъ и то мы не додумались до бѣльшаго какъ до измѣненія, и по нашему мнѣнію очень необходимаго курса торговой политики, упорно не понимая, что этимъ можно помочь горю лишь наполовину. Что толку въ томъ, что мы возвысимъ ввозныя пошлины и введемъ косвенные налоги, когда мы этимъ лишь на время восстановимъ равновѣсіе въ нашемъ бюджетѣ. Намъ нужны постоянные и положительные рынки, т.-е. колоніи *). Въ этому-то крику, сильно уподобившему Германію Франціи, Бисмаркъ въ силу нѣкоторыхъ тактическихъ соображеній и началъ поменьшку прислушиваться. При этомъ нѣмцы утѣшали себя тѣмъ, что колоній на нихъ вѣкъ еще хватить, и предлагали огннуть взоромъ тихій океанъ, увѣряя, что взглядъ обозрѣвателя сейчасъ же остановится на Самоанскихъ островахъ и Новой Гвинее. Они обращали вниманіе на незанятые еще части Индіи; на сѣверную половину острова Борнею; на островъ Формозу, только отчасти находившагося во власти Китая, на тотъ или другой островокъ изъ группы Антильскихъ и, наконецъ, на центральную Африку. На соображенія же, что сдѣлавшись колониальнымъ государствомъ сейчасъ же

*) См. *Dr. Fabri: „Bedarf Deutschland der Kolonien“*. Gotha, 1879.

обезпечить своихъ сосѣдей съ сѣвера, юга, запада и востока и больше всего англичанъ, они гордо отвѣчали, что побѣдившимъ французовъ бо-
 яться нечего, прибавляя: удержали Эльзась-Лотарингію, удержимъ и ту
 или другую колонію.

Довольно позднее выступленіе Германіи на колониально-политическое
 поприще заставило нѣмцевъ подумать объ измѣненіи колониально-полити-
 ческой системы и замѣны колонизаціи—культиваціей, въ чемъ начавшіе
 свою колонизаціонную дѣятельность въ далекомъ прошломъ не нуждались
 и въ чему рѣшительно никакой охоты не имѣли, такъ какъ послѣдній
 методъ связанъ съ большою затратою энергіи и времени и лишь въ да-
 лекомъ будущемъ сулитъ положительные результаты. Поднятіе нравствен-
 наго и умственнаго уровня, съ точки зрѣнія буржуазіи, обитателей тро-
 пиковъ, казалось нѣкоторымъ нѣмцамъ единственнымъ средствомъ, остав-
 шимся въ распоряженіи мечтающихъ о колоніяхъ. Разведеніе тамъ, при
 помощи дешевыхъ рукъ цивилизованныхъ негровъ, кофе, табаку, сахару,
 хлопчатой бумаги и т. п., казалось имъ во много разъ выгоднѣй всего
 производства большинства англійскихъ колоній, лежащихъ, какъ извѣстно,
 въ умѣренныхъ поясахъ. Однимъ словомъ тропики могутъ при желаніи и
 умѣніи, полагали они, сыграть для нѣмцевъ ту же роль, каковую играетъ
 Великобританская Индія для англичанъ и нидерландская восточная Индія
 для голландцевъ *). Но въ тропикахъ европеецъ не жалецъ, а, слѣдова-
 тельно, эмиграціонный вопросъ, никогда не перестававшій быть одной изъ
 главныхъ заботъ нѣмецкой колониальной политики, попрежнему оставался
 бы открытымъ, если бы тѣ же политики не придумали бы ему рѣшенія
 въ эмиграціи въ Урагвай, Парагвай, Чили, Аргентину, Бразилію и вообще
 южную Америку, подъ условіемъ, конечно, что Германія сосредоточится
 лишь на экономическомъ, а никакъ не политическомъ порабощеніи этихъ
 странъ.

Уже въ 60-хъ годахъ было нѣмцами на Самоанскихъ островахъ осно-
 вано нѣсколько торговыхъ фирмъ, никогда не перестававшихъ приходить
 въ конфликтъ съ подобными предпріятіями англичанъ и американцевъ. И
 тѣ, и другіе, и третьи, преслѣдуя свои интересы и оставаясь вѣрными
 духу современной колониальной политики, всячески сѣяли раздоръ между
 туземцами, то искусственно создавая претендентовъ на ту или другую
 самоанскую корону, то поддерживая междуусобныя войны между вражду-
 ющими племенами, въ надеждѣ съ побѣдой той или другой получить наи-
 выгоднѣйшія привелегіи на эксплуатацію самоанцевъ, пока, наконецъ, въ
 1877 году всѣ три государства не признали другъ друга равноправными.
 Но такъ какъ самоанская торговля была главнымъ образомъ сосредотооче-
 на въ рукахъ нѣмцевъ, то эти при всякомъ удобномъ случаѣ напоминали
 Бисмарку о «національныхъ интересахъ», заставивъ его въ 1879 году

*) См. *Hulbe Schlicden: „Ubersische Politik“.*

присвоить Германіи самоанскую гавань Saluafata, чѣмъ онъ, Бисмаркъ, и рассчитывалъ пока удовлетвориться. Когда же въ Англии и Австрали настойчиво заговорили о захватѣ еще свободныхъ *Sudsee-Inseln*, по которымъ сторонники нѣмецкой колониальной политики давно тайнѣ вздыхали, то Бисмаркъ, тѣснимый послѣдними, рѣшилъ сдѣлать первый серьезный шагъ въ желанномъ имъ направленіи. Дѣло было такъ. Гамбургскому торговому дому Годефруа грозило въ 1878 году совершеннѣйшее банкротство *), спасти отъ котораго его могъ бы лишь своевременно сдѣланный денежный заемъ. Но такъ какъ берлинскіе банкиры, подобно нѣкогда кенигсбергскимъ купцамъ, отказавшимся вступить въ компаніи съ бранденбургскимъ курфюрстомъ и давать денегъ на нѣмецкія колониальныя предпріятія, въ данномъ случаѣ самоанскія, считали нѣсколько рискованнымъ, то Годефруа, чтобы поддержать довѣріе къ себѣ, прибѣгъ къ помощи Бисмарка, при содѣйствіи котораго онъ надѣялся раздобыть необходимые ему капиталы. Ходовъ же къ Бисмарку у него было много. Торговый домъ Годефруа одинъ изъ самыхъ главныхъ акціонеровъ сѣверо-германскаго банка, директоромъ котораго состоялъ сенаторъ Годефруа; сѣверо же германскій банкъ, владѣлецъ правительственной «*Norddeutsche Allgem. Zeitung*» **). Это довольно солидное родство между Бисмаркомъ и Годефруа не могло, конечно, оставить равнодушнымъ перваго къ дѣламъ втораго, почему Бисмаркъ и повелъ лично агитацію въ пользу вновь образовавшагося «*Deutsche Seehandlungsgesellschaft*», выразившаго желаніе откупить у Годефруа за 10.000,000 марокъ всѣ его самоанскія плантаціи. Но такъ какъ подписка на акціи новаго общества шла довольно туго, то Бисмаркъ по настоянію своихъ друзей, Годефруа и ему присныхъ, предложилъ парламенту взять на себя, отъ имени нѣмецкаго народа, гарантію упомянутаго займа. Это и было знаменитое *Samoa-Vorlage*, проваленное, къ удивленію самого Бисмарка, въ рейхстагѣ 27 апрѣля 1880 г. 128 голосами противъ 112.

Мало знакомому съ содержаніемъ статей тогдашней бисмарковской печати, врядъ ли легко будетъ составить себѣ хотя бы приблизительное понятіе о степени возмущенія и недовольства, охватившаго колониальныхъ политиковъ послѣ отрицательнаго отношенія рейхстага къ *Samoa Vorlage*. Депутаты, вотировавшіе противъ предложенія, обвинялись чуть ли не въ измѣнѣ отечеству и въ полнѣйшемъ непониманіи насущнѣйшихъ задачъ Германской имперіи, тогда какъ гамбургскому банкирскому дому Годефруа ставилось въ большую заслугу его будто бы безкорыстная любовь къ отечеству, и его существенное желаніе не щадя своихъ средствъ, облегчать переходъ самоанскихъ острововъ въ руки нѣмецкаго правительства, т. е. расширить отечественныя владѣнія. Да, торговый домъ Годефруа былъ очень «безкорыстенъ», чему доказательствомъ можетъ служить слѣдующій

*) См. „*Stenogr. Berichte über die Verhandlungen des Reichstages*“. 36 Sitz. 22 april, 1800.

***) Такъ же.

фактъ. Въ декабрѣ 1875 г., рассказываетъ Людвигъ Бамбергеръ въ рейхстагѣ на засѣданіи отъ 22 апрѣля 1880 года, прибылъ въ Самоа на американскомъ военномъ кораблѣ какой-то полковникъ Steinberger, созвавшій, спустя нѣкоторое время послѣ своего прибытія туземцевъ на большую сходку, на которой прочиталъ письмо, врученное ему президентомъ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, рекомендующее Штейнбергера какъ въ высшей степени гуманнаго челоѣка, отправляющагося въ Самоа, чтобы посвятить тамъ всю свою энергію благу самоанцевъ. Какими-то невѣдомыми путями ловкій Штейнбергеръ успѣлъ въ теченіе очень короткаго времени сдѣлаться самоанскимъ премьеръ-министромъ, съ которымъ вскорѣ сюда прибывшій нѣмецкій консулъ вступилъ въ самыя дружескія сношенія. Увы, дружба эта была недолговѣчна, ибо она шла въ разрѣзъ съ интересами англійскаго правительства, представитель котораго не замедлилъ объявить Штейнбергера зауряднѣйшимъ проходимцемъ. И не прошло много времени, какъ Штейнбергеръ былъ изгнанъ изъ Самоа въ силу рѣшенія, принятаго на конференціи самоанскихъ консуловъ. Въ конфискованныхъ же бумагахъ злополучнаго премьеръ-министра было найдено много любопытныхъ документовъ и, между прочимъ, договоръ, заключенный Штейнбергеромъ въ 1874 году, т.-е. за годъ до его прибытія въ Самоа, съ гамбургскимъ домоу Годефруа; договоръ, обязующій перваго въ качествѣ министра или вообще власть имущаго всячески способствовать процвѣтанію исключительно Годефруаскихъ предпріятій, какъ, наприм., обложеніемъ самоанцевъ податью, уплачиваемой только капррой, которую и перепродавать той же фирмѣ Годефруа, само собой разумѣется по очень выгоднымъ цѣнамъ. Таково было «безкорыстіе» торговаго дома Годефруа.

Бисмарку, привыкшему къ раболѣпству нѣмецкаго рейхстага, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ его большинства, не легко было перенести на повесенную ему кровную обиду рѣшеніемъ отъ 27 апрѣля 1880 г. Навсегда покориться этому рѣшенію и поставить точку на колоніальной политикѣ значило для Бисмарка позволить вмѣшательство рейхстага въ его виѣшнюю политику, съ чѣмъ онъ меньше всего могъ согласиться. Не переставая отрицательно относиться къ пріобрѣтеніямъ колоній, онъ ихъ тѣмъ не менѣе считалъ не дорогой и не только не опасной, но даже и не бесполезной игрушкой, надѣясь при помощи ея отвлечь вниманіе нѣмецкаго обывателя отъ внутреннихъ дѣлъ, отъ приближавшихся тогда выборовъ въ нѣмецкій рейхстагъ, ибо боялся потерять такое же пораженіе, какъ потерпѣлъ при выборахъ 1881 года, и перенести всѣ помыслы и страсти нѣмецкаго народа въ Африку и Азію. Игрушка оказалась настолько забавной и увлекательной, что поссорила между собой даже членовъ социалъ-демократической парламентской фракціи, хотя ненадолго и безъ особыхъ послѣдствій *). И вотъ Бисмарку, давно уже наострившему уши и изъ-подъ угла терпѣливо поджидавшему наступленія того политическаго момента,

*) См. *Frans Mehring*: „Geschichte der Deut. Socialdemokratie“.

при которомъ ему удалось бы стащить кусочекъ Африки, но такъ, чтобы «капиталъ приобрести», а главное «и невинность соблюсти», наконецъ, счастье улыбнулось.

Въ 1880 году пало министерство Биконсфильда и судьбы англійской вѣшной политики перешли въ руки либеральнаго министерства Гладстона какъ разъ въ то время, когда въ южной Африкѣ трансваальцы и зулусы, недовольные англійской политикой, вели себя довольно неспокойно. Неурядицы, царившія въ южной Африкѣ, отозвались, конечно, и на проповѣдовавшихъ тамъ слово Божіе нѣмецкихъ миссіонерахъ, дѣятельность которыхъ нѣмецкому правительству, какъ и всякому другому западно-европейскому, постольку мила и интересна, поскольку они являются подчасъ безсознательными и невольными застрѣльщиками капитализма. Субсидируя миссіонерскія общества, большинство западно-европейскихъ правительствъ утѣшаетъ себя надеждой, что потраченные суммы будутъ возвращены сторицею и съ замираніемъ сердца ждутъ дня и часа, когда тотъ или другой проводникъ будетъ оскорбленъ, обиженъ, а что еще лучше убитъ туземцами. Такая обида или смерть должна быть непремѣнно искуплена, а искупается она клочкомъ земли, гаванью или торгово-промышленными привилегіями.

Нѣмецкіе миссіонеры, оставленные англичанами на произволъ судьбы, обратились за помощью къ Бисмарку, тотчасъ же сдѣлавшему запросъ у англійскаго правительства насчетъ его намѣреній относительно защиты нѣмецкихъ гражданъ, проживающихъ въ Африкѣ. Лордъ Гранвилль, министр иностранныхъ дѣлъ, имѣлъ тогда неосторожность, правда, вынужденно, отвѣтить Бисмарку, что англійское правительство, держа военную силу только въ Вальфишбаѣ, не можетъ взять на себя отвѣтственности за безопасность европейцевъ, поселившихся внутри Африки, т.-е. какъ разъ то, чего и нужно было Бисмарку. И Бисмаркъ сталъ готовиться къ рѣшительному шагу.

Ужъ, конечно, не безъ вѣдома берлинскаго кабинета осмѣлился бременскій купецъ Людерицъ открыть въ 1882 году въ Анга Рекепа торговую агентуру, чтобы сейчасъ же обратиться къ своему правительству за защитой. На запросъ нѣмецкаго посла Герберта Бисмарка, сына канцлера, простираетъ ли Англія и на эти мѣста свой протекторатъ, лордъ Гранвилль считалъ нужнымъ уклониться отъ рѣшительнаго отвѣта, подхрабривъ такимъ образомъ Людерица, послѣдствившаго приобрести въ свою неотъемлемую собственность за 200 никуда негодныхъ ружей и нюрнберскія игрушки на сумму въ 2,000 марокъ, Анга Рекепа и площадь въ 5 нѣмецкихъ миль въ окружности. А когда нѣсколько позже, 25 августа 1883 г., Людерицъ приобрѣлъ отъ того же Юсіфа Фредерика, Бетаниенскаго капитала за 500 Z. и 50 ружей прибережную полосу, между Оранжевой рѣкой и 26° южной широты, длиною въ 20 миль, то тутъ только англичане всполошились и въ лицѣ капитана Спенсе предъявили свои претензіи какъ на островъ Анга Рекепа, такъ и на всѣ купленные Людерицомъ земли, на

основаніи какихъ-то давно тому назадъ, еще въ 1864—65 гт., заключенныхъ контрактъ съ тѣмъ же Фредерикомъ по 24 апрѣля 1884 г., Бисмаркъ даетъ нѣмецкому консулу въ Бампштадтъ свою слѣдующую знаменитую телеграмму: «По заявленіямъ г. Людерца наша колониальная администрація сомнѣвается въ правѣ на защиту его прибрѣтеній со стороны нѣмецкаго правительства. Заявите официально: что его (Людерца) собственность стоитъ подъ защитой Германской имперіи». И тутъ же, чтобы отбить у Британскаго и капскаго правительствъ всякую охоту къ протестамъ, было отдано приказаніе корветамъ «Лейпцигъ», «Елизавета» и «Вольфъ» отправиться къ берегамъ Оранжевой рѣки и объявить ее, за исключеніемъ англійскаго Walfischbay'a, нѣмецимъ владѣніемъ, что и было въ промежуткахъ между 6 и 14 августомъ 1884 г. въ точности выполнено. Фактъ этотъ вызвалъ слѣдующее замѣчаніе императора Вильгельма I: «теперь мнѣ больше не стыдно смотрѣть въ глаза статуѣ великаго бранденбургскаго курфюрста», намекая этимъ на торжество колониальныхъ попытокъ Бранденбурга. А Англія все это видѣла и молчала. О, она навѣрно вела бы себя иначе, еслибъ у нея не было хлопотъ полонъ ротъ. Въ Азіи, на туркестанскомъ небосклонѣ, показались какъ разъ въ это время грозныя политическія тучи, рисковавшія разразиться небывалой англо-россійской катастрофой. И готовясь къ ней, Биконсфильдъ, еще незадолго до своего паденія мобилизовалъ англійскія резервныя войска. Дѣло въ томъ, что туркестанскій городъ Мервъ сдѣлался русскимъ и англичане сильно обезпокоились за судьбу своей Индіи. А въ Африкѣ, въ Египтѣ, мадисты подняли знамя возстанія, не на шутку угрожая великобританскому могуществу, и Суданъ былъ въ опасности. Справиться съ этимъ щекотливымъ положеніемъ Англія могла только при нейтральномъ отношеніи. Къ этимъ политическимъ моментамъ западной Европы, нейтралитетъ Германіи и былъ купленъ африканскими продѣлками Бисмарка. Лишь *post factum*, послѣ того, какъ побѣда надъ англичанами была обезпечена и Анга Рекепа фактически прибрѣтена, Бисмаркъ снизошелъ къ рейхстагу, посвятивъ его въ свою колониальную программу на засѣданіи отъ 26 іюня 1884 г., желая какъ бы подчеркнуть свое самовластіе во внѣшней политикѣ и зная, что сдѣланнаго не вернешь. Программу же свою онъ, по совѣту своего ближайшаго помощника von Kusselow'a, цѣликомъ позаимствовалъ у англичанъ, положивъ въ основаніе ея взаимныя отношенія между британскимъ правительствомъ и англійскимъ колониальнымъ обществомъ, образовавшимся въ 1881 г. на островѣ Борнео, т.-е. такъ называемое Royal Charter. Тамъ Англія отдала упомянутой компаніи въ полнѣйшее распоряженіе судопроизводство, администрацію, финансы колоніи и т. п., оставивъ за собой лишь ея внѣшнюю политику. При этомъ Бисмаркъ неоднократно подчеркивалъ свое нежеланіе дѣлать какія бы то ни было затраты на колоніи, предоставивъ это частной инициативѣ. Вотъ почему онъ нѣкоторое время упорно и отказывался отъ устройства въ колоніяхъ на государственный счетъ нѣмецкихъ гарнизоновъ. Но все это было больше для отвода глазъ,

ибо при немъ же колоніи обзавелись гарнизономъ и при немъ же Royal Charter перестало быть непремѣннымъ условіемъ. Такъ 1 ноября 1889 г. ново-гвинейская компанія передала всѣ свои права въ руки правительства, и то же самое сдѣлало 1 января 1891 г. нѣмецкое «восточно-африканское общество», тогда какъ колоніи «Того», «Камерунъ» и «Юго-Западная Африка» съ самаго начала отказались отъ чести самостоятельно управляться.

Однако, какъ Бисмаркъ не храбрился противъ Англіи, онъ все же не переставалъ въ душѣ бороться быть при первой возможности ею изгнаннымъ изъ Африки. Укрѣпиться же здѣсь значило подыскать собѣ союзника, интересы котораго были бы противоположны англійскимъ, и уже однимъ этимъ въ нѣкоторомъ отношеніи совпадали бы съ нѣмцами. Такими союзниками были въ первую голову, конечно, французы, о сближеніи съ которыми на этой почвѣ Бисмаркъ и началъ подумывать.

Заигрыванія Бисмарка не пали на бесплодную почву и во Франціи. Однимъ изъ самыхъ горячихъ поборниковъ такого единенія былъ Barthélemy-Saint-Hilaire, взгляды котораго раздѣляло и министерство Jules Ferry. И уже въ 1884 году западно-европейская дипломатія была оповѣщена о франко-германской дружбѣ, когда парижскимъ и берлинскимъ кабинетами ей было разослано за ихъ общей подписью приглашеніе на конговскую конференцію въ Берлинѣ.

Конго, стоявшее не мало безсонныхъ ночей Англіи, Португаліи и Франціи, на какихъ-то никому невѣдомыхъ основаніяхъ была первыми двумя государствами между собой цѣлкомъ раздѣлена и ужъ, конечно, такъ, что львиная доля перепала первому изъ нихъ. Этотъ неожиданный поворотъ въ судьбѣ упомянутого государства очень встревожилъ французовъ и не меньше обезспокоилъ Леопольда, короля бельгійскаго, Леопольда, вложившаго въ Конго большія деньги. Подстрекая съ одной стороны французовъ и пугая съ другой бельгійскаго короля, Бисмаркъ беретъ на себя роль защитника интересовъ всѣхъ странъ, за исключеніемъ Англіи и Португаліи, заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ, и опросивши нѣмецкихъ капиталистовъ насчетъ ихъ отношеній къ Конго и получивъ въ отвѣтъ, что англо-португальская выходка равносильна безвозвратной потерѣ для Германіи Конго въ качествѣ вишняго рынка, Бисмаркъ въ сообществѣ съ Франціей опротестовываетъ англо-португальскій захватъ и приглашаетъ всѣхъ недовольныхъ собраться въ Берлинѣ для обсужденія конговскаго вопроса. Подъ давленіемъ лиссабонскаго парламента и португальской буржуазіи, которой не пришлось по вкусу сдѣлать ея правительства съ Англіей, официальная Португалія изъявляетъ свое согласіе явиться на берлинскую конференцію, имѣвшую мѣсто въ ноябрѣ 1884 года, что дѣлаетъ вслѣдъ за нею полеповолена и Англія, въ интересахъ которой было не вызывать европейскаго конфликта, такъ какъ была сильно обезспокоена жившимъ въ это время мѣсто искусственнымъ сближеніемъ между Петербургомъ и Берлиномъ.

Больше всѣхъ осталась довольна результатами конференціи Франція,

такъ какъ въ Берлинѣ основательно помышляли ея исконной соперницѣ Англіи всецѣло завладѣть южной частью Африки. Лондонскіе же дипломаты ушли съ конференціи съ длиннымъ носомъ, а Бисмаркъ отъ удовольствія потиралъ руки. И былъ правъ, такъ какъ заставилъ Англію, ни за что не желавшую признать за нимъ правъ вмѣшательства въ африканскія дѣла, считаться съ нимъ, насильно навязавъ колониальнымъ государствамъ свое родство.

Справившись съ конговскимъ вопросомъ, нѣмцы перенесли свое вниманіе на богатѣйшую страну восточной Африки, на Занзибаръ, гдѣ съ давнихъ поръ Великобританія, въ лицѣ своего генеральнаго консула John Kirk'a, бережно обхаживала занзибарскаго султана, склоняя его къ признанію надъ собой англійскаго протектората, въ надеждѣ этимъ путемъ ускорить переходъ въ ея руки всей восточной Африки. Она мечтала о территоріи отъ южно-африканскихъ береговъ вплоть до Судана и даже Египта, что было не по душѣ нѣмцамъ, не покидавшимъ мысли добраться вдоль занзибарскаго побережья до границъ Конго. Починъ въ этомъ направленіи сдѣлали братья Denhardt, выбравшіе себѣ жертвой мало извѣстную и внѣ сферы вліянія западно-европейскихъ государствъ находившуюся область «Гапа». Въ ноябрѣ 1882 года *) былъ ими основанъ комитетъ того же имени, успѣвшій заинтересовать берлинскую академію наукъ, отпустившую ему пустяковую сумму въ 6,000 марокъ на научныя изслѣдованія, чѣмъ братья Denhardt, конечно, меньше всего интересовались. Прибывъ въ декабрѣ 1884 года въ Занзибаръ, они тотчасъ же возбудили къ себѣ подозрѣніе занзибарскаго султана, отдавашаго своимъ чиновникамъ приказаніе оказывать имъ всякое сопротивленіе, преслѣдовать ихъ по пятамъ и не давать Денхардтамъ, что называется, ходу.

Очутившись послѣ долгихъ мытарствъ въ резиденціи, радушно ихъ принявшаго витуанскаго султана Achmeda, имъ удалось склонить его къ продажѣ имъ упомянутой области.

Лишь только вѣсть о происшедшей куплѣ-продажѣ между братьями Denhardt и витуанскимъ князькомъ достигла ушей занзибарскаго султана, какъ имъ сейчасъ же было отдано приказаніе поднять занзибарскій флагъ во всѣхъ нѣмцямъ уступленныхъ мѣстахъ, а подъ давленіемъ John Kirk'a, англійскаго консула въ Занзибарѣ, онъ началъ готовить походъ на Виту, назначивъ главнокомандующимъ этой кампаніи англійскаго генерала Mathew'a. Тогда витуанскій султанъ поручилъ братьямъ Denhardt официально заявить Rholfu, нѣмецкому консулу въ Занзибарѣ, что онъ-де, Achmed, горько нетерпѣніемъ признать надъ собой протекторатъ нѣмецкой имперіи и на вѣчныя времена сдружиться съ германскимъ императоромъ. Объясняется же все это тѣмъ, что область, уступленная Achmed'омъ братьямъ Denhardt оспаривалась у него Занзибаромъ, изъ-за чего между обоими султанами происходили большіе раздоры. Пронюхавъ это, братья Denhardt'ы и

*) См. статью „Witu“ въ *Koloniales Jahrbuch*, 1888.

поспѣшили въ Виту, чтобы предложить султану отдать себя подъ защиту Германской имперіи, а имъ уступить спорныя мѣста, что ему, Achmed'y, какъ болѣе слабому, было только на руку. Угрозы же Занзибара были Бисмарку нестрашны. Телеграммой на имя генеральнаго консула Rholf'a Бисмаркъ даетъ занзибарскому султану знать, что Witu вошла въ составъ нѣмецкой имперіи и что онъ въ случаѣ надобности готовъ съ Занзибаромъ помѣриться силой. Этотъ строгій и категорическій отвѣтъ на Занзибарскія претензіи и появленіе нѣмецкой эскадры въ виду Занзибара быстро его успокоили и занзибарскій султанъ поспѣшилъ официально отказаться отъ Виту *).

Такъ было въ 1882 году задумано, и двумя годами позже положено основаніе будущей «нѣмецкой восточной Африкѣ». Увы, приобрѣтенія братьевъ Denhardt были относительно скромны и не могли удовлетворить аппетита берлинскихъ колоніальныхъ политиковъ. Поэтому-то юристъ, философъ, купецъ и графъ dr. Juhnke, dr. Peters, Otto и Пфейль, организаторы и вожаки крошечнаго и безденежнаго общества «für deutsche Kolonisation», дали сами себѣ отъ имени этого общества инструкціи отправиться въ восточную Африку съ цѣлью закупки новыхъ земель, причемъ въ инструкціи было буквально сказано: «безъ положительныхъ результатовъ въ Европу не возвращаться».

Имѣло же это мѣсто въ томъ же 1884 году, когда озлобленный занзибарскій султанъ успѣлъ придти къ наивному заключенію, что самымъ лучшимъ отпоромъ нѣмцамъ искателямъ приключеній будетъ ни подъ какимъ видомъ не пропускать ихъ въ Занзибаръ. Наши герои это узнали, а посему захвативъ 65,000 марокъ и запасшись фальшивыми паспортами, они пустились въ мошенничество. И вотъ въ ноябрѣ 1884 года прибылъ изъ Триеста въ Занзибаръ пароходъ, на которомъ бдительная англійская пограничная стража кромѣ нѣсколькихъ купцовъ и четырехъ въ лохмотья одѣтыхъ жалкихъ нищихъ, ничего предосудительнаго не нашла и никакихъ подозрительныхъ субъектовъ не замѣтила. Получивъ пропускъ на берегъ, нищие тихими и мѣрными шагами направились къ нѣмецкому консульству, переступивъ порогъ котораго, бросились въ объятія давно ихъ съ нетерпѣніемъ ожидавшаго и во все посвященнаго консула Rholf'a. Заполучивъ нужныя свѣдѣнія, оборванцы сѣдаютъ къ уже заранѣе для нихъ приготовленному и всѣмъ необходимымъ снабженному, каравану; а почувствовавъ себя внѣ опасности, нищие приодѣваются и пускаются въ разсыпную въ поиски за разными легкомысленными туземными князьками. При встрѣчѣ съ подобнымъ князькомъ д-ръ Peters, наприимѣръ, начиналъ съ выпивки, закуски и подарковъ, вродѣ поношенныхъ гусарскихъ мундировъ; накормивши же и въ достаточной степени напоявши князька, Peters бережно подступалъ къ нему съ своими предложеніями, подсовывая въ подходящій моментъ еще въ Германіи заготовленный договоръ, который «его величе-

* См. „Deutsch. Ostafrika“ въ *Koloniales Jahrbuch*, 1888.

ство» подписывалъ черточкой. Послѣ такого высокаторжественнаго акта сейчасъ же поднимался нѣмецкій флагъ и раздавались ружейные выстрѣлы. Такихъ договоровъ было въ теченіе какихъ-нибудь трехъ мѣсяцевъ заключено цѣлыхъ 12 и области Usagaga, Useghna, Ukami и Ngugu, въ общемъ площадь въ 150,000 кв. километр., сдѣланы нѣмецкими владѣніями. Вернувшись въ Берлинъ д-ръ Карлъ Петерсъ переименовалъ общество «für deutsche kolonisation» въ «нѣмецко-восточно-африканское общество. Карлъ Петерсъ и К°, отъ имени котораго предложилъ имперскому правительству протекторатъ надъ его африканскими богатствами. И 27 февраля 1885 г. Вильгельмъ I вручилъ Петерсу желанный «Schutzbrief».

Однако до тѣхъ поръ, пока «восточно-африканская колонія» не имѣла свободнаго доступа къ морю, ея значеніе во всѣхъ отношеніяхъ и ужъ главнымъ образомъ въ экономическомъ было равно нулю. Найти выходъ изъ этого положенія сдѣлалось поэтому главной и первой задачей Петерса и К°. Но такъ какъ благоприятное рѣшеніе этой проблемы зависѣло въ первую голову отъ Занзибара, то и нужно было его сдѣлать другомъ нѣмцевъ и недругомъ англичанъ. Но Петерсъ зналъ, что добиться этого легальнымъ путемъ будетъ невозможно почему и прибѣгъ къ нелегальнымъ, а именно ни больше, ни меньше какъ къ подготовленію Coup d'Etat, оставленному настолько фантастично и романтично, что вся эта затѣя послужила даже фабулой для романа, печатавшагося на страницахъ французскаго журнала *Revue des deux Mondes* *).

Много лѣтъ тому назадъ погоня за наживой привела молодого нѣмца, по имени Ruete, въ Занзибаръ, гдѣ сдѣлавшись душою высшаго общества, онъ сводилъ по себѣ съ ума тамошнихъ красавицъ. Но больше всѣхъ воспыдала къ нему страстною любовью princesse Salmé, сестра султана Said Bagdash'a. Но ахъ, властитель Занзибара противится ихъ браку. Тогда, единственный исходъ, оставить родной домъ; уплыть съ своимъ горемъ въ Гамбургъ. Три года наслаждались они узами Гименея; въ четвертый онъ безжалостно раздавленъ гамбургскимъ трамваемъ; она безъ всякихъ средствъ вдова съ ребенкомъ. Вотъ все! Но вдругъ, всѣми забытая и съ голоду умиравшая princesse Salmé становится предметомъ нѣжныхъ заботъ со стороны людей ею никогда раньше не интересовавшихся. Сынъ ее зачисляется въ офицеры нѣмецкой арміи, а ей дѣлается предложеніе вернуться на военномъ нѣмецкомъ кораблѣ со всѣми, подобающими ея сану почестіями, на родину, гдѣ защитниками ея будутъ нѣмцы, и гдѣ она при дворѣ султана должна быть ихъ правою рукой. Принцесса ѣдетъ. Въ день ея прибытія нѣмецкое консульство поднимаетъ флагъ; приближеніе ея корабля привѣтствуется пушечными выстрѣлами и встрѣтить ее является торжественно на пристань въ мундирѣ и при орденахъ самъ консулъ. Увы, John Kirk успѣлъ ей приготовить такую встрѣчу съ братомъ, что спустя нѣсколько дней, въ сентябрѣ 1885 года, она ночью снова увозится въ Гамбургъ. Бѣдная принцесса!

* *M-me Awède Bavine: „Les Memoires d'une princesse arabe“. 1889, 15 fevrier.*

Но еще бѣднѣе было, въ буйвальномъ смыслѣ этого слова, «Восточно-африканское общество», ибо несмотря на частыя напоминанія Бисмарка нѣмецкой буржуазіи о «любви къ отечеству» въ связи съ колониальной политикой, она денегъ на колониальныя предпріятія упорно не давала. Въ борьбѣ съ апатіей нѣмецкаго капитала D-г Петерсъ началъ терять въ себя вѣру и рисковалъ безславно закончить свою, такъ шумно начавшуюся мошенническую, то бишь патріотическую дѣятельность. Но у Петерса еще одна единственная и послѣдняя надежда: это увлечь своими проектами и сдѣлать ихъ адвокатомъ самого императора Вильгельма I.

И дѣйствительно, Вильгельмъ I даетъ восточно-африканскому обществу полмилліона марокъ, льстя себя напрасной надеждой своимъ теплымъ отношеніемъ къ компаніи Петерса возстановить ея реноме и разрушить скептицизмъ нѣмецкаго капитала. И такъ, благодаря личнымъ симпатіямъ Вильгельма I у «Восточно-африканскаго общества» снова завелись кое-какія деньженки, на которыя оно прикупило новыя земли и въ 1886 году владѣло площадью въ 56,000 кв. нѣм. миль, т.-е. равной по своей величинѣ Великобританской Индіи.

Тогда испуганная и безпрестанно протестующая Англія вынудила, наконецъ (29 октября 1886 года), Германію признать суверенитетъ Занзибарскаго султана надъ Занзибаромъ со всѣми вокругъ него расположенными островками и островами Пемба, Ламу и Мафія. Такъ Англія отстояла Занзибаръ.

Но «восточно-африканская колонія» все еще отрѣзана отъ Занзибарскихъ береговъ, почему и послѣ долгихъ размышленій D-г Петерсъ снова (въ 1887 г.) отправляется къ Занзибарскому султану для переговоровъ съ нимъ объ уступкѣ обществу Pangani и Dar es Salam'a. Условія аренды, лично въ высшей степени выгодныя султану, богатѣйшему и первѣйшему коммерсанту своей страны, дѣлаютъ его болѣе сговорчивымъ.

И въ 1887 г. 30 іюня онъ уступаетъ «Восточно-африканскому обществу» Занзибарское побережіе на цѣлыхъ 50 лѣтъ.

При заключеніи договора Занзибарскій султанъ однако сдѣлалъ одну небольшую ошибку: онъ упустилъ изъ виду интересы самихъ Занзибарцевъ и тѣхъ равныхъ полусамостоятельныхъ князьковъ, съ которыми нѣтъ за матеріальныхъ интересовъ всегда находился въ контрактъ. Что ловкому султану Said Bergasch'у было здорово, то грозило смертью предпринимчивому арабскому торговому люду, всегда косо поглядывавшему на растущее въ ихъ странѣ политико-экономическое вліяніе европейцевъ.

На официальное Занзибаро-нѣмецкое соглашеніе туземцы рѣшили отвѣтить возстаніемъ. Въ тотъ торжественный день 15 августа 1888 года, въ который генеральный консулъ, секретарь восточно-африканскаго общества, Vohsen, съ большой помпой отправился присутствовать при поднятіи флага восточно-африканскаго общества, какъ знака официальнаго перехода

*) См. D-г Zimmermann: „Die kolonialpolitik Portugals. Indien“.

Занзибарскаго побережья въ руки послѣдняго, ему вышла навстрѣчу вооруженная толпа, предводимая полу-негромъ Buschiri. И уже къ началу октября нѣмцы, поплатившіеся жизнью нѣсколькихъ чиновниковъ, были отовсюду изгнаны, а занятые ими мѣста, за исключеніемъ портовъ Bagamoyo и Dag—es Salam'a, гдѣ стояли нѣмецкіе военные корабли, захвачены повстанцами.

Никому такъ хорошо не было извѣстно, какъ компаніи Петерса, что затѣянное ею, за недостаткомъ въ денежныхъ средствахъ, ни сегодня-завтра рухнетъ; что ждать ей помощи отъ нѣмецкаго капитала нечего, и что Бисмаркъ подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія и настроенія рейхстага не измѣнитъ своей политикѣ, въ то время въ сущности сводившейся, о чемъ мы уже говорили выше, по отношенію къ внутреннимъ дѣламъ колоній къ положенію: «моя хата съ краю, я ничего не знаю». Но всему этому, понятно, султанъ, сильно заинтересованный въ успѣхѣ Петеровской компаніи, съ которой заключалъ очень выгодную сдѣлку, не могъ оставаться безучастнымъ. Приходилось значить придумать нѣчто такое, что сдѣлало бы интересы Петерса и султана интересами нѣмецкой націи. Это нѣчто и было возстаніе. Срываніемъ имперскаго штандарта и убійствомъ нѣмецкихъ гражданъ занзибарцы кровно обидятъ политическую честь Германіи, т.-е. совершатъ поступокъ, который по взглядамъ правительства и всѣхъ такъ называемыхъ національныхъ партій не можетъ оставаться безнаказаннымъ; не говоря уже о томъ, что церемонія не могла бы обойти молчаніемъ этотъ поступокъ, если не хотѣла умалить своего значенія въ глазахъ африканцевъ; показать Европѣ, что она капитулируетъ передъ африканскимъ вопросомъ, и позволить Англии думать, что она (Германія) не такъ грозна и страшна какъ кажется.

Пользуясь моментомъ вызваннаго имъ возбужденія, Петерсъ подъ звуки національныхъ мотивовъ предлагаетъ правительству, подавивъ возстаніе, перенять отъ него управление восточно-африканской колоніей и занзибарскимъ побережьемъ; организовать тамъ небольшую военную силу для предотвращенія будущихъ «беспорядковъ», робкіе намеки на колониальную армію, и гарантировать ему подъ залогъ доходовъ «Восточной Африки» заемъ отъ 6—10 милліоновъ марокъ. Онъ предлагалъ, слѣдовательно, Бисмарку ни больше ни меньше какъ перевернуть вверхъ ногами всю свою программу, что онъ и не прочь былъ бы сдѣлать, если бы поводъ для этого былъ болѣе подходящимъ. Поэтому нѣмецкое правительство рѣшило пока ограничиться лишь посылкой (лѣтомъ 1889 г.) капитана Висслана, которому дала въ помощь 1,500 суданцевъ, въ восточную Африку для водворенія тамъ спокойствія. Петерсу же и его новому товарищу занзибарскому султану Бисмаркъ совѣтовалъ вооружиться терпѣніемъ, намекая на то, что въ воздухѣ носится, съ его точки зрѣнія, довольно безобидное культурно-историческое движеніе, могущее имъ оказать большія услуги.

Это была затѣя кардинала Lagierie, сердце котораго, по его увѣренію, обливалось кровью, когда онъ на досугѣ думалъ объ участи рабовъ не

европейскихъ, Боже упаси, а африканскихъ. Эти думы лишили его сна и аппетита и онъ увидѣлъ свое назначеніе въ жизни въ поднятїи нравственнаго уровня арабовъ. Въ 1888 году кардиналъ поднимаетъ въ Европѣ противъ африканскаго рабовладѣльчества сильную агитацію, къ которой немедленно же подъ руководствомъ «гуманнаго» Бисмарка пристають и нѣмцы. Германія покрывается множествомъ ферейновъ и комитетовъ, душою, членами и руководителями которыхъ становятся тѣ же колоніальныя политики, ибо чтобы вывести изъ Африки сравнительно небольшое количество рабовъ, тамъ ежегодно убивалось, по вычисленіямъ Lagierie, около 2 милліоновъ челоувѣвъ, на языкъ колоніальныхъ политиковъ, 2 милліона покупателей, составляющихъ центръ тяжести всѣхъ ихъ помысловъ.

14 декабря 1888 года Бисмаркъ проситъ у рейхстага денегъ на борьбу съ рабовладѣльчествомъ, требуя отъ него, подъ предлогомъ этого гуманнаго поступка, денежной и моральной поддержки, т.-е. официальной санкціи его внимательства въ судьбы Африки. Петерсъ и компанія лезутъ. Рейхстагъ, наконецъ, санкционируетъ колоніальную политику и утверждаетъ при помощи центра расходы на борьбу съ рабовладѣльчествомъ и по подавленію возстанія и отпускаетъ соответствующія суммы, большая часть которыхъ пойдетъ въ пользу восточно-африканскаго общества, противъ чего рейхстагъ, по намекамъ Windhorst'a, ничего имѣть не будетъ.

И вотъ 2 декабря 1888 г. двумя адмиралами, англійскимъ и нѣмецкимъ, была объявлена блокада Занзибарскаго побережья и запрещенъ вывозъ рабовъ и ввозъ огнестрѣльнаго оружія, чтобы обезсилить протестующихъ, не столько противъ блокады, сколько противъ сдѣлки султана съ восточно-африканскимъ обществомъ. Вѣдь рабовладѣльческій вопросъ былъ Бисмаркомъ подхваченъ больше между прочимъ, а блокада была затѣяна главнымъ образомъ съ цѣлью помочь Виссману покончить съ еще не улегшимся возстаніемъ, съ помощью нѣмецкихъ военныхъ кораблей.

Въ блокадѣ сейчасъ же поспѣшили пристать Португалія и Испанія, а затѣмъ при нѣкоторыхъ специальныхъ условіяхъ и Франція.

Изъ сдѣланнаго мною краткаго историческаго обзора восточно-африканской колоніи не трудно было замѣтить, какъ съ перваго дня ея возникновенія германское правительство не оставалось чуждымъ ея интересамъ. Въ интересахъ восточно-африканской кампаніи оно сначала ведетъ борьбу съ равнодушіемъ нѣмецкаго капитала и нѣмецкаго народа, затѣмъ съ рейхстагомъ и, наконецъ, опираясь на большинство послѣдняго, съ оппозиціей, подгоняя параллельно съ этимъ къ тѣмъ же интересамъ и свою вышнюю политику. Оставалось еще только назвать свои отношенія къ восточно-африканскому обществу собственнымъ именемъ и частную собственность акціонернаго общества сдѣлать имперской колоніей. Естественнымъ и логическимъ концомъ поведенія германскаго правительства и была на самоѣ дѣлѣ, уступка ему «восточно-африканской компаніей» всѣхъ своихъ владѣній и правъ, пріобрѣтенныхъ отъ Занзибарскаго султана. Откупивъ у петеровской компаніи ея юридическія права, т.-е. перенявъ въ

свои руки административную часть колоній, къ каковой функціи общество оказалось неспособнымъ, и предоставивъ ему исключительныя права ея экономической эксплуатаціи *), нѣмецкое правительство обязалось, во-первыхъ, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ платить Петерсу и ком. ежегодно по 600,000 мар., и, во-вторыхъ, устроить ему заемъ, чтобы дать обанкротившемуся обществу возможность развернуться, а нѣмецкому народу доставить удовольствіе тратить громаднѣйшія суммы на поддержаніе внутренняго порядка колоній, порядка необходимаго Петерсу для обогащенія его кармановъ.

Возражая какъ-то оппозиціи, Бисмаркъ оправдывалъ въ парламентѣ свою колониальную политику тѣмъ, что она была ему навязана, что она продуктъ оказаннаго на него давленія широкимъ общественнымъ мнѣніемъ. Бисмаркъ и общественное мнѣніе! Нѣтъ, пускаясь въ африканскія авантюры, онъ, преслѣдуя при этомъ свои опредѣленныя цѣли, нами раньше описанныя, хотя и намѣревался только пошалить, но начавъ ихъ не смогъ уже остановиться, вскорѣ сдѣлавшись рабомъ своей колониальной политики. Въ этомъ вопросѣ онъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ сыгралъ по отношенію къ самому себѣ роль того дука <der stets das gute will und stets das bose schaft>.

20 марта 1890 года Бисмаркъ покинулъ постъ имперскаго канцлера, оставивъ въ Африкѣ рядъ не вырѣшенныхъ вопросовъ и недоразумѣній. Его африканская политика со дня на день рисковала закончиться англо-германской катастрофой, и созданное имъ тамъ положеніе было въ высшей степени неопредѣленно и неустойчиво. Восточно-африканскія «богатства» слагались изъ отдѣльныхъ областей, раздѣленныхъ между собою землями, принадлежавшими то Занзибару, то Англии; лондонскій и берлинскій кабинеты продолжали тягаться изъ-за преобладающаго вліянія на то или другое африканское государство, а Занзибарскій султанъ пребывалъ въ положеніи маятника, мѣрно покачивавшагося въ сферѣ дипломатическихъ интригъ, отъ нѣмецкаго посольства къ англійскому и обратно. Ликвидировать все это выпало на долю смѣнившаго Бисмарка Каприви, державнагося взгляда, «чѣмъ меньше Африка, тѣмъ лучше».

Въ своей докладной запискѣ о мотивахъ новаго англо-германскаго соглашенія **) Каприви излагаетъ приблизительно такъ свое колониально-политическое profession de foi: Расширяя предѣлы колониальной политики, Германия вмѣстѣ съ тѣмъ и увеличиваетъ количество точекъ сопригосновеній съ другими государствами и больше всего съ Англійей, ставъ во враждебныя отношенія къ которой изъ-за какой-нибудь колоніи онъ считалъ легкомыслиемъ. «Наши колониальныя владѣнія не настолько важны и значительны, чтобы могли служить причиной англо-германскаго конфликта...

*) См. соответствующіе §§ договора въ книгѣ Петерса. „Das deutsche Ostafri. Schutzgebiet“.

**) См. „Denkschrift über die Beweggründe zu dem deutsch—englischen Alnomen“ № 1 der Sammlung öffentlicher Veröffentlichungen. Berlin Carl Heyman.

Мы должны возстановить нашу старую дружбу къ Англїи и должны себѣ поставить задачей удержать ее и на будущее время... «теперешнее положеніе въ Занзибарѣ сдѣлалось невозможнымъ и пора свыгнуться съ мыслью, что либо намъ, либо Англїи должно быть предоставлено право руководящей роли въ Занзибарѣ, на что послѣдняя безъ сомнѣнія имѣетъ больше историческихъ и политико-экономическихъ правъ. Согласиться признать англійскій протекторатъ надъ Занзибаромъ и островомъ Пембра равносильно передачѣ интересовъ нѣмецкихъ торговыхъ фирмъ въ вѣденіе надежныхъ и положительныхъ рукъ... Что съ того, что мы обогатимся протекторатомъ надъ Занзибаромъ.

Развѣ мы въ состояніи помѣшать сильному англійскому флоту повергнуть, когда онъ найдетъ это нужнымъ, Занзибарское побережье блокадѣ, противъ которой мы будемъ безсильны?... Зато при англійскомъ протекторатѣ намъ легче будетъ отражать нападеніе на насъ со стороны нѣкоторыхъ африканскихъ народностей... За эти уступки Англїя вознаградила Германію островомъ Гельголандъ, непосредственно лежащимъ у устья рѣкъ Эльбы и Везера и весь населенный нѣмецкимъ племенемъ. Приобрѣтеніе этого острова горячо рекомендовалось уже въ 70 годахъ разными компетентными нѣмецкими адмиралами, доказывавшими, что Гельголандъ, будучи хорошо укрѣпленнымъ, всегда можетъ помѣшать непріятельскому флоту долго держаться у устьевъ Эльбы и Везера, а слѣдовательно и служить защитой побережья сѣверно-нѣмецкаго моря. Къ острову Гельголандъ Англїя еще обѣщалась присоединить свое вліяніе на Занзибарскаго султана, что и сдѣлала, въ смыслѣ продажи Германіи, оставленной за Занзибаромъ по англо-германскому договору 1886 года, прибрежной полосы въ 19 километровъ за баснословно дешевую цѣну въ 4 милліона марокъ.

1 іюля 1890 года были представителями обохъ государствъ подписанъ договоръ, въ корень уничтожившій всѣ безъ исключенія Петербургскіе дѣянія.

«Наносите на географическую карту по возможности больше британскихъ владѣній и не бойтесь при этомъ перехватить черезъ край,—говорилъ Cecil Rhodes англичанамъ, послѣднимъ послѣдовать его увѣзанія, когда узнали о Лудерікскихъ походахъ и о захватѣ Англа Ренуэа.

Отстоявъ St. Lucie-Bai, отъ котораго нѣмецкое правительство, нѣсколько смущенное неожиданнымъ возбужденіемъ капланцевъ, считало благоразумнымъ отказаться, англичане объявили въ 1885 году свой протекторатъ надъ Behschuanaland'омъ и Damarland'омъ, чтобы пока еще не поздно отъязать нѣмцамъ путь къ трансваальцамъ и воздвигнуть китайскую стѣну между новыми нѣмецкими владѣніями и трансваальской республикой, и что и помѣшать осуществленію нѣмецкаго идеала, «Hochdeutsch im Westen, Niederdeutsch im Osten, Afrika deutsch von Kap bis zum Kongo». Что идея этотъ не была продуктомъ большой фантазіи англичанъ, подтвердили г-

ландцы, получившіе возможность убѣдиться въ существованіи въ рукахъ англійскаго правительства документовъ, изъ которыхъ слѣдовало, что Германія готовится почву для нѣмецкаго протектората надъ трансваальской республикой и не на шутку помышляетъ о расширеніи своего вліянія въ Африкѣ вплоть до голландской Занбезіи. Но лучше всѣхъ раскрылъ германо-трансваальскіе секреты президентъ Брюгеръ, когда, на пышномъ обѣдѣ въ Потсдамѣ, пилъ за здоровье императора Вильгельма I и за процвѣтаніе нѣмецкаго народа, на который южно-африканская республика всегда уповаетъ и надѣется и въ которомъ всегда видитъ въ тяжелыхъ минуты своей жизни единственнаго заступника, и котораго считаетъ своимъ единственнымъ другомъ. Немудрено поэтому, что англичане поставили себѣ задачей отравить нѣмцамъ жизнь въ ихъ новой колоніи «Südwestafrik'ъ» настолько, чтобы имъ ихъ пребываніе тамъ сдѣлалось невыносимымъ. Поручили же они это своему тайному агенту Левису, дѣйствовавшему въ этомъ направленіи скрытно до тѣхъ поръ, пока въ 1887 году не было въ «юго-западной Африкѣ» найдено золото, вскружившее голову нѣмцамъ и возбуждавшее необыкновенную зависть у англичанъ. Вѣсть о найденныхъ богатствахъ въ Даммерландѣ воскресила въ памяти Левиса полученные имъ въ 1885 году, отъ даммерландскаго князька Махагео пару концессій, сдѣлавшихся отправнымъ пунктомъ англійскихъ претензій. Германское правительство было собственно готово признать за Левисомъ право на его пару концессій, если бы онъ хотѣлъ только ими удовлетвориться, а не предъявлялъ бы требованій на исключительное право добыванія минеральныхъ богатствъ во всеи Даммерландѣ, на основаніи документа, изготовленнаго, по убѣренію нѣмцевъ, заднимъ числомъ и подписаннаго Махагео въ пьяномъ видѣ.

Въ декабрѣ 1887 года Махагео по требованію нѣмецкаго имперскаго комиссара подписалъ заявленіе, отрицавшее за Левисомъ, за исключеніемъ двухъ концессій, исключительныхъ правъ на минеральныя богатства Даммерланда. 30 же октября 1888 года, т.-е. въ день, когда Левисъ у него встрѣтился съ д-ромъ Гёрингомъ нѣмецкимъ комиссаромъ, онъ отказался не только отъ заявленія 14 декабря, но и отъ всѣхъ другихъ раньше заключенныхъ съ нѣмцами контрактовъ и тутъ же на виду у всѣхъ своихъ соотечественниковъ и въ присутствіи нѣмцевъ назначилъ Левиса своимъ генеральнымъ представителемъ. Почувствовавъ себя хозяиномъ положенія, Левисъ здѣсь же на собраніи заявилъ, что всякій нѣмецъ, котораго онъ завтра д-ромъ встрѣтитъ въ Okahandya, заплатится за это головою. Тогда испуганные нѣмцы безъ оглядки бѣжали.

Südwestafrik'анская армія была поспѣшно распущена, а имперскій комиссаръ со всѣми чиновниками «Südwestafr. общества», за исключеніемъ одного единственнаго, оставшагося въ Anga Requena, вернулись въ Европу, живъ еще распродать все движимое имущество колоніальнаго общества *).

*) См. *Fabri*: „Fünf. Jahre Kolonialer Politik, Gotha“ 1889, и *Français*: „Deutsches. Afrika“.

Картина постыднаго бѣгства нѣмцевъ изъ Südwestafrik'a, выгнанныхъ оттуда усиліями одного человѣка, да къ тому еще и англичанна, вызвала въ противникахъ колониальной политики Бисмарка гомерическій смѣхъ и ядовитое соболѣзнованіе по поводу полученной ими политической пощечины отъ одного изъ зауряднѣйшихъ англійскихъ купцовъ, отомстить которому за учиненный ему скандалъ Бисмаркъ далъ себѣ честное слово.

И дѣйствительно, 13 мая 1889 г. берлинскимъ кабинетомъ было поручено полковнику Франсуа организовать новую юго-западно-африканскую армию, а въ § 4 врученной ему официальной бумаги значилось: «Левиса словить и сдѣлать безвреднымъ», въ § 6: «Отрѣзать Левису возможность сообщенія съ Вальфишбаемъ и Karstadt'омъ и абсолютнымъ запрещеніемъ ввоза огнестрѣльнаго оружія оказать должное давленіе на бунтующихъ туземныхъ князьковъ» *). Если уже одно присутствіе нѣмцевъ въ юго-западной Африкѣ раздражало туземцевъ, а введенный нѣмцами охотничій налогъ задѣлъ ихъ за самое больное мѣсто, то запрещеніе ввоза огнестрѣльнаго оружія, т.-е. главнаго средства защиты ихъ отечества отъ нападений европейцевъ, навело туземцевъ на печальныя мысли о будущности ихъ родины. Въ виду грозившей имъ опасности туземные князьки рѣшили отложить междуусобныя распри. Пошли переговоры о примиреніи между Маһагего и его заявлятымъ врагомъ Witbooi, подчинившимъ къ этому времени своему владычеству въ теченіе одного года (1888—1889), почти все готевтотское племя и сдѣлавшимся союзникомъ разныхъ другихъ Südafrik'анскихъ народцевъ. Въ своемъ хорошо укрѣпленномъ мѣстечкѣ Ноогнкгапъ, Witbooi имѣлъ въ 1889 г. около 900 вооруженныхъ солдатъ и большой запасъ оружія и пороху, доставленный ему англичанами, несмотря на вышеупомянутое запрещеніе, обезпечивъ себѣ на всякій случай, при помощи англичанъ, путь къ отступленію, Witbooi былъ готовъ къ схваткѣ съ нѣмцами, которымъ началъ причинять всевозможныя неприятели, запрещая имъ, напримѣръ, селиться на его земляхъ. Тогда «Юго-западно-африканское общество» обратилось къ правительству съ петиціей, въ которой просило усиленія колониальной арміи и требовало вооруженнаго отпора Witbooi. Его просьбы и требованія были услышаны. Полковникъ Франсуа сталъ укрѣпляться въ Windhoek'ѣ, откуда и шлетъ своему противнику слѣдующій ультиматумъ: «Ты обязуешься сейчасъ же отказаться отъ власти надъ всѣми не принадлежащими къ твоему племени и сложить свое оружіе въ церкви Ноогнкгап'а, очистивъ который отправляешься въ Гибеонъ, гдѣ будешь жить спокойно подъ защитой нѣмецкой имперіи. Въ противномъ же случаѣ...»

На разсвѣтъ, когда военный лагерь Witbooi, не предполагавшій приближенія нѣмцевъ, спалъ своимъ послѣднимъ сномъ, въ Ноогнкгапъ раздалась со всѣхъ сторонъ пальба, уничтожившая тамъ, нисколько не преувеличивая, почти все живое **). Witbooi и его приближенные, не успѣв-

*) См. *Français et Deutsch-Südwestafrika*. Berlin 1889.

**) См. „Deutsche Kolonial Zeitung“, № 7, 1893 г.

ше даже схватить ружей въ руки, спаслись бѣгствомъ, оставивъ нѣмцамъ своихъ отцовъ, женъ и дѣтей.

Этимъ закончилась въ началѣ нашей статьи упомянутая война 1893—1894 г. противъ Witbooi, съ которымъ майоръ Лейтвейнъ вскорѣ заключилъ перемиріе, вопреки желанію берлинскихъ политиковъ, требовавшихъ его головы.

Пока еще Witbooi оставался вѣрнымъ состоявшемуся между нимъ и нѣмцами перемирію и жилъ съ ними въ дружбѣ, а со стороны другихъ племенъ нельзя было въ недалекомъ будущемъ ждать возмущенія, слѣдовало поспѣшить заселеніемъ колоній бѣлыми, чтобы при ихъ помощи, въ случаѣ новаго осложненія, легче было отстоять колонию. Первыми, изъявившими желаніе переселиться въ ю.-з. Африку были буры. Но буры опасный элементъ. Свыкшись съ Африкой, они быстро освоились бы въ своемъ новомъ отечествѣ и будучи всегда въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ сами нѣмцы, сдѣлались бы преобладающимъ элементомъ въ колоніи, который по своему характеру и своему историческому прошлому сильнѣе тяготѣлъ бы къ Африкѣ, чѣмъ къ Германіи.

Тогдашнія мечты объ объединеніи всѣхъ бѣлыхъ африканцевъ въ одну огромную южно-африканскую республику нашли бы откликъ въ Südwest-Afrik'ѣ, къ чему ее особенно располагало ея географическое положеніе между Трансваалемъ и Капштадтомъ. Такія опасенія высказывали тѣ самые нѣмцы, которые еще такъ недавно искали сближенія съ бурами. Не даромъ же германскую внѣшнюю политику называютъ зигзагообразною.

Руководясь этими соображеніями, Südwest-Afrik'анское колониальное общество проситъ нѣмецкое правительство, ссылаясь на свою бѣдность, подарить ему необходимую площадь земли для переселенія. И дѣйствительно получило 300,000 прусскихъ морген и кромѣ того еще и заручилось обѣщаніемъ при первой надобности площадь эту увеличить.

Но къ 3 декабря 1892 г. въ распоряженіе переселенческаго синдиката, несмотря на поднятую національ-либеральной прессой агитацію въ пользу выпущенныхъ ими акцій, было всего-навсего 7,000 марокъ. И снова обращается къ правительству за помощью синдикатъ и предлагаетъ ему слѣдующую комбинацію: онъ, синдикатъ, условливается съ Верманомъ насчетъ регулярнаго посѣщенія по нѣскольку разъ въ годъ Вермановскими пароходами Swakornlund'a, главнаго Deutsch Südwest-Afrik'анскаго порта, а правительство дѣлаетъ синдикатъ своимъ главнымъ и единственнымъ поставщикомъ всего необходимаго для имперской арміи и администраціи въ Südwest-Afrik'ѣ. Правительство на это соглашается и платитъ синдикату на 100,000 марокъ больше, чѣмъ ему эта исторія стоила бы, если бы оно не пользовалось посредничествомъ послѣдняго. Устроившись такъ на счетъ нѣмецкой казны, синдикатъ принялся за переселеніе, несмотря на то, что «Юго-западная Африка» для переселенія европейцевъ вообще и мелкихъ хозяевъ въ частности, какъ увидѣли послѣ, совсѣмъ не пригодна.

*) См. „Koloniale Zeitschrift“, 1904 г.

Спустя всего одинъ годъ послѣ приобретѣнія Люперосомъ Ангра-Реуена, онъ обанкротился и пустился поэтому въ поиски за покупателемъ на свои африканскія владѣнія, которыя готовъ былъ продать первому появившемуся, не исключая даже англичанина, т.-е. намѣревался превратить въ ничто его дипломатическія побѣды Бисмарка. Путемъ всякихъ финансовыхъ ухищреній и превращеніемъ «Юго-западной Африки» въ имперскую колонію, Бисмарку удалось удержать Люпероса отъ этого шага. Но Каприви, вступившій англичанъ въ Südwestafrik'u, несмотря на громкіе протесты со стороны колониальныхъ политиковъ, далъ свое согласіе на даммерландскую концессию, полученную отъ правительства Гамбургско-англійскимъ *) обществомъ подъ названіемъ «Soubt West Africa Co», этотъ свой «антинаціональный» поступокъ Каприви въ рейхстагъ **) защищалъ тѣмъ, что даммерландской концессіей имѣлъ лишь въ виду сдѣлать Südwestafrik'u такою, чтобы она была достойна защиты и затратъ на нее метрополіей. Если же онъ эту роль вынужденъ былъ перенести на англичанъ, — прибавлялъ онъ, — то виноваты въ этомъ сами же нѣмцы, умѣющіе быть приверженцами колониальной политикѣ только на словахъ и до кармана. Такъ сбылись слова Сесиль Роддса, знаменитаго англійскаго колониальнаго политика, говорившаго англичанамъ: «Оставьте вы нѣмцевъ. Пусть они себѣ занимаютъ колониальной политикой, въ которой ровно ничего не понимаютъ и въ которой такъ запутаются, что будутъ насъ же просить докончить ими начатое». И правда, Südwest-Afrik'анская колонія, имѣвшая своимъ началомъ захватъ Ангра-Реуены, приобретенная Бисмаркомъ путемъ невозможнѣйшихъ дипломатическихъ каверзъ и стоявшая нѣмецкому народу большія деньги, перешла при Каприви какъ и восточно-африканская колонія въ фактическое обладаніе все тѣхъ же англичанъ.

Политикусь.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) Это названіе было принято для успокоенія нѣмцевъ.

**) Stenogr. Berichte der Reichst. 55 Sitzung, 1893 г.

Бакинскіе ссудо-промышленники.

Въ Баку происходитъ весьма интересное событіе: раздача двадцатимилліонной ссуды нефтепромышленникамъ-погорѣльцамъ. Попытаемся разсмотрѣть болѣе подробно всю эту исторію о ссудѣ; это будетъ не бесполезно уже и потому, что несомнѣнно раздача, какъ увидимъ дальше на довольно-таки легкихъ началахъ, вызоветъ не мало всякихъ разговоровъ, вопросовъ, запросовъ, объясненій и разъясненій. Среди многихъ другихъ льготъ и благъ падающая Бакинская нефтепромышленность 11 ноября прошлаго 1905 года добилась получить двадцатимилліонной ссуды. Этотъ блестящій результатъ достигнуть цѣлымъ рядомъ разнообразнѣйшихъ хитрослетеній, на которыя такъ тароваты господа нефтепромышленники. Цѣлыми монографіями, слобренными и слезами и угрозами и экономического и политическаго пошиба, они выудили себѣ между прочимъ и этотъ лакомый кусокъ, выдача котораго изъ государственныхъ расходовъ обставлена слѣдующими руководящими соображеніями бывшаго «талантливаго» министра финансовъ. Статсъ-секретарь Коковцевъ далъ промышленникамъ указаніе въ томъ смыслѣ, что онъ признаетъ возможнымъ возбудить ходатайство предъ высшимъ правительствомъ о выдачѣ нефтепромышленникамъ ссуды лишь на слѣдующихъ основаніяхъ.

1) Воспособленіе со стороны казны можетъ быть оказано нефтепромышленникамъ не въ видѣ возмѣщенія имъ убытковъ отъ разгрома промысловъ, а въ видѣ возвратной ссуды на предметъ возстановленія промысловъ.

2) При опредѣленіи размѣра ссуды необходимо считаться съ затруднительнымъ положеніемъ государственнаго казначейства, обусловленнымъ прѣшествовавшими затратами на веденіе войны и предстоящими расходами по ликвидациіи военныхъ дѣйствій, а также непредвидѣнными расходами по оказанію воспособленія населенію мѣстностей, постигнутыхъ въ текущій годъ неурожаемъ.

3) Ссуда ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть безпроцентною и разнѣ въ ‰, ‰, по ссудѣ не можетъ быть ниже ‰, ‰, уплачиваемыхъ самою казною по займамъ.

4) Возврат ссуды долженъ быть обезпеченъ со стороны нефтепромышленниковъ надлежащими гарантіями.

5) Ссуды могутъ быть выданы нефтепромышленникамъ лишь при наличности гарантіи въ томъ, что онѣ будутъ употреблены на предметъ назначенія, въ каковыхъ цѣляхъ должно быть создано на мѣстѣ особое учрежденіе изъ правительственныхъ членовъ и представителей нефтепромышленниковъ, на обязанности котораго лежало бы какъ точное опредѣленіе размѣра понесеннаго тѣмъ или инымъ предприятиемъ ущерба и, въ соотвѣтствіи съ симъ, установленіе размѣра ссуды, такъ въ особенности выдачи ея по мѣрѣ возстановленія разрушенныхъ промысловъ.

Вышеупомянутая образованная министромъ финансовъ, подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Тимирязева, коммиссія выработала нижеслѣдующія предположенія.

1) Ссуда испрашивается въ нижеслѣдующемъ размѣрѣ:

а) Для нефтяныхъ промысловъ и трубопроводныхъ заведеній 19½ миліоновъ руб.

б) Для предприятий подряднаго буренія 3 милліон. руб.

в) Для возстановленія имущества учреждений съѣзда нефтепромышленниковъ 1 милл. руб., всего 23½ милл. руб.

За отказомъ нѣкоторыхъ предприятий отъ правительственнаго воспомощенія, общій размѣръ испрашиваемой ссуды опредѣляется въ 22 милл. руб., въ томъ числѣ испрашивается съѣзду нефтепромышленниковъ 1 милл. рублей.

2) Ссуда должна быть выдана пострадавшимъ предприятиямъ изъ 4% годовыхъ, а совѣту съѣзда нефтепромышленниковъ безпроцентно.

3) Срокъ ссуды, какъ общее правило, долженъ быть опредѣленъ въ 12 лѣтъ, при условіи начала погашенія ея черезъ два года.

4) Обезпеченіемъ ссудъ служатъ соло-векселя, при обязательствѣ не обезцѣниванія имущества предприятий и воспрещенія его отчужденія.

5) Размѣръ суммы, подлежащей къ выдачѣ въ ссуду каждой отдѣльной фирмѣ, предварительно опредѣляется на основаніи данныхъ, представляемыхъ статистическимъ бюро съѣзда и чинами горнаго надзора. Половина этой предварительно исчисленной суммы немедленно же выдается въ видѣ аванса; выдача остальной части ссуды производится черезъ каждые два мѣсяца, въ размѣрѣ примѣрно по 25%, причемъ окончательное опредѣленіе общаго размѣра ссуды и сроковъ послѣдующихъ выдачъ возлагается на особый комитетъ въ составѣ представителей казенной палаты, горнаго надзора Государственнаго Банка, Бакинскаго Биржевого Комитета, Государственнаго Контроля и представителей промышленниковъ въ числѣ, *не менше* числа представителей отъ правительственныхъ учреждений.

Но даже господинъ Бокорцевъ, апологетъ нефтепромышленниковъ-страдалцевъ, счелъ своимъ долгомъ поторговаться и нѣсколько осадить аппетиты Павла Осиповича Гукасова и вообще всей этой теплой компаніи.

Въ цитируемой нами докладной запискѣ читаемъ непосредственно за приведенными ранѣе выдержками слѣдующее:

Размѣръ кредита на выдачу ссудъ исчисленъ нефтепромышленниками при первоначальномъ подсчетѣ въ 40 милліоновъ рублей; затѣмъ въ коммисіи,—въ 23 милліона рублей и, наконецъ, за отказомъ нѣкоторыхъ предпріятій отъ пользованія казенной ссудой, окончательно опредѣленъ въ 22 милліона рублей.

Въ дополненіе къ этимъ даннымъ слѣдуетъ еще имѣть въ виду, что сумма убытковъ отъ пожара, по свѣдѣніямъ горнаго надзора, была опредѣлена въ 19,7 милліоновъ рублей. Всмотриваясь въ подробности сдѣланнаго подсчета, нельзя не признать, что полученные цифры далеко не могутъ почитаться точными, что и понятно по самому существу дѣла; точныя данныя могутъ выясниться только впоследствии при детальномъ разсмотрѣніи на мѣстѣ положенія каждаго отдѣльнаго предпріятія. Тѣмъ не менѣе, казалось бы уже и теперь можно съ увѣренностью заключить, что опредѣленная нефтепромышленниками сумма нѣсколько преувеличена (вдвое!!)

Признавая съ своей стороны необходимымъ совершенно устранить благоприятный характеръ ссудъ, который въ значительной мѣрѣ придается имъ нѣкоторыми нефтепромышленниками, и придерживаться принципа выдачи ссудъ исключительно въ цѣляхъ скорѣйшаго возстановленія промысловъ, затѣмъ принимая во вниманіе, что высокія цѣны на нефть несомнѣнно вызовутъ нѣкоторый притокъ къ нефтяной промышленности и частнаго капитала, министръ финансовъ полагалъ бы, что дѣйствительно необходимый кредитъ на выдачу ссудъ для возстановленія бакинскій промышленности долженъ быть ограниченъ суммою не свыше 20 милліоновъ рублей.

Что касается возбужденнаго нефтепромышленниками вопроса о вознагражденіи убытковъ, понесенныхъ во время бакинскихъ событій рабочими и служащими, то по мнѣнію министра финансовъ, оно вопреки взгляду, высказанному нефтепромышленниками, ни въ какомъ случаѣ не можетъ входить въ обязанность государства и тѣмъ менѣе вліять на размѣръ ссудъ, выдаваемыхъ отдѣльнымъ предпріятіямъ. Поддержаніе же удовлетворительныхъ условій существованія рабочихъ и служащихъ должно несомнѣнно надать насчетъ промышленности. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія лишь ходатайство совѣта сѣзда нефтепромышленниковъ о ссудѣ въ 1 милліонъ рублей на возстановленіе пострадавшаго отъ огня имущества учреждений сѣзда, каковая сумма и принята въ соображеніе при опредѣленіи вышеприведенной суммы въ 20 милліоновъ рублей.

Ростъ по казеннымъ ссудамъ отдѣльнымъ предпринимателямъ нефтепромышленники находили необходимымъ установить не свыше 4%.

Такая исключительная льготность условій кредита мотивируется вообще особо тяжелыми обстоятельствами, наступившими не по винѣ промышленниковъ, а въ силу того, что правительство не смогло предотвратить печальныя бакинскія событія; кромѣ того нѣкоторыми изъ нефтепромышленниковъ въ совѣщаніи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ министра

финансовъ, высказался взглядъ, что на государствѣ лежитъ даже прямая обязанность вознаградить нефтепромышленникамъ ущербъ, пріостекшій отъ бакинскихъ беспорядковъ, и что льготность условій казеннаго кредита въ данномъ случаѣ есть по меньшей мѣрѣ слѣдствіе этой обязанности.

Не останавливаясь на послѣднемъ взглядѣ, не выдерживающемъ ни наглѣйшей критики и не имѣющемъ никакой опоры ни въ нашемъ, ни въ иностранныхъ законодательствахъ, министръ финансовъ не усматриваетъ оснований къ исключительному облегченію условій кредита, такъ сказать и съ благотворительной точки зрѣнія. Даже при спокойномъ состояніи рынка нефтепромышленники никогда не платили меньше 5%, если не считать очень немногихъ крупныхъ фирмъ, состоящихъ въ близкихъ отношеніяхъ съ сильными иностранными финансовыми предпріятіями; еще недавно они кредитовались изъ 6 и даже 7%. Между тѣмъ въ настоящее время, по справедливому признанію самихъ нефтепромышленниковъ, выраженному въ ихъ докладной запискѣ, цѣны на нефть стоятъ такія, что даже при значительномъ пониженіи ихъ возможно въ болѣе или менѣе непродолжительный срокъ возмѣстить хотя бы часть понесенныхъ убытковъ.

Но если бы даже возможно было по отношенію бакинскихъ промышленниковъ признать умѣстность принципа казенной благотворительности, то и въ этомъ случаѣ надлежало бы воздержаться отъ его примѣненія. Въ переживаемое нами тревожное время въ условіяхъ, аналогичныхъ съ бакинскими, находятся многіе промышленники; достаточно указать для примѣра хотя бы на волжскихъ судовладельцевъ, на которыхъ несомнѣнно сильно отразились бакинскіе беспорядки, или на одесскія торговыя фирмы, также безъ вины пострадавшія.

Весьма вѣроятно, что въ интересахъ народнаго хозяйства казѣ придется еще неоднократно придти на помощь промышленности своимъ кредитомъ, и очевидно, что, давъ льготы въ одномъ рассматриваемомъ нынѣ случаѣ, не было бы оснований отказать въ нихъ и въ другихъ аналогичныхъ; это обстоятельство, очевидно, переноситъ вопросъ на обще-финансовую почву и само по себѣ устраняетъ возможность понизить ссудный процентъ ниже того, какой приходится уплачивать самой казѣ по государственнымъ займамъ.

По изложеннымъ соображеніямъ министръ финансовъ полагалъ бы, что по ссудамъ должно быть взимаемо по 5% въ годъ, причежь это правило должно быть примѣнено и къ ссудѣ совѣту съѣзда нефтепромышленниковъ, въ виду того, что удовлетвореніе нуждъ, для коихъ испрашивается совѣтомъ ссуда, должно входить въ коммерческій расчетъ и, какъ пояснено выше, не можетъ быть возложено на государство въ какой бы то ни было долѣ. Предѣльный 12-лѣтній срокъ ссуды мотивировался, какъ въ заключеніи комиссіи, такъ и въ заявленіяхъ отдѣльныхъ нефтепромышленниковъ въ совѣщаніи далеко неясно. Указаніе на то, что для бакинскаго района срокъ аренды участковъ принять двѣнадцатилѣтній, само по себѣ

не имѣеть значенія, что начало этого срока, вообще говоря, очевидно не совпадаетъ съ моментомъ выдачи ссуды. Затѣмъ указаніе на большіе бычныя сроки погашенія нѣкоторыхъ видовъ промысловаго имущества (мастерскія, жилыя помѣщенія, машины и т. п.) компенсируется тѣмъ соображеніемъ, что зато многіе виды промысловаго имущества фактически теряютъ цѣнность и, слѣдовательно, должны погашаться въ сроки значительно меньшіе, чѣмъ 12-лѣтній. Въ виду сего, а также принимая во вниманіе благопріятное для возвращенія потерь нефтепромышленниковъ положеніе нефтяного рынка, признаваемое и самими предпринимателями, министръ финансовъ полагалъ бы возможнымъ безъ вреда основной цѣли, — восстановленіе промысловъ, — установить предѣльный срокъ ссуды не болѣе 10 лѣтъ.

Въ вопросѣ объ обезпеченіи возврата ссудъ министръ финансовъ положительнo не усматриваетъ возможности устранить обычное требованіе выдачи закладной на имущество нефтепромышленниковъ, берущихъ казенную ссуду, такъ какъ выдача соло-векселя и обязательствъ, указанныхъ въ ст. 104 Уст. государ. банка, само по себѣ далеко не гарантируетъ исправное возвращеніе ссуды. Высказываемое промышленниками опасеніе, что собственно выдача закладной лишитъ промышленника частнаго кредита казалось бы, не можетъ быть признано основательнымъ, ибо, при предоставляемыхъ закономъ казеннымъ взысканіямъ преимуществамъ, вліяніе полученной казенной ссуды на кредитъ частный не можетъ измѣниться отъ того, выдана закладная казнѣ или нѣтъ. Въ виду этихъ соображеній статсъ-секретарь Коковцевъ находилъ бы необходимымъ принять за правило, что обезпеченіемъ ссуды должны служить соло-векселя и закладныя на недвижимое имущество, при обязательствахъ не обезцѣнивать и не отчуждать его, а въ подлежащихъ случаяхъ и страховать его отъ огня.

Заявленное въ совѣщаніи особое ходатайство подрячниковъ по буренію объ освобожденіи ихъ отъ представленія залога, въ виду того, что у большинства изъ нихъ не имѣется недвижимаго имущества, а движимое все погбло, по вышеизложеннымъ соображеніямъ о непримѣнности благотворительнаго принципа, не подлежало бы удовлетворенію. Ссуды могли бы быть выдаваемы лишь тѣмъ изъ названныхъ подрячниковъ, которые имѣютъ недвижимость въ видѣ мастерскихъ или заводовъ, подъ закладныя на эту недвижимость.

Не усматривая въ общемъ возраженій противъ проектированнаго комиссіею порядка выдачи ссудъ и надзора за правильнымъ ихъ расходованіемъ, статсъ-секретарь Коковцевъ считаетъ однако долгомъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что первоначальное, по необходимости спѣшное, опредѣленіе размѣра ссуды для каждаго отдѣльнаго предпріятія представитъ значительныя трудности и потому необходимо допустить возможность ошибокъ, которыя впоследствии могутъ неблагопріятно отразиться какъ на интересахъ казны, такъ и на результатахъ проектируемой мѣры. Поэтому представлялось бы цѣлесообразнымъ уменьшить первую выдачу, называемую комиссіею «авансомъ», съ $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{3}$ первоначально опредѣ-

ленного общаго размѣра ссуды. Опредѣленіе размѣровъ и сроковъ послѣдующихъ выдать надлежало бы предоставить мѣстному комитету, на обязанности котораго должна быть возложена провѣрка правильности расходованія промышленниками полученной ими ссуды на предметъ назначенія и вообще выполненія ими принятыхъ на себя по ссудѣ обязательствъ; при этомъ, для большей гарантіи, размѣръ второй выдачи могъ бы бытъ ограниченъ тѣмъ же вышеуказаннымъ предѣломъ ($\frac{1}{2}$ первоначально опредѣленного общаго размѣра ссуды).

Мѣстный комитетъ по выдачѣ ссудъ въ Баку, по мнѣнію министра финансовъ, надлежало бы образовать подъ предсѣдательствомъ управляющаго казенною палатою, изъ управляющаго контрольною палатою, представителя бакинской конторы государственнаго банка, окружнаго горнаго инженера, старшаго фабричнаго инспектора и трехъ лицъ, избранныхъ съѣздомъ нефтепромышленниковъ. Кроме того, надлежало бы допустить участіе въ засѣданіяхъ комитета съ совѣщательнымъ голосомъ и иныхъ лицъ по приглашенію предсѣдателя. Пожеланіе нефтепромышленниковъ, чтобы число представителей съѣзда было не меньше числа членовъ правительственныхъ, едва ли можетъ быть уважено въ виду крупныхъ интересовъ казны въ данномъ дѣлѣ. Еще менѣе, казалось бы, заслуживаютъ вниманія замѣненные предсѣдателемъ бакинскаго отдѣленія Императорскаго технического общества и представителями волжскихъ судовладельцевъ ходатайства о введеніи въ составъ комитета представителей названнаго отдѣленія и волжскихъ судовладельцевъ, такъ какъ ихъ интересы въ данномъ вопросѣ не могутъ почитаться непосредственными. Изданіе правилъ инструкціи по выдачѣ ссудъ надлежало бы предоставить министру финансовъ по соглашенію съ государственнымъ контролеромъ. Расходъ по выдачѣ ссудъ слѣдуетъ отнести на средства государственнаго казначейства съ производствомъ его въ качествѣ чрезвычайнаго сверхсметнаго расхода.

На основаніи изложеннаго министръ финансовъ полагалъ бы, что ему долженъ бы быть открытъ за счетъ вышеуказаннаго источника кредитъ въ размѣрѣ не свыше 20 милліоновъ рублей для выдачи бакинскимъ нефтепромышленникамъ ссудъ, на возстановленіе работъ на нефтяныхъ промыслахъ, срокомъ не далѣе 10 лѣтъ, изъ 5% годовыхъ, съ тѣмъ, чтобы выдача ссудъ и расходованіе ихъ производилось по особымъ правиламъ, устанавливаемымъ министромъ финансовъ, по соглашенію съ государственнымъ контролеромъ (см. записку отдѣла промышленности мин. финан. отъ 15 октября 1905 г. о мѣрахъ содѣйствія къ скорѣйшему возстановленію работъ на бакинскихъ нефтяныхъ промыслахъ и къ обезпеченію промышленности и судоходства топливомъ).

Всѣ эти условія выдачи ссуды, о которыхъ сейчасъ было говорено, почти цѣликомъ и были утверждены, вылившись во исполненіе § 2 и § 8 Высочайше утвержденного 11 ноября 1905 г. положенія комитета министровъ въ слѣдующія правила, якобы составленныя по словамъ нефтепромышленниковъ однимъ изъ ихъ уполномоченныхъ въ Петербургѣ Г. Памм.

Эти правила:

Для выдачи ссудъ нефтешромышленникамъ бакинскаго района на предметъ возстановленія промысловыхъ работъ изъ средствъ государственнаго казначейства ассигнуется двадцать миллионъ (20.000,000) рублей въ качествѣ чрезвычайнаго сверхсметнаго расхода.

Ссуда выдается изъ $5\frac{1}{4}\%$ интереса (вмѣсто предполагаемыхъ 5%).

Ссуда выдается, какъ общее правило, на срокъ не свыше 10 л., причѣмъ въ первые два года вносятся лишь проценты, съ третьяго же года начинается погашеніе капитальнаго долга по ссудѣ. Самый срокъ погашенія ссуды устанавливается въ зависимости отъ общаго размѣра годового платежа, исчисляемаго на основаніи ст. 8 настоящихъ правилъ.

Наименьшая сумма, которую заемщикъ обязанъ вносить въ качествѣ годового платежа, опредѣляется: а) для нефтешромышленниковъ путемъ умноженія $\frac{3}{4}$ копейки на число, равное общему количеству пудовъ нефти, отпущенному со всѣхъ принадлежащихъ фирмъ промысловъ за послѣдній до происходившихъ въ августѣ 1905 года пожаровъ годъ ея дѣятельности; б) для подрядчиковъ по буренію путемъ умноженія 10 р. на число равное количеству пройденныхъ во всѣхъ скважинахъ сажени за тотъ же періодъ; в) для владельцевъ нефтешропроводовъ въ зависимости отъ положенія дѣлъ предпріятія.

Для нефтешромышленниковъ-арендаторовъ срокъ погашенія ссуды долженъ соответствовать остающемуся ко времени выдачи ссуды сроку аренднаго договора; въ противномъ случаѣ требуется для выдачи ссуды на опредѣленный комитетомъ срокъ письменное на самомъ договорѣ явленное у нотаріуса соглашеніе собственника и арендатора о продленіи договора до погашенія выданной изъ казны ссуды.

Платежи по ссудѣ производятся по истеченіи каждаго полугодія. Срокъ платежей исчисляется со дня первой выдачи въ счетъ ссуды.

Если въ какой-либо платежный годъ нефтешромышленная фирма отпустить больше пудовъ нефти по сравненію съ количествомъ принятымъ для опредѣленія годового платежа, то фирма обязана внести въ досрочное погашеніе сумму, причитающуюся за излишекъ изъ того же расчета $\frac{3}{4}$ копейки за каждый пудъ. Настоящее правило въ равной степени примѣняется и къ подрядчикамъ по буренію относительно количества пройденныхъ ими сажени во всѣхъ скважинахъ.

При невзносѣ въ срокъ платежей по ссудѣ на нефтеносныя суммы начисляется пеня изъ 6% годовыхъ.

Обезпеченіемъ правильности возврата ссуды должны служить:

а) Если заемщикъ собственникъ земли, то—первыя или вторыя закладныя при условіи, что стоимость земли съ возведенными на ней постройками вполне обезпечиваетъ выдаваемую ссуду, въ противномъ же случаѣ олжны быть представлены векселя съ одной подписью векселедателя на недостающую сумму съ залогомъ въ обезпеченіе ихъ всего принадлежа-

щаго фирмѣ движимаго промысловаго имущества за исключеніемъ продуктовъ производства. Въ актѣ о закладѣ въ числѣ условій должно быть оговорено обязательство заемщика представить въ закладъ также и движимое имущество, имѣющее быть приобретеннымъ на ссудныя деньги, обязательство заемщика о необезпеченіи имущества и право казны въ случаѣ неисполненія въ чемъ-либо установленныхъ сими правилами обязательствъ досрочно взыскивать всю сумму ссуды. Закладныя на движимость совершаются безъ передачи заложеннаго имущества залогодавца, но съ составленіемъ описи и съ наложеніемъ печати къ имуществу.

б) Если заемщикъ арендаторъ частной земли, то—векселя на сумму ссуды съ закладомъ всего движимаго имущества на равныхъ съ пунктомъ «а» основаніяхъ, и кромѣ того арендный договоръ. Для этого послѣдняго обезпеченія требуется, чтобы собственникъ земли и арендаторъ učinили явочнымъ порядкомъ на самомъ договорѣ надпись, по образцу при семъ прилагаемому, о согласіи ихъ, какъ скоро арендаторъ-заемщикъ не исполнитъ одного изъ принятыхъ по ссудѣ обязательствъ, передать тѣ же арендные права третьему лицу по усмотрѣнію казны. Если же въ арендномъ договорѣ оговорено право арендатора передать аренду третьему лицу безъ согласія на то собственника, то соответствующая надпись дѣлается явочнымъ порядкомъ однимъ арендаторомъ.

в) Если заемщикъ арендаторъ казенной земли,—то также векселя на всю сумму ссуды съ закладомъ движимости и арендный договоръ съ надписью, явленной у нотаріуса, о томъ, что при неисполненіи арендаторомъ одного изъ принятыхъ имъ по ссудѣ обязательствъ, онъ тѣмъ самымъ теряетъ всякое право на аренду.

Всѣ расходы по совершенію закладныхъ обязательствъ и вообще всякаго рода формальностей относятся на счетъ заемщиковъ.

Авансы въ счетъ подлежащей разрѣшенію ссуды выдаются подъ обезпеченіе векселей съ поручительствомъ для акціонерныхъ обществъ и товариществъ предсѣдателя или одного изъ членовъ правленія, для частныхъ лицъ при общемъ совладѣніи—одного изъ совладѣльцевъ; при единоличномъ же частномъ владѣніи поручительство требуется по усмотрѣнію комитета. Кромѣ того, отъ получающихъ авансы отбирается обязательство по образцу, при семъ прилагаемому.

При совершеніи закладныхъ представителемъ казны является управляющій мѣстной казенною палатою или его замѣститель.

Закладныя, арендные договоры, служащіе обезпеченіемъ ссуды и всякаго рода обязательства, связанныя съ полученіемъ ссуды, хранятся въ мѣстной казенной палатѣ.

По выдачѣ ссуды банкинская казенная палата записываетъ таковую догонтъ государственному казначейству на получившемъ ссуду и одновременно съ симъ представляетъ на утвержденіе кредитной канцеляріи расчетъ ежегодныхъ платежей по погашенію ссуды.

Правительственною ссудою могутъ воспользоваться тѣ фирмы, которы

упомянуты въ спискѣ, приложенномъ къ представленію министра финансовъ въ комитетъ министровъ отъ 15 октября 1905 г. за № 12908 и съ этой цѣлью онѣ имѣютъ возбудить надлежащее ходатайство въ особомъ для сего учреждаемомъ въ Баку комитетѣ.

Комитетъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ управляющаго бакинскою казенною палатою, изъ управляющаго мѣстною контрольною палатою, представителя бакинскаго отдѣленія государственнаго банка, окружнаго горнаго инженера, старшаго фабричнаго инспектора или замѣстителей ихъ, а равно трехъ выборныхъ отъ сѣзда нефтепромышленниковъ. Предсѣдателю комитета предоставляется приглашать къ участию въ засѣданіяхъ съ совѣтательнымъ голосомъ и иныхъ лицъ.

На комитетъ возлагаются:

а) Разрѣшеніе по существу ходатайствъ по выдачѣ ссудъ нефтепромышленникамъ.

б) Опредѣленіе размѣра ссуды, необходимой, по мнѣнію комитета, для возобновленія промысловыхъ работъ, устанавливается на основаніи данныхъ горнаго надзора и статистическаго бюро совѣта сѣзда нефтепромышленникъ, но, во всякомъ случаѣ, не свыше 90% суммы ссуды, показанной въ спискѣ, приложенномъ къ представленію министра финансовъ отъ 15 октября с. г. за № 12908 по каждой фирмѣ въ отдѣльности.

в) Выдача самой ссуды частями по мѣрѣ дѣйствительнаго возобновленія промысловъ.

г) Выдача авансовъ, если комитетъ найдетъ то нужнымъ, въ размѣрѣ до 22,8% въ счетъ подлежащей разрѣшенію ссуды до окончательнаго ея опредѣленія.

д) Наблюденіе за правильнымъ расходованіемъ заемщиками ссудъ по ихъ прямому назначенію, при чемъ способъ самой провѣрки предоставляется усмотрѣнію комитета, но не долженъ стѣснять дѣятельность промышленниковъ.

е) Наблюденіе за выполненіемъ заемщиками всѣхъ формальностей какъ по обезпеченію возврата ссудъ, такъ и по производству выдачъ.

ж) Немедленное сообщеніе особенной канцеляріи по кредитной части и мѣстной казенной палатѣ свѣдѣній о произведенныхъ выдачахъ и объ условіяхъ разрѣшенія ссудъ.

з) Немедленное сообщеніе мѣстному горному надзору именъ тѣхъ фирмъ, которыя выдали обязательства о неотчужденіи движимаго и недвижимаго имущества.

Всѣ дѣла въ комитетѣ рѣшаются большинствомъ голосовъ, а при равенствѣ голосовъ мнѣніе предсѣдателя даетъ перевѣсъ. Для дѣйствительности опредѣлений требуется присутствіе въ засѣданіи, по крайней мѣрѣ, пяти членовъ, считая въ томъ числѣ и предсѣдательствующаго.

Интересно ближе рассмотреть, какими же доводами, искренно или нѣтъ, въ ихъ знаешь, заигнотизированы были представители власти въ Петербургѣ господами нефтедобывателями.

Какъ только произошли событія конца августа прошлаго года, такъ тотчасъ же поднялся дружный вопль о конечной гибели всей нефтепромышленности, и на сѣбѣ появились самыя фантастическія цифры убытковъ до 200 милліоновъ включительно, какъ водится полетѣли телеграммы и въ утѣшеніе нефтепромышленникамъ было сказано, что правительство придетъ къ нимъ на помощь, вождельніа бакинцевъ стали формулироваться и мы имѣемъ, во-первыхъ, докладную записку бакинскихъ нефтепромышленниковъ, представленную совѣщанію въ Петербургѣ.

«Разсчитать убытковъ, понесенныхъ нефтяной промышленностью, неполный, относящійся только до надземныхъ сооружений на промыслахъ, показываетъ, что для возстановленія промысловъ требуется 40 милліоновъ рублей. Сущность бакинскаго бѣдствія при остротѣ формы имѣетъ характеръ глубоко хроническаго недуга. Достаточно для доказательства этой мысли привести перечень только нѣкоторыхъ событій послѣднихъ 6—8 мѣсяцевъ въ Баку: въ декабрѣ продолжительная забастовка рабочихъ, связанная съ потерей 30 милліоновъ пудовъ добычи нефти и понизившая производительность скважинъ; въ февралѣ безчеловѣчная рѣзня, сопровождавшаяся подчасъ и разгромомъ нѣсколькихъ жилыхъ домовъ въ городѣ (не правда ли, какъ это тѣсно связано съ добычей нефти!); въ маѣ всеобщая забастовка, время подметныхъ писемъ съ угрозами и отъ времени до времени убійство отдѣльныхъ лицъ (сколько намъ извѣстно, князь Накашидзе вромѣ заявокъ гдѣ-то за тридцать земель никакого отношенія къ нефтедобывающей промышленности не имѣлъ!). Ожиданіе повторенія февральскихъ событій и, наконецъ, въ августѣ рѣзня и поджогъ промысловъ». Все это очень картинно и пожалуй, довольно драматично, но обращаясь къ цифрамъ, видимъ, что съ января по августъ нефтепромышленность не добрала по сравненію съ 1904 г. (за тѣ же первые семь мѣсяцевъ) всего только 30 милліоновъ пудовъ нефти при общей добычѣ за этотъ періодъ въ 1904 году 358 милліоновъ пудовъ нефти и 315 милліоновъ пудовъ въ 1905 году, но при средней биржевой цѣнѣ въ 1904 г. за этотъ же періодъ 15 коп., а въ 1905 г. 16 коп.—за пудъ нефти, слѣдовательно, потеря-то была для промышленниковъ не такъ-то велика. Нефтепромышленники, продолжая свои сѣтованія, говорятъ, что здѣсь два совершенно разныхъ, но переплетающихся между собой рода событій, рабочее движеніе и мусульманско-армянское столкновеніе. По ихъ мнѣнію для возстановленія промышленной жизни нужно урегулировать рабочее движеніе, ввести его въ русло правомѣрныхъ явленій и подавить проявленіе дикихъ инстинктовъ подонковъ населенія, дальше мы увидимъ, что за мѣры лелѣютъ въ сердцѣ эти господа и для подавленія подонковъ и для введенія въ русло рабочихъ (конечно, старыхъ, милыхъ, дореформенныхъ); да зачѣмъ откладывать это, когда можно и сейчасъ ихъ указать, эти мѣры общи для обѣихъ цѣлей: усилить полицію, еще усилить полицію и еще усилить полицію; «мы тратимъ 600 тысячъ рублей ежегодно на откупъ отъ грабителей и головорѣзовъ». Господа, простите пожалуйста, но мы-то, ба-

женцы, знаемъ, что въ промышленности дѣло идетъ все время въ родѣ сказки о томъ какъ тянули рѣпку: баба за дѣдку, дѣдка за рѣпку и т. д., такъ тутъ всѣ тянуть, подсасываютъ, выкачиваютъ, прикачиваютъ и, какъ намъ тоже хорошо извѣстно, нефтепромышленники не такъ давно просили администрацію, генераль-губернатора гор. Баку, снять съ войскъ обязанность сторожить каждый промыселъ въ отдѣльности и дать возможность пользоваться промышленникамъ добрыми старыми охранителями, людьми болѣе опытными и въ охранѣ и въ воровствѣ по сосѣдски, помянемъ блаженную память Рыльского, Уанова и другихъ, только къ сожалѣнію не пропечатанныхъ труженниковъ. Вотъ какая картина полицейскаго благополучія рисуется по проекту штатовъ Бакинскаго градоначальства.

По проекту этихъ штатовъ предполагено образовать управленіе градоначальника съ канцелярією и сыскною частью, а также съ совѣщательнымъ присутствіемъ, въ которое входятъ пять членовъ отъ нефтепромышленниковъ по выбору сѣзда нефтепромышленниковъ. Полицію градоначальства составляютъ два полиціймейстерства: Бакинское, имѣющее обслуживать и Биби-Эйбатскіе промысла, и Балахано-Сабунчинское для остальныхъ промысловъ. Личный составъ Бакинскаго полиціймейстерства: полиціймейстеръ, три помощника, чины канцеляріи, десять полицейскихъ приставовъ, столько же помощниковъ и письмоводителей, шестьдесятъ околоточныхъ надзирателей и девятьсотъ городскихъ, въ томъ числѣ сто конныхъ и тридцать два разсыльныхъ. Личный составъ Балахано-Сабунчинскаго полиціймейстерства: полиціймейстеръ, два помощника, чины канцеляріи, пять полицейскихъ участковъ, въ каждомъ приставъ и помощникъ, двадцать околоточныхъ надзирателей, семьсотъ городскихъ, въ томъ числѣ сто конныхъ и семнадцать разсыльныхъ. Жалованье: полиціймейстерамъ по 4,740 руб., помощникамъ по 3,400 руб. и 2,700 руб., чинамъ канцеляріи и на хозяйственные расходы Бакинскаго полиціймейстерства въ общей суммѣ 17,600 руб., а Балахано-Сабунчинскаго полиціймейстерства—9,200 руб.; приставамъ—по 2,000 р., помощникамъ—по 1,200 р., письмоводителямъ—по 800 р., околоточнымъ—по 800 р., городovýmъ старшимъ—по 480 р., младшимъ—по 420 р., коннымъ сверхъ того по 100 р. на содержаніе лошади. Градоначальнику предоставляется установить границы полиціймейстерства и усилить составъ полицейскихъ чиновъ одного полиціймейстерства за счетъ другого, въ случаѣ надобности. Ежегодныхъ расходовъ потребуется по проекту содержаніе управленія градоначальника девяносто семь тысячъ девятьсотъ рублей, Бакинскаго полиціймейстерства пятьсотъ и шестьдесятъ восемь тысячъ сто двадцать рублей, балаханскаго полиціймейстерства триста девяносто пять тысячъ триста двадцать рублей, всего одинънадцать тысячъ пятьдесятъ одна тысяча триста сорокъ рублей, изъ нихъ на средства города Баку относятся восемьдесятъ девять тысячъ двѣсти семьдесятъ семь рублей, остальные на средства нефтепромышленниковъ или на казну; хозяйственные расходы на полицію въ предѣлахъ города на городскія средства, въ остальномъ районѣ на средства нефтепромышленниковъ.

Фактически, конечно, Бакинско-Балаханскій полицейскій гарнизонъ не образцу жандармеріи на желѣзныхъ дорогахъ обратится въ покорныхъ слугъ тѣхъ же столь хитроумно орудующихъ нефтепромышленниковъ. Конечно съ такимъ штатомъ можно все вогнать въ какое угодно русло, и какъ это трогательно сотрудничество пяти нефтепромышленниковъ съ сыскной частью, хочется видѣть мнѣ и Павла Осиповича Гукасова и Аршака Арутюновича Параньяна и г. Унанова и Саргиса Степановича Тагіаносова (словомъ, всѣхъ столповъ совѣта съѣзда Бакинскихъ нефтепромышленниковъ) въ полицейской формѣ. Ну, Арнольдъ-то Михайловичъ Фейгль, представитель Ротшильда, вѣроятно, этой формы не надѣнетъ.—Мы добавимъ еще, что бывшій министръ финансовъ, несмотря на ходатайство даже господъ нефтепромышленниковъ (не было ли тутъ заранѣе условленной махинаціи) допустилъ рабочихъ депутатовъ къ участию въ трудахъ Петербургской коммиссіи лишь послѣ долгой торговли, отвѣта намѣстнику Кавказа въ такой формѣ:

«Если ваше сіятельство, какъ главный начальникъ края, изволите находить присутствіе пяти выборныхъ рабочихъ въ совѣщаніи необходимымъ, то мнѣ остается только подчиниться вашему указанію, не взирая на представленные мною возраженія. Находилъ бы крайне нежелательнымъ участіе рабочихъ во всѣхъ сужденіяхъ совѣщанія, каковы: возстановленіе промысловъ, организація полиціи, замѣна нефти другимъ топливомъ и мѣры чисто финансоваго и экономическаго характера. По всѣмъ этимъ вопросамъ рабочіе и совершенно некомпетентны, и могутъ вынести нежелательныя впечатлѣнія. Поэтому я полагаю бы, по разсмотрѣнію указанныхъ выше вопросовъ, представить рабочимъ участіе въ обсужденіи собственно вопросовъ объ улучшеніи ихъ быта, что и выполнить въ совѣщаніи съ одними нефтепромышленниками и правительственными чинами. Въ такомъ случаѣ представители рабочихъ могутъ прибыть нѣсколько позже, напри- мѣръ 25 или 26 сентября. Ожидаю распоряженія вашего сіятельства».

Что касается другихъ мѣръ борьбы противъ подонковъ, которыя, по видимому, по мнѣнію нефтепромышленниковъ, какъ видно изъ всего дѣла водятся исключительно только въ средѣ татаръ нефтепромышленнаго района, то объ этомъ послѣ.

Мы уклонились отъ изложенія нефтепромышленной іереміады; тяжесть настоящаго положенія ужасна, каждый день бездѣйствія угрожаетъ самому существованію скважинъ. Еще задолго до августовскихъ событій сбытъ бакинскихъ нефтяныхъ продуктовъ какъ въ Россіи, такъ и за границей подвергся затрудненію и осложнился послѣдствіями декабрьской забастовки рабочихъ и февральскихъ событій съ одной стороны, рабочими беспорядками въ Батумѣ и конкуренціей Американской нефтяной промышленно- сти, съ другой.

Уменьшеніе добычи нефти вслѣдствіе декабрьской забастовки и февральскихъ событій, а главнымъ образомъ опасенія, какъ оказывается теперь совершенно основательныя, за будущее повели къ чрезмѣрному возвыше-

нѣю цѣнъ на нефть и нефтяное топливо внутри Россіи. И безъ августовскихъ событій изъ всего предшествовавшаго, какъ естественный выводъ, вытекала неизбежность сокращенія рынка потребления нефтяныхъ продуктовъ со всѣми его печальными результатами. Не говоря о послѣдствіяхъ такого кризиса для отдѣльныхъ промышленниковъ, потеря потребительскаго рынка составляетъ чрезвычайно трудно поправимое зло для всей нефтяной промышленности; чтобы завоевать рынокъ вновь, потребуются много времени и средствъ.

И чѣмъ дальше будутъ бездѣйствовать скважины, тѣмъ больше, при остальныхъ равныхъ условіяхъ, сократится потребление нефти, тѣмъ больше вѣроятности получаетъ наступленіе, вслѣдъ за нимъ съ чѣмъ несообразно высокими цѣнами, цѣнъ чрезмѣрно низкихъ, не оправдывающихъ расходовъ производства и неизбежно ведущихъ къ полному крушенію предпріятій мелкихъ и среднихъ.

Такимъ образомъ въ настоящій моментъ положеніе нефтепромышленниковъ, включая сюда заводчиковъ и экспортеровъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ нефтяную промышленность, добывающую, заводскую и экспортную, вложено нѣкоторыми предпринимателями все ихъ достояніе, другими значительные капиталы: каждый день бездѣйствія промысловъ обезцѣниваетъ имущество, ведетъ къ потерѣ рынка и сопряженъ съ непроизводительной затратой на содержаніе бездѣйствующаго персонала администраціи и рабочихъ: для фирмъ, экспортирующихъ нефтяные продукты за границу, къ этому присоединяется обращеніе всѣхъ затратъ, до сихъ поръ сдѣланныхъ на оборудованіе экспорта и завоеваніе иностраннаго рынка, въ затраты непроизводительныя и убыточныя. Да цѣны поднялись, но какъ видимъ не такъ ужасно, всего на одну коп. на пудъ въ первые семь мѣсяцевъ, а дальше естественно пошла биржевая игра и затѣлось пособирать жаръ чужими руками и въ августѣ цѣна была 23, въ сентябрѣ—36, въ октябрѣ—27, въ ноябрѣ—20, въ декабрѣ—17, но, господа, посчитайтесь же и съ другими условіями жизни, за эти послѣдніе мѣсяцы жизнь совершенно выбилась изъ обычной колеи и смѣшно сейчасъ облюбовать группу людей, вовсе и ненуждающуюся на самоѣ дѣлѣ, и благодѣлать ей за счетъ другихъ дѣйствительныхъ несчастливцевъ и голышей. Сейчасъ поднимать дивиденды нефтепромышленниковъ за счетъ российской бѣдности пожалуй что и несвоевременно, и этого всего мало, слѣдующій сногшибательный аргументъ припасенъ у насъ съ нефтепромышленностью, съ ея гибелью гибнетъ и вообще вся и все, но если и этого мало, то «нефтепромышленность служитъ источникомъ довольно крупнаго дохода казны, простирающагося при нормальныхъ условіяхъ до 100 милліоновъ рублей въ годъ, слагающихся изъ 30 милліоннаго акциза, 10 милліоновъ арендныхъ доходовъ и 60 милліоновъ доходовъ желѣзнодорожныхъ и другихъ».

Вотъ послѣдній-то аргументъ, очень странно трактующій косвенные налоги и весьма глухо говорящій о 60 милліонахъ другихъ казенныхъ до-

ходахъ главнымъ образомъ якобы отъ транспортированія нефти, кажется было бы благоразумнѣе и не приводить, неужели дѣло, дающее такой доходъ, не можетъ само безъ всякихъ подачекъ и поддержекъ встать на ноги; вѣдь очевидно, удѣляя такой доходъ государству, себѣ-то предприниматель беретъ львиную долю.

Всѣ эти финансовыя размышленія показались недостаточными и, настаивая на принятіи энергичныхъ мѣръ защиты промысловъ, выпустили и такую конечно ребяческую, но уже специфически мѣстную угрозу.

«Возможно ли предположить, что промысловая жизнь возстановится, если всѣ армяне, т.-е. почти $\frac{1}{4}$ рабочаго населенія, останутся безъ работы; возможно ли предположить, что эта масса голодныхъ и обездоленныхъ людей будетъ спокойно смотрѣть, какъ ихъ вчерашніе товарищи русскіе, грузины, финляндцы и другіе рядомъ съ ними будутъ имѣть заработокъ. И если у представителей правительственной власти въ Бакинскомъ районѣ не хватило силы и умѣнія удержать темную массу отъ проявленія ея дикихъ инстинктовъ, у этой власти не хватитъ силы удержать обездоленныхъ армянъ-рабочихъ отъ проявленія ихъ отчаянія. Въ силу этого нефтепромышленники и заявляютъ, что при наличныхъ условіяхъ возстановленія промысловъ невозможно ни для армянскихъ фирмъ, ни для фирмъ другихъ національностей; то обстоятельство, что нѣсколько русскихъ и иностранныхъ фирмъ на Биби-Эйбатѣ на ряду съ татарскими фирмами уже приступили къ работамъ, ни мало ни колеблетъ общаго положенія о невозможности работать, какъ не поколеблетъ этого положенія даже и тотъ фактъ, что одна-двѣ армянскихъ фирмы приступаютъ къ работамъ, пользуясь сильнымъ конвоемъ солдатъ».

Дѣло однако фактически обстояло не совсѣмъ такъ, и сильнымъ торжествомъ для начала работъ было постановленіе экстреннаго засѣданія Бакинскаго отдѣленія И. р. технического общества 30 августа 1905 г. 28 голосами изъ сорока присутствующихъ прекратить всякія работы на промыслахъ впредь до измѣненія условій промысловой жизни.

Эти и мольбы, и убѣжденія, и пожеланія, и угрозы, быть можетъ достаточныя сами по себѣ, еще болѣе оказались вѣскими, когда господа промышленники доказали, судя потому что просьбы ихъ уважили, какъ дважды два четыре, что наступитъ сейчасъ же нефтяной голодъ, что погибнетъ судоходство и по Волгѣ, и по Каспію, и закроются всѣ фабрики и останутся всѣ желѣзныя дороги. Вотъ вкратцѣ ихъ докладъ по этому предмету.

«Принимая во вниманіе, что вслѣдствіе совокупности всѣхъ прискорбныхъ гдъ событийъ въ годъ съ 1 апрѣля 1905 г. до 1 апрѣля 1906 г. будетъ израсходовано топлива меньше, чѣмъ въ предыдущемъ году (на волжскомъ фл. гдъ въ нѣкоторыхъ промышленныхъ заведеніяхъ и на желѣзныхъ дорогахъ уже отчасти перешедшихъ и имѣющихъ перейти на другіе виды топлива), можно принять, что внутренняя Россія будетъ нуждаться не въ 325 м. цифра, которую мы считаемъ преувеличенной и для 1904 г., а тог ко

въ 300 мил. пуд. Кроме того, необходимо, чтобы къ 1 апрѣля 1906 г. на Волгѣ былъ запасъ, обезпечивающій потребленіе флота, желѣзныхъ дорогъ и промышленныхъ заведеній по меньшей мѣрѣ на полтора-два мѣсяца, т.-е. миллионъ въ 45—50 пуд., считая, какъ указано выше, потребленіе лѣтняго мѣсяца въ 30 мил. п. Такимъ образомъ, для всего операціоннаго года требуется 345—350 мил. п. Для удовлетворенія этой потребности иѣтается слѣдующее. Вывезено на Волгу до 1 сентября 1905 года изъ Баку 208,3 мил. п. мазута и 17,8 мил. п. нефти, всего 226,1 мил. п.; запасовъ на Волгѣ на 1 апрѣля числилось 88 мил. п., такимъ образомъ весь приходъ выразился 314,1 мил. пуд., исключая изъ этой цифры 14,1 мил. п. сырой нефти, которая должна пойти на нефтеперегонные заводы, получаемъ для удовлетворенія нужды въ топливѣ и составленія необходимаго запаса къ открытію навигаціи 1906 г. 300 мил. п., т.-е. недостатокъ выражается въ 45—50 мил. п. Этотъ недостатокъ можетъ быть устраненъ или путемъ сокращенія потребленія жидкаго топлива, при замѣнѣ его другими видами, или путемъ доставленія его изъ Баку по желѣзнымъ дорогамъ внутрь Россіи.

«Гдѣ и кѣмъ можетъ быть произведена замѣна нефти углемъ—это вопросъ, разрѣшимый только при совмѣстномъ обсужденіи всѣхъ заинтересованныхъ лицъ и учреждений.

«Можно надѣяться, что не все количество недостающаго жидкаго топлива придется замѣнять другими видами топлива. Нефтяная промышленность можетъ быстро стать на ноги, усилить добычу нефти, и тогда уже въ предстоящій зимній періодъ она будетъ доставлять топливо Россіи; для этого только надо будетъ установить временно льготный желѣзнодорожный тарифъ. Считая, что отъ Баку до разныхъ пунктовъ центрально-промышленнаго района разстояніе отъ 2 до 2 съ половиной тысячъ верстъ, слѣдовало бы установить для такихъ разстояній льготный тарифъ (въ 1,125 в. съ пудоверсты), дающій возможность доставлять зимою жидкое топливо тѣмъ отраслямъ промышленности, для которыхъ переходъ съ жидкаго топлива на другіе виды сопряженъ съ чрезвычайными затрудненіями».

Всѣ эти ужасы нефтяного голода на взглядъ нашъ да и вообще каждаго, желающаго смотрѣть на вещи не подъ извѣстнымъ угломъ, достаточно основательно опровергаются запиской начальника казанскаго округа путей сообщенія по вопросу о запасѣ нефти и мазута на Волгѣ къ 1 апрѣля 1906 г. Записка тоже была въ распоряженіи благотворительной не-тепромышленной комиссіи г. Тимирязева въ сентябрѣ прошлаго года; говорить она слѣдующее:

«Въ докладѣ совѣта съѣзда бакинскихъ нефтепромышленниковъ, по вопросу о потребленіи жидкаго топлива, на всѣ потребности внутренней Россіи, удовлетворяемые при посредствѣ доставки нефтяного топлива въ некимъ путемъ, минимальный расходъ жидкаго топлива опредѣляется въ 300 мил. п. въ годъ. Исходя изъ этой цифры, въ докладѣ дальнѣй-

шимъ расчетомъ опредѣляется, что къ 1 апрѣля 1906 г. жидкаго топлива на Волгѣ не останется, такъ что въ зимній періодъ 1905—1906 гг. необходимо при посредствѣ желѣзныхъ дорогъ подвести на Волгу изъ Баку 45—50 мил. п. мазута для удовлетворенія потребностей судоходства и промышленности въ первые два мѣсяца навигаціи 1906 г.

«Находя эти расчеты совѣта съѣзда нѣсколько преувеличенными и дѣйствительность состоянія нефтяныхъ запасовъ на Волгѣ не столь мрачною, я по этому поводу нахожу полезнымъ привести слѣдующія соображенія.

«По даннымъ, изложеннымъ въ запискѣ Э. Л. Нобеля о количествахъ запаса нефти, выясняется, что запасъ нефти на 1 апрѣля, т.-е. передъ открытіемъ навигаціи, на Волгѣ былъ: въ 1902 г. 84,1 мил. пуд., въ 1903 г.—135 мил., въ 1904 г.—116,4 мил., въ 1905 г.—88 мил. пуд. Вывозъ нефти и мазута изъ Баку въ Астрахань выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: въ 1903 г. 283,6 мил. п., въ 1904 г.—269,5 мил., въ 1905 г. (по 20 сентября)—239,2 мил., а къ концу навигаціи, по даннымъ министерства финансовъ, должны достигнуть 256 мил. п.

Волжскимъ мазутомъ обслуживаются слѣдующіе потребительскіе рынки и предпріятія: 1) промышленныя заведенія внутренней Россіи, расходующія ежемѣсячно, по свѣдѣніямъ министерства финансовъ, 9,201 мил. п. жидкаго топлива, что составитъ въ годъ около 111 мил. п.; 2) желѣзные дороги, потребляющія волжскаго мазута около 79 мил. п. въ годъ, и 3) волжское пароходство, потребляющее 70 мил. п. въ годъ (по докладу съѣзда нефтепромышленниковъ). Всего же мазута и нефти по этимъ даннымъ расходуются изъ волжскаго запаса 260 мил. п. въ годъ.

Принимая запасъ мазута и нефти на Волгѣ 1 апрѣля 1903 г. въ 135 мил. п., на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ, мы опредѣлили слѣдующія цифры волжскаго запаса на 1 апрѣля 1903 г.

1903 г.	135	мл. п.
1904 > . .	135 + 283,6 — 260 = 158,6	> >
1905 > . .	158,6 + 269,5 — 260 = 168,1	> >
1906 > . .	168,1 + 256 — 260 = 164,1	> >

Сравнивая эти цифры съ цифрами волжскаго запаса, показанными въ данныхъ, представленныхъ нефтепромышленниками, мы находимъ, что имъ показано меньше дѣйствительнаго въ 1904 г. на 158,8—116,4+42,2 мил. пуд., въ 1905 г.—на 168,1—88=80,1 мил. пуд., а на 1 апрѣля 1906 г. исчислено меньше дѣйствительности на 164,1 м. п.

Если дѣйствительно волжскій запасъ на 1 апрѣля достигнетъ 164,1 мил., то представляется интереснымъ опредѣлить, гдѣ этотъ запасъ на Волгѣ можетъ храниться. Изъ данныхъ объ отправленныхъ изъ Астрахани вверхъ по Волгѣ нефти и мазута видно, что отправка была въ навигацію 1903 г. 245,4 м. п., въ 1904 г.—262,4 м. п. и въ 1905 г. (по 20 сентября)—215,0 м. п., а слѣдовательно, оставалось въ Астра-

гани въ 1903 г. 38,6 м., въ 1904 г.—7,1 м. и въ 1905 г.—отъ 24 до 30 мил., а всего въ Астрахани должно было сконцентрироваться запаса мазута и нефти за эти 3 года около 75 м. п., изъ котораго около 30 м. израсходовано на потребности астраханскаго района, а 45 мил. казалось бы, должно быть въ наличіи.

Остальные запасы, если они есть, должны быть или въ баржах или въ приволжскихъ нефтехранилищахъ. Бъ сожалѣнію, въ предъявленныхъ сообщаніи данныхъ нѣтъ свѣдѣній объ этихъ волжскихъ запасахъ.

Изъ вышеприведенныхъ цифръ вывоза нефти и мазута изъ Астрахани на Волгу видно, что вывозъ этотъ составлялъ въ 1903 г. 245,4 м. п., въ 1904 г.—262,4 м. п., а въ 1905 г. не менѣе 215 м., а вѣроятно 230 мил. пуд.

Принимая во вниманіе, что всѣ потребности рынка, за исключеніемъ потребленія астраханскимъ райономъ (10 м. п.), удовлетворяются изъ этого вывоза, мы получимъ слѣдующіе запасы на Волгѣ, исходя изъ запаса на 1 апрѣля 1903 г., показаннаго нефтепромышленниками въ 135 мил. пуд.

На апрѣля 1903 г.	135	м.
» » 1904 » .	135 + 245,4 — 250 = 130,4	»
» » 1905 » .	130,4 + 262,4 — 250 = 142,8	»
» » 1906 » .	142,8 + 230,0 — 250 = 122,8	»

Такимъ образомъ и подсчетъ волжскаго запаса по вывозу изъ Астрахани вверхъ по Волгѣ показываетъ наличность на 1 апрѣля 1906 г. запаса въ Астрахани около 45 м. и на Волгѣ около 123 м. п.

Замѣчу, что цифры мои по вывозу нефти и мазута въ Астрахани взяты изъ данныхъ астраханской таможни. А цифры вывоза изъ Астрахани на Волгу взяты изъ накладныхъ на грузы, составленныхъ по показаніямъ судопромышленниковъ, транспортирующихъ нефтяные продукты. Тѣ и другія данныя достаточно точны и вѣрны.

Н. У. Р.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Джузеппе Мадзини *).

Въ 1805 году, когда въ Веймарѣ умеръ Шиллеръ, въ Генуѣ родился Джузеппе Мадзини.

Много общаго, много родственнаго въ этихъ двухъ великихъ душахъ нашего времени.

Мечты Шиллера, его повѣстическіе вымыслы, его Карлъ Мооръ, Маркизъ Поза, Максъ Пикколомини, Вильгельмъ Телль какъ бы воплотились въ Мадзини, перешли изъ слова въ дѣйствіе.

Вспомните слова Позы:

„Я человечество люблю, а тамъ, гдѣ властвуетъ одианъ,
Лишь одного себя любить возможно“.

Развѣ это не мысль самого Мадзини? Развѣ не то проповѣдовалъ онъ всю жизнь?

Какъ Маркизъ Поза, Мадзини можетъ сказать:

„Вѣкъ тщедушный не вырѣлъ для моихъ прекрасныхъ идеаловъ,
Я гражданинъ грядущихъ поколѣній“.

Философія Мадзини проста и ясна. * * * Она какъ бы создана, чтобы провозвести политическую и социальную революцію, совмѣщая философію и религію, идею и культъ.

Какъ философская система, ученіе Мадзини далеко не совершенно, но какъ этическое социальное мировоззрѣніе, какъ философія жизни, оно не имѣетъ равныхъ.

Недостатки философіи Мадзини происходятъ отъ ложнаго опредѣленія самаго понятія—философія. Для Мадзини философія: «Утвержденіе индивидуальности среди двухъ религіозныхъ синтезовъ, одного падающаго, другого возникающаго», т.-е. сознание настоящаго міра, освѣщеннаго лучами міра грядущаго, сознание перехода изъ одной эпохи въ другую.

У Мадзини нѣтъ признака доктрины, онъ незнакомъ съ натурфилософіей; его психологія традиціональна, и нѣсколько религіозныхъ постулатовъ вполне замѣняютъ ему метафизику. Во всемъ мірѣ Мадзини признаетъ только религіозную мораль, искусство и прогрессъ человечества.

*) Въ прошломъ году въ Италиіи вышло много статей и воспоминаній о Мадзини. По нѣкоторымъ изъ нихъ составлена эта статья.

Но главнымъ факторомъ человѣческой жизни должна быть, по его мнѣнію, религиозная мораль. Все остальное подчинено ей, все только подмости, на которыхъ разыгрывается этико-религиозная драма всемірной исторіи.

Воззрѣнія Мадзини на исторію философіи выражены въ короткихъ и сильныхъ сентенціяхъ, но не всегда правильны. Напримѣръ, онъ считаетъ, что философія Данте въ «Пирѣ» и «Монархіи» является звеномъ, соединяющимъ пиагореизмъ съ философіей эпохи возрожденія. Итальянская философія, думаетъ Мадзини, можетъ найти спасеніе исключительно въ возвращеніи къ философіи эпохи возрожденія, потому что тогда будто бы существовало братское единеніе между религіей и философіей. Не совсѣмъ правильно Мадзини разбираетъ и современныхъ ему итальянскихъ философовъ. Напримѣръ, онъ ставитъ на одну доску Галуцци, Росмини, Раманьози, обвиняя всѣхъ въ увлеченіи французскимъ сенсуализмомъ, хотя, напримѣръ, Росмини открытый врагъ сенсуализма и считаетъ самую идею бытія недоступной чувственному воспріятію. Даже странно, что Мадзини не зналъ борьбы Росмини съ сенсуализмомъ, въ лицѣ Романьози.

Ищутъ обыкновенно связь между философіей Мадзини, метафизической моралью Канта и Фихте и пантеистическомъ идеализмомъ Шеллинга и Гегеля. Но эта связь вполне отвлеченна. Философія Мадзини возникла не подъ влияніемъ логическаго, послѣдовательнаго развитія мысли. Она стоитъ какъ-то внѣ предѣловъ исторіи философіи, внѣ традиціональныхъ правилъ ея толкованія. Контрастъ между идеями времени (отъ французской революціи и паденія Наполеона до 1848 года) и дѣйствительностью—вотъ истинный источникъ философіи Мадзини. Несовершенство современной ему церкви дало ему мысль о новой религіи, гдѣ не будетъ посредниковъ между Богомъ и людьми. Ненависть къ матеріализму во всѣхъ его проявленіяхъ вызвала стремленіе къ моральному идеализму. Теорія о «правахъ человѣка» внушила ему мысль о морали «долга» и формула «искусство для искусства» толкнула его въ противоположную крайность; онъ понималъ искусство исключительно какъ средство нравственнаго и гражданскаго воспитанія человѣчества.

Мадзини очень внимательно изучалъ «Пиръ» Данте и его «Монархію», но смотрѣлъ на нихъ съ довольно своеобразной точки зрѣнія.

Напримѣръ, онъ былъ убѣжденъ, что Данте, какъ и онъ самъ, считаетъ единство рода человѣческаго за необходимое условіе нравственнаго совершенства. Мадзини не сомнѣвается даже въ демократическихъ воззрѣніяхъ Данте. Въ «Монархіи» Данте проповѣдуетъ какого-то гуманнаго императора и идеальнаго папу, а Мадзини убѣжденъ, что главное дѣйствующее лицо въ этомъ произведеніи—народъ. Мадзини думалъ, что Данте только внѣшнимъ образомъ могъ принадлежать къ какой-нибудь партіи, что на самомъ дѣлѣ онъ былъ выше распрей Гвельфовъ и Гиббеллиновъ. Жизнь старается даже очистить Данте отъ католической ортодоксальности, доказывая это тѣмъ, что Данте многихъ чтимыхъ папъ отправилъ въ ссылку. Данте, говоритъ Мадзини, былъ христіаниномъ первыхъ вѣковъ хри-

стіанства, самыхъ совершенныхъ. Мадзини приписываетъ Данте свои личные мечты и страданья. Данте, пишетъ Мадзини, больше всего страдаетъ отъ того, что его мечта о великой объединенной Италіи, руководительницѣ человечества, была такъ далека отъ дѣйствительности, отъ жалкой разрозненной страны, предаваемой по очереди то папой, то императоромъ и готовою пасть передъ обоими.

Не о томъ ли страдалъ самъ Мадзини? Далеко ли ушла Италія отъ времени отъ этой картины?

Старыя понятія о королѣ, помазанникѣ Божиемъ, объ отцѣ народа, о собственникѣ царства, о цркви-властительницѣ надъ умами погибли въ катастрофѣ 1789 г. Наполеонъ залилъ кровью всю Европу, но несчастная Италія не выиграла ничего. Не было даже надежды на возрожденіе.

Подъ сѣнью священнаго союза итальянскія правительства употребляли всѣ усилія, чтобы удержать несчастную страну въ полномъ невѣдѣніи благъ цивилизаціи. Они погрузили ее въ омутъ невѣжества и предрассудковъ, прекрасно сознавая, что съ измѣненіемъ старыхъ понятій имъ не удастся. Австрійскому правительству удалось соединить знать и чернь и принизить третье сословіе, какъ наиболѣе способное воспринять европеискую культуру. Образование было совершенно сведено на нѣтъ. Главнымъ образомъ преподавали мертвые языки и то сухо, непригодно къ жизни. Чиновники воровали, вся государственная машина разваливалась. Правительство боялось тронуть своихъ слугъ, не желая поднимать скандала, который могъ повредить имъ и раскрыть собственные темныя дѣла.

Все гибло. Чернь не работала, просила милостыню, вмѣстѣ со знатью веселилась и своими карнавалами забавляла всю Европу. Какъ же спасти страну отъ этой нравственной смерти? Мадзини въ письмѣ къ Фредерико Кампанелла пишетъ: «Страна развращена, несчастна, скептически настроена, на видъ инертна. Но такъ всегда бываетъ въ каждой странѣ за шесть мѣсяцевъ до революціи. Страна глубоко недовольна. Первая сильная инициатива, первый манифестъ съ ясной и понятной программой увлечетъ всѣхъ за собой. Я вѣрю въ это. Пусть Италія встанетъ вся и могучими неудержимымъ потокомъ бросится на австрійцевъ, освободится, объединится. Мы примемъ всѣхъ враговъ Австріи на нашу сторону, если они даже будутъ расходиться нѣсколько во взглядахъ. Монархисты и республиканцы, борясь рука объ руку, свергнуть австрійское могущество, и тогда освобожденный народъ самъ скажетъ свою волю, и всѣ будутъ повиноваться». Мадзини твердо вѣритъ, что миллионы людей станутъ подъ ея знамена.

Только республикой можно достигнуть единства, говорить дальше Мадзини. Среди современныхъ ему государей онъ не видитъ ни одного достойнаго этой великой миссіи—носить корону объединенной Италіи. Нумъ возстать противъ всѣхъ владыкъ и провозгласить республику. «Мы не видимъ монархію не потому, что мы республиканцы, а потому, что мы стремимся къ единству». Главное—нечего ждать спасенія въ индустріа

ной цивилизации Европы. Среди шума и грохота машин не слышно человека. Царить один капитал. Человѣчество не можетъ совершенствоваться въ большой мастерской.

Въ своей газетѣ *Apostolato Popolare*, въ 1840 году Мадзини пишетъ въ передовой статьѣ перваго номера:

«Разница между рабочимъ Англiи, Франціи и Италiи скорѣе нравственная, чѣмъ матеріальная. Многія страны стоятъ впереди Италiи въ отношеніи свободы, могущества, развитiя промышленности и торговли. Но матеріальное положеніе рабочаго не много лучше. Въ тѣхъ странахъ существуетъ лишь свобода для одного класса, могущество принадлежитъ только немногимъ людямъ, богатства растутъ только у нѣсколькихъ семействъ; развитіе промышленности и торговли, новыя изобрѣтенiя приносятъ свои плоды только для работодателей, а не для рабочихъ. Вездѣ во Франціи въ Англiи рабочiй имѣетъ право говорить больше, чѣмъ въ Италiи, но его жизнь, полная нищеты, непосильнаго труда, ведетъ къ жалкой старости. Онъ вполне безпомощенъ. У него нѣтъ ни земли, ни капитала, ни кредита. Если онъ захочетъ образовать ассоціацію, то на это смотреть, какъ на преступленіе. У него нѣтъ независимости. Онъ влачитъ жалкое существованіе рядомъ съ громадными богатствами, созданными его же руками. Если рабочiй не хочетъ умирать съ голоду, онъ продается за ничтожную заработную плату работодателю. Рабочiй—рабъ».

Не ждите счастья отъ индивидуализма. «Индивидуумъ, предоставленный своимъ личнымъ силамъ,—пишетъ Мадзини въ своей газетѣ «Мысль и дѣятельность»,—не можетъ разрѣшить великую проблему, не можетъ создать народъ; ему не по силамъ борьба, онъ падетъ».

Двѣ тысячи лѣтъ римской исторiи развили индивидуализмъ съ внѣшней, девятнадцать вѣковъ христіанства съ внутренней стороны. Что же изъ этого вышло? Индивидуализмъ создалъ «право», но развѣ «долгъ» не выше «права»? Развѣ жизнь отдѣльной личности не ничто въ сравненіи съ жизнью всего общества? Уничтожьте связь между поколѣнiями, тогда все высокое, даже борьба за идею, вѣрность ей—безумны. Зачѣмъ жертвы, зачѣмъ мученики, если нѣтъ единства между людьми, если нѣтъ вѣры въ прогрессъ человѣчества, если люди заботятся только о своемъ я?

Философія,—говоритъ Мадзини,—и есть сознаніе цѣли, къ которой стремится человѣчество. Философія не должна быть исключительно созерцательной; философія—мысль, переходящая въ дѣйствіе.

— «Ты знаешь истину, старайся, чтобы она восторжествовала»,—говоритъ Мадзини.—Развѣ можно молчать, когда страдаютъ милліоны, когда большинство притѣсняетъ большинство и заставляетъ жить его въ мракѣ одного невѣжества? Какъ сбросить цѣпи, сковывающія мысль? Какъ биться свободы? Пусть каждый человѣкъ исполняетъ свой долгъ, а долгъ каждаго человѣка—работать на общую пользу. Крайнимъ представителемъ нувшей эпохи индивидуализма Мадзини считаетъ Фауста Гете.

Въ чемъ горе Фауста? Гдѣ причина его страданiй? Онъ одинокъ, онъ

жить только для себя, для своих удовольствий, соединившись съ мифистопелемъ—эмблемой материализма и торжествующаго эгоизма. Какъ спасти Фауста? Пусть онъ будетъ работать на пользу всего человѣчества, пусть онъ забудетъ о личномъ счастьѣ. Вотъ въ чемъ заключается настоящая философія. Дальнѣйшая ея цѣль—человѣчество, ближайшая—родина.

Мадзини признаетъ верховенство религіи надъ философіей. Вспомнивъ его исходное положеніе: философія есть индивидуальное утвержденіе среди двухъ религіозныхъ синтезовъ: одного возникающаго, другого падающаго. Религія универсальное сознаніе, философія—индивидуальное. Оба сознанія вмѣстѣ—два крыла, безъ которыхъ невозможно проникнуть въ божественныя предначертанія. Тамъ, въ той точкѣ, гдѣ сходятся оба сознанія, тамъ истина.

Вѣра въ Бога, вотъ основаніе всякой религіи. Доказывать, что Богъ существуетъ—безуміе. Богъ живетъ въ сознаніи человѣчества, мы чувствуемъ Бога въ себѣ, какъ чувствуемъ, что мы живемъ. Все существующее подчинено законамъ и всѣ законы Божественны. Гдѣ нѣтъ Бога, тамъ царитъ произволь, —революція или Бонапартъ, называйте, какъ хотите. Пока мы считаемъ долгомъ жертвовать всѣмъ для нашихъ индивидуальныхъ мыслей, мы не добьемся никакихъ результатовъ, но слова: «Такова воля Господня», покорять себѣ весь міръ. Только непрестанная связь между жизнью земной и небесной, только постоянная мысль о Богѣ можетъ побѣдить эгоизмъ. Безъ Бога будутъ тираны, а не апостолы.

Божественный законъ постепенно открывается въ самомъ человѣкѣ. Нѣкоторые думаютъ, что Божественный законъ уже открылся весь, другіе, что онъ открывается въ индивидуальномъ сознаніи, третіи считаютъ его за предрассудокъ. Всѣ одинаково ошибаются. Истинный законъ воплощается въ человѣчествѣ. Человѣчество является живымъ словомъ Божиимъ, которое мы познаемъ постепенно. Ни одинъ человѣкъ, ни одно поколѣніе не можетъ открыть его всего, потому что онъ прогрессивенъ, какъ развитіе рода человѣческаго.

Законъ прогресса ведетъ къ невѣдомой цѣли. Одна опредѣленная религія не можетъ привести къ этой цѣли. Формы религіи, сами религіи мѣняются, исчезаютъ сообразно требованіямъ времени, но религіозная мысль вѣчна, только постепенно идея отдалается отъ символа, создается новая религія, болѣе совершенная.

Однѣ религіи стремятся свести Бога на землю, другія отдѣляютъ людей отъ земли. Обѣ заблуждаются. Первыя не любятъ Бога, другія не понимаютъ его.

Безъ религіи не можетъ существовать общества, потому что законы его должны опираться на нѣчто высшее, чѣмъ на авторитетъ человѣка. Религія даетъ знамя для миссіи; она выше философіи.

Враги земной жизни,—говорить дальше Мадзини,—не понимаютъ, что

земля и небо одно и то же. На землѣ мы не должны погружаться въ безплодное созерцаніе, мы должны дѣйствовать, потому что самъ Богъ есть мысль и дѣйствіе одновременно. «Сама жизнь,—пишетъ Мадзини въ своемъ журналѣ *Мысль и Дѣятельность*,—который провозглашалъ «свободу и ассоціаціи» и девизомъ своимъ ставилъ «Богъ и народъ», сама жизнь есть мысль и дѣятельность, вѣра, поддерживаемая доблестными поступками, идея и провозглашеніе ея».

Аскетизмъ заставляетъ человѣка забывать свою социальную миссію, несмотря на то, что жизнь отдѣльной личности тѣсно связана съ существованіемъ ему подобныхъ. Но Богъ можетъ жить только тамъ, гдѣ свобода, гдѣ свободная, открытая борьба за добро. Ждутъ освобожденія и равенства въ Царствѣ небесномъ. Нѣтъ! Оно должно воцариться на землѣ. Нѣкоторые стремятся отдѣлить церковь отъ государства. Это самое грубое заблужденіе, потому что политика безъ религіи превратится или въ деспотизмъ, или въ анархію.

Пусть существующая религія несовершенна, нельзя уничтожать ея, пока не явилась другая, высшая. Постепенно, съ каждою новою религіею, исчезаетъ символизмъ, и скоро засіяетъ истина, идея, освобожденная отъ символа.

Общеніе съ природою создало паганизмъ, общеніе Бога и человѣка—христіанство, но скоро возсіяетъ новая религія единства личности со всѣмъ человѣчествомъ. Христіанство много сдѣлало для этой новой религіи.

Оно дало понятіе о единствѣ рода человѣческаго и о долгѣ совершенствованія. Для этого оно признало между Богомъ и людьми посредника—воплощеннаго Бога. Христіанство создало догматъ о милосердіи Божиємъ, но оно рѣшило, что Божественное откровеніе вполне дало людямъ, оно не признаетъ, что Богъ постепенно воплощается въ человѣчествѣ. Христіане забыли слова Христа, что онъ пришелъ не для того, чтобы уничтожить законъ, но чтобы продолжать его; христіане забыли слова Христа: «Вогда же придетъ Онъ, Духъ истины, то наставитъ васъ на всякую истину: ибо не отъ себя говорить будетъ, но будетъ говорить, что услышитъ и будущее возвѣстать вамъ» (Ев. отъ Іоанна, 16 гл., 13 ст.).

Католицизмъ долженъ погибнуть. Онъ матеріализировалъ христіанство, модифицировалъ вѣру, создалъ кастовую іерархію.

Не папа или король, но Богъ и народъ создадутъ грядущее общество.

Мадзини глубоко вѣритъ въ сверхъестественное, въ божественное совершенство, въ безсмертіе души. Онъ не идеологъ. Его мысль о долгѣ вѣсто дана Божествомъ. Это не автономія моральныхъ законовъ Канта, суровое положеніе Фихте, который говоритъ, что тамъ, «гдѣ царитъ нѣтъ мѣста для другого Бога». У Мадзини за идеею о Божествѣ живъ божественная личность. Вообще Мадзини не можетъ отвлеченно философствовать «*conspicere sub specie aeternitatis*».

Мадзини не старается доказывать. Все ясно. Разъ существуетъ человекъ, значитъ существуетъ и Богъ. Вообще необходимъ верховный авто-

ритеть. Кроме того Мадзини недостаточно пантеистъ, чтобы признать полное уничтоженіе души послѣ смерти, затѣмъ онъ не идеологъ, чтобы возвыситься до долга ради самого долга. Мадзини считаетъ, что за самопожертвованіе здѣсь ждетъ награда тамъ, въ той жизни. Обвиняли Мадзини въ лицемеріи, въ желаніи сдѣлать изъ Бога исключительно политическое орудіе. Это совсѣмъ не вѣрно. Мадзини глубоко вѣрилъ въ свое ученіе. Въ письмѣ къ Ламберти онъ пишетъ:—«я вѣрю въ Бога, какъ въ геометрическую формулу». Сиенонди обвинялъ Мадзини, что онъ хотѣть основать религію на философіи. Мадзини, напротивъ, считалъ религію, какъ универсальное сознаніе, выше философіи, сознанія индивидуальнаго. Философія, по Мадзини, можетъ содѣйствовать прогрессивному развитію индивидуальнаго сознанія, раскрытію истины, которая находится на точкѣ пересѣченія коллективнаго и индивидуальнаго сознанія.

Если въ религіозной философіи Мадзини есть нѣкоторыя противорѣчія, его мораль вполне послѣдовательна и устойчива. Мадзини принялъ за основаніе, что нравственный законъ—божественъ и что его открываютъ совмѣстной работой коллективнаго и индивидуальнаго разума.

Французская революція создала «теорію права». Но ея дѣло по большей части отрицательно. Она разрушила старое, она окончила эпоху, но не начала новой. Идея «права» второстепенна, потому что каждое право существуетъ на основаніи закона, закона бытія. И самое существованіе закона ставить «долгъ» прежде «права», потому что прежде всего необходимо, чтобы законъ исполнялся, а это есть долгъ. Право разъединяетъ, долгъ соединяетъ людей для общаго блага; право ведетъ къ борьбѣ, долгъ исключаетъ ее.

Право не обязательно, поэтому оно не ведетъ къ совѣстному труду, не ведетъ къ прогрессу. Теорія права—причина бѣдъ челоѣчества, потому что при правѣ свобода—цѣль, и каждый ничѣмъ не желаетъ поступиться изъ своихъ интересовъ ради общаго блага. Принципъ благосостоянія равно существуетъ и для угнетенныхъ, и для угнетателей, онъ можетъ только укрѣпить привилегіи тирановъ и деспотовъ. Въ теоріи права нигдѣ не упоминается о жертвахъ и мученичествѣ, которыми начинается всякая великая историческая эпоха.

Политическія учрежденія, основанныя на теоріи права—это серія какихъ-то гарантій однихъ людей отъ другихъ, какое-то ошощное недоѣріе къ челоѣку.

Что создалъ восемнадцатый вѣкъ? Что создала теорія права? Матеріалистическая политика, отрицаніе всѣхъ древнихъ вѣрованій, недоѣріе ко всякой власти, духъ борьбы и эмансипаціи—вотъ работа восемнадцатаго вѣка. Личность вознесена, но что же хорошаго во всемъ этомъ разрушительномъ анализѣ? Что же измѣнилось? Вѣдь это то же самое работво, то же поклоненіе прошлымъ понятіямъ. А прошедшее ужасаетъ Мадзини. Нѣтъ, нашъ долгъ не уничтожать дѣянія отцовъ, но на ихъ мотивахъ мы

должны почерпнуть силы и средства бодро идти навстрѣчу будущности. Мы живемъ на рубежѣ двухъ историческихъ эпохъ—индивидуальной и человѣческой. Назадъ намъ нѣтъ дороги.

Восемнадцатый вѣкъ сдѣлалъ свое дѣло:

Высоко стоитъ знамя «права». Мы должны начать новую эру, пройти черезъ философію къ вѣрѣ, создать ассоціаціи. Принципъ «долга» выше принципа «права». Если существуетъ Богъ и его законъ, то существуетъ и обязательный долгъ, который ведетъ къ прогрессу. Назначеніе человѣка открывать божественный законъ и проводить его въ жизни.

Долгъ каждаго человѣка бываетъ трехъ видовъ: 1) относительно всего человѣчества; 2) родины и, наконецъ, 3) семьи. Первый является цѣлью, остальные два средствомъ, въ первомъ заключаются оба вторыхъ.

Первый долгъ касается сохраненія въ насъ главныхъ свойствъ человѣческой природы, отличающихъ насъ отъ животныхъ, т. е. разума, свободы, чувства общности. Богъ требуетъ, чтобы эти чувства жили и совершенствовались въ человѣкѣ: или онъ познаетъ Божественную истину. Пусть въ борьбѣ за правду гибнуть отдѣльныя личности (человѣкъ смертный, и Богъ Мадзини позаботится о немъ въ будущей жизни). Лишь бы совершенствовалось человѣчество, укрѣпляемое примѣрами. Люди въ отдѣльныхъ національныхъ группахъ являются солдатами одного войска, которое различными путями идетъ къ одной и той же побѣдоносной цѣли.

Никто не долженъ думать о себѣ, о своемъ личномъ счастьѣ. Мать, которая любитъ Распятаго за человѣчество, а своего сына удерживаетъ отъ участія въ общемъ дѣлѣ, если оно опасно, заслуживаетъ снисхожденія, но не оправданія.

Всѣ люди равны. Разницъ нѣтъ между націями. Правственное единство человѣчества создается подвигами, страданіями, мученичествомъ.

Для того, чтобы содѣйствовать мировому прогрессу, Богъ далъ людямъ отечество. Человѣкъ безъ родины—солдатъ безъ знамени. Отечество—союзъ свободныхъ, равныхъ братьевъ. Нѣтъ никому привилегій, только гений и доблесть будутъ царить тамъ. Отечество не территория (территорія одинъ подмокотки) отечество—идея, любовь, общность интересовъ, соединяющихъ сыновъ его. Отечество—храмъ. Внизу народъ, наверху Богъ. Отдѣльныя частныя законы государства—только объясненіе Божественнаго закона. Но они бываютъ такими лишь тогда, когда рѣшаются всѣми, когда вся нація является законодательницей.

Семья—отечество души. Женщина—ангелъ семьи. Необходимо освободить ее отъ рабства, она нисколько не ниже мужчины, надо дать ей равенство правъ и обязанностей. Семья божественна. Будетъ время, когда человѣчество вырастетъ, когда мировой законъ отразится въ каждомъ сознаніи, когда люди сдѣлаются гражданами міра, а не государства. Семья будетъ вѣчно.

Отечество воспитываетъ людей, семья—гражданъ. Надо учить дѣтей сознательному отношенію къ долгу. И лучшее средство примѣръ. Внушайте

имъ любовь къ подвигамъ, къ великимъ людямъ и ненависть не къ самимъ угнетателямъ, а къ угнетенію.

Пусть они будутъ доблестны. Пусть они одинаково возненавидятъ анархію и незаконную власть, т.-е. не силу генія и доблести. Пусть они вѣрятъ въ Бога, но не заковываютъ ихъ въ цѣпи традиціи. Пусть любовь воцарится между всѣми членами семьи. Пусть семья станетъ храмомъ. Чѣмъ же достигнуть всего этого?

1) Свободой, 2) воспитаніемъ, 3) ассоціациями. Безъ свободы не можетъ быть общества, безъ свободы нѣтъ нравственности. Власть полная, безграничная принадлежитъ одному Богу, закону божественнаго прогресса. Поэтому власть въ государствѣ должна быть избираемой и смѣняемой народомъ. Республика—единственная логическая форма правленія. Правленіе народа выражаетъ волю его. Должно существовать право протеста, тогда никогда не будетъ ни бунта, ни возмущенія. Должна быть полная свобода мысли, вѣроисповѣданія, слова, печати, союзовъ. Цензура—смерть свободѣ. Но свобода только средство, отнюдь не цѣль. Свобода не есть отрицаніе всякой власти, но только власти незаконной, т.-е. возникающей безъ общаго согласія народа. Индивидуализмъ влечетъ за собой анархію: онъ фальсификація свободы. Власть въ государствѣ должна быть запретительной, чтобы одни не могли вредить другимъ. Свобода должна существовать только въ выборѣ средствъ для достиженія благихъ цѣлей, а не въ ущербъ себѣ подобнымъ.

Такова свобода Мадзини.

Посмотримъ его взгляды на воспитаніе, какъ долгъ одновременно и общественный, и индивидуальный.

Обученіе и воспитаніе должны идти рука объ руку. Прежде всего воспитаніе должно быть социальнымъ. Пусть дѣти понимаютъ устои общества, въ которомъ они живутъ. Полная свобода обученія можетъ привести къ безнравственности, потому что только національное воспитаніе можетъ создать націю. Въ государствѣ равныхъ свободныхъ гражданъ все воспитаніе, все обученіе должно примѣняться къ этико-соціальной программѣ страны. Свобода личности проповѣдовать свои мысли наступитъ впоследствии и, конечно, никто не подумаетъ ограничить ее.

Изъ двухъ свойствъ человѣческой природы, какъ существа общественнаго и способнаго къ прогрессу, вытекаетъ долгъ—обязанность ассоціаций. Безъ союзовъ не нужны ни свобода, ни воспитанія. Всѣ союзы, начиная отъ религіозныхъ, кончая торговыми, неприкосновенны, если только они не безнравственны. Цѣль ассоціаций—прогрессъ. Всѣ они должны быть открытыми, (тайныя общества существуютъ только въ деспотическихъ государствахъ) пользоваться исключительно мирными средствами и обязаны относиться съ уваженіемъ къ основнымъ устоямъ страны, т.-е. къ свободѣ совѣсти и труда.

Прогрессъ—божественный законъ челоѣчества безконеченъ, онъ не

вліяется въ каждомъ видѣ дѣятельности, въ каждомъ проблескѣ мысли, ачинаая отъ религіи, кончая промышленностью.

Главное зло, говоритъ Мадзини, это неправильное, неравномѣрное распредѣленіе богатствъ.

Филантропы требуютъ отъ рабочихъ, чтобы они дѣлали сбереженія, но какъ всегда возможно дѣлать ихъ. Развѣ при ничтожномъ вознагражденіи возможно откладывать, возможно заботиться о старости?

Экономисты добиваются полной свободы индустріи, но они не понимаютъ, что съ увеличеніемъ производствъ пропасть между богачемъ и бѣднымъ не уменьшится.

Вопросы экономіи и морали неразрывно связаны между собою. Невозможно выносить, чтобы трудащійся народъ допустилъ большую половину людей жить въ непосильной работѣ и невыносимой нуждѣ. Наши государства безнравственны именно тѣмъ, что не считаются съ нуждами большинства. «Что дѣлается, наприимѣръ, здѣсь, въ Италіи,—пишетъ Мадзини,— у насъ ни одинъ рабочій не смѣетъ даже свободно выразить свои мысли; никто не смѣетъ пытаться говорить. Печать — монополія правительствъ. За семью итальянскими правительствами, открытыми или тайными врагами свободной мысли, стоитъ Австрія, враждебная правительствамъ, народамъ, рабочимъ, среднему сословію, всякому проявленію итальянской жизни. У нашего рабочаго нѣтъ націи. Италія не страна, пока стоятъ семь правительствъ и Австрія. Самый главный долгъ рабочаго—стремиться создать себѣ отечество. Соціальный переворотъ придетъ послѣ. Безъ отечества у васъ нѣтъ имени, нѣтъ правъ, нѣтъ братства съ народами. Вы незаконны дѣти челоуѣчества, солдаты безъ знамени—ничто! Не увлекайтесь мыслию шансипаціи, не разрѣшайте вопросы вашего матеріальнаго положенія, прежде чѣмъ будетъ оконченъ вопросъ національный. Вамъ не удастся иначе ничего. Только отечество, прекрасная объединенная Италія отъ Альпъ до Сициліи, лишь она одна создастъ вамъ все».

«Объедините Италію, освободите ее какими бы то ни было путями, кто бы не противился этому!»

Зачѣмъ свободная конкуренція? Въ ней нѣтъ спасенія. Воцарится одинъ капиталъ. Рабочій работаетъ за плату, опредѣляемую сбытомъ товара. При свободной конкуренціи увеличивается количество производствъ, но не спросъ на нихъ; производство дешевѣетъ, заработная плата еще понижается. При свободной конкуренціи много будетъ предметовъ роскоши, которые еще увеличатъ разницу, пропасть между богатымъ и бѣднымъ. Не ищите спасенія въ социализмѣ. Социализмъ стремится къ уничтоженію собственности. Онъ пугаетъ достаточные классы, правительства и вызываетъ борьбу, которая замедляетъ прогрессъ; онъ даетъ мѣсто различнымъ *сoup d'Etat*. Онъ не признаетъ, что собственность, какъ свобода ассоціаціи и прогрессъ, безъ словная принадлежность челоуѣческой природы и показываетъ возможность труда надъ природой. У насъ только неправильно раздѣлена собственность, потому что, большей частью, она основана на степени наслѣ-

лія, котрымъ въ отдаденныя времена нѣкоторые классы и народы воспользовались плодами чужихъ трудовъ.

Собственность, въ нашемъ смыслѣ, даетъ основаніе политической власти. Въ этомъ ея главный грѣхъ. Но если желаютъ уничтожить собственность для того, чтобы истребить ея злоупотребленія, то это очень напоминаетъ дикаря, который, желая сорвать плодъ, рубитъ все дерево. Не нужно уничтожать собственность, потому что она принадлежитъ «меньшинству», нужно добиться, чтобы собственность была у большинства, чтобы она являлась исключительно плодомъ труда.

Соціализмъ создаетъ исключительный культъ матеріальныхъ интересовъ. Безконечное количество ложныхъ системъ, которыя появились подъ знаменемъ социализма, развратили Францію. Французскіе социалисты спутали данную задачу. Они поставили цѣлью то, что должно служить только средствомъ; на мѣстѣ древняго эгоизма они поставили новый и погасили въ себѣ духъ самопожертванія—главное условіе нашего торжества. Мадзини соглашался съ социалистами въ ихъ стремленіи свергнуть капиталистовъ и на этомъ основывалъ свои надежды на развитіи ассоціацій. Ему нравилась ихъ мысль, что не великія личности, но безавѣстная скромная масса человѣчества ведетъ къ прогрессу. Марксъ выводитъ изъ своихъ экономическихъ наблюденій твердую теорію экономическаго развитія, Мадзини, напротивъ, отказывался предсказывать экономическое будущее, но онъ мечтаетъ религіознымъ и нравственнымъ воспитаніемъ поставить человѣка въ условія, при которыхъ возможенъ самый совершенный прогрессъ. Въ письмѣ къ Фредеригу Кампанелло Мадзини пишетъ о социалистахъ: «Интернаціональная ассоціація прекрасна въ своемъ принципѣ, но она слишкомъ поработочена нѣкимъ Марксомъ, нѣщимъ, маленькимъ Прудономъ, проповѣдникомъ раздора, ненавистникомъ, который говоритъ исключительно о войнѣ, о борьбѣ между классами».

Для Мадзини классовая борьба ужасна, потому что его теорія долга какъ разъ направлена къ избѣжанію грубаго антагонизма силъ. По мнѣнію Мадзини социалисты употребили весь свой умъ на борьбу, они пожираютъ другъ друга, убиваютъ въ сердцѣ народа всякую вѣру въ авторитетъ. Ихъ девизъ:

— «Пусть каждый поступаетъ сообразно своимъ нуждамъ», а мы скажемъ:

— «Пусть каждый дѣйствуетъ согласно любви, согласно чувству долга и самопожертванія».

Коммунизмъ ошибается тѣмъ, что онъ не признаетъ изобрѣтательность, отрицаетъ улучшенія производствъ, онъ стѣсняетъ личность и свободу, не позволяетъ владѣть плодами собственныхъ трудовъ. Анархія отвергаетъ соціальную солидарность и само общество.

Мадзини требуетъ для рабочихъ эманципацію заработной платы и владѣніе совокупностью произведеній труда. Мадзини мечтаетъ о такой революціи, которая сдѣлаетъ трудъ экономическимъ базисомъ общества, со-

дать равновѣсіе между производимымъ и потребляемымъ и поставить людей такъ, что только трудящійся будетъ владѣть собственностью. Это случится только тогда, когда трудъ и капиталъ будутъ въ однѣхъ рукахъ. Рабочіе должны объединиться, въ ассоціаціи съ недѣлимымъ вѣчнымъ капиталомъ. Его основанія могутъ создать сами рабочіе своими сбереженіями. Пусть люди, стремящіеся улучшить бытъ рабочаго, помогутъ имъ, пусть правительство дастъ имъ церковныя имущества для этого. Тогда создастся національный фондъ, который соединитъ всѣ производства, всѣ желѣзныя дороги, будетъ уничтожать и помогать возникать новымъ, сообразно потребностямъ всего общества. Вотъ экономическій идеалъ Мадзини.

Вообще этическая и политическая философія Мадзини проста и сильна, она какъ бы выкована изъ одного куска стали блестящей, твердой.

Мадзини вѣритъ въ Бога и въ человѣчество, которое является постепеннымъ толкователемъ его въ исторіи. Послѣ человѣчества—родина послѣ родины—семья и ассоціаціи свободныхъ равныхъ людей, стремящихся къ прогрессу и къ моральному совершенствованію.

Человѣческая свобода должна дисциплинироваться воспитаніемъ, союзомъ, а, главное, сознаніемъ своего долга. Ассоціаціи должны состоять изъ свободныхъ гражданъ отдѣльныхъ націй и свободныхъ народовъ человѣчества. Теоріей права и личнаго благосостоянія никогда не добиться этого. Возрожденіе человѣчества можно купить только цѣною жертвъ, исполненіемъ нравственнаго долга, основаннаго на религіи. Необходима общая вѣра—мысль, соединяющая небо и землю.

Вся этика Мадзини стремится основаться на доказательствахъ, быть наукой, но не можетъ и требуетъ трансцендентальныхъ принциповъ. Она вся, какъ бы окружена тайной.

Мадзини сознаетъ, что должна быть конечная цѣль, къ которой стремится человѣчество. Объяснить онъ ее не стремится и объявляетъ, что конечная цѣль неизвѣстна. Какъ ребенокъ не знаетъ еще своего назначенія въ жизни, такъ и человѣчество, дитя Божіе, не знаетъ еще своей цѣли.

Изъ одной цивилизаціи вытекаетъ другая, болѣе совершенная. Такимъ образомъ человѣчество исполняетъ долгъ совершенствованія, законъ—прогресса. Но къ чему все это приведетъ—неизвѣстно.

Немногіе люди могутъ погружаться въ изученіе вселенной. Немного знаемъ мы теперь. Двойной законъ долга и прогресса—вотъ все, что мы познали. Если была бы уже извѣстна конечная цѣль, то мы стояли бы не у основанія, а у вершины зданія. Открытіе истины требуетъ скромности и постоянства. Постоянное повтореніе мѣла о вавилонской башнѣ и о титанахъ.

Въ этомъ скрытомъ антагонизмѣ между рационалистической тенденціей и трансцендентальнымъ основаніемъ морали и человѣческаго прогресса заключается самая слабая сторона Мадзини, какъ мыслителя. Онъ не имѣлъ способности къ научной мысли, къ строгому разсужденію, къ анализу

фактовъ. Онъ не вѣрилъ, что наука должна вся зиждиться на опытѣ, онъ давалъ слишкомъ много свободы интуиціи, какъ изобрѣтательной способности и пользовался однимъ индуктивнымъ методомъ. Научныя познанія Мадзини очень не велики. Онъ вѣрилъ въ сотвореніе міра по Моисею, не имѣлъ представленія о Дарвинѣ, мало зналъ Маркса. Въ исторіи онъ не видѣлъ науки и вполне одобрялъ манеру нѣкоторыхъ историковъ изобрѣтать рѣчи для дѣйствующихъ лицъ. Вообще Мадзини слишкомъ вѣрилъ въ природенныя свойства ума и поэтому пренебрегалъ пріобрѣтеніями познаній. Его доктрина не имѣетъ опредѣленной структуры. У него нѣтъ критическаго отношенія, нѣтъ равновѣсія съ современной ему наукой. Какъ мыслитель, Мадзини не былъ великъ, но тѣмъ больше его значеніе, какъ моралиста, потому что въ вопросахъ морали интуиція важнѣе разсужденія. Довольно трудно, впрочемъ, совмѣстить противорѣчивыя основанія его моральнаго ученія, автономическія съ гетерономическими. Моральный законъ—божественная воля, слѣдовательно, онъ абсолютенъ и обязательенъ; въ то же время онъ законъ рациональный, не только потому что онъ соответствуетъ разуму, но и потому, что только разумъ способенъ открывать его. Моральный законъ—законъ бытія, слѣдовательно долгъ, но здѣсь слѣдствіе не согласуется съ самимъ принципомъ, потому что очевидно, что законъ бытія—естественная необходимость, а не долгъ. Проповѣдую ученіе нѣсколько схожее съ Кантомъ, Мадзини не знаетъ тонкаго анализа, которымъ Кантъ доказываетъ превращеніе закона бытія—въ законъ долга. Признавая этику одновременно финалистическую и идеалистическую, онъ принужденъ признать, что конечная цѣль невѣдома, что пути и формы прогресса не опредѣлены раньше, словомъ Мадзини незнакомъ съ теоріей имманентныхъ цѣнностей и царства цѣлей Канта. Онъ не знаетъ также положенія Канта, по которому нѣтъ ничего выше «доброй воли». Поэтому Мадзини не можетъ подняться надъ трансцендентальнымъ эвдемонизмомъ и требуетъ отъ людей самопожертвованія во имя будущей жизни. Великая антитеза причинности и свободы не разрѣшена имъ, его догматическимъ утвержденіемъ, что всѣ опредѣлительные софизмы натапливаются на свидѣтельства «мученичества» и «угрызений совѣсти». Несмотря на эти важные недостатки, этика Мадзини велика тѣмъ, что она поставила принципъ «долга» выше принципа «права», и первая дала критическую оцѣнку теоріи права. Этика Мадзини—этика возрожденія, и невозможно создать другую болѣе способную пробудить Италію того времени отъ равнодушія и моральнаго скептицизма. «Не разумъ, не логика ведетъ народы,—говоритъ Герценъ,—но вѣра, любовь и ненависть».

Какъ политикъ-мыслитель Мадзини стоитъ очень высоко, но какъ политикъ-практикъ онъ не имѣетъ большого значенія. Высокое моральное вдохновеніе заставляло его понимать политику, какъ миссію, какъ орудіе универсальной мысли и Провидѣнія, которое не только должно заставить справедливость и социальное благосостояніе царствовать на землѣ, но также создать братство и миръ среди людей и народовъ.

«Мадзини глядитъ на итальянскую революцію, какъ фанатикъ, онъ въруеть въ свою мысль объ ней; онъ ее не подвергаетъ критикѣ и стремится ога е вепрге, какъ стрѣла, пущенная изъ лука. Чѣмъ меньше обстоятельствъ онъ беретъ въ расчетъ, тѣмъ прочнѣе и проще его дѣйствіе, тѣмъ чище его идея». Для Мадзини люди не существуютъ, для него существуетъ «дѣло», притомъ «одно дѣло», онъ самъ существуетъ «живеть и движется» только въ немъ *)).

Какъ дѣятель, Мадзини слишкомъ довѣрчивъ; онъ не умѣлъ разбираться въ людяхъ, плохо зналъ народную массу, не умѣлъ отличать существеннаго отъ мелочей.

Эстетическая теорія Мадзини тѣсно связана съ его моральной доктриной. Какова жизнь,—говоритъ онъ,—таково и искусство.

Древность ставила высшей формой жизни созерцаніе; христіанство—искупленіе, XVIII вѣкъ—благосостояніе. Дѣятельность искусства по Мадзини,—миссія, которая заключается въ томъ, что оно должно выразить новое воззрѣніе на жизнь, должно сдѣлаться воспитателемъ человечества для мирового прогресса.

Мадзини не признавалъ независимости искусства, потому что онъ считалъ, что всѣ усилія души должны стремиться къ одной цѣли—политическому возрожденію людей, созданію универсальной республики. Искусство является символическимъ выраженіемъ бого-человѣческой мысли, великій голосъ міра и Бога въ избранныхъ душахъ человечества, голосъ, облеченный въ форму красоты, въ потоки гармоній.

Пока Богъ будетъ проявляться на землѣ побѣдой добра, до тѣхъ поръ будутъ жить поэты. Религія—основаніе, мораль—цѣль искусства. Сначала отдѣльные народы жили замкнуто, теперь они сближаются. Тѣ же универсалистическія тенденціи переживаетъ искусство. Идея искусства вѣчна, мѣняются только формы его.

Двѣ теоріи гибельны для искусства: реализмъ сводитъ его до простой фотографіи, реализмъ ни больше ни меньше, какъ эстетическій материализмъ, который Мадзини считаетъ прямой гибелью мысли и морали. Но реализмъ безвреденъ. Вторая теорія: *искусство для искусства*, вредна, потому что въ ней нѣтъ закона, нѣтъ цѣли, нѣтъ миссіи. Она зиждется исключительно на личныхъ чувствахъ и сновидѣніяхъ.

Искусство должно являться откровеніемъ истины и глубокаго значенія жизни. Искусство облачаетъ идею въ символъ, черезъ который она дѣлается доступна и ясна для людей.

Въ борьбѣ романтизма и классицизма Мадзини сталъ на сторону пераго, потому что чувствовалъ въ немъ демократическія тенденціи. Ему не нравилась въ классицизмѣ приверженность къ отжившимъ формамъ, но онъ не считаетъ и романтизмъ совершеннымъ видомъ искусства. Роман-

*) Вылое и думы.

тизмъ освободилъ искусство и личность отъ рамокъ классицизма; онъ далъ человечеству вѣру, но не далъ миссіи, поэтому онъ падеть, какъ падутъ всѣ научныя теоріи, которыя основаны на индивидуализмѣ. Романтизмъ хочеть воскресить католицизмъ, онъ мечтаетъ пессимизмомъ возродить духъ.

Два великихъ генія Байронъ и Гёте дали апофеозъ человѣческой личности, но они кончили эпоху, а не начали новой.

Индивидуализмъ имѣеть двѣ формы, внутреннюю и внѣшнюю, субъективную и объективную. Байронъ представитель первой, Гёте второй.

Человѣческое я Байрона могуче и неукротимо. Онъ свободенъ, глубокія страсти волнуютъ его. Талантъ и умъ блещутъ въ немъ. Внѣшній міръ не имѣеть власти надъ нимъ и не даетъ ему красокъ для его твореній. Поэтому всѣ герои Байрона похожи на него самого, всѣ могучи, всѣ вѣрятъ въ свои силы. Они не молятся, они не любятъ, они *хотятъ* и своею волею добиваются всего.

Но герои Байрона несчастны. Ихъ страданія являются цѣпью, связующей ихъ съ будущимъ. Въ своей груди они носятъ идеаль другого міра, другой жизни; одна свобода, одинъ эгоизмъ ихъ не удовлетворяетъ. У нихъ нѣтъ объективнаго идеала, нѣтъ вѣры, они одиноки, — вотъ въ чемъ тайна ихъ грусти, ихъ беспомощности, они не хотятъ знать человѣчества, не вѣрятъ въ Бога и умираютъ, какъ желтые листья въ потокѣ вѣровъ.

Гёте представляетъ изъ себя индивидуализмъ въ объективной формѣ.

Въ своемъ Фаустѣ онъ поставилъ ужасную задачу и ни слова не сказалъ для разрѣшенія ея. Онъ нашелъ, что онъ сдѣлалъ достаточно, и въ то время, когда Байронъ терзался и страдалъ въ эгоизмѣ отчаянія, Гёте погрузился въ спокойное равнодушіе.

Гёте не пантеистъ, онъ какой-то политеистъ, язычникъ нашего времени. Пантеистъ долженъ чувствовать единство феноменальнаго міра, а Гёте познаеть каждую вещь отдѣльно, но единства въ немъ нѣтъ. Главное, Мадзини не любилъ Гёте за то, что тотъ сказалъ: «политика и религія неблагопріятный матеріалъ для искусства». Это мнѣніе прямо оскорбляло Мадзини. Онъ считалъ, что Гёте слишкомъ рано состарился, что въ немъ не живетъ: «гражданинъ времени грядущихъ», котораго Шиллеръ такъ дивно нарисовалъ въ Маризѣ Поза.

Таковы были Байронъ и Гёте.

Они закончили эпоху индивидуализма, но не начали собой новой эры.

«А теперь прощайте оба, — говоритъ Мадзини, — прощайте страданія, которыя лишаютъ силъ, но не освящаютъ, прощай поэзія, которая свѣтитъ, но не грѣеть, прощай безплодное созерцаніе, прощайте сильные, но безцѣльные люди, прощайте радости и горести эгоизма».

Новая поэзія должна воспѣть назначеніе человѣка, смягчить его страданія, научить его подниматься къ Богу.

Въ своей литературной и музыкальной критикѣ Мадзини примѣняетъ свою теорію искусства.

Итальянская критика этого времени дѣлилась на двѣ партіи.

Одна подъ предводительствомъ Тирабоски изучала писателя и произведенія, какъ совершенно отдѣльный фактъ, мелко и сухо анализировала его, и разбирая подробности стиля и отступленія отъ грамматики, теряла изъ виду общее направленіе.

Вторая группа съ Фосколо во главѣ считала, что писателя нельзя понимать безъ связи съ его эпохой, жизнью и настроеніями общества его времени. Такимъ образомъ, Фосколо смотритъ на Данте не только какъ на великаго писателя, отца итальянскаго языка, но какъ на гражданина-реформатора, человѣка партіи, апостола идеи, пророка націи. Иначе,—говоритъ Фосколо,—нельзя понимать его божественной комедіи. Мадзини соглашался съ Фосколо, но шелъ еще дальше. По воззрѣнію Мадзини критика не должна только расчленять эстетическія произведенія, но она должна открывать, дѣлать доступнымъ генія народу. «Путешественники XIV вѣка рассказываютъ, что на Тенерифѣ растетъ дерево громаднхъ размѣровъ, масса листьевъ поглощала въ себя всѣ вредныя пары атмосферы и, если потрясти вѣтви, то съ нихъ течетъ чудная, чистая роса. Геній подобенъ такому дереву, и задача критики встряхивать самыя толстыя вѣтви. А наша теперешняя критика похожа на дикари, который хочетъ срубить дерево у корня».

Съ такимъ критеріемъ онъ судитъ современныя ему итальянскія школы.

Напримѣръ, ему не нравилось, что Монти подражаетъ Данте, потому что онъ перенимаетъ одну только поэтическую форму. Для Монти,—говоритъ Мадзини,—искусство—цѣль, а для Данте—средство. Въ этомъ главная разница между ними.

Итальянскій романтизмъ явился реакціей эстетическому матеріализму. Въ романтизмѣ еще слишкомъ много свободы для индивидуума, онъ католикъ, но, несмотря на это, онъ важенъ тѣмъ, что избираетъ униженныхъ и занять будущей жизнью. Мадзини не любитъ этихъ блѣдныхъ образовъ томящихся, мрачныхъ. У нихъ любовь похожа на дружбу, гнѣвъ безсиленъ, они покорны, они молчатъ.

Школа Гверрацци боевая, за то она прославляетъ силу личности, она занята національной честью и не сознаетъ миссіи человѣчества. Школа Гверрацци годится для среднихъ вѣковъ.

Настоящихъ повтовъ не можетъ быть въ моральной пустынѣ. Поэтъ долженъ жить среди борьбы, среди людей свободныхъ; только тогда искусство возстанетъ въ сверхающей красотѣ, оно стряхнетъ иго трехсотлѣтняго рабства; въ свободномъ народѣ поэтъ будетъ черпать свое вдохновеніе. Что же есть у насъ,—говоритъ Мадзини:—ничего, у насъ нѣтъ даже родины, мы изгнанники.

Романтизмъ создалъ историческій романъ и драму. Классическая драма XVI вѣка не была настоящей исторической драмой, потому что въ ней нѣтъ ни мѣстнаго, ни историческаго колорита.

Альфьери нанесъ ей ударъ, онъ предвидѣлъ новую драму, но не создалъ ея.

Идеалистическая школа считаетъ, что достаточно изобрѣсти абстрактный сюжетъ и воплотить его въ известное число личностей; реалистическая требуетъ только близости къ исторической истинѣ, только точнаго воспроизведенія исторической эпохи. Нужно ни то, ни другое. Въ первомъ случаѣ драма была бы только воплощенной абстракціей, во второмъ драма превратилась бы въ хронику въ діалогахъ. Однихъ фактовъ мало для поэта. Онъ долженъ воспроизвести идею этихъ событій, но только не абстрактными разсужденіями, а образами.

Поэтъ долженъ выразить идею символами. Историческая драма должна соглашаться съ описываемой эпохой и съ общечеловѣческими чувствами и мыслями.

Итальянская музыка мелодична, выражаетъ сильныя чувства, но не имѣетъ рациональныхъ границъ. Она лирична до бреда, страстна до опьяненія, переходитъ отъ одного аффекта къ другому, отъ слезъ къ смѣху, отъ гнѣва къ любви, отъ неба къ аду. Она настоящая выразительница формулы «искусство для искусства», но въ ней нѣтъ божественнаго вдохновенія. Представителемъ ея является Россини. У него сильнѣе развита фантазія, чѣмъ мысли и чувства. У него нѣтъ высоты души, видящей далеко впередъ въ грядущее, онъ остается съ нами на землѣ и жертвуетъ Богомъ ради идола. Только немного въ «Моисей» и въ «Отелло» онъ возвышается до социальной музыки, до грядущей музыкальной драмы. Но это только предчувствіе, онъ предвидитъ эпоху, но не начинаетъ ея. Вообще итальянская музыка погрязла въ матеріализмѣ.

Зато германская музыка блуждаетъ въ мистицизмѣ. Въ ней есть Богъ, но нѣтъ человѣка. Она въ нѣкоторомъ отношеніи приближается къ социальной музыкѣ, но въ ней нѣтъ человѣка, нѣтъ перехода отъ мысли въ дѣйствіе.

Чувства молчатъ и духъ витаетъ въ другомъ мірѣ. Нѣмецкая музыка элегична; это музыка воспоминаній, меланхолин, надеждъ и печалей, которыя не могутъ утѣшиться людьми. Такъ плачутъ ангелы, потерявшіе рай.

Но въ этой музыкѣ не слышно миссін. Историческая музыка должна соединять обѣ. Въ ней будетъ святость нѣмецкой и сила итальянской.

Говорятъ, что такой музыки быть не можетъ, что это—утопія. Поэзія Данте тоже была утопіей, пока существовали только нѣжные провансальскіе трубадуры и суровыя труверы. Онъ соединилъ ихъ, такъ будетъ и съ музыкой.

Пусть въ ней будутъ люди, а не тенора и басы, пусть опять воскреснетъ античный хоръ. Хоръ, какъ выраженіе коллективной души, долженъ имѣть большее мѣсто въ музыкальной драмѣ; онъ долженъ произносить сужденіе на героевъ драмы. Мадзини раздражаютъ аріи и биссированія каваринъ, они нарушаютъ единство мысли, только выставляя на показъ артиста.

Въ этомъ отношеніи съ Мадзини вполне согласенъ Вагнеръ. «Бто старається,—писать онъ,—устраивать различныя аріи для пѣвицъ съ голосомъ, чтобы онѣ могли заслужить браво, тотъ не композиторъ, пусть лучше онъ идетъ въ портные».

Музыка будущаго должна рѣшать социальныя задачи, показывать высоту вѣры и силу жертвы.

Много правды сказалъ Мадзини объ искусствѣ. Много вѣрныхъ взглядовъ было у него, только онъ совершенно не понималъ, что искусство возможно только, какъ искусство. Произведеніе должно прежде всего удовлетворять чувству эстетики. Какъ можно, напримѣръ, сравнивать нравственно важные стихи спартанцевъ, въ которыхъ преподаются великія нравственные правила, съ поэзіей Лесбоса, воспѣвающей одну любовь. Конечно, изъ этого не слѣдуетъ, что искусство должно стоять далеко отъ жизни, отъ религіи. Данте и Мильтонъ черпали свое вдохновеніе изъ религіи, но нельзя, какъ Мадзини, требовать подчинить искусство определенной цѣли. Мадзини не понимаетъ идеала искусства, онъ смѣшиваетъ его съ философій и моралью.

Де-Санктисъ обвиняетъ Мадзини въ томъ, что онъ не понимаетъ, что если исчезнетъ индивидуализмъ, погибнетъ и само искусство. Но здѣсь ошибается самъ де-Санктисъ. Мадзини, напротивъ, желаетъ проявленія индивидуализма въ искусствѣ, но только требуетъ, чтобы и народъ, какъ живое существо, какъ коллективная душа, контролирующая индивидуальную, вошелъ туда. Въ этомъ Мадзини предвидѣлъ великую истину, что искусство не должно оставаться въ замкнутомъ кружкѣ посвященныхъ, но что необходимо расширить поле его дѣятельности.

Мадзини ошибся въ Гёте, не признавъ въ немъ чувства единства и тѣмъ, что онъ обращалъ вниманіе только на первую часть Фауста. Кромѣ того Мадзини порицаетъ Гёте за его величайшее достоинство, то, что его не коснулось вліяніе политики и религіи. Мадзини не понимаетъ, что если бы осуществился его идеалъ искусства, оно пало бы, стало бы скучно.

Де-Санктисъ осуждаетъ Мадзини, какъ писателя. Но не надо забывать, что недостатки Мадзини происходятъ отъ полемики, которую ему приходилось вести. Мадзини говоритъ, какъ оракулъ отдѣльными мыслями, не углубляетъ ихъ, облакаетъ ихъ въ загадки. Но это дѣлали многіе великіе мастера слога отъ пророковъ до Гюго.

Де-Санктисъ правъ, что въ языкъ Мадзини вошло много чуждаго элемента и что онъ недостаточно популяренъ. Пусть онъ писалъ непопулярнымъ языкомъ, но онъ вліялъ на народъ отъ этого не меньше. Важная торжественность его рѣчей дѣйствовала на воображеніе итальянцевъ и заставляла ихъ чувствовать большую глубину, чѣмъ даже тамъ бы. Всѣ, которые желаютъ дѣйствовать на народъ употребляютъ пышныя и фантастическія слога. Но несмотря на всѣ эти недостатки, у Мадзини можно найти много страницъ достойныхъ великаго писателя. Напримѣръ въ разсужденіе о Байронѣ и Гёте, объ искусствѣ Италіи, о Барлейгѣ,

о меньших произведениях Данте. Изъ нелитературныхъ произведенийъ «Вѣра и будущность», о «Правахъ человека».

Болтонъ Кингъ говоритъ, что если бы ничто не отрывало Мадзини отъ литературныхъ занятій, онъ сдѣлался бы величайшимъ критикомъ нашего времени.

Бритика параллелей и источниковъ не пощадила Мадзини. Перваяшла аналогію между Мадзини и Ламмене, вторая убѣждена, что Мадзини заимствовалъ у Ламмене свои главныя мысли. Но объ глубоко заблуждаются. Мадзини хвалитъ Ламмене за его ученіе о долгѣ, и послѣ разрыва послѣдняго съ Римомъ онъ написалъ ему отъ имени итальянскихъ изгнанниковъ письмо. Ламмене отвѣтилъ очень нескоро и неохотно. Вотъ и все ихъ личное отношеніе.

Что касается до ихъ ученія, то въ нихъ мало общаго.

Въ первой своей книгѣ «О равнодушіи къ вѣрѣ» Ламмене возобновляетъ попытку Паскаля утвердить вѣру на скептицизмѣ, т.-е. показать недостаточность одного разума, и доказать необходимость высшаго авторитета. Противъ картезіанскаго ученія методическаго сомнѣнія и критерія очевидности Ламмене говоритъ, что такимъ образомъ и сумасшедшій съ не меньшимъ успѣхомъ можетъ доказывать правильность своей *idée fixe*.

Почти до 1830 года Ламмене былъ сторонникомъ ультрамонтанизма, онъ мечталъ о новомъ Григоріи VII. Что же могло быть ужаснѣе для Мадзини, какъ провозглашеніе единственнымъ посредникомъ между Богомъ и людьми римскаго папу.

Послѣ июльской революціи Ламмене вдругъ дѣлается защитникомъ свободы и врагомъ единенія алтаря и престола.

Ламмене всегда требовалъ отдѣленія церкви и государства, что совсѣмъ противорѣчитъ взглядамъ Мадзини.

Наконецъ въ 1846 году Ламмене издалъ свои «Очерки философіи» въ 4 томахъ, послѣднее систематическое изложеніе его мыслей.

Въ этомъ произведеніи чувствуется какой-то дензъмъ съ платоническимъ оттѣнкомъ. Ламмене развиваетъ здѣсь теорію идей и прообразовъ. Развѣ могъ Мадзини согласиться съ этими абстракціями?

Кромѣ того у Мадзини всѣ воззрѣнія уже вполнѣ опредѣлились къ этому времени. Вообще отличительной чертой его всегда было его постоянство. Мадзини посвятилъ себя съ юности одному Богу; одному служенію. «Энтузіастъ, фанатикъ съ кровью лигура въ жилахъ, Мадзини отрокомъ безвозвратно отдается великому дѣлу освобожденія Италіи и этому, ему остается вѣрнѣе и нынѣ, и присно, и вовеки вѣковъ, она е sempre, и такъ говоритъ его девизъ: тутъ его юность, любовь, семья, вѣра, долгъ» *).

Что же могъ заимствовать Мадзини у Ламмене, увлекающагося бретономъ, который такъ легко поддавался подъ всякое вліяніе. Между прочимъ, и

* Герцень: „Концы и начала“.

мене думалъ, что искусство должно подражать природѣ, что Мадзини считалъ однимъ изъ проявленій ненавистнаго матеріализма.

Мадзини и Ламмене кореннымъ образомъ расходятся въ возрѣніи на женщинъ, которыхъ Ламмене не ставилъ высоко: онъ слишкомъ часто видѣлъ ихъ униженными на исповѣди, когда онъ былъ аббатомъ.

Ренанъ пишетъ:

Ламмене не политикъ, не философъ,—онъ поэтъ. Онъ самъ изобрѣтаетъ себѣ сатану и страстно борется съ нимъ. «Его пылкій умъ вѣчно мѣнялъ предметы поклоненія и ненависти. Никто такъ легко не можетъ забывать то, во что онъ вѣрилъ раньше и стремиться къ чему-нибудь новому, ненавидя прежнее увлеченіе.

Ламмене не могъ смотрѣть на все съ точки зрѣнія холоднаго разсудка и философскаго безстрастія, которое выше распрей людей и уже близко къ Богу. Ламмене никогда не былъ спокоенъ».

Послѣ поклоненія папѣ Ламмене пишетъ свою книгу—«*Paroles d'un croyant*», которая призываетъ проклятіе церкви на автора.

Эта книга вызвала бурю.

Собственно говоря въ ней нѣтъ опредѣленной доктрины. Это—поэма, а не трактатъ. Ламмене мечтаетъ объ идеальномъ совершенномъ обществѣ, которое управляется любовью, а не тиранами. Средство достигнуть такого общества—свобода. Ламмене требуетъ всеобщей подачи голосовъ, свободы печати, обученія, стачекъ и труда отъ власти тирановъ и капитала, какъ всѣ французскіе коммунисты. Словомъ, Ламмене не говоритъ ничего новаго.

Эрнестъ Ренанъ пишетъ о немъ слѣдующее: «Странная книга, достойная похвалы (если никто не станетъ подражать ей), сколько въ его душѣ страсти, долга, скрываемой нѣжности; его книга чудный апокалипсисъ, настоящій шабашъ гнѣва и любви. На немъ отразился бретонскій характеръ, въ которомъ суровость смѣшивается съ мечтательностью, съ нѣжной тоской, подъ оболочкой вѣшной грубости. Поэтому въ немъ такъ рѣзки переходы отъ кровавыхъ притчъ къ неизъяснимо прекраснымъ, нѣжнымъ мечтаньямъ. Онъ хочетъ спасти общество любовью на океанѣ гнѣва. У него въ груди живутъ райскія видѣнія рядомъ съ картинами ада».

Слѣдовательно, Мадзини ничего не могъ заимствовать у этого пылаго мечтателя.

Ламмене нравился Мадзини своими мечтами о новой религіи, Мадзини думалъ, что Ламмене будетъ Лютеромъ нашего времени, но Ламмене грубо оттолкнулъ Мадзини. На призывъ къ проповѣди Ламмене рѣзко отвѣтилъ Мадзини: «Приди сейчасъ самъ Христосъ и Ему не позволятъ сказать ни слова. Хороша проповѣдь, когда тремъ человѣкамъ не позволяютъ разговаривать на улицѣ».

Мадзини глубоко вѣрилъ въ свою идею. Про рѣднаго человѣка можно сказать, что онъ настолько посвятилъ себя служенію своему идеалу, страдалъ и помылся ему среди самыхъ жестокихъ разочарованій, когда его

сподвижники уже не вѣрили въ него, когда сама исторія мѣняла свое русло.

Только разъ въ концѣ 1836 года сомнѣнiе овладѣло душой Мадзини. Базалось дѣло Италiи погнѣбло, упреки сыпались на него со всѣхъ сторонъ, швейцарское правительство изгоняло его... Всѣ мечты рушились. Быть можетъ его идея великой Италiи—сонъ, быть можетъ страна уже умерла и напрасно льются потоки крови? Растрѣленные въ Генуѣ стояли передъ нимъ, какъ видѣнья. Слезы матерей, кровь, стоны, упреки...

Мадзини чуть не сошелъ съ ума. Его изболѣвшаяся душа искала выхода въ самомъ эгоистическомъ поступкѣ—въ самоубийствѣ.

Но нравственное чувство побѣдило. Мадзини рѣшилъ, что это сомнѣнiе и отчаянiе явились результатомъ искушенiй эгоизма. И это могъ думать онъ, который совершенно отрекся отъ личнаго счастья, считая даже мечту о немъ проявленiемъ эгоизма, онъ, который высшей доблестью, закономъ жизни ставилъ трудъ на пользу другихъ, для блага родины и человѣчества. Эту минутную слабость Мадзини объяснялъ такъ: рушились его надежды, его мечты, его радости; и онъ впалъ въ отчаянiе, какъ будто личные радости составляютъ цѣль жизни. Но что же такое жизнь? Какъ определить ее? Жизнь есть миссiя, ведущая къ высшей человѣческой цѣли по закону прогресса. У cadaго человѣка своя миссiя. У одного въ семьѣ, у другого относительно родины или человѣчества. Словомъ, жизнь есть миссiя, т.-е. долгъ, и въ ней нѣтъ мѣста для заботы о личныхъ радостяхъ.

Тамъ, въ тюрьмѣ въ Савонѣ у Мадзини созрѣла мысль о республикѣ и единствѣ Италiи, которой онъ посвящалъ свою жизнь. Послѣ неудачныхъ попытокъ 21 и 48 года Мадзини потерялъ вѣру въ помощь иностранныхъ державъ и рѣшилъ объединить Италiю своими силами,—силами одного народа. Въ этомъ заключалась главная ошибка Мадзини: онъ слишкомъ вѣрилъ въ силу народа и въ собственную партiю. Онъ не понималъ, что народъ не армiя апостоловъ, готовыхъ на мученическую смерть. Его раздражали колебанiя его сторонниковъ.

Цѣлью его было единство Италiи. Ради нея онъ часто поступался другими не менѣ дорогими для него идеалами. Мысль, что объединенная великая Италiя сдѣлается руководительницей человѣчества и поведетъ его по славному пути прогресса, безконечно увлекала Мадзини.

Ярый республиканецъ, онъ пишетъ письмо къ Карлу Альберту, въ которомъ онъ предлагалъ ему корону, лишь бы была достигнута свобода и независимость прекрасной Италiи. Мадзини увлекается; какъ Маркизь Пизани пишетъ онъ: «Если бы я васъ считалъ обыкновеннымъ королемъ, въ царствующемъ тираническомъ съ ничтожной душой, я не обратился бы къ вамъ со словами свободнаго человѣка. Вы не таковы, государь. Природа, создавшая васъ у трона, дала вамъ высокiя понятiя и глубокiя мысли». Это письмо Мадзини во время заговора 1821 года. Но онъ ошибся въ Карла Альберта и послѣ этой уступки сталъ еще большимъ врагомъ монархiи.

— Бойтесь уступокъ,—писалъ позднѣе этого Мадзини,—особенно по-
тѣ того, какъ всѣ стремленія «молодой Италіи» были жестоко подавлены
Карломъ Альбертомъ.

Впослѣдствіи вражда къ монархіи бросила его въ крайность.

Въ 1865 году онъ пишетъ: «Спасеніе никогда не придетъ отъ монар-
хическаго парламента, а откуда-нибудь еще».

Мадзини совершенно не понималъ политики Пьемонта, въ лицѣ графа
Бавура, который не увлекался утопіей, а на самомъ дѣлѣ много способ-
ствовалъ объединенію Италіи. Мадзини все время старался поссорить свою
партію съ Пьемонтомъ, несмотря на то, что не было другого войска,
кроме арміи сардинскаго короля.

Фанатикъ и удивительный организаторъ, Мадзини покрывалъ всю Италію
цѣлой сѣтью различныхъ революціонныхъ комитетовъ. Мадзини имѣлъ
страшную власть надъ «молодой Италіей», дѣлалъ попытки возмущеній, но
онѣ всѣ кончались неудачами. Эти бунты были такъ несвоевременны,
что, наконецъ, самъ Гарибальди отрекся отъ Мадзини.

Мадзини мечталъ объ объединенной Италіи съ Римомъ во главѣ, и
такъ какъ со рвеніемъ фанатика, онъ считалъ, что то, что должно быть —
будетъ, онъ требовалъ отъ Гарибальди вторичнаго похода на Римъ, хотя
это могло бы погубить все дѣло.

Послѣ разрыва съ Гарибальди Мадзини уѣхалъ въ Англію. И это было
во-время. Своей неосторожностью и отсутствіемъ политическаго такта, Мад-
зини только бы повредилъ любимому дѣлу.

Его мысли, его идеи перешли въ руки людей, которые могли привести
ихъ въ исполненіе.

Впослѣдствіи Мадзини вернулся въ Италію, по лазурному морю и чи-
стому небу которой онъ такъ тосковалъ въ холодной туманной Англіи.
Его мечта объединенной Италіи болѣе или менѣе осуществилась.

Мадзини умеръ въ Пизѣ въ 1872 году и по преданію его послѣдними
словами было: «я вѣрю въ Бога».

Одинокимъ, несчастнымъ, брошеннымъ любимой сестрой, отвергнутымъ
Гарибальди умеръ Мадзини.

Но потомство оцѣнило его и поставило его имя, какъ одну изъ са-
мыхъ свѣтлыхъ, самыхъ блестящихъ звѣздъ прекраснаго созвѣздія вели-
кихъ героевъ итальянскаго возрожденія.

Свѣтлый образъ Мадзини долго будетъ жить въ сердцахъ итальянскаго
народа.

Невольно вспоминаются слова Герцена: «Можно не соглашаться съ
вами во мнѣніяхъ, но не уважать васъ нельзя».

Н. Г—ская.

Грузинская печать о Государственной Думѣ и автономіи Грузіи *).

Въ № 2887 газеты *Цюбисъ-Пурцели* талантливый публицистъ Ситива (псевдонимъ С. Пирцхалова) посвятилъ нѣсколько строкъ учрежденію Государственной Думы. «Свершилось, и правительство Высочайше даровало Государственную Думу; даровало не конституцію, не парламентъ, не земскій соборъ, а Государственную Думу... Хороша или нѣтъ Дума, мы ничего не въ состояніи сказать. Какъ бы то ни было, дареному коню въ зубы не смотреть... Новая Дума, коротко сказать, носить только имя, но по существу ничего не представляетъ, въ особенности для насъ. Дума учреждена для богатыхъ, а таковыхъ у насъ сравнительно мало, и кто есть, тотъ будетъ заботиться о себѣ, а о не народѣ, о большинствѣ. Народу потому не дали права участія въ Думѣ, что онъ не подготовленъ, неспособенъ понять свое положеніе, постоять за себя. Дума, какъ показываетъ само названіе, только Дума, учрежденіе, предназначенное для бесѣды. Собравшіеся тамъ должны говорить, обмѣниваться мнѣніями, но право рѣшить что-либо или предпринять не имѣютъ. Для этого и богатые съ цѣнзомъ не подготовлены. Такая Дума, если вѣрить русскимъ патріотамъ, совершенно соответствуетъ характеру русскаго народа, который любитъ высказывать свое мнѣніе, но не любитъ, чтобы это мнѣніе осуществлялось. Русскій народъ-де не любитъ политики, вмѣшиваться въ дѣла государственныхъ, участвовать въ управленіи, не любитъ политическихъ правъ, политической свободы... Поэтому... Здѣсь выступаютъ Грингмуты и Мещерскіе и громко вопіютъ: такъ какъ русскій народъ противъ политической свободы, то онъ сторонникъ рабства; поэтому русскій народъ не хочетъ быть своимъ на тронѣ, править своей жизнью, онъ готовъ быть достояніемъ другого, для другихъ работать, жить и умереть, для другого страдать.

Цюбисъ-Пурцели (№ 2892) въ передовой статьѣ «Незаслуженная несправедливость» сѣтуетъ по поводу предположенныхъ особенныхъ законовъ, имѣющихъ быть изданными для охраняя касательно выборовъ въ Государ-

*) *Русская Мысль*, кн. VI, 1906 г.

венную Думу. «Почему? Зачѣмъ? Что сдѣлали окраины бюрократіи, заставившей пожать всякую либеральную реформу во внутренней Россіи для окраинъ? Вѣдь для нашего государства каждый подданный долженъ быть одинаковъ, какъ не разъ объ этомъ сообщалось неоднократно въ манифестѣ и законахъ... Но дѣло расходится со словомъ...

Несчастный Кавказъ! Въ теченіе столѣтія только къ тому и прилагають усилія, чтобы доказать бюрократіи свою преданность; постоянно испытываютъ страхъ, какъ бы не обвинили въ измѣнѣ, сепаратистическихъ стремленій и не сочли неблагодарнымъ и громко заявлялъ о своихъ вѣрноподданныхъ чувствахъ. Но ничто не помогло. И теперь насъ выбросили почти за бортъ.

Правительство рѣшило; чтобы изъ окраинъ, по словамъ газетъ, въ Государственную Думу было избрано 140 человекъ. Окраины составляютъ Кавказъ, Закаспійскій край, Сибирь, Финляндія, Прибалтійскій край и Польша. Въ этихъ 6 областяхъ по меньшей мѣрѣ 40 мил. жителей. Раздѣливъ его на 140, получимъ одного на 285,000. Опасеніе скрывается въ другомъ. 140 представителей будутъ имѣть окраины. Если раздѣлить поровну между шестью окраинами, на каждую придется 23 представителя. Какое значеніе они будутъ имѣть въ будущей Государственной Думѣ? Какую силу они могутъ составить, чтобы защитить интересы своей окраины передъ подавляющимъ большинствомъ членовъ Думы, принадлежащихъ Россіи? Ни значенія, ни силы они имѣть не будутъ. А это значить, что интересы окраинъ будутъ пренебрегаемы.

Прежде, когда бюрократія господствовала, обиженные народы покорно слушались, такъ какъ вмѣсто нихъ заботился патронъ. Новый порядокъ даетъ «право» народу самому думать и свою думу довести до свѣдѣнія правительства черезъ посредство представителей. Если, какъ ясно изъ вышеприведенныхъ словъ, мнѣніе представителей не будетъ имѣть ни вліянія, ни значенія, ни силы, то, нѣтъ сомнѣнія, выборщики будутъ недовольны.

Въ № 2890 *Цюбисъ-Пурцели* возвращается къ вопросу объ автономіи Грузіи. Авторъ статьи Г. Р. выступаетъ защитникомъ національнаго самоуправления противъ возраженій, сдѣланныхъ грузинской газетой *Мозаури*. Последний органъ ведется грузинскими социаль-демократами и проникнуть идеями антинациональными.

Идею самоуправления Грузіи *Мозаури* такъ комментируетъ: грузинская мелкая буржуазія и дворянство будто бы угнетается пересаженымъ извнѣ капиталомъ, поэтому гибель ихъ неизбежна, если Грузія не вступитъ на другой путь. Интересъ мелкой буржуазіи и дворянства вызываетъ необходимость остановить побѣдоносное шествіе крупнаго капитала. Средствомъ остановки его является территоріально-національная автономія, и поэтому-то поднято званіе автономіи, за которымъ большинство еще не слѣдуетъ, но въ будущемъ пойдетъ. *Цюбисъ-Пурцели* по этому поводу замѣчаетъ, что національная автономія не служитъ исключительно интересамъ одного класса.

Ей могут располагать и крупные капиталисты, и мелкие буржуазные классы и рабочие. *Моцаури*, исходя из предположения, что хотя в Грузии уже водворился капиталистический строй, но в сущности в ней господствуют дворянство и мелкая буржуазия, увѣренъ въ захватъ автономіи буржуазіи и воцареніи реакціоннаго направленія. Если даже признать справедливость замѣчанія *Моцаури*, что Грузія—типическое царство мелкой буржуазіи, то по мнѣнію, *Цнобисъ-Пурцели* нѣтъ основанія вооружаться противъ провозглашенія автономіи. И въ Россіи болѣе 85% населенія составляютъ мелкие собственники, но никто изъ подданныхъ русскихъ не заявитъ, что слѣдуетъ отказаться отъ самоуправленія и жить законами Германіи или Англіи. Будетъ ли дана грузинамъ автономія или нѣтъ, это для капиталистическаго развитія въ Грузіи безразлично, такъ какъ оно водворится здѣсь такъ же какъ и въ другихъ странахъ. Автономія Грузіи не есть спасительное средство, предложенное идеологами мелкой буржуазіи, ибо никто не докажетъ, что автономія остановитъ развитіе капиталистическаго строя. *Моцаури* только потому считаетъ автономію оплотомъ интересовъ буржуазіи, что желаетъ въ плащѣ марксиста выступить противъ національнаго самоопредѣленія. Отсутствие (какъ въ Швейцаріи) таможенныхъ преградъ автономной Грузіи съ Россіей устраняетъ опасеніе *Моцаури*, что Грузія станетъ бороться съ иностраннымъ капиталомъ покровительственной системой.

Почти тѣ же замѣчанія и пожеланія высказаны были въ другой, грузинской газетѣ *Иверія*, проникнутой сознаниемъ необходимости дарованія Грузіи автономнаго устройства.

Иверія отъ 10 августа (№ 139) въ передовой статьѣ подъ заглавіемъ «Новое учрежденіе въ Россіи», такъ толкуетъ происхожденіе и значеніе «Государственной Думы».

«Русско-японская война и внутреннія событія послѣднихъ лѣтъ ясно доказали всѣмъ, что господствовавшая бюрократія вредна для народнаго благосостоянія и что необходимо создать новый порядокъ,—призвать избранныхъ отъ народа представителей. Незабѣжность измѣненія строя признало само правительство. Поэтому подъ предсѣдательствомъ гофм. Булигина была образована коммиссія, которой было поручено составить новый проектъ народнаго представительства. Относительно проекта въ русскихъ газетахъ печатались кое-какія свѣдѣнія, но достоверно не было извѣстно, въ какомъ видѣ будетъ составленъ проектъ. Вообще же все русское общество раздѣлилось по этому вопросу на два лагеря. Одна часть общества, именуемая «Гражданиномъ» либеральной, доказывала, что проектъ долженъ коснуться коренныхъ русскихъ законовъ и народные представители должны быть облечены законодательными полномочіями, что невозможно условитъ народъ и исправить ошибки бюрократіи, если не будетъ народу дано право вершить по своему желанію государственныя дѣла. Другая часть общества не стремилась къ кореннымъ реформамъ.

Гражданинъ же, съ солидарными съ нимъ газетами, заявлялъ, что въ

никакомъ представительствѣ Россіи не нуждается. Эти двѣ силы—стремляющаяся къ обновленію и протестующая противъ него, вступили въ полемику. Сторонники обновления не довольствовались простымъ представительствомъ. Они требовали, чтобы избраніе представителей было основано на всеобщей, прямой, равной и тайной подачѣ голосовъ, чтобы была объявлена свобода слова, печати, собраний, неприкосновенность личности и жилища, чтобы водворить въ Россіи тотъ порядокъ, который существуетъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ; утверждали, что отсутствіе такого порядка угрожаетъ народу рабствомъ, подчиненіемъ бюрократіи. Противники же обновления, сторонники существующаго режима, доказывали, что народоправство противорѣчитъ русскимъ кореннымъ законамъ и потому обновленіе считали нежелательнымъ. Булыгинская коммиссія въ это время заканчивала разработку своего проекта, и этотъ проектъ, нынѣ измѣненный и вновь рассмотрѣнный въ Государственномъ Совѣтѣ, превратился въ законъ.

Въ силу этого закона (отъ 6 авг. 1905 г.) учреждается «Государственная Дума» и при томъ такая, которую нужно было ожидать при тѣхъ условіяхъ, которыя сопровождали ея происхожденіе и разработки. Новый законъ и новое учрежденіе оставивъ неприкосновеннымъ коренной русской законъ о самодержавіи, не вноситъ никакого основнаго измѣненія въ существующій строй. При вступленіи въ Государственную Думу представители приносятъ присягу въ томъ, что вѣрно будутъ служить Самодержавному Государю и принципу самодержавія не измѣнять. Народнымъ представителямъ запрещается имѣть сужденія, направленные противъ монархической власти.

Народные представители не имѣютъ законодательнаго права. Государственная Дума получаетъ лишь совѣщательный характеръ. Разработанный въ Думѣ законопроектъ переходитъ въ совѣтъ министровъ для рассмотрѣнія и если министръ выскажется противъ, то имѣетъ онъ право оставить законопроектъ безъ вниманія. Засѣданія Думы—закрытыя, безъ публики; председатель можетъ допустить лишь представителей прессы, и съ тѣмъ условіемъ, что отчеты ихъ лишь съ его одобренія могутъ быть допущены въ газетахъ. Министры неотвѣтственны предъ народомъ: они имѣютъ право присутствовать на засѣданіяхъ Думы и если пожелають, даютъ отвѣтъ на запросъ представителей. Министры могутъ потребовать закрытаго обсужденія вопроса.

Новый законъ о народныхъ представителяхъ касается внутренней Россіи и двухъ городовъ Кавказа, Тифлиса и Баку. Относительно Кавказа будетъ разработана специальный проектъ коммиссіей, подъ предѣлительствомъ д. т. с. Сольскаго. Въ манифестѣ объ этомъ учрежденіи сказано, что оно подлежитъ измѣненію и дополненію.

Въ № 141 *Иверія* возвращается къ вопросу «Народное представительство ю и окраины». Вспомнивъ условія, при которыхъ возникла Государственная Дума, *Иверія* продолжаетъ... «Ожиданіе оправдалось, представитель-

ство, дарованное Государемъ, носить характеръ совѣщанія, на которомъ представители народа могутъ высказывать свои мнѣнія о запросахъ со стороны правительства. Въ это совѣщаніе посылать представителей могутъ только тѣ, которые располагаютъ большимъ имущественнымъ состояніемъ.

Правительство заявляетъ, что внутренняя Россія и окраины не пользуются и не будутъ впредь пользоваться одинаковыми правами. О порядкѣ выборовъ на окраинахъ пока только образована комиссія. Поэтому мы не знаемъ, Грузія, причисляемой къ окраинамъ, какого типа представительство будетъ даровано. Отсюда слѣдуетъ полагать, что годное для внутренней Россіи, окажется непригоднымъ въ Грузіи, и съ этимъ слѣдуетъ считаться названной комиссіи. Для окраинъ долженъ быть выработанъ другой, чѣмъ для внутренней Россіи, типъ представительства. Кто пытается заглушить голосъ народа, тотъ является врагомъ, и народа, и правительства, такъ какъ онъ вводитъ правительство въ заблужденіе. Время еще не ушло для организациіи представительства согласно желанію народа, требующаго всеобщей, равной и прямой подачи голосовъ». Еще до учрежденія Государственной Думы, *Искрѣя* (№ 38, отъ 27 марта 1905 г.) въ передовой ст. «Вопросъ политической жизни кавказскихъ народовъ» высказывалась въ пользу національнаго самоуправленія въ интересахъ полного использованія силъ народа на благо страны. Отстаивая мысль объ автономіи Кавказа, *Искрѣя* поддерживаетъ мнѣніе о необходимости сохранить національное единство въ предѣлахъ опредѣленной территоріи. Центральныи органъ автономнаго Кавказа не долженъ касаться вопросовъ, касающихся внутреннихъ дѣлъ отдѣльныхъ народностей, въ ихъ числѣ и грузинъ. Центральныи органъ долженъ вѣдать взаимныя социальныя-политическія отношенія кавказскихъ народностей. Грузины имѣютъ исторически и этнографически опредѣленныя границы. Они должны домогаться пріобрѣтенія такихъ политическихъ условій, при которыхъ возможно національное существованіе и безпрепятственное развитіе. Грузія должна составить національную единицу, независимую въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ отъ другихъ народностей. Національное самоуправленіе не угрожаетъ гнетомъ другимъ племенамъ, живущимъ въ предѣлахъ національной единицы. Демократическая основа самоуправленія предоставитъ одинаковыя права всѣмъ, безъ различія происхожденія и вѣроисповѣданія».

Въ другой статьѣ, принадлежащей Ив. Рамишвили, подъ заглавіемъ «Народность и трудящійся классъ» идея національной автономіи Грузіи, защищается отъ нападокъ г-на *Моисаури*, опасавшагося самоуправленія въ интересахъ цѣлесообразнаго проведенія ученія Маркса. Авторъ, признавая дробленіе общества на двѣ группы, основанныя на капиталистическомъ производствѣ, буржуазія и пролетаріатъ, утверждаетъ, что интересы ихъ могутъ быть примирены. Классовая борьба по доктринѣ марксистовъ отрицаетъ существованіе національныхъ интересовъ. Но забываютъ послѣдователи этой доктрины наличность національнаго чувства и національнаго самосознанія. Соціальныя группы объединяются національнымъ чувствомъ

Общая умственная жизнь, выражающая въ языкѣ, одинаковой исторической судьбѣ, равное уваженіе къ героямъ и учителямъ народа воспитываютъ въ немъ одинаковое чувство, мышление, вѣрованіе, правосозрѣніе. Съ національнымъ чувствомъ связаны общіе народные интересы. Разныя группы народа имѣютъ общій языкъ, общую территорию, общіе хозяйственные интересы. Когда этимъ общимъ узамъ угрожаетъ внѣшняя опасность, то страдаетъ интересъ не одной группы, но цѣлаго народа. Любовь къ родинѣ не есть монополія одного класса,—она всеобщее чувство и стоитъ выше классовой психологіи. Это общая почва становится очевиднѣе при появленіи внѣшней опасности и народъ объединяется для защиты національной индивидуальности. Самъ Бебель признаетъ наличие факта общей почвы. Онъ заявилъ въ рейхстагѣ, что германскій пролетаріатъ прольетъ кровь въ защиту своего отечества, если на территорию послѣдняго будутъ сдѣланы попушенія. Развѣ это не значитъ, что буржуазія и пролетаріатъ имѣютъ общіе интересы? Общій интересъ возникаетъ не только при возникновеніи внѣшней опасности, но и при защитѣ національной промышленности отъ обременительныхъ налоговъ и пошлинъ». Указавъ еще рядъ примѣровъ, какъ узко понимаетъ *Мозаури* теорію Маркса, авторъ отмѣчаетъ, какъ грузинскіе ортодоксальные марксисты, усматривающіе во всемъ лишь классовую борьбу, даже защиту правъ языка, территории и національныхъ привилегій считаютъ защитой интересовъ лишь одной буржуазіи и отождествляютъ отстаиваніе національныхъ интересовъ защитой классовыхъ интересовъ. Помимо классовой борьбы есть еще что-то, а именно национальное чувство.

Вопросъ о національной автономіи поднимался въ кутаисскомъ уѣздномъ совѣщаніи по поводу введенія земства въ Закавказьи. Совѣщаніе признаетъ необходимой децентрализацию окраинъ съ широкимъ политическимъ самоуправленіемъ (*Искрія*, № 165).

Возвращаясь къ «Земству и національному вопросу на Кавказѣ», *Искрія* (№ 159) вспоминаетъ неудачную попытку австрійскаго императора Іосифа II, искусственно создать государственное единство изъ народовъ, раздѣленныхъ происхожденіемъ и культурой. Эту политику примѣняли къ кавказскимъ народностямъ, обрусенію которыхъ служили начальники края. Послѣдніе, не обращая вниманія на разницу въ историческихъ и культурныхъ традиціяхъ нестраго этнографическаго состава Кавказа, стали примѣнять къ нимъ законы, выработанные на Сѣверѣ. Эта политика пребрежительнаго отношенія къ особенностямъ и интересамъ мѣстныхъ народностей во имя государственнаго единства привела къ переживаемому нынѣ Кавказомъ кризису и проволочкамъ.

Основой народнаго развитія и учрежденій должна послужить законность признанія національныхъ требованій. Для Грузіи въ этомъ отношеніи необходимо объединеніе всей ея территории (Бутаис. и Тифлис. губерній, Ватумской области, Сухумскаго и Закатальскаго округовъ) и организація

на этой территории одной национальной окружной автономии. Такую же земскую организацию следует дать армянам и татарам в пределах их территории.

Этот же вопрос о «территориальной окружной автономии» вновь был поднят *Иверией* в фельетонъ Вл. Дарчиашвили «Рабочие, кушцы, промышленники», который повторяет мысль, что национальный вопрос, вопрос классовый, буржуазин. В передовой статьѣ по этому поводу *Иверия* вновь защищает идею территориально-национальной автономии. Вопрос национального самоуправления отстает не только буржуазия, как заявляет г. Дарчиашвили, но и послѣдователи социализма. Если бы даже объ этой автономии заговорила буржуазия, а народъ хранилъ молчаніе, то это не могло бы означать, что национальная автономия полезна лишь для буржуазии и вредна для народа. Она является выраженіем всеобщаго национального интереса, находитъ сторонниковъ во всѣхъ прогрессивныхъ слояхъ народа. И такъ какъ никто не докажетъ, что национальная автономия вредна рабочему классу, то нужно думать, что и онъ применитъ къ ей требованію. Единственнымъ средствомъ умиротворенія и культурнаго развитія Кавказа является самоуправленіе, организованное на демократической основѣ. Оно, съ одной стороны, будетъ территориально-национальное и съ другой стороны территориально-окружное. Первое будетъ давать каждой народности въ ея предѣлахъ свободу национального развитія, а второе будетъ связывать отдѣльныя народности Кавказа для упорядоченія дѣлъ, которыя касаются общихъ дѣлъ края.

Одно мнѣніе г. Дарчиашвили встрѣтило отпоръ и со стороны *Цицубис-Пурцели* (№ 2911, 18 сент.). Авторъ статьи указываетъ на Швейцарію, гдѣ смѣсь народностей не препятствуетъ автономіи французскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ кантоновъ. Опасеніе г. Дарчиашвили насчетъ возможнаго гнета со стороны грузинъ надъ тѣми народностями, которыя войдутъ въ предѣлы автономной Грузіи, тѣмъ болѣе неосновательно, что грузины въ предѣлахъ своей территории, вышеуказанной, составляютъ въ Бутайской губ. и Батумской обл. 99%, а въ Тифлисской губ. подавляющее большинство. Аргументы гуманности г. Дарчиашвили въ защиту иноплеменниковъ въ автономной Грузіи составляютъ опору противниковъ автономии, но сами по себѣ эти аргументы свидѣтельствуютъ объ ихъ нравственной несостоятельности.

Автономію Грузіи отстаиваетъ и грузинскій ежемѣсячный журналъ *Моамбэ*. Въ внутреннемъ обозрѣніи этого органа (1905 г., III) по поводу всеподданнѣйшаго адреса грузинскаго дворянства (Тифлисска. и Бутайсска. губ.) Государю Императору о дарованіи Грузіи автономии, привѣтствуется дворянство, выступившее въ защиту самоуправления Грузіи. Обозрѣватель возражаетъ при этомъ на тѣ пункты, которые приводятся противъ автономии грузинскими марксистами или «дасистами». Доводы послѣднихъ сводятся къ слѣдующимъ трактатамъ: 1) автономия предрекаетъ отдѣленіе и

потому она будетъ препятствовать объединенію пролетаріата, 2) рабочіе не имѣютъ отечества, они имѣютъ лишь экономическіе интересы, не требующіе автономіи Грузин; 3) автономіи добивается дворянство, заодно съ которымъ рабочіе не сдѣлаютъ ни одного шага; 4) автономія Грузин будетъ носить характеръ буржуазный и потому будетъ вредна рабочему классу.

Ни одинъ изъ этихъ пунктовъ не имѣетъ за собою вѣрной опоры.

1) Автономія не есть отдѣленіе, автономная Грузія не оградитъ себя таковыми линіями; общеніе съ Россіей и ея частями будетъ свободно. Каждый подданный Россіи будетъ гарантированъ жить и работать тамъ, гдѣ найдетъ для себя подходящимъ, 2) правда, пролетаріату (народу) не принадлежатъ имѣнія и фабрики, но отсюда не слѣдуетъ, что рабочій классъ не любитъ отечества. Достаточно рабочимъ имѣть родной языкъ, и родина для него не будетъ ужъ пустымъ звукомъ. Заблужденіе думать, что рабочіе заботятся лишь о классовыхъ интересахъ. Рабочіе могутъ бороться съ буржуазіей на экономической почвѣ, а не изъ-за автономіи, 3) правда, автономіи добивается дворянство, но развѣ вслѣдствіе этого она лишается своего значенія? Если автономный строй не носящій сословной окраски, защищается дворянствомъ, то нельзя отвергать этотъ строй отъ имени рабочихъ только потому, что онъ нравится дворянству,—это будетъ односторонность, 4) не можетъ служить аргументомъ противъ автономіи и то соображеніе марксистовъ, что автономія Грузин будетъ отличаться буржуазнымъ характеромъ, ибо такой же буржуазный колоритъ будетъ носить и тотъ централистическій всероссійскій парламентъ, къ которому стремятся противники автономіи «дасисты». Дѣло въ томъ, что въ ближайшемъ будущемъ пораженіе буржуазин не предвидятъ защитники пролетаріата, и по ихъ же мнѣнію, буржуазія будетъ господствовать по водвореніи новой организаціи, а потому для нихъ должно быть все равно, будетъ или не будетъ автономна Грузія».

Съѣздъ городскихъ и земскихъ дѣятелей осенью 1905 г. въ Москвѣ, принявшій резолюцію о національныхъ правахъ народностей, населяющихъ Россію, вызвалъ новое теченіе въ грузинской прессѣ, вполне примкнувшей къ слѣдующимъ положеніямъ съѣзда. «Основной законъ Россійской имперіи долженъ гарантировать всемъ населяющимъ имперію народностямъ право культурнаго самоопредѣленія, полную свободу употребленія различныхъ языковъ и нарѣчій въ общественной жизни и свободу собраній, съездовъ, учебныхъ заведеній и всякаго рода учреждений, имѣющихъ цѣлью и развитіе языка, литературы и культуры каждой народности. Родной языкъ долженъ остаться языкомъ центральныхъ государственныхъ учреждений, арміи и флота. Употребленіе на ряду съ общегосударственнымъ и тѣхъ языковъ въ мѣстныхъ государственныхъ и общественныхъ учрежденияхъ и въ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ на средства государства или органовъ самоуправленія, регулируется общими и мѣстными

законами, а въ предѣлахъ ихъ, постановленіями подлежащихъ усм-
вленій. При этомъ должно быть наблюдаемо, чтобы населеніе мѣ-
стности могло получать начальное, а по возможности и дальнѣй-
шее образованіе на своемъ родномъ языкѣ». Положенія съѣзда о децентра-
лизациі управленія и законодательства, и образованія автономныхъ областей
составляютъ тѣ основные пункты требованій, которыя выставлялись гу-
зинскимъ народомъ и дворянствомъ по вопросу объ автономіи. «Кругъ
домства органовъ мѣстнаго самоуправленія долженъ простирается на
область мѣстнаго управленія, включая сюда и полицію безопасности
благочинія. Дѣятельность мѣстныхъ представителей центральной власти
должна сводиться къ надзору за законностью дѣятельности мѣстнаго са-
моуправленія. Органамъ мѣстнаго самоуправления должна принадлежать
роковая власть, издавать въ предѣлахъ закона общеобязательныя поста-
вленія. Образованіе мѣстныхъ представительныхъ собраній, обладающихъ
правомъ участія въ осуществленіи законодательной власти. Образова-
ніе автономныхъ областей. Мѣстныя законодательныя собранія должны
выражаться путемъ всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ. Пре-
ставительство отъ органовъ мѣстнаго самоуправления въ земской пала-
тѣ замѣняется для автономныхъ областей представительствомъ отъ мѣстныхъ
законодательныхъ собраній. Въ предѣлахъ общенперскаго основного
закона и закона объ автономіи внутреннее устройство каждой автономіи опре-
дѣляется мѣстнымъ законодательнымъ собраніемъ». Значительная часть
грузинскаго общества заявила, что она согласна примкнуть къ конститу-
ционно-демократической партіи и проводить ея программу до тѣхъ поръ
пока партія отстаиваетъ принципъ автономнаго самоуправленія окраинъ.

Послѣ того, какъ московскій съѣздъ призналъ необходимость дарованія
Царству Польскому, въ этнографическихъ его предѣлахъ, автономіи съ
быть сеймомъ, немедленно по установленіи общенперскаго народнаго пре-
ставительства на новыхъ началахъ, грузинская пресса вновь заговорила
о недостаткахъ кавказскаго представительства въ Государственной Думѣ
и неизбѣжномъ дарованіи Грузіи автономіи съ мѣстнымъ законодательнымъ
собраніемъ.

«Для нашего края,—говорить *Цюновисъ-Пурцели* (№ 2,914, 22 сент.)
русская центральная Дума не будетъ имѣть почти никакого значенія. Много
много грузинскій народъ пошлетъ туда пять своихъ представителей, а весь
Кавказъ будетъ располагать 29 представителями; что они могутъ сдѣлать
въ Думѣ безъ законодательныхъ полномочій, въ которой болѣе 300 пред-
ставителей изъ внутреннихъ губерній Россіи для обсужденія общаго шер-
скихъ дѣлъ?» *)

*) По первоначальному проекту предполагалось отъ Кавказа 26 членовъ Госу-
дарственной Думы, по Высочайшему приказу отъ 2 февраля 1906 г., число г-
скихъ представителей доведено до 29, т.-е. по 1 на 320,000 жит.

Иверія (№ 169, 21 сент.) въ ст. «Централизмъ и мѣстное самоуправленіе», такъ же привѣтствуетъ резолюцію московскаго съѣзда, признавашаго право національнаго самоопредѣленія за каждой народностью Россіи. Единственнымъ исходомъ удовлетворенія нуждъ грузинскаго народа является дарованіе Грузіи автономіи, вполне отвѣчающей взглядамъ земскихъ и городскихъ представителей, совѣщавшихся въ Москвѣ.

Надежды на автономію открылись послѣ вовѣщенія манифеста 17 октября съ четырьмя «незыблемыми» основами. Грузинскія газеты привѣтствовали законодательныя функціи Государственной Думы. Въ то же время *Цнобисъ-Пурцели* (№ 2,913, 21 сент.) скептически отнеслась къ постановленію московскаго съѣзда, признавашаго наврѣвшею потребностью автономію Польши, относительно же автономнаго самоуправленія прочихъ народовъ Россіи, ограничившагося лишь академическимъ обсужденіемъ. Скептическое отношеніе обѣихъ грузинскихъ газетъ усилилось вслѣдъ за послѣдовавшими ограниченіями манифеста 17 октября и уцѣлѣвшая изъ грузинской прессы газета *Цнобисъ-Пурцели* 5 марта 1906 г. уже высказалась за бойкотъ Думы, но газ. *Шрома*, замѣнившая ее, приняла весною дѣятельное участіе въ предвыборной агитаціи, закончившаяся пораженіемъ грузинскихъ федералистовъ и радикаловъ.

IV.

Заявленная объ автономіи Грузіи и церковной автокефаліи не является дерзостной затѣей «политиканствующихъ» грузинъ, а опирается на правыя основы, поколебленныя бюрократіей вскорѣ по присоединеніи Грузинскаго царства къ Россійской имперіи. И автокефалія, и автономія предусмотрены договорами, коими грузинскіе цари поставили себя подъ покровительство руссійскихъ государей. Въ пунктахъ 2 и 3 артикула VI трактата 1783 г., заключеннаго между царемъ Иракліемъ II и императрицей Екатериной II, «Ея Императорское Величество общается:... царя Ираклія и его дому наследниковъ и потомковъ сохранять на царствѣ Барталиномъ и Кахетинскомъ; власть со внутреннимъ управленіемъ сопряженную, судъ и расправу и сборъ податей предоставить въ полную его волю и пользу, запрещая своему военному и гражданскому начальству вступить въ какое-либо распоряженіе». И это настойчивое условіе о внутреннемъ самоуправленіи подъ властью наследственнаго цари изъ династіи Богратиловъ повторяется въ нотѣ грузинскихъ пословъ, врученной въ 1800 г. отъ имени Георгія Иракліевича русскому правительству въ С.-Петербургѣ. (См. ноты и др. истор. документы, относящіяся до Грузіи, т. II, в. I, стр. 196, 1898 г., подъ ред. проф. Цагарели).

Просительныя пункты грузинскаго царя, какъ международный договоръ, санкціонированный компетентной государственною властью, удовлетворяетъ къ основнымъ условіямъ юридической силы международныхъ тракта-

товъ. Такимъ образомъ, дарованіе Грузіи автономіи равносильно восстановленію нарушеннаго права грузинскаго народа по вопросу о внутреннемъ самоуправленіи, выговоренномъ имъ въ моментъ добровольнаго присоединенія Грузіи къ Россіи *).

Съ вопросомъ объ автономіи Грузіи тѣсно связанъ вопросъ объ автокефаліи грузинской церкви. Мотивомъ этого требованія служатъ тѣ же юридическіе трактаты, опредѣляющіе условія внутренняго самоуправленія Грузіи. Грузинскій народъ официально принялъ христіанство въ первой четверти IV вѣка. Около 494—495 г. по просьбѣ царя Вахтанга I и съ согласія константинопольскаго и антиохійскаго патріарховъ первому архіепископу Петру было присвоено званіе католикоса грузинскаго. Духовная зависимость главы грузинской церкви отъ антиохійскаго патріарха, посвящающаго и утверждающаго его въ званіи католикоса, продолжалась до патріарха Теофилакта (745—751 г.), при которомъ грузинской церкви было предоставлено право посвящать католикоса на мѣстѣ «кого Божественная благодать укажетъ собору изъ архіереевъ и митрополитовъ». Съ половины XI же вѣка, съ эпохи политическаго расцвѣта Грузіи при династіи Багратидовъ права католикоса были приравнены къ правамъ вселенскихъ патріарховъ и съ того времени глава грузинской церкви, ставъ независимымъ отъ Антиохійской кафедръ, титуловался католикосомъ-патріархомъ. Трактатъ Ираклія II и Екатерины II присвоилъ грузинскому католикосу званіе члена святѣйшаго синода, «о управленіи же грузинской церкви и отношеніи, каковое должно быть къ синоду Россійскому, о томъ составить особый артикулъ». Хотя артикулъ и не былъ составленъ, но согласно нотѣ грузинскихъ пословъ рѣшено было «сохранить должность католикоса». Въ этомъ званіи царевичъ-патріархъ Антоній II правилъ грузинскою церковью въ теченіе десяти лѣтъ со времени присоединенія Грузіи къ Россіи и лишь въ 1812 г., по высленіи Антонія II въ Россію, грузинская церковь была подчинена святѣйшему синоду и стала управляться экзархами русскаго происхожденія. Не разъ въ русской печати поднимался вопросъ о незаконномъ упраздненіи административнымъ порядкомъ автокефаліи грузинской церкви, безъ согласія восточныхъ патріарховъ и мѣстныхъ іерарховъ. Въ настоящее время грузинское духовенство заговорило о восстановленіи званія католикоса съ распространеніемъ его юрисдикціи на всю территорію, входившую въ сферу его управленія въ моментъ присоединенія Грузіи къ Россіи, т.-е. губерніи—Тифлисскую и Бутанскую, область Батумскую и округи Закатальскій и Сухумскій.

Бросивъ ретроспективный взглядъ на вышесказанное, естественно приходимъ къ заключенію, что требованія автономіи Грузіи имѣетъ за собою

* Подробнѣе см. статьи А. Хаханова въ *Русской Мысли* и *Вѣстникъ Кавказа* (январь, 1901 г.).

историческое основаніе и вызывается современнымъ ея состояніемъ. Самоуправленіе Грузіи въ ея національныхъ предѣлахъ составляетъ единственно цѣлесообразный исходъ изъ кризиса, который переживаетъ «благодатная» Грузія. Объ автономіи ея заговорили впервые ранней весной 1905 г. по поводу аграрнаго движенія, охватившаго все Закавказье, населенное грузинскимъ племенемъ. Дворянство и духовенство еще до учрежденія Государственной Думы въ своихъ всеподданиѣйшихъ адресахъ взывали объ автономіи и автокефаліи. Манифестъ о созывѣ народныхъ представителей далъ новый толчекъ автономному движенію въ Грузіи, нашедшему впоследствии опору въ совѣщаніяхъ по вопросу о введеніи земскихъ учреждений на Кавказѣ и въ резолюціяхъ Московскаго съѣзда городскихъ и земскихъ дѣятелей.

Внѣ автономіи Грузіи и автокефаліи грузинской церкви не можетъ быть найдено средство для умиротворенія взволнованнаго края.

А. Хахановъ.

Записки Алексѣя Михайловича Унковскаго *).

Не понимаю, въ силу какихъ тайныхъ, непонятныхъ намъ обстоятельствъ мы получили изъ Петербурга—вскорѣ послѣ царственныхъ гостей—бумагу, которая запрещала говорить о выкупѣ какой-нибудь части надѣла, за исключеніемъ усадьбы. Я созвалъ предводителей дворянъ въ Тверь потопковать о томъ, какъ намъ поступить съ ней. Въ чести дворянства вспоминаю, что оно отнеслось отрицательно къ ней, вооружившись противъ тѣхъ подробностей, которыя изложены были въ приложенияхъ къ этому рескрипту. Между прочимъ—не помню какъ—въ этихъ приложенияхъ говорилось что-то такое о надѣлѣ, о вотчинной власти. Вообще большинство дворянства отнеслось къ освобожденію въ томъ видѣ, въ какомъ оно предлагалось намъ на министерской бумагѣ, крайне недружелюбно. По просьбѣ дворянъ я и Головачевъ наскоро засѣли писать записку. Онъ писалъ критическую часть, подвергая суду всѣ указанія свыше, изложенныя въ этой бумагѣ, а я писалъ первую часть, указывая, на какихъ основаніяхъ могутъ быть освобождены крестьяне. Вопросъ объ освобожденіи,—говорилъ я въ ней,—ничѣмъ инымъ не можетъ быть разрѣшенъ, какъ предоставленіемъ всей земли въ собственность крестьянъ посредствомъ выкупа.

Вскорѣ мы получаемъ опять бумагу съ наказомъ—составить полный проектъ освобожденія по указаніямъ свыше. Указанія эти были намъ не по нутру, и мы единогласно отказались отъ составленія проекта и объявили правительству, что оно можетъ кому угодно предложить сдѣлать это...

Была отправлена депутація: Бакунинъ, я, П... и Ближенскій. Приѣхали въ Петербургъ, явились къ Ланскому и объявили, что весь комитетъ отказывается отъ составленія проекта и проситъ уволить его. Ланской перепугался ужасно; наша атака на него удалась. «Господа, подождите,—завопилъ онъ,—я доложу Его Величеству»... Вышли отъ него и разѣхались по своимъ номерамъ гостиницы. Вдругъ получаемъ приглашеніе

*) *Русская Мысль*, кн. VI, 1906 г.

на вечеръ къ Ростовцеву. Мы отправились. Въ разговорѣ съ нами Ростовцевъ объявилъ, что онъ защитникъ нашихъ идей. Въ вопросѣ о выкупѣ Ростовцевъ держался слѣдующаго: онъ требовалъ выкупа обязательнаго для помѣщиковъ. Въ сожалѣнію, редакціонныя комиссіи поняли на-выворотъ дѣло, необязательный выкупъ для помѣщиковъ и обязательный для крестьянъ,—чѣмъ испорчена была выкупная операція въ ея корнѣ. А между тѣмъ, въ интересахъ самаго дѣла важно было поступить энергично и правильно,—спѣвши въ общихъ руководящихъ основаніяхъ, именно: разорвать разомъ вопросъ о выкупѣ, согласуя интересы помѣщиковъ, исконныхъ хозяевъ, съ новымъ нарождающимся юридически правовымъ населеніемъ такъ, чтобы всякій зналъ, что съ этимъ дѣломъ уже покончено окончателно, чтобы не возникало уже никакихъ недоразумѣній, а главное, чтобы крестьяне вѣрили въ серьезность этой операціи. Въ самомъ началѣ крестьянской реформы допустили основную ошибку; она-то и была причиной многихъ неустройствъ впоследствии.

Имѣя на своей сторонѣ такую силу, какъ Ростовцевъ, мы, единомышленники, по приѣздѣ въ Тверь дѣйствовали энергично. Сейчас напались кружья, которые старались мѣшать намъ всѣми силами. Одна изъ послѣднихъ—былъ доносъ. Пошли доносы на меня. Изъ бумагъ слѣдователя Ефимовича я узналъ, на что указывали доносчики: имъ рѣзали глаза частыя засѣданія единомышленниковъ нашихъ. Доносъ былъ сдѣланъ въ не бытность Баранова въ Твери—при вицѣ-губернаторѣ Ивановѣ. Недалекій человекъ былъ послѣдній. За это-то участіе въ засѣданіяхъ я и попалъ подъ секретный полицейскій надзоръ; но не меньшее значеніе во всѣхъ моихъ злоключеніяхъ играла подача мной всеподданѣйшаго адреса по заключеніи нашихъ работъ въ редакціонной комиссіи. Въ 1859 году въ декабрѣ получена была бумага въ Твери, въ которой выражалось высочайшее повелѣніе о томъ, что дворянамъ вовсе не позволено на собраніяхъ говорить не только о крестьянской реформѣ, но даже и о тѣхъ предметахъ, которые сколько-нибудь касаются ея. Огоршило насъ это извѣстіе... Раздраженію не было предѣла, потому что собственно говорить не о чемъ было, не было предмета, относящагося къ дворянскимъ нуждамъ, который не былъ бы связанъ съ крестьянскимъ дѣломъ, какъ каждая вѣтвь дерева съ корнемъ. Дворянство подало всеподданѣйшій адресъ о томъ, что просить разрѣшенія говорить о крестьянскомъ дѣлѣ, потому что не находятъ никакой надобности скрывать и не находятъ возможности чѣмъ-либо говорить, не затронувъ этого вопроса. Въ адресѣ, припомню, прибавлено было, что дворянство ожидаетъ всемилостивѣйшаго разрѣшенія, вслѣдствіе чего приостанавливаетъ свои занятія.

Представьте разразившуюся бурю надо мной! Меня удаляютъ отъ должности за то, что я, во-первыхъ, допустилъ составленіе такого незаконнаго адреса и, во-вторыхъ, что первый подписалъ его. Тогда дворянство, хавшееся въ Тверь, вовсе отказалось отъ избранія новаго предводителя, вслѣдствіе чего ни губернский, ни уѣздные предводители не были

выбраны. Эта солидарность со мной всего дворянства была лучшим утѣшеніемъ въ минуту стряпшихся надо мной немилостей правительства. Въ частныхъ разговорахъ я, Бакунинъ, Головачевъ говорили очень часто, втолковывая многимъ, что въ выкупной операціи ничего страшнаго нѣтъ и что, если правительство не желаетъ ее совершить, то ее можно совершить частнымъ образомъ и очень нетрудно. Вотъ что я придумалъ. Я проектировалъ банкъ для выкупа крестьянскихъ надѣловъ Тверской губ. Банкъ вродѣ акціонернаго, куда могъ вступить пайщикомъ не только капиталистъ, но и имѣющій недвижимую собственность—имѣніе. Затѣмъ происходитъ операція такимъ образомъ, что человѣку, который не даетъ имѣнія, а желаетъ получить деньги изъ банка полностью, банкъ выплачиваетъ посредствомъ выпуска бумагъ; человѣкъ же, который даетъ имѣніе, тотъ удовлетворяется совсѣмъ другимъ образомъ: тотъ не беретъ выкупной суммы сполна, а паями и, значитъ, получаетъ отъ этой операціи извѣстныя выгоды. Вотъ основаніе моего проекта, которому сочувствовали многіе. Дебатировался онъ частно на собраніяхъ въ разныхъ мѣстахъ, — преимущественно у покойнаго директора гимназіи Дмитрія Семеновича Ржевскаго. Это былъ симпатичный, хорошо образованный человѣкъ; да и жена его была ему подъ пару. На собраніяхъ Ржевскаго бывали губернаторъ Барановъ, жандармскій офицеръ Симановскій. Изъ этого можете заключить, насколько все легально обстоило у насъ на собраніяхъ. Но для доноса, какъ извѣстно хорошо всѣмъ доносчикамъ, нѣтъ ни закона, ни общества, ни совѣсти. Они поставили на видъ правительству слѣдующее. Въ 1856 году были освобождены Петрашевцы и декабристы. Многіе изъ нихъ помѣщены были на жительство въ Твери. Въ числѣ ихъ пріѣхалъ товарищъ Европеуса—Федоръ Михайловичъ Достоевскій и водворенъ на жительство сюда же. Кстати тутъ же былъ и старикъ-декабристъ Матвей Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ. Всѣ мы часто сходились другъ у друга, проводили время въ разговорахъ о томъ, о семъ; преобладали, конечно, интересы, касающіеся крестьянской реформы.

Вотъ этимъ-то и воспользовались доносчики—и пошли, и пошли навѣты на меня. Ужасъ, что это такое было! Поддалось правительство, повѣрило всѣмъ мерзостямъ нашихъ друзей и то и дѣло простирало свои нѣжныя заботы на наше поведеніе. А поведеніе наше было въ сущности настолько безупречно, что не могло оставлять сомнѣнія въ его внутреннѣхъ побужденіяхъ. Но это казалось всѣмъ намъ,—не казалось оно такъ правительству.

Правительство запрашивало губернатора, жандармскаго офицера. Последніе отвѣчали, что ничего антиправительственнаго на частныхъ собраніяхъ дворянъ не дѣлается, что они сами участвуютъ въ нихъ въ виду крайне интересныхъ дебатовъ. Офицеръ жандармскій—знаю изъ бумагъ обо мнѣ—отвѣчалъ, что онъ близко знаетъ меня, что ничего тайнаго и нелегальнаго ожидать отъ меня нельзя и что все, что я дѣлаю или говорю, все это дѣлается явно для всѣхъ. Между прочимъ, въ числѣ

доносъ былъ одинъ пунктъ, наиболѣе злой и наиболѣе давшій худыхъ послѣдствій. Доносили, будто бы я праздновалъ 14 дек. 1859 года—годовщину декабрьскаго бунта—у бывшаго декабриста М. И. Муравьева, жившаго въ Твери въ такомъ-то домѣ, но—увы!—проживавшаго какъ разъ въ это время въ Ярославлѣ, и что будто бы были произнесены такія-то и такія-то рѣчи. Доносъ, основанный, какъ видите, на тряской почвѣ, возымѣлъ силу. Очевидно, бѣльмомъ какимъ-то я былъ у многихъ на глазахъ въ то время! Противъ меня возбуждаются три слѣдствія, между прочимъ, одно уголовное, порученное министромъ внутреннихъ дѣлъ Ф. И. Львову. Первое обвиненіе касалось металлографическаго станка. Крѣпостники переварить не могли того, что я получалъ разрѣшеніе отъ императора завести станокъ для упрощенія дѣла письма въ собраніяхъ. Мнѣ поставлено было обвиненіе, будто бы я безъ разрѣшенія правительства завелъ въ депутатскомъ собраніи металлографическій станокъ, на которомъ позволялъ-де печатать разныя запрещенныя цензурою вещи. На это я отвѣчалъ, что на приобрѣтеніе этого станка и печатаніе *работъ* комитета я получилъ разрѣшеніе отъ государя императора въ присутствіи такихъ-то лицъ. Обвиненіе, какъ не основательное, на этомъ падаетъ. Второе обвиненіе заключалось въ томъ, что на нашихъ собраніяхъ допускались лица, лишеныя дворянскаго достоинства, именно А. И. Европеусъ, лишенный по исторіи Петрашевскаго присвоенныхъ правъ и преимуществъ. На это я представляю конфирмацію государя, въ которой сказано, что Европеусъ разжаловывается въ рядовые *безъ мшени* дворянскихъ правъ, а по истеченіи срока наказанія произведется въ чины. Отсюда ясно, что онъ имѣетъ право присутствовать на дворянскихъ собраніяхъ. Доносъ, неоснованный ни на чемъ, и съ этой стороны не выдерживаетъ критики. Третье обвиненіе не приходитъ теперь въ голову.

Когда эти три слѣдствія завершились такъ неудачно для обвинительной стороны, въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу въ Петербургѣ возбуждается вопросъ о моей неблагонадежности и безпокойствѣ моей натуры. Мысль о моей ссылкѣ, какъ человѣка, который своимъ присутствіемъ въ Твери волнуетъ умы, часто приходила въ голову моимъ друзьямъ. Графъ Панинъ,—этотъ такъ прямо заявилъ, что высылка моя требуется во что бы то ни стало потому, что меня ни въ чемъ противозаконномъ не можетъ обвинить судъ, а, между тѣмъ, мое присутствіе въ обществѣ вредно. Сила солону ломить—убѣдился я. Пришлось пережить тяжкую годину. Секретно тверской губернаторъ получаетъ высочайшее велѣніе выслать меня въ Вятку—мѣсто не столь отдаленное, гдѣ крестьянскаго вопроса и помину не было, ибо крѣпостныхъ почти не было. Европеуса—въ Пермь, а Головачева—въ Вологду.

Отправили меня, раба Божія, въ мало-желанную Вятку. Впрочемъ, ссылка та только по названію, по звуку была страшна, въ дѣйствительности же она представляла мнѣ немало хорошаго. Приѣхалъ я въ Вятку съ двумя ягдариами въ началѣ марта. Неземное общество жандармовъ сопрово-

ждало меня до мѣста ссылки. Первые дни я еще сносилъ это общество, слушая потѣшные рассказы про ихъ начальниковъ, но потомъ скука стала одолевать. Впрочемъ, недолго я скучалъ, некогда было, вкнипая мой свалился въ оврагъ вмѣстѣ съ юнымъ милымъ обществомъ; одинъ изъ жандармовъ сильно ушибся, другой напоролся, чуть живого дотащили до ближайшей станціи, шествуя 7 добрыхъ верстъ; лошадей искалѣчили, — словомъ, бѣды не оберуться, столько ихъ было. Потѣшно вспомнить обычай того времени: привезли меня жандармы въ Вятку, сдали на руки предержащимъ властямъ и получили квитанцію въ знакъ удостовѣренія, точно вещь какую сдали на почтѣ. Впрочемъ, первое время моего приѣзда въ Вятку я остановился у вице-губернатора Батурина, отца сенатора. Губернатора не было въ то время въ Вяткѣ, по дѣлу выѣхалъ на время. Батуринъ, удивительный человекъ былъ этотъ Батуринъ. Казалось, кулинарное искусство онъ довелъ до перла созданія. Вотъ ужъ гдѣ была усиленная забота о собственномъ нутрѣ, у кого была ѣда, утонченный гастрономическій вкусъ! Въ *Пошехонской Старинѣ* Салтыкова, которому я передавалъ эти свѣдѣнія, мелькаютъ эти черты. Да и вѣрнопотнѣе же былъ этотъ вице-губернаторъ! Между прочимъ, немалый интересъ представляетъ тотъ случай, который худо повліялъ на служебную карьеру его, онъ былъ обойденъ по службѣ. Помню, онъ рассказывалъ слѣдующее: «Служилъ я съ нѣкимъ Поповымъ въ III отдѣленіи; служба наша была распечатываніе конвертовъ. Случись мнѣ разорвать одинъ конвертъ. Узналъ Николай Павловичъ, разсердился и приказалъ найти средство заклеивать конверты такъ, чтобы не было узно, что они были распечатаны. Долго думалъ я съ Поповымъ, работалъ надъ такимъ средствомъ, — нѣтъ какъ нѣтъ, не находимъ его. Наконецъ, Поповъ додумался, какъ ему показало, сталъ пробовать уриной распечатывать, — и пошелъ въ гору, а же остался у подошвы ея».

Вскорѣ приѣхалъ губернаторъ. Большую часть времени я прожилъ въ семействѣ губернатора М. К. Блингенберга. Мужъ и жена, рожденная Пущина, производили удивительно высокое и стройное впечатлѣніе. Жить подъ ихъ кровомъ значило не въ ссылкѣ быть, а приѣхать въ гости къ прекраснымъ, глубоко-любимымъ людямъ. Въ Вяткѣ прожилъ я шесть мѣсяцевъ, привезли меня 2 марта, а выпустили 7 сентября. Въ началѣ сентября губернаторомъ получено было Высочайшее повелѣніе, — государю императору угодно, чтобы я немедленно ѣхалъ въ собственное имѣніе въ Тверскую губернію и жилъ въ немъ безвыѣздно. Меня, признаться, поразило это повелѣніе. Вѣдь въ Твери для меня не безопасно было жить: кругомъ не было не мало доносчиковъ. Тѣмъ не менѣе я уѣхалъ и на пути оставился въ Москвѣ, написалъ Долгорукову письмо, сказавъ, что государю угодно было въ концѣ февраля удалить меня изъ Твери на томъ основаніи, что мое присутствіе между столицами можетъ волновать умы, а теперь ему угодно приказать мнѣ жить именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ я производилъ предполагаемое волненіе умовъ, что я нахожусь въ такомъ ло

номъ положеніи, что обращаюсь съ просьбою доложить государю императору, что безвыѣздное жительство въ деревнѣ и въ губерніи, гдѣ меня подозрѣвали, крайне мнѣ невыгодно въ томъ смыслѣ, что я могу быть вторично предметомъ доноса. Черезъ двѣ недѣли я получилъ разрѣшеніе выѣзжать куда угодно, за исключеніемъ Петербурга. Вслѣдъ за этимъ письмомъ Ланской пригласилъ меня на службу. Я отказался. Понятно, другой разъ меня уже не пытались приглашать.

Когда началось крестьянское дѣло въ реальности, стало входить въ жизнь, осуществляться,—я остался за штатомъ, не принималъ официального участія. Тѣмъ не менѣе крестьяне массою притекали ко мнѣ за совѣтомъ. Я охотно безвозмездно давалъ совѣты въ дѣлахъ, которыя я понималъ. При спутанности возникавшихъ взаимныхъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ много было вопросовъ, на которые дать отвѣтъ нельзя было легко. Это довѣріе ко мнѣ крестьянъ внушило мнѣ мысль: заняться частной адвокатурой. Кромѣ того нужно же было дѣвать куда-нибудь свои познанія и молодые силы. Занимаясь адвокатурой, мнѣ пришлось, между прочимъ, столкнуться съ покойнымъ графомъ Д. А. Толстымъ. У него я выигралъ 16 дѣлъ. Между прочимъ, были дѣла съ нимъ крайне тяжелыя для его памяти—по моимъ воспоминаніямъ... Столкновения съ нимъ не обошлись мнѣ даромъ. Съ сильнымъ не борись, а больше всего съ богатымъ не судись,—это мудрое изреченіе болѣе, чѣмъ нужно, ясно въ моемъ сознаніи, когда я припомню то отдаленное время до судебной реформы... Слѣдствіемъ моихъ юридически-правовыхъ отношеній къ нѣкоторымъ дѣламъ графа было то, что отъ меня отняли право подавать прошенія въ присутственныя мѣста, вести дѣла, быть защитникомъ. Былъ полученъ циркуляръ, по которому воспрещалось принимать гдѣ бы то ни было мои дѣловые бумаги. Всему образу моего поведенія былъ приданъ характеръ вредный въ политическомъ отношеніи. Осужденный такими не легкими обстоятельствами, я обратился въ Петербургѣ къ Василию Андреевичу Долгорукову, что мнѣ дѣлать. Долгоруковъ посоветовалъ пойти временно на такую службу, опредѣленіе на которую зависитъ отъ высочайшаго утвержденія. Этимъ маневромъ я могъ достигнуть того, что изъ чловѣка, въ глазахъ правительства мало надежнаго, неспокойнаго, я могъ сдѣлаться чловѣкомъ надежнымъ. Но куда идти, я задумался. Да вотъ, писалъ Долгоруковъ, контрольная палата, къ Татаринову. Татариновъ поѣхалъ съ докладомъ къ государю. Государь разрѣшилъ мнѣ принять обязанность управляющаго контрольной палатой, только не въ Твери. Такимъ образомъ опала отверженности этимъ актомъ была снята съ меня. Девять всѣхъ я былъ управляющимъ. Это относится къ 1865 г. Вскорѣ по стоятельствамъ я добровольно вышелъ въ отставку. Отставка моя разрѣдилъ покойнаго императора Александра II. Но я немного забѣжалъ впередъ.

Всего курьезнѣе, что вслѣдъ за полученіемъ разрѣшенія выѣзжать изъ Твери, всюду кромѣ Петербурга, я получаю коробочку пилуль отъ великой

княгини Елены Павловны, которая слышала, что я страдаю одышкой. Великая княгиня знала про мое активное участіе въ вопросахъ о крѣпостномъ правѣ до моей ссылки. Но, увы! пилюли имѣли дѣйствіе не на одни только легкія. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ, когда я былъ въ Петербургѣ, подавалъ отвѣты на вопросы редакціонной комиссіи, я былъ представляемъ великой княгинѣ по ея желанію. Удивительная это была личность! Помню, меня поразилъ ея разговоръ со мной о крѣпостномъ правѣ. Она замѣтила мнѣ, что такъ писать и говорить, какъ я, едва ли хорошо и полезно, потому де надо знать, съ кѣмъ имѣешь дѣло; вѣдь государь—человѣкъ весьма расположенный дѣлать все, что возможно, но надо принять во вниманіе, что онъ не получилъ такого воспитанія, но что вотъ она де въ нѣсколько иныхъ, лучшихъ обстоятельствахъ воспитана. Тутъ же она выразила живѣйшую готовность познакомиться съ крѣпостнымъ правомъ въ подробностяхъ и просила доставить ей мой проектъ. Я предложилъ.

— Получивъ право выѣзда изъ Твери, я, повторяю, уѣхалъ въ Москву. Тутъ-то я засталъ актъ освобожденія. Какъ разъ мнѣ пришлось быть въ такомъ кружкѣ, который праздновалъ чрезвычайно долго это событіе. Обѣды въ клубахъ, рядъ нескончаемыхъ празднествъ,—словомъ, сердце Россіи—Москва, пульсъ ея усиленно бился въ тѣ далекіе, прошедшіе дни. Глядя со стороны на Москву, можно было думать, что что-то такое великое происходитъ въ Россіи. Оно такъ и было. Вспоминая свои посѣщенія Москвы, вспоминаю и тѣ встрѣчи, которыя я имѣлъ съ писателями. Ни одинъ мой пріѣздъ въ Москву не обходился безъ того, чтобы не повидать Каткова, напримѣръ. Съ нимъ я былъ довольно близокъ. Вгляды его, какъ и другихъ литераторовъ на реформы того времени всѣмъ хорошо извѣстны. Въ одно изъ посѣщеній я засталъ его за чтеніемъ подпольнаго изданія. Разъ какъ-то вхожу къ нему на Покровкѣ, въ его громадный кабинетъ. Это было въ началѣ его изданія *Московскихъ Вѣдомостей*. Вижу, читаетъ подпольную газету *Великорусск.* Что вы скажете про газету эту, Михаилъ Никифоровичъ? «Да что, кромѣ глупости въ ней ничего путнаго нѣтъ,—отвѣчаетъ онъ;—впрочемъ, вотъ третій номеръ довольно содержательный. Въ немъ говорится о необходимости у насъ конституціи». Мы начали читать этотъ номеръ. Въ это время поднялась высокая фигура Тургенева. Фигуральное выраженіе *поднялась* вполне передаетъ то впечатлѣніе, какое произвелъ онъ на насъ своимъ приятнымъ вторженіемъ къ намъ въ эту минуту: обширный кабинетъ Каткова былъ неравномѣрно освѣщенъ; задъ кабинета былъ во мракѣ, а между тѣмъ здѣсь были двери, ведшія въ кабинетъ. И представьте себѣ, подымается изъ мрака высокая фигура Тургенева, да прибавьте то впечатлѣніе очарованья, какое онъ производилъ своею, тогда еще молодою личностью. Разговоръ у насъ перешелъ на другую почву—чисто литературную.

Много приходилось мнѣ слушать Каткова. Это не былъ ораторъ. Онъ больше бралъ тонкимъ, прощательнымъ умомъ. Въ контрастѣ ему былъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, съ которымъ дружба у меня завязалась тѣс-

же по поводу моего сотрудничества въ его *Дни*. Это былъ урожденный ораторъ. Припоминая его тогдашнее, въ началѣ 60-хъ годовъ, умственное настроеніе, долженъ сказать, что онъ не имѣлъ тогда вовсе политическаго образа мыслей, такъ рѣзко преобладавшаго и существенно сказавшагося въ 70-хъ и 80-хъ годахъ во всей его публицистической дѣятельности вплоть до знаменитаго подозрѣнія его въ неблагонадежности. Идеализмъ, — вотъ тотъ кумиръ, которому приносилъ онъ тогда куренія и возліанія. Идеалистическое настроеніе его сказалось, напримѣръ, въ утвержденіи, что церковь нужна не для того, чтобы молиться, а для единенія душъ. Откровенно сказать, я ничего въ этомъ единеніи не понималъ. Припоминаю случай, обрисовавшій вполне все тогдашнее идеалистическое настроеніе Аксакова. Въ 60-хъ годахъ былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія Головининъ. Аксаковъ, очевидно, мало зная Головинина, пришелъ въ такой восторгъ, что утромъ однажды прибѣжалъ ко мнѣ (я былъ въ постели) и будить. Я, говорить, захѣлъ сказать, что Герцена сдѣлали министромъ народнаго просвѣщенія. Съ просонья я не разобралъ, но потомъ спрашиваю въ недоумѣніи: какъ Герцена? «То-есть не Герцена, а человѣка, который все равно, что Герценъ, — Головинина», поправился мой ранній гость. Не думаю, чтобъ Головининъ, походя на Герцена, могъ быть министромъ, сомнѣвался я, больше недоумѣвая. «Головининъ, Головининъ, — увѣрю васъ, Алексѣй Михайловичъ; это все равно, что Герценъ. Свобода, никакой цензуры, печатай, высказывайся сполна, — вотъ счастье, понимаете». Восторженнаго гостя трудно было увѣрить, что Головининъ и Герценъ — двѣ величины несовмѣстимыя. Факты убѣдили легче меня. Можете себѣ представить ужасъ разочарованія Аксакова: черезъ двѣ недѣли былъ запрещенъ его *День*. Еще и посейчасъ звучитъ въ ушахъ фраза Аксакова: «какъ можно такъ обманываться въ людяхъ?»

Врѣмя литературныхъ, я храню воспоминанія и объ историческихъ лицахъ. Хотѣ бы взять, наприм., Милютина. Это былъ истинно даровитый человѣкъ, но чиновникъ. Этотъ злосчастный чиновникъ заглушалъ въ немъ чрезвычайную любезность — вторую его природу, то остроуміе, которымъ онъ былъ такъ щедро надѣленъ. И не мудрено: всю жизнь онъ провелъ въ канцеляріи, чуть ли даже не въ одной и той же комнатѣ — въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Отъ этого произошло то, что онъ не имѣлъ кромѣ чиновничьяго иного образа мыслей, не зналъ кромѣ канцелярскихъ иныхъ способовъ. А вѣдь извѣстно, разъ канцелярія вмѣщается въ дѣло, тормозъ уже готовъ... Поэтому-то съ Милютинимъ не легко было вести дѣло. Куда Ростовцевъ былъ удобнѣе, покладистѣе Милютина. Наприм., послѣднему втемяшилась мысль о невозможности выкупа и хотѣ ты колѣ теши ему на лбу, онъ ни съ мѣста. Онъ сочувствовалъ совершенному прекращенію отношеній между помѣщиками и крестьянами и представленію земель въ собственность, но считалъ выкупъ дѣломъ совершенно невозможнымъ. Но что больше всего возбуждало меня противъ него, это его несогласіе допустить пріѣхавшихъ депутатовъ до ка-

кихъ-либо общихъ совѣщаній, полагая, что эти совѣщанія могутъ быть бурными и повести къ тому, что правительство склонится на сторону крѣпостниковъ. Нельзя отказать въ прозорливости уму Милютина. Тѣмъ не менѣе ничто не заставляло непременно предположить, что совѣщанія будутъ бурными. А между тѣмъ, допусти живое отношеніе пріѣхавшихъ депутатовъ къ дѣлу, допусти совѣщанія, дебаты,—при умѣломъ руководствѣ получилась бы несомнѣнная польза. Къ мнѣнію Милютина присоединился Черкасскій.

Не нравился мнѣ этотъ человекъ: искренность его всегда казалась мнѣ сомнительной. Изъ подробной исторіи великаго акта 19 февраля, тщательно приведенной въ колоссальномъ и глубокопочтенномъ трудѣ доктора Александра Скребицкаго «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Александра II»,—извѣстно отношеніе Черкаскаго къ освобожденію: онъ стоялъ за освобожденіе безъ земли возможно большаго количества крестьянъ и дворовыхъ людей за деньги. Извѣстно также его отношеніе къ полякамъ: равнодушно онъ не могъ говорить о нихъ. Вообще былъ человекъ, признаться, трудно переваримый. Не даромъ, будучи въ Москвѣ головой, онъ не пользовался сочувствіемъ, что выразилось въ томъ, что онъ не былъ избранъ на второе трехлѣтіе. Черкасскій близко сходился со славянофилами во взглядѣ на политическія реформы. Извѣстна его проповѣдь о какихъ-то началахъ самоуправленія... Онъ, Аксаковъ Иванъ, Самаринъ—эти славянофилы отвергали всякія политическія реформы и пренебрегали политическимъ положеніемъ государства. Они утверждали, что абсолютизмъ есть форма идеальная, что въ нашемъ народѣ развита свобода духа, что русскій человекъ не ищетъ такой свободы, какой жаждетъ европеецъ, что первый стремится быть свободнымъ въ духѣ. Сколько правды во всемъ этомъ,—оставляю на совѣсти ихъ. Самаринъ, впрочемъ, былъ много симпатичнѣе Черкаскаго по взглядамъ. Прежде всего это былъ прекрасный, искренній человекъ; подъ внѣшней, казавшейся сухой оболочкой въ этомъ человекѣ билось прекрасное сердце. Не будь онъ испорченъ славянофильскими воззрѣніями, онъ былъ бы идеальнѣйшій человекъ. Укажу на одинъ случай, прекрасно характеризующій Самарина. Случай этотъ рассказанъ мнѣ Шеншиной. Въ комитетѣ по крестьянскому вопросу (этотъ комитетъ былъ созванъ въ Петербургѣ) членомъ отъ правительства былъ генераль-адъютантъ Шеншинъ. У Милютина я съ нимъ познакомился. Это былъ единственный человекъ хорошаго образа мыслей, преданный крестьянскому дѣлу. Въ сожалѣнію, онъ два-три мѣсяца былъ въ комитетѣ и вскорѣ умеръ. Будучи въ комитетѣ, онъ завелъ серьезную войну съ нѣмецкими баронами, ничего общаго въ моральномъ смыслѣ не имѣющими съ интересами освобожденія крестьянства. Зналъ Шеншина и Самаринъ столько же, сколько и я. Но пылае, глубоко-чувствующее сердце Юрія Федоровича привязалось сильно къ симпатичнѣйшей личности Шеншина. И вотъ однажды вдова Шеншина, Милютинъ, жена его Марія Агеевна и, кажется, графиня Баранова собрались на могилу Шеншина.

Приходить, видя въ себѣ не вѣрять, распростертый лежить на могилѣ Самаринъ. Видъ этотъ растрогалъ и произвелъ умилительное впечатлѣніе на всѣхъ. Такъ этотъ человекъ былъ привязанъ къ Шеншину!... Отношенія Самарина къ Кошелеву, Афросимову и Волконскому были отрицательны; Милютинъ, Черкасскій и Самаринъ расходились съ нами въ началахъ освобожденія больше чѣмъ въ деталяхъ. Рѣзкіе споры поднимались у насъ всегда, какъ только возбуждался насущный вопросъ времени. Меня всегда возбуждало къ спору съ Милютинимъ то обстоятельство, что вызвали депутатовъ въ Петербургъ и, вмѣсто того, чтобы послушать ихъ въ общихъ совѣщаніяхъ, собраніяхъ, на сходкахъ и этимъ путемъ выяснить основанія освобожденія, правительство заблагоразсудило засадить депутатовъ въ номера гостиницы и заставило давать отвѣты на заданные вопросы въ редакціонныхъ комиссіяхъ, или же стало вызывать по одиночкѣ въ комиссію для разговоровъ. Приѣхавъ въ Петербургъ и не получивъ официального разрѣшенія собираться всѣмъ вмѣстѣ, мы устраивали собранія у Петра Павловича Шувалова, бывшаго предводителя дворянства. На одномъ изъ нихъ было рѣшено обратиться къ государю съ просьбой, позволить собираться всѣмъ. Выбрали Шувалова, Кошелева и меня писать петицію. Засѣли—сидѣли два дня. Натерпѣлся же я съ Кошелевымъ отъ Шувалова: что ни слово, не такъ, все рѣзко, все невозможно. Мы бросили писать (у г. Скребицкаго все это должно быть). Угодническая натура Шувалова, признаться, была противна. Наконецъ, стали сочинять письмо къ Ростовцеву. И тутъ боязнь не угодить Ростовцеву рѣзко давала себя знать. Кошелевъ сталъ кипятиться. Кажется, изъ 15 строкъ нашего письма къ Ростовцеву больше половины было не по душѣ Шувалову. Кошелевъ впасть въ отчаяніе; опрокинется, бывало, на кресло и поставитъ на лобъ табакерку: это признакъ самаго сильнаго возбужденія. Вполнѣ понятны душевныя волненія Кошелева: онъ былъ преданъ крестьянскому дѣлу, хотя въ своихъ имѣніяхъ, какъ слышно было, что-то не ладное сотворилъ. Впрочемъ продаю за то, за что купилъ.

Кошелевъ и Самаринъ, сколько противоположнаго въ этихъ двухъ личностяхъ при всемъ томъ, что они одинаково глубоко сходились въ вопросѣ объ освобожденіи, сочувствовали ему, жили имъ, служили ему. Одинаково богатые люди (Кошелевъ, напримѣръ, оставилъ чуть не половину Сапожковскаго уѣзда, Рязанской губерніи), Самаринъ отличался чертой, дѣлавшей его смѣшнымъ: скупость его доходила до комизма; напримѣръ, трилъ онъ много сигаръ и докуривалъ до того, что пальцы у него голы и были обожжены. Не могу забыть того, что сдѣлали ему его же чѣма. Онъ былъ посланъ въ Ригу съ какимъ-то порученіемъ. Оттуда началъ писать письма къ великосвѣтскимъ знакомымъ. Письма эти ходили въ рукахъ; въ нихъ онъ говорилъ, что всѣ нѣмцы этого края—враги Россіи, что они вѣроподданые только царствующаго дома, но Россіи вѣрять не могутъ. Дошли эти письма до Николая Павловича. Разсердился государь ужасно, приказавъ вызвать автора ихъ и посадить въ крѣпость.

За что же такая немилость обрушилась на Самарина? Государю не понравилась мысль, что Самаринъ дѣлать даря отъ Россіи и обратно. Домогнулся Самаринъ аудіенціи. На аудіенціи представилъ царю онъ какія-то объясненія. Государь говоритъ: «я вѣрю—ты очень хорошій человѣкъ», и поцѣловалъ его въ лобъ, «но тебя надо сдѣлать лучше» и послалъ его для исправленія къ Бибикову въ Кіевъ, въ канцелярію генералъ-губернатора, гдѣ онъ и прослужилъ нѣсколько лѣтъ. Съ тѣхъ поръ клеймо подозрительнаго либерализма не сходило съ него; а между тѣмъ это былъ человѣкъ ученый и довольно серьезный ученый. Совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ представляется мнѣ личность Якова Ивановича Ростовцева. Это былъ человѣкъ не совсѣмъ цѣльный. Приходилось слышать упреки по его адресу за декабрьскую исторію. Что же касается меня, я не могу поставить ему въ упрекъ ее. Онъ дѣйствовалъ тогда совершенно благородно, въ увлеченіи. Рылѣевъ и другіе товарищи декабристы знали его взгляды на эту исторію; въ ней онъ видѣлъ вредъ государству и считалъ обязанностью довести до свѣдѣнія правительства обо всемъ, что зналъ. «Хотите, чтобы я не выдавалъ вашего дѣла, вы свяжите меня». Его не связали и онъ довелъ до свѣдѣнія правительства. Но что дальше было, то было уже скверно: когда онъ былъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, онъ вздумалъ поправлять исторію въ видахъ самодержавія; помните его циркуляръ о преподаваніи исторіи, ничѣмъ необъяснимый. Но какъ этотъ человѣкъ, отличавшійся умѣреннымъ консерватизмомъ, воспиталъ сына либерала, трудно себѣ представить. Этотъ сынъ ѣздилъ въ Лондонъ къ Герцену. За это съ него снялъ императоръ эксельбанты. Другой сынъ Якова Ивановича—начальникомъ штаба въ Одессѣ и по днесъ.—Отъ людей, близко знавшихъ Якова Ивановича, я слышала, что въ крестьянскомъ дѣлѣ онъ началъ какъ-то странно. Возможно, что его стѣсняло какъ-нибудь невпаадъ высказанное мнѣніе подъ вліяніемъ лицъ, близкихъ къ императору Николаю. Между прочимъ ему приписываютъ въ началѣ царствованія Александра II записку о необходимости безземельнаго освобожденія крестьянъ.

Интересно прослѣдить, какъ на человѣка, поставленнаго у важныхъ государственныхъ дѣлъ, вліяетъ семейная обстановка. Эта забытая страница многое разъяснила бы въ исторіи и совершившееся яснѣе представило бы потомству. Въ жизни Якова Ивановича былъ случай, который и легъ въ основаніи всѣхъ его дальнѣйшихъ дѣйствій въ крестьянскомъ дѣлѣ. Въ началѣ 1857 г., если не ошибаюсь, одинъ изъ его сыновей заболѣлъ опасно въ Гейдельбергѣ. Отецъ поѣхалъ къ нему. Одинъ изъ Бакуниныхъ былъ неотлучно при его сынѣ. Докторъ говоритъ отцу, что сынъ въ опасности. Глубоко тронуло Якова Ивановича несчастіе сына. На смертной одрѣ умирающій сынъ обратился къ отцу съ такими словами: «батюшка я обращаюсь къ вамъ съ предсмертной просьбой вотъ какого рода: я настолько замаранъ по декабрьской исторіи и по военно-учебнымъ заведеніямъ, что мнѣ хотѣлось бы умереть съ мыслью, что вы чѣмъ-нибудь

заглядите свою память. Теперь предстоитъ вамъ очиститься, есть минута такая и вы можете. Дайте слово, что вы будете помогать дѣлу освобожденія крестьянъ». Говорятъ, онъ при этихъ словахъ прослезился и влился, что всѣ средства, какими онъ будетъ въ состояніи распоряжаться, употребить въ пользу этого дѣла. И дѣйствительно, послѣ этого случая онъ сталъ писать всеподданнѣйшія письма уже совершенно въ иномъ тонѣ. Я отчасти довѣряю разсказу Бакунина, что Ростовцевъ разъ даже поклялся служить крестьянскому дѣлу. «Я далъ клятву своей семьѣ служить честно крестьянскому дѣлу»—слова Якова Ивановича. Самъ Яковъ Ивановичъ утверждалъ въ моемъ присутствіи, что императоръ Николай, умирая, сказалъ своему сыну Александру II: «30 лѣтъ я царствовалъ, но въ стыду своему не успѣлъ освободить крестьянъ. Передаю тебѣ это дѣло». Я довѣряю этимъ словамъ. Ростовцевъ близокъ былъ къ царю. Знакомство наше началось тогда, когда началъ дѣйствовать тверской комитетъ. Яковъ Ивановичъ обратился ко мнѣ съ просьбой доставить металлографическія копіи со всѣхъ журналовъ комитета. Я послалъ, помню, ему, министру Ланскому, Милютину, Долгорукову и еще кому-то. Вскорѣ мнѣ пришлось быть въ Петербургѣ. Яковъ Ивановичъ произвелъ при личномъ знакомствѣ впечатлѣніе чловѣка, совершенно расположеннаго къ крестьянскому дѣлу. Это обстоятельство выдвинуло его далеко передъ тѣми лицами, которыя много заботились о крестьянскомъ дѣлѣ больше на словахъ. Самое знакомство наше произошло у него же на квартирѣ въ зданіи кадетскаго корпуса на Васильевскомъ островѣ. Онъ просилъ къ себѣ всю нашу тверскую депутацію на вечерній чай. Мы поѣхали. Сидимъ за столомъ и бесѣдуемъ. Самомъ собою разумѣется, съ первыхъ же словъ Ростовцевъ говорилъ, что сочувствуетъ дѣлу и что иначе и работать нельзя. Припоминаю его слова: «Вы, господа, только примите въ соображеніе, что несмотря на то, что еще ничего важнаго не сдѣлано, уже и теперь становится легче жить. Вѣдь новое царствованіе ознаменовало себя уже такими, если не реформами, то дѣйствіями, которыя дѣлаютъ чловѣка свободнымъ. Вотъ я записываю всѣ заслуги нынѣшняго царствованія на особомъ листѣ; я вамъ сейчасъ прочту». Онъ раскрылъ столъ, вынулъ листъ бумаги и сталъ читать.

Къ сожалѣнію, я не помню, въ какихъ выраженіяхъ были изложены у Якова Ивановича заслуги прошлаго царствованія, во всякомъ случаѣ въ документальномъ трудѣ доктора А. Сребницкаго читатель найдетъ обо всѣхъ этомъ. Мнѣ, какъ очевидцу совершившихся событій и счастливо поставленому въ отношеніи къ лицѣ, направлявшимъ ходъ дѣла въ то отдаленное время, хочется возобновить въ памяти по личнымъ впечатлѣніямъ абрисы и чертовъ тѣхъ лицъ. Да, памятенъ мнѣ добрый Яковъ Ивановичъ. И я всегда останавливала, а иногда оскорбляла мягкость его характера; съ мягкостью соединилась уступчивость, которая порой переходила въ полную безхарактерность;—порой онъ просто флюгеромъ казался. Какіе

куда вѣтры подуютъ, онъ и самъ туда. Досадно и обидно бывало въ эту минуту на него за ходъ дѣла.

Другимъ характеромъ представляется Яковъ Соловьевъ. Когда я его зналъ,—это былъ молодой еще человекъ. Что мнѣ въ немъ нравилось,—это честность, прямота и искренность. Онъ служилъ у Муравьева, но сочувственно относился къ крестьянскимъ реформамъ. Вотъ ужъ про кого нельзя сказать, что это былъ рабъ минуты и лакей Муравьева.

Нигдѣ и ни въ чемъ такая ошибка взглядовъ не происходила, какъ въ хозяйственныхъ вопросахъ. Милютинъ меньше всего занимался хозяйственными вопросами; хотя все вниманіе было обращено на хозяйственные вопросы, но члены редакціонныхъ комиссій какъ-то смотрѣли черезъ очки, какія-то совершенно кривыя. По правдѣ сказать, вѣдь обезпечить крестьянъ можно было только однимъ способомъ: дать надѣлъ, обезпечивающій ихъ быть, въ собственность разомъ. Я иначе не понималъ этого. Между тѣмъ они придумывали какъ-то съ переоброчками черезъ 20 лѣтъ, утверждая, что выкупъ невозможенъ, что принудительнаго выкупа нельзя допустить одновременнаго, потому что это значить уронить цѣну государственныхъ бумагъ; тогда какъ оказалось, это совершенный вздоръ. Сколько же бумагъ оказалось тогда выпущено? Освобожденіе Болгаріи стоило послѣ вдвое дороже, нежели освобожденіе крестьянъ. Надо сказать, что у меня были чрезвычайно ожесточенные споры съ этими людьми (Милютинъ, Черкасскій, Самаринъ и иногда Соловьевъ). Соловьевъ принималъ и ту и другую сторону, смотря по тому, какъ разговоръ идетъ. Дѣло въ томъ, что я и большинство тверского комитета стояли на томъ, чтобы одновременно съ освобожденіемъ крестьянъ были произведены всѣ реформы, которыя требовались измѣненіемъ отношеній между помѣщиками и крестьянами. Мы требовали одновременно и финансовыхъ реформъ въ отношеніи поземельнаго кредита и реформъ въ отношеніи воинской повинности, наконецъ, реформъ въ управленіи и реформы судебной; мы говорили, что это все заразъ надо сдѣлать, иначе будетъ галиматья, которая и произошла. Вѣдь глупѣй, какъ освободили крестьянъ, нельзя было и придумать. Со временъ Екатерины выдавались помѣщикамъ ссуды изъ казенныхъ кредитныхъ учрежденій за дешевый $\frac{1}{2}$ %, когда ссуды не были нужны, когда даровой трудъ былъ. Очевидно ссуды прожигались. Какъ только освободили крестьянъ, и помѣщики оказались въ необходимости имѣть оборотный капиталъ, вдругъ прекратились ссуды. Вѣдь первое общество поземельнаго кредита стало дѣйствовать въ 66 году, потому пошли банки. Воинская повинность къ чему повела? Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ назначались рекруты волей помѣщика. У государственныхъ крестьянъ были два способа отправления воинской повинности: очередной и жеребьевый. Когда освободили крестьянъ, то имъ предложили выбрать одинъ изъ способовъ, которые существуютъ у государственныхъ крестьянъ; тамъ оба способа эти основаны на численности семьи. Теперь выходитъ такая история, что способъ очередной, да и жеребьевый, все равно, ставятъ васъ

въ такое положеніе, что если семья велика, то она на первой очереди состоитъ и первому жеребью подлежить; если семья мала, то сзади другихъ стоитъ. Въ чему это повело? Къ насильственнымъ раздѣламъ крестьянъ. У меня въ имѣніи одна очень громадная семья раздѣлилась собственно вслѣдствіе необходимости, въ виду безтолковщины по выполнению воинской повинности: надобно было солдатъ ставить. Мой отецъ, управляя имѣніемъ, не мѣшалъ раздѣламъ, очень охотно соглашался на раздѣлы, а что касается меня, я съ 52 года, когда умеръ отецъ, никому не запрещалъ дѣлиться. По-моему, если три брата живутъ въ одномъ домѣ и начинаютъ ссориться, тогда конечно, выгоднѣй раздѣлиться, но и при этомъ, хотя дѣлились очень часто, но многіе оставались всетаки нераздѣленными. У меня въ имѣніи вотъ какой случай былъ: былъ мужикъ и довольно богатый, многосемейный, и капиталецъ былъ. Въ 61 году я былъ у тетки, пріѣзжалъ въ имѣніе на страстную недѣлю. Вдругъ изъ этой деревни пріѣзжаетъ мальчикъ: «Дѣдушка Яковъ проситъ васъ пріѣхать, онъ умираетъ».

Я поѣхалъ. «Я умираю,—говорить;—ради Бога растолкуй, какъ распорядиться съ состояніемъ?» Какое же состояніе? «2,500 р.». Я написалъ завѣщаніе; (крестьяне уже были освобождены); подъ завѣщаніемъ подписался пощъ, свидѣтель. И онъ пощъ отдалъ въ церковь деньги на сохраненіе. Потомъ выздоровѣлъ. Можете представить: потомъ на 4 дома раздѣлились; капиталу нѣтъ и еще въ долгу. А почему разошлись? Потому что существовалъ такой способъ отбыванія рекрутской повинности, что прямо надо идти въ солдаты.

О воинской повинности мы ставили только вопросы, а что касается суда, то прямо говорили, что судъ присяжныхъ нуженъ и словесное состязательное судопроизводство. Мы въ этотъ проектъ ввели и о мировыхъ судьяхъ; мы говорили, что это нужно сразу. Черкасскій и Милютинъ говорятъ: «Помигите, какъ это можно? Вы все испортите, ничего не понимаете; все дѣло погубитъ» и т. п. Вотъ какого рода разговоры были. Меня подозрѣвали, что я красный человекъ. Послѣ того какъ я являлся къ государю; что-то обо мнѣ сказалъ царь, что несмотря на его прошлое, онъ довѣряетъ, полагаетъ, что исправится, и что это на него подѣйствовало. И нельзя было о реформахъ говорить; это Ростовцева и сбило съ толку.

Письмо, которое у меня, доказываетъ, что онъ былъ за принудительный выкупъ для помѣщиковъ, но непринудительный для крестьянъ. Это письмо доказываетъ, какъ правительство мѣняло взгляды. Въ концѣ 58 ода этотъ человекъ былъ прямо за освобожденіе крестьянъ съ надѣломъ въ ихъ собственность. Какъ не финансистъ, онъ сбивчиво написалъ, но въ сущности такъ можно сдѣлать, какъ онъ предлагалъ.

Въ концѣ 58 года у насъ такая переписка была, между тѣмъ какъ въ концѣ 59 года позволили говорить, и потомъ началось навыворотъ: сдѣлали принудительный выкупъ для крестьянъ и добровольный для помѣщиковъ. Посмотрите, насколько эта галиматья попизила общее благо-

состояніе. Эта галиматья продлилась болѣе 25 лѣтъ. Только при нынѣшнемъ императорѣ была прекращена.

Еще прежде чѣмъ я сдѣлался губернскимъ предводителемъ, я былъ помѣщикомъ очень популярнымъ среди крестьянъ на далекомъ пространствѣ отъ моего имѣнія, именно потому, что, во-первыхъ, въ 52 г. освободилъ всѣхъ дворовыхъ; года черезъ три ввелъ вольный трудъ. Сначала у меня было введено травосѣяніе, разныя разности и, наконецъ, я посадилъ крестьянъ на оброкъ довольно легкій! Сдѣлался я притомъ судьей уѣзднымъ въ Твери; я былъ вѣдь не такимъ судьей, какъ тогда были судьи; тогда такое нищенское жалованье отпускали въ канцеляріи, что я не только не бралъ жалованья, но даже сверхъ того жертвовалъ. Тогда я былъ одинокій человекъ, хотя богатъ не былъ. Пошелъ въ судьи изъ интереса въ дѣлу просто; разсудилъ такъ, что чѣмъ шитья въ департаментъ и писать отношенія, лучше посмотрѣть, что дѣлается на мѣстѣ. Это судопроизводство, хотя и старинное, заинтересовало меня настолько, что болѣе года писалъ всѣ рѣшенія собственной рукой. Судъ былъ въ ужаснѣйшемъ безпорядкѣ въ Твери послѣ какого-то господина, который умеръ; передо мной былъ Горещій (?), дрянная ужасная, какой-то военный; должность исправляли другія лица.

Уѣздный судъ остался въ такомъ видѣ, что было слишкомъ 1,000 нерѣшенныхъ дѣлъ. Канцелярія анаемская; я тогда молодъ былъ и началъ съ того, что всю канцелярію прогналъ, а остался только одинъ канцелярскій чиновникъ—журналистъ, какой-то добродушный старикъ вродѣ регистратора, входящія и исходящія бумаги записывалъ и былъ горькій пьяница такой, что жена приходила за него жалованье получать, но во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ былъ человекъ совершенно безупречный. Думалъ я, кого взять въ канцелярію? Юристовъ не откуда, образованныхъ людей нѣтъ тоже, да и притомъ, если такихъ людей набрать, откуда же денегъ возьму имъ платить? Такъ, наприм., столоначальникъ всего получалъ 15 р. отъ казны, гдѣ же найду такого человека, который бы жилъ на эти деньги въ Твери? Тогда мнѣ пришла мысль: я набралъ молодежи семинаристовъ; выходила такая штука: такого молодого человека возьму, онъ живетъ у меня, ему нужно меньше средствъ, такъ что я могу свое жалованье давать вмѣсто 15—30 рублей. И я набралъ такую канцелярію изъ молодежи. Правда, тамъ были дѣла, которыя можно было по шаблону рѣшать: въ царствованіе Николая Павловича было много дѣлъ о подкидышахъ; былъ сиротскій домъ, въ который позволяли носить младенцевъ, но дѣлали слѣдствіе; всегда какихъ-то лицъ, которыя жили около сиротскаго дома (сторожа?) спрашивали, не видѣлъ онъ; и онъ говорил, что не видѣлъ, потому что платили деньги, а иначе бы убивали. Тамъ дурацкое дѣло поступаетъ въ судъ и передается волѣ Божіей, и по шаблону писались одни и тѣ же слова, только что переименовать имена; и свидѣтели все тѣ же допрашивались, кажется, а дѣла эти писались не на мѣстѣ, а какой-то писарь полиціей былъ нанятъ, который дома пишетъ, какъ и

кинуть младенца; за нихъ и руки прикладывали. Дѣла эти просто вели. Такъ я сейчасъ шаблонъ взялъ, и эта молодежь стала писать по шаблону. Когда меня судьей выбрали, такъ я составъ суда сдѣлалъ получше. Былъ тутъ одинъ глупый человѣкъ, только честный, а другой даже и дѣло принималъ нѣсколько.

Дворянство выбирало судью и двухъ членовъ, со стороны крестьянъ государственныхъ выбирался еще одинъ членъ. А у городскихъ сословій былъ особый судъ магистратъ, и были случаи, когда уѣздный судъ съ магистратомъ вмѣстѣ судилъ,—соединенныя засѣданія; тамъ былъ бургомистръ, магистраты и 4 ратмана; и все это письменно. На первыхъ порахъ слишкомъ 1,000 дѣлъ у меня было, а министерство не имѣло понятія о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ въ судахъ. Вѣдь знаете, какіе фокусы дѣлались по вѣдомостямъ: къ первому января—ни одного дѣла ни въ одномъ судѣ,—какимъ образомъ? Вмѣсто того, чтобы написать бумагу, что просимъ покорно допросить такого-то, они посылаютъ все дѣло для надлежащаго распоряженія, а потомъ говорятъ, что послано въ Тверь, такъ что на почтѣ всѣ дѣла перваго января. Не понимаю, какимъ образомъ министерство не видѣло: это было ясно, какъ день. Со мной были какіе случаи? Я былъ неопытный человѣкъ. Получаю дѣло въ трехъ томахъ—громадное; читаю цѣлый вечеръ и ночь. Вдругъ оказывается, что это прислано все для того, чтобы кого-то спросить о чемъ-то,—больше ничего не нужно, такъ что цѣлое дѣло надо было прочесть, чтобы понять, для чего оно прислано. Сначала я началъ сортировать дѣла по заголовкамъ. Вижу дѣло о грабежѣ, дѣла о подкидышахъ,—пропасть дѣлъ, которыя по заголовкамъ не поймешь, что такое. Напримѣръ, «0 противузаконныхъ поступкахъ крестьянина Василія Иванова». Оказывается, что это дѣло началось около 10 лѣтъ тому назадъ; состоитъ въ томъ, что крестьянинъ Василій Ивановъ былъ пойманъ сыномъ съ его женой (съ снохой), такъ что скандалъ былъ въ деревнѣ, черепъ кому-то раскроили,—ужасъ что такое; между тѣмъ никакого распоряженія лѣтъ 8 или 9 не сдѣлано, никто не арестованъ. Оказалось, что это больше ничего какъ секретарь бралъ съ нихъ оброкъ, просто приносилъ оброкъ... Дѣлать нечего: надо начать дѣло, просто вызвать для передопроса съ священническимъ увѣщаніемъ. Вдругъ является толпа народа: «батюшка, ослобоните: вѣдь это такъ давно, что всѣ и забыли; и ссоры никакой нѣтъ; всѣ живутъ ладно»... Кровосмѣшеніе со снохой почти все равно, что съ дочерью родной. Я помню, что написалъ такое рѣшеніе, что подлежатъ такому-то наказанію, но въ виду того, что давно совершено и забыто, и помирились, просилъ помилованія, и уголовная палата согласилась, представили въ сенатъ и предали церковному покаянію. Вотъ какого рода дѣла были.

Рѣшенія не были законическія; это было писано, какъ слѣдуетъ. Помогъ года въ 1½, привыкли нѣсколько, завелись шаблоны. Я три года былъ судьей; секретаря я выгналъ за кражу у меня одного дѣла; потомъ уличили человѣка, который уничтожилъ его. А секретарь до такой степени

опасень быть, что я просто вытолкалъ его изъ суда и не велѣлъ пускать. Вся канцелярія ужасная была, кромѣ одного старичка, который регистра-туру велъ. Кончилъ я всѣ эти дѣла, и передагъ въ порядкѣ; нерѣшени-ныхъ дѣлъ было очень мало, только текущія дѣла.

Это мертвый былъ судъ.—Я быстро работалъ, въ то время я очень много могъ; теперь десятой части не могу того, что тогда; тогда на все времени хватало. Тогда судоговоренія не было, просто только бумаги пи-сали; потомъ дурацкая процедура, напримѣръ, неизвѣстно, для чего писа-лись выписки изъ дѣлъ. Вѣдь выписку изъ дѣла некому было поручить: никто грамотно не могъ написать; поэтому давалось дѣло, и для соблю-денія формы переписывались всѣ бумаги. Конечно выписку никто не ча-талъ: дѣло легче было прочесть, чѣмъ выписку. Развѣ только въ одномъ сенатѣ дѣлались выписки, но тамъ другіе люди служили. Я помню, Сами-ринъ рассказывалъ. Когда вышелъ изъ университета, Самаринъ поступилъ въ сенатъ и попалъ къ оберъ-прокурору, тотъ далъ ему какое-то дѣ-ло, чтобы составить докладную записку. Онъ постарался, написать хо-рошо, подалъ ему. Только черезъ нѣсколько дней тотъ призываетъ его къ себѣ: «послушайте, Юрій Федоровичъ, хорошо у васъ написана записка, но только такихъ записокъ нельзя писать; это если бы не вы мнѣ до-клады написали, а я вамъ, тогда такія записки можно писать, а вѣдь сенаторъ старъ, сенаторъ глушь,—ему такъ нельзя писать»... и далъ ему редакцію, какъ слѣдуетъ писать для глупаго человѣка: «вѣдь надо такъ писать, чтобы прямо клонить къ извѣстному рѣшенію, чтобы другого и не было, а иначе сенаторъ запутается».

Я былъ знакомъ съ Блудовымъ, когда онъ былъ развалиной, поэтому не могу судить, что такое этотъ человѣкъ былъ прежде, но на меня онъ производилъ скверное впечатлѣніе не въ томъ отношеніи, что онъ былъ сквернымъ человѣкомъ, но кромѣ галиматіи я отъ него ничего не слы-халъ никогда. Помню, что былъ у него въ томъ домѣ, который занимаетъ англійскій клубъ,—это болѣе 30 лѣтъ назадъ. Я помню, что онъ меня занималъ такимъ разговоромъ: толковалъ цѣлый часъ, какая разница ме-жду закономъ и мѣропріятіемъ. Это былъ какой-то резонеръ. Теперь, чи-тая разные документы, относящіеся къ дѣлу судебной реформы, я вижу, что онъ подъ конецъ измѣнилъ убѣжденіе, какъ Н..., который былъ про-тивникомъ суда присяжныхъ и состязательнаго процесса и мало-по-малу къ 70-мъ годамъ исправился, сдѣлался самымъ ревностнымъ реформаторомъ. Тоже было и съ Блудовымъ, только до такой ревности онъ не дошелъ; онъ все думалъ поправлять какими-то мѣропріятіями.—Баршевъ тоже былъ противникомъ судопроизводства, публичности, гласности, все это отвергалъ, какъ вредное, но только это не было искренне, потому что, какъ только пошли другія вѣянія, такъ онъ началъ печатать противное, и онъ теперь чуть ли не считается творцомъ суда присяжныхъ,—вотъ какъ пишется исторія.

Будучи узднимъ судьей, я пріѣзжалъ въ деревню; положительно на-

родъ привыкъ ходить ко мнѣ за разными совѣтами, просить помочь въ чемъ-нибудь. Такимъ образомъ приученъ былъ довольно большой околотокъ обращаться ко мнѣ по недоразумѣніямъ. Я даже устроилъ у себя судъ присяжныхъ и объявилъ дома крестьянскія дѣла съ присяжными. Просто придуть ко мнѣ за разными недоразумѣніями не мои крестьяне, но просто сосѣди. Я говорю: хотите, рассужу, выберите по 3—4 чело-вѣка съ каждой стороны; наприимѣръ, раздѣлиться не могутъ; являюсь туда и съ помощью этихъ людей легко можно всякій узелъ въ крестьянскомъ домѣ развязать. Наприимѣръ, такой-то жилъ столько-то времени съ женой; теперь хочетъ выдѣлиться; какая часть имущества принадлежитъ? Положительно безошибочно рѣшать: никто не споритъ. Послѣ этого въ ноги кланяются: «ужь вы насъ раздѣлите». И положительно всегда единогласно: какъ только останешься съ выборными, въ нѣсколько минутъ все разрѣшать, кому что принадлежитъ: такая-то корова лучше, эта хуже, такъ что къ этой коровѣ прибавить овцу и хлѣба... Я помню, что при такомъ дѣлѣ въ одной деревнѣ вышла вотъ какая исторія, которая показываетъ взглядъ крестьянъ на имущественныя права. И онъ подтверждается даже всѣмъ тѣмъ, что я впоследствии писалъ по этому предмету. Дѣлился домъ одинъ, въ которомъ жилъ одинъ почти столѣтній старикъ, очень старый. Онъ совсѣмъ сдѣлался слабъ, такъ что лежалъ почти все на печкѣ, и хозяйствомъ завѣдывали дѣти его. Но только дѣти его дѣлились. Тутъ былъ какой-то еще не совсѣмъ близкій родственникъ; чуть ли не на три дома дѣлились. И такимъ образомъ, когда мы съ этими выборными крестьянами (присяжными пожалуй) опредѣлили каждому, какая часть слѣдуетъ изъ дома и какаго имущества, насъ упросили ради Бога раздѣлить натурой, дабы не было споровъ и дракъ, чтобы престо раздѣлить—прямо вещи отобрать; и мои помощники сейчасъ чрезвычайно скоро начали раскидывать: «хочуть тебѣ, шлея тебѣ» и т. д. Пропастъ была рухляди въ вѣдѣяхъ. Вдругъ выносятъ красную дугу съ золотыми разводами, и всѣ удивляются; никто не видѣлъ этой дуги; домашніе пошли спрашивать: «дѣдушка, что это такое за дуга старинная, отличной работы, я не видѣлъ никогда дуги»... Вдругъ тотъ прибѣгаетъ впоыхахъ: «это дуга моя; ее дѣлить нельзя: 50—60 лѣтъ назадъ я ее укралъ на большой дорогѣ; я ѣхалъ изъ города, вдругъ смотрю, стоитъ лошадь. Что-то такое разстроилась упряжь, и въ телегѣ лежитъ пьяный мужикъ. Эта дуга такъ понравилась, мнѣ что я снялъ, привезъ домой и запыхалъ какъ можно дальше»... Всѣ захотѣли и говорятъ: «если ты укралъ, можешь оставить себѣ и ѣздить въ обѣднѣ. У нихъ такое понятіе: если, живя вмѣстѣ, я работаю и зарабатываю, то это принадлежитъ обоимъ; если я укралъ, то это личная собственность».

Когда я сдѣлался губернскимъ предводителемъ, всѣмъ было извѣстно мое отношеніе къ крестьянскому вопросу; всѣ крестьяне знали, что я хлопочу въ ихъ освобожденіи, и въ этомъ не было сомнѣнія. Меня знали очень далеко во всѣ стороны отъ Твери. Поэтому, когда я былъ губернскимъ предво-

дителямъ, ко мнѣ ходила масса народу, еще болѣе, чѣмъ прежде. Особенно тутъ процвѣтала была рабочиѣ на желѣзной дорогѣ, которыхъ дурно рассчитывали; приходили бывало просить защитить, чтобы скорѣе уплатили то, что заработали. Наконецъ, когда освободили крестьянъ, я первый ввёлъ уставныя грамоты у себя и ввелъ такимъ образомъ, что получилъ еще болѣе довѣрія. Собственно я вѣдъ надѣлялъ крестьянъ такимъ образомъ землей, что предложилъ на выборъ, что угодно выбирать; и они сами выбрали. Правда, что главная усадьба, въ которой я живу, всегда была свободна отъ крестьянскихъ надѣловъ. Она помѣщается въ особой дачѣ, которая всегда была отдѣлена, и не было крестьянскихъ поселеній. Это десятинъ 400 всего. И ближе деревни ко мнѣ, какъ 1½ версты, нѣтъ ни одной. Поэтому я не былъ стѣсненъ до такой степени, чтобы крестьяне могли заѣхать въ садъ или просто какія-нибудь неудобства устроить въ самомъ хозяйствѣ. Но тѣмъ не менѣе въ остальныхъ дачахъ у насъ были особыя земли, и конечно были тогда перепутаны клочками. Они владѣли въ дачахъ довольно далеко отъ мѣста ихъ жительства. Поэтому я расчелъ такимъ образомъ, что гораздо лучше имъ предложить: «выберите, что хотите, выберите, что ближе». Я вездѣ прибавлялъ, конечно, гдѣ нужно, для округленія. Правда, была одна деревенька, которая взяла вмѣсто четырехъ семь десятинъ, потому что земля была очень плоха; такъ что крестьяне видѣли, что относятся искренне и добродушно, поэтому ко мнѣ начали адресоваться даже сосѣди.

У многихъ я ввелъ уставныя грамоты по общему согласію съ крестьянами, такъ что они сами подписывали грамоты и изъявили согласіе на надѣлъ, который дается. Мало-по-малу началъ расширяться районъ, который началъ обращаться ко мнѣ. Я ограничился совѣтами, либо писалъ прошенія или письма посредникамъ, или помѣщику насколько онъ можетъ требовать. Но когда ко мнѣ стали обращаться крестьяне изъ очень большихъ имѣній, гдѣ знатные люди дѣлали пакости съ ними чрезвычайныя, тутъ надо было или помочь имъ защитой въ крестьянскихъ учрежденіяхъ, либо просто планировать, потому что одного письма или совѣта оказывалось недостаточнымъ.

Я тогда занимался изданіемъ переводовъ и писалъ о судебной реформѣ въ *Современникѣ*, о финансовыхъ реформахъ; это были—62, 63, 64 года, и готовился быть адвокатомъ. Издалъ я книгу 5: 1) Теорію судебной защиты Миттермайера; 2) Теорію косвенныхъ уликъ; 3) Миттермайера «О судѣ присяжныхъ въ Англіи, Америкѣ и Шотландіи»; 4) издано руководство къ судебной медицинѣ Шаунштейна. Шаунштейнъ весь продалъ. Это я печаталъ на свой счетъ и платилъ переводчикамъ деньги. Конечно приходилось работать самому, потому что очень плохи переводчики были. Приготовлена мной была часть довольно большого сочиненія по части казательствъ въ уголовныхъ судахъ, только я его не издалъ, потому что это, повидимому, не пошло бы. Затѣмъ большинству лицъ, съ которыми я былъ знакомъ, цѣлому кружку, было извѣстно, что я готовлюсь въ

вокаты. Вдруг до меня дошло, что въ адвокаты меня не пустять, и мнѣ далье объ этомъ знать Василій Андреевичъ Долгоруковъ. Я помню, былъ въ Англійскомъ клубѣ въ Москвѣ и тамъ встрѣтился съ Василюмъ Денисовичемъ Давыдовымъ (онъ былъ родственникъ Долгорукову); онъ меня тутъ поймалъ, говорить: хотѣлъ ѣхать къ вамъ, пріѣхалъ изъ Петербурга вчера; Василій Андреевичъ просилъ передать вамъ, что васъ не допускать въ присяжные повѣренные (онъ былъ тогда шефомъ жандармовъ); и даже едва ли онъ можетъ вамъ въ этомъ помочь. Онъ совѣтуетъ вамъ пріѣхать въ Петербургъ съ нимъ поговорить. Я нарочно отправился въ Петербургъ. Онъ говоритъ: видите, какая штука: послѣ того, какъ вы отказались занять мѣсто члена отъ правительства въ губернскомъ присутствіи (я отказался раньше, прежде, чѣмъ положеніе вышло, рассчитывая, что выйдетъ гадость); послѣ того какъ тутъ Тверское дворянство въ 62-мъ году надѣлало шуму, при чемъ вы сами участвовали въ собраніи (13 предводителей и посредниковъ посажены въ крѣпость); послѣ этихъ доносовъ относительно крестьянскихъ дѣлъ вы такую вражду возбудили со стороны министра внутреннихъ дѣлъ, что всѣ мѣры примутъ, чтобъ не допустить васъ въ присяжные повѣренные. Я могу указать вамъ только одно средство и вѣрное средство: пойдите на службу казенную и такую должность возьмите, которая опредѣляется съ высочайшаго соизволенія, чтобъ онъ зналъ, что вы на службѣ; тогда если бы вы попросили его, онъ не будетъ противъ этого. Я думаю куда идти? У меня былъ знакомый Татариновъ (онъ былъ женатъ на Гагариной, сосѣдѣ нашей по имѣнію); онъ даже уже пригласилъ Головачева на службу въ контроль. Сначала Головачевъ служилъ въ контроль въ Петербургѣ, а потомъ перешелъ въ контрольную палату управляющимъ въ Саратовъ, гдѣ долго служилъ, лѣтъ 10. Мнѣ и пришло въ голову это, но думаю, какимъ же образомъ? вѣдь если сказать, что поступаю на время, тогда просто меня не возьмутъ. Я устроилъ такъ, что меня попросили, а я согласился, говорю, что посмотрю, зайнусь. Это было 65 года; и любопытно было взглянуть на работу въ контроль. Татариновъ самъ по себѣ былъ человекъ весьма симпатичный, но тупой, смотрѣлъ на свое дѣло такъ, что готовить какую-то машину, которая когда-нибудь будетъ полезна при другомъ порядкѣ вещей. У меня были разговоры съ нимъ; онъ далъ для изученія дѣла разныя, которыя доказывали, что онъ какъ-то мелочно смотрѣлъ, вѣдь онъ былъ мелоченъ, чуть ли не перья считалъ, листы бумаги,—контроль былъ та- кой мелочной, который могъ отвращеніе вселить даже и въ честныхъ лю- дяхъ (вообразите, если бы заставили считать перья; мы же такой гани- тельей не занимаемся); между тѣмъ какъ по очень важнымъ дѣламъ, по вторымъ страшные расходы и злоупотребленія происходятъ, у него про- сходило толченіе воды. Было дѣло о расчисткѣ рѣки Дона, дѣло, гдѣ по- тронили пропасть денегъ безъ всякой пользы и безъ всякаго смысла, и все го доставили въ этой перепискѣ нескончаемой; все происходила полемика между вѣдомствами: контроль напишетъ въ департаментъ, департаментъ от-

вѣчаетъ, возражаетъ, опять отвѣчаетъ и т. д. И такихъ дѣлъ было заведено ужасно много. Былъ, наприм., почтовымъ министромъ Иванъ Матвѣевичъ Толстой, и съ нимъ происходили ссоры изъ-за пустяковъ совершенно. Тогда почтовые чиновники содержались по штатамъ Петра Великаго; даже губернской почтмейстеръ получалъ 400 рублей, а станционные смотрители 40—50 рублей въ годъ. Само собою разумѣется, что при такомъ положеніи дѣлъ министерство вынуждено было сознательно давать деньги изъ другихъ параграфовъ, а для Татаринова это было преступленіе: «какъ изъ другого параграфа перевести?» и когда я выражалъ такую мысль, что, кажется, это пустяки,—то онъ, повидимому, обижался.

Милютинъ сочувствовалъ контролю, а гдѣ сочувствія не было, тамъ плевать хотѣли на контроль.

Татариновъ работалъ съ утра до вечера, наприм., дастъ какое-нибудь дѣло: «напишите,—говорить,—какъ бы вы поступили на моемъ мѣстѣ?» Само собою разумѣется, видя, что бесплодная переписка идетъ; напишешь бумагу, получается возраженіе, опять писать... ему говоришь: «Валеріанъ Алексѣевичъ, вѣдь тутъ единственный конецъ тотъ, что надо найти точку опоры; если просто продолжать полемику, это ничѣмъ не можетъ кончиться». Не одинъ я говорилъ, еще кой-то; нельзя ли устроить такимъ образомъ? «Дѣло простое: теперь заводится судъ публичный, рѣшенія котораго будутъ извѣстны публикѣ. Испросите только себѣ право передавать спорные вопросы на обсужденіе суда». — «Это невозможная вещь». Тогда, разъ передали въ судъ, онъ и рѣшаетъ: Ужъ одной публичностью, гласностью подѣйствуютъ на людей: совѣстно, что обнаружится; рѣшительно все равно, какъ судъ рѣшить, будетъ ли доказано. — «Нѣтъ это нельзя». — «Какъ же? опираться не на что; на что же будешь опираться; въ другихъ государствахъ контроль существуетъ независимо отъ администраціи, а у насъ ничего нѣтъ». — «Это, говорить, машина, которая можетъ говорить впоследствии, когда найдется опора, при другомъ порядкѣ вещей». — Онъ доложилъ государю обо мнѣ, будетъ ли онъ согласенъ на принятіе меня на службу. Тотъ сказалъ, что ничего не имѣетъ, только не въ Твери; меня назначили въ Нижній-Новгородъ. Я поѣхалъ, открылъ палату, занимаюсь болѣе полугода.

Надо сказать, что начато было много дѣлъ, ужасъ что такое; подбралъ я себѣ ревизоровъ старательныхъ. Такъ оказались такія штуки, напр., что во дворцѣ Нижегородскомъ, въ которомъ жилъ между прочимъ и губернаторъ, что-то чуть ли не на сотню лишнихъ печей бралось отопленіе, на такое количество печей, которыхъ нѣтъ. Покойникъ Алексѣй Алексѣевичъ Одинцовъ былъ здѣсь не при чемъ: это былъ добрейшій человекъ, честнѣйшій; обнаружено чуть не на 2,000 десятинъ земли въ коннозаводствѣ, которая скрывалась отъ правительства, отдавалась въ аренду и арендные деньги получались.

Въ мое время въ Нижнемъ-Новгородѣ оказались безпорядки страшные, напр., одно лицо въ 5 уѣздныхъ городахъ въ одинъ день свидѣтельствуешь

разныя починки и поправки тюремныхъ замковъ (однимъ числомъ всё протоколы написаны), а прогонныя деньги берутся до каждаго города и обратно въ Нижній, напр., дорога въ Лукаиновоъ черезъ Арзамасъ, и наприм., 5 марта пишетъ протоколъ, что освидѣтельствовалъ постройки, а прогоны беретъ въ Арзамасъ и обратно.

Я, кажется, въ началѣ января 66 года открылъ контрольную палату и управлялъ ею до сентября, затѣмъ попросился въ отпускъ, прїѣхалъ въ Петербургъ, да и подалъ въ отставку. Валеріанъ Алексѣевичъ въ ужасъ пришелъ, разсердился, но тѣмъ не менѣе я ушелъ. А судебныя уставы были введены въ Петербургскомъ и Московскомъ округѣ въ апрѣлѣ 66 года. Я въ концѣ 66 года поступилъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ петербургскаго округа. Я не увлекся этимъ; картина не представлялась такою блестящей. Дѣло въ томъ, что, судя по уставамъ, было весьма хорошо,—это и говорить нечего: петербургскій окружный судъ наполненъ былъ людьми весьма хорошими; достаточно сказать, что въ теченіе слишкомъ 20 лѣтъ я положительно не слыхалъ вовсе, за исключеніемъ одного лица, какого-либо подозрѣнія относительно взятокъ или неправильнаго движенія изъ корыстныхъ видовъ. Говорили: «дураки, какъ попало рѣшаютъ дѣла; либо жаловались на то, что адвокатъ не сумѣлъ объяснить, а главнымъ образомъ упрямятъ на глудость, но никогда не было намековъ на взятки. Единственное лицо, на которое было подозрѣніе, это—Силковъ; относительно его были сомнѣнія даже у товарищей; отъ этого онъ и подалъ въ сенатъ. Дѣло въ томъ, что эта картина для человѣка, который заулисную сторону этого дѣла зналъ, не могла показаться блестящей вотъ почему: первое я встрѣтилъ здѣсь крайнее увлеченіе самой формой суда, внѣшней обстановкой; тогда ломилась публика смотрѣть судъ, между тѣмъ судъ и его начальство старались, какъ бы это сокровище сохранить, чтобы его не разбили, такъ это хрупко было. Первое дѣло серьезное, которое обращало общее вниманіе, это судъ надъ Пыпинымъ и Жуковскимъ по поводу напечатанія статьи въ *Современникъ*, которая будто бы оскорбляла дворянство. Пыпина и Жуковскаго судили. Судъ оправдалъ. Можете представить, что не только судебное вѣдомство, но даже самъ Пыпинъ и Жуковскій испугались: «ужасъ, что такое: насъ посадятъ на тройку; надо было, чтобы къ чему-нибудь присудили. — Толстой жаловался на клеветаніе его на меня и Громеко; вѣдь «Браевскій тогда былъ преданъ суду уголовной судебной палаты. Когда я узналъ объ этомъ, то адресовался въ уголовную палату. Я даже недавно дѣло видѣлъ, потому что Б....кій, предсѣдатель окружнаго суда, недавно дѣло взялъ. Я подалъ просьбу, въ которой изобразилъ, что если клеветой считать, то меня тоже нужно къ суду привлечь, такъ какъ все, что въ отечественныхъ запискахъ, напечатано по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя я доставилъ Громеку, и поэтому прошу покорно считать меня подсудимымъ. А получая отвѣтъ, что такъ какъ на меня не жалуются, то не имѣю права вступать въ дѣло; и Толстой прекратилъ дѣло.

Бончилось тѣмъ, что Пыпина наскоро судили въ судебной палатѣ, и судебная палата присудила къ мѣсячному аресту на гауптвахтѣ (новаго адмиралтейства въ Галерной). И просидѣли по мѣсяцу и совершенно спокойны остались, что оставить въ покоѣ. Я забылъ, какъ эта статья называлась, въ которой будто оскорблено сословіе дворянское, и за это сословіе обидѣлся министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ... Никто изъ дворянъ не вступился. И какъ это можно оскорбить сословіе? Надо вамъ сказать, что съ тѣхъ поръ я ни слова не говорю. Гражданскія дѣла, въ которыхъ правительство никакого участія не принимаетъ, идутъ великолѣпно; уголовныя дѣла—тоже недурно. Но только тутъ есть репрессія: вѣдь стараются обвинить какъ можно больше; особенно ставили въ упрекъ, что много оправдательныхъ приговоровъ.

Сначала дѣйствительно такъ усердствовала прокуратура, что изъ 10 дѣлъ едва ли можно было обвинить по одному. Тутъ были такія дурачкія дѣла, что даже въ голову не могло придти. Вотъ Жуковский, управляющій государственнымъ банкомъ, его судили; онъ былъ присяжнымъ повѣреннымъ, оказался неспособнымъ; онъ былъ назначенъ защищать Фарника (насъ было 35 человекъ присяжныхъ повѣренныхъ), который обвинялся прокуратурой въ кражѣ со взломомъ на задней лѣстницѣ: онъ ножомъ отворилъ шкафъ и съѣлъ ложку варенья. Я самъ защищалъ чиновника, котораго обвиняли въ томъ, что онъ кошунствовалъ въ публичномъ мѣстѣ съ цѣлью поколебать въ присутствующихъ вѣру. Дѣло состояло въ томъ, что чиновникъ жилъ около Николаевского вокзала на Гончарной улицѣ, въ квартирѣ унтеръ-офицера, который сдѣлалъ углы и чуланы, и во время заутрени въ Свѣтлый праздникъ напился пьяный и остался дома тогда, когда всѣ жильцы ушли къ обѣднѣ. Съ водкой приходитъ въ кухню, гдѣ была кухарка-татарка, даже не православная, и ей предлагаетъ выпить водки. Бухарка говоритъ: постыдитесь, сударь, всѣ ваши въ церковь пошли; и что же ночью пить? Затѣмъ онъ, кажется, началъ щипать; она говоритъ: постыдитесь, тутъ народъ ходитъ. Такъ это и было забыто. Потомъ они поссорились съ хозяиномъ, квартиру перемѣнили, а тотъ въ жалобѣ предъявилъ, что онъ сверхъ того кошунствовалъ во время заутрени. Тутъ было дѣло, что два мальчика отвязали лодку покататься, поѣздили на чужой лодкѣ,—просто ужасъ что такое. Конечно, все это оправдывали, а весь церемоніалъ продѣлывали съ присяжными.

Тутъ была и комиссія прошеній, коммерческій судъ и проч. Число присяжныхъ повѣренныхъ оставалось 35 человекъ (конечно, частныхъ штатовъ много до 100 человекъ доходило) лѣтъ 5—6; нельзя сказать, чтобы быстро число ихъ возрастало. Потому быстрые пошли, особенно отъ напыва жидовъ, которымъ некуда дѣваться, кромѣ какъ въ адвокатуру. Около 300 присяжныхъ повѣренныхъ, до 200 слишкомъ помощниковъ. Теперь адвокатура не свободна, а сначала была совершенно свободна. Присяжные повѣренные были людьми, которыхъ имена были объявлены, какъ людей свѣдущихъ; но при этомъ не воспрещалось поручать дѣла кому угодно, и эти

было лучше. Теперь требуется непременно свидѣтельство суда, дозволяющее ходатайствовать по судебнымъ дѣламъ, для этого надо держать экзаменъ.

Теперь даже нѣтъ публичности: предсѣдателю суда дано право затворить двери, когда хотите, если находите оны, что дѣло неприлично слушать публикѣ; а разъ затворять дверь, то тогда происходитъ тайно. Потомъ теперь всѣхъ нотариусовъ и судей подчинили дисциплинарной власти, — однимъ словомъ, въ другое положеніе поставили: они не пользуются такой независимостью. Теперь сдѣлали ихъ простыми чиновниками. Вѣдь у насъ смотрятъ такъ, что о какомъ-либо новомъ учрежденіи ничего нельзя сказать: «а значить вы за старый судъ?», если скажете о недостаткахъ судовъ, если скажете, что крестьяне плохо живутъ, это значить, что за крѣпостное право. Учрежденіе портится отъ такого взгляда на него; нельзя же держать учрежденіе подъ стекломъ. А что касается процессовъ, которыми интересуется сильно правительство, тутъ доходить паника до такой степени, что готовы всякую подлость сдѣлать, чтобы сохранить правосудіе въ этомъ видѣ; на моихъ глазахъ происходили политическіе процессы, наприм., нечаевцевъ, — единственный судья независимый, который тутъ былъ — Погребовъ, городской голова бывший и едва ли не оны одинъ помѣшалъ этому процессу обратиться въ чисто инквизиціонный судъ. Все это дѣло было безобразно въ высшей степени; началось 1869 года. Прокуратура приняла совершенно другое направленіе и направленіе скверное.

Теперь, что касается прокуратуры, то она хуже жандармовъ; жандармы старинные добродушнѣе неизмѣримо, вовсе не такъ относятся къ дѣлу, какъ прокуратура. Что тогда дѣлала прокуратура, что теперь дѣлаетъ, если бы вы знали! Напримѣръ, угодно скажу такую штуку, которая васъ удивитъ ужасно, между тѣмъ я прошу только не рассказывать; не повѣрите моимъ словамъ. Вы знали мирового судью Закревскаго. Вообразите, что человекъ, кончившій курсъ въ правовѣдѣніи, совершенно обезпеченный до такой степени, что 70,000 годового дохода имѣетъ. Оны теперь прокуроромъ судебной палаты въ Харьковѣ. Можете представить себѣ, какого рода фактъ. Я узналъ отъ него изъ первыхъ рукъ. Оны вотъ до какой степени усерденъ въ политическихъ преслѣдованіяхъ: недавно, мѣсяць назадъ, оны представляетъ министру внутреннихъ дѣлъ о необходимости сослать въ Сибирь административнымъ порядкомъ одну гувернантку, живущую у курскаго помѣщика, вслѣдствіе обстоятельствъ, обнаруженныхъ при обыскѣ у одной какой-то заподозрѣнной въ политическомъ отношеніи и бывшей съ ней въ хорошихъ отношеніяхъ подруги. Обнаружено вотъ что въ альбомѣ подруги, который захваченъ при обыскѣ, написано рукой гувернантки: «никого нѣтъ хуже и подлѣе А. З.», значить государя императора, по мнѣнію Закревскаго. Вообразите, что министерство внутреннихъ дѣлъ вытребовало этотъ альбомъ и видитъ изъ него, что третьяго написано не римскими цифрами, а арабскими; оно усумнилось, что не буква ли это З, и относится къ жандарму Курской губерніи.

Между тѣмъ онъ и не допрашивалъ ту гувернантку, которую Захревскій полагалъ сослать, даже не допрашивая. Оказалось, что есть кто докторъ Александръ З., который надѣлалъ ужасныхъ пакостей, сватался за эту гувернантку, обезславилъ ее, бросилъ и скрылся... Вотъ до какихъ размѣровъ дошло усердіе этого лица.

Въ Харьковѣ былъ въ началѣ 70-хъ годовъ прокуроръ судебной палаты, нѣкто Писаревъ, человѣкъ либеральнаго образа мыслей, бывшій студентъ; затѣмъ на службѣ въ сенатѣ находясь, едва ли не принадлежалъ къ тайному обществу, потомъ поступилъ въ новое учрежденіе, сдѣлался товарищемъ прокурора въ Тулѣ; его тамъ зналъ Салтыковъ, когда тамъ былъ предсѣдателемъ казенной палаты; и женатъ даже на женщинѣ либеральнаго направленія. Отличался передъ начальствомъ тѣмъ, кажется, что въ сильный морозъ выѣзжалъ въ одномъ мундирѣ встрѣчать министра юстиціи, именно Палена. Онъ его сейчалъ же прокуроромъ сдѣлалъ, потомъ, наконецъ, прокуроромъ судебной палаты, и онъ умеръ даже сенаторомъ. Можете представить (это тоже фактъ): онъ представлялъ въ министерство юстиціи къ Палену (я самъ даже видѣлъ и читалъ бумагу въ 1872 году) о необходимости выслать изъ Харьковской губерніи такихъ-то и такихъ-то студентовъ медицинскаго факультета, которые виновны въ томъ, что устроили безъ дозволенія начальства тайное общество для выписки учебныхъ книгъ изъ-за границы, что, хотя по существу дѣлъ учрежденія этого сообщества сама по себѣ не вредна, но тѣмъ не менѣе одна уже рѣшимость заводить тайныя сообщества дѣлаетъ ихъ людьми весьма опасными.

Теперь самые рьяные жандармы даже жалуются на нихъ. Я помню, что когда было добродушное направленіе правительства при Морисъ-Мелковѣ, я былъ предсѣдателемъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. Пропастъ было объясненій съ III отдѣленіемъ; тогда я просто слышалъ отъ генераловъ жандармскихъ, что нѣтъ покоя отъ прокурорскаго надзора, они рвались всячески, обыскивали, чтобы отличиться, студентовъ.

Въ Эмсѣ помню какую штуку: мы пріѣхали съ Бакунинымыъ. Онъ поѣхалъ за границу дѣлать операцію; дѣлалъ нѣсколько разъ операцію. Это былъ премилый симпатичный человѣкъ. Онъ тоже сидѣлъ въ числѣ 13 человѣкъ. Онъ былъ предводитель новоторжскій. Михаилъ Александровичъ эмигрантъ переписывался со мной и обращался неоднократно съ просьбой, чтобы я уговорилъ его братьевъ окончательно выдѣлать ему часть изъ имѣнія. Надо сказать, что его выдѣляли 5—6 разъ. Вотъ, я помню, что онъ и въ этотъ разъ, когда я поѣхалъ за границу съ братомъ его Алексѣемъ, тоже обратился съ такой просьбой, упоминая, что въ старицкомъ имѣніи есть какой-то лѣсъ, который не былъ принятъ въ расчетъ; когда выдѣляли суммы, оказалось, что онъ два раза получилъ деньги за этотъ лѣсъ. Но тѣмъ не менѣе Алексѣй Александровичъ хотѣлъ ѣхать къ нему, онъ былъ въ Италіи, и мы поѣхали; я лѣгнулъ въ Соденѣ около Франкфурта, а онъ ѣздилъ въ Италію, пріѣхалъ онъ

оттуда, и мы оба отправились навѣстить Будрявцева въ Эмсѣ; онъ жилъ на той улицѣ, которая идетъ отъ Кургауза съ садикомъ. Василій Николаевичъ Будрявцевъ одинъ изъ 13 посредниковъ. Будрявцевъ былъ очень старымъ человѣкомъ, но первый разъ былъ за границей, и все его до крайности удивляло, а это и меня, впрочемъ, удивило. Мы у него въ саду пили чай; вдругъ подъѣхала великолѣпная коляска, извозчикъ сошелъ, началъ распрягать лошадей, между тѣмъ смеркалось; я спрашиваю, что онъ дѣлаетъ. Онъ говоритъ, что живетъ въ одной деревнѣ наверху, и съ коляской далеко ѣздить, и онъ обыкновенно оставляетъ на улицѣ коляску, и съ парой лошадей ѣдетъ по тропинкѣ, на другой день приходитъ и запрягаетъ. Такъ Василій Николаевичъ былъ удивленъ тѣмъ, что можно оставить коляску безъ надзора въ городѣ, и никто не украдетъ. Когда мы сказали, что удивляемся, что онъ оставляетъ, такъ онъ захохоталъ и говоритъ, что никогда не бывало такихъ случаевъ. Затѣмъ въ это же путешествіе за границу меня занималъ письмами о томъ же раздѣлѣ Бакунина, жившій въ Ливорно. Послѣ свиданія съ братомъ Алексѣемъ Александровичемъ онъ добивался со мной видѣться и вообще хотѣлъ познакомиться. Онъ мнѣ назначилъ свиданіе въ Миланѣ, написалъ, что остановится въ такой-то гостиницѣ и будетъ ожидать такого-то числа. Я пріѣхалъ въ Миланъ—нѣтъ Бакунина. Взялъ я номеръ; нѣтъ одинъ день, два, три, пять. И онъ такъ и не пріѣхалъ. Потомъ оказалось, что онъ въ это время былъ—гдѣ же? Въ Швеціи и набиралъ какой-то персоналъ съ цѣлью одѣлать высадку въ балтійскихъ губерніяхъ для помощи польскому мятежу. Вотъ какъ его кидало. Его послали въ Сибирь подъ надзоръ очень близкаго Бакунинимъ человѣка генераль-губернатора Корсакова. На сестрѣ этого Корсакова братъ его Павелъ былъ женатъ. Онъ на честное слово уѣхалъ куда-то и затѣмъ пропалъ, причѣмъ женился въ Сибири на какой-то молоденькой полькѣ и ее бросилъ. И затѣмъ, когда, кругомъ свѣта объѣхавши, появился въ Лондонѣ, такъ мать его помогла женѣ его къ нему пробраться. Должно быть, что это человѣкъ необыкновенно ловкій и способный: въ Германіи издавалъ журналъ, который волновалъ нѣмецкіе умы; въ 48 году его гнали изъ одного государства въ другое. Въ 64 и 68 году, когда я былъ въ Дрезденѣ, въ Берлинѣ о немъ память еще жива была. Около Берлина показывали мѣсто, на которомъ онъ стоялъ и говорилъ рѣчи. Потомъ оказалось, что это былъ человѣкъ, который могъ волновать умы до такой степени, что его боялись правительства разныхъ маленькихъ нѣмецкихъ государствъ. Его саксонскій министръ выдалъ эстрій и тамъ посадили въ крѣпость. Его посадили и приговорили къ смертной казни. Завелся онъ семьей и нѣкоторое время передъ смертью сколько лѣтъ жилъ на счетъ матери Екатерины Алексѣевны Боткиной-Болонской; люди его партіи, симпатизировавшіе ему, собрали сумму и купили виллу на озерѣ Лаго ди-Бомо, и онъ тамъ умеръ въ собственномъ углѣ. Но куда семья его дѣлась, не знаю положительно. Въ Сибири онъ началъ заниматься статистикой, потомъ позволили дѣлами золотопро-

мышленными, какия-то порученія имѣлъ, и, наконецъ, на честное слово уѣхалъ на Амуръ по частнымъ дѣламъ, сѣлъ на пароходъ иностранный и удралъ въ Сантъ-Франциско и кругомъ по Америкѣ и явился въ Лондонъ. Надо сказать, что мнѣ писалъ покойникъ Петрашевскій изъ Иркутска, когда я былъ въ Вяткѣ. Письма Петрашевскаго не сохранились, потому что я боялся: я въ Вяткѣ по совѣту жандармскаго полковника все истреблялъ; говори, что можетъ быть обыскъ, и исторія выйдетъ. Поэтому не осталось писемъ, а письма были бы интересны. Съ Петрашевскимъ случилась та исторія, что его въ Минусинскую область сослали изъ Якутска. Петрашевскій въ Иркутскѣ долго прожилъ въ одномъ мѣстѣ. Длинные письма вообще писалъ: человѣку нечего было дѣлать. У меня были также письма Каткова; мы были тогда пріятели. Онъ прислалъ мнѣ «*Verité sur la Russie*» Долгорукова, причемъ увѣрилъ, что Долгоруковъ Петръ представляетъ свѣжую силу, которая можетъ замѣнить дряхлаго Александра Ивановича Герцена. Мы съ нимъ переписывались, какъ люди положительно одного образа мыслей. Я помню, что въ *Русскій Вѣстникъ* я послалъ изъ Вятки статью, въ которой доказывалась возможность учрежденія частнаго банка для выкупа крестьянскихъ надѣловъ; получая *Русскій Вѣстникъ*, я замѣтилъ, что тамъ печатаются статьи артиллеристовъ о пороховыхъ взрывахъ. Помню, по этому поводу была переписка съ Катковымъ; я говорилъ: прекратите печатать эти статьи; васъ заподозрятъ, Богъ знаетъ, въ чемъ, и отъ Каткова получалъ шуточные письма, такъ что въ голову не приходило, чтобы черезъ два года онъ такъ преобразился. Онъ прислалъ «*La verité sur la Russie*» мнѣ потому, что тамъ на послѣдней страницѣ говорилось о ссылкѣ моей въ Вятку, и тамъ ничего не переврали. А Петра Владиміровича Долгорукова я зналъ; онъ былъ чрезвычайно острый человѣкъ, но весьма пустой; небольшого роста, брюнетъ, похожъ на инородца, несимпатичный. Я помню, что онъ меня разъ тащилъ почти силой къ покойнику Горчакову; онъ съ нимъ родня былъ; безъ всякой надобности притащилъ. Горчаковъ насъ принялъ очень любезно онъ былъ благеръ, но чрезвычайно острый, такъ что писалъ гораздо хуже, чѣмъ говорилъ. Но только дагѣ этихъ остроутовъ ничего не было. Мои труды всё попали къ Герцену, но не знаю, какимъ образомъ—я самъ не посылалъ. Всѣ мои мнѣнія, которыя я подавалъ въ редакціонной комиссіи, и даже проектъ Тверской—напечатаны въ одной книжкѣ *Голосовъ изъ Россіи* № 9 (60-й годъ).

Проектъ финансовый обсуждался, когда я былъ въ Вяткѣ, но такъ какъ правительство объявило, что возстановляетъ выкупъ, то и не нуждается въ этомъ. Но мнѣ кажется, частная инициатива лучше была бы, потому что наше положеніе представляло больше возможности примкнуть къ этому дѣлу. Нельзя было требовать отъ всѣхъ помѣщиковъ, Богъ знаетъ, какихъ жертвованій; много было оброчныхъ имѣній, въ которыхъ крестьяне были страшно богаты, и они готовы были бы уплатить тотъ же оброкъ и уплатить всю капитализацію оброка, если бы имъ только выдавали кредитъ.

Но правительство не давало всей капитализаціи; вѣдь оно давало 80%, и не заходило далѣе оброка, между тѣмъ какъ мы шли гораздо далѣе. Для того, чтобы понять это, мнѣ достаточно рассказать вамъ одинъ примѣръ: когда я собиралъ свѣдѣнія о положеніи имѣній Тверской губерніи передъ открытіемъ комитета крестьянскаго, я разспрашивалъ довольно подробно придуманныя таблицы каждому владѣльцу; свѣдѣнія получались, Богъ знаетъ, какія и даже иногда забавныя. Между прочимъ были такія цифры оброка, которыя ставили въ туникъ, наприм., въ имѣніи госпожи П..., селѣ К... на Волгѣ былъ показанъ оброкъ 55 рублей серебромъ съ тягла. Насъ это до такой степени изумило, что мы дѣлали нѣчто вродѣ дознанія, что это за исторія. Между тѣмъ, это все село наполнено крестьянами, которые чуть ли не въ двухэтажныхъ домахъ жили, владѣли поемными землями въ количествѣ почти 16 десятинъ на душу. Само собою разумѣется, что живя такимъ образомъ, эти крестьяне съ радостью цали бы громадный выкупъ только отдайте всѣ 16 десятинъ и оставьте въ такомъ положеніи, въ которомъ они были. Правительство говорить, чтобы не было больше какъ 120 рублей на душу, рассчитывая эту плату на 4 десятины земля. Прямо предстояла какая операція? Изъ 16 десятинъ отдай 12 и затѣмъ выкупись. Само собою разумѣется, что частный банкъ пошелъ бы гораздо дальше. Затѣмъ въ имѣніяхъ помѣщиковъ былъ лѣсъ. Во многихъ имѣніяхъ крестьяне, желая остаться свободными, давали болѣе 150 рублей, давали 250 помѣщику,—только отдай, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это отдано именно потому, что рѣдко гдѣ крестьяне могутъ владѣть такими капиталами, чтобы уплатить, тогда какъ будь кредитное учрежденіе много бы крестьянъ, мнѣ кажется, устроилось лучше, чѣмъ устроило правительство. Вотъ на какихъ соображеніяхъ основано было это дѣло: помѣщики многіе допускались наравнѣ съ найщиками капитала: вы отказываетесь отъ полученія известной платы выкупа за крестьянъ, а крестьяне обязаны платить въ банкъ оброкъ въ теченіе того-то времени,—вотъ и вся выкупная операція. Это дѣло простое. И у насъ такъ быстро пошло это дѣло, что К... 100,000 подписалъ. А что касается акціонеровъ имѣній, то ихъ была бездна; почти всѣ, которые принимали участіе въ совѣщаніяхъ; и губернаторъ, такъ какъ жена его владѣла имѣніями, почти всегда бывалъ на совѣщаніяхъ; а жандармскаго полковника пускали, потому что тайны никакой не было, такъ что когда пошли доносы относительно совѣщаній, то меня и вообще всѣхъ насъ, которые участвовали въ совѣщаніяхъ, защищали преимущественно губернаторъ и жандармскій полковникъ, даже и отдѣленіе—на основаніи донесеній жандармскаго штабъ-офицера.

Бромъ крѣпостниковъ, которые дѣлали доносы, въ моей исторіи отчасти и явилъ по слухамъ даже либеральныхъ чиновниковъ правительственныхъ; только, вѣроятно, клевета; даже увѣряли, будто бы Милютинъ былъ не прочь помочь моему сыну и вообще всѣмъ произвольнымъ распоряженіямъ; тогъ основаніи, что будто бы равновалъ насъ къ крестьянской реформѣ, и юристъ, что, пожалуй, произведутъ въ Твери освобожденіе крестьянъ,

а не въ Петербургѣ. Но только самого Милютина я зналъ: никакихъ извѣстей, повидимому, нельзя было ожидать отъ него, такъ что мнѣ это не вѣрится; можетъ быть, кто-нибудь другой и говорилъ въ этомъ тонѣ. Но я очень хорошо знаю, что Милютинъ, Черкасскій, отчасти Самаринъ, Соловьевъ смотрѣли не совсѣмъ благосклонно на мои порывы юношескіе, потому что считали вредными для дѣла, т.-е. полагали, что эти увлеченія могутъ остановить правительство въ дѣлѣ крестьянской реформы и просто испугать. Это не вѣрно, потому что мнѣ высказали въ глаза; было множество споровъ; я думалъ совершенно наоборотъ; я даже до сихъ поръ не понимаю хорошо, потому что въ Петербургѣ всѣ реформы идутъ не прямо, а путемъ интригъ, соглашеній, компромиссовъ. Насколько они были правы въ этихъ соглашеніяхъ, я и теперь не могу понять. Можетъ быть, иначе и нельзя было сдѣлать, какъ было сдѣлано, потому что снизу нельзя было ожидать, вѣдь масса до такой степени апатична и инертна.

Юрій Федоровичъ Самаринъ имѣлъ дѣло ко мнѣ, какъ къ адвокату и сказалъ, что послѣ смерти отца остались официальные бумаги, относящіяся къ слѣдствію, которое онъ производилъ обо мнѣ вслѣдъ за высылкой въ Вятку. Я просилъ показать, и онъ привозилъ ко мнѣ. Оказалась такая штука, что когда меня выслали изъ Твери въ Вятку по Высочайшему повелѣнію вслѣдствіе доноса на основаніи представленія главнаго комитета по крестьянскому дѣлу (въ концѣ февраля 60-го года меня выслали, Ростовцевъ умеръ, когда я былъ въ Вяткѣ), Ефимовичъ допрашивалъ всѣхъ извозчиковъ въ Твери. Старикъ Туръ, когда отвозить меня куда-нибудь, такъ напоминаетъ, что хорошо отзывался при слѣдствіи обо мнѣ. Въ числѣ 5 голосовъ, которые были противъ ссылки, слѣдующіе: Константинъ Николаевичъ, Бняжевичъ, Блудовъ, Долгорукій князь; за ссылку: Ланской, Панинъ, Муравьевъ. Вотъ почему прошелъ слухъ, что въ этомъ смыслѣ работалъ Милютинъ.

О народномъ просвѣщеніи.

(Докладъ, читанный въ районныхъ собраніяхъ конституціонно-демократической партіи.)

„Въ странѣ безграмотныхъ самоуправленіе или невозможно, или должно идти дурно“.

Кн. Васильчиковъ.

I.

Литеръ говорилъ, что «дѣтей надо держать въ школѣ и *начальство обязано принуждать* подданныхъ къ посѣщенію школы»; потребовалось, однако, триста лѣтъ, для того, чтобы руководители общественнаго мнѣнія и народныя представительства начали считаться съ этой идеей.

Причинъ этого обстоятельства, какъ и всякаго другого явленія социальной жизни,—много; ближайшая изъ нихъ заключается или въ открытомъ недовѣрїи правительствъ къ дѣлу народнаго просвѣщенія, въ которомъ онѣ видѣли подготовку къ демагогіи и революціи, или подъ вліяніемъ тѣхъ же опасеній не искреннее удовлетвореніе назрѣвшей потребности въ просвѣщеніи народа, и стремленіе дать «повидимому», и отнять по существу.

Вопросъ о народномъ просвѣщеніи въ западной Европѣ былъ поднятъ въ XVIII вѣкѣ. Первый уставъ о народномъ обученіи, какъ извѣстно, вышелъ въ Германіи (собственно въ Пруссіи) въ 1763 г. Въ Англіи на народное образованіе вниманіе было обращено въ то же приблизительно время; возникло оно тамъ въ формѣ воскресныхъ и очень дурно поставленныхъ народныхъ школъ, въ которыхъ учителями зачастую были нигда и ни къ чему неспособные негодяи; вслѣдствіе чего даже въ 1803 г. изъ $\frac{1}{2}$ дѣтей, обучавшихся грамотѣ, едва $\frac{1}{10}$ часть умѣла читать и писать. Во Франціи—народное обученіе, какъ государственный принципъ,—было провозглашено первой революціей. Въ Америкѣ коренной законъ о народныхъ школахъ явился еще позднѣе. У насъ въ Россіи дѣло народнаго просвѣщенія получило начало въ 1775 году, когда Екатерина II выдала приказомъ общественнаго призрѣнія въ *непреклонную обязанность*

стараться объ учрежденіи училищъ сначала по всѣмъ городамъ, а потомъ и въ многочисленныхъ селеніяхъ...

Въ 1782 году была учреждена особая *комmissiя народныхъ училищъ*, подъ предѣлательствомъ Завадовскаго. Комmissiя эта должна была подгото- вить хорошія учебныя книги, озаботиться образованіемъ хорошихъ и надежныхъ преподавателей и устройствомъ училищъ, на основаніи современ- ныхъ педагогическихъ началъ. Въ 1783 году изъ разныхъ мѣстъ Рос- сіи явились въ комиссію молодые люди, вызванные ею для подготовкѣ къ учительской дѣятельности. Въ этомъ же году для рѣшенія указанной задачи въ Петербургѣ основывается учительская семинарія при главномъ народномъ училищѣ.

Въ 1786 году былъ изданъ уставъ народныхъ училищъ, по которому училища эти раздѣлялись на группы: главныя, 4-классныя, въ губерн- скихъ городахъ; малыя, 2-классныя, въ уѣздныхъ, соответствующія по предметамъ обученія двумъ младшимъ классамъ главныхъ 4-классныхъ училищъ.

Въ число *обязательныхъ учебныхъ книгъ* малыхъ народныхъ училищъ входила между прочихъ книга *о должностяхъ гражданина и человека*, «опредѣленная къ чтенію въ народныхъ городскихъ училищахъ Россійской имперіи». Въ книгѣ этой идетъ рѣчь о правилахъ нравственнаго характера, *природныхъ для каждаго человека, безъ различія мѣста, времени и на- родности*.

Въ обращеніи къ крестьянамъ она между прочимъ запрещаетъ прибѣ- гать къ колдовству и другимъ суевѣрнымъ средствамъ, совѣтуетъ пере- нимать полезное отъ иностранцевъ. За прилежаніе и хорошее поведеніе учениковъ, имъ въ награду выдавались книги, въ спискѣ которыхъ зна- чатся: «Чудеса мірозданія» «Чудеса природы», «Экономія жизни человѣче- ской», «Испытаніе честности», «Дружескіе совѣты молодому человѣку»; въ числѣ послѣднихъ между прочимъ значится: «нѣтъ ничего противнѣе правамъ человечества и самой сущности религіи, какъ вѣрить безъ *исслѣ- дованія*. Это значитъ выколотъ себѣ глаза, чтобы яснѣе видѣть. Прежде нежели станете вѣрить, *исслѣдывайте, но съ безпристрастнымъ духомъ, который ничего не ищетъ, кромѣ одной истины*».

Обученіе въ школахъ велось съ расчетомъ прежде всего на развитіе умственныхъ способностей.

«Лучше,—читаемъ мы въ «Руководствѣ для учителей»,—если ученики отвѣтствуютъ исправно своими словами, нежели тѣми самыми, какія на- ходятся въ книгѣ, ибо изъ того видѣть можно, что они дѣло понимаютъ».

Организація школьнаго дѣла на зарѣ своей жизни носила на себѣ яв- нымъ образомъ слѣды вліянія знаменитаго мыслителя-педагога Амоса Ко- менскаго, видѣвшаго въ элементарномъ образованіи средство къ самоде- ятельному развитію, къ подготовкѣ гражданина-человѣка. Увы! Заря эта скоро потухла... Въ далекой Франціи пронеслась буря революціи и нынѣш- ния правительства европейскихъ государствъ, а въ ихъ числѣ и Россія,

напуганныя ея ужасами, рѣшили... подавить просвѣщеніе своихъ народовъ, потому что... революція провозгласила верховность «разума», какъ основного двигателя государственнаго развитія!..

Походило на то, какъ если бы школьникъ плохе, приготовившій урокъ и наказанный за это, вмѣсто того, чтобы учиться какъ слѣдуетъ въ будущемъ, рѣшилъ бросить тетрадки и книжки въ колодезь.

Въ 1803 году учительская семинарія въ Петербургѣ была закрыта. *Коммиссія народныхъ училищъ* превращается въ «главное училищное правленіе».

Книга о должностяхъ человѣка и гражданина замѣняется: «Братнимъ наставленіемъ о сельскомъ домоводствѣ»...

Весь послѣдующій періодъ исторіи народной школы вплоть до начала великихъ реформъ можетъ быть характеризованъ такъ: по поводу школъ что-то, такое говорилось въ высшихъ сферахъ, что-то такое писалось въ канцеляріяхъ, представлялись разные проекты, высказывались пожеланія о томъ, какъ и какими ихъ всего лучше было бы устроить, но самыхъ школъ собственно не было. Впрочемъ, въ 1830 году министерствомъ государственныхъ имуществъ были учреждены въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ волостныя училища, коихъ цѣлью было, готовить сельскихъ писарей и фельдшеровъ; а что разумѣла тогдашняя администрація подъ словомъ фельдшеръ, объ этомъ можно судить по сохранившемуся отъ старыхъ временъ официальному распоряженію женѣ одного доктора исполнять отлучившагося по дѣламъ мужа его докторскіе обязанности, на томъ основаніи, что она... жена доктора.

Польвѣка Россія жила безъ народной школы, жила въ сущности безъ школы вообще.

Результаты не замедлили сказаться. Въ 1854 году разразилась Севастопольская эпопея... Кажущееся величіе и мощь Россіи, построенныя на солдатской дисциплинѣ, рухнули и рассыпались, какъ карточный домикъ: слѣпое повиновеніе и слѣпое мужество оказались безсильными въ борьбѣ съ культурными внѣшними врагами, и врагами внутренними, неспособными ни понять, ни оцѣнить историческаго момента, переживаемаго родиной, и грабившими ее гдѣ только это было возможно...

Урокъ былъ ужаснымъ по силѣ и суровости; прошло съ тѣхъ поръ цѣлыхъ полвѣка, а народъ еще помнить пережитыя страданія, и до сихъ поръ не забыты легендарная распущенность, недобросовѣстность, неподготовленность и бездарность тѣхъ, кто велъ это огромное и отвѣтственное дѣло...

Немного времени спустя къ этому уроку присоединился другой, не менѣе поучительный, и на этотъ разъ данный Россіи вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ культурнымъ міромъ, Германіей и Франціей, въ связи съ ихъ отношеніемъ къ дѣлу народнаго просвѣщенія.

Прусское правительство было однимъ изъ немногихъ, которое не пало духомъ передъ призраками французской революціи: оно неуклонно держа-

лось однажды намѣченного пути въ вопросахъ о просвѣщеніи народа. «Послѣдовательность эта тѣмъ болѣе достойна уваженія,—говорить князь Васильчиковъ *)», что прусское правительство не избѣгло въ этомъ дѣлѣ сильнѣйшей оппозиціи реакціонной партіи. Ему предсказывали, что народныя школы будутъ служить разсадниками демагогическихъ ученій, а сельскіе учителя—агентами революцій; и эти зловѣщія предсказанія отчасти сбылись, ибо при общемъ броженіи умовъ, обувшемъ Германію въ 1848 г., многія народныя школы и учительскія семинаріи пристали къ движенію, а учительскіе съѣзды превратились въ настоящіе политическіе клубы. Но прусское правительство (и это послужитъ ему къ вѣчной чести) не устало отъ этихъ юношескихъ увлеченій, не закрыло школъ, не сослало учителей и не мечтало построить китайской стѣны противъ сокрушительнаго дѣйствія новыхъ идей».

Во Франціи дѣло пошло иначе; тамъ хотя революція и провозгласила принципъ свободнаго народнаго обученія, но уже съ 1808 года былъ установленъ порядокъ сначала рѣзко выраженной централизаціи, а потомъ если и не откровенной реакціи, то не искреннему и не откровенному удовольствованію спроса на образованіе. Наполеонъ не отрицалъ полезнаго значенія школъ и просвѣщенія; напротивъ, онъ говорилъ о томъ и другомъ съ большимъ сочувствіемъ; онъ находилъ лишь нежелательнымъ, чтобы въ дѣло просвѣщенія народнаго вмѣшивались люди науки, и предпочелъ поручить его... полиціи: префекты опредѣляли учителей народной школы, имъ вмѣнялось въ обязанность наблюдать за дѣятельностью народныхъ учителей, налагать взысканія и устранять неблагонадежныхъ. Это дѣлалось, разумѣется, для того, чтобы укрѣпить свой тронъ, и тотъ порядокъ, который гарантировалъ бы цѣлость династіи.

Седанъ отвѣтилъ на вопросъ, какая изъ двухъ системъ была болѣе правильной: свобода ли школьнаго преподаванія, или полицейская опека.

Казалось бы, что этого второго урока, полученнаго Россіей, послѣ Севастополя хотя бы и «не своими боками» было бы достаточно для того, чтобы понять всю цѣнность заявленія авторитетнѣйшихъ германскихъ политическихъ дѣятелей, по которому побѣду въ Франко-Прусской войнѣ одержалъ нѣмецкій народный учитель; но это только казалось! Правда, съ государственнымъ актомъ 19 февраля 1861 года народная школа возродилась, и А. В. Головинъ, занимавшій постъ министра народнаго просвѣщенія съ 1861 по 1866 г., сдѣлалъ все возможное, чтобы поставить возродившуюся народную школу на здоровый, нормальный путь ея развитія, но преемникъ Головина, печальный памяти графъ Д. А. Толстой, круто повернулъ дѣло въ другую сторону.

Ни свои, ни чужіе уроки ничему не научили нашу высшую администрацію, и, воспользовавшись первымъ подходящимъ случаемъ, министерств

*) „О самоуправленіи“.

народнаго просвѣщенія объявило открытую, настойчивую и непрерывную войну народному просвѣщенію.

Портъ-Артуръ, Ляоянь и Мукденъ были заключительными моментами этой единственной въ своемъ родѣ войны чиновниковъ просвѣщенія съ просвѣщеніемъ.

Теперь не время сводить счеты по всѣмъ статьямъ этой боевой кампаніи, и если я остановлюсь на нѣкоторыхъ фактахъ пережитой эпохи, то для того лишь, чтобы очевиднымъ было, что стоящіе на очереди вопросы народнаго просвѣщенія и заключенія, которыя по ихъ поводу будутъ мною высказываться, представляютъ собою дѣло жизни, а не однихъ только теоретическихъ соображеній.

II.

На первомъ мѣстѣ изъ этихъ вопросовъ стоитъ, разумѣется, вопросъ о томъ: *желательнъ ли учитель народной школы, какъ профессиональный общественный дѣятель?* нуженъ ли онъ, какъ таковой, или имъ можетъ быть всякій, усвоившій себѣ знанія средней школы?

Вопросъ этотъ имѣетъ не одинаковое рѣшеніе и въ жизни, и въ литературѣ.

Было время (да оно еще и не прошло), когда въ Америкѣ учитель народной школы вовсе не былъ педагогомъ по своей спеціальности. Преподаваніе производилось (и производится до сихъ поръ частью учителей) между дѣломъ; занятія въ школѣ представляли собою переходную ступень къ другимъ болѣе выгоднымъ занятіямъ. Преподаваніе въ школѣ было отчасти пробой своихъ силъ, отчасти средствомъ самовоспитанія: по отзывамъ американцевъ, побывшій учителемъ народной школы, молодой человекъ пріобрѣтаетъ точность выраженія и ясность мысли, годныя для всякой общественной дѣятельности.

Во многихъ мѣстахъ даже принято, какъ правило, чтобы учитель не оставался въ своей должности болѣе 4—5 лѣтъ.

«Соединенные Штаты, — говоритъ князь Васильчиковъ по этому поводу, — безъ всякихъ министерствъ и министровъ народнаго просвѣщенія, безъ принужденія и попеченія правительства, съ учителями, кочующими изъ одной школы въ другую и переходящими отъ педагогики къ другимъ ремесламъ и промысламъ, съ школами, открытыми 5—6 мѣсяцевъ въ году, со всей этой обстановкой вольнаго, произвольнаго, отрывистаго обученія, достигли результатовъ болѣе удовлетворительныхъ, чѣмъ всѣ другія страны ѣта, принявшія разныя другія системы педагогики, методики, народнаго освѣщенія и элементарнаго обученія».

Указаніе кн. Васильчикова на кочующій характеръ американскаго учителя и до сего дня остается справедливымъ, что же касается до утверженія автора о лучшихъ, вслѣдствіе этого, результатахъ народной школы, въ этомъ дозволительно сомнѣваться. Въ подтвержденіе своей мысли

князь Васильчиковъ ссылается на фактъ, что въ прусскихъ школахъ, въ которыхъ учительство составляетъ специальную профессію, на 1,000 человѣкъ приходится 145 учащихся, тогда какъ въ Америкѣ 171.

Ни этотъ доводъ, ни аргументы автора не убѣждаютъ меня въ томъ, однако, чтобы такой порядокъ дѣла, или, вѣрнѣе, такой беспорядокъ въ веденіи этого огромнаго и отвѣтственнаго дѣла, который вытекаетъ изъ отношенія учителя къ школѣ, были желательными. И не одна рутинна, какъ полагаетъ кн. Васильчиковъ заставляетъ европейцевъ глядѣть на этотъ вопросъ иначе, чѣмъ на него смотрятъ американцы.

Народный учитель не только учитель, но и воспитатель молодого поколѣнія; а не только послѣднимъ, но и первымъ нельзя быть безъ надлежащаго опыта, безъ любви къ дѣлу, безъ *хорошей къ нему подготовки*. Нельзя вести дѣло народнаго просвѣщенія, съ надеждою сдѣлать его удовлетворительно, посредствомъ людей, которые сегодня здѣсь, а завтра уходятъ въ конторы, на фабрики, на службу чиновниками и т. д., ибо не можетъ, не имѣть права учить тотъ, кто самъ пересталъ учиться. Школа требуетъ всего человѣка, а не кое-чего и кое-какъ между дѣломъ обучающаго, т.-е. совсѣмъ не того, чѣмъ можетъ быть человѣкъ, самъ только что соскочившій со школьной скамьи и озабоченный присканіемъ себѣ болѣе выгоднаго дѣла.

Въ то время какъ въ Америкѣ учитель народныхъ школъ представляетъ собою кочевника, ищущаго пристроиться къ какому-нибудь «дѣлу», и избираемаго на свою учительскую должность на одинъ два года, или вѣрнѣе полугодія, такъ какъ лѣтомъ большая часть школъ закрывается, въ Пруссіи учителя—народъ осѣдлый, они сживаются съ населеніемъ, въ которомъ занимаютъ, знаютъ его, знаютъ семьи своихъ учениковъ. Ихъ дѣятельность, поэтому, становится въ условія неизмѣримо болѣе благоприятныя, чѣмъ дѣятельность ихъ кочевыхъ собратій по ту сторону океана, и потому неизмѣримо болѣе плодотворной. Они являются таковой и потому, что, считая свое занятіе специальной профессіей, германскій учитель интересуется (и не можетъ, не интересоваться, какъ членъ корпораціи) его успѣхами, слѣдитъ за новыми приемами преподаванія, за новыми теченіями въ вопросахъ педагогики вообще, чего занимающійся преподаваніемъ «между дѣломъ» американскій учитель народной школы не всегда имѣетъ въ виду и, что иногда его очень мало интересуетъ, такъ какъ не только не ведетъ къ лишнему доллару въ заработкѣ, а наоборотъ отнимаетъ шансы на приобрѣтеніе этого лишняго доллара.

Люди крайнихъ идей и выраженій, противопоставляя американскаго учителя-кочевника прусскому пожизненному профессиональному специалисту, называютъ послѣдняго «живымъ трупомъ», а перваго «живымъ человекомъ», находящимся въ живой связи съ насущными общественными интересами тѣхъ, кого учать.

Здѣсь на мой взглядъ двѣ ошибки одинаковаго крупнаго: специалистъ по профессіи не только можетъ, но долженъ быть человѣкъ

съ широкимъ общимъ образованіемъ, человѣкомъ живымъ и оказывающимъ благотворнѣйшее вліяніе на тѣхъ, кого онъ учитъ. Наши учителя народной школы, являющіеся за тысячи верстъ, на *свой собственный счетъ*, и живущіе въ проголодь въ городахъ, куда пріѣхали, чтобы пріобрѣтаться къ знанію, которое дается на общеобразовательныхъ земскихъ курсахъ, представляютъ этому нагляднѣйшее доказательство; ибо трудно найти болѣе живую, болѣе отзывчивую, болѣе интересующуюся знаніемъ общеобразовательнаго характера, чѣмъ аудиторія этихъ профессиональныхъ дѣятелей просвѣщенія.

Съ другой стороны, «быть живымъ человѣкомъ и находиться въ живой связи съ насущными общественными интересами» — еще ровно ничего не говоритъ о томъ, что вліяніе, которое носитель этихъ интересовъ можетъ имѣть на тѣхъ, кого учитъ, было благотворнымъ вліяніемъ; чаще бываетъ какъ разъ наоборотъ, ибо чаще эти насущные интересы не столько интересы просвѣщенія, сколько интересы рубля. Заботясь о болѣе выгодной профессіи, считая количество долларовъ высшимъ критеріемъ поведенія, гражданина-человѣка не создать. Для этого еще не достаточно преподавать въ школѣ правила *добротрядочно поведенія* (goodbehavior), а на досугѣ «между дѣломъ» увѣрять школьниковъ, что скромность, трудолюбіе и бережливость — лучшія добродѣтели!

Другой вопросъ — какъ сдѣлать, чтобы учитель народной школы, будучи профессиональнымъ дѣятелемъ, въ то же время былъ общеобразованнымъ, живымъ человѣкомъ, способнымъ отзывчиво относиться къ явленіямъ общественной жизни, и особенно къ тѣмъ ея сторонамъ, которыя такъ или иначе могутъ благотворно вліять на школу и ея учениковъ. Два пути ведутъ къ рѣшенію задачи:

- 1) возможно полное и разностороннее образованіе народнаго учителя, и
- 2) такое матеріальное и правовое его обезпеченіе, которыя давали бы ему возможность не терпѣть съ этой стороны никакихъ стѣсненій или препятствій для того, чтобы отдать себя служенію своему огромному дѣлу.

III.

Источникомъ просвѣщенія народнаго учителя являются: школа и такъ называемое внѣшкольное образованіе. Что касается до школьнаго образованія, то въ западно-европейскихъ государствахъ оно совершается въ нормальныхъ школахъ (Америки), въ учительскихъ семинаріяхъ (Пруссія) и другихъ аналогичныхъ учрежденіяхъ. Останавливаться здѣсь на разсмотрѣніи на свойствѣ и значеніи этого образованія въ западно-европейскихъ государствахъ я не стану, такъ какъ у насъ таковыхъ учрежденій не существуетъ; то-есть учительскія семинаріи у насъ имѣются, но ихъ немного это, во-первыхъ, а во-вторыхъ, едва ли дѣло выиграло бы отъ того, если бы ихъ число было увеличено; можно думать даже какъ разъ напротивъ, оно отъ этого бы только проиграло.

Въ виду сказаннаго о школьно-спеціальной подготовкѣ народнаго учителя можетъ сказать, что у насъ учрежденій подобнаго рода *не хватаетъ*.

Не лучше однако у насъ и *въшкольная подготовка* народнаго учителя. Въ Западной Европѣ источникомъ такой подготовки являются: а) библіотекъ и читальни; б) съезды, клубы, ассоціаціи, и с) народные университеты, курсы, лекціи.

Чѣмъ же располагаетъ въ этомъ отношеніи учитель нашей народной школы? Что касается *библіотекъ и читальнь* для народныхъ учителей, то прежде всего насъ поражаетъ такая цензура надъ книгами, могущими прешкнуть въ эти завѣтные просвѣтительные уголки народнаго учителя, какой не существуетъ даже для трактировъ и ресторановъ. Профильтрованный сквозъ цѣлый рядъ очистителей книжный матеріалъ, оказывается сплоша очищеннымъ отъ всякаго интереса и получаетъ тотъ специфическій запахъ, которымъ просвѣщеніе вытравляется безъ остатка.

Когда операція очищенія была произведена, пшеница сплоша отдѣлена отъ куколя и ему составленъ инвентарный списокъ, передъ учредителями возникалъ вопросъ: какъ устроить изъ этого куколя просвѣтительное учрежденіе, то-есть библіотеку-читальню. Во-первыхъ, надо было подумать о томъ, кому просить, во-вторыхъ, *кого* просить и, въ-третьихъ, *когда* просить. Петру Ивановичу—не позволять, Ивану Петровичу—то же; съ другой стороны, если просить Ивана Ивановича, то онъ вообще не разрѣшаетъ, а Петръ Петровичъ зимой, пожалуй, разрѣшитъ, а въ началѣ лѣта ни подъ какимъ предлогомъ. Умудренные опытомъ ходатаи, такъ или иначе однако требуемое разрѣшеніе, наконецъ, получали. Тогда возникалъ новый вопросъ, чтобы получить право открыть читальню—надо было, чтобы во главѣ ея стоялъ надежный наблюдатель и завѣдующій библіотекой. По правиламъ 15 мая 1890 г. требуется, чтобы такими *наблюдателями* были лица изъ духовнаго званія, или учебнаго вѣдомства; это требованіе по аналогіи было распространено и на *завѣдующихъ* библіотеками. Послѣ многихъ хлопотъ поиски надлежащихъ лицъ увѣнчивались успѣхомъ. Избранное лицо представлялось на утвержденіе и... не утверждалось, потому что духовное лицо и безъ того обременено многоразличными обязанностями по приходу, а представленный учитель... также обремененъ завѣдываніемъ ученической библіотекой.

Но вотъ устранялись и эти препятствія; находились и духовные и необремененные; тогда, по мнѣнію учебнаго вѣдомства, помѣщеніе при школѣ оказывалось не удовлетворяющимъ требованію правилъ 15 мая 1890 года. Въ результатѣ оказывались уѣзды, въ которыхъ 80% учителей ничего не читали. Говоря о положеніи библіотекъ и читальнь, я вездѣ употреблялъ глаголы въ прошломъ времени: съ 18 января 1904 года явились новыя правила о народныхъ библіотекахъ. Правила эти вносятъ существенныя измѣненія и въ пользованіи, и въ устройствѣ библіотекъ. Я не буду однако говорить о нихъ, такъ какъ, прежде чѣмъ онѣ успѣютъ внести свою долю пользы въ дѣло самообразованія, прежде чѣмъ успѣютъ измѣнить устано-

жившіеся порядки и традиціи, онѣ и сами несомнѣнно подвергнутся измѣненію. Необходимость разрѣшенія для открытія бібліотеки со стороны училищныхъ совѣтовъ (при начальныхъ училищахъ) и директоровъ народныхъ училищъ (при городскихъ по положенію 1872 г. училищахъ) и нѣкоторыя другія требованія представляютъ собою совершенно очевидный анахронизмъ.

б) Другимъ источникомъ духовнаго развитія народнаго учителя являются ихъ съѣзды.

Задача съѣздовъ сводится главнымъ образомъ къ тому, чтобы совмѣстно обсуждать нужды и недостатки общаго дѣла между земскими дѣятелями по народному образованію и учителями земскихъ школъ; къ составленію докладовъ на съѣздъ, которые дѣлають необходимымъ знакомство съ педагогической литературой и, наконецъ, къ возможности ознакомиться съ разными взглядами на предметъ преподаванія, на задачи обученія, на приемы веденія школьнаго дѣла въ его цѣломъ и частяхъ, столь важнаго не только для учителей, но и для веденія денежнаго хозяйства самихъ земствъ.

Въ началѣ 80-хъ годовъ съѣзды учителей, несмотря на свою кратковременность, доказали огромную ихъ пользу. Потомъ получить разрѣшеніе на такіе съѣзды представляло собой дѣло все болѣе и болѣе трудное, съ августа 1901 г., на точномъ основаніи временныхъ правилъ, за двухлѣтній періодъ состоялось во всей Россіи (включая и Сибирь) 17 съѣздовъ; зато въ отчетахъ губернскихъ управъ ны подъ рубриками: *отклоненныя ходатайства* губернскаго земства, *возбужденныя въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, или ходатайства, оставленныя безъ отвѣта*, все чаще и чаще встрѣчаемъ нижеслѣдующія, или имъ аналогичныя: объ организаціи всероссійскаго съѣзда изъ представителей всѣхъ учреждений, вѣдающихъ начальное обученіе, по вопросу о смѣтахъ къ осуществленію всеобщаго обученія, о разрѣшеніи губернскому земству въ г. N. областного съѣзда дѣятелей по народному образованію и пр., и пр., и пр.

Въ концѣ-концовъ, учитель оказался оторваннымъ отъ своихъ товарищей по дѣлу; ему негдѣ и не съ кѣмъ было подѣлиться своими знаніями, не отъ кого было узнать—на правильной ли дорогѣ стоитъ онъ въ своей работѣ, туда ли идетъ? Ему не съ кѣмъ даже обмѣняться своими думами, сомнѣніями, своими планами о дѣлѣ, которому онъ служить. Часто онъ, окруженный людьми, былъ совершенно одинокимъ какъ въ пустынѣ: его окружають сотскіе, десятскіе, волостные писаря, съ враждебнымъ чувствомъ относящіеся къ человѣку, который не видитъ удовольствія въ томъ, въ тѣмъ они его видятъ, и вслѣдствіе этого держашагося въ сторонѣ и особнякомъ. Надъ нимъ виситъ вѣчно угроза сыска и доноса, за нимъ наблюдаютъ десятки глазъ невѣжественныхъ, тулыхъ и озлобленныхъ собственными незадачами и неустройствомъ.

с) Наконецъ, слѣдующимъ источникомъ духовнаго просвѣщенія народнаго учителя являются *учительскіе курсы*.

До послѣдняго времени курсы эти могли устраиваться лишь «на точномъ основаніи правилъ о таковыхъ 5 августа 1875 г.», то-есть педаго-

гическіе, а не общеобразовательныя. Ихъ несоотвѣтствіе современнымъ требованіямъ вытекаетъ прежде всего изъ того факта, что учителями народной школы категорически заявлялось о ихъ настойчивомъ желаніи получить *общеобразовательныя свидѣнія*, которыхъ они хотятъ и въ которыхъ нуждаются, а не методологическія и педагогическія указанія, такъ какъ, во-первыхъ, указанія эти дѣлаются на основаніи такого матеріала, и въ такихъ условіяхъ, которыми пользоваться въ сельскихъ школахъ по многуму множеству причинъ невозможно, и, такъ какъ, во-вторыхъ, на этихъ педагогическихъ курсахъ даются указанія людямъ недостаточно знакомыми съ условіями работы народнаго учителя. И это въ значительной мѣрѣ справедливо: надо быть народнымъ учителемъ, чтобы знать, въ какихъ тискахъ и въ какихъ нищенскихъ условіяхъ поставлена его дѣятельность, чтобы говорить о ней по праву.

Хорошо если такимъ руководителемъ курсовъ являлся талантливый человекъ, способный вдохнуть живую мысль въ сухое дѣло методики предмета; но когда такими просвѣтителями являлись «свои» «мѣстные» «педагоги» такъ часто выходило изъ рукъ вонъ плохо *).

А между тѣмъ правилами 5 августа 1875 г. педагогическіе курсы не только допускаются, но поощряются и покровительствуются; общеобразовательныя же курсы не допускаются, то-есть не допускается какъ разъ то, въ чемъ существуетъ величайшая потребность.

Губернскія земства поэтому, съ конца 90-хъ годовъ прибѣгали къ безчисленнымъ и многообразнымъ обходамъ правилъ 75 г.; кое гдѣ это удавалось и роль учебной администраціи сводилась къ простому декоруму, но во многихъ мѣстахъ, даже послѣ того, какъ удавалось получить разрѣшеніе на курсы, между лекторами и «наблюдателями» за ходомъ занятій, на курсахъ происходили безконечныя пререканія, иногда въ высшей степени непріятныя.

Не трудно понять, разумеется, что дѣло въ такихъ условіяхъ могло идти лишь съ величайшими затрудненіями, что главную энергію и массу работы надо было направлять не на самое дѣло, по его существу, а на предолѣваніе безчисленныхъ препятствій, со стороны безчисленныхъ административныхъ рогагокъ. То не утверждались лекторы, то они утверждались, но передъ самымъ началомъ занятій отъ попечителя округа внезапно присылалось требованіе, что каждый лекторъ, по тому или другому общеобразовательному предмету, непременно давалъ нѣсколько *образцовъ*

*) Одинъ изъ такихъ мѣстныхъ просвѣтителей давалъ такія опредѣленія понятіямъ, что народные учителя открыто пронизировали надъ ними. „По вашему опредѣленію,—заявляетъ, напримѣръ, одинъ учитель на воронежскихъ курсахъ,—выходитъ, что и мышь домашнее животное“. Да, ни мало не смущаясь отвѣтствуетъ просвѣтитель: „мышь домашнее животное“. Хорошо бы поручить этому руководителю собрать свидѣнія о числѣ домашнихъ животныхъ въ русской деревнѣ; то бы увидѣлся міръ, ознакомившись съ такимъ колоссальнымъ богатствомъ страны; однимъ тараканами да клопами онъ оставилъ бы за собой весь гнилой Западъ.

уроковъ въ школѣ, которыхъ профессоръ-лекторъ по общеобразовательнымъ предметамъ въ жизни своей никогда не давалъ; требованія эти обыкновенно сопровождалась ультиматумомъ: «а буде такіе образцовые уроки даваемы не будутъ, то курсы не будутъ разрѣшены». Между тѣмъ все дѣло уже готово: лекторы приглашены, учителя народныхъ школъ получили предложеніе собраться, сдѣланы уже нѣкоторые расходы, не оставалось даже времени предупредить о томъ, что курсы состояться не могутъ. И вотъ начинаются компромиссы, гдѣ и какъ это представлялось возможнымъ, начинаются новыя недоразумѣнія.

Наблюдатели допускаютъ часть учителей слушать курсы по предметамъ педагогическаго характера, и не допускаютъ ихъ слушать предметы общеобразовательные; возникаютъ спѣшныя личныя ходатайства членовъ управы, начинаются проверки входныхъ билетовъ на курсы, появляются безъ вѣдома губернской управы, разумѣется, полицейскіе чины и пр. и пр. и проч. Это по отношенію къ слушателямъ. По отношенію къ лекторамъ, кромѣ общей цензуры по округу, и по министерству, къ нему начинается рядъ притязаній со стороны наблюдающей учебной администраціи: одни требуютъ составленія конспекта лекцій «для облегченія слушателей»; такіе же конспекты обязываются вести слушатели. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «для устраненія недоразумѣній» примѣнялся, напримѣръ, такой порядокъ въ веденіи дѣла. Наблюдатель за курсами устраиваетъ чтенія по общеобразовательнымъ предметамъ такъ, что приглашенные лекторы съѣзжаются въ разное время другъ за другомъ, а приглашенные на цѣлый мѣсяцъ изъ «своихъ мѣстныхъ» силъ учителя русскаго языка и математики были всегда на-лицо. Такимъ образомъ для сужденія о «текущихъ дѣлахъ» устанавливался «товарищескій кружокъ», въ которомъ лекторы общеобразовательныхъ предметовъ всегда оказывались одинъ противъ трехъ по всемъ вопросамъ о текущихъ дѣлахъ.

Мнѣ пришлось принимать участіе въ общеобразовательныхъ курсахъ съ самаго ихъ возникновенія. Никогда не забуду этой аудиторіи, той жажды знанія, того удивительнаго терпѣнія, той выносливости, которая впадалась отъ слушателей въ числѣ чуть ли не 700 челов. наполнявшихъ полную залу въ жаркій июньскій день. Помню такія курсы въ Тулѣ, въ Вяткѣ, Курскѣ и др. мѣстахъ: всѣ они оставили во мнѣ и въ товарищескихъ-лекторахъ однородныя воспоминанія; мы учили аудиторію, а аудиторія учила насъ тому, что въ курсахъ этихъ являлось самымъ дорогимъ и цѣннымъ; той жаждѣ къ знанію, той любви къ нему, о которой говорила вся совокупность того, что являли собой общеобразовательные земскіе курсы, которые—увы! за послѣдніе два года вовсе не разрѣшались или разрѣшенія получались тогда, когда фактически открыты курсы становилось невозможнымъ. Курское земство, имѣя въ виду это послѣднее обстоятельство, въ прошломъ году перенесло было открытіе ихъ съ іюня на августъ, но въ августѣ я получалъ извѣщеніе, что курсы по независимымъ отъ земства обстоятельствамъ состояться не могутъ.

А за границей уже давно существуют и пользуются тамъ большіе успѣхомъ народныя университеты. Въ нихъ читаются курсы по предметамъ и точнаго знанія и общественныхъ наукъ. Слушателями народныхъ университетовъ могутъ быть всѣ желающіе, главнымъ контингентомъ во многихъ мѣстахъ составляютъ рабочіе мастерскихъ и фабрикъ. Въ 1904 году въ Парижѣ, напримѣръ, было 24 народныхъ университета, во Франціи ихъ болѣе 100. Нарождаются, наконецъ, народныя университеты и у насъ въ Россіи.

IV.

Поставленный въ такія условія въ своей духовной жизни, отрѣзанный отъ міра, обрѣзанный въ самыхъ насущныхъ нуждахъ своей профессиональной дѣятельности, *учитель народной школы былъ обрѣзанъ и въ своемъ правовомъ положеніи*, за предѣлы совершенно неизвѣстныя не только въ Америкѣ, но и въ западно-европейскихъ государствахъ.

Достаточно будетъ сказать для подтвержденія этого, что 26 февраля 1903 г. Государь Императоръ преподавалъ министерству народнаго просвѣщенія указанія, чтобы оно приняло подлежащія мѣры къ огражденію народныхъ учителей отъ *тяжелыхъ нравственныхъ и бытовыхъ условий, которыя ставятъ въ безпомощное положеніе беззащитныхъ труженниковъ*.

Вы понимаете, конечно, что должно было произойти много несправедливости, что народный учитель долженъ былъ пережить много тяжелыхъ обидъ и горькаго горя, чтобы это его горе могло дойти до высоты престола. Оно дошло туда однако. Посыпались обычные циркуляры министерскихъ и иныхъ канцелярій, указаній, разъясненій, требованій, — а дѣло измѣнилось мало.

Земскій начальникъ продолжалъ переводить учителей изъ одной хорошей школы въ другую худшую, за то, что имъ былъ недоволенъ сотскій или его помощникъ; были и такіе, которые увольняли учительницъ за предосудительный политическій образъ мыслей, причемъ слѣдствіе обнаруживало, что обвиненіе это ни на чемъ не было основано; были какъ мы знаемъ, и священники, которые не останавливались передъ завѣдомо ложными доносами, были, наконецъ, и волостные писаря, которые считали себя хозяевами школы. Вмѣшательство всѣхъ этихъ лицъ ограничивалось не однимъ только хозяйственнымъ порядкомъ веденія школьнаго дѣла, и распоряженіями, вродѣ того, напримѣръ, что сельскій староста с. Голыцына, по своему усмотрѣнію, помѣстилъ мѣстнаго земско-общественнаго стражника въ квартиру школьнаго учителя, но даже въ область обученія дѣтей и самообученія учителя: подвергались этимъ компетентными цензорами осмотру учебники и книги для чтенія, которыя и конфисковались въ случаяхъ «сумленія». Даже частная жизнь народнаго учителя состоитъ подъ надзоромъ и воздѣйствіемъ такихъ соглядатаевъ, какъ пьяный отси- вной писарь.

Да и какъ могло быть иначе, когда *непосредственное* начальство на каждомъ шагѣ, и разными путями, систематически выражало учителю свое недовѣріе. Его трудъ регламентировался до мелочей, отъ него требовали обученія только грамотѣ и счету, да и то по подробно составленнымъ инструкціямъ и разъясненіямъ и проч. и проч.; ему не разрѣшали учебниковъ, кромѣ точно предписанныхъ, составленныхъ по шаблону съ нравственной тенденціей старыхъ букварей, вродѣ извѣстнаго наставленія: «чисти зубы, а то мужикомъ назовутъ».

Какъ могло быть иначе при такихъ условіяхъ, и что же мудренаго, что мы нѣтъ-нѣтъ да и узнаемъ, какъ въ теченіе 10 лѣтъ въ той или другой школѣ перебивало десятки учителей, потому что «блюститель» школы былъ человѣкомъ «взыскательнымъ» и однажды ставъ недовольнымъ, принимался учителя «выживать» не стѣсняясь приѣмами. Если не помогало «выжораживаніе», то начиналось лишеніе ключей отъ шкапа съ книгами, или устраиваніе черезъ волостного старшину крестьянскихъ приговоровъ объ удаленіи и т. п. Одинъ такой взыскательный хозяинъ школы—блюститель внезапно прекратилъ свою взыскательность... выдавъ замужъ за учителя свою «воспитанницу», какъ это было въ свое время отмѣчено въ печати.

Впрочемъ, одинъ уже тотъ фактъ, что земства находили себя вынужденными ходатайствовать объ изыятіи народныхъ учителей изъ вѣдѣнія волостныхъ судовъ,—лучше чѣмъ что-либо другое показываетъ правовое положеніе народнаго учителя.

Этотъ порядокъ вещей, какъ видите, безконечно далеко не только отъ того авторитетнаго и въ значительной степени самостоятельнаго положенія учителя германской народной школы, но даже и отъ положенія французскихъ учителей временъ Наполеона III, который поставилъ ихъ подъ надзоръ губернаторовъ, опредѣлявшихъ степень пригодности къ преподаванію степенью благонадежности: тамъ цензоромъ все же были не урядники и земскіе начальники.

У.

Остается послѣдній по очереди, но не по важности вопросъ: *вопросъ о денежныхъ средствахъ народной школы.*

Источникомъ денежныхъ средствъ для содержанія школы Западной Европы являются:

- 1) Народная масса,—непосредственно оплачивающая стоимость своихъ школъ.
- 2) Городскія и земскія организаціи.
- 3) Правительство.

Въ Германіи (собственно въ Пруссіи) дѣло началось съ того, что учителя, получивъ отъ правительства (еще при Фридрихѣ Великомъ) земельные надѣлы, были предоставлены полному произволу помѣщиковъ, которые, ограничивъ свое участіе надзоромъ и властью распоряженія,—со-

держаніе школы взвалили на плечи крестьянъ; они должны были платить съ каждаго ученика по 3 коп. сер. въ недѣлю.

Интересно, что, несмотря на послѣдовавшее въ 1794 г. предписаніе освободить учащихся отъ платы за посѣщеніе школы, несмотря на повторительное запрещеніе взимать эту плату въ 1850 году, — установившійся порядокъ вещей остался не измѣннымъ. Болѣе того: само правительство, въ концѣ-концовъ, должно было его узаконить, и въ 1852 г. циркуляромъ министра Н. П. «пояснило», что школьная плата не только можетъ быть сохранена, но, по усмотрѣнію, можетъ быть и повышена: жизнь оказалась сильнѣе предписаній и узаконеній.

«Центральное правительство, даже самодержавное, — говоритъ по этому поводу кн. Васильчиковъ, — всегда оказывается бессильнымъ противъ прусскихъ политическихъ и сословныхъ партій, когда оно не опирается на мѣстныхъ земскія или общественныя учрежденія».

Указанныхъ источниковъ для содержанія школъ очевидно было недостаточно, вслѣдствіе чего къ школьной платѣ былъ присоединенъ еще такъ называемый училищный сборъ, къ которому были привлечены всѣ отцы семействъ крестьянскаго сословія *).

Участіе въ расходахъ правительства юридически было широкимъ, такъ какъ по основнымъ законамъ Пруссіи полагалось: принимать за счетъ государства пополненіе всего, чего не будетъ доставать для содержанія школъ за израсходованіемъ школьной платы и училищнаго сбора.

Фактически, однако, расходы правительства были ничтожными, такъ какъ собственники, освобожденныхъ отъ платы за ученіе общиннаго сбора—15,000 вотчинъ, — были очень мало заинтересованы въ расходахъ правительства на народное просвѣщеніе и употребляли всѣ средства, чтобы парализовать «либеральныя обѣщанія верховной власти». Вслѣдствіе чего съ 1794 года, когда впервые было высказано обѣщаніе субсидій, государственная помощь въ теченіе *восемидесяти лѣтъ* достигла лишь до 200,000 р. въ годъ, что составляло 6—7 р. на школу.

Такимъ образомъ содержаніе народныхъ школъ въ Германіи представляеть собою дѣло тѣхъ, кому онѣ призваны служить. Пруссія, — говоритъ кн. Васильчиковъ, — достигла наивысшихъ успѣховъ съ наименьшими пожертвованіями государственныхъ и дворянскихъ интересовъ. Этимъ она и выслужила громкую славу, которой и пользуется во всей Европѣ.

Другой вопросъ, разумѣется: справедливо ли такое обремененіе низшихъ классовъ народа и безъ того обремененныхъ свыше мѣры, при скудости ихъ заработковъ? Отрицательное рѣшеніе вопроса едва ли можетъ оспариваться.

Совершенно иную картину и иной способъ рѣшенія задачи мы видимъ въ Америкѣ.

*) Удѣльными и дворянскіи имѣнія (до 15,000 вотчинъ) были освобождены отъ платы: закономъ 31 марта 1831 г., которымъ предписывалось отменить всякія пособия, взимаемая съ дворянскихъ и удѣльныхъ помѣстій, на такіе предметы расходовъ, которые не относятся къ ихъ нуждамъ и пользамъ.

Тамъ, какъ правило, установленъ слѣдующій порядокъ вещей: мѣстные жители обязываются при устройствѣ школы ассигновать на нее извѣстный минимумъ, необходимый для такого устройства; всѣ же дальнѣйшія издержки *принимаетъ на себя правительство*. Такимъ образомъ обученіе народа въ Америкѣ является фактически бесплатнымъ.

Училищные расходы тамъ покрываются изъ трехъ источниковъ: общаго государственнаго фонда, изъ доходовъ государственныхъ имуществъ, приписанныхъ къ школамъ, и изъ общественныхъ сборовъ, причемъ послѣдніе не обязательны;—и лишь въ томъ случаѣ, если общество ничего не даетъ на школы, то оно не получаетъ ничего и отъ правительства.

Государственные имущества составляютъ неприкосновенный фондъ народныхъ школъ, и состоятъ отчасти изъ земель, частью изъ денежныхъ капиталовъ, образовавшихся отъ продажи земель. Америка, богатая порожними, незанятыми землями, выдѣлила изъ нихъ громадныя удѣлы для обеспеченнаго и прочнаго существованія народныхъ школъ. Все количество земли, приписанное къ американскимъ школамъ въ видѣ неприкосновеннаго школьнаго фонда, по указанію кн. Васильчикова, составляетъ 22.000,000 десятинъ.

Не буду говорить о положеніи этого дѣла въ европейскихъ государствахъ: одни изъ нихъ, какъ Франція, напримѣръ, приближаются къ Пруссіи, то-есть главнымъ источникомъ школьныхъ доходовъ служатъ общественныя или земскіе сборы, другіе, какъ Англія, приближаются къ Америкѣ, то-есть имѣютъ этимъ источникомъ доходы государственныя.

Говоря же вообще, мы можемъ сказать о нихъ, словами французскаго публициста Лавеле, котораго цитируетъ кн. Васильчиковъ въ своей книгѣ «О самоуправленіи» и который пишетъ:

«Въ Европѣ, гдѣ преобладаютъ аристократическіе интересы, государства прежде всего озаботились устроить со всевозможнымъ благодѣіемъ высшія и среднія техническія и классическія учебныя заведенія, гдѣ на казенный счетъ воспитываются дѣти дворянъ и буржуазіи; начальное же образованіе простаго народа было искони предоставлено милости частныхъ благодѣтелей, благотворительности церквей и монастырей и самодѣятельности, то-есть самообложенію сельскихъ и городскихъ обществъ. Въ Америкѣ, наоборотъ, элементарное обученіе, какъ насущная пища, необходимая для всѣхъ сословій, дается бесплатно всѣмъ и каждому на общій государственный счетъ; напротивъ среднія и высшія учебныя заведенія устраиваются частными лицами и религіозными обществами и содержатся преимущественно своекошными студентами, обложенными высокою платой за обученіе.

Что касается до Россіи, то за періодъ сорокалѣтняго завѣдыванія народными школами земствомъ издержки покрывались—въ размѣрѣ (приблизительно разумѣется) 75%.—самими земствами; около 20%.—несли сельскія общества; остальное падало на пожертвованія и другіе источники. Правительство собственно дало на содержаніе школъ 0,2%.

Въ этомъ отношеніи Россія приближается къ Пруссіи, отъ которой

однако существенно отличается тѣмъ, что въ ней еще въ 1858 г. на 18 мил. жителей приходилось 2.619,000 учащихся (то-есть 145 ч. на 1,000 жителей), тогда какъ въ Россіи полвѣка спустя, въ годъ сорокалѣтія земской дѣятельности, т.-е. въ 1904 г.—на 150 мил. жителей приходилось 1.500,000 учащихся (то-есть 10 учениковъ на 1,000 жителей).

Объясняется это разумѣется не малой отзывчивостью общества на запросы духовной жизни народа, и не недостаточно энергичной дѣятельностью земства, а условіями, лежащими въ самой жизни народной школы. Обездоленный и въ духовномъ, и въ матеріальномъ, и въ правовомъ отношеніи учитель обязывался преподавать въ ней грамоту и счетъ, а циркулярныя распоряженія систематически стремились превратить народную школу въ особое специальное учрежденіе, которое обслуживало бы не государство, какъ таковое, а какую-то чуждую государственнымъ интересамъ массу людей, именуемую «низшимъ сословіемъ». Программа народной школы должна была удовлетворять нуждамъ этого сословія не такими, какими нужды эти представлялись самому этому сословію, и той части населенія, которая понимаетъ, что ея собственное благосостояніе зависитъ отъ просвѣщенія этого «низшаго сословія», а такими, какими интересы эти представлялись канцеляріямъ министерства народнаго просвѣщенія.

VI.

Изъ бѣлаго очерка народнаго просвѣщенія, который ясно представляетъ, становится совершенно понятными—*desiderata* конституціонно-демократической партіи, въ этой части ея программы.

Партія эта прежде всего полагаетъ, что народная школа должна быть *мѣстомъ всеобщаго бесплатнаго обученія*.

По этому пункту мы существенно расходимся съ партіей торгово-промышленной.

Въ программѣ последней мы читаемъ: многія программы говорятъ объ обязательности первоначальнаго обученія, другія прибавляютъ и о бесплатности. Желанія вполнѣ хорошія, но *объщанія безусловно невыполнимыя* теперь и *нескоро* еще настанетъ то время, когда ихъ выполнить будетъ возможно. Въ Россіи всего только 28% грамотнаго населенія и 72% неграмотныхъ. Надо сообразить только то количество школъ, то количество средствъ, которыя для этого нужны; для выполненія обязательнаго всеобщаго обученія у насъ не найдется теперь и учителей, которыхъ надо тоже приготовить. Поэтому мы поставили въ своей программѣ только стремленіе къ общедоступности первоначальнаго обученія.

Такимъ образомъ, торгово-промышленная партія считаетъ всеобщее обязательное и бесплатное обученіе невыполнимымъ.

Почему же?

Потому, прежде всего, что у насъ 72% безграмотныхъ, нѣтъ денегъ и нѣтъ учителей.

Я не сталъ бы останавливаться на соображеніяхъ партіи о нежела-

тельности обязательнаго и бесплатнаго обученія въ народныхъ школахъ вообще, если бы этого мнѣнія не держался такой свѣдующій и серьезный мыслитель, какимъ является кн. Васильчиковъ.

Указавъ на то, что въ Англіи и Америкѣ обязательнаго ученія нѣтъ, онъ говоритъ: «въ то время, какъ въ Англіи и въ Америкѣ о школахъ еще не было рѣчи, прусская школа была уже прочно организованной. Англичане и американцы поѣхали изучать ее, но прусскихъ порядковъ, однако, у себя не водворили. И опытъ показалъ, что свободолюбивые народы не ошиблись, потому что они въ 20 лѣтъ сдѣлали то, надъ чѣмъ пруссаки трудились почти столѣтіе».

Мнѣ эти соображенія убѣдительными не представляются, и вотъ почему.

Нельзя требовать успѣшнаго развитія школьнаго дѣла въ странѣ, въ которой этому развитію ставятся безчисленныя преграды со стороны ея политическаго строя. Въ то время, когда Америка и Англія принялись за организацию школы, у нихъ уже былъ политическій строй, открывающій для развитія школы самыя широкія возможности, тогда какъ въ Пруссіи царилъ феодализмъ, у котораго школа должна была себѣ отвоевывать каждый шагъ, и война эта, разумѣется, ни къ чему бы не привела, если бы прусская школа вздумала идти тѣмъ путемъ, которымъ шла американская, она потерпѣла бы полное крушеніе. Я полагаю поэтому, что ссылка на фактъ процвѣтанія школы въ Америкѣ, какъ на аргументъ, свидѣтельствующій о превосходствѣ свободнаго обученія надъ принудительнымъ, — плохой аргументъ.

Прогрессивность въ развитіи школы—есть слѣдствіе многихъ факторовъ, другъ съ другомъ неразрывно связанныхъ. Она зависитъ отъ развитія личности въ странѣ, которая въ свою очередь зависитъ отъ уровня развитія земскихъ силъ вообще, а эти послѣднія отъ возможности ихъ разумнаго приложенія, т.-е. отъ политическаго строя страны. Совокупностью всѣхъ этихъ факторовъ обуславливается благосостояніе народа; благоприятны они—благосостояніе это быстро растетъ; нѣтъ—отсутствуетъ и благосостояніе, или увеличивается съ чрезвычайною медленностью. Народная школа въ цѣпи этихъ факторовъ является только звеномъ, котораго выдѣлить невозможно; невозможно поэтому, указывая на состояніе школы въ той или другой странѣ, утверждать, что состояніе это есть слѣдствіе такого-то, а не иного ея устройства, независимо отъ того, что собою представляютъ другіе факторы. Нельзя сравнивать принципиальнаго значенія принудительности и свободы обученія въ народной школѣ путемъ сопоставленія успѣшности школьнаго дѣла двухъ странъ, изъ которыхъ одна свободна, а другая не свободна, одна, вслѣдствіе этого, сдѣлалась богатой и грамотной, а другая осталась бѣдной и, какъ Россія, безграмотной,—ибо отъ бѣдныхъ и безграмотныхъ нельзя требовать истиннаго пониманія своей пользы и пользы своихъ дѣтей.

Но спрашиваютъ насъ тѣ, которые стоятъ отъ насъ вправо: гдѣ же

средства для такого обязательнаго, да еще бесплатнаго обученія, ибо при обязательности оно, конечно, можетъ быть только бесплатнымъ? Но этотъ вопросъ еще Шелгуновъ въ своей статьѣ «Земское самоуправленіе и школа» четверть вѣка тому назадъ отвѣтилъ такъ: «О, проникательный читатель! если въ странѣ осуществлены основные успѣхи въ развитіи школы, — то деньги явятся. Прежде всего нужно понять и пожелать, потому что понять и пожелать значитъ создать и средства. Въ Англии до пробужденія общаго сознанія не давалось отъ правительства ни копѣйки; теперь же субсидіи составляютъ болѣе 6 милліоновъ ежегодно, а между тѣмъ казна не стала бѣднѣе и не сократились ея другіе расходы. Съ новымъ желаніемъ, переходящимъ въ потребность, являются и новые источники для ея удовлетворенія. Этотъ законъ не нами выдуманъ. Поэтому не говорите, что вы не находите средствъ: скажите лучше, что вы не понимаете».

Такъ писалъ Шелгуновъ слишкомъ 25 лѣтъ тому назадъ. Дальнѣйшія историческія событія какъ нельзя лучше подтвердили справедливость его мысли; Америка въ настоящее время тратитъ на народное образованіе *четвертую часть* своего колоссальнаго государственнаго бюджета, и 23% всего его народонаселенія находятся въ школахъ!

У насъ министерство народнаго просвѣщенія, уступая общественному мнѣнію, выработало, наконецъ, и свой проектъ всеобщаго обученія, по которому вопросъ о томъ, быть или не быть такому обученію въ *данной мѣстности* (уѣздѣ) ставится въ зависимость отъ желанія самаго населенія: пожелаетъ оно ввести не только всеобщее, но и обязательное обученіе, таковое будетъ, а не пожелаетъ — таковое и не будетъ введено.

Это, разумѣется, большой шагъ впередъ, но даже теоретически разсуждая, это только полумѣра, значеніе которой сполна будетъ зависѣть отъ того, поскольку другія условія жизни школы будутъ отвѣчать требованіямъ нормальныхъ условій ея дѣятельности.

2. Далѣе конституціонно-демократическая партія полагаетъ, что народная школа должна обслуживать потребности не стоящей въ сторонѣ отъ государственной жизни народной массы, съ какими-то особыми, ей одной присущими потребностями, со своей особой, для нея одной пригодной программой, обособляющей ее отъ всѣхъ другихъ образовательныхъ учреждений Имперіи; народная школа должна служить *всѣмъ*, независимо отъ пола, происхожденія и религіи; служить такъ, чтобы окончившіе въ ней курсъ ученики безъ всякихъ стѣсненій могли поступать въ слѣдующій разрядъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній среднихъ и высшихъ. Въ этомъ пунктѣ у насъ новое и на этотъ разъ еще большее разногласіе съ программой торгово-промышленной партіи.

Послѣдняя заявляетъ: «Мы не говоримъ о программахъ въ среднихъ и высшихъ школахъ, потому что подобные вопросы должны быть рѣшены въ Государственной Думѣ по серьезномъ ихъ разсмотрѣніи, а голосъ партіи въ такихъ специальныхъ вопросахъ имѣетъ мало вѣса».

Это такъ, но дѣло-то вовсе не въ деталяхъ программы, въ обсужденіи которыхъ и въ Государственной Думѣ будутъ принимать участіе не всѣ, а лишь болѣе или менѣе близко знакомые съ дѣломъ обученія, а въ томъ: какими должны быть эти программы, чтобы сдѣлать образованіе разныхъ школъ *преимущественнымъ*.

Торгово-промышленная партія умышленно обходитъ этотъ важный вопросъ; я говорю умышленно, ибо ни минуты не могу допустить, чтобы это умалчиваніе было слѣдствіемъ непониманія предмета. Да и какъ не понять, что дѣло партій выяснять не детали программы, а намѣтить тотъ ихъ характеръ, который имѣетъ государственное значеніе. А таковымъ, прежде всего, является созданіе такихъ программъ разныхъ степеней школъ, которыя ставили бы ихъ по отношенію другъ къ другу въ непрерывную связь и возможную преемственность, чтобы каждый, начавъ курсъ общеобразовательнаго характера въ низшей школѣ, могъ затѣмъ переходить въ среднюю и высшую.

Проектируемое министерствомъ народн. просвѣщ. положеніе о начальныхъ училищахъ подвинуло рѣшеніе задачи впередъ, но и по этому пункту завершеніе дѣла еще впереди.

3. Каждая національность должна имѣть право устраиать собственныя школы съ преподаваніемъ въ нихъ на родномъ языкѣ.

4. Народная школа должна находиться въ завѣдываніи представителей мѣстнаго самоуправленія (земствъ и городовъ) и представителей народныхъ учителей, данной окружной единицы, избранныхъ для этого своими товарищами.

5. Народный учитель долженъ быть:

а) обезпеченъ матеріально въ такой мѣрѣ, чтобы имѣть возможность покойно выполнять лежащій на немъ долгъ;

б) онъ долженъ быть закономъ гарантированъ отъ всякаго вѣдательства въ его дѣятельность всѣхъ лицъ, къ непосредственному завѣдыванію народными школами данной окружной единицы не относящихся;

в) ему должно быть предоставлено свободное пользованіе всеми средствами своего духовнаго развитія: рационально поставленными учительскими библіотеками, правомъ собраній, съѣздовъ и союзовъ; широкимъ правомъ пользованія общеобразовательными и иными курсами.

Въ осуществленіи этого права конституціонно-демократическая партія видитъ естественное право людей, занятыхъ однимъ дѣломъ, преслѣдующихъ одну задачу. Болѣе того: мы видимъ въ такомъ общеніи и свидѣтельство внутренняго интереса къ дѣлу и залогъ къ его процвѣтанію.

6. Программы курсовъ народной школы, ихъ объемъ, порядокъ изученія предметовъ, число лѣтъ обученія и проч. устанавливаются всероссійскими съѣздами делегатовъ отъ народныхъ учителей и завѣдующихъ этимъ дѣломъ органовъ самоуправленія на шесть лѣтъ.

В. В.—ръ.

Потребительныя общества въ Россіи и условія существованія коопераціи вообще.

I.

Первыя потребительныя общества въ Россіи начали возникать въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, куда раньше всего проникли свѣдѣнія объ успѣхахъ германскихъ и англійскихъ потребительныхъ обществъ. Въ 1865 году былъ учрежденъ рижскій «Consum Verein», а за Ригой послѣдовалъ и Ревель. Затѣмъ слѣдуетъ учрежденіе потребительныхъ обществъ въ С.-Петербургѣ, Дерптѣ, Псковѣ, Харьковѣ и Перновѣ (Лифляндской губ.), Митавѣ, Курскѣ, Одессѣ и Либавѣ *). Болѣе точныя данныя о времени возникновенія имѣются только относительно петербургскаго «Бережливости» и харьковскаго обществъ, а именно уставъ перваго былъ утвержденъ въ іюнь, а втораго—въ октябрѣ 1866 года **). Всѣ эти общества давно уже не существуютъ. Большинство ихъ оказалось насажденными безъ всякой подготовки, нѣсколько преждевременно, притомъ типъ насаждаемыхъ потребительныхъ обществъ былъ несовершененъ и разнохарактеренъ. Въ то время и на Западѣ еще не вполнѣ господствовалъ родѣльскій типъ потребительныхъ обществъ, такъ что, напримѣръ, въ Германіи можно было часто встрѣтить потребительныя общества, построенныя скорѣе на капиталистическихъ, чѣмъ на кооперативныхъ началахъ. «Но самое большое и безпорядочное смѣшеніе всѣхъ этихъ началъ, — говоритъ Н. Зиберъ, первый знатокъ Маркса и вмѣстѣ съ тѣмъ теоретикъ потребительныхъ обществъ,—мы находимъ въ Россіи. Изъ равнообразной мозаики уставовъ русскихъ обществъ выступаютъ довольно характерно только два, неблагоприятныя для расширенія ихъ операций, правила: устраненіе стороннихъ покупателей отъ участія въ выгодахъ предпріятія и назначеніе низкихъ продажныхъ цѣнъ. Такое важное нарушеніе теоретическаго требованія и повсемѣстно оправданной практикою мѣры заставляетъ желать новыхъ

*) Н. Баллигъ: „Первая памятная книжка русскихъ потребительныхъ обществъ“. Петербургъ, 1870 г., стр. 46—47.

***) Н. Зиберъ: „Потребительныя общества“. Кіевъ, 1869 г., стр. 74.

обществамъ побольше подражанія своему прототипу рочдальскому обществу, а также побольше единства и согласія въ дѣлѣ ихъ дальнѣйшаго устройства и совершенствованія *). Естественно, что всѣ первоначальныя общества погибли, причемъ дѣла однихъ сразу пошли плохо, а другія, такъ, напримѣръ, петербургское «Бережливость» и харьковское вначалѣ функционировали недурно **), дѣла же ухудшились и повели къ гибели обществъ только впоследствии. Изъ всѣхъ основанныхъ въ серединѣ и концѣ 60-хъ годовъ потребительныхъ обществъ уцѣлѣло, и до сихъ поръ процвѣтаетъ потребительное общество Быновскаго завода, Пермской губерніи (1866 г.), «Меркурій», учрежденный въ Варшавѣ въ 1869 году, а третьимъ по старшинству является Усольское общество въ Пермской губерніи, открытое въ 1870 году.

Возникновеніе этихъ обществъ, говоритъ проф. Озеровъ, обусловливалось исключительно идейнымъ увлеченіемъ, лучше сказать, модой, что, конечно, рѣшительно недостаточно для успѣха. Иногда даже, быть можетъ, къ этому идейному, безкорыстному увлеченію примѣшивались мотивы и не столь чистые: быть членомъ общества было даже небезвыгодно, такъ какъ этимъ путемъ пріобрѣтались знакомства, связи. Итакъ, общества этой категоріи не вытекали изъ потребностей жизни, они не имѣли въ своей основѣ необходимаго стимула — нужды, для нихъ членовъ-учредителей нечувствительна была эксплоатація со стороны торговцевъ, и результатъ всего этого ясенъ: общества прозябали. Это прозябаніе выражалось въ такихъ нежелательныхъ явленіяхъ: члены брали пан, заявляя, что покупать, все равно, они не будутъ, имѣя къ своимъ услугамъ множество колоніальныхъ магазиновъ и не стѣсняясь въ средствахъ, они въ потребительной лавкѣ дѣйствительно не покупали, общихъ собраній не посѣщали, а такъ какъ между членами были нерѣдко и богатые люди, то свои лавки они наполняли предметами не первыхъ потребностей; во многихъ лавкахъ не было чернаго хлѣба, зато были швейцарскія груши, дорогія кондитерскія печенья и т. п.: этихъ предметовъ они сами, впрочемъ, или не покупали, или если и покупали, то въ весьма ограниченномъ количествѣ, а людямъ бѣднымъ предметы роскоши были ненужны, товары портятся, и ихъ то и дѣло приходилось выбрасывать. Обладая лишь платоническимъ желаніемъ устроить хорошее дѣло, они не хотѣли учиться веденію его, а дѣйствовали, какъ Богъ на душу положить, закупили изъ третьихъ и четвертыхъ рукъ, притомъ такими партіями, что товаръ залеживался, или распорядители затрачивали чуть ли не свыше половины всего оборотнаго капитала на покупку одного какого-нибудь продукта, такъ что другихъ товаровъ и покупать было не на что. Позволяя себѣ такія вольности въ расходованіи суммъ, члены, разумѣется, были далеки отъ мысли

*) Ibid., стр. 104—105.

***) Н. Н. Зиберъ долго останавливается на нихъ и находитъ, что они идутъ очень хорошо.

учитывать эти свои прихоти минутной фантазии, и отчетность была скорее мечтой о контролѣ, не богѣе. О расширеніи общества путемъ нѣкоторой демократизаціи его вовсе не заботятся; такъ, въ одно петербургское общество настоятельно просились артели рабочихъ, но общество наотрѣзъ имъ отказало въ томъ. Высокіе паче также служатъ своего рода плотниной противъ развитія въ обществѣ демократическихъ тенденцій: немногіе въ состояніи заплатить 30—50 р., вслѣдствіе чего участіе въ потребительномъ обществѣ становится удѣломъ лишь немногихъ зажиточныхъ лицъ. На управленіе лавкой тратятся большія суммы, въ отчетахъ управленіе характеризуется словами: «болѣе чѣмъ роскошно».

Въ такомъ положеніи находились потребительныя общества вплоть до 1897 года, т.-е. до изданія нормальнаго устава, нѣсколько облегчающаго и ускоряющаго ихъ учрежденіе. Увеличеніе числа учреждаемыхъ ежегодно обществъ отчасти обязано тому же уставу. Достаточно сказать, что съ 1866 до 1888 г., т.-е. до того времени, когда уставъ вошелъ въ силу и губернаторы стали разрѣшать потребительныя общества на основаніи нормальнаго устава, не входя въ переписку съ центральной властью, министерствомъ было утверждено только 65 потребительныхъ обществъ, а съ 1888 года возникло до 700 обществъ, которыя, конечно, не всѣ продолжаютъ существовать, ибо минимумъ двадцать обществъ въ каждое пятилѣтіе прекращаютъ свои дѣйствія.

II.

Познакомившись съ временемъ возникновенія, съ характеромъ и причинами распадена потребительныхъ обществъ перваго періода**), мы приступимъ къ описанію ихъ современнаго положенія въ связи съ тѣми трудностями, которыя имъ приходится встрѣчать на своемъ тернистомъ пути.

Прежде всего, сколько въ Россіи потребительныхъ обществъ различныхъ по составу членовъ? Въ концѣ 1904 г. было всего 951 потребительныхъ общества: 181 фабрично-заводскихъ, изъ коихъ 56 пермскаго типа и 46 желѣзнодорожныхъ. Одна треть фабрично-заводскихъ потребительныхъ обществъ, дающая о себѣ свѣдѣнія, насчитываетъ около 47,000 членовъ и подписчиковъ, а одна тоже треть желѣзнодорожныхъ потребительныхъ обществъ около 54,000 членовъ и подписчиковъ.

Крупнѣйшими обществами Россіи являются: пермское желѣзнодорожное, насчитывающее около 12,000 членовъ и 2,000 подписчиковъ; путяловское—2,200 членовъ и около 12,000 постоянныхъ заборщиковъ; сорновское—2,392 члена и 7,682 подписчика; харьковское желѣзнодорожное—1,758 членовъ и 6,077 подписчиковъ.

*) И. Х. Озеровъ: „Общества потребителей“. Петербургъ, 1901, стр. 141—142.

**) Первымъ періодомъ можно назвать время до изданія нормальнаго устава.

Такимъ образомъ, въ общемъ, въ обѣихъ категоріяхъ насчитывается до 150,000 участниковъ изъ рабочаго класса, а всего въ Россіи до 300,000 (безъ семействъ) лицъ, примынающихъ къ потребительнымъ обществамъ. Сравнивая эту цифру съ данными Западной Европы, мы видимъ, что она равняется числу кооператоровъ крошечной Бельгіи. Между тѣмъ въ Россіи населенія въ двадцать разъ больше, чѣмъ въ Бельгіи.

Чѣмъ же объясняется такое слабое развитіе русскихъ потребительныхъ обществъ? Главнымъ образомъ внѣшними или точнѣе политическими причинами.

Начиная съ выясненія этихъ причинъ, задерживающихъ возникновеніе потребительныхъ обществъ, мы не будемъ говорить о томъ, что для всѣхъ ясно: о недостаточномъ развитіи капитализма, вслѣдствіе чего мѣстами не такъ ощущается необходимость экономической организаціи, нужда, между прочимъ, въ потребительныхъ обществахъ. Мы остановимся на тѣхъ причинахъ, которыя мѣшаютъ вылиться въ совершенную форму потребительской эпергіи тамъ, гдѣ она уже накопила. Этими причинами являются такъ называемыя у насъ независимыя обстоятельства. Препятствія этого рода, — говоритъ О. Бужанскій въ статьѣ «Кооперація на русской почвѣ» *) — могутъ встрѣтиться всегда и вездѣ; они не поддаются ни опредѣленію, ни учету, ихъ одинаково трудно предупредить и преодолѣть; и, что хуже всего, ихъ никогда нельзя предусмотрѣть, если не держаться того правила, что ихъ всегда и во всемъ надо предусматривать. Неопредѣленность положенія лицъ, которыя всегда должны быть готовы къ тому, что ихъ долгій и тяжелый трудъ можетъ оказаться безрезультатнымъ только потому, что неожиданно явится такое «независящее обстоятельство», часто парализуетъ всякую охоту работать въ извѣстномъ направленіи, и требуется дѣйствительно большая выдержка, чтобы при российскихъ условіяхъ довести начатое полезное дѣло до конца. Всѣ эти закрытыя общества, неразрѣшенные засѣданія, прекратившіяся чтенія, несостоявшіяся собранія постоянно напоминаютъ о той мелкой, раздражающей борьбѣ, которую обывателю приходится вести съ «независящими обстоятельствами» и въ которой такъ часто ему приходится признавать себя побѣжденнымъ. И въ настоящій моментъ, когда какъ будто должно открыться широкое поле для общественной самодѣятельности, особенно странно и тяжело слышать и читать, что этой самодѣятельности, въ самыхъ невинныхъ ея проявленіяхъ, ставятся постоянныя преграды.

Мы не будемъ долго останавливаться на примѣрахъ стѣсненія властями дѣятельности всѣхъ видовъ коопераціи въ прошломъ. Скажемъ только, что они приводятся въ книгахъ С. Прокоповича «Кооперативное движеніе въ Россіи» и Л. Крживицкаго «Потребительныя общества» **). Первый изъ

*) *Смъ Отчество*, отъ 4 мая 1905 года.

**) Последняя книга принадлежитъ перу извѣстнаго польскаго марксиста и издава въ 1903 году на польскомъ языкѣ обществомъ потребителей Варшавской жел. дороги.

двух названных авторов утверждает, например, что въ капиталистической очень развитой и культурной Польшѣ съ 1872 и до 1898 года не было разрѣшено ни одного ссудо-сберегательнаго товарищества.

Въ коренной Россіи дѣло обстоило не лучше. Когда въ 1870 году въ средѣ Харьковскаго потребительнаго общества возникла мысль созвать съѣздъ представителей потребительныхъ обществъ съ цѣлью «выработки основаній совмѣстной закупки товаровъ прямо отъ производителей и вообще... изысканія средствъ къ лучшему устройству дѣла, министерство внутреннихъ дѣлъ не разрѣшило его на томъ основаніи, что «дѣятельность для потребительныхъ обществъ разрѣшена лишь въ предѣлахъ своего города, общей связи между ними нѣтъ и не должно быть» *).

Въ случаяхъ разрѣшенія кооперативныхъ товариществъ на это уходило очень много времени. Утвержденія самаго простаго устава приходилось ждать мѣсяцы (въ среднемъ 310 дней), а болѣе сложнаго—годы. Изъ-за этой медленности утвержденія уставовъ, причѣмъ даже губернаторы не особенно торопились (министрамъ, конечно, и Богъ велѣтъ), многія кооперации распались, не возникнувъ. Учредители ихъ охлаждали къ своему начинанію, часть уѣзжала изъ даннаго города, иногда успѣвали умереть. Примѣромъ мытарствъ, претерпѣвавшихся уставами, можетъ служить судьба устава чугунно-литейно-механической артели въ Ростовѣ-на-Дону. По отправкѣ устава въ министерство члены-учредители долго не получали отвѣта. Навели справки у наказнаго атамана, — нѣтъ устава. Послѣ долгихъ поисковъ нашли его у полиціймейстера. Дали опять ходъ. Послѣ этого черезъ два года уставъ былъ утвержденъ, но члены не получили его на руки: онъ пролежалъ у властей Ростова еще болѣе года.

Такимъ образомъ, хлопоты начались въ 1891 году, а артель могла открыться лишь въ декабрѣ 1896 года **).

«Намъ приходилось,—пишетъ М. Фридманъ,—видѣть письмо, въ которомъ дѣятельный участникъ одной артели горько жаловался на тѣ внѣшнія непріятности, которымъ онъ подвергся по совершенно неожиданному и ложному доносу. Скоро выяснилось, однако, что этотъ человекъ виновенъ лишь въ горячей преданности мирному артельному дѣлу. Это было въ Одессѣ. Въ напечатанномъ недавно очеркѣ о Балашевской земледѣльской артели мы нашли описаніе подобной же исторіи, имѣвшей мѣсто въ 1896 году. Староста и писарь деревни Балашовки (находится въ верстѣ отъ Елисаветграда) преслѣдовали артель съ самаго ея возникновенія. По доносу старосты, двухъ артельщиковъ-иниціаторовъ, изъ коихъ одинъ г. Литвиновъ, теперь состоитъ старостой этой артели, арестовали и препроводили этапнымъ порядкомъ въ волостное правленіе, верстъ за 40, гдѣ они и отсидѣли нѣсколько сутокъ до разбирательства дѣла земскимъ на-

*) Пятирусь (стр. 4—5) по „Обзору потребительныхъ обществъ за 1897 г.“ Н. А. Рейтлингера. Этотъ обстоятельный обзоръ появился въ 1899 году.

**) *Курьеръ* отъ 13 января 1901 года.

чальникомъ. Когда все выяснилось, арестованныхъ отпустили. Но крестьяне были уже напуганы, и артель разстроилась, возобновившись только въ 1899 году» *).

Въ городѣ Винницѣ, Подольской губерніи, полиція потребовала снять выѣзку ремесленной артели на томъ основаніи, что Винница «не Америка». «Артель обувного производства въ Варшавѣ,—писалъ г. Фаресовъ въ 1902 г.,—буквально разоряется вслѣдствіе того, что вотъ уже болѣе трехъ мѣсяцевъ, какъ артель совершила нотаріальный договоръ, наняла квартиру и вообще устроилась, а между тѣмъ мѣстная администрація не позволяетъ артели приступить къ работѣ» **).

О другомъ случаѣ стѣсненія дѣятельности разрѣшеннаго и вполне невиннаго общества сообщаютъ *Русскія Вѣдомости* отъ 24 сентября 1904 г. Дѣло было такъ:

Второе ссудосберегательное товарищество въ Лодзи, обладая по уставу правомъ принимать пожертвованія и отчислять изъ прибылей извѣстныхъ суммы на цѣли общественной пользы, намѣревалось организовать помощь безработнымъ рабочимъ. Лодзинскій полицеймейстеръ, узнавъ объ этомъ, обратился къ товариществу съ отзывомъ, въ которомъ находилъ дѣйствія товарищества несогласными съ уставомъ въ виду того, что «въ понятіе о дѣлахъ общественной пользы ни въ коемъ случаѣ не можетъ входить оказываніе вспоможенія лицамъ, не имѣющимъ заработка». Вслѣдствіе этого товарищество было принуждено отказаться отъ своего намѣренія.

Въ Николаевѣ образующимся артелямъ ремесленниковъ мѣстная администрація вмѣняла въ обязанность исключать изъ артели отдѣльныхъ членовъ по первому ея, администраціи, требованію.

«За костромское общество потребителей,—писалъ въ одномъ письмѣ отъ 1894 года проф. И. Озеровъ—очень боюсь. На-дняхъ былъ сданъ уставъ губернатору, но дѣло въ томъ, что почему-то артель сапожниковъ, основываемая г. Мягковымъ, не разрѣшена. Отъ министра внутреннихъ дѣлъ пришелъ отвѣтъ: «по имѣющимся свѣдѣніямъ артель разрѣшена быть не можетъ» и больше ничего. Неизвѣстны мотивы, послужившіе къ этому, и я очень боюсь за общество потребителей. Нашъ губернаторъ очень не любитъ всякое проявленіе самодѣятельности, и, вѣроятно, это дѣло его рукъ. Мягковъ въ отчаяніи. Главное, не извѣстны мотивы, послужившіе къ отклоненію ходатайства».

Аналогичное письмо, свидѣтельствующее о стѣсненіи дѣятельности потребительныхъ обществъ поступило отъ пермскаго желѣзнодорожнаго общества 5 мая 1905 года въ III отдѣлъ «Комитета о ссудосберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ». Приведемъ это короткое письмо цѣлкомъ: «23 марта сего года правленіе имѣло честь просить комиссію

*) *Сверский Курьеръ*, отъ 15 ноября 1900 года.

***) Цитировано по *Прокоповичу*: «Кооперативное движеніе въ Россіи». Петербургъ, 1903 г., стр. 239.

оказать возможное содѣйствіе въ ходатайствѣ передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ о скорѣйшемъ открытіи желѣзнодорожной бібліотеки, закрытой 5 апрѣля 1904 года г. пермскимъ губернаторомъ по предложенію покойнаго министра внутреннихъ дѣлъ Плеве. Настоятельность въ открытіи бібліотеки съ каждымъ днемъ сказывается всё рѣзче и рѣзче; подписчики читавшіе періодическія изданія при посредствѣ общества, удовлетворены въ текущемъ году очень слабо. Въ виду этого правленіе снова имѣетъ честь просить комиссію оказать скорѣйшее содѣйствіе въ дѣлѣ возобновленія дѣятельности бібліотеки общества потребителей служащихъ Пермской желѣзной дороги». Послѣ этого письма поступило другое письмо отъ того же общества. Изъ письма видно, что губернаторъ противъ бібліотеки на томъ основаніи, что «общество существуетъ лишь для удовлетворенія чисто матеріальныхъ нуждъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и отношенія къ заботамъ о нуждахъ ихъ умственныхъ и духовныхъ не имѣетъ».

Вообще, потребительнымъ обществамъ Пермской губерніи, наиболѣе изобилующей ими, какъ-то не везетъ въ трактуемомъ отношеніи. Такъ, бывшимъ въ 1901 году первымъ областнымъ съѣздомъ представителей потребительныхъ обществъ уральскаго района выработанъ былъ и представленъ на утвержденіе правительства уставъ «Уральскаго союза потребительныхъ обществъ». Въ уставѣ этомъ подробно разработаны цѣли и задачи взаимодѣйствій и взаимопомощи всѣхъ учрежденій края, основанныхъ на началахъ кооперации. Въ отвѣтъ на представленное ходатайство министерство внутреннихъ дѣлъ уведомило учредителей союза, что таковой можетъ быть разрѣшенъ при условіи, если изъ представленнаго устава будетъ исключено: а) указаніе на право союза открывать страховыя кассы, торговыя школы и бухгалтерскіе курсы; б) о правѣ союза издавать періодическій органъ, причемъ этотъ пунктъ устава министерство согласно допустить въ слѣдующей редакціи: «союзъ можетъ собирать и опубликовывать съ надлежащаго разрѣшенія свѣдѣнія, касающіяся дѣятельности союза и потребительныхъ обществъ, входящихъ въ него»; в) исключить указаніе въ уставѣ относительно образованія капиталовъ страхового, образовательнаго и благотворительнаго; г) исключить изъ обязанностей правленія союза посредничество по приисканію служащихъ для потребительныхъ обществъ, а также учетъ векселей, поступившихъ на имя союза, и, наконецъ, д) исключить параграфъ 56 устава, въ силу котораго союзу предоставляется право ходатайствовать о своихъ нуждахъ черезъ с.-петербургскую комиссію по дѣламъ потребительныхъ обществъ, потому что такіе ходатайства должны быть возбуждаемы черезъ посредство мѣстнаго губернатора. Въ настоящее время учредителями союза собираются отзывы о обществѣ, пожелавшихъ вступить въ союзъ о ихъ согласіи на сдѣланный министерствомъ измѣненія устава. Такимъ образомъ, затянувшійся вопросъ относительно учрежденія уральскаго союза, повидимому, близокъ къ концу

*) Уралъ отъ 1 іюля 1904 г.

Въ той же Пермской губерніи имѣлъ мѣсто слѣдующій случай:

Въ магазинѣ чердынскаго общества потребителей съ 1889 года производилась книжная и картинная торговля. Въ гор. Чердыни земство имѣетъ свою книжную торговлю и въ обществѣ потребителей за послѣдніе годы книжная торговля ограничивалась календарями, дѣтскими книгами для подарковъ и портретами правителей. Въ 1904 году, по требованію мѣстной администраціи, правленіе чердынскаго общества потребителей обратилось съ просьбою къ губернской власти утвердить отвѣтственнымъ лицомъ по книжной торговлѣ общества г. Звонова, вмѣсто бывшаго служащаго г. Боголюбова. На эту просьбу полученъ отвѣтъ слѣдующаго содержанія: «Такъ какъ уставомъ общества потребителей въ гор. Чердыни утвержденнымъ 13 марта 1881 г., обществу потребителей предоставлено только доставлять своимъ членамъ необходимые предметы потребленія хорошаго качества по возможно дешевой цѣнѣ и дать имъ средства дѣлать сбереженія изъ прибыли общества (§ 1), производства же книжной торговли уставомъ не предоставлено, то посему ходатайство правленія общества потребителей о разрѣшеніи правленію открыть изъ лавки общества книжную и картинную торговлю за губернатора г. вице-губернаторомъ отклонено». «Итакъ, кооператоры,—восклицаетъ по этому поводу корреспондентъ *Союза Потребителей*, хотите читать книгу «хорошаго качества», составляйте свои уставы, которые, какъ отклоненіе отъ нормальнаго устава, утверждены не будутъ. Не хватить цензурныхъ законовъ субъективнымъ толкованіемъ устава общества прикроется властное административное «усмотрѣніе» *).

Но самымъ яркимъ фактомъ притѣсненія потребительныхъ обществъ является случай, имѣвшій мѣсто въ мартѣ 1905 г. Онъ описывается корреспондентомъ *Русскихъ Вѣдомостей* слѣдующимъ образомъ. «Совершенно неожиданно оказалось, что и у насъ, въ Архангельскѣ, гдѣ-то на концѣ города, въ Соломбалѣ, завелась и даже размножилась крамола, которую, ужъ само собой разумѣется, администрація должна была пресѣчь и уничтожить. Никто, конечно, не подозревалъ, но недремлющее око администраціи усмотрѣло вышеозначеную крамолу въ мѣстномъ «архангельско-соломбалскомъ потребительномъ обществѣ». 8 марта полицеймейстеръ явился съ понатыми въ лавку общества и объявилъ, что общество на основаніи 320-й и 321-й стт. II т. закрывается и что съ этого дня въ обществѣ не позволено собираться не только его членамъ, но даже и членамъ правленія, которому между прочимъ было приказано сдать свои дѣла назначенной губернаторомъ ликвидационной комиссіи. Около лавки для надзора былъ поставленъ околоточный надзиратель, котораго смѣнилъ полицейскій. Послѣдній, очевидно, въ силу строгихъ инструкцій, дошелъ до такого усердія, что не только спрашивалъ проходившихъ во дворъ «куда и зачѣмъ», но разгонялъ даже дѣтей, останавливающихся посидѣть въ крыльцѣ лавки общества. За что, однако, такіе громы? Когда 20 марта

* *Союзъ Потребителей* отъ 31 марта 1905 г.

общество собралось на общее собраніе и обратилось къ членамъ правленія съ вопросомъ, почему закрыто общество, правленіе могло лишь отвѣтить, что объ этомъ разсуждать не позволено. Присутствовавшій въ собраніи полицеймейстеръ подтвердилъ это и, прочитавъ инструкцію, данную губернаторомъ для собранія, сказалъ, что онъ допустить обсужденіе только того вопроса, который поставленъ въ повѣсткѣ, т.-е. выработка плана ликвидаціи дѣлъ общества. Такъ какъ собраніе за неприбытіемъ достаточнаго числа членовъ общества не могло считаться законнымъ, то присутствовавшіе не стали настаивать на постановкѣ означеннаго вопроса и, выработавъ проектъ повѣстки на слѣдующее собраніе, просили правленіе передать ее губернатору для утвержденія. Въ этой повѣсткѣ были поставлены вопросы: 1) о причинахъ закрытія общества; 2) о правильности дѣйствій администраціи; 3) способъ обжалованія, и 4) выработка плана ликвидаціи. Черезъ недѣлю губернаторъ увѣдомилъ, что онъ разрѣшаетъ собраніе только для обсужденія плана ликвидаціи, и прислалъ составленную въ его канцеляріи и уже отпечатанную повѣстку на слѣдующее собраніе, съ предупрежденіемъ, что оно дѣйствительно при всякомъ количествѣ членовъ. Собравшіеся 3 апрѣля члены снова поставили вопросъ, почему закрыто общество. И снова, конечно, получили отвѣтъ: разсуждать не позволено. Тѣмъ не менѣе упорное въ своемъ незаконномъ желаніи «разсуждать» собраніе рѣшило послать къ губернатору делегацію съ порученіемъ узнать, въ чемъ состоитъ преступность общества. Явившимся делегатамъ губернаторъ заявилъ, во-первыхъ, что онъ съ ними разговариваетъ не какъ съ делегатами, а какъ съ отдѣльными членами общества, и, во-вторыхъ, что проявленіями неблагонадежности, вполне достаточными для закрытія общества, онъ считаетъ постановленіе общества 19 декабря 1904 г. и допущеніе въ его члены политическихъ ссыльныхъ. Когда собраніе узнало объ этихъ причинахъ, оно обратилось къ своему преступному постановленію отъ 19 декабря 1904 г., которое почти буквально гласило слѣдующее: «Для развитія всякаго рода обществъ взаимопомощи общее собраніе находитъ необходимымъ свободу устнаго и печатнаго слова, свободу союзовъ и собраній». Что касается политическихъ ссыльныхъ, то ни одинъ параграфъ не воспрещаетъ принимать ихъ членами, да и состояло ихъ въ обществѣ только двое. Вотъ и вся крамола, изъ-за которой потребовалось внимательство полиціи, присутствіе ея на засѣданіяхъ общества и... полрота солдатъ во дворѣ городской думы, гдѣ происходили засѣданія. Общее собраніе 3 апрѣля постановило, «что оно находитъ постановленіе губернатора о закрытіи общества неправильнымъ, а потому отказывается отъ выработки плана ликвидаціи и выбора членовъ въ ликвидаціонную комиссію» *).

Примѣромъ болѣе мелкихъ стѣсненій, такъ сказать фильтрующіхъ членовъ, являются два слѣдующихъ, имѣвшихъ мѣсто въ Московской губ.: первый въ мартѣ 1905 г., а второй въ юлѣ 1904 г.

*) *Русскія Вѣдомости* отъ 17 марта 1905 г.

Вяземское потребительное общество черезъ губернскую земскую управу ходатайствовало о допущеніи въ число его членовъ не только лицъ, занимающихся мѣстнымъ кустарнымъ промысломъ, но также лицъ со специальнымъ и техническимъ образованіемъ, могущихъ своими совѣтами помочь кооперативнымъ интересамъ общества. Главное управленіе по дѣламъ мѣстнаго хозяйства не нашло возможнымъ удовлетворить такое ходатайство.

Другимъ злополучнымъ обществомъ является потребительное общество въ селѣ Собакинѣ, Звенигородскаго уѣзда. Лицамъ, занимающимъ штатныя должности въ экономическомъ отдѣленіи московской губернской земской управы, вступать въ члены этого общества не разрѣшено *).

Вотъ еще примѣръ стѣсненій дѣятельности обществъ полицейскою властью.

При устройствѣ харьковскаго общества взаимопомощи ремесленниковъ предполагалось учредить общество взаимопомощи рабочихъ. Но уставъ былъ утвержденъ только для «занимающихся ремесленнымъ трудомъ». И тѣмъ не менѣе это общество скоро разраслось въ довольно многочленную, имѣющую по многимъ городамъ своихъ членовъ организацію; а въ немъ около 2,000 членовъ. Оно приходитъ въ нужную минуту на помощь ассигнованіемъ суммъ для нуждающихся и другими способами.

Но все же уставъ общества далеко не охватываетъ всѣхъ нуждъ рабочаго люда. Такъ, напримѣръ, рабочіе не имѣютъ возможности взять въ свои руки снабженіе своихъ товарищей необходимыми продуктами и предметами первой необходимости, открыть потребительскія лавки и т. д. Въ этомъ году среди рабочихъ при томъ же обществѣ ремесленниковъ возникла мысль объ организаціи экономическаго общества рабочихъ съ цѣлью взять въ свои руки снабженіе рабочихъ необходимыми предметами. Взявшіеся за это дѣло учредители отнеслись къ нему горячо, но должны были разочароваться. Представленный ими на утвержденіе осенью 1904 года уставъ былъ утвержденъ только въ концѣ апрѣля, а полученъ ими въ маѣ, причемъ онъ утвержденъ въ такомъ видѣ: «Уставъ общества потребителей подъ фирмой экономическое общество ремесленниковъ г. Харькова».

По уставу (§ 1) общество потребителей учреждается въ г. Харьковѣ съ цѣлью доставленія своимъ членамъ по возможно дешевой цѣнѣ, или по умѣреннымъ рыночнымъ цѣнамъ, различныхъ предметовъ потребленія и домашняго обихода и предоставленія своимъ членамъ возможности изъ прибылей отъ операций общества дѣлать сбереженія. При обществѣ могутъ бѣть, съ надлежащаго разрѣшенія и съ соблюденіемъ дѣйствующихъ постановленій, организуемы учрежденія, имѣющія цѣлью различными средствами и способами улучшить матеріальныя и нравственныя условія жизни членовъ общества. Обществу предоставляется (§ 2) устраивать для изготвленія, храненія, продажи предметовъ потребленія и домашняго обихода собственные склады и заведенія или арендовать таковыя.

*) *Русскія Вѣдомости* отъ 22 іюля 1904 г.

Въ члены общества (12) принимаются лица обоого пола, занимающіеся ремесленнымъ трудомъ въ г. Харьковѣ.

Учредители, получивъ уставъ, рѣшили опубликовать объ этомъ и составили слѣдующее объявленіе: «Члены учредители общества потребителей подъ фирмой «Экономическое общество ремесленниковъ г. Харькова» снѣ имѣютъ честь довести до свѣдѣнія всѣхъ безъ различія лицъ обоого пола, занимающихся какииъ-либо ремесленнымъ трудомъ, что въ г. Харьковѣ основывается новое общество, которое имѣетъ задачу объединить весь ремесленный и рабочій классъ г. Харькова и общими силами улучшать матеріальныя и нравственныя условія жизни вступившихъ въ члены общества. Открытіе дѣйствій общества разрѣшено г. харьковскимъ губернаторомъ, уставъ общества полученъ учредителями 22 мая сего года. Теперь нужны средства и лица, которыя бы сознали, что пора самому приняться за самостоятельность и общими силами работать на себя и общественную пользу. Желательно, чтобы всѣ ремесленники и рабочіе г. Харькова зажили одною общою жизнью. Уставъ общества можно получать у слѣдующихъ лицъ (слѣдуетъ переченъ именъ). Вносы принимаются подъ квитанцію за подписью Гер. Гр. Стадника, отъ него же можно имѣть и подробныя свѣдѣнія о дѣлахъ, относящихся къ вновь нарождающемуся обществу».

Полицеймейстеръ не нашелъ удобнымъ разрѣшить къ печатанію это объявленіе. Учредители были очень ошеломлены его отказомъ. Частнымъ фирмамъ своими рекламами предоставляется право залѣзать въ карманъ къ обывателю, а объявленіе, имѣющее цѣлью улучшить положеніе бѣдняка, запрещено *).

«Около года тому назадъ, — пишетъ изъ Ельца, Орловской губ., известный земець А. Стаховичъ, въ *Нашу Жизнь*, — по инициативѣ учительницы нашей сельской школы, учредилось Паленско-Михайловское кредитное товарищество. Не мало труда стоило намъ убѣдить крестьянъ въ пользѣ подобнаго учрежденія и разъяснить имъ въ удобопонятныхъ выраженіяхъ пользу кооперациі и кредитныхъ товариществъ. Не меньше также пришлось перенести мытарствъ по исполненію всякихъ безконечныхъ формальностей. Дѣло, наконецъ, наладилось и осталось намъ ждать лишь утвержденія устава и разрѣшенія ссуды изъ государственнаго банка. Проходитъ почти годъ, а извѣстія объ утвержденіи устава нѣтъ. Чуть ли не ежедневно стали сходиться къ намъ крестьяне съ вопросомъ: «Когда же откроется банкъ, нужна въ мелкомъ кредитъ у насъ вѣдь крайняя». На усмиренные запросы, почему товарищество не открываетъ своихъ дѣйствій, стало трудно объяснить причины запозданія утвержденія устава. На этихъ дняхъ мнѣ пришлось по дѣламъ побывать въ Петербургѣ и зайти въ государственный банкъ для справки о судьбѣ нашего товарищества. Что же оказалось? 7 іюня 1904 г. прошелъ въ государственномъ совѣтѣ новый законъ о мелкомъ кредитѣ. Хотя казалось бы законъ обратнаго дѣйствія не долженъ бы имѣть, но

*) *Синь Отечества* отъ 26 іюля 1905 г.

бюрократическое учрежденіе, вѣдающее дѣломъ о мелкомъ кредитѣ, нашло невозможнымъ утвердить нашъ уставъ, составленный согласно Высочайше утвержденному 17 іюня 1895 г. Положенію объ учрежденіяхъ мелкаго кредита, потому, видите ли, что учредители, я и наша учительница, согласно ст. 5 названнаго Положенія, внесли въ видѣ безпроцентной ссуды въ основной капиталъ товарищества по 250 р. Оказывается, что по новому закону (Высочайше утвержд. 7 іюня 1904 г. ст. 27) частныя лица лишены права ссужать какіе-либо капиталы кредитнымъ товариществамъ. Ограниченіе это прошло въ государственномъ совѣтѣ, какъ я слышалъ изъ вполне достовернаго источника, исключительно благодаря энергичнымъ и настойчивымъ требованіямъ бывшаго тов. мин. внутр. дѣлъ Стишинскаго. Свое требованіе онъ основывалъ на чисто полицейскихъ соображеніяхъ: онъ боялся опасной политической пропаганды неблагонадежными лицами при помощи основанныхъ ими кредитныхъ товариществъ. Но, какъ всегда бываетъ, когда законъ старается насловать жизнь, очень легко удастся мнѣ и, въ будущемъ, всякому удался обойти это ограниченіе. Мнѣ указали, что вмѣсто безпроцентной ссуды, не допускаемой указанной 27 ст. новаго закона, мы должны указанную сумму «пожертвовать» для составленія того же основного капитала... Если бы я или М. Н. Жебунова (учредители названнаго кредитнаго товарищества) имѣли въ виду цѣль, которой опасался бывший мин. вн. дѣлъ, убѣждая государственный совѣтъ постановить названное измѣненіе ст. 5 закона 17 іюня 1895 г., ограниченіе это вѣроятно не помѣшало бы намъ и, какъ мнѣ думается, всякому другому учредителю, помочь учрежденію кредитнаго товарищества» *).

Въ апрѣлѣ 1905 же года не была разрѣшена артель портныхъ въ Ковровѣ, Владимірской губерніи, отчасти изъ-за Н. В. Левитскаго, котораго власти до сихъ поръ не считали неблагонадежнымъ. Въ Ковровѣ нѣсколько ремесленниковъ-портныхъ возбудили ходатайство о разрѣшеніи устроить артель портныхъ на основаніяхъ выработаннаго устава. Какъ сообщаетъ корреспондентъ *Руси*, губернаторъ нашелъ учрежденіе союза портныхъ нежелательнымъ, причѣмъ мотивировалъ свой отзывъ, какъ несочувственный отношеніемъ къ дѣлу артели большинства ремесленниковъ, такъ и участіемъ въ учрежденіи означенной артели извѣстнаго организатора артелей на югѣ, «политическая благонадежность котораго, по имѣющимся въ губернаторской канцеляріи свѣдѣніямъ, подлежитъ большому сомнѣнію». На основаніи этого отзыва министерство внутреннихъ дѣлъ, несмотря на зѣдшту министерства финансовъ, отклонило ходатайство просителей».

По этому поводу секретарь московскаго союза потребительныхъ обществъ справедливо замѣчаетъ: «Однако, владимірскій губернаторъ, очевидно, свято хранящій завѣты покойнаго фонъ-Плеве, всетаки непослѣдователенъ. Еще у всѣхъ на памяти, какъ организаторъ артелей на югѣ, прис. пов. Н. В. Левитскій, бесѣдовалъ съ фонъ-Плеве о пользѣ артелей и встрѣтилъ съ

*) *Наша Жизнь* отъ 12 ноября 1904 г.

его стороны весьма одобряющее сочувствіе и даже обѣщаніе облегчить формальности по образованію артелей. Затѣмъ, дѣятельность г. Левитскаго была одобрена правительствомъ путемъ выдачи ему значительнаго казеннаго пособія, назначеннаго по Высочайшему повелѣнію. Какимъ же образомъ послѣ всего этого губернаторъ нашелъ сомнительной благонадежность этого дѣятеля? Владимірскій губернаторъ, оказывается, въ этомъ случаѣ болѣе католикъ, чѣмъ самъ папа *).

Не въ лучшемъ положеніи находятся и наши сельско-хозяйственные общества малаго района: ихъ дѣятельность строго ограничена тѣсными предѣлами своего «малаго» района и при томъ включена въ рамки почти исключительно только техники сельско-хозяйственнаго промысла. Даже попытка явиться посредникомъ въ дѣлѣ передачи губернатору жалобы одного изъ сосѣднихъ селъ на земскаго начальника, запрещавшаго крестьянамъ-членамъ пахать землю, имѣвшая мѣсто въ одномъ изъ такихъ обществъ Самарской губ., Бузулукскаго уѣзда, окончилась угрозой губернатора закрыть общество при повтореніи случаевъ подобнаго вмѣшательства «въ служебныя дѣйствія должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія» **).

А вотъ другой случай. С.-Петербург. телегр. агентство сообщаетъ, что распоряженіемъ правительства лохвицкое общество сельскихъ хозяевъ и его комитеты лишены права созыва общихъ собраній на годъ. Дѣятельность же правленія торговыхъ учрежденій общества, опытнаго поля и кредитнаго товарищества остаются безъ измѣненія.

О другомъ преслѣдованіи учредителя артелей сообщило въ серединѣ сентября 1905 г. російское телеграфное агентство. Вотъ эта телеграмма: «Агентъ московскаго губернскаго земства по организациіи артелей Красновъ привлеченъ къ ответственности по 126 статьѣ за участіе въ союзахъ; ему запрещенъ выѣздъ изъ Рузы. Образованіе артелей должно пріостановиться».

Наконецъ, въ *Сынъ Отечества* отъ 28 сентября мы находимъ слѣдующую корреспонденцію изъ Владиміра-губернскаго:

«Мѣстное начальство не разрѣшило открыть сразу 7 мелкихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ. Отказъ на имя мѣстнаго уполномоченнаго министерства земледѣлія получился въ одной бумагѣ, хотя прошенія съ уставами подавались въ различное время въ теченіе всего этого года. Если принять во вниманіе, что въ здѣшней губерніи до сихъ поръ насчитывается всего 8 сельско-хозяйственныхъ обществъ, то нельзя не признать, что крушеніе попытки мѣстныхъ жителей расширить сельско-хозяйственное кооперативное дѣло въ губерніи, является крупнымъ ущербомъ для этого рода начинаній. Въ такимъ результатахъ приводитъ льгота съ «упрощеннымъ» способомъ открытія коопераций черезъ губернаторовъ, а не черезъ министра внутреннихъ дѣлъ, какъ было раньше. Любопытно, что въ числѣ неутвержденныхъ обществъ находится одно пчеловодное (въ с. Лажнев ,

*) „Союзъ потребителей“ отъ 2 мая 1905 г.

***) *Экономическая Газета* отъ 24 октября 1904 г.

Бовр. у.) и одно сельско-хозяйственное при погостѣ, во главѣ котораго стоятъ священникъ и причетники».

Окончимъ примѣры притѣсненія кооперативныхъ учрежденій новѣйшими фактами, взятыми нами изъ саратовской газеты *Приволжскій Край* отъ 19 сентября 1905 г. Изъ села Дворянская Терешка, Хвалынского уѣзда, корреспондентъ названной газеты писалъ слѣдующее:

Горячо принялись мы зимой за устройство потребительскаго общества: подписка дала около 4,000 р., послали прошеніе, уставъ; черезъ нѣсколько времени, довольно продолжительное, вернули намъ наше прошеніе, «подписи, видите ли, были неразборчивы». Переписали, исправили, послали; черезъ нѣсколько недѣль опять возвращаютъ все, предлагая открыть общество по нормальному уставу или представить мотивированное объясненіе отступленій отъ этого устава, который мѣстами показался намъ не очень удобнымиъ.

А тутъ еще отсталый землевладѣлецъ, которому принадлежитъ вся выборная площадь, вздумалъ было не давать намъ мѣста, вѣроятно въ интересахъ его арендаторовъ-бакалейщиковъ. Это препятствіе устранили. Но пока все это выяснялось, распутывалось, порывъ остылъ и дѣло заглохло.

А село большое, базарное, торговцы деруть немилосердно.

Но воспрянемъ ли вновь за полезное дѣло *)?

Въ виду всѣхъ этихъ крупныхъ и мелкихъ стѣсненій, не дающихъ кооперации возможности болѣе или менѣе укрѣпиться, на сѣздѣ коопераций Саратовской губерніи въ декабрѣ 1904 г. была принята, послѣ доклада Н. Т. Юрина, резолюція о томъ, что свобода и права личности должны быть гарантированы закономъ.

Въ виду того же самаго, собраніе уполномоченныхъ «московскаго союза потребительныхъ обществъ» приняло 17 іюля 1905 г. слѣдующую резолюцію:

«Собраніе уполномоченныхъ московскаго союза потребительныхъ обществъ, остановившись на случаѣ закрытія союзнаго Архангельско-соломбальскаго общества потребителей мѣстнымъ губернаторомъ, въ результатъ чего, при насильственной и спѣшной ликвидаціи, пропало все имущество общества и остались неоплаченные долги, въ томъ числѣ и въ союзную кассу, признало, что случай этотъ составляетъ лишь яркую характеристику невозможнаго положенія, въ которомъ находятся всѣ общественныя начинанія и дѣятельность каждаго отдѣльнаго гражданина въ Россіи. Развиться при существующихъ въ настоящее время условіяхъ кооперация въ Россіи не можетъ. Приниженные права всякой общественной группы, каждаго инициатора; необходимость считаться съ цѣлой паутиной запретныхъ областей, въ которыя произвольно включаются самыя разнообразныя направленія общественной мысли, если онѣ не тождественны со

*) *Приволжскій Край*, № 167 отъ 1905 года.

взглядами правящихъ лицъ; обязанность испрашивать, какъ милость, разрѣшенія властей для всякаго общественнаго начинанія,—все это создаетъ обстановку, свывывающую проявленіе, а тѣмъ болѣе развитіе нравственныхъ силъ отдѣльныхъ лицъ, одушевленныхъ лучшими наміреніями на благо своихъ согражданъ. Но и въ небольшихъ областяхъ дозволеннаго всякая общественная дѣятельность носить случайный характеръ. Полная зависимость отъ администраціи и невозможность отстоять свои права при помощи безпристрастнаго суда, жалобы которому на дѣйствія той же администраціи обставлены непреодолимыми трудностями, убиваютъ всякое желаніе заняться какимъ-либо общественнымъ дѣломъ, разъ оно не дастъ мѣста эгоистическимъ побужденіямъ. Это систематическое угнетеніе личной энергіи и инициативы гражданъ тяжело отозвалось теперь на судьбахъ нашей родины и въ будущемъ грозитъ ей неисчислимыми бѣдствіями. Помочь въ надвигающейся бѣдѣ никакія кооперативныя начинанія не могутъ,—наоборотъ, для своего возникновенія они сами требуютъ внѣшней обеспеченности государства, развитія широкой гражданской свободы внутри и твердой охраны всѣхъ принадлежащихъ гражданину и общественному предпріятію правъ, съ какой бы стороны посягательство на нихъ ни появилось. Измѣнять настоящее положеніе предписаніемъ администраціи дѣйствовать въ другомъ, чѣмъ до сихъ поръ, направленіи, очевидно, нельзя. Чтобы спасти будущее страны, единственный исходъ—пересоздать существующій строй. Необходимо немедленно же призвать къ участию въ изданіи законовъ и управленію нашей родиной представителей народа, избранныхъ на основахъ всеобщаго, тайнаго и равнаго для всѣхъ избирательнаго права, обеспечивъ заранѣе существенныя условія для такого избранія—свободу собраній и союзовъ, слова устнаго и письменнаго и личную неприкосновенность гражданъ, помимо постановленія суда. Только голосъ народа, чуждый личныхъ эгоистическихъ побужденій, можетъ въ переживаемое время укрѣпить порядокъ и создать атмосферу, въ которой общественныя силы будутъ имѣть возможность твердо выступить на путь прогресса. Только въ такой атмосферѣ можетъ расти «кооперация», т.-е. добровольныя, свободныя соединенія людей, объединяющія ихъ духовныя и матеріальныя средства для пріобрѣтенія общими усиліями тѣхъ культурныхъ благъ, какія при единоличныхъ усиліяхъ имъ недоступны. Исходи изъ этихъ побужденій, собраніе уполномоченныхъ Московскаго Союза потребительныхъ обществъ рекомендуетъ всѣмъ союзнымъ обществамъ содѣйствовать всѣми силами установленію новаго порядка управленія въ Россіи».

Въ предыдущемъ изложеніи мы не разъ проводили примѣры недопущенія интеллигенціи для участія и руководительства потребительными и другими обществами. То же самое подчеркивается проф. М. Герценштейномъ относительно ссудо-сберегательныхъ товариществъ.

«Комитеты доказывали, что слѣдуетъ облегчить и упростить формальности при утвержденіи уставовъ и замѣнить разрѣшительный порядокъ

явочнымъ. Совѣщаніе признало явочный порядокъ преждевременнымъ и, допустивъ нѣкоторыя отступленія для товариществъ, учреждаемыхъ при содѣйствіи земствъ, сохранило для другихъ случаевъ разрѣшительный порядокъ.

Преслѣдованіе всякой попытки сближенія интеллигенціи съ сельскимъ населеніемъ дошло до того, что въ кредитныхъ товариществахъ, для учрежденія которыхъ Положеніе 1 іюня 1895 г. допускало, между прочимъ, ссуды частныхъ учреждений и частныхъ лицъ, отнынѣ ст. 27 Положенія 7 іюня 1904 г. требуетъ, чтобы «ссуды на образованіе основныхъ капиталовъ получались только изъ казны или отъ земства», т.-е. чтобы частная инициатива была по возможности устранена *). А можно ли рассчитывать на развитіе кооперации безъ живительной связи съ интеллигенціею? Можно ли указать накую-нибудь страну съ сколько-нибудь развитою кооперацией, въ которой кооперация не была бы обязана своимъ развитіемъ интеллигентнымъ силамъ деревни, тѣмъ самымъ силамъ, которыя еще недавно, всего еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, считались язвою, отъ которой надо оберегать крестьянское населеніе? Послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что законъ, выработанный при такихъ неблагопріятныхъ для общественнаго дѣла условіяхъ, далеко не отвѣчаетъ своему назначенію и съ первыхъ же шаговъ придется считаться съ его пробѣлами **).

Познакомимся теперь по трудамъ мѣстныхъ комитетовъ съ тѣмъ, какъ комитеты смотрятъ на внѣшнія условія существованія кооперации въ Россіи.

Къ числу причинъ слабого развитія коопераций нѣкоторые комитеты относятъ отсутствіе специальныхъ узаконеній, облегчающихъ устройство кооперативныхъ учреждений, открытіе которыхъ въ настоящее время обставлено массою формальностей (Виленская губ.). Такой порядокъ устройства неблагопріятенъ для развитія коопераций: приходится нерѣдко ожидать слишкомъ много времени, чтобы получить разрѣшеніе, что не можетъ способствовать успѣху коопераций. Нужна слишкомъ большая энергія, чтобы «хлопотать и ждать цѣлые года» (Вятская губ.).

Не только устройство кооперативныхъ учреждений, но и ихъ дѣятельность обставлены у насъ цѣлымъ рядомъ стѣсненій, которыя не могутъ не тормозить развитія этихъ учреждений (Владимірская губ.). Доказательство такихъ стѣсненій для работниковъ въ области коопераций могутъ служить, между прочимъ, нѣкоторые приводимые въ «Трудахъ» примѣры. И чаще всего указывается на тормозящее дѣятельность сельско-хозяйственныхъ обществъ требованіе, чтобы образованіе обществомъ специальныхъ капиталовъ, самое возникновеніе которыхъ могло бы служить лишь дока-

*) Недавно это стѣсненіе отмінено, а на-дняхъ (середина января 1906 г.) въ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ разрѣшено принимать участіе и евреямъ.

***) „Совѣтъ потребителей“ отъ 31 января 1906 года.

зательствомъ живой дѣятельности общества, обуславливалось разрѣшеніемъ губернатора. Подобныя требованія не могутъ содѣйствовать развитію этихъ учрежденій, особенно въ средѣ сельскаго населенія. Деревня слишкомъ долго спала мертвымъ сномъ, и подвинуть ее на предприимчивость, вдохнуть въ нее сильную хозяйственную инициативу не легко, даже освободивъ ее отъ лишнихъ путъ и стѣсненій. «Призывъ къ дѣятельности, да еще съ оговорками и ограниченіями, будетъ безсиленъ тамъ, гдѣ нужна труба архангела» (Курская губ.).

Въ частности, относительно слабаго развитія сельско-хозяйственныхъ товариществъ, дѣлаются предположенія, что ихъ развитію препятствуетъ отсутствіе узаконеній о центральныхъ союзахъ. Между тѣмъ, только устройство такихъ союзовъ, изъ которыхъ каждый объединялъ бы всѣ кооперативныя учрежденія, работающія въ одинаковыхъ экономическихъ условіяхъ, можетъ оказать наиболѣе благотворное влияние въ дѣлѣ успешнаго достиженія намѣченныхъ этими учрежденіями цѣлей. Такие союзы облегчатъ, между прочимъ, снабженіе земледѣльческаго населенія доброкачественными товарами по самой доступной цѣнѣ и что не менѣе важно могутъ вызвать ростъ производства этихъ товаровъ въ Россіи. Только центральные союзы въ состояніи дать заводамъ и кустарямъ большіе заказы однородныхъ машинъ, орудій и другихъ издѣлій, по указаніямъ заказчиковъ. Этимъ путемъ могутъ быть достигнуты выработка и распространеніе самыхъ подходящихъ для мѣстныхъ условій сельско-хозяйственныхъ орудій, машинъ и т. п. (Виленская губ.).

Та же мысль о необходимости центральной союзной организаціи, отсутствіе которой является причиной слабаго развитія кооперативныхъ учрежденій, и созданіе которой способно содѣйствовать процвѣтанію послѣднихъ, проводится и въ другомъ мѣстѣ «Трудовъ», причемъ какъ на органъ, который могъ бы объединить всѣ кооперативныя организаціи, указывается на «Императорское московское общество сельскаго хозяйства» (Тамбовская губ.).

Нѣкоторые видятъ причину слабыхъ успѣховъ кооперативнаго дѣла въ отсутствіи у нашихъ крестьянъ сознанія полезности коопераций, что, въ свою очередь, объясняется пребываніемъ населенія въ томъ періодѣ культуры, когда антагонизмъ и недовѣріе другъ къ другу являются преобладающимъ элементомъ взаимныхъ отношеній отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ, исключая тѣмъ самымъ возможность плодотворнаго ихъ единенія. Эту причину способно устранить только время (Рязанская губ.).

Другіе, не отрицая того, что сознаніе полезности коопераций по-прежнему уже и теперь проникаетъ въ разнообразныя слои населенія, видятъ серьезную причину слабыхъ успѣховъ кооперативной идеи среди населяющихъ въ отсутствіи «устойчиваго общенія» (Вологодская губ.), иначе говоря — глубокаго сознанія, что сила коопераций и залогъ ея процвѣтанія заключаются въ томъ, чтобы личными интересами въ извѣстныхъ случаяхъ жертвовать ради интересовъ общаго дѣла. Для успешнаго развитія кооперации

раціи требуется такой уровень культурнаго, политическаго и гражданскаго развитія населенія, при которомъ у каждаго изъ участниковъ коопераціи было бы ясное сознаніе, что интересъ общій долженъ преобладать надъ личнымъ. Въ сожалѣнію, большинство нашего сельскаго и городскаго населенія никакъ нельзя признать достигшимъ такого культурнаго уровня. Этимъ объясняются неудачи въ организаціи нашихъ кооперативныхъ учреждений, въ томъ случаѣ, когда инициативу и руководство этихъ предприятий бралъ на себя интеллигентный классъ (Екатеринославская губ.).

По взгляду нѣкоторыхъ, одною ли не самою важною причиною не успѣховъ коопераціи въ Россіи является «окутывающее народъ до настоящаго времени невѣжество» (Минская губ.). Другіе выдвигаютъ въ разсматриваемомъ отношеніи на первый планъ слабое развитіе среди нашего населенія самодѣтельности (Пермская губ.), которая, какъ извѣстно, есть главное основаніе всякой коопераціи, и для развитія которой въ деревнѣ общія условія складываются все менѣе и менѣе благоприятно. Съ одной стороны, трудное положеніе сельскаго хозяйства можетъ остановить самаго предприимчиваго отъ новыхъ начинаній, требующихъ затратъ и связанныхъ съ рискомъ; съ другой—общія условія жизни неспособны укрѣпить въ сельскомъ хозяйствѣ довѣріе къ своимъ силамъ. Стѣсненіе самодѣтельности, ограниченіе инициативы, урѣзываніе сферы дѣйствія въ той области, которая почти сорокъ лѣтъ назадъ была отмежевана обывателю, — все это не можетъ поддерживать въ населеніи энергію и способствовать подъему духа. Между общественнымъ дѣломъ и хозяйственною жизнью существуетъ тѣсная органическая связь, такъ какъ «не о хлѣбѣ единомъ живъ человекъ». И потому, пока въ общественномъ дѣлѣ безпредѣльно господствуетъ система, въ силу которой «взрослые люди разсматриваются, какъ несовершеннолѣтніе», нельзя ожидать, чтобы тѣ же люди пріучились дѣйствовать смѣло и самостоятельно въ другой сферѣ дѣятельности. «Система недовѣрія и мелочной опеки не воспитываетъ предприимчивыхъ людей; это—не такая школа, въ которой сельскій хозяинъ могъ бы научиться ходить на собственныхъ ногахъ. Когда деревенскому населенію, въ качествѣ сельскихъ хозяевъ, рекомендуется смѣлый полетъ, а въ качествѣ общественныхъ дѣятелей,—все болѣе и болѣе подрѣзываются крылья, то получается непримиримое противорѣчіе, которое неспособно поднять энергію и пробудить инициативу» (Бурская губ.). Соглашаясь съ вышеназложеннымъ и подтверждая, что настоящая дѣйствительность мало способствуетъ тому, чтобы у насъ могъ развиваться вкусъ къ работѣ въ области коопераціи (Харьковская губ.), нѣкоторые также полагаютъ, что для развитія кооперативныхъ учреждений наша интеллигенція не имѣла никакой подготовки въ прошломъ. Въ частности, по отношенію къ крестьянскому населенію указывается на то, что «темнота, безправность и бѣдность» послѣдняго не могутъ создать благоприятныхъ условій для развитія среди этой части населенія коопераціи.

Весьма неблагоприятное на развитіе коопераціи вліяніе оказываютъ,

по мнѣнію нѣкоторыхъ комитетовъ, особыя бытовыя условія нашего сельскаго сословія и обособленность его въ области гражданскаго права. И первыя, и вторыя не могутъ быть признаны обстоятельствами благопріятными для возбужденія въ сельскомъ населеніи самодѣятельности и развитія коопераций. Насколько отрицательное вліяніе на ростъ коопераций долженъ имѣть нынѣшній крестьянскій общественный строй, видно уже изъ того, что онъ отличается слѣдующими общезвѣстными характерными особенностями. Во-первыхъ, этотъ строй чрезвычайно мало гарантируетъ личную неприкосновенность отдѣльнаго лица, давая широкія дисциплинарныя права какъ властямъ, избираемымъ обществами, такъ равно и назначаемымъ отъ правительства. Во-вторыхъ, онъ построенъ на принципѣ полного подчиненія крестьянскаго самоуправленія единоличной административной власти. Наконецъ, въ-третьихъ, въ немъ дѣйствуетъ своеобразная форма сословнаго суда, имѣющаго право руководствоваться при разрѣшеніи гражданскихъ споровъ не писаннымъ закономъ, а обычаями, установленнымъ безъ формальной и тщательной провѣрки его существованія; въ дѣлахъ же уголовныхъ—особымъ, не распространяющимся на другіе классы населенія уставомъ о наказаніяхъ (Нижегородская губ.) *).

III.

Переходя, отъ такъ сказать, внѣшнихъ причинъ, тормозящихъ развитіе потребительныхъ обществъ и коопераций вообще, къ внутреннимъ, мы остановимся на важнѣйшихъ группахъ потребительныхъ обществъ, а именно на фабрично-заводскихъ и желѣзно-дорожныхъ, которымъ особенно мѣшаетъ развиваться ихъ зависимость отъ дирекцій и администрацій. Эта зависимость часто такъ гнететъ потребительныя общества въ матеріальномъ отношеніи, что въ февралѣ 1902 г. министерство финансовъ сдѣлало слѣдующее распоряженіе:

«Такъ какъ предназначенныя для продовольствія рабочихъ припасы приобретаются фабрикантами, заводчиками и другими владельцами промышленныхъ заведеній, въ сущности, для дальнѣйшей перепродажи ихъ рабочимъ въ счетъ заработной платы и, такимъ образомъ, являются объектомъ простой купли-продажи, то эти сдѣлки отнынѣ отнесены къ числу торговыхъ и потому подлежатъ оплатѣ актовымъ гербовымъ сборомъ».

Вотъ чего дождался предприниматели. Въмѣсто того, чтобъ увеличивать свои барыши лучшей технической постановкою дѣла, они или хлопочутъ о правительственныхъ подачкахъ, или же открываютъ при заводахъ беззастѣнчивую торговлю продуктами первой необходимости,—торговлю, имѣющую для рабочихъ принудительный характеръ.

*) См. мою статью: „Кооперативное движеніе въ Россіи“, напечатанную въ юльскаго книжки *Вѣстника Европы* за 1905 г.

Фабрично-заводскія лавки или «потребительныя общества» составляютъ доходную статью многихъ «солидныхъ» русскихъ фирмъ. Такъ, по свидѣтельству *Курьера*, фабричная лавка существуетъ даже на большой фарфоровой фабрикѣ т-ва Кузнецова въ Дулевѣ. Эта фабрика—представительница цѣлаго отдѣла нашей промышленности. Почти все фарфоро-фаянсовое дѣло монополизировано т-вомъ Кузнецова. У него въ различныхъ углахъ Россіи 7 большихъ фабрикъ: всего два-три заведенія осталось въ чужихъ рукахъ. И вотъ вмѣстѣ того, чтобъ улучшить производство фарфоро-фаянсовой посуды, лавка при фабрикѣ поглощаетъ не меньше хозяйскаго вниманія, чѣмъ само предпріятіе. Доходы отъ лавки послѣ фабрики составляютъ вторую доходную статью хозяина. Почти весь заработокъ рабочихъ остается въ этой лавкѣ: здѣсь есть все необходимое для рабочихъ. Посторонніе торговцы дѣлали бы попытку доставлять въ Дулево свои товары въ видѣ базаровъ 2 раза въ мѣсяцъ, послѣ получки рабочими заработной платы. Но такъ какъ вся земля въ 3 верстахъ вокругъ фабрики Кузнецовская, то хозяинъ запретилъ въѣздъ на свою землю чужимъ торговцамъ. Теперь среди фабричныхъ распространенъ оригинальный способъ приобрѣтенія товаровъ на сторонѣ, обмѣномъ ихъ на товары изъ фабричной лавки. Покупка водки въ сосѣднемъ кабакѣ (здѣсь спиртныхъ напитковъ не продается) на чай—обычное явленіе. Такъ, въ мелочной погонѣ за наживой забываются прямые интересы предпріятія.

С. Н. Прокоповичъ въ статьѣ о русскихъ потребительныхъ обществахъ (*Народное Хозяйство*, декабрь, 1901 г.) тоже утверждаетъ, что вмѣшательство хозяевъ, заставляющихъ брать плохую провизію въ имѣющихся при нѣкоторыхъ фабрикахъ, такъ называемыхъ, потребительскихъ лавкахъ, неблагоприятно отзывается на питаніи рабочихъ. Онъ приводитъ два случая, когда рабочіе во время стачекъ (въ Екатеринославѣ и Сормовѣ) вымещали свое неудовольствіе на потребительныхъ лавкахъ.

Но не одинъ Кузнецовъ, а и А. И. Морозовъ, повидимому, не брезгаетъ названной формой эксплуатаціи рабочихъ.

Въ газету *Наша Жизнь* пишутъ изъ Богородска, Московской губ., что на мѣстной фабрикѣ А. И. Морозова, насчитывающей 12,000 человекъ рабочихъ, послѣдніе давно уже желаютъ устроить потребительную лавку, но г. Морозовъ не позволяетъ? и они принуждены брать недоброкачественный и завалившійся товаръ изъ фабричной лавки...

Приходитъ рабочій, наприм., за мясомъ передъ праздникомъ просить свѣшать столько-то и такого-то сорта. Но его обрываютъ, говоря, что ему дадутъ, «что попадется» и «выбирать для него не будутъ». Мясо ѣдутъ подрядъ, по мѣрѣ спроса и, что заслуживаетъ удивленія, это то, что цѣна на него вездѣ одинаковая: дадутъ ли вамъ кость или что-либо другое, претендующее быть мясомъ... А такъ какъ другой лавки при фабрикѣ нѣтъ, то рабочіе, скрѣпя сердце, должны брать то, что дадутъ... случаются, наприм., такія явленія: часовъ около 11 ночи, согнувшись въ три погібели, рабочій съ мѣшкомъ на плечахъ плетется изъ города

по направленію къ фабрикѣ, стараясь избѣжать освѣщенныхъ мѣстъ. Этотъ рабочій, послѣ подобныхъ прижимокъ у себя на фабрикѣ, вынужденъ покупать муку или иные припасы для домашняго обихода въ городѣ, тащить на себѣ тяжесть въ нѣсколько пудовъ, да еще стараться не попасться на глаза «объѣздному», чтобы не получить нагайкой по спинѣ и не быть отведеннымъ къ хозяину, а впоследствии—изгнаннымъ изъ фабрики. Мечта рабочихъ о потребительской лавкѣ—одна изъ главныхъ, и дѣйствительно заслуживаетъ вниманія. Но «хозяинъ» непреклоненъ. Ему некуда будетъ тогда дѣвать гнимою товаръ вроде разныхъ «ситцевъ», который раздають рабочимъ къ празднику въ видѣ «наградъ», записывая въ то же время въ книжку—въ счетъ работы...

«Читать все это,—замѣчаетъ по этому поводу В. И. Анофріевъ,—невозможно безъ удивленія: причѣмъ тутъ хозяинъ? Устраивать потребительное общество можетъ даже у насъ всякій, не лишенный по суду правъ російскій подданный, а стало быть и рабочіе богородской фабрики. А потому, если 12,000 рабочихъ г. Морозова, поступаая на фабрику, не лишаются нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ, то имъ, казалось бы, нѣтъ и надобности счтаться съ «непреклонностью» своего хозяина. Существуетъ, наконецъ, на свѣтѣ фабричная инспекція, обязанная защищать рабочихъ отъ всякаго хозяйскаго произвола. Неужели ей неизвѣстно вполне законное желаніе рабочихъ устроить свою потребительскую лавку, не говоря уже о томъ, что, насколько извѣстно, фабричныя хозяйскія лавки были запрещены въ свое время. Кроме того, цѣны на товары также контролируются той же инспекціей. Впрочемъ, если все это и вѣрно, то извѣстно также, что на нашей родинѣ все можетъ быть» *).

Въ такомъ же почти положеніи находились дѣла въ Сормовскомъ обществѣ потребителей. Но теперь оно освобождается отъ связи съ заводской администраціей **).

Чтобы какъ слѣдуетъ познакомиться съ этимъ обществомъ, возьмемъ періодъ, когда лавка управлялась служащими завода, которые чувствовали себя полновластными хозяевами въ общественномъ дѣлѣ.

Не говоря уже о томъ, что правовое положеніе пайщиковъ тогда сводилось къ нулю, и потребитель, подѣ страхомъ увольненія съ завода, не могъ смѣть «свое сужденіе имѣть»,—правленіе не отличалось даже на запросы членовъ общества. Ни для кого не секретъ, что въ то время нерѣдко случалось такъ, что въ лавкѣ «хоть шаромъ покати»—ни муки, ни крупы, а вѣдь это предметы первой необходимости. Веденіе отчетности было примитивное, вслѣдствіе чего являлась масса недоразумѣй. Изъ докладной записки, приложенной къ отчету правленія за 1903 г. усматривается, что долгъ за заводомъ во время «аристократическа

*) „Союзъ потребителей“ отъ 2 мая 1905 г.

**) Чтобы посохѣйствовать обществу отчасти и въ этомъ смыслѣ Максимъ Гукій и Шалипинъ внесли въ него, какъ сообщала *Русская Газета* отъ 7 октября, по 15,000 руб. въ сентябрѣ 1905 г.

правления постоянно росъ и въ 1899 году превысилъ полмилліона рублей. Общество, чтобы какъ-нибудь извернуться, выдавало векселя, платя за учетъ ихъ. Кроме того, въ 1897 г., т.-е. во время особеннаго повышенія долга, заводъ сталъ брать съ общества 1% за переводимыя деньги. Все это могло создаться только при игнорированіи интересовъ лавки и при подобострастномъ отношеніи правленія къ заводу, а это и породило борьбу между служащими и рабочими, кончившуюся тѣмъ, что 6 ноября 1901 г. былъ выбранъ составъ правленія изъ рабочихъ.

Съ этого момента въ дѣлахъ лавки произошелъ коренной переворотъ. Новое правленіе въ меньшей степени стало поддаваться гипнозу администраціи завода и, не впадая въ летаргическій сонъ, которому было подтверждено прежнее правленіе, принялось за расчистку мѣста для кооперативной дѣятельности.

Почва для насажденія кооперативныхъ идей оказалась очень благоприятной, но многія изъ нихъ, испытавъ давленіе со стороны, погибли въ зародышѣ. Этимъ «давленіемъ со стороны» было опять же отношеніе заводской администраціи, которое, будучи вообще недоброжелательнымъ, еще болѣе обострилось съ переходомъ управленія лавки въ руки рабочихъ. Заводская администрація, по словамъ П. С. Захарова въ № 19 «Союза Потребителей» за 1904 г., «смотря все время на правленіе черезъ красныя очки, постоянно представляла, что видитъ красное зарево, котораго на самомъ дѣлѣ не было», такъ какъ правленіе общества все свое вниманіе обращало на поднятіе «только матеріальнаго и нравственнаго уровня своихъ членовъ».

Вскорѣ по вступленіи новаго правленія долгъ за заводомъ значительно сократился, было открыто новое отдѣленіе лавки и прежнее примитивное счетоводство было преобразовано. Введена подѣотчетность и ответственныя приказчики стали приниматься только съ залогами.

Изъ намѣченныхъ правленіемъ цѣлей нужно отмѣтить еще и то, что оно всѣми силами старалось вывести пайщиковъ изъ того забитаго положенія, въ которомъ они находились при старомъ правленіи,—указать на ихъ правовое положеніе въ общественномъ дѣлѣ и привлечь къ активной дѣятельности на началахъ коопераціи.

Прилагая усилія къ подъему духовно-нравственнаго уровня своихъ членовъ, правленіе проектировало открыть бібліотеку-читальню и уже были выбраны попечитель и члены совѣта, какъ администрація завода явила энергичный протестъ и проектъ не осуществился.

Въ виду такого отношенія заводской администраціи къ обществу безостановочно возникали разные инциденты. Задумано было, напр., устроить баню. Правленіе обратилось къ заводу съ просьбой отдать въ аренду дѣль бани участокъ земли; участокъ указанъ былъ на болотѣ, а потому пришлось отказаться. Судѣлами попытку перейти къ нормальному уставу, и тутъ препятствіемъ явилась также администрація, пригрозившая прекратить выдачу записокъ.

Хотя въ дѣятельности нынѣшняго правленія и были промахи, объясняемые недостаткомъ опытности, но во всякомъ случаѣ оно отнеслось къ дѣлу серьезно и не утратило инициативы даже при такой сильной оживленности. Это правленіе очистило поле для болѣе плодотворной дѣятельности новыхъ избранниковъ, отъ которыхъ будетъ зависетьъ судьба общества.

Но если въ новое правленіе попадутъ приверженцы партіи, которая чужда кооперативныхъ идей и принциповъ, а борется за обладаніе широкимъ, то все, что создано предшественниками «поростетъ травой забвенья».

Хуже обстоитъ дѣло въ путиловскомъ обществѣ потребителей въ Петербургѣ.

Сотрудникъ *Сына Отечества* (отъ 28 іюля) А. Петрищевъ рассказываетъ слѣдующее о путиловскомъ потребительномъ обществѣ, различными объявленіями котораго, имѣвшими отношеніе къ стачкамъ, возбуждали недоумѣніе многихъ. Въ рассказѣ г. Петрищева это недоумѣніе нѣсколько разъясняется, хотя желательно было бы имѣть официальное разъясненіе со стороны лицъ, стоящихъ во главѣ путиловскаго общества, что же оно, въ концѣ-концовъ, собою представляетъ? Есть ли это, въ самомъ дѣлѣ, кооперативная организація, или особое лишь замаскированное предпріятіе администраціи заводууправленія.

Вотъ что рассказываетъ г. Петрищевъ:

— Вотъ вамъ первое вещественное доказательство,—показываетъ на потребительскую лавку мой попутчикъ Р., съ которымъ мы, сидя на верхнемъ этажѣ конки, подъѣзжаемъ къ Путиловскому заводу.—Исторію-то этихъ милыхъ учрежденій вы, навѣрное, знаете...

— Немножко... Даже помню покойнаго генерала Мальцева и его знаменитое правило: Рабочему деньги не нужны.

Ибо, что рабочему человѣку требуется? Хлѣбъ? У меня свои мукомольни и пекарни. Сахаръ?—У насъ собственные рафинадные заводы! Водка?—Пожалуйте къ намъ на винокуренный заводъ. Чай, мясо, перецъ, сало, табакъ?—На каждомъ перекресткѣ стоитъ заводская лавочка: приходи и бери. Попу за требу заплатить?—Мы, генералъ Мальцевъ, чеканить собственные марки, и въ предѣлахъ нашихъ владѣній онѣ вполне замѣняютъ государственную монету.

Если кому и нужны деньги, такъ это заводу для оборота. А рабочій все можетъ получить натурой...

Потомъ законъ запретилъ расплату товаромъ и марками. И тогда стали усиленно возникать потребительскія товарищества.

— Устраивайте, братцы-рабочіе,—говорили заводчики,—свою торговлю. Освободитесь отъ безбожной эксплуатаціи обдиравъ купцовъ. Кровь, вѣдь они вашу сосутъ. Мы вамъ въ этомъ святомъ дѣлѣ поможемъ.

Рабочіе устраивали, т.-е. вносили въ потребительскую кассу свои трудовые пай. А заводчики, дѣйствительно, «помогали». На Бѣжецкомъ заводѣ брянскаго товарищества одно время на выстрѣлъ не подпускались «частные торговцы».

— Наши милые друзья рабочіе имѣютъ собственную общественную лавку. Развѣ мы можемъ допустить, чтобы кто-либо дѣлалъ имъ конкуренцію? Позже, когда потребительскія лавки сдѣлались столь же ненавистны, какъ и прежнія мальцевскія марки, и по этой причинѣ начали подвергаться разгрому, заводская администрація расточала угрозы:

— Ну, не идіоты ли вы? Ну, не болваны ли? Пусть контору разбили. Она всетаки наша, заводская. Но лавку-то зачѣмъ? Вѣдь она же ваша, собственная. Скажите, гдѣ еще найдутся такіе дураки, которые свое имущество разоряютъ?

Такого сорта рѣчи можно было услышать даже въ январѣ 1905 года. И только теперь люди стали откровеннѣе. На томъ же, къ примѣру, Путиловскомъ заводѣ вывѣшено было объявленіе:

«Во все время забастовки рабочимъ въ кредитъ изъ потребительскихъ лавокъ ничего не отпускать».

Обращаясь къ своему сосѣду по конгѣ, молодому человѣку съ умнымъ лицомъ:

— Вы—здѣшній рабочій?

— Да... По кузнечному цеху.

— Зачѣмъ вы такое постановленіе сдѣлали?

— Какое?

— Сами себя въ своихъ лавкахъ кредита лишили...

— Да развѣ онѣ наши?

— А чья же?

— Известно, заводскія. Изъ 15,000 рабочихъ на Путиловскомъ заводѣ, можетъ, наберется человѣкъ сто пайщиковъ въ этой самой истреблѣкѣ. Да и тѣ больше для декораціи, вродѣ крестьянина Несчастлива при графѣ Бобринскомъ»...

Въ тотъ день, когда г. Петрищевъ нанечаталъ эту въ общемъ вѣрную характеристику путиловскаго потребительскаго общества, на дверяхъ столовой рабочихъ Путиловскаго завода было вывѣшено еще одно объявленіе:

«Съ 28 іюля отъ 3 час. дня въ столовой общества потребителей при Путиловскомъ заводѣ будутъ бесплатно отпущаться обѣды женамъ и дѣтямъ бѣднѣйшихъ рабочихъ Путиловскаго завода въ количествѣ до 500 обѣдовъ ежедневно, причемъ право на полученіе обѣда будутъ имѣть первые пришедшіе. Отпускъ обѣдовъ будетъ производиться за счетъ частной благотворительности».

Добавимъ, что продолжительная пріостановка работъ на этомъ заводѣ вызвала среди многотысячной массы его рабочихъ и ихъ семействъ буквально голодовку, обратившую на себя общественное вниманіе. На помощь голодающимъ приходятъ рабочіе другихъ заводовъ, а также и частныя лица». Не видно—замѣчаетъ по этому поводу г. Анофріевъ въ «Союзѣ потребителей» (№ 14), чтобы само путиловское «общество» приняло въ этой необходимой помощи рабочимъ непосредственное участіе, ибо если

оно и кормить 500 человекъ, то дѣлаетъ это за счетъ «частной» благотворительности. Это будетъ вполне понятно, если вѣрно, что подъ «обществомъ» здѣсь подразумѣвается заводская администрація».

Послѣ всего этого не удивительно, что представители рабочихъ изъ социаль-демократическаго «меньшинства» обратились къ массѣ участниковъ путиловскаго общества потребителей съ воззваніемъ *), въ которомъ, между прочимъ говорится: «Вспомнимъ, какъ мы ждали помощи въ видѣ кредита заводъ потребительнаго общества, какъ во все время забастовки, мы кредитомъ не пользовались». Почему эти надежды участниковъ потребительнаго общества не оправдались, въ воззваніи объясняется слѣдующимъ образомъ: «Во главѣ потребительнаго общества стоитъ заводское начальство. Администраціи потребительнаго общества—администрація завода». Далѣе воззваніе учитъ, какъ выйти изъ этого положенія. «Вы должны объяснить каждому пайщику, что при такомъ правленіи они становятся врагами рабочихъ и союзниками капиталистовъ. Вы должны объяснить, что рабочими деньгами должны распоряжаться рабочіе».

Посмотримъ теперь, какъ отражается зависимость желѣзнодорожныхъ потребительныхъ обществъ отъ администраціи на дѣлахъ этихъ обществъ. Для этого остановимся на лучшемъ изъ нихъ Пермскомъ.

По даннымъ отчета за 1902 г., общество потребителей служащихъ пермской желѣзной дороги имѣло до 12,000 членовъ съ годовымъ отпускомъ товаровъ почти на 2.000,000 рублей. Поэтому, болѣе близкое знакомство съ направленіемъ его дѣятельности не будетъ бесполезнымъ для другихъ обществъ потребителей, особенно желѣзнодорожныхъ. Остановимся сначала хотя кратко на исторіи возникновенія его и на главнѣйшихъ чертахъ организаціи.

Наиболѣе раннія по постройкѣ линіи теперешней пермской желѣзной дороги, пересѣкая Уральскій хребетъ съ запада на востокъ (линія Пермь-Екатеринбургъ) и идя почти параллельно ему на сѣверъ (линія Чусовская-Веретье), пролегаютъ по мѣстности, малонаселенной и въ настоящее время; поѣзда этихъ линій и теперь еще мчатся среди горъ, лѣсовъ и болотъ съ минутными остановками на небольшихъ станціяхъ, и лишь изрѣдка паровозы ихъ отдыхаютъ на станціяхъ при такихъ крупныхъ заводахъ, какъ Кушвинскій И., Тагильскій, Невьянскій и др. Тѣмъ рѣже было население этихъ линій 25 лѣтъ назадъ, когда совершилось открытіе ихъ. При такихъ условіяхъ вопросъ о снабженіи служащихъ дороги продуктами потребленія являлся весьма важнымъ. Разрѣшеніе его сначала взяла на себя администрація дороги, ею былъ образованъ «продовольственный отдѣлъ и открыты «склады» для продажи товаровъ почти на всѣхъ конечныхъ участковыхъ станціяхъ: Пермь, Чусовская, Кизель, Бисеръ и др. Организація продовольственнаго отдѣла была чисто бюрократическая, безъ в

*) Прокламація подписана такъ: „Нарвскій районъ комитета Рос. Соц.-Д Рабочей Партіи“.

наго участія потребителей; благодаря этому, дѣла отдѣла шли не блестяще, и администрація дороги рѣшила преобразовать его въ общество потребителей. Преобразование это совершилось въ 1896 году, съ какого времени собственно и начинается исторія рассматриваемаго нами общества.

Организація общества потребителей, къ которому перешло все имущество бывшаго продовольственнаго отдѣла, въ данное время представляется въ такомъ видѣ. По уставу общество имѣетъ цѣлью доставлять своимъ членамъ и всѣмъ служащимъ и рабочимъ дороги необходимые предметы потребленія хорошаго качества по возможно дешевымъ цѣнамъ; членомъ общества можетъ быть каждый совершеннолѣтній служащій дороги, внесшій пай въ размѣрѣ мѣсячнаго жалованья, но не болѣе 100 рублей, причемъ допускается рассрочка внесенія пая на 10 мѣсяцевъ. Для удовлетворенія потребностей членовъ на разныхъ участковыхъ станціяхъ открыто 16 складовъ-магазиновъ. Въ каждому складу приписано нѣсколько прилегающихъ станцій, служащія которыхъ и являются заборщиками склада своего района. Въ складахъ общества имѣются самые разнообразныя товары, начиная съ мучныхъ и бакалейныхъ и кончая мануфактурными; если же въ складѣ нѣтъ какого-либо товара, то потребитель можетъ приобрести его по выданному складомъ «ордеру» въ частномъ магазинѣ или же затребовать чрезъ пермскій центральный складъ, за что взимается небольшой коммисіонный %. Отпускъ товаровъ производится только служащимъ дороги и только въ кредитъ по заборнымъ книжкамъ. Забранная потребителемъ сумма (отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ мѣсячнаго жалованья) удерживается изъ его жалованья управленіемъ дороги, куда счетоводствомъ общества по окончаніи мѣсяца представляются дебиторскіе списки.

Дѣлами общества завѣдуютъ: собраніе уполномоченныхъ, совѣтъ, правленіе, наблюдательный комитетъ и ревизіонныя коммиссіи.

Уполномоченные избираются на 3 года письменною подачею голосовъ всѣми членами каждаго района въ отдѣльности, по одному уполномоченному на 50 членовъ; независимо отъ этого, начальникомъ дороги назначается на каждый районъ по одному уполномоченному, обыкновенно изъ начальствующихъ лицъ на линіи, не попавшихъ по выборамъ. Дважды въ годъ уполномоченные собираются въ Пермь для выборовъ администраціи общества, рассмотрѣнія смѣты, отчета и другихъ вопросовъ. Предсѣдатель собранія уполномоченныхъ назначается начальникомъ дороги и выборъ его обыкновенно падаетъ на одно изъ начальствующихъ лицъ; секретари избираются самимъ собраніемъ. Собраніе уполномоченныхъ избираетъ правленіе, которому поручается ближайшее завѣдываніе дѣлами общества, наблюдательный комитетъ, который является контрольнымъ органомъ, и членовъ ревизіонныхъ коммиссій, завѣдующихъ магазинами общества. Советъ общества составляется изъ наблюдательнаго комитета и правленія; компетенція его подлежитъ разрѣшенію наиболѣе важныхъ изъ текущихъ вопросовъ. Срокъ полномочія членовъ правленія и ревизіонныхъ коммиссій года, а наблюдательнаго комитета—2 года. Въ составъ правленія въ

данное время входят 6 членовъ, наблюдательнаго комитета—4 члена и въ составъ ревизионной комиссіи каждаго склада—2 члена; кромѣ того, въ каждую изъ этихъ коллегій начальникомъ дороги назначается по одному члену.

Особенностью разсматриваемаго общества является разнородность его членовъ по своему матеріальному и служебному положенію. Членами общества являются—ремонтный рабочий съ поденною платою 50 коп. и начальникъ дороги съ суточнымъ содержаніемъ около 50 руб.; одному потребителю нужны: соленый огурецъ, кислая капуста, грошевые пряники и конфеты, лапоть и т. п., другому—пикули, томаты, шоколадъ, лайковая или лакированная обувь и т. п. Общество потребителей должно одинаково удовлетворить этихъ членовъ, чтобы они не были въ обидѣ, чтобы общество считалось ими своимъ. Кромѣ того, какъ агенты дороги, одинъ изъ членовъ является начальникомъ другому: одинъ привыкъ властно призывать, другой поставленъ въ необходимость безпрекословно исполнять безапелляціонныя распоряженія перваго; общество же нивелируетъ права своихъ членовъ, и интересы его требуютъ прежде всего свободнаго отношенія одного члена къ другому.

Не менѣе характерною чертою общества потребителей нужно признать соприкосновеніе его интересовъ съ интересами дороги: съ одной стороны, общество пользуется капиталомъ и зданіями бывшаго продовольственнаго отдѣла, провозитъ свои товары по дорогѣ по льготному тарифу, получаетъ съ потребителей деньги черезъ управленіе дороги; съ другой—само управленіе дороги нуждается въ услугахъ общества отчасти какъ непосредственный потребитель (больницы, училища), отчасти косвенно, такъ какъ въ складахъ общества забираютъ припасы и кредитуются подрядчики дороги и поденные рабочіе, для которыхъ устроены даже спеціальныя склады (на ст. Баской, гдѣ заготавливаются лѣсные матеріалы). При этомъ управленіе дороги имѣетъ представительство въ администраціи общества и можетъ вліять на дѣла его какъ черезъ этихъ представителей, такъ и по праву сильнаго, какъ начальство каждаго изъ членовъ общества.

Оба эти фактора,—составъ членовъ и отношенія къ управленію дороги, необходимо имѣть въ виду при обсужденіи того или другаго явленія въ жизни общества.

Возвратимся къ исторіи общества. Въ первые годы существованія оно мало отличалось отъ своего предка—продовольственнаго отдѣла. Число членовъ общества было сравнительно не велико; уполномоченные принадлежали къ высшимъ или среднимъ служащимъ дороги, а составъ выборной администраціи былъ почти исключительно изъ начальниковъ службъ, ихъ помощниковъ и другихъ инженеровъ. Малочисленныя собранія уполномоченныхъ проходили чинно и смирно: уполномоченные почтительно слушали то, что хотѣла сказать имъ администрація, молчаливо соглашались со всѣми предложеніями ея и щедро благодарили ее за труды, отчисляя въ вознагражденіе максимальный % (15) изъ прибыли. Въ это время въ дѣлахъ

общества было полнѣйшее отсутствіе гласности: на засѣданія правленія, наблюдательнаго комитета и совѣта не допускались даже уполномоченные, а собранія послѣднихъ были закрыты для членовъ общества. При такихъ условіяхъ дѣла общества, повидимому, шли прекрасно, прибыль отъ операцій получалась большая и членамъ выдавался солидный дивидендъ. Правда, что прибыль эта дѣлилась между незначительнымъ числомъ потребителей, имѣющихъ паевые взносы, а остальные жаловались на высокую расцѣнку товаровъ. Но кто же мѣшалъ имъ внести пай и участвовать затѣмъ въ распредѣленіи барышей.

Солидные дивиденды привлекали большее и большее число членовъ, составъ уполномоченныхъ увеличивался и въ среду ихъ стали попадать лица иного взгляда на дѣло. Уже въ 1899 году составъ уполномоченныхъ настолько измѣнился, что въ весеннемъ собраніи былъ поставленъ, хотя и рѣшенъ еще отрицательно, вопросъ о допущеніи на него членовъ въ качествѣ публики; на томъ же собраніи отчетъ объ операціяхъ общества и доклады совѣта подвергались столь серьезной критикѣ уполномоченныхъ, что члены совѣта *in corpore* вышли въ отставку. Произведенные вслѣдъ за тѣмъ, по распоряженію начальника дороги, вопреки устава общества, новые выборы уполномоченныхъ дали еще болѣе благоприятные результаты для младшихъ служащихъ, а обновленные правленіе и наблюдательный комитетъ явились болѣе демократичными и по служебному рангу своихъ членовъ, и по отношенію ихъ къ дѣламъ общества. Съ этого времени дѣла общества перестали облекаться канцелярской, обыкновенно называемой у насъ «коммерческой», тайной: собранія уполномоченныхъ, засѣданія правленія, впоследствии—совѣта и наблюдательнаго комитета сдѣлались открытыми для всѣхъ членовъ, а критика дѣйствій администраціи на собраніяхъ уполномоченныхъ получила права гражданства.

Отказавшись отъ проводимаго раньше принципа—побольше барышей и только членамъ пайщикамъ, собраніе уполномоченныхъ неуклонно шло по пути соблюденія интересовъ наибольшей массы служащихъ дороги. Самою важною реформою въ этомъ направленіи было рѣшеніе отчислять дивидендъ на заборъ не только членамъ, имѣющимъ пай, но и всѣмъ потребителямъ, считая ихъ наравнѣ съ членами и при выборахъ уполномоченныхъ. Благодаря этому, число членовъ съ 3,311 человекъ въ 1899 году сразу возросло въ 1900 году до 8,133 человекъ, а увеличенный составъ уполномоченныхъ еще болѣе отодвинулся въ сторону младшихъ служащихъ. Затѣмъ была понижена расцѣнка товаровъ, особенно мучныхъ, усиленно рѣшаніе на доброкачественность продуктовъ, открыты новые склады, увеличены (до 10,000 руб. въ 1902 г.) отчисления изъ прибылей на пособія и стипендіи младшимъ недостаточныхъ служащихъ, улучшена центральная подпольная библиотека и открыты отдѣленія ея на линіи и т. п. Не забыты были и служащіе самого общества: штатъ ихъ увеличенъ, рабочіе часы уменьшены, содержаніе повышено и проч.

Конечно, все это создано не вдругъ, и новаторамъ пришлось затра-

тить не мало энергии, чтобы объединить столь разнородную массу, какъ собраніе уполномоченныхъ въ 100 человекъ. Среди уполномоченныхъ всегда были люди, кошелекъ которыхъ страдалъ отъ новыхъ «затѣй».

Двухмилліонное дѣло, руководимое выборными изъ служащихъ дорогъ, людьми не спеціальными въ торговлѣ, даетъ достаточно поводовъ для критики его. Вся суть въ направленіи этой критики. Уполномоченные, недовольные уменьшеніями своего дивиденда чрезъ распредѣленіе прибыли между всѣми потребителями и отчисленіемъ части ея на просвѣтительныя дѣла, во всѣхъ неудачахъ и непорядкахъ общества стали обвинять «гуманитарное» направленіе, «оскорбительное недовѣріе» уполномоченныхъ къ выборной администраціи и т. п. Однако защитники установившагося направленія умѣли отпарировать эти удары и объяснить непорядки съ своей точки зрѣнія; они неустанно доказывали, что въ непорядкахъ виноваты сами уполномоченные и члены общества, благодаря малому знакомству съ дѣлами общества и индифферентному отношенію къ нимъ, виновата бездѣтельность администраціи и т. п. Въ зависимости отъ этихъ причинъ или предлагались разныя мѣры къ ознакомленію съ дѣлами общества не только уполномоченныхъ, но и всѣхъ членовъ; рекомендовалось возможно болѣе близкое участіе уполномоченныхъ въ дѣлахъ общества, дѣйствительный контроль за дѣятельностью выборной администраціи и проч.

Такъ, получая ежегодно въ среднемъ по 50,000 рублей чистой прибыли, общество потребителей постепенно шло по пути улучшенія дѣла и положенія какъ своихъ членовъ, такъ и своихъ наемныхъ служащихъ; вмѣстѣ съ этимъ вырабатывался и необходимый элементъ для службы обществу по выборамъ, преимущественно изъ состава младшихъ и среднихъ служащихъ.

Бъ сожалѣнію, въ теченіе 1903 года «по независящимъ обстоятельствамъ» изъ среды уполномоченныхъ и администраціи выбылъ цѣлый рядъ людей, понимавшихъ задачи общества потребителей въ удовлетвореніи не однихъ только матеріальныхъ потребностей членовъ и всегда бывшихъ на стражѣ интересовъ меньшихъ своихъ товарищей.

Этимъ случайнымъ обстоятельствомъ, временно ослабившимъ ряды защитниковъ всего прогрессивнаго въ жизни общества, не замедлили воспользоваться явные и скрытые противники установившагося направленія дѣятельности общества. Уже въ декабрьское общее собраніе уполномоченныхъ посыпался цѣлый рой соответственныхъ докладовъ и даже записокъ на 20 печатныхъ страницахъ. Собраніе приняло почти безъ преній такіа важныя постановленія: въ принципѣ признало желательнымъ повышеніе расцѣнки мучныхъ товаровъ—первѣйшаго предмета потребленія низшихъ служащихъ; разрѣшило приемъ отъ членовъ добровольныхъ вкладовъ въ кассу общества изъ 6% годовыхъ, причемъ мелкіе вклады до 100 рублей, доступные для младшихъ служащихъ, почти воспрещены: полученіе ихъ обратно возможно лишь по утвержденіи отчета общества за тотъ годъ, когда вкладчикомъ сдѣлано заявленіе о возвращеніи денегъ, т.-е. по с .

явленію 1 февраля 1904 г. деньги можно получить не ранѣе іюня 1905 г.; между тѣмъ вклады свыше 100 рублей выдаются чрезъ 1 мѣсяць по заявленію о томъ вкладчика. Тѣмъ же собраніемъ отмѣнена премія служащимъ общества за излишній противъ нормы отпускъ товаровъ *).

Выяснивъ вредное вліяніе зависимости отъ администраціи, мы перейдемъ теперь къ другой внутренней причинѣ, отражающей неблагопріятно на организаціи потребительныхъ обществъ. Таковой причиной является до нѣкоторой степени обязательный нормальный уставъ. Составитель нормального устава былъ проникнутъ духомъ не кооперации, а меркантилизма и канцелярщины. Уставъ не только допускаетъ дивидендъ на пай, но и опредѣляетъ его максимумъ въ 10%. Какъ будто 6, 7, 8 и 9%—мало. Если нѣкоторыя **) заграничныя потребительныя общества допускаютъ дивидендъ (5%) на пай, то тамъ нѣтъ такого риска превращенія кооперации въ акціонерную компанію. На западѣ рабочіе, участники потребительныхъ обществъ, демократизируютъ ихъ даже при плохихъ уставахъ. У насъ же и хорошій уставъ не всегда можетъ спасти общество отъ исключительности, ибо самодѣятельность массы стѣснена.

Черезчуръ заботятся о пайщикахъ, а не о томъ, чтобы дивидендъ распределялся почти исключительно пропорціонально потребленію, т.-е. забору отдѣльныхъ членовъ, нормальный уставъ не опредѣляетъ максимума паевъ, могущихъ находиться во владѣніи одного члена. Въ § 14 устава говорится: «Число паевъ, коими можетъ владѣть одно лицо, опредѣляется общимъ собраніемъ. Благодаря этому § въ наши потребительныя общества втираются богатые пайщики, которые вовсе не интересуются покупками, а заботятся только о дивидендѣ, и деньги свои вносятъ, какъ акціи, ожидая баснословныхъ выгодъ. Они же поддерживаютъ высокія цѣны на товары; вслѣдствіе вліянія ихъ на предметы первой необходимости накладывается высокой процентъ, а на предметы роскоши—низкій. Въ связи съ этимъ же получается то, что пайщики нѣкоторыхъ заводскихъ обществъ (Сормовскаго, Путиловскаго), получаютъ на пай до 50% дивиденда, владѣя иногда 60 паями, вопреки всякимъ уставамъ. Такими крупными пайщиками являются, конечно, администрація, бухгалтера, конторщики и т. п. Остальные же, т.-е. рабочіе, мастеровые, благодаря которымъ растетъ оборотъ, часто не имѣютъ даже возможности называться членами. Они фигурируютъ въ качествѣ «заборщиковъ», пока не выплачатъ всей стоимости пая и не могутъ быть выбраны въ члены правленія, ибо нормальный уставъ позволяетъ быть избираемымъ только тѣмъ, кто имѣетъ, «по крайней мѣрѣ, одинъ пай».

Другимъ ненормальнымъ явленіемъ, узаконеннымъ нормальнымъ уставомъ, является управленіе многихъ потребительныхъ обществъ не общимъ

*) «Союзъ потребителей» отъ 7 мая 1904 г.

**) Наиболѣе совершенныя по организаціи общества учреждаютъ особыя сберегательныя кассы, куда члены и вкладываютъ лишніе деньги, получая опредѣленный доходъ.

собраниемъ всѣхъ членовъ, а собраніемъ небольшой кучки уполномоченныхъ, что происходитъ отъ отсутствія свободы собраній. Эти уполномоченные только въ рѣдкихъ случаяхъ выражаютъ мнѣніе большинства и оказываются на высотѣ положенія. На собраніяхъ такихъ «уполномоченныхъ» мухи дохнуть отъ скуки, и они келейно обдѣлываютъ свои дѣла. Нормально ли, что такое большое потребительное общество, какъ перское желѣзнодорожное, насчитывающее около 12,000 членовъ, вѣдетъ только 100 уполномоченныхъ, а прежде ихъ было еще меньше.

Мы не будемъ перечислять другіе, менѣе значительные промахи (например, разрѣшеніе отпускать въ кредитъ), допущенные въ нормальномъ уставѣ. Въ заключеніе же скажемъ, что когда у насъ установится свобода собраній и союзовъ, тогда нормальный уставъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ обязательнъ. Точно также ослабится и уничтожится зависимость потребительныхъ обществъ и коопераціи вообще отъ кого бы то ни было. Наконецъ, явочный порядокъ учрежденія всякихъ обществъ значительно облегчитъ ихъ возникновеніе. Однимъ словомъ, свобода союзовъ будетъ для потребительныхъ обществъ тѣмъ, чѣмъ дождь является для грибовъ.

В. Тотоміанецъ.

Журнальное обозрѣніе.

I.

Въ майской книгѣ *Русскаго Богатства* напечатанъ талантливый разсказъ Е. М. Милицыной «Верева». Авторъ, извѣстный уже своими очерками изъ народнаго быта, и на этотъ разъ вводитъ насъ въ темный міръ чеховскихъ «мужиковъ» и рисуеъ одну за другой безотрадныя картины деревенской жизни. При этомъ разсказъ построенъ такъ, что вниманіе самого автора, а потому и читателя, раздвояется между отдѣльнымъ, конкретнымъ случаемъ, составляющимъ сюжетъ произведенія, и общимъ строемъ крестьянскаго существованія. Все то, что говорится о герояхъ и героиняхъ «Верева», слишкомъ явно оказывается лишь образцомъ, иллюстраціей, и ступшено въ своемъ самостоятельномъ значеніи. Для автора гораздо важнѣе обобщенія, къ которымъ онъ и спѣшитъ при каждомъ удобномъ случаѣ перейти, чѣмъ опредѣленныя личности и событія; оттого послѣднія нерѣдко отступаютъ въ тѣнь, о чемъ слѣдуетъ только пожалѣть, такъ какъ изобразительная сила г-жи Милицыной больше удовлетворила бы читателя, нежели ея теоретическія разсужденія. Авторъ — достаточно серьезный художникъ, для того чтобы онъ былъ понятенъ и безъ собственнаго комментарія или безъ симпатичныхъ по существу, но все же публицистическихъ отступленій, вродѣ слѣдующаго, вызваннаго картиной уплаты податей изъ натруженныхъ, мозолистыхъ рукъ: «О, если бы это видѣли тѣ, кто проживаетъ эти собранныя изъ тысячей кистевъ деньги, они, пожалуй, не такъ бы ловко чувствовали себя въ своихъ раззолоченныхъ мундирахъ, а во взглядахъ ихъ женъ и дочерей, въ дорогихъ бальныхъ платьяхъ, открывающихъ ихъ бѣломраморныя плечи, не было бы того обольстительнаго самоупоенія, за которымъ не до ни видѣть, ни слышать ничего вокругъ себя!»

Среди разнообразныхъ явленій жизни, затронутыхъ въ разсказѣ, особенно теплое вниманіе удѣлено положенію крестьянскихъ вдовъ, безпощадныхъ и бессильныхъ. Такъ какъ въ нашей деревнѣ люди связаны между собою преимущественно хозяйственными интересами, такъ какъ въ ней человѣкъ человѣку — работнику, то живое существо, ослабленное въ

своей работоспособности, терять права на чужую заботу и внимание и само съ этимъ мирится, само считаетъ это въ порядкѣ вещей и смотритъ на себя какъ на лишнее. И вдова несеть свой крестъ, и гонять ее изъ избы, и не дають ей ѣсть, если она мало работаетъ. Бабу ли роптать, она ли могла научиться ропоту, когда вся ея жизнь проходитъ «отъ двери до печки»? На этой площади не нагуляешь энергій и возмущенія. Деревня, по изображенію г-жи Милицыной, привыкла къ тому, что сильные должны угнетать слабыхъ, что умный долженъ закабалить себя глупаго, и никто не возмущается богатѣемъ, хотя и ненавидитъ его. Такъ это было искони, «таковъ ужъ положенъ предѣлъ», и деревня цѣлко держится своихъ традицій. Авторъ особенно подчеркиваетъ эту связь деревенскаго строя съ прошлымъ и часто указываетъ на то, что каждый данный моментъ въ жизни крестьянъ является только повтореніемъ прошлаго. Деревня какъ бы остановилась, и въ каждой избѣ «вѣетъ чѣмъ-то старымъ, тянущимся съ незапамятныхъ лѣтъ».

Такъ же, какъ и въ старину, съ рваными пѣтухами, крестя ротъ, затопляя Николавна разсѣвшуюся печку, въ которой варились всегда одиѣ и тѣ же «картошки» да щи съ сѣрой капустой. Въ избѣ такъ же дуло въ ноги и парило отъ желѣзной трубы въ голову; несло въ одиночныя, промерзавшія окна и въ шлохо притворявшуюся дверь. Женщины прями съ ранней зари и до поздней ночи, и въ ихъ повахъ, въ короткихъ, давно выработавшихся рѣчахъ, въ укачиваніи люльки ребенка было что-то такое же старое, такое же—съ незапамятныхъ временъ. И даже въ тѣхъ новостяхъ, какія иногда приносили съ собою въ избу сосѣди, было это же старое, давно всѣмъ извѣстное. Разказывалось о чьей-нибудь смерти отъ вина, о пожарахъ, о томъ, что ударившей молоней убило чорта и отъ брызнувшей изъ него крови занялось сразу три риги; о кражѣ овчинъ, о дракахъ; о томъ, какъ и гдѣ «лучили» бабу.

Такъ жизнь мужика Балина, безропотно ѣвшаго хлѣбъ съ золой, является продолженіемъ жизни и мыслей его отца и дѣда, тѣмъ болѣе что крѣпостное право хотя и отошло, но сохранилась иная форма его: «словно стѣны окружили крестьянъ со всѣхъ сторонъ земли помѣщиковъ». И вотъ, «время тянется тяжело, однообразно, словно тянетъ за собою цѣлое прошлое, съ такою же духотою и тьмою; словно ему трудно идти впередъ, и оно можетъ только тянуться, такъ, безъ конца».

Въ силу той же традиціи крестьянскія женщины выли, когда умирали ихъ дѣти (а въ деревнѣ дѣти больше всего—умирають); но причиною этого мора считали нѣчто постороннее, роковое—родимчикъ, дурной глазъ. Вотъ съ глазу умеръ и послѣдній ребенокъ Николавны, мальчикъ лѣтъ восьми.

Весь долгій великій постъ ребенокъ чахъ на печи и мать подавала ему вареную картошку. Онъ бралъ ее, по старой привычкѣ, кусалъ и лежалъ съ тошкой въ ручкѣ, глядя по цѣлымъ часамъ въ пространство. Передъ смерью ему вдругъ захотѣлось ѣсть, и это желаніе поѣсть было выражено въ видѣ необой мечты.

— Мамушка,—проговорилъ ребенокъ, переводя свой взглядъ съ пространства на мать,—что бы теперь, если бы я курченка молоденькаго съѣлъ? А?... Да, шъ это я такъ.

— Теперь нельзя, миленькій; теперь постъ,—въ раздумья проговорила Николаевна.—Грѣхъ великій. А то бы, рази, я пожалѣла для тебя, дитятко?

— Сходи къ бабушкѣ, спроси. Коли можно, я бы съѣлъ. Мать собралась и пошла, а ребенокъ еще долго мечталъ о дышлѣдкѣ. На другой день дышленка сварили. Большой съѣлъ его всего сразу.

— Ну,—сказалъ онъ,—мамушка, наѣлся я теперь день на пять. На другой день онъ умеръ.

Другой ребенокъ, Егорушка, былъ не такъ счастливъ и напрасно просилъ дать ему яичко: ему взаменъ предлагали черный хлѣбъ, картошку; онъ, убѣдившись въ обманѣ, закатывался плачемъ. Ручки и ножки его стали худѣть, личико пухло и желтѣло, и сталъ увеличиваться животъ. Мать и бабка рады были бы кормить его яичками, но онѣ были обѣ—вдовы и жили у родственниковъ, которые яичекъ не давали, которые и вообще-то обѣихъ женщинъ сживали со свѣту. Напрасно жаловались онѣ въ волость, къ земскому,—ихъ родственникъ Калинъ до такой степени держалъ ихъ въ своей хозяйственной власти, что не откуда было ждать имъ спасеніе; и шли ихъ дни за днями, «впитывая въ себя весь страхъ за жизнь, и за ними, какъ звенья той же тяжелой цѣпи, тянулись темныя ночи». Надъ вдовами сильныя совершали насиліе, и онѣ покорялись ему. Калинъ рѣшилъ младшую вдову Парашу, невѣстку старой, выдать замужъ; онъ сообразилъ, что если это удастся, то старуха останется одна, и тогда еще легче будетъ окончательно сломить ее, и прекратится судьбище, затѣянное ею изъ-за лошади для подростка Егорки. Калинъ такъ прижалъ обѣихъ вдовъ, что волей-неволей Параша согласилась выйти замужъ за мужа съ землистымъ лицомъ, съ красными, воспаленными вѣками. Онъ былъ бездѣтный вдовецъ и владѣлецъ каменной избы, четырехъ лошадей, трехъ коровъ и кованыхъ телѣгъ. И онъ говорилъ про Егорку, сына Парашы отъ перваго брака: «А что Егорка-то—да, ништо, я его чернымъ хлѣбомъ кормить буду? У мене для него будогъ будетъ безъ переводу. Какъ въ городъ, такъ ему по цѣлому мѣшку буду привозить. Ышь, сколько хощь; мною обиженъ не будетъ». Но вотъ однажды, когда этотъ самый Егорка сидѣлъ, печальный и скучный, на колыняхъ у бабки, отворилась дверь, и въ избу вошла Параша. «Увидѣвъ мать, Егорка съ плачемъ потянулся къ ней, но Параша остановилась у порога и не трогалась съ мѣста. Лицо ея было блѣдно, въ глазахъ стоялъ ужасъ.

— «Мамушка,—проговорила она, и отъ звука ея голоса похолодѣло сердце у Матвѣвны,—что же мы съ тобой издѣлали? Вѣдь мужъ-то мой, с... гнилой».

Такъ покончилъ Калинъ съ молодой вдовой, а старой онъ сказалъ, чтобы она перешла къ нему въ избу; и когда она помретъ, онъ обѣщавъ сравить по ней «сороковустъ». Старая вдова и собралась умереть. На ревкѣ, протянутой черезъ дворъ Калина, вывѣсила она и сушила свое «мертвушко»,—туалетъ своего будущаго, близкаго гроба. «И, казалось, живно отъ всей этой жизни оставалась одна только веревка со «смерт-

нымъ», и эта веревка колыхалась во всякомъ дворѣ, протянулась черезъ все село, черезъ всю жизнь крестьянскую».

Гробъ оказался еще ближе къ самому Калину. «У Бога времени мно-о-го. Вуда спѣшить? Помремъ и такъ»,—этими словами отговаривалъ Калина односельчанинъ, когда тотъ собирался чистить большое топкое болото съ осклизлыми берегами. И болото оставалось нечищеннымъ. Изъ него, работая въ полѣ, напился Калинъ, и вотъ онъ лежитъ больной, въ жару. Смерть къ нему «ближе рубахи». Онъ умеръ. Вокругъ его тѣла стояли родные, молчаливо стояла и Параша «съ явными слѣдами ужасной болѣзни на своемъ еще недавно миловидномъ, молодомъ лицѣ, съ тусклымъ взглядомъ еще недавно ясныхъ глазъ». А Егорка серьезно всматривался въ мертвое лицо, «словно стараясь прочесть въ немъ что-то для своей молодой, начинающейся жизни».

Что Егорку ожидаетъ новое будущее, что деревня всколыхнулась въ своихъ устояхъ, что будетъ, наконецъ, вычищено топкое болото съ осклизлыми берегами,—на это, повидимому, надѣется авторъ, и даже, когда умиралъ Калинъ, послѣдній, если вѣрить г-жѣ Милицыной, вспомнилъ то, что «ураганомъ мыслей и чувствъ пронеслось за послѣдній кровавый годъ надъ его селомъ, то вызывая въ Калинѣ какую-то невѣданную имъ ранѣе ненависть и злобу... то выростая въ такой же, невѣданный ранѣе, приливъ силы и жажды чего-то иного, чего не дала ему жизнь. Онъ часто ощущалъ въ себѣ за послѣднее время это иное».

Этотъ мотивъ, звучащій на послѣдней страницѣ разсказа г-жи Милицыной, является неожиданнымъ, и къ основной элегической нотѣ ея произведенія онъ присоединенъ какъ-то механически, — словно авторъ вспомнилъ, что нельзя не отозваться на злобу дня, на послѣднія событія деревни. Если же Калинъ дѣйствительно на смертномъ одрѣ испыталъ обновленіе и почувствовалъ дыханіе новой русской жизни, то такого важнаго момента не слѣдовало бы касаться мимоходомъ.

Въ VI книгѣ *Журнала для всѣхъ* отиѣтитъ разсказъ,—отчасти въ чеховскомъ стилѣ—г. Ильи Сургучева «Слѣдствіе», не лишенный свѣжихъ и живыхъ чертъ. Не останавливаясь на аксессуарахъ и, такъ сказать, человѣческой орнаментикѣ второстепенныхъ фигуръ, изъ которыхъ нѣкоторыя очень выразительны, передадимъ фабулу.

Лѣсникъ убилъ у себя въ сторожкѣ захожаго монаха и зарылъ его трупъ въ лѣсу. Польстился лѣсникъ на деньги, которыя были у жертвы. Слѣдователи, приставъ, докторъ, понятые отправляются въ лѣсъ вырыть закопанное тѣло. По дорогѣ они болтаютъ всякій вздоръ, рѣзко контрастирующій съ ужасомъ крови и преступленія. Только слѣдователь, больной, измученный человѣкъ, не раздѣлялъ общей веселости. «Онъ съ ненавистью вглядывался въ резиновые галоши доктора съ плохо отмытой грязью назади, которыя каждыи разъ оставляли послѣ себя свѣжій отпечатокъ подошвы. И ему казалось, что вотъ-вотъ изъ этой несчастной примятой травы должна политься кр...

Лѣсъ, казалось ему, тоже шепчетъ что-то о пролитой крови, и коростели поютъ похоронную пѣсню, и топотъ ногъ, какъ телеграфный станокъ, выбиваетъ какія-то слова про смерть. Въ голову лѣзли мысли о томъ, что какой-то рокъ, могучій и властный, смьянѣ котораго ничего нѣтъ въ пространствѣ міровъ, царствуетъ на землѣ, *озлобленный на жизнь*. Онъ насмѣялся надъ людьми, насытивъ ихъ огромной потребностью счастья, общаго и равнаго; но жизнь устроилъ такъ, что каждый человѣкъ нищетъ на землѣ счастья не общаго, а только для одного себя».

Отрыли убитаго. Это былъ совсѣмъ еще молодой человѣкъ, лѣтъ 26, съ очень бѣлыми, ярко выделяющимся отъ крови лицомъ и съ длинными волосами, похожими на ленъ. Когда осмотрѣли трупъ, кромѣ цветочъ, чайника и молитвенника, чистаго, совсѣмъ не читаннаго, воскомъ не закапаннаго, нашли при немъ какіе-то полулисты, написанные синими чернилами, и бумагу, гдѣ значилось: предъявитель сего, окончившій курсъ Санкт-Петербургскаго Императорскаго...

Приставъ неодобрительно пересчитывалъ синіе листы мнимаго монаха; докторъ же, большой поклонникъ матеріальнаго благополучія, котораго, впрочемъ, самъ не добился, потому что, по его словамъ, никакъ не могъ изобрѣсти, напримѣръ, средства для рощенія волосъ («не шарлатанство, а дѣйствительное средство: помазать мысину и чтобъ вправду волоса показались—такъ это, братъ, міръ бы можно бросить къ своимъ ногамъ!»)—докторъ укоризненно бормоталъ:

Эхъ, народъ, народъ! Глупый народъ! Эхъ ты, монахъ въ сѣрыхъ штанахъ? По римскому праву—пять! По русскому государственному—пять! Вѣдь адвокаты теперь въ золотыхъ каретахъ ѣздятъ, по десять тысячъ за процессъ берутъ... Предсѣдателямъ судебной палаты могъ бы быть! Прокуроромъ былъ бы,—и то умирать не надо... Ахъ, монахъ въ сѣрыхъ штанахъ! Все за народъ, за общее благо... Вотъ тебѣ и благо! Монахъ, монахъ... въ сѣрыхъ штанахъ...

А голова убитаго, несомнаго въ сторожку, моталась изъ стороны въ сторону, и по лицу его скользили солнечныя пятна; было видно, что «при жизни онъ часто улыбался, улыбка его была хорошая, открытая, и голубые глаза, вѣроятно, казались прозрачными...»

Въ III, IV и V книгахъ *Мира Божьяго* напечатана повѣсть Б. Стрешевскаго «Оль-Сони-Кисанъ». Дѣйствіе ея происходитъ въ Кореѣ, и авторъ вводитъ насъ въ эту своеобразную страну, которая недавно, въ связи съ Японіей, занимала такъ много мѣста въ сознаниі русскаго общества. Ізъ сказа г. Стрешевскаго, несмотря на красивый пейзажъ и внѣшнюю занимательность, недостаетъ художественной силы и красоты; вы чувствуете, что почтенный писатель больше этнографъ и путешественникъ, чѣмъ романистъ. Но все же экзотическія краски востока привлекаютъ къ себѣ читателя, и, кромѣ того, общественная жизнь Страны Утренняго Спокойствія взята г. Стрешевскимъ какъ разъ въ томъ моментѣ, который ближесть ее съ нашей собственной родиной, съ этой страной великаго спокойства...

Авторъ показываетъ борьбу въ Корей двухъ теченій—либеральнаго, которое тяготеетъ къ Японіи, къ европейской культурѣ, и консервативнаго, которое съ ненавистью относится ко всемъ заморскимъ новинкамъ и которое въ лицѣ своихъ представителей говоритъ: «мы гибнемъ не потому, что не умѣемъ строить огненныхъ кораблей и желѣзныхъ дорогъ, но потому, что мы перестали почитать старинные обычаи и добродѣтели».

Молодой и знатный Кимъ-нонъ-чи—видный сторонникъ прогрессивныхъ реформъ, членъ клуба «Цвѣтокъ жениха», гдѣ, какъ недавно у насъ въ Россіи, предаются «несбыточнымъ мечтаніямъ» и гдѣ звучать убѣдительныя рѣчи противъ частной собственности на землю:

Зачѣмъ тебѣ земля? Самъ ты ея не воадѣлываешь!... По какому, значить, праву ты ее просишь? Развѣ ты создалъ ее? Или, можетъ быть, создалъ ее кто-либо изъ твоихъ предковъ?! Она существовала уже въ началѣ времени и родила все то, чего Отцомъ было Высокое Небо. Нельзя торговать чревомъ матери!... Земля должна принадлежать только тѣмъ, кто самъ работаетъ на ней, ласкаетъ и лелѣетъ ее, чтобы она рожала нужное намъ... Всѣ наши несчастья происходятъ отъ того, что люди вопреки справедливости завладѣли ббльшимъ количествомъ земли, чѣмъ они въ состояніи воадѣлать... Поэтому другіе принуждены были уйти въ города и придумывать тамъ себѣ неужныя занятія и должности...

Земля должна принадлежать тѣмъ, которые ее воадѣлываютъ. Въ будущемъ законъ долженъ воспрепятствовать захвату земли въ ббльшемъ количествѣ, чѣмъ собственникъ способенъ лично съ семьей обработать. Безъ передѣла земель не поправится у насъ народное хозяйство, не наполнится государственное казначейство... Всякія другія измѣненія вызовутъ исключительно безрезультатныя волненія... И я обращаюсь къ вамъ, воадѣлцамъ душъ и полей, и требую, чтобы вы, ради счастья и спокойствія вашихъ дѣтей, ради счастья и спокойствія общей нашей матери, Страны Утренняго Спокойствія, ради облегченія страданій народныхъ, отказались отъ вашихъ правъ и уничтожили ваши документы на воадѣніе вотчинами и рабами.

Но отецъ Кимъ-нонъ-чи, министръ Кимъ-окъ-кюмъ, возстаетъ противъ этой политической и социальной ереси; передѣлъ земли онъ считаетъ фантастичнымъ и къ тому же крайне опаснымъ проектомъ, угрожающимъ спокойствію страны спокойствія... И онъ закрываетъ общество реформъ. Какъ и у насъ въ Россіи, противники отчужденія земли клеветаютъ на сторонниковъ его, будто отнятую землю они хотятъ продать корейскимъ «людямъ», т.-е. японцамъ или американцамъ.

Самъ король ненавидитъ реформы, но онъ нуждается въ деньгахъ, и потому, когда дѣсное товарищество Мюллеръ и К° обязалось немедленно уплатить ему милліонъ долларовъ за разрѣшеніе провести телеграфъ и узкоколейную желѣзную дорогу, король согласился на это.

Было въ Корей и вооруженное возстаніе во главѣ съ Кимъ-нонъ-чи, и произведено было даже нападеніе на резиденцію короля съ цѣлью арестовать его. Но возстаніе подавили, тѣмъ болѣе, что королю оказали поддержку нѣкая сѣверная держава. Онъ «бѣжалъ въ посольство сѣвернаго государства и тамъ издалъ извѣстный слезливый манифестъ, въ которомъ онъ робко извѣщалъ, что отменяетъ рабство, но очень определенно указываетъ народу на неизбѣжность вѣчной нужды, вѣчной неспра-

ведливости и вѣчной тьмы, какъ естественныхъ результатовъ человѣческихъ недостатковъ... МанIFESTъ оканчивался цитатой изъ Конфуція: «стремитесь къ мудрости, ибо она дѣлаетъ человѣка подобнымъ небу...»

Надзоръ за судебнымъ слѣдствіемъ по дѣлу Кимъ-нонь-чи и предсѣдательство въ судебной комиссіи было, въ знакъ особаго довѣрія и расположенія, поручено его отцу министру Кимъ-огъ-кюму. Но старикъ не выдержалъ этой утонченной пытки и заплакалъ, когда увидѣлъ своего сына, разрываемаго волами на площади. За этотъ плачь старика изгнали на вѣчныя времена на о. Квельпартъ.

На этомъ фонѣ политической междуусобицы разыгрывается въ повѣсти г. Сѣрошевскаго трогательная романическая исторія прекрасной танцовщицы-рабыни Оль-Сони-Кисань. Она любитъ мятежнаго Кимъ-нонь-чи, но ее покидаютъ отъ него во дворецъ къ королю, и когда въ этотъ же дворецъ врывается во главѣ возставшихъ ея возлюбленный, она не переноситъ постыдныхъ воспоминаній о своей невольной покорности королю и зарѣзывается; послѣднія слова, которыя она шепчетъ Киму, это «тамъ мы встрѣтимся, какъ двѣ звѣзды, какъ два свободныхъ вздоха моря».

Колоритная повѣсть В. Сѣрошевскаго полна интересныхъ и живописныхъ деталей, которыхъ мы не можемъ здѣсь исчерпать. Отмѣтимъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Красиво описаніе утра министра, среди желтыхъ шелковыхъ тканей. Умываютъ его жены, спорящія о любви своего властителя. Потомъ онъ осматриваетъ свое хозяйство. Оно очень прозаично въ своемъ изобиліи, но садъ, «гдѣ росли крошечныя деревья и блестящіе крошечные пруды, было много цвѣтовъ, солнца, летали бабочки и птички, былъ какимъ-то поэтическимъ стихотвореніемъ—въ прозѣ сѣрыхъ будничныхъ построекъ».

Въ роскошномъ загородномъ домѣ, который окружали чудныя деревья, министръ даетъ обѣдъ для иностранцевъ, и вотъ что мы видимъ предъ собою:

Красивый просторный залъ, совершенно почти лишенный мебели, съ некрашеннымъ рѣзнымъ кедровымъ потолкомъ, съ свѣтло-палевыми стѣнами, обведенными тонкимъ бордюромъ изъ краснаго дерева, казался сплошнымъ кускомъ чистаго воздуха, запертаго въ изящный пахучій ящикъ, гдѣ отблескъ проникающей въ большія окна вечерней зари смѣшивался съ цвѣтными отсвѣтами желтыхъ камышевыхъ цыновокъ, пестрыхъ букетовъ, темныхъ куряльницъ и прозрачныхъ сѣрыхъ сумерекъ, уже заглядывавшихъ углами помѣщенія. Пріятная, мягкая теплота, подымающаяся снизу отъ нагрѣтыхъ половъ, ароматъ цвѣтовъ и дорогихъ благовоній, запахъ согрѣтаго лака, художественныя бездѣлушки, разставленныя въ порядкѣ, придавали этому простому и скромному по виду пріюту тонкую, своеобразную красоту, полную намековъ на пышныя наслажденія.

Въ этомъ залѣ впервые мы видимъ обольстительницу Оль-Сони-Кисань съ алмовыми глазами, съ прелестной шеей, «подымавшейся точно вѣнички въ роскошно-выпуклой груди и нѣжно покатыхъ плечъ». Она, среди другихъ танцовщицъ съ глазами газели, пляшетъ и поетъ страстныя пѣсни, и въ пляскѣ она сбрасываетъ съ себя одну одежду за другой, пока не сплыветъ къ ея ногамъ, какъ вода, послѣдняя шелковая ткань и дѣвушка во тьмѣ,

объявшею залу, останется на мгновение «свѣтлая, серебристая, тонкая, какъ серпъ луны». Она поетъ, и ея красивый грудной голосъ раздастся въ общемъ хорѣ, «похожій на густой бархатъ, пробивающійся сквозь толкое кружево».

Но страстныя пѣсни поетъ она по требованію гостей. Когда же по собственной волѣ изливается изъ ея груди нѣжная мелодія, то это звучитъ печалью, и слышится грустная жалоба, которая не только на востокѣ, но и во всѣхъ странахъ, понятна всѣмъ женщинамъ-рабынямъ, всѣмъ дѣвушкамъ, которыхъ продаютъ. Поетъ печальная Оль-Сони:

Съ болію зачала меня мать, родила въ страданіяхъ; кормила меня молокомъ, смѣшаннымъ со слезами. Отецъ и родные встрѣтили меня недружелюбно. Я была продана ими раньше, чѣмъ научилась говорить слово „рабство“. Хозяинъ мой, прилежно украшая мое тѣло, обучалъ пѣнію, пляскамъ, обогащалъ знаніемъ мой умъ. Точно на вѣшалкѣ подвѣшивалъ на мнѣ всевозможныя украшенія. Когда тѣло мое стало плотно и гибко, точно молодая вѣтка весной, меня продали впервые сладострастному старику. Въ мои объятія, тоскующія за милымъ, каждую ночь врывались чуждые мнѣ, ненавистные люди! Когда, сжатая отвращеніемъ, губы мои не раскрывались для нихъ достаточно быстро, наподобіе лепестковъ розы, меня наказывали. Тщетно въ минуту кончины спекшіяся мои уста умоляли о каплѣ воды,—тѣ же уста, съ которыхъ вы насильно пили наслажденіе и которыя вы не разъ заставляли пить дорогое вино!... Я была для васъ меньше, чѣмъ тѣнь человѣка, меньше, чѣмъ жалкое дыханіе. У меня не было ни собственного тѣла, ни собственной души! Теперь, когда я послѣ смерти оглядываюсь назадъ, я вижу, что даже гробоконатели несутъ мой трупъ, сорвавши съ него безстыдно и украшенія, и одежду. Меня погнѣившись они зарыли въ яму; бросили на чистомъ полѣ, покрывши наготу мою лишь кускомъ прогнившей рогожи. Мои черные волосы рассыпались по грязной землѣ, мои красныя туфельки выступаютъ изъ-подъ пиньовки, разметались мои стройныя руки. Вороны клюютъ мои открытые глаза, собаки терзаютъ мою грудь, созданную для ласкъ любви и материнства.

Очень интересна и фигура молодого корейца Кимъ-Ки, который со своимъ вѣрнымъ работъ Хакки отправился въ Сеулъ искать тамъ государственной карьеры, но нашель смертную казнь, потому что и онъ прикинулъ къ возстанію. Его побудилъ Кимъ-нонъ-чи заняться европейской наукой; это было сначала страшно и странно молодому дворянину, и зрѣлище классовъ въ англійской школѣ испугало его,—классовъ, которые показались ему мѣстомъ для тайныхъ колдованій или пытокъ, и въ которыхъ, къ его ужасу, все было видно съ улицы «сквозь безстыжія, прозрачныя окна». Испугала Кимъ-ки и европейская женщина, жена члена американскаго посольства. Дѣло въ томъ, что ему предсказали нѣкогда гибель отъ рыжей собаки съ бѣлой грудью. И вотъ увидѣлъ онъ молодую женщину въ огнѣ. Ничего подобнаго никогда онъ не видѣлъ. Она, не замѣчая Кимъ-ки, дѣлала свой туалетъ, и предъ юношей блеснули ея снѣжная грудь и шея; европейка расчесывала золотыя волны своихъ волосъ и, когда быстрымъ движеніемъ руки перебросила ихъ и «потокъ огня и золота окуталъ ея бѣлое тѣло»,—тогда ужаснулся Кимъ-ки и въ отчаяніи воскликнулъ: «Рыжая собака! Рыжая собака!»..

Но не отъ женщины погибъ Римъ-ки, а отъ того, что онъ полюбилъ Европу, ея культуру, и вмѣстѣ съ другими хотѣлъ насадить ее въ Странѣ Утренняго Спокойствія.

А.

II

Развитіе русскаго освободительнаго движенія, русской революціи, какъ принято называть это движеніе, дошло въ настоящее время несомнѣнно до того предѣла, который раздѣляетъ небольшую, но опирающуюся все еще на войска, кучку своекорыстныхъ сторонниковъ стараго режима съ одной стороны и съ другой—весь народъ властно предъявляющій свои требованія. Но все чаще и чаще мы читаемъ о волненіяхъ среди войскъ, и въ этотъ финальный моментъ для существованія абсолютизма, характеризующійся старымъ стремленіемъ перевести дѣло скорѣе на языкъ пушекъ и ружей, тамъ, гдѣ это для него еще возможно, чрезвычайно интересенъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ, въ конечномъ счетѣ, пушки и ружья переставали иногда стрѣлять во враговъ абсолютизма и окончательно рѣшили этимъ его участь. Подобнымъ вопросомъ задается г. Тарле въ июньской книгѣ *Мира Божьяго* въ статьѣ, озаглавленной «Паденіе абсолютизма».

Весною 1906 года одинъ французскій военный авторитетъ заявлялъ, что революція можетъ достигнуть побѣды лишь тамъ, гдѣ армія не противъ нея, и въ этомъ смыслѣ приписывалъ побѣды французской революціи чуть ли не больше всего поведенію французской арміи въ ту эпоху, а пораженія русской революціи въ концѣ 1905 года поведенію русской арміи. Такъ ли это?

«Нѣтъ спора,—замѣчаетъ г. Тарле,—что революціонный порывъ Россіи въ 1905—1906 годахъ ни въ какомъ случаѣ не былъ слабѣе революціоннаго порыва во Франціи въ 1789 году; нѣтъ спора, что самое требованіе уничтоженія абсолютизма ставилось передъ 1905 годомъ несравненно отчетливѣе и рѣшительнѣе, нежели передъ 1789 годомъ; и если фактическая капитуляція абсолютизма во Франціи произошла чрезъ какихъ-нибудь нѣсколько недѣль послѣ начала революціи, а у насъ ея еще не было на лицо къ собранію Думы, т.-е. спустя полтора года послѣ начала почти непрерывныхъ кровополитій,—то, значитъ, разниця обусловлена неодинаковостью сопротивленія, встрѣченнаго революціей въ 1905 году и въ 1789 г. Въ этомъ смыслѣ, въ смыслѣ продленія или ускоренія кризиса, неодинаковое поведеніе арміи и въ томъ и другомъ случаѣ, безспорно, сыграло рѣшающую роль. Но если мы хоть на минуту припишемъ арміи роль рѣшающаго судьи, вообще, въ дѣлѣ самаго исхода революціи, роль Иисуса Христа, останавливающаго время, поворачивающаго историческую эволюцію въ другую сторону,—тогда мы обнаружимъ не историческое пониманіе, а склонность къ историческому фетишизму,—и ту дѣнь мысли, которая заставляеть людей прятаться за слова, чтобы не объяснять себѣ явленій».

Почему поведение французской и русской армій въ соответственные моменты исторіи обѣихъ странъ было неодинаково? Потому, отвѣчаетъ авторъ статьи, что французскій абсолютизмъ не былъ такъ, какъ русскій, подготовленъ къ рѣшимости въ дѣлѣ самообороны всею долгою предшествовавшей борьбою. «Всѣхъ этихъ ласкъ, ухаживаній, привлеченій, очарованій и оболещеній не знала ни армія, ни гвардія Бурбоновъ, и все по той же причинѣ: французская династія понятія не имѣла объ опасности, надъ нею висѣвшей, а русскій абсолютизмъ получилъ 14 декабря 1825 года такой предостерегающій окрикъ (и какъ разъ изъ военной среды), что онъ даже въ самыя блаженныя свои времена уже никогда не забывалъ о необходимости обезпечить за собою достодолжную силу на всякій случай». Г. Тарле правъ. Абсолютизмъ нашъ во времена долгой реакціи собралъ всѣ доступныя ему средства самообороны.

Но не нужно забывать, что матеріальное и моральное положеніе громадной части нашей арміи ни чуть не лучше, чѣмъ положеніе французской арміи до революціи. Только обособляя армію отъ націи активной вооруженною борьбой, только отъединяя войска въ военный лагерь, стоящій среди чужой враждебной страны, только при посредствѣ постоянной стрѣльбы правительство, застигнутое революціей, можетъ на короткій историческій шагъ отсрочить свою гибель. Но армія, какъ часть того же народа, не можетъ долго противиться его назрѣвшимъ нуждамъ.

«Разложеніе остающейся еще за абсолютизмомъ механической силы сопротивленія, подъ напоромъ и длительнымъ воздѣйствіемъ непрекращающейся и социологически не могущей прекратиться революціи, вотъ что можетъ составить существеннѣйшее содержаніе текущаго историческаго момента. Въ какихъ именно конкретныхъ формахъ это разложеніе проявится,—мы можемъ о томъ только предполагать и догадываться. Всякая попытка конкретизаціи повела бы тутъ къ гаданіямъ, произвольнымъ со стороны автора и, потому самому, совершенно не интереснымъ для читателя. Но, съ другой стороны, утверждать, что гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было, организованная военная сила можетъ совершенно не подвергнуться процессу разложенія при длительной національной революціи, значитъ фантазировать на консервативныя темы».

Разложеніе арміи, то тамъ, то здѣсь вспыхивающіе солдатскіе бунты, процессъ адмирала Рождественскаго, еще разъ вскрывшій всѣ язвы нашей военной организаціи, все это есть нѣчто стихійное, разрастающееся съ неодолимою силой, какъ снѣжный катящійся комъ, по мѣрѣ роста и развитія революціи. И поистинѣ жалкими и слѣпыми кажутся намъ тѣ суровые приговоры, которые выносятъ теперь наши особыя присутствія судебныхъ лавъ по дѣламъ о распространеніи статей, возбуждающихъ воинскія новыя къ нарушенію обязанностей военной службы». 5 п. 129 ст. Уг. служить для нашихъ судовъ тѣмъ дырявымъ ковшемъ, которымъ онѣ мають вычерпать воду, неудержимо хлынувшую въ проболну корабля

Хорошую характеристику военной среды, представителями которой

часъ являются всё эти стрѣляющіе и командующіе ротами, усмиряющіе и адъютантствующіе, карающіе и судящіе, даетъ П. Пильскій въ той же книгѣ *Мира Божьяго* въ статьѣ «Армія и общество»..

Въ кадетскихъ корпусахъ, гдѣ преслѣдовались книжки «подпрапорщика Гаршина и оберъ-офицера Лермонтова», и гдѣ кадеты заучивали наизусть учебную книжку «генералъ-адъютанта Черткова», воспитывался и взращивался грубый типъ.

«Безсердечность, упрямство и озлобленность съ перваго кадетскаго года западали въ душу, пускали корни и иногда развѣшались настоянкою драмой, оканчиваясь изломанной жизнью. Но и тѣ, которые «благополучно» прошли черезъ эти темныя, почти тюремныя стѣны,—что вынесли они, что свѣтлаго, добраго, умнаго осталось въ нихъ? Безъ знанія, съ напускной удаляю, презрѣніемъ ко всему, что не въ формѣ, частью карьеристы и резинковые люди, частью озлобленные и загрубѣлые, всё неразвитые, безъ любви къ книгѣ, съ высокоуміемъ ко всякой «философіи», незнающіе жизни, дурно воспитанные барчуки, не видавшіе никогда до своихъ эполетъ ни мужика, ни солдата, приученные къ формальному исполненію, понимающіе только виѣшнее, вѣрящіе только въ отчетность и бумагу, обѣлившіеся и безъ уваженія ко всему, что внесли, что могли внести эти люди въ армію?».

Правда изъ корпусовъ кадеты выпускались въ военныя училища, но увы! И здѣсь оказывалось немногимъ лучше.

Подробно описавъ постановку учебной части въ военныхъ училищахъ, колоссальное невѣжество юнкеровъ, ревнивый надзоръ начальства, доходившій до того, что юнкерамъ Александровскаго училища въ Москвѣ было строго на-строго запрещено ходить по Моховой улицѣ, гдѣ, какъ извѣстно, находится университетъ, а вмѣстѣ съ тѣми подробными приказами устанавливалось посѣщеніе такихъ-то и такихъ-то публичныхъ домовъ, авторъ статьи дѣлаетъ выводъ, напрашивающійся, впрочемъ, и самъ собою: «Изъ юнкеровъ готовили безмолвную послушную машину, и выходили машины, исполняя приказы, молча повинуваясь и ни о чемъ не думая, кромѣ того, что касалось офицера лично; т.-е. жалованья, женщинъ и собранія, гдѣ были водка, карты, танцы и бильярдъ. Вся школа была клоунадой и бутафоріей, жалкой комедіей и формальнымъ обрядомъ, и въ жизнь арміи, въ полки и бригады, эти люди внесли то же показное начало, заботясь только о казовомъ концѣ, играя въ войну и не вѣря въ ея призракъ, не представляя ея грозныхъ требованій и не готовясь къ ней. Здѣсь воспитывали въ себѣ глубокое убѣжденіе въ томъ, что «мы»—солъ земли, — «мы»—это мы, русскіе, мы офицеры, мы—Иванъ и Петровъ, мы, кавалеристы, или—артиллеристы, совершенно особая раса, привилегированная, тѣвченнаѣ высшей печатью, непогрѣшимая и несокрушимая, которой въ и не можетъ быть дѣла не только до плюгавыхъ японцевъ, колбасниковъ-нѣмцевъ, вездѣ битыхъ австрійцевъ, но даже до своей же русской

ВѢСТА VII, 1906 г.

пѣхоты, своихъ саперовъ, своихъ «обозниковъ», ибо все это не мое, а иное, чужое, и потому жалкое, низшее и недостойное вниманіи».

И всетаки въ подгахъ эти только что окончившіе училища офицера являются самыми «образованными»; до такой степени круглому нулю равнялись всё знанія у послужившихъ, такъ скоро забывалось окончательно и то немногое, что захватывалось изъ училища. Далѣе г. Пильскій даетъ характеристику офицерства и указываютъ на тѣ основныя причины, которыя привели нашу армию къ военнымъ неудачамъ и ко всей усмирительной вакханалии: «и эта грубость и эта жестокость, — заканчиваетъ свою статью г. Пильскій, — все это отсутствіе и свѣжихъ силъ, и живыхъ починовъ, и гражданской смѣлости и знаній, и ума, и науки, вся эта инертность, эта атмосфера застоя, вся эта плѣснѣющая жизнь «по старинкѣ»: все это вышло, родилось, выросло въ условіяхъ тьмы, боязни движенія, обузданія мыслей, оскотченія чувствъ, кастраціи духа, безмолвныхъ и затанувшихся дыханій».

Если безпросвѣтно-тяжела обычная военная среда, то нужно ли говорить, что дѣлается въ военныхъ тюрьмахъ. Описанію ихъ посвящена статья Вл. Ольховскаго въ майской книгѣ *Образованія*, подъ заглавіемъ «Движенія въ войскахъ и военныя тюрьмы». Особенно приковываетъ къ себѣ въ этой статьѣ трогательный образъ Е. Н. Дрожжина, толстовца, одной изъ жертвъ произвола оступѣвшихъ и одичавшихъ властей дисциплинарнаго баталіона. Мрачныя времена аракчеевщины продолжаютъ тамъ и до сихъ поръ...

Э. Арн.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Рѣшительный разрывъ Думы съ министерствомъ. — Принятіе Думой законопроекта объ отиѣнѣ смертной казни. — Законопроектъ о собраніяхъ. — Выступленіе социаль-демократической фракціи и ея критика Думской тактики. — Продовольственный вопросъ въ связи съ финансовымъ положеніемъ. — Запросы Думы министерству. — Высочайшій указъ 8 іюля.

Центральнымъ пунктомъ, вокругъ котораго вращалась въ теченіе послѣдняго мѣсяца русская общественная жизнь, продолжала быть Государственная Дума, дѣятельность которой за это время постепенно все болѣе выяснялась и получала болѣе конкретный характеръ. Виѣсть съ тѣмъ вполнѣ выяснилась и совершенная непримиримость ея съ исполнительной властью, въ лицѣ настоящаго министерства, направляемаго закулиснымъ правительствомъ петергофской звѣдной палаты. Непримиримость эта не заставила однако Думу измѣнить свой легальный образъ дѣйствій и выражалась больше въ рѣчахъ отдѣльныхъ депутатовъ, въ особенности въ рѣзкихъ заявленіяхъ по адресу министерства депутатовъ трудовой группы, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ требовавшихъ ихъ отставки. Однако и съ ихъ стороны, единственнымъ случаемъ, когда пройдена была граница парламентской корректности, было недопущеніе главнаго военнаго прокурора Павлова къ дачѣ объясненій отъ имени военнаго министерства при обсужденіи вопроса о смертной казни. При появленіи его на трибунѣ онъ былъ встрѣченъ криками: вонъ! убійца, палачъ! При этомъ возбужденіе достигло такой степени, что предѣдатель принужденъ былъ прервать засѣданіе. Но по отношенію къ этому единственному случаю нельзя не отмѣтить, что, какъ сказалъ депутатъ Винаверъ, принадлежащій къ к.-д. партіи, ель предѣлъ всякому человѣческому терпѣнію и появленіе въ Думѣ такого чловѣка, какъ главный военный прокуроръ Павловъ, являющійся выразителемъ тѣхъ нарушеній, противъ которыхъ направленъ былъ законопроектъ Думы, не могло быть понято иначе, какъ прямой вызовъ Думѣ со стороны министерства. Тотчасъ послѣ этого инцидента Дума спойно выслушала по тому же вопросу товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Законопроектъ о отиѣнѣ смертной казни былъ первымъ принятымъ Думой по существу, и гчемъ въ точности былъ соблюденъ мѣсячный срокъ, предоставленный

министерству для представления своихъ объясненій. Несмотря на это, возраженія, сдѣланныя на проектъ министромъ юстиціи, оказались крайне слабыми. Изъ среды самой Думы, какъ и слѣдовало ожидать, никакихъ возраженій не послѣдовало. Понятно поэтому, что докладчику, который былъ депутатъ Кузьминъ-Караваевъ, не пришлось много останавливаться на общихъ доказательствахъ несостоятельности смертной казни, какъ наказанія. Но какъ на особую нелогичность онъ указалъ на сохраненіе смертной казни за политическія преступленія. «Можетъ ли быть,—сказалъ онъ,—борьба съ идеями смертью? Не ясно ли, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ получается обратный результатъ? Государство, устанавливающее для гражданъ начала права, само не можетъ отступать отъ этихъ началъ. Воспрещая гражданамъ руководиться въ отношеніи другихъ людей импульсомъ, оно не можетъ само руководствоваться только чувствомъ, а между тѣмъ въ данномъ случаѣ въ примѣненіи смертной казни оно руководилось лишь мелкими чувствами: злобой, истительностью. Мы уже съ этой нагедри слышали сопоставленіе смертной казни съ политическими убійствами: существованіе первой оправдывалось существованіемъ послѣднихъ. Далѣе докладчикъ указалъ, что въ Россіи смертная казнь поставлена такъ широко, какъ ни въ одномъ цивилизованномъ государствѣ, такъ что развѣ Китай можетъ конкурировать съ ней въ этомъ отношеніи, но она у насъ прикрыта тѣмъ, что назначается не по уголовному уложенію, а по статьѣ 279 воинскаго устава о наказаніяхъ путемъ преданія виновнаго военному суду для сужденія по законамъ военного времени на основаніи положенія объ усиленной и чрезвычайной охранѣ и правилъ военного положенія. Вносимымъ законопроектomъ предполагается отменить смертную казнь не только въ уголовномъ уложеніи, но и въ специальныхъ узаконеніяхъ, но положенію объ усиленной и чрезвычайной охранахъ и военному положенію, если оно въ мирное время, и даже для военно-служащихъ за преступленія противъ дисциплины, совершенныя въ мирное время. Единственное, чего не касается законопроектъ—это вопроса о смертной казни въ военное время, т. е. во время войны съ иностраннымъ государствомъ. Этотъ вопросъ предполагается разработать отдѣльно и самостоятельно. Предупреждая возраженіе, что по статьѣ 55 основныхъ законовъ «постановленія по военно-судебной части издаются въ порядкѣ, установленномъ въ сводѣ военныхъ и военно-морскихъ положеній», докладчикъ доказывалъ, что эта статья касается только процессуальныхъ правилъ, а потому нѣтъ никакихъ формальныхъ препятствій для того, чтобы Государственная Дума разрѣшила вопросъ о смертной казни въ военно-уголовныхъ законахъ. Представленный законопроектъ заключаетъ въ себѣ двѣ статьи: ст. 1-я смертная казнь отменяется; ст. 2-я впредь до пересмотра уголовного законодательства во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ дѣйствующимъ законодательствомъ установлена смертная казнь, она замѣняется непосредственно слѣдующимъ по тяжести наказаніемъ. Какъ законопроектъ, такъ и догдъ былъ встрѣченъ единодушнымъ выраженіемъ сочувствія всей Думы. Тѣмъ

рѣчь выяснилось полное различіе взглядовъ Думы и министерства, всѣ представители котораго высказались противъ проекта. По существу вопроса возражалъ министръ юстиціи Щегловитовъ, но всѣ его возраженія сводились къ слѣдующимъ: за послѣднее время характеръ политическихъ преступленій измѣнился. Развитие социалистическихъ ученій привело къ появленію анархизма, представляющаго угрозу всему человѣчеству и съ которымъ государство должно бороться хотя бы при помощи крайнихъ средствъ. Поэтому въ Западной Европѣ и Америкѣ замѣчается поворотъ къ возстановленію смертной казни. Необходимо считаться съ тяжелымъ временемъ, когда во всей Россіи ежедневно совершаются покушенія на политическія убійства. Отказъ отъ смертной казни за нихъ была бы равносильна отказу защищать государственные интересы. Министръ сослался также на авторитетъ извѣстнаго нѣмецкаго ученаго Листа, который по вопросу о томъ, можетъ ли Россія обойтись безъ смертной казни, высказалъ сомнѣніе на счетъ возможности этого для такого большого восточнаго государства съ разнообразнымъ населеніемъ. Министръ полагалъ возможнымъ отиѣнить смертную казнь только за преступленія карантинныя, но считалъ несвоевременнымъ отиѣну ея за политическія преступленія, отъ разсмотрѣнія же вопроса о примѣненіи ея на основаніи военныхъ законовъ уклонился, предоставивъ высказаться по этому поводу представителямъ другихъ вѣдомствъ. Изъ послѣднихъ представитель морского министерства заявилъ только, что разсмотрѣніе вопроса о смертной казни по морскому уставу определяется 55-й статьей основныхъ законовъ, съ толкованіемъ которой депутатомъ Бузыминымъ-Бараваевымъ онъ согласиться не можетъ. Представитель же министерства внутреннихъ дѣлъ, оставаясь въ предѣлахъ интересовъ своего вѣдомства, доказывалъ только, что проектируемое докладчикомъ въ связи съ настоящимъ вопросомъ измѣненіе соответствующихъ статей положеній объ усиленной и чрезвычайной охранѣ, должно быть обсуждено тогда, когда будетъ разсматриваться въ Думѣ законопроектъ о неприкосновенности личности. Ничтожность возраженій министра юстиціи была особенно сильно подчеркнута нѣкоторыми думскими ораторами. Такъ депутатъ Набоковъ, иронически поблагодаривъ за подарокъ, дѣлаемый отиѣной смертной казни за карантинныя преступленія, спрашивалъ, не получивъ отвѣта, сколько было за послѣдніе сто лѣтъ случаевъ примѣненія этихъ статей закона. Онъ указалъ затѣмъ на неправильность сопоставленія смертной казни на Западѣ, примѣняемой къ тягчайшимъ преступленіямъ общаго характера съ примѣненіемъ ея у насъ къ виновнымъ въ политическія преступленія, т.-е. къ людямъ, которые со временемъ, при измѣнившихся условіяхъ, могутъ стать вождями народа. Министръ говорилъ объ анархистахъ: что же, онъ желаетъ примѣнить смертную казнь къ нашему знаменитому анархисту Льву Толстому? Относительно ссылки на Листа, было бы хорошо, если бы министерство знакомилось съ нимъ; оно бы можетъ быть прочло и рѣчь Листа по поводу бѣлостокскаго покушенія. А Листъ дѣйствительно лѣтъ двадцать пять тому назадъ говорилъ,

что смертная казнь не отменена въ Россіи, представляющей собою восточное государство, гдѣ царить деспотизмъ и безправіе. Полвѣка тому назадъ Баршевъ доказывалъ пользу кнута, и онъ да Лохвицкій были единственными русскими юристами, признававшими необходимость смертной казни. Теперь за смертную казнь высказываются только изданія типа *Московскихъ Ведомостей* и люди типа Грингута; въ настоящее время ни видимъ, что они приобрѣли себѣ достойныхъ сотоварищей. Еще большее презрѣніе къ ничтожеству аргументовъ высказанныхъ представителями министерства, вылилось въ рѣчи депутата Родичева, закончившія ее восклицаніемъ: «Какимъ малымъ количествомъ совѣсти, какимъ малымъ количествомъ ума управляется наша страна!» Въ результатѣ обсуждения законопроекта согласно 57 ст. Учр. Гос. Думы былъ переданъ въ комиссію, изъ которой черезъ четверть часа былъ возвращенъ въ прежнемъ видѣ и онъ сначала постатейно, потомъ весь цѣликомъ былъ единогласно принятъ Думой. Съ 19 іюня смертная казнь представителями русскаго народа признана подлежащей отменѣ. Съ точки зрѣнія народнаго представительства отнынѣ примѣненіе въ мирное время смертной казни кѣмъ бы то ни было и къ кому бы то ни было составляетъ преступленіе. И съ такимъ воззрѣніемъ несомнѣнно согласно огромное большинство русскаго народа. Изъ этого, конечно, по нашимъ условіямъ не слѣдуетъ еще, чтобы смертная казнь и фактически превратилась съ этого времени. Законопроектъ еще долженъ пройти двѣ инстанціи: разсмотрѣніе въ государственномъ совѣтѣ и утвержденіе верховной власти. Нѣтъ никакихъ основаній надѣяться и на то, чтобы до окончательнаго утвержденія закона исполненіе смертныхъ приговоровъ было приостановлено. Напротивъ, очень скоро послѣ принятія новаго законопроекта получены были извѣстія объ исполненіи двухъ казней: несовершеннолѣтняго Папая въ Варшавѣ и Марковскаго въ Либавѣ. За это же время постановлено еще около десятка смертныхъ приговоровъ. Не будетъ ничего удивительнаго и въ томъ, если законопроектъ будетъ отклоненъ государственнымъ совѣтомъ, ибо составъ большинства государственнаго совѣта мало чѣмъ отличается отъ состава министерства, да притомъ на рѣшеніе государственнаго совѣта несомнѣнно будетъ имѣть вліяніе мнѣніе придворныхъ сферъ. И тѣмъ не менѣе 19 іюня нельзя не признать историческимъ днемъ. Единогласно принявъ законъ объ отменѣ смертной казни, Дума ясно опредѣлила и громко заявила передъ лицомъ всего міра, что она отрывается «отъ лжующихъ, правдо болтающихъ, обагрившихъ руки въ крови» и всецѣло становится на сторону «погибающихъ за великое дѣло любви». Что бы ни произошло дальше, пропасть между народомъ и представительствомъ и самодержавно-бюрократическимъ строемъ не акроется до окончательнаго уничтоженія послѣдняго.

Изъ другихъ законопроектовъ находятся въ періодѣ выжиданія законченія министерства или въ подготовкѣ въ думскихъ комиссіяхъ законопроекты о равноправности всѣхъ гражданъ, о неприкосновенности личности, о свободѣ собраний, о свободѣ обществъ и союзовъ, о свободѣ е-

чати, о реорганизациі мѣстнаго самоуправленія и, наконецъ, самый сложный и трудный—о земельной реформѣ. Мы будемъ говорить о нихъ по мѣрѣ того, какъ они будутъ поступать въ Думу на окончательное ея рѣшеніе. Въ настоящее же время мы остановимся на происходившемъ недавно предварительномъ обсужденіи законопроекта о собраніяхъ, представлявшемъ особенный интересъ кромя существа дѣла еще и потому, что въ преніяхъ по этому проекту съ особой опредѣленностью выяснились нѣкоторыя направленія и тактика вновь образовавшихся думскихъ фракцій. Въ основу проекта о собраніяхъ положенъ французскій законъ 1881 года. Сущность внесеннаго въ Думу проекта заключается въ слѣдующемъ: Для собраній не требуется предварительнаго разрѣшенія, но устанавливаются нѣкоторыя ограничительныя правила: собираться можно лишь безъ оружія, запрещаются собранія подъ открытымъ небомъ въ разстояніи не ближе версты отъ мѣста пребыванія Государя Императора и Государственной Думы. Запрещаются собранія на полотнѣ желѣзныхъ дорогъ, а на площадяхъ и улицахъ допускаются лишь постольку они не препятствуютъ свободному движенію. Публичными собраніями признаются такія, участвовать въ которыхъ можетъ всякій безъ особаго приглашенія. О такихъ публичныхъ собраніяхъ, созываемыхъ для обсужденія государственныхъ или общественныхъ дѣлъ въ городахъ или ближе пяти верстъ отъ города, устроители обязаны увѣдомлять полицію за сутки до собранія, а о предвыборныхъ въ Государственную Думу собраніяхъ за четыре часа. О собраніяхъ дальше пяти верстъ отъ городовъ увѣдомлять не требуется. Начальникъ мѣстной полиціи можетъ (но не обязанъ) назначить для присутствованія на собраніи уполномоченнаго, который долженъ быть въ форменной одеждѣ. Этотъ уполномоченный можетъ закрыть публичное собраніе: 1) если оно собралось въ недозволённомъ законѣ мѣстѣ, 2) если оно приметъ характеръ непосредственно угрожающій общественной безопасности; въ случаѣ неповиновенія онъ можетъ удалить неповинующихся мѣрами принужденія. Проектъ о собраніяхъ послужилъ поводомъ для представителей образовавшейся въ Думѣ социаль-демократической фракціи выступить съ заявленіемъ о своемъ отношеніи къ думской дѣятельности вообще. Фракція эта образовалась отчасти изъ социаль-демократовъ, бывшихъ въ трудовой группѣ, отчасти изъ вновь прибывшихъ кавказскихъ депутатовъ, избранныхъ уже послѣ того, какъ партія такъ называемыхъ меньшевиковъ признала цѣлесообразнымъ не уклоняться отъ выборовъ въ Думу, а напротивъ проводить въ нее своихъ сторонниковъ. Такимъ образомъ многіе депутаты отъ Кавказа и прошли въ Думу открыто подъ флагомъ социаль-демократовъ. Сначала они примкнули было къ трудовой группѣ, но такъ какъ послѣдняя состоитъ изъ весьма разнохарактерныхъ элементовъ, то скоро социаль-демократы выдѣлились въ особую фракцію съ болѣе опредѣленной программой, сохраняя однако болѣе значительную близость къ трудовой группѣ, чѣмъ къ другимъ думскимъ фракціямъ. При обсужденіи законопроекта о собраніяхъ отъ имени социаль-демократовъ выступилъ депутатъ Джапаридзе и,

раньше обсуждения самого проекта прочесть декларацию своей партии, как представительницы рабочего класса. Сущность этой декларации заключалась въ томъ, что, сознавая свою солидарность съ другими классами въ дѣлѣ достиженія политической свободы, рабочий классъ не можетъ однако слиться съ ними въ одну партію, такъ какъ онъ страдаетъ отъ рабства не только политическаго, но и экономическаго, не только отъ произвола власти, но и отъ господства и эксплуатаціи капиталистовъ и землевладельцевъ. А такъ какъ экономическіе интересы послѣднихъ противоположны экономическимъ интересамъ рабочаго класса, то объединеніе его съ эксплуатирующими классами, ослабило бы и борьбу рабочаго класса за политическую свободу. Эти соображенія заставляютъ социаль-демократовъ образовывать въ Думѣ особую партію, которая будетъ бороться за неограниченную свободу слова, печати, союзовъ, собраній, политическое равенство всѣхъ гражданъ, неприкосновенность личности, выборное право для рабочаго класса (?); будетъ требовать 8-часоваго рабочаго дня и повышенія заработной платы, отчужденія монастырскихъ, церковныхъ и помѣщичьихъ земель безъ выкупа, для передачи ихъ мѣстному самоуправленію, учредительнаго собранія, избраннаго на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія. До тѣхъ поръ Дума можетъ явиться центромъ общенароднаго движенія; въ своихъ столкновеніяхъ съ правительствомъ она должна искать опоры въ широкихъ массахъ народа и въ свою очередь оказывать содѣйствіе этимъ массамъ въ ихъ организаціи для борьбы. Этими задачами опредѣляется и отношеніе партіи къ обсуждаемымъ въ Думѣ законопроектамъ. Она будетъ поддерживать всякіе законопроекты, направленные къ возстановленію правъ народа, но не потому, чтобы вѣрила въ скорое проведеніе ихъ въ жизнь, а потому что такимъ путемъ населеніе скоро убѣдится, что преобразование Россіи путемъ мирныхъ реформъ есть иллюзія. Поэтому партія признаетъ излишнимъ подробное обсужденіе законопроектовъ, а считаетъ полезнымъ лишь разработку основныхъ началъ для того, чтобы показать народу, чего мы требуемъ и въ чемъ правительство отказывается. Обращаясь собственно къ законопроекту о собраніяхъ, депутатъ Джапаридзе находитъ, что допускать собранія на площадяхъ и улицахъ лишь при условіи, чтобы они не препятствовали свободному движенію, значитъ отнимать свободу собраній у рабочихъ. У нихъ нѣтъ богатыхъ хоромъ, на заводахъ собираться нельзя, — для нихъ остаются площади и улицы. Кто же является судьей того, нарушается ли свобода движенія? Полицейскій чинъ, соображенія котораго влонятся только къ тому, чтобы отвѣчать видамъ начальства. Поэтому въ законопроектѣ о собраніяхъ должны заключаться только два положенія: 1) россійскіе граждане безъ различія пола, вѣры и національности имѣютъ право собираться всегда и вездѣ, не требуя никакого разрѣшенія и 2) всякое препятствіе собраніямъ со стороны администраціи должно быть наказуемо. Эти возраженія были поддержаны также депутатомъ Брамсономъ, указывавшимъ на проглядывающее въ проектѣ недовѣріе къ обще-

отвѣннымъ силамъ. Появленіе новой партіи было встрѣчено другими партіями и въ частности конституціонно-демократической, далеко не враждебно. Отношеніе къ ней к.-детовъ было опредѣленно высказано г. Толлосомъ на страницахъ *Русскихъ Ведомостей*. Припоминая, что появленіе на политической аренѣ пролетаріата на Западѣ не было въ-время понято и оцѣнено даже выдающимися умами господствующаго класса, что отразилось роковымъ образомъ на судьбахъ западно-европейскаго либерализма, авторъ полагаетъ, что русскій либерализмъ не сдѣлаетъ подобной ошибки уже потому, что представители его совсѣмъ не похожи на типъ западнаго либеральнаго буржуа. Поэтому можно лишь съ нѣкоторой натяжкой говорить о борьбѣ въ Думѣ между буржуазнымъ либерализмомъ и партіей пролетаріата. Среди партій народной свободы больше людей понимающихъ и цѣнящихъ социалистическія доктрины, чѣмъ въ новой партіи, официально называющей себя социалистической. Появленіе особой рабочей партіи важно и желательно не потому, чтобы она внесла въ Думу новыя идеи, но что она дастъ сторонникамъ социальныхъ реформъ узнать психологію рабочихъ массъ и сознаваемые ими ближайшія нужды. Программа, высказанная г. Джапаридзе, есть общая социаль-демократическая программа всѣхъ странъ съ той абсолютной свободой отъ реальной почвы, которая вообще присуща ученикамъ. Явится опытъ, явится и пониманіе того, что въ такой крестьянской странѣ, какъ наша нельзя возлагать большія надежды на быструю поддержку всѣмъ народомъ идеала фабричнаго пролетаріата. Самостоятельная рабочая группа получить свое значеніе только впоследствии, когда Дума выйдетъ изъ нынѣшней стадіи политической борьбы, связанной съ однимъ лишь экономическимъ вопросомъ—земельнымъ, и перейдетъ въ періодъ разработки другихъ социальныхъ проблемъ. Также сочувственно отнесся къ появленію новой партіи проф. Гредескулъ прямо привѣтствовавшій его и назвавшій отраднымъ явленіемъ—выраженія, встрѣченныя апплодисментами. Но по отношенію къ критикѣ законопроекта о собраніяхъ онъ возражалъ, что едва ли можно считать съ социаль-демократической точки зрѣнія правильнымъ просто санкціонировать свободу собраній, ничего не регламентируя. Это скорѣе точка зрѣнія анархическая, а не социаль-демократическая, такъ какъ социаль-демократы не отказываются отъ регулированія общественной жизни, а напротивъ регулируютъ ее очень серьезно, въ томъ числѣ и экономическую жизнь. Что лучше: законодательство или революція,—мы этотъ вопросъ совсѣмъ не затрогиваемъ; но нельзя возражать противъ законодательной работы тѣмъ, что мы переживаемъ революціонную эпоху. Если бы хорошіе законы ни были выработаны, при нынѣшней власти они и будутъ плохи; но это не аргументъ противъ законовъ и настоящей законопроектъ выработанъ въ томъ разчетѣ, что вмѣстѣ съ нимъ идетъ процессъ реорганизации и обновленія Россіи. Обращаясь къ самому законопроекту о собраніяхъ депутатъ Гредескулъ настаивалъ на томъ, чтобы не установить нѣкоторыхъ ограниченій хотя бы въ видахъ прямой

безопасности. Социаль-демократы нашли себя неожиданного и сильного союзника въ лицѣ М. М. Ковалевскаго, выступившаго рѣшительнымъ противникомъ законопроекта и признавашаго, что социаль-демократы стоятъ на точкѣ зрѣнія англійскаго права, тогда какъ французскій законъ взятый за образецъ составителями законопроекта, проникнутъ точкой зрѣнія полицейскаго государства. Авторитетъ М. М. Ковалевскаго проявлялъ большое впечатлѣніе на Думу, такъ что ораторамъ кон.-демокр. партіи Винаверу и Кокошкину лишь съ большимъ трудомъ удалось отстоять передачу проекта въ комиссію, доказавъ, что порядокъ существующій относительно собраній въ Англии не имѣетъ ничего общаго съ тою неограниченною свободой собраній, которой требовали социаль-демократы, такъ какъ въ Англии хотя и нѣтъ законодательныхъ ограниченій собраній, потому что общественная жизнь вообще регулируется не столько законодательствомъ, сколько обычаями и судебной практикой, но на дѣлѣ общественныя собранія тамъ ограничены не менѣе, чѣмъ въ законопроектѣ, представленномъ въ Думу. Послѣ всѣхъ этихъ дебатовъ Дума значительнымъ большинствомъ голосовъ рѣшила передать законопроектъ въ комиссію. Мы уже сказали, что эти дебаты въ особенности были интересны, вслѣдствіе выступления въ нихъ социаль-демократической фракціи. Фракція эта, повидимому, довольно стройно организованная недостаточно велика сама по себѣ, чтобы проявлять свою собственную инициативу. Въ ней пока насчитывается всего семнадцать лицъ, тогда какъ для внесенія въ Думу самостоятельныхъ предложеній требуется не менѣе тридцати лицъ. Но социаль-демократическая фракція можетъ образовать прочно сплоченное ядро, въ которому по отдѣльнымъ вопросамъ могутъ присоединяться многіе члены и не принадлежащіе къ партіи, въ особенности трудовой группы, а случайно и изъ другихъ, какъ это и было въ данномъ случаѣ съ проф. М. М. Ковалевскимъ. Затѣмъ нельзя не признать, что члены социаль-демократической фракціи, если и не отличаются блестящими ораторскими талантами и въ этомъ отношеніи не могутъ быть поставлены на-ряду со многими представителями кон.-демокр. партіи, зато они обладаютъ несомнѣнно большою энергіей, свойствомъ не менѣе важнымъ въ общественной дѣятельности. Поэтому въ общемъ направленіи думской работы очень вѣроятно роль ихъ будетъ больше той, которую бы давала имъ ихъ численность, вслѣдствіе чего и тактика ихъ въ Думѣ представляетъ значительный интересъ. Въ партійной деклараціи, высказанной депутатомъ Джапаридзе по поводу законопроекта о собраніяхъ обращаютъ на себя особое вниманіе слѣдующія слова: «Партія признаетъ излишнимъ подробное обсужденіе законопроектовъ, а считаетъ полезнымъ лишь разработку основныхъ началъ для того, чтобы показать народу что мы требуемъ и въ чемъ правительство отказывается». Намъ думается, что въ этихъ словахъ смѣшиваются двѣ мысли, изъ которыхъ одна правдивая, а другая—нѣтъ. Правильна та мысль, что, если выработанные и принятыя Думой законопроекты и не получаютъ дѣйствительнаго осуществленія

ніа вслѣдствіе противодѣйствія Государственнаго Совѣта и исполнительной власти, то и тогда законодательная дѣятельность Думы не будетъ безплодной, такъ какъ она будетъ имѣть громадное воспитательное значеніе для народнаго сознанія, уясняя ему на конкретныхъ примѣрахъ, кто дѣйствительно стоитъ за его интересы и кто идетъ противъ нихъ. И такъ какъ въ концѣ-концовъ рѣшающею силою въ борьбѣ стараго и новаго режима будетъ народъ, то уясненія и организація народнаго сознанія является дѣломъ не менѣе важнымъ, чѣмъ можетъ быть проведеніе той или иной реформы въ законѣ, особенно если выполнение ея на дѣлѣ не будетъ имѣть энергичной поддержки въ народѣ. Но изъ этой правильной мысли дѣлается совершенно неправильный выводъ, что не стоитъ подробно разрабатывать законопроектъ, а можно ограничиться только провозглашеніемъ основныхъ началъ. Такой образъ дѣйствій былъ бы нецѣлесообразенъ даже и съ той воспитательной точки зрѣнія, которую признаютъ правильной социаль-демократы. Чтобы народъ могъ оцѣнить значеніе дѣятельности Думы и выразить свою готовность поддерживать ее въ борьбѣ съ другими властями, нужно, чтобы тѣ требованія, за которыя ведется борьба, получили вполне конкретное, осязательное содержаніе такъ, чтобы каждый сколько-нибудь сознательный обыватель могъ совершенно ясно представить себѣ, какую пользу или улучшеніе получилъ бы онъ самъ и весь народъ отъ осуществленія предположеній Думы и чего они лишаются вслѣдствіе противодѣйствія другихъ властей. Общія, теоретическія положенія, не получившія такого конкретного содержанія, не представляютъ интереса для народныхъ массъ и не могутъ возбуждать въ нихъ живыхъ симпатій или антипатій. Кромѣ того, недостаточно разработанные законопроектъ могутъ быть отвергнуты государственнымъ совѣтомъ именно на основаніи этой неразработанности, причѣмъ для критика со стороны Государственный Совѣтъ окажется правъ, а Дума виновата. Для чего же ставить ее въ такое невыгодное положеніе и давать лишній козырь противнику? Вообще мы считали бы особенно опаснымъ такой образъ дѣйствій со стороны Думы, который бы давалъ поводъ заподозрить ее въ томъ, что она сама не вѣритъ въ возможность реализаціи своихъ мѣропріятій и сочиняетъ свои законопроектъ только для показу. Это необходимо тотчасъ ослабило бы и энергію самой Думы и довѣріе къ ней народа. Да притомъ едва ли можно думать, чтобы всѣ думскіе законопроектъ непременно были отвергнуты. Какъ бы цѣпко ни держалась власть за сохраненіе стараго порядка, она въ нѣкоторыхъ случаяхъ и при извѣстныхъ условіяхъ можетъ пойти и на уступки. Уступки эти почти всегда оказываются неискренними и непрочными, но тѣмъ не менѣе онѣ всетаки оставляютъ за собой нѣкоторый слѣдъ, не изглаживающійся вовсе и дающій возможность, опираясь на него, сдѣлать слѣдующій шагъ впередъ. Такъ, манифестъ 17 октября не былъ совершенно безплоднымъ, ибо, хотя правительство и не исполняло данныхъ въ немъ обѣщаній, но онъ послужилъ основаніемъ для созыва Думы, которая, не-

смотря на все несовершенство своей организаци и на неблагоприятныя условия своей дѣятельности, всетаки не можетъ не быть признана нѣкоторымъ шагомъ впередъ. Точно такъ же и проведеніе хотя бы только въ законодательствѣ думскихъ законопроектовъ о разныхъ свободахъ, хотя бы дѣйствительное выполненіе ихъ и послѣ этого встрѣтило еще большія затрудненія и препятствія, все же создало бы нѣкоторое улучшеніе условий для дальнѣйшаго хода освободительнаго движенія. Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя было бы и ожидать, чтобы усилія Думы къ проведенію своихъ законопроектовъ привели къ какимъ-нибудь практическимъ результатамъ, все же эти усилія должны бы были имѣть вполнѣ реальныя характеръ и выполняться со всей необходимой подготовкой, подобно тому, какъ въ военной тактикѣ признается, что такъ называемыя демонстраціи, т.-е. движенія, имѣющія въ виду не овладѣніе какой-нибудь позиціей, а замаскированіе настоящей атаки, должны быть такъ же хорошо подготовлены и такъ же энергично выполняться, какъ и эта настоящая атака.

Мы не будемъ долго останавливаться на детальныя возраженіяхъ противъ законопроекта о собраніяхъ, потому что намъ придется еще возвратиться къ нему, какъ и къ другимъ законопроектамъ при окончательномъ разсмотрѣніи ихъ въ Думѣ. Нельзя не признать, что нѣкоторыя ограниченія, вводимыя проектомъ, повидимому, дѣйствительно излишни, наприм., запрещеніе собраній вблизи отъ мѣста пребыванія Государя Императора и отъ Думы. Особенно неясно, почему Дуна должна быть такимъ образомъ ограждена или изолирована: если изъ боязни воздѣйствія толпы на свободу сужденій въ Думѣ, то съ такимъ же основаніемъ можно было бы недозволять собраній и вблизи отъ суда и ужь, если говорить о внѣшнемъ воздѣйствіи, то скорѣе слѣдовало оградить Думу отъ близости войскъ, чѣмъ народныхъ собраній. Но, съ другой стороны, эти ограниченія практически такъ мало стѣснительны, что ставить ихъ въ серьезный укоръ законопроекту неосновательно. Гораздо важнѣе возраженіе, направленное противъ дозволенія представителю полиціи закрывать собраніе, «если оно приметъ характеръ, непосредственно угрожающій общественной безопасности». Совершенно вѣрно, что предоставленіе теперешней полиціи такого права, да еще съ дополненіемъ права удалять неповинующихся мѣрами принужденія, можетъ на дѣлѣ оказаться гораздо опаснѣе, чѣмъ полное отсутствіе полицейскаго надзора. За послѣднее время бывали примѣры, когда собранія, состоящія изъ десятковъ тысячъ людей, въ отсутствіи полиціи проходили совершенно мирно и спокойно, и, наоборотъ, мы имѣемъ еще больше примѣровъ того, что именно безтактное вмѣшательство полиціи приводило къ кровавымъ столкновеніямъ. Въ этомъ случаѣ авторы проекта насомнѣнно были поставлены въ большое затрудненіе, которое, конечно, будетъ являться и при обсужденіи всякихъ другихъ законопроектовъ. Задача заключается въ томъ, что нужно измыслить законъ, который былъ бы хорошъ не только самъ по себѣ, но и при выполненіи его завѣдомо негодными исполнителями; такая задача, очевидно,

близко подходит къ сказочной задачѣ—изъ песку веревку свить. Какіе бы искусные и умѣлые приемы ни были при этомъ примѣняемы, очевидно, веревка не будетъ свита, если песокъ не будетъ замѣненъ другимъ болѣе подходящимъ матеріаломъ. Но Дума вѣдь и не сомнѣвается въ этомъ и при всякомъ случаѣ заявляетъ, что необходимымъ условіемъ плодотворности всякихъ реформъ должна быть замѣна всей теперешней администраціи, начиная съ министерства. Достичь этого несомнѣнно трудно, тѣмъ даже провести большую часть думскихъ законопроектвъ. И положеніе Думы становится еще болѣе труднымъ, когда дѣло идетъ не о законопроектахъ общаго характера, относительно которыхъ всегда можно имѣть въ виду, что они предназначаются для, такъ сказать, дѣлающагося ихъ примѣненія во времени, въ теченіе котораго можно разсчитывать и на измѣненіе состава исполнителей, но когда нужно немедленно же выполнить какое-нибудь мѣропріятіе. Какъ разъ въ такомъ затруднительномъ положеніи очутилась Дума при обсужденіи вопроса объ удовлетвореніи продовольственной нужды населенія въ губерніяхъ, постигнутыхъ неурожаемъ и которымъ угрожаетъ голодъ. Извѣстно, что съ нѣкотораго времени недороды и голодъ въ болѣе или менѣе значительной части Россіи сдѣлались обычнымъ явленіемъ. И въ настоящемъ году получены свѣдѣнія о неурожаѣ, требующемъ продовольственной помощи: въ 27 губерніяхъ и 127 уѣздахъ неурожаемъ озимыхъ хлѣбовъ; а сверхъ того въ 24 губерніяхъ и 117 уѣздахъ неурожаемъ и яровыхъ хлѣбовъ, причемъ большая часть послѣднихъ уѣздовъ совпадаютъ съ тѣми, въ которыхъ неурожаемъ озимыхъ хлѣбовъ. Эти свѣдѣнія взяты изъ официальной записки, представленной въ Думу министрами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, въ которой доказывается необходимость ассигновать на борьбу съ послѣдствіями неурожаа сто милліоновъ рублей. Борьба эта въ настоящемъ году, говорится въ запискѣ, сопряжена съ чрезвычайными затрудненіями. Наличность общегосударственнаго продовольственнаго капитала составляетъ всего 300,000 руб. Платежныя средства населенія неурожайныхъ мѣстностей совершенно подорваны, тѣмъ болѣе, что для 88 уѣздовъ бѣдствіе это является повторнымъ. Въ губерніяхъ Саратовской, Симбирской, Самарской, Пензенской, Казанской, Тамбовской, Тульской, Воронежской, Орловской, Нижегородской и Бостромской, принадлежащихъ къ числу пострадавшихъ, въ нынѣшнемъ году всѣ мѣстныя продовольственныя средства израсходованы еще въ прошломъ или въ одномъ изъ предыдущихъ годовъ. Для всѣхъ этихъ мѣстностей средства, потребныя для обмѣненія озимыхъ полей и для продовольствія населенія, необходимо должны быть сполна даны государствомъ. Изъ записки исчислено, что для обмѣненія озимыхъ полей потребуется 7.088,000 пудовъ, на продовольствіе населенія (считая только 35% нуждающихся)—56.480,000 пудовъ, и на обмѣненіе въ будущемъ году яровыхъ полей—18.830,000 пудовъ. Для мѣстностей же, въ которыхъ еще не истощены мѣстные денежныя и натуральныя запасы, потребуется пріобрѣсти изъ общегосударственныхъ средствъ на обмѣненіе озимыхъ полей—

747,000 пуд., на обменение яровыхъ—10.580,000 пуд. и на продовольствие населенія—15.867,000 пуд. Такимъ образомъ общее количество зерна, подлежащаго приобрѣтенію въ текущемъ году за счетъ государства, составитъ на продовольствие и озимый посѣвъ—80.132,000 пудовъ и на яровой посѣвъ—29.410,000 пуд. Перевода эти цифры на деньги по средней цѣнѣ ржи и овса, получается—86.202,000 руб. Прибавляя къ ней расходы на устройство общественныхъ работъ, безвозвратныя пособія и прокормъ скота, получимъ круглую сумму около 100 милліоновъ, изъ которой, примѣрно, половина должна быть израсходована въ нынѣшнемъ году, а другая половина въ будущемъ. Обращаясь къ порядку веденія продовольственной кампаніи нынѣшняго года, записка находитъ, что измѣнить этотъ порядокъ теперь же невозможно. Признавая, что завѣдываніе продовольственнымъ дѣломъ вообще наиболѣе свойственно земскимъ учрежденіямъ, вслѣдствіе чего министерство внутреннихъ дѣлъ и въ прошломъ году старалось привлечь земство къ болѣе близкому участию въ оказаніи населенію продовольственной помощи, записка однако находитъ, что болѣе широкое участіе земства въ распредѣленіи правительственныхъ средствъ представляется пока еще практически неосуществимымъ въ виду отсутствія земской мелкой единицы. (Почему это отсутствіе не является препятствіемъ для продовольственныхъ распоряженій правительственныхъ органовъ?). Въ заключеніе обращаясь къ изысканію источника, изъ котораго могли бы быть ассигнованы необходимыя въ нынѣшнемъ году пятьдесятъ милліоновъ, министры заявляютъ, что какъ продовольственный капиталъ, такъ и свободная наличность государственнаго казначейства, изъ которой производились выдачи пострадавшимъ отъ неурожая въ нынѣшнемъ году, совершенно исчерпаны. Поэтому они ходатайствуютъ о предоставленіи министерству полномочія на изысканіе путемъ кредитныхъ операцій, т. е. попросту говоря новаго займа, средствъ для покрытія продовольственныхъ расходовъ въ нынѣшнемъ году и въ будущемъ до новаго урожая. Заявленіе министровъ было передано Думой въ соединенныя думскія комиссіи: продовольственную и бюджетную, при обсужденіи которыми продовольственнаго вопроса присутствовалъ въ нихъ и министръ финансовъ. Положеніе обѣихъ комиссій, а потомъ и самой Думы оказалось чрезвычайно труднымъ. Несомнѣнно, что не было возможности не только не ассигновать необходимыхъ средствъ для продовольствія и обмененія, но нельзя было и сколько-нибудь откладывать этой ассигновки. Съ другой стороны, какъ же можно было дать эти средства въ распоряженіе нынѣшняго министерства, которому нѣсколько разъ Дума открыто отказывало въ своемъ довѣрїи и по отношенію къ которому она нѣсколько не рассчитываетъ на то, чтобы выданныя ему средства могли быть употреблены дѣйствительно производительно. Тѣмъ болѣе невозможно было пойти на то, чтобы разрѣшить этому министерству новый заемъ, когда уже сейчасъ четверть нашего государственнаго бюджета равняется процентамъ на наши займы и всякій новый заемъ еще болѣе увеличитъ бремене того же населенія,

помощь которому требуется въ настоящее время. Зная о нерасчетливости, съ которой до сихъ поръ составлялся нашъ бюджетъ, думскія комиссіи указывали министру финансовъ на возможность найти источникъ для продовольствія черезъ уничтоженіе или сокращеніе многихъ бюджетныхъ расходовъ. На это министръ финансовъ возражалъ, хотя справедливо, что наши государственные расходы производились не по средствамъ, тѣмъ не менѣе разъ утвержденный бюджетъ не можетъ быть измѣненъ. При этомъ изъ объясненій министра какъ въ комиссіяхъ, такъ и въ Думѣ оказалось, что наше общее финансовое положеніе еще хуже, чѣмъ можно было предполагать: всѣ чрезвычайные доходы текущаго года должны пойти на расходы, связанные съ войной; никакой свободной наличности въ государственномъ казначействѣ не существуетъ и въ концѣ этого года придется считаться съ дефицитомъ около 130 милліоновъ, да и то неизвѣстно, будетъ ли покрытъ недочетъ, образовавшійся послѣ войны. Куда пойдутъ средства, полученные путемъ послѣдняго займа, изъ объясненій министра осталось неяснымъ и относительно бюджета нельзя не придти къ заключенію, что онъ строится на предположеніяхъ крайне широкихъ и неопредѣленныхъ. Нѣкоторые депутаты указывали министру, что когда дѣло шло о средствахъ для войны, то немедленно найдены были сокращенія на 138 милліоновъ; когда же деньги нужны на помощь голодающимъ, то никакія сокращенія оказываются невозможны. Конечно, отыскивать источники возможныхъ сокращеній есть дѣло министра финансовъ, который долженъ быть знакомъ съ составомъ бюджета лучше, чѣмъ кто-либо. Но можно даже указать сразу на нѣкоторые расходы, которые могли бы быть уничтожены не только безъ ущерба, но даже съ пользою для населенія, каковы, напримѣръ, расходъ въ 23 милліона, на какую сумму назначено въ нынѣшнемъ году больше противъ прошлагодняго на полицію и стражниковъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ Дума рѣшила вмѣсто испрашиваемыхъ министерствомъ пятидесяти милліоновъ разрѣшить ему пока кредитъ въ 15 милліоновъ на производство продовольственныхъ расходовъ въ теченіе іюля мѣсяца; при чемъ эти 15 милліоновъ должны быть получены не путемъ займа, на который Дума не дала своего разрѣшенія, а путемъ сокращенія на эту сумму дѣйствующей сѣты. Черезъ мѣсяць министерство должно дать отчетъ въ израсходованіи этихъ денегъ и испросить разрѣшенія на новый кредитъ. Такимъ способомъ Дума до нѣкоторой степени вышла хотя и не вполне логичный, но практичный едва ли не единственно возможный выходъ изъ затрудненія, въ которое она была поставлена. Хотя распоряженіе ассигнованными 15 милліонами останется за тѣмъ же министерствомъ, которому Дума уже много разъ высказывала свое недоубіе, но Дума все же сохранила за собой возможно постоянный контроль за дѣйствіями министерства и по существу дѣла примѣнила для изысканія необходимыхъ средствъ вполне правильный при настоящемъ состояніи нашихъ финансовъ способъ экономизированія расходовъ, а не раззорительный методъ безграничнаго заключенія займовъ. Конечно, первая

цифра, къ которой примѣнена была новая финансовая политика не велика, но, какъ первый опытъ Думской политики въ этой области, она тоже имѣетъ свое значеніе. Законопроектъ объ ассигновкѣ продовольственнымъ 15 милліоновъ былъ также первымъ Думскимъ законопроектомъ, внесеннымъ черезъ Государственный Совѣтъ и утвержденнымъ Верховной властью. До сихъ поръ государственный совѣтъ проявлялъ мало дѣятельности, отчасти вслѣдствіе состава своего большинства мало склоннаго, да пожалуй и мало способнаго къ энергичной работѣ, отчасти, какъ объяснили къ которымъ изъ болѣе «лѣвыхъ» членовъ, вслѣдствіе нежеланія идти врознь съ Государственной Думой, поэтому онъ ожидалъ законодательной инициативы отъ Думы, чтобы затѣмъ уже критически отнестись къ Думскимъ законопроектамъ. Первымъ изъ законопроектовъ, принятыхъ Думой и рассмотрѣнныхъ Государственнымъ Совѣтомъ, былъ законопроектъ объ отмене смертной казни, при чемъ послѣдняя, въ противоположность тому, какъ было въ Думѣ, нашла себѣ убѣжденных и горячихъ защитниковъ и самый проектъ переданъ былъ въ комиссію, составленную почти наполовину изъ его сторонниковъ и противниковъ (8 и 7). При этомъ тѣ и другіе оказались одинаково какъ изъ числа назначенныхъ, такъ и изъ числа избранныхъ членовъ совѣта. Вообще разница въ направленіи тѣхъ и другихъ оказалась не велика. Рѣзко выдѣлилась въ совѣтѣ только небольшая (около 15 членовъ) такъ называемая академическая группа, состоящая почти вся изъ профессоровъ, выбранныхъ университетами и по убѣжденіямъ своимъ наиболѣе близкая къ л.-д. партіи. Большинство же членовъ совѣта распадается на двѣ группы: умѣренно-либеральную въ стилѣ Д. Н. Шипова и явно реакціонную, вродѣ кн. Касаткина. Въ той и другой примыкаютъ какъ сановные члены совѣта, такъ и въ немъ бывшіе, такъ и вновь избранные дворяне и земцы. Обсужденіе продовольственнаго законопроекта показало однако, что по отношенію къ министерству и Думѣ, Государственный Совѣтъ не всегда склоненъ становиться на сторону министерства противъ Думы, а способенъ иногда принимать и самостоятельныя рѣшенія.

Въ засѣданіи 1 іюля, въ которомъ присутствовали почти всѣ министры и министръ финансовъ возражалъ противъ Думскаго проекта, за который говорили между прочимъ бывшій министръ земледѣлія Ермоловъ, бывшій министръ финансовъ Романовъ, бывшій московскій генералъ-губернаторъ Дурново и профессоръ Таганцевъ, а противъ Коковцевъ, Стишинскій, Философовъ, Касаткинъ, епископъ Антоній. Государственный Совѣтъ, хотя незначительнымъ большинствомъ отвергъ поправки, предложенныя Коковцевымъ и Философовымъ и принялъ законопроектъ въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ вышелъ изъ Думы. Конечно, этотъ первый случай еще не указываетъ на то, какъ будетъ государственный совѣтъ относиться къ другимъ болѣе принципиальнаго характера Думскимъ законопроектамъ, вродѣ вопроса о смертной казни, и насколько при обсужденіи ихъ на рѣшенія государственнаго совѣта могутъ повліять взгляды не столько министерства,

Сколько другихъ высокихъ сферъ, которыя въ данномъ вопросѣ о продовольствіи не могли быть принципиально и непосредственно заинтересованы. Продовольственный проектъ Думы вызвалъ критику и со стороны социаль-демократической фракціи, представившей свой проектъ, который, впрочемъ, не получилъ дальнѣйшаго движенія и мы, если о немъ упоминаемъ, то главнымъ образомъ лишь для того, чтобы отгѣнить проявляющуюся и въ насъ заботу преимущественно о чистотѣ идеи, а не о его непосредственной удобоисполнимости, чѣмъ онъ и отличается отъ принятаго Думой проекта. Основная его мысль заключается въ томъ, что «невозможно допустить ни малѣйшаго прикосновенія къ дѣлу помощи голодающимъ правительство и администрацію, являющихся истинными виновниками голодовокъ». Поэтому недопустимо оставлять въ рукахъ безответственнаго правительства организацію продовольствія и продовольственные капиталы, а слѣдуетъ образовать продовольственную комиссію при Думѣ, которая командировала бы своихъ членовъ на мѣста для организаціи мѣстныхъ комитетовъ изъ среды самихъ голодающихъ, привлекая къ дѣлу органы мѣстнаго самоуправленія. Не довѣряя официальнымъ даннымъ о состояніи государственныхъ финансовъ и находя, что средства для помощи голодающимъ могутъ быть добыты какъ путемъ сокращенія расходовъ на полицію и уничтоженія разныхъ секретныхъ фондовъ, а равно и черезъ обращенія на этотъ предметъ доходовъ съ удѣльныхъ церковныхъ и монастырскихъ имѣній и капиталовъ, социаль-демократическій проектъ предлагаетъ произвести повѣрку наличности и счетовъ государственнаго казначейства, которую вмѣстѣ съ проектомъ сокращенія расходовъ, поручить выработать немедленно бюджетной комиссіи. Сколько тутъ хорошихъ пожеланій, которыя вообще нельзя не сочувствовать и какъ мало они вяжутся съ тою прямою и неотложною задачею, о которой въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что для нуждающагося населенія было бы лучше, если бы продовольственное дѣло находилось въ распоряженіи не чиновниковъ, а людей, выбранныхъ отъ самаго населенія. Но такое завѣдываніе имъ надо было бы еще организовать, надо было бы найти людей, распределить между ними работу, скомбинировать наиболѣе выгоднымъ образомъ поупку хлѣба и его распределенія по нуждающимся мѣстностямъ. Все это дѣло очень сложное и требующее времени, а времени-то какъ разъ и нѣтъ, потому что нужда требуетъ немедленнаго удовлетворенія. Приходится мириться хоть съ какой-нибудь, но уже существующей организаціей и только поставить ее подъ возможно болѣе дѣйствительный контроль народнаго представительства, что и сдѣлала Дума. Командировка членовъ Думы для устройства мѣстныхъ комитетовъ, оторвавши ихъ отъ прямой задачи въ Думѣ, въ то же время никакъ не гарантировала бы немедленной и успѣшной работы комитетовъ, особенно имѣя въ виду нынѣшнее разлагающееся состояніе земствъ и то обстоятельство, что при быстромъ замѣнѣ однихъ людей другими легко произойдутъ всякаго рода затрудненія и столкновенія и въ верху и на мѣстахъ. Наконецъ, нельзя

не считаться и съ давно всѣмъ извѣстными, но тѣмъ не менѣе не исправленными несовершенствами нашего продовольственнаго устава, исполненіе котораго и во время завѣдыванія продовольственнымъ дѣломъ земства давало плохіе результаты. Поставленные въ такія неудобныя условія мѣстные комитеты, взявшись вести дѣло на спѣхъ, могли бы только дискредитировать себя въ глазахъ населенія, а вмѣстѣ съ собой и Думу, что было бы конечно на руку бюрократіи и администраціи, которыя конечно приложили бы и свои старанія къ достиженію такого результата, какъ они дѣлаютъ это теперь, ставя препятствія не только частной инициативѣ въ дѣлѣ кормленія голодающихъ, но и дѣятельности общеземской продовольственной организаціи, хотя послѣдняя настолько желала избѣгать всякаго столкновенія съ администраціей, что стала подъ знамя краснаго креста, рискуя изъ-за этого расколѣть въ своей собственной средѣ. О препятствіяхъ, которыя ставились въ этомъ дѣлѣ не только частнымъ лицамъ, но и общественнымъ учрежденіямъ, говорилось и въ Думѣ. Такъ, депутатъ Долженковъ рассказывалъ о томъ, какъ въ Тульской губерніи урядникъ запретилъ уполномоченнымъ мѣстнаго комитета печь хлѣбъ для голодающихъ, а когда на него пожаловались исправнику, то послѣдній заявилъ: «если вы явитесь сюда съ пекарнями, то я пошлю войска». Такіе же запреты были въ Пензенской и Тамбовской губерніяхъ.

Въ Витебской и Симбирской губерніи уполномоченнымъ вольно-экономическаго общества было объявлено заранѣе, что если они попытаются устроить какое-нибудь учрежденіе для помощи голодающимъ, то оно будетъ закрыто. Такимъ образомъ столовыя и другія учрежденія для борьбы съ голодомъ закрывались вовсе не потому только, что, какъ объясняли въ Думѣ министръ внутреннихъ дѣлъ, препятствія ставились лишь тѣмъ лицамъ, которыя, вмѣстѣ съ благотворительной дѣятельностью, занимались также и политической пропагандой, такъ какъ иногда препятствія ставились даже и ранѣе начала какой-либо дѣятельности. Не дозволялось не только кормленіе голодныхъ, но и лѣченіе больныхъ; такъ елисаветградской управѣ генераль-губернаторъ не позволялъ пригласить въ уѣздъ врачебный отрядъ отъ Пироговскаго общества для борьбы съ тифомъ, развившимся на почвѣ голодовки. Такіе же факты были сообщены и другими депутатами, что заставило депутата Родичева воскликнуть: «Господа, есть ли гдѣ-нибудь во всемъ мірѣ законъ, запрещающій даже и преступнику печь хлѣбъ и кормить голодныхъ? А вѣдь въ сознаніи нашей администраціи снизу до верху укоренилась мысль, что требуются особыя разрѣшенія для того, чтобы люди могли раздавать собранныя ими средства. Неслыханная вещь, господа! Мы, русскіе люди, не имѣемъ права благотворенія! Министръ внутреннихъ дѣлъ признаетъ за администраціей право запрещать кому бы то ни было подавать помощь. Въ Елисаветградѣ генераль-губернаторъ не допустилъ врачебный отрядъ, который тамъ былъ очень нуженъ. Вѣдь это неслыханная жестокость власти, надругательство надъ человѣчествомъ! Я врачъ, я иду лѣчить людей, а меня генераль-

губернаторъ не пускаетъ. Гдѣ, въ какомъ законѣ предоставлено губернаторамъ это право, въ какой совѣсти написано?»

Понятно удивленіе и негодованіе депутата Родичева, но нельзя не сказать, что оно могло бы съ такимъ же основаніемъ быть распространено и на множество другого рода фактовъ. Вообще въ той общей атмосферѣ безправія, въ которой за послѣднее время находится вся русская жизнь, становятся привычными и перестаютъ удивлять даже такія явленія, которыя, когда очнешься отъ этого угара, начинаютъ казаться совершенно невѣроятными. Что удивляться, что у насъ не признается право кормить голодныхъ, когда не признается даже за самими голодными права ѣсть. По крайней мѣрѣ и теперь представитель министерства не отрицалъ существованія распоряженія Дурново о лишеніи виновныхъ въ аграрныхъ беспорядкахъ права на полученіе продовольственнаго пособія, а только объяснял въ утѣшеніе Думѣ, и въ оправданіе министерства, что лишеніе это не распространяется на членовъ семьи, которые въ беспорядкахъ не участвовали. Какія же могутъ признаваться за русскими обывателями права, когда самое право на жизнь предоставляется имъ лишь тогда, если на это согласно начальство, въ противномъ же случаѣ всегда можетъ быть отнято или ограничено заточеніемъ или ссылкой, — притомъ безъ всякихъ объясненій, а часто и безъ всякихъ основаній. По этому поводу Дума воспользовалась своимъ правомъ запроса министерству и предъявила цѣлый рядъ запросовъ, касающихся какъ смертныхъ казней, такъ и всякаго рода незаконныхъ арестовъ и высылковъ. По тридцати тремъ такимъ запросамъ было дано объясненіе товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ Макаровымъ. И сущность всѣхъ этихъ объясненій состояла въ томъ, что всякое беззаконіе покрывается положеніемъ объ охранѣ, а тѣмъ болѣе военнымъ положеніемъ и при нихъ дѣлается законнымъ. Не ко всякому дѣлу, — доказывалъ представитель министерства внутреннихъ дѣлъ, — можетъ быть примѣнено формальное судебное разслѣдованіе. «Когда идетъ смута, является общая опасность нарушенія порядка и ее-то именно имѣетъ въ виду положеніе объ охранѣ, а не карательныя цѣли. Общеполитическая же не всегда совпадаетъ съ преступностью и не всякое дѣло общеполитическое съ точки зрѣнія государственнаго порядка можетъ быть обращено въ судебное дѣло». Изложивъ такую теорію въ доказательство необходимости исключительныхъ законовъ и административнаго воздѣйствія на общеполитическихъ лицъ, товарищъ министра доказывалъ съ чисто формальной точки зрѣнія, что пока положеніе объ охранѣ не отмѣнено, то оно есть законъ, подлежащій исполнію. Оно не было отмѣнено манифестомъ 17 октября, потому что имъ были провозглашены только общія начала свободы, но никакихъ законовъ онъ не измѣнилъ. Точно также военное положеніе, гдѣ оно было введено, остается тамъ на законномъ основаніи, такъ какъ, хотя 15 статья основныхъ законовъ и говоритъ, что объявленіе мѣстностей на военномъ положеніи принадлежитъ исключительно Его Императорскому Величеству, но это зна-

читать только, что впредь военное положеніе будетъ вводиться лишь въ силу Высочайшаго повелѣнія, но тамъ, гдѣ оно введено ранѣе, тамъ оно сохраняется и безъ Высочайшаго повелѣнія, такъ какъ законъ обратной силы не имѣетъ. Такимъ образомъ всѣ объясненія сводились къ тому, что формальная законность, обусловленная существованіемъ охранъ и военнаго положенія соблюдена. До существа же дѣла, т.-е. правильны или неправильны, основательны или нѣтъ были аресты и ссылки, представитель министерства, очевидно, считалъ излишнимъ касаться. На этотъ формализмъ объясненія, нисколько не удовлетворяющаго сущности запроса, указалъ потомъ депутатъ Винаверъ, обратившій въ своей рѣчи также особое вниманіе на своеобразность отношеній министерства внутреннѣхъ дѣлъ и охраны къ судебному слѣдствію по политическимъ дѣламъ. Министръ внутреннѣхъ дѣлъ находитъ совершенно нормальнымъ, что члѣвва передаютъ слѣдствію въ общемъ порядкѣ и рядомъ съ этимъ не прерывается и то слѣдствіе, которое ведется, по выраженію министра, «въ ненормальномъ порядкѣ». Когда слѣдователь не находитъ никакого преступленія и никакихъ основаній для задержанія обвиняемаго, то этого недостаточно для прекращенія второго дѣла, которое министръ именуется перепиской по охранѣ. И арестованный сидитъ, пока не рѣшитъ его участи другое—не судебное, очевидно, болѣе высокаго качества потайное слѣдствіе. Это рѣшеніе постановляется такъ называемымъ особымъ совѣщаніемъ, засѣдающимъ въ Петербургѣ подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннѣхъ дѣлъ. И вотъ такой авторитетъ въ дѣлахъ охраны, какъ бывшій министръ внутреннѣхъ дѣлъ Дурново, указалъ на то, что совѣщаніе это не можетъ рѣшить правильно, «ибо ему приходится считаться съ мнѣніемъ представителя мѣстной администраціи, обыкновенно заявляющихъ, что они не ручаются за сохраненіе общественнаго спокойствія во ввѣренномъ имъ краѣ, если особое совѣщаніе не утвердитъ ихъ предположеній?» Какое же значеніе послѣ этого можетъ имѣть особое совѣщаніе? Депутатъ Винаверъ закончилъ свою рѣчь такимъ обращеніемъ къ Думѣ: «Министръ, полагающій, что можно при какихъ бы то ни было условіяхъ объявить народнымъ представителямъ, что существуютъ дѣянія, которыя подлежатъ наказанію не по законамъ, а по безконтрольному усмотрѣнію, что есть учрежденія, въ которыхъ даваемы показанія достовѣрнѣе, чѣмъ на судѣ,—люди, которые это удостоверяютъ, доказываютъ, что они неспособны управлять не только конституціонной страной, но и никакимъ гражданскимъ обществомъ» Слова депутата Винавера были встрѣчены бурными и продолжительными рукоплесканіями. Но очевидно, что при такомъ отношеніи министерства къ предъявляемому ему запросамъ, сами эти запросы только сильнѣе освѣщаютъ ту пропасть, которая существуетъ между исполнительной властью и народнымъ представительствомъ. Министерство и Государственная Дума говорятъ на совершенно различныхъ языкахъ и съ каждымъ днемъ все становится яснѣе, что никакіе запросы и вообще никакая совмѣстная дѣятельность

съ существующимъ кабинетомъ не могутъ повести ни къ какимъ практическимъ результатамъ, если только не считать за такой результатъ, и, конечно, весьма важный, все болѣе и болѣе укореняющееся во всемъ народѣ сознание, что только ставши на почву требованій, передѣявленныхъ думскимъ большинствомъ и искренно взявши на себя ихъ выполнение министерство,—конечно, не нынѣшнее,—и вообще правительство можетъ еще предотвратить все болше и сильнѣе распространяющуюся во всамъ государствѣ анархію. Можетъ быть скоро даже, если дѣло пойдетъ такъ, какъ оно идетъ теперь, благоприятный моментъ для мирнаго рѣшенія и проведенія въ жизнь требованій, заявленныхъ Думою, будетъ пропущенъ и русская революція пойдетъ стихійнымъ путемъ, конецъ котораго совершенно нельзя предвидѣть.

Именной Высочайшій Указъ

Правительствующему Сенату.

На основаніи статьи 105 свода основныхъ Государственныхъ законовъ, изданія 1906 года, повелѣваемъ: Государственную Думу распустить, съ назначеніемъ времени созыва вновь избранной Думы на 20-е февраля 1907 года.

О времени производства новыхъ выборовъ въ Государственную Думу послѣдуютъ отъ Насъ особыя указанія.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить къ исполненію сего надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

Въ Петергофѣ,
8-го іюля 1906 года.

P. S. Не имѣя времени комментировать эти акты величайшей важности, мы отмѣтимъ только, что государственная роспись на 1907 г. будетъ составлена безъ участія Государственной Думы.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Печально извѣстное дѣло Дрейфуса кончилось, наконецъ, во Франціи торжествомъ правосудія. Послѣ новаго судебного разслѣдованія Дрейфусъ признанъ невиновнымъ. Палата депутатовъ и сенатъ постановляютъ огромнымъ большинствомъ о принятіи вновь на военную службу Дрейфуса и Пикара. Прессансъ предложилъ переходъ къ очереднымъ дѣламъ, приглашающій правительство исключить изъ арміи офицеровъ, участвовавшихъ въ подлогахъ и лишить такихъ офицеровъ знаковъ отличія.

Министръ-президентъ Сарррьенъ заявляетъ, что не можетъ согласиться на предложенную депутатами Прессанса формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ. По мнѣнію Сарррьена, амнистія, изданная во время министерства Вальдека-Руссо, дѣлаетъ невозможнымъ возбужденіе судебного преслѣдованія. Насильственные мѣропріятія могутъ только ослабить послѣдствія торжества справедливости. Армія, — заявилъ Сарррьенъ, — не солидарна съ преступниками. Ревельянъ предлагаетъ формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, въ которой выражается признательность инициаторамъ пересмотра процесса Дрейфуса, заклеиваются виновники преступленія, открыто объявленные таковыми кассационнымъ судомъ, и высказывается увѣренность, что правительство приметъ нужныя мѣры. Затѣмъ палата большинствомъ 369-ти голосовъ противъ 112-ти отвергаетъ формулу Прессанса и принимаетъ большинствомъ 364-хъ противъ 103-хъ голосовъ формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, предложенную Ревельяномъ. Затѣмъ министръ-президентъ Сарррьенъ прочиталъ декретъ о закрытіи сессіи. Депутаты-соціалисты вносятъ предложеніе о посылкѣ адреса съ выраженіемъ симпатій русскому народу, въ которомъ высказывается рѣзкое осужденіе погромовъ, покрывшимъ кровью многіе города Россіи, но президентъ палаты объявляетъ, что сессія закрыта, и отказывается поэтому поставить предложеніе на обсужденіе палаты.

Въ отвѣтъ на привѣтствіе и приглашеніе членовъ старѣйшаго англійскаго парламента на междупарламентскую конференцію, С. А. Муромцевъ, предсѣдатель Государственной Думы, отправилъ на имя члена англійской палаты общинъ Крамера телеграмму слѣдующаго содержанія: «Члены Государственной Думы просили меня сообщить, что они глубоко тронуты вашимъ поздравленіемъ и смотрятъ на добрыя взаимныя чувства между старѣйшимъ и младшимъ парламентами, какъ на новый залогъ всеобщаго мира и человѣческой цивилизаціи. Видѣтъ съ этимъ увѣдомляю васъ, что Государственная Дума единогласно рѣшила отправить официальную делегацію на международную конференцію».

Въ тяжелое время, переживаемое родиной, нельзя не обратить вниманія на вопросъ о будущихъ международныхъ отношеніяхъ нашего отечества, поднятый въ такой серьезной газетѣ, какъ *Рльч*, и такимъ серьезнымъ общественнымъ дѣятелемъ, какъ Ю. С. Гамбаровъ. Онъ указываетъ на отмѣченный уже нами фактъ ослабленія и тройственного, и франко-русского союза. Вражда между Италіей и Франціей, которая возбуждалась имперіалистической политикой франко-ненавистника Криспи, перешла въ дружественное соглашеніе по вопросу итало-французскаго вліянія на Средиземное море—съ одной стороны; съ другой стороны въ Италиі жива и крѣпка мысль о присоединеніи Триента и Триеста, о преобладаніи въ Албаніи.

Франко-русскій союзъ, заключенный какъ противовѣсъ тройственному, пережилъ въ первоначальныхъ основахъ свое историческое содержаніе. Французская демократія теперь сознательно стремится къ тому, чтобы сближеніе республики происходило съ русской демократіей, а не съ тѣмъ правительствомъ, которое заключило первоначальный договоръ. Это мысли, которыя мы много разъ высказывали, и насъ радуешь, что ихъ высказываетъ *Рльч*.

Ю. С. Гамбаровъ является сторонникомъ сближенія Россіи съ Англіей (при преобразованномъ союзѣ съ Франціей). Въ теченіе долгихъ лѣтъ мы придерживались мнѣнія, что въ интересахъ цивилизаціи такое сближеніе должно было имѣть мѣсто; но на пути стояли традиціонныя дружескія отношенія между петербургскимъ и берлинскимъ дворами и тѣ стремленія къ абсолютной роли монархій, которыя господствовали и въ Россіи, и въ Пруссіи. Теперь мы стоимъ на распутьи и, если въ Россіи утвердится народное представительство, то мы, быть можетъ, будемъ недалеко отъ англо-франко-русскаго соглашенія. Но какою дѣной можетъ быть достигнуто такое соглашеніе для нашего отечества? И въ правительственныхъ сферахъ и въ нѣкоторой части русскаго общества упорно держится мысль о томъ, что Англія исконная противница Россіи, что мы должны отнять у нея Индію, лишить ее политическаго и экономическаго вліянія въ Афганистанѣ и въ Персіи. По поводу этихъ вопросовъ Ю. С. Гамбаровъ говоритъ слѣдующее: «Центръ тяжести международной политики, — пишетъ онъ, — лежавшій со времени вѣнскаго конгресса на Востоку, въ Пруссіи и въ Россіи, перемѣщается теперь, подъ напоромъ демократическихъ теченій, на Западъ, во Францію и въ Англію, и вся дипломатическая исторія послѣднихъ лѣтъ сводится къ мирной по виду, но по существу непримиримой—борьбѣ между Берлиномъ и Лондономъ.

Мы не можемъ взирать безучастно на эту борьбу, задѣвающую живо наши собственные интересы, и разъ Англія—для того, чтобы имѣть насъ на своей сторонѣ,—готова сдѣлать намъ существенныя уступки на Босфорѣ, въ Афганистанѣ и на Персидскомъ заливѣ,—это три главныхъ пункта нашего разногласія съ Англіей,—то и мы, въ свою очередь, можемъ отказаться отъ угрожающаго положенія по отношенію къ ея индійской и колониальной политикѣ, въ которой намъ приходилось до сихъ поръ играть лишь въ руку Германіи».

Не довольно ли намъ приключеній съ Манджуріей, Портъ-Артуромъ, Бореей. Что мы будемъ дѣлать въ Афганистанѣ? За что будутъ гибнуть десятки и сотни тысячъ русскихъ людей, «освобождая» индійскія племена отъ владычества Великобританіи? Если бы эта, намъ по чину не подпадающая, операція и удалась, то туземное населеніе попросило бы насъ поскорѣе уйти изъ Индіи. Въ Персіи, въ сѣверной ея части, при сколько-нибудь разумной дѣятельности нашего правительства и при умѣлости и добросовѣстности нашихъ торговцевъ, мы могли бы создать для себя хорошій рынокъ и по этому поводу пришли къ соглашенію съ Англіей. Но почти ничего не дѣлая здѣсь, мы стремимся, въ прямую противоположность великобританскихъ интересовъ, стать «твердою ногою» въ Персидскомъ заливѣ. Охъ, эта *твердая нога!* Долго стояли мы ею въ Финляндіи, въ Царствѣ Польскомъ, въ Прибалтійскомъ краѣ, на Кавказѣ...

Попытки сближенія между англійскимъ и русскимъ правительствами дѣлались въ послѣднее время. Въ числѣ ихъ намѣчено было посѣщеніе великобританскимъ флотомъ русскихъ портовъ Балтійскаго моря. Посѣщеніе это отиѣнено. Проф. Гамбаровъ говоритъ, что «заявленіе нашего правительства о томъ, что оно само добилось отсрочки этого путешествія, и, притомъ, отсрочки на неопредѣленное время, и по единственному соображенію о вызванной противъ него агитаціи,—это заявленіе невозможно ни оправдать, ни смятчить, и мы весьма опасаемся, что послѣдствія его окажутся гораздо серьезнѣе и гораздо болѣе противорѣчащими интересамъ Россіи, чѣмъ это могло бы казаться съ перваго взгляда».

Прежде всего, трудно допустить, чтобы такой важный шагъ, какъ отиѣна уже принятаго рѣшенія, съ которымъ обѣ стороны соединили крупныя международныя послѣдствія, и, притомъ отиѣна нарушающая элементарныя правила гостепрѣимства и вѣжливости, соблюдаемыя съ особенной строгостью именно въ международныхъ сношеніяхъ, трудно допустить, чтобы такой шагъ былъ предпринятъ нашимъ правительствомъ по столь ничтожному поводу, каковымъ является указываемая имъ агитація, поднятая лишь нѣсколькими мало вліятельными органами нашей печати и не угрожавшая, въ сущности, ни малѣйшей опасностью ни англійской эскадрѣ (?), ни нашему правительству».

Г. Гамбаровъ склоненъ видѣть здѣсь возни Германіи. «Несравненно правдоподобнѣе,—думаетъ онъ,—предположить новую уступку, сдѣланную нынѣшнимъ правительствомъ, въ прямой ущербъ интересамъ Россіи, проискамъ германской политики, имѣющимъ въ виду вернуть насъ на путь печальной памяти Священнаго Союза. И если это предположеніе вѣрно, то мы въ правѣ обвинять наше правительство или въ кругломъ невѣжествѣ и безнадежной неспособности, или въ вѣроломной измѣнѣ интересамъ родины».

По нашему мнѣнію, англійскій флотъ не зайдетъ въ русскіе порты потому, что противъ этого офіціального визита высказался парламентъ и общественное мнѣніе.

В. Г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

І ю л ь

1906 года.

Содержаніе. I. Книжки: Беллетристика. — Публицистика. — Философія и Психологія. — Учебныя пособія. — Книжки для дѣтей. II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го іюня по 1-е іюля 1906 года.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Генрикъ Ибсенъ. Полное собраніе сочиненій. — *Гуго фонъ-Гофмансталъ.* Драмы. *Эмиль Вергарнъ.* Стихи о современности. — *Ев. Милльчъ.* На досугъ. — *З. Оболенская.* Къ свободѣ и къ свѣту. — *Ев. Масенинъ.* Волостной писарь. — *О. А. Постыловъ.* Золото.

Генрикъ Ибсенъ. Полное собраніе сочиненій. Переводъ съ датско-норвежскаго А. и П. Ганзѣнъ. Т. II. Изд. С. Скирмунта. М. Какъ извѣстно, въ изданіи г. Скирмунта сочиненія Ибсена выходили не въ порядкѣ, такъ что второй томъ является послѣднимъ, гдѣ собраны драмы скончавшагося писателя; теперь читающая публика ожидаетъ еще тома съ критическими статьями Ибсена. Въ книгѣ, лежащей передъ нами, помѣщены раннія пьесы скандинавскаго драматурга, исполненныя романтизма и лирики. Мы не будемъ здѣсь касаться ихъ по существу, такъ какъ недавняя кончина „сѣвернаго богатыря“ требуетъ особой критической памятки о немъ, всесторонней оцѣнки его творчества, которое пережило большую эволюцію, на разные лады сочетало элементы реализма и символизма, но всегда оставалось вѣрнымъ одной великой идеѣ — апоэозу личности. Оттого Ибсенъ, другъ свободы, рыцарь женщины, всегда и останется живымъ въ кругу своихъ прекрасныхъ образовъ, и всякая самодовлѣющая личность, какъ та, которая освобождается отъ тисковъ общества, такъ и та, которая тяготеетъ къ свободѣ духовной, будетъ считать и славить его своимъ пѣвцомъ, глашатаемъ своихъ идеаловъ.

Гуго фонъ-Гофмансталъ. Драмы. Переводъ Сергѣя Орловскаго. М., 1906 г. Гофмансталъ мало извѣстенъ у насъ въ Россіи; между тѣмъ, это одинъ изъ самыхъ интересныхъ писателей нашего времени, и надо съ благодарностью отнести къ г. Орловскому за его трудъ переводч са. Имячество слова доходить у Гофманстала до крайнихъ предѣловъ и достигаетъ такой изысканности и тонкости, что превращаетъ каждое произведеніе въ какую-то рѣдкостную подѣлку: не то это кружево, не то хрусталь, не то сохранившееся созданіе благословенныхъ рукъ Еженуто Челлини. Можетъ быть, эта драгоценная хрупкость его стихъ служитъ Гофмансталу даже во вредъ: глубина его идей, высокой драматизмъ его диалоговъ, вообще вся внутренняя сила его пьесъ заволнаиваются дымкой чарующихъ словъ, и впечатлѣніе отъ нихъ, сразу оадѣвшее вами, уже не оставляетъ мѣста для впечатлѣній иного по-

рядка. Все какъ-то слишкомъ красиво у Гофманстала, и такъ имъ лбуешься, точно это шедевръ, выставленный въ витринѣ ювелира. Не возникаетъ близости между нимъ и читателемъ, какъ-то боишься прикоснуться къ нему. А онъ показываетъ вамъ одну миниатюру за другой, опьяняетъ васъ воздухомъ своей любимой Италіи и вышиваетъ передъ вами тончайшимъ шелкомъ стиховъ, прекрасные узоры любви, смерти, страсти. Все это у него не праздно, не холодно, не блестящая игра виртуоза, все это имѣетъ свою значительность и силу: сумѣйте только услышать ее сквозь шелковый шелестъ дорогихъ словъ; вѣдь не откажете вы въ тепломъ человѣческомъ сердцѣ этой пышной красавицѣ, какой-нибудь его же Дианорѣ, только за то, что она покрыта венеціанскими кружевами. А онъ именно и любитъ раскрывать тайны и тревоги души подъ такою стильной и роскошной оболочкой. Свыкнитесь съ этой ослѣпительной обстановкой его пьесъ, и вы узнаете общечеловѣческіе мотивы. Вотъ, напримѣръ, смерть играетъ на скрипкѣ, и безумецъ Клавдіо, за которымъ она пришла, только въ эти предсмертныя мгновенія постигъ свою жизнь и то, какъ безумно прожилъ онъ ее. И онъ хотѣлъ бы начать ее сызнова, утѣшить свою мать, которая такъ много плакала изъ-за него, вымолить прощенье у дѣвушки, которой онъ измѣнилъ, у друга, котораго онъ обманулъ,—но уже поздно, смерть играетъ ему свою призвную пѣсню, и онъ умираетъ, только въ смерти понявъ и ощутивъ жизнь.

Слишкомъ ясно, какую трудную работу взялъ на себя г. Орловскій, воспроизводя на чужомъ языкѣ это неподражаемое творчество. И надо сказать, что онъ достойно рѣшилъ свою задачу. Правда, рѣмезованные стихи Гофманстала, чудныя созвучія, онъ замѣнилъ бѣлыми стихами; но съ этимъ ограниченіемъ надо признать переводъ г. Орловскаго прекраснымъ. Бѣлые стихи звучатъ у него благородно и красиво, сохраненъ поэтический колоритъ подлинника, и въ то же время вполне осуществлена близость къ нему по отношенію къ смыслу каждаго стиха.

Эмиль Верхарнъ. Стихи о современности. Въ переводѣ Валерія Брюсова. Книгоиздательство „Скорпионъ“. М., 1906 г. Эта изящная книга является первой въ серіи небольшихъ монографій, которую, по заявленію издателей, намренивъ выпустить „Скорпионъ“ для ознакомленія широкихъ круговъ русской читающей публики съ такъ называемой „новой поэзіей“. „Каждая книжка будетъ посвящена или отдѣльному писателю или группѣ писателей, объединенныхъ общими идеалами, и будетъ содержать: 1) портреты авторовъ, 2) ихъ біографіи, 3) подробную бібліографію ихъ произведеній, 4) рядъ *избранныхъ* ихъ произведеній (для иностранныхъ писателей—въ художественныхъ переводахъ)“. Выпускъ, посвященный фламанскому поэту Верхарну, котораго давно уже культивируетъ у насъ г. Брюсовъ, строго отвѣчаетъ указанной программѣ и, дѣйствительно, представляетъ значительный интересъ для всѣхъ, кто сочувственно или несочувственно слѣдитъ за литературными направленіями современности. О новой поэзіи очень много писали и говорили, ее лишь мало знали, и это—не только потому, что она недоступна по своей внутренней и вѣшной экзотичности, но и просто потому, что на русскомъ языкѣ рѣдко появлялись ея лучшіе образцы. Теперь въ рукахъ у читателей будетъ, во всякомъ случаѣ, систематическій матеріалъ для сужденія и оцѣнки,—матеріалъ надежный, потому что, какъ бы ни относиться къ г. Брюсову и другимъ звѣздамъ скорпионова созвѣздія, никто не станетъ отрицать ихъ литературнаго таланта и высокаго умѣнья переводить съ чужого языка на русскій родственныя имъ по духу поэтическія пьесы. Въ частности Верхарнъ нашелъ себѣ въ Валеріи Брюсовѣ даровитаго

интересную и живую характеристику писателя, а затѣмъ около 20 его стихотвореній въ своемъ переводѣ и нѣсколько страницъ его художественной прозы. Какъ показываетъ самое заглавіе сборника, г. Брюсовъ выбралъ тѣ произведенія Верхарна, которыя даютъ о немъ представленіе, какъ о гѣвцѣ современности. Найти въ послѣдней какую-то дикую, отрицательную поэзію; взять городъ, улицу, всю обыденность буржуазнаго строя и могучимъ порывомъ вдохновенія превратить ее въ „перлъ созданія“, въ черный перлъ безумія и кошмара—таковъ былъ бессознательный замыселъ Верхарна. И онъ осуществилъ ее въ рядѣ стихотвореній, которыя васъ пугаютъ, но въ то же время влекутъ какою-то необычной красотой, бредомъ священнаго изступленія. Что, напримѣръ, можетъ быть прозаичнѣе и дальше отъ поэта, чѣмъ современный банкиръ? И однако Верхарнъ воспѣваетъ и, воспѣвая, проклинаетъ его мрачную мощь, и сидитъ передъ нами этотъ человѣкъ „въ креслѣ выпѣвѣшемъ, угрюмый, неизмѣнный, немного спорбленный“ и своимъ „порывистымъ перомъ чертитъ узоры бѣглыхъ строкъ“, онъ подчиняетъ себѣ вселенную.

Толпа его кланетъ, и всѣ ему покорны,
Ему завидуя. Стоитъ онъ, какъ мечта.
Всемирная алчба, сердецъ пожаръ упорный,
Сжигаетъ души всѣхъ, его-жъ душа—пуста.

Его могущество, какъ токъ нагорныхъ водъ,
Съ собой влечетъ въ водоворотъ
(Какъ камни, листья и растенія)
Имущества, богатства, сбереженія.
И махы гроши,
Которые въ тиши
Копили бѣдняки въ поту изнеможенія.

Такъ, подавляя все Ньягарамъ своей
Растущей силы, онъ, сутулый и угрюмый,
Надъ грудами счетовъ весь погруженный въ думы,
Рѣшаетъ судьбы царствъ и участь королей.

Или поэтъ напряженно внимаетъ злобѣщему шуму возстанія и тому, какъ „удары прикладовъ качаютъ окно“, и онъ слышитъ „гулы глухіе орудій (кашель чугуныи безжалостныхъ грудей)“ и видитъ „головы чьи-то на пикахъ—словно на стебляхъ цвѣты“, и видитъ еще, какъ

Смерть, машинально беря на прицѣлъ,
Трескомъ сухимъ разряжаемыхъ ружей
Валитъ въ кровавыя лужи
Груды причудливо скорченныхъ тѣлъ.

Онъ вообще съ ужасомъ и любопытствомъ глядитъ на дѣло смерти, которая напаялась крови въ трактирѣ „Трехъ гробовъ“, опьянѣла и никому не даетъ пощады.

Не брезгливый въ выборѣ сюжетовъ, Верхарнъ въ одномъ стихотвореніи такъ описываетъ „Свиной“, что доходитъ до самой границы поэтическаго натурализма. И это соединяется у него съ утонченнымъ символизмомъ, и это онъ же слушаетъ бой часовъ, стукъ ихъ „костыля“, ихъ „деревянной ноги“.

Это по гѣстницѣ времени всходятъ и ехаютъ
Часы, это—ихъ шаги!
Часы!
Неумолимы, безсонны,

Вы стучите ногами служаюкъ въ большихъ башмагахъ,
Вы скользите шагами больничныхъ сидѣлокъ.

Напрасно васъ молить мой голосъ смущенный:
Вы сдѣлили мой страхъ
Циркулемъ вашихъ безжалостныхъ стрѣлокъ.

Поразительно и стихотворение „Декабрь“, гдѣ вѣтеръ, холодъ и снѣгъ стучатся въ двери бѣдняковъ и щедро разбрасываютъ по всей лачугѣ „живой посѣвъ бѣлыхъ лилій“, и бѣдняки невольно растворяютъ передъ ними свои убогія двери:

Входите смѣло, снѣгъ, дождь и вѣтеръ,
Входите, дѣти сѣдой зимы!

Такъ „гражданская скорбь“ не только теряетъ у Верхарна свою опошленность, но и звучитъ величественно и страстно, и поэтъ старается уловить самый звукъ убійственного для людей, для бѣдныхъ людей, ноябрьскаго вѣтра, который „днѣзъ и строгъ, трубитъ въ свой рогъ“.

Въ общемъ, надо сказать, что г. Брюсовъ, съ необычайнымъ искусствомъ переведшій трудные и неподатливые стихи Верхарна, несомнѣнно познакомилъ русское общество съ образцами поэзіи высоко-своеобразной.

Ел. Миличъ. На досугѣ. (Очерки и рассказы). Ц. 1 р. 50 к. Нѣсколько рассказовъ изъ жизни русской интеллигенціи и нѣсколько стихотвореній въ прозѣ—таково содержаніе сборника. Рассказы производятъ симпатичное впечатлѣніе.

Трудность первыхъ шаговъ самостоятельной жизни, волненія и молодая надежда только что окончившаго университетъ юноши, тяжелое разочарованіе его въ холодномъ Петербургѣ при первомъ знакомствѣ съ „правдой жизни“; тягостное чувство и горечь отъ „сильныхъ міра сего“, вотъ содержаніе рассказа „У пристани“. Несомнѣнно симпатичный по настроенію, обрисовкѣ лицъ и положеній рассказъ производилъ бы большее впечатлѣніе, если бы сюжетъ его не былъ использованъ корнями русской литературы. Также нѣсколько шаблоненъ по темѣ рассказъ „Одна минута“, рисующій тяжелыя условія жизни молодого идейнаго учителя въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ, преслѣдованія его директоромъ, обычные послѣдствія, и въ конечномъ итогѣ—смерть отъ чахотки...

Такимъ образомъ рассказы такъ же, какъ и стихотворенія въ прозѣ, помѣщенные въ книгѣ, читаются безъ скуки, но также скоро и забываются.

З. Н. Оболенская. Къ свободѣ и свѣту. Стихотворенія. Ц. 1 р. Этотъ сборникъ стихотвореній, является, повидимому, первымъ опытомъ литературной дѣятельности автора. Стихотворенія съ гражданскими мотивами, полными гуманныхъ и симпатичныхъ стремленій, рисующими гнетъ и ужасъ современной жизни, чередуются со стихотвореніями, воспѣвающими любовь и красоту. Стихъ у автора довольно гладокъ, только много глагольныхъ рѣмъ, благодаря которымъ черезчуръ шаблонны дѣлается сама форма стихотвореній. Внимательно прочитывая сборникъ, перевертывая страницу за страницей, невольно поражаешься удивительно неоригинальностью мысли и формы. Иногда проскользнетъ воспоминаніе чего-то знакомаго, чего-то читаннаго. Иногда авторъ самъ беретъ всѣмъ извѣстные старыя сюжеты. Такъ, напр., стихотвореніе „Аспазія“. Казалось бы послѣ стихотворенія Полонскаго „У Аспазіи“ не стоило труда вновь воспѣвать прекрасныя фигуры Аспазіи и Перикла... Дѣло въ характеристикѣ самого себя авторъ не блещетъ оригинальностью.

„Я свѣжа, какъ душистая роза,
Молода, какъ паряща-весна,
Непонятна, какъ тайная греза,
Холодна, какъ морская волна“.

Конечно, нѣтъ сомнѣнiя въ искренности и правдивости автора, но... не старо ли это?

Евгенiй Мазепинъ. Волостной писарь. Разсказъ. Кадниковъ, 1906 года. Ц. 25 коп. Въ свое время (см. 7-я кн. *Русской Мысли* за 1905 г.) мы отмѣтили интересное изслѣдованiе пермскаго губернскаго земства о положенiи волостныхъ писарей Пермской губернии, обработанное Д. М. Бобылевымъ. Въ лежащей передъ нами брошюрѣ содержится весьма толковое описанiе быта этихъ тружениковъ, выраженное въ незамысловатой беллетристической формѣ. Авторъ очевидно близко знакомъ съ предметомъ, которому посвятилъ свой разсказъ. Въ послѣднемъ нечего ждать какой-либо поэзии и художественнаго элемента. Это, такъ сказать, дѣловая беллетристика. Описываемое здѣсь положенiе волостного писаря въ общихъ чертахъ, да во многихъ своихъ подробностяхъ, имѣетъ большое сходство съ положенiемъ пермскихъ писарей. Но, помимо обстоятельствъ, прямо угнетающихъ названныхъ деревенскихъ тружениковъ, косвенно ихъ положенiе страдаетъ также и отъ многихъ нелѣпыхъ несовершенствъ судебно-административныхъ положенiй, притѣвляемыхъ въ сельскому населенiю: выступаютъ бьющiе въ глаза недостатки волостного суда, судъ земскаго начальника, ихъ съѣзда и губернскаго присутствiя. Курьезъ состоитъ между прочимъ въ томъ, что за неправильныя дѣйствiя волостного суда земскiй начальникъ дѣлаетъ отвѣтственнымъ (путемъ штрафовъ и проч.) волостного писаря, которому волостной судъ отнюдь не подчиненъ. Такимъ образомъ, въ разсказѣ читатель найдетъ цѣлый рядъ отрицательныхъ фактовъ изъ деревенскаго быта, одинаково угнетающихъ какъ сельское населенiе, такъ въ частности и волостныхъ писарей. Взятые прямо изъ дѣйствительной жизни и притомъ лицомъ, понимающимъ хорошо ихъ общественное значенiе, эти факты имѣютъ большую цѣнность. Скромный авторъ воздерживается отъ какихъ-либо заключенiй о мѣрахъ къ улучшенiю положенiя волостныхъ писарей. Одно несомнѣнно—это положенiе нуждается въ коренномъ измѣненiи и не только въ виду гуманныхъ соображенiй по отношенiю къ многочисленнымъ труженикамъ, изъ нужды занимающимъ трудную должность волостного писаря, но также и въ насущныхъ интересахъ самого крестьянскаго населенiя. Книга издана въ Кадниковѣ, Вологодской губернии, и можетъ быть потому отличается обилiемъ корректурныхъ ошибокъ, часто измѣняющихъ смыслъ напечатаннаго (вмѣсто дышло—*вышло*, *кзное*, *мысли*, *даси*, вмѣсто дать и т. п. пестрятъ на каждомъ шагѣ). Въ одномъ мѣстѣ авторъ, сравнивая жизнь писарей съ жизнью учителей, неожиданно высказываетъ, что ихъ „служба *самостоятельная, почти ни отъ кого независимая*“. Напомнимъ, что если писарь зависитъ все-гдѣ отъ волостного старшины и земскаго начальника, то учитель деревенской школы, имѣя пропасть начальства прямого и косвеннаго, часто и вѣтъ въ полной зависимости еще и отъ тѣхъ же волостного старшины и писаря. Кромѣ того, надъ нимъ начальствуетъ и урядникъ, и земскiй скаржникъ. И право, трудно утверждать, что доля сельскаго учителя легче положенiя волостного писаря. Существующiй режимъ имѣетъ угнетать основательно всякаго труженика, особенно, если онъ стоитъ близко къ народу и можетъ оказывать благотворное влиянiе на его умственное развитiе или является защитникомъ узурпируемыхъ у него правъ.

Разсказъ Евг. Мазепина съ удовольствіемъ рекомендуемъ всѣмъ, интересующимся деталями народной жизни.

С. А. Поспѣловъ. Золото. Изд. А. Ф. Девриена. Ц. 1 р. 20 к. Это исторія постепеннаго оживленія пустынной сибирской равнины, гдѣ случайно открылся золотой приискъ. Въ пустынѣ появились люди—искатели приключеній и легкой наживы и принесли съ собою оживленіе, разгулъ и преступленія. Богатая тема, разработанная г. Поспѣловымъ, къ сожалѣнію, нѣсколько вяло и безцвѣтно, привлекаетъ все же вниманіе читателей и не лишена нѣкотораго значенія и интереса.

ПУБЛИЦИСТИКА.

Л. Мельшинъ. Въ мірѣ отверженныхъ. В. Панкратовъ. Жизнь въ Шлиссельбургской тюрьмѣ.—Я. Демченко. Правда объ украинифильствѣ.—Проф. М. Грушевскій. Украинство въ Россіи.

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). Въ мірѣ отверженныхъ. Записки бывшаго каторжника. Т. II. Третье изданіе. С.-Петербургъ, 1906 г. Ц. 1 р. 50 к. Книгоиздательство „Русское Богатство“. Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ фактъ появленія этой книги третьимъ изданіемъ, свидѣтельствующемъ о томъ, что содержаніе ея оцѣнено уже широкимъ кругомъ читателей. Книга съѣтъ вѣчное, доброе, забрасываетъ въ людскія сердца сѣмена гуманнаго, справедливаго отношенія къ міру „отверженныхъ“, причемъ авторъ не навязываетъ никакихъ „теорій“, обобщеній, а передаетъ о несчастныхъ людяхъ свои безпристрастные впечатлѣнія, порою и отрицательнаго качества. Но это не только не мѣшаетъ, но, напротивъ, содѣйствуетъ тому, чтобы въ лицѣ каторжниковъ видѣть людей, со всѣми присущими имъ хорошими и дурными сторонами. Такія книги перевоспитываютъ въ корнѣ взгляды общества на преступность и, конечно, это обстоятельство не должно пройти безслѣдно въ будущемъ и для судьбы самихъ преступниковъ.

В. Панкратовъ. Жизнь въ Шлиссельбургской крѣпости. Москва, 1906 г. Ц. 30 к. Книгоиздательство „Молодая Россія“. Въ послѣднее время читающая публика получила наконецъ возможность познакомиться съ цѣлымъ рядомъ воспоминаній бывшихъ заключенныхъ въ Шлиссельбургской крѣпости: такія воспоминанія появились, напримѣръ, въ новомъ журналѣ *Былое*. Тѣмъ не менѣе изданныя въ видѣ отдѣльной брошюры воспоминанія г. Панкратова нисколько не теряютъ своего значенія и читаются съ одинаково неослабѣвающимъ интересомъ, какъ и только что упомянутыя, хотя касаются одной и той же эпохи, тѣхъ же событій, лицъ и проч. И если бы каждый изъ несчастныхъ узниковъ самодержавія имѣлъ возможность написать свои воспоминанія о той же крѣпости, то, мы думаемъ, читатель въ общемъ итогѣ могъ бы только получить наиболѣе полное и всестороннее представленіе о всѣхъ тѣхъ поистинѣ ужасныхъ условіяхъ, въ которыхъ содержались и погибали въ этомъ „каменномъ гробу“ лучшіе, наиболѣе талантливые и выдающіеся представители русской интеллигенціи. Каково было переносить это заключеніе, показываетъ чрезмѣрное количество сошедшихъ съ ума заключенныхъ. И всѣ эти драгоцѣнные и притомъ безчисленныя жертвы русской народъ долженъ былъ во все теченіе русской самодержавной исторіи до самаго послѣдняго времени приносить на алтарь „самодержавія“, яеобы—единственно спасительной и доступной для него формы правленія. Но какъ не выноситьъ русской народъ, чаша его вѣковаго

терпѣнія нынѣ переполнилась и могучими встрясками онѣмѣвшихъ членовъ оны успѣлъ уже заставить трусливыхъ тюремщиковъ своихъ нѣсколько „отойти назадъ“. Несомнѣнно, что недалеко уже время, когда тяжелыя цѣпи, опутывавшія русскую жизнь и дѣлавшія изъ Россіи сплошную нравственную Шлиссельбургскую крѣпость, спадутъ совсѣмъ и тогда только обыватель увидитъ съ ужасомъ и стыдомъ, что творило съ нимъ столько вѣковъ самодержавіе. Воспоминанія о столь позорныхъ тюрьмахъ, какъ Шлиссельбургская и другія подобныя ей, именно расширятъ широкой публикѣ глаза на эту сторону дѣла, тщательно до сего времени оберегавшуюся отъ любопытства этой публики. Интересно между прочимъ отмѣтить, что вся средневѣковая по жестокости обстановка Шлиссельбургской крѣпости была создана вовсе не въ эту отдаленную и ужасную эпоху, а всего только въ началѣ восьмидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія. Самодержавіе умѣло тоже прогрессировать—только по болѣе для нея свойственному направленію—назадъ.

Будущій историкъ нашего времени почерпнетъ здѣсь краснорѣчивыя иллюстраціи для характеристики русской современной жизни, но подобныя воспоминанія представляютъ еще крупный интересъ также и для психолога. Чрезвычайно трогательно читать о всѣхъ этихъ настойчивыхъ проявленіяхъ жизни и дѣятельности въ людяхъ, для которыхъ казалось бы будущее ихъ навсегда похоронено. И это стремление настолько повелительно и энергично среди заключенныхъ, что жестокіе и безсердечныя тюремщики передъ ними пасуютъ и въ концѣ-концовъ дѣлаютъ цѣлымъ рядъ уступокъ и послабленій. И вотъ, какъ только наступаетъ хотя малѣйшая возможность дѣятельности, особенной, совмѣстной, то среди самыхъ невозможныхъ тюремныхъ условій возникаютъ цѣлыя сложныя учрежденія: создается своего рода конституція, общественное мнѣніе, литература, наука, искусство, техника и т. д. И среди нѣсколькихъ десятковъ невольныхъ и случайныхъ товарищей оказываются тотчасъ же специалисты по всѣмъ отраслямъ обыденной жизни. Проявляется все это здѣсь въ нѣсколькихъ уродливыхъ формахъ и съ тѣмъ, чтобы скорѣе же погибнуть по случайному капризу одного изъ тюремщиковъ. Но не слѣдуетъ забывать, что всѣ эти качества и таланты изъяты изъ дѣйствительной жизни, гдѣ они, конечно, увеличивали бы сумму общаго блага, и погребены здѣсь безъ всякой для кого бы то ни было пользы. Уничтоженіе и денатурированіе наилучшихъ человѣческихъ талантовъ есть особенно характерная черта самодержавной внутренней политики, не выносящей ничего оригинальнаго и выдающагося и предпочитающей, наоборотъ, единообразную посредственность и забытое тупоуміе. Самодержавіе только при такихъ условіяхъ и можетъ процвѣтать.

Правда объ украинфильствѣ. Я. Демченко. Кіевъ, 1906 г. Въ настоящее время, когда происходитъ коренное преобразование русскаго строя, на очередь выступили вопросы аграрный, рабочій и др., а также національный, связанный вопросомъ объ автономіи окраинъ. Объ автономіи говорятъ и пишутъ, автономіи посвящены газетныя и журнальныя статьи и отдѣльныя книжки и брошюры. Лежащая передъ нами брошюра г. Демченко посвящена вопросу о малорусской національности, объ украинфильствѣ, его сущности и цѣляхъ.

Г. Демченко всѣми силами старается доказать, что въ украинфильствѣ нѣтъ и тѣни политическаго характера, что все украинфильство сводится только къ стремленію малороссовъ говорить, писать и учиться на своемъ родномъ языкѣ. „Предѣлы государства обуславливаются не исключительно народностью, но еще болѣе того географическими и эконо-

номическими условиями, а съ этой-то точки зрѣнія неразрѣдимость России вполне очевидна. Это отлично понимаютъ въ настоящее время даже поляки, а малороссы поняли гораздо раньше ихъ и никакихъ государственно-сепаратическихъ тенденцій не пытали и не пытаются...“ (стр. 34). Только въ России евреи и другіе инородцы могли сочинить революцію за счетъ и отъ имени русскаго народа“ (стр. 35). Малороссы, — какъ утверждаетъ г. Демченко, — „...не бунтовали. И если нѣкоторая легкомысленная и полунинтеллигентная часть ихъ и заразилась социализмомъ, то только на общемъ основаніи съ великороссами, благодаря тлетворному вліянію еврейства и еврейской печати“ (стр. 37). Мы извиняемся передъ читателями за столь длинную цитату изъ небольшой брошюры г. Демченка, но не могли отказать себѣ въ удовольствіи привести образчикъ удивительной аргументаціи и „передовыхъ“ взглядовъ г. автора.

Итакъ, г. Демченко рѣшительно заявляетъ, что ни онъ, ни другіе украинофилы никакихъ политическихъ цѣлей не имѣютъ. Правда, ему приходится все же признать, что въ нѣкоторыхъ украинофильскихъ кружкахъ „заходила рѣчь объ автономіи“, но авторъ не придаетъ этому никакого значенія и считаетъ возможнымъ „совмѣстить понятіе объ автономіи съ понятіями децентрализаціи „самоуправленія“. Очевидно, юридическія понятія г. Демченка на этотъ счетъ очень спутаны и туманны. Вся брошюра имѣетъ цѣлью доказать, что малороссы желаютъ только права пользоваться своимъ языкомъ и что это право вполне законно ввиду того, что малорусскій языкъ и малорусская литература стоятъ гораздо выше великорусскаго языка и литературы. Несомнѣнно, что малорусскій языкъ очень образенъ и поэтиченъ, что этотъ языкъ встрѣтилъ много препятствій для своего дальнѣйшаго развитія, но г. Демченко именно въ его близости къ народному и видитъ его главное достоинство. Въ этомъ отношеніи онъ ставитъ малорусскую литературу гораздо выше великорусской, по адресу которой онъ позволяетъ себѣ очень рискованныя утвержденія въ родѣ слѣдующаго: „Это не то, что русская схоластическая литература, которая въ періодъ отъ Кантемира до Боборыкина включительно линяла семь разъ и въ концѣ-концовъ самими же великороссами признается не русской и *негодной* *), хоть снова начинай“ (стр. 10). Г. Демченко, очевидно, признаетъ „негодными“ творенія Льва Толстого, Тургенева, Достоевскаго, Гончарова и другихъ корифеевъ русской литературы, творенія, которыя ставятъ такъ высоко вся западно-европейская критика; а намъ?... намъ остается только признать „негодными“ критическіе приемы г. автора. Какъ далеко заходить онъ въ своемъ увлеченіи, можно судить уже по слѣдующей удивительной фразѣ: „Малорусское народное творчество по высотѣ и широтѣ воззрѣній, по содержанию и художественности *превыше* **) всѣхъ славянскихъ, а славянскія вообще признаются (къмъ?) *превыше* всѣхъ европейскихъ!!..“

Но довольно... Мы и такъ рѣшительно злоупотребляли терпѣніемъ читателя, знакомя его со взглядами и приемами украинофила-ретрограда (да, простятъ намъ это, можетъ быть, рѣзкое названіе...) Скажемъ одно, что ставя очень высоко малорусскій языкъ, малорусское народное творчество и отъ души желая, чтобы, добившись автономіи, малороссы могли свободно развивать свой родной языкъ и литературу, мы пожелаемъ однако, чтобы у украинскаго народа было поменьше такихъ друзей-украинофиловъ, какъ г. Демченко, а г. Демченку посоветуемъ больше не гово-

*) Курсивъ нашъ.

**) Курсивъ нашъ.

рять и не писать такой „правды“ и помнить объ одномъ: безъ истинной свободы не можетъ быть истиннаго развитія, а истинная свобода не совмѣстима съ боязнью всякой переменъ, пристрастїемъ къ своимъ и несправедливостью къ чужимъ.

Проф. Мих. Грушевскій. Украинство въ Россіи, его запросы и нужды. Спб., 1906 г. „Однимъ изъ самыхъ важныхъ и жгучихъ вопросовъ, одною изъ самыхъ грандіозныхъ и благодарныхъ задачъ, какія предстоитъ разрѣшить освобождаемой Россіи, является, несомнѣнно, вопросъ украинскій. Скорое, успѣшное, справедливое разрѣшеніе его неотложно необходимо не только въ интересахъ самого украинскаго народа, самой большой изъ негосударственныхъ народностей Россіи, обреченной старымъ режимомъ на самыя невозможныя условія существованія, но и всей освобождаемой Россіи“. Такъ начинается свой прекрасный очеркъ проф. Грушевскій, извѣстный ученый и знатокъ исторіи Украины.

Разбираемая книжка составляетъ собственно главу изъ его „Очерка исторіи украинскаго народа“, и появленіе ея отдѣльнымъ изданіемъ является какъ нельзя болѣе кстати въ переживаемый нами моментъ общаго переустройства „освобождаемой“ Россіи.

Авторъ совершенно справедливо указываетъ на то, что игнорированіе украинскаго вопроса замѣчается не только среди правящихъ сферъ, но и среди интеллигентнаго великорусскаго общества, даже самаго передового. Въ то время, какъ автономія Польши встрѣчаетъ полное сочувствіе, какъ ставятся и разбираются вопросы польскій, финляндскій, армянскій и др., „безопаснона угнетенная украинская народность, самая большая изъ негосударственныхъ народностей Россіи и близкая по крови великороссійской и внесшая въ сокровищницу ея культурной, общественной и государственной жизни столько, сколько не внесла никакая другая, не находитъ живой поддержки въ своихъ стремленіяхъ къ раскрѣпощенію“ (стр. 42). Чѣмъ объяснить такую несправедливость по отношенію къ Украинѣ? Намъ думается, незнаніемъ ея потребностей и нуждъ, и въ этомъ отношеніи появленіе такихъ очерковъ, какъ разбираемый нами, можетъ принести большую пользу.

Проф. Грушевскій съ полной добросовѣстностью и знаніемъ исторіи излагаетъ въ своей брошюрѣ весь мартырологъ Украины со времени ея присоединенія къ Россіи: „Отношеніе правительства Россіи къ украинской народности вообще было одною сплошною исторіей репрессій... Сначала оно направляетъ свою энергію на уничтоженіе политической особы и автономіи Украины, мѣстныхъ формъ общественныхъ и политическихъ отношеній и осуществляетъ эти намѣренія, не справляясь съ желаніями и стремленіями украинскаго общества и народа, не обращая вниманія на отчаянное сопротивленіе, глубокое неудовольствіе, не считаясь со своими обѣщаніями и обязательствами... Затѣмъ оно стремится ввести ту же нивелляцію и въ культурную и въ духовную жизнь Украины...“ (стр. 10).

Украинскому языку, по выраженію проф. Грушевскаго, „произнесенъ смертный приговоръ“. На печальныхъ страницахъ украинской исторіи мы найдемъ запрещеніе языка въ школахъ, даже низшихъ, въ церковной и повѣды, въ популярной литературѣ. Все это имѣло цѣлью разобщить народъ съ его роднымъ языкомъ, нивелировать его съ великорусской... Но результатомъ было только пониженіе культурнаго уровня народа, который не могъ усвоить культуры на чуждомъ, малопонятномъ языкѣ, а отсюда—и малый процентъ грамотности и рещедивизмъ безгра-

Тѣ же, если не още большія гоненія встрѣчаетъ малорусская литература. По словамъ автора, запрещались пьесы и беллетристическія произведенія съ соціальной подкладкой, сочиненія съ характеромъ національно-патріотическимъ и историческимъ, наконецъ, всё вообще крупныя литературныя произведенія, которыя „являлись бы слишкомъ виднымъ приобрѣтеніемъ для осужденной „на небытіе“ украинской литературы“. Всѣ украинскія произведенія запрещались или урѣзывались, разрѣшались только самыя слабыя, что соответствовало цѣлямъ правительства. Въ результатъ малороссійская интеллигенція, получающая образованіе на великорусскомъ языкѣ, не знающая ни своего языка, ни своей литературы, отдѣлялась отъ народа, а народъ бѣднѣлъ и культура его падала.

„Нынѣшнее жалкое экономическое состояніе украинской народности, населяющей богатѣйшія области Россіи и терпящая хроническую нужду и даже голодъ на своей благословенной землѣ... страшная, безпросвѣтная темнота, отсутствіе общественнаго сознанія... у этой по природѣ чрезвычайно интеллигентной и богато одаренной народности, дѣлающія возможными такія дикія и некультурныя движенія, какъ еврейскіе погромы, холерные бунты, избиенія интеллигенціи...—все это въ значительной мѣрѣ является результатомъ той системы оглушенія, къ которой въ конечныхъ результатахъ сводится программа подавленія украинской національности“ (стр. 28). Какой же выходъ изъ всего этого видятъ проф. Грушевскій? неужели положеніе Украины безвыходно и безнадежно?

Авторъ видитъ и указываетъ такой выходъ; это — расширеніе Украины, это — достиженіе автономіи. „Только автономія можетъ сочетать потребности части съ потребностями цѣлаго, интересы области съ интересами цѣлости государства. Только національно-территориальная автономія обезпечить свободное развитіе отдѣльныхъ національностей. И въ частности, для украинской народности все другое кромѣ національной автономіи не можетъ быть ничѣмъ большимъ, какъ переходными формами, этапами въ движеніи украинской народности къ возможности самоопредѣленія. Всѣ запрещенія и насилія только вызывали оппозицію со стороны украинскаго общества“ (стр. 47) и „руководящія идеи украинства вырабатывались въ рѣзкой оппозиціи бюрократическому абсолютски-централистическому старому режиму Россіи“ (стр. 29).

Желая превосходной брошюрѣ проф. Грушевскаго самаго широкаго распространенія, желая вмѣстѣ съ нимъ украинской народности полнаго и скорѣйшаго „раскрѣпощенія“, мы можемъ присоединиться и къ выраженной имъ надеждѣ, что теперь, въ моментъ общаго обновленія и освобожденія Россіи, „широкое и всестороннее развитіе украинской народности лишь вопросъ времени, вѣроятно, очень недалекаго времени“ (стр. 48).

ФИЛОСОФІЯ, ПСИХОЛОГІЯ.

Т. Рибо. Логика чувствъ.—Проф. Г. Челпановъ. Учебникъ психологіи. Изданіе Меншера. Новое ученіе о нравственности.

Т. Рибо. Логика чувствъ. Образовательная бібліотека. О. Г. Поповой. Серія VI, № 10. Ц. 40 коп. Иррационалистическая реакція противъ панлогизма Гегеля выдвинула на первый планъ эмоціональную и волевою сторону психической жизни; не чистое понятіе, но чувства

ваніе (Лотце) и воля (Шопенгауэръ) лежать въ основѣ всего; разумъ—нѣчто вторичное и производное. Движеніе, вызванное ирраціонализмомъ, отразилось на многихъ философскихъ дисциплинахъ, въ нѣкоторыхъ произвело полный переворотъ и, какъ показываетъ книга Рибо, до сихъ поръ не утратило своей силы и вліянія. Интеллектъ всегда на службѣ у чувствованій и воли—такъ учили Лотце и Шопенгауэръ. Рибо, подъ вліяніемъ и въ зависимости отъ Лотце, пытается анализировать всѣ формы зависимости интеллекта отъ эмоциональной сферы, по возможности, всѣ разновидности *аффективной мысли*. Новая работа Рибо, примыкающая къ его „Psychologie des sentiments“ и „L'imagination créatrice“, является первымъ опытомъ въ этомъ направленіи.

Предварительно Рибо посвящаетъ одну главу ассоціаціи аффективныхъ состояній, чтобы избѣжать смѣшенія ихъ съ аффективнымъ мышленіемъ. Подъ послѣднимъ нужно понимать процессъ, основа котораго—въ какомъ-либо состояніи чувства; это состояніе чувства, оставаясь безъ переменъ или измѣняясь, обуславливаетъ собою выборъ или послѣдовательную смѣну интеллектуальныхъ состояній. Аффективная *ассоціація* существенно отличается отъ аффективного мышленія: она происходитъ случайно и не направлена къ заранее поставленной цѣли. Рибо даетъ анализъ ассоціаціи аффективныхъ состояній. Въмѣсто абстрактныхъ понятій рациональной логики, логика чувствъ оперируетъ съ понятіями: цѣнностями, сужденіями о цѣнности или просто цѣнностями. Субъективные сужденія о цѣнности являются ея матеріаломъ (гл. II, стр. 29—40). Чтобы изъ этихъ элементовъ возникло разсужденіе,—понятія цѣнности должны выстроиться въ извѣстномъ порядкѣ, опредѣленномъ внутреннимъ принципомъ, управляющимъ отношеніями между ними. Чтобы понять механизмъ разсужденія, необходимо найти исходную его точку и прослѣдить его процессъ. Принципъ, обуславливающий единство аффективного разсужденія и управляющий логикой чувствъ, есть принципъ конечной цѣнности, къ которой необходимо прійти. Процессъ разсужденія развивается не по прямой линіи, какъ въ рациональной логикѣ, а съ помощью нагроможденія (*accumulation*) и традиціи понятій („*augeatur semper et crescat oratio*“). Закону противорѣчія логика чувствъ не подчиняется; несогласимыя съ рационалистической точки зрѣнія утвержденія могутъ существовать на ряду другъ съ другомъ, потому что каждое изъ нихъ *чувствуется* индивидуумомъ или социальную группой, какъ необходимое (гл. II, 40—52).

Эмпирическое изученіе фактовъ дало Рибо пять главныхъ типовъ аффективного мышленія (гл. III):

1. Типъ страстный (*passionnel*)—типъ чисто-аффективного мышленія, наименѣе связанный съ интеллектуальнымъ элементомъ. Рибо иллюстрируетъ этотъ типъ любопытнымъ въ деталяхъ анализомъ вліянія на мышленіе трехъ „страстей“—робости, любви и ревности.

2. Типъ бессознательный (*inconscient*). Типичныя проявленія этого вида аффективного мышленія представляютъ собою а) обращенія (*conversions*) и в) аффективные трансформации, а) Атѣнствъ можетъ превратиться въ вѣрующаго, но во всемъ томъ, что не касается его новой вѣры, онъ разсуждаетъ и судитъ по прежнему. Всякое обращеніе является, слѣдовательно, частичнымъ раздвоеніемъ личности въ ея аффективныхъ элементахъ или измѣненіемъ порядка цѣнностей. в) Подъ трансформацией Рибо подразумѣваетъ переходъ одной формы эмоціи въ другую, повидимому, совершенно не похожую, какъ бы *подстановку* одной

формы вмѣсто другой, наприм., переходъ полового влеченія въ отеческую или братскую любовь.

3. Типъ мечтательный (*imaginatif*), наиболее важная и полно выраженная форма аффективного мышленія. Выраженіемъ этой формы служить вѣрованія въ загробную жизнь и прорицанія.

4. Типъ оправдательный (*justificatif*). Мышленіе оправдательное отличается отъ 5-й, сложной или составной (*mixte, composite*) формы, — примѣръ защитительная рѣчь, — тѣмъ, что оно порождается прочной и искренней вѣрой, которая держится насторожѣ противъ тревожныхъ сомнѣній.

Всѣ 5 формъ (классификація приблизительная) можно свести въ двумъ основнымъ стремленіямъ аффективной жизни, тѣсно связаннымъ у высшихъ животныхъ — сохраненію и распространенію, развитію личности.

До сихъ поръ разсматривались формы логики чувствъ, носящія практический характеръ. Но существуютъ также формы, лишенныя его, именно, когда аффективное мышленіе участвуетъ въ эстетическомъ творчествѣ. Рибо различаетъ три формы аффективного творческаго воображенія (гл. IV) — чисто-аффективную (музыка) и частичныя, смѣшанныя съ извѣстною долей интеллектуальнаго элемента, — символизмъ въ искусствѣ и романъ мистической любви.

Музыку Рибо опредѣляетъ, какъ форму творческаго воображенія, соединяющую и комбинирующую различныя по своей природѣ аффективныя состоянія, и ничего больше (стр. 97).

Анализъ символизма, включающаго въ себя уже нѣкоторые интеллектуальные элементы, очень удался автору. Символисты, по Рибо, стараются не описывать, но передавать то состояніе души, благодаря которому, по ихъ мнѣнію, мы сообщаемся съ каждою вещью. Материалъ, доставляемый ощущеніями, почти совершенно лишается формъ, становится аффективнымъ; вещи замѣняются эмоціями вещей. Таковъ первый періодъ символическаго творчества. Во второмъ періодѣ, когда нужно найти способъ выраженія для символическаго аффективнаго воображенія, словамъ стремятся придать исключительно эмоціоанальное значеніе, навязать имъ роль звуковъ, употребляютъ обычные слова въ особомъ значеніи, наконецъ, необыкновенныя слова или устарѣлыя. Наконецъ, третья форма аффективнаго творчества, съ еще большею примѣсью интеллектуальныхъ элементовъ, мистицизмъ въ формѣ „мистическаго романа любви“, разсматривается Рибо на примѣрѣ извѣстной Маргариты Маріи Алаковъ, воображавшей себя сначала невѣстою, затѣмъ женою Христа. У мистиковъ, по Рибо, любовь является импульсомъ творчества.

Таково содержаніе въ высшей степени поучительной и интересной работы Рибо, хотя и нелипенной серьезныхъ недостатковъ, каковы: излишняя гипотетичность, необоснованность многихъ утвержденій, отсутствіе исторической перспективы. Такъ Рибо совершенно скрываетъ или игнорируетъ свою зависимость отъ Лотце, между тѣмъ какъ всѣ его книга является систематизированнымъ изложеніемъ разсѣянныхъ по всѣмъ сочиненіямъ Лотце главъ, носящихъ всегда одинаковое названіе: „Vom Verlauf der Vorstellungen“, общій смыслъ которыхъ тотъ, что всякое, вообще, теченіе мыслей регулируется и направляется чувствомъ, что *теченіе мыслей телеологично*, (направляется извѣстной цѣлью).

Проф. Г. Челпановъ. Учебникъ психологіи. Кіевъ. Изд. И. А. Розова. Ц. 1 р. Проф. Челпановъ задумалъ составить элементарный журсъ философіи, состоящій изъ трехъ частей: учебникъ психологіи, учебникъ логики и основные вопросы философіи. Учебники психологіи и логики предназначаются какъ для самообразованія, такъ и для преподаванія недавно введенной въ гимназіяхъ философской пропедевтики. Авторъ замѣчаетъ, что многіе изъ молодыхъ людей, желая ознакомиться съ психологіей, принимаются за изученіе большихъ сочиненій по психологіи, что мало цѣлесообразно въ виду отсутствія у начинающихъ надлежащей подготовки. Вслѣдствіе этого, большія сочиненія по психологіи лишь прочтываются, но не изучаются и не усваиваются. Предлагаемый учебникъ психологіи предназначенъ именно для усвоенія начинающими самыхъ основъ знанія, причемъ правильное усвоеніе ими матеріала контролируется съ помощью прилагаемыхъ къ каждой главѣ вопросовъ, на которые учащійся долженъ дать полный отвѣтъ. Такимъ образомъ, учащійся, излагая усвоенный матеріалъ въ краткой формѣ, самостоятельно перерабатываетъ его и приобрѣтаетъ вполне отчетливое знаніе. До полного усвоенія матеріала учебника авторъ совѣтуетъ воздержаться отъ самостоятельнаго чтенія сочиненій по психологіи. Особенностью учебника проф. Челпанова является введеніе въ него данныхъ по анатоміи и физиологіи мозга, до сихъ поръ излагавшихся лишь въ большихъ сочиненіяхъ по психологіи. Данные эти сообщены въ самой элементарной формѣ. Для болѣе подробнаго ознакомленія съ извѣстнымъ вопросомъ къ каждой главѣ приложенъ списокъ соответствующихъ сочиненій по анатоміи, физиологіи и психологіи.

Достоинства учебника г. Челпанова, не говоря уже о ясности и доступности сжатаго изложенія и цѣлесообразности расположенія матеріала, заключаются особенно въ томъ, что средняя школа и духовныя семинаріи (если только въ послѣднія допустить означенный учебникъ), впервые будутъ имѣть *стоящій на современномъ научномъ уровнѣ* учебникъ. Несомнѣнно, что въ наступающемъ же академическомъ году книга г. Челпанова получитъ самое широкое распространеніе.

Антонъ Менгеръ. Новое ученіе о нравственности. Полный переводъ съ нѣм. Л. Г. Изд. Я. Г. Долбышева. Ц. 25 к. Авторъ не имѣлъ права назвать свое этическое ученіе новымъ: кто мало-мальски знакомъ съ исторіей философіи, тотъ сейчасъ же убѣдится, что недавно свончавшійся юристъ стоитъ на почвѣ относительности, релятивизма, провозглашеннаго еще греческими софистами. Менгеръ отказывается отъ всякихъ абсолютныхъ оцѣнокъ въ области морали; историческій опытъ и наблюденіе надъ современностью учатъ его, что единой и объективной нравственности нѣтъ, что она подвижна и податлива и въ каждый данный моментъ подчинена соотношенію общественныхъ силъ. Человѣкъ поступаетъ нравственно тогда, когда примѣняется къ этому соотношенію, наоборотъ, онъ поступаетъ безнравственно, если оказываетъ ему соотвѣтствіе. Вотъ основная мысль Менгера, и на протяженіи своей книжки онъ поясняетъ ее съ помощью иллюстрацій, взятыхъ изъ соціальной жизни. Именно—только поясняетъ, а не доказываетъ ее; соотношеніе общественныхъ силъ какъ основа этики, сила какъ право—все это для него является аксіомой, и онъ исходитъ изъ нея. Рѣшающее значеніе гвють для него такіе факты, какъ то, что если бы сербская королевая чета въ ночь убійства успѣла бѣжать изъ дворца въ Бѣлградъ, то въ легко побѣдила бы офицеровъ-заговорщиковъ, они были бы осуждены къ преступникамъ и безнравственнымъ людямъ—во всѣхъ церквахъ, судахъ,

шеолахъ и газетахъ Сербіи и цѣлаго міра; но такъ какъ они успѣли основательно и скоро сдѣлать свое кровавое дѣло, такъ какъ соотношеніе общественныхъ силъ было на ихъ сторонѣ, то народное представительство и провозгласило ихъ спасителями отечества, ихъ поступокъ назвали подвигомъ и подняли ихъ на вершину нравственнаго героизма. Богъ успѣха опредѣляетъ моральныя оцѣнки и осужденія, и кто хотѣлъ бы ему противиться, кто, пренебрегая требованіями государства, церкви, сословія, партіи или общественнаго мнѣнія, вздумалъ бы слушаться только своей нескраженной, чистой совѣсти, тотъ потерпѣлъ бы въ нашемъ запутанномъ мірѣ самое жестокое крушеніе и скоро убѣдился бы, что быть добродѣтельнымъ, это—гораздо болѣе трудная проблема, чѣмъ быть порочнымъ. Оттого святые всѣхъ религій такъ охотно бѣжали отъ мірской сложности въ простоту и тишину пустынь и замкнутыхъ монастырей. Оттого и всѣ основатели религій, великіе учителя морали, провозглашая отвлеченные возвышенные принципы, но не считаясь съ реальнымъ соотношеніемъ общественныхъ силъ, не пожинали плодовъ своей патетической проповѣди, и Христосъ, предъявляя неисполнимое требованіе любить ближняго какъ самого себя и въ то же время предписывая воздавать кесарю кесарево, т.-е. принимать всю ложь и все принужденіе, всю аморальность государства,—Христосъ не осуществилъ христіанства. Онъ могъ имѣть такой же успѣхъ, какъ если бы началъ „убѣждать огнедышащую гору не приносить столько вреда и несчастій“. И міръ лежитъ во злѣ и корысти. Напримѣръ, „если въ наши дни европейское государство начинаеть утверждать, что желаетъ цивилизовать какой-нибудь малокультурный или первобытный народъ или распространить среди него христіанство, то можно быть увѣреннымъ, что его помыслы, по крайней мѣрѣ, первоначальные, направлены на... грабежъ“. Такъ какъ вся современная нравственность или, вѣрнѣе, безнравственность, служитъ отраженіемъ социальныхъ порядковъ, то Менгеръ и думаетъ, что никакія этическія предписанія не заставятъ людей идти противъ соотношенія общественныхъ силъ, т.-е. стать нравственнѣе, чѣмъ это требуетъ данный историческій моментъ; вотъ почему, чтобы люди сдѣлались лучше, надо сдѣлать лучше порядки, и тогда сами собою, потерявъ почву, отпадутъ многія проявленія безнравственности. Въ такомъ обществѣ, напримѣръ, гдѣ нѣтъ безработнаго дохода, не можетъ быть и корыстолюбія; при такомъ демократическомъ строѣ, гдѣ всѣ участвуютъ въ осуществленіи власти, не можетъ быть высокомерія.

Надо вообще имѣть въ виду, что міръ завоюютъ не моральныя системы, годныя для святыхъ и героевъ, а моральныя системы, годныя для среднихъ людей, для массы съ обыкновенными нравственными данными. И вотъ улучшить практическую нравственность можно не путемъ высокой проповѣди, рассчитанной на моральный героизмъ, а исправленіемъ соотношенія общественныхъ силъ. Для Менгера такое исправленіе и есть социализмъ. Только демократизація существующаго строя, политическаго и экономическаго, только коренная общественная реформа подниметъ нравственность культурнаго міра. Въ этомъ отношеніи Европа пережила уже періодъ народныхъ религій, затѣмъ періодъ христіанства,—теперь же передъ европейскимъ человечествомъ разстилается эпоха социализма. Послѣдній, въ силу неудержимаго распаденія христіанской жизни, сталъ такой же исторической необходимостью, какою нѣкогда было христіанство въ силу распаденія міра языческаго. Соціалистическая мораль, отрѣкаясь отъ всякаго религіознаго основанія и отъ надежды на загробную жизнь, будетъ свободна отъ всѣхъ оборотныхъ сторонъ теоло-

гической морали и потому окажется способной безпрепятственно развивать человечество въ направленіи нравственныхъ идеаловъ. Ибо социализмъ,—заключаетъ Менгеръ,—не долженъ впасть въ заблужденіе христіанской церкви, т.-е. увѣровать въ свою непогрѣшимость; онъ не долженъ предаваться иллюзіи, будто „міровая исторія когда-либо скажетъ свое послѣднее слово о человѣческой нравственности“.

Такого слова, дѣйствительно, и Менгеръ не сказалъ. Какъ мы уже замѣтили, съ философской точки зрѣнія его теорія открыта многимъ возраженіямъ, и главное изъ нихъ, это—недоказанность основной релятивистической идеи автора. Онъ приводитъ факты, краснорѣчиво свидѣтельствующіе о шаткости нашихъ моральныхъ оцѣнокъ; но факты еще не говорятъ противъ объективной безусловности идеаловъ. Безотрадная дѣйствительность не можетъ служить аргументомъ противъ вѣчныхъ сокровенныхъ чаяній всего человечества. И характерно, что самъ Менгеръ не въ силахъ удержаться на высотѣ (или, можетъ быть, въ низинахъ?) своего релятивизма: онъ невольно склоняется въ сторону объективныхъ оцѣнокъ, говоритъ, напримѣръ, о безчеловѣчности нѣкоторыхъ поступковъ, о томъ, что требованія высшей морали (значить—требованія, независимыя отъ соотношенія общественныхъ силъ) должны измѣнить институтъ частной собственности. Если бы Менгеръ былъ послѣдователемъ и не сходилъ со своей главной точки зрѣнія, онъ не имѣлъ бы права толковать о высшей нравственности и апеллировать къ ней. Кроме того, онъ совсѣмъ не останавливается на вопросѣ о томъ, не впадетъ ли онъ въ роковую порочный кругъ, когда утверждаетъ, что воцареніе социализма будетъ способствовать процессу общественной морали, а самое воцареніе социализма не зависить ли отъ прогресса общественной морали? Что чему предшествуетъ? Не будетъ ли утвержденіе социалистическаго строя прежде всего какъ разъ торжествомъ высшихъ нравственныхъ идеаловъ?

Во всякомъ случаѣ, книга Менгера очень интересна и поучительна. Вся ложь и фальшь современныхъ общественныхъ отношеній, вся глубокая безнравственность господствующаго строя вскрыты у него убѣдительно и ярко. Возражать Менгеру можно только тогда, когда онъ становится философомъ и теоретикомъ,—но какъ практикъ онъ неопровержимъ. И замѣчательно еще слѣдующее: при вдумчивомъ чтеніи его книги вы чувствуете, что относительность моральныхъ оцѣнокъ онъ констатируетъ съ какою-то горечью и дурно подавленнымъ возмущеніемъ; его самого удручаетъ набросанная имъ унылая картина, и общество, которое повинуется только бездушному богу соотношенія общественныхъ силъ, вызываетъ въ немъ иронию и отчаяніе,—на закатѣ жизни тяжело уличать безсовѣстное человечество въ корысти и отказываться отъ вѣры въ неотразимую силу нравственнаго идеала.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Дѣтскій театръ, издав. подъ ред. П. Новича.— В. П. Любимъ. На зарѣ.— Свѣтъ. Путешествіе Гулливера. Изд. Поповой.— Знаки препинанія. Сост. Владиміръскій.— Библиот. для семьи и школ. 1) А. Алтаевъ. Въ новый міръ. 2) Я. А. Берминъ. Великая семья человечества. 3) И. Блюсовъ. Росника. 4) Юю же. Родной уголокъ.

Дѣтскій театръ, издаваемый подъ редакціей П. Новича. № 2. Работникъ Шабарша. Сказка въ 1-мъ дѣйствіи. Соч. Ю... Съ 5 рисунками. Спб. Ц. 30 к. Мысль издавать маленькія пьески, приспособ-

бленные для дѣтскаго театра, нельзя не назвать удачной, такъ какъ всякому, кто имѣлъ дѣло съ организаціей дѣтскихъ спектаклей, известно, что пьесъ подобнаго рода весьма мало. Не менѣе удачной является также мысль о переработкѣ для этой цѣли сказочныхъ сюжетовъ. Къ сожалѣнію однако, какъ это часто случается, хорошее намѣреніе оказывается трудно выполнимымъ, чему наглядное доказательство представляетъ и рассматриваемая пьеса-сказка *Работникъ Шабарша*. Сюжетъ ея, взятый изъ известной сказки о работникѣ Балдѣ, достаточно благодаренъ. При болѣе интересной обработкѣ въ дѣтской пьесѣ могло бы получиться много эффектныхъ и комическихъ моментовъ, но фантазія автора слишкомъ скудна и не позволила ему раздвинуть сколько-нибудь рамки коротенькаго сказочнаго сюжета. Въ пьесѣ нѣтъ ни живыхъ фигуръ, ни комическихъ положеній, и вся-то она уложилась на двадцати страничкахъ маленькаго формата. Мы отнюдь не принадлежимъ къ любителямъ длинныхъ пьесъ, особенно для дѣтскаго театра, но все же находимъ, чтобы въ пьесѣ было хоть нѣкоторое дѣйствіе, иначе она даже не успѣетъ заинтересовать дѣтей-зрителей.

В. П. Любинъ. На зарѣ. Сборникъ разсказовъ. Изд. В. С. Спиридонова. Ц. 35 к., въ папкѣ 50 к. На обложкѣ рассматриваемаго сборника имѣется надпись, гласящая, что книга допущена „въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки для публичныхъ народныхъ чтеній“. Мы же съ своей стороны не посовѣтовали бы на одному изъ названныхъ учреждений приобрести такую книгу. Правда, восемь разсказовъ, составляющихъ ея содержаніе, ничуть не хуже множества разсказовъ, которые пишутся для дѣтей, правда также, что внѣшность ея изящна, бумага хороша и рисунки весьма недурны, но сколько писалось и пишется недурныхъ разсказовъ съ недурными рисунками и напечатанныхъ на хорошей бумагѣ. Если допускать такія книжки въ народныя читальни и библіотеки, то у послѣднихъ совсѣмъ не хватитъ средствъ на настоящія книги, потому что стоятъ обыкновенно сборники, подобные рассматриваемому, дорого. Платить за 8 маленькихъ и немного говорящихъ, неоригинальныхъ разсказовъ 35 копеекъ слишкомъ дорого для нашей бѣдной школьной или народной библіотеки.

Вообще книжка г. Любина болѣе пригодилась бы для серіи такъ называемыхъ „подарочныхъ книгъ“, которыхъ ежегодно готовится во множествѣ книжный рынокъ. Для этой цѣли и цѣна ея недорога, и содержаніе недурно, и внѣшность хороша.

„Библіотека нашихъ дѣтей“, основанная Е. В. Лавровой и Н. А. Поповымъ. Изданіе О. Н. Поповой. Д. Свифтъ. Путешествіе Гулливера въ страну лилипутовъ. Пер. съ англійск. М. А. Шишмаревой. Съ 27 рис. Спб., 1906 г. Ц. 25 к. Настоящее изданіе знаменитаго произведенія Свифта отличается всѣми достоинствами, какими отличается большинство выпусковъ *Библіотеки нашихъ дѣтей*. Изящный форматъ книжки, хорошая бумага и недурные рисунки—все это при дешевизнѣ изданія имѣетъ особое значеніе. Переводъ очень хорошъ, простой, ясный и легкій языкъ его не оставляютъ желать ничего лучшаго. Удачны также примѣчанія переводчицы, которыми снабжены не только непонятныя для дѣтей слова и выраженія, но и тѣ намеки автора на современные ему политическіе и общественные порядки, которыми изобилуетъ его книга и смыслъ которыхъ совершенно пропадаетъ для читателя-ребенка, если комментаріи къ нимъ отсутствуютъ.

Знаки препинанія. Руководство къ употребленію знаковъ препинанія въ русской письменной рѣчи. Составилъ И. Владимірскій. М., 1904 г. Ц. 35 к. Г. Владимірскій озабоченъ главнымъ образомъ тѣмъ, чтобы „устранить, насколько возможно, неопредѣленность существующей въ русской орфографіи пунктуаци“. Такая неопредѣленность оставалась, по его мнѣнію, въ появившихся уже до сихъ поръ руководствахъ къ употребленію знаковъ препинанія, и вотъ онъ стремится установить точно смыслъ и значеніе каждого знака и ратуетъ за „недопущеніе ничѣмъ не мотивированной замѣны одного знака другимъ“. Не знаемъ, дѣйствительно ли цѣлесообразна задача г. Владимірскаго: вѣдь въ значительной мѣрѣ его книжка является повтореніемъ книгъ того же сорта и съ тѣмъ же назначеніемъ, и только въ небольшой части въ ней кое-что несомнѣнно переработано, но составитель оговаривается, что пунктуаци русская и до послѣднихъ дней „окончательно еще не установилась, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ“, слѣдовательно, переработка вышла лишь частичной.

Библиотека для семьи и школы. Изданіе журналовъ „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“. 1) Ал. Алтаевъ. Въ новый міръ. Историческая повѣсть. Съ рисунками (второе изданіе). 2) Я. А. Берлинъ. Великая семья человѣчества: книжка первая цѣна 40 коп., книжка вторая, цѣна 25 коп., книжка третья, цѣна 25 коп. 3) Ив. Бѣлоусовъ. Росинка, рассказы и стихотворенія для дѣтей съ рисунками (второе изданіе). Цѣна 25 коп. 4) Его же. Родной уголокъ. Рассказы и стихотворенія со многими рисунками художниковъ Н. Н. Львовой, А. М. Нечаева и др. Ц. 20 коп. М., 1906 г. Среди выпусковъ *Библиотеки для семьи и школы* книга г. Алтаева *Въ новый міръ* займетъ почетное мѣсто, какъ прекрасная историческая повѣсть, посвященная жизни и великимъ открытіямъ великаго человѣка. Героємъ этой повѣсти является Колумбъ. Передъ глазами читателя на страницахъ ея проходитъ вся жизнь этого человѣка, начиная съ юности и кончая смертью, жизнь полная непонятныхъ для его современниковъ мечтаній и смѣлыхъ плановъ, полная борьбы, страданій и горькихъ разочарованій, какими всегда бываетъ полна жизнь исключительно даровитыхъ натуръ. Г. Алтаевъ обладаетъ всеми данными необходимыми писателю, пишущему для дѣтей и для юношества. Помимо прекраснаго языка и способности живо нарисовать ту или иную картину, у него есть свойство, которымъ обыкновенно такъ бѣдны наши писатели для юношества, это живая фантазія. Благодаря этому качеству, которымъ въ достаточной мѣрѣ одаренъ г. Алтаевъ, ему особенно удаются героическіе сюжеты и описаніе жизни такого героя, каковымъ былъ Колумбъ съ его смѣлостью, изобрѣтательностью и неукротимой волей, вполне соответствуетъ свойствамъ таланта автора. Фигура Колумба живо встаетъ передъ мысленнымъ взоромъ читателя и описаніе приключеній его чреватой событіями жизни читается съ неослабвающимъ интересомъ, ичемъ все значеніе его великаго открытія вполне ясно для читателя.

Съ большимъ интересомъ прочтутся также всѣ три книжки Я. А. Берлина, въ которыхъ авторъ задается почтенной цѣлью дать историческую въ своей послѣдовательности популяризацию развитія человѣческой культуры. Его книжки расскажутъ „о людскихъ обычаяхъ и поведеніяхъ, причудахъ и забавахъ; о трудахъ и заботахъ людей; о людскихъ заблужденіяхъ и несправедливостяхъ и о томъ, какъ люди находятъ дорогу въ свѣту и правдѣ“ (пред.). Первая книжка даетъ общій

очеркъ первобытной культуры дикаго человѣка, причеъ авторомъ весьма удачно и наглядно группируются факты, соединяющіе человѣчество въ единую семью, члены которой всѣ созданы на одинъ ладъ съ общими потребностями и общей для всѣхъ цѣлью лучшаго устройства своей жизни. Вторая книжка посвящена критикѣ старины, которая всегда имѣетъ въ глазахъ людей обаяніе чего-то лучшаго сравнительно съ настоящимъ, причеъ авторъ не щадитъ красокъ для того, чтобы обнаружить печальную дѣйствительность, скрытую подъ вымыслами народной фантазіи. Здѣсь же онъ описываетъ тѣ средства и способы, которые ведутъ человѣчество отъ старины впередъ, т. е. къ лучшей долѣ, описываетъ ту борьбу, которая ведетъ людей къ лучшей долѣ, тѣ жертвы, какими падаютъ въ этой борьбѣ величайшіе представители человѣческой мысли, и какъ все же люди выходятъ побѣдителями изъ борьбы помощью собственнаго творчества, причеъ на первый планъ выдвигаются уже не интересы личности, а интересы общества, неразрывные съ интересами этой личности. Наконецъ третья книжка рассматриваетъ въ частности тотъ путь, какимъ человѣчество шло отъ пещеры до каменныхъ палатъ. Всюду во всѣхъ своихъ книжкахъ авторъ остается вѣрнымъ своей цѣли показать, что „ничто не дается людямъ даромъ, что всякій новый успѣхъ въ ихъ жизни покупается долгимъ трудомъ, потомъ и кровью“, и мы съ своей стороны не можемъ не замѣтить, что подобная тенденція автора вполне подходитъ для популярнаго изданія. Но, съ другой стороны мы должны отмѣтить одинъ весьма большой недостатокъ, какимъ несомнѣнно грѣшитъ изданіе—это нѣкоторая разбросанность въ планѣ и разработкѣ матеріала, что вредитъ впечатлѣнію. Наиболее цѣльное впечатлѣніе производитъ только первая книжка, которая благодаря этому и читается съ большимъ интересомъ.

Что касается до двухъ книжекъ рассказовъ и стихотвореній г. Белоусова, то онѣ принадлежатъ къ числу тѣхъ книжекъ, которыя обыкновенно охотно читаются дѣтьми. И рассказы и стихотворенія написаны довольно просто и занимательно, хорошимъ языкомъ, а временами и безъ поэтической искры. (Послѣднее впрочемъ относится не ко всѣмъ произведеніямъ автора). Въ книжкахъ много картинокъ, что также любятъ дѣти.

УЧЕБНИКИ.

Новая русская хрестоматія.—Д. Л. Волковскій. Собраніе ариметич. упражненій.

Новая русская хрестоматія. Часть I (для учен. I и II кл.) и часть II (для учен. III и IV кл.). Составилъ Л. О. Вейнбергъ. Изданіе 2-е, вновь переработанное. Москва, 1905 г. Цѣна 1 р. 25 к. + 1 р. 35 к. Г. Вейнбергъ очень доволенъ своей хрестоматіей и всячески расхваливаетъ ее въ предисловіи. Это, конечно, является естественной слабостью многихъ составителей и потому не заслуживало бы упоминанія, если бы г. Вейнбергъ попутно не задѣвалъ другихъ, чего уже нельзя оставить безъ возраженій. „Обычная школьная хрестоматія“, по его мнѣнію, представляетъ изъ себя „мертвую книгу, скучную по содержанию и ненавистную по тѣмъ работамъ, для которыхъ обыкновенно ее предназначаютъ. Мы никакъ не можемъ согласиться съ этимъ, такъ какъ и до выхода въ свѣтъ книги г. Вейнберга выдали хрестоматіи, ко-

торами зачитываются дѣти, и если г. Вейнбергъ не знаетъ хорошихъ русскихъ хрестоматій, это значитъ, что онъ мало знаетъ. Не можемъ мы согласиться и съ тѣмъ, будто всѣ учителя пользуются хрестоматіей только для прочтенія какого-нибудь отрывка, который можно „разобрать по предложеніямъ“ или объяснить въ немъ „знаки препинанія, безъ вниманія къ психологическому, моральному и идейному содержанію“. На самомъ дѣлѣ учителя употребляютъ въ классѣ хрестоматію и съ другими цѣлями, и ужъ во всякомъ случаѣ очень плохъ тотъ учитель, который объясняетъ знаки препинанія „безъ вниманія“ въ смыслу читаемаго.

Итакъ, напрасно г. Вейнбергъ киваетъ на другихъ и выдвигаетъ себя. Но каковы же достоинства его-то книги? По всей справедливости, не очень высоки. Прежде всего на подборѣ матеріала крайне неблагоприятно отразилось желаніе составителя и „невинности соблюсти и капиталъ приобрести“. Для начальства онъ распредѣляетъ содержаніе своей книги на рубрики: 1) Богъ, 2) семья и 3) народъ, а для того, чтобы явиться передовымъ, онъ наполняетъ эти рубрики отрывками изъ новѣйшихъ писателей до Чехова, Станюковича и Телешова включительно. Въ результатѣ Гоголь, Пушкинъ и Лермонтовъ почти отсутствуютъ, но за то иной разъ промелькнетъ и Побѣдоносцевъ. Не думаемъ, чтобы хрестоматія съ подобнымъ выборомъ могла назваться именно такой, какая нужна школь. Съ другой стороны, г. Вейнбергъ нерѣдко крайне искусственно подгоняетъ статьи къ своимъ рубрикамъ и принужденъ выдумывать непостижимыя заглавія. Плюшкинъ, напримѣръ, у г. Вейнберга называется „одичалымъ ссмыяниномъ-помѣщикомъ“. Не знаемъ, какой учитель не станетъ въ тупикъ при необходимости дать учащимся разъясненіе подобнаго названія, и ужъ во всякомъ случаѣ при такихъ условіяхъ хрестоматія г. Вейнберга не можетъ служить для выѣяснаго чтенія, безъ помощи учителя, чего желаетъ составитель.

Д. Л. Волковскій. Собраніе ариметическихъ упражненій для гимназій и реальныхъ училищъ. Курсъ третьяго класса. М., 1906 г. Ц. 25 к. Д. Л. Волковскій не новичокъ въ педагогической литературѣ: убѣжденный послѣдователь Ушинскаго и большой поклонникъ А. И. Гольденберга, Д. Л. В. оказалъ, между прочимъ, большую услугу нашей школѣ обстоятельнымъ изложеніемъ „бесѣды А. И. Гольденберга“, служащихъ важнымъ дополненіемъ къ капитальному труду послѣдняго по методикѣ ариметики и безпристрастною оцѣнкою значенія учебно-педагогическихъ руководствъ покойнаго педагога.

И названный выше учебникъ г. Волковскаго находится въ тѣсной связи съ учебниками А. И. Гольденберга, представляя собою дополнительный къ нимъ курсъ. „Собраніе ариметическихъ упражненій“ Д. Л. Волковскаго заключаетъ въ себѣ отдѣлы, каковыхъ нѣтъ въ учебникахъ А. И. Гольденберга, между тѣмъ какъ „отдѣлы“ эти требуются программами среднихъ школъ: періодическія дроби, отношенія и пропорціи, учетъ векселей, цѣнное правило и проч.

Учебникъ г. Волковскаго выгодно отличается отъ однородныхъ съ нимъ руководствъ, употребляемыхъ нынѣ въ нашей средней школѣ, которая, какъ извѣстно, не спѣшила и не спѣшитъ проведеніемъ въ свою жизнь здравыхъ педагогическихъ требованій. Такъ, въ учебникѣ г. Волковскаго данъ матеріалъ для упражненій въ *устномъ* счетѣ, содержаніе задачъ берется изъ *практической* жизни, а изложеніе ихъ отличается простотою и точною, построеніемъ—логичностью, нѣтъ *задачъ юлано-*

домокъ, отведено надлежащее мѣсто метрической системѣ мѣръ и вѣсовъ, въ концѣ руководства помѣщены задачи и примѣры для повторенія всего курса ариметики. Вообще, задачникъ г. Волковскаго составленъ только и разумно, и въ немъ нашли себѣ осуществленіе разумно-педагогическія требованія, съ такою неохотою выполняемыя нашею среднею школою.

Замѣтимъ въ заключеніе, что учебникъ Д. Л. Волковскаго можетъ служить и основнымъ руководствомъ, а не только для среднихъ учебныхъ заведеній, но и для городскихъ четырехклассныхъ училищъ и для министерскихъ двухклассныхъ школъ.

**Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію жур-
нала „Русская Мысль“ съ 1 іюня по 1 іюля
1906 г.**

- Айзманъ, Д.** Рассказы. Т. I. Спб., 1906 г. Ц. 1 р.
- Андреевъ, Л.** Малые рассказы. Т. II и III. Изданіе „Знанія“. Спб., 1906 г. Ц. 1 р.
- Барыбинъ, В.** Соціальный опытъ. Къ вопросу о безработицѣ. Спб., 1906 г. Ц. 5 к.
- Вѣме, М.** Дневникъ пахшей. Изданіе „Правда“. Кіевъ, 1906 г. Ц. 75 к.
- Веренштамъ, В.** За право! Изданіе Поповой. 1906 г. Ц. 80 к.
- Вернштейнъ, Эд.** Парламентаризмъ и социаль-демократія. Спб., 1906 годъ. Ц. 15 к.
- Вородинъ, А. К.** Изъ писемъ и показаній декабристовъ. Критика современ. состоянія Россіи и планы будущаго устройства. Спб., 1906 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Брюкнеръ.** Исторія римской литературы. Спб., 1906 г.
- Вандервельдъ, Эм.** Соціалистиче-скій строй. Спб., 1906 г. Ц. 15 к.
- Введеніе въ исторію метафизики.** Въ со-кращенномъ излож. по Гейне И. М. Лю-бомудрова. Ковровъ, 1906 г. Ц. 15 к.
- Верхарнъ, Э.** Стихи о современности. Въ пер. Валерія Брюсова. М., 1906 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Вихляевъ, П.** Право на землю. Изданіе „Молодая Россія“. М., 1906 г. Ц. 10 к.
- Зологдинъ, Б.** Чему жизнь рабочихъ учить. Изданіе Поповой. Спб., 1906 г. Ц. 6 к.
- Вѣтровъ, И.** Анархизмъ, его теорія и практика. Спб., 1906 г. Ц. 10 к.
- Гейхманъ, проф.** Жизнь и смерть. Спб., 1906 г.
- Гесдѣрферъ, М.** Красивые декора-тивно-цвѣтущіе кустарники. Спб., 1906 г.
- Глѣбовъ, А.** Общественныя работы. Изд. Поповой. Спб., 1906 г. Ц. 12 к.
- Голиковъ, П.** О преподаваніи син-таксиса родной рѣчи. Спб., 1906 годъ. Ц. 50 к.
- Грушевскій, И.** Украинство въ Рос-си, его запросы и нужды. Спб., 1906 г. Ц. 25 к.
- Давыдовъ, I.** Какъ расходуются на-родныя деньги. Изданіе Поповой. Спб., 1906 г. Ц. 5 к.
- Даль, В.** Толковый словарь живого великорусскаго языка. Т. III. Спб., 1906 г. Ц. 65 к.
- Денисюкъ, Н.** Критическая литера-тура о произведеніяхъ А. Н. Остров-скаго. Вып. I. М., 1906 г. Ц. 1 р.
- Добрынинъ, К. И.** Древній Востокъ и героическая Греція. М., 1906 годъ. Ц. 80 к.
- Ельницкій, А.** Первое мая въ Рос-си. Изд. Поповой. Спб., 1906 г. Ц. 8 к.
- Жорестъ, Ж.** Интернаціонализмъ и па-триотизмъ. Изд. „Правда“. Кіевъ, 1906 г. Ц. 12 к.
- Зайцевъ, Д.** Государственное страхо-ваніе рабочихъ. Изданіе Поповой. Спб. Ц. 8 к.
- Знаменскій, П.** Православіе и со-временная жизнь. Изд. „Свободная со-вѣсть“. М., 1906 г. Ц. 30 к.
- Извѣстія общеземской организаціи.** №№ 1, 2—3.
- Извѣстія общеземск. организаціи.** №№ 4—5. 1 января—1 мая. М., 1906 г.
- Историческій очеркъ дѣятельности хер-сонскаго губернскаго земства за 1865—1899 гг.** Херсонъ, 1906 г.
- Канель, В.** Судоробочіе и судовла-дѣльцы. М., 1906 г. Ц. 30 к.
- Кайгородовъ, Дм.** Пернатые хищ-ники. Изданіе Суворина. Спб., 1906 г. Ц. 3 р.
- Кайзерманъ, Гр.** Басни косаря. Спб., 1906 г. Ц. 40 к.

- Ковальский, К.** Война. Рассказ. Изд. Поповой. Спб., 1906 г. Ц. 80 к.
- Койгенъ, Д.** Мироззрѣніе социализма. Спб., 1906 г. Ц. 25 к.
- Крашенинниковъ, Н.** Погромъ. Отрывокъ изъ романа „Дѣти“. М., 1906 г. Ц. 5 к.
- Кудринъ, Н.** Галерея современныхъ французск. знаменитостей. Спб., 1906 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Либровичъ, С.** Фидлеровскій музей русскихъ литераторовъ. Спб. Ц. 15 к.
- Лиссагарэ, Э.** Исторія коммуны 1871 г. Спб., 1906 г. Ц. 70 к.
- Львовъ, В.** Девяностые годы и творчество Вересаева. Изд. Поповой. 1906 г. Ц. 12 к.
- Львовъ, Ф. А.** Лиходѣи бюрократическаго самоуправления. Спб., 1906 годъ. Ц. 50 к.
- Луначарскій, А.** Отлики жизни. Сборникъ статей. Изд. Поповой. Спб., 1906 г. Ц. 80 к.
- Маргеритъ, П. и В.** Коммуна. Романъ. Перев. съ французск. Книжничкой. Спб. Ц. 80 к.
- Межеричеръ, П.** Общедоступный курсъ машино-строительнаго черченія. Спб., 1906 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Мережковский, Д.** Вѣчные спутники. Пушкинъ. Спб., 1906 г. Ц. 40 к.
- Христосъ и антихристъ. Трилогия. Изд. 2-е. Спб., 1906 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Могиланскій, М.** Усталые. Драма въ 3-хъ дѣйств. Спб., 1906 г. Ц. 50 к.
- Мускатолитъ, П.** Первый русскій парламентъ. Одесса, 1906 г. Ц. 20 к.
- Н. М.** На войну. Изъ записной книжки запаснаго солдата. Изд. „Молодая Россія“. М., 1906 г. Ц. 4 к.
- Народная и дѣтская литерат. съ 1880 г. по 1905 г.** Сборникъ сводныхъ отзывовъ. М., 1906 г.
- Новомбергскій, Н.** Вопросы страхования. Спб., 1906 г. Ц. 25 к.
- Въ поискахъ за матеріалами по исторіи Сибири. Спб., 1906 г. Ц. 25 к.
- Основы борьбы съ эпидеміями въ до-Петровской Руси. Спб., 1906 г.
- Норвежскій, О.** Рефераты: 1) Петръ Альтенбергъ. 2) Кнутъ Гамсунъ. Мариуполь, 1906 г. Ц. 30 к.
- Окуличъ, І.** Молочное дѣло. Руководство для сельскихъ хозяевъ. Спб., 1906 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Оленовъ, Мих.** Идеология русскаго буржуа. Изданіе „Дѣло“. Спб., 1905 г. Ц. 50 к.
- Отчетъ общества доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ въ Москвѣ за 1905 г. М., 1906 г.**
- Отчетъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ за 1904 г. Спб., 1906 г.**
- Отчетъ московскаго общества распространенія коммерческ. образованія за 1905 г. М., 1906 г.**
- Тезяковъ, Н.** Краткій очеркъ заботливости и смертности войскъ Манчжурскихъ армій за время русско-японской войны 1904—1905 гг. Спб.
- Перепись Москвы 1903 г. Ч. I. Населеніе. М., 1906 г.**
- Петровский, И.** Права и обязанности народныхъ представителей. М., 1906 г. Ц. 5 к.
- Покровский, Н. М. Е. Салтыковъ, какъ сатирикъ, художникъ и публицистъ. М., 1906 г. Ц. 1 р. 25 к.**
- Пономаревъ, К.** Пролетаріатъ въ Кавказѣ. Изд. Поповой. 1906 г. Ц. 7 к.
- Преображенскій, Э.** Крестьянство и земля. М., 1906 г. Ц. 50 к.
- Ренанъ, Эрн.** Жизнь Иисуса. Изданіе Пирожкова. Спб., 1906 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Румянцевъ, П.** Крестьянство и социаль-демократія. Изд. Поповой. 1906 г. Ц. 5 к.
- Сборникъ т-ва „Знаніе“ за 1905 годъ. Тома 7, 8, 9, 10. Спб., 1906 г. Ц. 1 р.**
- Сборникъ с.-петерб. округа 1906 г. Сообщенія. Вып. VIII. Спб., 1906 г.**
- Сборникъ свѣдѣній по Саратовской губерніи за 1905 г. Вып. III. Саратовъ, 1906 г.**
- Соловьевъ, К.** Родное село. (Бытъ, нравы, обычаи и повѣрья.) Спб., 1906 г.
- Степановъ, С.** Что читать рабочему и крестьянину? М., 1906 г. Ц. 2 к.
- Тацyna, Л.** Стихотворенія. Вильна, 1906 г. Ц. 60 к.
- Театръ Купчинскаго. Кн. III. М., 1906 г. Ц. 1 р. 50 к.**
- Тимковскій, Н.** Свобода, равенство и братство. М., 1906 г. Ц. 8 к.
- Толстой, Л. Н.** Единое на потребу. Спб., 1906 г. Ц. 8 к.
- Труды сельско-хозяйственной химической лабораторіи въ С.-Петербургѣ. Вып. IV. Спб., 1905 г.**
- Уайльдъ, О.** Портретъ Доріана Грея. Изд. „Грифъ“. Ц. 3 р.
- Фигнеръ, В. И.** Стихотворенія. Б-ка освобод. борьбы. Спб., 1906 г. Ц. 20 к.
- Фрейлингъ, І.** Мать и ея ребенокъ. Въ пользу голодающихъ. Ц. 25 к.
- Фроленко, М.** Милость. Б-ка освобод. борьбы. Спб., 1906 г. Ц. 10 к.
- Ходневъ, К.** По поводу „недороза“. Докладъ, читанный 28 сентября 1906 г. Симбарскъ, 1905 г.
- Хронуссъ, Г.** Звуки молодости. Стихотворенія. Саратовъ, 1904 годъ. Ц. 40 к.
- Чадовъ, М.** Славянофилы и народъ представительство. Харьковъ, 1906 Ц. 40 к.
- Чернышевъ, В.** О программѣ будущей народной школы. Спб., 1906 годъ Ц. 10 к.
- Чернышевскій, Н. Г.** Полное собраніе сочиненій. Т. III и IV. Спб. 1906 г. Цѣна за 2 т. 3 р.

- Чариковъ, Е.** Пьесы. Т. IV. Спб., 1906 г. Ц. 1 р.
- Шампльонъ, Э.** Франція наканунѣ революціи по наказамъ 1839 года. Спб., 1906 г. Ц. 50 к.
- Щепкинъ, М.** Общественное самоуправленіе въ Москвѣ. М., 1906 годъ. Ц. 1 р.
- Шипко, Л.** Рабочее движеніе и его аграрная программа въ Германіи. Изд. „Молодая Россія“. М., 1906 г. Ц. 20 к.
- Штаудингеръ, Ф.** Этика и политика. Спб., 1906 г. Ц. 15 к.
- Шустеръ, проф.** Популярныя лекціи по низшей и высшей математикѣ. Спб., 1906 г.
- Эльцбахеръ, П.** Анархизмъ. Изд. Поповой. Спб., 1906 г. Ц. 80 к.
- Энгельсъ, Фр.** Крестьянскій вопросъ во Франціи и Германіи. Изд. „Молодая Россія“. М., 1906 г. Ц. 18 к.
- Юшкевичъ, С.** Рассказы. Т. III. Спб., 1906 г. Ц. 1 р.
- Якубовичъ, П.** Шлиссельбургскіе мученики. В-ба освоб. борьбы. Спб., 1906 г. Ц. 15 к.
- Ярошъ, А.** Происхожденіе души и элементы познанія. Спб., 1906 г. Ц. 1 р.

ОГЛАВЛЕНІЕ

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

I. Книга.

	Стр.
Беллетристика: <i>Генрикъ Ибсенъ</i> . Полное собраніе сочиненій.— <i>Гуго фонъ-Гюфманштамъ</i> . Драмы.— <i>Эмиль Верхарнъ</i> . Стихи о современности.— <i>Ев. Милльчъ</i> . На досугѣ.— <i>З. Оболенская</i> . Къ свободѣ и къ свѣту.— <i>Ев. Мазетинъ</i> . Волостной писарь.— <i>С. А. Постоловъ</i> . Золото 173	
Публицистика: <i>Д. Мелушинъ</i> . Въ мірѣ отверженныхъ.— <i>В. Памкратовъ</i> . Жизнь въ Шлиссельбургской тюрьмѣ.— <i>Я. Демченко</i> . Правда объ украинфильствѣ.— <i>Проф. М. Грушевскій</i> . Украинство въ Россіи 178	
Философія, психологія: <i>Т. Рибо</i> . Логика чувствъ.— <i>Проф. Г. Челпановъ</i> . Учебникъ психологін.— <i>Антонъ Метеръ</i> . Новое ученіе о нравственности. 182	
Книги для дѣтей: Дѣтскій театръ, издаваем. подъ ред. <i>П. Ногича</i> .— <i>В. П. Любинъ</i> . На зарѣ.— <i>Сейфъ</i> . Путешествіе Гулливера. Изд. Поповой.—Знаки препинанія. Соот. <i>Владимірскій</i> .—Библіотека для семьи и школы. 2) <i>А. Алтаевъ</i> . Въ новый міръ. 2) <i>Я. А. Берлинъ</i> . Великая семья человѣчества. 3) <i>Ив. Блжусовъ</i> . Росинка. 4) <i>Юю асс</i> . Родной уголокъ 187	
Учебники: Новая русская хрестоматія.— <i>Д. Л. Волковскій</i> . Собраніе аркметич. упражненій 190	

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль»
съ 1 іюня по 1 іюля 1906 г.

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

АВГУСТЪ.

МОСКВА.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о, Пимен. ул., соб. домъ.

1906.

Книжный складъ Дм. Ив. ТИХОМИРОВА.

Москва, Большая Молчановка, д. № 24.

ГОЛЬЦЕВЪ, В. А. Основные понятія о правовѣдѣніи.

Ц. 15 к.

ЕГО ЖЕ. Уголовное право и уголовный судъ. Цѣна 15 к.

О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ бесплатныя библіотеки и читальни.
(Отношеніе № 23369, отъ 29 іюля 1904 года.)

ЕГО ЖЕ. Финансовое право. Ц. 15 к. О. О. У. К. М. Н. П.
допущена въ бесплатныя библіотеки и читальни. (Отношеніе
№ 23369, отъ 29 іюля 1904 г.)

ЕГО ЖЕ. Что такое подати и для чего ихъ собираютъ.

Изд. 4-е, ц. 3 к. Печатано безъ перемѣнъ съ 3 изд. О. О. У. К. М. Н. П.,
допущеннаго для бесплатныхъ народн. читаленъ и публичныхъ на-
родныхъ чтеній, ученич. библіотекъ всѣхъ низшихъ училищъ. (Отн.
отъ 3 декабря 1899 г. за № 29432.)

Книги высылаются наложеннымъ платежомъ.

Каталоги и проекты бесплатно.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

КНИГА VIII

МОСКВА.

1906.

Типо-литографія Т-ва И. М. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пименовская ул., соб. д
Москва—1906.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
I. РАЗСВѢТЪ. Разсказъ.—Евгенія Волкова	1
II. КАЗНЬ.—Сергія Петровича	31
III. ВОЗМЕЗДІЕ. Вл. Ст. Роймонта. (Пер. съ польск.).—В. М. Л.	43
IV. ВЪ БУРНЫЕ ГОДЫ. Романъ.—Ольги Шапиръ. <i>Продолженіе.</i>	70
V. ВИННЫЙ СКЛАДЪ. (LA BODEGA). Повѣсть Виксенте Власко-Ибаньеса.—Перев. съ испанск. М. В. Ватсонъ. <i>Окончаніе</i> . .	110
VI. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Н. Шебуева	144
VII. ВЪТЕРЪ. Разсказъ.—О. Н. Хрѣнниковой (Манъ-Ли) . . .	145
VIII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Татьяны Грейеръ	162
IX. ПСИХО-ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЯ УСЛОВІЯ ТАЛАНТА.—И. Г. Оршанскаго	1
X. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ ЛАТЫШСКАГО НАРОДА. I. Исторія края.—Н. Ландера	36
XI. БЪГЛЫЙ ОЧЕРЕЪ БОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГЕРМАНИИ.—Политинуса <i>Окончаніе.</i>	64
XII. ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ ВЪ ИТАЛИИ.—Льва Шейниса	85
XIII. ЛИТЕРАТУРНЫЕ СИЛУЭТЫ.—Ю. Альда	96
XIV. БАБИНСКІЕ СУДО-ПРОМЫШЛЕННИКИ.—Н. У. Р. <i>Окончаніе.</i>	125
XV. ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ ЕВРОПѢ.—Н. Мировичъ	140
XVI. ДЕРЖАВЫ И БЛИЖНІЙ ВОСТОКЪ.—Гр. Л. А. Камаровскаго.	150

	<i>Стар.</i>
XVII. ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ	176
XVIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ	193
XIX. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — В. А. Г.	220
XX. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книги: Беллетристика. — Публицистика. — Философія, педагогика. — Юридическія книги. Географія. — Естествознаніе. — Сельское хозяйство. — Книги для дѣтей. — Учебныя книги. — II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 іюля по 1 августа 1906 г.	197
XXI. ОБЪЯВЛЕНІЯ	1

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакціи «Русской Мысли» въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюнь, іюль, августъ) открыта только по средамъ отъ 1—3 час. дня.

Непринятая редакціей рукопись хранится въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничтожаются.

Непринятая редакціей стихотворенія не сохраняются. Авторы, въ теченіе 3 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта, могутъ располагать стихотвореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не входитъ въ переписку.

Р А З С В Ъ Т Ъ.

(Разсказъ.)

I.

Казармы N-скаго пѣхотнаго полка расположены на широкомъ выгонѣ за городомъ.

Быль какой-то праздникъ, и знойный воздухъ ярбаго лѣтнаго дня звучалъ веселымъ перезвономъ городскихъ церквей.

Многіе изъ солдатъ, отпросившись въ отпускъ, ушли въ городъ, другіе бродили вокругъ казармъ по спаленному солнцемъ выгону и играли въ общія солдатскія игры. Нѣсколько человекъ ушли далеко отъ игравшихъ товарищей къ полуразрушенному земляному валу—мѣсту учебной стрѣльбы, и на сѣромъ фонѣ его чуть видѣлись бѣлыми пятнами лѣтнихъ рубашекъ.

Небо было блѣдно, воздухъ раскаленъ,—въ немъ чуялась близкая гроза.

Малороссъ Савченко пріютившись за одной изъ казармъ въ тѣни широколистой липы, то на сопѣлкѣ игралъ, то высокимъ фальцетомъ тянулъ безъ конца какую-то заунывную пѣсню, полную затаенной тоски по родинѣ.

Внутри казармы 1-й роты было тихо и почти безлюдно. Растянувшись на нарахъ, два-три человекъ сладко спали крѣпкимъ послѣобѣденнымъ сномъ, одинъ солдатъ тягучимъ гнусавымъ голосомъ читалъ «про божественное», вода пальцемъ по листамъ какой-то «священной» книги. Онъ страшно потѣлъ, тяжело вздыхалъ и изрѣдка крестился. Четверо, играя въ «фильку», перебрасывались грязными фразами этой игры: слышалось—«рогъ»!... «бочка»!... а потомъ грязное бранное слово. Глуповатый парень Пестрюкъ на крайнихъ къ двери нарахъ возился съ ротнымъ котомъ, а фельдфебель, низко склонившись надъ столомъ въ канцеляріи, сопя и скрипя пе-

ромъ, писалъ что-то. Въ числѣ спавшихъ былъ щедущный богѣ-
ненный солдатъ Мозаевъ. Онъ лежалъ блѣднымъ сухощавымъ ли-
цомъ вверхъ, и густыя черныя брови его были хмуро наморщены къ
тонкому переносью красиваго носа.

Снилась Мозаеву родная степь. Спаленная жгучимъ солнцемъ,
она на всемъ своемъ безбрежномъ просторѣ тяжело дышала зноемъ и
струилась у далекаго горизонта голубымъ маревомъ. Въ немъ тем-
ными дрожавшими пятнами дробились стоги и копы сѣна, телѣги
съ поднятыми вверхъ и связанными оглоблями, а на нихъ висѣли
закрытыя цвѣтными юбками зыбки съ спавшими въ нихъ дѣтьми.
Вдали—въ маревѣ же бродили и выростали въ сказочныхъ велика-
новъ выпряженныя лошади, а въ безоблачномъ блѣдномъ небѣ вы-
соко чуть примѣтными черными точками рѣяли коршуны и пропада-
ли въ небесной глубинѣ. Изрѣдка на горизонтѣ вставали и тянулись
въ безоблачную высь пылевые столбы—«вихры» и, неподвижные,
тихо таяли. Давно на раскаленную землю не падало ни росинки, она
безмолвно жаждала влаги, томилась и вдругъ стала вздрагивать. Не-
вѣдомо откуда пахнуло чуть ощутимой прохладой, и еле улавливало
привычное ухо отдаленный, какъ будто подземный, гулъ. Кажалось,
что тамъ далеко, гдѣ-то за горизонтомъ, кто-то необъятный и мощ-
ный тяжело вздохнулъ и простоналъ... Степь испуганно зашепта-
лась, и шепотъ этотъ пронесся по всему ея простору,—точно ра-
достная вѣсть помчалась куда-то въ даль...

Не просыпаясь, Мозаевъ широко и облегченно вздохнулъ. Черты
лица его разгладились, брови медленно поднялись на лобъ. Ему сни-
лось, что надвигалась гроза.

Темная громада гремучей тучи величественно и грозно вставала
уже изъ-за горизонта и огненнымъ взглядомъ окидывала степной
просторъ.

Вотъ она остановилась на мгновеніе, подумала о чемъ-то и по-
шла стороною отъ крестьянской земли и отъ того мѣста, гдѣ малень-
кій мальчикъ Мозаевъ работалъ съ своимъ отцомъ. Перевозили они
въ экономію прошлогоднее барское сѣно.

Точно жалѣя обойденныя тучей крестьянскія нивы, легкія обла-
ка, обрывки тучи, уронили на землю двѣ-три крупныхъ слезы и по-
ползли вслѣдъ за грозной громадой въ сторону экономическыя
полей.

Снится Мозаеву, что взобрался онъ на отцовскую телѣгу и
вырылся его зипуномъ. Стоя на колѣняхъ въ телѣгѣ, онъ смотрѣлъ
туда, гдѣ отъ поднявшейся въ высь тучи повисъ къ землѣ сѣно и
непроницаемый пологъ, спустившагося на «панскія угодыя», ли...

Отец Мозаева притаился вдали подъ копной и молилъ гремучее небо вернуть тучу на крестьянскія поля.

По лицу спавшаго Мозаева прошла тѣнь грусти.

Тамъ, куда смотрѣлъ онъ во снѣ не дождь шелъ, а низвергалась изъ грохотавшаго неба сплошная масса воды... Земля не успѣла поглотить ее и захлебнулась. Ярко шумя по засохшей степи, вода показалась вдругъ на ближайшемъ скатѣ и мутной лавиной помчалась прямо на Мозаева. Впереди себя она гнала захваченную по пути телѣгу съ поднятыми, связанными и пригрѣбленными къ передку ея оглоблями, а на нихъ висѣла и покачивалась зыбка, завѣшанная цвѣтною юбкою. Спалъ ли въ зыбкѣ ребенокъ, не вѣдая, что баюкавшая его сила мчитъ его къ гибели, надрываясь ли, кричалъ въ темномъ ужасѣ,—Мозаевъ не зналъ. Но онъ видѣлъ, какъ далеко вслѣдъ за телѣгой, купаясь въ волнахъ мутной воды ливня, бѣжала, падала, подымалась и снова бѣжала съ поднятыми вверхъ руками, съ разметавшимися волосами какая-то баба.

Вода стѣною быстро и мощно приближалась къ телѣгѣ Мозаева. Онъ въ страхѣ замеръ... «Что дѣлать?»—мучился онъ во снѣ: «соскочить бы съ телѣги да бѣжать, но куда?... не уйдешь»... Да и удерживаетъ его въ телѣгѣ какая-то сила... не поборошь ее... Хочется узнать, что будетъ, когда вода овладѣетъ телѣгой? Мутная лавина ея налетѣла вдругъ и погнала телѣги впередъ. Мозаевъ зналъ, что тамъ впереди есть глубокой съ обрывистыми краями темный оврагъ... Вонъ онъ уже видѣнъ,—зіяетъ, а за нимъ видѣются отцовское и другія крестьянскія поля. Мозаеву и страшно было невыносимо, и какъ-то особенно... по новому весело. «Можетъ, мимо оврага да прямо на отцовское поле?...»—думалось во снѣ Мозаеву. «Вода поле взмочить, зелена оживить... Не смыла бъ только ихъ?... Солнце подыметъ... Вишь, какъ оно ярко свѣтитъ... Рѣка, озера въ лугахъ блестятъ... кто-то на дудкѣ играетъ»... А телѣга все мчится впередъ, стучить колесами и встряхиваетъ Мозаева... Ему и весело и жутко... Сзади Мозаева гремятъ раскаты грома, звучитъ заунывная пѣсня Савченки, да много голосовъ кричатъ какія-то непонятныя слова и хохочуть... Вода примчала телѣгу къ оврагу и бросила ее со всего разбѣгу въ темную его бездну...

Мозаевъ вздрогнулъ, проснулся и сѣлъ на холодномъ асфальтовомъ полу у нары, на которой спалъ.

Базарма была уже полна солдатъ. Они толпились вокругъ Мозаева и хохотали. Окна базармы были открыты и въ нихъ слышались отдаленные раскаты умчавшейся грозы, да урчавшіе переливы сопѣлки Савченка. Мозаевъ слушалъ ихъ и чувствовалъ, что, таясь

во снѣ, къ нему вернулось что-то давнее, родное и снова уходитъ куда-то... Что оно такое?... Это о немъ поетъ и играетъ Савченко... О поляхъ, о степи, объ огородахъ и садахъ... О рѣкѣ съ зелеными камышами, плакучими ивами и влажными лугами... О «ночномъ» въ нихъ съ безконечно далекимъ звѣзднымъ небомъ и чудными сказками дяди Митяя...

Мозаевъ сидѣлъ на полу и тупо смотрѣлъ передъ собою, а солдаты хохотали.

— Онъ, братцы, еще не проснулся!... Хлестни-ка ему водой въ морду...

Мозаевъ лѣниво поднялся и сѣлъ на нары.

— Ну и спать!... Ахъ, мать честная!... Съ наръ стянули, на землю бросили, а онъ... Тьфу!

— А еще солдатъ называется... Эхъ, ты, Дунька ротнаго...

Фельдфебель, услышавъ дорожное имя, вышелъ изъ канцеляріи, кашлянулъ, строго посмотрѣлъ на всѣхъ и покрутилъ усь...

Закатъ догоралъ. Отблески его ярко сверкали на стеклахъ казарменныхъ оконъ. Гдѣ-то за казармами горнистъ заигралъ «вечернюю зорю».

Послѣ переключки Мозаевъ вышелъ за казармы и долго смотрѣлъ въ поле къ потухавшей линіи горизонта. Далеко лѣвѣй ея еле вспыхивали зарницы промчавшейся безъ капли дождя грозы.

Вдругъ въ казарменномъ дворѣ послышался какой-то шумъ: слышались крики команды, громкое «здравія желаемъ» солдатъ, бѣготня ихъ, бряцанье жестяныхъ манерокъ и лязгъ еще чего-то металлическаго.

Мозаевъ вошелъ во дворъ, увидѣлъ пріѣхавшаго изъ города полковаго командира и узналъ отъ товарищей, что отданъ приказъ выступить двумъ ротамъ куда-то въ уѣздъ для усмиренія взбунтовавшихся крестьянъ...

II.

Спаленная за долгій день зноемъ, степь и ночью все еще тяжело дышала духотой и гарью. Туча промчалась надъ ней съ грозой и рей, но ни единой каплею не освѣжила ея простора. Встревожен шумомъ шаговъ, онъ притаился во тьмѣ, напряженно къ чему прислушивался и еле внятно шептался поблекшей травой.

Одна половина неба зловѣще пылала кровавымъ заревомъ оленнаго пожара, ступившійся мракъ другой половины тяжело повисъ надъ землею, томилъ ее гнетущимъ безмолвіемъ и, вздрагивая

вспышекъ зарева, тревожно мерцалъ трепетнымъ свѣтомъ далекихъ звѣздъ. Точно испуганныя, онѣ спрятались въ бездонной темной глубинѣ и шептались о чемъ-то, никому невѣдомомъ.

Издали—оттуда, гдѣ пылалъ пожаръ, перегоняя другъ друга и надрываясь въ какой-то тоскѣ, неслись стремглавъ черезъ озаренную степь стонавшіе звуки отдаленнаго набата. Братіе, какъ бы изорванные ужасомъ чего-то тамъ—у горизонта грознаго, они, какъ нѣчто живое, кричавшее, мелькали мимо напряженнаго слуха степи и солдаты и пропадали безслѣдно далеко, гдѣ-то во тьмѣ ночи. Казалось, что послалъ ихъ туда кто-то огромный и грозный, пылавшій у горизонта безмолвнымъ гнѣвомъ.. Онъ ждалъ ихъ обратно и вспыхивалъ отъ нетерпѣнія. Все ярче и ярче разгорался его огненный взглядъ, все шире и шире окидывалъ онъ имъ темный просторъ степи, рвалъ и гналъ съ него мракъ ночи и грозно искалъ въ немъ чего-то. И чудилось, что таясь подло и трусливо во тьмѣ, кто-то невѣдомый солдатамъ, властный, но испуганный, послалъ ихъ къ пылавшему горизонту, а самъ прятался гдѣ-то назади, сдерживалъ тяжелые вздохи, и гигантское сердце его стучало медленно и глухо...

Сверкая стальной цѣтиной штыковъ и извиваясь по дорогѣ, роты солдатъ похожи были на сказочное чудовище, медленно подползавшее къ опасной добычѣ.

— Прот-та!.. Прибавь шаг-гу!—родилось гдѣ-то впереди роть и замерло во тьмѣ. Солдаты вздрогнули и пошли быстрѣе, а степь зашептала тише. Было почти безмолвно, и лишь стукъ шаговъ отбивалъ нескончаемый счетъ «разъ-два, разъ-два!..» Кто-то черкнулъ спичкой, вспыхнулъ огонекъ и освѣтилъ сложенную, «фонарикомъ» руку, запыленные усы, носъ да воспаленные глаза. Спичка потухла, а закурившій громко плюнулъ, пустивши сквозъ зубы «сверчка».

— Ежели бы не «курево», сдастся, упалъ бы, — тихо сказалъ кто-то.

— Что больно скоро?

— Неожется. Сонъ сегодня привидѣлся страшный, да ребята, шутя, ушибли .. Кубыть бы переломало всего...

— Ну и спишь ты!

— Подъ грозу.

— Чего такого страшнаго снилось?

— Мальченкомъ на самъ-дѣлѣ было... Съ той поры все что-то не можется.

Мозаевъ умолкъ и задумался, прислушиваясь къ шепоту степи. далеко гдѣ-то во тьмѣ заржала лошадь.

— Ишь ты!—встрепенулся Мозаевъ,—видно, въ «ночномъ» гдѣ. Благодать!...

— Любо, что и говорить,—поддержалъ Мозаева товарищъ. А тотъ подъ шепотъ стени отдался воспоминаніямъ:

— Мы, бывалча, въ панскіе луга водили. Дядя Митяй вожакомъ у насъ былъ. Сказки охотникъ былъ и слушать, и сказывать. Иву пору слушаетъ-слушаетъ да и уснетъ, и мы слѣдъ за нимъ, а онъ дозоръ-отъ и вотъ-ынъ... Плеть ажно визжить по спинамъ, а тебѣ одна забота—распутать и угнать мерена...

Мозаевъ помолчалъ немного, потомъ снова заговорилъ о давно прошедшемъ дѣтствѣ.

— Что этихъ раговъ попечемъ, бывалча, бѣд-да! Рѣчка у насъ была таровата ими... А не то—въ огороды по картошку, рѣпу и прочій обиходъ, ажно плетни трещать... Вернешься къ лошадямъ: хватъ-похватъ, ни караульщикомъ, что оставляли, ни лошадей... Бѣд-да!... Не роди мать земля!...

— Своихъ пастбищъ тоже, значить какъ и у насъ?

— Солончаки да мочижины... болото еще. А всѣ угодыя у него.

— Самъ правилъ?

— Управителя держалъ. Собака былъ—буд-ды тебѣ!... Аренда—не подступись. Невеличкій общественный осинникъ маячилъ на взлобкѣ, вчистую скотъ погрызъ съ голодухи... Бились-бились, половина села снялись и ушли.

— Буди?

— А такъ, куды зря разбрелись. Половина остались бѣдовать на старомъ мѣстѣ... Кабъ-никакъ перебиваются, видно, до времени.

— До какого?

— Сказываютъ же. Такъ, что слухъ есть, кубыть, землю и помѣщиковъ отберуть и водворять мужикамъ... Ну, вотъ они и поджидаютъ, терпятъ пока что.

— Д-да. Кто-жъ е знаетъ, можетъ и возвратятъ. А эти, куда идемъ вотъ, не дождались... не стерпѣли, видно... Вишь какой костеръ развели, ажно небу жарко!

— Что-то теперъ у нихъ тамъ дѣлается?

— Извѣстно. Громять все почему зря. По веснѣ также вотъ въ Липяжемъ, верстъ за семьдесятъ отсюда, изъ пустяковъ вышло, а натворили они тамъ такого, что... Дай-ка «затянуться» разъ-другой.

— Держи. Изъ чего же это они въ Липяжемъ-то?

— Мужиченко одинъ многосемейный, ну, а также вотъ, безъ земли. Свѣял на клочкѣ солончака, не взшло, въ зиму, значить, и безъ зерна...

— Да ужъ это такъ.

— Пришла весна, въ земь бросить нечего. Сталь ходить въ экономію просить и зерна, и земельки подь отработокъ до урожая... Известно, не дали.

— Да ужъ это такъ. А и дадутъ, опосля радъ не будешь.

— Въ ту пору изъ экономіи хлѣбъ отправляли. Что водой, амбары поналиты. Рѣкой течетъ зерно изъ закрововъ въ воза. Мужиченко долго смотрѣлъ и спрашиваетъ: «Куда?» дескать. — «На станцію», говорятъ. — «А далѣ?» — «А далѣ въ портовые города». — «А потомъ?» Ну, ему и рассказали, что по морю въ огіянь и въ чужеземь...

Товарищъ Мозаева умолкъ, и оба они о чемъ-то задумались, неподвижно смотря въ сторону пылавшаго горизонта.

Высоко во тмѣ надъ притаившейся степью, тамъ, гдѣ отблески зарева боролись съ тяжелой массой нависшаго надъ землей мрака, пронесся вдругъ протяжный крикъ какой-то ночной птицы, встревоженной, вѣроятно, заревомъ пожара. Другой такой же крикъ отозвался далеко гдѣ-то въ степи. Что-то звенящее, полное безграничной и невѣдомой тоски прозвучало въ этихъ крикахъ. Оба они, замирая, пронеслись разъ-другой надъ степью и сгнули, поглощенные темными просторами неба и земли.

Зарево пожара вспыхнуло вдругъ съ необыкновенной силой и освѣтило поодаль отъ дороги полуразрушенную съ забитыми ставнями, облупившимися стѣнами и ветхой крышей одинокую избу, Богъ-вѣсть, откуда взявшуюся здѣсь, среди безлюдной степи. Вѣроятно, остатокъ отъ заброшеннаго постоялаго двора. Уединившійся гдѣ-то на трубѣ избы сычъ, тоскуя въ одиночествѣ, тянулъ свое бесконечно-унылое: «пуг-гу-у! пуг-гу-у! пуг-гу-у!» Стукъ шаговъ идущихъ ротъ глухо отдавался гдѣ-то въ пустотѣ избы. Они постепенно и какъ будто намѣренно стали медленнѣй и тише. Солдаты, задумавшись, чутко прислушивались къ тайнѣ темнаго простора, поглощавшаго и крики ночныхъ птицъ, и звуки отдаленнаго набата, и унылую пѣсню сыча, еле слышную, замиравшую уже далеко назади. Только стукъ шаговъ упорно и настойчиво все еще повторялся гдѣ-то въ темнотѣ.

— Это онъ «на покойниковъ».

— Кто?

— Сычъ. Чуетъ, вѣщій онъ. Въ Липяжье мы шли тогда, собаку ночью въ степи встрѣли. Тоже выла...

— Что-жъ мужикъ-то, липяженскій?

— Пришелъ онъ ко двору, а тамъ, известно, дѣтвора... го-

лодь... Боровенка реветь, лошадь ясли грызеть... Ну, онъ съ глазъ долой—въ поле, да не легче и тамъ... Экономическія, что щеткой, зелеными иглятся, а его полоса золой пылить... Сутокъ трое бродилъ, не спамши... Ну, а какъ запылала экономія, такъ, самъ носомъ признался, упалъ и уснулъ, какъ убитый...

— Успокоился, значить...

— Село поднялось на ноги, схватился и онъ, да прямо туда... А тамъ—куда тебѣ... Полямя гудеть, зерно трещить, скотъ реветь. Ни на шагъ онъ не отошелъ, стоялъ и смотрѣлъ все. Къ утру пожаръ притихъ, дымилась еще вороха перегорѣлаго зерна. Онъ и ну бродить отъ одного вороха къ другому: бралъ все изъ нихъ въ горсть перегорѣлое зерно, нюхалъ да на зубъ пробовалъ.

— Жаль, сталбыть, стало пропавшаго добра.

— Извѣстно. Сгоряча-то думалось такъ, что вокругъ, дескать, голодаютъ, а хлѣбъ увозятъ невѣдомо куда и какимъ людямъ... Не намъ, дескать, такъ и никому, а потомъ и жаль стало. Бродить бѣлъ, какъ холстъ, глаза какъ у волка... Приказчикъ, видно, и догадался, плеть въ руки да на него... Тутъ и пошло... Вызывали также вотъ насъ на усмиреніе.

— Что-жь?

— Стѣной стояли. Скомандовалъ ротный, дали залпъ. Бои пали, кои поползли... прочіе разбѣжались.

— Чай, нудно, безъ привычки?... По людямъ-то по своимъ?

— Мнѣ не въ первой. Поначалу, извѣстно, было, какъ сказать, бабы, дѣтиски эти... старики. На войнѣ свыкъся я.

— На войнѣ ина статья, тамъ непріятель, такъ что врагъ, а тутъ...

— Тоже... унутренній. Присяга. Скомандуютъ, все изъ нутра вышибеть...

— Рро-та! Прибавь шаг-гу!—раздалось гдѣ-то впереди. Солдаты вздрогнули и пошли быстрѣе..

Оба товарища долго молчали, потомъ Мозаевъ заговорилъ снова.

— Не приходилось мнѣ въ своихъ... не привелъ Богъ, а вотъ и... Неожется мнѣ, просился у ротнаго въ лазаретъ, хвершалъ не взялъ...

— Аль боишься?

— Не то чтобы, а, какъ сказать?... Нудно... Какъ-ни-какъ—свои... Хотя, скажемъ, и не земляки, а все же... Въ земляка не стрѣлялъ бы. Потому и рассылаютъ насъ изъ родныхъ мѣстовъ въ чужестраннія...

— А въ наши, сталбыть, отселева? Хитро.

— Казаки вотъ, тѣ съ охоткой на это дѣло... отъ разбойника народъ... Ну, а намъ хоть и нудно, а что подѣлаешь?... Присяга... унутренній врагъ. Она, команда, брать, съ ногъ спшибаетъ вродѣ какъ бы... Силу таковую имѣеть. Однимъ духомъ все изъ тебя смететь, и нѣтъ въ тебѣ окромя ея ничего, одна она... Ну, и дѣйствуетъ, значить... Какъ всѣ, такъ и ты.

— А ежели бы...

— Что?

— Такъ это я... Сказываютъ, кое-гдѣ ослушались. Въ своихъ, дискать, не жемаемъ...

— Правда ли? Дѣло страшное...

Оба товарища умолкли. У лица Мозаева изрѣдка вспыхивалъ брасный огонекъ цыгарки, и на мгновенія видно было, какъ сумрачный, неподвижный взглядъ его былъ устремленъ куда-то во мракъ ночи. Родной шепотъ степи поднималъ въ его темной душѣ что-то давнее, полное прожитой грусти и непонятной ему на что-то обиды. Хотѣлось сбросить съ себя какой-то гнетъ чужой воли, вернуться въ родныя мѣста къ тяжелому, но и радостному дѣтству. Въ забитой дисциплиной его памяти стали вставать вдругъ годы этого дѣтства въ родной, давно покинутой, деревнѣ съ ея скудными солончаковыми полями, недородами, голодовками, съ уходомъ отъ нихъ на новыя мѣста. Потомъ припомнились скитанія въ поискахъ этихъ «вольготныхъ» мѣстъ, послѣ чего семья его и пристроилась по нуждѣ въ пригородней слободѣ одного изъ уѣздныхъ городишекъ. Занимались они частью посѣвомъ же на нанятой землѣ, частью извозомъ или иной случайной работой. Случалось, отецъ Мозаева рыбалилъ въ небольшой рѣкѣ. Лѣтомъ двѣнадцатилѣтній Мозаевъ помогалъ отцу въ работахъ, а зимой отецъ отдалъ его въ училище. Доучиться въ немъ и окончить курсъ Мозаеву не пришлось, и сейчасъ ему припомнилось особенно ясно, почему и какъ это случилось.

— Не бросай, дай я докурю. Слышь, Мозаевъ? Дай я затянусь разъ-другой.

— Да она вся, тутъ нечего. На вотъ, верти новую... Держи.

— О чемъ думаешь?

— Такъ, абы что. Припомнился случай одинъ.

— Рассказывай, веселѣй идти будетъ.

Мозаевъ помолчалъ, потомъ отрывисто началъ передавать товарищу свои воспоминанія.

— Въ училищѣ учился я. Попикъ тамъ былъ одинъ у насъ,— Божьему Закону училъ. Тихонькій да ласковый такой на видъ, а воле

былъ не въ мѣру. Отвѣчать урокъ вызывалъ къ своему столу на середину класса. Ну, случалось, что который-нибудь и не зналъ урока, такъ онъ вызывалъ къ нему знающаго...

— На подмогу, значить?

— Ну, да... Пропали онъ пропастью съ этой подмогой!...

— Дрался?

— Какъ бы самъ,—туда-сюда, а то что выдумалъ?... Вызоветь это котораго-нибудь и ласково этакъ къ нему: «А прочти, свѣтъ, «Вѣрую»... Ну, тотъ, случись, и не знаетъ. Онъ сейчасъ къ нему знающаго да и заставитъ подмогать по щекамъ за всякимъ словомъ. «Вѣрую»... да по щекъ, «во Единого» да вдругорядь, «Бога-Отца» да снова. У одного слеза градомъ, у другого ладонь пухнетъ. А онъ ласково смотреть да приговариваетъ: «Э-кк!... Э-кк!... Вѣруй, свѣтъ, вѣруй... въ Бога, свѣтъ, въ Бога»... Тѣфу!... что-бъ тебѣ.

— Да онъ бы не того... товарищъ-то, не билъ бы.

— Пробовали. Попъ, наоборотъ, заставить незнающаго обхаживать знающаго.

— Ловко.

— Со мною это самое и случилось.

— Ослушался?

— Не то чтобы, а вышло этакъ, какъ-то невзначай. Товарищъ у меня былъ, крѣпко дружили съ нимъ. Подѣлиться чѣмъ-либо, а не то—заступитья одинъ за другого, такъ это ужъ мы... Бѣ нему вотъ на подмогу и клякнулъ меня попъ: «Подмогни, говорить, свѣтъ, другу». Стою я. Онъ какъ зыкнетъ: «Н-ну?!» Точно варомъ меня обдало, а рука сама собой вверхъ и дернулась...

— Во-во!... Это вотъ самое и есть... команда-то—команда!... сила!... Ну?

— Вздернуться-то вздернулась рука, да надъ головой и замерла,—не ударилъ я товарища... Взглянулъ я на ту пору въ глаза ему и не ударилъ... Не осилилъ... Что-то этакое въ груди въ ту пору вздулось,—ровно огнемъ вспыхнуло... Такъ что и команду попову забылъ я.

— А попъ-то что же?

— Позеленѣлъ... Захихикалъ да къ товарищу: «А ну-ка, говорить, свѣтъ, ты его подбучи, онъ, говорить, видно, забылъ, какъ подмогаютъ»... Тотъ побѣлѣлъ, глаза широкіе, какъ у филина... Батьва какъ зыкнетъ: «Н-ну?!» Тутъ-то вотъ и того... случилось это...

Мозаевъ помолчалъ немного и, передохнувъ, продолжалъ:

— Въ глазахъ темно стало, и бинулся я прямо на попа... въ ротъ ему пирога съ мяжиной!...

Мозаевъ молча сталъ дѣлать курить, а товарищъ его крѣпко выругался и, нервно поправивъ свертокъ шинели на плечахъ, спросилъ:

— Что же потомъ-то?

— Какъ опаматовался я,—ребята меня держали... Гляжу,—Гришка на полу съ закрытыми глазами лежитъ: ударила его «младенческая»... Сторожъ Андреичъ накрывалъ его мѣшкомъ, а попъ поливалъ водой изъ кружки.

— Н-ну и попъ!...—штыль въ его душу!...

— Сигналъ онъ насъ потомъ обоихъ изъ школы. Крамольники, говорить, вы. Нѣтъ, говорить, въ васъ страха Божьяго...

Такъ я и не доучился. А была охота какъ слѣдъ поучиться, за грамоту я брался рьяно.

Оба солдата умоляли на время и задумались о чемъ-то. Потомъ товарищъ Мозаева снова заговорилъ:

— Д-да. Тутъ, братъ, куда идемъ, не то, что въ школу у васъ. Тутъ, братъ, не попова команда,—не ослушаешься...

— А, можетъ, и такъ обойдется?... по хорошему?...

— Наврядъ. Не въ первый разъ. Изъ-за земли и тутъ... Гляди—не въ терпежъ стало...

— Ну, а что, ежели бы взаправду... всѣмъ, то-ись, какъ одинъ человѣкъ?...

— Чего это?

— Ну... того... Въ *своихъ*, дискать, не желаемъ...

Товарищъ Мозаева не отвѣтилъ, и оба шли они молча.

Мозаевъ напряженно смотрѣлъ къ зареву пожара, и на багряномъ его фонѣ вставали передъ нимъ картины давно прожитого.

Вспомнилась ему родная, давно и далеко покинутая деревня, вспомнилось, какъ тосковалъ онъ о ней первое время, какъ ему хотѣлось вернуться туда къ оставшимся «бѣдовать» землякамъ, товарищамъ дѣтства, отъ которыхъ годы жизни отодвигали его дальше и дальше и закрывали точно какой-то дымкой. Сейчасъ они вставали въ ней и тянули къ себѣ память Мозаева. «Раздобылись ли они теперь землей?—думалось ему.—Куда гоняютъ теперь лошадей въ «ночное?» Все, чай, по-старому,—крадучись, въ экономическіе луга. Нешто, статья можетъ, заарендовали участокъ у «рачьего» берега? Бу-да имъ!... Не по ихъ казнь аренда... Развѣ, также вотъ, костеръ развели?... Гляди и къ нимъ идутъ теперь роты... Тоже перевайтчуть... Сдается, и просто, а поди же!... Они бы тамъ не того... а мы здѣсь то-жъ бы... Оно бы и ладно. Одному, извѣстно, не того...

въ пустую статью, а всё-таки чего сдѣлаешь?... Очень даже просто... Присяга... Команда... А стань сызнова мужикомъ,—тамъ же—у костра очутишься... Чудно... Тотъ, да не тотъ. Точно вотъ во снѣ тебя подмѣнили»...

Въ памяти Мозаева возникъ вдругъ одинъ изъ давнихъ темныхъ его сновъ: «душилъ» его «домовой» — «хозяинъ» во снѣ, страшный, въ шерсти весь и невыносимо тяжелый. Страшно хочется проснуться, увидѣть свѣтъ, людей. Стоитъ лишь рукой пошевелить, крикнуть,—и проснешься, но скованы чѣмъ-то мертвыми всѣ члены могучаго тѣла, нѣтъ голоса въ широкой груди... Спросить бы его — «хозяина» — къ «худу» или «добру» душить, да страшно: вдругъ скажетъ къ «худу»... Умрешь со страху. Давно этотъ сонъ снился Мозаеву, еще какъ онъ въ родной деревнѣ жилъ и ночевалъ какъ-то одинъ въ отцовской мельницѣ на выгонѣ. Передъ наборомъ это было. Вспомнился Мозаеву и самый наборъ, потомъ страшная присяга, сѣрая шинель... Потомъ строевое и «словесное» учение, команда и какая-то непонятная, но страшная власть всего этого. Она временами отдѣляла Мозаева какой-то темной и плотной стѣной отъ всего, что было и есть тамъ—до и внѣ службы. Временами, а въ особенности теперь вотъ, Мозаеву до острой тоски захотѣлось вырваться изъ этой власти, прорваться сквозь эту стѣну и вернуться къ чему-то родному и понятному, тамъ въ прошедшемъ, о чемъ онъ порою тосковалъ и что ему такъ часто стало сниться...

— Прот-та!... прибавь шаг-гу!...—хрипло прозвучало впереди роты.

Мозаевъ вздрогнулъ и виѣсть съ другими зашагалъ быстрѣе.

Деревня приближалась. Пожаръ пылалъ гдѣ-то въ концѣ ея, и вся она видна была, какъ на ладони. Ярко бѣлѣла высокая колокольня съ сверкавшимъ на ней крестомъ, горѣли, какъ расплавленная руда, стекла въ окнахъ церковнаго купола, бѣлѣли трубы и стѣны избъ и поблескивали ихъ окна. Золотились багрянцемъ крыши овиновъ, ометы соломы, темная зелень садовъ, ряды высокихъ тополей, камыши у рѣки, и сама она, неподвижная, огненная.

Брылатые мельницы у деревни на выгонѣ, поднимая широкия «малы» къ пылающему небу, казалось, въ безмолвномъ страхѣ напряженно смотрѣли широкимъ неподвижнымъ взглядомъ одинъ черезъ освѣщенную деревню къ пожару, другія, въ ужасѣ отвернувшись отъ него, куда-то въ темный просторъ степи и какъ будто ждали оттуда чекъ.

Вырвавшись ускореннымъ шагомъ изъ мрака ночи, роты солда въ бѣлыхъ рубашкахъ, со свернутыми шинелями черезъ плечи въ стальной щетиной штыковъ надъ головами выѣдрили на освѣт-

ной равнинѣ выгона ярко и красиво, но казались чѣмъ-то незначи-
тельнымъ и приниженнымъ на пылавшемъ фонѣ этой кроваво-огнен-
ной картины. Она была полна безмолвнаго, но грознаго величія...

Облитая трепетнымъ свѣтомъ зарева, деревня у околицы была
тиха и почти безжизненна. Какъ будто населеніе ея, сорванное съ
мѣста налетѣвшей вдругъ какой-то стихійной силой, умчалось реву-
щей толпой невѣдомо куда безвозвратно... Ворота осиротѣлыхъ дво-
ровъ, двери обезлюдѣвшихъ избъ брошены настѣжь, изъ темноты ихъ
слышался надорванный крикъ второпяхъ забытаго ребенка да выла
гдѣ-то на задворкахъ собака. И лишь у одной изъ калитокъ, не по-
падая въ нее, бродилъ слѣпой и параличній древній старикъ. Из-
рѣдка онъ останавливался, поворачивался лицомъ къ пожару и оста-
вался неподвижнымъ, блестя бѣлками незрячихъ глазъ. Чудилось,
что вмѣстѣ съ нимъ и низенькія избы тусклыми стеклами малень-
кихъ оконъ пристально смотрѣли съ нѣмымъ вопросомъ на широкую
улицу, на проходившихъ по ней солдатъ и напряженно прислушива-
лись къ отдаленнымъ роботу, треску и гудѣнію, несшимся со сторо-
ны экономіи, гдѣ пылалъ пожаръ.

Торопясь вмѣстѣ съ другими по широкой улицѣ деревни и при-
стально всматриваясь въ глубь ея дворовъ и закоулковъ, Мозаевъ
забылъ на мгновеніе куда и зачѣмъ онъ идетъ. Въ груди его что-то
дрогнуло и робко застучало въ его сердце. «Хорошо таково и... груст-
но стало». Не то жаль чего-то, не то вернулось что-то хорошее...
давнее... «Ишь ты, мать честная!... Точно вотъ просыпаюсь я, а
Савченко на дудѣ играетъ».. — скорѣе почувствовалъ, чѣмъ подумалъ
Мозаевъ. Что-то родное раскинулось далеко вокругъ, да не
видно его за мракомъ ночи. Зарево вспыхивало ярче, и Мозаевъ радъ
былъ этому. Отражаясь въ окнахъ избъ, оно сверкало въ нихъ фос-
форическимъ блескомъ, и чудилось, что внутри избъ остался кто-то,
замученный, безпомощный, брошенный одинокимъ. Смотрить онъ
безмолвно оттуда на широкую улицу, на проходящихъ солдатъ, —
смотреть туда—къ зареву пожара, прислушивается къ отдаленному
его треску и реву толпы и въ безмолвномъ гнѣвѣ злобно сверкаетъ
сквозь стекла оконъ огненнымъ взглядомъ.

«Въ избахъ-то теперь одни недвижимо немощные остались... Да
скотина въ хлѣвахъ . А народъ весь тамъ... И испить-то болящимъ
некому подать», — подумалъ Мозаевъ. Побывъ мыслью внутри избъ,
онъ метнулся во дворы, облетѣлъ сарай, овины, котухи, ясли лоша-
дей, закуты коровъ, кошары овецъ... Побывъ онъ и у насѣстей куръ
и въ конурѣ дворовой собаки...

«Вонъ тамъ за плетнями, надо полагать, огороды... Горохъ те-

перь въ порѣ... огурцы тоже... Рѣба-то какъ блестятъ... Чай, какъ и у насъ, раковъ сила... А гдѣ теперь ребята?... Чай, въ ночномъ, въ лугахъ за рѣкою... Небось, сказки сказываютъ... А можетъ мечутся въ толпѣ *тамъ*... Зря это... А може все и такъ обойдется,— испугаются и разбѣгутся всѣ...»

Зарево вспыхнуло вдругъ съ необыкновенной силой и, порвавъ мракъ ночи, отбросило клочья его далеко прочь, а въ выглянушемъ изъ него свѣтломъ просторѣ мелькнули на мгновеніе луга за рѣкой, тучныя нивы за лугами, темный лѣсъ на горѣ...

«А ужъ тамъ, подалѣ—сельскія угодыя... Чай, тоже солончаки да осинникъ...»—пронеслось въ мозгу Мозаева, а въ душѣ отдалось тоскою. Но вмѣстѣ съ нею въ сердцѣ его робко росло что-то новое, и радостное, и страшное... Вотъ-вотъ оно испугается чего-то и исчезнетъ.—«Если бы удержатъ его... удумать... Гляди, и прижилось бы...»—молча пожелалъ Мозаевъ.

— Прот-та!... стой!—раздалось впереди и точно толкнуло Мозаева въ грудь.

На широкой улицѣ деревни со стороны пожара въ клубахъ освѣщенной заревомъ пыли послышался вдругъ громкій топотъ лошадей, и показались два темныхъ силуэта.

Вырвавшись изъ облака золотисто-багряной пыли, къ ротамъ солдатъ неслись во весь опоръ два всадника.

Оба они были безъ фуражекъ и въ изорванныхъ рубашкахъ, которыя отъ быстроты галопы вздулись на спинахъ всадниковъ пузырями и кое-гдѣ были испачканы какими-то темными пятнами. Струилась это что-то темное и по блѣдному лицу одного изъ всадниковъ, а у другого половина широкой черной бороды была опалена огнемъ. Въ широко открытыхъ глазахъ всадниковъ застылъ ужасъ.

Подскакавъ въ упоръ къ переднимъ рядамъ солдатъ, оба они мгновенно осадили разгоряченныхъ коней и въ одинъ голосъ, захлебываясь, хрипло прокричали:

— Скорѣй!...

— Скорѣй!...

Быстро повернувъ лошадей, всадники стремглавъ ускакали обратно къ пожару.

Сверкнула надъ головой офицера обнаженная шашка.

— Пррот-та!... бѣг-гомъ!... ммарршъ!...—ударилъ команда 10 солдатамъ.

Роты дрогнули и, какъ нѣчто единое, неразрывное, двинулись въ одну могучей силой, рванулись впередъ. Мѣрно и громко стуча и

жествомъ тяжелыхъ сапогъ о пыльную дорогу, быстро и мощно понесли онѣ вдоль широкой улицы къ зареву пожара и скрылись въ глубжахъ багряной пыли...

III.

Какъ только раздалась команда офицера, изъ души и мозга Мозаева на мгновение исчезли всѣ ощущенія, какія онъ за минуту передъ тѣмъ переживалъ. Сорвавшись безшумной стаей свѣтлыхъ образовъ, они остались гдѣ-то позади, а между ними и Мозаевымъ упала тяжелая, непроницаемая завѣса ночного мрака. вмѣстѣ съ звукомъ голоса офицера на солдатъ налетѣла холодная масса какой-то властной силы, ударила и Мозаева въ грудь и голову и на мгновение вышибла изъ нихъ все живое, сознательное, вышибла того перваго Мозаева, который мгновение назадъ жилъ тамъ, свободной, понятной и желанной жизнью.

Все существо новаго, оставшагося въ рядахъ роты, Мозаева на время наполнилось однимъ тупымъ, но властнымъ сознаниемъ необходимости двигаться впередъ не шагомъ, а бѣгомъ... двигаться неуклонно туда — къ зареву пожара, къ опредѣленной, неизбѣжной цѣли. Изъ всѣхъ звуковъ, возникавшихъ вокругъ, ясное и понятное впечатлѣніе нѣкоторое время получалось гдѣ-то внутри Мозаева лишь отъ одного однообразнаго звука—отъ равномернаго стука солдатскихъ сапогъ о пыльную дорогу...

«Разъ-два! разъ-два! разъ-два!...»—отдавалось во всемъ существѣ Мозаева и только.

Потомъ это отупѣніе постепенно стало исчезать, а мысли слабо проясняться и отрывочно возникать въ его отуманенной головѣ. «Ишь ты!... Точно стая голубей... думки-то... Догоняють, кружатся надъ головою... въ уши шепчуть снова все *про то же*...»—слѣдилъ за собою сначала боязливо Мозаевъ.

Но чѣмъ дальше онъ подвигался впередъ, тѣмъ сильнѣе овлаживало имъ родившееся въ немъ нѣсколько минутъ назадъ новое ощущеніе. Оно и пугало его, и робко радовало, отчего безпокойство его росло и становилось почти невыносимымъ. Хотѣлось подѣлаться имъ съ кѣмъ-нибудь... скорѣй узнать что-то.

«Точно тогда въ степи, на телѣгѣ...—припомнилось Мозаеву.— Ужъ скорѣй бы что ли!...»

«Разъ-два! разъ-два! разъ-два!...»—бѣжали роты впередъ ослабѣвающимъ шагомъ.

«Взять бы и остановиться?... Возьму вотъ и стану... Что-жъ одинъ-то?... Какъ бы всѣ разомъ...»—мелькало въ мозгу Мозаева

и мѣшало ему жить обычной жизнью послѣднихъ лѣтъ. Базалось ему, что какая-то невидимая, непоборимая сила облегла тѣснымъ кольцомъ вокругъ ротъ и властно гнала его вмѣстѣ съ другими къ чему-то противному его тосковавшей душѣ. Мозаеву снова захотѣлось вдругъ прорваться сквозь это кольцо и уйти куда-то далеко... домой къ отцу, или въ родные луга. Оттуда посмотрѣть бы на все это, что вотъ дѣлается теперь съ нимъ и «удумать» его... «Отдохнулось бы тамъ... Заснулось бы подъ сказку дяди Митяя...»

— Рот-та!... стой!...—вырвалось вдругъ изъ клубовъ пыли и приковало солдатъ на мѣстѣ.

Прямо передъ ними бушевало море огня, людей и звуковъ. Зловѣще гудѣло и трещало широко раскинувшееся пламя пожара, ревѣлъ скотъ, ржали лошади, рокотала многотысячная толпа обезумѣвшихъ людей, выбрасывая изъ общаго гама то женское рыданіе, то надорванный крикъ ребенка, то тоскливый вой собаки... А сзади—надъ обезлюдѣвшимъ селомъ не гудѣлъ, а захлебываясь, кричалъ со стонами тоски и ужаса мѣдный голосъ набата и улеталъ во мракъ полей.

Широко открытыми глазами Мозаевъ смотрѣлъ впередъ къ бушевавшимъ стихіямъ, а всѣ звуки ихъ заглушались и поглощались шептавшей въ немъ мыслью:

«Вотъ сейчасъ... начнется *это*... страшное... Ребятъ-то сколько! зря напустили... Коней, видно, бросили въ лугахъ... теперь дозора нѣтъ... А все изъ-за него...»

Мозаевъ почувствовалъ и понялъ вдругъ какую-то огромную и важную правду во всемъ, что было передъ нимъ и въ немъ самомъ. Холодный страхъ давилъ въ немъ это разгоравшееся чувство и сурово внушалъ, что правда эта и то, что возникаетъ въ его груди, не должны здѣсь смѣть...

Новое чувство Мозаева то гасло въ холодѣ страха, то ярко вспыхивало, точно «вздувалось» въ груди...

Отъ солдатъ отдѣлился офицеръ и подошелъ къ толпѣ. Онъ говорилъ ей что-то. Въ отвѣтъ ему зарокотало живое море голосовъ... Раздалась команда офицера и бросила Мозаева вмѣстѣ съ другими на нѣсколько шаговъ впередъ.

Передъ нимъ выросла вдругъ цестрая, облитая огнемъ пожара, стѣна изъ массы людей съ блѣдными лицами, съ горѣвшими глазами. Тамъ были и сморщенные изможденные лица, и темныя суровыя, и полныя то злобы, то страданій, и молодыя красивыя, и глупенькія, полныя невиннаго дѣтскаго любопытства.

«Рановъ бы имъ ловить, да въ школу бѣгать, а тутъ сейчасъ ихъ...»—безъ воли, но съ тоской подумалъ Мозаевъ.

Откуда-то изъ темноты переулка вынырнули одинъ по одному верхами на лошадяхъ красный, жирный исправникъ и блѣдный становой съ урядникомъ. Увидѣвъ солдатъ, они всё трое сразу засуетились, налетѣли на толпу, стали кричать ей что-то и размахивать руками.

«Становой похожъ на нашего... который нару овецъ у отца согналъ со двора... — припомнилось Мозаеву. — Ишь, расхрабрились за штыками!...»

Въ груди Мозаева шевельнулась давняя горечь обиды, не то злобы. Вспомнился отецъ, и стало жаль его.

Увидѣвъ полицію, толпа еще пуще заревѣла и заволновалась, а изъ общаго гама ея вырывались и носились въ воздухъ озлобленные пролетія кому-то ненавистному, какому-то непримиримому врагу. Исправникъ бросился къ офицерамъ и, размахивая руками, сталъ визгливымъ крикомъ убѣждать ихъ въ чемъ-то.

Одинъ изъ офицеровъ, малорослый, неказистый на видъ, но съ серьезнымъ вдумчивымъ лицомъ, покрытымъ загаромъ и слоями дорожной пыли, сумрачно смотрѣлъ въ толпу, все еще какъ будто не рѣшаясь на что-то ненужное, лишнее, насиловавшее его волю. Другой, молодой и живой, подошелъ къ толпѣ и тоже началъ говорить ей что-то.

«Эхъ! нашъ «щеголь» выскочилъ. Говорилъ бы ужъ ротный второй роты, можетъ, и обошлось все по хорошему... а этотъ...»—подумалъ съ щемящимъ сожалѣніемъ Мозаевъ и напряженно слушалъ. Къ офицеру изъ толпы вырвался вдругъ огромный безъ шапки мужикъ. Однимъ взмахомъ длинныхъ мозолистыхъ рукъ онъ разорвалъ на себѣ рубаху и сталъ обнаженной впалой грудью прямо передъ солдатами, а толпа всколыхнулась и снова заревѣла. Что-то холодное пронеслось по ротамъ, и онѣ дрогнули. Офицера отошли въ сторону и одинъ изъ нихъ, молодой, что-то скомандовалъ.

«Для острастки... черезъ головы...» — понялъ команду Мозаевъ. Блеснули штыки и стволы ружей, направленныхъ въ воздухъ черезъ головы толпы. Пронесся трескучій раскатъ залпа и пошелъ грохотать и перекатываться въ ливадахъ, въ лугахъ за озерами, въ притаившемся во тьмѣ лѣсу.

Толпа мгновенно смогла, дрогнула, попятилась назадъ и на мгновеніе остановилась. Но вдругъ снова заревѣвъ, она плотной стѣной надвинулась впередъ къ одиноко и неподвижно оставшемуся на чѣстѣ мужику съ обнаженной грудью. Снова команда.

— Рот-та!...—и въ рукѣ одного изъ офицеровъ надъ его головою мелькнулъ бѣлый платокъ. Отъ этого беззвучнаго взмаха руки съ платкомъ по рядамъ ротъ пронеслось что-то живое, холодное и острое...—«Вотъ оно»!...—почувствовалъ Мозаевъ, и припомнился вдругъ ему школьный попъ съ его «н-ну?!...»

Руки Мозаева сами собою рванулись и притиснули къ плечу твердую холодную ложу ружья... Одинъ глазъ самъ собою закрылся, а другой, скользнувъ вдоль по блестящему стволу ружья, вонзился въ чьи-то другіе два глаза, смотрѣвшіе на Мозаева изъ толпы. Одинъ изъ нихъ горѣлъ, какъ раскаленный уголь, другой, тусклый, какъ оловянный грошъ, свергалъ холоднымъ блескомъ...—«Косой...»—промелькнуло гдѣ-то внутри Мозаева. Изъ-за спины косога мужика съ обнаженной грудью выглядывалъ сѣдой и лысый старикъ...—«Гляди—отецъ... а може такъ... Оба падуть... На вершокъ выше и ничего... пролетитъ и не задѣнетъ»... Руки Мозаева еле замѣтно дрогнули, а стволъ ружья чуть поднялся надъ общей линіей блестящихъ стволовъ перваго ряда роты, направленныхъ уже прямо въ толпу. Ружье показалось Мозаеву не то страшно тяжелымъ, не то легкимъ, какъ сухая палка...

— Пли!...—точно выстрѣлилъ ротный грудью...

Руки Мозаева дрогнули, а на самой «мушкѣ» ствола на мгновеніе снова блеснулъ оловянный глазъ и исчезъ въ облачкѣ дыма отъ выстрѣла...

Мозаевъ смотрѣлъ впередъ и видѣлъ, какъ часть толпы, облитой заревомъ пожара, давя другъ друга, въ ужасѣ неслась куда-то прочь, роняя на своемъ пути окровавленныхъ людей. Они то ползли по землѣ вслѣдъ за убѣгавшими, то оставались неподвижными тамъ, гдѣ упали. Большая часть толпы только понялась назадъ и въ стороны и, снова соединившись, надвигалась обратно къ солдатамъ. Впереди всѣхъ шелъ сѣдой старикъ съ поднятыми вверхъ руками и кричалъ имъ:

— Братцы!... Земляки!... За что?... Наши сыны тоже на службѣ!... Разорь!... Не втерпѣжь намъ!...

— Рот-та!...—пронеслось со стороны офицеровъ.

Мозаевъ взглянулъ близко прямо передъ собою и брови его круто сошлись у переносья, а глаза стали жесткими.

На землѣ въ пыли, покрытый какими-то мокрыми и темными пятнами, лежалъ на боку лицомъ къ солдатамъ сѣдой и лысый старикъ, который выглядывалъ вначалѣ изъ-за спины косога мужика. Вся лысина и сѣдая борода его были залиты кровью, свергавшей на заревѣ пожара. Прислонясь спиной къ груди старика и опершись с

землю длинными руками полусидѣлъ на ней косою мужикъ. Только теперь вмѣсто оловяннаго глаза у него зіяла темная кровавая дыра. Изъ нея ползла черезъ щеку широкая полоса крови и падала на впалую грудь. Другой глаза, потухая, неподвижно съ какимъ-то важнымъ вопросомъ уставился прямо на Мозаева... Онъ бросилъ вдругъ ружье и, выскочивъ изъ рядовъ, сталъ передъ ротами.

— Чего же это?!.. Зря!...—сверкая глазами, какъ-то дико выкрикнулъ Мозаевъ, а къ нему спѣшили уже одинъ изъ офицеровъ.

Одно мгновеніе роты казались очарованными, точно стояли онѣ у края пропасти, и она тянула ихъ въ себя...

— Брат!...— снова крикнулъ было Мозаевъ, но не успѣлъ окончить слова. У глазъ его мелькнула рука «щеголя» съ револьверомъ, надъ ухомъ громыкнулъ громъ, и Мозаевъ щелкнулъ зубами... Какъ въ полосѣ мгновеннаго свѣта блеснувшей молніи увидѣлъ Мозаевъ просторъ родной степи съ копнами, стогами и грозной тучей на горизонтѣ... Брѣвно закусивъ зубами лацканъ отцовскаго зипуна, въ шумъ мутной воды онъ полетѣлъ вдругъ съ телѣгой въ темную пропасть бездоннаго оврага...

IV.

Стояла поздняя ведренняя осень.

По утрамъ далеко за городомъ, въ лугахъ надъ озерами клубил-ся голубой туманъ. Прорѣзая его полупрозрачную дымку, доносился къ казармамъ бодрый крикъ гусей, а въ безоблачномъ небѣ сверкали серебристыя нити паутины, да урчали невидимыя, запоздавшія вереницы журавлей.

Звуки мѣднаго рожка горниста, вырываясь изъ-за казармъ, переливались въ прозрачномъ воздухѣ, отъликались за ливадами въ лугахъ и уносились куда-то къ голубоватой линіи далекаго горизонта.

Журавецъ полковаго колодца у казармъ тихо потрескивалъ подъ тяжестью огромнаго деревяннаго «цыбра», которымъ одинъ изъ солдатъ поливалъ бадью. Другой, покуривая, смотрѣлъ въ луга.

— Туманъ клубится... Точно дымъ тогда на утро.

— Гдѣ?

— Въ Орякахъ... послѣ усмиренія.

— А...

Солдаты помолчали.

— Чудное дѣло вышло... Трехъ человекъ въ ротѣ какъ и не бывало.

— Семенчукъ и Мозаевъ молодцы... Мы сплеховали.

— Не загорись въ ту пору деревня, можетъ и мы бы... Сама они бинулись въ деревню къ пожару и разбѣжались всё.

— Не про то я.

— Про что же?

— Самъ, чай, знаешь. Во-время Мозаева надо было выручить.

— Опомниться не успѣли... Щеголь поторопился.

— Семенчука не выдавать бы.

— Нешто всё выдали?... Гаврюковъ, сволочь... По божественному... божественныя книжки читаетъ... Иуда,—пра... А еще дьячокъ.

— Всѣмъ стоять бы на одномъ: никакъ нѣтъ,—не замѣтили, молъ, кто выстрѣлилъ... Гаврюковъ, молъ, брешеть по злобѣ... Не Семенчукъ, молъ, убилъ «щеголя». Нето—на Гаврюкова и свалить бы... Паскуда!

— А молодчина нашъ ротный! Не чета покойному «щеголю». Какъ онъ тогда къ намъ: «братцы!... не погубляйте себя и меня!...» да къ мужикамъ... Въ самое «нутро» говорилъ. Сдастся, и не загорись деревня,—мужики пронялись бы... урезонилъ бы.

— Душевный. Жалко,—отобрали его...

— Передъ командиромъ, связываютъ, горой стоялъ за насъ. Семенчука выручить порывался... Не пришлось.

— На Гаврюкова теперь и не смотреть.

— А въ другихъ зорко вглядывается. Допрежь: фуражка, шинель, сапоги да ружье въ рукахъ—и ладно. Теперь въ глаза... въ «нутро» глядять.

— Опасается. Въ городѣ не спокойно: Не приключилось бы чего вродѣ Орляковъ.

— Тутъ чего? Въ этихъ, что громили, скомандуй только,—не ослушаемся. А эти—съ флагомъ-то,—не озарные. Ходятъ да пѣсни играютъ.

— То-то, что пѣсня, сказываютъ, у нихъ не ладная... флачекъ красный... Супротивное...

— Пустое. Манифестъ... льгота имъ теперь.

— По другимъ городамъ, сказываютъ, стрѣляли въ нихъ.

— То казаки. Землю свою отстаиваютъ.

— Какъ?

— Начальство ихнее предъяснило имъ: до вашей-де земли добираются,—хотятъ, дескать, отобрать и промежь мужиковъ подѣлить. Надѣлы-то у нихъ не мужицкимъ чета,—ровно бы у помѣщиковъ. Вотъ они нагайками да винтовками и отстаиваютъ.

— Они и тутъ уже постарались. Этихъ, что громили—не трогали, а тѣ—съ флачкомъ—пошли на защиту,—ихъ покалѣчили.

— Чего это этихъ, громильщиковъ, не укоротили?

— Съ партретомъ они. Не приказано. Евреевъ они изводятъ.

— За каку вину?

— А шутъ е!...

— Чудно. Сдается иное бъ надо.

— Берись-ка понесемъ.

Солдаты взяли бадью съ водой и понесли ее къ казармамъ. Въ нихъ обычная полковая жизнь давно уже нарушилась, волненіе въ городѣ росло съ каждымъ днемъ и отражалось на ней разнообразно. Изъ N-скаго полка то и дѣло въ подмогу казакамъ назначались наряды для патрулей и на посты охранять отобранное кое у кого изъ грабителей еврейское «добро». Сложено оно было въ нѣсколькихъ частяхъ города въ амбарахъ частныхъ имѣній.

Бъ концу мѣсяца обычная жизнь города совершенно прекратилась: общественныя, промышленныя, торговыя и другія заведенія закрылись, были открыты лишь мелкія лавчонки, но улицы города кипѣли народомъ. Устраивались митинги, собранія и засѣданія. Какъ только темнѣло, слышались отдѣльныя выстрѣлы. Погода стала измѣняться: подулъ холодный рѣзкій вѣтеръ, изрѣдка моросилъ частый дождь.

Еще послѣ происшествія въ Орлякахъ настроеніе «людей» и офицеровъ полка приняло характеръ скрываемой тревоги, теперь же она съ каждымъ днемъ проявлялась рѣзче и опредѣленнѣй.

Какъ только зажигали огни, казармы оживлялись. Нѣкоторые изъ нихъ, почти безлюдныя днемъ, вечеромъ наполнялись возвращавшимися изъ города патрулями, изъ другихъ уходили наряды на мѣста вернувшихся. Солдаты были сумрачны и суровы. Служба въ городѣ ихъ утомляла, холодъ и бессонница озлобляли, и злоба эта искала выхода. Проникавшая въ среду солдатъ пропаганда, растерянность начальства, слухи изъ разныхъ мѣстъ о бунтахъ ротъ и цѣлыхъ полковъ и невѣдѣніе того, гдѣ во всемъ этомъ и на чьей сторонѣ правда, вносили въ темные умы солдатъ и N-скаго полка что-то новое. Въ разговорахъ между собой они чего-то искали.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, послѣ повѣрки и молитвы, въ казармѣ первой роты на нарахъ образовались отдѣльныя группы, ослышались тихіе отрывистые разговоры. Въ одной изъ группъ при свѣтѣ ночника одинъ изъ солдатъ тихо и медленно читалъ что-то, его кружили плотной стѣной товарищи и напряженно слушали. Одинъ въ нихъ поднялъ вдругъ голову и крикнуть къ двери казармы:

— Пестрюкъ! Слышь?!.. Смотри зорче. Да брось юта, ато опять проворонишь... Чортъ паршивый...—закончилъ онъ тише и снова спрятался въ группѣ слушавшихъ чтеніе. Слышно было, какъ онъ зашептался тамъ съ товарищемъ:

— Вчера тоже, такая занятная вѣдомость попалась, страсть! Пестрюкъ, дьяволь, забаловался съ котомъ и проворонилъ.

— Накрылъ?

— Допрашивалъ, гдѣ взяли.

— Ну?

— А шутъ е... Нашли... на нарахъ валялась.

— Что-жь онъ?

— Бѣго шепчетъ?! Брось, мѣшаете,—проворчалъ кто-то.

Шопотъ смолкъ, а чтеніе продолжалось.

Фельдфебель въ канцеляріи поучалъ чему-то дежурнаго по ротѣ солдата.

Въ другомъ концѣ казармы велся тихій отрывочный разговоръ:

— Успрашивалъ все, про что, дескать, толкуемъ. Такъ, сказываемъ, про разное. А онъ снова: «Про что же?»—Да такъ себѣ, абы про что...

— Что-жь онъ?

— Посмотрѣлъ на всѣхъ и ушелъ.

— Сумлѣвается. Мозаевъ да Семенчукъ настращали.

— Спрашивалъ и про нихъ. Грамотные-ль де были и объ чемъ разговаривали... Бѣ кому въ городъ ходили и кто къ нимъ хаживалъ...

— Объ чемъ вы тутъ?—спросилъ товарищей одинъ изъ вновь подошедшихъ солдатъ, только что вернувшійся съ поста изъ города.

— Про ротнаго. По казармѣ все бродить, присматривается.

— А, внимательный. Не «щеголю» чета. Вторая рота дуже за нимъ скучаетъ.

— Что въ городѣ слыхать?

— Все то же. Казаки стараются. Снова парнишку какого-то за сѣкли.

— Вы гдѣ стояли?

— На Чигировскомъ подворьѣ у амбаровъ. Тамъ два поста—казацкій и нашъ.

— Тамъ ладно. Не у «казеннаго»: и сиди, и говори... Закуришь вольготно, никто тебѣ ничто.

— Холодно только, сивѣрка подула. Казаки ругаются. Не стечь бы, сказываютъ, это добро, а съизнова растащить.

— Бѣ нимъ въ казарму, что ли?

Солдаты молча улыгнулись.

— Дояля ихъ тамъ одинъ.

— Кто?

— Жилецъ тамъ одинъ Чигировскій по двору бродилъ, такъ... плюгавый человекъ, а занозистый. Подходить, поздоровался; папирсковъ, молъ, не желаете ли. Закурили. Онъ этакъ издавеча про то, про сѣ... про иное прочее. Предъяснять, тоисъ, сталъ. Мы слушаемъ, а казаки огрызаются... Дыкъ онъ какъ разошелся, какъ пошелъ чесать... сдѣлай милость! Побѣлялъ весь, глаза углемъ... На казаковъ осерчалъ, бѣд-да!... По стѣнѣ амбара постучалъ: «Вотъ вы что, дерево!» А съ нами «за ручку» попрощался... Занятный человекъ!

— Объ чемъ же онъ съ казаками не поладилъ?

— Да все-жъ объ одномъ: въ кого, дескать, слѣдъ стрѣлять, въ кого не слѣдъ, и... иное-прочее. Съ нами обходительно этакъ.

— Какъ же по его-то?

— Выходить, патреть отнять, да и сыпь, сколько влѣзеть, за милую душу... Мы ему: не приказываютъ, молъ. Сами, говорить, безъ приказу догадайтесь. Самимъ, молъ, не охота разстрѣляну быть. Всѣхъ, говорить, не разстрѣляютъ... Это, говорить, ежели одинъ изъ роты, ну та стать, а цѣлая рота магѣтъ существовать. Присяга молъ, страшна. Такъ у него и тутъ ладно, вольготно выходитъ.

— Разрѣшаетъ, сталбытъ?—серьезно, чуть улыгнувшись въ усъ, спросилъ одинъ изъ слушавшихъ рассказчика. А тотъ продолжалъ:

— Сдѣлай твое такое одолженіе. Сколько влѣзеть. Врагъ, дескать, на войнѣ, да и то—зазнамо, а мужики да эти, что въ городѣ дѣйствуютъ, каки таки враги? Правды, говорить, они для всѣхъ... вольготности добиваются. Нешто, говорить, я вамъ врагъ? Можетъ, говорить, я васъ какъ братовъ уважаю, а вы и въ меня... Себя, говорить, вы и отцовъ своихъ обездоливаете. Мы ему: начальство, молъ, иное сказываетъ, ему чай видно? Ему-то, говорить, видно, да отъ васъ оно заститъ. Обошли, говорить, васъ, не въ то мѣсто стрѣляютъ, другое, говорить, нащупывайте.

— Нащупалъ, молъ, одинъ у насъ, да...

Бто-то тяжело вздохнулъ, зѣвнулъ и прошепталъ: «Господи Су-се...» Солдаты покосились въ его сторону. На концѣ наръ сидѣлъ Гаврюковъ и крестилъ цепотью правой руки раскрытый для новаго зѣвка ротъ.

— Этакій научить,—проговорилъ онъ, сплевывая въ сторону отъ наръ.—Какъ разъ нечистому въ пекло угодишь. А по мнѣ.

только scomандуй, въ отца, мать—пальну... Знай присягу. Вонъ въ церковныхъ книгахъ, что сказано? «Аще», то бишь, «дондеже», за-быль. Пождите, книгу, принесу...

— Не носи, знаемъ. Мы тебя съ клироса въ воскресенье послу-шаемъ.

— Послушали бы вы Акенфича, онъ бы васъ донялъ!

— Послушалъ бы ты этого, жильца чигировскаго. Онъ васъ съ Акенфичемъ въ манерку загонитъ... Отъ дьячка до митрополита ужъ онъ наворачивалъ-наворачивалъ. Игалось, видно, и начальству. Ми-нистрамъ, графамъ разнымъ и прочему обиходу вваливалъ безъ мѣры...

— Бозаки-то что-жъ?

— Босятся. Сопуть.

— Не будь васъ, гляди, они бы его постегали.

— Тамъ и стегать-то путемъ, почитай, что и нечего... Такъ, въ чемъ душа держится?... Сталъ объ народъ говорить... объ не-правдѣ и прочее тамъ—трясется. Вотъ-вотъ слезой прошибется... Нудно стало слушать... Занятный человекъ. Блантайтесь, говорить, товарищамъ, да приходите на митингу, тамъ, дескать, узнаете, что надо.

Разсказчикъ умолкъ и сталъ свертывать паниросу. Помолчали и другіе.

— Эй, вы!... Которые тамъ... черти! Опять вѣдомость?—кри-нулъ «для порядку» фельдфебель и вышелъ изъ казармы. Солдаты продолжали читать и разговаривать.

— Д-да... Узнать кое-чего любопытно бы. Слышно, въ прочихъ мѣстахъ и нашъ братъ забеспокоился. Не зря, чай?...

— Сказываютъ, цѣлыми полками ослушались... Бунтуютъ скрозь, на корабляхъ и по крѣпостямъ.

— Гляди, уразумѣли... нащупали, тоисъ?

— Не даромъ, это и намъ пищю сдобрили... Чуютъ, може... Съ чего это сразу—и съ мыломъ, и съ шиломъ, да еще и алтынь въ руку?

— Это намъ на-руку... только... Того и гляди, что и насъ по-гонять въ городъ «на дѣло». Казакамъ на подмогу... Не подгадить бы товарищамъ... Не зря, чай, они тамъ цѣлыми полками коло-бродятъ?

— Не вѣдьяснялъ вамъ этотъ, Чигировскій-то, что это наши въ прочихъ мѣстахъ? Аль нащупали?

— Вотъ ротный ужъ нащупаетъ васъ, пождите,—сказалъ Га-врюковъ и пошелъ изъ казармы на дворъ. Солдаты съ опаской и

ненавистью посмотрѣли ему вслѣдъ. Кто-то изъ нихъ грубо и цинично выругался.

Въ отдаленномъ углу у ночника все еще читали.

— Объ чемъ это они тамъ?—спросилъ кто-то въ смоленувшей на-время группѣ.

— Книжку, не то вѣдомость каку. Ужо покончатъ, сюда возьмемъ...

Вдругъ по казармѣ пронесся пронзительный крикъ kota. Всѣ солдаты вздрогнули и разомъ обернулись къ сидѣвшему на стражѣ Пестрюку. Вытянувшись въ струнку и наступивъ одной ногой коту на хвостъ, онъ испуганно выпучился прямо въ глаза новаго ротнаго командира Костюкова. Правая рука Пестрюка съ распопыренными пальцами тряслась у его худого виска... Солдаты всполошились и стали на ноги.

Ротный улынулся и пошелъ въ глубь казармы, гдѣ на нарахъ мерцалъ неубранный въ сутолкѣ ночникъ.

— Вы, кажется, читали здѣсь?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокобродь?

— Что же вы тутъ дѣлали?

— Такъ что. Хоменко сказку сказывалъ.

— Ночникъ зачѣмъ у васъ?

— Закуривали, ваше высокобродь, вродѣ бы жалѣючи спичекъ.

Ротный пристально посмотрѣлъ въ глаза солдатъ и пошелъ вдоль казармы, останавливаясь то передъ однимъ, то передъ другимъ изъ нихъ и всматриваясь въ ихъ сѣрыя лица. На каждомъ изъ нихъ Костюковъ улавливалъ слабый отблескъ чего-то новаго, отраженіе чего-то ихъ собственнаго, сознательнаго, еле пробуждающагося гдѣ-то глубоко внутри этихъ обезличенныхъ гнетомъ суровой дисциплины людей. Точно предразсвѣтная сѣрая мгла еще далекаго утра освѣщала грубыя ихъ лица.

Это выраженіе было такъ робко, затаенно и ново, что ротный сомнѣвался въ его дѣйствительности и думалъ, что это ему такъ лишь... чудится... Ему страстно вдругъ захотѣлось провѣрить что-то, что мучило его своею неизвѣстностью. Казалось, что съ устъ ротнаго готовъ сорваться какой-то огромный и страшный вопросъ, который своей силой или раздавить и его самого и солдатъ, или разрушить ту вѣковѣчную стѣну, которая хотя и крѣпко еще стоитъ между нимъ, ими и... еще чѣмъ-то, солдатамъ неизвѣстнымъ, но чуть примѣтно уже шатается. «Лишь чуть толкнуть мнѣ ее, и она съ грохотомъ падеть... Одному что? Похоронить она подъ своими облом-

нами меня да кучку этих невольныхъ рабовъ подо навязаннаго имъ ложнаго долга... Не безслѣдно же?»

Обрывки этихъ мыслей мгновенно пронеслись въ мозгу ротнаго и заставили его судорожно повести худыми плечами, точно онъ поправилъ на нихъ тяжелую пошу.

— Ложитесь, братцы, спать. Въ казармѣ не курите, — сказали ротный и задумчивый пошелъ къ двери.

Онъ уже былъ у крайней нары и проходилъ мимо Пестрюка. Тотъ вдругъ вытянулся въ струнку и, заикаясь, заговорилъ:

— Ваше вскобродь, дозвольте доложить?

— Что тебѣ? — мягко спросилъ Костюковъ, смотря въ наивное, испуганное и, какъ будто, еще болѣе поглупѣвшее лицо Пестрюка.

— Такъ что... въ казармѣ не спокойно...

Солдаты вздрогнули и удивленно уставились на Пестрюка. Къ нему съ сверкнувшимъ взглядомъ незамѣтно пробирался Гаврюковъ и сталъ близъ ротнаго. Глаза фельдфебеля сдѣлались круглыми, а рыжіе, щетинистые усы натопорцились и зашевелились, какъ у кота.

— Что такое? — спросилъ, нахмурясь вдругъ, ротный.

— Такъ что, по ночамъ... вродѣ какъ бы Мозаевъ и Семенчукъ...

— Что?

— Бродятъ, тоись...

Лицо ротнаго прояснилось и по немъ скользнула еле уловимая тѣнь грусти. Смотра съ любопытствомъ Пестрюку въ лицо, онъ спросилъ:

— Какъ же они?... Гдѣ ты ихъ видѣлъ?

— Смотрю это я ночью, въ окно луна этакъ полосую... Бто-то покуримши, — дымъ, стало-быть, въ полосѣ и клубится... Я это разность разную думаю... Тутъ они и есть оба...

— Гдѣ?

— Обозначались изъ полосы и ползуть къ нашей съ Гаврюковымъ нарѣ... Такъ что, промежду насъ допрежь *того* они спали.

— Ну?

— Пошарили это руками по нарѣ... Гаврюкова пощупали и пошли искать чего-то промежду нарѣ... Потомъ опять въ полосу и невѣдомо куда.

Ротный съ напряженнымъ любопытствомъ смотрѣлъ на Пестрюка.

— Ты здоровъ?... У тебя голова не болитъ?

— Стала болѣть, ваше вскобродь... Такъ что, не сплю я и по ночамъ.

— Ваше вскобродь! какъ же это? Чего же онъ молчалъ?—трясаясь, хрипло еле выговорилъ Гаврюковъ.

— Кто?—злобно вдругъ спросилъ ротный Гаврюкова.

— Пестрюковъ, то-ись?... Надо батюшкѣ предъяснить... молебень...

— Б-балванъ!—бросилъ ротный въ лицо Гаврюкова и пошелъ изъ казармы. Солдаты шумно вздохнули и, укладываясь на нарахъ, перебрасывались отрывочными фразами.

— Слѣдуетъ тебѣ, чорту лѣшему, холку намять!... Пра. Не наступи коту на хвостъ, опять накрылъ бы съ газетой.

— Я что-ль виноватъ?... Дьячекъ вышелъ, дверь бросилъ, а онъ и шастъ... Э-эхъ! коту хвостъ отдалилъ.

— Дай дьячку пососать отъ переполоху... А то молебна не разрѣшили.

— Молебна запросилъ, паскуда... Пожди, «они» изъ тебя душу вытрясутъ.

— Ротный-отъ... Чего онъ бродить, какъ неприкаянный?... Другіе ночью когда-никогда въ казарму заглянуть, а онъ, что день, по скольку разъ.

— Не дьячокъ ли тутъ блудить?

— Я и самъ...

Товарищи стали шептаться.

— У меня, чтобъ этого вдругорядъ!... Я живо по шеямъ!... Ложись!...—сердился федфебель.

Ночникъ повѣсили на стѣну, лампы притушили, и въ казармѣ воцарился полумракъ. Кое-гдѣ въ углахъ слышалась еле внятная молитва, отрывочныя фразы умиравшаго разговора, да шептался о чемъ-то Пестрюкъ съ котомъ. Потомъ стало безмолвно.

Въ одну изъ такихъ ночей Пестрюкъ не спалъ. Охвативъ колѣни руками, онъ широкимъ неподвижнымъ взглядомъ смотрѣлъ въ темное окно и напряженно къ чему-то прислушивался. Вотъ онъ уловилъ ухомъ отдаленный, прозвучавшій гдѣ-то далеко въ городѣ не то крикъ пѣтуха, не то пѣсню одинокаго человѣческаго голоса. Звукъ этотъ сталъ повторяться и расти. Къ нему присоединился другой, третій. Вотъ уже много ихъ. Плыветъ во тьмѣ ночи изъ города къ казармамъ то-ли многоголосый предразсвѣтный курокликъ, то-ли гремучая волна человѣческихъ голосовъ, какъ морская волна, еще далекая и слабая, но съ каждымъ мгновениемъ вырастающая въ мощный «девятый» валъ. Огня казармы еле замѣтно стали свѣтлѣть не то отъ начинавшагося въ городѣ пожара, не то отъ загорѣвшаго-

ся разсвѣта. Дверь казармы вдругъ съ шумомъ открылась, а на порогѣ ея выросъ изъ тьмы блѣдный ротный Костюковъ.

— Рот-та!... вставай, готовься!... Выходи на дворъ!... Въ родѣ бунтъ.

Солдаты всполошились. Вскакивая съ нарѣ, они сумрачно взглядывали въ окна казармы и, молча, торопливо одѣвались. Ротный стоялъ на порогѣ и задумчиво смотрѣлъ на нихъ. Сами они и ихъ сѣрыя лица казались ему какими-то необычными, новыми. Напряженно всматриваясь въ нихъ, онъ мучительно хотѣлъ знать, отчего они такіе? Не проснулись ли они еще какъ слѣдуетъ, или оттого, что попадали въ полосы проникавшаго сквозъ окна въ казармы свѣта.

У.

Въ страстной недѣлѣ снѣга съ полей исчезли, и оживавшая подъ теплыми лучами вешняго солнца земля стала «прѣть» и дымиться голубоватымъ паромъ. Черная и угрюмая, она какъ будто боялась еще широко улыбнуться ласковому солнцу и пообщать голоднымъ селянамъ урожай послѣ бесплоднаго тяжелаго года. Какъ только рано по утрамъ за далекимъ горизонтомъ загорались алая зори, надъ полями начинала уже бродить сизая дымка, а когда подымалось надъ землей въ голубое, глубокое небо яркое солнце, дымка эта сгущалась, тихо волнуясь, стлалась бѣлой пеленой по безпредѣльному простору оживавшихъ полей и окутывала собой и рыхлыя пашни, и топція озими, и позеленѣвшія уже полугорья съ побурѣвшими, но голыми еще лѣсками на нихъ.

Блестящая, точно стальная, за послѣдніе дни твердо укатанная дорога, выскользнувъ изъ села Голодные Грачи и блеснувъ какъ гигантскій удавъ, среди полей двумя-тремя широкими свободными изгибами, мощно вонзилась въ гущу голубоватаго тумана и исчезла въ немъ невѣдомо гдѣ.

Оттуда еще только сквозя чуть примѣтными, колыхавшимися пятнами, приближались къ селу два человѣка. Прорѣзая голубоватую мглу, солнечный лучъ изрѣдка отражался на какихъ-то металлическихъ частяхъ костюма одного изъ спутниковъ и мгновеніями вспыхивалъ тамъ яркой звѣздочкой. Туманъ рѣдѣлъ и подымался въ высь. Освобождавшійся отъ него просторъ полей отрывалъ среди себя новые изгибы дороги, все дальше и дальше убѣгавшей къ горизонту, а на ней въ неразсѣявшейся еще дымкѣ—двѣ человѣческихъ фигуры обозначались все яснѣе и яснѣе. Голосъ одного изъ приближавшихся людей, рождаясь гдѣ-то близко въ туманной мглѣ, казался страшно далекимъ.

— Подержи-ка, землякъ, книжку, я покурить сверну.

Изъ тумана точно выплыли Гаврюковъ и какой-то мужикъ. Первый былъ въ мундирѣ, фуражкѣ съ кокардой и крѣпкихъ, ярко вычищенныхъ сапогахъ. Черезъ плечо его висѣла шинель, а на спинѣ возвышалась огромная сумка. Мужикъ былъ въ куцомъ, общипанномъ зипунѣ выгорѣвшаго подь солнцемъ и вымокшаго подь дождями крестьянскаго сукна, когда-то бѣлаго, а теперъ грязно-желтаго. Талія зипуна была высоко на согбенной спинѣ мужика, а кучье рукава далеко не достигали кистей его огромныхъ мозолистыхъ рукъ, въ которыхъ онъ держалъ какую-то увѣсистую книгу въ тяжеломъ кожаномъ переплетѣ. Изъ шапки мужика, неувѣренно и какъ-то беспомощно пріютившейся на его лохматой головѣ, торчалъ войлокъ, а длинныя худыя ноги обуты были въ разбитыя лапти и повиты грязными «оборухами». Сѣро-землистаго цвѣта лицо мужика было худо и болѣзненно, а безжизненные глаза его угрюмо выглядывали изъ глубокихъ темныхъ впадинъ.

Онъ молчаливо смотрѣлъ ими въ сторону съ дороги на черныя пашни и думалъ, вѣроятно, тяжелыя думы объ измучившемъ его съ семьей голодѣ, о пустой клѣтѣ, объ ободранной на ней крышѣ. Думалъ о томъ, что голоду этому не видно конца, какъ дорогъ въ туманѣ. Нечѣмъ подкормить мерена, нечего вспахать подь яровое, нечѣмъ засѣять ихъ, нечѣмъ дотянуть до озимой новины, да и родить ли еще она?

А Гаврюковъ все говорилъ.

— Д-да. Высочили это мы изъ казармы во дворъ,—онъ, ротный-отъ—какъ зыгнетъ это вдругъ на меня: «Останься!... Взводный!... На гаубвахту его!...» Меня и посадили. Что за притча?... За что про что, не знаю... безъ усякаго, то-есть, резонту... Послѣ-то ужъ я смекнулъ въ самую точку: знать, боялся онъ меня... потому что съ Мозаевымъ и Семенчукомъ я тогда того... предьяснилъ въ рассужде-ніе дѣла. Хорошо, ладно,—пошли они...

Мужикъ упорно молчалъ, и ни одинъ изъ мускуловъ его суроваго лица не шевелился. Огромная и неуклюжая его фигура равномерно и апатично шагала по дорогѣ сбоку солдата и, казалось, что ему все равно, куда бы не идти и сколько бы не идти. А Гаврюковъ продолжалъ:

— Разстрѣляли его, голубчика, а роту нашу раздѣляли по всѣмъ полкамъ... такъ, что теперъ и не сыщешь, гдѣ который... Ходятъ шуки, что теперече уже вмѣстѣ съ Мозаевымъ и Семенчукомъ начали бродить и онъ по казармамъ усѣхъ полковъ... Роту свою... шварящовъ, тоисъ, ищутъ... Вотъ я и того... усумнился поначалу,

узрѣвши-то тебя... Вижу, бродить кто-то въ туманѣ: думаю себѣ, ужъ не они ли догоняють по злобѣ?... Хотѣлъ было уже по пасалтырю «живый помочи...» а тутъ ты и обозначился. Давай-ка книгу.

Молчавшій все время мужикъ взмахнулъ вдругъ рукой съ огромной въ ней книгой и со всего розмаха ударилъ ею Гаврюкова въ лицо. Гаврюковъ полетѣлъ на землю и ударившись о нее толстой и мягкой сумкой, перевернулся черезъ голову, а пасалтырь перелетѣлъ черезъ него и сталъ на пашнѣ на кожаныхъ крышкахъ, какъ на четверенькахъ. Когда Гаврюковъ поднялся и осмотрѣлся, то мужикъ, свернувъ съ большой дороги на проселокъ, уже чуть виднѣлся на немъ темнымъ пятномъ въ сизыхъ остаткахъ поднявшагося въ высь тумана.

Гаврюковъ долго и сосредоточенно всей пятернею правой руки ощупывалъ у себя на лбу огромную, быстро вырославшую багровую шишку.

— Скажи, сдѣлай милость!... Ловко смалыкнулъ!... Благослови!... ладонь въ его душу!... За что же это онъ осерчалъ?

Высморкавшись двумя пальцами, Гаврюковъ вытеръ ихъ о заднюю часть штановъ и снова посмотрѣлъ вслѣдъ мужику. Тотъ уже исчезалъ въ дали.

Осмотрѣвшись вокругъ, Гаврюковъ подобралъ съ пашни пасалтырь и, пощупывая шишку, зашагалъ прямо на свербавшую золотымъ крестомъ церковь чуть виднѣвшагося въ голубой дали села Голодные Грачи.

Евгеній Волковъ.

К А З Н Ъ.

„Но никто изъ насъ, рѣшительно никто не смотрѣлъ человѣкомъ, который сознаетъ, что присутствовалъ при совершеніи акта общественнаго правосудія: всякій старался мысленно отвернуться, и какъ бы сбросить съ себя отвѣтственность въ этомъ убійствѣ“.

„Каанъ Тропмана“. *Туринскъ.*

Онъ не былъ разбойникомъ, хотя убилъ ночью на улицѣ большаго, многолюднаго города человѣка, котораго нѣсколько уже разъ подкарауливалъ, подолгу простаивая въ тѣни садовыхъ деревьевъ. Убитый не былъ его личнымъ врагомъ, онъ даже не зналъ его, но убилъ жестоко и предательски, поразивъ сзади въ спину. И все же онъ не былъ разбойникомъ и не походилъ ни на одного изъ тѣхъ, которыхъ въ сѣрыхъ арестантскихъ халатахъ, закованными въ кандалы, проводятъ иногда по улицамъ того же города, отправляя на далекую каторгу; онъ не былъ похожъ ни на одного изъ нихъ и иначе мыслилъ и чувствовалъ. Онъ былъ совсѣмъ еще молодъ, цвѣтуще здоровьемъ, смѣло смотрѣлъ поверхъ безцвѣтной, окружавшей его толпы и видѣлъ тамъ, за этой толпой, окутанной тьмою, свѣтлую полосу и вѣрилъ, что достигнетъ и онъ этой полосы, и вступитъ въ нее съ нимъ другіе, и тогда заколеблется тьма надъ толпою и разсѣется мракъ, и толпа эта, доселѣ безгласная, безучастная, рабски-покорная и злая,—преобразится и станетъ отзывчивой, жизнерадостной, веселой и шумной.

Онъ былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія и отведенъ въ тюрьму.

Три долгихъ, томительныхъ своей жуткой неизвѣстностью, мѣсяца протекали съ тѣхъ поръ, какъ онъ вошелъ впервые въ одинокую круглую башню тюрьмы. Онъ успѣлъ не только изучить свою небольшую камеру до мельчайшихъ подробностей и запомнить всѣ надписи, пацарапанныя на каменныхъ стѣнахъ прежними ея обитателя-

ми, но по содержанію этихъ надписей, по почерку, которыми онѣ были сдѣланы, сумѣлъ въ воображеніи своемъ представить себѣ и ихъ авторовъ; всѣ они казались ему людьми смѣлыми и крупными, такими крупными, что жалкая и робкая посредственность, дрожащая за свое маленькое, пошлое благополучіе, не смогла и не сумѣла противопоставить ихъ силѣ и энергіи ничего, кромѣ толстыхъ стѣнъ тюремной башни...

Единственное круглое маленькое оконце, пробитое въ стѣнѣ высоко, высоко подъ самымъ карнизомъ едва пропускало слабый свѣтъ сквозь грязныя, мутныя стекла, и оттого въ башнѣ было и сыро и темно. Тяжелая дубовая дверь, окованная желѣзомъ, вела въ узенькій и длинный корридоръ, въ концѣ котораго была другая такая же дверь; этимъ корридоромъ башня соединялась съ остальною тюрьмою—огромнымъ двухэтажнымъ зданіемъ, окруженнымъ высокими каменными стѣнами.

Тюрьма, какъ многоголовое дикое чудовище, съ раннего утра и до поздняго вечера перекликалась и гудѣла сотнями голосовъ, но шумъ этотъ не достигалъ башни и въ ней за массивными, толстыми стѣнами, за двойными дубовыми дверями, всегда было тихо и мертво.

Когда впервые ввели его въ эту башню, зазвенѣлъ замокъ у запираемой за нимъ двери, и мало-по-малу стихли шаги удаляющейся тюремной стражи, онъ долго прислушивался и ему казалось, что тюрьма тиха и безгласна.

Тщетно напрягалъ онъ свой слухъ и въ слѣдующіе дни, но башня упорно хранила тишину, и до его ушей не долеталъ ни одинъ звукъ ни тюрьмы, ни улицы. Онъ пробовалъ кричать, пѣть пѣсни, но тяжелые каменные своды такъ давили звукъ и такъ глухо раздавался подъ ними его голосъ, что ему становилось жутко и онъ предпочелъ молчать.

Безъ чтенія, безъ работы, лишенный возможности писать, онъ могъ только думать и думалъ о многомъ. Но противъ воли, противъ желанія онъ все чаще, дольше всего и упорнѣе думалъ о смерти и казни. Съ этой мыслью онъ засыпалъ, мысль эта приходила ему въ голову первую при его пробужденіи, и страшно и жутко было всякій разъ оно... Во снѣ, давно уже ставшемъ у него тяжелымъ и тревожнымъ, онъ видѣлъ иногда хорошіе, покойные сны, а пробужденіе напоминало о дѣйствительности и воображеніе рисовало висѣлицу и палача... Онъ, отнявшій насильно жизнь у того, кого считалъ врагомъ, наносящимъ вредъ общему, близкому дѣлу,—допускалъ, что единомышленники сраженнаго имъ врага могутъ поразить и его въ

свою очередь и отнять у него жизнь, но отнять жизнь, а не истязать, не мучить ожиданіемъ казни, ея исполненіемъ, ея обрядностью.

«Страшна не смерть, — говорилъ онъ самъ себѣ, — она неизбѣжна для каждаго, а страшны и мучительны тѣ минуты, когда придуть и скажутъ: Готовься! Палачъ ждетъ».

«О, пусть бы не говорили объ этомъ, — думалъ онъ. — Пусть бы не предупреждали о томъ, что для него настаетъ часъ расплаты. Вѣдь онъ поразилъ своего врага въ то время, когда тотъ, заливая родной край кровью и слезами голодныхъ и обездоленныхъ братьевъ, менѣе всего ждалъ смерти и былъ увѣренъ въ своей безнаказанности. Зачѣмъ же для него создавать лишнія страданья, заставляя идти на висѣлицу и подставляя голову палачу? Зачѣмъ мучить сознаниемъ переживаемыхъ послѣднихъ минутъ того, кто скоро перестанетъ жить и все равно не вернется къ людямъ и не утратитъ ихъ своими разсказами о тѣхъ страданіяхъ, которыя перенесъ онъ, поднимаясь на эшафотъ? Кому нужны эти страданья? Чью злобу, чью месть насыщать они?»

Такия мысли наполняли его и онъ часто хотѣлъ кричать о нихъ людямъ черезъ толстыя каменные стѣны, черезъ желѣзныя тюремныя рѣшетки!...

Онъ покидалъ свою башню разъ пять, шесть.

Всякій разъ, когда выводили его изъ башни и проводили корридоромъ и когда онъ, возвращаясь въ башню, дожидался въ корридорѣ, пока тюремный сторожъ не отпереть замка у двери въ башню, — онъ разглядывалъ маленькое, темное пятнышко, отчего-то появившееся на бѣлой стѣнѣ корридора, возлѣ косяка двери. Это пятнышко замѣтилъ онъ еще въ то время, когда впервые раскрывалась передъ нимъ дверь, ведущая въ башню, а затѣмъ почему-то, невольно, вспомнилъ о немъ, находясь уже въ башнѣ, и съ тѣхъ поръ, уходя и возвращаясь, не забывалъ взглянуть на него. Между нимъ и этимъ пятномъ точно установилась какая-то связь: выходя изъ башни, онъ взглядывалъ на пятно и у него въ головѣ проносилась мысль о томъ, что новаго несетъ ему этотъ его выходъ изъ башни и вернется ли онъ назадъ, а возвращаясь, — мысленно привѣтствовалъ пятно какъ нѣчто знакомое и ему дружелюбное, и загадывалъ, когда и при какихъ условіяхъ онъ выйдетъ снова изъ башни и взглянетъ на это пятно.

Однажды, около мѣсяца тому назадъ, онъ былъ разбуженъ ночью; онъ помнитъ съ какимъ трепетомъ и страхомъ сжалось его сердце, когда велѣли ему одѣваться и выйти изъ башни въ тюремную контору. Онъ помнитъ, какъ взглянулъ онъ тогда при своемъ уходѣ на

пятно и подумалъ: что предвѣщаетъ ему оно? Добрая она или злая примѣта?

Въ конторѣ объявили ему, что на завтра назначенъ судъ и теперь же немедленно онъ будетъ отведенъ туда.

Глубокой ночью по безлюднымъ улицамъ спящаго города, окруженный множествомъ солдатъ съ ружьями и штыками, онъ былъ отведенъ въ помѣщеніе суда.

Тамъ провелъ онъ остатокъ ночи и цѣлый слѣдующій затѣмъ день, въ теченіе котораго его судили.

Судили его съ совершенно ненужными, какъ показалось ему, мелкими подробностями и дѣлали долги, томительные перерывы. Въ залѣ, гдѣ происходилъ судъ, кромѣ солдатъ караульныхъ да людей въ военныхъ мундирахъ, сидѣвшихъ за судейскимъ столомъ, не было никого, а оглядываясь въ окно, онъ видѣлъ широкую пустынную площадь передъ зданіемъ суда, конную и пѣшую стражу, расположившуюся полукругомъ по площади, и изрѣдка двухъ, трехъ мирныхъ городскихъ обывателей, торопливо спѣшащихъ куда-то по площади прочь отъ зданія суда. Необычное обиліе солдатъ и полиціи на площади и во дворѣ суда и подмѣченные имъ торопливая походка и пугливые взгляды, бросаемые на окна суда случайно попавшими на площадь прохожими, не разъ потомъ вспоминались ему въ его уединеніи и вызывали горькую и презрительную улыбку...

Въ судѣ къ нему относились съ преувеличенной вѣжливостью, обращались съ изысканною деликатностью, и всетаки въ судѣ было тоскливо и нудно. Всѣ знали впередъ, — но дѣлали видъ, что не знаютъ, — какой будетъ приговоръ. И зналъ это прежде всего онъ самъ обвиняемый, пойманный на мѣстѣ преступленія съ оружіемъ въ рукахъ и тотчасъ же сознавшійся въ убійствѣ. Все же судили его цѣлый день, но говорили и читали объ одномъ и томъ же; вечеромъ, къ концу засѣданія, не прибавилось ничего новаго: было ясно, такъ же, какъ и утромъ при началѣ засѣданія, что убилъ именно онъ и выслѣживалъ жертву терпѣливо и настойчиво. Самъ онъ былъ кратокъ и скоро отказался отвѣчать на вопросы... Къ чему? Онъ зналъ, что когда суды создаются только для того, чтобы строить эшафоты, справедливость и милосердіе изъ нихъ исчезаютъ. И когда поздно вечеромъ, при огняхъ, послѣ долгаго совѣщанія, предсѣдательствующій старичекъ, въ мундирѣ, увѣшанномъ орденами, сдавленнымъ отъ волненія голосомъ прочиталъ о томъ, что подсудимый приговаривается судомъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе, но что судъ постановилъ ходатайствовать о замѣнѣ осужденному смертной казни пожизненной ваторгой, онъ чуть не вскрикнулъ отъ неожиданности и

адости: передъ нимъ впереди засіяла жизнь! Пусть эта жизнь подвольная, жизнь каторжная, но то, что красить ее, что только одно способно дать ей особенную цѣну—возможность мыслить—оставлена!

Въ то, что смертная казнь будетъ ему замѣнена каторгой,—онъ говѣрилъ сразу, вѣсьмъ своимъ существомъ и не сомнѣвался: такъ геобычно ходатайство военнаго судаи, конечно, оно будетъ уважено!...

Весело, точно выпущенный на свободу, онъ возвращался ночью, такъ же окруженный множествомъ солдатъ, въ тюрьму, въ свою башню, а окружающіе, видѣвшіе его, говорили: «Какой сильный характеръ! Какой упорный, закоренѣлый фанатикъ!»

Почти счастливый вошелъ онъ въ корридоръ, ведущій въ башню, и, пока отпирали дверь, при свѣтѣ фонаря смотрѣлъ и привѣтствовалъ, какъ стараго друга, какъ добраго вѣстника—маленькое пятнышко на стѣнѣ! Онъ рѣшилъ непременно взглянуть на него, когда придется совсѣмъ покидать башню, отправляясь на далекую, невѣдомую каторгу.

Съ тѣхъ поръ онъ еще два раза покидалъ башню и всегда довѣрчиво и ласково взглядывалъ на знакомое пятнышко, когда проходилъ корридоромъ мимо, и оба раза оно было для него доброй примѣтой: въ тюремной конторѣ его встрѣчалъ отецъ, которому удавалось получить разрѣшенія на свиданія съ сыномъ.

Въ послѣдній разъ такое свиданіе было сегодня. Его позвали въ контору около обѣда. Непродолжительно было это свиданье, но какъ оно успокоило его!

Отецъ сказалъ, что сейчасъ только что узналъ отъ властей, что приговора о немъ еще не получено, но что мать его хлопочеть за сына въ столицѣ, куда сегодня въ ночь уѣзжаетъ и онъ самъ.

Прощаясь, отецъ шепнулъ ему, что друзья его бодрствуютъ, общее дѣло быстро растетъ и крѣпнетъ, и не смерть, а жизнь и можетъ быть свобода ожидаютъ его впереди!

Ласково улыбнулся онъ милому пятнышку, проходя въ свою башню... Слова, сказанныя отцомъ, заставили его совсѣмъ забыть о казни и мысль о ней казалась ему теперь малодушною и трусливою.

Онъ долго ходилъ и кружился по камерѣ точно въ маленькой вѣткѣ и, уставъ, не раздѣваясь, легъ на постель.

Давно уже загорѣлся электрическій фонарь высоко надъ его головой въ куполѣ башни, а онъ все лежалъ, весь поглощенный думами о будущей своей жизни среди свободы и свѣта съ друзьями и близкими, съ нею, которая должна была стать скоро его женою...

Тюрьма сегодня, какъ и вчера, какъ и всегда, гудѣла сотнями голосовъ, но вечеромъ, когда только что роздали ужинъ, что-то ужасное, давящее, повисло надъ нею. Разомъ смолкли циничныя пѣсни, ругань и крики, и воцарилась тишина, никогда небывалая и по своей необычности жуткая: точно что-то невообразимо-страшное вотъ-вотъ ударить, разразится надъ тюрьмой и охватитъ каждаго ея обитателя, отъ начальника до послѣдняго «глота»—арестанта.

Два мѣсяца въ тюрьмѣ не прекращались оживленные разговоры о томъ, помилютъ ли того, кто сидитъ въ башнѣ или будутъ казнить. А если будетъ казнь, то гдѣ и когда произойдетъ она и откуда возьмутъ палача? Но затѣмъ мало-по-малу интересъ къ участи башеннаго узника притупился и всѣ рѣшили, что казнь ему замѣнена каторгой. И вотъ сегодня подъ вечеръ, когда тюрьма совсѣмъ было уже и позабыла про башню и ея обитателя, пришло оно—это давно и томительно жданное, жестокое, но жгуче любопытное. Объ этомъ никто не сказалъ арестантамъ, но оно стало извѣстно въ каждой камерѣ почти тотчасъ же, какъ было получено въ тюремной копторѣ въ маленькомъ, щегольскомъ конвертѣ, съ красною сургучною печатью. Самый конвертъ, склеенный изъ дорогой, плотной бумаги, и адресъ на немъ, выведенный каллиграфическимъ почеркомъ, были также необыкновенны въ тюремной копторѣ, какъ необыкновенно и то, что заключалъ въ себѣ этотъ конвертъ. И лишь только онъ появился въ стѣнахъ тюрьмы, какъ всѣ почувствовали, что скоро и неизбежно должно будетъ совершиться среди нихъ что-то отвратительное, стыдное и непоправимо преступное, что замараешь душу каждаго изъ нихъ навсегда, на всю жизнь! И это сознание разомъ придавило всѣхъ и вызвало среди тюремнаго начальства и стражи у однихъ—напускное молодечество, которымъ старались побороть и скрыть охватившее ихъ волненіе и стыдъ, у другихъ—рабское чувство покорности передъ страшнымъ, кровавымъ, надвигающимся дѣломъ.

Пугливо смотря изъ своихъ оконъ арестанты на дворъ, когда по нему при свѣтѣ фонаря проносятъ какіе-то столбы и доски туда, гдѣ тюремная ограда близко подходитъ къ боковой стѣнѣ тюремнаго зданія и образуетъ съ нею небольшою, отдѣленный отъ остальнаго тюремнаго двора невысокимъ частоколомъ, дворикъ, предназначенный для прогулокъ одиночно-заключенныхъ. Притихла тюрьма и чуть прислушивается къ тому, какъ глухо раздаются на дворикѣ удары топора и молотка.

Темная, облачная ночь давно уже наступила.

Пробили и полночь на сосѣднемъ съ тюрьмою кладбищѣ, но въ тюрьмѣ никто не спитъ.

Давно уже лежатъ арестанты по своимъ мѣстамъ и хранятъ тишину, чтобы не пропустить, не прослушать какихъ-нибудь новыхъ звуковъ, которые ворвутся въ тюрьму и скажутъ, что «началось!» Лежатъ арестанты. Но сдавленный вздохъ, вырывающійся время отъ времени изъ той или другой изстрадавшей отъ ожиданія груди, но робкій шепотъ двухъ сосѣдей, перекидывающихся отрывочными замѣчаніями, но нервное движеніе ногъ съ бряцающими на нихъ кандалами, — все это полно жизни, все это говорить, что сонъ далеко отъ тюрьмы въ эту ночь!

Опустѣли и затихли улицы шумнаго города и лишь ночные сторожа, да запоздавшіе гуляки изрѣдка покажутся кое-гдѣ на улицѣ. Но вотъ съ разныхъ сторонъ, по направленію къ тюрьмѣ, пробираются, будто какіе-то заговорщики, одинокіе прохожіе. Каждый старается незамѣтно подойти къ тюремнымъ воротамъ, которые давно уже ждутъ и, быстро распахнувшись, пропускаютъ пришельца; тотъ проходитъ въ контору, а она, тѣсная и грязная, уже полна людьми, одѣтыми въ парадные, блестящіе мундиры. Здѣсь же находятся тюремный врачъ и священникъ.

Всѣ блѣдны и взволнованы, стараются не глядѣть другъ другу въ глаза и говорятъ въ полголоса, точно гдѣ-то рядомъ лежитъ покойникъ. Лишь одинъ звонокъ телефона то и дѣло рѣзко и нахально трещитъ.

Въ телефонъ слышатся возбужденные, нервные голоса: это на другомъ концѣ города важныя губернскія власти тоже не спятъ. Они собрались всѣ вмѣстѣ и оттуда, издали, присутствуютъ при томъ, что совершается въ тюрьмѣ.

Около тюрьмы послышались нескрываемые шаги, мѣрно и звонко отбиваемые въ тактъ десятками ногъ. То идутъ въ тюрьму, на дворикъ, солдаты съ барабанщикомъ впереди.

Часы пробили два. Пора!

Нѣсколько человекъ въ мундирахъ вмѣстѣ со священникомъ вошли изъ конторы и прошли въ тюрьму и скоро передъ ними зазвенѣлъ замокъ у двери, ведущей изъ корридора въ башню. Дверь отворилась. Онъ лежалъ передъ ними на постели и спалъ. Онъ унулъ не задолго до ихъ прихода, успокоенный словами отца и мыслями своими о грядущей свободѣ. Такого безмятежнаго и хорошаго сна онъ не зналъ давно. Его назвали по имени. Онъ удивленно открылъ глаза, но глядѣлъ на пришедшихъ безстрашно и довѣрчиво.

Ему сказали, что просьбы о помилованіи отвергнуты, и его ждет сейчас казнь.

Поблѣднѣвъ, онъ медленно поднялся и сѣлъ на постели. Ужась и отчаяніе отразились въ его глазахъ; нѣсколько мгновений длилось молчаніе и вслѣдъ затѣмъ,—точно рѣчь его была гдѣ-то заперта и вдругъ разомъ вырвалась на свободу,—заговорилъ быстро и страстно.

Онъ говорилъ, что ему надо сейчасъ же, сію минуту, видѣть отца и невѣсту и передать имъ что-то очень важное и раньше этого онъ умереть не можетъ...

Онъ говорилъ, что отецъ только что, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, обѣщалъ ему жизнь и свободу и что казнь его теперь никому не нужна.

Минуту, не больше, говорилъ онъ, но вдругъ успокоился и замолчалъ. Страхъ исчезъ изъ его глазъ и онъ внимательно оглядѣлъ вошедшихъ. Всѣ они тѣснились передъ нимъ блѣдные, испуганные, жалкіе и безсильные.

Бъ нему подошелъ тюремный надзиратель и, положивъ на постель свертокъ, предложилъ переѣнить бѣлье.

Мелькомъ, безучастно взглянувъ на тюремщика, онъ началъ одною рукой развертывать на постели бѣлье, а другою—торопливо разстегивать воротъ рубашки. Стоящій возлѣ него надзиратель дрожащими руками стаскивалъ съ него одежду и помогалъ раздѣваться. Въ башнѣ наступила тишина, прерываемая чѣмъ-то порывистымъ дыханіемъ и дрожью.

Онъ продолжалъ сидѣть на постели и переодѣваться.

Вдругъ онъ остановился, безсильно опустилъ обѣ руки и, взглянувъ куда-то въ сторону вверхъ, глубоко и медленно вздохнулъ. Бъ нему тотчасъ же подошелъ священникъ, но онъ, быстро обернувшись къ нему, покачалъ головою и съ живостью заговорилъ: «Нѣтъ, нѣтъ! Священника не надо, не надо! Я хочу, я прошу позволить мнѣ написать письмо отцу и сестрѣ», — обратился онъ къ присутствовавшимъ. Среди нихъ произошло движеніе: никто не зналъ, какъ отнестись къ этой просьбѣ. Кто-то вышелъ изъ башни и направился въ контору. Тамъ скоро затрещалъ звонокъ телефона.

Видъ подошедшаго къ нему священника, котораго онъ почему-то не замѣтилъ раньше, внезапно придалъ его мыслямъ опредѣленное направленіе. Онъ вспомнилъ проповѣдь, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ слышанную имъ у пріѣзжаго священника, почитаемаго въ народѣ за пророка, проповѣдь черствую, грубую, полную оскорбленій и отрицанія всего того, чему вѣрилъ и поклонялся онъ; вспомнилъ ученаго епископа, запретившаго своимъ священникамъ служить пан-

нихиды по тѣмъ его близкимъ, которые пали за общее, кровное дѣло и покоятся нынѣ всѣ вмѣстѣ въ одной братской могилѣ, и ненависть вспыхнула въ немъ и разомъ заставила забыть его и о смерти, и о казни.

Онъ поднялся на ноги и разразился упреками.

Тюремный надзиратель накинулъ ему на плечи сѣрый, суконный халатъ и слегка подтолкнулъ его къ двери.

Продолжая волноваться и возражать пытавшемуся было успокоить его священнику, онъ вмѣстѣ съ другими вышелъ изъ башни. Лишь тогда, когда онъ сталъ спускаться по лѣстницѣ, и снизу потянуло на него со двора въ открытую дверь свѣжимъ ночнымъ воздухомъ, онъ опомнился—куда и зачѣмъ идетъ и сразу ощутилъ такую слабость въ ногахъ, что невольно схватился руками за перила лѣстницы. Но это продолжалось мгновение. Онъ умѣрилъ шагъ и началъ сходить медленно. Онъ видѣлъ какъ его обгоняли и заглядывали въ лицо взволнованные, чуждые ему люди; онъ читалъ въ ихъ глазахъ любопытство, смѣшанное со страхомъ, но мысль его была далека отъ нихъ! Онъ не вѣрилъ, не могъ и не хотѣлъ вѣрить, что его ждетъ смерть.

Ему вспомнилось, какъ гдѣ-то читалъ онъ, что приговоренныхъ къ казни и помилованныхъ часто взводятъ на эшафотъ, надѣваютъ саванъ и объявляютъ затѣмъ о замѣнѣ казни другимъ наказаніемъ.

Для соблюденія этого обряда ведутъ и его: вѣдь «друзья бодрствуютъ, дѣло растеть!» Казни не будетъ: прочтутъ приговоръ и сейчасъ же объявятъ о дарованіи жизни. Конечно, такъ! Зачѣмъ же вѣшать ночью? Казни всегда совершаются днемъ или рано утромъ, такъ слышалъ онъ, а сейчасъ ночь темная, осенняя ночь!... Такія мысли тѣснились въ его головѣ, пока онъ шелъ по двору и нѣсколько фонарей низко надъ землей двигались передъ нимъ, освѣщая путь. Онъ вошелъ въ ворота двора, наполненнаго солдатами, и увидѣлъ прямо передъ собой, шагахъ въ двухъ, какой-то невысокій длинный столъ, по бокамъ котораго чернѣлись столбы. Онъ невольно вздрогнулъ и отвернулся. Но чего же ждутъ? Отчего же не читаютъ приговоръ и не объявляютъ о помилованіи? У воротъ двора послышались шаги и вошедшій обратился къ нему съ словами: «Вамъ разрѣшено написать письмо. Въ тюремной конторѣ для васъ приготовлены перо и бумага!» Только тутъ онъ вспомнилъ о своей просьбѣ и хотѣлъ было двинуться къ воротамъ, но чья-то рука его остановила. Оглянувшись, онъ увидѣлъ возлѣ себя полицейскаго офицера. Офицеръ, приложивъ руку къ козырьку, съ кѣмъ-то рѣзко и настойчиво говорилъ. До него донеслось нѣсколько словъ и онъ

понялъ, что офицеръ не имѣеть приказанія отъ своего начальства и не можетъ поэтому разрѣшить осужденному писать. Скоро офицеръ вышелъ куда-то изъ дворика. Протекшія затѣмъ пять минутъ показались часами.

«Неужели заставили бы меня стоять подъ висѣльницею, — думалъ онъ, — приводить и уводить отъ нея, если бы не было у нихъ помилованія? Зачѣмъ бы имъ спорить и спрашивать у кого-то разрѣшенія позволить написать нѣсколько прощальныхъ словъ тому, кого дѣйствительно ожидаетъ смерть».

Офицеръ вернулся и что-то сказалъ тюремному начальнику, тотъ пригласилъ осужденнаго слѣдовать за собой въ контору.

Лишь только онъ, окруженный стражею, вышелъ изъ дворика, какъ прежняя увѣренность въ помилованіи его покинула, и чѣмъ далѣе онъ удалялся отъ дворика, тѣмъ болѣе росло его сомнѣніе, и сердце, начавшееся было биться спокойно, стало работать быстрѣе. Онъ вошелъ въ освѣщенную комнату конторы и невольно закрылъ глаза. Вотъ здѣсь, около стола, на которомъ теперь лежатъ конвертъ и почтовая бумага, нѣсколько часовъ тому назадъ онъ видѣлся и говорилъ съ отцомъ. Гдѣ отецъ теперь? Знаетъ ли, чувствуетъ ли онъ, что дѣлаютъ сейчасъ съ его сыномъ? Какимъ мукамъ, какимъ терзаніямъ предають его за то, что онъ такъ искренно, такъ пламенно любилъ ихъ всѣхъ; за то, что, исполненный негодованія и потерявъ надежду добиться суда и правды, онъ явился мстителемъ и обагрилъ свои руки кровью!

Онъ сѣлъ за столъ и крупнымъ дрожащимъ почеркомъ написалъ: «Сестра, я пишу передъ смертію. Сейчасъ меня не станеть. Утѣшь стариковъ и береги ихъ. Скажи имъ, чтобы приняли къ себѣ мою невѣсту все равно, какъ если бы она была моей женой. Любите ее, какъ любили меня. Другъ друга любите такъ же, какъ крѣпко и горячо любилъ и люблю я всѣхъ васъ».

— Письмо будетъ немедленно передано, — сказали ему.

Онъ молча поблагодарилъ взглядомъ. Двери конторы растворились и темная ночь разомъ объяла его. Онъ пошелъ по двору, замедляя невольно шаги. Написавъ письмо, онъ сразу какъ-то успокоился, точно онъ шелъ не туда, на дворикъ, къ чернымъ роковымъ столбамъ. Онъ ровной, медленной походкой подошелъ къ помосту и, замѣтивъ возлѣ него священника съ крестомъ въ рукѣ, самъ подошелъ къ нему, перекрестился и благоговѣнно приложился къ Распятію.

Вдругъ мозгъ его прорѣзали какъ молнія мысль о пятнышкѣ на стѣнѣ корридора возлѣ двери башни. Онъ вспомнилъ, что уходя не

взглянулъ на него! Какъ могло это случиться? Какъ могъ онъ за-
быть своего вѣрнаго и добраго вѣстника? Но что же изъ того? Все
же онъ вспомнилъ о немъ, а это хорошая примѣта и общаетъ
жизнь.

Эти мысли пронеслись у него въ головѣ въ то время, когда на-
дѣвали на него какой-то длинный холщевый мѣшокъ. Раздался чей-
то дрожащій и прерывающійся отъ волненія голосъ, читавшій при-
говоръ. Онъ не слушалъ его и сталъ всматриваться въ лицо палача,
который стоялъ возлѣ него, одѣтый въ длинное, точно снятое съ
чужого плеча, черное пальто и старался спрятать въ поднятомъ во-
ротникѣ этого пальто свое лицо. Однако онъ узналъ его: то былъ
одинъ изъ тюремныхъ надзирателей, не разъ приносившій ему въ
камеру пищу. Онъ узналъ его и обрадовался такому палачу: онъ
убѣдился, что здѣсь нѣтъ «настоящаго» палача и, значитъ, казни
не будетъ! Пятно не обмануло его и на этотъ разъ: оно старый и
испытанный другъ!

Но что это? Ему что-то сзади надвигаютъ на голову, закрываютъ
глаза, заставляютъ куда-то подняться и встать... Пусть, пусть,
такъ! Конечно, это только простая обрядность!

«Надѣваютъ саванъ и взводятъ на эшафотъ», — вспоминает-
ся ему.

Сейчасъ еще одно мгновеніе и онъ услышитъ голосъ, призываю-
щій его къ жизни. Онъ напрягаетъ всѣ силы, всѣ мысли, чтобъ какъ
можно ярче, какъ можно реальнѣе представить себѣ вѣщее пятныш-
ко, чтобы взглянуть на него—вѣдь оно несетъ счастье—и вотъ-вотъ
онъ видитъ его, оно передъ нимъ, оно близко, совсѣмъ близко... Шею
что-то обожгло. Пятнышко ярко вспыхнуло фіолетовымъ ослѣпитель-
нымъ свѣтомъ, разгорѣлось краснымъ, выросло и поплыло...

— Ва... Ваше-ство! Онъ по-повисъ, повисъ!—шепталъ дрожа-
щими губами начальникъ тюрьмы, обращая свое перекошенное отъ
ужаса лицо къ стоявшему рядомъ офицеру. Желтые огоньки фона-
рей въ разныхъ мѣстахъ дворика часто-часто прыгали надъ землею,
рисую колеблющіеся круги на пескѣ.

Мѣсяцъ выкатился изъ-за тучъ и освѣтилъ дворикъ, а на немъ
испуганныхъ, дрожащихъ людей, стоявшихъ неподвижно вокругъ
небольшого помоста, надъ которымъ трепетало и раскачивалось что-
то длинное, бѣлое и безформенное. Объятые ужасомъ и стыдомъ, они
не могли, не смѣли поднять глазъ и не рѣшались взглянуть другъ на
друга. Такъ, совершившіе молча во тьмѣ нѣчто глубоко-позорное,
гнусное и презрѣнное стыдятся потомъ встрѣтиться при свѣтѣ!

Долгий пронзительный свисток недалеко промчавшагося парова разсѣкъ тишину и вывелъ всѣхъ изъ оцѣпененія. Люди на дворикѣ зашевелились. Кто-то глухо кашлянулъ, гдѣ-то раздакъ какой-то металлическій звукъ, слышался сдержанный шопоть. Дрогнула тьма и заколебалась. Разсвѣтъ приближался. Прошло минутъ двадцать. Страшная, бѣлая масса давно уже висѣла надъ помостомъ неподвижно. Въ ней приблизилось нѣсколько человекъ, и она, глухо ступнувъ о помость, соскользнула и распростерлась по землѣ. Докторъ наклонился и фонарь освѣтилъ ему руку. Рука была безжизненна, но еще тепла. Легкій уколъ ланцета заставилъ медленно-медленно показаться въ рангѣ двумъ-тремъ каплямъ темной, парной крови. Обнажили грудь: въ ней не билось, не кипѣло молодое здоровое сердце!

Открыть лицо его и взглянуть на него—они не посмѣли...

Сергѣи Петровичъ.

В О З М Е З Д І Е.

Вл. Ст. Реймонта.

(Съ польскаго.)

— Работать надо ножомъ тихо?

Въ отвѣтъ на это Ендрусь показалъ ему длинный, узкій стилеть съ широкою рукояткою. Сталь свергнула страшнымъ лезвіемъ, словно молнія.

— У быка сердце нащупаешь... и тогда половины довольно будетъ...—шепнулъ Михаль.

Ендрусь какъ-то странно улыбнулся, ножъ спряталъ за пазуху, досталъ изъ сундучка гармонику, сѣлъ на кровать, у стѣны, и началъ играть. Онъ казался совершенно спокойнымъ и погруженнымъ въ музыку, наклонилъ голову къ самымъ мѣхамъ и съ наслажденіемъ прислушивался къ звукамъ музыки. Мелодія разлилась звонкой струей по тѣсной комнаткѣ чердака и закрутилась плясовымъ, разыгравшимся водоворотомъ, такъ что дѣти, сидящіе на полу, начали хлопать въ ладоши, подпрыгивать и напѣвать:

— Дроздушка, скорѣе, прыгай веселѣе! Дроздушка, дай лапки, и пойдемъ мы къ бабкѣ!

Дроздь, висѣвшій въ кѣлтѣхъ у окна, засвисталъ.

— Молокосось, съ барышнями по костеламъ ходить, въ трактиръ и не загацишь, компании ни съ кѣмъ не водить, а за такое дѣло берется! Ну, ну...—ворчалъ онъ себѣ подъ носъ.

Но Ендрусь не слыхалъ его. Онъ точно забылъ обо всемъ мирѣ, раскачивался всѣмъ корпусомъ, ногою выбивалъ себѣ тактъ и игралъ все съ большимъ ожесточеніемъ. Дѣвочка начала вертѣться на мѣстѣ, словно веретено, мальчикъ подползъ къ нему и, цѣпляясь за кровать, хотѣлъ было подняться на искривленные, рахитическія ножонки, но падалъ каждую минуту. Дроздь разсвистался во всю, и мальчикъ поползъ къ нему.

— Пти... пти... пти... Милая пти...—радостно болталъ онъ.

Михалъ, окончателно раздраженный музыкой, вызывающе проговорилъ:

— Молодцомъ притворяется, а у самого, небось, душа въ пятки ушла...

— Э... нѣтъ! Я думаю только, чтобы это сдѣлать, какъ слѣдуетъ, безъ поправки!—отвѣтилъ Ендрусь, поднимая голову.

Его голубые глаза сверкнули стальнымъ отблескомъ.

— Я поучу тебя.—Михалъ подошелъ къ нему и началъ шептать на ухо.—Подойди ты къ нему морда къ мордѣ, подпусти поближе, и какъ бы случайно наткнись на него, а ужъ потомъ валий его прямо въ брюхо изо всей силы... онъ и лопнетъ у тебя подъ рукою, словно ты ножомъ бубень пропоролъ...

— Ты мастеръ!—сказалъ Ендрусь, слегка вздрагивая.

— Пусть тебѣ Болекъ расскажетъ, онъ не разъ видѣлъ меня за работой...

Онъ выпрямился и задорно обвелъ вокругъ глазами.

— Такъ между вами все ладно?

— Давно уже! Онъ ножомъ пересчиталъ мнѣ ребра, я потомъ ему выпустилъ немного кишокъ, и теперь мы квиты, въ полной дружбѣ...

— Три мѣсяца въ больницѣ, столько боли, и теперь въ дружбѣ?

— Другъ ты мой, поэтому-то я и дружу съ нимъ, а того, кто не расплатился бы со мною, считалъ бы паршивой собакой. Пырнешь кого-нибудь, получишь сдачи, отлежишься въ больницѣ, глядишь, совѣсть-то у тебя и чиста. Да вѣдь я не убійца какой-нибудь!—гордо прибавилъ онъ.

— Но ты можешь наткнуться на такого, который...

— Какой своей рукой подтолкнетъ меня къ гробу? Не велика потеря, жалѣть долго никто не будетъ, никто обо мнѣ не заплачетъ, но пока я живъ, за носъ водить себя никому не позволю и со страха передъ хозяевами къ социалистамъ не пристану, какъ Фелекъ... Я не дуракъ, предпочитаю, какъ волъ проработать цѣлую недѣлю, чтобы погулять какъ слѣдуетъ въ праздникъ, чѣмъ засѣсть въ Павягъ *) и отвѣдать нагаекъ.

— Вѣдь не задаромъ же его спрятали...

— Потѣха! да кромѣ того, ему еще и морду такъ искалѣчили прикладами, что его и родная мать узнать не могла. Теперь онъ на чемъ свѣтъ клянетъ тѣхъ, которые затащили его.

*) Тюрьма въ Варшавѣ.

Ендрусь повернулъ голову въ сторону, внимательно разсматривая клавиши. Михаль пронизательно засмѣялся, ударилъ его по плечу и дружески спросилъ:

— Не за панну ли Юзю ты хочешь платить?

Ендрекъ покраснѣлъ, но отвѣтилъ рѣшительнымъ отрицаніемъ.

— А можетъ быть тотъ франтъ въ цилиндрѣ, который носить за матерью книжки въ костѣль?

— Да вѣдь то кавалеръ Мани.

— Рожа такая, что сама на оплеуху напрашивается. Не люблю я такихъ лицъ. Кто же это такой можетъ быть?... Твое дѣло,—не скажешь, я потомъ узнаю, только помни, что я тебѣ совѣтовалъ: вали вблизи, и прямо въ брюхо. Когда ты думаешь?...

— Когда подойдетъ казія.

— Да когда обдѣлаешь дѣло, не бѣги, какъ дуракъ, всякій новичокъ сейчасъ же маршъ съ мѣста въ карьеръ, прямо въ когти полицейскимъ. Ударилъ и уходи, какъ будто ничего не было, даже останавливайся отъ времени до времени, и только когда поднимется суматоха,—драла... Дай мнѣ гармонику, я общалъ поиграть угольщику, сегодня онъ крестины справляетъ. Приходи и ты, жратва кой-какая будетъ.

— Хорошо, приду, нужно только дожидаться Игнасову, чтобы она забрала къ себѣ дѣтей.

Михаль презрительно разсмѣялся, закрутилъ усники передъ зеркальцемъ, надвинулъ на голову шляпу, свистнулъ дрозду, подбросилъ мальчика подъ самый потолокъ, дѣвочку защекоталъ до смѣха, и, взявши инструментъ подмышку, ушелъ.

— Михаль!—крикнулъ ему въ слѣдъ Ендрусь,—смотри только, гармоника лѣвымъ крыломъ сильно рѣжетъ, потому что тамъ кожа потерта и нижнія лапки выскакиваютъ.

Тихо стало въ комнатѣ, дѣти играли у печки, вытаскивая таракановъ, а Ендрусь, усѣвшись у окна, бессознательными глазами водилъ по кровлямъ, окружающимъ весь дворъ ихняго дома.

День былъ сѣрый и удивительно грустный, ноябрьскій день. Надъ нагроможденными другъ на друга кровлями, надъ черными колоннами трубъ висѣло сѣрое, пустое небо, окна жилищъ мелькали, словно глаза, только что обсохшіе отъ слезъ, по серединѣ двора каштанъ сѣрился уродливыми, черными вѣтвями, а остатки его листьевъ содрагались ржавыми лохмотьями. Какія-то дѣти съ визгомъ бѣгали по грязной мостовой, гдѣ-то въ воротахъ лаяла собака, гдѣ-то громыхла телѣга, а порою доносился глухой, болтливый шумъ невиди-

мыхъ улицъ, и скука воскреснаго дня тащилась по свѣту и сонной, мертвящей тишиной наполняла чердакъ.

— Борова!—вдругъ закричалъ мальчигъ,ковыляя за убѣгающимъ тараканомъ.

Ендрусь очнулся отъ задумчивости и снисходительно прошепталъ:

— Дуракъ, думаетъ, что здѣсь дѣло идетъ о паниѣ Юзѣ... Ну, и пусть себѣ думаетъ, для меня же безопаснѣе,—не знаетъ, такъ и разболтаетъ,—разсчитывалъ онъ.

Онъ снова впалъ въ оцѣпенѣніе,—передъ его глазами предстала недавняя сцена, тамъ, на Сольцѣ... Шестеро ихъ тянуло жребій, и жребій выпалъ на его долю... онъ все исполнить свято... убить, какъ собаку, колебаться не станеть... такая скотина... столько людей предалъ... пропадаютъ въ тюрьмахъ... да и Фелекъ, должно быть, по его милости сидитъ... На такихъ должна быть кара... должна...

Ендрусь думалъ, вспоминалъ, и тысяча подробностей, лица переодѣтыхъ товарищей, таинственныя сборища, сходки въ разныхъ трущобахъ, расклеиваніе прокламацій по ночамъ, рѣчи, совмѣстныя чтенія, бѣгства передъ преслѣдованіями, — вся суть послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ, многоводнымъ и шумнымъ ручьемъ извивалась по его мозгу.

«Я заплачу за всѣхъ!»

Онъ вскочилъ весь въ огнѣ, рукою снова схватился за ножъ и вдругъ остановился на мѣстѣ. Лицо его такъ странно исказилось, глаза ушли куда-то вглубь, сердце замерло и дикій, безумный ужасъ стиснулъ ему горло... Но это было на минуту, только на одну минуту, потому что онъ тотчасъ же страхнулъ съ себя внезапно налетѣвшее чувство, лицо его опять заиграло румянцемъ, глаза вспыхнули, а въ груди закипѣлъ пламень.

«Ну, и сдѣлаю!... Получше меня были да и тѣ не пугались... Вѣдь это за дѣло... за всѣхъ...»—шепталъ онъ съ дрожью восторга и энтузіазма.

И снова имъ овладѣло странное спокойствіе, спокойствіе безъ заботы, глубокая вѣра и неустрашимость.

«Я его убью, меня повѣсятъ, и будемъ мы квитъ!»

Онъ разсмѣялся такимъ радостнымъ, широкимъ смѣхомъ, что дѣти приблизились къ нему.

— Покачай, покачай!—настаивалъ мальчигъ, а дѣвочка начала пальцами приглаживать его взбудораженные волосы.

Онъ не сопротивлялся, мальчишка качалъ на ногѣ и громко подпѣвалъ:

— Гошъ, гошъ, гошъ, ѣдетъ хлопъ... А коли панъ, такъ и панъ.

Онъ напѣвалъ, высоко подбрасывая мальчика, а потомъ дѣвочка, стащивъ брата на землю, приказала причесать себя и влести въ волоса голубую ленточку, какъ «у Фани изъ прачечной». Ендрусъ одѣлалъ и это, но, видимо, уже терялъ терпѣніе, потому что крикнулъ:

— Сидите тихо, клопы, я сейчасъ приду!

Его охватило непреодолимое желаніе увидать кого-нибудь изъ знакомыхъ, побѣжать въ городъ, окунуться въ шумъ и движеніе... Онъ торопливо одѣлся и только уже у самыхъ дверей остановился совершенно безпомощный, словно огаменѣлый.

«Буда идти? къ кому? Вѣдь не буду же я шататься по городу, какъ какая-нибудь собака! — съ неизмѣримымъ отвращеніемъ думалъ онъ. — Только еще три часа, до восьми страшно далеко».

Онъ бессознательно нащупалъ карманъ, — ножъ находился на своемъ мѣстѣ. Воспоминаніе холодной молніей проскользнуло по его сердцу.

— Да близко вали... Онъ лопнетъ, какъ бубень, — зазвучалъ совѣтъ Михала да такъ громко, что Ендрусъ тревожно осмотрѣлся вокругъ.

Въ комнатѣ никого не было. Дѣти играли у окна, издали доносился монотонный шумъ города, стекла въ рамкахъ изрѣдка дребезжали, подъ низкимъ потолкомъ вилась голубоватая лента папирсого дыма, а въ углу передъ фольговымъ образкомъ Ченстоховской Божіей Матери тлѣла лампадка. Ендрусъ снялъ пальто и снова сѣлъ. Дѣти съ крикомъ осадили его.

— Оставьте меня въ покоѣ; Манька, не влѣзай на кровать! — со злостью крикнулъ онъ.

Взялся было дочитать какую-то книжку, но тотчасъ же и бросилъ ее. Все представлялось ему скучнымъ, въ немъ пробуждалась какая-то глухая, безпричинная тоска и онъ началъ громкими шагами бѣгать по комнатѣ, не зная, къ чему привязаться.

«Ахъ, что-бъ тебя чума!...» — выругалъ онъ самого себя и пошелъ къ сосѣдямъ, но, какъ на зло, всѣ двери были замкнуты, только въ послѣдней квартирѣ слышался стукъ молотка и возня ребятинскъ.

Тамъ жилъ знакомый ему еврей, сапожникъ, и онъ, не долго думая, пошелъ къ нему.

— Видно, спѣшная работа? — небрежно бросилъ онъ, садясь рядомъ съ хозяиномъ.

— Коли панъ околodочный присылаетъ въ починку, такъ видно, что спѣшная. Ша! Ша! — закричалъ онъ на дѣтей, которые барабанили ложками по пустой жестяной кастрюлѣ.

— Кажется, вашъ сынъ писалъ вамъ что-то изъ Америки?— спросилъ Ендрусъ для того, чтобы сказать что-нибудь.

— Писалъ! Знаете что, онъ пришлетъ намъ проѣздные билеты... и черезъ мѣсяцъ, можетъ быть, мы всё поѣдемъ къ нему. Поѣдемъ!— съ блаженною улыбкою протянулъ еврей.

— Хорошо идутъ его дѣла?

— Хорошо! — снисходительно улыбнулся еврей. — Ему тамъ, какъ въ раю. Онъ прислалъ свою фотографическую карточку, — невѣстка взяла показать ее своимъ родственникамъ, — вотъ вы и посмотрите, какъ онъ одѣтъ... сюртукъ... на видъ такъ рублей на тридцать... настоящій ясновельможный панъ, не такіе оборванцы, какъ всё мы, нѣтъ!

Ендрусъ иронически улыбнулся.

— Вамъ улыбаться нечего, панъ Ковальскій. Я вамъ правду говорю, что онъ тамъ въ недѣлю больше зарабатываетъ, чѣмъ мы въ цѣлый годъ. Ему очень хорошо да и вообще въ Америкѣ всѣмъ очень, очень хорошо. Только у насъ человѣку тяжело живется. Кому у насъ хорошо? Можетъ быть вамъ хорошо съ тѣмъ рублемъ, который вы получаете въ сутки? Можетъ быть мнѣ хорошо? Можетъ быть пану Игнасу хорошо? Панъ Ковальскій, кому изъ насъ хорошо?— криливо допрашивалъ еврей, все сильнѣй и сильнѣй стуча молоткомъ по наблуку.

— Богачамъ хорошо, но зато они пьютъ нашу кровь.

— Такое слово, словно вѣтеръ, панъ Ковальскій. Господь Богъ далъ имъ счастье, вотъ они и нажились... да я и не о нихъ говорю.

— Обирали насъ, вотъ и нажились!—съ ненавистью проговорилъ Ендрусъ.

— Это очень хорошее слово, но это неправда. Подумайте, вѣдь всякій человѣкъ хотѣлъ бы быть богачомъ. А вы не хотѣли бы, чтобы у васъ былъ каменный домъ, здоровыя дѣти и красивая жена? а?

Ендрусъ молчалъ; ему припомнились мечтанія о Юзѣ и объ устройствѣ собственной мастерской.

— Панъ Ковальскій, всё хотятъ одного, — съ силою увѣрялъ еврей.

Ендрусъ всталъ; у него уже не было желанія продолжать бесѣду. Онъ медленно приблизился къ двери.

— Можетъ быть, вы почитаете мнѣ, я не знаю по вашему, а невѣстка моя куда-то запропастилась... — попросилъ еврей, подавая Ендрусу печатный листокъ.

То былъ номеръ *Работника* съ какою-то программною статьей.

Ендрусъ покраснѣлъ и, слегка отвернувшись, началъ читать

вслухъ. Еврей оперся на локоть и слушалъ внимательно, но по его губамъ все время пробѣгала насмѣшливая улыбка.

— Вы думаете, что такъ и будетъ на свѣтѣ?—спросилъ онъ, впиваясь въ Ендруся пытливыми глазами.

Ендрусъ забылъ объ осторожности. Что-то такъ подняло его съ мѣста, что онъ началъ по своему рассказывать о блаженствѣ будущаго устройства. Онъ пламенѣлъ, увлекался, но еврей вдругъ зачмокалъ и довольно иронически перебилъ его:

— Пусть тому и будетъ на здоровье, кто дождется этого. Намъ обѣщали еще и не такія вещи, а когда у меня внучки расхворались, никто изъ *такихъ* и рубля взаимы дать не хотѣлъ... Я вотъ что вамъ скажу, панъ Бовальскій...

Но Ендрусъ сплюнулъ и не говоря ни слова вышелъ вонъ.

«Буржуй, скотина эдакая!»—онъ былъ золъ на себя, что выдалъ себя какому-то жиду.

Играсова была уже дома и въ настоящую минуту надѣляла дѣтей пряниками.

— Хорошо шли дѣла сегодня?

— День выдался никуда негодный. Полтинникъ выручила, можетъ быть и вся бы расторговалась, да какой-то висѣльникъ толкнулъ меня и всё мои цвѣты вывалились въ канаву!—жаловалась она, указывая на запачканныя бумажныя розы, которыя краснѣлись въ корзинѣ.—Товаръ уже никуда негоденъ, но мерзавца я такъ отчитала, что онъ до новыхъ вѣбниковъ не забудетъ. Если вы встрѣтите гдѣ-нибудь моего, то приходите вмѣстѣ съ нимъ къ нашей теткѣ. Она пригласила насъ сегодня вечеромъ... она крестная мать Мани, можетъ быть дастъ ей на какое-нибудь платьишко. Богачка она, двѣ своихъ пролетки. Мужа я искала у гостиницы, гдѣ онъ всегда стоитъ, но товарищи его сказали, что онъ полетѣлъ куда-то съ порученіемъ...

Ендрусъ слышалъ съ пятого на десятое и собирался уже уходить.

— Вы поздно вернетесь? Ключъ будетъ на томъ же мѣстѣ, какъ и всегда.

— Почему я знаю, можетъ быть...—шепталъ онъ, торопливо выходя на лѣстницу.—Можетъ быть никогда! Можетъ быть никогда!...

Это онъ подумалъ уже на улицѣ и вдругъ ему захотѣлось возвратиться домой, еще разъ осмотрѣть всё углы, поцѣловать дѣтей, проститься съ Играсовой, посидѣть тамъ съ ними сколько-нибудь... можетъ быть въ послѣдній разъ... но онъ не поддавался малодушію, закурилъ папиросу и быстро побѣжалъ черезъ дворъ.

Передъ домомъ онъ простоялъ не долго, раздумывая, куда идти

Въ концѣ побѣдила мысль о паннѣ Юзѣ. Имѣеть же право человекъ въ воскресенье пойти куда ему угодно... А тамъ, на Свентояньской улицѣ было такъ пріятно, такъ тихо и какъ-то удивительно уютно... Порою, когда онъ приносилъ конфеты, панна Юзя такъ многозначительно смотрѣла на него, что въ сердце ему точно кто-то сыпалъ раскаленные уголья, а разъ какъ-то такъ пожала ему руку, что... Цѣлые мѣсяцы онъ съ наслажденіемъ вспоминалъ объ этомъ. Для нея же онъ купилъ у Игнаса дрозда и обучалъ его насвистывать вальсъ, но хотѣлъ отнести его не иначе, какъ на именины панны Юзы... Только старуха немасково встрѣчала его и подпускала ему шпильки при всякомъ удобномъ случаѣ.

— Нанимаетъ уголь у посыльнаго, а за порядочной барышней ухаживаетъ, оборванецъ эдакій!—довѣрилась она какъ-то Михалу.

Ендрусъ зналъ объ этомъ, но несмотря на всѣ уколы, приходилъ на Свентояньскую каждое воскресенье. Ухаживать за панной Юзей онъ еще не ухаживалъ, онъ только мечталъ объ этомъ порою, но страшно любилъ посидѣть у нихъ когда-нибудь вечеромъ и поиграть барышнямъ на гармоникѣ. Онъ былъ сирота, у него никого не было на свѣтѣ, поэтому уютная квартирка казалась ему раемъ послѣ запыленной фабрики, роскошнымъ садомъ послѣ чердака Игнасовой.

— Съ полчаса посижу у нихъ и пойду себѣ,—оправдывался онъ передъ самимъ собою.—Можетъ быть никогда уже не удастся пойти туда... никогда,—грустно шепталъ онъ.

Какое-то странное чувство стиснуло ему сердце.

— Хотя бы застать ее дома,—думалъ онъ, тревожно оглядываясь назадъ, но вдругъ остановился и долго, пытливо смотрѣлъ на домъ, гдѣ жилъ *тотъ*... приговоренный. Домъ стоялъ на другой сторонѣ Браковскаго предмѣстья, огромный, гордый, какъ богачъ, сверкающій рядомъ оконъ богатыхъ магазиновъ. Ендрусъ не могъ оторвать глазъ отъ оконъ второго этажа; ему все казалось, что оттуда, изъ-за занавѣсокъ, выглядываетъ ненавистное лицо.

— Прямо въ брюхо, и изо всей силы!—пробормоталъ онъ, и бессознательно сдѣлалъ соответственное движеніе.

Долго стоялъ Ендрусъ. Городъ кипѣлъ праздничнымъ шумомъ, тротуары были полны народа, экипажи неслись, какъ ошалѣлые, звонки трамваевъ неустанно позвякивали, и во всемъ воздухѣ висѣлъ гулъ смѣшанныхъ голосовъ.

Сумерки уже таились въ подъездныхъ воротахъ и окутывали дома голубою вуалью, кое-гдѣ уже загорались огни въ магазинныхъ выставкахъ.

Ендрусь, наконецъ, сорвался съ мѣста и почти бѣгомъ направился на Свентоянскую.

Знакомые его жили противъ кафедральнаго собора, въ узенькомъ домѣ возносящемся въ небо. Приняли его, какъ всегда, барышни ласково, мать довольно кисло. Юзя прихорашивалась передъ зеркаломъ.

— Что новенькаго на бѣломъ свѣтѣ?—спросила старуха, расхаживая по комнатѣ съ кружкой чая въ рукахъ.

Ендрусь пробормоталъ что-то невнятное. Старуха тихо засмѣялась и ехидно замѣтила:

— Вашъ хозяинъ день-деньской высунувъ языкъ бѣгаетъ по людямъ, могъ бы принести какія-нибудь новости.

— Конечно, да я-то не особенно любопытенъ,—довольно рѣзко отвѣтилъ Ендрусь.

— Принесли гармонику?—отозвался голосъ изъ-за зеленой ширмы, раздѣляющей комнату на двѣ половины.

— Я отдалъ ее Михалу на сегодняшний день.

— Жаль, у насъ сегодня вечеромъ будутъ гости, я думала, что вы поиграете намъ.

— Жидовская свадьба и безъ марципановъ обойдется,—прошипѣла старуха, осматривая Юзю со всѣхъ сторонъ.—Манька, ты все платье изгадила, подъ мышками висятъ какіе-то мѣшки.

— Такъ вы сами, мама, поправьте! Панъ Ендрусь, сядьте лицомъ къ окну да не оглядывайтесь на комнату. Мама, одѣвайтесь поскорѣе!—командовала Манька.

Ендрусь сѣлъ, какъ ему приказали и смотрѣлъ въ окно на готическую башню собора, а позади него слышался шелестъ платьевъ, стукъ ботинокъ, вытаскиваемыхъ изъ-подъ кровати и громыханіе ящиговъ комода. Манька съ топотомъ то и дѣло пробѣгала мимо, хохотала, а порою, тихонько поддравшись къ Ендрусю, пробѣжала мокрымъ перомъ по его лицу.

— Панна Маня, поймаю!—весело кричалъ тогда Ендрусь и, не поворачиваясь, искалъ ее позади себя руками.

— Сидите смирно, а то за хвостъ, да и вонъ!

— Я пальцемъ не пошевелю, но что это за франты придутъ къ вамъ сегодня вечеромъ?

— Пусть вамъ скажетъ Юзя.

— Кавалеръ придетъ. У него мелочная лавка на Желѣзной,—послышался голосъ матери, сопровождаемый фырканьемъ и плескомъ воды.

— Такъ вы панна Маня, спланили своего?

— Вы выражаетесь какъ... сапожникъ,—загрѣбла старуха.—

Панъ Янъ приводилъ его въ четвергъ. Блестящая партія, и Юзъ нравится.

— Молодой человекъ хоть куда! — шепнула Юзя.

— Цилиндръ носить, браслетъ на рукѣ, хотя отъ него немного и пахнетъ карболовой кислотой, — дурачилась Манька, не обращая вниманія на знаки матери. — Съ конфетами пришелъ, правда, отъ нихъ несло селедкой, но мы какъ-то ухитрились съѣсть ихъ... Сидѣлъ цѣлый вечеръ и слопалъ разныхъ закусокъ на цѣлый злотъ... Говорить, что ему сватаютъ панну, у которой каменный домъ... что у него братъ всендзъ... и что Юзя какъ разъ бы подходила къ его дѣламъ...

— Манька, не болтай глупостей! — пригрозила ей Юзя.

На минуту все стихло. Сердце у Ендруся болѣзненно сжалось, на глазахъ выступили слезы и онъ даже наклонился, чтобы незамѣтно отереть ихъ, какъ вдругъ Юзя, какъ бы для того, чтобы заглянуть въ окно, припала грудью къ его плечу, приложила голову къ его лицу и быстро шепнула:

— А вы не вѣрьте... — и громко она добавила: — Возлѣ костѣла уже много людей.

Ендрусь встряхнулся, хотѣлъ было что-то сказать, но Юзи уже не было въ комнатѣ.

— Мамочка, поскорѣе, а то мы попадемъ къ самому шапочному разбору!

Дѣйствительно, въ ту же минуту заговорили соборные колокола такъ внезапно, громогласно и полно, словно поднялась высоко стая голубей или горсть бѣлыхъ перьевъ, разнесенныхъ вѣтромъ. Потомъ у августіановъ зазвонили дрожащимъ, горячимъ басомъ, а потомъ со стороны пiarовъ брызнули мѣдныя звуки, какъ струя огня, какъ дымъ, достигающій до неба. Потомъ, откуда-то издалека, отъ паулиновъ, поплыли широкія, колеблящіяся волны, вызывая массу другихъ звуковъ, а въ концѣ, еле слышно, словно влекоть журавлей, плывущихъ гдѣ-то недостижимо высоко, донеслось колокольное пѣніе Бракковского предмѣстья.

Стекла въ рамахъ тихо дребезжали, комната наполнилась мѣднымъ щебетаньемъ и, казалось, сама мѣрно колышется, до такой степени, что всю душу охватывала болѣзненно-сладкая, ритмическая спазма наслажденія, раздражающая нервы. Панны были уже готовы, и все бѣгали вокругъ матери, которая все еще возилась надъ чѣмъ-то.

Ендрусь, освобожденный отъ невольной слѣпоты, теперь пожиралъ глазами панну Юзю, такую прелестною она казалась ему. Онъ

все время слѣдилъ за нею взглядомъ, такъ что Маньга начала смѣяться.

— Что вы на нее смотрите, какъ котъ на ветчину? Это Юзя или вы не узнаете? Бъ вечернѣ идемъ, а не на свадьбу... Нечего тутъ...

Дурачество это разсмѣшило его, но когда онъ выходилъ, то окинулъ всю комнату и находящіяся въ ней вещи любовнымъ взглядомъ и тяжело вздохнулъ, какъ будто прощался со всѣмъ навѣки.

Въ костѣлѣ особенной давки не было, поэтому Ендрусъ вмѣстѣ съ другими прошелъ къ скамьямъ. Женщины сѣли, а онъ сталъ рядомъ съ Юзей.

Вечерня уже началась, иракъ заливалъ высокія арки храма, въ ирачныхъ придѣлахъ горѣли свѣчи, надъ главнымъ алтаремъ мглились сонныя видѣнія расписныхъ стеколъ, органъ то наигрывалъ тихую молитву, то раздражался цѣлымъ хоромъ голосовъ и парилъ вверху, подъ самымъ сводомъ, какъ рыдающее пѣніе людей, заблудившихся въ страшномъ лѣсу, но Ендрусъ ничего не слыхалъ, онъ только смотрѣлъ на голову Юзи, наклонившуюся надъ молитвенникомъ, а мыслями кружилъ гдѣ-то далеко-далеко. Онъ летѣлъ въ свои младенческие годы, на забытыя могилы отцовъ, къ какимъ-то минувшимъ днямъ, въ концѣ-концовъ забывъ, гдѣ онъ, опутанный золотомъ сѣтью огней, звуковъ и молитвъ, утомленный, погрузился въ самого себя и окаменѣлъ. Органъ игралъ такъ тихо и монотонно, что ему захотѣлось спать, онъ украдкой зѣвнулъ, тревожно протирая глаза, потому что изъ середины храма передъ нимъ выросла бѣлая, огромный домъ... а въ окно второго этажа видѣлось зловѣще улыбающееся лицо... и все это такъ ясно, что рука Ендруса сама собою схватилась за ножъ, а по его тѣлу пробѣжалъ трепеть. Музыка утихла, Ендрусъ пришелъ въ себя, вечерня кончилась и волна народа поплыла изъ костѣла. На улицѣ женщины ждали уже приглашенные на вечеръ. Юзя покраснѣла, привѣтливо здороваясь съ своимъ верзилою. Маня дурачилась съ своимъ, каждую минуту раздражаясь смѣхомъ, такъ что прохожіе даже начали оглядываться на нее. Старуха весьма торжественно пригласила всѣхъ на кофе. Только Ендрусъ шелъ одиноко, немного позади, потому что съ нимъ никто не заговаривалъ и вообще не обращалъ на него вниманія. Онъ шелъ огорченный, окидывая хмурыми глазами противника.

Онъ вошелъ вслѣдъ за другими въ сѣни, но остановился на лѣстницѣ, потому что его никто не пригласилъ зайти. Онъ ждалъ, что можетъ быть его позвать, что можетъ быть о немъ забыли на первое время, но голоса слышались все выше и выше. Вѣроятно, никто и не замѣтилъ, куда онъ дѣвался. Вотъ открылись двери... Ендрусъ

напрячь слухъ, сердце отъ ожиданія замерло въ его груди... но двери захлопнулись съ трескомъ.

Его охватила тишина и словно гробовой камень навалился на его душу.

О немъ забыли.

Онъ еще разъ съ улицы посмотрѣлъ на знакомыя окна, они только что начали загораться огнемъ, тяжело вздохнулъ и пошелъ.

Онъ пересилилъ себя, но почувствовалъ, что ему оказана страшная несправедливость, и что его душу заливаютъ горькія слезы боли и бессильнаго бѣшенства.

— Чортъ бы васъ всѣхъ побралъ! — съ ненавистью выругался онъ.

Часы пробили семь, когда онъ очутился передъ Зигмунтомъ. Было уже темно. Горящіе фонари разбѣгались во всѣ стороны узловатыми шнурами огоньковъ, вечеръ стоялъ тихій и теплый, послѣдніе листья падали на тротуары, наполненные людьми, отъ магазинныхъ выставокъ струились снопы свѣта. Ендрусь шелъ посрединѣ тротуара, грубо расталкивая по праздничному наряженную толпу, такъ что не одно ругательство летѣло ему во слѣдъ.

— Выступаешь? А въ морду хочешь? — рычалъ Ендрусь, засучивая кулаки.

Угрозы умолкали, прохожіе отступали въ сторону, потому что глаза Ендруся метали молніи, а блѣдное лицо все было искажено ненавистью. Онъ часто останавливался, самъ того не сознавая, а вмѣстѣ съ тѣмъ медленно, но неумолимо приближался къ тому дому.

Долго стоялъ онъ гдѣ-то передъ витриною, когда какой-то голосъ шепнулъ ему:

— Не оборачивайся, будь внимателенъ... онъ можетъ выйти каждую минуту...

Ендрусь наклонился къ магазинному окну, онъ зналъ этотъ голосъ и понималъ, что значать эти слова. Теперь онъ совершенно успокоился и какъ бы обратился въ камень. Приближающаяся минута теперь нераздѣльно завладѣла имъ.

Онъ слегка сгорбился, руку глубоко запустилъ въ карманъ, съ необычайной внимательностью присматриваясь къ лицамъ проходящихъ, лѣниво тащился, какъ человекъ, которому некуда спѣшить, но минуя тотъ домъ, окинулъ его молніеноснымъ, вѣрнымъ, какъ фотографическій аппаратъ, взглядомъ. Сторожъ дремалъ подъ воротами, большія сѣни были освѣщены, а въ глубинѣ двора маячили какія-то деревья.

— Слишкомъ свѣтло, на обратномъ пути можно было бы наткнуться на полицейскаго!— рѣшилъ онъ.

Черезъ два дома находилась галантерейная лавка, за огромнымъ стекломъ зеркальнаго окна лежали груды воротничковъ, сорочекъ и галстуковъ. Ендрусь осматрѣлъ каждый предметъ порознь, и, ничего не запечатлѣвъ въ своей памяти, повернулъ назадъ.

Онъ шелъ спокойно къ ближайшей поперечной улицѣ, посмотрѣлъ на полицейскаго, стоящаго на углу и повернулъ назадъ снова. Много разъ почти автоматически онъ повторилъ свою прогулку, ни на минуту не теряя изъ глазъ пустыхъ сѣней. Онъ прокрадывался подъ стѣнами какъ голодный волкъ, готовый каждый мигъ совершить прыжокъ, но не чувствуя ни малѣйшей тревоги, ни безпокойства. Онъ сторожилъ съ напряженнымъ до боли вниманіемъ, а думалъ больше объ играхъ дѣтей Игнаса, о дроздѣ, да до такой степени, что въ концѣ началъ насвистывать вальсъ, которому обучалъ его. По случаю праздника большинство магазиновъ было закрыто, на широкомъ тротуарѣ лежалъ мракъ, только кое-гдѣ перѣзанный струями свѣта, вырывающимися изъ оконъ выставокъ. Ендрусь не обращалъ на это никакого вниманія, и лишь только красный отблескъ, падающій изъ окна аптеки отъ какого сосуда, наполненнаго кровавою жидкостью, произвелъ на него ужасающее впечатлѣніе. Отблескъ этотъ казался лоснился пятномъ свѣжей крови, и Ендрусь обходилъ его съ неясной, глухою тревогою.

Надъ городомъ висѣла уже ночь; небо сѣровато-золотистое отъ зарева, падающаго на него снизу, окутывало высокіе, угрюмые дома, но улица попрежнему была шумна и переполнена народомъ; прогуливающіяся толпы скрещивались среди неустанныаго гомона; отъ времени до времени раскатывался громогласный смѣхъ, или слышалось дѣвичье хихиканье. Уличныя дѣвушки, ярко разодѣтыя, заглядывали въ глаза къ мужчинамъ и, словно разноцвѣтные мотыльки, пестрѣли среди черныхъ муравейниковъ праздничной публики. Деревянная мостовая глухо стучала подъ конскими копытами, громыхали пролетки, звонили трамваи, а отголосокъ тысячи шаговъ и тысячи голосовъ шумѣлъ какъ отдаленное море, шумѣлъ такъ, что отъ него колебались огоньки фонарей, стоящихъ, словно часовые, неподвижнымъ строемъ.

Подъ какими-то воротами сторожъ тихонько наигрывалъ на дудкѣ, въ отворѣ какихъ-то мрачныхъ сѣней держась за руки, стояла какая-то пара, мѣстами надъ вывѣсками неожиданно вспыхивали золотыя буквы какихъ-то надписей. Отъ времени до времени зашумятъ

деревья, обрамляющія тротуаръ, или человекъ, съ лоткомъ, висающимъ на шеѣ, затынетъ свою монотонную пѣсню:

— Сигары, папиросы, спички!

Ендрусъ все это видѣлъ, слышалъ и запоминалъ въ точности, но его все болѣе и болѣе началъ интересовать городской, стоящій на своемъ посту, потому что одинъ разъ, возвращаясь съ угла улицы, онъ услышалъ за собою какіе-то тяжелые, но мѣрные шаги. Ендрусъ нервно вздрогнулъ, но головы назадъ не повернулъ, спокойно стоя передъ выставкой магазина бѣлья. Великолѣпный галстукъ, красный съ зелеными полосками, бросился ему въ глаза, и Ендрусъ смотрѣлъ на него съ великимъ удовольствіемъ.

Рядомъ съ нимъ стояла дѣвушка съ манящей улыбкой на неестественно красныхъ устахъ. Ендрусъ безъ слова отодвинулся отъ нея и пошелъ въ свою сторону, но черезъ минуту увидалъ, что дѣвушка шествуетъ подъ руку съ какимъ-то старикомъ. Его затрогивала уже не одна, но неизвестно почему, онъ заинтересовался именно этою и бессознательно пошелъ за нею, минуя даже уголъ улицы.

Городовой все стоялъ на своемъ мѣстѣ подъ фонаремъ. Ендрусъ вдругъ остановился и поспѣшно пошелъ назадъ. Пробыло семь часовъ. Время для Ендруса тянулось страшно медленно. Онъ ждалъ цѣлый часъ, а *тотъ* все еще не показывался. Порою ему казалось, что онъ можетъ быть просмотрѣлъ и не замѣтилъ, какъ *тотъ* вышелъ... Правда, окна второго этажа освѣщены по прежнему, а ну какъ *онъ* случайно вырвался изъ его рукъ...

— Буду ждать всю ночь, и дождусь въ концѣ-концовъ!—рѣшилъ онъ, хотя чувствовалъ себя страшно утомленнымъ. Его пожирала горячка, онъ не могъ подавить въ себѣ внутреннюю дрожь, но ни на одно мгновеніе не поддавался ни колебанію, ни страху передъ своимъ страшнымъ замысломъ. Онъ даже не думалъ о томъ, онъ только подстерегалъ подходящую минуту... минуту удара. Два раза онъ увидалъ товарища, стерегущаго вдали, объяснился съ нимъ глазами, и они разошлись... Минуты ему начинали уже казаться вѣками.

— Куплю себѣ этотъ галстукъ послѣ недѣльнаго расчета.— размышлялъ онъ, стоя передъ выставкой.

Вдругъ онъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе, при видѣ сторожа, встающаго съ мѣста.

Какой-то прохожій пронзительно свистнулъ.

Ендрусъ отступилъ въ тѣнь и бѣгомъ полетѣлъ на противоположную сторону улицы, остановившись на минуту напротивъ во-

ротъ... Изъ глубины сѣней показалось двое людей взрослыхъ, высокій, крѣпкій мужчина, женщина и двое маленькихъ дѣтей.

— Наконецъ!—почти радостно крикнулъ Ендрусь, но какая-то страшная слабость охватила его на минуту, такъ что онъ долженъ былъ опереться о фонарь. Руки его тряслись, а внутренняя дрожь еще болѣе усиливалась и заставляла его дрожать какъ въ лихорадкѣ, но несмотря на все это онъ въ совершенствѣ владѣлъ собою, слѣдя жадными глазами, какъ эти люди выходятъ изъ воротъ... Мужчина что-то сказалъ сторожу, закурилъ сигару, взялъ жену подъ руку... дѣти пошли немного впередъ.

Какая-то тѣнь шла наравнѣ съ ними, не спуская съ нихъ взгляда, но спустя минуту стремительно ринулась впередъ, расталкивая проходящихъ и проскальзывая между экипажами и, описывая полукругъ, перерѣзала имъ дорогу. На тротуарѣ народъ уже порѣдѣлъ, Ендрусь снова наткнулся на заинтересовавшую его дѣвушку, но не замѣтилъ ее. Онъ медленно подвигался впередъ, пытаясь разсматривать проходящихъ, заглядывалъ въ лицо даже женщинамъ, но глаза безсознательно вели его за *тѣми*, и только ихъ и видѣли... Они шли посреди тротуара... Ендрусь видѣлъ ихъ въ промежутки, образовывающіеся между людьми, можетъ быть видѣлъ ихъ сквозь людей... онъ курилъ сигару... женщина тяжело налегала на его руку, выпячивая впередъ большой животъ... дѣти шли впереди, двѣ дѣвочки, та, что поменьше, прижимала къ груди обѣими ручонками игрушку, бѣлую собачку. Ендрусь выпрямился, вбирая въ себя воздухъ и пошелъ еще медленнѣе... они были уже въ нѣсколькихъ шагахъ... виденъ даже огонекъ сигары... ихъ раздѣляло только два человѣка... красное лицо *того* промелькнуло подъ фонаремъ... Ендрусь слегка съжился, какъ бы приготовляясь къ прыжку... руки онъ держалъ на рукояти ножа... вотъ они уже были почти передъ нимъ, въ какихъ-нибудь четырехъ-пяти шагахъ, Ендрусь услышалъ *ею* голосъ... сердце его страшно забилося, но онъ весь былъ—неумолимая воля, все исчезло изъ его чувства и памяти... Вотъ мимо него прошли разсѣбетавшіеся дѣвочки... Ендрусь пересталъ дышать... ихъ теперь раздѣлялъ только кровавый отблескъ, бьющій изъ оконъ аптеки... Еще два шага... онъ слегка пошатнулся... еще одинъ только шагъ... и... онъ столкнулся съ *ними*... сразу выпрямился и, какъ бы расходясь съ нимъ, со страшной силою всадилъ ему ножъ въ лѣвый бокъ...

Произошло это съ такой молниеносной быстротою, что пораженный ножомъ не издалъ ни малѣйшаго крика, только повачнулся, широко размахнулъ руками и упалъ навзничь... А Ендрусь пошелъ

дальше тѣмъ же самымъ тихимъ, разиѣреннымъ шагомъ. Поднялся крикъ, но Ендрусь не только не обернулся, но и бѣжать не могъ, потому что ноги подъ нимъ совершенно окоченѣли. Люди отчасти начали разбѣгаться, отчасти тѣсниться къ лежащему на тротуарѣ чловѣку, женщины, не соображая, что случилось, пытались поднять его, дѣвочки стояли перепуганныя до нельзя.

Спустя минуту какіе-то люди перенесли раненаго въ аптеку.

Ендрусь остановился и вмѣстѣ съ другими двинулся по направлению къ мѣсту происшествія. Онъ былъ только немного блѣденъ, но до такой степени спокоенъ и уравновѣшенъ, что найдя на тротуарѣ потерянную собачку, отнесъ ее въ аптеку дѣвочкѣ.

Тотъ уже умиралъ; онъ лежалъ на диванѣ, вытянувшись во весь ростъ, съ лицомъ искривленнымъ и блѣднымъ, какъ полотно, широко раскрытые глаза его были неподвижны, ротъ казался издавалъ какой-то нѣмой, страшный крикъ, обнаженная грудь залита начинающей стучаться кровью. Онъ порою еще хрипѣлъ, судорожно подергивалъ ногами и опять выпрямлялся. Спасенія уже никакого не было.

Люди безпомощно толпились въ угрюмомъ молчаніи, только женщина, поддерживающая его голову, отчаянно выла, а дѣвочки захлебывались отъ рыданій. Ендрусь, стоя въ тѣсной толпѣ, смотрѣлъ на умирающаго спокойнымъ, слегка сочувственнымъ взглядомъ, какимъ обыкновенно смотрять на вещи постороннія и даже неприятныя. Онъ какъ бы совершенно забылъ, что это онъ и убилъ его, что его ножъ пробилъ тотъ бокъ, изъ котораго плыла черная, пѣнящаяся кровь. Съ равнодушнымъ любопытствомъ онъ присматривался къ лицу умирающаго и сердце его ни разу не забилося живѣе ни жалостью, ни тревогой. Онъ стоялъ какъ другіе и смотрѣлъ, какъ другіе, словно на какое-нибудь рѣдкостное зрѣлище. Онъ еще ни въ чемъ не отдавалъ себѣ отчета. Часы ожиданія, засада, ударъ, — всѣ эти моменты только что пережитые, сразу утонули въ какой-то глубинѣ забвенія, какъ будто ихъ никогда и не было. Его растрогивалъ только плачь дѣтей, и была минута, когда онъ хотѣлъ было взять ихъ на руки, прижать къ груди и отереть слезы съ ихъ розовыхъ скорбныхъ личиковъ, какъ это дѣлалъ не разъ съ дѣтьми Игнасовой; пріѣхала скорая помощь, появилась и полиція, но Ендрусь стоялъ какъ вкопанный, до тѣхъ поръ, пока его кто-то насильно не вытащилъ изъ улицы.

— Съ ума ты сошелъ! Самъ лѣзешь въ лапы! удирай скорѣе!

— Да, правда!... А какъ обдѣлано, на славу, а?

Ему никто не отвѣчалъ. Онъ съ удивленіемъ оглянулся, — това

рища его и слѣдъ простылъ. Ендрусь стало какъ-то странно; онъ поднялъ воротникъ и старательно застегнулся. Ножъ лежалъ на старомъ мѣстѣ, — въ этомъ онъ убѣдился совершенно безсознательно. Тротуары почти совсѣмъ опустѣли, только кое-гдѣ чернѣли кучки прохожихъ; магазины закрывались; въ тѣни подъ стѣнами, соорились какія-то дѣвушки, а въ сѣняхъ раздавался смѣхъ служанокъ. Подъ фонарями стояло нѣсколько прометокъ, слѣпой музыкантъ, со скрипкою подъ мышкой, тащился, ощупывая палкой дорогу, все больше и больше загоралось оконъ въ домахъ, которые казалось наклоняются и заглядываютъ въ глубь пустыющей улицы; церковные часы опять что-то прозвонили. Ендрусь приостановился на углу, безсознательно поглядывая на городского, какъ вдругъ кто-то взялъ его подъ руку. Онъ смертельно перепугался, но не двинулся съ мѣста.

— Пойдемъ, мужичка хорошенькій?

Онъ весело разсмѣялся и обрадовался, что дѣвушка прижалась къ нему и, болтая, вела его за собою, но при свѣтѣ фонарей окидывала его лицо украдкой, какимъ-то страннымъ взглядомъ.

— Вы не видали, какъ какому-то человѣку распоролѣ брюхо?

— Гдѣ? кому?—Ендрусь точно пробудился отъ сна.

— Его уже взяла Скорая Помощь, но не довезетъ живого...

— Видѣлъ. . онъ лежалъ въ аптекѣ... дѣти кричали.—Ендрусь нервно вздрогнулъ.

— Должно быть, это шпионъ.—Дѣвушка съ тревогой осмотрѣлась кругомъ.—Сторожъ говорить, что его четверо подстерегали у воротъ.

— Не приставай ты ко мнѣ!—неожиданно вспыхнулъ Ендрусь.

— Чего это вы такъ раскипятились? Я и не пристаю... Ска-тертью дорога!—закричала обиженная дѣвушка.

Ендрусь вышелъ на Свентоянскую улицу, какъ разъ почти къ тому дому, гдѣ жила панна Юзя. По привычкѣ онъ поднялъ глаза вверхъ. Она четвертаго этажа такъ свѣтились огнями, что свѣтъ падалъ на башню костѣла. Ендрусь сплюнулъ на сторону съ завистливымъ недоброжелательствомъ и во всю мочь побѣжалъ домой, на Броварную.

Въ его квартирѣ никого не было, въ сосѣднихъ флигеляхъ кое-гдѣ свѣтились окна, потому что было всего только десять часовъ, зорота стояли открытыми. Внизу, въ подвальныхъ помѣщеніяхъ, всѣ окна горѣли огнями, а изъ квартиры прачки доносилась музыка и веселый шумъ многочисленныхъ голосовъ; тамъ пиръ еще продолжался.

Ендрусь поспѣшно переодѣлся, рубашку сжегъ въ печкѣ, ножъ бросилъ на самое дно сундучка, подъ одежду и началъ думать о томъ, что ему дѣлать. Пришло ему въ голову заглянуть на музыку, но охота эта скоро прошла. Онъ сдѣлалъ себѣ чаю и, медленно попивая его, смотрѣлъ черезъ дворъ на ряды ярко освѣщенныхъ оконъ, почти бессознательно заглядывая снизу во внутренность разныхъ квартиръ. У хозяина, подъ лампой, висѣвшей надъ круглымъ столомъ, писалъ что-то мальчигъ въ мундирчигъ, а какая-то худошавая барыня съ подвязанной щекою раскладывала пассьянсъ; рядомъ, у лавочкицы, дѣти возились въ комнатѣ съ собакой, дальше кто-то читалъ газету, а старушка сидѣла, обратившись плечами къ окну съ кошкой на колѣняхъ. Ендрусь поднималъ утомленные глаза къ окнамъ флигелей, и только въ послѣднемъ увидалъ наклоненную надъ работой голову сапожника еврея.

Музыка все громче и громче доносилась изъ квартиры прачки.

— Мѣхи не выдержатъ!—горестно проворчалъ Ендрусь, вслушиваясь въ разудалые тоны гармонии.

Михалъ заигралъ бѣшенный оберекъ, стѣны такъ и затряслись отъ топота ногъ, грянулъ взрывъ смѣха, а спустя минуту, когда все утихло, какой-то голосъ, молодой и звонкій, затянулъ:

Широка вода на Вислѣ...

Разскажи свои мнѣ мысли!

Пѣсня продолжалась довольно долго, такъ что Ендрусь вышелъ изъ терпѣнія.

— Чтобъ вамъ всѣмъ передохнуть! И гармонику мнѣ испортить, и спать помѣшаютъ...—Тутъ онъ залѣзъ въ свою берлогу за занавѣску и тотчасъ же заснулъ.

А на другой день, въ понедѣльникъ утромъ, хотя рука у него все еще болѣла, Ендрусь, какъ обыкновенно, пошелъ на фабрику и какъ обыкновенно принялся за обычную, тяжелую работу. Все вчерашнее точно провалилось въ немъ въ глубочайшую пропасть забвенія. Онъ убилъ челоуѣка и ни на одну минуту не чувствовалъ ни малѣйшихъ упрековъ совѣсти, не испытывалъ ни малѣйшихъ опасеній. Онъ убилъ челоуѣка и не думалъ объ этомъ, какъ не думалъ о какомъ-нибудь давно прожитомъ днѣ,—день этотъ былъ и прошелъ безъ слѣда. А когда посвященные въ дѣло удивлялись ему, Ендрусь говорилъ совершенно искренно:

— Если будетъ какая-нибудь новая работа, то я всегда готовъ... само собою разумѣется. Для дѣла я все сдѣлаю. Да и штука не велика, всякій сумѣетъ сдѣлать то же

Михалъ тоже хотѣлъ распросить его насчетъ вчерашнихъ замысловъ.

— Знаешь, я помирился съ тѣмъ франтомъ. Совсѣмъ порядочный парень,—предусмотрительно совралъ Ендрусь.

Но Михалъ все-таки недовѣрчиво смотрѣлъ на него, онъ зналъ его скрытную свирѣпость.

Еще вечеромъ того же самаго дня газеты широко распространились объ убійствѣ. Полиція разыскивала убійцу съ учетвереннымъ усердіемъ и весь городъ цѣлыхъ два дня говорилъ объ этомъ неслыханномъ преступленіи.

Говорили о немъ и на фабрикѣ, у сосѣднихъ товарныхъ и столярныхъ станковъ. Ендрусь съ улыбкой прислушивался къ разнымъ баснямъ объ убійцѣ, и это такъ искренно забавляло его, что не разъ онъ и самъ начиналъ объ этомъ разговоръ и строилъ рядъ совершенно невозможныхъ предположеній.

И Игнасова, только что онъ пришелъ домой, начала рѣчь о томъ же самомъ. Ендрусь не отозвался ни словомъ, а послѣ ужина забралъ дѣтей къ себѣ въ берлогу за занавѣску, а Манькѣ, которая сегодня все что-то хныкала, въ утѣшеніе обѣщала, что купить ей бѣлую собачку, которая сама прыгаетъ. Онъ припомнилъ игрушку той дѣвочки.

— Что это панъ Андрей, оглохли что ли вы сегодня?—обидѣлась Игнасова за его молчаніе.

— Я слушаю... какъ же! Ну, расскажите что-нибудь новенькое!—отвѣтилъ Ендрусь съ такимъ веселымъ смѣхомъ, что Игнасова гнѣвно разворчалась:

— Квартиранты тоже, шваль никуда негодная! Или по улицамъ таскаются, или спятъ, такъ что и словомъ перебинутся не съ кѣмъ. А носъ-то какъ задираютъ, Боже упаси!

Ендрусь взбѣсился, взялъ гармонику и сказалъ уже въ дверяхъ:

— Съ перваго же числа я могу и переѣхать отсюда; за два рубля и вездѣ найду себѣ помѣщеніе, только можетъ быть безъ таракановъ и безъ шума...

— Скажите пожалуйста, какой графъ отыскался!—даже тараканы, и тѣ ему помѣшали! Иди, чтобъ тебѣ шею свернуть,—кричала ему въ слѣдъ Игнасова, уязвленная въ самое сердце.

Ендрусь пошелъ къ еврею сапожнику и игралъ тамъ почти цѣлый вечеръ, окруженный кучей жиденятъ. Старикъ энергично работалъ, порою съ удовольствіемъ причмокивалъ и выбивалъ тагтъ молоткомъ, а когда Ендрусь уходилъ, шепнулъ ему тихонько:

— Я знаю, кого убили въ воскресенье... Чтобъ совсѣми такимъ тоже самое случилось... чтобъ ихъ...

— Можеть и случится!—Ендрусь улынулся и пошелъ спать, но не заснулъ сразу, какъ обыкновенно. Въ ухахъ у него безотвязно звучали почему-то слова Игнасовой, а потомъ на мысль пришла панна Юзя, и сердце его сразу переполнилось такою тоскою, что несмотря на все происшедшее, онъ рѣшилъ пойти къ ней въ ближайшее воскресенье.

Но до воскресенья было еще страшно далеко, столько длинныхъ дней и ночей!

И дни тянулись для него удивительно медленно, эти грустные дни поздней осени, сиротливые дни безъ солнца, сѣрые и угрюмые. Они вставали, окутанные удушливыми туманами, зловонной гнилью и грязью, а ложились дрожащiе отъ холода, среди плеска дождей. По ночамъ вѣтеръ блуждалъ по кровлямъ и свисталъ въ пустыхъ улицахъ, стонали безлиственные деревья, водосточныя трубы бормотали что-то убійственно однообразное, дома стояли черные и промокшіе насквозь, тяжелая тоска пронизывала всѣ сердца, и глухая тревога терзала всѣ души.

Ендрусь нетерпѣливо считалъ дни, потому что и его пожирала все болѣе и болѣе возрастающая тоска, такъ что онъ уже не могъ выдержать дальше, въ какой-то вечеръ полетѣлъ на Свентоянскую, но войти къ Юзѣ не посмѣлъ, посмотрѣлъ только на освѣщенныя окна, повздыхалъ и потащился домой.

Съ этимъ страстнымъ ожиданiемъ воскресенья онъ каждый день срывался съ постели при первомъ, отдаленномъ свисткѣ, схватывалъ жестянку съ кофеемъ и раньше времени мчался по длиннымъ, чернымъ улицамъ къ фабрикѣ, зiяющей дымомъ и свѣтомъ электрическихъ солнць, а когда раздавался второй свистокъ, уже входилъ въ свое отдѣленіе и занималъ свое мѣсто. И всегда съ одинаково странною дрожью, онъ ожидалъ перваго, какъ будто соннаго движенiя колесъ, перваго содроганiя желѣзныхъ колоссовъ и свистящаго трепета ремней, уносящихся все впередъ и впередъ въ бѣшенномъ размахѣ.

А потомъ когда машины начинали работать во всю, когда въ фабрика лихорадочно разогрѣвалась и по залѣ перекатывался страшный грохотъ, словно рычаніе расходившагося моря, Ендрусь усникоивался и, приступая къ работѣ, забывалъ о себѣ и обо всемъ мiрѣ.

И такъ его время прошло до полудня субботы. Онъ по обыкновенiю помчался на обѣдъ къ Игнасовой, торопливо съѣлъ его и бралъ

уже за шапку, когда Игнасова начала плаксиво-просительнымъ голосомъ:

— Можетъ быть вы вернетесь сегодня немного пораньше и посмотрите за дѣтми, а я на цѣлый вечеръ должна отправиться къ теткѣ,—знаете къ той, что содержитъ экипажи, къ Маниной крестной матери. Она что-то расхворалась и я у нея можетъ быть и на ночь останусь, а мой неизвѣстно когда возвратится.

Ендрусь далъ торжественное обѣщаніе и побѣжалъ на Браковское предмѣстье. Путь его такимъ образомъ удлинился, но ему захотѣлось посмотрѣть на красный галстукъ. Галстукъ еще лежалъ на выставкѣ и сейчасъ казался еще болѣе красивымъ.

— Зайду за нимъ вечеромъ, послѣ расплаты, — рѣшилъ Ендрусь, намѣреваясь нарядиться въ него для завтрашняго посѣщенія Юзи.

Минуя *тотъ* домъ, онъ невольно окинулъ взоромъ обна второго этажа,—они были открыты. Потомъ онъ заглянулъ вглубь аптеки, на диванъ, стоящій какъ разъ противъ двери, и спокойно пошелъ дальше. Сцену прошлаго воскресенья онъ вспомнилъ такъ холодно и равнодушно, какъ вспоминается какой-нибудь пустынный, уже полинявшій сонъ. Чѣмъ это могло интересовать его? Наконецъ, все это нужно было для дѣла...

«Одной гадиной меньше!» — думалъ Ендрусь, весело посвистывая и торопливо пошелъ впередъ, чтобы во время попасть на фабрику, но тутъ около костела св. Креста дорогу ему перегородило какое-то погребальное шествіе. Густая толпа заграждала всю улицу и тротуаръ.

Ендрусь равнодушно поглядывалъ на лица провожавшихъ и на оѣлые стихари всѣндзовъ. Гробъ уже вынесенный изъ-подъ воротъ, тяжело колыхался надъ обнаженными головами. Какой-то крикъ разорвалъ воздухъ, застонали жалобныя рыданія. Гробъ поставили на катафалкъ, покрыли вѣнками, всѣндзы загѣли и вся процессія двинулась въ ходъ. Ендрусь пошелъ въ свою сторону, но на углу Обозной сразу остановился.

— А можетъ это онъ?—ослѣпляющей молніей мелькнуло въ его головѣ.

Онъ обернулся, смертельно блѣдный и испуганно посмотрѣлъ впередъ: гробъ, какъ холмъ, покрытый цвѣтами и зеленью, возвышался надъ черною массою людей, надрывающее пѣніе звучало все тише и тише, заглушаемое грохотомъ экипажей.

— А можетъ быть...—простонало въ немъ это зловѣщимъ голосомъ и онъ шибко, безъ размышленія, бросился вслѣдъ за шествіемъ.

емъ. Онъ хотѣлъ въ точности убѣдиться во всемъ; вдалекѣ сверкала золотистая дощечка съ надписью, но Ендруся отъ нея отдѣляла густая толпа и онъ не могъ разобрать надписи. Перешелъ онъ на тротуаръ, что бы заглянуть сбоку и не рѣшился въ послѣднюю минуту. Ледяная дрожь пробѣжала по немъ, глаза что-то заволокло, ноги подкосились и онъ остановился на мѣстѣ изъ опасенія, что его предположенія оправдаются. Онъ боялся, и борясь съ собою, все сильнѣй и все болѣзненнѣй, слѣдовалъ за процессіей, точно ведомый непреодолимой силой. Этотъ гробъ вливался къ нему въ глаза, словно черная ладья, колыхающаяся надъ волною головъ, и плылъ передъ нимъ въ сѣромъ, печальномъ воздухѣ.

Ендрусь поближе придвинулся къ процессіи и окидывая всѣ лица разсѣянными, тревожными взглядами, замѣтилъ, какъ разъ за гробомъ, женщину въ траурѣ и двоихъ дѣтей. Онъ вздрогнулъ и скорчился, какъ бы подъ ударомъ.

— А можетъ быть это его?...

Процессія теперь отодвинулась довольно далеко, а Ендрусь все еще стоялъ у стѣны какого-то дома, потрясаемый бурей ужасающихъ мыслей,—онѣ завывли, какъ ураганъ и охватили его дикимъ, ледянымъ страхомъ. Онъ не понималъ, что съ нимъ дѣлается и напрасно пытался понять, трепетными рѣсницами напрасно старался стряхнуть льющійся на нихъ потокъ молній; глаза его становились безсильными и онъ погружался въ хаосъ, все больше и больше подвергался влиянію ничѣмъ неудержимаго вихря. Мысли его разсыпались, какъ песокъ изъ лопнувшего сосуда, а сердце мало-по-малу насыщалось ужасомъ.

И онъ снова пошелъ вслѣдъ за процессіей, потому что долженъ былъ идти, какъ бы прикованный къ ней необъяснимою боязнью, точно изъ гроба выставлялись къ нему навстрѣчу какія-то страшныя руки и тащили его за волоса.

Погребальные напѣвы сыпались на сердце пепельною пылью звуковъ. Ендрусь опаматовался на минуту, оглянулся вокругъ недоумѣвающимъ взоромъ, пытаясь связать паутинныя нити сознанія.

— Гдѣ я? Что это за люди?...

Но пѣніе утихло, людская волна понесла его за собою, а гроб снова приковалъ къ себѣ, такъ что онъ снова погрузился въ мучительный сонъ на яву.

День стоялъ сѣровато-зеленый, сухой, свирѣпо свистѣлъ вѣтеръ небо нависло надъ землей, низкое и полинялое, какъ глаза, выѣденныя слезами: хмурые дома свѣтились запотѣвшими окнами, башни костеловъ рвались сверху, словно умоляющій и окаменѣвшій воп

существовъ, навѣки прикованныхъ къ землѣ; деревья гнулись въ одну сторону, какъ бы жалуются на что-то землѣ своими обнаженными вѣтвями. А рядомъ съ процессіей проносились экипажи, тянулись нагруженные телѣги, звенѣли трамваи, и всюду вокругъ кипѣла бойкая и полная жизнь дня, какъ пѣнищаяся чаша, раздавались могучіе, обычные звуки дня, совершенно чуждые и страшно далекіе для того человѣческаго праха, для той грудки земли, которая скатилась съ поля жизни и, мертвая, падала въ противоположную сторону, — въ сторону смерти.

И душа Ендруся, которая съ кровавымъ усиліемъ освобождалась отъ узъ жизни и распиналась на крестѣ муки, уже предчувствовала какую-то неясную и страшную правду... Онъ все болѣе и болѣе приближался къ ней, а она разрасталась въ немъ своею разѣдающею сущію, уже вползала въ него, какъ змѣя обвивая сердце кольчатыми извилами ужаса, она даже ему въ черепъ стучала, какъ скелеть, сухимъ, неумолимымъ пальцемъ... Но Ендрусь еще защищался отъ нея могучимъ инстинктомъ самосохраненія; приходили минуты, когда остаткомъ воли, всѣмъ безуміемъ отчаянія онъ вырывался на поверхность жизни и бѣжалъ изъ заколдованнаго круга. Тогда къ нему возвращалось полное сознаніе собственнаго я. Онъ отгонялъ неотступныя видѣнія и презрительно давилъ въ себѣ страхъ.

— Бѣ чорту всѣ эти нѣжности! А можетъ быть это и не онъ? Да наконецъ, что такое случилось особенное? не человѣка я убилъ, а только шпиона! — бросалъ онъ себѣ самоувѣренно и вызывающе, отставая отъ процессіи, но прежде чѣмъ успѣвалъ убѣжать изъ круга торжественныхъ напѣвовъ, прежде чѣмъ успѣвалъ ухватиться за жизнь, — совѣсть снова схватывала его желѣзною рукою и влекла назадъ за гробомъ. И онъ шелъ еще болѣе покорный той таинственной волѣ, непонимающей еще какъ слѣдуетъ ужасъ собственнаго дѣянія и это снова погружало его въ бездны невыразимаго страха. Онъ шелъ какъ трупъ, автоматическимъ движеніемъ, всматриваясь въ какую-то неразгаданную даль.

Онъ не зналъ, когда перешли черезъ мостъ, ни когда миновали послѣдніе дома предмѣстья, ни когда вошли на широкую, пустую дорогу, — онъ не зналъ ничего.

Сумерки уже осыпали міръ пепельной, тяжелою пылью, вѣтеръ все усиливался, придорожныя деревья метались съ жалобнымъ стономъ, погребальное пѣніе раздавалось глухо, словно трепетъ невидимыхъ крыльевъ, съ пустырей и онѣмѣвшихъ полей вѣяло печалью смерти, изъ невидимыхъ жилищъ струились желтоватыя струи огня, словно хороводъ заспанныхъ надгробныхъ свѣчей, всѣ формы уже

расплылись, а изъ мрака поднимались какія-то отвратительныя, неразгаданныя видѣнія.

Ендрусъ шелъ все тяжелѣе и какъ бы падалъ въ неопредѣленное пространство, но когда процессія остановилась передъ кладбищемъ, безсознательно укрылся за какимъ-то деревомъ и смотрѣлъ, забывая обо всемъ...

Гробъ подняли на рукахъ, шествіе сомнулось и двинулось по длинной, мрачной аллеѣ, съ смоляными факелами, которые вспыхнули, словно огненные кустарники, борящіеся съ вѣтромъ, въ погребальныхъ напѣвахъ зазвучали угрожающія ноты и вмѣстѣ съ тѣмъ вновь раздался плачь и крики. Колокола отозвались такимъ боязливымъ, растеряннымъ гимномъ, что казалось, будто все кладбище рыдалось и рыданіемъ своимъ наполнило весь воздухъ...

Ендрусю сдѣлалось страшно: дикая спазма боли схватила его за сердце и палящія слезы потекли изъ его очей, странныя слезы необъяснимой боли и тоски...

Онъ тащился вслѣдъ за другими.

Хмурый, осенній вечеръ окутывалъ землю въ изорванные, поусгнившіе лохмотья, песчаные бугры желтѣлись, какъ чашки высохшихъ череповъ, деревья тревожно шумѣли, а бѣлыя березки тряслись съ такимъ отчаяніемъ, какъ будто каждую минуту должны были припасть на могилу. Дорогу Ендрусю поминутно заграждали кресты, зловѣще распространяя свои черныя объятія, могилы вырастали передъ нимъ неисчислимымъ рядомъ, какіе-то кусты хватили его за одежду, какіе-то памятники и плиты неожиданно представляли передъ нимъ, а колокола все звонили и звонили рыдающимъ и отчаяннымъ звукомъ, какъ будто каждая могила въ отдѣльности взывала о помилованіи...

Процессія свернула куда-то въ сторону и исчезла изъ глазъ Ендруса, словно растаяла во мракѣ.

Ендрусъ безпомощно осмотрѣлся вокругъ, потому что вдаль слышались еще какіе-то напѣвы и виднѣлись еще какіе-то огни, но откуда они доносились, онъ сообразить никакъ не могъ и пошелъ за какою-то другою процессією.

Процессіи подвигались одна за другою безконечнымъ хороводомъ гробовъ, рыданій, огней и хоровъ; Ендрусъ шелъ за каждою и при каждомъ гробѣ, когда рыданія раздирали воздухъ, когда крики вырывались какъ проклятія, когда раздавался отвратительный стукъ земли о гробовую крышку, — Ендрусъ какъ другіе, испытывалъ невыразимыя муки и плакалъ кровавыми слезами. Ему казалось, что онъ утратилъ какое-то самое дорогое существо и что теперь онъ пре-

дается во власть вѣчной ночи и мрака, и, точно такъ же, какъ другіе, преклонялъ колѣна, молился, кричалъ и точно такъ же чувствовалъ всю величину понесенной потери, и горечь одиночества, и муку вѣчной разлуки, и отчаяніе сиротства.

Его душа теперь блуждала, какъ ослѣпшая птица въ безконечности и онъ самъ даже не сознавалъ, какъ очутился съ толпой какихъ-то людей въ трактирѣ, наполненномъ другими людьми въ траурныхъ одеждахъ и съ заплаканными лицами.

Слуги разносили пиво, варенныя сосиски и кусочки сыра, изъ кухни отъ времени до времени доносился голосъ колокольчика, порою въ разныхъ углахъ огромной залы слышались рыданія или отчаянныя жалобы, перемѣшанныя съ стукомъ рюмокъ и тихимъ шопотомъ воспоминанія о покойникѣ. Нѣсколько человѣкъ, закусывая у буфета, весело болтали съ толстой хозяйкою, а въ углу на вучахъ верхняго платья спали дѣти, утомленные плачемъ.

Ендрусь сидѣлъ передъ неначатой кружкой, напрасно стараясь вспомнить, кого именно онъ похоронилъ? А потомъ, когда трагическое настроеніе залы еще болѣе подняло его нервы и самъ отъ времени до времени раздражался спазмодическимъ плачемъ. Тогда безмѣрная боль пронизывала его сердце и пригибала его къ землѣ, какъ будто всѣ эти гроба, всѣ эти трупы и всѣ эти могилы свалились на него. Онъ почувствовалъ себя какъ бы виновнымъ во всѣхъ этихъ жалобахъ, каждая капля этихъ отчаянныхъ слезъ камнемъ падала на него и поражала прозрѣтіемъ. Онъ склонялся все ниже и ниже въ страшномъ сознаніи собственной вины. Порою такая скорбь отражалась на его лицѣ и смотрѣла изъ его глазъ, что сердобольные люди обращались къ нему со словами сочувствія.

— Послушайте, нельзя же такъ отчаиваться! Милосердый Богъ смилуется надъ сиротами. И я сегодня похоронила мужа. И я такая же сирота, какъ вы, я все понимаю...

И женщина, утѣшающая его, разразилась неудержимымъ рыданіемъ, а съ другой стороны какой-то мужчина дружески прикоснулся краемъ своей кружки къ его еще непочатой кружкѣ.

— Бодритесь нужно, вотъ что, дорогой мой! Господи, вы еще такъ молоды, а мой покойникъ...

Ендрусь даже не понималъ, что она обращается къ нему.

— Не нужно поддаваться горю. Носъ вверху, милѣйшій! И я, сударь мой, хороню уже вторую жену, а всетаки живу кое-какъ... Трудно, что говорить, но воля Божія... А баба-то какая была! Затанцовалась, потомъ напилась холодной воды и конецъ, милѣйшій мой!—шпатель мужчина, выжимая пальцами пиво изъ усовъ.

Ендрусъ не слыхалъ и этого. Онъ глядѣлъ на всѣхъ, какъ изъ какой-нибудь пропасти, куда человѣческіе голоса уже не доходятъ.

Народъ все прибывалъ и прибывалъ въ трактиръ, такъ что едва одни рыданія смолкали, какъ начинались другія. Вся зала безъ прерыва дрожала отголосками стонувъ и жалобъ. Изъ каждаго угла, за каждымъ столикомъ рыдали жалобные голоса и горевало людское несчастіе, но слуги все разносили пиво и водку, тарелки по прежнему стучали, въ комнатахъ распространялся противный запахъ прокисшаго пива и сосисокъ.

— Вѣроятно вы по матери горюете?—спросилъ у Ендруса какой-то мягкой голосъ.

Наконецъ онъ услышалъ, долго всматривался въ чье-то доброе лицо и сказалъ:

— Я убилъ человѣка!...

Онъ какъ бы пришелъ въ себя послѣ этого невольнаго признанія и почувствовалъ неизмѣримое облегченіе. Потомъ онъ осмотрѣлся кругомъ, сознательно, хотя и грустно.

Его окунули взгляды, полные сочувствія; кто-то постучалъ себя пальцемъ по лбу, кто-то отодвинулся отъ него.

Ендрусъ поднялся и медленно вышелъ наружу.

Стояла уже ночь, надъ городомъ горѣло зарево, въ неизмѣримой пучинѣ ночи сверкали тысячи огоньковъ, словно неисчислимые очи смотрѣли со всѣхъ сторонъ, глухой, отдаленный шумъ города неустанно гудѣлъ.

Ендрусъ остановился только на мосту, да и то для того, чтобы отдохнуть.

Онъ оперся на балюстраду и уставился въ таинственный мракъ, въ тихо проплывающія волны; влажное дуновеніе охлаждало его разгорѣвшееся лицо, а вода плескала тихо-тихо, усыпляюще, съ такимъ страннымъ и сладкимъ умиротвореніемъ, что Ендрусъ съ трудомъ оторвался отъ балюстрады.

— Виновенъ!—шепталъ онъ, какъ бы только своей собственной душѣ.

Но вдругъ онъ остановился... передъ нимъ показался трупъ убитаго... онъ лежалъ какъ бы поперекъ тротуара... распоротая грудь истекала кровью... лицо искривила мука кончины...

Ендрусъ не испугался ни на минуту, только протеръ глаза и пошелъ, но впередъ смотрѣть не смѣлъ, потому что чувствовалъ, что *тотъ* долженъ быть передъ нимъ. Черезъ замкнутыя вѣки онъ видѣлъ его такъ же хорошо, какъ тогда въ аптекѣ... лежитъ на диванѣ.

нѣ... весь въ крови... при послѣднемъ издыханіи... Онъ слышитъ плачь дѣтей...

Но долго онъ выдержать это не могъ, и, дойдя до Спуска, метнулся, какъ сумашедшій и летѣлъ, расталкивая прохожихъ.

Игнасовъ дома не было, только луна свѣтила прямо въ окно, а дѣти спали нераздѣтыми, но когда Ендрусъ вошелъ въ комнату, проснулись, и мальчикъ заплакалъ, жалуясь на то, что онъ голоденъ. Ендрусъ успокоилъ ихъ, заботливо накормилъ, прочиталъ съ ними молитву, раздѣлся самъ и легъ въ постель.

А когда все утихло, прежняя буря вновь разыгралась въ немъ... послѣдняя буря.

— Да, виновенъ!—шепталъ онъ сурово, пытаясь оправдаться передъ неумолимымъ трибуналомъ совѣсти, но увидавъ передъ собою трупъ, безнадежно преклонилъ голову.

— Я былъ обязанъ... вѣдь онъ...—И этихъ доказательствъ не хватало, всѣ оправданія казались ему теперь ничтожными и глупыми, передъ признаніемъ собственной вины и передъ совѣстью.

— Я убилъ человѣка!

Онъ тотчасъ же торопливо вскочилъ на ноги и досталъ изъ сундучка ножъ... ножъ уже заржавѣлъ отъ присохшей крови. Ендрусъ съ отвращеніемъ бросилъ его на столъ передъ окномъ и смотрѣлъ на него исподлобья... Луна свѣтила ясно и искрилась на тонкомъ лезвеѣ...

Ендрусъ придвинулся ближе и медленно протянулъ руку... ножъ какъ бы дрогнулъ, казалось онъ самъ подползаетъ къ нему... приближается... конецъ его загорается какимъ-то огонькомъ... онъ извивается, какъ жало, жаждущее крови...

Ендрусъ немного попятился, но, послушный какому-то могучему внутреннему велѣнію, схватилъ рукоять и увѣреннымъ, страшнымъ ударомъ вонзилъ себѣ въ сердце холодное желѣзо

— Теперь мы квиты!—шепнулъ онъ.

Уста его расцвѣли улыбкой и онъ свалился на полъ.

Пер. В. М. Л.

ВЪ БУРНЫЕ ГОДЫ).

(Романъ.)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Впередъ!

Баронесса Ферзенъ ѣхала по Невскому проспекту въ своей маленькой каретѣ, гдѣ она помѣщалась среди множества свертковъ и картонокъ разныхъ величинъ и фасоновъ. Все утро Ольга Николаевна провела въ магазинахъ, отбирая разные мелочи для аллегри на ихъ «славянскомъ вечерѣ» въ пользу добровольцевъ.

На театрѣ войны затишье, но конецъ перемирія уже близится. Бесплодные потуги международной дипломатіи попрежнему не даютъ никакихъ серьезныхъ надеждъ и только возбуждаютъ все сильнѣе печать и общество. Всѣ эти пышныя конференціи, грозныя ноты и меморандумы взвиваются блестящими ракетами въ напряженной донелъзя атмосферѣ, чтобы тутъ же погаснуть безслѣдно передъ взорами негодующей Европы.

Событія борьбы идутъ мимо нихъ собственнымъ неуклоннымъ, грознымъ ходомъ.

Разразилась болгарская рѣзня, пронеслась вѣсть объ убійствахъ въ Солоникахъ, и вотъ уже маленькая геройская Сербія въ отчаянной схваткѣ съ грознымъ врагомъ.

...А у насъ!... въ отвѣтъ на потоки братской крови—одни таинственныя совѣщанія да секретныя засѣданія за закрытыми дверями, разрѣшающіяся шаблоннымъ краснорѣчіемъ бумажныхъ актовъ, въ которые ни одинъ ребенокъ больше не вѣритъ. Мысль и чувство великаго народа бьютъ въ эту глухую дверь нарастающимъ напоромъ своихъ валовъ... Роль словъ кончена.

*) *Русская Мысль*, кн. VII, 1906 г.

... «Война! война!» несется грознымъ кличемъ изъ конца въ конецъ русской земли.

Всѣ умы прикованы къ одному вопросу: связывая съ нимъ личные расчеты и мечты или увлеченные безкорыстно состраданіемъ, или грезя широкими обобщеніями, молясь восходящему солнцу свободы въ этомъ кровавомъ туманѣ народнаго возстанія.

Настроеніе быстро идетъ вверхъ. Никто не интересуется меркантильными *выкладками*, при помощи которыхъ трезвые голоса зываютъ къ разсудку, напоминая, что *страна* есть органическое цѣлое: ея чрезвычайныя затраты и жертвы падутъ не на отвлеченное, льстящее національной гордости понятіе «сѣвернаго колосса», а все на тѣ же изнуренныя плечи вчерашняго раба, которому ничего не говорятъ мудренныя географическія названія и историческія имена.

Но статьи «не военнаго» успѣха не имѣли. Ихъ цѣнили тѣ, кого обращать и не требовалось. Ольга Николаевна въ глубинѣ души почти стыдилась ихъ, переводя для себя безошибочно интонаціи корректныхъ фразъ и сострадательныхъ взглядовъ своихъ новыхъ друзей.

Ольга Николаевна дѣлаетъ поразительные успѣхи, вырабатывая себѣ тотъ упрощенный «стиль», гдѣ нельзя выходить изъ района элементарныхъ чувствъ и освященныхъ исторіей традицій. И это было тѣмъ труднѣе, что при всемъ увлеченіи «дѣломъ славянъ» она не могла же, и отнюдь не желала, порвать со своимъ прошлымъ. Не могла столь скомпрометированная въ извѣстномъ смыслѣ баронесса Ферзенъ внезапно заговорить на давно ею осмѣянномъ «московскомъ жаргонѣ».

Но вѣдь ей именно хотѣлось говорить, звать, будить сердца!... Она проявляла большую энергію и изобрѣтательность въ изысканіи способовъ собирать пожертвованія на санитарныя и военные добровольные отряды. Ея перу принадлежало анонимное «воззваніе», которое произвело несомнѣнное впечатлѣніе неподдѣльно-вдохновеннымъ чувствомъ которымъ оно было проникнуто.

Вращалась она теперь почти исключительно въ военномъ кружкѣ, гдѣ играютъ роль два брата Волжины. Полковникъ Волжинъ тоже рвется въ Сербію; онъ уже получилъ на это разрѣшеніе,—но въ самую послѣднюю минуту ему приказано остаться.

Воинственные слухи множились съ каждымъ днемъ. Говорили о негласныхъ перемѣщеніяхъ частей, о спѣшныхъ приготовленіяхъ во всѣхъ отрасляхъ военнаго хозяйства. Воздухъ переполняется загадочными надомолвками, намеками, таинственными минами (секреты не существуютъ вѣдь помимо людей). Нашъ курсъ быстро падалъ. Коммерческій міръ волновался. Бричали громко о преимуществахъ

войны передъ разорительностью неопредѣленно угрожающаго положенія.

Безсмѣннымъ адъютантомъ Ольги Николаевны во всѣхъ ея хлопотахъ былъ Кириллъ Сушинъ. Онъ служилъ передаточнымъ звеномъ въ сношеніяхъ съ такими лицами, съ кѣмъ баронесса почему-либо не желала сталкиваться лично, какъ, напримѣръ, съ Константиномъ Баскинымъ.

Въ случаѣ войны Константинъ Львовичъ готовился немедленно отправиться на Балканы въ числѣ высшихъ представителей славянскаго комитета. Онъ былъ особенно полезенъ своимъ знакомствомъ со всѣми славянскими нарѣчіями.

Кириллъ, безъ памяти влюбленный, надѣялся, что и его прелестная героиня не остановится на полусушительныхъ, полусерьезныхъ порываніяхъ *туда!* Однажды Ольга Николаевна высказалась, что она могла бы уѣхать въ Сербію не иначе, какъ во главѣ отряда, снаряженнаго ея личными усилиями, и съ тѣхъ поръ Сушинъ былъ въ неустанныхъ поискахъ такихъ капиталистовъ, которые пожелали бы пожертвовать на это крупную сумму... Слава Богу, не оскудѣла его родимая матушка Бѣлокаменная!...

Сидя въ каретѣ, Ольга озабоченно думала о послѣднемъ проектѣ Кирилла, буквально не дававшего ей вздохнуть уже цѣлую недѣлю. Онъ настаиваетъ, что она должна сама съѣздить въ Москву. Давно уже идетъ дѣятельная переписка, подготовившая почву, но по его убѣжденію для полного успѣха необходимо личное участіе баронессы Ферзенъ.

Жутко отъ одной мысли явиться въ роли *просительницы* въ палатахъ богатѣйшаго, но совершенно старозавѣтнаго коммерсанта. Кириллъ съ упоеніемъ твердитъ, что коли попасть «подъ счастливую руку», такъ его «борода» способенъ безъ лишнихъ каляканій выкинуть на столъ цѣлое состояніе.

...Ну, а если минута выпадетъ неудачная?...

...Если ее ждетъ оскорбительный отказъ, какая-нибудь дикая выходка зазнавашаго самодура?...

Ольга Николаевна настаиваетъ на этомъ рискѣ, но... но ея колебаніе, конечно, не въ этомъ!

...Что скажетъ Баскинъ?

До сихъ поръ у нея рѣшимости не хватаетъ заговорить съ нимъ объ этомъ. Кириллъ, разумѣется, понимаетъ, въ чемъ главное затрудненіе и настоятельно совѣтуетъ «взять это всецѣло на себя»... Но вѣдь это небольшое, какъ красивая формула, прикрывающая постыдное малодушіе: «Взять на себя», на языкѣ Кирилла значитъ по-

просту съѣздить въ Москву тайкомъ отъ человѣка, съ которымъ у нея не было тайнъ.

Ольга Николаевна возмущалась и понимала все безразсудство такого совѣта. Нѣтъ, одно изъ двухъ: отказаться вовсе отъ безумнаго плана или открыто пойти навстрѣчу всему...

Она сказала Сушину, что въ Москву не поѣдетъ. Если нельзя ограничиться перепиской, такъ объ этомъ и разговаривать больше нечего. Кириллъ забросалъ ее упреками. Итакъ, «капризы» Сергѣя Львовича перевѣшиваютъ такое серьезное дѣло, какъ лишній санитарный отрядъ?...

Они поссорились, насколько Кириллъ способенъ поссориться со своимъ кумиромъ.

Но Ольга Николаевна не успокоилась. Разъѣзжая цѣлое утро по мелочнымъ хлопотамъ предстоящаго вечера, закуная массу пустяковъ, поглотившихъ однако довольно крупную сумму денегъ, она все больше и больше раздражалась на эту мизерную, ничтожную возню. Всѣ эти подписки, сборы, вечера и концерты не могутъ дать и четвертой доли того, сколько, по увѣреніямъ Кирилла, способенъ «отвалить» не сморгнувъ московскій крезъ, задѣтый за живое трогательнымъ краснорѣчіемъ петербургской свѣтской красавицы.

...И до чего все это надоѣло! какъ опротивѣло! Вѣчное, мелкое попрошайничество, постоянное изощреніе всѣхъ своихъ способностей, для того, чтобы сорвать съ публики тотъ рубль, котораго она не желаетъ дать добровольно... Годы, лучшіе годы уходятъ на это...

Ее невыразимо соблазнило новое, большое, возвышенное дѣло. Что коли и въ самомъ дѣлѣ она можетъ купить его этой цѣной,—цѣной серьезнаго столкновенія съ Сергѣемъ? Это такъ, не для чего себя обманывать!

Лицо Ольги принимало печальное и оскорбленное выраженіе. Онъ не хочетъ понимать ее! На каждомъ шагѣ онъ становится преградой въ этомъ увлеченіи, за которое всѣ другіе осыпаютъ ее восторгами. Сергѣй Баскинъ точно пересталъ быть сострадательнымъ и отзывчивымъ. Могла ли она ожидать чего-нибудь подобнаго?

Всѣ вокругъ нея съ восторгомъ говорятъ о войнѣ, всѣ желаютъ, призываютъ войну, всѣ готовятся къ высокому подъему освободительныхъ подвиговъ. Но онъ, только онъ одинъ, этотъ апостолъ свободы и справедливости, онъ отравляетъ ея одушевленіе своимъ безпощаднымъ скептицизмомъ, своей мрачной критикой.

...Въ этомъ страшно сознаться... но минутами ей бываетъ просто оскорбительно за него передъ новыми друзьями... О, какъ она въ него вѣрила, какъ любила его! Каково ей видѣть, если какой-

о томъ, что аллегри обойдется значительно дороже, чѣмъ они считывали и проч., и проч.

И все потому, что она поглощена другимъ, что она не въ состояніи посвятить всю себя «этой скукѣ» съ прежней энергіей. Такъ и не послала до сихъ поръ Артаева къ Полинѣ Львовнѣ Муратовой... У той пропасть всякихъ игрушекъ, да наконецъ и сработать что-нибудь могла бы для аллегри отъ нечего дѣлать... И хорошенькая кузина Волжиныхъ отдѣлалась одними обѣщаніями... Вѣдь тутъ нужно ловить людей на словѣ, не оставлять имъ возможности улизнуть.

Забываетъ множество вещей, о которыхъ некому подумать, кромѣ нея... вѣдь она всѣхъ избаловала своимъ усердіемъ!

Съ какой стати она чувствуетъ какую-то неловкость передъ этой пустенькой барынькой, что ей до его кузины?

Бучеръ остановился передъ магазиномъ, куда она ѣхала, но Ольга Николаевна передумала: она приказала повернуть назадъ и дала адресъ той самой кузины Волжиныхъ, съ которой ей неприятно встрѣчаться. Ей какъ будто хотѣлось наказать себя...

Богда часа черезъ полтора Ольга Николаевна пріѣхала домой, ей доложили, что безъ нея заѣзжали полковникъ Волжинъ и Сергій Львовичъ и оба приказали передать баронессѣ, что будутъ у нея вечеромъ. Одного этого было совершенно достаточно, чтобы лишить ее покоя на весь слѣдующій день.

Сущинъ ждалъ за книгой въ ея кабинетѣ. Онъ привезъ письмо. Московскій крезъ предупрежденъ, что его намѣревается посѣтить извѣстная дѣятельница изъ Петербурга. Маленькій человѣчекъ, черезъ котораго Кириллъ велъ свой подкошъ, видимо начинаетъ терять терпѣніе и недоумѣваетъ: чего ради тревожили его попусту, и зачѣмъ дѣло стало, когда у него все «на мази»?...

— Скажите лучше прямо, ему обѣщана взятка?—спросила Ольга брезгливо.

Кириллъ поправилъ сползающіе очки и безпечно разсмѣялся. Неужели она такъ наивна, что ждетъ безкорыстнаго усердія отъ подобныхъ субъектовъ? Человѣчку обѣщана тысяча рублей въ случаѣ полной удачи, и половина, если получено будетъ меньше извѣстной суммы.

— Вы видите, какъ я осмотрителенъ?—похвастался Кириллъ.

— Ну-съ, а подъ какою же рубрикой должна фигурировать эта взятка въ нашихъ отчетахъ?—спросила Ольга умышленно-небрежно.

— Такихъ вещей, Ольга Николаевна, не обсуждаютъ заранѣе, позвольте-съ вамъ это замѣтить!—не смутился ничуть ея собесѣдникъ.—Сдѣлайте только, чтобы деньги были пожертвованы, а уже

въ остальномъ все пойдетъ какъ по маслу, ручаюсь вамъ. Весь персоналъ я вамъ представлю на подборъ! (Кириллъ съ чувствомъ причмокнулъ кончики пальцевъ.) Вотъ только господь врачей даромъ не получишь, впрочемъ, и то еще нужно позондировать. Мнѣ вчера показывали образцы коекъ для раненыхъ... вы себѣ представить не можете, что это за прелесть, чистая игрушка!

...Но это свыше ея силъ, не увлекаться подобными разговорами!

Кириллъ прекрасно видѣлъ это. Онъ выслушивалъ ея рѣзкіе отказы, приглядываясь къ выраженію лица, и завтра начиналъ сначала, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Помните ради Бога, Ольга Николаевна, — завтра *во что бы то ни стало* я долженъ отписать рѣшительный отвѣтъ, — повторилъ онъ умоляюще нѣсколько разъ на прощанье.

Въ этомъ году барону Ферзену пришлось значительно сократить свою обычную заграничную поѣздку вслѣдствіе экстреннаго порученія, вызваннаго чрезвычайными внутренними смутами. Больше чѣмъ когда-нибудь баронъ принадлежалъ всецѣло своимъ обязанностямъ; но въ то же время его никогда еще не интересовала такъ живо внѣшняя политика.

Баронъ былъ за войну. Его, какъ законника, приводили въ негодованіе нѣкоторыя правонарушенія и прискорбныя фіаско въ сферѣ международныхъ отношеній. Старый чиновникъ карательнаго вѣдомства не могъ допустить, чтобы Турціи «сходило съ рукъ» ея беззастѣнчивое «манкированіе» европейскому ареопагу.

Не менѣе тяжело ложится на вѣсы и политика внутренняя: такое наглядное проявленіе могущества, какъ военныя побѣды, надо надѣяться, не останется безъ воздѣйствія въ домашнихъ сферахъ, распатанныхъ систематическимъ «ослабленіемъ старыхъ основъ».

Такимъ образомъ увлеченіе Ольги славянскимъ вопросомъ и ея патриотическое одушевленіе супругу пришлось несравненно болѣе по сердцу, чѣмъ то, что онъ называлъ ея «либеральными грѣшными». Блестящій полковникъ Волжинъ своей гвардейской выправкой и аристократическими тенденціями также для барона симпатичнѣе горячаго и нетерпимаго Баскина, съ его крайними мнѣніями и демократическими поведеніями.

Бъ тому же, острота перваго впечатлѣнія не повторяется никогда больше. Съ годами баронъ успѣлъ привыкнуть къ тому, что его молодая жена не можетъ обходиться безъ друзей. Благодаря Бога, это все благовоспитанные люди, умѣющие жить въ свѣтѣ и справляться съ щекотливыми положеніями. Баронъ все больше проникался довѣ-

пріемъ къ житейскому такту супруги и рѣже его преслѣдуетъ призракъ «скандала», такъ долго отравлявшій ихъ существованіе.

Въ жизни не должно быть ничего эксцентричнаго, ничего-противорѣчащаго строгому формализму всего его міровоззрѣнія. Опримечивый выборъ подружки жизни могъ бы въ концѣ-концовъ разыгратъ и гораздо хуже... Баронъ приписывалъ единственно собственной выдержкѣ и систематичности столь благополучный исходъ первыхъ, бурныхъ столкновеній.

Зато профессія короннаго юриста подошла какъ нельзя лучше къ сухой натурѣ остзейца, чуждой всякихъ порывовъ и свободныхъ движеній. Служебное честолюбіе исчерпывало вполне его интимный міръ. Блестящая карьера развивалась быстро, но въ то же время солидно, такъ сказать, органически—безъ опасныхъ и шаткихъ ступенекъ случайныхъ милостей или неустойчивыхъ комбинацій. Баронъ Ферзенъ не могъ взлетѣть нежданно-негаданно на такія высоты, съ которыхъ рискуешь слетѣть такъ же внезапно; но нѣтъ ничего удивительнаго, если въ его затаенныхъ мечтаніяхъ начиналъ вырисовываться все правдоподобіе министерскій портфель, какъ достойный вѣнецъ труженническаго пути.

Естественно, что человѣкъ, преслѣдующій такія опредѣленные цѣли, всего выше цѣнилъ домашній міръ и благообразіе жизни. И внѣшній міръ дѣйствительно увѣривался, по мѣрѣ того какъ внутренняя жизнь супруговъ расходилась все дальше. Теперь поводовъ для столкновеній почти не было, съ тѣхъ поръ какъ баронъ прочно увѣровалъ, что Ольга Николаевна не меньше его самого, хоть и съ другихъ точекъ зрѣнія, дорожить своимъ общественнымъ положеніемъ.

Славянскій вопросъ нѣсколько интимнѣе подружилъ ихъ, хотя чрезмѣрная горячность Ольги и тутъ на каждомъ шагѣ шокировала мужа. Можно интересоваться восточнымъ вопросомъ, но смѣшно фактически проливать слезы надъ какими-то болгарами и принимать къ сердцу каждый промахъ дипломатовъ или безнравственные происки англійскаго коварства. Впрочемъ, баронъ давно привыкъ къ тому, что маленькій домашній вулканъ подверженъ періодическимъ изверженіямъ.

Во время обѣда en deux баронъ разсказалъ самую свѣжую столличную сплетню, съ которой связывались важныя перемѣщенія въ первенствующихъ въ эту минуту сферахъ дипломатическихъ. Но къ его изумленію Ольга выслушала это очень разсѣянно и вовсе не заинтересовалась, какъ онъ ожидалъ. Она ничего не ѣла и была такъ тревожна, что онъ, наконецъ, счелъ нужнымъ спросить, что ее волнуетъ сегодня?

— Надоѣло все до смерти, только и всего! — отвѣтила она нервно.

— Раг ехемпле?—процѣдилъ мужъ нѣсколько иронически, смакуя дорогой хересь послѣ жаркого, до котораго она и не дотронулась.

— Вся эта грошоваая возня... Наше милое общество... Петербургъ... все однимъ словомъ!

Мужъ прислушивался уже съ нѣкоторой тревогой.

— Вѣчно устраивать какіе-нибудь фестивалы по трагическимъ поводамъ! Отплясывать то въ пользу ссыльныхъ, то въ пользу раненыхъ. Возиться со всякими побрягушками, улыбаться всякимъ идиотамъ... Довольно, наконецъ, я устала! Пусть начинающіе пробуютъ на этомъ свою энергію, а я... я ужъ слишкомъ стара, быть можетъ!

Ничего подобнаго мужъ никогда не слышалъ отъ нея.

— A la bonne heure! я давно того мнѣнія, что вамъ пора отдохнуть,—замѣтилъ онъ примирительно.

Ольга блеснула глазами и начала судорожно раскачивать ножикомъ, слегка ударяя имъ по скатерти.

— Мерси! пока еще не прошусь на отдыхъ и не намѣрена складывать рукъ. Я устала не отъ *дѣла*, а отъ пустяковъ! Когда люди умираютъ, я хочу быть съ ними, а не вытанцовывать здѣсь какіе-то жалкіе рубли...

Въ голосъ звенѣла уже хорошо знакомая ему металлическая нота. Баронъ поставилъ на столъ пустую рюмку, разгладилъ на колѣняхъ салфетку и спросилъ сдержанно, чего же собственно она желаетъ?

— Я поѣду въ Сербію!—сказала она рѣшительно и поднялась со стула, хоть лакей только что поставилъ на столъ блюдо съ жирнымъ.

— Вы—въ Сербію?—могъ только повторить ошеломленный супругъ.

— Да, да! Чему вы такъ удивляетесь?! Вѣра Корецкая уѣхала же и Антопина Сергѣевна ѣдетъ... да мало ли кто еще!...

— Позвольте... Это Богъ знаетъ что такое! Какъ вы поѣдете... зачѣмъ?! Ужъ не сестрой ли милосердія съ вашими нервами? Я надѣюсь, вы разсудительнѣе этого!

Лицо барона потемнѣло. Онъ безпокойно вертѣлся на стулѣ

— Понятно, не сестрой, а начальницей отряда. Впрочемъ, не знаю... не знаю ничего пока! Завтра ѣду въ Москву, тамъ все рѣшится.

Страшно билось сердце. Настойчивымъ, негодующимъ голосомъ бросала мгновенныя рѣшенія. Конецъ колебаніямъ, конецъ сомнѣ-

нїямъ—всему конецъ! Борабли сожжены! Она сама не знала хорошенько, что вызвало въ ней внезапную рѣшимость—въ восторгѣ, что случилось!...

Баронъ не выдержалъ. Это удивительно — не имѣть никакой устойчивости! Ей не двадцать лѣтъ, чтобы терять голову, чтобы не признавать никакихъ рамокъ. Война—прекрасно. Каждый будетъ дѣлать, что онъ можетъ. Но нельзя же, чтобы всѣ побросали семью, домъ, общество и лѣгли въ Сербїю? Тамъ опытные, выносливыя женщины нужны, а не свѣтскія дамы, падающія въ обморокъ при видѣ крови. «Вытанцовывать рубли»—да, это какъ разъ и есть то, что онѣ могутъ! Тутъ онѣ на своемъ мѣстѣ.

— Ну, благодаря Бога, не *вы* судья тому, чтѣ люди могутъ! Понятіе о героизмѣ всегда превышало ваши средства. Для меня въ этомъ нѣтъ ничего новаго!—кинула она высокомерно и поспѣшно вышла изъ столовой.

«Неужели Волжинъ рѣшился обивать ее на такое сумасбродство?»—спрашивалъ себя въ негодованіи разочарованный баронъ Ферзенъ.

II.

Какъ маятникъ, Ольга металась взадъ и впередъ по комнатамъ, пока не раздался первый звонокъ.

...Боторый изъ двухъ?

Она прислушивалась стоя, закинувъ голову и закрывъ глаза. Вошелъ Волжинъ и сейчасъ же замѣтилъ ея волненіе.

— Есть что-нибудь новенькое?—спросилъ полковникъ сдержанно, обнимая ее твердымъ взглядомъ своихъ свѣтлыхъ глазъ, всегда дѣйствовавшихъ на нее такъ неотразимо.

— Да... угадайте?—отвѣтила она трепетной улыбкой.

— Кажется, что-то хорошее?... вы... неужели узнали? есть что-нибудь рѣшительное?? да?

— О, нѣтъ, какимъ же образомъ! Нѣтъ... только... я ѣду въ Сербїю.

Она вспомнила, что онъ въ Сербїю больше не ѣдетъ—и къ ея восторгу присоединилось что-то жуткое.

Волжинъ разомъ сталъ серьезенъ; при этомъ онъ всегда казался холоднымъ.

— Да-а?—протянулъ онъ только вопросительно и сталъ медленно отстегивать саблю.

— Надѣюсь, хоть вы не будете говорить, что это не дѣло свѣт-

скихъ женщинъ? Вы, вѣрно, не посовѣтуете танцовать, въ то время какъ другіе умираютъ!...

— Кто же могъ отнестись такимъ образомъ?—спросилъ онъ строго.—Однако, перемиріе, вѣроятно, продлится. Раньше весны военныя дѣйствія не возобновятся, а тогда, Богъ дастъ, и мы, наконецъ, двинемся. Что хотите вы дѣлать въ Сербіи до тѣхъ поръ?

— Не знаю, ничего не знаю пока! Вы мнѣ сочувствуете, не правда ли?

Она сѣла въ свой любимый уголокъ къ камину; Волжинъ помѣстился по обыкновенію у стѣны, около круглаго мозаиковаго столика.

Онъ заговорилъ о громадномъ значеніи такихъ великодушныхъ порывовъ, вносящихъ высшій подъемъ свободнаго, добровольнаго самопожертвованія. Война требуетъ увлеченія—она требуетъ экзальтациі, чтобы не быть преступной—чтобы быть выносимой! Дорого все, что способно поддержать сверхъестественное напряженіе нравственныхъ силъ. Вотъ почему участіе женщинъ такъ цѣнно! Въ этомъ мірѣ ужасовъ и смерти драгоцѣнна всякая искра свѣта. Высшіе примѣры вольныхъ жертвъ примиряютъ и тѣхъ, кого посылаютъ на смерть одинъ неумолимый долгъ.

Она слушала съ влажно-сіяющими глазами, съ какимъ-то сладостнымъ трепетаніемъ въ груди. Ея рука совсѣмъ безсознательно очутилась въ его твердой, теплой рукѣ. Волжинъ нагнулся и дотронулся до нея почтительно губами.

«А если въ Москвѣ неудача?—пронеслось въ ея умѣ.—Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно! тогда иначе какъ-нибудь... все равно, дома не останусь, буду, буду на войнѣ!»

Поднималось страстное нетерпѣніе—скорѣе бы только, скорѣе! Неужели до весны? это ужасно! Она испытывала разочарованіе оттого, что тамъ перемиріе, тамъ не умираютъ въ такую минуту, когда она рѣшилась на подвигъ и не могла уже жить ничѣмъ инымъ.

.....

Когда пріѣхалъ Баскинъ, первое смятеніе успѣло уже улечься. Ей казалось, что рѣшеніе принято давно, а не два часа тому назадъ. И все, что было до этого рѣшенія, все, что не имѣло прямой связи съ нимъ—разомъ отдѣлилось отъ нея холодной полосой равнодушія.

Она пошла навстрѣчу Баскину спокойно и непринужденно. Она только не улыбалась привычной улыбкой и синіе глаза казались чуждыми отъ расширенныхъ зрачковъ.

— Я не засталъ васъ утромъ. Все вы съ вечеромъ хлопочите? спросилъ сочувственно Сергѣй Львовичъ.

— Да! послѣднія мои хлопоты. Бъ сожалѣнiю, не могу признать ихъ очень удачными. Я разучилась вкладывать душу въ эти вещи. Вы помните? не спала ночей, не ѣла и ходила, точно одержимая, передъ каждой затѣей!

Она снисходительно разсмѣялась и вернулась на свое мѣсто.

— Да, я хорошо помню,—выговорилъ задумчиво Баскинъ, приглядываясь къ ней чуткимъ глазомъ.

Ольга быстро повернулась къ Волжину.

— Если война «требуетъ экзальтаціи», то подобныя маленькія дѣла тоже требуютъ свѣжаго увлеченія, чтобы принимать ихъ au sérieux. Самое маленькое дѣло должно быть взято au sérieux для того, чтобы оно удалось. Впрочемъ, можетъ быть, это мой характеръ!

— Это вообще женское отношеніе къ дѣлу,—вмѣшался непринужденно Сергѣй Львовичъ,—или, вѣрнѣе говоря, женская неопытность въ дѣлахъ. Дѣла дѣлаются много проще, прозаичнѣе и ничего не проигрываютъ отъ этого, повѣрьте! Правда, излишняя страстность вносить блескъ, но вѣдь этотъ блескъ поглощаетъ пропасть силъ, которыя могли бы быть израсходованы гораздо расчетливѣе. Оттого женщины обыкновенно надрываются въ началѣ и скоро охладѣваютъ. Дѣло владѣть ими, а не онѣ дѣломъ. Вы знаете, я говорю вовсе не въ осужденіе—слишкомъ много серьезныхъ причинъ для этого.

— Да, знаю, и вы совершенно правы! По крайней мѣрѣ, я могу дѣлать дѣло хорошо только до тѣхъ поръ, пока оно *владѣетъ мною*. Вы это чудесно выразили: именно—могу дѣлать только то дѣло, которое мной владѣетъ!—повторила она съ волненіемъ и посмотрѣла прямо въ глаза Баскину своими странными глазами, гдѣ таится что-то, чего онъ еще не понимаетъ.

— Это непрочно, Ольга Николаевна.

— Можетъ быть! что-жъ изъ этого? Жизнь въ движеніи. На смѣну мнѣ явятся другіе. Пока я буду тамъ ухаживать за ранеными, здѣсь кто-нибудь волей-неволей приучится за меня работать. Я хочу ѣхать на войну.

Она не отвела своихъ глазъ, и они еще потемнѣли.

Это серьезно, хотя брошенное въ случайной фразѣ, могло скорѣе казаться шуткой. Волжинъ почувствовалъ необходимость вмѣшаться.

— Сергѣй Львовичъ едва ли одобритъ такое рѣшеніе.

— Сергѣй Львовичъ, надѣюсь, не можетъ найти въ немъ ничего дурного?—воскликнула Ольга вызывающе.

— Нѣтъ, конечно, дурного... Разъ что зло совершилось, надо по возможности его облегчать.

...И только?

Баскинъ повернулся къ Волжину и заговорилъ съ нимъ объ ожиданіяхъ, связываемыхъ съ константинопольской конференціей.

Они долго разговаривали. Она сидѣла молча на своемъ мѣстѣ; она слышала только отдѣльныя, безсвязныя слова изъ разговора, и въ ней мало-по-малу опять нарастало волненіе.

— Итакъ, вы собираетесь на войну?—заговорилъ сейчасъ же Баскинъ, какъ только полковникъ протиснулся.

Волжинъ убѣдился, что не можетъ быть полезенъ хозяйгѣ и только оттягиваетъ неизбежное столкновеніе.

Ольга сейчасъ же повторила все то, что говорила Волжину и мужу. Онъ долженъ понять ее лучше, чѣмъ кто-нибудь! Она ласково взяла его за руки и нѣжно просила не перетолковывать ее поступковъ, не подыскивать для нихъ никакихъ личныхъ побужденій...

Если военныя дѣйствія возобновятся, она уѣдетъ сейчасъ же. Въ такомъ случаѣ ей, вѣроятно, вовсе не придется попасть въ вашу армію.

Собственно говоря, ей самой еще некогда было вдуматься въ это обстоятельство серьезно. Но волновало сознаніе, что такая возможность не останавливаетъ ее, не заставляетъ колебаться... Да, очень можетъ быть, что они вовсе не встрѣтятся тамъ съ Волжинымъ.

... Можетъ быть! И все-таки она уѣдетъ теперь же, а не останется ждать объявленія войны. Неужели этого недостаточно для того, чтобы она могла смотрѣть прямо въ глаза Сергѣю?

Баскинъ усиливался взять себя въ руки, воздержаться отъ критики.

... Война—не только война, то-есть источникъ всяческихъ ужасовъ: нѣтъ, это также грандіозная арена, гдѣ возможны всѣ невѣроятности—это исключительность условій, позволяющая не считаться ни съ какими докучными мелочами—это нѣчто почти праздничное, какъ все выходящее изъ ряда вонъ.

И похороны—торжество своего рода, и гробъ собираетъ толпу зрителей.

Такъ всегда было и будетъ. Въ девятости девяти случаяхъ изъ ста дѣло дѣлается не для самаго дѣла, а ради побочныхъ цѣлей. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ серьезно воображать, что именно она—изнѣженная, слабосильная дама, нужна умирающимъ славянамъ! Не можетъ она не сознавать, что всякая простая, сильная женщина тамъ гораздо пригоднѣе ей.

Но... во маленькая Сербія въ настоящую минуту самая интерес-

ная точка на земномъ шарѣ, а герою нужно подать мечъ, или понести его за нимъ.

Баскинъ ходилъ по комнатамъ, тщетно стараясь забыть о томъ, что на свѣтѣ живетъ полковникъ Волжинъ... Старался ограничить работу мысли исключительно той ролью, какая доступна для молодой, свѣтской женщины на театрѣ войны.

Онъ спросилъ, когда это рѣшилось? какимъ образомъ она ѣдетъ?

И вотъ тутъ-то, совершенно неожиданно, на сцену выдвинулось нѣчто, разомъ вернувшее Баскину свободу: глухое волненіе, съ которымъ онъ боролся, теперь могло прорваться взрывомъ открытаго негодованія—теперь онъ могъ смѣло отдаться ему!

...Такъ вотъ какъ это дѣлается?! Она поѣдетъ въ Москву выпрашивать денегъ черезъ посредство Кирилла Сушина. Ее не останавливаетъ ни громадность отвѣтственности, ни полная собственная неопытность. Сушинъ и всѣ тѣ, къмъ этотъ господинъ можетъ окружить ее, внушаютъ достаточно довѣрія, чтобы начать съ ними страшно отвѣтственное дѣло. Она отдаетъ въ ихъ руки свое имя, не имѣя даже понятія о томъ, какого сорта эти люди и во что они способны втянуть ее.

...Старое, наболѣвшее мѣсто ихъ разлада: никогда она не разбираетъ средствъ, ни людей въ своемъ нетерпѣніи,—но тутъ рискъ черезчуръ великъ. Очень можетъ быть, что московскому самодуру польститъ ея обращеніе къ его щедрости и все сбудется, какъ общается Сушинъ. Но пусть она напередъ знаетъ, что этотъ человѣкъ захочетъ знать, куда пошелъ каждый грошъ его денегъ. Нѣтъ ничего оскорбительнѣе контроля личной щедрости: дать на рубль, а спрашиваетъ на сто—дѣло извѣстное! И она готова впутать себя въ денежные дразги? Нигдѣ нѣтъ такъ мало довѣрія къ чужой порядочности, какъ у насъ. Не существуетъ разумнаго контроля, нѣтъ никакого порядка, но есть полный просторъ подозрѣніямъ и клеветѣ. И она, она кидается въ это, очертя голову!

Ольга Николаевна вспыхнула. О чемъ они говорятъ! Не то ли это самое, на что онъ сейчасъ ссылался: недовѣріе къ чужой порядочности, прежде чѣмъ извѣстны хотя бы имена тѣхъ людей, съ которыми придется работать.

Значить, она, по его мнѣнію, не болѣе, какъ пѣшка, выставленная для декорации? Она не способна ни разглядѣть, ни оцѣнить того, что будетъ дѣлаться вокругъ нея? Хорошаго же онъ мнѣнія о ея честности и ея серьезности въ дѣлахъ!

— Нѣтъ! но хорошо знаю васъ: вы будете поглощены всецѣло духовной стороною дѣла, а сторона матеріальная очутится въ рукахъ

перваго, кто пожелаетъ завладѣть ею. Все будетъ вполнѣ по-барски—на словѣ и на чести, а когда дойдетъ до расчетовъ, то отвѣчать будете вы одна матеріально и нравственно.

— Такъ, стало быть, это какая-то недоступная премудрость? да?—разсѣялась злорадно Ольга.—Всѣ, кто идетъ на это, рискуютъ чуть не безчестіемъ? О-о!... вотъ до чего можетъ довести человѣка пристрастіе!...

Баскинъ покраснѣлъ, но встрѣтилъ прямо ея взглядъ.

— Мы говоримъ не о *встѣз*, а о *визѣ*. Вы возражаете не на мои слова, а на какія-то негласныя комментаріи къ нимъ. И безъ этого мы слишкомъ, слишкомъ часто расходимся съ нѣкоторыхъ поръ.

— Что мудренаго, если мой каждый шагъ принимается такимъ образомъ!—воскликнула Ольга съ горечью:—я буду окружена Богъ знаетъ кѣмъ, говорите вы. Весьма возможно! но развѣ моя вина, что близкіе бросили меня, не хотѣтъ содѣйствовать ни словомъ, ни дѣломъ?

— Бажется, вы готовы пригласить меня въ казначей купеческихъ капиталовъ?—усмѣхнулся Баскинъ:—недурно! Вы только забываете, что покровители Кирилла Сушина не захотѣтъ имѣть никакого дѣла съ такимъ проваженнымъ, какъ я. Есть вещи *несомнѣтими*, милый другъ! Вы окончательно вступаете въ область такихъ вещей... Между двухъ стульевъ можно держаться только до поры до времени.

— Къ чему, къ чему все это?—воскликнула она горестно:—Иду на войну... ходить за ранеными... за людьми, умирающими за свободу!

— Съ кѣмъ вы идете рука объ руку? кѣмъ вы окружены?

— Тѣми, кто, какъ я, сочувствуютъ дѣлу. Не моя вина, что другіе не со мной!

«Игра словами!—думалъ съ горечью Баскинъ.—Понимаетъ прекрасно... возразить нечего!»

Давно ужъ Ольга не была такъ молода, такъ хороша, какъ въ эту зиму. Постоянное одушевленіе придавало особенный блескъ ея нѣжной красотѣ. Но старый другъ смотрѣлъ омраченнымъ взоромъ, и этотъ расцвѣтъ красоты и энергіи не радовалъ его.

Она стояла у стола и нервно переворачивала тяжелую книгу альбома. Бронзовая застежка звякаетъ по столу. Рѣзкій звукъ задѣваетъ напряженные нервы. Онъ смотритъ на ея руки и ждетъ... вотъ сейчасъ опять стукнетъ.

— Итакъ то, во что я вкладываю душу, для васъ только по-

ВОДЪ, чтобы оскорблять меня!—говорить она голосомъ, въ которомъ точно не хватаетъ самыхъ лучшихъ, дорогихъ ему нотъ.

— Оскорблять??

— «Сидѣть между двухъ стульевъ»... это вѣдь не нуждается въ оцѣнѣ для насъ съ вами! Вы не замѣчаете, что сами вы упрямо стоите на одномъ мѣстѣ, но жизни нельзя остановить. Кто-нибудь долженъ дѣлать дѣло сегодняшняго дня, всѣ не могутъ отступить съ презрѣніемъ.

— Говоря проще—я мертвъ. «Мертвый въ гробѣ мирно спи, жизнью пользуйся живущій».

— Опять!... опять!...—шептала она, прикрывъ глаза рукою, чтобы спрятать слезы.

Баскинъ порывисто подошелъ къ ней и взялъ свободную руку.

— Но развѣ-жъ нѣтъ?... будьте искренни! Вотъ вы плачете, какъ на похоронахъ.

Она зарыдала и хотѣла отнять у него руку. Но онъ сжалъ ее крѣпче и съ волненіемъ смотрѣлъ на ея горестно откинутую голову.

— Не плачьте такъ, голубушка! Я ли мертвъ или только ваша любовь—все равно. Мы не вмѣстѣ больше. Не будемъ оскорблять нашу прекрасную любовь неискренностью. Между нами нѣтъ мѣста недовѣрію.

Она упала головой ему на плечо и говорила что-то безсвязно сквозь рыданія. Онъ не слышалъ ясно отъ волненія. Рука бессознательно прижимала ее крѣпче.

...Да—чистая, искренняя и преданная любовь... но почему же тогда, почему? Почему всего этого не надо больше, отчего вдругъ стала не нужна, стала мучительна преданная и искренняя любовь! Зачѣмъ она плачетъ, цѣлуетъ ему руки и клянетъ себя... вѣдь она отрекается добровольно! Что же это такое? Какое чудовищное колесо налетѣло и давить... увлекаетъ ее куда-то вверхъ, а онъ остается раздавленный на землѣ...

...Однако, что такое онъ сказалъ?... какъ она поняла его?? Развѣ онъ сказалъ, что все признаетъ и прощаетъ?... что такое она говоритъ?!

Ольга подняла голову и, крѣпко зажавъ его руку въ обѣихъ своихъ, смотрѣла на него нѣжно и благодарно заплаканными глазами... И также нѣжно она говорить... странныя вещи говорить!

...Она виновата, виновата... какъ смѣла она сомнѣваться въ немъ хоть одну минуту! Ей ли не знать, насколько онъ выше этого. Нѣтъ, она не искала новой любви, не хотѣла. Они были такъ долго счастливы! И вѣрно ничего не случилось бы, еслибъ не разошлись

во взглядахъ и симпатіяхъ въ первый разъ. О, это такъ горько!... Онъ такъ переѣвился... Что дѣлать?... Она не можетъ—не умѣетъ—не можетъ жить и чувствовать розно...

...Что такое?—Розно съ *нимъ*—и за одно съ этимъ гвардіею?!. Да вѣдь тотъ и понять не въ состояніи половины изъ того, чѣмъ они жили вмѣстѣ!

...Нѣтъ, этого нельзя ей высказать—нельзя и безцѣльно.

Она уже успокаивается. Вздыхаетъ, точно камень упалъ съ груди... Да, да, она стало быть именно такъ поняла его:—онъ все *привыкнулъ* и *простылъ*.

Вернуть этого нельзя.

Глаза ея сіяютъ сквозь слезы и смотрятъ на него мягко и дружелюбно... Въ лицѣ что-то свѣтится новое, чего не было въ началѣ разговора. Ему кажется, что ей хочется улыбнуться, только она удерживается. Какія-то мысли проходятъ въ глазахъ. Она не о немъ думаетъ.

...Надо уйти.

У него звенѣло въ головѣ, и предметы рисовались не совсѣмъ точно. «Надо уходить»... твердилъ онъ мысленно и усиливался тутъ же, сейчасъ обнять весь смыслъ этихъ словъ. Какъ будто именно здѣсь необходимо понять... раньше, чѣмъ затворится за нимъ дверь этой комнаты, гдѣ прожито все счастье жизни.

Она опять говорить. Они останутся вѣрными друзьями на всю жизнь. Она будетъ писать ему оттуда, она не можетъ не знать, какъ ему живется! Вѣдь, не правда ли, онъ не уйдетъ отъ нея?...

...Друзья, разумѣется... Куда онъ можетъ уйти?...

...Ни одного рѣзкаго слова протеста, все такъ мирно и согласно... Какой странный разрывъ!...

Она взяла его голову въ обѣ руки и поцѣловала въ глаза, по милой старой привычкѣ.

Губы его бессознательно растягивались въ улыбку.

На тротуарѣ, когда свѣжій вѣтеръ обвѣялъ голову, сталъ какъ будто разсѣиваться туманъ. Острое и въ то же время ледяное ощущение обнимаетъ сердце...

Странный разрывъ... Безжизненный!... Сухой листъ тихо, плавно падаетъ съ вѣтки безъ малѣйшаго дуновения... Въ церкви молятся о мирной и безболѣзненной кончинѣ живота нашего... *Кончина*...

Какъ это было бы дико, еслибъ онъ проявилъ бурныя чувства! Но вѣдь живые люди сопротивляются изъ послѣднихъ силъ—уп...

бьются, борются, ревнуютъ... Онъ ревновалъ такъ недавно еще...
 Какъ странно умирать заживо!

...Это смерть. Когда все, чѣмъ жилъ, отходитъ, отдѣляется отъ
 тебя и находить для себя новую жизнь... А ты одинъ остаешься на
 опустѣвшемъ мѣстѣ. Жена въ монастырѣ... Ольга въ объятіяхъ
 Волжина... Вѣра въ темной пропасти.

.....

...Трудно идти...

Баскинъ остановился и не сразу сообразилъ: что нужно?... Раз-
 бѣгаются мысли...

Извозчикъ везъ северно, долго. Въ головѣ проносится точно свѣ-
 жее дуновение... Хорошо...

Въ швейцарской онъ привалился къ периламъ и долго стоялъ
 такъ, забывшись... Ноги налиты тяжестью...

...«Форточка открыта,—подумалъ онъ, проходя въ кабинетъ
 и чувствуя, какъ холодъ все сильнѣе обливаетъ ему виски. До дива-
 на не дошелъ, сталъ валиться бокомъ, къ ужасу Семена, смѣдившаго
 въ недоумѣніи за невѣрной походкой барина.

.....

— Необыкновенно глубокій обморокъ!—подумалъ вслухъ док-
 торъ, зная, что въ комнатѣ нѣтъ никого, кто могъ бы ему от-
 вѣтить.

III.

Полина Львовна, въ свѣтломъ батистовомъ платьѣ и большой са-
 довой шляпѣ сидитъ на своей крошечной, заново выкрашенной весною
 пристани...

Синяя, синяя пелена Невы сверкаетъ брилліантовыми блесками
 и безшумно льнетъ къ поросшему травой берегу, лижетъ свѣтлыя
 доски пристани и маленькой голубой лодочки съ китайскими фона-
 рями на кормѣ и носу.

На другомъ берегу нарядныя дачи сползли къ рѣкѣ своими разу-
 крашенными цвѣтниками и переглядываются кокетливо изъ зелени,
 вымытой быстрымъ грозовымъ ливнемъ. На всемъ еще держится влаж-
 ный лоскъ, а парить такъ, что къ вечеру навѣрно гроза вернется...
 А сейчасъ на яркомъ тяжеломъ небѣ хоть бы облачко!

На такой же узенькой скомейгѣ противъ Полины сидитъ Барскій.
 Онъ упросилъ Полину Львовну покататься на лодкѣ послѣ завтрака,
 да показалось такъ жарко, что она, какъ присѣла надъ водой, такъ
 и осталась... Тяжелый запахъ разогрѣтой свѣжей краски раздражаетъ

нервы... Не хочется забираться въ голубую лодку... Ничего не хочется!

...Артаевъ былъ вчера, уѣхалъ поздно... На другой день всегда хандра.

...Батались. Всю прогулку о московскомъ процессѣ проговорили о социалистахъ, объ эмигрантахъ, Багунинѣ, о женевскомъ конгрессѣ... Серьезно увѣренъ, что ее все это интересуеть столько же, какъ его.

...Приручается понемногу... Съ кѣмъ больше-то говорить объ Вѣрочкѣ?... Нѣчто для нея новенькое: сближаться на другой женщи-нѣ... Все равно!... Всякой цѣной готова купить дружбу этого милого человѣка.

...Съ такимъ сама станешь другая... Пожалуй, и настоящая нѣж-ность разыщется? Тихая гавань послѣ всѣхъ безумныхъ попытокъ что-то найти въ бурныхъ плаваніяхъ...

...«Недурныя мечтанья у васъ заводятся, Полина Львовна! Отче-го бы Невѣ и не потечь къ Шлиссельбургу?»...

Полина вздохнула и потрясла головой.

Барскій, не говоря ни слова, сошелъ къ водѣ и за цѣпь прят-нулъ лодку.

— Вы думаете, не черезчуръ еще жарко? Здѣсь можно угорѣть отъ запаха краски!... Вы всегда съ затѣями...

На него можно ворчать сколько угодно. И такъ легко забывать объ его присутствіи, свое думать... И всетаки чувствуетъ, что подъ молчаніемъ таятся настоящая базисходная, нѣмая мука... Этотъ че-ловѣкъ стоитъ надъ нею волнующей угрозой...

Лодка описала широкій полукругъ и поплыла къ мосту. Барскій гребъ сильно, красиво, мѣрно раскачивая корпусомъ. Изъ подъ полей бѣлой панамы его взглядъ обнялъ ее всю—точно заслонилъ отъ міра въ голубой скорлупѣ.

— Я вамъ говорила, что слишкомъ жарко!—сказала Полина раз-дражительно, не зная какъ отвернуться отъ взгляда и отъ солнца.

Нева пересыпаетъ своими брилліантами и отбрасываетъ прямо въ лицо горячіе лучи. Глазамъ больно.

— Хорошо на солнцѣ.

— Потому что вы больны. Вы еще успѣете съѣздить не-пайтесь же столько! Васъ куда посылають?

— Все равно. Не могу.

— Почему? Возьмите отпускъ.

— Не могу безъ васъ жить.

Все одной интонаціей. Весла ходять такъ же плавно въ рука-

— Вотъ развѣ что это!—усмѣхается неестественно Полина.— Ну, я во всякомъ случаѣ не буду считать себя виноватой, если вы серьезно расхвораетесь.

— Если умру, вы не будете считать себя виноватой.

Дикій разговоръ! Полина не отвѣтила.

Желтъ какъ воскъ, вокругъ глазъ и у рта мертвыя коричневыя тѣни. Все лѣто она его гонить за границу, и каждый разъ разговоръ длится одну минуту. Выдавить свои нѣсколько словъ—говорить дальше нечего.

...«Какой—когда конецъ??»

Она вдругъ почувствовала, что думать *свое* нельзя больше. Холодная струйка безымяннаго страха прокралась въ горячее тѣло.

...Бажется ей—или шевелятся безъ звука губы?...

...«Сумасшедшая—поѣхала!»

Звукъ прорвался:

— Должень сегодня... Не мѣшайте... Дайте сказать одинъ разъ...

Одинъ разъ...

Онъ медленно поднялъ весла и снялъ шляпу съ слипшихся на лбу волосъ.

— Ну, извините—ни за что!... Въ берегу, къ берегу!... Вредно вамъ грести въ этотъ жаръ... Все равно—выйдемъ здѣсь гдѣ-нибудь...

Она бессмысленно вертѣла рулемъ. Когда все въ этихъ упрямо поднятыхъ палкахъ! Голосъ падаетъ, какъ по ступенькамъ... Досадно своего голоса...

...Вотъ!!—Вода и вода... Искаженное лицо съ пылающими зрачками... Ловушка!

Хочетъ взглянуть прямо въ страшные глаза, *усмирить* ихъ, какъ бывало столько разъ раньше... Свои глаза не повинуются!

Лодка поворачивается, увлекаемая теченіемъ...

— Быть хуже не можетъ. Я не существую для васъ.

Безсвязныя фразы глухого голоса точно вырываютъ изъ тѣла по клочкамъ задыхающуюся душу...

...За что погибаетъ?? Сдѣлалъ все, чтобы изъ памяти вырвать... невозможно! Разбить, искалѣченъ, оттого, что два года ломалъ себя принуждалъ не видѣться... будетъ ли цѣль, кого два года терзалъ голодъ?... Да, голодъ, голодъ!... Дышать однимъ воздухомъ, и не видѣть! Ходить по тѣмъ же улицамъ, мимо дома—не видѣть, не видѣть!... Какъ могъ?? Женился, на цѣпь себя посадилъ... За что несчастную женщину, ребенка? Спасался, какъ умѣлъ. Ненавидить!... Понятно это? Ненавидить жену...

...Нельзя забыть! Здѣсь на этой дачѣ... Вотъ сейчасъ начнется галлюцинація! Она подойдетъ къ нему, какъ тогда въ саду... Ночь...

— Это низко! Замолчите же!—вскрикивала въ себя Полина.

...Да, было, было!... Ночь, которую онъ напоминаетъ. Въ напоминаніи такой стыдъ, что она съ трудомъ удерживалась, чтобы не крикнуть: *онъ лжетъ*... Боялась крикнуть!... Крикнула бы непременно, еслибъ не страхъ.

Она стиснула зубы, закрыла глаза, какъ выносятъ удары, отъ которыхъ некуда спастись.

— Сойду съ ума, это неотвратно!—говорилъ онъ глухо, поднявъ блѣдное лицо и глядѣлъ прямо на солнце горящими глазами: Бѣгу къ вамъ, чтобы этого страха избавиться... только безъ васъ!... Здѣсь боль заглушаетъ страхъ... Это хорошо. Возвращается сознание... Страдать... Пусть. Зачѣмъ, сюда иначе?... Только изъ послѣдней совѣсти еще не выгнали, какъ собаку... За что, за что вы меня такъ презираете?...

Полина вдругъ повернулась, потеряла нить своего сознания:

— Вы непременно хотите?... Слушайте, слушайте, не все же мнѣ одной! Да, ненавижу васъ, за то что смѣете говорить все это... Не смѣйте такъ думать, не смѣйте!... Женщина—значить, любила? Неправда!! Нѣсколько безумныхъ поцѣлueвъ связали—даютъ право преслѣдовать... А вы?!... Васъ жена не связала!... Чего вы хотите отъ меня?... О! еслибъ былъ какой-нибудь выкупъ!...

Онъ весь дрожалъ и перегибался къ ней, качая лодку.

— А-а-а!... Нѣтъ, нѣтъ... Недовольно сказать: неправда, прогнать меня... Вы любили, любили меня!... Измѣнить нельзя, что было... вы тоже все помните... помните вы? Нашу любовь...

Лодку богомъ несло сильнымъ теченіемъ. Изъ пролета моста вылетѣлъ пароходъ прямо на нихъ.

Полина услышала отчаянные свистки, обернулась: Барскій, лицомъ къ пароходу, ничего не видитъ, не слышитъ.

— Весла!... Опрокинемся!!—крикнула она повелительно, держа руль.

Пароходъ круто взявъ вѣво и прошелъ на аршинъ отъ нихъ. С палубы отчаянно ругались. Лодка плясала, черпая бортомъ. Волны окатила колѣни Полины.

Барскій нѣсколькими взмахами веселъ поставилъ лодку въ разрѣзъ волнамъ и гребъ къ берегу. Лицо разгладилось, глаза потухли, за пали. Только губы передергивала бѣглая судорога.

• • • • •

Полина выпрыгнула на пристань и кинулась къ дому, путаясь въ мокромъ платьѣ.

На балконѣ Бочетовъ облокотился локтями на перила и ждалъ ихъ.

Полина замѣтила его слишкомъ поздно. Вырвалось невольное движеніе свернуть на боковую дорожку, но онъ обмолкнулъ ее.

— Хорошо ли кататься изволили на адовомъ пеклѣ?... Ба-ба-ба...

Никакъ вы искупались въ пріятной компаніи?

Намокшее выше колѣнъ легкое платье съ тяжелымъ песочнымъ бортомъ прилипало къ ногамъ, мѣшало идти скоро.

Барскій исчезъ съ пристани.

Полина рассказала двумя словами про пароходъ. Бочетовъ загроживалъ дорогу, подозрительно ее оглядывая.

— Да пропустите же меня—холодно!

— Сомнительное весьма приключеніе.

Долго пришлось Василию Васильевичу бродить одному по пустымъ комнатамъ въ ожиданіи обѣда. Хозяйка безцеремонно заперлась у себя въ спальнѣ.

Ее знобило. Ноги промочила... А можетъ быть съ перепугу. Тяжелыя слезы скатывались на подушку, она не шевелилась, не открывала глазъ.

... Сколько униженія!...

... Двойной плѣтъ: въ прошломъ и настоящемъ. Два врага—вмѣсто любви... за чѣмъ гонялась съ ослѣпленной отвагой...

... Всего можно требовать, какихъ угодно услугъ, трудовъ, жертвъ, расплатъ... не любовь! Если ея нѣтъ у нея—нѣтъ, нѣтъ. . . .

Два раза уже звали въ столовую. Оправилась у зеркала и вышла, кутаясь въ большой пуховый платокъ, точно волны мягкой бѣлой пѣны, вокругъ печальнаго лихорадочнаго лица. На нее накинулась Матильда съ разспросами.

Бочетовъ ехидно посмѣивался, прослушавъ вторично короткій разговоръ.

— Кто же изъ васъ оказался спасителемъ? Видимое дѣло, и гребецъ и рулевой были поглощены до забвенія чувствъ.

— Вина хотите?—вмѣсто отвѣта.

Онъ увѣрился окончательно, что въ лодкѣ произошло нѣчто серьезное.

Гвоздить проклятая загадка отношеній съ инженеромъ, никакъ Василий Васильевичъ отъ себя отмахнуть ее не можетъ.

... Кабы въ прошломъ было что-нибудь положительное, то на кой чортъ этотъ идіотъ не оставляетъ ее въ покоѣ? Чего добиваться, коли давно ледъ взломало и рѣва прошла?

...Вѣрнѣе, что въ прошломъ было нѣчто *нержитимельное*... красавецъ мечтаетъ вернуть вчерашній день—на него и похоже!...

Послѣ обѣда усѣлись въ полутемной гостиной Полина зябла, велѣла затопить каминъ, куталась въ платокъ и упорно молчала.

Онъ подходитъ и такъ и этакъ, вытянуть какія-нибудь подробности знаменательнаго катанья. Должны же быть причины, почему оба, какъ по заказу, оглохли и ослѣпли среди бѣла дня?

— Это форменный допросъ?—и разсѣялась, забираясь глубже въ кресло и поджимая свои легкія туфельки.

— Зачѣмъ допросъ, полагаю, вполне законное желаніе знать.

...(Такъ бы вотъ взялъ и затормозилъ ее, когда такъ хохлится, точно пичужка на вѣтру. . А на дѣлѣ — и подступить не могли).

— Вотъ ужъ, право, не знаю, существуетъ на это какой-нибудь законъ?

Глаза закрыла... Будто ей говорить лѣнь, думать лѣнь, взглянуть на него лѣнь.

— Не о законѣ-съ, о нравственныхъ обязанностяхъ между близкими людьми. А впрочемъ, съ меня будетъ и вашего сопротивленія! Нѣкоторой дозы воображенія, благодаря Бога, не лишень.

— Я въ этомъ увѣрена.

— Стало быть, полная свобода толкованій?

— А вамъ извѣстны способы эту свободу ограничить??

...Не проймешь ничѣмъ! Скользятъ какъ змѣя...

Полина качаетъ ногой и смотритъ въ огонь камина... Огонь гудитъ и потрескиваетъ. Кочетовъ взглядываетъ на ея грустный профиль и пробуетъ переменить тонъ:

— Барыня, милая... когда же будетъ изгнанъ наконецъ фатальный гидальго? Онъ обладаетъ способностью надолго испортить вамъ настроеніе. Не черезчуръ ли ужъ много чести? а?

— Вѣдь вы ревнуете къ Артаеву? Можно бы удовольствоваться однимъ,—выговариваетъ она лѣнливо.

— Н-ну это, гляди съ кѣмъ!—ворчитъ онъ грубо и отправляется прохладить себя въ другія комнаты.

...«Уѣхать!...» думаетъ Полина, но что-то точно держитъ за сердце... Чего-то жаль... Слезы набѣгаютъ...

...Чего ей жаль?

— Прикажете убраться? вы, кажется, окончательно раскисли.

...Интересно, сколько времени она бы не вспомнила о немъ, еслибъ онъ не потерялъ терпѣнія?

Рано. Но Полина сейчас же раздѣлась и легла въ постель. Всегда лежитъ распростертая, когда ее что-нибудь одолеваетъ.

...Оскорбительность жизни бичами хлещетъ все ея существо...

...Каждый обвинить, каждый! Женщина! Ошибки непростительны, несмываемы. Это *они* о своихъ побѣдахъ и промахахъ анекдоты рассказываютъ подъ веселую руку. Вотъ и Барскій . когда издѣлится отъ безумія.. О-о-о! . кто же ей поручится, что нѣтъ?! . . .

Мысль мучительно забила въ мозгу. *понять!* Хотя для себя одной понять, какъ это случается?? Откуда берется иллюзія? какъ ухитрилась надѣлать фантастической глубиной тупого гидаляго, какъ подпала подъ грубую власть Кочетова?

...И вѣдь знала, что такъ будетъ... знала! когда еще только враждовали и спорили. Жуткое предчувствіе на днѣ сердца и бурныя схватки, не допускающія, казалось, мысли о сближеніи. Въ этомъ было, было что-то особенное...

...Всѣ недочеты оскорбительно лѣзутъ въ глаза. Никакой деликатности... мѣщанскіе вкусы... плохой костюмъ. Сталъ много тише. Желчный пылъ не былъ ли только манерой импонировать? Еслибъ не раздраженіе противъ Барснаго и Артаева, была бы буржуазная тишь да Божья благодать... но вѣдь это не то!! совсѣмъ не то, что видѣлось! что влекло небывалой пикантностью радикальнаго третированія и придирчивой критики, грозившей все перевернуть въ ней самой и вокругъ... Что, что осталось отъ всего этого!? какой же это «новый типъ» на повѣрку?!

Даже теоретическіе разговоры и тѣ брошены. Нѣтъ больше надобности *блистать*. Можно просто, по будничному, пригрѣвшись въ комфортабельномъ уголкѣ, буднично брюзжать на все, что не по вкусу.

...И, еслибъ хоть незамѣчать оскорбительныхъ мелочей! Ужасно скоро освоился съ тѣмъ, что она всюду платитъ: въ театрѣ, въ ресторанѣ, извозчику, прислугѣ. Особенно стыдно прислуги. Нѣсколько разъ деньги бралъ взаимы.

...Предразсудки—но ощущение, вѣдь это *ощущеніе!* Скупъ... Ворчать на Жоржа за мотовство... Преслѣдуетъ ея баловство...

...Какъ, какъ уйти изъ этого???

...Искренность для женщины—смертный грѣхъ. Какъ можно больше добродѣтельнаго лицемѣрія, чтобы все обстояло благополучно: тянуть изъ приличія, раздумывать мертвеца, выдавать за живого... О-о-о!...

...Гадкая, грязная ложь—ложь рабынь! Любви искала, только

одной любви. Они бессильны затечь въ ней истинное чувство, никто не стоить—не она бездушна, это они ничтожны!

...Жоржъ Бочетова не терпитъ. И Матильда также, и Юрій.

...И Артаевъ.

Полина повернулась на спину, закинула руки за голову и стала смотрѣть въ потолокъ бессонными, мрачными глазами.

...Артаевъ?

...Хорошей семьи, хорошо воспитанъ... Не только это! Тонкость чувства и глубина. Какая-то милая серьезность во всемъ. И строгость въ этой мягкости... строгость чистоты.

«...Что... что думаетъ Артаевъ?...»

Полина сбросила одѣяло, жарко!

...«Артаеву необходимо все сказать...»

Она бессознательно приподнялась на постели, блуждая испуганными глазами.

...Никогда! съ какой стати? съ какого права?! Ни за что, ни за что!!

Легла опять и начала взволнованно себя урезонивать: чистѣйшее безуміе! оттолкнуть его окончательно, безповоротно, это ей надо? Что можетъ понять въ этихъ миражахъ, заблужденіяхъ, паденіяхъ—младенецъ! вѣрный рыцарь другого, такого же младенца въ стальныхъ доспѣхахъ.

...О! счастливые, блаженные крестоносцы!

...Такъ стало быть, обманъ? тутъ обманъ??

Одно изъ двухъ. Они станутъ друзьями, и тогда онъ долженъ знать: *кто она*. Или, чтобы спасти иллюзію, навсегда на одномъ разстояніи.

«...Вотъ, когда, всѣ веселя поданы ко взысканію! банкротъ, Полина Львовна».

Дверь, какъ всегда, на ключъ.

Тишина пустой дачи обступаетъ знакомымъ уныніемъ одиночества.

Прожитые безразсудные годы отбѣгаютъ прочь толпой злыхъ, насмѣшливыхъ призраковъ. Отбѣгаютъ и оглядываются:

...Прочно ли закованы позорныя цѣпи?

Никто не слышитъ ея бреда. Дверь на ключъ.

IV.

Полина Львовна хворала. Ничего у нея не болѣло, но она съ утра до ночи валялась въ гамакѣ или на кушеткѣ, топила каминъ и вапризначала.

По нѣскольку разъ въ день она гоняла въ городъ прислугу, Матильду, Бочетова. То ей нужна книга, то какіе-то особенные духи, то она голодна, но все противно, и можно ѣсть только примѣры Милютиныхъ лавофъ.

Бочетовъ пристаивалъ съ докторомъ, она сердилась и изыскивала предлоги отсылать его. Одинъ день весь провела съ Жоржемъ вдвоемъ и такъ взволновалась, что вечеромъ не пустила его вернуться въ лагери. Утромъ пришлось добывать медицинское свидѣтельство и изъ-за этого вышла ссора съ Бочетовымъ.

Въ присутствіи Василя Васильевича обсуждалось на всѣ лады, какъ это сдѣлать, а онъ качался въ давно опротивѣвшей ей качалкѣ, чистилъ ногти, по своей неприличной привычкѣ, и не догадывался предложить услуги.

Постоянный докторъ уѣхалъ на лѣто, и Полина стѣснялась обратиться съ такимъ дѣломъ къ незнакомому человѣку.

Матильда говорила глупости.

Жоржъ желалъ самъ отправиться на поиски доктора.

Бочетовъ чистилъ ногти. Полина не выдержала и повернулась къ нему вспыхнувшимъ лицомъ.

...Вы все еще не догадываетесь, Василій Васильевичъ? вы не понимаете, что я не могу послать мальчика? или, можетъ быть, вы беретесь научить Матильду??

Онъ проворчалъ: гораздо проще прямо сказать человѣку, когда желаютъ, чтобы онъ сдѣлалъ, что его не касается.

Жоржъ покраснѣлъ и вытянулся своей стройной фигуркой («А-а-шапан? вотъ-съ вамъ, кушайте на здоровье!») Онъ объявилъ, что прекрасно сумѣетъ сдѣлать все самъ, вовсе не желаетъ причинять беспокойство г. Бочетову.

— Э-э батенька, чего ужъ тутъ! Я въ ваши годы давно самъ содержалъ себя, а васъ все еще сосуночкомъ держать.

— Ну, съ вами бывало очень много всякаго, чего я не пожелаю моему сыну! Впрочемъ, все дѣло въ томъ, что дорого время.

— Слушаю-съ, мнѣ не привыкать стать къ коммисіонерскимъ обязанностямъ.

— Вотъ что?! прошу васъ не беспокоиться въ такомъ случаѣ! Жоржъ, ты не поѣдешь, ты проболѣешь и завтра, вотъ и все.

Бочетовъ тѣмъ не менѣе отправился къ доктору и свидѣтельство прислалъ часа черезъ два съ дворникомъ.

Это не смягчило, разумѣется, оскомины «мѣщанства». Все настойчивѣе поднимаютъ голосъ старыя привычки нравственнаго и фи-

зического изящества, такъ для нея теперь непостижимо заглушенными натискомъ его вторженія въ ея жизнь.

И съ Жоржемъ не знаетъ какъ ей быть. Ревниво сдерживаемое матерью будированіе мальчика противъ «фамиллярныхъ замашекъ газетчика» — самое больное мѣсто ея фальшиваго положенія, но по крайней мѣрѣ, первое время было не трудно зажимать ротъ Жоржу талантами и писательскими заслугами, превышающими сужденіе такого какъ онъ мальчика. Гораздо мудренѣе состязаться съ Жоржемъ въ вопросахъ благовоспитанности и приличія. Это даетъ ему поводъ высказываться относительно ихъ (Жоржъ такъ выразился) образа жизни.

Въ этотъ прїездъ отъ томительной скуки, царящей на дачѣ, юноша окончательно потерялъ терпѣніе и «отчиталъ мамашу».

...Развѣ такъ они могли бы жить съ отцовской пенсіей и состояніемъ? Всѣ приличные знакомства заброшены, она возится съ этими стриженными, понятно—всѣхъ это разогнало! Даже у дяди Константина перестали бывать. Тамъ хоть попахиваетъ ладаномъ, но всетаки настоящее хорошее общество и кузиночка одна прехорошенькая. Хоть дядю Сергѣя Жоржъ любитъ по дѣтской привычкѣ, но отъ того тоже мало веселья съ вѣчными политическими разговорами. Скука смертная поневолѣ тянетъ изъ дому, а тутъ начинается скучнѣйшій контроль каждаго шага. И «г. газетчикъ» позволяетъ себѣ вмѣшиваться! Жоржъ грозилъ «проучить» его когда-нибудь какъ слѣдуетъ.

Весь экстренный отпускъ Жоржа прошелъ въ такихъ объясненіяхъ, при чемъ татап брала больше нетерпѣливо повышенными интонаціями. Матильда багровѣла отъ усилій сдерживаться и не кинуться каждую минуту на защиту своего кумира; а въ полудѣтскихъ глазахъ сына явно сквозила неискренность затаенной, созрѣвшей мысли: суда мужчины надъ женщиной, кто бы она ни была.

Проводивъ Жоржа, Полина почувствовала неодолимую потребность выбиться изъ этой атмосферы всеобщаго недовольства и осужденія. Она вспомнила, что никто вѣдь не дѣлаетъ ее больной, кромѣ нея самой! Послала депешу Артаеву, а сама собралась въ городъ за покупками—у Матильды нѣтъ никакой фантазіи.

Раньше чѣмъ она вернулась, Артаевъ прїѣхалъ обѣдать и былъ пораженъ, не найдя больную дома. Матильда ни за что не соглашалась отпустить его, даже пройтись по парку, увѣряя, что «ужасно какъ будетъ попадать отъ madame», если она выпуститъ его.

Но французенка считала себя обязанной вознаграждать гостя за уступчивость и притащила на балконъ свои frivolités, которые съ необычайнымъ проворствомъ вытягивались изъ-подъ стального кря-

ва въ ея пухлыхъ короткихъ пальцахъ. Занимать гостя добрая душа умѣла только домашними дѣлами, и въ полчаса Андрей Ивановичъ узналъ всё новости: какъ тонули въ морѣ, madame такъ перепугалась, что заболѣла, и тутъ ужъ всёми «хорошо попадало», и ей, и Жоржику, и monieur Kotchetoff. Il ne faut pas agacer les femmes! О! русскія женщины такія непонятныя. Un pauvre diable, совсѣмъ не хорошо воспитанъ, есть такіе мужчины... madame слишкомъ, слишкомъ добра!

Изъ путаницы французскихъ словъ и невозможнаго русскаго синтаксиса, изъ отрывистыхъ фактовъ и задушевныхъ мыслей madame Матильды передъ слушателемъ высказывали попеременно фигуры Барскаго («le beau garçon») и журналиста.

Артаевъ воздерживался отъ вопросовъ и выносилъ всегдашнее свое тягостное впечатлѣніе: беспорядочнаго существованія, гдѣ въ концѣ-концовъ мало счастливаго въ рамкахъ какого-то предвзятаго веселья. По мѣрѣ сближенія, Андрей все серьезнѣе жалѣетъ Полину Львовну, но и глубже возмущенъ тѣмъ, что она «съ собой дѣлаетъ».

...Пріятно было бы усадить ее въ экипажъ съ Жоржикомъ и этой добрѣйшей болтушкой, перевезти куда-нибудь на чистое мѣсто, гдѣ бы не было ничего прежняго: ни богатой беспорядочной обстановки, ни загадочныхъ поклонниковъ, ни празднои скуки...

...Ему она давно выказываетъ трогательную нѣжность... И вѣдь не ради него она такъ искренно любитъ Вѣру. Съ нею одной можно говорить. И душа чуткая у нея...

Однажды вечеромъ, возвращаясь съ острововъ, Андрей самымъ серьезнымъ образомъ пустился мысленно въ поиски подходящаго жениха для милой вдовушки. Одинъ вѣдь исходъ для такой женской «свободы!» И Сергѣю Львовичу былъ бы теплый пріютъ въ его одиночествѣ... Но, увы! жениха никакого не видѣлось, и онъ рѣшительно не знаетъ, въ какую сторону направить экипажъ, въ который хотѣлось спрятать маленькую семью.

— Oh! quond on parle du loup... вотъ теперь вамъ не будетъ скучно дожидать!—раздалось восклицаніе Матильды.

Подъ балкономъ выросла высокая фигура Кочетова. Василій Васильевичъ нахмурился и обвелъ собесѣдниковъ подозрительнымъ взглядомъ. Онъ напустился на Матильду.

...Полину Львовну ни подъ какимъ видомъ нельзя было отпустить въ городъ! Здѣсь погулять по солнцу, другое дѣло. Отъ горы (своего грохота опять нервы разгуляются... Почему не прислали за нѣмъ??

«...Совсѣмъ — хозяинъ разносить!» — отмѣчалъ возмущенный Артаевъ.

«...Небось, успѣла насплетничать, старая дура?» — злился журналистъ.

Въ Артаевѣ онъ чуялъ серьезную для себя опасность. Хоть и рыцарь вѣрный маленькой Баскиной, да возьметъ же свое когда-нибудь молодость, придетъ конецъ той дури, коли вдовушка вздумаетъ приналечь вплотную... Охъ, неспроста, что-то больно зачастилъ!

Артаевъ обратился къ нему:

— Расскажите, пожалуйста, какія тутъ бѣды приключились?

— Да тотъ — красавецъ-то вашъ! — утопилъ было, ха-ха! Такое разстройство чувствъ произвелъ, что... впрочемъ, чорта съ два, небось вы и безъ меня извѣщены достаточно??

Онъ предлагалъ допросить, коли любопытно, самую Полину Львовну. Всякій знаетъ, что парходные свистки могутъ поднять мертваго.

— Ну, вѣтъ, не говорите, съ парходами вѣчныя катастрофы случаются.

— М-м... что кому больше нравится! Вотъ и Полина Львовна предпочитаетъ, чтобы парходъ налетѣлъ.

...Какая же ты, братецъ, дрянъ, какъ ты это скверно говоришь все! — возмущался Андрей.

Знаетъ онъ, разумѣется, что Барскій неизлѣчимо влюбленъ, что они съ Бочетовымъ злобно ревнуютъ, что бѣдовая вдовушка какъ-то невѣроятно запуталась.

Всего охотнѣе — прогнать бы обоихъ. Отъ души готовъ охранять безкорыстно одинокую женщину. Она ему казалась такой незащитной въ своемъ эскортѣ поклонниковъ — добыча ихъ!

А Бочетова одинъ видъ «чопорной рожи» Артаева выводитъ изъ себя. Напередъ онъ знаетъ, какъ Полина обрадуется гостю, расцвѣтеть, оживится, выздоровѣетъ въ одну минуту...

«...Невлюбленъ, а законнымъ бракомъ, небось, непрочъ, взвѣсивъ всѣ шансы? И мы то же не призадумаемся, что моложе лѣтъ на шесть, семь! Погуляла бабенка довольно, какъ разъ срокъ подошелъ остепениться... Бальзаговскій возрастъ — молодого мужа захотѣлось!»

Онъ злыми глазами разглядывалъ гостя. Солнце золотитъ сзади крупныя волны каштановыхъ волосъ. Сѣрые глаза глядятъ изъ тѣни серьезнымъ, точно разъ навсегда опечаленнымъ взглядомъ. Герой романа!

...«Либералишка!» — кипятить себя Василій Васильевичъ, — потихоньку да полегоньку... лавируемъ благополучно, пока другіе на

всѣ рожны брюхо себѣ напорять. Москвичей презираемъ—но и красныхъ критикуемъ... Лелѣемъ безвредный идеалъ аглицкаго парламентаризма. Типичнѣйшій буржуа отъ литературы! Глядишь, то здѣсь, то тамъ прикрыто—разогнанъ народъ по всѣмъ четыремъ вѣтромъ—а такіе англومانъ въ водѣ не тонуть и въ огнѣ не горятъ...

Ему страстно хотѣлось позондировать почву.

— А живописный монументъ-то этотъ, можете себѣ представить? Вѣдь съ того самого дня точно какъ въ воду канулъ! Хошь бы тебѣ навѣдался, какъ его дама себя чувствуетъ послѣ купанья... И ничего-съ! *Помаживаемъ*, будто такъ и надо... Дѣло видимое, тутъ какая ни на есть *poblesse oblige!*

— Такихъ вещей комментировать веривъ и вкосъ не приходится.

— Ну, ужъ это, извините, всякъ самъ про себя маравуетъ!—засмѣялся онъ грубо.

Руки сжимаются отъ такой наглости:

...Въ ея домѣ! Ёсть, пьеть, благодумствуетъ, а за спиной... Вотъ она, беззащитность женская! Всей мѣры ея женщины никогда не знаютъ, передъ ними все съ казоваго конца пародируетъ.

Артаевъ тутъ же рѣшилъ поговорить съ Муратовой. Ничего, Бочетова сегодня онъ открыто пересиживать будетъ, коли на то пошло...

— Коли женщина красива и одинока, отъ злословія ей не уйти одинаково при всѣхъ «направленіяхъ». Но всетаки отъ васъ меня это удивляетъ. Имѣлъ основаніе считать васъ добрымъ пріятелемъ Полины Львовны.

Бочетова передернуло подъ пристальнымъ холоднымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ.

— Чего тамъ еще... сами не со вчерашняго дня знакомы! Лице-мѣриемъ, сеньоръ мой, ничего не спасешь...—проворчалъ онъ сквозь зубы, сворачивая папиросу желтыми отъ табаку пальцами.

Полина Львовна вернулась къ четыремъ часамъ. Она уже знала и весело влетѣла на балконъ, на ходу откалывая шляпку.

— Прекрасно, прекрасно... Друзьямъ вашимъ надо умирать, чтобы лицедрѣть васъ?...

— Ну, не очень страшная смертельная болѣзнь!—улыбался Артаевъ.—Меня Ольга Николаевна въ упряжкѣ держитъ отъ утра до ночи... Давно бы пріѣхалъ.

— Какъ водится!—отвернулась она къ другому гостю:—напоили ли васъ чаемъ по крайней мѣрѣ? нѣтъ?

— Садитесь, садитесь. Полина Львовна... Не хлопчите, вы устали! Что передать прикажете? чаю?

— Да, чай... Вы милы, Артаевъ! такъ отрадно видѣть любезнаго человѣка!... Пусть дадутъ чаю скорѣе.

Артаевъ ушелъ разыскивать Матильду.

— Ну-съ, теперь вы выздоровѣли? Загадочная хандра разсытается подъ лучами любезности!—выговаривалъ журналистъ переувраженными губами.

— Непремѣнно, непременно, Василій Васильевичъ. Съ женщинами самое вѣрное средство—любезность и ласка.

— Ой ли? какъ будто вы, барыня, не всегда такъ думать изволили? Меня всячески никто не можетъ назвать волкомъ въ овечьей шкурѣ: былъ всегда откровеннымъ матерымъ волкомъ.

Примолгла, и съ минуту смотрѣла на него наивными молодыми глазами. Потомъ звонко расхохоталась:—даже забавно быть такъ ловко пойманной!

— Чему, чему смѣетесь?—огрызнулся онъ взбѣшенный.

— Да своему же поражению—вы видите!—отвѣтила она весело.—Что правда, то правда, вы никогда не рядились въ рыцарскіе доспѣхи. Только знаете что? Въ глубинѣ души женщина всегда надѣется надѣть эти доспѣхи и на самого строптиваго... И чѣмъ процедура труднѣе, тѣмъ это заманчивѣе. Voilà!

Она вскочила со стула упругимъ движеніемъ и смотрѣла тѣмъ особеннымъ лучистымъ взоромъ, которому нельзя довѣрять...

...Ну, да, да... напередъ извѣстно! теперь весь день будетъ весела, снисходительна, добра...

Вернулся Артаевъ и сталъ разспрашивать про лодку. Понятно, нарочно сдѣлано въ его присутствіи. Послѣ чаю Полина Львовна позвала пройти на рѣку и первая стала сходить по ступенькамъ.

...Много чести увязываться за ними! Василій Васильевичъ ушелъ въ комнаты поискать журналы.

Молчали до самой бесѣдки на Невѣ. Тамъ Полина усадила своего гостя на узкую деревянную скамейку, а сама рядомъ прислонилась къ досчатому столу.

— Дайте поглядѣть на васъ?... Я въ самомъ дѣлѣ была больна. И несчастна... Больше несчастна, чѣмъ больна, вотъ что скверно!

— Я начинаю это понимать...—сказалъ онъ просто, грустны голосомъ.

— Да!?..

И вдругъ, сама не зная какъ, она схватила въ обѣ руки его лоду и поцѣловала въ глаза.

И тѣмъ же движеніемъ уже выскользнула изъ бесѣдки.

Онъ такъ же мгновенно раскололся на два существа, брошенные въ схватку другъ съ другомъ.

...Простой, сердечный поцѣлуй—совершенно не изъ чего смущаться!

Раньше, даже еще въ послѣднй прїѣздъ онъ принялъ бы это спокойно: извѣстно, Полина Львовна обращается свободно... Можно не одобрять рискованныхъ выходовъ, но къ нему-то она искренно по дружески расположена.

Такъ было. А сегодня, должно быть, онъ слишкомъ много думалъ и волновался за женщину. Дружескому расположенію не удавалось побѣдить поцѣлуя... Разумѣется, ничего опредѣленнаго онъ и сейчасъ не думаетъ: Не ждалъ, чтобы можно такъ... взять да и поцѣловать...

...Главное—сейчасъ пойти къ ней и какъ ни въ чемъ не бывало. Нечего и мечтать улизнуть въ калитку прямо на пароходъ. Какъ нарочно—свистокъ!

Какъ ни готовился, а увидалъ Полину на дорожкѣ, и вся кровь кинулась въ голову... до боли!

Она мелькомъ взглянула, не сдержала улыбки и тоже покраснѣла.

— Ну, ну... пожалуйста, не смотрѣть несчастнымъ...

...Странный голосъ... точно онъ ей не повинуется. Сердце безпорядочно затрепыхало на этотъ звукъ.

«...Ну и гимназистъ же я однако, чистый срамъ...»—выругался Андрей про себя.

— Я вѣдь ваша тетушка, въ нѣкоторомъ родѣ,—уже смѣется Полина Львовна.—И давно извѣстно—безшабашная женщина!

— Хоть бы вы сами про себя такъ не говорили!—остановилъ ее Андрей съ непонятной горячностью.

Она кинула на него быстрый взглядъ.

— Я ничего не боюсь. Впрочемъ... это неправда... боюсь одного ужасно...

— Ma-dame!... ma-dame!...—донесся отъ дома высокій голосъ Матильды.

Полина остановилась, прислушиваясь.

— Ma-dame!...

— Тамъ что-то нужно... Идите скорѣе!... Станьте сегодня, Артаевъ, подольше... Можно?

— Благодарю васъ.

Изъ-за поворота аллеи показалась терраса. Матильда стоитъ на верхней ступенькѣ лѣстницы. По дорожкѣ быстро шелъ имъ навстрѣчу Юрій Муратовъ.

Полина пошла скорѣе, безотчетно встревоженная. Да, у Юрія разстроенный видъ!

— Жоржъ!... Что-то случилось съ Жоржемъ?!... Упалъ съ лошади?... Бога ради, Юрій...

Она остановилась, хватаясь бессознательно за руку Артаева.

— Нѣтъ, нѣтъ!... не Жоржъ!... не бойтесь!—крикнулъ офицеръ, все усоряя шагъ.

— Ахъ!... ну, можно ли такъ пугать!

Она не подумала, что Муратовъ еще ничего не успѣлъ сказать. Она сама испугалась безотчетнымъ страхомъ, который Богъ вѣсть какъ передается по воздуху, и потомъ даже вспомнить нельзя, что такое было: напряженная походка Юрія—фигура Матильды на самомъ припекѣ...

За нѣсколько шаговъ Муратовъ снялъ фуражку и вытеръ лобъ платкомъ.

— Съ тобою что случилось?! Юрій, не обманывай...

— Нѣтъ же, нѣтъ!... Только, представьте... сегодня Барскій застрѣлся...

Полина коротко вскрикнула и смотрѣла на него неестественно расширенными глазами, страшно блѣднѣя.

— Барскій??—повторилъ пугливымъ шопотомъ Артаевъ.

— Madame!... madame!!—протягивала патетически навстрѣчу ей руки Матильда.

На балконѣ преградилъ дорогу мрачный взоръ Кочетова, не шевельнувшася изъ качалки.

...Ей казалось, что надо скорѣе, скорѣе куда-то дойти и тамъ начать думать. Но не дошла дальше середины балкона и упала на стулъ.

Душили рыданія...

V.

— Несчастный, горькій человѣкъ!... убила... всетаки убила!! ты вѣдь жену знаешь, Юрій? глупенькое, невинное созданіе?.. Дѣвочка, дѣвочка у нихъ! Вотъ, отчего я всегда боялась... Въ лодкѣ! тогда самъ сказалъ, что сходить съ ума... самъ... О! да, да... сумасшедшій!... Что говорятъ доктора?... Люди сходятъ же съ ума... развѣ всегда кто-то виноватъ?... Можетъ быть записка есть... какая-нибудь записка...

Она одна говорила. Одинъ метался быстрый, срывающійся голосъ.

Трое мужчинъ стояли вокругъ и смотрѣли на нее. Ихъ вытянутыя, суровыя лица не допускають умолкнуть.

— Вы увѣрены, что я одна виновата... всѣ, всѣ!... Но вотъ я клянусь вамъ, клянусь: все я дѣлала, чтобы его излѣчить, что могла. Прогнать совсѣмъ? давно... Чего же легче! еслибъ не вѣчный страхъ, что тутъ же у моихъ дверей пустить пулю въ лобъ... Это жестокость, насиліе, это безсовѣстно! Что, что дѣлать съ такими безумцами?!... Что вы хотите чтобы мы дѣлали, когда вы лишитесь разсудка?!

— Не играть въ любовь!... Не сводить съума!—точно что-то вонзають въ нее восклицанія Кочетова.

Она стала кричать вѣ себя, высокимъ жалкимъ голосомъ:

— А вы сами?... вы?!... Мы играемъ—а вы, вы?!... Святые судьи!... Боже мой... вѣдь это было давно... Безуміе... Я не знаю сама!...

Подъ скорбнымъ взглядомъ Кочетова, вся кровь поднялась въ голову, загудѣло въ ухахъ, душило огненнымъ кольцомъ горло... Но она даже глазъ не отвела. Она не хотѣла умалять своей вины, она жаждала открытой исповѣди... Давно, давно задыхается отъ упрековъ.

Голосъ Кочетова клокочетъ благороднымъ гнѣвомъ.

...Великолѣпно! сама не припомнить?... Мало ли ставокъ въ игрѣ! живые люди отбрасываются, какъ прочитанныя страницы. Одно занятіе—кокетство! это ихъ кушанье, досыта наѣсться никогда не могутъ.

— Зачѣмъ вы пошлости эти говорите? И это отвѣтъ на то, что я не обязана вѣдь вовсе высказывать! *Играть въ любовь*... въ этихъ словахъ нѣтъ никакого смысла! Я, мы всѣ—всѣ люди хотятъ любви. Но вы безнаказанны! вы отъ любви ничего не требуете кромѣ рабства—вотъ вся разница между нами! А тѣ, кого вы попрекаете кокетствомъ, часто самыя несчастныя,—вѣкъ свой въ погонѣ за призракомъ... Вѣдь для каждой женщины вы сдѣлали изъ жизни плѣнь!

— Призраки облеченные однако въ плоть и кровь!—прошипѣлъ онъ.

Полина упала головой на столъ и опять заплакала.

Артаевъ стоялъ надъ нею со спокойнымъ видомъ.

— Смотрите! я тоже, храни Богъ, не отравился бы какимъ-нибудь способомъ. Будеть вамъ убиваться-то! пошутить неуклюже журналистъ.

— Ну, объ васъ такъ плагать не буду! Тотъ всю душу изъ меня вымоталъ. Въ немъ была какая-то трагическая покорность.

— Когда Барскій вперялъ въ васъ очи—это напоминало какъ великолѣпный быкъ, наставя широкій лобъ, ждетъ обуха.

— Можно бы воздержаться отъ остроумія о мертвомъ!—оборвалъ его Муратовъ и сталъ первый прощаться.

Бочетовъ вышелъ вмѣстѣ съ нимъ.

...Пусть кислый остается утѣшителемъ—очертѣла вся эта мелодрама!

Слова Полины, что о немъ она такъ плакать не стала бы, всю дорогу преслѣдовали Василя Васильевича. И не слова самыя а та несомнѣнная интонація, какъ они вырвались у плачущей женщины.

Затягиваетъ предательская бабья атмосфера, держать въ какой-то постыднѣйшей неувѣренности! Не то ужъ о завтрашнемъ днѣ—тутъ и вчерашній-то отрицаютъ ни по чемъ: было не было... чортъ! Да еще тонъ оскорбленной невинности. Вишь, перлы истинной любви разыскиваемъ, не угодно ли! Донъ-Жуанъ въ юбкѣ!

.....

Матильда насильно перетащила madame и ея гостя въ столовую.

Артаевъ всячески старался отвлечь Полину отъ несчастнаго происшествія; сталъ рассказывать про санитарный отрядъ баронессы Ферзенъ и самъ искренно увлекся.

Въ началѣ Ольга Николаевна намѣревалась ѣхать съ добровольцами въ Сербію, но столько хлопотъ и затрудненій, что, пока все уладится и наша война подоспѣетъ.

Артаева тоже подбиваютъ со всѣхъ сторонъ на войну; зовутъ и въ Красный Крестъ и отъ своей редакціи корреспондентомъ. Онъ еще не рѣшилъ. Хочется лучше самому работать, а не чужіе подвиги описывать... Дакъ бы и порѣшилъ, да беретъ сомнѣніе: въ Крестѣ мудрено поладить—личности у насъ все! Раньше всего справляйся съ кѣмъ да кѣмъ работать придется.

...Увлекается. Голосъ другой явился, глубокой и упругій. Какой еще молодой онъ!

— Вы уѣдете?! правда! Я не вѣрила,—шепчетъ она въ волненіи.

— Ъду, Полина Львовна. Кажется мнѣ, что я тамъ окунусь въ родникъ живой воды. Не однѣ несбыточные мечты, слова набившія оскомину, напрасныя жертвы... Само горнило, въ которомъ просіяетъ живая, реальная свобода! Все на землѣ рождается въ борьбѣ и мукахъ! Только у насъ борьба, муки, безчисленные страданія, жертвы,—все это напрасно, на погибель все. Оттуда и сами мы вернемся обновленными, попомните мое слово! Сгинуть всякіе шарлатаны, спекулирующіе на общественныхъ бѣдствіяхъ. Слѣдовъ на нихъ не

останется! Шарлатаны никогда еще живого дѣла не сдѣлали, только свои карманы набивать мастера—поневоля придется кликнуть вличь всему, что давно оттерто, оклеветано, обобрано... Тамъ и наше воскресенье въ открытой битвѣ свободы!

Мягкій взоръ сталъ яркимъ и острымъ. Лицо вдругъ похорошѣло.

Полина не отводила сіяющихъ глазъ, не притронулась къ обѣду и только пила бѣлое вино со льдомъ...

...Что-то какъ будто уже зарождается въ этомъ хлынувшемъ волненіи, почему-то радостномъ.

— А что объ этомъ говорить Сергѣй?

По лицу Артаева прошла тѣнь отъ ея внезапнаго вопроса.

— То-то горе, Полина Львовна, разошлись мы съ Сергѣемъ Львовичемъ на этомъ!... А я увѣренъ, что и въ него война вдохнула бы новыя силы: снова натянула бы тотъ нервъ, безъ чего такия природы какъ онъ, не живутъ, а чахнуть.

— Что же говорить?

— Есть одна точка зрѣнія, съ которой и онъ готовъ примириться съ войной... ни за что вамъ не отгадать какая.

Странная улыбка дрожала на его лицѣ.

— Ну?

— Если турки насъ постыднѣйшимъ образомъ расколотятъ.

Полина шумно отодвинулась со своимъ стуломъ далеко отъ стола.

— Сергѣй это говорить!? Перестаньте! вы не можете этому вѣрить!

Онъ сталъ съ жаромъ объяснять: *какъ теорія*, это неопровержимо. При современныхъ условіяхъ только пораженія идутъ на пользу народамъ. Одинъ единственный рычагъ толкаетъ власть впередъ—злая необходимость. Военныя побѣды неизбежно укрѣпляютъ деспотизмъ или даже къ нему приводятъ. Побѣдами всегда поработались тѣ, кто ихъ своею кровью покупалъ.

— Тутъ бесполезно оспаривать—исторія! Намъ и за примѣрами вѣдь не далеко ходить! Много разъ я развивалъ эту самую теорію, писалъ... да! А вотъ на дѣлѣ я ѣду въ Болгарію и ужъ разумѣется, ѣду побѣждать.

Онъ растерянно улыбался, точно въ себя къ чему-то прислушивался.

— Да, да, да, да! Пейте скорѣе, за наши побѣда! за ваши подвиги тамъ, Артаевъ... вѣдь подвиги не только въ сраженіяхъ... Не одни болгары... За спасеніе Россіи! но не позоромъ... никогда, никогда! Ужь за разумъ заходить у этихъ господъ... Турки!? Нѣтъ, нѣтъ, ни одного сраженія не будетъ проиграно—ни одного!

— Ну, ну... вашими устами! Aus deinem Munde—in Gottes Ohre!

Они чокались и пили холодное вино. Лицо Полины пылало въ темной рамѣ разбившихся волосъ. Слезы вдругъ наливались въ глаза— и пропадали, только омывъ новымъ блескомъ горячій взоръ.

— И знаете что? сказать? нѣтъ, не теперь еще!

— Что такое?... отчего не теперь? Я, радъ что вы тоже увлекаетесь. Мнѣ такъ... такъ было больно сегодня...

Она охнула и сорвалась съ мѣста.

...То, что едва успѣло родиться, что жило всего одинъ этотъ разговоръ о войнѣ—о чемъ раньше недумала вовсе—оно уже принимаетъ опредѣленный облигъ, черты, родныя каждой живущей душѣ.

Испуганнымъ усилиемъ воли Полина себя принудила вернуться въ дѣйствительности. И точно убѣгая отъ чего-то въ этой жаркой столовой, она увела своего гостя въ полутемную пустую гостиную.

Артаевъ подумалъ, что это самая удобная минута для серьезнаго разговора. Послѣ ужасной смерти Барскаго прямой долгъ его— долгъ дружбы.

Объ ея исповѣди онъ заговорилъ. Конечно, ни одинъ изъ нихъ этого не стоитъ. Но... явилось же у нея въ первую минуту такое движеніе души? Оправдываться... Развѣ въ этомъ побужденіи... для нея совершенно невыгодномъ... ужасно мучительномъ... развѣ...

Полина сдѣлала движеніе и онъ пугливо приомлъ.

— Ничего, говорите дальше... говорите... какъ хорошо, что сами начали объ этомъ! какъ... какъ я васъ люблю за это!

Голосъ залить слезами открыто, покорно.

Здѣсь они терялись, въ большой свѣтлой комнатѣ. Артаевъ всталъ, отошелъ отъ нея и тогда заговорилъ сосредоточенно и озабоченно, упираясь локтями въ колѣни, сунувшись глазами во что-то около себя.

— Повѣрьте только, Полина Львовна, какъ истинный братъ.... вы не сердитесь? Я Богъ знаетъ, что отдалъ бы, чтобы не было здѣсь этого—этого господина...

— Кочетовъ? Онъ просто золъ. Обыкновенная самолюбивая злость! Развѣ вы не согласны, что дерзкіе люди занимательны до поры до времени? Потому что они кажутся всегда умнѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ.

Внезапное самообладаніе, фальшивый тонъ, точно мгновенно прихлопнули съ трудомъ пріотворившуюся тяжелую дверь.

Андрей Ивановичъ позволилъ себѣ напомнить, что она, повидимому, держалась прежде другого мнѣнія.

И она тоже мгновенно почувствовала поворотъ настроенія и то,

что это сдѣлали ей произвольныя, наигранныя слова. Совсѣмъ, совсѣмъ отдѣльныя отъ умиленной нѣжности, заливающей ей душу... какъ прибываетъ вода, мѣрно и неудержимо, въ невидную пробойну.

— Вы знать хотите?—спросилъ безсильный голосъ среди тишины.

И оба вздрогнули. Ей отвѣтилъ только далекій протяжный свистокъ, точно крикъ чьей-то боли.

«...Ему все равно. Этого не будетъ никогда»,—сказала себѣ Полина.

Дверь открыта на балконъ. За дверью погасаетъ этотъ ужасный день. Еще не свершилось самое мучительное. Но какъ притягиваетъ бездна,—она добровольно не уйдетъ ни отъ чего.

— Я пугаю васъ. Да? Ненужная, неприличная откровенность. Но вы... чего же хотите? Преподать нѣсколько добродѣтельныхъ совѣтовъ, не проникая въ неудобную суть... такъ? Учитъ женщинъ ничего не стоитъ!

Она сорвала разомъ всѣ кольца съ руки, и одно упало, откатилось на середину комнаты. Артаевъ хотѣлъ поднять, она удержала его.

— Я помѣшала... вы что-то начали говорить?

...Да, онъ твердо зналъ, о чемъ намѣревался говорить. Но сейчасъ тамъ пустое мѣсто. Онъ, какъ лунатикъ, забрался на крышу!

И вдругъ почувствовалъ утренній поцѣлуй на своихъ глазахъ.

— Не надо злоупотреблять. такими минутами,—выжалъ онъ изъ себя, стыдясь ея невидныхъ ему глазъ.

— Но если хочу? мнѣ надо сказать, надо! Пусть всѣ, до послѣдняго человѣка, называютъ безнравственной женщиной... Отъ васъ вынести не могу.

— Полина Львовна! Почему я? какой я судья?

Полина тихо, мучительно смѣется—навѣрное ли смѣется?... плачуть такъ неизъяснимая горечь.

— Не пугайтесь!.. не бойтесь же такъ моего каждаго слова! Вы?... ну, что-жъ... вѣдь и всю жизнь надъ нами только вашъ одинъ судъ! Оно понятно: у охотника и у добычи не можетъ быть одинаковой морали. Для насъ—паденіе, а для васъ—побѣда. А отсюда все именно такъ и нужно: чтобы мы не понимали опасности, чтобы знали только наши обязанности и ваши права, чтобы вѣрили любовной лжи, чтобы волю нашу слѣпила и убивала эта радуга страсти, которая намъ не дана... миражъ!

Она рванулась протестующимъ движеніемъ и очутилась на балконѣ.

«...Ну, сама ты знаешь близко женщинъ, которыя живутъ не этимъ», — думаетъ сурово Артаевъ и слѣдитъ разсѣянно за свѣтлымъ силуэтомъ за дверью.

Первыя шаткія тѣни блуждаютъ по саду. Надъ Невой растеть тяжелая туча, это она гонитъ передъ собою послѣдніе отблески дня. Ея верхній край еще переливается блѣднымъ золотомъ, а понизу сгущается лиловая мгла, сливаясь съ такой же лиловой далью рѣки, перерѣзанной бѣлой черточкой недалекаго моста. Откуда-то слабо доносятся взрывы музыки. Мерцаетъ сивозъ зелень красный огонекъ.

Опять нѣжный голосъ вливаетъ свою муку въ тишину вечера.

Но мысль, прорѣзавшая мозгъ, по образы, прильнувшіе изъ памяти отгоняютъ отъ него жалость. Не оправдываются правые. О чемъ теперь?

— Кто знаетъ, можетъ быть человекъ этотъ все равно былъ обреченъ? долженъ былъ помѣшаться! Онъ былъ полонъ странностей. Да... такъ было... навѣрно такъ! Вѣдь всѣ это знали... но вы, мои друзья, сказали ли мнѣ что-нибудь въ успокоеніе? Виновна! Василій Васильевичъ — тотъ въ восторгѣ! Какой просторъ грызть меня, уничтожать моей грѣховностью!

— Но вы сами, сами, Полина Львовна?

Свѣтлая тѣнь дрогнула и скользнула назадъ въ комнату.

— Да, о, да, да... Ненавижу! цѣлую жизнь... это проклятое непоправимое безуміе... Вѣдь чтобы свергнуть такого барина — нужно цѣлый переворотъ совершить! Я органически неспособна ни на какіе перевороты! Онъ привыкъ сидѣть въ этомъ креслѣ... привыкъ ворчать, поучать... критиковать мой каждый шагъ. Онъ можетъ быть видѣть въ этомъ даже гражданскій долгъ! И вѣдь никто, никто другой меня не можетъ избавить!

— Я въ себя не приду! Полина Львовна... вы могли такъ... такъ унизить свою жизнь... Простите.

...Чего, чего она ждала отъ него?

...Послѣдняго не хватало — растерзаннаго сердца.

— Ну, нѣтъ! одно изъ двухъ: виновные — веселы, а страдающіе — правы. Чего же они отъ меня хотятъ?

Она тихо зарыдала, прижалась всѣмъ тѣломъ къ мягкой спинкѣ стула, какъ къ живому существу.

Онъ понималъ и не понималъ.

Онъ не сознавалъ, что стоитъ оборонительно вытянувшись въ жесткой позѣ.

...Да, конечно, онъ чувствуетъ искреннюю жалость — но сильнѣе

неизмѣримо чувствуетъ разочарованіе. Она угадала: слухамъ онъ не вѣрилъ. Пріятіе надѣяться, что *это не такъ*... Какъ-нибудь иначе! ...Развѣ отважился бы иначе на подобный разговоръ?

Ни тѣни смущенія въ ней онъ не замѣчалъ. И еще сегодня, защищаясь противъ нападокъ Бочетова, она была какъ всегда, полна свободной простоты.

Теперь ему казалось, что еще никогда онъ не видалъ такихъ горькихъ слезъ. Только это совсѣмъ другая, чужая женщина мучается... Не та, съ которой онъ сближался незамѣтно, объятый со-страдательной лаской, бережно касавшейся не зажившей боли его сердца. Не та женщина, которая въ это утро заставила испытать нѣсколько мгновеній очаровательнаго смятенія.

Она свободный человѣкъ—ея добрая воля отдавать себя на судъ. Инстинктъ вѣковаго рабства!... Зачѣмъ она это сдѣлала!

Пусть то подвигъ честности—онъ не приблизилъ ее къ нему, а вырылъ непроходимую бездну... Жаль... да, страшно жаль... *Но тутъ ничею не можетъ быть для него.*

— Уходите! Ну вотъ, я вамъ рассказала себя... то-есть хотѣла рассказать! А вы меня теперь еще меньше понимаете, чѣмъ раньше. Было у васъ свое, готовое сужденіе какое-то... теперь и оно спутано! ...Онъ всей душой хотѣлъ бы возразить что-нибудь.

— Вы считали меня лучше, а теперь—теперь ниже, чѣмъ я заслуживаю!... да, да... не могло и быть иначе... рассказать нельзя! Не думайте, я не раскаиваюсь.

Она не раскаивалась. Но охватывало новое, страшное ощущеніе добровольной разоблаченности... Точно навсегда она останется обезоруженной подъ чужимъ взглядомъ—въ собственной душѣ не уцѣлѣло своего завѣтнаго угла.

Артаевъ держалъ въ рукѣ шляпу и не рѣшался уйти.

...Неужели онъ совсѣмъ ничего не можетъ сдѣлать для нея?

«Жалѣеть»,—подумала она отчетливо и послѣдняя краска сбѣжала съ ея лица.

— Ну, прощайте... О чемъ задумались? Не теперь, нѣтъ... потому... спокойно! Попытайтесь отбросить готовые мужскія точки зрѣнія, вслушайтесь въ чужое сердце... Неужели вы не чувствуете, что тутъ нѣтъ ничего, кромѣ самой безразсудной правды?

Сама собой его голова склонилась къ ея рукѣ.

— Вы не простите мнѣ никогда... Я это чувствую,—прошепталъ онъ смиренно.

Ольга Шапирь.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВИННЫЙ СКЛАДЪ *).

(LA BODEGA).

Повѣсть Висенте Власко-Ибаньеса.

(Съ испанскаго.)

IX.

Раннимъ вечеромъ собрались первыя кучки рабочихъ на громадной равнинѣ Каулины. Одни спустились съ горъ, другіе пришли съ мызъ, или съ полей, по ту сторону Хереса; нѣкоторые явились изъ пограничныхъ мѣстностей Малаги, и изъ Санлукара де-Варромедя. Таинственный призывъ раздался по всѣмъ постояннымъ дворамъ, по всѣмъ селамъ и людскимъ на всемъ пространствѣ округа Хереса, и всѣ работники поспѣшно собрались, думая, что насталъ моментъ возмездія.

Они смотрѣли на Хересь злобными глазами. День расчета бѣдныхъ съ богатыми приближался, и бѣлый, улыбающійся городъ, городъ безачей, съ его бodegaми и милліонами, будетъ сожженъ, освѣщая ночь пламенемъ пожара!

Вновь прибывшіе собирались по одну сторону дороги, на равнинѣ, покрытой кустарникомъ. Быки, которые паслись здѣсь, ушли въ самую глубь равнины, словно испуганные этимъ чернымъ пятномъ, которое все увеличивалось и увеличивалось непрерывно вливающимися въ него новыми полчищами работниковъ.

Вся орда нужды явилась на призывъ. Это были люди исхудалые, съ лицами, сожженными солнцемъ. Въ полевыхъ работникамъ присоединились и городскіе рабочіе изъ Хереса.

Возбужденіе мятежа, страстное стремленіе къ мести, желаніе улучшить свою участь, казалось, сравнивали всѣхъ ихъ, придавая имъ какъ бы семейное сходство.

*) Русская Мысль, кн. VII, 1906 г.

— Идемъ, — восклицали они съ горящими глазами, видя что столько *товарищей* собралось. Ихъ было больше четырехъ тысячъ. Вновь прибывавшіе подходили къ собравшимся на равнинѣ съ вопросомъ:

— Въ чемъ дѣло?

— Да, въ чемъ же дѣло?—Всѣ собрались, не зная почему и для чего.

Распространилась вѣсть, что сегодня вечеромъ, когда стемнѣетъ, начнется революція, и они пришли, доведенные до отчаянія нуждой и преслѣдованіями забастовки, съ старыми пистолетами за кушаками, съ серпами въ рукахъ, ножами или страшными рѣзаками, которые однимъ взмахомъ могли отрубить голову.

У нихъ было нѣчто большее, чѣмъ все это: была вѣра, вдохновляющая всякую толпу въ первые моменты возстанія, энтузіазмъ и довѣрчивость, благодаря которой они принимали съ восторгомъ самыя негѣпныя свѣдѣнія, считая ихъ вполне достоверными. Инициатива этого собранія, первая мысль о немъ принадлежала *Мадриленю*, молодому человѣку, незнакомому въ этой мѣстности, но явившемуся въ окрестностяхъ берега во время разгара забастовки и возбуждавшего отвагу въ слушателяхъ своими пылкими рѣчами. Никто не зналъ его, но языкъ у него былъ хорошо повѣшенъ и, повидимому, это была важная птица, судя по знакомствамъ, которыми онъ хвастался. Его послалъ, какъ онъ говорилъ, Сальватьерра, чтобы замѣнить его во время отсутствія его.

Великому соціальному движенію, имѣющему измѣнить весь существующій строй міра, должно быть положено начало въ Хересѣ. Сальватьерра и другіе, не менѣе извѣстные лица, уже скрываются въ городѣ, чтобы появиться въ благоприятный моментъ. Войско присоединится къ революціонерамъ, лишь только они вступятъ въ городъ.

И легковѣрные работники, съ яркимъ воображеніемъ южанъ, передавали другъ другу эти свѣдѣнія, украшая ихъ всякаго рода подробностями. Прольется кровь однихъ лишь богатыхъ. Солдаты перейдутъ къ нимъ, и офицеры тоже на сторонѣ революціи. Старики, тѣ, которые пережили сентябрьское возстаніе противъ Бурбоновъ, были наиболѣе довѣрчивые и легковѣрные.

Они *видѣли* своими глазами и не нуждались въ томъ, чтобы имъ что-либо доказывали. Возставшіе генералы и адмиралы были лишь автоматами, дѣйствовавшими подъ вліяніемъ великаго человѣка, уроженца здѣшней мѣстности. Донъ-Фернандо сдѣлалъ все это, онъ вызвалъ мятежъ во флотѣ, онъ послалъ полки въ Алголеа противъ сол-

дать, шедшихъ изъ Мадрида. И то, что онъ сдѣлалъ, чтобы лишить королеву ея престола и подготовить появленіе республики, длившейся семь мѣсяцевъ, развѣ онъ этого не повторитъ, когда дѣло касается столь важной вещи, какъ завоеваніе хлѣба для бѣдныхъ?

Время шло, и солнце стало заходить, а толпа все еще не знала, что она собственно ждетъ и до которыхъ поръ ей надо оставаться здѣсь.

Дядя Сарандилья переходилъ отъ одной группы къ другой, чтобы удовлетворить свое любопытство. Онъ ускользнулъ изъ Матансуэлы, поссорившись съ своей старухой, которая не хотѣла отпустить его, и, не послушавшись совѣтовъ надсмотрщика, напоминавшаго ему, что въ его годы нельзя пускаться въ поиски приключеній. Онъ хотѣлъ видѣть вблизи, что такое революція бѣдняковъ; присутствовать при той благословенной минутѣ (если она настанетъ), когда крестьяне подѣлятъ землю на мелкіе участки, осуществляя его мечту.

Онъ старался узнать слабыми своими глазами знакомыхъ среди прибывающихъ, удивлялся ихъ неподвижности, неувѣренности и неимѣнія плана.

— Я былъ солдатомъ,—говорилъ онъ,—былъ на войнѣ, а то, что вы теперь подготавливаете, все равно что сраженіе. Гдѣ же у васъ знамя? Гдѣ вашъ полководецъ?...

Сколько онъ не осматривался кругомъ, онъ видѣлъ лишь только группы людей, какъ казалось, утомившихся безконечнымъ ожиданіемъ. Нѣтъ ни полководца, ни знамени!

— Плохо, очень плохо,—разсуждалъ Сарандилья.—Мнѣ кажется я лучше ворочусь на мызу. Старуха права, это кончится пораженіемъ.

Еще одинъ любопытный тоже переходилъ отъ одной группы къ другой. Это былъ Алканарронъ, съ двойной своей шляпой, нахлобученной на глаза. Поденщики встрѣчали его смѣхомъ. И онъ тутъ же? Они ему дадутъ ружье, когда войдутъ въ городъ. Посмотримъ, храбро ли онъ будетъ сражаться съ буржуями.

Но цыганъ отвѣчалъ на предложеніе преувеличенными изъясненіями испуга. Людямъ его племени не нравится война. Взять ему ружье? Быть можетъ они видѣли многихъ цыганъ, которые были бы солдатами?

— Но красть это ты сумѣешь,—говорили ему другіе.—Когда настанетъ время дѣлежа, какъ ты набьешь себѣ пузо, бездѣльничья!

И Алканарронъ смѣялся, какъ обезьяна, потирая себѣ руки, при упоминаніи о разграбленіи города, польщенный въ своихъ атавистическихкихъ расовыхъ инстинктахъ.

Одинъ изъ бывшихъ поденщиковъ въ Матансуэлъ напомнилъ ему его двоюродную сестру Мари-Крусъ.

— Если ты мужчина, Алканарронъ, ты можешь сегодня ночью отомстить за нее. Возьми этотъ серпъ и всади его въ брюхо разбойнику дону-Луису.

Цыганъ отстранилъ рукой предложенное ему смертоносное орудіе, и убѣждалъ отъ говорившихъ съ нимъ, чтобы скрыть свои слезы.

Начинало темнѣть. Поденщики, уставъ ждать, стали двигаться туда и сюда, раздражаясь протестами. Пусть скажутъ наконецъ, кто тутъ распоряжается. Останутся они всю ночь что ли на Баулинѣ? Гдѣ Сальватерра? Пусть онъ явится!... Безъ него они никуда не пойдутъ.

Нетерпѣніе и неудовольствіе толпы были причиной того, что наконецъ у нея явился вождь. Надъ криками толпы возвысился громовой голосъ Хуанона. Его руки атлета поднялись надъ головами.

— Но кто же далъ намъ приказаніе собраться здѣсь?.. *Мадриленьо*? Пускай же онъ идетъ сюда. Пусть его отыщутъ!

Городскіе рабочіе, ядро *идейныхъ* товарищей, пришедшихъ сюда изъ Хереса, и которымъ было поручено вернуться не иначе какъ съ крестьянами, собрались вокругъ Хуанона, угадывая въ немъ вождя, который сплотитъ воедино всѣ разрозненныя воли.

Наконецъ нашли *Мадриленьо*, и Хуанонъ приступилъ къ нему съ разпросомъ, что они тутъ дѣлаютъ? Пріѣзжій выразался весьма многословно, ничего въ сущности не сказавъ.

— Мы собрались здѣсь для революціи, а именно для социальной революціи.

Хуанонъ топалъ ногой отъ нетерпѣнія. Гдѣ же Сальватерра? Гдѣ донъ-Фернандо?...

Мадриленьо не видѣлъ его, но зналъ, ему это говорили, что донъ-Фернандо въ Хересѣ и ждетъ вступленія туда рабочихъ. Онъ зналъ также, или вѣрнѣе, ему говорили, что и войско перейдетъ на ихъ сторону. И стража, охраняющая тюрьму, точно также въ заговорѣ. Ничего другого не нужно, какъ только идти въ городъ и сами солдаты откроютъ ворота тюрьмы, выпустивъ на свободу всѣхъ арестованныхъ товарищей.

Великанъ Хуанонъ стоялъ нѣсколько минутъ въ задумчивости, почесывая себѣ лобъ, точно этимъ онъ могъ оказать помощь ходу запутанныхъ своихъ мыслей.

— Пусть такъ, — воскликнулъ онъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія. — Значить, вопросъ въ томъ, покажемъ ли мы

себя мужчинами или нѣтъ: войдемъ ли въ городъ, чтобы тамъ не случилось, или же отправимся спать по домамъ.

Въ его глазахъ блестѣла холодная рѣшимость, фатализмъ тѣхъ, которые становятся вождями толпы. Онъ бралъ на себя отвѣтственность за мятежъ, не подготовленный имъ. О предполагавшемся возстаніи и онъ зналъ столько же, какъ и эти люди, бродившіе, казалось, въ какихъ-то сумеркахъ, не въ состояніи объяснить себѣ, что они тутъ дѣлаютъ.

— Товарищи!—крикнулъ Хуанонъ повелительно.—Впередъ, въ Хересь, всё тѣ, у кого есть мужество въ душѣ! Мы освободимъ изъ тюрьмы нашихъ бѣдныхъ братьевъ... долой всѣхъ, кто желалъ бы помѣшать этому. Сальватерра тамъ.

Первый, подошедшій къ импровизированному вождю, былъ Пако де-Требухена, бунтовщикъ-поденщикъ, котораго не принимали на работу ни на одной мызѣ и который считался изъ села въ село съ своимъ осликомъ, продавая водку и революціонныя брошюры.

— Я пойду съ тобой, Хуанонъ, такъ какъ товарищъ Фернандо ждетъ насъ.

— Кто мужчина и у кого есть совѣсть, пусть идетъ за мной,—громко крикнулъ Хуанонъ, самъ не зная, куда ему вести товарищей.

Однако, несмотря на его призывы къ мужеству и совѣсти, большинство собравшихся инстинктивно отступало. Ропотъ недовѣрія, беспредѣльнаго разочарованія поднялся въ толпѣ. Отъ шумнаго энтузіазма большинство сразу перешло къ подозрѣніямъ и страху. Ихъ южное воображеніе, всегда склонное къ неожиданному и чудесному, внушило имъ вѣру въ появленіе Сальватерры и другихъ знаменитыхъ революціонеровъ, сидящихъ верхомъ на рѣзвыхъ коняхъ, словно гордые и непобѣдимые полководцы, стоявшіе во главѣ большаго войска, чудесно появившагося изъ-подъ земли. Имъ же предстояла лишь задача сопровождать могущественныхъ этихъ союзниковъ при вступленіи ихъ въ Хересь, взявъ на себя легкій трудъ убить побѣжденных и завладѣть ихъ богатствомъ! А вмѣсто этого имъ говорятъ, чтобы они одни вступили въ этотъ городъ, который вырисовывается на горизонтѣ, въ послѣднемъ сіяніи заходящаго солнца, и, казалось, сатанински мигаетъ имъ красными глазами своего освѣщенія, точно заманивая ихъ въ западню. Они не дураки. Жизнь для нихъ тяжела чрезмѣрностью работы и непрерывнымъ голодомъ; но еще хуже— умереть. Домой, домой!

И группы начали уходить въ направленіи, противоположномъ городу, теряться въ полумракѣ, не желая выслушивать оскорбленія Хуанона и наиболѣе эзальтированныхъ изъ рабочихъ.

Эти послѣдніе, боясь, что, оставаясь дольше здѣсь, они облегчатъ лишь новое бѣгство, отдали приказаніе двинуться впередъ.

— Въ Хересь! Въ Хересь!...

Они пошли. Было ихъ около тысячи человѣкъ: городскіе рабочіе, и люди-звѣри, которые отправились на собраніе, чувствуя запахъ крови, и не могли уйти, точно ихъ толкалъ инстинктъ, болѣе смѣлый, чѣмъ ихъ воля.

Рядомъ съ Хуанонъ, среди самыхъ храбрыхъ, шелъ *Маэстрико*, тотъ юноша, который проводилъ ночи въ людской въ Матансуэлъ, учась читать и писать.

— Мнѣ кажется, что наше дѣло плохо,—сказалъ онъ своему энергичному товарищу.

— Мы идемъ, точно слѣпые. Я видѣлъ людей, бѣжавшими по направленію въ Хересь, чтобы предупредить о нашемъ прибытіи. Намъ ждутъ, но не готовятъ что-либо хорошее.

— Ты ошибаешься, *Маэстрико*,—отвѣтилъ повелительно вождь рабочимъ, который, гордясь взятымъ имъ на себя дѣломъ, считалъ малѣйшее возраженіе непочтительностію.—Ты ошибаешься. Если же ты боишься, убѣгай, какъ остальные. Намъ не нужны здѣсь трусы.

— Я трусъ? — воскликнулъ чистосердечно парень. — Впередъ, Хуанонъ! Жизнь не такъ-то и дорога.

Они шли всѣ молча, съ опущенной головой, точно собираются напасть на городъ. Мадриленко объяснилъ свой планъ. Первымъ дѣломъ надо идти въ тюрьму освободить арестованныхъ товарищей. Тамъ къ нимъ присоединится войско. И Хуанонъ, словно никакой приказъ не можетъ быть изданъ помимо него, повторялъ громко:

— Въ тюрьму, друзья! Спасать нашихъ братьевъ!

Они сдѣлали большой обходъ, чтобы войти въ городъ переулкомъ, точно они совѣстались проходить широкими и хорошо освѣщенными улицами. Многіе изъ этихъ людей лишь разъ-другой побывали въ Хересь, не знали улицъ и слѣдовали за своими предводителями съ покорностію стада, думая съ тревогой, какъ имъ выбраться оттуда, если пришлось бы спасаться бѣгствомъ.

Черная и безмолвная человѣческая лавина двигалась впередъ съ глухимъ топотомъ ногъ, отъ котораго дрожала мостовая. Двери домовъ запирались, свѣчи въ окнахъ тушились. Съ одного балкона женщина осыпала ихъ руганью.

— Канальи! Низкій сбродъ! Дай-то Богъ, чтобы васъ повѣсили, это все, что вы заслуживаете!...

И на мостовой послышался ударъ разбившагося о камни глинянаго сосуда, но его дребезги не попали ни въ кого. Это была Марке-

сита, которая съ балвона торговца свиней негодовала противъ антипатичной ей низкой черни, осмѣливающейся угрожать благопристойнымъ людямъ.

Только нѣкоторые изъ толпы подняли головы. Остальные прошли мимо, не обращая вниманія на бессмысленную вылазку противъ нихъ, желая какъ можно скорѣй поспѣть навстрѣчу другой. Городскіе рабочіе узнали Маркеситу, и уходя отвѣтили на ея оскорбленія словами, столь же классическими, какъ и похабными. Вотъ такъ распутная баба! Еслибъ они не торопились такъ сильно, то хорошенько нахлопали бы ей, поднявъ юбки.

Толпа нѣсколько отшатнулась, поднимаясь вверхъ, на площади de la Cariel, самое мрачное мѣсто города. Многіе изъ мятежниковъ вспомнили о своихъ товарищахъ изъ союза «Черной руки», казненныхъ здѣсь.

Площадь была пустынная: старинный монастырь, превращенный въ тюрьму, высился весь темный, безъ единаго огонька въ окнахъ, съ плотно закрытыми дверями. Даже часовой и тотъ спрятался за большими воротами.

Взойдя на площадь, передовые ряды толпы остановились, сопротивляясь напору заднихъ. Какъ, нѣтъ никого? Гдѣ же ихъ союзники? Гдѣ солдаты, которые должны были присоединиться къ нимъ?

Они не замедлили узнать это. Изъ-за низенькой рѣшетки мельнулъ бѣглый огонекъ, красное пламя, окутанное дымомъ. Сильный и сухой трескъ пронесся по площади. За нимъ послѣдовалъ еще и еще трескъ и такъ до девяти разъ, которые, толпѣ, неподвижной отъ изумленія, показались безконечными. Это были войска, стрѣлявшія въ нихъ, прежде чѣмъ они приблизились на разстояніе, когда могли въ нихъ попасть пули.

Изумленіе и ужасъ придали нѣкоторымъ работникамъ истинный героизмъ. Они побѣжали впередъ съ крикомъ и распостертыми руками.

— Не стрѣляйте, братья, насъ предали!... Братья, мы вѣдь пришли не за дурнымъ дѣломъ!...

Но братья были туги на ухо и продолжали стрѣлять. Вскорѣ толпу охватила паника бѣгства. Всѣ—храбрые и трусы—бросились бѣжать съ площади, толкая и топча другъ друга, словно ихъ гнали вкнутомъ по спинѣ эти выстрѣлы, продолжавшіе потрясать пустынную площадь.

Хуанонъ и наиболѣе энергичные остановили людской потокъ, когда повернули въ переулокъ. Ряды выстроились снова, но ихъ было

уже меньше и не столь плотные. Теперь налицо было лишь около шестисотъ человекъ. Легковѣрный вождь ругался глухимъ голосомъ.

— Давайте сюда Мадриленко, пусть онъ намъ объяснить это.

Но искать его оказалось бесполезнымъ. Мадриленко исчезъ во время бѣгства, скрылся, услышавъ выстрѣлы, въ переулочекъ, какъ и всѣ, хорошо знавшіе городъ. При Хуанонѣ остались лишь крестьяне, жители горъ, которые по улицамъ Хереса шли оцупью, изумленные тѣмъ, что они идутъ во всѣ стороны, не встрѣчая никого, точно городъ необитаемъ.

— И Сальватьерры нѣтъ въ Хересѣ, и ему ничего обо всемъ этомъ неизвѣстно, — сказалъ Маэстрико Хуанону. — Миѣ кажется, что насъ обманули.

— И я того же мнѣнія, — отвѣтилъ атлетъ. — Что намъ теперь дѣлать? Разъ мы здѣсь, пойдете-ка въ центръ Хереса, на улицу Марса Ларіа.

Они начали беспорядочное шествіе во внутрь города. Ихъ успокаивало, внушая нѣкоторую храбрость, лишь то обстоятельство, что они не встрѣчаютъ ни препятствій, ни враговъ. Гдѣ жандармерія? Почему войско прячется? Тотъ фактъ, что солдаты оставались въ казармахъ, предоставивъ городъ ихъ власти, наполняла крестьянъ безумной надеждой, что появленіе Сальватьерры во главѣ съ возставшими войсками еще возможно.

Безпрепятственно дошли они до улицы Ларіа. Никакихъ предосторожностей не было принято противъ ихъ движенія. На улицѣ не видно было ни одного прохожаго, но казино были всѣ освѣщены, а огни въ нижнихъ этажахъ не были защищены ставнями.

Мятежники прошли мимо клубовъ богатыхъ, бросая туда взгляды ненависти, но почти не останавливались. Хуанонъ ждалъ гнѣвнаго взрыва толпы: онъ даже приготовился вмѣшаться съ своимъ авторитетомъ вождя, чтобы уменьшить катастрофу.

— Вотъ они, богачи! — говорили въ толпѣ.

— Вотъ тѣ, которые насъ кормятъ какъ собакъ.

— Тѣ, которые насъ грабятъ. Посмотрите, какъ они пьютъ нашу кровь!...

И послѣ краткой остановки, они послѣшно прошли дальше, точно ихъ гдѣ-то ждали и они боялись опоздать.

У нихъ были въ рукахъ страшные рѣзакъ, серпы, ножи. Пусть только богатые выйдутъ на улицу и они увидятъ, какъ ихъ головы поватятся на мостовую. Но это должно быть сдѣлано на улицѣ, потому что всѣ они чувствовали нѣкоторое отвращеніе къ тому, чтобы войти въ дверь, точно стекла были не переступаемой стѣной.

Долгіе годы подчиненія и трусости тяготѣли надъ грубыми людьми, увидавшими себя лицомъ къ лицу съ своими угнетателями. Кроме того, ихъ приводило въ смущеніе яркое освѣщеніе главной городской улицы, ея широкіе тротуары съ рядомъ фонарей, красноватый блескъ оконъ. Всѣ внутренно приводили себя одно и то же извиненіе въ оправданіе своей слабости. Еслибъ они въ открытомъ полѣ бы встрѣтили этихъ людей.

Когда толпа проходила мимо «Círculo Caballista», изъ оконъ показалось нѣсколько головъ молодыхъ людей. Это были сеньоритосы, слѣдившіе съ плохо скрываемымъ безпокойствомъ за шествіемъ забастовщиковъ. Но видя, что они идутъ не останавливаясь, въ глазахъ ихъ сверкнула иронія и къ нимъ вернулась увѣренность въ превосходствѣ ихъ сословія.

— Да здравствуетъ социальная революція!—крикнулъ Маэстрико, точно ему было больно пройти безмолвно передъ жилищемъ богатыхъ.

Любопытные у оконъ скрылись, но скрываясь смѣялись, и это восклицаніе доставляло имъ большое удовольствіе. Если они довольствуются тѣмъ, что кричатъ!...

Въ безцѣльномъ шествіи толпа дошла до площади Нусба, и видя, что ихъ вождь остановился, они его окружили, обративъ на него вопросительные взгляды.

— Что намъ дѣлать теперь?—спросили они наивно.—Буда мы идемъ?

Хуанонъ принялъ свирѣпый видъ.

— Можете идти, куда хотите. Нечего сказать, многое мы сдѣлали!... А я пойду прохладиться.

И завернувшись въ свою накидку, онъ прислонился спиной къ столбу фонаря, оставаясь неподвижнымъ въ позѣ, выразившей глубокое уныніе.

Толпа стала расходиться, дѣлясь на маленькія кучки. Въ каждой изъ нихъ импровизировались предводители, которые повели товарищей въ разныя направленія. Городъ въ ихъ рукахъ: теперь-то начнется лафа! Проявился атавистическій инстинктъ расы, неспособной совершить что-либо совокупно, лишенной коллективнаго значенія и чувствующей себя сильной и предприимчивой единственно лишь когда каждое отдѣльное лицо можетъ дѣйствовать по собственному вдохновенію.

На улицѣ Ларія погасли огни, казино закрылись. Послѣ тяжелаго испытанія, перенесеннаго богатыми при видѣ угрожающаго прохода

толпы, они боялись возвращенія черни, раскаявшейся въ своемъ великодушїи, и всѣ двери запирались.

Многочисленная группа работниковъ направилась къ театру. Тамъ находились богатые, буржуа. Слѣдуетъ убитъ всѣхъ ихъ и разыграна бы дѣйствительная трагедія. Но когда поденщики дошли до ярко освѣщеннаго входа, они остановились. Никогда не были они въ театрѣ. Теплый, напитанный испареніями газа воздухъ, громкій шумъ говора, прорывавшійся черезъ щели дверей, смутили ихъ.

— Пусть они выйдутъ, пусть выйдутъ и узнаютъ кой-что!

Къ дверямъ театра подошло нѣсколько зрителей, привлеченныхъ слухомъ о нашествїи, наполнявшемъ улицы. Одинъ изъ нихъ въ плащѣ и шляпѣ сеньорито дерзнулъ войти къ этимъ людямъ, закутаннѣмъ въ грубыхъ мантияхъ, стоявшей кучкѣ передъ театромъ.

Они кинулись къ нему, окруживъ его, съ поднятыми надъ нимъ серпами и рѣзаками, въ то время какъ остальные зрители бѣжали, спасаясь въ театрѣ. Наконецъ, въ ихъ рукахъ то, чего они искали. Это буржуа, буржуа съ нагруженнымъ желудкомъ, которому слѣдуетъ пустить кровь, чтобы онъ вернулъ народу все награбленное имъ.

Но буржуа, здоровенный юноша, съ спокойнымъ и искреннимъ взглядомъ удержалъ ихъ жестомъ.

— Э, товарищи! Я такой же рабочій, какъ и вы!

— Руки, покажи руки, — крикнуло нѣсколько поденщиковъ, не опуская грознаго своего оружія.

И откинувъ плащъ, онъ протянулъ имъ руки, сильныя, четвероугольныя, съ ногтями, обломанными ручной работой. Одинъ за другимъ эти мятежники стали ощупывать его ладони, оцѣнивать, насколько они жестки. На нихъ мозоли, онъ изъ ихъ среды. И угрожающее оружіе было спрятано подъ мантиями.

— Да, я изъ вашей среды, — продолжалъ молодой парень. — По ремеслу я столяръ, но мнѣ нравится одѣваться какъ сеньоритосы, и вмѣсто того, чтобы проводить ночь въ трактирѣ, я провожу ее въ театрѣ. У каждаго свои вкусы...

Это разочарованіе навело такое уныніе на забастовщиковъ, что многіе изъ нихъ удалились. Исусе! гдѣ же причтутся богатые?...

Они шли по узкимъ улицамъ и отдаленнымъ переулкамъ, маленькими кучками, жажда встрѣтить кого-нибудь, чтобы онъ имъ показалъ свои руки. Это лучшее средство распознать враговъ бѣдныхъ. Но съ мозолистыми или немозолистыми руками, но никого не встрѣтили по дорогѣ.

Городъ казался пустыннымъ. Видя, что солдаты продолжаютъ оставаться у себя въ казармахъ, жители запирались въ своихъ до-

махъ, преувеличивая значительность вторженія рабочихъ, воображая, что чуть ли не миллионы людей владѣли улицами и окрестностями города.

Бучка изъ пяти поденщиковъ наткнулась въ узкой улицѣ на сеньорита. Это люди были самые свирѣпые изъ всей толпы, это были люди чувствовавшіе нетерпѣливую жажду смертоубійства, при видѣ, что время проходитъ, а кровь не проливается.

— Руки, покажи намъ руки, — кричали они, окруживъ юношу, поднимая надъ его головой четверугольные, сверкающіе рѣзаки.

— Руки! — возразилъ, разсердившись, молодой человекъ, откидывая плащъ. — Зачѣмъ я долженъ показывать вамъ руки? Не желаю этого дѣлать.

Но одинъ изъ нападавшихъ схватилъ его за плечо и рѣзкимъ движеніемъ заставилъ показать руки.

— У него нѣтъ мозолей! — крикнули они радостно.

И отступили на шагъ назадъ, словно для того, чтобы кинуться на него съ большимъ размахомъ. Но спокойствіе юноши остановило ихъ.

— У меня нѣтъ мозолей? Что же въ томъ? Но я такой же работникъ, какъ и вы. И у Сальватерры то же нѣтъ мозолей, а повидимому, вы бѣльшіе революціонеры, чѣмъ онъ!...

Имя Сальватерра, казалось, остановило приподнятыя надъ нимъ извѣстные ножи.

— Оставьте парня, — сказалъ сзади нихъ голосъ Хуанона. — Я его знаю и отвѣчаю за него. Онъ пріятель товарища Фернандо, и принадлежитъ къ послѣдователямъ *идеи*.

Эти дикари отошли отъ Фермина Монтенегро съ нѣкоторымъ огорченіемъ, видя, что намѣреніе ихъ не удалось. Но присутствіе Хуанона внушало имъ почтеніе. Къ тому же, изъ глубины улицы приближался другой молодой человекъ. Навѣрное это какой-нибудь буржуа, возвращающійся къ себѣ домой.

Въ то время какъ Монтенегро благодарилъ Хуанона за его своевременное появленіе, спасши ему жизнь, нѣсколько дальше отъ того мѣста состоялась встрѣча поденщиковъ съ прохожимъ.

— Руки, буржуа, покажи намъ руки.

Буржуа оказалось блѣднымъ и худымъ юношей, лѣтъ семнадцати, въ потертой одеждѣ, но съ большимъ воротничкомъ и яркимъ галстукомъ. Онъ дрожалъ отъ страха, показывая свои блѣдныя и анемичныя руки, руки писца, сидѣвшаго день деньской не на солнцѣ, а въ клѣткѣ-конторѣ. Онъ плакалъ, извиняясь прерывчатыми словами, глядя на рѣзаки глазами, полными ужаса, словно холодъ сталъ

гипнотизировалъ его. Онъ идетъ изъ конторы... онъ просидѣлъ поздно за работой. Не бейте меня... я иду домой, моя мать ждетъ меня... а-а-а-ай!...

Это былъ крикъ боли, страха, отчаянiя, всполошившій всю улицу. Вопль, отъ котораго волосы вставали дыбомъ, и въ то же время что-то переломилось, вродѣ сломаннаго горшка, и юноша спиной свалился на землю.

Хуанонъ и Ферминъ, дрожа отъ ужаса, подбѣжали къ кучкѣ людей и увидѣли среди нихъ на мостовой юношу съ головой въ все увеличивающейся и увеличивающейся черной лужѣ и ногами судорожно растягивающимися и стягивающимися, въ предсмертной агонiи.

Барвары казались довольные своимъ дѣломъ.

— Посмотрите на него, — сказалъ одинъ изъ нихъ. — Ученикъ буржуа! Онъ умираетъ, какъ цыпленокъ... Скоро настанетъ очередь и учителей.

Хуанонъ разразился проклятіями. Вотъ все, что они сумѣли сдѣлать? Труссы! Они прошли мимо казино богатыхъ, настоящихъ враговъ, и имъ ничего другого не пришло на умъ, какъ только кричать, страшась сломать стекла, бывшіе единственной защитой богатымъ. Они умѣютъ лишь только зарѣзать ребенка, такого же работника, какъ и они, бѣднаго писца въ конторѣ, который зарабатывалъ двѣ песеты въ день и, быть можетъ, содержалъ свою мать.

Ферминъ сталъ бояться, чтобы отецъ не кинулся съ ножомъ на своихъ товарищей.

— Куда идти съ этими звѣрями? — ревѣлъ Хуанонъ. — Пусть дозволить Богъ или дьяволъ, что насъ всѣхъ перехватили и повѣсили бы... И меня перваго, за то, что я животное, за то, что я повѣрилъ тому, что вы на что-нибудь годны.

Несчастный силачъ удалился, желая избѣжать столкновенiя съ своими свирѣпыми товарищами. И они то же кинулись въ рассыпную, точно слова поденщика вернули имъ разумъ.

Монтенегро, оставшись одинъ съ трупомъ, испугался. Нѣсколько оконъ стали открываться послѣ поспѣшнаго бѣгства убійць, и онъ, опасаясь, чтобы обитатели улицы не застали бы его подлѣ убитаго, то же бѣжалъ.

Въ своемъ бѣгствѣ онъ не останавливался, пока не попалъ на главныя улицы. Тутъ онъ считалъ себя лучше охраненнымъ отъ встрѣчи съ звѣрями, требовавшихъ, чтобы имъ показывали руки.

Черезъ короткое время городъ какъ будто сталъ просыпаться. Издали послышался топотъ, отъ котораго дрожала земля, и вскорѣ пронесся по улицѣ Ларіа рысью эскадронъ улановъ. Затѣмъ, въ концѣ

этой улицы, засверкали ряды штыковъ и пѣхота прошла мѣрнымъ шагомъ. Фасады большихъ домовъ, казалось, повеселѣли, разогъ открывъ свои двери и балконы.

Войско расположилось по всему городу. Отъ свѣта фонарей сверкали конницы, штыки пѣхотинцевъ, лакированные трехуголки жандармовъ. Въ полумрагѣ вырисовывались красныя пятна панталонъ солдатъ и желтые ремни жандармовъ.

Державшіе взаперти эту вооруженную силу сочли, что моментъ насталъ разсыпать ее по городу. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, городъ отдалъ себя безъ сопротивленія во власть работниковъ, утмляясь монотоннымъ ожиданіемъ изъ-за скудости мятежниковъ. Но кровь уже потекла. Достаточно было одного трупа, того трупа, который оправдалъ бы жестокое возмездіе, и власти пробудились отъ добровольнаго своего сна.

Ферминъ думалъ съ глубокой грустью о несчастномъ писцѣ, распростертомъ тамъ, въ узкой улицѣ, жертва эксплуатируемая даже въ ея смерти, облегчавшей имъ тотъ предлогъ, который искали власть имущіе.

По всему Хересу началась охота за людьми. Взводы жандармовъ и пѣхоты охраняли, не двигаясь съ мѣста, въѣздъ въ улицы, въ то время, какъ кавалерія и сильный пѣший патруль изслѣдовали городъ, арестуя подозрѣваемыхъ.

Ферминъ переходилъ съ одного мѣста на другое, не встрѣчая задержки. По виѣшности онъ былъ сеньорито, а военная сила охотилась лишь за тѣми, кто казался по одеждѣ рабочимъ или крестьяниномъ. Монтенегро видѣлъ ихъ проходившими цѣлыми рядами по дорогѣ въ тюрьму, окруженные штыками и конными отрядами, нѣкоторые, предававшіеся унынію, точно ихъ удивляло враждебное появленіе войска, «которое должно было соединиться съ ними», другіе—ужасавшіеся, не понимали, почему ряды арестованныхъ могли пробуждать такую радость на улицѣ Ларіа, когда нѣсколько часовъ передъ тѣмъ они проходили по ней какъ триумфаторы, не позволивъ себѣ ни малѣйшаго безпорядка.

Это была постоянная переправа арестованныхъ работниковъ, схваченныхъ въ ту минуту, когда они намѣревались выйти изъ города. Другіе были взяты нашедшими себѣ убѣжище въ тавернахъ или встрѣченные неожиданно на улицахъ, во время осмотра города.

Нѣкоторые изъ арестованныхъ были городскіе жители. Они только что передъ тѣмъ вышли изъ своихъ домовъ, увидавъ, что улицы очистились отъ нашествия, но уже виѣшности бѣдняковъ было достаточно, чтобы ихъ арестовали въ качествѣ мятежниковъ. И группы

арестованныхъ проходили все вновь и вновь. Тюрьма оказалась слишкомъ мала для столькихъ людей. Многіе были отведены въ казармы.

Ферминъ чувствовалъ себя утомленнымъ. Съ вечера онъ страдалъ по всему Хересу, отыскивая одного человѣка. Вторженіе забастовщиковъ, неувѣренность, что можетъ произойти изъ этого событія, развлекли его въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, заставляя забыть о своихъ дѣлахъ. Но теперь, когда происшествіе окончилось, онъ чувствовалъ, что нервное его возбужденіе исчезло и утомленіе овладѣло имъ.

Одну минуту онъ рѣшилъ было идти домой, къ себѣ въ гостиницу. Но дѣло его было не изъ тѣхъ, которое откладывается на слѣдующій день. Необходимо этою же ночью, тотчасъ же, покончить съ вопросомъ, заставившимъ его покинуть домъ дона-Пабло словно безумѣвшій, разставшись съ нимъ навсегда.

Онъ опять принялся бродить по улицамъ, отыскивая нужнаго ему человѣка, не останавливая взоровъ на отрядахъ арестованныхъ, которые проходили мимо него.

Вблизи площади Нуэва произошла, наконецъ, желаемая встрѣча.

— Да здравствуютъ жандармы! Да здравствуютъ благопристойные люди.

Это кричалъ Луисъ Дюпонъ, среди безмолвія, вызваннаго въ городъ появленіемъ столькихъ ружей на улицахъ. Онъ былъ пьянъ: это ясно было видно по блестящимъ его глазамъ и винному запаху изъ его рта. Сзади него шелъ Чиво и человѣкъ изъ гостиницы, несшій стаканы въ рукахъ и бутылки въ карманахъ.

Луисъ, узнавъ Фермина, бросился въ его объятія, желая поцѣловать его.

— Что за день! Э, какая блестящая побѣда!

И онъ ораторствовалъ, словно одинъ онъ разсвѣялъ забастовщиковъ.

Узнавъ, что чернь вступаетъ въ городъ, онъ, вмѣстѣ съ храбримъ своимъ спутникомъ, пріютились въ ресторанѣ *Монтанессъ*, крѣпко заперевъ двери, чтобы никто бы имъ не мѣшалъ. Надо же было подрѣпиться, выпить немного, прежде чѣмъ приступить къ дѣлу. У нихъ еще хватить времени выйти на улицу и обратить въ бѣгство низкую сволочь, стрѣляя въ нихъ. Для этого достаточно ихъ двухъ—его и Чиво. Нужно ублажать врага, дать ему набраться смѣлости, до той благовременной минуты, когда они двое появятся, какъ послы смерти. И наконецъ, они вышли изъ ресторана, съ револьверомъ въ одной рукѣ и ножомъ въ другой, но такъ неудачливо, что

уже встрѣтили войско на улицахъ. Пусть такъ, все же они сомнѣлись нѣчто.

— Я, — говорилъ съ гордостью пьяница, — помочь задержать болѣе дюжины рабочихъ. Сверхъ того, роздалъ, не знаю сколько, пощечинъ этой гадкой черни, которая, вмѣсто того, чтобы смириться, все еще говорила дурно о благопристойныхъ людяхъ... Хорошую встрѣнку получаютъ они!... Да здравствуетъ жандармерія! Да здравствуютъ богатые!

И словно отъ этихъ восклицаній у него пересохло въ горлѣ, онъ сдѣлалъ знакъ Чиво, который подбѣжалъ, подавая два стакана съ виномъ.

— Пей, — приказалъ Яцисъ своему другу.

Ферминъ колебался.

— У меня нѣтъ охоты пить, — сказалъ онъ глухимъ голосомъ. — Я желалъ бы лишь одно: поговорить съ тобой, и тотчасъ же. Поговорить объ очень интересной вещи..

— Хорошо, мы поговоримъ, — отвѣтилъ сеньорито, не придавая значенія просьбѣ Фермина. — Мы поговоримъ хоть три дня къ ряду: но сперва мнѣ надо исполнить свой долгъ. Я хочу угостить стаганомъ вина всѣхъ храбрецовъ, которые вмѣстѣ со мною спасли Хересь. Потому что ты долженъ знать, Ферминильо, что я, одинъ я сопротивлялся всѣмъ этимъ разбойникамъ. Пока войско было въ казармахъ, я стоялъ на своемъ посту. Полагаю, что городъ долженъ высказать мнѣ признательность за это, сдѣлавъ для меня что-нибудь!...

Взводъ конницы какъ разъ проѣзжалъ рысдой. Луисъ подбѣжалъ къ офицеру, поднимая вверхъ стаканъ вина, но командующій отрядомъ проѣхалъ дальше, не обративъ вниманія на предложенное ему угощеніе, а за нимъ послѣдовали его солдаты, которые чуть не раздавили сеньорито.

Его энтузіазмъ не охладѣлъ однако отъ этого недостатка вниманія.

— Олѣ, храбрая конница, — сказалъ онъ, бросая свою шляпу къ заднимъ ногамъ лошадей.

И поднявъ ее, надѣлъ себѣ на голову, и съ величественнымъ г-стомъ, прижавъ одну руку къ груди, крикнулъ:

— Да здравствуетъ войско!

Ферминъ не хотѣлъ выпустить его изъ рукъ, и, вооружившись терпѣніемъ, сталъ сопровождать его въ его экскурсіяхъ по улицамъ. Сеньорито останавливался передъ группами солдатъ, приказывая двумъ своимъ мужикамъ выходить впередъ со всѣмъ запасомъ бутылокъ и стагановъ.

— Олѣ, храбрецы! Да здравствуетъ кавалерія... а также и пѣхота... и артиллерія, хотя ея здѣсь нѣтъ! Стаканъ вина, лейтенантъ.

Офицеры, раздраженные этой нелѣпой экспедиціей, безславной и не представлявшей никакой опасности, отталкивали своимъ жестомъ пьяницу! Впередъ! Никто не пьетъ здѣсь.

— А такъ какъ вы не можете пить,—настаивалъ сеньорито съ упорствомъ опьянѣнія, я выпью вмѣсто васъ, за здоровье храбрыхъ людей!... Смерть разбойникамъ!

Бучка жандармовъ привлекла его вниманіе въ небольшомъ переулкѣ. Унтеръ-офицеръ, командовавшій отрядомъ, старикъ съ торчащими вверхъ, съ просѣдью усами, тоже не принялъ угощеніе Дюпона.

— Олѣ храбрые люди! Благословенна будь маменька каждого изъ васъ! Да здравствуетъ жандармерія! Вы не откажетесь вѣдь выпить со мной, по стакану вина? Чиво, подавай живѣй этимъ кабаляеросамъ.

Ветеранъ вновь сталъ отказываться. Уставъ, военныя правила... Но твердый свой отказъ онъ сопровождалъ благосклонной улыбкой. Съ нимъ говорилъ Дюпонъ, одинъ изъ наиболѣе богатыхъ людей въ городѣ. Унтеръ-офицеръ зналъ его, и, несмотря на то, что нѣсколько минутъ передъ тѣмъ встрѣчалъ ударами прикладовъ всѣхъ проходившихъ по улицѣ въ одеждѣ рабочихъ, онъ терпѣливо выслушивалъ тостъ сеньорито.

— Проходите, донъ-Луисъ,—говорилъ онъ тономъ просьбы.— Ступайте-ка домой: эта ночь не ночь веселія.

— Хорошо, я ухожу, почтенный ветеранъ. Но передъ тѣмъ выпью бокалъ, и еще одинъ, и еще столько счетомъ сколько васъ въ отрядѣ. Я буду пить, такъ какъ вы не можете этого сдѣлать изъ-за глупаго устава, и пусть оно пойдетъ вамъ на пользу... За здоровье всѣхъ васъ! Чокнись, Ферминъ; чокнись и ты, Чиво. Повторите всѣ за мной: да здравствуютъ треуголки!...

Онъ усталъ, наконецъ, переходить отъ отряда къ отряду, гдѣ никто не принималъ предлагаемое имъ угощеніе и рѣшилъ считать свою экспедицію оконченной. Совѣсть его была спокойна: онъ оказалъ почетъ всѣмъ героямъ, которые съ его храброй поддержкой спасли городъ. Теперь назадъ въ ресторанъ Монтаньесъ провести тамъ ночь до утра.

Когда Ферминъ очутился въ отдѣльной комнатѣ ресторана, передъ батареей новыхъ бутылокъ, онъ счелъ, что настало время приступить къ дѣлу.

— Миѣ надо переговорить съ тобой о чемъ-то очень важномъ Луисъ. Кажется, я уже сообщалъ тебѣ объ этомъ.

— Я помню... тебѣ нужно было поговорить... Говори, съѣ-ко хочешь.

Онъ былъ такъ пьянъ, что глаза его закрывались и онъ гнуса-вилъ, какъ старикъ.

Ферминъ посмотрѣлъ на Чиво, который по обыкновенію усѣлся рядомъ со своимъ покровителемъ.

— Я долженъ переговорить съ тобой, Луисъ, но дѣло это очень щекотливое... Безъ свидѣтелей.

— Ты намекаешь на Чиво?—воскликнулъ Дюпонъ, открывая глаза. — Чиво, это я, все, что меня касается, извѣстно ему. Еслибъ явился сюда мой двоюродный братъ Пабло, говорить со мной о своихъ дѣлахъ, Чиво бы оставался здѣсь и все бы слушалъ. Говори безъ опасенія, другъ! Чиво—голодецъ для всего, что мое.

Монтенегро покорился необходимости стерпеть присутствіе этого вихляя не желая отложить ради своей совѣстливости столь нужное ему объясненіе.

Онъ заговорилъ съ Луисомъ съ нѣкоторой робостью, прикрывая свою мысль, хорошенько взвѣсивая слова, чтобы только они двое могли бы ихъ понять, а Чиво оставался бы въ невѣдѣніи.

Если онъ его искалъ повсюду, донъ-Луисъ можетъ легко представить себѣ почему онъ это дѣлалъ... *Ему все извѣстно.* Случившееся въ послѣднюю ночь сбора винограда въ Марчамалѣ, навѣрное не исчезло изъ памяти Луиса. И вотъ, Ферминъ явился къ нему, чтобы предложить сеньоритъ исправить сдѣланное имъ зло. Всегда считалъ онъ его своимъ другомъ и надѣется, что тотъ и выкажетъ себя имъ, потому что если этого не случится...

Утомленіе, нервное возбужденіе ночи полной волненій, не позволили Фермину долгаго притворства, и угроза явилась на его устахъ въ то же время, какъ она сверкнула въ глазахъ его.

Стаганы вина, выпитые имъ, сжимали ему желудокъ, вино превратилось въ ядъ изъ-за того отвращенія, съ которымъ онъ его взялъ изъ этихъ рукъ.

Дюпонъ, слушая Монтенегро, притворялся болѣе пьянымъ, чѣмъ онъ имъ былъ на самомъ дѣлѣ, чтобы такимъ образомъ скрыть свое смущеніе.

Угроза Фермина вынудила Чиво прервать молчаніе. Головорѣзъ считалъ моментъ благоприятнымъ для льстиваго вмѣшательства.

— Здѣсь никто не смѣетъ угрожать, знаете ли вы это, цыпле-

ногъ?... Гдѣ Чиво, тамъ никто не дерзаетъ сказать что-либо его сеньорито.

Юноша вскоцилъ и, устремивъ на хвастуна грозный взглядъ сказалъ повелительно:

— Молчать... Держите свой языкъ въ карманѣ или гдѣ хотите. Вы здѣсь никто, а чтобы говорить со мной, вамъ надо просить у меня позволенія.

Фанфаронъ стоялъ въ нерѣшительности, точно раздавленный высокомеріемъ юноши, и прежде чѣмъ онъ пришелъ въ себя отъ нападенія на него, Ферминъ добавилъ, обращаясь къ Луису:

— И ты-то считаешь себя храбрымъ?... Считаешь себя храбрымъ, а ходишь повсюду съ провожатымъ, какъ дѣти ходятъ въ школу! Считаешь себя храбрымъ, и даже, чтобы поговорить наединѣ съ пріятелемъ, не расстаешься съ нимъ! Тебѣ слѣдовало бы носить хорошенькіе панталоны.

Дюпонъ забылъ свое опьянѣніе, стряхнулъ его съ себя, чтобы выпрямиться передъ пріятелемъ во всемъ величіи своей доблести. Ферминъ ранилъ его въ наиболѣе чувствительное мѣсто!...

— Ты знаешь, Ферминильо, что я храбрѣе тебя, и что весь Хересъ меня боится. Сейчас увидишь, нуждаюсь ли я въ провожатыхъ. Ты, Чиво, проваливай.

Храбрецъ сопротивлялся, фыркнувъ что-то съ высокомеріемъ безнаказанности.

— Проваливай!—повторилъ сеньорито, словно собираясь дать ему ударъ ногой.

Чиво вышелъ и двое друзей вновь усѣлись. Луисъ уже не казался пьянымъ: напротивъ, онъ дѣлалъ усилія казаться совершенно твердымъ, открывая безмѣрно глаза точно онъ намѣревался уничтожить взглядомъ Монтенегро.

— Когда пожелаешь, сказалъ онъ глухимъ голосомъ, чтобы внушить больше страху, мы пойдемъ убивать другъ друга. Не здѣсь, потому что *Монтаньесъ* мнѣ пріятель, и я не хочу компрометировать его.

Ферминъ пожалъ плечами, въ знакъ пренебреженія къ этой террористической комедіи. Они поговорятъ и объ этомъ, но уже послѣ смотря по тому какой будетъ результатъ ихъ разговора.

— Теперь къ сути, Луисъ. Ты знаешь какое имъ сдѣлалъ зло! А какъ ты думаешь исправить его?

Сеньорито потерялъ опять свое спокойствіе, видя, что Ферминъ безъ обиняковъ касается непріятнаго вопроса. Развѣ вся вина его? Виноватъ проклятый бузень, вино, случай... то, что онъ чрезмѣрно

добрый; потому что, еслибъ онъ не жилъ бы въ Марчамалѣ, оберетъ интересы своего двоюроднаго брата, (будь онъ проклятъ, если тотъ благодаренъ ему за это) ничего не случилось бы. Но что тутъ говорить зло сдѣлано. Онъ кабалеро, рѣчь идетъ о семьѣ друзей, и онъ не думаетъ отвиливать. Чего желаетъ Ферминъ. Его состояніе и личность все въ распоряженіи Фермина. По его мнѣнію самое разумное было бы, чтобы они вдвоемъ, съ общаго согласія, опредѣлили бы извѣстную сумму: всенепремѣнно онъ, такъ или иначе, достанетъ ее, чтобы отдать дѣвушкѣ въ видѣ приданнаго, и было удивительно бы, еслибъ, послѣ того, она не нашла бы себѣ хорошаго мужа.

Почему Ферминъ дѣлаетъ недовольное лицо? Развѣ онъ сказалъ, что-нибудь нелѣпое? Если ему не нравится это рѣшеніе вопроса у него на готовѣ есть другое. Марія де-ла-Лусъ можетъ идти жить съ нимъ. Онъ устроить ей большой домъ въ городѣ и она будетъ жить какъ королева. Дѣвушка нравится ему и высказанное ею презрѣніе къ нему послѣ той ночи очень его огорчило. Онъ приложитъ всѣ усилія, чтобы сдѣлать ее счастливою. Многие богатые въ Хересѣ живутъ такимъ образомъ со своими любовницами, которыхъ всѣ уважаютъ, словно законныхъ женъ, и если они и не женятся на нихъ, то лишь только потому, что тѣ низкаго сословія. И это предложеніе не устраиваетъ его? Пусть же самъ Ферминъ придумаетъ что-нибудь и они сразу покончатъ дѣло.

— Да, надо покончить его сразу,—повторилъ Монтенегро.—И поменьше словъ, потому что мнѣ тяжело говорить обо всемъ этомъ. Вотъ что ты долженъ сдѣлать: завтра ты пойдешь къ своему двоюродному брату и скажешь ему, что, устыдившись своего проступка, ты женишься на моей сестрѣ, какъ это обязанъ сдѣлать кабалеро. Если онъ дастъ свое позволеніе—отлично, если нѣтъ—все равно. Ты женишься и постарайся, исправившись, не дѣлать несчастной свою жену.

Сеньорито откинулся на стулѣ, точно скандализированный громадностью притязанія.

— Вотъ какъ... всего лишь жениться! Ты просишь не малаго!...

Онъ заговорилъ о своемъ двоюродномъ братѣ, увѣряя, что тотъ ни за что не дастъ своего согласія. Жениться онъ не можетъ. А карьера его? А будущность? Какъ разъ ихъ семья, съ согласія отцовъ іезуитовъ, ведетъ переговоры о его женитбѣ съ богатой дѣвушкой изъ Севильи, давнишней духовной дочери отца Урисабала. Эта же нитьба необходима ему, такъ какъ его состояніе очень пошатнулось отъ чрезмѣрной его расточительности, очень, а для его политической карьеры ему необходимо быть богатымъ.

— Жениться на твоей сестрѣ, это нѣтъ,—кончилъ свою рѣчь Дюпонъ.—Это чистое безуміе, Ферминъ; обдумай самъ хорошенько, это нелѣпица.

Ферминъ возразилъ, сильно возбуждаясь. Нелѣпица—вѣрно, но только для бѣдной Марикильѣ. Вотъ такъ счастье! Быть обремененной мужемъ, подобнымъ ему, этому сборищу всѣхъ пороковъ, который не можетъ жить даже съ самыми грязными въ мірѣ женщинами! Для Маріи де-ла-Лусъ этотъ бракъ означалъ лишь новое жертвоприношеніе, но нѣтъ другого исхода, кромѣ него.

— Ты думаешь, что я дѣйствительно желаю породниться съ тобой и радуюсь этому?.. Весьма ошибаешься. Какъ было бы хорошо, еслибъ никогда у тебя въ умѣ не зародилась бы злая мысль, сдѣлавшая сестру мою несчастной! Не будь этого случая я не согласился бы имѣть тебя своимъ зятемъ, хотя ты бы просилъ меня о томъ на колѣняхъ, нагруженный милліонами. Но зло сдѣлано и единственное средство исправить его предложенное мной, хотя всѣмъ намъ придется вслѣдствіе того испытывать муки. Ты знаешь, что лично я ни во что не ставлю бракъ—это лишь одно изъ многихъ, существующихъ въ мірѣ, лицемѣрій. Одно лишь необходимо для счастья—любовь и больше ничего. Я могу говорить, такимъ образомъ, потому что я мужчина; потому что я плюю на общество и на все то, что скажутъ люди. Но сестра моя женщина и ей, чтобы жить спокойно, чтобы ее уважали нужно дѣлать то, что дѣлаютъ остальные женщины. Она должна выйти замужъ за человѣка, обольстившаго ее, хотя и не чувствуя къ нему ни крошки любви. Никогда больше не вернется она къ прежнему своему жениху: было бы низостью обмануть его. Ты можешь сказать, пусть она останется дѣвушкой, такъ какъ никому неизвѣстно то, что случилось; но все, что дѣлается—узнается. Ты самъ, еслибъ я тебя оставилъ кончилъ бы тѣмъ, что въ пьяную ночь рассказалъ бы самъ о выпавшей на твою долю наслажденіи, о чудномъ кускѣ, промоченномъ тобой на виноградникѣ двоюроднаго твоего брата. Боже сохрани, этого нѣтъ! Тутъ одинъ лишь исходъ—бракъ.

И все болѣе и болѣе сильными выраженіями онъ препиралъ къ стѣнѣ Луиса, стараясь вынудить его дать согласіе на предложенное Ферминомъ рѣшеніе вопроса.

Сеньорито защищался съ тревогой человѣка, доведеннаго до крайности.

— Ты ошибаешься, Ферминъ,—говорилъ онъ.—Я вижу яснѣе тебя.

И чтобы выйти изъ труднаго положенія, онъ предлагалъ отложить разговоръ на слѣдующій день. Они обстоятельнѣе разберутъ

тогда дѣло. Страхъ, что онъ будетъ вынужденъ принять предложеніе Монтенегро, побуждалъ его настаивать на своемъ отказѣ. Все, что угодно, только бы не жениться. Это невысказано, семья его отречется отъ него, всѣ будутъ смѣяться надъ нимъ; онъ потеряетъ свою политическую карьеру.

Но Ферминъ настаивалъ съ твердостью, ужасавшей Луиса:

— Ты женишься; другого выхода нѣтъ. Ты сдѣлаешь то, что обязанъ сдѣлать, или одинъ изъ насъ лишній на свѣтѣ.

Манія храбрости вновь проявилась въ Луисѣ. Онъ чувствовалъ себя въ безопасности зная, что Чиво вблизи, и быть можетъ слышать ихъ слова рядомъ, въ коридорѣ.

Угрозы ему? Во всемъ Хересѣ нѣтъ человѣка, который бы безнаказанно обратился къ нему съ угрозами. И онъ опускалъ руку въ карманъ, лаская стволъ непобѣдимого револьвера, съ которымъ онъ чуть было не спасъ весь городъ, отразивъ одинъ все нашествіе. Прикосновеніе къ стволу револьвера казалося влило въ него новую отвагу.

— Э-а! Довольно! Я сдѣлаю то, что лишь могу, чтобы не осквернить себя въ качествѣ кабальера, каковымъ я есть. Но жениться я не женюсь, слышишь ли? Я не женюсь. Къ тому же почему виноватымъ долженъ быть я?

Цинизмъ блестялъ въ его глазахъ. Ферминъ скрежеталъ зубами и схоронилъ руки въ карманахъ, отступивъ на шагъ назадъ, словно онъ боялся тѣхъ жестокихъ словъ, которыя готовились выйти изъ устъ сеньорито.

— А твоя сестра?—продолжалъ тотъ.—Она не виновата ни въ чемъ? Ты совсѣмъ глупый, ты ребенокъ. Вѣрь мнѣ: та, которая этого не желаетъ, ее не изнасилюють. Я бутылка, согласенъ; но твоя сестра... твоя сестра немного...

Онъ сказалъ оскорбительное слово, но едва слышно.

Ферминъ бросился на него съ такой стремительностью, что опрокинулъ стулъ и столъ, задрезавъ отодвинулся отъ толчка до самой стѣны. Въ одной рукѣ Ферминъ держалъ ножъ Рафаэля, забытый имъ два дня тому назадъ въ этомъ самомъ ресторанѣ.

Револьверъ сеньорито такъ и остался у выхода изъ его кармана, откуда его рука не имѣла уже силъ вытащить его.

Дюпонъ пошатнулся съ громкимъ хрипѣніемъ и кровь чернымъ потокомъ хлынула у него изъ горла.

Затѣмъ онъ лицомъ внизъ грохнулся на полъ, увлекая въ своемъ паденіи со стола скатерть съ бутылками и стаканами и кровь его смѣшалась съ пролитымъ виномъ.

X.

Три мѣсяца миновало съ тѣхъ поръ, какъ сеньоръ Ферминъ выѣхалъ изъ виноградника въ Марчамалъ, и его друзья насилу могли узнать его, увидавъ его сидящимъ на солнцѣ, у дверей нищенской хижины, въ которой онъ жилъ съ своей дочерью въ предмѣстьи Хереса.

— Бѣдный сеньоръ Ферминъ! — говорили люди, видѣвшіе его. — Онъ обратился въ собственную тѣнь.

Онъ впалъ въ безмолвіе, близкое къ идиотизму. Цѣлые часы сидѣлъ онъ недвижно, съ опущенной головой, точно воспоминанія угнетали его. Когда дочь подходила къ нему, чтобы увести его въ домъ, или сказать, что обѣдъ на столѣ, онъ какъ будто приходилъ въ себя, давалъ себѣ отчетъ въ окружающемъ его и его глаза слѣдили за дѣвушкой строгимъ взглядомъ.

— Скверная женщина! — шептала онъ, — проклятая женщина!

Она, одна она виновата въ несчастіи, тяготѣвшемъ надъ семьей.

Его гнѣвъ отца, отца на старинный ладъ, неспособнаго на нѣжность и прошеніе, и мужская гордость его, вслѣдствіе которой онъ смотрѣлъ на женщину, какъ на низшее существо, ни на что другое не годное, какъ только причинять мужчинѣ громадный вредъ, этотъ его гнѣвъ преслѣдовалъ бѣдную Марію де-ла-Лусъ. Также и она измѣнилась: поблѣднѣла, исхудала, съ глазами ставшими еще больше отъ слѣзовъ пролитыхъ ею слезъ.

Ей нужно было дѣлать чудеса экономіи въ новой жизни, которую она вела съ своимъ отцомъ въ этой хижинѣ. Сверхъ ея заботъ и стѣсненій нужды, ей приходилось еще выносить мученіе, не мало упрековъ ея отца, и всю вереницу глухихъ проклятій, которыми онъ какъ бы хлесталъ ее каждый разъ, что она приближалась къ нему, отрывая его отъ его размышленій.

Сеньоръ Ферминъ жилъ съ непрерывными мыслями о злополучной ночи вторженія въ Хересь забастовщиковъ.

Для него все случившееся послѣ того не имѣла никакого значенія. Ему казалось, что онъ еще слышитъ, какъ ворота въ Марчамало, за часъ до разсвѣта, дрожали подъ бѣшенными ударами незнакомца. Онъ всталъ съ ружьемъ на-готовѣ и открылъ окно... Но это былъ его сынъ, его Ферминъ, безъ шляпы, съ руками, запачканными въ крови и расцарапаннымъ лицомъ, точно онъ боролся со множествомъ людей.

Они обмѣнялись лишь нѣсколькими словами. Ферминъ убилъ сеньорито Луиса и пробилъ себѣ дорогу, ранивъ голову рѣза, сопро-

вождавшаго Луиса. Эти незначительныя царапины получены имъ во время борьбы. Ему надо бѣжать, спастись тотчасъ же. Враги навѣрное подумаютъ, что онъ въ Марчамалѣ, и на разсвѣтѣ конныя жандармы явятся на виноградникъ.

Это былъ моментъ безумной тревоги, и бѣдному старику онъ показался безконечнымъ. Куда бѣжать?... Руки его выдвигали ящики комода, разбрасывая бѣлье. Онъ искалъ свои сбереженія.

— Возьми, сынъ мой, возьми все. И онъ набивалъ ему карманы дурасами, песетасами, всѣмъ серебромъ, заплѣсневѣвшимъ отъ долгаго лежанія взаперти, мало-по-малу собранное въ теченіе долгихъ лѣтъ.

Рѣшивъ, что онъ далъ ему достаточно, онъ его вывелъ изъ виноградника. Скорѣй! Еще ночь и имъ удастся уйти изъ Хереса, такъ, что никто ихъ не замѣтитъ. У старика былъ свой планъ. Нужно идти къ Рафаэлю, въ Матансуэло. Юноша еще сохранилъ связи съ прежними товарищами по контрабандѣ, и проведетъ его по глухимъ тропинкамъ изъ горъ въ Гибралтаръ. Тамъ онъ можетъ сѣсть на корабль и уѣхать куда вздумаетъ — міръ великъ.

И въ теченіе двухъ часовъ отецъ и сынъ шли почти бѣгомъ, не чувствуя усталости, подгоняемые страхомъ, покидая дорогу, всякій разъ, что они издали слышали шумъ голосовъ или лошадинъй топотъ.

Ахъ, это ужасное путешествіе съ его жестокими сюрпризами, оно и убило его. Когда разсвѣло, онъ увидѣлъ сына съ лицомъ умирающаго, запятнаннаго кровью, со всѣми внѣшними признаками убійцы, спасающагося бѣгствомъ. Ему было больно видѣть Фермина въ такомъ положеніи, но не зачѣмъ было отчаяваться. Въ концѣ-концовъ онъ мужчина, и мужчины убиваютъ не разъ, продолжая пользоваться уваженіемъ. Но когда сынъ объяснилъ ему въ краткихъ словахъ, зачѣмъ онъ убилъ, старику показалось, что онъ умираетъ; ноги у него задрожали и онъ долженъ былъ сдѣлать усиліе надъ собой, чтобы не упасть, растянувшись, среди дороги. Марикита, дочь его, была причиной всего случившагося. Ахъ, проклятая сука! И вспоминая поведеніе сына, онъ восхищался имъ, признательный ему всей душой за принесенную имъ жертву.

— Ферминъ, сынъ мой... ты хорошо поступилъ. Другого средства не было кромѣ мщенія. Ты лучший изъ всей семьи. Лучше мегъ который не сумѣлъ уберечь дѣвушку.

Появленіе ихъ въ Матансуэло привело Рафаэля въ крайнее измѣненіе. Убили его сеньорито, и онъ, Ферминъ, сдѣлалъ это!

Монтенегро проявилъ нетерпѣніе. Онъ проситъ Рафаэля провес

его въ Гибралтаръ такъ, чтобы никто не видѣлъ. Поменьше словъ. Желаетъ онъ спасти его, или отказывается? Надсмотрщикъ, вмѣсто отвѣта, осѣдлалъ добраго своего коня и еще одну лошадь изъ мызныхъ. Тотчасъ же онъ проводитъ его въ горы, а тамъ уже о немъ позаботятся другіе.

Старикъ видѣлъ, какъ они умчались во весь галопъ, и повернулъ въ обратный путь, весь согнувшись отъ внезапной старости, точно вся его жизнь ушла съ его сыномъ.

Затѣмъ существованіе его стало протекать какъ бы въ туманѣ сна. Онъ помнилъ, что немедленно покинулъ Марчамало, чтобы искать убѣжище въ предмѣстьѣ Хереса, въ хижинѣ одной изъ родственницъ его жены. На виноградникѣ онъ не могъ оставаться послѣ случившагося. Между нимъ и семьей его хозяина была кровь и прежде, чѣмъ ему бросать это въ лицо, онъ долженъ бѣжать.

Донъ-Пабло Дюпонъ предлагалъ ему черезъ третьи лица денежную помощь для поддержки его старости, хотя онъ и считалъ его главнымъ виновникомъ всего случившагося, такъ какъ онъ не сумѣлъ научить религіи дѣтей своихъ. Но старикъ отказался отъ всякой поддержки. Очень вамъ благодаренъ, сеньоръ, удивляюсь его сострадательности, но лучше готовъ умереть съ голоду, чѣмъ взять хоть грошъ отъ Дюпоновъ.

Нѣсколько дней спустя, послѣ бѣгства Фермина, къ старику явился его крестникъ Рафаэль. Онъ былъ безъ мѣста, отказавшись отъ должности своей на мызѣ. Явился для сообщенія, что Ферминъ въ Гибралтарѣ, и въ одинъ изъ ближайшихъ дней уѣдетъ моремъ въ Южную Америку.

— Также и тебя, — сказала съ грустью старикъ, — укусила проклятая змѣя, отравляющая всѣхъ насъ.

Юноша былъ грустенъ и упалъ духомъ. Говоря со старикомъ у дверей хижины, онъ посматривалъ туда съ нѣкоторымъ беспокойствомъ, словно боялся появленія Маріи-де-ла-Лусъ. Во время бѣгства съ нимъ въ горы Ферминъ разсказалъ ему все... все.

— Ахъ, крестный, какой это былъ ударъ для меня! Миѣ кажется, что я умру отъ него... И не быть въ состояніи отомстить! Этотъ безстыжій ушелъ изъ жизни, и я не пронзилъ его кинжаломъ! Не имѣть возможность воскресить его, чтобы снова его убить!... Какъ часто этотъ воръ, должно быть, смѣялся надо мной, видя меня одураченнымъ, такъ что я ничего объ этомъ не зналъ!

Больше всего приводило въ отчаяніе Рафаэля то, что онъ былъ на службѣ у этого человѣка. Какое смѣшное положеніе! Онъ плакалъ оттого, что не его рука отомстила Луису.

Теперь онъ уже не желаетъ работать. Для чего? Займется онъ опять контрабандой. Женщины?... на короткое время, а потомъ ихъ надо бить, какъ похотливыхъ и бездушныхъ животныхъ... Его желаніе — объявить войну полъ міру — богатымъ, тѣмъ, которые управляютъ, тѣмъ, которые внушаютъ страхъ своими ружьями и причиною того, что бѣдныхъ топчутъ власть имущіе. Теперь, когда несчастный людъ Хереса обезумѣлъ отъ ужаса, и работаетъ въ полѣ, не поднимая глазъ съ земли, тюрьма переполнена и многіе, желавшіе прежде перевернуть все вверхъ дномъ, ходятъ къ обѣднѣ, чтобы избѣгнуть подозрѣнія и преслѣдованій — теперь его очередь. Богатые увидятъ, какого они пробудили звѣря тѣмъ, что одинъ изъ ихъ среды разрушилъ его мечты.

Контрабандой онъ займется только для поддержанія своего существованія. Но немного погода, когда начнется жатва, онъ будетъ сжигать сѣновалы, мизы и отравитъ скотъ на пастбищахъ. Тѣ, что сидятъ въ тюрьмѣ, ждутъ моментъ казни, Хуанонъ, Маэстриго и другіе, несчастные, присужденные къ смерти, будутъ имѣть мстителя.

Если найдутся люди, достаточно мужественные, чтобы присоединиться къ нему, у нихъ составитъ конный отрядъ. Для чего-нибудь онъ знаетъ вдоль и поперекъ горы. Пусть готовятся богатые. Дурныхъ онъ будетъ убивать, а съ добрыхъ будетъ брать выкупъ, отдавая его бѣдному людю.

Онъ возбуждался, изливая свой гнѣвъ въ этихъ угрозахъ. О томъ, чтобы сдѣлаться разбойникомъ, онъ говорилъ съ энтузіазмомъ, чувствуемымъ съ дѣтства деревенскими удалцами къ искателямъ приключеній на большихъ дорогахъ. По его мнѣнію, всякій оскорбленный человѣкъ могъ искать отомщенія, лишь сдѣлавшись грабителемъ на большихъ дорогахъ.

— Меня убьютъ, — продолжалъ онъ, — но раньше чѣмъ меня убьютъ, я покончу съ полъ-городомъ.

И старикъ, раздѣлявшій взгляды юноши, одобрительно кивалъ головой. Онъ хорошо придумалъ. Еслибъ сеньоръ Ферминъ былъ молодъ и силенъ, у Рафаэля оказался бы въ его бандѣ лишній товарищъ.

Рафаэль уже не приходилъ больше. Онъ избѣгалъ того, чтобы дьяволъ не свелъ его лицомъ къ лицу съ Маріей де-ла-Лусъ. Увидавъ ее, онъ былъ бы способенъ убить ее или же расплаваться какъ ребенокъ.

Время отъ времени къ сеньору Фермину заходила какая-нибудь старая цыганка или отставной солдатъ изъ тѣхъ, которые въ кофейняхъ и казино продаютъ небольшой свой запасъ табаку.

— Дѣдушка, это вотъ вамъ... отъ Рафаэля.

То были деньги, посылаемые контрабандистомъ и которыя старикъ молча передавалъ дочери. Рафаэль не приходилъ никогда. Время отъ времени онъ появлялся по вечерамъ въ Хересѣ, и этого было достаточно, чтобы Чиво и другіе спутники покойнаго Дюпона скрывались по домамъ у себя, избѣгая показываться въ тавернахъ и кофейняхъ, посѣщаемыхъ контрабандистомъ. Этотъ человекъ питалъ къ нимъ ненависть за прежнюю ихъ дружбу съ сеньорито. Не то, чтобы они боялись его. Они были храбрецы, да только цивилизованные, и не желаютъ нарываться на ссору съ дикаремъ, который по недѣлямъ спитъ въ горахъ виѣстѣ съ волками.

Сеньоръ Ферминъ давалъ проходить времени, не чувствительный къ тому, что его окружало, или къ тому, что говорилось около него.

Однажды, печальное молчаніе города вывело его на нѣсколько часовъ изъ его полной безучастности. Казнь *garrotтой* *) имѣла совершиться надъ пятью человекъ, за вторженіе въ Хересъ. Процессъ былъ веденъ послѣшно, кара исполненія безотлагательно, чтобы благомысляющіе люди успокоились бы.

Вступленіе въ городъ мятежныхъ работниковъ съ теченіемъ времени принялъ размѣры революціи, полной ужасовъ. Страхъ заставлялъ молчать. Тѣ самыя, которые видѣли забастовщиковъ, безъ всякой враждебной демонстраціи, проходившихъ мимо домовъ богатыхъ, молчаливо соглашались на неслышанный судебный приговоръ.

Разсказывали о двухъ убитыхъ въ ту ночь, соединяя пьянаго сеньорита съ несчастнымъ писцомъ. Фермина Монтенегро разыскивали за смертоубійство, его процессъ велся отдѣльно; но общество ничего не потеряло, преувеличивая событія и приписывая одно лишнее убійство революціонерамъ.

Многіе были приговорены къ заключенію въ тюрьмѣ. Судъ присуждалъ къ заточенію съ ужасающею щедростью несчастныхъ крестьянъ, которые, казалось, съ изумленіемъ спрашивали себя, что они такое сдѣлали въ ту ночь? Изъ числа приговоренныхъ къ смерти, двое были убійцами юнаго писца; остальные трое шли на казнь въ качествѣ людей «опасныхъ» — за разговоры и угрозы, за то, что они были твердо увѣрены и въ своемъ правѣ на долю счастья въ мірѣ.

Многіе съ злорадствомъ подмигивали, узнавъ, что *Мадриленьо*, зачинщикъ вторженія въ городъ, — приговоренъ лишь къ

*) Испанская казнь — желѣзныи ошейникъ сдавливаемый чѣмъ-то вроде Архимеда винта.

нѣсколькимъ годамъ заключенія въ тюрьмѣ. Хуанонъ и его товарищъ де-Требухена покорно ждали смертной своей казни. Они уже не хотѣли жить, жизнь опротивѣла имъ послѣ горькихъ разочарованій знаменитой ночи. Маастрико съ изумленіемъ отрывалъ искренніе дѣтскіе глаза, какъ бы отказываясь вѣрить въ людскую злобу. Его жизнь была имъ нужна, потому что онъ опасный человѣкъ, потому что онъ увлекался утопіей, что званія меньшинства должны перейти къ безконечной массѣ несчастныхъ, какъ орудіе спасенія. И будучи поэтъ, не подозрѣвая этого, его духъ, заключенный въ грубой оболочкѣ, пылалъ огнемъ вѣры, утишая муки послѣднихъ его минутъ надеждой, что позади нихъ придутъ другіе, *проталкиваясь*, какъ онъ говорить, и эти другіе кончатъ тѣмъ, что все сметутъ силой своей многочисленности, подобно тому какъ изъ водяныхъ капель составляется наводненіе. Ихъ убиваютъ теперь потому, что ихъ еще мало. Когда-нибудь ихъ окажется столько, что сильные устанутъ убивать, ужаснувшись необъятностью своей кровавой задачи, кончатъ тѣмъ, что впадутъ въ уныніе, признавъ себя побѣжденными.

Сеньоръ Ферминъ изъ этой казни ощутилъ лишь только безмолвіе города, который казался пристыженнымъ; страхъ, охватившій бѣдныхъ; трусливую покорность, съ которой они говорили о господахъ.

Черезъ нѣсколько дней онъ совершенно забылъ это происшествіе. До него дошло письмо, написанное его сыномъ, его Ферминомъ. Находился онъ въ Буэносъ-Айресѣ и писалъ отцу, высказывая увѣренность относительно своей будущности. Первое время нѣсколько тяжело, но при трудѣ и выдержкѣ въ этой странѣ, почти навѣрняка достигается побѣда, и онъ не мало не сомнѣвался въ томъ, что двинется впередъ.

Съ того времени сеньоръ Ферминъ нашелъ себѣ занятіе и страхнулъ моразмъ, въ которое его повергло горе. Онъ писалъ сыну и ждалъ отъ него отвѣта. Какъ онъ жилъ далеко!... Еслибъ было возможно поѣхать туда.

Въ другой день его взволновало новое происшествіе. Сидя на солнцѣ у дверей своей хижины, онъ увидѣлъ тѣнь человѣчка, стоявшаго неподвижно подлѣ него. Поднявъ голову, онъ вскрикнулъ:

— Донъ-Фернандо!

Это было его божество, добрый Сальватьерра, но состарившійся, печальный, съ потухшими глазами, глядѣвшихъ изъ-за стеколъ голубыхъ его очковъ, точно всѣ несчастія и преступления Хереса угнетали его.

Его выпустили, оставивъ на свободѣ, зная, безъ сомнѣнія, что теперь онъ не отыщетъ нигдѣ угла, гдѣ бы могъ свить себѣ гнѣздо, и слова его прозвучать безъ отзвука въ молчаніи террора.

Когда онъ явился въ Хересь, его прежніе друзья избѣгали его, не желая компрометировать себя. Другіе же смотрѣли на него съ ненавистью, точно изъ вынужденнаго своего изгнанія былъ отвѣтственъ за все случившееся.

Но сеньоръ Ферминъ, старый его товарищъ, не принадлежалъ къ этому числу. Увидавъ его, онъ поднялся, бросился въ его объятія, съ дрожью сильныхъ людей, которые не могутъ плавать.

— Ахъ, донъ-Фернандо!... донъ-Фернандо!...

Сальватерра сталъ утѣшать его. Онъ все зналъ. Побольше мужества. И онъ жертва общественнаго разложенія, противъ котораго донъ-Фернандо металъ грома со всѣмъ пыломъ аскета. Еще онъ можетъ начать новую жизнь, окруженный всей своей семьей. Миръ великъ. Гдѣ его сынъ устроить себѣ гнѣздо, туда и онъ можетъ поѣхать къ нему.

И Сальватерра нѣсколько дней подрядъ приходилъ къ своему старому товарищу. Затѣмъ онъ уѣхалъ. Одни говорили, что онъ въ Кадиксъ, другіе—въ Севильѣ, скитаясь по той андалузской землѣ, гдѣ съ воспоминаніями ея героизма и великодушія лежали останки его матери—единственнаго существа, любовь котораго усладила ему жизнь.

Онъ не могъ оставаться въ Хересь. Власть имущіе смотрѣли на него косо, точно готовы кинуться на него; бѣдные избѣгали его.

Прошелъ еще мѣсяць. Однажды вечеромъ, Марія де-ла-Лусъ, стоя у дверей своей хижины, чуть было не упала въ обморокъ. Ноги у нея дрожали, въ ушахъ звенѣло; вся ея кровь, казалось, хлынула ей въ лицо горячей волной, и потомъ отхлынула, оставивъ его покрытымъ зеленоватой блѣдностью. Рафаэль стоялъ передъ ней, укутанный въ плащъ, точно поджидая ее. Она хотѣла бѣжать, скрыться въ самый отдаленный уголокъ своей хижины.

— Марія де-ла-Лу!... Марьякилья!...

Это былъ тотъ же нѣжный и умоляющій голосъ, какъ во времена ихъ свиданій у рѣшетчаго окна, и не зная какимъ образомъ, она вернулась назадъ, робко приближаясь, устремивъ глаза, полные слезъ на бывшаго своего жениха.

И онъ тоже былъ полонъ грусти. Печальная серьезность, какъ бы придавало ему нѣкоторое изящество, утончая суровую внѣшность человѣка борьбы.

— Марія де-ла-Лу,—прошепталъ онъ.— Два слова ни больше.

Ты меня любишь и я тебя люблю. Зачѣмъ намъ проводить остатокъ нашей жизни бѣснуясь, какъ несчастные?... Еще недавно, я былъ такъ грубъ, что увидѣвъ тебя, могъ почувствовать желаніе тебѣ убить. Но я говорилъ съ дономъ Фернандо и онъ убѣдилъ меня своею мудростью. Это кончено.

И онъ подтвердилъ сказанное имъ энергичнымъ жестомъ. Кончилась ихъ разлука, кончилась глупая ревность къ несчастному, который не воскреснетъ и котораго она не любила, кончилось его злопамятство, вызванное несчастіемъ, въ которомъ она вовсе неповинна.

Они уѣдутъ отсюда, онъ покинетъ родину—разстояніе изгладитъ дурныя воспоминанія. Они разыщутъ Фермина. У него есть деньги для путешествія всѣхъ троихъ. Свободные и счастливые проживутъ они на лонѣ природы, въ мѣстности, незнакомой съ преступленіями цивилизаціи, съ эгоизмомъ людскимъ, гдѣ все принадлежитъ всѣмъ и нѣтъ другихъ привилегій, кромѣ труда; гдѣ земля непорочна, какъ воздухъ и солнце, и не была обезпечена монополіей, ни разорвана на части и унижена криками; и это мое... а остальные люди пусть умираютъ съ голода.

И эта жизнь, свободная и счастливая возродитъ и ихъ души. Крестный, глядя на солнце, съ спокойствіемъ закроетъ глаза навѣкъ, исполнившаго свой долгъ, и они тоже, когда настанетъ часъ ихъ, закроютъ глаза свои, любя другъ друга до послѣдней минуты и надъ ихъ могилами ихъ дѣло труда и свободы будетъ продолжаться ихъ дѣтьми и внуками счастливыми, чѣмъ они, такъ какъ имъ будутъ невѣдомы жестокости стараго міра, и онѣ будутъ представлять себѣ праздникъ богачей и жестокихъ сеньоровъ, какъ дѣти представляютъ себѣ чудовищъ и людоѣдовъ изъ сказокъ.

Марія де-ла-Лусъ слушала его растроганная. Бѣжать отсюда! Оставить позади столько воспоминаній... Еслибъ негодяй, причина гибели ихъ семьи, еще былъ бы живъ, она осталась бы при своемъ женскомъ упорствѣ. Но разъ, что онъ умеръ, и Рафаэль, котораго она не желаетъ обманывать, мирится съ положеніемъ дѣлъ и великодушно прощаетъ ее... Да, они уѣдутъ отсюда, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!

Юноша продолжалъ объяснять ей свои планы. Донъ-Фернандъ беретъ на себя убѣдить старика уѣхать; къ тому же онъ имъ дастъ письма къ друзьямъ своимъ въ Америкѣ. Не пройдетъ и двухъ недѣль, какъ они отплывутъ на пароходѣ изъ Бадиаса. Бѣжать, бѣжать скорѣе изъ страны висѣлицъ, гдѣ ружейными выстрѣлами думаютъ утолить голодь, и гдѣ богатые отнимаютъ у бѣдныхъ жизнь и честь и счастье!

— Приѣхавъ туда, — продолжалъ Рафаэль, — ты будешь моею женою. Любовь моя будетъ сильнѣе прежней, чтобы ты не думала, что я храню въ глубинѣ души какое-нибудь горькое воспоминаніе. Все прошло. Донъ-Фернандо правъ. Тѣлесное опороженіе означаетъ собою очень мало. Любовь, вотъ главное, остальное — вздоръ. Твое сердце принадлежитъ мнѣ? оно мое?... Марія де-ла-Лу! Подруга души моей! Мы съ тобой пойдемъ при свѣтѣ солнца — теперь мы возродились съ тобой, теперь именно начинается наша любовь. Дай мнѣ поцѣловать тебя въ первый разъ въ жизни. Обними меня, подруга; я вижу, что ты принадлежишь мнѣ, что ты будешь поддержкой моей силы, опорой моей, когда начнется жизненная борьба на чужбинѣ.

И двое молодыхъ людей крѣпко поцѣловались на порогѣ хижины, соединивъ уста свои безъ всякаго трепета чувственности, долгое время держа другъ друга въ объятіяхъ, словно они своей любовью бросали вызовъ старому міру, который покидали.

Сальватерра проводилъ въ Бадиксъ и усадилъ на пароходъ своего стараго товарища, сеньора Фермина, отплывавшаго въ Америку съ Рафаэлемъ и Маріей де-ла-Лусъ. Привѣтъ! Они больше не увидятся. Міръ черезчуръ великъ для бѣдныхъ, прирѣпленныхъ всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Сальватерра почувствовалъ, что у него текутъ изъ глазъ слезы. Всѣ его друзья, всѣ воспоминанія его прошлаго исчезали, разрушенные смертью или несчастіемъ. Онъ оставался одинъ среди народа, котораго намѣревался освободить и который уже не зналъ его. Молодое поколѣніе смотрѣло на него, какъ на безумца, внушавшаго нѣкоторый интересъ своимъ аскетизмомъ, но они не понимали его словъ.

Нѣсколько дней послѣ отъѣзда этихъ своихъ друзей, онъ покинулъ свое убѣжище въ Бадиксъ, чтобы отправиться въ Хересь. Его звалъ умирающій, одинъ изъ товарищей хорошихъ его временъ.

Сеньоръ Матаргадильосъ, хозяинъ маленькаго постоялаго двора донъ-Грахо, былъ при смерти. Семья его умоляла революціонера приѣхать, такъ какъ присутствіе его было послѣднимъ лучомъ радости для умирающаго. «Теперь онъ уже приговоренъ», писали его сыновья донъ-Фернанду. И онъ поѣхалъ въ Хересь и отправился пѣшкомъ по дорогѣ въ Матансуэлу, по той самой дорогѣ, которую онъ прошелъ ночью, но въ обратную сторону, идя за трупомъ цыганки.

Когда онъ добрался до постоялаго двора, ему сообщили, что его другъ умеръ нѣсколько часовъ передъ тѣмъ.

Это былъ воскресный вечеръ.

Въ единственной комнатѣ хижины, на бѣдно убранной кровати

лежалъ трупъ, безъ иного общества, кромѣ мухъ, жужжащихъ надъ его почти фіолетовымъ лицомъ.

Вдова и дѣти, неся съ покорностью давно ожидаемое ими несчастье, наливали стаканы виномъ, и служили своимъ покупателямъ, сидѣвшимъ въ непосредственной близости постоялаго двора.

Поденщики Матансуэлы пили здѣсь, составивъ большой кружокъ.

Донъ Фернандо, стоя у дверей хижины, созерцалъ обширную равнину, гдѣ не видно было ни одного человѣка, ни одной коровы, въ монотонномъ уединеніи воскреснаго дня.

Онъ чувствовалъ себя одинокимъ, вполне одинокимъ. Только что онъ лишился послѣдняго изъ товарищей революціонной юности. Изъ всѣхъ совершившихъ походъ въ горы и шедшихъ на встрѣчу смерти или тюрьмѣ ради романтизма революціи, никого не оставалось подлѣ него. Одни бѣжали въ отчаяніи за море, подшпариваемые нищетой; другіе—гнили въ землѣ, не имѣвъ утѣшенія видѣть, что справедливость и равенство царятъ надъ людьми.

Сколько бесполезныхъ усилій! Сколько тщетныхъ жертвъ. И наследство столькихъ трудовъ, казалось, теряется навсегда! Новые поколѣнія отворачиваются отъ старыхъ, не хотятъ принять изъ ихъ утомленныхъ и слабыхъ рукъ бремя ненависти и надеждъ.

Сальватерра съ грустью смотрѣлъ на толпу работниковъ. Они или не знали его, или дѣлали видъ, что не знаютъ. Ни одинъ взглядъ не былъ устремленъ на него.

Говорили они о великой трагедіи, все еще, казалось, державшей подъ своимъ гнетомъ рабочій народъ въ Хересѣ; о казни пяти поденщиковъ за ночное вторженіе въ городъ, но говорили они спокойно, безъ страсти, безъ ненависти, точно это была казнь знаменитыхъ разбойниковъ, окруженныхъ ореоломъ народной славы.

Они выказывали нѣкоторую горячность лишь разсуждая о мужестве, съ которымъ они умерли, о томъ, какъ они входили на эшафотъ, Буанъ и де-Требухена шли на смертную казнь какъ люди не способные чувствовать страхъ, не бахвалясь этимъ. Другіе два убійцы умерли какъ животные. И воспоминаніе о бѣдномъ Маэстриго почти вызывало у нихъ смѣхъ съ его дрожью смертельной тоски и его криками «да здравствуетъ революція», чтобы внушить себѣ мужество и сдержатъ нервность свою.

А власть имущихъ о тѣхъ, которые присудила ихъ къ несправедливой и неслыханной смертной казни, о тѣхъ, которые, быть можетъ, подготовили этотъ взрывъ для оправданія репрессій, ни единого слова. Низкій страхъ, намѣреніе не думать, отражалось въ глазахъ всѣхъ. Они молчали и продолжали пить.

Одинъ изъ нихъ подошелъ къ Сальватьеррѣ. Это былъ Сарандилья, еще болѣе ослѣпшій. Онъ не узналъ революціонера, пока хозяева дворика не сказали ему, что онъ тутъ.

Съ большимъ интересомъ спрашивалъ о Рафаэлѣ. Ахъ, донъ-Фернандо, какъ все измѣнилось въ Матансуэлѣ, послѣ отъѣзда Рафаэля. Теперь мыза принадлежала дону-Пабло Дюпону и новый надсмотрщикъ, человекъ суровый и жестокій мучающій и его и всѣхъ поденщиковъ.

Но поденщики—вотъ они тутъ болѣе довольны, чѣмъ прежде, въ хорошихъ отношеніяхъ съ новымъ хозяиномъ, и стыдятся, точно краснѣющія дѣвушки, подойти къ человѣку, ненавистному богатымъ. Они узнали Сальватьерру, но тѣмъ не менѣе, притворяются, что никогда не видѣли его. Они боятся скомпрометироваться.

Это уже новое сословіе работниковъ, на которыхъ Сарандилья смотрѣлъ съ удивленіемъ. Они въ восторгѣ отъ увеличенія поденной платы.

Получали они по два реала въ день, а теперь два съ половиной, и приписываютъ это увеличеніе платы своей покорности и подчиненію. По хорошему вы выиграете больше, чѣмъ по дурному сказали имъ. И они повторяютъ эти слова, глядя съ презрѣніемъ на мятежныхъ агитаторовъ, пытающихся побудить ихъ къ возстанію. Будучи послушными и покорными, быть можетъ, со временемъ, они получатъ и по три реала въ день. Истинное счастье!

На мызу Матансуэлу они смотрѣли чуть ли не какъ на рай. Со-страдательный Дюпонъ, оказывалъ неслыханное великодушіе. Онъ заботился о томъ, чтобы поденщики ходили къ обѣднѣ по воскресеньямъ и каждый мѣсяцъ посылалъ ихъ къ причастію.

Дюпонъ былъ *современный* христіанинъ, какъ онъ говорилъ. Всѣ дороги казались ему хорошими для завоеванія душъ.

И поденщики, по словамъ Сарандильи, молились и пили подносимые имъ хозяиномъ за хожденіе къ обѣднѣ стаканы вина, маленько насмѣхаясь надъ нимъ и называя его «двоюроднымъ братомъ».

Долгое пребываніе Сарандильи рядомъ съ Сальватьеррой, и любопытство внушаемое этимъ послѣднимъ побѣдили, наконецъ, удаленіе отъ него поденщиковъ. Нѣкоторые подошли къ нему, и мало-по-малу кругомъ революціонера собрался кружокъ.

Одинъ изъ самыхъ стариковъ заговорилъ съ нимъ насмѣшливымъ тономъ. Если донъ-Фернандо ходилъ по селамъ, чтобы разжигать, какъ въ былыя времена, онъ теряетъ лишь время, народъ ожегся: онъ теперь словно кошка въ половицѣ, обваренная кипяткомъ. И не потому, чтобы поденщикамъ жилось бы хорошо. Живется-то не

лучше, чѣмъ бѣднякамъ, казеннымъ въ Хересѣ. Мы старики, — продолжалъ этотъ деревенскій философъ, — еще остаемся вѣрнѣе вашей милости и другимъ вашимъ современникамъ. Знаемъ, что они не разбогатѣли проповѣдями своими, какъ многіе другіе; знаемъ, что они пострадали и много вынесли. Но посмотрите, милость ваша, на этихъ парней.

И онъ указалъ на тѣхъ, которые остались сидѣть, не приблизились къ Сальватьеррѣ; всѣ молодые.

Время отъ времени они посматривали на революціонера дерзкими глазами. «Обманщикъ, какъ и всѣ тѣ, что стараются втереться въ среду работниковъ. Послѣдователи его ученія гниютъ на кладбищахъ, а онъ вотъ тутъ... Поменьше проповѣдей и побольше хлѣба... Они умнѣе и видѣли достаточно, чтобы кой-чему научиться и стоять на сторонѣ тѣхъ, кто даетъ. Истинный другъ бѣдныхъ хозяинъ съ его поденной платой, и если онъ сверхъ того дастъ еще вино, — тѣмъ лучше. Кромѣ того, какое дѣло до судьбы рабочихъ этому дядѣ, который одѣвается точно сеньоръ, хотя онъ и въ потертомъ платьѣ, словно нищій, и не имѣетъ мозолей на рукахъ? Онъ желаетъ лишь жить на ихъ счетъ, обманщикъ какъ и столько другихъ.

Сальватьерра угадывалъ эти мысли въ враждебныхъ ихъ глазахъ.

Голосъ стараго крестьянина продолжалъ преслѣдовать его своей угрюмой философійей.

Зачѣмъ ваша милость такъ сильно волнуется изъ-за судьбы бѣдныхъ, донъ-Фернандо? Оставьте ихъ, если они довольны, пусть и милость ваша будетъ довольна. Притомъ, мы всѣ теперь проучены. У насъ нѣтъ силъ бороться съ властью имущими. Вы, милость ваша, который такъ много знаете, попытайтесь склонить на свою сторону жандармерію, внушите ей свои взгляды, и когда вы явитесь во главѣ ихъ, будьте спокойны, всѣ мы примываемъ къ вамъ.

Старикъ налилъ стаканъ виномъ и подалъ его Сальватьеррѣ.

— Пейте, милость ваша, и не тревожьтесь, устраивая то, чего нельзя устроить. На свѣтѣ лишь это истина. Друзья-предатели; семья... она хороша лишь на то, чтобы свести ее съ картофелемъ. Всѣ эти революціи и раздѣлъ земли — ложь, одни лишь слова, для обмана глупцовъ. Вотъ единственная истина — вино! глотокъ за глоткомъ оно даетъ намъ развлеченіе и веселитъ до самой смерти. Пейте, донъ-Фернандо; я предлагаю вамъ этотъ стаканъ вина потому, что онъ нашъ, заработанъ нами. Цѣна ему дешевая: стоитъ всего лишь одну обѣдню.

Сальватьерра, всегда такой безпристрастный на видъ, задрожалъ

отъ гнѣвнаго порыва. Онъ чувствовалъ желаніе оттолкнуть стаканъ, разбить его въ дребезги, и проклялъ золотистое питье, демона алкоголя, простиравшаго янтарныя свои крылья надъ этой одурѣвшей толпой, подчиняя себѣ ея волю, надѣвая на нее ярмо преступленія, безумія, трусости.

Они, вздѣлывая землю въ потѣ лица проводя по ней борозды, оставляя въ ея нѣдрахъ свое здоровье и силу, производили эту золотую жидкость, и власть имущіе пользовались, чтобы напоить ихъ и удерживать, словно заколдованныхъ въ обманчивомъ веселіи.

Они были самыя несчастныя изъ рабовъ исторіи: сами сплетали бичъ, державшій ихъ въ подчиненіи, сами ковали цѣпь, связывавшую ихъ; голодая, проданнымъ голодомъ обманчиваго тупоумія, живо веселые болѣзненнымъ веселіемъ опьянѣнія.

И они смѣялись! И они совѣтовали ему смиреніе, труня надъ его великодушными усиліями, хваля своихъ угнетателей!... Неужели же рабство имѣетъ быть вѣчнымъ? Человѣческія стремленія задержатся навсегда въ этомъ кратковременномъ веселіи удовлетвореннаго животнаго.

Сальватерра почувствовалъ, что его гнѣвъ улетучивается, и надежда, и вѣра возвращаются къ нему.

Начинало темнѣть, ночь спускалась на землю какъ предтеча новаго дня. Также и сумерки человѣческихъ стремленій лишь кратковременны. Справедливость и свобода дремлютъ въ душѣ каждаго человѣка. Онъ проснется.

За полями и нивами, въ городахъ, этихъ великихъ скопленіяхъ современной цивилизаціи, есть еще полчища, доведенныхъ до отчаянія и несчастныхъ, но такихъ, которые отречутся отъ предательскихъ внушеній вина, которые окунутся возродившейся душой въ зарѣ новаго дня и увидятъ надъ головой своей первые лучи восходящаго солнца, въ то время какъ остальной міръ будетъ еще погруженъ въ предразсвѣтномъ мракѣ. Они явятся избранными и раньше другихъ проснутся, встанутъ на ноги и пойдутъ вслѣдъ за единственнымъ другомъ несчастныхъ и голодныхъ, переходившимъ черезъ исторію всѣхъ религій. Оскорбленный именемъ демона, онъ, сбросивъ съ себя смѣшное убранство, приданное ему традиціей, ослѣпить однихъ и изумить другихъ самой возвышенной изъ всѣхъ красотъ, — красотой ангела свѣта, и зовутъ его революціей... соціальной революціей.

Перев. М. Ватсонъ.

Наборщику.

Бодро, товарищъ, предъ кассою стой!
Счета, кассиръ, своего не занутай:
Дѣло имѣешь съ свинцовой валютой,—
Эта валюта прочнѣй золотой!
Въ литерѣ каждой подай намъ отчетъ:
Мысль набрана,—не вернется обратно,
Стала свинцовой и тысячекратно
Сердце людей, какъ картечь просѣчетъ!
Эй! Не курсивься! Не падай на край,—
Прямо держись, ратникъ рати свинцовой!
Трудъ твой почетенъ,—выговывай слово!
Стали прочнѣе свинець! Набирай!
Самую толстую кожу пройметъ
Мечъ изъ свинца, онъ острѣе булата.
Бажный наборщикъ сильнѣе солдата:
Твой типографскій станокъ—пулеметь.
Прямо держись! Въ возрожденія дни
Ты головой не склоняйся покорной:
Руси свобода родилась въ наборной,
Каждому смѣло о томъ помани.
Братья, не жди. Набирай! Набирай!
Смерть не стальною косою, а свинцовой
Босить васъ. Грудью встрѣчай рокъ суровый!
Трусъ—сдавайся! Борцы—умирай.

Н. Шобуевъ.

Търна, 1906 г.

ВѢТЕРЬ.

Разсказъ.

Вторую недѣлю дулъ вѣтеръ.

Дуль безостановочно, упорно, не принося прохлады и, только развѣвая густой жаръ, грузно висѣвшій надъ опаленной зноемъ землей и надъ посѣрѣвшими полями.

Съ оголенныхъ распаханыхъ бугровъ, гдѣ бурые пласты земли, поднятые сохами, лежали, какъ отвердѣлые камни, съ проѣзжихъ дорогъ и колко-трескучаго жнивья, онъ поднималъ пыль и гналъ ее передъ собой, развѣвая по воздуху, такъ что и воздухъ, и небо, и лохматая, безъ дождя пронесившаяся облака, казались подернутыми грязно-бѣловатой мутью. Въ этой мути мигало солнце, какъ раскаленный огненный глазъ, тусклымъ, жгучимъ блескомъ, отъ котораго сохли листья на деревьяхъ и трава въ полѣ, а надъ тлѣвшими лѣсами поднимался синій дымокъ сладко-удушливой гари.

Въ полѣ—вѣтеръ рвалъ и трепалъ косматая тощія копны; набѣгая на лѣсъ, повертывалъ и гналъ всѣ вѣтки въ одну сторону и, обезумѣвшія, онѣ рвались, и торопились, и убѣгали, переливаясь на солнцѣ жидкимъ мелькающимъ блескомъ.

На валу сада онъ пригибалъ до земли молодые побѣги акаціи, задиравъ лохматые листья яблонь и шуршалъ сухой травой по сухому обнажившемуся прошлогоднему листу.

Не переставая, день и ночь, ночь и день, шумѣлъ садъ и лѣсъ, то возрастающимъ, то падающимъ шумомъ моря, отъ котораго некуда было уйти, спрятаться. Когда отъ духоты, накопившейся въ маленькомъ домѣ съ бревенчатыми стѣнами, отворяли окна—вѣтеръ врвался, раздувалъ парусами шторы, скрипѣлъ рамами и приносилъ съ собой жаръ, тоску и безпокойный сухой шелестъ.

Каждый день въ барскій домъ приходили бабы съ грудными ребятами, иссохшія и черныя какъ земля и равнодушными, надрывистыми голосами говорили, тревожныя и смутныя слова о томъ, что

собирать и убирать съ полей нечего, что кормовъ нѣтъ и что голая черная смерть ходитъ по пустымъ избамъ и подбираетъ ребятъ. По-гость имп полночь.

Взявъ лѣкарства, онѣ уходили, какъ приходили: безшумно, туго ступая босыми ногами, и вѣтеръ въ полѣ на бугрѣ рвалъ на нихъ худыя паневы, трепалъ платки и засыпалъ сжатые губы хрустящей пылью.

Подъ вечеръ, къ пруду, низко осѣвшему въ грязныхъ глинистыхъ берегахъ, пригоняли лохматую скотину и она ревѣла тоскливымъ голоднымъ ревомъ, который стихалъ только къ ночи.

Ночи не приносили тишины: онѣ были полны тѣмъ же непре-стающимъ шелестомъ, и въ темнотѣ всѣ звуки звучали отдѣльными и тревожными.

Вѣтеръ ходилъ кругомъ дома, постукивалъ по стѣнамъ, бросалъ въ окна сухіе стручья акацій, такъ что казалось кто-то стучитъ пальцами по стеклу... Слышался шопотъ и шорохъ босыхъ ногъ по половицамъ... Надрывистымъ лаемъ заливались собаки. Съ наступленіемъ темноты онѣ выползали изъ кучъ дровъ и изъ-подъ амбаровъ, куда укрывались днемъ отъ жары и, выйдя на дорогу, къ плетню лаяли въ сторону деревни, гдѣ бродили чужія собаки.

Старый Рыжикъ, угрюмый, косматый, похожій на лисицу, былъ протяжнымъ воемъ, и пестрые щенки съ крысиными мордами и поджатыми хвостами подвывали назойливымъ звонкимъ лаемъ.

И всѣ эти звуки сходились и толпились вокругъ дома, съ окнами, заставленными рамами, обтянутыми чернымъ коленкоромъ.

Въ домѣ все стихало къ десяти часамъ, потому что бабушка и больной ребенокъ ложились рано, а дѣдъ уходилъ къ себѣ «на дачу» въ деревянный домикъ, передѣланный изъ амбара, скрипучій и легкій какъ картонъ.

Лежа на своей складной кровати, старикъ пристально смотрѣлъ въ темноту и слушалъ, какъ вѣтеръ, приносясь съ поля, грудью ударяется о жидкія стѣны, со свистомъ вползаетъ въ щели и съ силой, гулко бросаетъ сухія вѣтки на желѣзную крышу.

И хотя старикъ увѣрялъ всѣхъ, что онъ не боится спать одинъ, ему становилось жутко, тоскливо, ему казалось, что всѣми остав- ный, покинутый, онъ плыветъ по бурнымъ темнымъ волнамъ, ко- рые несутъ его и качаютъ: какъ мертвое тѣло, заколоченное въ гробъ.

Подъ это равномерное раскачиваніе, овладѣвавшее его сознаніе, онъ перебиралъ все тѣ же тяжелыя, смутныя, привычныя мысли, въ которыхъ уже давно вертѣлся и мучился, какъ въ заколдованномъ кругу, искалъ и не находилъ исхода. Онъ думалъ о жизни, кото-

все ждалъ и которая вдругъ ушла, какъ рѣка, обойдя его какъ камень; думалъ о дочеряхъ, о томъ, что все вышло не такъ, какъ онъ ждалъ и хотѣлъ; думалъ о кускѣ земли, съ котораго взяли все, что онъ могъ дать и на которомъ теперь не было ничего, кромѣ тяжелыхъ долговъ...

— Я все сдѣлалъ и больше ничего... ничего не могу,—говорилъ онъ шепчущими губами и закрывалъ глаза, сиюсь забыться...

Только въ комнатѣ, бывшемъ кабинетѣ, гдѣ спали барышни, долго мутнымъ пятномъ желтѣлъ свѣтъ.

Татьяна Андреевна, младшая, заплетя свои жиденькіе пенельные волосы въ косу, сидѣла въ креслѣ у стола и что-нибудь читала; тѣнь отъ голубого абажура падала на верхнюю часть ея лица, отъ чего хуба щекъ казалась еще острѣй и складки около губъ еще скорбнѣй и глубже. Въ своей бѣлой ночной кофточкѣ, съ открытой шеей она напоминала всей фигурой дѣвочку, но въ поблекшемъ, когда-то очень нѣжномъ лицѣ лежала усталость и покорность, которыхъ не знаетъ молодость.

Наталья Андреевна, старшая, перебирала привезенные изъ Москвы счета: бумажки, исписанныя каракулями: «пять аршинъ бахромы по 5 коп., полъ-аршина лиловаго газа по рублю».

Она была двумя годами старше сестры и гораздо красивѣе ея, хотя около темныхъ глазъ уже лежали лапки и самые глаза, когда-то веселые и блестящіе, потускнѣли и вѣки были окружены красной полоской бессонницы и усталости.

Съ рожденіемъ ребенка ея полная фигура еще больше раздалась и Наталья Андреевнѣ, особенно въ жару, было трудно носить свое тѣло.

Несмотря на цвѣтущій видъ, у нея были больные нервы и плохое сердце и ей были запрещены всякія волненія, потому что и ей грозила та же страшная болѣзнь, которая изъ отца, здороваго человѣка, сдѣлала калѣку и, которую не могли излѣчить никакіе доктора и лѣкарства—грудная жаба.

Какъ у отца, у Натальи часто появлялись одышка и колотья въ лѣвомъ боку, заставлявшія ее ночью просыпаться и вскакивать.

Какъ у отца вся ея жизнь была свихнута и надломлена тѣмъ непоправимо ужаснымъ, что стояло въ ихъ семьѣ и отъ чего всѣ они искали и не находили выхода, потому что тѣсно и для человѣческаго разума непонятно крѣпко были переплетены кровавыя нити любви, порвать которыя могла только чья-нибудь смерть.

Отецъ любилъ дочерей, въ особенности Наталью, за то, что видѣлъ въ ней свое отраженіе: мягкость и безхарактерность, и на все идущую доброту; Наталья любила отца, все отдавашаго имъ и теперь,

въ своей растерянности и беспомощности, походяго на жалкаго, обоженаго, стараго ребенка, любила богвзненаго Андрюшу, котораго родила послѣ короткаго счастья и долгихъ страданій, любила мать, ту прежнюю, нѣжную и ихъ всѣхъ когда-то одинаково любившую мать, теперь несправедливую и ожесточившуюся въ своемъ горѣ; любила Татьяну... Татьяна любила и отца, и сестру, и мать. А мать?... Ожесточенной, упорной любовью она любила только своего сына, ихъ брата, этого чужого, страшнаго человѣка, который лежалъ въ ихъ семьѣ, какъ пятно крови... Какъ расплывающееся черное пятно крови.

Теперь его тутъ не было, но всюду и вездѣ было воспоминаніе и напоминаніе о немъ: въ пяти грядкахъ, похожихъ на пять могилъ, которыя онъ для чего-то выкопалъ около дачи подѣ старой лозинной; въ разбитомъ стеклѣ балкона, въ пулѣ, засѣвшей въ столбѣ террасы, но жутче всего въ тяжелыхъ вздохахъ, которые каждую ночь доносились сквозь стѣну, за которой спала мать.

Ея старая желѣзная кровать была привязана веревкой къ гвоздю, вбитому въ стѣну, и дочерямъ было слышно, какъ рвалась и скрипѣла кровать и какъ въ тоскѣ старуха поворачивалась и вздыхала, не находя мѣста и сна.

Онѣ знали, что она лежитъ съжившись подѣ одѣяломъ и прислушивается къ стону и шелесту вѣтра и упорно думаетъ о *немъ*, только о *немъ*. И имъ было слышно, какъ вскрикивалъ ребенокъ, измученнымъ, тягучимъ крикомъ, какъ босыя старческаго ноги туно стучались объ полъ и начинали ходить взадъ и впередъ, взадъ и впередъ, пока не смолкалъ пискъ. Потомъ опять рвалась и скрипѣла кровать и наступала тишина, въ которой не было сна.

«Пятнадцать: двадцать, тридцать два». Подсчитывала Наталья, держа карандашъ въ полной бѣлой рукѣ, выступавшей изъ широкаго рукава капота, и терла лобъ, и смотрѣла на сестру круглыми устами глазами.

— Не понимаю, когда же это брали пять аршинъ лино-батисту? Она смотрѣла въ одну точку и ничего не могла сообразить.

— Ты какъ думаешь? Андрюша не умретъ? Вдругъ спрашивала она шопотомъ.

— Ему какъ будто лучше, — слабо говорила Татьяна Андрею и сжимала тонкими пальцами края книги и смотрѣла въ черную раю за которой вѣтеръ продолжалъ свою неумолчную работу.

— Если онъ умретъ, — говорила Наталья и голосъ ея звучалъ тяжело и медленно, какъ шаги смертельно уставшаго человѣка: — ни минуты не стану жить!... — Ея губы судорожно кривились и лика каменѣло.

— Если не будетъ лучше, его нужно везти въ Москву, — говорила Татьяна тѣмъ же слабымъ шопотомъ.

— Везти? На что? — рѣзко, отчетливо, говорила Наталья и тяжело поворачивалась на стулѣ, и вжала на спинку руки, и опускала на нихъ голову, такъ что Татьянѣ были видны сзади только поднятыя плечи въ синемъ капотѣ и круглая голова съ маленькимъ пучкомъ закрученныхъ волосъ.

— Я на-дняхъ кончу переводъ! — говорила она замирающимъ голосомъ, сляясь проглотить поднимавшійся въ горлѣ клубокъ. — Мнѣ можетъ быть авансъ дадутъ.

— Ахъ, какой тутъ переводъ, — говорила Наталья и порывисто поворачивалась и глядѣла на сестру, и съ досадой и съ жалостью. — Тебѣ отдыхать надо. Ты сюда отдыхать прѣхала! Она точно въ первый разъ видѣла Татьяну, видѣла эти обрѣзавшіяся щеки и покорныя губы и сердце разрывалось привычной тупой и безпомощной жалостью. Не на кого ей было рассчитывать и надѣяться, везла и будетъ везти, пока силъ хватить! И нервнымъ движеніемъ она пододвигала счеты и брала карандашъ.

— Ната! Вѣдь и тебѣ нуженъ отдыхъ, больше чѣмъ мнѣ, — послѣ минутнаго молчанія говорила Татьяна, и ея лицо заливалось краской, жилы на шеѣ напрягались и въ голосъ дрожали слезы. — Ты знаешь, что тебѣ сказалъ докторъ; ты должна беречь себя. Я здорова, я совершенно здорова. Я только немного устала... Я уже обрѣпла. И потомъ я вѣдь не такъ измучена всѣмъ этимъ. За глазами не такъ страшно, а ты ужъ сколько лѣтъ!...

— Ахъ, оставимъ, — говорила Наталья, избѣгая смотрѣть въ умоляющіе глаза сестры, и тяжело приподнималась.

— Давай лучше спать.

Чиркнувъ спичкой, она зажигала свѣчу, задувала лампу сверху и комната погружалась въ полумракъ; на потолокъ и стѣны ложились прыгающія тѣни. И въ напряженномъ молчаніи сестры раздѣвались и ложились.

Наталья на свою широкую кровать, на которой три года тому назадъ въ страшныхъ мукахъ она родила Андрюшу, Татьяна на широкій диванъ, на которомъ, тридцать лѣтъ тому назадъ, отецъ по вечерамъ рассказывалъ имъ дѣтскія сказки: ей, сестрѣ и брату... въ этой самой комнатѣ. У дивана отъ ветхости вылѣзъ почти весь волосъ и обнажились пружины, такъ что, несмотря на матрасикъ, который ей подстилали, Татьянѣ было трудно найти гладкое мѣсто и она всегда долго и безуспѣшно ворочалась, пока, найдя удобное поло-

женіе, не свертывалась калачикомъ. Тогда съ уткнувшись въ подушку лицомъ она совсѣмъ казалась маленькой дѣвочкой.

Наталья раздѣвалась дольше и медленнѣй и раздѣвшись со вздохомъ садилась на кровать, прислушивалась, не кричитъ ли Андрюша и перекрестившись ложилась на спину, на высоко взбитыя подушки, натянувъ одѣяло до груди... Нѣсколько минутъ неподвижно лежала она, всматриваясь темными глазами въ неясный полусвѣтъ комнаты, потомъ, протянувъ руку, коробкой спичекъ тушила свѣчку.

Пастушила темнота и только въ полуотворенную дверь тянулась узкая полоска свѣта и ложилась сапожкомъ на потолокъ.

Въ столовой для маленькаго горѣла въ тазу кухонная лампа «копчужба» и одна, въ тишинѣ смолкнувшаго дома, нарушала покой мухъ, которыя, черной, липкой, шевелящейся массой покрывали стѣны и потолокъ и косо развѣшанныя олеографіи: чудовищную голову Петра и уныло зеленый зимній ландшафтъ.

Закрывъ глаза, Татьяна силилась заснуть, но сна не было, а только одна смертельная усталость, которая сковывала все тѣло и лежала тяжестью на опущенныхъ вѣкахъ; внутри, неутихая, все дрожало щемящей дрожью, и мысль металась испуганно, беспорядочно, и тащила за собой сѣрую пелену тоски, и накрывала ею голову и грудь. И опять, какъ всегда, въ эти глубокіе часы, Татьяна начала думать о своей жизни и о жизни сестры, и о томъ, что вотъ уже десять лѣтъ, какъ онѣ тянутъ ляжку и все остается попрежнему, ничего не измѣняется, только съ каждымъ годомъ все труднѣе становится двигаться, думать, напрягать силы и везти то страшно тяжелое, во что ихъ впрягла жизнь... Она думала о своей работѣ тяжелой, торопливой, которою она ворочала какъ камни мостовой и которой не было и не могло быть конца... Строчки... строчки, страницы... Согнутая грудь, согнутыя плечи, рѣзь въ глазахъ, дрожь въ рукѣ... И этотъ страхъ, этотъ вѣчный страхъ: не успѣешь, не поспѣешь! Не оставалось силъ на свое... Или своего не было?... Или это свое ушло, прошло и ничѣмъ, никогда его уже нельзя вернуть?... Сестра родила Андрюшу... Были муки, страданія, но была и радость... Она все терпѣть, отгадываетъ и ждетъ... Чего? Испуганно широко она открывала глаза и видѣла передъ собой бѣлѣющій чехолъ дивана. «Прошлый, позапрошлый годъ, все такъ же... все то же... Зимой Питеръ безъ солнца... Передъ окномъ стѣна... Отчего весной небо такое яркое?... На островахъ не удалось ни разу побывать... Въ Финляндіи лѣтомъ хорошо: спнее взморье, волны вотъ такъ же шумятъ... Нѣтъ, Наталья нужнѣе... Наталья замучена... Подъ Пасху, говорить, три раза ударилъ кулакомъ... по темени... Еслибъ не юбки...

Головой въ нихъ упала... спряталась»... И такъ ясно, страшно ясно передъ ней вставалъ братъ Алексѣй, такой, какимъ она видѣла послѣдній разъ, проѣздомъ черезъ Москву: приподнятое плечо въ черномъ пиджакѣ, свѣсившаяся красная тяжелая рука, держащая папиросу, улыбка, искривившая бритую щеку, и этотъ длинный правильный носъ, перерѣзанный бѣлымъ шрамомъ... Онъ красивъ: правильныя сухія черты, высокій лобъ, стальные, какъ у матери, глаза... Но за этимъ прячется что-то другое, что выходитъ, выползаетъ, когда онъ пьянъ и кривляется и дергается въ лицѣ, какъ пляска сумасшедшаго... Точно онъ знаетъ что-то страшное и веселое, чего пока не говоритъ имъ, что они когда-нибудь узнаютъ... Когда она ему сказала въ послѣдній разъ, задыхаясь отъ безсильной злобы и отъ душившихъ ее слезъ, что у нея и у Натальи съ нимъ всѣ счеты кончены, онъ, какъ всегда, надулъ шею и приподнялъ плечи, и сказалъ со своимъ смѣшкомъ, глядя въ сторону блестящими глазами, что нѣтъ, «у него съ Натальей счеты не кончены» и съ изысканной осторожностью, которая у него появлялась, когда онъ былъ очень пьянъ, стряхнулъ пепель съ папиросы... Замеревъ, Татьяна лежала и глядѣла на чехоль... Тогда со стороны деревни, гдѣ въ проулкѣ бились и метались въ страхъ растрепанныя рябины, по темной плотинѣ, мимо тускло-блестѣвшаго пруда, мимо плетня, по черной аллеѣ акацій къ дому подходилъ Ужасъ.

Онъ подходилъ и останавливался подъ окномъ, къ которому Татьяна лежала головою и тохонько стучалъ пальцами о стекла.

Придерживая на худенькой груди кофточку, Татьяна приподнималась, прислушивалась и по всему ея тѣлу проступалъ холодный потъ, точно она знала, чувствовала, что тутъ близко кто-то стоитъ, затанувъ дыханіе...

«А почему онъ не можетъ придти ночью?... Придти со станціи пѣшкомъ?... И можетъ быть теперь, сейчасъ, онъ стоитъ тутъ и сейчасъ постучится... Отца... Только отъ отца нужно спрятать...

Порывисто она откидывала одѣяло, готовая вскочить при малѣйшемъ шорохѣ, но за окномъ шумѣлъ только лѣсъ... Слышно было, какъ по верхушкамъ издалека несется вѣтеръ и гулъ, сначала глухой, dorосталъ до рева, потомъ спадалъ.

Минуты убѣгали, какъ тяжелая струя медленно падающаго песку. Похолодѣвшая, она опять ложилась и, несмотря на больно подпиравшую бокъ пружину, лежала такъ долго неподвижно, пока не погрузилась въ тревожное забытѣе.

Тогда, оторвавшись отъ окна, безшумно, черезъ пробитое братомъ Алексѣемъ стекло, Ужасъ вползалъ въ комнату и трогалъ за

плечо Наталью. Точно кто-то сильной торопливой рукой дергалъ ее за невидимую нить, привязанную къ сердцу и, внезапно разбуженная, она приподнималась на кровати. Бровь билась въ груди и отдавалась въ вискахъ, влокотала въ горлѣ. Кто вошелъ въ комнату? Вѣдь она слышала такъ ясно, отчетливо. И невольно расширенные зрачки обращались къ разбитому стеклу. Черезъ него можно было просунуть руку и повернуть ключъ.

И, по мѣрѣ того, какъ она сидѣла и прислушивалась, ей начало казаться, что гдѣ-то далеко, относимый вѣтромъ, звонить колоколь. Какъ на погостѣ: глухо, уныло, упорно.

— Нѣтъ. Нѣтъ. Ничего нѣтъ. Не можетъ быть,—шептала она, сляясь заглушить безумный, поднимавшійся страхъ и сжимала зубы, чтобы не закричать, и смотрѣла на полосу свѣта, чтобы вернуть сознание. Но то, что заставило ее проснуться, не уходило: она чувствовала всѣмъ существомъ, что «тамъ» что-то случилось, тамъ въ Москвѣ, гдѣ «его» оставили одного въ запертой квартирѣ.

Внезапно ее охватывала такая слабость, что, ощутивъ дрожащими руками сзади себя подушки, она опять ложилась, сляясь перехватить полной грудью воздухъ, но воздуха не было и въ груди нарастала давящая пустота. Не передъ глазами, а гдѣ-то глубже въ самомъ мозгу все кружилось и передвигалось съ мучительной ясностью. «Дверь въ мастерскую заперта... на сундукахъ замки крѣпкіе... Да не посмѣеть онъ... А копилка? Вѣдь сломалъ тогда Андриюшину копилку... По копейкамъ собирала... мелочь... сдачу... мѣдные гроши... И совѣсти хватило». Наталья опять поднималась и садилась, уронивъ руки, низко свѣсивъ голову. «Сломалъ. Высыпалъ»... Она вздыхала судорожно, порывисто... Слезы гдѣ-то стояли въ горлѣ и не проливались. «За что? За что это все? За то, что, какъ волъ, она везетъ покорно и терпѣливо? За то, что силъ не хватаетъ жалость въ себѣ убить послѣднюю? Силъ не хватаетъ сказать матери: уйди. Возьми свою жестокою страшную любовь и уйди. Такъ, чтобы я не видала твоихъ заплаканныхъ глазъ и сухихъ губъ, не слыхала твоего молчания и твоихъ вздоховъ. Если ты его любишь—уйди съ нимъ». Воспоминанія, какъ камни, тянули внизъ, давили—отъ нихъ не уйти. «По ночамъ ты бьешь его и толкаешь своими бессильными руками и осыпаешь упреками... Днемъ охраняешь пьяный сонъ, когда, повалившись въ подушки лицомъ, онъ храпитъ тягучимъ храпомъ, наполняя комнату острымъ запахомъ перегара и табаку... Передъ глазами—вотъ они эти высунувшіяся изъ-подъ одѣяла ступни ногъ пятками вверхъ... Дрожать мелкой скачущей дрожью, точно бѣгутъ... Широкая спина въ пестрой рубахѣ, бычачій бѣлокурый затылокъ,

короткая налившаяся шея. Спать полдня... Когда просыпается—курить, плюет... Мать носить чай, спички... Потом одѣвается безпорядочно, неряшливо и уходит... Передъ обѣдомъ въ комнату матери шепотъ, голосъ матери, kloчущій слезами... Хлопаетъ комодомъ, ключами... И всетаки наливается порція—синенькая чашечка, завѣтная синенькая чашечка, которая не спасаетъ и не удерживаетъ по наивной вѣрѣ, что «ужь если»—такъ дома, а только хуже толкаетъ... на улицу... За обѣдомъ говоритъ низкимъ баскомъ и надуваетъ шею и значительно улыбается, отъ чего всѣмъ дѣлается страшно и неловко... Потомъ опять исчезаетъ... И до двухъ часовъ ночи мать не спитъ, выскакиваетъ, прислушивается, не идутъ ли по лѣстницѣ знакомые спотыкающіеся шаги... Сквозь сонъ въ передней слышны: сдержанная возня, умоляющій шепотъ и пьяные гортанные звуки... Боже мой,—говорила Наталья, судорожно отводя назадъ волосы и держась за голову:—Боже мой, когда же конецъ? Шесть лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ кончилъ реальное, это страшное, безмысленное существованіе, эта пытка... Когда же, когда, наконецъ?... И глаза ея, почти жестокіе, обращались къ стѣнѣ, за которой спала мать. «Больной? А мы не больные? Отецъ, Татьяна, я? Страшно: онъ погибнетъ. А за насъ не страшно? Не страшно было, когда по зорямъ тутъ онъ поднималъ всѣхъ своимъ дикимъ крикомъ: «Семерсѣдъ. Семерсѣдъ», звучало опять въ ухахъ. Когда зарядъ за зарядомъ пукалъ въ столбы террасы... Когда прикладомъ ударилъ меня въ грудь? Не страшно»?...

И упавъ въ подушки, Наталья рыдала беззвучнымъ рыданіемъ и не слезы, а желчь поднималась въ груди, жгла глаза и вязла въ зубахъ—вдкая, горькая желчь.

Такъ проходила ночь и утрошъ всѣ поднимались разбитые, угрюмые, и глухое, больное раздраженіе накипаало и сгущалось, какъ удушливый, висѣвшій надъ землею въ вѣтрѣ зной.

Поносъ у Андрюши не проходилъ: молоко твoroжилосъ и никакія, выписанныя изъ города микстуры не помогали. Подъ платицею ясно ощущались ребра и хрупкія косточки; желтые, купленные въ Москвѣ ботинки болтались на худыхъ, беспомощно висѣвшихъ ногахъ. Отъ слабости мальчикъ ходить не могъ и его цѣлый день таскали на рукахъ въ соломенной шляпѣ, изъ-подъ которой его выпуклый лобъ казался еще страшнѣе и шея тоньше. Когда его укладывали спать, то въ фуфайкѣ съ обострившимися колышками онъ напоминалъ скелетецъ и, часто, крестя его на ночь, Наталья начинала плавать и уходила, махнувъ рукой.

Онъ шелъ только къ бабушкѣ и только она могла успокоить его и закачать. Только у нея на рукахъ, вѣдѣившись въ старую морщинистую шею пальчонками, онъ засыпалъ, посасывая блѣдными губами; только изъ ея рукъ бралъ лѣкарства и, когда она уходила, закатывался отчаяннымъ надрывающимся крикомъ.

И Наталья опять чувствовала себя виноватой передъ старухой за Андрюшу, говорила о томъ, что когда будутъ деньги, она дастъ ей возможность жить съ Алексѣемъ отдѣльно и что присутствіе его тутъ въ деревнѣ невозможно потому, что отецъ болѣнъ и его нужно пожалѣть, но старуха, сжавъ губы, молчала или начинала говорить жестокія, несправедливыя слова о томъ, что ни въ чьей помощи она не нуждается и милостыню принимать не станетъ, что съ голоду умереть она не боится и къ нуждѣ давно привыкла.

И Наталья смотрѣла на нее странными глазами, въ которыхъ было больше усталости, чѣмъ упрека и уходила, тяжело вздохнувъ, ничего не возражая, зная впередъ всѣ эти слова, которыми ее кололи и старались задѣть побольшѣй. Она сознавала, что мать стара, измучена, и всетаки душѣ было такъ больно, что иногда думалось: «Конецъ хоть бы какой-нибудь, скорѣй конецъ!»

Мать не могла простить мужу и дочерямъ, что Алексѣю не позволили жить въ имѣніи: «Выбросили какъ собаку», говорила она съ ѣдкой горечью и видѣла въ нихъ враговъ, которые были жестоки и несправедливы къ больному человѣку.

Своимъ молчаніемъ она часто прежде добивалась своего, особенно у Натальи, но теперь Наталья, казалось, приняла какое-то твердое рѣшеніе и отвѣчала тѣмъ же. Становилось все тяжелѣй: молчали за обѣдомъ, молчали за ужиномъ, молча сходились и расходились.

Отецъ, несмотря на то, что ему это было запрещено, читалъ газеты и всѣ неурядицы и ужасы, которые совершались тамъ, за чертой ихъ угла, ихъ зеленой коробки, казались ему только чудовищнымъ отраженіемъ и повтореніемъ того, что совершалось въ ихъ семьѣ и волновали его почти до припадковъ.

Съ развѣвающимися волосами онъ уходилъ на вагъ, на лавку и смотрѣлъ на межу, по которой вѣтеръ крутилъ пылъ, и на низкія избушки деревни и вся его жизнь казалась ему нелѣпой, злой шуткой, которую кто-то, а можетъ быть онъ самъ сыгралъ надъ собой.

За недѣлю случилось происшествіе: чья-то забѣглая собака перекусала своихъ собакъ; въ одну изъ ночей обычный лай и вой приняли ужасающіе размѣры. Слышно было, какъ на дорогѣ въ темнотѣ катались и грызлись собаки, какъ разрывался Рыжигъ, какъ потомъ

вся орава далеко за плотину преслѣдовала кого-то и какъ долго не унимался вслѣдъ злой, визгливый лай.

Рабочіе будто бы видѣли, что пробѣжала бѣлая собака, что вся морда у нея была въ пѣнѣ и что она перекусила всѣхъ собакъ, въ особенности катала Рыжика. Рыжикъ, правда, подходилъ къ крыльцу прихрамывая, шерсть на немъ сильно была всклокочена, на ухѣ запеклась кровь. Онъ вилялъ хвостомъ и смотрѣлъ на всѣхъ своими умными коричневыми глазами и мать, какъ всегда отглаживала ему на тарелку кости, потому что Рыжика любилъ Алексѣй. Когда Алексѣй гостилъ въ деревнѣ, Рыжикъ спалъ на балконѣ, сопровождалъ его въ ночныхъ путешествіяхъ, несмотря на то, что Алексѣй прострѣлилъ ему ногу и, натравливая на собакъ, повредилъ глазъ, Рыжикъ не отходилъ отъ него ни на шагъ.

— Ружье испорчено, — говорилъ отецъ. — А то нужно бы было ихъ всѣхъ перестрѣлять. Нянька ходитъ съ ребенкомъ и Ната съ Таней безъ палки. Кругомъ собаки бѣсятся отъ голода, мужикамъ самимъ жрать нечего.

— Я Рыжика трогать не позволю, — сказала мать, — это не ваша собака. Посадите, если желаете, на цѣпь.

Отецъ промолчалъ. Только вечеромъ, проходя мимо балкона, Татьяна услышала, какъ онъ кому-то говорилъ: «Да хоть сегодня же».

И на другой день исчезли всѣ собаки.

Рыжика тоже не было: можетъ онъ гдѣ-нибудь лежалъ и зализывалъ раны.

Поговорили и забыли.

По ночамъ стало странно тихо безъ собачьяго лая.

Было похоже, что собирается гроза: вѣтеръ, не утихая, перемѣнилъ направленіе и въ сѣрой мути яснѣй обрисовывались бѣлымъ контуромъ облака иплыли какъ дымъ, минутами заволакивая солнце. Кричали пѣтухи и вороны стаями кружились надъ лѣсомъ, слясясь легѣть противъ вѣтра, который разсыпалъ ихъ и относилъ безпорядочными кучами. Безсильно и дико они трепались въ воздухѣ и надсаждались отъ крика.

Какъ всегда, послѣ чая, Татьяна ушла въ конецъ сада, въ такъ называемую бесѣдку, кругъ, обсаженный акаціями; тамъ было тише и дальше отъ дома. Сидя передъ столомъ, засыпанномъ хрустящими колючими стручьими, она тупо глядѣла на криво сколоченныя доски и старалась не слушать какъ шумитъ вѣтеръ и тонкій голосъ няньки въ аллеѣ поетъ знакомый, однообразный мотивъ:

«Ты, Андриуша дорогой,
Соколъ ясный, золотой».

Она старалась не думать объ Андриушѣ и о всемъ томъ, о чемъ привычно думала весь день, затыкала судорожно ладонями уши, закрывала глаза, но мысли толкались туда и сюда, ненужныя и бессмысленныя и всѣ начала, которыя она повторяла шепчущими губами, силясь вызвать въ себѣ настроеніе, напоминали какіе-то когда-то переведенныя романы. А въ душѣ, притаившись, стояло напряженное ожиданіе чего-то, что должно было случиться, что надвигалось съ каждымъ днемъ все ближе, какъ безшумныя, бродившія въ сѣрой мути, тучи. ...И вдруг... тамъ... въ зелени сада что-то мелькнуло... Платье. Развѣвающийся край платья... Не по дорожкѣ, а прямо по травѣ, черезъ молодую поросль, прямо къ ней, непривычно быстро, крупнымъ, неровнымъ шагомъ, шла Наталья... Она, очевидно, хотѣла что-то крикнуть и не могла и въ поблѣвшемъ лицѣ ея стояли только одни глаза, округленные, страшныя, какихъ Татьяна никогда не видала...

«Обокралъ... Я говорила»,—крикнула она и, выбѣжавъ въ бѣсѣдку, упала на скамейку...

Тогда то, что было далекимъ и невозможнымъ, стало такимъ страшно близкимъ и непоправимымъ.

— Дай,—сказала Татьяна и вырвала смятое въ рукѣ письмо, развернула и стала читать и прочла, поняла все сразу, что стояло въ круглыхъ старательно выписанныхъ буквахъ, въ безграмотно выставленныхъ словахъ. «По вашему порученію ниѣю честь». — Да, да Ната писала, мы писали Еѣиму Егоровичу, старшему дворнику, чтобы квартиру, ну да... гдѣ же? Вотъ-вотъ оно: стеклянная дверь выбита... замки на сундукахъ сломаны...

Татьяна тихо ахнула... взглянула на Наталью... Наталья сидѣла, привалившись къ спинкѣ, неподвижно и только голова у нея качалась ровнымъ движеніемъ, которое отъ нея не зависѣло, потому что и лицо и уставившіяся въ одну точку глаза были каменные, каменныя застывшія, покосившіяся губы...

«Замки сломаны... Алексѣй Андреевичъ, каждый день изволятъ быть пьяны и куда-то таскаютъ изъ вашихъ корзины и относить, а куда не говорятъ. Приводятъ съ собою дѣвокъ и раздаютъ имъ вашъ товаръ, ленты и матерію...»

Колѣни дрожали, и Татьяна схватилась за столъ.

— Тамъ у меня шуба... платье новое...—прошептала она и ничего не понимала.

— Тамъ у меня всё заказы,—сказала Наталья ровно, безучастно.

Стало тихо, точно вдругъ на минуту все смогло, застыло, остановилось.

— Что же теперь дѣлать?...

Опять загудѣлъ лѣсъ и издалека по верхушкамъ бѣшенно поднялись и прокатились волны.

— Что дѣлать?—спросила Наталья и вдругъ кровь залила ей шею, щеки, жила на лбу напряглась до синевы.—А то, что я съ нимъ теперь церемониться не стану... Я его подь судь отдамъ... Да, подь судь,—крикнула она неистовымъ голосомъ, и бѣшенство, то страшное бѣшенство, которое она унаслѣдовала отъ кроткаго, мигваго, но въ припадкѣ гнѣва безумѣвшаго отца,—стояло теперь въ налитыхъ кровью бѣлкахъ, въ раздувающихся ноздряхъ, трясло и било, какъ въ лихорадкѣ; ей полное тѣло...

«Вотъ оно! Вотъ оно!»—думала Татьяна, холодѣя. Ей хотѣлось броситься къ сестрѣ, охватить ее и заплакать вмѣстѣ, какъ онѣ плакали маленькія, когда было какое-нибудь горе. Но Наталья рванула руку и вышла, спотыкаясь на подолъ платья.

Татьяна выбѣжала за ней и забѣжала впередъ, стараясь остановить и все шептала:

— Ната, Ната, Наташа.

Наталья шла впередъ по шуршащей травѣ, захлебываясь и перехватывая воздухъ. Остановилась она, потому что увидала мать.

Мать бѣжала по дорожкѣ, одной рукой прихвативъ край юбки, другой судорожно придерживая черный газовый шарфъ, концы котораго трепала вѣтеръ; вѣтеръ отдувалъ кофточку и видны были пуговицы сѣраго лифа и старческая морщинистая шея.

— Наташа, Таня, подождите,—шептала она и лицо ей было бѣло, какъ мѣлъ, и слабыя ноги натыкались на корни.

Она видѣла, какъ пріѣхали со станціи и какъ Наталья, прочитавъ письмо, кинулась въ садъ...

Она не знала, но догадывалась, что случилось что-то страшное, чего поправить уже будетъ нельзя, о чемъ она думала, чего боялась всё эти ночи. Ей казалось, что она бѣжитъ очень скоро, что со свистомъ мимо проносятся вѣтки яблонь и земля уплываетъ подь ногами, но она шла, еле двигаясь, и разстояніе, отдѣлявшее ее отъ дочерей, было еще такъ велико.

Тогда, напряженіемъ всѣхъ силъ, отъ котораго ей показалось, что грудь ее разрывается на части, она крикнула и вырвался только стоиъ:

— Подождите!

Впереди Наталья стояла въ развѣвающимся платьѣ и лицо ея было такъ страшно, что, подбѣжавъ, старуха уцѣпилась за руку Татьяны и могла только прошептать:

— Отцу, отцу не надо. Ради Бога... Отцу... Онъ умретъ.

Вѣтеръ относилъ ея голосъ и ей казалось, что ее не слышать. Ей хотѣлось упасть на землю, но глаза Натальи, эти расширенные до ужаса глаза заставляли ее стоять на ногахъ и держали, какъ желѣзные тиски.

— Твой сынъ!—сказала Наталья и шагнула такъ близко, что на лицѣ своемъ старуха почувствовала тяжелое горячее дыханіе.— Твой сынъ обокралъ насъ, слышишь? Двери взломалъ, унесъ послѣднее! Любовь! Вотъ твоя любовь.

Она стиснула зубы, подняла судорожно сжатые руки и вдругъ рванувшись пошла прочь, къ лѣсу.

— Наташа,—крикнула Татьяна съ рыданіемъ, и побѣжала за ней вслѣдъ.

Одно мгновеніе, одно блеснувшее, какъ острый свѣтъ молніи мгновеніе, старуха простояла одна. Все, все рушилось, обрывалось, летѣло съ трескомъ и грохотомъ прямо на нее... Небо, лѣсъ, деревья. Все кружилось, качалось.

— О-о-о,—крикнула она протяжнымъ голосомъ и, цѣпляясь за вѣтки, бросилась за дочерью.

«Преступникъ! Воръ! Воръ!»—свистѣлъ вѣтеръ въ ухахъ и хлесталъ въ лицо.

«Алешенька... миленькій. Всѣ близки, всѣ дороги... Она дороже, потому что несчастнѣе. Наталья, Таня. Вы всѣ тѣло моего тѣла... не такъ все! Не такъ! проснуться надо... Ахъ!»

Она добѣжала до скамейки, около которой стояли дочери, и тяжело упала, ударившись головой о перекладину.

— Наталья, что ты хочешь? Наталья—онъ твой братъ.

Прямо съ зеленой долины какъ вода несся вѣтеръ...

— Онъ мнѣ братъ?—спросила Наталья. И выраженіе свирѣпости на ея мягкомъ лицѣ было необычайно и страшно.—Нѣтъ у меня брата! Есть воръ и поступаю я съ нимъ, какъ поступила бы съ чужимъ. Довольно! Съ меня довольно. Меня мучили, терзали, я терпѣла, думала, надѣялась, все пройдетъ, все устроится. Все надѣялась: ты надо мной сжалишься. Но я вижу,—она стиснула зубы— что у тебя жалости нѣтъ... и во мнѣ ея теперь нѣтъ... Слышишь? Убили... довольно!

Внезапно старуха выпрямилась, оглянулась, оглянулась назадъ заплаканными глазами, въ которыхъ стояли слезы и ужасъ. Тамъ... сзади... тамъ изъ срубленныхъ, сваленныхъ въ кучу деревьевъ... плечо въ арестантскомъ халатѣ приподнято... черезъ тонкое лицо, черезъ бритую голову полоса крови.

— Ахъ,—крикнула мать и присѣла, согнулась, точно кто-то, размахнувшись, ударилъ ее по темени.

— Ахъ,—слабо крикнула Татьяна и всѣмъ тѣломъ бросилась къ матери, схватила, прижала къ себѣ трясущуюся голову и въ темномъ, слѣпомъ ужасѣ, какъ въ бездонной глубинѣ, что-то разорвалось, прокатилось, застыло... Тамъ, около акацій, гдѣ бьются вѣтки, отецъ, въ синей рубашкѣ... на землѣ... Слышалъ, все слышалъ, упалъ!...

А руку выше локтя сжимала желѣзная рука и голосъ Натальи, напряженный до хрипоты, твердилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего нѣтъ. Татьяна, опомнись.

Ослабѣвшая Татьяна сѣла.

— Я это знаю. Меня не испугаешь! Знаю эти крики, стоны, знаю,—говорила Наталья отчетливо, ясно.—Тебѣ въ новинку, я привыкла, меня приучили. Теперь—ничего.

Она сѣла и опять ровнымъ движеніемъ закачалась голова, и улыбка перекосила судорожно сжатые губы. Волосы у нея растрепались, щеки обрѣзались, глаза, смотрѣвшіе передъ собой, были стеклянные.

Оторвавъ отъ лица руки, мать встала.

— Безжалостны! — сказала она жестко, отчетливо, и пошла отъ нихъ прочь, въ сторону, и подъ подоломъ ея черной юбки шуршали листья... Голова съ темными волосами, сѣдые пряди, согнутая спина, заштонанные чернымъ локти на черной бѣлыми цвѣточками кофтѣ.

— Боже мой! — сказала Татьяна и, вдругъ согнувшись, заплакала.

Какъ дѣвочку, Наталья обняла ее за плечо и прижала къ себѣ и около своей щеки Наталья чувствовала, какъ глухимъ горячимъ стувомъ билось ея сердце и звало кого-то, кого не было... Жизнь... жизнь... жизнь...

Что-то обрывалось, уходило, чего вернуть уже было нельзя... Нельзя...

— Куда она ушла?—спросила Татьяна, поднимая голову.

— Придетъ,—сказала Наталья и въ голосѣ ея уже не было напряженія, а одна безконечная усталость.

— А если, если съ ней что-нибудь сдѣлается?—Татьяна тревожно обернулась въ ту сторону, гдѣ скрылась мать.

— Не въ первый разъ; вѣдь это всегда такъ! Успокойтесь!

Наталя не договорила: со стороны канавы сквозъ шумъ и порохъ листьевъ пронеслось, пробатилось что-то странное... Тамъ, невидимый за деревьями, что-то хохоталъ пронзительно, дико, раскатистымъ дикимъ хохотомъ.

— Мама!—крикнула Татьяна.

А впереди, быстро, уже бѣжала Наталя, и странно легко двигались ноги, потому что сзади вѣтеръ нагонялъ, напиралъ на спину и несъ, самъ несъ навстрѣчу тому, что было тамъ, за деревьями. И вдругъ тихо, слабо ахнувъ, Наталя всѣмъ тѣломъ привалилась къ дереву. Словно отъ удара въ грудь, остановилась и Татьяна.

Тамъ, за поворотомъ канавы, гдѣ на землѣ валялся полуразвалившийся шалашъ, стояла мать и хохотала отрывистымъ, неистовымъ смѣхомъ, а прямо передъ ней на вѣткѣ, судорожно обнявъ стволъ дерева, висѣлъ Рыжикъ. Онъ висѣлъ какъ живой съ чистой и поблѣвшей шерстью и распущеннымъ хвостомъ и, какъ живой, склилъ зубы въ улыбку; только въ высунувшемся кончикѣ языка, черномъ какъ ремень, и въ неподвижности сытой спины была одервенѣлость трупа.

Татьяна хотѣла позвать мать и Наталю и не могла: языкъ тяжелый, громадный, не шевелился. Не жизнь, а странно жуткій сонъ проходилъ передъ ней и все въ немъ было остро, ясно, и далеко, и непонятно...

Она смотрѣла и видѣла, какъ, отдѣлившись отъ дерева, Наталя двинулась и пошла къ матери и Татьяна почему-то подумала о какой-то, когда-то видѣнной картинѣ, гдѣ высокая женщина въ развѣвающихся одеждахъ неестественно прямо и неподвижно, съ вытянутой шеей и опущенными руками шла по странно наклоненному косо-гору, на которомъ отдѣльно, игрушечно стояли обрѣзанные до половины деревья. Она видѣла, какъ Наталя подошла къ дереву, на которомъ висѣлъ Рыжикъ, какъ мелькнули бѣлыя поднятыя руки, на-пряглись, дернули веревку, какъ завертѣлся трупъ собаки съ оскаломъ зубовъ и, судорожно отброшенный, упалъ, скатился въ кана- И Татьяна вдругъ перестала понимать, что дѣлаетъ Наталя. Она видѣла также безшумно и странно далеко, какъ во снѣ, какъ Наталя покачнулась, точно кто-то ее ударилъ въ спину, быстро ползла плечомъ по дереву и легла ничкомъ въ траву... Хохоть о- рвался. Набѣжавшій порывъ вѣтра поднялъ край платья, и Татьяна увидала странно согнутыя ноги въ черныхъ чулкахъ.

— Ната!—крикнула она чужимъ, дикимъ голосомъ и, подбѣжавъ съ нечеловѣческой силой, подхватила Наталью подъ мышки, но Наталья уже не было, а только что-то тяжелое, чужое тѣло, которое, подавшись, опять упало тупо и грузно... А надъ лѣсомъ все также неумолчно, торопливо бѣжалъ вѣтеръ и билъ, и гналъ всѣ листья, всѣ вѣтки въ одну сторону и, обезумѣвъ отъ ужаса, онѣ рвались и торопились, и убѣгали туда, къ опушкѣ лѣса, за которой надъ чернымъ вспаханымъ бугромъ, лицомъ къ солнцу, стояла черная, грозно молчаливая туча.

О. Н. Хрѣннинова (Максъ-Ли).

ВѢНОКЪ.

Я довольна своимъ ароматнымъ вѣнкомъ.
Нѣтъ въ немъ, правда, ни розъ, ни лилей,
Но обвѣянъ онъ весь полевымъ вѣтеркомъ,
Въ немъ все дѣти родимыхъ полей.

Тутъ гвоздика и лютикъ, и алая кашка,
И фіалка лиловая есть,
Васильки, павлика, цикорій, ромашка,
А травинокъ атласныхъ—не счесть...

Да, красивъ мой чудесный и скромный вѣнокъ...
Я случайно взглянула въ ручей...
Ахъ, какъ дивно лежитъ каждый юный цвѣтокъ,
Въ шелкѣ черныхъ и пышныхъ кудрей.

Долго-долго смѣясь и рѣзвясь, какъ дѣтя,
Я глядѣлась въ зеркальный потокъ,
Но за счастьемъ своимъ не замѣтила я,
Какъ поблекъ мой прекрасный вѣнокъ.

И мнѣ больно смотрѣть, какъ поникли цвѣты
Потемнѣли лазурныя краски,
Нѣтъ въ поминѣ былой молодой красоты,
Смотрять долу печальные глазки.

Нѣтъ, не стану вѣнковъ больше плести по полямъ
И глядѣться въ зеркальную влагу,
Лучше въ пѣсняхъ своихъ унесусь къ небесамъ,
Буду слушать не здѣшнюю сагу.

Татьяна Грейс

Психо-физиологическія условія таланта.

(Поэтическое творчество.)

I.

Поэтическая организація.

Слово человѣческое устное и письменное складывается въ разнообразныя формы, и литературное творчество насчитываетъ немало самостоятельныхъ типовъ—эпосъ, драму, романъ, исторію, лирику, пѣсню и т. д.

Всѣ народы начали свое письменное творчество рифмованной пѣсней. Вся первобытная духовная жизнь арійцевъ, индусовъ, религія, обычая и обряды, легенды, законы, укладывались въ пѣсню, которая тѣсно связана была съ религіозными обрядами, съ житейскими обычаями и слита была съ пѣніемъ и танцами, т.-е. съ двумя главными органами выраженія человѣческихъ чувствъ.

Поэзія первоначально зародилась какъ одна изъ формъ проявленія человѣческаго духа, и всякая попытка проникнуть въ природу поэтического творчества, игнорирующая связь поэзіи съ выразительнымъ дарованіемъ, обречена на неудачу. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что у современнаго поэта его талантъ обнаруживаетъ свою первоначальную природу. Уже въ самой низшей формѣ этого дарованія—въ римѣ, обнаруживается одна чисто физиологическая особенность: музыкальность и ритмичность, которая указываетъ на то, что у поэта въ актѣ творчества участвуетъ и звуковое воображеніе, чувство слуха, чѣмъ и объясняется родство пѣсни съ пѣніемъ и поэзіи съ голосомъ. Вотъ почему изъ всѣхъ видовъ литературнаго дарованія поэзіи заслуживаетъ наиболѣе названія выразительнаго дара и стоитъ ближе всѣхъ къ міру чувствъ человѣка, а въ лирикѣ поэзія совершенно сливается съ пѣніемъ.

Съ этой физиологической особенностью поэзіи вполне гармонируетъ и то обстоятельство, что поэты, особенно лирики,—а почти всѣ поэты въ юности лирики,—обладаютъ богатымъ темпераментомъ и эмоціональнымъ характеромъ. Такая чувствительность и универсальная отзывчивость, т.-е.

глубокая реакція на все объективное и на все личное, экзальтированность, крайняя восприимчивость къ впечатлѣніямъ природы, большой запасъ иѣжности, раннее развитіе воображенія, стремленіе къ чудесному, фантастическому, мечтательность съ раннихъ дѣтскихъ лѣтъ, все это составляетъ обычныя черты юнаго и будущаго поэта.

Изучая жизнеописанія выдающихся поэтовъ, нельзя не замѣтить, что большинство изъ нихъ, если не всѣ, уже съ самаго ранняго дѣтства обнаруживаютъ нервный темпераментъ и совершенно своеобразный характеръ, проявляющійся въ странныхъ вкусахъ и стремленіяхъ. Будущіе поэты въ дѣтствѣ поражаютъ или чрезмѣрной рѣзвостью, или необычайною для ребенка кротостью; дитя-поэтъ чаще всего живетъ особнякомъ, замыкается отъ другихъ дѣтей, проводитъ время въ несвойственномъ его возрасту уединеніи, избѣгаетъ товарищей, игръ и живетъ въ мирѣ грезъ и фантазій. Ни въ какой другой области человѣческихъ дарованій не выступаетъ такъ рельефно сложность нервной организаціи, своеобразность, индивидуальность всего душевнаго склада, какъ у поэтовъ. Индивидуальность эта нерѣдко переходитъ границы нормальнаго и близко подходитъ къ области болѣзненныхъ аномалій. Нѣсколько примѣровъ подтверждаютъ это общее положеніе. Байронъ отличался съ первыхъ дней жизни необузданнымъ, дикимъ нравомъ, доходившимъ до жестокости, его вспыльчивость нерѣдко принимала характеръ ярости, онъ избѣгалъ товарищей, искалъ уединенія, жилъ въ воображаемомъ мирѣ, который онъ наполнялъ своими мечтами. Такой же нервностью въ раннемъ дѣтствѣ отличались Гейне, Данте, Гердеръ, Левъ Толстой, Шиллеръ и др.

Многіе изъ великихъ поэтовъ на зарѣ своей юности при переходѣ изъ отрочества пережили настоящій нервный и душевный переломъ. Такъ, Данте перенесъ нервную горячку. Гёте въ 14 лѣтъ впалъ въ тяжелое меланхолическое состояніе. Шиллеръ въ 14 лѣтъ страдалъ тоской, подавленнымъ настроеніемъ и мечталъ о монашествѣ. Левъ Толстой и Жоржъ Зандъ также перешли черезъ сходное критическое состояніе, — смѣшанное настроеніе тоскливости, сомнѣній и упадка вѣры въ себя. Нашъ великій Пушкинъ обнаруживалъ такія странности въ характерѣ и во всемъ своемъ душевномъ строѣ, былъ такимъ дичкомъ, что возбуждалъ въ семьѣ серьезныя опасенія за свои умственные способности. Поэтъ Андерсенъ, крайне нервный и впечатлительный, производилъ въ дѣтствѣ впечатлѣніе дѣвочки, пѣлъ женскимъ голосомъ, любимымъ занятіемъ его были игры въ куклы.

Совершенно противоположнымъ типомъ былъ Лермонтовъ ребенокъ. Озлобленный, желчный, замкнутый, мечтательный, воображавшій себя разбойникомъ, онъ стыдливо пряталъ въ своей груди и скрывалъ отъ презираемыхъ имъ людей богатый родникъ любви и иѣжности, которыми природа его такъ щедро надѣлила.

Болѣзненность характера еще рѣзче выдѣляется у цѣлой плеяды знаменитыхъ поэтовъ, какъ Беранже, Гофманъ, Эдгаръ Поэ и др. Беранже

покушался на самоубійство и, въ 60 лѣтъ влюбившись, отказался отъ друзей, литературы и обнаружилъ явные признаки душевнаго разстройства.

Въ послѣдней категоріи поэтовъ, обнаруживавшихъ ненормальности характера и болѣзненную психическую организацію, явно замѣтна печать тяжелой наслѣдственности, такъ какъ всѣ эти поэты происходили изъ семействъ, гдѣ процвѣтали алкоголизмъ, помѣшательство, самоубійство, преступленіе и вообще всякаго рода физическое и духовное вырожденіе. Это мы видимъ въ семьяхъ Гофмана, Пюэ, Андерсена, Беранже, Шевченко, Байрона и др.

Замѣтимъ здѣсь попутно, что можетъ быть ни въ одной области человѣческихъ дарованій не выступаетъ такъ ярко благотворная и творческая роль наслѣдственности, т.-е. даровитости родителей, какъ въ обширной семьѣ поэтовъ. Многіе изъ знаменитыхъ поэтовъ видимо унаслѣдовали отъ своихъ родителей, чаще всего отъ матери, зародыши своихъ будущихъ дарованій.

Упоминаемъ объ этомъ мимоходомъ, такъ какъ вопросъ о роли наслѣдственности въ происхожденіи даровитости всего удобнѣе разсматривать въ его совокупности, т.-е. имѣя уже въ рукахъ матеріалы по біологіи всѣхъ главныхъ группъ талантовъ. Вопросу этому будетъ посвящена особая глава въ концѣ настоящаго этюда.

Среди великой семьи поэтовъ одинъ Гёте выдѣляется своимъ величавымъ, устойчивымъ, какъ бы неподвижнымъ характеромъ, какъ скала, среди бушующаго моря. Гёте какъ бы составляетъ исключеніе среди поэтовъ. Не будемъ однако довольствоваться банальной фразой, будто бы «исключеніе подтверждаетъ правило». Поговорка эта вѣрна лишь настолько, насколько удастся въ каждомъ данномъ случаѣ отыскать корень и причины этого исключенія. Разъ эти причины открыты, передъ нами уже не настоящее, а лишь кажущееся исключеніе. Попытаемся и мы отыскать въ натурѣ Гёте корни его исключительнаго характера.

Прежде всего, Гёте, какъ и всѣ гениальные люди первой величины, принадлежатъ не одной семьѣ поэтовъ. Будучи безспорно поэтомъ перваго ранга, онъ въ то же время первоклассный мыслитель и выдающійся натуралистъ. Гёте былъ бы великъ на всякомъ поприщѣ, которому онъ посвятить бы свои силы, онъ былъ бы одинаково великъ и какъ историкъ, и какъ просвѣтитель, и въ качествѣ законовѣда и государственнаго чловека. Гений Гёте не былъ исключительно поэтическимъ и художественнымъ, а въ буквальномъ смыслѣ всеобъемлющимъ, какъ и гений Аристотеля, Шекспира, Бэкона, Микель-Анжелло. Эта универсальность Гётевскаго гения обнаруживается въ такой же ширинѣ и универсальности его характера и его природы. Въ развитіи характера Гёте особенно поразительно раннее проявленіе его личности. Уже въ шестилѣтнемъ возрастѣ Гёте не только ясно сознавалъ свою личность, но имѣлъ весьма опредѣленно-сформированное, и притомъ высокое представленіе о своей особѣ, о своемъ будущемъ. Уже въ этомъ возрастѣ онъ выступалъ среди товарищей съ поднятой головой и важной торжественной походкой.

На вопросъ одного изъ товарищей, почему онъ ходить не такъ, какъ всѣ другіе, онъ отвѣтилъ: «пока я намѣренъ этимъ отличатся отъ другихъ; когда я выросту, я буду отличатся многимъ другимъ». Около этого же времени онъ спрашиваетъ однажды у матери, надѣется ли она, что звѣзды исполнять впослѣдствіи тѣ обѣщанія, которыя онъ сулилъ ему при его рожденіи? На вопросъ матери, почему онъ думаетъ, что его жизнь и его судьба должны управляться звѣздами, когда извѣстно, что жизнь всѣхъ другихъ людей нисколько не зависитъ отъ хода небесныхъ свѣтилъ, а только отъ земныхъ обстоятельствъ, маленький Гёте отвѣчаетъ матери: «меня не удовлетворяетъ то, чѣмъ довольствуются другіе люди». Такое раннее проявленіе самосознанія представляетъ собою въ высшей степени рѣдкое явленіе, въ томъ нѣжномъ возрастѣ, когда дѣти живутъ еще однимъ лишь вѣчно мѣняющимися внѣшними впечатлѣніями и также быстро смѣняющимися другъ друга внутренними импульсами. Само собой понятно, что въ этомъ kaleidoscope внѣшнихъ образовъ и въ этой хаотической игрѣ внутреннихъ, автоматическихъ стимуловъ, душевная жизнь ребенка представляетъ собою вѣчно движущую панораму, въ которой невозможно выработаться устойчивому сознанію своей личности и опредѣленному характеру.

Гёте принадлежалъ къ тѣмъ исключительнымъ натурамъ, у которыхъ съ ранняго дѣтства развито было сознаніе своего достоинства, самообладаніе и вообще всѣ главные элементы личности.

Уже въ томъ нѣжномъ возрастѣ, когда дѣти живутъ впечатлѣніями, находятся въ непрерывномъ движеніи и машинально реагируютъ на всякое внѣшнее раздраженіе, Гёте обнаружилъ мощный характеръ, подчинившій себѣ всю нервную функцію маленькаго поэта. Его впечатлѣнія и движенія находились подъ строгимъ контролемъ молодой, но уже сильной личности. Насколько у Гёте нервы были въ строгомъ подчиненіи сознанію своего личнаго достоинства, хорошо видно изъ слѣдующаго случая: однажды, во время пустого урока, одинъ изъ товарищей побилъ его; маленький Гёте, считая ниже своего достоинства драться въ часы урока, терпѣливо перенесъ побои, и только по окончаніи урочнаго часа отколотилъ товарища. На Гёте можно ясно видѣть, что то, что мы обыкновенно называемъ характеромъ и сознаніемъ своей личности, наврядъ ли имѣетъ своимъ источникомъ одинъ лишь разумъ. Мы видимъ, что уже въ томъ возрастѣ, когда у Гёте еще не имѣлось порядочнаго запаса мыслей, когда его умственные силы были еще въ пеленкахъ, его характеръ и личность уже совершенно опредѣлились и сформировались.

А это въ свою очередь даетъ намъ право заключить, что то, что мы называемъ личностью и характеромъ, раньше чѣмъ развиться въ формѣ сознательной и интеллектуальной, прорастаетъ въ душѣ человѣка въ видѣ бессознательнаго чувства, даже болѣе того, въ видѣ общаго тѣлеснаго ощущенія чувства своей силы и стремленія. Характеръ и личность имѣетъ своимъ источникомъ какія-то таинственныя особенности нашей нервно-

мозговой организаціи. И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что этотъ нижній этажъ такъ рельефно выступаетъ у гениевъ характера, какъ Гёте, у которыхъ первые ростки, т.-е. бессознательный строй будущей личности, пышно развивается уже въ томъ возрастѣ, когда верхній ярусъ сознательной душевной жизни еще не успѣлъ сформироваться.

Въ то же время слѣдуетъ внести и существенную поправку въ установившійся взглядъ, будто Гёте вовсе не былъ нервнымъ. Помимо того, что нервы и инстинкты у Гёте были подчинены его разуму и волѣ, Гёте все же былъ очень нервнымъ ребенкомъ, но онъ нервничалъ по-Гётовски. Гёте ребенокъ, какъ и другіе маленькіе поэты, жилъ впечатлѣніями, которыхъ онъ искалъ вокругъ себя и которыя производили на его поэтическую натуру огромное дѣйствіе, но въ отличіе отъ другихъ дѣтей, онъ искалъ художественныхъ и пріятныхъ впечатлѣній; его эстетическая душа возмущалась всѣмъ тѣмъ, что не было изящно, всѣмъ угловатымъ и рѣзкимъ. У Гёте было инстинктивное отвращеніе ко всему больному, уродливому, и какъ мимоза свертываетъ свои листья при прикосновеніи, такъ Гёте ребенокъ рефлекторно избѣгалъ всего того, что могло вызвать въ его душѣ малѣйшее непріятное чувство. Когда же грубая дѣйствительность наталкивала Гёте на неэстетическое впечатлѣніе, онъ сильно реагировалъ на нихъ, и тутъ-то обнаруживалась своеобразная нервность его натуры. Однажды Гёте, имѣя всего три года отъ роду, увидѣлъ горбуна; Гёте расшатался, пришелъ въ нервное возбужденіе и началъ кричать: «какой некрасивый! Уберите этого горбуна». Физическое отвращеніе ко всему неизящному не покидало Гёте въ теченіе всей его жизни. Гёте могъ все понять и все простить, кромѣ одного—дисгармоніи, въ чемъ бы она не заключалась, во внѣшнемъ ли безобразіи, въ рѣзкости ли поступковъ, или, наконецъ, въ односторонности крайнихъ мнѣній и взглядовъ. Холодность въ манерахъ, политическій индифферентизмъ, олимпийское спокоедушіе, самообладаніе въ увлеченіяхъ, которые производили въ Гёте столь непріятное впечатлѣніе на многихъ его современниковъ, и доставили ему незаслуженную репутацію бездушнаго эгоиста, все это находятъ себѣ объясненіе въ указанной особенности Гётовской натуры. Гёте могъ воспринимать и переваривать только художественное, гармоническое, законченное. Всего, что не удовлетворяло этимъ требованіямъ, Гёте инстинктивно избѣгалъ какъ въ природѣ, такъ и въ жизни, въ людяхъ и въ себѣ. Если же судьба сталкивала его съ такими явленіями, онъ крайне нервно реагировалъ на ихъ. Можно сказать, что на Гёте сидѣла голова философа, онъ смотрѣлъ какъ художникъ на міръ, а въ груди его трепетало нервное сердце поэта.

Въ жизни и въ характерѣ многихъ поэтовъ обращаетъ на себя вниманіе одна черта, проявляющаяся уже въ дѣтскомъ возрастѣ—это склонность къ уединенію. Мы такъ привыкли видѣть нормальнаго ребенка живымъ, общительнымъ, проводящимъ время въ кругу товарищей, что насъ невольно поражаетъ, когда мы читаемъ, что будущій поэтъ избѣгаетъ

общества товарищей, иногда даже удаляется от членовъ семьи, замыкается въ себя и живетъ въ фантастическомъ мірѣ грезъ и мечтаній. Такими мечтателями, уединявшимися отъ людей, были: Пушкинъ, Вальтеръ Скоттъ, Байронъ, Андерсенъ, Викторъ Гюго, Лермонтовъ, Гейне, Жоржъ Зандъ, Тургеневъ, Беранже и до нѣкоторой степени Гёте. Тяготѣніе къ одиночеству съ одной стороны можетъ быть разсматриваемо какъ послѣдствіе нервности, т.-е. болѣзненной чувствительности и воспріимчивости маленькихъ поэтовъ; въ то же время замкнутость и стремленіе удалиться отъ товарищества и избѣгать шума жизни можетъ имѣть свое объясненіе въ рано развивающейся мечтательности у будущаго поэта, душа котораго уже на порогѣ жизни заполнена внутренней работой. Ребенокъ, погруженный въ свой внутренней фантастическій міръ, не имѣетъ, конечно, ни охоты, ни надобности раздѣлять свое время съ товарищами, которые только отвлекаютъ его какъ отъ созерцанія природы, такъ и отъ погруженія въ свой собственный воображаемый мірокъ. Эта склонность и способность будущихъ поэтовъ уходить въ себя и закрывать двери своей души отъ наплыва нежеланныхъ впечатлѣній, играетъ не малую роль въ развитіи зародыша будущаго художественнаго поэтическаго дарованія.

Здѣсь же нельзя обойти молчаніемъ одного весьма загадочнаго факта, который намъ раскрываютъ біографіи великихъ поэтовъ. Фактъ этотъ заключается, что многіе, если не большинство, выдающихся поэтовъ были въ первые годы своей жизни физически слабыми, хилыми и болѣзненными дѣтьми. Сопоставляя поэтовъ съ представителями боевого типа, воиновъ и ораторовъ, мы находимъ только одного выдающагося воина Суворова и одного знаменитаго оратора Демосеена, которые отличались въ дѣтствѣ слабымъ здоровьемъ. Обративъ свой взоръ къ группѣ поэтовъ, мы узнаемъ, что:

Лермонтовъ былъ рахитичный и слабый ребенокъ.

Шиллеръ былъ хилымъ, Беранже, Гердеръ, Мицкевичъ также. Вальтеръ Скоттъ страдалъ параличомъ ногъ.

Державинъ родился такимъ слабенькимъ, что его запекли въ хлѣбѣ. Викторъ Гюго родился почти мертвымъ. Самъ великій Гёте, впоследствии обладавшій цвѣтущимъ здоровьемъ, родился въ асфиксін, и съ большимъ трудомъ его удалось оживить.

Отмѣчая здѣсь этотъ любопытный фактъ, который выступаетъ еще рельефнѣе въ другой группѣ человѣческихъ дарованій среди математиковъ и великихъ мыслителей, мы оставляемъ пока открытымъ вопросъ о причинахъ этого страннаго явленія и о томъ значеніи, какое можетъ имѣть физическая немощность въ первые годы жизни для развитія поэтическаго и художественнаго таланта. Одно во всякомъ случаѣ ясно, что тѣлесная слабость должна содѣйствовать изолированію ребенка, его отчужденію отъ товарищеской среды, и что это обстоятельство должно также способствовать замкнутости и мечтательности будущихъ поэтовъ.

Такъ мы узнаемъ изъ жизнеописанія Байрона, что его физическій на-

достатокъ, хромота, служилъ вдвойнѣ препятствіемъ для его сообщенія съ товарищами. Съ одной стороны хромота физически мѣшала ему участвовать въ играхъ товарищей, къ тому же его самолюбіе страдало отъ сознанія своей болѣзненности и уродливости, что его еще больше побуждало удалиться отъ сверстниковъ.

Вальтеръ Скоттъ находился въ сходномъ положеніи: страдая въ дѣтствѣ болѣзнью спинного мозга и параличомъ ногъ, онъ въ теченіе многихъ лѣтъ, почти до 12-лѣтняго возраста, лишень былъ способности двигаться; ему остались неизвѣстны ни дѣтскія шалости, ни товарищескія игры. Его жизнь протекала въ колясочкѣ, на попеченіи нѣжно-любившей его бабушки, романтическія сказки которой замѣняли ему всѣ дѣтскія шалости и игры.

Обстановка, въ которой Вальтеръ Скоттъ провелъ свои дѣтскіе годы, можетъ служить яркою иллюстраціей той атмосферы, которая оказывается наиболее благоприятною для поэтическаго дарованія. Постоянное созерцаніе неподвижныхъ видовъ обрѣвавшей его колыбель романтической природы Шотландіи, развивала въ ребенкѣ потребность, вкусъ къ красотѣ, къ формамъ, т.-е. ко всему художественному. Въ то же время бабушка переносила его въ сказочный міръ прошлаго съ его рыцарями, подвигами, замками, турнирами, красавицами и др. атрибутами романтизма. Окружающая обстановка, развивала въ немъ чувство внѣшней красоты,—чувство природы. Сказки укрѣпляли въ немъ инстинктъ внутренней душевной красоты. Первая создавала почву для эпоса, второе—подготовляло въ немъ лирическій элементъ.

Слившись вмѣстѣ въ душѣ ребенка въ одно цѣлое, эти факторы создали поэта. Муза Вальтеръ Скотта дала въ его произведеніяхъ то именно своеобразное сочетаніе стильной живописи, колоритнаго жанра въ изображеніи романтической природы, эпическій тонъ рассказовъ, имѣющихъ характеръ воспоминаній, сказочно-легендарное изображеніе героическаго прошлаго, лирическое, нерѣдко патетическое настроеніе автора, которое мы встрѣчаемъ во всѣхъ произведеніяхъ Вальтера Скотта. Въ плодахъ, которые принесло поэтическое дарованіе Вальтеръ Скотта, легко узнать тѣ сѣмена, которые посеяны были въ дѣтской душѣ поэта, окружавшей его внѣшней обстановкой и духовной атмосферой.

У многихъ другихъ выдающихся поэтовъ мы также находимъ такое совпаденіе обстановочныхъ, т.-е. внѣшнихъ, бытовыхъ и духовныхъ условій, дѣйствовавшихъ всѣ вмѣстѣ въ гармоническомъ направленіи и способствовавшихъ закрѣпленію и произрастанію поэтическаго дарованія. Такъ Мильтонъ, провелъ свои дѣтскіе годы на лонѣ величественной природы, въ кругу строго-пуританской обстановки, а первыми духовными сѣменами, запавшими въ его душу, были библейскія легенды. Отецъ Мильтона занимался музыкой, имѣлъ наклонность къ поэзіи и какъ говорятъ біографы всѣ музы собрались вокругъ колыбели ребенка. Извѣстно, какую роль играла няня въ воспитаніи Пушкина, тоже извѣстно и про няню Байрона.

Гофманъ и Мицкевичъ росли среди живописной обстановки. О і известно, что обстановка, въ которой воспитывался его глазъ съ первыхъ дней жизни, напоминала художественный музей, стѣны маленькаго Гёте были украшены видами Рима, стремленіе къ которому впоследствии было у молодого поэта непреодолимой мечтой. Мать Гёте, живая, прекрасная рассказчица, своими сказками развивала воображеніе будущаго поэта.

Самыя блестящими прижѣромъ того вліянія, которое оказываютъ раннія впечатлѣнія на все направленіе творческой дѣятельности поэта, можетъ служить біографія Виктора Гюго. Онъ родился въ маленькомъ городкѣ Безансонѣ, расположенномъ на склонѣ Пиренейскихъ горъ. Въ то время по населенію, культурѣ и нравамъ, эта мѣстность была гораздо больше Испаніей, чѣмъ Франціей. Отецъ Виктора Гюго былъ блестящій наполеоновскій офицеръ, мать—истая вандейка, фантастическая ролястка и католичка.

Все дѣтство Викторъ Гюго до 11-лѣтняго возраста, прошло въ постоянныхъ переездахъ и путешествіяхъ семьи, т.-е. матери и двухъ дѣтей по южной Франціи, Италиі и Испаніи. До 15 лѣтъ Викторъ Гюго былъ такъ слабъ, что не могъ держаться прямо. Воспитаніе его протекало на глазахъ матери, подъ ея сильнымъ вліяніемъ. Уже въ трехъ-мѣсячномъ возрастѣ, Виктору Гюго пришлось совершить первый переездъ на о. Эльбу, гдѣ семья провела нѣсколько лѣтъ. На четвертомъ году жизни, семья переехала въ Парижъ. Оттуда черезъ годъ переселилась въ Неаполь. Это первое путешествіе въ Италию оставило на всю жизнь неизгладимый слѣдъ въ памяти поэта. Въ его «Легендахъ вѣка», поэтъ съ поразительной яркостью восстанавливаетъ картину своей жизни и поэтическую обстановку итальянской природы, среди которой протекали два года его жизни. Одинъ изъ лучшихъ біографовъ В. Гюго Альфредъ Барбонъ говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Мнѣ, который 15 или 20 разъ посѣтилъ Италию, часто казалось, что меня всюду сопровождаетъ В. Гюго, такъ живы его описанія, несмотря на то, что онъ посѣтилъ Италию въ раннемъ дѣтствѣ и что онъ во время своего описанія только духовными глазами и воскресалъ въ своей душѣ отдаленное воспоминаніе дѣтства, глубоко врѣзавшіяся въ его памяти. Картины итальянской природы, которыя рисуетъ В. Гюго, не плодъ его воображенія, а воспроизведеніе той реальной дѣйствительности, которая запечатлѣлась въ его душѣ. Оттого всѣ описанія различныхъ мѣстностей, которыя мы находимъ въ его стихотвореніяхъ, сопровождаются различными случайными деталями, которыя очевидно имѣли мѣсто въ тотъ моментъ, когда поэтъ видѣлъ эти мѣста. Такъ Парма въ воспоминаніяхъ Гюго, является передъ нами въ моментъ наводненія. Когда поэтъ воспѣваетъ Римъ, Флоренцію, Неаполь онъ рисуетъ картину извѣстнаго музея памятника, какого-нибудь глухого переулочка съ такой отчетливостью, какіе возможны только тогда, когда весь ансамбль момента съ освѣщеніемъ, обстановкой и настроеніемъ минуты—все запечатлѣлось или слилось въ одно цѣлое. Когда поэтъ воспѣваетъ время, проведенное

въ маленькомъ итальянскомъ городѣ Авелино, онъ съ мельчайшими подробностями описываетъ трещину, произведенную землетрясеніемъ въ стѣнѣ, окружавшей садъ, и видъ на окрестности, который открывался черезъ эту трещину. Отсюда изъ Италіи,—говорить Барбонъ,—поэтъ вынесъ непокидавшюю его всю жизнь любовь къ скаламъ и пропастямъ. Когда поэту было 7 лѣтъ, семья переѣхала въ Парижъ, гдѣ поселилась за городомъ въ заброшенномъ домѣ, служившемъ раньше женскимъ монастыремъ. Зданіе находилось въ красивой романтической мѣстности, домъ былъ окруженъ запущеннымъ садомъ. Вокругъ царило уединеніе, внутри строгая тишина. Обитателями была мать поэта и двое дѣтей и скрывавшійся два года у нихъ политическій изгнанникъ кузенъ, впоследствии казненный, генералъ Лагори, крестный отецъ поэта. Мать сама занималась съ дѣтьми. Воспоминая объ этомъ періодѣ своей жизни, поэтъ писалъ: «Я жилъ среди цвѣтовъ». Въ двѣнадцатомъ году, семья Гюго съ десятилѣтнимъ поэтомъ переѣзжаетъ въ Испанію. На пути, во время остановки въ маленькомъ испанскомъ городѣ Байонѣ, на рубежѣ Франціи, поэтъ въ первый разъ влюбляется. Это первое увлеченіе оставило въ душѣ поэта долгій и яркій слѣдъ, вылившійся впоследствии въ его сонетахъ. Приѣхавъ въ Испанію, они поселились въ окрестностяхъ Мадрида въ древнемъ замкѣ, который Гюго воспѣлъ и увѣковѣчилъ. Молодой Гюго былъ отданъ въ монастырь, для воспитанія и ученія. Въ слѣдующемъ году семья опять вернулась въ Парижъ, гдѣ поэтъ серьезно началъ заниматься подъ руководствомъ аббата Лаверьяна, который оказалъ на своего воспитанника огромное вліяніе, и къ которому поэтъ надолго сохранилъ истинную привязанность.

Таковы тѣ элементы, изъ которыхъ сформировалось настроеніе, и которыми напиталась поэтическая натура Гюго.

Всѣ внѣшнія и внутреннія условія, въ которыхъ росъ молодой поэтъ, сложились крайне необычно и носили печать исключительности. Уединенность, скитанія, пребываніе на лонѣ поэтической природы, раннее знакомство съ моремъ и горами, рѣдкія таинственныя посѣщенія отца, придававшія ему характеръ мистической фигуры, скрывающейся подъ инкогнитомъ въ замкѣ кузенъ, печать таинственности на всей жизни семьи, олицетвореніе и борьба двухъ полюсовъ тогдашней политической жизни въ образѣ отца, обоготворявшаго Бонапарта и матери вѣрной бурбонамъ, патеръ энциклопедистъ въ роли воспитателя, раннее знакомство съ итальянскимъ, испанскимъ и классическими языками, наконецъ, мать героическая натура, напоминавшая древнюю римлянку—такова была почва атмосферы, таковы были оплодотворяющія вліянія и питательные источники творческаго генія Гюго.

Если имѣть въ виду, что въ семьѣ Гюго, какъ по отцовской, такъ и по материнской линіи не было представителей Парнаса и любимцевъ музъ, то невольно закрадывается въ голову соблазнительная мысль, не имѣемъ ли мы въ лицѣ Гюго случай самопроизвольнаго зарожденія поэтического

дара, подъ влияніемъ совокупности необычайно благоприятныхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ одни зародили въ поэтѣ художественную впечатлительность, другіе—развили его воображеніе, третьи—сообщили поэту лирическое настроеніе и пафосъ, и нѣкоторые, наконецъ, заронили въ его душѣ героическія стремленія борца, какимъ онъ оставался всю жизнь, что и сдѣлало его истиннымъ сыномъ своего вѣка и своего народа. Въ лицѣ Гюго исторія дала намъ какъ бы внушительный урокъ, раскрывъ передъ нами одну сторону великой тайны произрастанія той рѣдкой породы существъ, которыхъ люди нѣкогда обоготворяли, которымъ позже поклонялись, какъ пророкамъ, посланникамъ боговъ, и всегда будутъ удивляться какъ поэтамъ.

Рядомъ съ безспорнымъ и быть можетъ рѣшающимъ влияніемъ внѣшней обстановки и раннихъ впечатлѣній на развитіе, если не на самое зарожденіе поэтического дарованія слѣдуетъ поставить и тотъ несомнѣнный фактъ, что проблески этого дара у многихъ, даже у большинства поэтовъ даютъ себя знать уже въ раннемъ возрастѣ.

Андерсенъ, Мицкевичъ, Лермонтовъ, Пушкинъ, Шиллеръ, В. Гюго начали свою творческую жизнь въ возрастѣ 12—13 лѣтъ.

Гёте, хотя и началъ писать сравнительно позже, но обнаружилъ довольно рано, еще въ дѣтствѣ, свое поэтическое дарованіе. Въ семилѣтнемъ возрастѣ онъ однажды устроилъ алтарь, разложилъ на немъ куски руды и съ помощью собирательнаго стекла, зажегъ на импровизированномъ алтарѣ курительную свѣчку. Дымъ, поднимавшійся отъ курящейся свѣчки долженъ былъ изображать стремленіе человѣческой души вверхъ, къ небу, къ божеству.

Уже въ этой дѣтской концепціи виденъ орлиный размахъ будущаго поэта-философа. Стремленіе вверхъ и впередъ къ небу, къ вѣчности, къ истинѣ и красотѣ было всю жизнь девизомъ Гёте, и не простой случайностью, и фразой звучитъ его заключительная строфа изъ Фауста, гдѣ послѣдній говоритъ устами автора: «послѣднее, что остается человѣку на землѣ—это вѣчное стремленіе». Это вѣчное стремленіе поэтъ-дѣтя выразилъ поэтически въ образѣ огня и дыма, тянущихся вверхъ. Въ построеніи алтаря, какъ бы аллегорически собраны всѣ основные элементы гётевскаго творчества: художественный образъ алтаря, символическій элементъ руды, олицетворяющій собою землю, материнство и плодородіе, огонь, какъ представитель стихійныхъ силъ природа и стекло, какъ эмблема будущихъ любимыхъ занятій Гёте оптикой и физикой. Словомъ, въ дѣтскомъ построеніи, какъ и въ микроскопѣ уже видны въ зародышъ всѣ главные мотивы и пружины творчества будущаго Гёте. Алтарь, построенный руками Гёте, былъ своего рода поэтическимъ произведеніемъ хотя выраженъ не словами, не красками и звуками; то было пожалуй, архитектурное искусство, поэзія въ дѣйствіи. Составивъ себѣ ясное представленіе о натурѣ Гёте, въ которой эмоція была всегда подчинена личности, нервы—характеру, рефлексы—мозгу, и зная притомъ, что въ Гётѣ

лиризмъ никогда не выступалъ на первый планъ, а подавлялся эпическимъ настроеніемъ, мы не станемъ удивляться тому, что писательство, какъ выраженіе эмоцій не проявилось у него въ раннемъ дѣтствѣ, и осуществилось въ болѣе позднюю эпоху его жизни, какъ актъ сознательнаго художественно-идейнаго творчества.

Биологическая характеристика поэтовъ въ періодѣ ихъ дѣтства обнимаетъ собою еще одну любопытную особенность—большинство поэтовъ въ дѣтствѣ суть въ то же время и художники, и нерѣдко они раньше проявляютъ художественныя наклонности и способности, въ тѣсномъ смыслѣ, нежели въ нихъ обнаружится ихъ специальное поэтическое дарованіе.

Такъ Жуковский, В. Гюго, Беранже, Шиллеръ въ раннемъ дѣтствѣ недурно рисовали. Вальтеръ Скоттъ еще ребенкомъ обнаруживалъ удивительную память мѣстности. Державинъ и Шевченко рисовали и играли, Андерсенъ пѣлъ, игралъ и декламировалъ. Данте игралъ на многихъ инструментахъ и рисовалъ. Гофманъ рисовалъ и аккомпанировалъ. Байронъ игралъ, рисовалъ, декламировалъ, пѣлъ и общался съ дѣлаться актеромъ и ораторомъ.

Эти и множество подобныхъ фактовъ нельзя, конечно, считать простой случайностью, скорѣе слѣдуетъ въ нихъ видѣть указаніе на біологическую связь и тѣсное родство поэтическаго дарованія съ обоими видами талантовъ,—выразительныхъ и художественныхъ. Этимъ подтверждается наша точка зрѣнія, которая видитъ въ поэтическомъ дарованіи мость, соединяющій обѣ группы дарованій, выразительныхъ и художественныхъ.

Анализируя самую натуру поэтическаго творчества, мы убѣдимся, что оно въ дѣйствительности представляетъ комбинацію элементовъ выразительнаго таланта и чисто художественнаго творчества въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Въ этому анализу поэтическаго творчества мы теперь и переходимъ.

На самомъ порогѣ нашей работы мы наталкиваемся на одинъ моментъ, который одной ногой еще стоитъ въ области біологіи поэтовъ, какъ группы индивидовъ, но другой ногой уже цѣликомъ входитъ въ область самаго творчества въ нѣдра его внутренняго механизма.

У многихъ поэтовъ обнаруживается преждевременно проявленіе чувствъ любви къ другому полу, притомъ же съ интенсивностью совершенно ненормальной для дѣтскаго возраста. Правда, такіе дѣтскіе романы сами по себѣ не составляютъ привилегіи избранныхъ натуръ.

Можно наблюдать у дѣтей въ возрастѣ 7—10 лѣтъ и даже моложе увлеченіями подружками ихъ игръ, но эти инстинктивные увлеченія, которыя даже наврядъ ли можно назвать чувствами, быстро сглаживаются изъ памяти ребенка, какъ только онъ вступаетъ въ старшій школьный возрастъ и входитъ въ полосу товарищеской жизни.

Можно даже сомнѣваться, чтобы это увлеченіе имѣло половую подкладку, такъ какъ она обнаруживается именно въ эпоху, стоящую еще на границѣ между дѣтскою безполою и половой жизнью. Когда же насту-

пасть отрочество—эпоха, когда начинается формировка полового типа, когда ребенок превращается въ мальчика или дѣвочку, тогда замѣчается совершенно необъяснимая реакція въ душѣ дѣтей, они отворачиваются другъ отъ друга и у мальчиковъ часто проявляется родъ истиннаго озлобленія къ дѣвочкамъ.

Въ жизни же многихъ поэтовъ характерно именно то обстоятельство, что первое дѣтское проявленіе сильныхъ къ другому полу уже стоитъ близко къ болѣе позднему, къ болѣе зрѣлому чувству и, что особенно замѣчательно, оно нерѣдко пускаетъ столь глубокіе корни въ душѣ ребенка, что оставляетъ сильный слѣдъ на всей его жизни, а иногда составляетъ истинный зародышъ чувства, которое впоследствии развивается въ серьезную эмоцію любви.

В. Гюго имѣлъ 9 лѣтъ, когда при переездѣ его семьи изъ Парижа въ Мадридъ во время остановки въ Бйонѣ, онъ увидѣлъ маленькую дѣвочку, въ которую онъ влюбился, и хотя знакомство продолжалось всего нѣсколько дней, но онъ долго вспоминалъ о ней впоследствии.

Имѣя 11 лѣтъ, онъ въ Парижѣ познакомился съ 13-лѣтней испанкой, которую онъ полюбилъ на всю жизнь и которая впоследствии стала его женой и была имъ воспитана въ образѣ Пениты.

Въ своемъ «Послѣдній день приговореннаго къ смерти» В. Гюго воспоминаетъ, какъ самыя счастливыя воспоминанія въ своей жизни, тѣ дни, которые онъ проводилъ съ учителемъ въ маленькомъ уединенномъ саду, а его возлюбленная играла или работала вблизи его матери. Впечатлѣнія этихъ счастливыхъ дней сохранили на всю жизнь для В. Гюго ихъ реальную свѣжесть, что свидѣтельствуетъ не только объ ихъ силѣ, но еще больше о необыкновенно раннемъ расцвѣтѣ всего самочувствія и всѣхъ эмоцій ребенка-поэта.

Байронъ 8 лѣтъ былъ сильно увлеченъ нѣкою Маріей Дираръ, дѣвочкой того же возраста, и впоследствии высказывалъ удивленіе по поводу этого страннаго чувства, такъ какъ по его словамъ онъ еще не зналъ самаго слова «любовь». Вспоминая это увлеченіе, Байронъ пишетъ: «мы оба были еще дѣтьми, однакожъ хотя я съ тѣхъ поръ былъ влюбленъ болѣе 50 разъ, но я не забылъ ни одного слова изъ нашихъ дѣтскихъ бесѣдъ съ Мери. Я ее еще вижу теперь, вспоминаю всѣ ея черты, живо помню мои волненія, мою бессонницу, и какъ я приставакъ къ нашей горничной, чтобы она написала отъ меня Мери, что она и вынуждена была исполнить, чтобы избавиться отъ моихъ приставаній. Я отчетливо помню, какъ я былъ счастливъ, прогуливаясь рядомъ съ нею и порой сомнѣваюсь, чтобы я кого-нибудь въ своей жизни такъ любилъ, какъ этого ребенка».

Данте пошелъ 9-й годъ, когда онъ увидѣлъ дочь Фолко Партипани. Онъ ее полюбилъ на всю жизнь.

Гёте, Шатобрианъ на зарѣ своего отрочества испытали это чувство, которое они впоследствии воспѣли въ образахъ Миньоны, Маргариты и Вемляды.

Дамартинъ рассказываетъ, какъ онъ, будучи 10-тилѣтнимъ ребенкомъ, былъ влюбленъ въ одну пастушку. «Когда она пасла свое стадо въ горахъ, въ окрестностяхъ нашей деревни, я помогалъ ей въ этомъ, съ трудомъ карабкаясь по скаламъ. Я съ гордостью замѣнялъ ей собаку, растерзанную волками. Я разводилъ для нея огонь въ пещерѣ, чтобы она могла согрѣться. Я не могъ слышать безъ дрожи звука ея голоса, и когда мы подымались по горной тропинкѣ, ведшей къ пастбищу, я шелъ позади ея и тщательно старался ставить свою ногу въ слѣдъ, оставленный ея ножкой, желая, чтобы тѣни наши по крайней мѣрѣ сливались въ одну. Она и понынѣ живетъ въ той же хижинѣ и мнѣ еще и теперь пріятно встрѣчать ее, когда она подымается по тропинкѣ, неся на плечахъ связку дровъ, которыми она согрѣваетъ свой очагъ и своихъ дѣтей.

Самымъ яркимъ примѣромъ тѣсной связи между любовной эмоціей и поэтическимъ дарованіемъ служить исторія любви Данте.

Послѣ того, какъ онъ въ 9-тилѣтнемъ возрастѣ увидѣлъ Беатриче, прошло 9 лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ ее не встрѣчалъ больше, несмотря на то, что они жили въ одномъ городѣ. Данте влюбился съ перваго взгляда въ нее, какъ Ромео въ драмѣ Шекспира, однакожъ не искалъ случая видѣть ее, онъ совершенно удовольствовался ея образомъ, который онъ постоянно носилъ въ себѣ и который своей реальностью вполне наполнялъ Данте и питалъ его чувства. Данте изучалъ различныя науки, и философію, и математику, и юриспруденцію, но болѣе всего онъ увлекался расцвѣтшей тогда романтической литературой трубадуровъ, проникшей изъ юга Франціи въ Италію. Данте уже 15-тилѣтнимъ юношей началъ писать стихи. Главной темой его произведеній, какъ и всей юной поэзіи того времени, была рыцарская любовь.

Въ это время Данте, имѣя 18 лѣтъ отъ роду, встрѣчаетъ на улицѣ свой кумиръ—Беатриче, которой шелъ тогда 17-й годъ. Она была въ обществѣ двухъ особъ, старше ея, и Данте впервые услышалъ ея голосъ. Эта встрѣча рѣшила судьбу Данте. Онъ былъ такъ потрясенъ образомъ Беатриче, что въ ту же ночь имѣлъ видѣніе или сонъ. Онъ видѣлъ ангела, съ печальнымъ и страдальческимъ лицомъ держащаго въ объятіяхъ Беатриче, окруженную легкой кровавой дымкой. Въ рукѣ ангель держалъ сердце Данте, окруженное пламенемъ. Данте слышалъ ясно слова ангела, обращенныя къ нему: «смотри, вотъ твое сердце» (*vide cor tuum*). Ангель разбудилъ спящую Беатриче, заставилъ ее съѣсть сердце поэта, и вознесъ ее на небо. Таковъ былъ сонъ 18-тилѣтняго поэта.

Въ этомъ снѣ мы находимъ весь комплексъ поэтическаго творчества, и символизацию чувствъ, и образность мыслей, и глубокую эмоцію, и стремленіе перейти таинственную завѣсу будущаго. Въ физиологическомъ отношеніи интересно богатое содержаніе сна, въ которомъ нашли себѣ мѣсто и слуховая галлюцинація, и зрительная, и движеніе, и краски, и рѣчь, и выраженіе чувствъ. Данте обезсмертилъ свое видѣніе въ стихахъ. И если бы мы не знали, что это былъ сонъ, развѣ мы не имѣли бы право на-

звать это видѣніе актомъ творчества и вдохновенія. И развѣ то обстоятельство, что эти образы явились Данте во снѣ, отнимаетъ у насъ право смотрѣть на видѣніе, какъ на бессознательное творчество? И не является ли самое различіе между сознательнымъ поэтическимъ вдохновеніемъ и такимъ бессознательнымъ творчествомъ чѣмъ-то второстепеннымъ и совершенно случайнымъ. Не имѣемъ ли мы право думать, что истинное поэтическое вдохновеніе и творчество является очень часто, хоть и наяву, чѣмъ-то вродѣ сна наяву, или поэтической галлюцинаціею.

Данте имѣлъ вполнѣствіи еще нѣсколько видѣній, гдѣ центромъ картины являлась Беатриче, и которыя онъ воспроизводилъ въ своихъ пѣсняхъ. Въ романѣ Данте есть одна любопытная особенность. Данте скрылъ не только отъ своихъ близкихъ друзей предметъ своей страсти, но и отъ самой Беатриче. Онъ воспѣвалъ ее въ сонетахъ и дѣлалъ видъ, что предметъ его любви не она, а одна изъ ея подругъ. Онъ не дѣлалъ никакихъ попытокъ познакомиться съ Беатриче, ему достаточно было и видѣть, да и въ этомъ онъ не имѣлъ большой потребности.

Если судить о чувствѣ Данте съ точки зрѣнія обыкновеннаго человеческого чувства, можно было бы усомниться въ искренности и силѣ его любви. Что это чувство было однакожъ весьма сильное и глубокое, доказывается многими фактами, между прочимъ слѣдующимъ. Отецъ Беатриче внезапно умеръ, и Данте узналъ, что любимая имъ дѣвушка погружена въ горе. Тогда онъ отъ страха за ея жизнь заболѣлъ нервной горячкой. Въ бреду онъ произносилъ ея имя. Благодаря этому узнали долго и тщательно скрываемую имъ тайну. Выздоровѣвъ, онъ излил свое горе въ стихахъ.

Беатриче, повидимому, не отвѣчала взаимностью, хотя послѣдніе годы она также узнала его тайну.

Послѣ этого случая онъ сдѣлался воиномъ, выказалъ большую храбрость и велъ нѣкоторое время довольно разгульную жизнь, не переставъ любить Беатриче и воспѣвать ее.

Она умерла скоро послѣ своего отца, совершенно неожиданно, какъ-то таинственно и не отъ болѣзни. Данте намекаетъ въ одномъ мѣстѣ, что онъ знаетъ причину ея смерти, но не можетъ открыться, чтобы не пришлось себя самого расхваливать.

Потерявъ Беатриче, Данте искалъ утѣшенія, которое и нашелъ въ одной изъ подругъ покойной. Они вмѣстѣ оплакивали Беатриче, и Данте воспѣлъ и свою скорбь, и свои слезы, и ту, которая его утѣшила въ потерѣ милой. Уступая настояніямъ семьи, Данте женился, не чувствуя любви къ своей женѣ, и приживъ съ нею 7 дѣтей, разошелся съ нею. Душа его осталась вѣрна поэтическому образу Беатриче! Онъ продолжалъ ее видѣть въ своихъ грезахъ и поэтическихъ видѣніяхъ, посѣщавшихъ его во время сна. Однажды онъ услышалъ ея упрекъ въ томъ, что онъ воспѣваетъ ее недостойнымъ образомъ, она закликаетъ его молчать про нее до тѣхъ поръ, пока ему не удастся ее воспѣть такъ, какъ она этого

заслуживаетъ! Данте послѣдовалъ этому внутреннему голосу, и покаялся не упоминать про нее до тѣхъ поръ, пока онъ не воспоетъ ее такими словами, какія еще никогда не выходили изъ его лиры.

Съ этого момента у Данте зародилась идея его «Божественной комедіи», гдѣ Беатриче изображена въ неземныхъ краскахъ и воспѣта была такъ, какъ еще ни одинъ смертный не пѣлъ про свою любовь.

Мы остановились такъ подробно на исторіи любви Данте, такъ какъ это чувство въ сущности было поэтическимъ бредомъ Данте, который перенесъ на Беатриче свою душу и свой богатый чувствомъ любви внутренний міръ.

Беатриче была самая поэтическая душа Данте, тайный родникъ его поэтического гения! Недаромъ долгое время держалось мнѣніе, что Беатриче существовала лишь въ воображеніи Данте. Но если даже и существовала дѣвица, носившая это увѣковѣченное Данте имя, все же она была лишь случайнымъ сосудомъ, куда вылилась переполненная чувствомъ любви душа поэта! Если сравнить ту любовь, которую Данте питалъ къ своему кумиру, съ тѣмъ физиологическимъ и чувственнымъ влеченіемъ, которое доступно обыкновеннымъ людямъ, неодареннымъ поэтическимъ даромъ, нетрудно замѣтить, какая бездна отдѣляетъ одинъ видъ чувства отъ другого. Обыкновенно человѣческое чувство любви всегда заключаетъ въ себѣ стремленіе агрессивное, завладѣть предметомъ своей страсти, видѣть, говорить съ предметомъ, быть къ нему близкимъ, словомъ реализовать это чувство. Любовь поэта, напротивъ того, не выходила изъ сферы эмоціи, въ ней нѣтъ стремленія овладѣть любимой особой, а замѣчается скорѣе обратное стремленіе принести себя въ жертву.

Когда эта эмоція спускается на землю, она воплощается въ фантастическихъ образахъ, имѣющихъ для поэта всю свѣжесть и ослѣпительность чего-то реального и матеріальнаго.

Оттого, когда говорятъ, что поэтическое дарованіе опредѣляется способностью и стремленіемъ создавать художественные образы, этимъ далеко еще не исчерпываются самыя основы поэтического таланта. Стремленіе любить все высокое и прекрасное въ природѣ и въ людяхъ, истину, правду, далекое прошлое и незнакомое будущее составляетъ истинную душу поэта. Выраженіе, столь часто встрѣчающееся у поэтовъ «я хотѣлъ бы обнять весь міръ», является поэтому не пустой фразой, а образнымъ выраженіемъ ихъ своеобразнаго душевнаго настроенія.

Сильное и раннее развитіе симпатій и любви служить указателемъ богатства всей сферы эмоціи въ натурѣ поэтовъ.

Эмоція любви играетъ столь выдающуюся роль и какъ источникъ поэтического вдохновенія и какъ неистощимая тема для поэтического творчества, она въ такой мѣрѣ опредѣляетъ и самую форму поэзіи, какъ искусства, что это обязываетъ всякаго, кто трактуетъ о поэзіи, остановиться подробно на анализѣ этого чувства.

По самой природѣ своей любовь отличается двойственнымъ характе-

ромъ, она съ одной стороны въ высокой степени эгоистична и въ то же время глубоко альтруистична, т.-е. пронизана духомъ самопожертвованія. Большинство другихъ человѣческихъ чувствъ либо цѣликомъ сидятъ въ области чисто личной жизни, таковы: радость, гнѣвъ, страхъ и т. п., либо совершенно оторваны отъ интересовъ индивида и перенесены на вѣншній міръ, одни на природу, какъ эстетическое чувство, другія на людей, какъ, напр., чувство материнства.

Эмоція любви наоборотъ представляетъ собою самое тѣсное смѣшеніе эгоистическихъ и не личныхъ факторовъ. Съ одной стороны въ этомъ чувствѣ находитъ свое удовлетвореніе инстинктивная потребность организма, сюда входятъ и жажда наслажденій и стремленіе завоевать и подчинить себѣ другое существо; въ этомъ смыслѣ любовь сближается съ инстинктомъ хищничества. Рядомъ съ этимъ мы видимъ въ любви стремленіе отдать себя, свои силы на служеніе другому существу, иметь свои душевныя богатства на другого, подчинить свою волю, свои интересы любимому человѣку. Въ чувствѣ любви тѣсно спаяны двѣ различныя, подчасъ противоположныя стороны, пассивная потребность быть любимымъ и активное стремленіе любить. Въ большинствѣ случаевъ оба эти элемента нераздѣлимы, но нерѣдко одна какая-нибудь сторона дѣлается господствующей.

Не нужно обладать особой наблюдательностью, чтобы подмѣтить, что у женщинъ преобладаетъ потребность быть предметомъ любви, стремленіе отдаться любимому человѣку, слиться съ нимъ даже цѣною нѣкоторой жертвы со стороны своего я, тогда какъ у мужчинъ, наоборотъ, любовь чаще принимаетъ характеръ агрессивный и проявляется въ стремленіи расширить свою личность насчетъ другой и подчинить своему духовному господству предметъ своей страсти.

Сложность любовной эмоціи и ея двойственность дѣлается все замѣтнѣе, чѣмъ больше любовь удаляется отъ своей простѣйшей формы инстинктивного влеченія, и чѣмъ больше она дѣлается сознательнѣе, чѣмъ сильнѣе она согрѣта чувствомъ, чѣмъ глубже она дѣлается одухотворенной.

Эмоція любви содержитъ въ себѣ, кромѣ основного чувства, и множество другихъ сопутствующихъ, побочныхъ чувствъ. Подобно тому, какъ и въ мелодіи основной музыкальный тонъ сопровождается множествомъ обертоновъ, что и придаетъ звуку тембръ, такъ и основное чувство любви сопровождается чувствами радости, надежды, страха, стыда, отчаянія, гордости, либо подавленности.

Въ этой свѣтѣ побочныхъ чувствъ, окружающихъ образъ любимого существа, и заключается источникъ безконечнаго индивидуальнаго разнообразія проявленія любви; въ этомъ же лежитъ причина того, почему каждый любитъ по-своему, ни одинъ романъ не повторяетъ собою другого, точъ въ точъ, какъ тысячи трубъ одинаково построенныхъ, но изъ разнаго матеріала будутъ всѣ издавать одинаковый тонъ, но каждая труба дастъ свой особый тембръ.

Эмоція любви играетъ въ развитіи всего царства спеціально человѣческихъ чувствъ первостепенную роль, значеніе которой, повидимому, еще недостаточно понято и не оцѣнено какъ слѣдуетъ. Она, эта эмоція, служитъ какъ бы расплавленной рудою, изъ которой постепенно, въ нѣкоторомъ историческомъ порядкѣ, выдѣляются и осѣдаютъ различныя чувства и стремленія, составляющія украшенія и богатства человѣческаго духа. Достаточно указать на чувство ревности, которое безпорно составляетъ одно изъ специфическихъ чувствъ высшихъ человѣческихъ расъ и играетъ столь крупную роль, какъ и въ жизни отдѣльныхъ индивидовъ, такъ и въ большой исторіи человѣчества. Чувство ревности, по своей сложности и запутанности еще не поддается аналитическому ножу психологовъ и моралистовъ, но нельзя сомнѣваться, что оно представляетъ собою болѣзненный наростъ на могучемъ стволѣ любовной эмоціи.

Высокая важность чувства любви становится вполне понятной, когда мы вспомнимъ, что оно вырастаетъ на почвѣ размноженія и неразрывно связано съ стремленіемъ каждаго живого существа сохранить свой родъ. Чувство это въ теченіе многихъ и многихъ вѣковъ развилось параллельно всѣмъ тѣмъ физиологическимъ особенностямъ и душевнымъ качествамъ, которыя сдѣлало изъ животнаго самца и самку, и дѣлаютъ изъ человѣка женщину и мужчину, мать и отца.

Ясно, что любовь женщины должна всегда быть нераздѣльна съ инстинктомъ матери. Любовь мужчины должна быть предвѣріемъ или ступенью къ роли отца.

Если же мы въ дѣйствительности видимъ другое, если мы находимъ въ любви какъ у мужчины, такъ и у женщины самыя противоположныя чувства и стремленія, если мы видимъ, что иной мужчина любитъ рабски поженски, и, что иная женщина проявляетъ въ своей любви чувство хищника и стремленіе завоевателя, мы не должны нисколько удивляться. Мы вѣдь должны помнить, что въ каждомъ изъ насъ сидитъ и отецъ, и мать, и что еще гораздо раньше, чѣмъ мы сосали молоко матери, мы получили извѣстную долю отцовскаго и материнскаго изъ крови виновниковъ нашего существованія.

Оттого двойственность физической и духовной организаціи составляетъ удѣлъ каждаго средняго человѣка. Когда же природа производитъ на свѣтъ индивида, стоящаго по своей организаціи выше средняго уровня, вся организація этихъ избранныхъ природы носитъ на себѣ печать однородности и типичности. Жизнь нервной системы и психика такихъ субъектовъ также отличается цѣльностью и типичностью. Всѣ его инстинкты, чувства, носятъ опредѣленный характеръ либо мужской, либо женскій. Въ любви такого индивида или ярко выражены стремленія и чувства мужа и отца, либо нѣжная эмоція материнства.

Невозможно сдѣлать шага въ этомъ вопросѣ, и нельзя себѣ объяснить всемогущества и универсальности этого чувства, если хоть на минуту упустить изъ виду и крайнюю его сложность, и его органическую связь съ

инстинктомъ рода и, наконецъ, его многоэтажное построение и историческое наслоение различныхъ пластовъ отъ низшаго біологическаго до высшаго духовнаго слоя, который составляетъ вѣнецъ и украшеніе члвчскаго духа.

Говоря о любви, слѣдуетъ всегда помнить, что это чувство не специальное, даже не исключительно психическое, что оно гнѣздится во всѣхъ вѣточкахъ нашего организма, что оно питается всѣми его соками, что оно связано со всей его жизнью, со всѣми его отправлениями, съ инстинктомъ самосохраненія, питанія, приобрѣтенія и друг.

Особенно же важно то, что эмоція любви, пропитывающая всю нервную и душевную жизнь чловѣка, приводитъ всю послѣднюю въ движеніе и, разъ зародившись, отражается на всемъ содержаніи нашего душевнаго міра и подчиняетъ себѣ все царство образовъ идей, все море нашихъ чувствъ и все русло нашихъ стремленій. Любя, люди волнуются, то возбуждаются, то бывають подавлены; одни поднимаются подъ вліяніемъ охватившаго ихъ чувства и тянутся вверхъ, къ небу, въ область правды, добра и истины, другіе, наоборотъ, смотря по своей натурѣ и предмету своей любви, падаютъ или опускаются ниже самихъ себя. Одни умнѣють, другіе глупѣють; одни дѣлаются чувствительны, добры, великодушны, другіе—обрастають своимъ чувствомъ, какъ скорлупою, которая ихъ отдѣляетъ отъ всего міра. У однихъ обнаруживается подъемъ творчества, у нихъ пробуждается небывалая энергія и стремленіе жить, воля напрягается съ небывалою до того силою; другіе, наоборотъ, распускаются, какъ говорить, «раскисають», ихъ воля какъ бы парализуется, все ихъ духовное существо какъ бы поглощается предметомъ ихъ страсти. Одни дѣлаются властелинами предмета своей любви и господами своего чувства, которое увеличиваетъ во всѣхъ направленіяхъ какъ общій размѣръ ихъ нравственной личности, такъ и различныя стороны ихъ духовнаго міра. Другіе, наоборотъ, какъ бы подпадаютъ подъ власть того лица, которое они полюбили, они дѣлаются рабами послѣдняго и своего собственнаго чувства, и этому рабству подпадаетъ не только вся ихъ личность, но и въ отдѣльности всѣ уголки ихъ внутренняго міра.

Таковы главные родовыя черты этой фізіологической, мучительной и вмѣстѣ съ тѣмъ сладкой болѣзни, единственной болѣзни, которой всѣ люди въ невѣстную пору своей жизни жаждутъ и отъ которой ни одинъ больной не хочетъ выздоровѣть, какъ бы дорого она ему не обходилась, и чѣмъ бы она ему не угрожала.

Само собой разумѣется, что такой всеобъемлющей формы и всеохватывающей интенсивности любовь достигаетъ лишь у нѣкоторыхъ нату и далеко не у всѣхъ. Здѣсь обнаруживается не только все разнообразіе различныхъ духовныхъ типовъ чловѣка, такъ сказать, духовныхъ расъ, но сказываются также всѣ индивидуальныя различія чловѣческой души, которыя, повидимому, несравненно значительнѣе, нежели колебаніе въ физическомъ устройствѣ и вѣншемъ видѣ чловѣка.

Не только самая эмоція любви, смотря по той почвѣ, на какой она прожизраетъ, даетъ свои особыя формы и имѣетъ свой колоритъ, но сама реакція душевнаго міра на эту эмоцію безконечно разнообразна. Можно сказать, что само чувство любви будитъ въ душѣ каждаго, кто переживаетъ это чувство, свой специально резонансъ и свой обычный фонъ.

Среди этого, на видъ неумовимаго разнообразія, можно однако-жъ установить кой-какія общія положенія.

Легко подмѣтить, что чувство любви переживаетъ въ теченіе индивидуальной жизни человѣка процессъ опредѣленной эволюціи и обнаруживаетъ явную тенденцію трансформироваться въ различные эпохи жизни.

Отрокъ, на зарѣ жизни, вступающій на полосу своего полового существованія, юноша въ расцвѣтѣ физическихъ и душевныхъ силъ и зрѣлый человѣкъ, достигшій вершины своего индивидуальнаго развитія, одной ногой стоящіе на склонѣ, проявляютъ каждый въ своей любви весьма опредѣленные особенности какъ біологическія, такъ и духовныя.

Дѣтская любовь, вовсе не такая рѣдкость, какъ обыкновенно думаютъ; очень часто мы ее не замѣчаемъ у нашихъ дѣтей, еще чаще мы ее не хотимъ видѣть, игнорируемъ ее, не давая ей должной оцѣнки, относясь въ качествѣ взрослыхъ людей съ пренебреженіемъ къ тому, что творится въ душѣ маленькихъ существъ. Пора уже освоиться съ тѣмъ фактомъ, что дѣтская любовь составляетъ нормальное физиологическое явленіе, своего рода молочные зубы для начинающаго прорастанія нашего мужского самочувствія и для возникающаго сознанія своей личности. Существенная особенность дѣтской любви заключается въ ея бессознательности и въ отсутствіи всего личнаго. Еще не развитое сознаніе своего я, видимо, не входитъ въ составъ эмоціи, состоящей въ это время изъ чувствъ удовольствія и изъ образа. Какъ и всякое чувство, и это сопровождается уже двигательнымъ стремленіемъ и исканіемъ близости, и общенія. Пишущему эти строки пришлось наблюдать такое увлеченіе у 4-лѣтняго даровитаго мальчика. Ребенокъ утверждалъ, что онъ любитъ одну знакомую дѣвочку. На вопросъ, что значить любить, мальчикъ отвѣтилъ, «когда видишь пріятно, когда не видишь нехорошо». Не правда ли, въ этой простой фразѣ вся философія естественной любви въ ея простѣйшей бессознательной формѣ!

Очень часто въ составъ дѣтской эмоціи еще не входятъ никакія эстетическіе элементы, дѣтская любовь не смущается ни безобразіемъ, ни обстановкой, иногда даже и уродствомъ предмета своего чувства.

Зато у болѣе одаренныхъ дѣтей иногда не рѣдкость подмѣтить уже въ первые годы жизни проявленіе художественнаго инстинкта. Дѣти двухъ-трехъ лѣтъ иногда уже обнаруживаютъ явное восхищеніе красивымъ туалетомъ, цвѣтами, изящной мебелью и т. п.

У такихъ дѣтей уже первое увлеченіе тѣсно связано съ эстетическимъ чувствомъ. Любопытно, что такого рода эстетическая эмоція гораздо чаще

наблюдается у мальчиковъ, нежели у дѣвочекъ. Это быть можетъ связано отъ того, что маленькія дѣвочки и по туалету, и по виду чаще могутъ быть объектами для эстетическаго чувства, нежели мальчики. Интересно, что эстетическое чувство у маленькихъ дѣтей иногда больше связано съ зрѣніемъ, чѣмъ съ слухомъ. Кто наблюдалъ дѣтей, тотъ могъ заметить, какъ дѣти охотно глядятъ на неодушевленные предметы и любимыя людей. Оттого гладкая кожа и мягкіе волосы такъ привлекаютъ дѣтей. Въ отроческомъ возрастѣ 11 и 12 лѣтъ, когда начинается формирование мужскаго и женскаго пола, дѣти довольно часто испытываютъ влеченіе къ другому полу.

Чувство это ясно и не двусмысленно связано съ половыми инстинктами, что могутъ засвидѣтельствовать педагоги и врачи. Эстетическое чувство весьма замѣтно входитъ въ эту эмоцію.

Мы подходимъ къ самой важной и типичной формѣ любовной эмоціи, къ тому чувству, которымъ питается поэзія и литература, которая играютъ выдающуюся роль въ жизни—къ любви юности или такъ и удачно въ новѣйшее время названной «первой любви». Мы подчеркиваемъ слова «неудачно названной», такъ какъ самое выраженіе первая любовь заключаетъ въ себѣ уже предрѣшеніе нѣсколькихъ капитальныхъ вопросовъ.

Вопросы эти слѣдующіе: существуетъ ли, какъ нормальное явленіе, кромѣ первой любви еще вторая, третья и т. д.

Обязательно ли для каждаго нормальнаго человѣка пережить это состояніе, или же эмоція любви, въ ея развитой формѣ, составляетъ удѣлъ лишь нѣкоторыхъ натуръ и достояніе особаго типа людей.

Остановимся на этихъ вопросахъ. Во все время и у всѣхъ народовъ юность была предметомъ симпатіи, восхищенія, поклоненія, доходящаго до культа. Боги представлялись грекамъ вѣчно юными. О природѣ поэтъ и можетъ сказать ничего лучшаго, какъ назвавъ ее вѣчно юной, или сіяющей вѣчно юной красотой. Моралисты приписываютъ юности все добродѣтели и мужество, и чистоту души, и безкорыстіе, жажду славы и подвиговъ. Мудрецы называютъ юность самой счастливой порой жизни. Поэтъ видитъ въ ней зарю и весну, цвѣтъ и праздникъ жизни, и украшаетъ ее цвѣтами творческаго воображенія. Она для всѣхъ эмблема жизни вообще, символъ возрожденія, она чревата будущимъ и всеми дарами жизни, въ ней люди видятъ высшее счастье на землѣ. Когда Мефистофель предлагаетъ Фаусту сдѣлать выборъ между всеми желаніями и мечтами, почтенный и дряхлый докторъ Фаустъ останавливается на одномъ желаніи— «возвратите мнѣ младость».

Жизнь удивительно снисходительна къ юности,—послѣдней все рощается: и грѣхи, и слабости, и заблужденія, и даже преступленія. Изъ юности ничего не требуютъ, она свободна, какъ и дѣти, отъ всякихъ обязанностей, и въ то же время за ней признаютъ больше, чѣмъ за вышнѣе или другимъ возрастомъ правъ на жизнь, свободу и счастье. Старъ,

которая, казалось, должна была бы испытывать чувство зависти къ юности, напротивъ того, находитъ въ ней свое утѣшеніе и усладу; глядя на юношей, старики вновь переживаютъ свое счастливое прошлое.

Каковъ внутренній смыслъ этого всеобщаго культа юности?

И что такое юность?

Натуралистъ видитъ въ ней эпоху наибольшаго напряженія всѣхъ индивидуальных физиологическихъ силъ и начало самой высшей функціи человѣка—созиданія рода; юность представляетъ собою мостъ, перекинутый отъ человѣка—единицы къ человѣчеству. Человѣчество видитъ въ юности залогъ своего дальнѣйшаго существованія. Не въ этомъ ли заключается ключъ къ объясненію того, въ сущности эгоистичнаго культа, которымъ человѣчество окружаетъ свое будущее, въ лицѣ юности, въ которой скрыты всѣ надежды на это будущее?

Психологъ находитъ въ душѣ юности совершенно особенно своеобразное состояніе и настроеніе, которое крайне рѣдко, за исключеніемъ немногихъ избранныхъ натуръ, никогда больше не повторяется въ жизни человѣка. Сознаніе юности свободно отъ бремени прошлаго, не только потому, что послѣдняго еще почти нѣтъ на-лицо, но также въ силу того, что и то микроскопическое прошлое, какое уже могло бы быть, не играетъ замѣтной роли въ душѣ юности. У него и настоящее едва мелькаетъ въ сознаніи; будучи крайне неустойчиво, непрерывно мѣняясь и проносясь, какъ вихрь, почти не оставляя слѣда. Сознаніе юности состоитъ сплошь изъ одного будущаго, настолько же, насколько старость живетъ прошлымъ, а зрѣлый возрастъ настоящимъ.

Не оттого ли сознаніе юности имѣетъ такой стремительный характеръ. Его душа какъ будто окрылена, всѣ образы, мысли и чувства въ юности какъ бы невольно рвутся куда-то впередъ.

Для этой стремительности и полета нѣтъ преградъ въ душѣ юности; опытъ жизни, изъ котораго складывается сознаніе препятствій, предѣловъ и границъ для нашихъ силъ, для нашей дѣятельности, и для нашихъ стремленій, еще не накопился въ душѣ юности.

Онъ идетъ впередъ съ завязанными глазами, его уносятъ впередъ его мечты и воображеніе, какъ будто вокругъ него и передъ нимъ пустое пространство, въ которомъ онъ одинъ безраздѣльно царитъ.

Ничто не мѣшаетъ бѣдняку видѣть себя будущимъ крезомъ, и неизвѣстный юноша, которому судьба готовитъ скромную роль сельскаго учителя, можетъ безпрепятственно мечтать о преобразованіи судебъ человѣчества. Нѣтъ препятствій, нѣтъ и мѣрилы своихъ силъ. Самые великіе подвиги доступны юношѣ въ будущемъ.

Отсюда эта преувеличенная оцѣнка своей особы, своихъ силъ, достоинствъ и своихъ правъ. Передъ нами своего рода физиологическая манія величія, переживаемая всякимъ сколько-нибудь одареннымъ юношей.

Отсюда полупрезрительное, полуснисходительное отношеніе юности къ чужому опыту, къ чужимъ мнѣніямъ и совѣтамъ и вообще къ житейской

мудрости старшихъ. Слушая рассказы о неудачахъ и несчастіяхъ, слушая разсужденія о препятствіяхъ, которыя встрѣчаются на жизненномъ пути, о вліяніи обстоятельствъ и среды, о роли слѣпота случая, юноши гордо и иронически думаютъ про себя: «Меня это не касается, со мной этого не будетъ». Почему? Этого онъ, конечно, не въ состояніи объяснить, онъ вѣритъ въ себя, въ свою звезду, въ свое будущее.

No pobblesse oblige! Сознывая себя господиномъ своей судьбы, властелиномъ своего будущаго, чувствуя себя царемъ природы, онъ и щедръ по-царски. Онъ не только желаетъ всѣмъ удачу и счастья, онъ искренно готовъ всѣмъ помочь, такъ какъ онъ ни въ одномъ человѣкѣ не видитъ противника и еще ни въ комъ не подозрѣваетъ будущаго врага. Вѣдь у него не можетъ быть ни противниковъ, ни враговъ, такъ какъ всѣ люди братья, и онъ преисполненъ чувствами братства и симпатій.

Есть ли у него какая-нибудь одна опредѣленная конкретная цѣль въ жизни? Конечно, нѣтъ, и ея не можетъ быть для него, такъ какъ всякая цѣль ограничена, и ограничиваетъ полетъ его фантазіи и сводитъ его желаніе и силы къ опредѣленнымъ рамкамъ,—а между тѣмъ онъ весь броженіе, движеніе и безпредѣльность. Его цѣли могутъ быть лишь самыя высокія и туманныя, они не должны стѣснять простора его воображенія и размаха его крыльевъ. Оттого онъ герой, т.-е. воплощенное стремленіе къ подвигу.

Нѣтъ на свѣтѣ во всемі, что создало человѣческое искусство, болѣе полного и яркаго воплощенія образа и идеи героя, чѣмъ фигура Аполлона Бельведерскаго. Напрасно говорятъ объ этой статуѣ какъ объ идеалѣ человѣческой красоты, въ ней заключено нѣчто гораздо болѣе цѣнное, чѣмъ красота. Это вдохновеніе, порывъ, стремленіе впередъ къ людямъ и вверхъ къ небу. Когда смотришь на эту фигуру, такъ и кажется будто мраморная грудь Аполлона дышитъ, линіи лица движутся, все лицо играетъ, глаза мечтательно и восторженно глядятъ вверхъ, вся фигура выражаетъ напряженіе. Вы ожидаете, что вотъ, вотъ концы мраморныхъ пальцевъ отдѣлятся отъ пьедестала и вся фигура улетитъ куда-то вдаль. Предъ вами юноша въ полномъ блескѣ своихъ силъ и порывовъ. Въ немъ гораздо больше юности, чѣмъ пола, онъ какъ будто только что явился на свѣтъ, въ который онъ вглядывается и который онъ стремится завоевать. Вы забываете, что передъ вами красавецъ и мужчина, вы видите героя и думаете: таковъ былъ Александръ Македонскій въ тотъ мигъ, когда онъ побѣдилъ Буцефала.

Художники и историки обыкновенно изображаютъ героевъ, возвращающихся съ своихъ побѣдъ, увѣнчанныхъ лаврами и славой и въ сопровожденіи раболѣпной толпы. Истинный героизмъ юности выше этого образа—въ немъ заключены зачатки и возможность всѣхъ подвиговъ и побѣдъ, доступныхъ воображенію и силамъ человѣка.

Герой наканунѣ побѣды, герои безъ лавровъ, трофеевъ и толпы, таковъ первообразъ идеальной, героической юности, которая во всѣ времена

вдохновляла поэтовъ, вызывала симпатіи и поклоненія массъ и питала надежды народовъ.

Такая юность, конечно, удѣлъ немногихъ избранныхъ натуръ, но задатки ея имѣются въ природѣ каждаго разумнаго человѣческаго существа. Правда, подъ вліяніемъ суровой обстановки жизни и гнета обстоятельствъ, огромное большинство людей къ вѣчному стыду человѣчества находится въ состояніи глубокаго мрака. Богатые умственные и эстетическіе и моральные задатки не развиваются и не только не даютъ плодовъ, но сама юность, періодъ цвѣтенія, проявляется въ блѣдныхъ и хилыхъ чертахъ. Юность большинства людей напоминаетъ собою блѣдную, жалкую альпійскую розу и карликовую сосну, произрастающую на вершинахъ скалъ, въ царствѣ вѣчнаго холода и мрака.

Тамъ же, гдѣ цвѣтъ цивилизаціи и теплота культуры освѣщаютъ и согреваютъ жизнь людей, тамъ юность разрастается пышно, какъ пальма и не только вдохновляетъ поэтовъ и составляетъ содержаніе поэзіи, но она, юность, есть сама поэзія природы. Первенство въ поэтическомъ творчествѣ принадлежитъ не человѣку, не его слабымъ духовнымъ силамъ, а самой стихіи природы—землѣ и солнцу.

Приходитъ біологъ и анализируя значеніе юности въ жизни индивида съ точки зрѣнія эволюціи, говорить слѣдующее:

Юность есть не одно только начало жизни, и ея значеніе не въ томъ только, что она представляетъ собою кульминаціонный пунктъ, максимумъ жизни, здоровья и энергіи.

Ея главный смыслъ въ томъ, что она служитъ подготовительной фазой къ выполнению самой цѣнной, въ цѣляхъ природы, задачи, сохраненія и наростанія человѣческаго рода.

Юность въ жизни человѣка и всего животнаго царства, представляетъ собою во многихъ отношеніяхъ удивительную аналогію съ періодомъ цвѣтенія у растений. Когда жизнь растенія возрождается, подъ вліяніемъ всеоживляющей весны, тогда растеніе украшается цвѣтами, т.-е. яркими красками, ароматомъ и соками. Непрочны и недолговѣчны эти украшенія, имъ суждено очень быстро увянуть, но короткое время своей жизни они привлекаютъ къ себѣ тысячи животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и крылатыхъ, а вѣтеръ разноситъ тонкую пыль на огромное пространство. Цѣль природы достигнута, птицы на своихъ перышкахъ разносили эту пыль на тысячу сосѣднихъ растеній, оплодотвореніе совершилось, плоды явятся впоследствии и будущее обезпечено.

Тоже видимъ у животныхъ. Когда индивидуальное развитіе животнаго близится къ концу, когда оно достаточно выросло и окрепло и голосъ природы призываетъ его къ священной жертвѣ, къ работѣ на пользу рода, въ организмѣ животнаго совершается цѣлый рядъ перемѣнъ и въ нихъ сначала созрѣваютъ органы размноженія и тѣ органы, на долю которыхъ выпадеть впоследствии питаніе потомства.

Въ то же время, животное покрывается украшеніями, дѣлающими его болѣе привлекательнымъ, для особей другого пола. Животное стремится сдѣлаться болѣе замѣтнымъ и яркимъ. Оно дѣлается болѣе, благодаря оперенію, послѣднее дѣлается болѣе пестрымъ и ярко-цвѣтнымъ. Голосъ юнаго животнаго становится громкимъ, самецъ становится пѣвцомъ; онъ зоветъ къ себѣ и самъ напоминаетъ о себѣ. Животное дѣлается болѣе сильнымъ, подвижнымъ, воинственнымъ, драчливымъ, выставляетъ свою мощь, ловкость, словомъ всё свои физиологическія преимущества. Вся эта группа явленій подчинена одному верховному инстинкту—половому подбору, борьбѣ за будущее потомство, причѣмъ побѣда обезпечена за болѣе сильными и болѣе привлекательными.

Человѣкъ безспорно занимаетъ высшую ступень, на лѣстницѣ живыхъ существъ, но и онъ подчиненъ общимъ законамъ, которые управляютъ всей жизнью природы. Ничего нѣтъ обиднаго для человѣческаго достоинства въ томъ, что и онъ подчиненъ суровому закону борьбы за половой подборъ, что его организмъ не избѣгаетъ общей участи всѣхъ живыхъ существъ, приспособляться къ этой борьбѣ. И мы позволяемъ себѣ высказать здѣсь слѣдующую мысль. Вся картина тѣхъ явленій, какъ физическихъ, такъ и духовныхъ, которыя наблюдаются у человѣка въ эпоху его юности, получаетъ свой смыслъ и освѣщеніе, когда мы станемъ на біологическую точку зрѣнія и скажемъ себѣ, что юность есть моментъ цвѣтенія человѣка, и что въ это время происходитъ напряженіе всѣхъ физическихъ и душевныхъ силъ его организма для предстоящаго ему подвига—наилучшаго обезпеченія рода.

Наступленіе юности характеризуется у человѣка, какъ и у животныхъ проявленіемъ силы, пластичности организма, появленій внѣшнихъ украшеній. При этомъ обнаруживается превосходство человѣка, у котораго главной ареной перемѣнъ является нервная система и духовный міръ. Въ эту пору у человѣка созрѣваетъ голосъ, главный органъ выраженія всей нервной жизни, психики и эмоціи. Голосъ юноши складывается въ специальный типъ. Онъ изъ неопредѣленнаго, безполага, дѣтскаго дѣлается мужественнымъ или женственнымъ. Черты лица также рѣзко формируются и принимаютъ видъ и выраженіе юноши или дѣвушки. Тѣло юноши дѣлается болѣе гибкимъ, подвижнымъ, движенія его болѣе сильными; тѣло дѣвушки наоборотъ проявляетъ наклонность къ пластичности, чѣмъ напоминаетъ до нѣкоторой степени образованіе у растений, запаса матеріала, предназначеннаго на питаніе будущаго плода. Замѣчательно, что у женщинъ наблюдается, по окончаніи перваго періода юности, исчисленіе этого излишка пластическаго матеріала, дѣвушки вновь худѣютъ и какъ говорятъ, складываются.

Эти физиологическія явленія однако-жъ отступаютъ на задній планъ въ сравненіи съ истиннымъ расцвѣтомъ нервныхъ и душевныхъ способностей, во время наступленія юности. Въ это время рѣзко выдѣляется перемѣна въ темпераментъ, какъ бы вполнѣдствіи не сложился нашъ ха-

рактерь и темпераментъ, въ юности мы всё болѣе или менѣе сангвиники. Мы впечатлительны, подвижны, беззаботны, смѣлы, легко переносимъ усталость, всегда оптимистически настроены, легко переносимъ неудачи, предприимчивы, веселы, экспансивны, воспримчивы къ красотамъ природы, къ музыкѣ и пр.

Найдутся скептики и скажутъ, что живость и живнерадостность юности есть наследіе дѣтства и обусловлена свѣжестью и энергіей нервной системы. Факты говорятъ однако-жъ другое, часто мы видимъ, какъ флегматичныя, вялыя, угрюмыя, робкія дѣти при наступленіи юности какъ бы внезапно преобразовываются, у нихъ какъ будто нарождается новый темпераментъ. Этотъ плюсъ, пріобрѣтенный съ наступленіемъ юности, есть то цвѣтеніе нервно-психической жизни, которое должно быть причислено къ явленіямъ приспособленія въ организмъ юности. Пышный расцвѣтъ нервной энергіи иногда держится лишь короткое время. И здѣсь какъ и въ физическомъ мірѣ быстро наступаетъ увяданіе, но печальнѣе всего то, что пышный расцвѣтъ не всегда гарантируетъ въ будущемъ духовное плодородіе и богатство.

Внутренній духовный міръ человѣка область его высшихъ чувствъ—эстетическихъ и этическихъ, его альтруистическія стремленія къ природѣ, истинѣ и людямъ—вотъ та арена, гдѣ гораздо больше, чѣмъ въ сферѣ нервной жизни, разыгрывается процессъ самоукрашенія и самовозвеличенія въ золотые дни юности. Если животное прихорашивается и раздувается въ физическомъ смыслѣ, то въ человѣкѣ природа дѣлаетъ шагъ впередъ. Центръ тяжести всей жизни человѣка передвинуть изъ матеріальныхъ явленій въ духовную область. Соответственно этому и въ половомъ подборѣ въ борьбѣ за любовь и потомство, физическіе факторы уступаютъ свое господство душевнымъ. Оттого и весь процессъ цвѣтенія и разукрашиванія у человѣка на высшихъ ступеняхъ его культуры также переносится въ царство духа.

На мѣсто перьевъ, красокъ, шпору, гребней и т. п. человѣкъ украшаетъ себя въ юности высокими чувствами, благородными стремленіями и всякими добродѣтелями.

Въ юности мы искренно добрѣе, чувствительнѣе, отзывчивѣе, чѣмъ въ какую-либо другую эпоху нашей жизни и если мы вводимъ другихъ въ заблужденіе, то это дѣлается неволью такъ какъ мы же сами первыя жертвы нашей иллюзіи.

Нѣтъ того человѣка, у котораго не было бы въ юности своего момента, когда онъ смотрѣлъ на природу глазами художника, когда его грудь волновалась благороднымъ негодованіемъ по поводу неправды и несправедливости, когда онъ испытывалъ страданіе за другихъ. Мало-мальски умственно культивированный человѣкъ, въ юности переживаетъ мучительные вопросы о происхожденіи міра, о вѣчности, о божествѣ, о тайнѣ жизни и смерти, о цѣли жизни, о назначеніи человѣка. Болѣе развитые и одаренные юности переносятъ настоящій религіозно-философскій и мо-

ральный кризисъ, страдаютъ отъ множества противорѣчій между наукою и религіей, между жизнью и голосомъ этики, между окружающей обстановкой и внутреннимъ чувствомъ.

Въ эти моменты каждый изъ насъ бываетъ хоть немного и на короткое время философомъ, художникомъ и поэтомъ.

Самораскрашиваніе въ духовной области совершается несравненно легче, чѣмъ въ физической, такъ какъ здѣсь мы можемъ свободно черпать изъ духовной сокровищницы человечества, изъ того, что создано гѣніями мысли и искусства. Павлинъ можетъ привлекать только своими перьями, человекъ обладаетъ большими преимуществами, онъ можетъ украшать себя чужими мыслями и чувствами и къ счастью только не чужими поступками. Будемъ однако же справедливы, юность не обманываетъ, она лишь впадаетъ въ иллюзію и принимаетъ за свою собственность то, что принадлежитъ человечеству и гѣнію рода.

Замѣчательно, что это раскрашиваніе и цвѣтеніе гораздо больше свойственно сильному, чѣмъ прекрасному полу.

У послѣдняго процессъ цвѣтенія гораздо ближе къ своей первоначально биологической формѣ, здѣсь меньше психики, но и меньше иллюзорнаго.

Такова одна пассивная сторона юношескаго цвѣтенія—безсознательное исканіе побѣды въ половой борьбѣ, стремленіе сдѣлаться болѣе привлекательнымъ и стать предметомъ любви.

Но рядомъ и съ этимъ имѣется и другая для юноши и мужчины самая главная сторона процесса—активное стремленіе къ побѣдѣ, исканіе жертвы и объекта для своей любви.

Здѣсь мы очутились у самаго центрального пункта всего вопроса о психологіи юности. Всѣ разнообразныя проявленія нервной и психической жизни юноши, вся богатая игра самоувершенія сходятся, какъ радіусы къ одному—къ эмоціи любви. Въ ней корень, узелъ и пружина, которая приводитъ въ движеніе всѣ душевныя богатства юноши и его нервный механизмъ. Нѣтъ эмоціи, и крылья юности опущены, дремлютъ чувства, весь міръ кажется чуждымъ, мрачнымъ и холоднымъ. Загорѣлись лучи этой эмоціи, и все оживаетъ, приходятъ въ движеніе всѣ нервы и весь духовный міръ юноши.

Неразрывная ассоціація, связующая въ одно цѣлое чувство любви и весь духовный міръ юноши, уже давно была извѣстна поэтамъ и знатокамъ человѣческой природы. Смыслъ же этой странной связи дѣлается понятнымъ лишь тогда, когда мы усвоимъ себѣ ту мысль, что всѣ нервныя и духовныя силы юноши вращаются около одного центра любви, и что все назначеніе душевныхъ сокровищъ и украшеніе, которымъ такъ богата юность, служить великому таинству любви.

Какая-то непостижимая тайна заключена въ томъ, что въ ту именно эпоху нашей жизни, когда совершается матеріальное сліяніе человека съ человечествомъ, въ душѣ человека параллельно пробуждается непреодолимое влеченіе къ внутреннему, духовному сліянію съ природою въ мысли,

чувствахъ и стремленіяхъ. Юноша, полюбивъ, одержимъ не только физическимъ влеченіемъ слиться съ предметомъ своей любви, онъ инстинктивно и стихійно стремится также слиться со всѣмъ міромъ.

Отсюда тотъ непреодолимый лиризмъ, та скорбь—слѣдствіе безсилія духа, тотъ экстазъ, который переживаетъ душа юноши, обуреваемая своими смутными волненіями и влеченіями.

И въ тотъ моментъ, когда юноша любить, онъ не можетъ замкнуться въ своемъ я, непреодолимая сила тянетъ его ко всему, что лежитъ за предѣлами его собственной личности.

Любовь юноши не есть эмоція, ограниченная ролью спутника любимого образа. Она разливается на все окружающее, природа и люди дѣлаются предметомъ восторга и обожанія.

Все кажется юноши прекраснымъ и совершеннымъ. И можно ли хоть на одну минуту колебаться въ томъ, чтобы это состояніе влюбленности и эту эмоцію любви признать поэзіей природы и человѣческой души? Въдѣ тутъ налицо всѣ основные элементы поэзіи, есть тутъ и эстетическое чувство, охватывающее всю природу; имѣется и всеобъемлющій лиризмъ, резонирующій на всякое впечатлѣніе своими вибраціями. Душа влюбленного являетъ собою высшую гармонию, одинъ настрой, всѣ мысли, чувства и хотѣнія издають одинъ тонъ. Образы, наполняющіе душу влюбленного, прекрасны, чувства, испытываемыя имъ, ритмичны и музыкальны. Все, что не гармонируетъ господствующей эмоціи, на время подавлено, устранено изъ души, какъ бы не существуетъ. Эмоція любви властно стремится проявить себя въ художественныхъ образахъ и творчествѣ, рѣдкій влюбленный не бываетъ хотя немного поэтомъ даже въ тѣсномъ смыслѣ и не сочиняетъ стиховъ.

Сдѣлаемъ еще одинъ шагъ впередъ и мы увидимъ, что у болѣе одаренныхъ, творческихъ и художественныхъ натуръ, еще раньше, нежели явится реальное воплощеніе любви, внутренней душевный міръ юноши, повинувшись своей бессознательной потребности любви, строитъ изъ внутреннего матеріала своего воображенія фиктивный объектъ или идеаль, который дѣлается центромъ его эмоціи. Какъ это ни звучитъ парадоксально, но есть правда въ томъ, что поэтически одаренные юноши способны испытывать всю эмоцію любви, во всей ея полнотѣ, раньше, чѣмъ они будутъ реально влюблены въ живое человѣческое существо.

Какъ бы мы ни называли это своеобразное состояніе, доступное далеко не всѣмъ, лишь исключительно художественнымъ эмотивнымъ натурамъ, назовемъ ли его иллюзіей, галлюцинаціей, мечтательностью, самовнушеніемъ, экстазомъ, важно то, что это явленіе встрѣчается въ жизни юношества, въ чемъ порукой служатъ намъ признанія поэтовъ и наблюденія великихъ писателей.

Необычность, рѣдкость этой идеальной, воображаемой любви еще не даетъ намъ права смотрѣть на нее, какъ на нѣчто ненатуральное, почти ненормальное. Ступивъ на такой скользкій путь, мы можемъ легко при-

нять многія высшія формы творчества, а тѣмъ болѣе проявленіе гениальности, за нѣчто болѣзненное, что было бы грубой и непростительной ошибкой.

Суди по признаніямъ и твореніямъ поэтовъ, этотъ видъ любовной эмоціи, любовь безъ любимаго человѣка, имѣеть крайне индивидуальный и различный характеръ у cadaго, кто ее переживаетъ. У одного она имѣеть характеръ живого образа женщины или мужчины, и иногда съ весьма даже опредѣленными физическими чертами, это будетъ состояніе близкое къ галлюцинаціи, — въ душѣ влюбленнаго живетъ конкретный идеаль. Такая любовь указываетъ на богатое пластическое, зрительное воображеніе.

У лирическихъ натуръ образъ неясенъ, идеаль смутно обрисованъ и построенъ больше изъ разнообразныхъ чувствъ и стремленій.

Наступаетъ моментъ, когда юноша, заряженный до края, переполненный своей внутренней эмоціей, готовый ежеминутно стремительно излиться наружу, встрѣчаетъ существо, которое дѣйствительно гармонируетъ съ внутреннимъ идеаломъ или благодаря аффекту и экстазу, въ которомъ юноша находится, принимается имъ за олицетвореніе этого идеала. Тогда мгновенно совершается въ душѣ юноши сліяніе реальнаго образа съ внутреннимъ, и всѣ сокровища эмоціи моментально переносятся на найденный образъ.

Всѣ украшения, всѣ цвѣты, которыми наполнена душа юноши, окружаютъ и покрываютъ живой реальный образъ. Въ свою очередь, послѣдній вноситъ съ собою въ сознаніе массу реальныхъ ощущеній и впечатлѣній, что придаетъ ему гораздо больше устойчивости и силы въ сравненіи съ прежнимъ фиктивнымъ образомъ — на сцену выступаетъ настоящая реальная любовь. Мечта покрывается плотью, самъ характеръ эмоціи измѣняется и мало-по-малу дѣлается изъ чисто духовной все болѣе тѣлесной.

Когда мы видимъ передъ собою въ этомъ состояніи юношу, который волнуется, страдаетъ и совершаетъ безумства, какъ Ромео, въ нашемъ умѣ неволью зарождается законное сомнѣніе, дѣйствительно ли Джульетта виновница этой эмоціи, и въ ней ли источникъ и сила любви Ромео? Не правильнѣе ли смотрѣть на предметъ любви, какъ на громоотводъ, на которомъ разряжается внутреннее напряженіе души юноши, переполненной своимъ чувствомъ и своимъ творчествомъ? И не въ послѣднихъ ли заключается источникъ всей любовной эмоціи и всей поэзіи любви? Развѣ не видимъ мы, что часто вслѣдъ за такой безумной любовью быстро наступаетъ разочарованіе? Послѣднее возможно объяснить лишь тѣмъ, что въ моментъ сліянія образа съ мечтой, самъ образъ, подъ влияніемъ аффекта и экстаза, не вырисовывается не отчетливо въ сознаніи. Когда же впоследствии, подъ влияніемъ рокового закона истощенія нервной и психической энергіи, аффектъ уменьшается, экстазъ исчезаетъ, вся внутренняя душевная температура понижается, тогда совершается разложеніе, реальный образъ предмета любви выступаетъ ясно въ сознаніи со всѣми своими деталями, обнаруживается его дисгармонія съ мечтой. Исчезаетъ иллю-

зія гармоніи, образъ удаляется и блѣднѣеть, наступаетъ разочарованіе. Но мечта можетъ сохранить свою силу, свою жизнь и свое стремленіе къ новому воплощенію.

Немного найдется въ поэтической литературѣ строкъ, которыя могли бы соперничать въ ясномъ, яркомъ изображеніи любви съ слѣдующими строфами, которыя Пушкинъ посвящаетъ Ленскому и Татьянѣ.

Вотъ что Пушкинъ говоритъ о Ленскомъ:

Замѣчу кстати: всѣ поэты
 Любви мечтательной друзья.
 Бывало, милые предметы
 Мнѣ снились, и душа моя
 Ихъ образъ тайный сохранила;
 Ихъ послѣ муза оживила.
 Онъ вѣрилъ, что душа родная
 Соединиться съ нимъ должна;
 Что, безотрадно называя,
 Его вседневно ждетъ она.
 Негодованье, сожалѣнье,
 Ко благу чистая любовь,
 И славы сладкое мученье
 Въ немъ рано волновали кровь.
 Онъ пѣлъ любовь, любви послушный,
 Онъ пѣлъ разлуку и печаль
 И вѣчто, и туманну даль,
 И романтическія розы.
 Ахъ, онъ любилъ, какъ въ наши лѣта
 Уже не любить; какъ одна
 Безумная душа поэта
 Еще любить осуждена:
 Всегда, вездѣ одно мечтанье,
 Одно привычное желанье,
 Одна привычная печаль!

Зарожденіе любви Татьяны Пушкинъ описываетъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Дика, печальна, молчалива,
 Какъ лань лѣсная болящая.
 Она любила на балконѣ
 Предупреждать зари восходъ,
 Когда на блѣдномъ небосклонѣ
 Звѣздъ исчезаетъ хороводъ,
 И тихо край земли свѣтаетъ,
 И вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣетъ.
 Пора пришла, она влюбилась.
 Такъ въ землю падшее зерно
 Весны огнемъ оживлено.
 Давно ея воображенье,
 Сгорая нѣгой и тоской,
 Алкало пищи роковой;
 Давно сердечное томленье
 Тѣснило ей младую грудь;

Душа ждала... кого-нибудь.
 Счастливой силою мечтальца
 Одушевленные созданья
 Всѣ для мечтательницы гнѣной
 Въ единый образъ облеклись,
 Въ одномъ Онѣгигѣ слились.
 Воображаясь героиней
 Своихъ возлюбленнымъ творцомъ,
 Кларисой, Юлей, Дельфиной,
 Татьяна въ тишинѣ лѣсовъ
 Одна съ опасной книгой бродить,
 Она въ ней ищетъ и находитъ
 Свой тайный жаръ, свои мечты,
 Плоды сердечной полноты,
 Вдыхаетъ, и себѣ присвоя
 Чужой восторгъ, чужую грусть,
 Въ забвеньи шепчетъ наизусть
 Письмо для милаго героя...
 Тоска любви Татьяну гонить,
 И въ садъ идетъ она грустить,
 И вдругъ недвижны очи клонить,
 И лѣвъ ей далѣе ступить.
 Приподнялася грудь, ланиты
 Мгновеннымъ пламенемъ,
 Дыханье замерло въ устахъ,
 И въ слухъ шумъ, и блескъ въ очахъ...

Отрывокъ изъ письма Татьяны.

Ты въ сновидѣньяхъ мнѣ являлся,
 Неузнанный, ты мнѣ былъ ужъ милъ,
 Твой чудный взглядъ меня томилъ,
 Въ душѣ твоей голосъ раздавался
 Давно... нѣтъ, это былъ не сонъ!
 Ты чуть вошелъ, я вмигъ узнала,
 Вся обомлѣла, запыкала,
 И въ мысляхъ молвила: вотъ онъ!
 Не правда ль! Я тебѣ слыхала:
 Ты говорилъ со мной въ тиши,
 Когда я бѣднымъ помогала,
 Или молитвой улаждала
 Тоску волнуемой души?
 И въ это самое мгновенье
 Не ты ли, милое видѣнье,
 Въ прозрачной темнотѣ мелькнулъ,
 Пригнувъ тихо къ изголовью?

Пушкинъ, воспѣвая любовь Ленскаго, даетъ намъ исповѣдь поэта, въ которой мы находимъ отвѣтъ на многіе вопросы о свойствахъ и природѣ чувства любви.

Становится яснымъ, что такая любовь, какъ ее рисуетъ поэзія, можетъ быть удѣломъ только одной юности и совершенно невозможна въ позднѣйшія эпохи жизни. Она мыслима лишь въ томъ періодѣ, когда душа представляетъ настоящую *tabula rasa*, т.-е. чистый листъ, на которомъ

жизнь еще ничего не написала, когда нѣтъ еще ни прошлаго, ни настоящаго, когда таинственное неопредѣленное ожиданіе неизвѣстнаго будущаго составляет преобладающій тонъ настроенія. Она возможна тогда, когда еще не закончилось сформированіе личности съ ея неизбѣжными слутниками — привычками, интересами, претензіями, воображаемыми правами и тщеславіемъ. Только въ такой моментъ возможна такая эмоція, въ которой еще мало цѣлевого, эгоизма и даже самое половое чувство подавлено больше, чѣмъ въ слѣдующую эпоху жизни, ибо оно отходитъ на задній планъ предъ господствомъ всемогущихъ идеальныхъ чувствъ и стремленій.

Такое состояніе очевидно не можетъ, за весьма рѣдкими исключеніями, повториться и возможно только одинъ разъ въ жизни. Въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, когда душевный расцвѣтъ уже прошелъ, внутреннее творчество уже ослабло, отъ идеала остаются лишь блѣдные слѣды, на сцену выступаютъ совершенно иные факторы, и сознательные элементы нашей личности, и болѣе напряженное половое чувство, и вся интеллектуальная область, является моральная оцѣнка предмета любви, иллюзія уже встрѣчаетъ препятствіе въ созрѣвшей способности анализа и критики; прошлое и настоящее предъявляютъ свои права, эмоція любви не можетъ быть уже такой цѣльной и всеохватывающей.

То, что мы называемъ любовью зрѣлаго человѣка, есть уже нѣчто совсѣмъ иное, это союзъ двухъ сложныхъ образовъ — личности любящаго и любимаго субъекта, тутъ ужъ нѣтъ органическаго сліянія, а лишь сближеніе. Такая любовь по существу эгоистична, чувство не сконцентрировано на одномъ объектѣ, оно уже не можетъ имѣть того общаго освѣжающаго и оплодотворяющаго дѣйствія на душу, какимъ обладаетъ юношеская эмоція.

Что остается сказать о любви поздняго возраста. О ней лучше всего повторить слова Пушкина:

Люби всѣ возраста покорны;
 Но юнымъ дѣвственнымъ сердцамъ
 Ея нормы благотворны,
 Какъ бури вѣсныя полямъ.
 Въ дождѣ страстей они свѣжѣютъ,
 И обновляются и зрѣютъ —
 И живы могущая даетъ
 И пышный цвѣтъ, и сладкій плодъ,
 Но въ возрастъ поздній и бесплодный
 На поворотѣ нашихъ лѣтъ,
 Печаленъ страсти мертвый слѣдъ:
 Такъ бури осени холодной
 Въ болото обращаютъ лугъ
 И обнажаютъ лѣсъ вокругъ.

Вонечно, нѣтъ такого возраста, въ которомъ человѣкъ былъ бы застрахованъ отъ увлеченій и страстей, душевныхъ бурь, но какъ мало общаго между этимъ запоздалымъ полунатуральнымъ цвѣтомъ и физиологиче-

снятъ плодотворнымъ чувствомъ юношеской любви! Позднее чувство есть всегда чужеземное нашествіе враждебной силы, съ которой человекъ борется и не всегда удачно. Юность же радостно идетъ навстрѣчу желанному чувству.

Громадное различіе между позднимъ и юношескимъ чувствомъ еще въ томъ, что первое ищетъ опоры для своего душевнаго міра, который пугается въ этой эмоціи для своего оживленія и возрожденія. Для человека извѣстнаго возраста голодь любви вытекаетъ изъ страха душевной пустоты. Юноша наоборотъ переполненъ своимъ собственнымъ чувствомъ, и въ любви онъ ищетъ облегченія своего внутренняго напряженія. Для него это трата собственной нервной и душевной энергій, избытокъ которой онъ великодушно стремится отдать. Человекъ среднихъ лѣтъ, уже не столь богатый душевными силами, ищетъ въ любви живой источникъ душевной энергій.

Какъ это не звучать странно, но упорная, продолжительная страсть чужда натурѣ юности и легче себя свиваетъ гнѣздо въ душѣ зрѣлаго человека. Не даромъ поэты утверждаютъ, что вѣкъ любви коротокъ. Юношеская эмоція протекаетъ иногда незримой для другихъ и нерѣдко даже остается невѣдомой предмету любви. Страсть, наоборотъ, всегда выходитъ наружу, она часто влечетъ за собой драмы и катастрофы. Она питаетъ вдохновеніе писателей и романистовъ, какъ любовь вдохновляетъ поэтовъ.

Нашъ Тургеневъ, котораго считаютъ такимъ глубокимъ знатокомъ любви, въ сущности не далъ ни одного настоящаго образа этой эмоціи. Его любовь—чувство зрѣлыхъ людей, стоитъ близко къ страданіямъ. Его «Веннія воды» рисуютъ намъ побѣду физической страсти надъ блѣднымъ цвѣткомъ сѣверной любви.

Его «Первая любовь» и «Ася» не даютъ того, что авторъ обѣщаетъ. Въ первомъ очеркѣ передъ нами выступаетъ пробужденіе безсознательнаго полового инстинкта, въ «Асѣ» Тургеневъ, видимо, хотѣлъ дать копію Татьяны, но Пушкинская героиня несравненно выше «Аси», обрисованной съ одной только внѣшней стороны; авторъ не дѣлаетъ никакой попытки войти въ внутреннюю міръ героини, въ которой вдобавокъ много неестественнаго и истеричнаго.

Мы уже имѣемъ достаточно данныхъ отвѣтить на вопросъ, составляетъ ли любовь достояніе всѣхъ людей или лишь удѣлъ избранныхъ натуръ? Мы говоримъ: нѣтъ, любовь не можетъ быть удѣломъ всѣхъ.

Правда, зачатки этого чувства имѣются въ душѣ всякаго человека, такъ точно, какъ всякій способенъ хоть немного любоваться природою и наслаждаться музыкой. Каждому человеку присущи задатки художественно-поэтическаго дарованія. Многія дѣти лѣзутъ, рисуютъ, вѣрнѣе пачкаютъ. Проходитъ извѣстный періодъ, и эти зачаточныя способности увядаютъ; отсюда такая масса ложныхъ призваній. Всѣ люди обладаютъ голосомъ, напѣваютъ; въ извѣстномъ возрастѣ у многихъ обнаруживаются зачатки

музыкальности въ голосѣ, но большинство этихъ ложныхъ дарованій впоследствии пропадаютъ, оставивъ по себѣ лишь разочарованіе, развитыя надежды, жалобы на плохую школу, простуду и т. п. Въ действительности же дѣло гораздо проще. Не всѣ зародыши способностей могутъ развиться въ зрѣніи дарованія.

Нѣчто аналогичное замѣчается съ чувствомъ любви. Въ душѣ каждаго нормального юноши или дѣвушки въ эпоху юности пробуждается влеченіе къ другому полу, и одновременно вся душевная жизнь распускается пышнымъ цвѣтомъ и наполняется образами, чувствами и желаніями.

Но въ то время какъ у большинства душевный расцвѣтъ блѣденъ и слабъ, держится короткое время, не оставляя по себѣ замѣтнаго слѣда, у немногихъ индивидовъ процессъ принимаетъ крупныя размѣры, въ душѣ юноши броженіе и творчество развивается въ огромномъ масштабѣ, нарождаются сильныя стремленія и, что всего важнѣе, это состояніе можетъ держаться долгое время, даже многіе годы.

Здѣсь, какъ и во всей области духовныхъ силъ и дарованій человѣка, мы стоимъ передъ незыблемымъ фактомъ, съ которымъ надо считаться и мириться, эта безконечная индивидуальность и разнообразіе силъ и способностей отдѣльныхъ людей. Какъ это не обидно для нашего самолюбія, какъ это не противорѣчитъ господствующей теперь идеѣ равенства всѣхъ людей, но приходится мириться съ фактомъ безконечнаго неравенства дарованій и даже ихъ невидимыхъ зародышей.

Откуда претензія всѣхъ людей на любовь? Почему никто не обижается, когда ему говорятъ, что онъ ничего не смыслитъ ни въ живописи, ни въ музыкѣ, что онъ ни ораторъ, ни ученый, ни воинъ, не умѣетъ писать стиховъ, что онъ не чувствительный къ красотамъ природы, но стѣбитъ намъ кому-нибудь сказать: вы совершенно не способны любить, вы даже не можете понять, что такое любовь, и мы наносимъ глубокую рану самолюбію.

Откуда эта болѣзненная чувствительность интеллигентнаго человѣка къ этому чувству. Откуда понятіе о правѣ на любовь?

Намъ кажется, что одна только биологическая точка зрѣнія въ состояніи разрѣшить эту загадку.

Тотъ же всемогущій инстинктъ рода, подъ влияніемъ котораго развились чувство и потребность любви, связалъ это чувство съ нашимъ представленіемъ о своей личности, о своемъ достоинствѣ. Сознать себя неспособнымъ любить и недостойнымъ любви значитъ признать въ себѣ глубокий дефектъ, чувствовать себя ниже назначенія человѣка, въ этомъ есть нѣчто унижительное для человѣческаго достоинства. Это сознаніе не есть продуктъ разсужденія, оно является бессознательной реакціей всего нашего существа.

Итакъ, заключаемъ: настоящая эмоція любви въ ея идеальной и творческой формѣ, можетъ развиться лишь на почвѣ пышнаго духовнаго расцвѣта юности.

Такая эмоція является не дѣломъ обстоятельствъ и среды, а продуктомъ богатой нервно-психической организаціи.

Взглянувъ прямо въ глаза дѣйствительности, нужно имѣть мужество сказать, что настоящая любовь есть достояніе избранныхъ натуръ, составляетъ основу поэтического дарованія и, болѣе того, она есть само поэтическое дарованіе въ его первоисточникѣ.

Что поэты во всё времена воспѣвали любовь, конечно, не новость. Что любовь, какъ живое реальное явленіе природы, имѣетъ поэтический характеръ, также не новость, и если мы не вдумаемся глубже, то можетъ показаться, будто послѣдняя мысль есть не болѣе, какъ повтореніе первой. Поэты воспѣваютъ любовь, и любовь поэтична. Это однако вовсе не такъ просто.

Вѣдь отъ того, что скульпторъ сдѣлаетъ художественную фигуру горбуна, послѣдній въ натурѣ еще не сдѣлается художественнымъ явленіемъ!

Спрашивается, оттого ли любовь поэтична, что ее воспѣваютъ поэты, или наоборотъ, поэты потому избираютъ ее своей излюбленной темой, что она сама по себѣ поэтична?

Намъ кажется на эти вопросы можно дать иной и быть можетъ нѣсколько новый отвѣтъ. Мы говоримъ: поэтъ оттого воспѣваетъ любовь, что онъ носитъ ее въ своей душѣ, раньше чѣмъ онъ овладѣетъ орудіемъ поэзіи—словомъ, и ея формой—стихомъ. Первоисточникомъ поэтического творчества служить внутреннее искусство, создающее въ душѣ поэта любовную эмоцію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, любовь, какъ реальное, биологическое явленіе, какъ матеріальный процессъ природы, сама по себѣ поэтична, даже если бы на свѣтѣ не существовало ни поэтовъ, ни поэтической формы рѣчи. Поэтична же любовь опять-таки потому, что въ ней находятъ свое матеріальное, внѣшнее воплощеніе какъ любовная эмоція поэта, такъ и творчество самой природы. И когда поэтъ воспѣваетъ реальную любовь живыхъ людей, онъ въ такой же мѣрѣ воспѣваетъ одновременно и свою внутреннюю эмоцію, которую онъ сливаетъ и съ образами и съ мотивами внѣшней реальной любви.

Реальная любовь намъ представляется настоящей живой поэмой, плодомъ поэтического творчества самой природы, которая, не владѣя словомъ и римой, воплощаетъ это чувство въ человѣкѣ и въ его дѣйствіяхъ. Эта поэма въ лицахъ, въ движеніяхъ, краскахъ и звукахъ. То, что мы привыкли называть поэтическимъ творчествомъ въ тѣсномъ смыслѣ—поэзія въ формѣ рѣчи является уже дальнѣйшимъ отраженіемъ первообраза поэзіи живой природы, такъ точно, какъ скульптура, живопись и музыка даютъ намъ копіи художественныхъ образовъ, которые природа творитъ изъ камня, красокъ и звуковъ.

Огромное преимущество поэзіи предъ искусствомъ, въ тѣсномъ смыслѣ, выступаетъ рельефно. Поэзія не только изображаетъ какъ искусство, но она въ то же время выразительна, такъ какъ она сливается въ одно реальный образъ любви съ внутренней эмоціей корня какъ человѣческаго

поэтическаго творчества, такъ и творчества природы, т.-е. живой любви, одинаково скрываются въ душѣ человѣка и оба развиваются въ эпоху юности. Этотъ общій корень, внутреннее духовное творчество должно быть признано біологическимъ явленіемъ, духовнымъ расцвѣтомъ.

Эмоція любви, есть высшее проявленіе расцвѣта души, она сама есть этотъ цвѣтъ какъ въ физическомъ, такъ и духовномъ смыслѣ. Ставъ на эту точку зрѣнія, мы можемъ сдѣлать шагъ впередъ и значительно раздвинуть рамки всей области поэзіи и расширить самое понятіе о ней.

Если поэтическое творчество человѣка есть отраженіе его внутреннего духовнаго расцвѣта, если любовная эмоція составляетъ преобладающую тему поэзіи, какъ самое цѣнное и характерное внутреннее явленіе, какъ самый яркій цвѣтокъ въ букетѣ юношеской души, то вѣдь эта эмоція не есть, однакожъ, единственный продуктъ цвѣтенія. Рядомъ съ нимъ въ это же время въ душѣ юноши распускается немало другихъ духовныхъ цвѣтовъ, быть можетъ менѣе яркихъ, но не менѣе существенныхъ для всей будущности юноши.

Слѣдуетъ поэтому ожидать, что поэтическое творчество человѣка не должно исчерпываться во всѣхъ случаяхъ воплощеніемъ и изображеніемъ одной любовной эмоціи, но должно также давать и другіе поэтическіе продукты. Область поэзіи расширяется и уже выходитъ изъ рамокъ одной эмоціи любви.

Таковъ логическій выводъ, къ которому насъ приводитъ теорія и которая подтверждается анализомъ различныхъ формъ поэтическаго творчества.

И. Г. Оршанскій.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Очерки изъ исторіи латышскаго народа.

I. Исторія края. II. Освободительное движеніе въ латышскомъ краѣ.

I.

Исторія латышскаго народа—это ужасный, мрачный мартирологъ, скорбное повѣствованіе о десяткахъ тысячахъ засѣченныхъ до смерти, убитыхъ во время войнъ, умершихъ отъ голода, холода и чумы, проданныхъ въ рабство. Самыя выдающіяся хронологическія даты въ исторіи этого маленькаго, многострадальнаго народа, это—годы особо жестокихъ голодovъ, эпидемій, войнъ и т. п. Много столѣтій весь народъ находился въ тяжкомъ крѣпостномъ рабствѣ. Краткіе очерки изъ исторіи этого рабства и освободительнаго движенія латышей я здѣсь и предлагаю.

Латыши издревле населяютъ двѣ губерніи Прибалтійскаго края—Бурляндскую и Лифляндскую, а также 2 смежныя губерніи сѣверо-западнаго края—Витебскую и Ковенскую. Въ настоящее время латышей около 2 милліоновъ. Самыя первыя свѣдѣнія о нихъ опредѣляютъ число латышей въ 300,000 ч.

Нѣкоторые историки (Рихтеръ, напр.) утверждаютъ, что у латышей чувство общности было развито очень слабо; еще до прибытія нѣмцевъ латыши будто бы жили не общинами, а усадьбами. Однако, другіе историки утверждаютъ, что усадебное землепользованіе среди латышей было насаждено именно нѣмцами; до прибытія нѣмцевъ латыши жили общинами, хотя часто эти «общины» состояли всего изъ 2—3 дворовъ. Второе мнѣніе кажется болѣе вѣроятнымъ.

Общинная земля была раздѣлена между членами общины на небольшіе участки; каждый имѣлъ столько земли, сколько самъ могъ обработать съ семьей. Если кто-нибудь не успѣвалъ обработать всей своей земли, то онъ отдавалъ необработанный участокъ сосѣду, который обрабатывалъ землю, собиралъ съ нея урожай; половину урожая онъ возвращалъ его настоящему владѣльцу, а другую половину оставлялъ себѣ въ вознагражденіе за труды. Усадьбу съ землей наследовалъ младшій сынъ.

Политическая организація древнихъ латышей была очень примитивна; верховные жрецы являлись хранителями народныхъ традицій и заѣтовъ; старѣйшины племенъ или родовъ отчасти олицетворяли въ себѣ исполнительную власть. Какой-нибудь стройной, правильно организованной государственной системы не было.

Способъ торговли между разными племенами былъ мѣновой. Сношенія съ сосѣдями—датчанами и норвежцами—были, но онѣ носили чисто случайный характеръ. Правильныя торговыя сношенія латыши завязали лишь съ нѣмецкими купцами.

Нѣмецкіе купцы построили въ краѣ рядъ укрѣпленныхъ торговыхъ колоній, а съ теченіемъ времени сдѣлались господствующимъ сословіемъ въ краѣ, покоривъ себѣ латышскія племена. Прибыли нѣмцы сюда въ качествѣ мирныхъ, желанныхъ и весьма полезныхъ для латышей торговыхъ людей, снабжавшихъ туземцевъ произведеніями западной культуры и промышленности.

Нѣмецкія торговыя колоніи были построены на берегу З. Двины и Балтійскаго моря. Въ этихъ колоніяхъ помѣщались склады товара, были устроены пристани и проживали нѣмецкіе купцы. Съ самаго начала онѣ находились фактически подъ охраною латышей.

Но, несмотря на это, нѣкоторыя сосѣднія племена—литовцы, наприм., стали тревожить колоніи своими набѣгами. Тогда нѣмцы съ согласія латышей переселили въ свои колоніи вооруженныхъ людей для защиты товаровъ и жизни торговыхъ людей. Тогда же началась постройка укрѣпленныхъ замковъ. Эти замки послужили причиной первыхъ столкновеній между латышами и нѣмцами. Нѣкоторыя племена потребовали срытія укрѣпленныхъ замковъ и когда нѣмцы отказали въ этомъ—замки подверглись нападенію и осадѣ со стороны латышей. Но засѣвши за крѣпкими стѣнами замковъ нѣмцы нанесли плохо вооруженнымъ латышамъ чувствительное пораженіе и отбили всѣ нападенія. Послѣ этого между туземцами и нѣмцами были заключены новые торговыя договоры, согласно которымъ права нѣмцевъ были значительно расширены, а также отведены имъ новыя земли и угодья.

Расширеніе нѣмецкаго вліянія въ краѣ повлекло за собою введеніе тамъ католичества, что сопровождалось насиліями надъ жизнью и имуществомъ туземцевъ. Политическое завоеваніе края нѣмцами произошло между 1140—1228 гг. Оно замѣтно отразилось на внутренней жизни латышей; всѣ латыши превратились въ подданныхъ нѣмцевъ, хотя до учрежденія въ краѣ ливонскаго ордена это подданство носило чисто вассальный характеръ; нѣмцы не вмѣшивались во внутреннюю жизнь латышей, а ограничивались незначительною данью. Первое болѣе близкое соприкосновеніе съ нѣмцами способствовало упорядоченію и улучшенію общественной жизни латышей.

Съ цѣлью утвержденія нѣмецкаго господства въ краѣ здѣсь въ 1202 году былъ основанъ орденъ меченосцевъ, которому нѣмецкіе помѣщики обязаны покореніемъ и закрѣпощеніемъ его населенія. По свидѣтельству

историковъ орденъ представлялъ собою полувоенную, полудуховную организацию; члены его или рыцари вербовались изъ разныхъ авантюристовъ и отчаянныхъ головорезовъ. Во время господства ордена совершилось фактическое закрѣпощеніе края. Оно началось съ введенія въ край системы леннаго землевладѣнія—награжденія рыцарей, монаховъ и рижскихъ гражданъ землями и «десятиной», т.-е. налогомъ съ туземцевъ въ размѣрѣ $\frac{1}{10}$ урожая и имущества. Только самая незначительная часть туземцевъ была превращена въ рабовъ, исполнявшихъ на нѣмцевъ разныя работы. Окончательно закрѣпощено было все населеніе лишь послѣ цѣлаго ряда кровавыхъ возстаній туземцевъ, пытавшихся подѣ предводительствомъ своихъ старѣйшинъ сбросить съ себя нѣмецкое иго.

II.

Въ первой половинѣ XIII вѣка за туземцами еще признавалось право собственности на землю, лѣса, воды, только личная свобода ихъ была нѣсколько ограничена. Эти ограниченія, постепенно все возрастающія, сообразно съ развитіемъ феодальнаго строя, привели къ возстанію латышей (въ 1290 г.), которое, однако, было подавлено нѣмцами. Было истреблено населеніе во многихъ поселеніяхъ. Оставшіеся въ живыхъ были превращены въ военнопленныхъ или «дрелловъ», какъ назывались парія населенія. На этомъ положеніи они оставались многіе годы. Рыцари дѣлали съ ними, что хотѣли: за безцѣнокъ продавали въ рабство, вымѣнивали на собакъ, лошадей и домашнія вещи; за ними не признавали ровно никакихъ человѣческихъ правъ. У родителей безцеремонно отбирались дѣти и продавались въ рабство на базарѣ. Новый сильный историческій факторъ—поземельное дворянство, окончательно образовался въ край къ концу XIII вѣка. Вассалы ордена и епископа захватили лучшіе «свободные» участки земли въ край; путемъ особыхъ договоровъ съ туземцами они мало-помалу превратили ихъ въ своихъ данниковъ, обязали ихъ нести нѣкоторыя повинности, обрабатывать землю, строить замки. Наконецъ эти повинности сдѣлались до того невыносимыми для латышей, что они стали искать спасенія отъ нѣмецкаго ига въ бѣгствѣ отъ наиболѣе жестокихъ феодаловъ; вслѣдствіе этого многія селенія опустѣли, поля помѣщиковъ оставались необработанными. Въ густыхъ, первобытныхъ лѣсахъ латыши основывали новые поселки, которые долго могли оставаться неизвѣстными нѣмцамъ и гдѣ они могли жить снова свободною жизнью. Тогда помѣщики запретили своимъ крестьянамъ добровольное передвиженіе съ мѣста на мѣсто. Это и было закрѣпощеніемъ. Юридически оно было санкціонировано всего въ 1552 г.; но фактически оно существовало задолго до этого. Уже въ XIII ст. образовались два класса латышей: 1) крестьяне-хозяева, полусвободные данники нѣмцевъ и 2) фактически закрѣпощенные дреллы или рабы.

Господство ливонскаго ордена надъ краемъ продолжалось съ 1220—1562 г. Этотъ періодъ характеризуется развитіемъ и укрѣпленіемъ крѣпостнаго права.

Крѣпостное право для латышей было очень тяжело. Латыши, отличающиеся от господствующаго класса языкомъ и національностью, разсматривались нѣмецкими помѣщиками какъ особая порода людей, созданная исключительно для рабства.

Въ XV столѣтїи, уже орденомъ принимаются особыя законодательныя мѣры для огражденїя латышей отъ чрезмѣрной эксплуатаціи помѣщиками. Тогда же произошелъ первый крупный конфликтъ между орденомъ и помѣстнымъ дворянствомъ, которое почувствовало противорѣчіе своихъ экономическихъ интересовъ съ авторитарическими стремленїями ордена.

Во время господства ордена въ Лифляндіи было 5 сословїй: 1) высшее, господствующее сословіе; оно состояло изъ высшаго духовенства, архіепископа, епископа и др.; 2) второе сословіе образовали орденскіе рыцари съ магистромъ во главѣ; 3) третье сословіе—помѣстныхъ дворянъ, крупныхъ феодаловъ, ленниковъ ордена и епископа; къ концу XVI вѣка это было самое сильное и могущественное сословіе; 4) четвертое сословіе состояло изъ жителей городовъ; 5) пятое и самое многочисленное сословіе образовали латыши, крѣпостные нѣмецкихъ феодаловъ. Каждый помѣщикъ въ своемъ замкѣ и принадлежащихъ къ нему селенїяхъ распоряжался вполне самостоятельно, словно маленький самодержецъ. Свобода и даже жизнь нѣсколькихъ сотенъ людей часто зависѣли отъ каприза деспота, его настроенїя и расположенїя духа.

Лучшими свидѣтелями ужасныхъ порядковъ феодальной эпохи являются, между прочимъ, многочисленные скелеты, находимые во время раскопокъ древнихъ замковъ въ сырыхъ, темныхъ подземельяхъ, прикованными къ стѣнѣ толстыми желѣзными цѣпями или прямо замурованными въ слѣпахъ.

Единственнымъ судьей въ то время являлся самъ помѣщикъ; наказанїя онъ налагалъ по своему усмотрѣнію. Еще къ концу XVI ст. обвиняемые или только заподозрѣнные въ какомъ-нибудь преступленїи испытывались горячимъ желѣзомъ и кипяткомъ. Если на судъ являлись два крестьянина, то обоихъ заставляли брать въ руки горячее желѣзо; кто меньше обжигался—въ пользу того рѣшалось дѣло. Если помѣщикъ въ чемъ-нибудь обвинялъ крестьянина, то послѣдняго оправдывали только въ такомъ случаѣ, если онъ при испытанїи желѣзомъ вовсе не обжигался.

Тяжущіеся дворяне-помѣщики посылали вмѣсто себя на испытанїе своихъ крестьянъ; чей рабъ меньше обжигался, тотъ выигрывалъ дѣло. Водю испытывали по преимуществу женщинъ, обвиняемыхъ въ колдовствѣ. Сожиганїе вѣдьмъ совершалось часто, даже еще послѣ введенїя лютеранства. Вообще невѣжество, грубость и испорченность нравовъ, ханжество и лицемерїе прибалтійскихъ помѣщиковъ и рыцарей были поразительны. Крайняя жестокость граничила съ крайнимъ невѣжествомъ, суевѣріемъ и трусостью. Католическое и впоследствии лютеранское духовенство и бюргеры въ этихъ отношенїяхъ не уступали помѣщикамъ.

Первымъ городомъ, столицей края была Рига, населенная по преиму-

цеству нѣмецкими купцами и ремесленниками. Населеніе города раздѣлялось на два разряда: гильдійныхъ и негильдійныхъ; къ числу негильдійныхъ, устранившихся отъ всякаго участія въ муниципальной жизни, принадлежали также латыши, населявшіе города въ качествѣ рабочихъ и мелкихъ мастеровыхъ.

Между разными слоями городского населенія существовало глубокое различіе въ привычкахъ, правахъ, образѣ жизни. Занятія, пища, одежда каждой категоріи были опредѣлены особыми строгими предписаніями, и магистрату города вѣнялось въ обязанность слѣдить, чтобы эти предписанія соблюдались; нарушеніе ихъ влекло за собою иногда весьма суровыя наказанія.

Въ XVI столѣтіи лучшая часть пахотной земли принадлежала помѣщикамъ; кромѣ помѣщичьихъ земель были еще орденскія или казенныя земли и купеческія, бюргерскія владѣнія. Большинство орденскихъ земель находилось на ленномъ или арендномъ пользованіи помѣщиковъ. Крестьяне пользовались небольшими арендными участками. Дѣлились они на 3 разряда: 1) хозяевъ, 2) полухозяевъ и 3) лострейберовъ, безземельныхъ батраковъ. Дворохозяева ежегодно вносили помѣщику опредѣленную подать—часть продуктовъ сельско-хозяйственнаго труда, скота и кромѣ того работали на него. Полухозяева, владѣвшіе вдвое меньшими противъ хозяевъ земельными участками, были освобождены отъ подати и должны были только работать на помѣщиковъ—выставлять въ лѣтнее рабочее время двухъ рабочихъ—мужчинъ и женщинъ, безъ лошадей. Уже къ этому времени безземельные составляли большинство крестьянскаго населенія. Они образовали классъ помѣщичьихъ и крестьянскихъ батраковъ. Крестьянскіе батраки, работавшіе на дворохозяевъ крестьянъ, или правильнѣе говоря, помогавшіе имъ вести помѣщичье хозяйство, находились въ полной зависимости отъ помѣщиковъ. Крестьяне-хозяева никакою властью надъ ними еще не пользовались и за нерадивое и плохое веденіе усадебнаго хозяйства отвѣчали не батраки, а хозяинъ усадьбы.

Послѣ ливонской войны Курляндія и Лифляндія перешли къ Польшѣ (1561 г.). Но безправное и угнетенное положеніе латышей благодаря этому не улучшилось; переимѣна высшаго правительства не приносила рабочему населенію края никакихъ выгодъ. Всѣ правительства управляли краемъ черезъ мѣстныхъ помѣщиковъ, своихъ агентовъ. Нѣмецкіе дворяне не только сумѣли всегда сохранить свои привилегіи, но у каждаго новаго правительства они вырывали все новыя и новыя привилегіи въ награду за вѣрно-подданничество. Подъ властью Польши Лифляндія находилась съ 1562—1611 г. Этотъ періодъ ознаменовался попыткой колонизаціи края. Особенно тѣло проводилъ политику колонизаціи Стефанъ Баторій, который сдѣлалъ попытку поднять экономическій и правовой уровень латышей, чтобы здать изъ нихъ противовѣсъ нѣмцамъ. Онъ провелъ нѣсколько либеральныхъ реформъ въ пользу крестьянъ. Самыя важныя изъ нихъ: 1) оти такъ наз., «системы домашняго воспитанія» (Hauszuchtssystem), права и

щиковъ собственною властью подвергать крестьянъ тѣлесному наказанію, въ размѣрѣ, опредѣляемомъ по ихъ собственному усмотрѣнію; 2) разрѣшеніе крестьянамъ отвозить въ городъ на продажу излишекъ хлѣба и другихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ (1598 г.). Ст. Баторій собирался опубликовать новый законъ о латышахъ, по которому всѣ натуральные крѣпостныя повинности для нихъ замѣняются денежною податью въ пользу государства. Но эту реформу ему не удалось провести. Противъ проектируемаго Баторіемъ раскрѣпощенія были не только помѣщики, но также крестьяне. Говорятъ, что въ 1586 г. къ Баторію явилась депутація отъ латышскихъ крестьянъ и просила короля не проводить задуманной реформы, которая создастъ для крестьянъ рабство хуже существующаго крѣпостного права. Чтобы заработать необходимую для уплаты податей сумму, крестьянамъ придется закабалить себя снова помѣщикамъ и такимъ образомъ вмѣсто одного господина надъ ними будутъ два: помѣщикъ и государство.

III.

Война поляковъ со шведами при Густавѣ Адольфѣ привела къ присоединенію Лифляндіи къ Швеціи. Подъ властью Швеціи она находилась съ 1625—1710 г. Во время шведскаго господства латыши впервые вдохнули нѣсколько свободнаго воздуха. Крестьянамъ было даровано нѣкоторое самоуправленіе. Въ Швеціи никогда не существовало крѣпостного права; крестьянское населеніе тамъ пользовалось значительной гражданской свободой и потому шведское правительство было склонно освободить также латышей отъ крѣпостного рабства. Первый періодъ шведскаго господства до 1680 г. ознаменовался полной реорганизаціей всей общественной жизни страны, значительнымъ подъемомъ земледѣльческой культуры и благосостоянія всѣхъ классовъ населенія. Крестьянамъ-хозяевамъ были отмежеваны опредѣленные участки земли, по величинѣ которыхъ опредѣлялись ихъ повинности. Эта мѣра въ значительной степени ограничила произволъ помѣщиковъ. Крестьянскіе участки оставались собственностью помѣщиковъ. Правительство опредѣлило лишь средній размѣръ земельныхъ участковъ, которые должны быть предоставлены въ пользованіе крестьянъ-хозяевъ. Произведена была эта реформа съ цѣлью урегулировать крѣпостныя повинности. По среднимъ участкамъ составлялись росписи крестьянскихъ податей и повинностей; эти росписи были внесены въ особыя книги, такъ наз., вакенбухи. Составленіе вакенбуховъ было закончено въ 1688 г., въ царствованіе Карла XI. Бромъ этой реформы шведское правительство провело еще цѣлый рядъ полезныхъ мѣропріятій, способствовавшихъ эмансипаціи латышей. Между прочимъ было упорядочено судебное дѣло съ передачею его всецѣло въ руки правительства; были созданы суды двухъ категорій: дворянскіе и крестьянскіе. Были установленны базарные дни, когда крестьяне даже противъ воли помѣщиковъ должны были привозить въ городъ

на продажу свои продукты. Во время шведскаго господства въ Лифляндіи были открыты народныя школы, которыя состояли подъ наблюдением пасторовъ. По распоряженію шведскаго правительства дѣти латышей равнѣ съ нѣмцами допускались во всѣ городскія учебныя заведенія, а также въ Юрьевскій университетъ и гимназію.

Нѣмцы, понятно, всѣми силами тормозили реформаторскую дѣятельность шведскаго правительства и при всякой новой попыткѣ облегчить крѣпостной режимъ поднимали крикъ о нарушеніи привилегій, о преисбреженіи основными законами страны и правами господствующаго класса. Много полезныхъ, радикальныхъ реформъ имъ удалось задержать. Такъ, напримѣръ, благодаря стараніямъ помѣщиковъ шведскому правительству не удалось отиѣнить системы домашняго наказанія, отиѣненной Баторіемъ, но возстановленной при покореніи края шведами. Благодаря этому ни къ чему не свелась шведская судебная реформа. Крестьяне, осмѣлившіеся жаловаться въ судахъ на притѣсненія со стороны помѣщиковъ, подвергались за эту дерзость дома жестокому тѣлесному наказанію, конечно, подъ какиъ-нибудь другимъ предлогомъ. Кроме того, судьями сдѣлались исключительно помѣщики; крестьянскіе засѣдатели играли на судахъ чисто декоративную роль, присутствуя тамъ лишь для отвода глазъ. Благодаря этому справедливыя жалобы крестьянъ на жестокости помѣщиковъ всегда оказывались «клеветой» и «клеветниковъ» судъ приговаривалъ къ строгому наказанію, не говоря уже объ ожидавшемъ ихъ дома истязаніи со стороны помѣщика. Такія послѣдствія заставляли латышей отказываться отъ мысли искать справедливости въ правительственныхъ судахъ; они убѣдились, что эти суды существуютъ лишь для того, чтобы помѣщики могли усилить свою власть надъ крѣпостными. Даже адвокатура тогда была чисто помѣщичьимъ институтомъ. Подъ угрозю наказанія адвокатамъ и всякимъ постороннимъ грамотнымъ людямъ воспрещалось подавать крестьянамъ какіе бы то ни было совѣты, разъяснять законы, составлять прошенія. Но, несмотря на всѣ эти стѣсненія, край, именно во время шведскаго господства, достигъ высшей ступени своего матеріальнаго и духовнаго благосостоянія. Значительно поднялась культура земледѣлія. Площадь обрабатываемыхъ земель увеличилась почти вдвое. Лифляндія прослыла житницей Швеціи. Торговля и промышленность тоже достигли высшей ступени развитія. Въ 1681 г. правительство Карла XI предложило лифляндскому дворянству освободить латышей отъ крѣпостнаго права, но предложеніе это встрѣтило самую рѣзкую оппозицію со стороны дворянъ. Освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ не удалось; была нѣсколько обчѣнена лишь участь государственныхъ крестьянъ, которымъ дали свободныя передвиженія, профессій и т. п. Если бы Лифляндія навсегда осталась подъ шведскою властью то освобожденіе латышей совершилось бы скорѣе и проще, чѣмъ теперь. Подъ властью конституціоннаго правительства всѣ классамъ населенія давно бы уже была предоставлена полная свобода самоопредѣленія.

Положеніе курляндскихъ латышей мало чѣмъ отличалось отъ положенія лифляндцевъ. Только во время шведскаго господства надъ Лифляндіею имъ жилось гораздо тяжелѣе, чѣмъ послѣднимъ; кромѣ помѣщиковъ имъ приходилось содержать еще герцога со всею его челядью и дворомъ, а также нести извѣстныя повинности въ пользу высшаго польскаго правительства.

Послѣ сѣверной войны Лифляндія перешла къ русскимъ. Тогда для латышей началась новая эпоха, эпоха самага мрачнаго рабства, безправія и невѣжества.

Для покорителя, Петра I, единственными представителями населенія являлись нѣмцы, гѣмецкое дворянство. На латышей онъ не могъ смотрѣть иначе, какъ на рабочій скотъ, движимую собственность нѣмецкихъ помѣщиковъ. Когда произошла сдача Риги, говорятъ, что Петръ не читая подписалъ предложенныя ему нѣмецкими дворянами условія сдачи. А однимъ изъ первыхъ условій, предложенныхъ нѣмцами, было признаніе и утвержденіе всѣхъ правъ и привилегій, дарованныхъ нѣмцамъ всѣми предыдущими правительствами и отиѣна всѣхъ ограниченій, сдѣланныхъ какииъ-нибудь правительствомъ. Были отиѣнены всѣ законодательства въ пользу крестьянъ, сдѣланныя шведскимъ правительствомъ. Помѣщикамъ была предоставлена полная, неограниченная, самодержавная власть надъ жизнью и имуществомъ крестьянъ. Сословіе дворянъ къ тому времени сильно увеличилось; потребовалось увеличеніе площади помѣщичьихъ земель. Эта задача была выполнена чрезвычайно просто: у крестьянъ были отняты лучшіе участки земель и отданы помѣщикамъ. Кромѣ того, цѣлыя толпы крестьянъ были согнаны на постройку замковъ, помѣстій, разрушенныхъ во время войны.

При преемникахъ Петра I рабство прогрессировало. Иногда нѣмецкіе бароны затѣвали разныя измѣненія въ административныхъ порядкахъ страны, для облегченія имъ задачи управленія и изысканія новыхъ путей эксплуатаціи крестьянъ. Часто крестьяне кромѣ того обременялись непосильными государственными повинностями. Такъ, напримѣръ, при Елисаветѣ Петровнѣ черезъ Курляндію была переведена къ западной русской границѣ цѣлая русская армія; вся тяжесть перевозки пала на крестьянъ; была осень, шли дожди, дороги находились въ ужасномъ состояніи. Во время этой перевозки погибли 10,000 человекъ и нѣсколько десятковъ тысячъ крестьянскихъ лошадей.

До 1765 г. въ пользу крестьянъ былъ изданъ только одинъ законъ (въ 1756 г.): воспрещеніе создавать препятствія къ браку крестьянъ. Но вопреки этому указу крестьяне долго еще были лишены возможности самостоятельно распоряжаться своею судьбою; помѣщики продолжали вмѣшиваться въ ихъ семейную жизнь и оказывать давленіе на заключаемые ими браки. Такъ, напримѣръ, по изданіи закона 1756 г. помѣщики приказывали своимъ крестьянамъ брать женъ изъ деревень сосѣднихъ помѣщиковъ, дабы такимъ путемъ увеличивать число своихъ крѣпостныхъ, а сосѣди со своей стороны создавали всевозможныя препятствія этимъ посягательствамъ

на чужую собственность. Красивыхъ, молодыхъ крестьянскихъ дѣвушекъ помѣщики часто брали къ себѣ въ наложницы, а затѣмъ уже отцами замужь за крестьянскихъ парней.

При вступленіи на престолъ Екатерины II надъ краемъ снова произошло вѣяніе реформъ. Съ самаго начала своего царствованія Екатерина возымѣла намѣреніе нѣсколько урѣзать безграничныя права и привилегіи прибалтійскихъ бароновъ, сдѣлать первые шаги къ русификаціи края. Съ этою цѣлью она рѣшила создать изъ латышей оплотъ противъ нѣмецкаго вліянія. Первымъ дѣломъ она запросила тогдашняго русскаго лифляндскаго генераль-губернатора Брауна о положеніи латышей. Знакомый съ намѣреніями императрицы по отношенію къ краю и сочувствуя ей либеральнымъ взглядамъ, Браунъ далъ болѣе или менѣе вѣрное и подробное описаніе быта крестьянъ. Дворяне всполошились; было снаряжено нѣсколько специальныхъ депутацій къ Екатеринѣ ходатайствовать о сохраненіи дворянскихъ привилегій и правъ. Старанія нѣмцевъ увѣнчались успѣхомъ: никакихъ существенныхъ реформъ въ край не было проведено.

Но чтобы показать, что нѣмецкое дворянство идетъ навстрѣчу либеральнымъ намѣреніямъ правительства и отечески заботится о нуждахъ крѣпостныхъ, латышамъ были дарованы нѣкоторыя незначительныя облегченія. Такъ, наприм., по постановленію ландтага было воспрещено продавать крестьянъ-латышей въ другія губерніи, воспрещено разлучать при продажѣ супруговъ, продавать крѣпостныхъ въ рекруты etc. Но когда переполохъ улегся, за дворянами снова были признаны и утверждены всѣ ихъ права и привилегіи, жизнь стала входить въ свое обычное русло и бароны снова стали натягивать ту же возжи крѣпостничества, тогда среди обманутыхъ въ своихъ ожиданіяхъ крестьянъ начались волненія. Это было въ 1770 г. Крестьяне отказывались нести нѣкоторыя крѣпостныя повинности, роптали, стали толпами собираться въ города и требовать «царскаго», справедливаго суда. Выѣхали войска и безпорядки на время были прекращены. Но съ тѣхъ поръ вплоть до нашихъ дней нѣмецкое господство въ Прибалтійскомъ крайѣ поддерживалось только при помощи русскихъ штыковъ, пушекъ и нагаекъ.

Сильные безпорядки вспыхнули въ 1784 году изъ-за неправильнаго взиманія податей; безпорядки приняли характеръ вооруженнаго возстанія. Мѣстныя военныя силы не могли справиться съ возстанцами; были вызваны новыя войска и тогда лишь удалось подавить возстаніе. Но волненія среди латышей продолжались вплоть до воцаренія Александра I.

IV.

Въ концѣ XVIII столѣтія, во время царствованія Екатерины и Палатыши жили усадьбами, которыя были разбросаны среди густыхъ лѣсъ и болотъ. Усадьба состояла изъ небольшой, низкой хижины, крытой ломой, съ низкими дверями, безъ оконъ и дымовой трубы. Зимой въ г

натахъ помѣщались свиньи, телята, куры, собаки; полъ былъ земляной, иногда изъ утопанной глинны. Къ усадьбѣ принадлежали также рига, хлѣвъ, сарай, часто подъ одною крышею съ жильемъ. Собственное хозяйство крестьяне запускали, потому что постоянно были завалены работой на помѣщика. Крестьяне были лишены возможности по собственному усмотрѣнiю пользоваться трудами своихъ рукъ; помѣщики отбирали у крестьянъ лучшие продукты сельскаго хозяйства за самое нищенское вознагражденiе.

Продажа людей въ Лифляндiи происходила часто; въ римскихъ нѣмецкихъ газетахъ постоянно можно было встрѣтить объявленiя о продажѣ крѣпостныхъ. При продажѣ дѣти разлучались съ родителями.

Тѣлесное наказанiе приимѣнялось въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; за самые ничтожныя проступки крестьяне наказывались «десятью парами розогъ», причемъ каждаго розгомъ били до тѣхъ поръ, пока она вся истреплется. Зимомъ арестованныхъ содержали въ холодныхъ влѣткахъ, амбарахъ, закованныхъ въ кандалы или колодки, часто въ теченiе нѣсколькихъ недѣль, кормили хлѣбомъ и водою.

Въ 1765 г. русское правительство издало, между прочимъ, слѣдующiе законы будто бы для облегченiя быта латышей: 1) за легкiе проступки виновные подвергаются наказанiю кнутомъ; 2) за крупныя проступки—вторичное неповиновенiе, грубость, etc.—виновные наказываются розгами, но не болѣе чѣмъ 10 парами и каждою паромъ наносится три удара; 3) каждаго арестованнаго слѣдуетъ предать судебной власти въ теченiе 24 часовъ; 4) зимомъ арестованныхъ слѣдуетъ содержать въ теплыхъ помѣщенiяхъ. Эти «упорядоченiя» послѣдовали послѣ доклада Брауна, но онѣ никакого облегченiя крестьянамъ не принесли. Замѣнившiй розги кнутъ оказался еще болѣе ужаснымъ орудiемъ истязанiя; это былъ ремень толщиною въ палецъ и шириною въ дюймъ; наказанiе кнутомъ часто влекло за собою смерть. Распоряженiе о наказанiи не болѣе чѣмъ 10 парами розогъ тоже не принесло крестьянамъ никакого облегченiя. Помѣщики стали наказывать «непокорныхъ» по нѣскольку разъ въ день за разные, разумѣется, проступки. До чего помѣщики «злоупотребляли» правомъ домашняго тѣлеснаго наказанiя трудно себѣ и представить.

Въ 1795 г. какой-то баронъ объявилъ крестьянамъ, что всѣ просители будутъ подвергаться тѣлесному наказанiю, а между тѣмъ онъ заставляялъ крестьянъ все лѣто работать на себя, такъ что они не успѣвали справляться съ собственнымъ хозяйствомъ и неминуемо должны были прибѣгать къ помѣщику за помощью. Нѣкоторые бароны, прославившiеся особою жестокостью, иногда попадали подъ судъ, но всегда отдѣлывались какими-нибудь пустяками—незначительнымъ арестомъ, штрафомъ или церковнымъ покаянiемъ. Во время работы на помѣщика за рабочими наблюдали особые надзиратели изъ латышей же—нѣмецкiе шпионы. Они должны были слѣдить за тѣмъ, чтобы не расхищалось господское добро и чтобы не гѣнились за работой, наприм., при молотбѣ всегда должно было получаться одно и то же количество зерна изъ опредѣленнаго количества сноповъ.

«Среднее» количество зерна определялось во время такъ называемой пробной молотбы. Недостающее количество крестьяне должны были пополнять изъ собственныхъ скудныхъ запасовъ.

Положеніе «казенныхъ» крестьянъ было нѣсколько лучше, чѣмъ положеніе помѣщичьихъ. Но большинство казенныхъ имѣній отдавались въ аренду нѣмецкимъ баронамъ, а положеніе арендаторскихъ крестьянъ было ничуть не легче помѣщичьихъ.

Кромѣ казны и бароновъ латышскаго крестьянина эксплуатировало еще мѣстное духовенство. Пасторскія усадьбы или пастораты представляли изъ себя обширныя имѣнія, со всеми службами и крѣпостными. Со своими крѣпостными пасторы обращались не менѣе жестоко и безчеловѣчно, чѣмъ помѣщики. По свидѣтельству Меркеля крестьяне часто бѣжали отъ пасторовъ-помѣщиковъ вслѣдствіе крайне жестокаго обращенія.

«Паства» никакого уваженія къ своимъ пастырямъ не имѣла, ихъ боялись и ненавидѣли, называли не священниками, а «господами церкви». Это названіе сохранилось и до настоящаго времени. Въ приходѣ каждаго пастора числилось около 5,000 душъ. Доходы ихъ колебались между 2—5,000 рублями. Кромѣ жалованья и полнаго содержанія пасторы брали еще плату за требы и особыя молитвы по заказу крестьянъ. Пасторы открыто занимались колдовствомъ и насажденіемъ суевѣрія въ массахъ. Прежде чѣмъ приняться за какое-нибудь дѣло, крестьянинъ просилъ пастора помолиться Богу о благополучномъ исходѣ предпріятія, заболѣеть кто-нибудь—крестьянинъ черезъ пастора просить Бога объ исцѣленіи больного, умереть кто-нибудь изъ его родни, крестьянинъ снова идетъ къ пастору, чтобы тотъ выпросилъ у Бога прощенія грѣховъ умершаго и принятія его въ царство небесное. Пасторы за приличную мзду исполняли желаніе крестьянъ и открыто въ церкви произносили кощунственныя, даже съ точки зрѣнія лютеранскаго ученія, молитвы. Мало того, часто къ пастору приходили крестьяне и просили помолиться Богу, чтобы онъ наказалъ ихъ враговъ, съ которыми они имѣли личные счеты. И пасторъ въ церкви просилъ Господа Бога наказать этого злодѣя и негодяя, ниспослать на голову его всевозможныя бѣдствія. Эти суевѣрные обычаи сохранились въ Курляндіи и Лифляндіи мѣстами до XX столѣтія; мнѣ самому не разъ приходилось слышать подобнаго рода молитвы, и я зналъ пасторовъ, особенно прославившихся своимъ чудотворствомъ, тѣмъ, что ихъ молитвы Богъ всегда исполняетъ.

Въ XVIII столѣтіи въ краѣ развилось домашнее винодѣліе. Бароны выстроили домашнія винокурни и въ громадномъ количествѣ стали производить водку. Появились корчмы, выстроенныя и содержимыя тѣми же помѣщиками, началось спайванье крестьянъ. Хорошій рынокъ для сбыта водки представляла въ то время Россія, гдѣ еще мало было развито винодѣліе. Во время разгара «водочной аферы», во второй половинѣ XVIII ст., на производство водки уходила большая часть ржи, вслѣдствіе чего часто наступали сильныя голодовки; крестьянамъ приходилось питаться хлѣбомъ изъ

муки самаго плохого качества съ значительною примѣсью древесныхъ опилокъ, коры смолотой въ зерно и падали.

Развился тогда извозный промыселъ, сотни крестьянскихъ подводъ перевозили водку въ Россію, у многихъ на пути погибали лошади или до того истощались, что не годились больше для полевыхъ работъ. Въ результатъ получилось страшное обнищаніе крестьянъ, пошли періодическія голодовки, болѣзни. Наконецъ, былъ созванъ ландтагъ для обсужденія вопросовъ о мѣрахъ къ улучшенію быта крестьянъ. Засѣданія были очень продолжительны, всё болѣе или менѣе серьезныя предложенія, могущія дѣйствительно внести нѣкоторыя облегченія въ каторжную жизнь латышей, были отвергнуты. Наконецъ, ландтагъ утвердилъ нѣкоторыя предложенія, самое значительное изъ нихъ—это допущеніе представителей отъ крестьянъ (дворохозяевъ) къ участию въ крестьянскомъ судѣ. Крестьяне пользовались только совѣщательнымъ голосомъ, не говоря уже о томъ, что они находились подъ давленіемъ помѣщиковъ и являлись исполнителями ихъ воли. Было также рѣшительно воспрещено продавать крестьянъ за предѣлы губерніи, исключая преступниковъ, которыхъ можно было продавать каждому. Работа крестьянина на помѣщика и размѣръ его повинностей не должны превышать цѣнности земельного участка, которымъ онъ пользуется. Государственные, такъ называемыя общественныя и помѣщичьи повинности крестьянъ раздѣляются на обязательныя и сверхурочныя. Высшая судебная инстанція для разбора недоразумѣній между крестьянами и помѣщиками—дворянскій конвентъ. Категорически воспрещено подавать массовыя жалобы и прошенія. Крестьянинъ, принесшій на своего помѣщика неосновательную жалобу, подвергался тѣлесному наказанію въ первый разъ 30 ударамъ розогъ, 2-й—60, а въ 3-й разъ присуждался къ каторжнымъ работамъ на 1 годъ (въ крѣпости, съ приковываніемъ къ тачкѣ). Наказывались такіе опрометчивые жалобщики въ воскресенье, у позорнаго столба близъ церкви, чтобы у зрителей отбить охоту къ жалобамъ на «господь». Снова было воспрещено крестьянамъ продавать на рынкахъ свои продукты; все, что у крестьянина оставалось лишняго, для продажи, онъ долженъ былъ прежде всего предложить своему помѣщику и если тотъ не покупалъ у него продуктовъ, что случалось, впрочемъ, рѣдко, потому что помѣщики платили за продукты самыя низкія цѣны, по собственному назначенію, то лишь тогда онъ съ разрѣшенія помѣщика отвозилъ свои продукты въ городъ на продажу.

Положеніе латышскихъ крестьянъ въ Курляндіи мало чѣмъ отличалось отъ положенія лифляндскихъ крестьянъ. Дворяне-помѣщики здѣсь также цѣпно держались за свои права и привилегіи, также безчеловѣчно грабили и угнетали крестьянъ, какъ ихъ лифляндскіе собратья. Только земельные участки крестьянъ-дворохозяевъ были нѣсколько больше, чѣмъ въ Лифляндіи. Но зато къ концу XVIII столѣтія помѣщики задумали окончательно уничтожить классъ полусамостоятельныхъ крестьянъ-землевладѣльцевъ, обезземелить всѣхъ латышей. Для достиженія этой цѣли они стали примѣнять такъ

называемую систему насильственного выселения (Sprengsysteme), т. е. насильно выселяли крестьянъ дворохозяевъ изъ ихъ усадебъ, уничтожая постройки, а земли присоединяли къ своимъ. Для арендаторовъ - дворохозяевъ былъ установленъ 3-лѣтній арендный срокъ, разными новыми тяжелыми повинностями и всевозможными стѣсненіями, съ цѣлью довести ихъ до нищеты и окончательно разорить. Вслѣдствіе этого культурный уровень сельскаго хозяйства въ край значительно понизился, почва истощилась. Каждые три года арендаторы мѣнялись, а безземельные крестьяне обращались въ батраковъ. Эта система примѣнялась также и въ XIX столѣтіи, но несмотря на это помѣщикамъ всетаки не удалось добиться своего. Когда въ концѣ XVIII столѣтія Курляндія перешла къ русскому правительству, курляндскіе латыши были «уравнены» въ своихъ правахъ съ лифляндскими и съ этого времени развитіе ихъ жизни шло однимъ и тѣмъ же путемъ.

V.

Большая Французская революція въ связи со все еще продолжавшимися крестьянскими беспорядками въ край не могли не заставить нѣмецкихъ дворянъ призадуматься. Когда вступилъ на престолъ Александръ I, лифляндскій ландтагъ отправилъ ему отъ имени всего дворянства адресъ, въ которомъ ходатайствовалъ объ облегченіи тяжелой участи крестьянъ, содвигшейся благодаря экономическимъ условіямъ страны.

Призракъ революціи, только что разыгравшейся во Франціи, толкнулъ консервативное нѣмецкое дворянство на путь паллиативныхъ реформъ, а русское правительство—на путь уступокъ.

Появился указъ 1804 года. Русское правительство обѣщало латышамъ даровать права людей и гражданъ, защищать и ограждать эти права. Были учреждены выборные крестьянскіе суды, судьи избирались самими крестьянами и вполне самостоятельно рѣшали всѣ дѣла въ первой инстанціи, а во второй и третьей пользовались совѣщательнымъ голосомъ. Крестьянамъ дворохозяевамъ было обѣщано предоставить въ ихъ потомственное владѣніе (по праву первонаслѣдства) участки земли, которыми они пользуются какъ арендаторы помѣщика. Этотъ указъ, очевидно, рассчитанный на умиротвореніе края, произвелъ какъ разъ обратное дѣйствіе. Волненія среди крестьянъ возрастали; народъ добивался немедленной реализаціи возвѣщенныхъ свободъ и когда этого не случилось—онъ возсталъ. Крестьянскіе делегаты обходили весь край, приглашая своихъ собратьевъ добиваться осуществленія обѣщанныхъ свободъ. Многія волости отказались работать на помѣщиковъ. Забастовали также дворовые нѣкоторыхъ помѣщиковъ; пасторами, не разъяснявшимъ народу манифестъ въ желанномъ смыслѣ, запретили проповѣдовать. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ толпы вооруженныхъ тѣмъ понало крестьянъ оказывали войскамъ сопротивленіе. Совершено было нападеніе на генераль-губернатора, но ему удалось убраться.

Въ Вальмарѣ многотысячная толпа народа требовала у мѣстныхъ представителей русской власти, чтобы они непосредственно, а не чрезъ нѣмцевъ управляли бы ими. Когда же это требованіе было отвергнуто, народъ притотвился разгромить городъ. На Вальмарѣ двинули сильный отрядъ войска съ пушками; «мятежники» были разбиты, предводители и подстрекатели схвачены, сосланы въ Сибирь, посажены въ тюрьмы, а нѣкоторые изъ нихъ казнены.

Такъ кончилась попытка латышскаго народа реализовать свободы, обѣщанныя ему русскимъ правительствомъ.

Нѣмецкіе помѣщики, перепуганные неожиданными послѣдствіями затѣянныхъ либеральныхъ реформъ, раскаялись въ своей поспѣшности и рѣшили снова повернуть по старому пути. Мятежъ былъ усмирень, опасность миновала и они снова надѣялись съ помощью русскихъ штыковъ утвердить свое господство надъ латышами. Русское правительство, тоже утраченное только что подавленнымъ «мятежомъ», рѣшило взять назадъ свои легкомысленныя обѣщанія относительно облегченія участи крестьянъ и поддержать законную власть помѣщиковъ. Правительство и бароны убѣдились, что латышскій народъ вполне доросъ до пониманія истинныхъ свободъ и намѣренъ добиваться ихъ, такъ что однѣми палліативами въ данномъ случаѣ не отдѣлаться и потому оба союзника поспѣшили «замять» непріятное дѣло «обѣщанія свободы». Главными актима этой со-вмѣстной реакціонной дѣятельности дворянъ и русскаго правительства являются законы 1817—1819 гг.

Въ эти годы латышскимъ крестьянамъ, по мѣткому выраженію историка, была дарована «птичья свобода», т.-е. свобода передвиженія, свобода избирать надъ собою господина. Земля осталась попрежнему въ рукахъ помѣщиковъ, такъ что даже крестьяне-дворохозяева попрежнему оставались крѣпостными нѣмецкихъ бароновъ.

Реформы 1817—19 гг. уничтожили всѣ обѣщанія 1804 г. Послѣ освобожденія положеніе крестьянъ-дворохозяевъ и батраковъ стало гораздо хуже, чѣмъ до 1804 г. «Освобожденныхъ» крестьянъ помѣщики такъ прижали разными повинностями и штрафами, налогами и арендными условіями, что для нихъ создалось прямо каторжное положеніе.

Между прочимъ было произведено перемежеваніе крестьянскихъ и помѣщичьихъ земель. Оно свелось къ тому, что у крестьянъ были отняты лучшія, обработанныя, плодородныя земли и отданы помѣщикамъ, а крестьянамъ были отведены пустыри, часто болотистыя мѣстности, покрытыя кустарникомъ. Пустыри эти, однако, были оцѣнены какъ пахотныя поля, и крестьяне должны были уплачивать за право пользованія ими, т.-е. за обработку и доведеніе пустыря до состоянія известной культурности, полную арендную плату и нести всѣ натуральныя повинности. Когда крестьянинъ послѣ страшныхъ трудовъ наконецъ, превращалъ пустырь въ плодородный, пахотный участокъ — помѣщикъ снова выселялъ его на пустырь и отбиралъ себѣ его участокъ.

Луга и участки лѣса крестьянамъ отводились тоже самаго плохого качества за самую высокую арендную плату. Размѣръ крестьянскихъ повинностей и арендная плата опредѣлялись по стоимости отведенныхъ имъ земель, но эти земли были «переоцѣнены» часто вдвое-втрое противъ ихъ настоящей стоимости, благодаря чему арендная плата и повинности достигали страшной высоты.

Но даже при сколько-нибудь справедливой оцѣнкѣ крестьянскихъ участковъ кабальные отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ все же сохранялись. Вслѣдствіе недостатка, или, какъ принято выражаться, «дороговизны» денегъ въ крестьянскомъ быту большая часть арендной платы была зачтена натуральными повинностями, главнымъ образомъ работой на помѣщика.

Эта работа отнимала у крестьянъ все лучшее рабочее время, такъ что они едва успѣвали обрабатывать иногда только $\frac{1}{24}$ числящихся за ними арендныхъ участковъ, а повинности должны были нести за всю землю.

Крестьянская судебная реформа свелась къ незначительной перетасовкѣ существующихъ постановленій; волостные или крестьянскіе суды были окончательно превращены въ исполнительные органы помѣщичьей воли; сходъ крестьянъ выбиралъ 6 человекъ кандидатами въ судьи; изъ нихъ помѣщикъ выбиралъ и утверждалъ 1; если судья почему-либо не нравился ему,—онъ могъ въ любое время прогнать его и назначить новые выборы.

Положеніе безземельныхъ крестьянъ, батраковъ, тоже ухудшилось послѣ 1817—19 гг. Они во всемъ были подчинены произволу помѣщиковъ, а послѣ 1817 г. даже дворохозяева получили нѣкоторую власть надъ ними: дворохозяинъ могъ собственною властью подвергать батрака даже тѣлесному наказанію. «Птичья свобода» никакого облегченія батракамъ не принесла. Батракъ былъ свободнымъ человѣкомъ только разъ въ годъ, въ Юрьевъ день, когда онъ перекочевывалъ отъ одного помѣщика къ другому. При наймѣ батракъ обязывался безпрекословно исполнять всѣ работы, какія ему укажетъ хозяинъ; всякій убытокъ, который терпѣлъ хозяинъ по винѣ батрака, послѣдній обязанъ былъ возмѣщать работою, что уже влекло за собою фактическое забаленіе батрака. Батракъ долженъ былъ подчиняться всѣмъ домашнимъ порядкамъ хозяина и даже внѣ дома постоянно соблюдать и защищать хозяйскіе интересы. За непослушаніе, грубость, лѣнь и т. п. проступки дворохозяинъ могъ наказывать батрака 6 ударами кнутомъ или палкою до 15 ударовъ въ недѣлю.

Съ 1817 г., когда дворохозяевамъ была дарована власть надъ безземельными крестьянами, возникъ антагонизмъ между обоими классами лѣтшей—мелкими землевладѣльцами и батраками. Антагонизмъ этотъ съ теченіемъ времени все усиливался и привелъ, наконецъ, къ неизбѣжному столкновенію обоихъ классовъ на почвѣ прямо противоположныхъ экономическихъ интересовъ.

Въ 1819 году были изданы полностью извѣстные крестьянскіе законы

для крестьянъ-латышей. Этими законами у крестьянъ было отнято такъ называемое право наследства, т.-е. право постоянного пользованія опредѣленными участками земли. Сроки и размѣры арендныхъ платежей устанавливали произвольно помѣщики, каждый для своей волости. По собственному усмотрѣнiю помѣщики въ любое время могли выселять крестьянъ изъ ихъ насаженныхъ мѣстъ, безъ всякаго предупрежденiя арендаторовъ, придравшись къ какому-нибудь ничтожнѣйшему поводу. Иногда крестьяне отказывались нести нѣкоторыя чрезвычайно обременительныя для нихъ повинности, окончательно разоряющiя ихъ, и за это ихъ немедленно выселяли. Часто выселенiю подвергались цѣлыя волости.

Наконецъ крестьяне лишились и своей «птичьей свободы». Большинство дворохозяевъ, не говоря уже о батракахъ, до того «задолжали» помѣщикамъ, что лишены были надежды когда-либо освободиться отъ долговъ; вслѣдствiе этого они и были лишены свободы передвиженiя и должны были работать на помѣщика, пока не «отработаютъ» всѣхъ долговъ.

Послѣ войны 1812 г. въ Прибалтiйскомъ краѣ стали развиваться промышленность и торговля, въ городахъ значительно расширилась область приложенiя рабочаго труда, вслѣдствiе чего туда нахлынули безработные крестьяне въ поискахъ заработка; родился новый классъ—классъ городского пролетариата.

Въ послѣднiе годы царствованiя Александра положенiе крестьянъ все ухудшалось; дворохозяева разорялись непосильными повинностями и системой выселенiя; батраки страшно притѣснялись и эксплуатировались. Единственною формою протеста и борьбы за улучшенiе своего положенiя являлись беспорядочныя, стихiйныя крестьянскiе бунты, не имѣвшiе успѣха вслѣдствiе несознательности и неорганизованности возставшаго народа. Однако только этимъ путемъ иногда крестьяне могли добиться нѣкотораго улучшенiя своего положенiя. Правда, случалось, что помѣщики пользовались бунтами для достиженiя своихъ цѣлей. Такъ, напр., послѣ кровопролитныхъ возстанiй 1812—16 гг. помѣщики добились реформъ 1817—19 гг. Они приводили только что подавленные беспорядки въ доказательство того, что полное освобожденiе крестьянъ, предусматриваемое закономъ 1804 года, несвоевременно и неумѣстно при возбужденномъ настроенiи умовъ крестьянъ. Эти доводы оказали сильное давленiе на русское правительство, и освобожденiе не состоялось.

Замѣчательна одна характерная черта въ исторiи крестьянскихъ движенiй въ краѣ: до 1825 г. главными инициаторами «беспорядковъ» являлись дворохозяева, до того времени находившiеся на почти одинаковомъ правовомъ положенiи съ прочими вѣрностными. Но съ 1825 г., когда дворохозяева завоевали нѣкоторыя права, руководящая роль во всѣхъ послѣдующихъ крестьянскихъ движенiяхъ перешла къ безземельнымъ крестьянамъ, сословiю сельскаго пролетариата.

VI.

Слѣдующія сильныя крестьянскія волненія происходили въ 1841 году. Началось оно среди батраковъ. Въ началѣ движеніе носило мирный, стачечный характеръ. Помѣщичьи батраки, крайне угнетенные безсовѣстною эксплуатаціею, отказались отъ работъ на помѣщиковъ и толпами ходили по волостямъ, возбуждая своихъ товарищей къ стачкѣ. Къ стачечникамъ присоединились также дворохозяева, крайне недовольные своимъ положеніемъ и въ особенности разорительною для нихъ системою выселенія. Они отказывались нести крѣпостныя повинности и работать на помѣщиковъ. Волненія охватили всю Лифляндію. Были вызваны войска и начались усмиренія, съ неизбежнымъ засѣканіемъ до смерти вожаковъ и подстрекателей; многіе были повѣшены, разстрѣяны, заточены въ тюрьмы, сосланы въ Сибирь. Кое-гдѣ крестьяне пытались оказывать правительственнымъ войскамъ сопротивленіе, но были разбиты. Толпы бѣглецовъ, уцѣлѣвшихъ отъ пуль, розогъ, висѣлицъ и тюремъ, голодные, оборванные, съ женами и дѣтьми стали стекаться въ города. Ихъ усадьбы были разорены солдатами и сожжены, имущество расхищено; въ случаѣ возвращенія дома ихъ ожидали суровыя наказанія и новая, еще худшая, чѣмъ раньше крѣпостническая, каторга. Ими руководило одно желаніе: уйти куда-нибудь, спастись отъ кровавыхъ ужасовъ усмиренія и рабства. И вотъ среди крестьянъ распространился слухъ, что латышамъ разрѣшено переселяться въ южныя губерніи, гдѣ имъ будутъ отведены земли. Этотъ слухъ, возникшій, надо полагать, вслѣдствіе правительственнаго проекта переселенія нѣкоторыхъ «непокорныхъ» волостей въ отдаленныя сѣверо-восточныя губерніи, придалъ новыя надежды латышамъ. Народъ толпами стекался въ города, гдѣ по цѣлымъ недѣлямъ осаждалъ правительственныя учрежденія, требуя разрѣшенія о переселеніи. Но разрѣшенія не послѣдовало, а былъ изданъ строгій приказъ крестьянамъ немедленно же вернуться въ свои волости къ своимъ помѣщикамъ,—о переселеніи нечего и мечтать, потому что вслѣдствіе него можетъ пошатнуться экономическое благосостояніе страны. Крестьяне не повѣрили этому указу; они говорили, что онъ сочиненъ помѣщиками, чтобы обмануть ихъ. Напрасно самъ генераль-губернаторъ разъѣзжалъ по краю, уговаривая «мятежниковъ» не вѣрять вздорнымъ слухамъ о переселеніи: царь никогда не разрѣшитъ имъ этого. Изъ Петербурга были командированы 2 генераль-адъютанта со специальными порученіями успокоить населеніе, убѣдить его въ несостоятельности его мечтаній о переселеніи, но все это было напрасно: крестьяне говорили, что генераль-губернаторъ и адъютанты подкушлены баронами. Это было въ 1842 году. Тогда же здѣсь началась дѣятельная пропаганда православія.

Съ 1843 г. здѣсь появились первые православныя миссіонеры, изучившіе латышскій языкъ. Православное духовенство положило начало руссификаторской дѣятельности среди латышей. Оно распустило слухъ, что кре-

пятьствіемъ къ освобожденію латышей отъ нѣмецкаго ига является лютеранское вѣроисповѣданіе латышей; вотъ если бы латыши были одной вѣры съ русскими—православной, то русское правительство больше сдѣлало бы для нихъ. Распространялись также слухи, что всѣ перенявшіе православіе латыши будутъ надѣлены землей и освобождены отъ крѣпостной зависимости. (Теперь твердо установлено, что эти слухи распространяло православное духовенство съ вѣдома и поддержки рижскаго православнаго епископа). Среди крестьянъ началось движеніе въ пользу перехода въ православіе; опять народныя массы наводнили города и требовали, чтобы ихъ окрестили въ православную вѣру. Особенно сильно было это движеніе въ Ригѣ, гдѣ тысячная толпа въ теченіе нѣсколькихъ дней окружала дворецъ генералъ-губернатора, требуя у него выдачи разрѣшенія на перемѣну вѣры. Нѣмецкіе помѣщики рѣшили бороться съ этимъ движеніемъ, возникшимъ на чисто экономической подкладкѣ. Тогдашній генералъ-губернаторъ края былъ на ихъ сторонѣ; онъ запретилъ крестьянамъ являться къ нему во дворецъ съ подобнаго рода просьбами, а непослушныхъ велѣлъ заключать въ тюрьмы и наказывать розгами; тогда крестьяне стали подавать ему письменныя заявленія о желаніи принять православіе отъ имени цѣлыхъ волостей и обществъ. Имъ и это было воспрещено. Но тогда русская православная партія одержала побѣду надъ нѣмцами. Генералъ-губернаторомъ сдѣлалось лицо, сочувствующее замысламъ православнаго духовенства и политикѣ руссификаціи; массовые переходы въ православіе усилились съ 1842—1846 гг. (въ православіе перешли болѣе 100,000 латышей). Новообращенные съ нетерпѣніемъ ожидали дарованія земель и обѣщаннаго освобожденія, но ничего не дождались. Когда обнаружился обманъ православнаго духовенства, среди латышей началось движеніе въ пользу обратнаго перехода въ протестантство. Это было имъ рѣшительно воспрещено. Тогда крестьяне самовольно перестали посѣщать православныя церкви и снова ходили на богослуженіе въ лютеранскія церкви. На этой почвѣ возникли новые безпорядки (въ 1847 г.).

Открылось «гоненіе» на лютеранскихъ пасторовъ, которымъ рѣшительно было воспрещено совершать требы надъ латышами, принявшими православіе, но въ виду того, что многіе изъ послѣднихъ скрывали свое православіе, лютеранскіе священники неоднократно грѣшили противъ этого закона, за что ихъ отрѣшали отъ должности. Среди латышей появились первые диссиденты, не принадлежавшіе до самаго послѣдняго времени ни къ какому официальному вѣроисповѣданію. Занесенные въ списки православныхъ, они на самомъ дѣлѣ никогда не принадлежали къ православной церкви, потому что не посѣщали православнаго богослуженія, не совершали требы, не причащались и не наставляли своихъ дѣтей истинамъ этой церкви. Они ходили въ лютеранскую церковь, молились по уставу ея, но официально считались не принадлежащими къ ней.

Крестьянскія волненія въ царствованіе Николая I заставили нѣмецкихъ бароновъ заняться вопросомъ объ измѣненіи положенія латышскихъ кре-

стьянъ. Съ этою цѣлью въ 1849 г. былъ созванъ ландтагъ для обсужденія предполагаемыхъ и необходимыхъ реформъ.

Ландтагъ провелъ рядъ незначительныхъ облегченій, которыя касались, главнымъ образомъ, быта дворохозяевъ. Между прочимъ срокъ аренды былъ установленъ въ 50 (и больше) лѣтъ, конечно, по взаимному добровольному (!) для каждаго отдѣльнаго случая соглашенію между арендаторомъ-крестьяниномъ и помѣщикомъ; была установлена такъ называемая наследственная аренда, т.-е. права арендатора переносились на его наследниковъ. Дворохозяевамъ было также разрѣшено приобрѣтать усадьбы съ прилегающею землею въ свою собственность путемъ покупки съ единовременною уплатою покупной суммы, а 300 дворохозяевамъ было разрѣшено взять свои усадьбы на выкупъ съ разсрочкою выкупныхъ платежей.

Но надъ волостью попрежнему безгранично властвовалъ помѣщикъ; волостные суды и сходы являлись слѣплыми исполнителями его воли. Была введена паспортная система, но она не облегчила для крестьянъ свободу передвиженій.

Въ концѣ царствованія Николая I латышскихъ крестьянъ сильно угнетала новая повинность, извѣстная подъ именемъ закона о желѣзномъ инвентарѣ. Она заключалась въ слѣдующемъ: когда хозяинъ по истеченіи аренднаго срока уходилъ изъ арендуемой имъ усадьбы, то онъ не только не получалъ никакого вознагражденія за сдѣланныя имъ улучшенія и возведенныя новыя постройки, но долженъ былъ оставлять въ усадьбѣ якобы въ пользу будущаго арендатора нѣкоторое количество скота, сельскохозяйственныхъ орудій и т. п.; это имущество и называлось «желѣзнымъ инвентаремъ»; новый арендаторъ, однако, получалъ только кое-что изъ этого инвентаря; по уходѣ бывшаго арендатора помѣщикъ забиралъ себѣ все лучшее изъ инвентаря, оставляя новому арендатору лишь кое-какія мелочи. Стоимость этого неподвижнаго желѣзнаго инвентаря въ 60-хъ гг. достигало крупной суммы 18.000,000 руб.

Права арендаторовъ были также стѣснены и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Безъ разрѣшенія помѣщика они не смѣли передавать аренду другому лицу; право наследственной аренды не признавалось, если оно не было особо оговорено въ договорѣ; если арендаторъ не исполнялъ аккуратно всѣхъ пунктовъ контракта, то онъ дѣлался батракомъ помѣщика и долженъ былъ отработать всѣ причиненные помѣщику убытки.

VII.

Реформа 1861 г. опять коснулась, главнымъ образомъ, дворохозяевъ; они были окончательно освобождены отъ тѣлеснаго наказанія, которое для нихъ замѣнено денежнымъ штрафомъ и арестомъ. Но для батраковъ и безземельныхъ крестьянъ тѣлесное наказаніе сохранено, только нѣсколько ограничены размѣры его; изъ орудій наказанія сохранены явуть

для мужчинъ и розги для женщинъ, а палки отиѣнены. Для административнаго управленія волостью учреждена такъ называемая помѣщичья полиція. Земля вся попрежнему осталась за помѣщиками, а крестьяне-дворохозяева на положеніи помѣщичьихъ арендаторовъ.

До 1864 г. въ Прибалтійскомъ краѣ фактически существовало крѣпостное право. Хуже всего было положеніе крестьянъ въ Бурляндіи. Срокъ аренды здѣсь устанавливался произвольно помѣщикомъ. Для нѣкоторыхъ онъ былъ 12-лѣтній, но часто встрѣчались даже трехъ и однолѣтніе сроки. Арендная плата колебалась между 300—600 руб. за участокъ въ 20—40 десятинъ. По истеченіи аренднаго срока арендная плата постоянно повышалась, особенно если арендаторъ сдѣлалъ кое-какія улучшенія въ своемъ хозяйствѣ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ это влекло за собою даже выселеніе. Въ общественной и частной жизни латыши были страшно стѣснены. Безъ разрѣшенія помѣщика они не имѣли права отлучаться изъ волости на болѣе продолжительные сроки. Паспорты выдавались помѣщичьею полиціею; но если помѣщикъ и разрѣшалъ крестьянину переселиться въ городъ, поступить на фабрику или заняться какии-нибудь ремесломъ, то онъ въ любое время могъ вернуть его въ деревню этапнымъ порядкомъ, мотивируя свой поступокъ недостаткомъ рабочихъ рукъ. Въ деревнѣ крестьянинъ безъ разрѣшенія помѣщика не смѣлъ заниматься какии бы то ни было ремесломъ: сапожнымъ, портняжнымъ, плотничьимъ etc. Безъ разрѣшенія помѣщика крестьянинъ не могъ вступать въ бракъ. Безъ особаго разрѣшенія помѣщика крестьяне не смѣли подавать въ суды и присутственныя мѣста какія бы то ни было письменныя жалобы, прошенія, заявленія; одно время имъ и вовсе было это воспрещено. Составители прошеній и жалобъ для крестьянъ преслѣдовались судебнымъ порядкомъ; въ началѣ 60-хъ гг. нѣмецкимъ приказчикамъ было разрѣшено составлять прошенія для латышей. Жаловаться на помѣщика крестьянинъ смѣлъ только въ такомъ случаѣ, если помѣщикъ выдавалъ ему разрѣшеніе на это; иначе его жалобы нигдѣ не принимались. Въ началѣ 60-хъ гг. было разрѣшено отдавать въ аренду крестьянамъ казенныя имѣнія и усадьбы на общинныхъ началахъ, но помѣщики ни за что не хотѣли допустить до этого и всегда сами брали въ аренду казенныя имѣнія, перебивая цѣны у крестьянъ.

До 1864 г. тѣлесное наказаніе прииѣнялось повсюду въ краѣ. Еще въ 1862, 63 и 64 гг. неоднократно засѣкали крестьянъ до смерти, въ томъ числѣ даже женщинъ и дѣтей. Жертвами дикой расправы являлись теперь только исключительно батраки и безземельные. Положеніе батраковъ помѣщичьихъ и крестьянскихъ было ужасно. Особенно тяжело приходилось крестьянскимъ батракамъ. Уже въ 60-хъ гг. въ Прибалтійскомъ краѣ (особенно въ Лифляндіи) были богатые крестьяне, владѣвшіе сравнительно большими участками земли (до 150 десятинъ) и обрабатывавшіе ихъ исключительно наемнымъ трудомъ. Не легко жилось и помѣщичьимъ батракамъ. Ихъ жилища или казармы представляли изъ себя отвратитель-

ныя помѣщенія—низкія, грязныя, закопѣлыя, съ глинянымъ поломъ; часто въ одной комнатѣ помѣщались нѣсколько семей, отъ 20—30 человекъ. Особенно тяжело жилось помѣщикамъ батракамъ въ Курляндіи.

Частное землевладѣніе появилось въ край съ прибытіемъ нѣмцевъ, но оно явилось не слѣдствіемъ «покоренія» края нѣмцами, а было необходимою и неизбѣжною по условіямъ времени формою хозяйственнаго развитія страны. Первые землевладѣльцы среди латышей встрѣчаются уже во время ордена господства; они считались ленниками ордена и платили ему извѣстную дань, но въ частной и общественной жизни они пользовались полною свободой. Свои поля они обрабатывали не только собственными силами, но часто пользовались трудомъ рабовъ военно-плѣнныхъ или дрелловъ. Въ концѣ ордена господства уже изъ самыхъ латышей образовался классъ безземельныхъ крестьянъ; благодаря захвату земель орденомъ, помѣщиками и городами, крестьяне-общинники превратились въ арендаторовъ, а затѣмъ въ крѣпостныхъ; безземельные работали на помѣщиковъ. До XVIII столѣтія крестьянскихъ батраковъ какъ особаго, закрѣпощеннаго и признаннаго закономъ сословія тогда еще не существовало. Батраки работали на крестьянъ-дворохозяевъ по назначенію помѣщика. Но сословіе мелкихъ латышскихъ землевладѣльцевъ, крестьянъ-дворохозяевъ все росло и крѣпло. Въ XVIII ст. помѣщики должны были считаться съ нимъ какъ значительною силою и удѣлить ему хоть небольшую часть власти. Имъ были сбавлены нѣкоторыя повинности и дарованы нѣкоторыя привилегіи по отношенію къ безземельнымъ. Съ этихъ поръ усадьбовладѣльцы стали въ широкихъ размѣрахъ пользоваться наемнымъ трудомъ, хотя сами еще до самаго послѣдняго времени оставались на положеніи полухозяевъ, полуарендаторовъ. Все богатѣющая крестьянская буржуазія не могла мириться съ этимъ положеніемъ и съ цѣлью улучшить его приняла участіе въ освободительномъ движеніи, охватившемъ край за послѣднее время.

Происхожденіе безземельнаго латышскаго пролетаріата должно быть отнесено еще до прибытія нѣмцевъ. Уже у древнихъ латышей были рабы, по большей части военно-плѣнные или дреллы. Они не имѣли никакихъ правъ въ латышской крестьянской общинѣ и находились на положеніи домашней, рабочей скотины во всякомъ случаѣ до тѣхъ поръ, пока они окончательно не ассимилировались. Рабство ихъ было ограничено извѣстнымъ срокомъ, по истеченіи котораго ихъ было принято отпускать на свободу. Впослѣдствіи съ переходомъ монополіи рабства къ нѣмцамъ-помѣщикамъ дреллы были вытѣснены обезземеленными крестьянами-латышами.

Лишенные всякихъ правъ въ общественной жизни, находящіеся въ самыхъ тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ батраки уже въ царствованіе Александра I и Николая I выступали на защиту своихъ поруганныхъ человѣческихъ правъ. Путемъ многихъ кровопролитныхъ восстаній они вырывали у своихъ враговъ-помѣщиковъ—уступку за уступкой. Но самымъ

могущественнымъ и грознымъ выступленіемъ крестьянскаго пролетаріата является революціонное движеніе 1905 г., когда объединенный деревенскій и городской пролетаріатъ выступилъ подъ знаменемъ латышской социаль-демократической рабочей партіи на рѣшительную и правильно организованную борьбу со старымъ строемъ, произволомъ помѣщиковъ и защищающей ихъ интересы мѣстной администраціей.

Реформа 1861 г. никого не удовлетворила. Снова начались крестьянскія волненія, принявшія довольно серьезную форму, особенно въ Курляндіи, гдѣ снова потребовались войска для усмиренія. Но эти волненія заставили господствующіе классы пойти на уступки. Въ 1864—65 гг. были изданы для латышскихъ крестьянъ законы, отмѣнившіе крѣпостное право, тѣлесное наказаніе по усмотрѣнію помѣщиковъ и даровавшіе «отпущеннымъ на волю» крестьянъ земли, на условіяхъ справедливаго выкупа съ разсрочкой. Землями были надѣлены только дворохозяева (помѣщичьи арендаторы) до полной уплаты выкупныхъ платежей они оставались на положеніи арендаторовъ, сильно стѣсненные въ своихъ правахъ на землю. Выкупные платежи были назначены слишкомъ высокіе: отъ 6—10,000 руб. за участокъ въ 30—60 десятинъ пахотной земли. Размѣры платежей опредѣлялись якобы по взаимному соглашенію между помѣщиками и дворохозяевами, но рѣшающее слово было предоставлено помѣщикамъ. Ежегодно приходилось уплачивать отъ 300—500 руб.; въ случаѣ задолженности еще приходилось уплачивать проценты.

Аграрная программа повлекла за собою цѣлый рядъ другихъ важныхъ реформъ. Въ 1866 г. была осуществлена судебная реформа, но безъ введенія института присяжныхъ; тогда же была уничтожена помѣщичья полиція и дарованы болѣе опредѣленные права волостному самоуправленію. Но зато вскорѣ былъ учрежденъ институтъ уѣздныхъ начальниковъ, полицейскихъ агентовъ, сильно тормозившихъ самостоятельность крестьянскихъ обществъ.

Въ 1863 г. были изданы новые паспортные законы, «даровавшіе» крестьянамъ большую свободу передвиженія; но за выдачу паспортовъ была установлена особая плата, около 3 руб. въ годъ. Безъ паспорта членамъ волости разрѣшалось проживать на разстояніи 30 верстъ отъ мѣста прописки.

Періодъ 60—70 гг. въ Прибалтійскомъ краѣ является эпохою расцвѣта мелкаго землевладѣнія, класса крестьянъ-дворохозяевъ. На этотъ классъ опиралось русское правительство въ своей руссификаторской дѣятельности въ краѣ, надѣясь образовать изъ него сильный оплотъ противъ нѣмцевъ.

Для характеристики эволюціи латышскаго крестьянства и развитія аграрныхъ отношеній въ краѣ я приведу нѣсколько статистическихъ данныхъ, относящихся къ переходному времени 70—80 гг. Данные эти относятся къ Курляндіи.

Съ 1864—1873 г. крестьянамъ было продано 2,744 усадьбы въ

330,762 пурных мѣсть (112,459 дес.); на каждую усадьбу средннмъ числомъ приходится 40 дес., изъ нихъ больше половины пахатной земли. Общая стоимость крестьянскихъ земель—9.684,739 руб., изъ нихъ немедленно, при совершеиіи сдѣлки, было урочено 1.126,369 р. Стоимость (средняя) десятины—87 р., а усадьбы—3,529 р.; 2,077 участковъ были проданы прежнимъ арендаторамъ, а 535 другимъ лицамъ. Въ теченіе 1880—81 г. въ полную собственность мелкихъ владѣльцевъ перешли 818 участковъ въ 41,271 дес., стоимостью въ 3.590,333 р. Средняя стоимость десятины мѣстами повысилась до 146 р. Крестьянскихъ усадебъ въ Курляндіи къ концу 80 г. было болѣе 12,000. Въ концѣ 1886 г. осталось непроданныхъ (арендныхъ) участковъ всего 1,737. Общая площадь крестьянскихъ частновладѣльческихъ земель составляла не болѣе $\frac{1}{10}$ всей земельной площади; $\frac{1}{5}$ приходилась на долю казенныхъ земель, а остальная часть принадлежала помѣщикамъ. Въ 80 г. дворянскихъ земельныхъ участковъ было около 2,500 съ площадью въ 1.000,000 дес., крупныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ—около 400 человекъ. Дворохозяевъ-крестьянъ, мелкихъ землевладѣльцевъ было 20,000; сельско-хозяйственныхъ рабочихъ-батраковъ къ томъ числѣ и женщинъ около 100,000 человекъ. Общее число безземельныхъ въ губерніи было не менѣе 300,000; изъ этого числа на долю городовъ приходилось около 40,000 человекъ. Но преобладаніе сельскаго пролетаріата надъ городскимъ по всему краю, какъ мы увидимъ ниже, не помѣшало развитію социализма въ деревняхъ, а, напротивъ, явилось самой подходящей почвой для этого.

VIII.

Въ концѣ 70 г. надъ краемъ снова нависли мрачныя тучи реакціи. Нѣмецкая партія снова одержала побѣду. Особенно усилилась реакція въ царствованіе Александра III. Въ это царствованіе латышскія крестьянскія общества были лишены той призрачной самостоятельности, которая имъ была гарантирована въ предыдущее царствованіе. Со введеніемъ института комиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ (въ 1889 г.)—прототипа русскихъ «земскихъ» было окончательно упразднено волостное самоуправленіе. Права комиссара по отношенію къ волости были неограничены. Въ волости главнымъ лицомъ сдѣлался писарь, утвержденіе котораго въ должности всецѣло зависѣло отъ комиссара; иногда онъ попросту назначалъ на эти должности угодныхъ ему людей. Для удобства управленія и централизаціи власти нѣсколько волостей соединялись въ одну, отчего для жителей возникла масса затрудненій и хлопотъ, но зато для администраціи это было выгодно и удобно. Комиссаръ дѣлалъ постановленія о преданіи суду или административной высылкѣ «вредныхъ членовъ» общества; онъ безконтрольно распоряжался общественными средствами, дѣлая постановленія о назначеніи ихъ. По объясненію правительства назначеніе института комиссаровъ было защищать интересы крестьянскаго населенія противъ помѣщиковъ. Но по странной ироніи судьбы оказалось, что всѣ почти

комиссары—нѣмецкіе бароны! Многіе изъ нихъ были разорившіеся помѣщики, которыхъ побудили поступать на службу чисто-матеріальныя соображенія. Но многіе поступали на службу по другимъ соображеніямъ; нѣмцы стремились къ занятію всѣхъ административныхъ и гражданскихъ должностей въ краѣ, чтобы успѣшнѣе защищать свои классовые интересы. Имъ удалось осуществить эту задачу; въ Курляндіи не было ни одного русскаго въ должности комиссаровъ, а въ Лифляндіи ихъ было всего нѣсколько человѣкъ.

Нѣмецкіе бароны въ роли защитниковъ устоевъ русскаго самодержавнаго строя въ краѣ успѣли такъ зарекомендовать себя, что ни разу не возбудили даже у *Московскихъ Вѣдомостей* ни одного упрека въ сепаратизмъ; въ интересахъ своего сословія они являлись яркими защитниками самодержавія, истыми преторьянцами русской бюрократіи, какъ ихъ называлъ еще Аксаковъ (Ив.) въ своихъ письмахъ о прибалтійскомъ вопросѣ.

Реакція сильно отразилась на аграрныхъ отношеніяхъ въ краѣ. Классъ землевладѣльцевъ-крестьянъ разбился на нѣсколько разрядовъ: 1) разрядъ зажиточныхъ, самостоятельныхъ усадебовладѣльцевъ, выкупившихъ свои усадьбы у помѣщиковъ; 2) разрядъ помѣщичьихъ и казенныхъ арендаторовъ и 3) полухозяевъ или крестьянскихъ арендаторовъ.

Самый вліятельный въ матеріальномъ отношеніи классъ—это усадебовладѣльцы, выкупившіе свои земли, но и они были сильно стѣснены въ своихъ правахъ и далеко не всегда являлись полноправными хозяевами своихъ земель. Ихъ права были ограничены цѣлымъ рядомъ оговорокъ и условій, заключенныхъ между ними и помѣщиками при совершеніи купчей. Такъ, напримѣръ, только за помѣщиками почти вездѣ было оставлено исключительное право охоты и рыбной ловли на крестьянскихъ участкахъ. Кромѣ того крестьяне-усадебовладѣльцы обязываются не возводить на своихъ участкахъ мельницъ, не открывать торговли и т. д.

Если въ участкѣ крестьянина будутъ найдены какія-нибудь природныя богатства, то за право разработки ихъ усадебовладѣлецъ долженъ уплачивать помѣщику особый налогъ. Кромѣ того усадебовладѣльцы устранили отъ полнаго участія въ общественной жизни края; въ ландтагахъ засѣдали только бароны-помѣщики, а въ волостныхъ дѣлахъ права крестьянъ сильно стѣснены институтомъ комиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ. Даже въ такихъ внутреннихъ дѣлахъ, какъ, наприм., назначеніе пасторовъ, главную роль играли нѣмецкіе бароны. Завѣдываніе всѣми церковно-приходскими дѣлами и назначеніе пасторовъ находилось въ рукахъ такъ называемаго патроната, во главѣ котораго стоялъ помѣщикъ.

Благодаря этому въ пасторы попадали всегда наемники и ставленники бароновъ, ревностные защитники помѣщичьихъ интересовъ, иногда и сами по своему имущественному положенію (до 8,000 р. ежегоднаго дохода съ одной паствы, не считая собственнаго имѣнія) принадлежали къ сословію помѣщиковъ, а вся тяжесть по содержанію церквей и пасторовъ падала исключительно на крестьянъ.

Стѣсненные въ своихъ правахъ усадебовладѣльцы давно роптали на привилегированное положеніе бароновъ, и когда въ прошломъ 1905 г. вспыхнуло народное движеніе, они тоже присоединились къ нему, чтобы смести послѣдніе остатки феодализма и добиться признанія своихъ правъ на участіе въ общественной жизни.

Другой классъ землевладѣльцевъ—это помѣщичьи арендаторы и невыкупившіе еще своихъ земель крестьяне. Арендуютъ они у помѣщиковъ отъ 15—40 десят. пахотной земли; арендная плата отъ 15—45 руб. за десятину, смотря по качеству земли. Но такъ какъ качество земли зависитъ въ значительной степени отъ удобрения и обработки ея, отъ способа веденія хозяйства, то чѣмъ интенсивнѣе хозяйство, тѣмъ выше арендная плата. Срокъ аренды отъ 20—30 лѣтъ, но условія аренднаго договора даютъ помѣщику право, когда ему вздумается выселить арендатора (напр., если въ теченіе опредѣленнаго срока невыполнены арендаторомъ всѣ арендные обязательства, не возведены всѣ хозяйственные постройки или если арендаторъ арестованъ и т. п.). Даже если нѣтъ прямого повода—помѣщикъ можетъ по одному своему желанію выставить арендатора, уплативъ ему вознагражденіе въ размѣрѣ двухъ-годовой арендной платы.

Третій разрядъ землевладѣльцевъ—это полухозяева, крестьянскіе арендаторы и бобыли.

Нѣкоторые крестьянскіе или помѣщичьи усадьбы отданы въ аренду нѣсколькимъ лицамъ, для чего приходится землю усадьбы разбивать на небольшіе участки по 9—11 десятинъ каждый; иногда усадьбы дѣлятся между 3—4 лицами, которыя и называются полухозяевами. Полухозяину по договору разрѣшается имѣть 1 лошадь, 3 коровы, 3 овецъ и 2 свиней; семья его должна состоять изъ мужчины (взрослаго), женщины и подростка-пастуха. Съ этими рабочими силами полухозяинъ долженъ справиться со всѣми работами, но это невозможно. До 29 сентября полухозяинъ долженъ покончить со всѣми полевыми работами, а если онъ не успѣваетъ, то за каждую необработанную десятину уплачиваетъ 10 рублей штрафа. Большинство полухозяевъ—крестьянскіе арендаторы; крестьяне-усадебовладѣльцы эксплуатируютъ своихъ арендаторовъ не хуже помѣщиковъ. Работать полухозяевамъ приходится больше, чѣмъ батракамъ, а весь трудъ—въ пользу помѣщика или усадебовладѣльца, но чувствуютъ они себя нѣсколько независимѣе батраковъ, пользуются большею личною свободою и правами.

Другая разновидность крестьянскихъ арендаторовъ—это такъ наз. бобыли. Нѣкоторые зажиточные усадебовладѣльцы разбиваютъ часть, а то и всю свою землю на маленькіе участки—въ 1, даже $\frac{1}{2}$ десятины, и отдаютъ ихъ въ аренду за 24—30 руб. въ годъ (за десятину). Арендаторъ строитъ на своемъ участкѣ избушку, разводитъ огорождъ. Бобыли по большей части ремесленники или занимающіеся извозомъ или другимъ отхожимъ промысломъ; у многихъ, даже у большинства бобылей—нѣтъ ни коровы, ни лошади. Съ бобылей дворохозяева получаютъ значительный

доходъ, п. ч. на участкахъ нѣкоторыхъ хозяевъ живутъ 20—50 бобылей со своими семьями, т.-е. хозяинъ является владѣльцемъ цѣлаго поселка въ 10—15 избъ.

Перехожу теперь къ самому многочисленному сословію въ краѣ, безземельному пролетаріату: на 1½ милліона населенія края приходится не менѣе 1 милліона безземельныхъ крестьянъ. Безземельные крестьяне заняты по большей части въ качествѣ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, батраковъ. Батраки дѣлятся на два разряда: 1) помѣщичьихъ и 2) крестьянскихъ. Положеніе тѣхъ и другихъ крайне тяжело. Вознагражденіе за трудъ батраки получаютъ въ большинствѣ случаевъ натурой (квартира, съѣстные припасы, участокъ земли подъ огородъ etc.), а деньгами всего рублей 30—15 (помѣщичьи батраки; крестьянскіе батраки же получаютъ деньгами больше, чѣмъ натурой, но зато работать имъ приходится больше и труднѣе, чѣмъ первымъ). Выдаются батраку, понятно, продукты крайне плохого качества. Договоры между батраками и помѣщиками мѣняются почти ежегодно, по усмотрѣнію и въ пользу помѣщиковъ. Въ 1903 г. въ Курляндіи помѣщики на нѣкоторыхъ имѣніяхъ пытались ввести тѣлесное наказаніе для батраковъ за непослушаніе, грубость и т. п. «дисциплинарные» проступки, но это имъ не удалось.

Помѣщенія для батраковъ (работія казармы у помѣщичьихъ) невозможны въ гигиеническомъ и санитарномъ отношеніи. Въ одной небольшой, низкой, темной комнатѣ помѣщаются по нѣскольку семей; молодыя дѣвушки живутъ въ однихъ помѣщеніяхъ съ парнями въ самыхъ первобытныхъ условіяхъ.

Свою рабочую карьеру батракъ начинаетъ съ 6—7-лѣтняго возраста въ качествѣ пастуха свиней, домашней птицы. Черезъ 2—3 года онъ становится настоящимъ пастухомъ, постепенно переходя отъ домашней птицы и свиней къ рогатому скоту. Получаютъ пастухи, или пастушки готовое содержаніе, нѣкоторое количество ржи, муки, гороха, мяса и т. п. и около 20 руб. денегъ. Пасты приходится стада въ 12—25 головъ и около 100 шт. овецъ. Помѣщики нанимаютъ взрослыхъ пастуховъ, потому что дѣти не могутъ справиться съ громадными стадами въ 100 и болѣе головъ. Только усадебовладѣльцы повсюду въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ эксплуатируютъ дѣтскій трудъ.

До конфирмаціи—15—16-лѣтняго возраста подростокъ пребываетъ въ званіи пастуха. Послѣ конфирмаціи, перваго церковнаго причащенія и официального провозглашенія совершеннолѣтія, юноша становится полубатракомъ. Онъ дѣлаетъ тѣ же работы, что взрослый батракъ, но въ виду слабости своихъ юношескихъ силъ въ нѣсколько меньшихъ размѣрахъ. Но за то вознагражденія онъ получаетъ вдвое меньше взрослога батрака. Трудомъ полубатраковъ почти исключительно пользуются дворохозяева.

Съ 19—21 года молодой человекъ становится «полнымъ батракомъ». Въ лѣтнюю пору батраку приходится работать часто 19 часовъ въ сутки (съ апрѣля по августъ). На обѣдъ даются 2 часа; въ теченіе этого вре-

мнѣ надо поѣсть, отдохнуть, накормить и напоить лошадей (на это уходит по меньшей мѣрѣ $\frac{1}{2}$ часа). Но и 5-часовымъ ночнымъ отдыхомъ батракъ пользуется далеко не сполна. Ночью 3 раза приходится вставать задать корму лошадямъ. Часто приходится работать $\frac{1}{2}$ часа до, $\frac{1}{2}$ послѣ солнца, такъ что на отдыхъ остаются всего часа 3. Начиная съ янв. батраки уже не пользуются послѣобѣденнымъ отдыхомъ. Въ августѣ начинается молотба, которая у дворохозяевъ совершается ночью. Одно утро приходится вставать въ 12 часовъ молотить, а на другое въ 3—въѣтъ. Осенью и зимою приходится ѣхать въ лѣсъ за дровами, отвозить въ городъ на продажу сельскохозяйственные продукты. Отъ участія въ общественной жизни батраки вовсе устранены. Правда, половина выборныхъ волости должна состоять изъ батраковъ, но на самомъ дѣлѣ ихъ едва $\frac{1}{2}$, остальные всѣ дворохозяева или ихъ ставленники. Трудно живетъ батраку въ продолженіе всей его жизни, но труднѣе всего ему приходится на старости, когда силы не позволяютъ ему работать. Какъ старую, негодную тварь прогоняютъ его изъ усадьбы; даже въ пастухи никто не беретъ его; хорошо, если у кого есть дѣти, они берутъ къ себѣ старика (или старуху) и содержатъ его до смерти. Но у многихъ дѣтей нѣтъ или они едва-едва могутъ прокормиться сами съ семьями. Тогда бездомному, безпріютному бѣдняку остается идти побираться Христовымъ именемъ или лечь въ богадѣльню; но богадѣльни, грязные, вонючіе вертепы, всегда переполнены нищими. Остается еще одинъ выходъ; отдаться на милость волости, во главѣ которой стоятъ усадебовладѣльцы, тѣ самые эксплуататоры, которые довели батраковъ до ихъ ужаснаго положенія стараго, немощнаго, брешеннаго на произволъ судьбы, издыхающаго животнаго. Волостныя власти изыскали мудрый способъ призрѣнія бѣдныхъ и немощныхъ: онѣ продаютъ ихъ съ аукціона. Этотъ позорный актъ совершался въ краѣ до самаго послѣдняго времени.

Въ назначенный день и часъ въ волостное правленіе являлся призрѣваемый. Здѣсь присутствовали выборные, волостные судьи и покупатели. Волостной старшина провозглашалъ: крестьянинъ (или крестьянка) такой-то (имя рекъ), за неспособность къ труду и старостью отдается N-скимъ волостнымъ правленіемъ на попеченіе добрыхъ людей; за содержаніе его (ей) волость назначаетъ плату въ 45 рублей ежегодно. Начинаются торги. Одинъ предлагаетъ 60 р., другой 50 и т. д., пока доходятъ до предѣльнаго минимума, меньше котораго никто не предлагаетъ. Назвавшему самую низкую сумму уступаютъ призрѣваемого (случается, что за 30 р.). Приобрѣвъ на свое попеченіе нищаго (на 1 годъ), покупатель тащитъ его домой. Но вмѣсто отдыха и призрѣнія призрѣваемый попадаетъ въ кабалу. Попечитель старается использовать послѣдніе остатки старческихъ силъ трака и за самую скудную пищу и ночлегъ заставляетъ его исполнять разныя домашнія работы. Если призрѣваемый не умираетъ у перваго попечителя, то на слѣдующій годъ онъ переходитъ къ другому, который

свою очередь эксплуатируетъ его. Только смерть освобождаетъ его отъ рабскаго труда, нищеты, униженій.

Главная тяжесть по несенію общественныхъ и государственныхъ повинностей падаетъ на безземельныхъ батраковъ. Подать въ Приб. край подушная; платить начинаютъ съ 14-лѣтняго возраста. Возьму для примѣра статистическія данныя объ одной волости; въ ней 1,000 безземельныхъ и 140 дворохозяевъ. Средній размѣръ подати—6 р. въ годъ. Отъ безземельныхъ ежегодный доходъ равняется 6,000 р., а съ хозяевъ всего 840 руб.

Часто батраки цытались «мирными средствами» улучшить свое положеніе. Изрѣдка правительство дѣлало видъ, что идетъ навстрѣчу нуждамъ батраковъ. Такъ оно разрѣшило отдавать въ аренду батракамъ и полухозамъ казенныя имѣнія на общинныхъ началахъ. Но эта мѣра никакой пользы не принесла; были взяты въ аренду около 10 имѣній, но изъ этого ничего не вышло. Одно время (80—90 гг.) латыши стали переселяться въ большомъ количествѣ въ Сибирь, среднюю Россію, Америку и другія мѣста. Число латышскихъ эмигрантовъ достигаетъ въ настоящее время до 100,000 человекъ. Въ 1901 году снова появились первые симптомы глухого, народнаго броженія. Соціалъ-демократическое ученіе проникло въ край и стало быстро и успѣшно распространяться среди городского и сельскаго пролетаріата. Тогда напуганные «краснымъ призракомъ социализма» помѣщики стали обсуждать разныя палліативныя мѣры къ предупрежденію зла и искорененію крамолы. Бое-кто предлагалъ даже ввести въ край «преобразованное» земство, но это предложеніе было отвергнуто на засѣданіяхъ комитетовъ по крестьянскимъ дѣламъ (въ 1902 году). Въ концѣ-концовъ мудрый консерватизмъ одержалъ побѣду; помѣщики рѣшили не идти ни какія уступки и стойко бороться за свои привилегіи. Но было уже поздно. Соціалистическое ученіе проникло во всѣ уголки края, народныя массы революціонизировались. Для латышскаго народа наступалъ новый періодъ — періодъ широкаго освободительнаго движенія. Характеристикѣ этого періода посвящены слѣдующія главы статьи.

Н. Ландеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Бѣглый очеркъ колониальной политики Германіи *)

Изъ-за острова Самоа, въ началѣ статьи нами оставленнаго, пошли въ 1889 г. между Англіей, Германіей и Соединенными Штатами очень крупныя разговоры, которые, вѣроятно, закончились бы большими неприяностями для нѣмцевъ, если бы Бисмаркъ опять не предпочелъ оставить самоанскій вопросъ открытымъ. И лишь приблизительно 10 лѣтъ спустя онъ былъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ иезуитски рѣшенъ графомъ Буловымъ.

Виновицей англо-трансваальской кровавой схватки и потери Трансваальской республикой ея самостоятельности была въ значительной степени официальная Германія, поддерживавшая въ трансваальцахъ вѣру и надежды на побѣду, хотя и знала, что ей самой безъ союзника отстоять буровъ будетъ дѣломъ невозможнымъ. Но съ тѣмъ, что будетъ, внѣшняя политика Германіи съ уходомъ Бисмарка перестала считаться и съ тѣхъ поръ она живетъ моментами настоящаго настроенія въ высшихъ сферахъ и ни только руководится при составленіи своихъ грандіозныхъ политическихъ плановъ, вмѣстѣ съ настроеніемъ рождающихся и вмѣстѣ съ нимъ разрушающихся. Сначала бурямъ пообѣщавъ, нѣмцы уже потомъ стали доказывать французамъ своевременность прижать англичанъ къ стѣнѣ, горько жалуясь въ *Кельнской Газеттѣ*, въ *Post* и берлинскихъ *Neueste Nachrichten* на упорное нежеланіе французовъ понять свои реальнѣйшіе интересы въ Африкѣ, во всѣхъ пунктахъ совпадающихъ съ нѣмцами. Позволить англичанамъ избить трансваальцевъ, т.-е. допустить усиліе Англій, не получивъ ничего съ нея за это, было бы, съ точки зрѣнія дипломата, непростительнымъ политическимъ промахомъ, открыто же взять сторону Трансваала было для Германіи послѣ полученнаго ею отказа въ помощи со стороны Франціи очень не безопасно. И вотъ въ Берлинѣ былъ придуманъ такой планъ: напишемъ Англій, что «das deutsche Volk», которому и позволимъ это сдѣлать, на митингахъ и на собраніяхъ, повсюду и вездѣ демонстративно выражаетъ свои симпатіи трансваальскому народу.

*) *Русская Мысль*, кн. VII, 1906 г.

ра желаніемъ въ его рядахъ бороться не на жизнь, а на смерть съ ненавистнымъ ему «гордымъ Альбіономъ» и прибавимъ: «но мы, правительство нѣмецкаго народа, готовы порывы эти удержать за гонораръ». Идемъ это, а пока отвѣтъ придеть, будемъ трансваальцамъ помочь, хотя бы посылкой имъ оружія, чтобы было легче имъ, трансваальцамъ, сильнѣй кузеновъ нашихъ напугать *)».

И дѣйствительно, написали и получили утвердительный отвѣтъ. Тотъ же германскій императоръ поздравилъ телеграммой Англію съ побѣдой генерала надъ дервишами, а Бальфуръ говорилъ въ нижней палатѣ «съ личнымъ удовольствіемъ» о возобновленныхъ англо-германскихъ симпатіяхъ, утаивъ при этомъ секретный документъ, содержаніе котораго не недѣлю сдѣлаться извѣстнымъ. За выдачу трансваальцевъ англичанамъ, немцы получили островъ Самоа и отдали изъ Salomons'insel два ничего не значащихъ острова; отказались отъ права экстерриториальности въ Забарѣ и отъ острова Голда и позволили англичанамъ провести черезъ немецкую «Восточную Африку» желѣзную дорогу и телеграфъ. Случилось это въ 1898 г. наканунѣ южно-африканской войны. Но вотъ Вильгельмъ II Бюловъ ѣдутъ въ Лондонъ, оказывая этимъ моральную поддержку англичанамъ и нанося, можно сказать, рѣшающее пораженіе, вопреки протестамъ и желаніямъ нѣмецкаго народа, своимъ вчерашнимъ «братьямъ-союзникамъ» трансваальцамъ. Зато въ Лондонѣ впервые рѣшается втайнѣ будущая судьба португальскихъ колоній, долженствующихъ быть раздѣленными между Англійей и Германіей, въ случаѣ если Португалія, готовая ежегодно это платить, будетъ ликвидировать свою колониальную политику **), а во-вторыхъ, Англія обязуется не препятствовать рѣшенію анатолійскаго желѣзнодорожнаго вопроса, въ благопріятномъ для нѣмцевъ случаѣ, т.-е. Англія гласяется открыть нѣмцамъ дверь въ Малую Азію.

При такихъ кровавыхъ обстоятельствахъ островъ Самоа, бывший предметомъ заботъ нѣмецкой внѣшней политики еще въ половинѣ 70-хъ годовъ при Вильгельмѣ I, Бисмаркѣ и его помощникѣ министрѣ иностранныхъ дѣлъ Бюловъ-отцѣ, сдѣлался въ 1899 г. нѣмецкимъ островомъ при Вильгельмѣ II и Бюловъ-сынѣ.

Въ томъ же 1899 г. были прибрѣтены и Каролинскіе острова, на которыхъ, а именно на группѣ Яр, по приказанію Бисмарка и по просьбѣ тамошнихъ «Handels und Plantagen Gesellschaft» нѣмецкій флагъ былъ впервые поднятъ, посланнымъ туда военнымъ кораблемъ 25 августа 1885 года.

Прибывшіе туда съ той же цѣлью испанскіе корабли, демонстративно вытѣсняютъ берега Каролинскихъ острововъ, единственной и полновластной хозяйкой которыхъ Испанія себя считала на основаніи договоровъ,

*) Даже послѣ открытія военныхъ дѣйствій нѣмцы сумѣли доставить трансваальцамъ черезъ Китай 30,000 ружей, прибывшихъ на мѣсто назначенія подъ видомъ подарка. См. пренія въ рейхстагѣ отъ 20 января 1900 г.

***) По поводу этой сдѣлки смотри пренія въ англійской нижней палатѣ отъ 5—6 августа 1902 г. Заявленіе Gibson Bowden'a при второмъ чтеніи Etat.

заключенныхъ ею цѣлыхъ сто лѣтъ тому назадъ съ однимъ изъ таинъ нихъ королей. Въ этой морской демонстраціи сейчасъ же присоединился Мадридская улица и въ количествѣ 30,000 толпы, во главѣ съ испанскимъ офицеромъ Salamanca, разбиваетъ въ дребезги окна нѣмецкаго консульства и топчетъ въ грязь и сожигаетъ сорванные ею германскій гербъ и стандартъ. Саламанка же, сорвавъ съ своей груди крестъ, подаренный ему когда-то германскимъ императоромъ, отсылаетъ его обратно въ Берлинъ, пиша въ приложенномъ къ нему заявленіи, что считаетъ недостойнымъ своего достоинства носить германскій орденъ на своей груди, прибавивъ, что постарается образовавшееся пустое мѣсто заполнить новымъ орденомъ, который надѣется получить отъ испанской короны за побѣды надъ нѣмцами. Увы, это мѣсто такъ и осталось пустымъ, такъ какъ 31 августа 1885 г. Бисмаркъ сообщилъ Испаніи, что готовъ подчиниться въ каролинскомъ вопросѣ рѣшенію третьей дружественной державы, которой не сей разъ былъ папа. Папа, въ 1885 г. дружественная держава по отпращиванію къ Германіи, да еще въ качествѣ судьи надъ нѣмцами, была для многихъ очень замысловатой загадкой. Теперь мы знаемъ въ чемъ дѣло. Бисмаркъ, тогда уже хотѣвшій сближенія съ центромъ, давно искалъ и ждалъ случая сдѣлать ему что-нибудь пріятное, каковую цѣль и преслѣдуя искусственно создавъ каролинскій вопросъ, въ принципѣ и обстоятельно рѣшенный Бисмаркомъ и испанскимъ посломъ въ Берлинѣ еще 3 1/2 года до описаннаго скандала **). Это-то рѣшеніе, признавшее испанской собственностью каролинскіе острова и предоставившее на нихъ Германіи большія привилегіи, было папой въ качествѣ «третьейскаго судьи» къ удовольствію нѣмецкихъ католиковъ, съ большимъ апломбомъ и достоинствомъ во всеуслышаніе объявлено. За хладнокровное же отношеніе къ неожиданному поведенію Мадридской улицы Бисмарку было мадридскимъ кабинетомъ, тогда сильно озабоченнымъ судьбою испанской короны, въ которой сильно угрожала большая опасность со стороны республиканской партіи, поддержанной французскими радикалами, дано обѣщаніе и исполнено удлинить на 6-лѣтній срокъ старый, очень выгодный для Германіи торговый договоръ.

О самихъ же Каролинахъ Бисмаркъ былъ очень невысокаго мнѣнія, обозвавъ ихъ даже «Lumpereien» и писалъ въ своемъ официальномъ, по этому поводу докладѣ *), что 14-дневная война съ Испаніей стоила бы во много разъ больше, чѣмъ всѣ Каролины вмѣстѣ взятые съ ихъ настоящимъ и будущимъ. Бюловъ же заплатилъ за эти острова, получивъ еще въ прибавку ничего не стоящія Маріаны и Palous, 25.000,000 мар., приблизительно 16.000,000 мар. При этомъ онъ конечно, ссылался на ихъ важнѣйшее стратегическое значеніе въ смыслѣ связующаго пункта между нѣмецкими владѣніями въ Sudssee и Kiatschau съ одной стороны

*) См. рѣчь г-ра Wilmers. Stenogr. Berichte 98 Sitzung, 21 июня 1899 г.

***) „Immediatbericht“ отъ 24 сентября 1885 г.

и съ другой, хотя и въ далекомъ будущемъ, между восточнымъ и южнымъ берегами Ави, чѣмъ они, въ скобкахъ замѣтивъ, могли бы служить Германіи, по смыслу соотвѣтствующаго договора, оставаясь испанскими; и, наконецъ, на жалобы «Jaluit Gesellschaft», самаго большого торговаго нѣмецкаго общества на Каролинскихъ островахъ, что дѣла ея подъ испанскимъ владычествомъ не могутъ нормально развиваться, хотя ему тутъ же въ парламентѣ было отвѣчено, что наоборотъ, достовѣрно извѣстно, что на секретныхъ засѣданіяхъ относительно покупки или не покупки Каролинскихъ острововъ, упомянутый торговый домъ высказался противъ ихъ приобрѣтенія. Но Бюловъ этимъ не смущается и выдвигаетъ свой главный аргументъ. Если бы, —восликаетъ онъ, —Каролины ничего не стоили бы, американцы не оцѣнили бы ихъ въ 40.000,000 мар. Почему же они ихъ сами не покупаютъ, —огорачиваетъ его тутъ же В. Либнехтъ? Отвѣта не послѣдовало. Почему? Да просто потому, что американецъ въ качествѣ дѣловаго человѣка не покупаетъ ненужныхъ ему вещей? То ли дѣло Куба и Филиппины, изъ-за нихъ съ точки зрѣнія капитала, въ самомъ дѣлѣ стоило было подрагаться, а Каролины ему ненужны. Да ненужны они, впрочемъ, и нѣмцамъ, а купили ихъ они больше потому, что имъ нужно суетиться. Помните, въ политическомъ мѣрѣ происходятъ большія пертурбаціи. Америка объявляетъ войну европейскому государству и на голову разбиваетъ Испанію. Испанія теряетъ свои послѣднія колоніи и навсегда перестаетъ быть колониальнымъ государствомъ, уступая свое мѣсто Соединеннымъ Штатамъ. Совершается во всѣхъ отношеніяхъ въ высшей степени важный политико-историческій фактъ и дѣлается все это въ присутствіи Германской имперіи, безъ которой по словамъ Вильгельма II, ничего въ мѣрѣ не можетъ быть ни начато, ни сдѣлано. Нужно же ей, Германіи, чѣмъ-нибудь проявить себя. Отъ войны ей ничего не перепало, такъ она покупаетъ Каролины, заплативъ за cadaго тамошняго жителя по 500 мар., а за cadaго нѣмца, которыхъ тамъ въ моментъ покупки было 24 человѣка по 700,000 мар. Да что еще за нѣмцы. По словамъ депутата д-ра Wiemer'a это были, за исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ чиновниковъ торговаго общества, все люди бѣжавшіе туда, спасаясь отъ наказанія въ Европѣ. Бюловъ этого не отрицаетъ и оправдывается тѣмъ, что такова ужъ характеристика всѣхъ первыхъ европейскихъ жителей въ колоніяхъ.

Ничего не имѣя противъ торговыхъ колоній и готовый ихъ даже при случаѣ поддержать въ парламентѣ, истинно нѣмецкій аграрій приходитъ однако въ изступленіе, когда рѣчь заходитъ о насажденіи земледѣльческихъ колоній въ Африкѣ. Ему тогда мерещатся нѣмецко-африканскія свиньи, коровы и быки, и разные хлѣбные злаки, безпошлинно ввозимые въ Германію; и при одной мысли, что успѣхъ земледѣльческихъ колоній еще больше усилитъ эмиграцію деревенскаго пролетаріата, на недостатокъ въ которомъ онъ не перестаетъ плакаться, его беретъ такая злость про-

тивъ *Weltpolitik*, тѣсно связанный съ колониальной политикой. Однако тревоги его также напрасны, какъ и надежды *Huble Schleiden'a* на привлеченіе крупнаго нѣмецкаго капитала въ Африку. Вслѣдъ за *Huble Schleiden'омъ*, доказавшимъ невозможность процвѣтанія мелкихъ земледѣльческихъ колоній въ Африкѣ, тоже самое дѣлаютъ и другіе болѣе поздніе изслѣдователи. А нѣкоторые изъ нихъ, какъ, наприм., *Schwabe* *), служившій въ *Südwestafrik'ѣ* офицеромъ, совѣтуетъ желающимъ туда переселиться, твердо помнить, что ихъ фермы рискуютъ быть ежедневно разоренными неграми, что послѣднія событія и подтвердили и что слѣдовательно, колонисты должны быть всегда готовыми къ защитѣ ихъ собственности съ оружіемъ въ рукахъ. Не думаю, чтобы перспектива быть похороненнымъ въ Африкѣ могла бы манить туда нѣмецкаго колониста, которому собственно и дѣлать-то тамъ нечего. Если предположить, что колонисты задумаютъ заняться въ *Südwestafrik'ѣ* разведеніемъ пшеницы, то они раньше всего должны будутъ подумать о дороговизнѣ искусственнаго орошенія и хорошенъко вычислить не обойдется ли имъ африканская пшеница настолько дорого, что они ее въ Европѣ даже по своей собственной цѣнѣ сбыть не сумѣютъ. Профессоръ *Peschuel*, въ рефератѣ прочитанномъ имъ въ Берлинѣ 5 марта 1892 г. доказалъ, что самый лучший способъ искусственнаго орошенія въ *Südwestafrik'ѣ*—это устройство при помощи водяныхъ насосовъ и вѣтряныхъ моторовъ и т. п. большихъ стоячихъ озеръ, что стоило бы много, много милліоновъ марокъ, у колонистовъ несомнѣнно не имѣющихся. Если же колонисты послѣдуютъ совѣту профессора *Rhebock'a* **) и займутся разведеніемъ рогатаго скота, то для этого имъ, благодаря *Südwestafrika'нскимъ* почвеннымъ условіямъ, необходимы будутъ громадныя площади земли, что еще болѣе затруднитъ защиту ихъ отъ негровъ, большихъ охотниковъ до чужихъ коровъ и быковъ. При этомъ всякій переселяющійся въ *Südwestafrik'у* долженъ, по расчетамъ проф. *Dove*, специально ѣздившаго туда, имѣть въ своемъ распоряженіи *minimum* 15—20,000 мар., каковую сумму майоръ *Лейтвейнъ*, губернаторъ *Südwestafrik'и*, считаетъ недостаточной и въ своемъ рефератѣ, читанномъ 14 января 1898 г. въ Берлинѣ, беретъ за *minimum* 40,000 мар., тогда какъ служащій руководствомъ всякому переселенцу «*Kolonial kalender*» (*Got'axh*) считаетъ для начала необходимыми 70,000 марокъ. Какой же въ самомъ дѣлѣ болѣе или менѣе разсудительный сельскій хозяинъ, имѣющій въ своемъ распоряженіи такія деньги, согласится ѣхать въ Африку устраивать земледѣльческую колонию съ надеждой на сомнительный успѣхъ лишь въ очень и очень далекомъ будущемъ. Что же касается «нѣмецкой восточной Африки», такъ даже д-ръ *Карлъ Петеръ*, всегда рисующій ее въ наилучшемъ свѣтѣ, и тотъ пишетъ въ книгѣ «*Das Deutsche Ostafrikanische Schulzgebiet*», что для переселенческихъ колоній она никакъ непригодна.

*) *Schwabe*: „Deutsch Südwestafrika“.

**) См. *Deutsche National Zeitung*, № 39 1900 г.

Въ Камерунъ же нѣмцы могутъ переселяться только для поправленія своего здоровья, ибо островъ этотъ, какъ доказано, пригоденъ больше для извѣстнаго рода курортовъ, чѣмъ для земледѣльческихъ колоній *). Зато на островѣ Самоа можно, съ нѣкоторымъ рискомъ на доходы, заняться разведеніемъ и то только плантацій какао, минимальная площадь которыхъ должна быть въ 50 акровъ и стоимость которыхъ, т.-е. плантацій, равняется минимумъ 54,000 мар. **), но и эта сумма не такъ ужъ велика въ сравненіи со стоимостью фермы на Südsee, гдѣ благодаря абсолютному отсутствію рабочихъ рукъ, всякій фермеръ долженъ обзавестись своимъ собственнымъ пароходомъ, либо нанимать таковой, необходимый ему для доставки рабочихъ изъ другихъ мѣстъ и для отправки ихъ къ означенному определенному сроку обратно ***). Относительно же Африки вообще спеціальныя изслѣдованія установили, что она непригодна для разведенія въ ней культурныхъ растений, требующихъ за собой, благодаря климату, такого ухода и такой громадной траты денегъ и энергіи, что конкурировать съ полученными ничтожными результатами на мировомъ рынкѣ, что собственно и составляетъ суть колоній, нѣтъ никакой возможности. Такимъ образомъ второму изъ условій всякой колоніальной политики, ставящей себѣ задачей, во-первыхъ, подчинить метрополию географическія мѣста, населенныя покупателями ея товаровъ и причемъ, во-вторыхъ, расплачивающихся колоніальными продуктами, нѣмецкія колоніи не удовлетворяютъ. Не лучше дѣло обстоитъ и съ первымъ условіемъ, предполагающемъ, въ нашемъ случаѣ, переселенія въ новыя мѣста европейцевъ, долженствующихъ превратить коренное населеніе въ покупателей продуктовъ производства метрополии. Всѣ нѣмецкія колоніи, за исключеніемъ Südwestafrik'a, тропическія, жизнь въ которыхъ для европейцевъ въ теченіе болѣе продолжительнаго времени становится невозможной. Въ № 3468 (1899 года) *United Service Gasette* печатались статьи о вліяніи климата африканскихъ колоній на жизнь и здоровье англо-саксонской расы, въ которыхъ авторъ приходитъ къ заключенію, что постоянные жители англійскихъ колоній, если они время отъ времени не уѣзжаютъ на болѣе долгій срокъ въ Европу, постепенно вырождаются и что уже первое поколѣніе отъ браковъ, заключенныхъ между колонистами, отягчаются всѣми признаками коренныхъ сонливыхъ жителей южной Африки. Въ тропикахъ европейцы въ первую голову и очень сильно страдаютъ отъ маляріи, а затѣмъ отъ очень распространенныхъ болѣзней чумы, желтой лихорадки, «Beriberkrankheit» и проказы, пишетъ извѣстный нѣмецкій ученый д-г Scheule въ своей книгѣ, изданной Gustav Fischer'омъ въ 1901 году, подтверждая лишь изслѣдованія другого знаменитаго ученаго д-г Schellong'a ****), обратившаго еще кромѣ того вниманіе на необыкновенную дѣтскую смертность и на безплодіе европейскихъ

*) См. *Koloniale Zeitschrift*, 1902, № 13.

**) *Koloniale Zeitschrift*, 1902, № 6. „Auswanderung, Ausiedelung auf Samoa“.

***) Тамъ же, 1902 г., № 13.

****) См. его „Handbuch der Hygiene“, Gustav Fischer, 1894.

женщинъ, переселившихся въ тропическія страны. Вопросъ объ акклиматизаціи европейцевъ въ тропикахъ сводится, говоритъ d-g Schellong, къ приспособленію организма къ болотной лихорадкѣ, распространенной по изслѣдованіямъ d-g Fischer'a *) во всѣхъ болѣе высокихъ и низменныхъ мѣстностяхъ; во всѣхъ мѣстахъ, покрытыхъ богатой растительностью, какъ и вообще въ періодъ дождей вся тропическая почва является очагомъ маляріи. Въ 1892 году въ нѣмецкой колоніи «Того» малярія скосила множество не только европейцевъ, но и негровъ, причѣмъ распространителями ея были наѣзкомыя. А кромѣ всѣхъ выше перечисленныхъ болѣзней, европейцы сильно страдаютъ отъ анеміи, какъ это показалъ Pfeille въ «Principes d'Hygiene Coloniale» Paris, 1899 г. Камерунскій климатъ, пишетъ Uslar, европеецъ можетъ выдержать лишь въ теченіе 1½ года и, въ лучшемъ случаѣ, 2-хъ лѣтъ, если онъ не хочетъ нажить неизлѣчимой болѣзни. На интернаціональномъ географическомъ конгрессѣ, имѣвшемъ мѣсто въ 1895 году въ Лондонѣ, Artur Silva White, всѣми признанный за большого знатока Африки, заключилъ свой рефератъ нѣсколькими тезисами, изъ которыхъ первые два гласятъ: 1) климатическія условія дѣлаютъ колонизацію африканскихъ странъ, за исключеніемъ южно-тропическихъ, европейцами невозможной, и 2) въ самомъ лучшемъ случаѣ дѣти европейцевъ могутъ въ третьемъ или четвертомъ поколѣніи приобрести физическія и духовныя качества, болѣе или менѣе соответствующія условіямъ жизни тропиковъ и приобрести ихъ насчетъ характеристическихъ признаковъ отличавшихъ ихъ прародителей и родителей отъ негровъ, каковыя признаки у нихъ постепенно атрофируются.

Однако все это въ большинствѣ случаевъ мнѣнія ученыхъ хотя, и не заинтересованныхъ въ успѣхахъ или неуспѣхахъ нѣмецкой колоніальной политики, но могущихъ быть всетаки заподозрѣнными въ нѣкоторомъ пристрастіи. Обратимся поэтому къ официальнымъ источникамъ. Директоръ колоніальнаго департамента держится того мнѣнія, высказаннаго имъ въ парламентѣ, что климатъ нѣмецкихъ колоній столь убійственный, что чиновники болѣе 3, 6 и въ самомъ лучшемъ случаѣ 9 лѣтъ на своемъ посту оставаться не могутъ, причѣмъ, прослуживши послѣдній срокъ, становятся абсолютно неспособными снова вернуться на свой старый постъ. Принцъ фонъ-Аренбергъ, долгодѣтній референтъ по колоніальному вопросу и постоянный выразитель чувствъ и волежеланій нѣмецкихъ колоніальныхъ политиковъ, докладываетъ рейхстагу на 147 засѣданіи отъ 13 февраля 1900 года **): наши колоніи въ общемъ настолько нездоровы, что врядъ ли кто-либо согласится закабалить себя на болѣе долгій срокъ въ чиновники колоніальнаго вѣдомства. Чиновники, прослужившіе больше допустимаго максимума вернулись бы на родину совершенными инвалидами и были бы лишь въ тягость колоніальному бюджету. Но если чиновникамъ, помѣщи-

*) См. „Mehr Licht in dunklen Weltteil“. Hamburg, 1885.

***) См. Stenog. Berichte.

и людямъ, живущимъ возможность обставить свое пребываніе въ Африкѣ всѣми удобствами, и не занимающимся физическимъ трудомъ, жизнь въ тропическихъ странахъ послѣ нѣкотораго времени становится не въ году, то каково же долженъ тамъ чувствовать себя европейскій рабочий. [Служивъ рабочий,—пишетъ въ *Hamburger Nachrichten* въ 1902 году, служившій въ Африкѣ, майоръ Morgen,—способенъ въ тропическихъ странахъ лишь къ роли надсмотрщика, а нами уже цитированный d-r Fischer констатируетъ, что нѣмецкій рабочий вскорѣ послѣ своего прибытія въ южную Африку начинаетъ страдать короткимъ дыханіемъ, цвѣтъ лица его получаетъ синевато-красный оттѣнокъ, что отличительнымъ признакомъ всѣхъ работающихъ на поляхъ служить гипертрофія сердца; и что ихъ физическое недомоганіе становится хроническимъ, заканчивающееся катастрофой, и рабочий во-время не покидаетъ своего новаго отечества. Съ его же родомъ колоніи теряютъ весь свой *gaisop d'été*, и нѣмецко-африканскіе землѣдѣльцы приходятъ въ уныніе отъ мысли, что вложенные ими капиталы въ африканскую почву остаются безъ прибавочной стоимости. Чтобы какъ-нибудь помочь этому горю, нашлись въ Германіи ученые и политики вроде профессора Брука *), проф. фонъ-Штенгеля, автора небезызвѣстной брошюры «*Der ewige Friede*» и славнаго представителя нѣмецкаго правительства на гаагской конференціи, полковника v. François, графа Пфейля и др., упоминавшихъ колонизаторскую дѣятельность старыхъ временъ и доказывавшихъ целесообразность замѣны для уголовныхъ преступниковъ тюрьмы вечными, долготѣтными или краткосрочными принудительными работами, смотря по случаю, въ колоніяхъ. При этомъ въ интересахъ нѣмецкой колониальной политики, умышленно забывая, что соответствующіе параграфы германскаго законодательства наказываютъ этихъ преступниковъ прежде всего лишеніемъ свободы, а не приговариваютъ къ медленной смерти. Да снѣ бы даже проекты упомянутыхъ ученыхъ и политиковъ и вошли какими-нибудь параграфами въ нѣмецкое законодательство, то этимъ рабочий вопросъ въ Африкѣ далеко еще не разрѣшился бы, такъ какъ число тѣхъ головныхъ преступниковъ, которыхъ сослали бы въ колоніи, въ сравненіи съ количествомъ необходимыхъ рабочихъ рукъ было бы болѣе чѣмъ невозможно. Гдѣ же выходъ изъ этого положенія? Что же дѣлать, когда краивое, рослое и здоровое туземное населеніе, напримѣръ, острова Самоа, всчитывающее до 30,000 человекъ, даетъ тамошнимъ колоніямъ едва 5,000 рабочихъ, тогда какъ имъ, какъ и плантаціямъ бисмарковскаго архипелага, ихъ уже теперь нужно минимумъ по 100,000 человекъ **), когда плантаторы нѣмецкой Ostafrikan'sкой колоніи вынуждены по той же причинѣ вывозить себѣ рабочихъ изъ Сингапура ***), а плантаціи кафе въ Маупте и фермы въ Melsette'ѣ все время въ поискахъ за рабочими. Ка-

*) См. Prof. d-r Bruck: „Fort mit den Zuchthäusern“.

***) См. Die Kolonialzeitung, № 35. „Zur Arbeiterfrage in den deut. Südsee kolonien“.

****) См. Karl Peters: „Das deut. Ostafrikanische Schutzgebiet“.

рунскія колоніи всегда страдают недостаткомъ въ рабочихъ рукахъ, и туземцы, какъ, наприм., бахвири и дуаллы, ни за что въ колоніяхъ работать не хотятъ. А не хотятъ они потому, что имъ и безъ того хорошо живется. Жилища и одежда имъ ничего не стоятъ, а природа даритъ имъ все то, что нужно для ихъ безпечной и веселой жизни. Леса на годами, степи дичью, а кокосовыхъ орѣховъ, саговыхъ и оливковыхъ пальмъ они пока еще находятъ повсюду въ изобиліи. Сыну тропическихъ странъ многого не нужно и онъ живетъ «впечатлѣніями минутъ». А если его иногда и постигаетъ голодный годъ, то онъ его переноситъ относительно легко и снова веселъ и безпеченъ, никогда чисто по христіански не думая о томъ, что будетъ завтра. Особенной же потребности въ изобрѣтеніяхъ западно-европейской культуры онъ не чувствуетъ и во всякомъ случаѣ она у него не настолько велика, чтобы могла его заставить работать въ «потѣ лица своего». Никакая философія, никакія религіи и никакіе относительно высокіе гонорары, не могутъ ихъ заставить жертвовать своей свободой и обычаями. И пришлось потому владѣльцамъ африканскихъ помѣстій обратиться за помощью къ островамъ Ява и Суматра, къ Аравіи, Абиссиніи, Индіи и Китаю *).

Что же въ самомъ дѣлѣ дѣлать, когда бѣлыя, желтокожія и краснокожія рабочія руки въ тропическихъ странахъ не подходящи и не живутъ, чернокожіи—работа противна, а тщетность надеждъ на перевоспитаніе негровъ, будь то своимъ примѣромъ, христіанскимъ ученіемъ или вообще либеральнымъ съ ними обращеніемъ, доказала Либерія, негритянская республика въ Америкѣ. И если даже сдѣлать предположеніе, что послѣдними методами и можно было бы достигнуть желанныхъ результатовъ, то это было бы лишь въ очень отдаленномъ будущемъ, «капиталъ же не можетъ ждать вѣкового медленнаго прогрессивнаго развитія чернокожаго; и если онъ не хочетъ подписать себѣ смертный приговоръ, то вынужденъ объявить ему, т.-е. чернокожему, войну» **). «Сердоболье по отношенію къ туземцу, это жестокосердіе по отношенію къ бѣлому,—пишетъ d-r Dore въ своей книгѣ о «Südwestafrik'a»,—единственное средство противъ негритянской лѣни, это—нагайка,—доказывается въ статьѣ «Zur Arbeit in Kamerun», помѣщенной въ № 3 журнала *Koloniale Zeitschrift* за 1902 г.—Если туземецъ не хочетъ насъ слушаться, то мы должны прибѣгнуть къ силѣ. Онъ обязанъ подчиниться современнымъ требованіямъ жизни, въ противномъ случаѣ онъ долженъ исчезнуть съ лица земли» ***). «Въ пловѣ негра должно создать неразрывный nexus idearum между нарушеніемъ контракта и нагайкой, чтобы сдѣлать его съ теченіемъ времени способнымъ къ абстрактному пониманію всеобщаго нѣмецкаго уложенія о наказаніи» ****). Словомъ, нѣмецкіе колоніальныя власти

*) См. *Koloniale Zeitschrift*, 1902 г., № 12.

**) См. *Koloniale Zeitschrift*, № 3, 1902 г.

***) См. *Koloniale Zeitschrift*, 1904 г.

****) См. *Karl Peters*: „Das Deutsch Ostafrikanische Schutzgebiet“.

тики хотѣтъ возродить времена испанской, португальской и болѣе поздней колонизаціонной дѣятельности французовъ въ Алжирѣ; времена Колумба, всегда съ собой возившаго собакъ, которыми травилъ открытые имъ народы, и воспѣтаго поэзіей Васко де-Гамма, которому ничего не стоило брести за борть десятками взятыхъ имъ въ плѣнъ туземцевъ *); времена испанскаго капитана Velasques, котораго въ 1511 году, при колонизаціи острова Куба, пойманный имъ вожакъ одного изъ жившихъ на островѣ племенъ и приговоренный капитаномъ къ смертной казни, на его вопросъ: хочеть ли онъ передъ смертью принять христіанство, чтобы попасть на небо, въ свою очередь спросилъ: имѣются ли тамъ испанцы, и получивъ утвердительный отвѣтъ, предпочелъ остаться въ аду; времена генерала Vagœud, платившаго по 6 франковъ за пару ушей и по 10 за голову коренного алжирца; и полковника Pellissier, загнаваго въ пещеру, въ 1845 г., 1,000 алжирскихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей и обложившаго входъ въ нее кострами, дымомъ которыхъ безсердечно задушилъ свои жертвы. И хотя этому варвару Карлъ Петерсъ, стрѣлявшій по неграмъ, спасавшимся отъ его преслѣдованій на деревьяхъ, какъ по воробьямъ, въ безсердечіи нисколько не уступалъ, тѣмъ не менѣе онъ, какъ человѣкъ, умѣющій разбираться въ душѣ современнаго капитализма, понялъ, что однѣми жестокостями африканскаго рабочаго вопроса не рѣшится и что желанное ему рѣшеніе можетъ быть дано лишь всею Европой, которой и предложилъ ни больше ни меньше, какъ юридическое возстановленіе рабовладѣльчества въ Африкѣ. Проектъ его не сложенъ и заключается въ слѣдующемъ: Европа вводитъ въ Африкѣ институтъ принудительныхъ работъ; правительства объявляютъ себя владѣльцами всѣхъ негровъ въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ, которыхъ отдають въ наймы плантаторамъ и хозяевамъ разнаго рода копій по 6 или 15 марокъ въ мѣсяць; а налогами на заработки негровъ покрываютъ расходы по управленію колоній, избавляя отъ этой обязанности европейскаго плательщика податей и получая одновременно съ этимъ возможность пониженія колониальныхъ ввозныхъ пошлинъ. Одинадцатичасовой рабочій день и 300 таянхъ въ году, дасть плантатору, колонисту и владѣльцу копій постояннаго и дешеваго рабочаго, а негръ постепенно превратится изъ «вора и лѣнтяя» въ полезнаго члена общества **).

Другой проектъ рѣшенія того же вопроса былъ представленъ на столбахъ берлинской *Finanzchronik* за 1901 годъ Ludwig'омъ Deuss'омъ, предлагавшимъ обязать всякаго негра представить по первому требованію начальства доказательство въ томъ, что онъ въ теченіе года работалъ четыре мѣсяца на одной изъ плантацій, или дѣлалъ къ этому серьезныя попытки. Въ случаѣ же онъ подобнаго свидѣтельства представить не могъ

*) См. книгу извѣстнаго географа и историка *Oskar Peschel*: „Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen“.

**) См. *Karl Peters*: „Organisation der afr. Arbeit“. *Kol. Zeitschrift*, № 10, 1901 г. *Bio nec*: „Das Deutsch-Ostafrikanische Schutzgebiet“.

бы, то оштрафовать его за каждый пропущенный мѣсяць двумя гурі или 6-ю недѣлями работы.

Третье рѣшеніе придумалъ G. Meineske, нашедшій цѣлесообразнымъ принужденіе туземцевъ государствомъ къ разведенію въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ, хорошо имъ знакомыхъ культурныхъ растений, скупаемыхъ правительствомъ и продающимъ ихъ, конечно, тѣмъ же плантаторамъ. Другого характера планъ графа Пфейли, который видитъ выходъ въ поддержкѣ болѣе сильныхъ племенъ въ борьбѣ ихъ съ болѣе слабыми, чтобы черезъ ихъ посредство получить наибольшую возможность распорядиться подпавшими подъ ихъ власть племенами, т.-е. сдѣлать для нѣкоторыхъ племенъ рабство доходной статьей. Kolonialrath, официальное учрежденіе, состоящій при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, принялъ 23 іюня слѣдующее рѣшеніе: «настоятельно рекомендуемъ правительству оказывать всяческое содѣйствіе (какое, читатель, конечно, догадывается) плантаторамъ при ихъ розыскахъ рабочихъ рукъ въ Африкѣ... Рекомендуемъ организацію съ этой цѣлью военныхъ экспедицій и устройства сборныхъ пунктовъ (Sammelplätze, не хотѣлъ ли Kolonialrath сказать, рабовладельческіе рынки) на которыхъ плантаторамъ легче было бы вербовать себѣ рабочихъ и т. д.» **)

Когда же всѣхъ, пишущихъ эти и имъ подобные проекты, упрекали въ рабовладельческихъ замашкахъ, они хладнокровно отвѣчали: либо Германія хочетъ владѣть африканскими колоніями и тогда она должна бросить всякую мысль о примѣненіи европейской морали къ неграмъ, либо же навсегда отказаться отъ Африки и, нѣмецкій колониальный конгрессъ 1902 года выражаетъ пожеланія скорѣйшаго приобщенія негра къ регулярному труду въ колоніяхъ.

Однако, требованіе нѣмцевъ относительно рабовладѣльчества въ Африкѣ собственно больше теоретическаго характера; они требуютъ лишь бумажнаго узаконенія невольничества, на самомъ дѣлѣ въ нѣмецкихъ колоніяхъ уже введеннаго. Трудно, конечно, прослѣдить все то, что нѣмцами дѣлается въ этомъ смыслѣ, ибо, по вполне понятнымъ причинамъ, соответствующіе факты держатся въ строжайшемъ секретѣ. Тѣмъ не менѣе кое-что на этотъ счетъ уже успѣло сдѣлаться общеизвѣстнымъ.

При взятіи Kuironga, главнаго города племени Wahahe, нѣмецкіе солдаты захватили вмѣстѣ со скотомъ и порохомъ еще и 1,500 человекъ, о судьбѣ которыхъ какъ и о цѣли захвата депутатъ Бебель тщетно запрашивалъ нѣмецкое правительство, затруднившееся дать ему и всему парламенту ясный отвѣтъ ***). Опустя годъ тотъ же Бебель процитировалъ въ рейхстагѣ на засѣданіи отъ 16 марта 1896 года слѣдующія очень любопытныя строки изъ статьи, помѣщенной въ журналъ *Christliche Welt*,

*) См. *Koloniale Zeitschrift*. №№ 16, 17, 18, 1901 г.

**) См. *Koloniales Jahrbuch u. Jahrgang „Die Kolonialpolitik und der kolonialrath“*.

***) См. „*Stenog. Berichte* 64 Sitzung“ 12 марта 1895 года.

органъ нѣмецкихъ миссіонеровъ, хорошо освѣдомленныхъ на счетъ порядковъ въ колоніяхъ: «это фактъ, что въ нѣмецкой «Восточной Африкѣ» процвѣтаетъ торговля рабами, вывозимыми черезъ нѣмецкую береговую гаваню въ Ретва и Занзибаръ, ежегодно въ количествѣ отъ 5,000 до 10,000 человекъ; и что служащіе въ нѣмецкихъ колоніяхъ для удовлетворенія своихъ животныхъ похотей дѣлаютъ негрятянокъ своими рабынями, которыхъ при отъѣздѣ передаютъ другимъ». Впрочемъ, миссіонерамъ въ Африкѣ и незначѣмъ особенно этимъ возмущаться, такъ какъ сами владѣютъ изряднымъ количествомъ рабовъ, часть которыхъ была отнята у торгующихъ рабами и «подарена» имъ нѣмцами и англійскими офицерами, получавшими во время Занзибарской блокады за каждаго освобожденнаго раба и пойманнаго араба-рабовладѣльца довольно большія преміи.

Въ годовомъ отчетѣ 1898—99 года округа Westusambaga проскользнуло небезынтересное извѣстіе, что мѣстное начальство приходитъ на помощь плантаторамъ въ ихъ поискахъ за рабочими тѣмъ, что раздѣлило между ними весь округъ, обязавъ каждый изъ полученныхъ ими участковъ ежегодно доставлять плантаторамъ по опредѣленному количеству рабочихъ рукъ; извѣстіе, вызвавшее справедливое замѣчаніе D-r Fried. Martin'a *) «лучше рабства». То же самое имѣетъ мѣсто и на островѣ Самоа, гдѣ нѣмецкое «Handels und Plantagen Gesellschaft» приобрѣло для себя исключительное право вывозить рабочихъ съ Salomons'скихъ и другихъ острововъ, а мѣстное начальство изъявило согласіе взять на себя ихъ доставку и отдавать ихъ плантаторамъ въ наемъ «по своей собственной цѣнѣ». Такое рѣшеніе Самоанскаго рабочаго вопроса до того понравилось нѣмецкому правительству, что оно въ 1902 году отпустило самоанскому губернатору 15,000 марокъ для розыска и доставки рабочихъ тамошнимъ плантаторамъ **). И камерунскій губернаторъ не равнодушенъ къ судьбѣ плантаторскихъ капиталовъ, которымъ спѣшить на помощь тѣмъ, что лишились не мѣстныхъ плантаторовъ права вывозить рабочихъ изъ Камерун'а и запретилъ уроженцамъ острова выселяться изъ своей родины безъ его личнаго на это разрѣшеніе, надѣясь этими средствами, хотя бы отчасти, удовлетворить мѣстному спросу на рабочія руки ***). Для пополненія же недостающаго количества рабочихъ въ камерунскихъ кругахъ обсуждаются и затѣмъ приводятся въ исполненіе планы военныхъ нападеній на густо заселенные рѣчные округа, съ цѣлью плѣненія ихъ жителей и отдачи ихъ, по призыву португальскаго губернатора относительно плантацій какао на островѣ Вао Потошѣ, камерунскимъ начальствомъ въ наймы плантаторамъ на 5 лѣтъ, но истеченіи коего срока втихомолку возобновляются контракты на новое пятилѣтіе ****).

*) См. D-r Fried. Martin: „Unsere Kolonien“. München.

**) См. „Бюджетъ Самоанской колоніи за 1902 г.“.

***) См. статью „Die Entwicklung des Kameran-Schutzgebietes unter der Deutschen Schutzherchaft“ въ *Beiträge zur Kolonialpolitik* 1902 г. или *Koloniale Zeitschrift* № 6, 1902 г.

****) Тамъ же.

«Въ началѣ декабря 1898 года, — пишетъ V. Carnar въ статьѣ «*Perle unserer Kolonien*», — императорскіе камерунскіе солдаты предприняли походъ на племена, расположенныя въ пустынныхъ мѣстностяхъ Камеруна, причѣмъ начальнику отряда, майору von Komptz, было отдано съ стороны губернатора приказаніе, въ случаѣ счастливаго исхода экспедиціи брать съ каждаго изъ князьковъ, въ видѣ военной контрибуціи, негра въ качествѣ рабочиыхъ для плантаціи. Подобныя приказанія отдавались другимъ камерунскимъ властью имущимъ, изъ которыхъ однимъ, а именно начальнику станціи Rio del Bay, Robsberg неоднократно присылались для плантаціи большія количества негровъ». Это подтверждаетъ и J. Бушшупфъ въ 3 № *Deutsche Kolonialzeitung* за 1900 годъ: «Въ Камерунѣ и Того при всякой военной экспедиціи, мѣста, подвергающіяся нападенію сжигаются дотла, а жители ихъ уводятся на внутренніе рабовладѣльчскіе рынки». Закончимъ характеристику нѣмцевъ какъ рабовладѣльцевъ раг Excellence еще однимъ фактомъ. Въ февралѣ 1891 года было въ *Kolonialzeitung*, газетѣ прусскихъ аграріевъ, помѣщена нѣмецкии путешественникомъ Краусе статья о походахъ Гамбургскаго торговаго дома Walter Brohm, агентъ котораго нѣкій Richter, какъ оказалось, регулярно вывозилъ изъ Алоуеуа рабовъ. Неопровержимымъ доказательствомъ этому служила найденная офицерами, при вступленіи въ ту мѣстность нѣмецкаго отряда бумага короля и квитанціи, въ которыхъ упомянутый Richter расписался въ полученіи рабовъ въ обмѣнъ на старыя ружья стоимостью въ 400 фунтовъ стерлинговъ. А впоследствии обнаружилось, что тотъ же торговый домъ снабжалъ государство Конго, или вѣрнѣе компанію, строившую тамъ желѣзную дорогу, рабочими по 20 ш. за человѣка. Въ июлѣ того же года было въ другой газетѣ въ *Hamburger Echo* напечатано письмо очевидца видѣвшаго своими собственными глазами загнанныхъ въ небольшое пространство, длиною въ 25 и шириною въ 6 метровъ, 200 мужчинъ и женщинъ, прикованныхъ цѣпями другъ къ другу. Это были рабы, которые торговый домъ Walter и Brohm отправлялъ въ Конго.

Начиная эру, нынѣ называемой колониальной политикой, Португалия или точнѣе Infante Dom Henrique, сынъ короля Иоао I, имѣла въ виду исключительно обогащеніе короля, дворянства и духовенства. Начавъ свое рабство, португальцы покинули этотъ способъ наживы, какъ только открыты были залежи золота и серебра Америки и торговля восточными дѣйствителными пряными кореньями обѣщала гораздо большіе доходы; португальскіе короли, всегдашніе начальники морскаго разбойничества, превратились тогда въ первыхъ купцовъ, на собственныхъ корабляхъ которыхъ привозились въ Лиссабонъ упомянутые коренья, гдѣ нормировались и оттуда затѣмъ развозились по всему свѣту.

Безпощадно эксплуатируя колоніи, португальскія правящія сферы были богатыми, чтобы къ концу 1622 года значительно умалить доходы, наприкиривъ индѣйскихъ владѣній и сдѣлать ихъ къ началу XVIII вѣка равными нулю.

Съ опредѣленнаго историческаго момента государственная казна Португаліи начала постепенно бѣднѣть, доходы королей и дворянства все болѣе сокращаться, массы же болѣе дѣловитаго и менѣе расточительнаго ховенства все болѣе пополняться. Съ тѣхъ поръ Португалія покатилась швъ съ высоты своего колониальнаго величія, а въ настоящій моментъ ца радешька и совсѣмъ отдѣлаться отъ оставшихся у нея колониальныхъ владѣній. Таковую исторію въ точности продѣлала и Испанская колониальная политика, вмѣстѣ съ Португальской образующая рѣзкую противоположность съ колониальной политикой Англій и Голландіи, гдѣ нюврами этого движенія была буржуазія, какъ разъ въ это время начавшая вою успешную борьбу съ феодальнымъ строемъ. Здѣсь буржуазія сумѣла гстоять свои новыя колониальныя богатства, служація ей и по сей день сточникомъ большихъ доходовъ, и всякій разъ ихъ стойко защищала отъ шаденія со стороны не только духовенства и дворянства, но даже и гударства, которому ихъ подчинила лишь послѣ того, какъ почувствовала бя у коринна правленія. Нѣчто среднее между испанско-португальской англо-голландской колониальной политикой есть характеристика начала того движенія во Франціи. Въ каковому же типу колониальной политики ринадежить нѣмецкая, покажетъ дальнѣйшее изложеніе ея исторіи.

Нѣмецкая буржуазія готова помѣщать свои капиталы повсюду, лишь олько не въ отечественныхъ колоніяхъ. Она охотно строитъ желѣзныя ороги въ Румыніи, Турціи и на островѣ Явѣ, охотно ссужаетъ деньгами рецію, Португалію и Аргентину, несмотря, даже на то что теряла въ стихъ странахъ, платящихъ большіе проценты, много сотенъ милліоновъ парокъ и стоитъ ей только пронюхать, что республика Чили задумала обавестись трамваемъ и электрическимъ освѣщеніемъ, какъ въ нигъ ей нѣтецкими банкирами предлагаются 20.000,000 марокъ. Она успешно добивается концессіи на постройку анатолійской, венецуэльской, багдадской и желѣзной дороги въ провинціи Schantung; когда же ее просятъ построить акую же дорогу въ Deutsch Ostafrik'ѣ, то она соглашается для начала нести рядомъ съ правительствомъ и обществомъ того же имени 100,000 парокъ, но при условіи гарантіи 3% дохода съ капитала, имѣющаго быть отраченнымъ на постройку упомянутой дороги, отъ каковой сдѣлки скорѣ и совсѣмъ отказывается, охотно теряя при этомъ внесенную уже о сумму.

Насколько нѣмецкіе финансисты опрометчивы при помѣщеніи своихъ капиталовъ въ Аргентинѣ, Португаліи и т. д., настолько они осторожны и предусмотрительны, когда рѣчь заходитъ о собственныхъ колоніяхъ. Въ оединенныхъ Штатахъ нѣмецкая буржуазія пристроила 476.000,000 долларовъ, въ Азіи 100.000,000 дол., а въ Индіи, не считая ея участія въ государственныхъ займахъ, отъ 22.000,000 до 25.000,000 дол. *). Изъ 3,000 милл. марокъ, помѣщенныхъ въ трансваальскихъ копяхъ, было въ

*) Beiträge zur Kolonial politik und Kolonial wirtschaft. Bd. I., 1899—1900.

1899 году нѣмецкихъ 900, а изъ 17.000,000 мар., помѣщенныя въ Явайскихъ золотыхъ приискахъ, $\frac{1}{2}$ часть принадлежала нѣмцамъ. На островѣ Суматра, въ голландской колоніи, нѣмцы считаютъ своей собственностью 9 табачныхъ плантацій, стоимостью отъ 40.000,000—56.000,000 мар., а въ Рабембергѣ 6 плантацій кофе, площадью въ 8,520 га и 10,055 м. И не въ нѣмецкихъ колоніяхъ, а въ средней и южной Америкѣ заводятъ себѣ плантаціи гамбургскіе и бременскіе торговые дома.

Неудивительно поэтому, что нѣмецкіе колоніальные политики нахватавъ рукой на отечественныхъ банкировъ и перенесли свое вниманіе на мелкую буржуазію, для законнаго обирания которой былъ выработанъ проектъ колониальнаго банка, долженствующаго самостоятельно создавать всевозможныя колониальныя предпріятія и играть посредническую роль какъ между уже существующими, или могущими возникнуть, такъ и гешефтами, желавшими пытать свое счастье въ тропическихъ странахъ. Необходимое условіе возможности такого учрежденія, т.-е. вовлеченія мелкой буржуазіи въ колониальную политику, это измѣненіе нѣмецкихъ законовъ о биржѣ, допускающихъ акціи съ наименьшей стоимостью въ 1,000 марокъ.

Поэтому-то одни изъ сторонниковъ проекта требовали разрѣшенія законодательствомъ, по примѣру Франціи и Бельгіи, акцій въ 100 марокъ, а другіе, по примѣру Англіи, въ 20 марокъ. Противники же не безъ основанія возражали, что хотя двадцатимарковыя акціи и расширятъ кругъ участвующихъ въ колониальной политикѣ и сдѣлаютъ возможныя потери менѣе чувствительными, но сама колониальная политика отъ этого нисколько не выиграетъ. И правда, двадцатимарковыя акціи сдѣлались бы предметомъ азартной биржевой игры и при нѣмецкихъ, построенныхъ на пескѣ и ежедневно рискующихъ прекратить свое существованіе колоніяхъ, въ которыхъ къ тому еще чуть ли не ежемѣсячно открываются небывалыя залежи минеральныхъ богатствъ, чтобы завтра же оказаться нѣмыми пузырями, опытнымъ биржевымъ игрокамъ безъ особаго труда умывалось бы создавать такія обстановки, при которыхъ они обогащались бы насчетъ массы и перенесли бы всю колониальную политику Германіи въ Африку на берлинскую биржу. Въмѣсто этого, съ точки зрѣнія капитала какъ ни какъ весьма логичнаго проекта, противники предложили и провели въ жизнь другой, не въ обиду будь нѣкоторымъ сказано, чисто бибій проектъ, проектъ укрѣпленія нѣмецкой колониальной политики при помощи, искренне боюсь, что читатель приметъ это за плоскую шутку стороны пишущаго, при помощи лотерей. Какъ будто ужъ обещаніе выигрышей въ 500, 300, 75 тысячъ и т. д. не тоже надувательство массъ. Право на устройство этой поистинѣ неподобной лотереи было дано прѣвѣтельствомъ въ 1898 году «нѣмецкому колониальному обществу» в *Flaivergein*, заботящемуся о женщинахъ и дѣвушкахъ, переселяющихся въ Африку, при условіи, что распредѣленіе суммъ, получаемыхъ съ лотереи будетъ дѣлаться также съ согласія колониальнаго департамента. Въ отчетѣ колон. общ. за 1899 годъ официально заявлялось, что остатокъ изъ соб-

раннаго имъ капитала только съ лотереи, будетъ въ 1903 г. равняться $1\frac{1}{2}$ милл. марокъ, таковой же Frauenein'a равнялся уже въ 1901 г. 800,000 марокъ.

За два года съ 1898 по 1900 г. общество изтратило на колоніи, все изъ тѣхъ же доходовъ, 750,000 мар. И все это насчетъ покупающихъ лотерейные билеты колон. общества, наивно рассчитывающаго такими средствами создать колониальную политику и укрѣпить нѣмецкія колоніи, обнимающія площадь въ 2.601,486 кв. м., т.-е. приблизительно въ пять разъ больше площади метрополи. Укрѣпить и создать для того, чтобы имѣть, по откровеннымъ заявленіямъ графа Каприви, въ общемъ противника нѣмец. колониальнаго движенія, и смѣнившаго его имперскаго канцлера князя Гогенлоу: точку приложенія накопившейся со времени франко-прусской войны національной энергіи и гордости и чтобы при ихъ помощи ту же связать всѣ нѣмецкіе королевства, герцогства и княжества въ одну единственную Германскую Имперію *), отъ имени которой колониал. политика ведется, а значить и усилить власть и престижъ прусскаго короля, какъ императора нѣмецкаго народа. Такихъ же точекъ Германія готова искать повсюду. И не напрасно Вильгельмъ II однажды сказалъ: «я считаю своею главною задачею быть всегда въ поискахъ за новыми мѣстами, въ которыхъ мы могли бы приложить свою силу», и этими словами до того наэлектризовалъ нѣкоторыхъ изъ нѣмецкихъ бюргеровъ, что одинъ изъ нихъ, сторонникъ приобрѣтенія колоній, въ яркихъ краскахъ описывалъ, рассказывалъ депутатъ Рихтеръ въ рейхстагѣ, какъ онъ просыпаясь жадно набрасывается на газеты, чтобы узнать не поднятъ ли опять нѣмецкій штандартъ въ какомъ-нибудь новомъ мѣстѣ. «Если англичанамъ позволительно мечтать о Greater Britian, французамъ о Nouvelle France, а русскимъ укрѣпляться въ Азіи, то и мы имѣемъ нравственное право требовать для себя, ein grösseres Deutschland», почему и необходимо усилить военный флотъ, необходимый для защиты нѣмецкихъ колоній,—говоритъ графъ Бюловъ **), переставившій лишь слова, еще при началѣ колониальной политики сказанныя извѣстнымъ консерваторомъ Кардофомъ. «Я считаю,—говорилъ послѣдній въ 1888 г. въ рейхстагѣ ***),—колониальныя приобрѣтенія потому очень важными, что они тѣсно связаны съ судьбой нашего флота и радуюсь имъ лишь какъ причинѣ его увеличенія». Посему-то нѣмецкой колониальной политикой и интересуются и ведутъ въ ея пользу сильную агитацію больше офицеры и чиновники, чѣмъ купцы и банкиры. «Нѣмецкое колониальное общество», насчитывающее 32,000 членовъ и еженедѣльно распространяющее 40,000 экземпляровъ своего журнала, состоитъ, за ничтожнѣйшимъ исключеніемъ, изъ герцоговъ, князей, графовъ, бароновъ, генераловъ, полковниковъ, майоровъ и лейтенан-

*) См. „Stenog. Berichte“ 3 Sitzung, 1894 г.

***) См. „Stenog. Berichte“ 119 Sitzung 11 декабря 1899 г.

****) См. „Stenogr. Berichte“ 15 Sitzung, 14 december 1888 г.

товъ въ запасъ и отставкѣ; экс-министровъ, тайныхъ и дѣйствительно тайныхъ совѣтниковъ, всевозможныхъ Rath'овъ и ассессоровъ, но только не изъ представителей буржуазіи и капитала. И кому же лучше знать, какъ не бывшему губернатору «Восточно-африканской колоніи», генералу Либерту, жаловавшемуся въ своемъ рефератѣ «20 лѣт. нѣмец. колон. политикѣ» на то, что ею все еще интересуются лишь «die Voberen Zehutansend». А между тѣмъ онъ самъ всячески этому способствуетъ и, слѣдуя учению графа Баприви, смотрѣвшаго между прочимъ на колоніи, какъ и на мѣсто маневровъ съ штурмованіемъ и сжиганіемъ деревень, взятіемъ въ плѣнъ и разстрѣливаніемъ непріятелей не въ шутку, а въ серьезъ покрылъ, ввѣренную ему африканскую губернію, копируя французскаго генерала Gallieni, губернатора Мадагаскара, сѣтью военныхъ станцій, откуда молодые лейтенанты, упражняющіеся въ военномъ искусствѣ, безъ нужды предпринимаютъ походы на негровъ, получая за всякую сожженую деревню, кресты и ордена. Военное дѣло въ Африкѣ до того увлекаетъ нѣмецкихъ офицеровъ, что они объявляютъ неграмъ войны, даже не справляясь съ колониальнымъ департаментомъ, а получая на нихъ разрѣшеніе прямо отъ императора, какъ это дѣлалъ черезъ посредство Баприви полковникъ von Schele. Генералы и полковники, назначаемые въ губернаторы нѣмецкихъ колоній, отдали ихъ въ полнѣйшее распоряженіе прусскихъ солдатъ, не знающимъ въ Африкѣ границъ своимъ жестокостямъ и беззаконіямъ, всегда служащими главными причинами никогда не прекращающихся возстаній въ нѣмецкихъ колоніяхъ. Не менѣе важнымъ основаніемъ недовольства Südwestafrika'нцевъ нѣмцами служили и чисто солдатскія рѣшенія тамошнихъ поземельныхъ вопросовъ. Негеро, коренные жители Südwestafrik'i, занимаются исключительно скотоводствомъ, для чего имъ необходимо большое количество земли, по вычисленіямъ самихъ же нѣмцевъ минимумъ 200,000 га. Однако германское правительство указомъ отъ 13 февраля 1903 года оставило имъ всего 72,000 га, отдавъ остальную землю въ распоряженіе нѣмецкихъ фермеровъ, слушаясь, очевидно, при этомъ совѣтовъ «Deutsch-Südwestafrika-Zeitung», писавшей въ январѣ 20 числа и июнѣ (въ № 22) 1902 года: «переходъ земли изъ рукъ туземцевъ въ руки бѣлыхъ отвѣчаетъ лишь нашимъ колонизаторскимъ задачамъ, и «чѣмъ скорѣе это будетъ, тѣмъ лучше», и совѣтовъ берлинскаго журнала *Koloniale Zeitschrift*, писавшаго въ августѣ 1902 г. (276 стр.): «правительство должно себѣ поставить задачей лишить туземцевъ нѣкоторой свободы и права на землю». Эти газеты и журналы повторяютъ вмѣстѣ съ нѣмецкимъ правительствомъ лишь «теоретически обоснованные» взгляды профессора Барла фонъ-Штенгеля, неоднократно напоминавшаго нѣмцамъ, что и испанцы и португальцы, англичане и французы объявляли земли туземцевъ государственною или собственностью короны и что у большинства туземцевъ вообще отсутствуетъ понятіе о частной собственности, почему и незачѣмъ при ихъ обираниіи руководствоваться этимъ, у себя дома очень оберегаемымъ ученіемъ; а тѣмъ болѣе когда рѣчь идетъ о насажденіи западно-

европейской культуры въ Африкѣ *). Что-жъ удивительнаго, когда готтентоты, которыхъ въ рейхстагѣ даже такое официальное лицо, какъ директоръ колониальнаго департамента v. Stübel, характеризовалъ «джентльменами, никогда не нападающими на женщинъ и дѣтей, питающими отвращенія къ напрасному кровопролитію и имѣющими въ своихъ суевѣрныхъ взглядахъ много христіанскаго, теперь озвѣрѣли и беспощадно истязать нѣмцамъ въ Südwestafrik'ъ за нанесенныя имъ обиды въ теченіе 20-лѣтней нѣмецкой колонизаторской дѣятельности и за безстыднѣйшія обворовыванія со стороны нѣмецкихъ мелкихъ торгашей, съ револьверомъ въ рукахъ навязывающихъ готтентотамъ свои побрякушки «въ кредитъ» на суммы въ 20 и 50,000 марокъ, пользуясь непониманіемъ готтентотовъ этого «культурнаго» слова, чтобы однако на завтра явиться за получкой, отбирая у нихъ за имѣющіяся налицо и совсѣмъ неупотребленныя вещи ихъ коровъ, козъ и быковъ *).

Итакъ, колоніи должны служить Германіи, какъ въ свое время служили третьей французской республикѣ, предметомъ отвлеченія вниманія нѣмецкаго народа отъ внутреннихъ порядковъ своего отечества (Бисмаркъ и министръ Richthofen, настойчиво подчеркивавшій на колониальномъ конгрессѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Берлинѣ въ 1902 году, значить наканунѣ выборовъ въ рейхстагъ, необходимость сдѣлать центромъ избирательной агитаціи колониальную политику), средствомъ укрѣпленія германскаго единства и усиленія власти германскаго императора; причиной увеличенія нѣмецкаго флота и усиленія нѣмецкой арміи; мѣстомъ военныхъ упражненій, необходимыхъ для развитія боевого духа въ нѣмецкихъ солдатахъ и офицерахъ (имперскій канцлеръ Каприви); громоотводомъ «накопившейся энергіи въ нѣмецкомъ народѣ» и предметомъ удовлетворенія національной гордости (имперскій канцлеръ Гогенлоу), требующей расширенія отечественныхъ предѣловъ и непрерывнаго роста вліянія Германіи на ходъ мировой политики (Вильгельмъ II, канцлеръ v. Буловъ); источникомъ дохода сыновей нѣмецкаго дворянства, средствомъ обогащенія духовенства и мѣстомъ для распространенія подъ покровительствомъ правительства христіанскаго ученія (центръ) и, наконецъ, владѣніями, которыми Германія могла бы расплачиваться въ случаѣ, упаси Господи, военнаго или дипломатическаго пораженія или же ихъ при случаѣ обмѣнивать на болѣе выгодныя мѣста.

Нѣмецкая колониальная политика, значить, ближе всего къ типу португальской.

Когда мы дописывали эту статью мы не думали, что франко-нѣмецкій конфликтъ изъ-за Марокко достигнетъ своего теперешняго развитія; хотя

*) См. Его „Herrenloses Land in den Deutschen Schutzgebieten“ Koloniales Jahrbuch 1894—95 гг.

*) См. статью нѣкоего Р. „Die Ursachen des Herrero-Aufstandes“. Fr. Zeitung 11 февраля 1904 г.

неоднократно себя спрашивали: неужели Вильгельмъ II такъ-таки и не воспользуется русско-японской войной и не потребуетъ вознагражденія за свое «корректное» поведеніе во время всего манчжурскаго кровопролитія. И не ошиблись. Нѣмецкая буржуазія и ея первый и лучший адвокатъ Вильгельмъ II измѣнили бы тактикѣ дипломатіи, если бы не использовали въ своихъ интересахъ послѣдней кровавой стычки.

Но развитіе нѣмецко-мароккскихъ и франко-нѣмецко-мароккскихъ отношеній ничего новаго къ исторіи германской колониальной политики прибавить не могутъ; если не считать, что предъявленные Германіей требованія на Марокко, съ точки зрѣнія реальности и успѣшности ее колониальной политики, лучшее изъ всего того, что она до сихъ поръ въ этомъ смыслѣ сдѣлала.

Болѣе благоразумные руководители нѣмецкой колониальной политики давно уже успѣли придти къ заключенію, что всѣ до сихъ поръ приобретенныя нѣмецкой имперіей колоніи ничего не стоятъ; что потраченные на нихъ капиталы безвозвратно потеряны и что единственный благоразумный отвѣтъ на вопросъ, гдѣ достать новые рынки—это, послѣ того какъ всѣ лучшія мѣста земнаго шара давно уже разобраны, открыть доступъ своимъ товарамъ въ чужіе колоніи и путемъ успѣшной конкуренціи и дипломатическихъ подвоховъ укрѣпить въ нихъ свое экономическое, а при случаѣ и политическое преобладаніе. Такой тактики Германія держится, съ довольно большимъ успѣхомъ, по отношенію къ великобританскимъ колоніямъ, что и было одной изъ причинъ англійскаго империализма и въ странахъ южной Америки. Такую же тактику она преслѣдуетъ и теперь, когда употребляетъ всѣ свои усилія на то, чтобы заставить Англію, Испанію и Францію признать за ней право голоса въ мароккскомъ вопросѣ.

Марокко обильна минеральными богатствами и берлинское «*Discoutogesellschaft*» давно уже добивается тамъ права на разработку желѣзной руды; Марокко пригодна по изслѣдованію марбургскаго профессора Фишера къ переселенію туда нѣмцевъ, ежегодно увеличивающихъ народонаселеніе своего отечества приблизительно на 900,000 человекъ. На западномъ прѣбрежьи Марокко Германія можетъ устроить нѣсколько ей очень необходимыхъ угольныхъ станцій, арсеналовъ и доковъ, нужныхъ ей для починки, въ случаѣ надобности, своихъ военныхъ кораблей. Въ Марокко западноевропейскіе капиталисты еще не успѣли развернуться. Тамъ нѣмецкіе финансисты могутъ строить шоссе и желѣзныя дороги и тамъ имъ открыто широкое поле для приложенія во всевозможныхъ предпріятіяхъ своихъ капиталовъ.

Вотъ почему во всѣхъ нѣмецкихъ колониальныхъ фрейнахъ, на съѣздахъ и собраніяхъ такъ называемыхъ всенѣмцевъ (*Alldeutsche*) и во всей буржуазной прессѣ такъ горячо дебатировался вопросъ на тему: «*Marokko verloren?*» И ненапрасно значить *Vilhoird*, французскій посолъ въ Берлинѣ, считаетъ важнымъ и нужнымъ извѣстить своего шефа министра *Delcassé* объ этомъ движеніи и о выраженныхъ на одно изъ подобныхъ съѣз-

довъ желаніяхъ заполучить для Германіи въ Марокко двѣ провинціи *). А что берлинскій кабинетъ раздѣляетъ взгляды нѣмецкихъ колониальныхъ политиковъ, Bihoud подтверждаетъ тѣмъ, что князь Бюловъ ему «улыбаясь замѣтилъ, что то, что Германія могла бы сдѣлать (по мароккскому вопросу, конечно) въ прошломъ году (т.-е. до русско-японской войны) она уже теперь сдѣлать не можетъ».

Франція же съ Марокко давно уже знакома. Она ему занимаетъ деньги; успѣшно съ нимъ ведетъ торговлю и всячески старается возстановить въ Марокко порядокъ, гдѣ между теперешнимъ султаномъ и претендентомъ на мароккскій тронъ идетъ кровавая борьба, нарушающая спокойствіе во французскомъ Алжирѣ. Поэтому-то лѣтомъ 1903 года французское правительство стало постепенно пододвигать свои алжирскія войска къ мароккскимъ границамъ, чтобы въ подходящий себѣ моментъ ворваться вовнутрь страны и подъ благовиднымъ предлогомъ объявить свой протекторатъ надъ Марокко. Зачинщикомъ этого плана былъ генераль О'Сонпог; сдѣлала же осуществленіе его замысловъ невозможнымъ социалистическая фракція во французскомъ парламентѣ. О'Сонпог былъ отозванъ. Но зато парламентъ разрѣшилъ французскому правительству продолжить алжирскую желѣзную дорогу до мароккской границы, а отсюда при первой возможности довести ее до самаго Танжера, столицы Марокко.

Въ промежуткѣ загорѣлась русско-японская война. И Англія, и Франція дали себѣ слово въ нее не вмѣшиваться, поспѣшивъ между собою помириться и прекратить свои старые споры изъ-за политическаго преобладанія и правъ на нѣкоторыя колоніи. По смыслу англо-французскаго договора, подписаннаго 8 апрѣля 1904 года, Великобританія уступила Франціи Марокко и получила право, равно какъ и Испанія, въ теченіе 30 лѣтъ вести съ Марокко торговлю на равныхъ правахъ съ Франціей. Сейчас же послѣ этого договора французскіе капиталисты заняли мароккскому султану деньги, которыми онъ расплатился со своими старыми кредиторами Англіей и Испаніей и сдѣлался единственнымъ должникомъ французской буржуазіи, получившей въ обезпеченіе доходы мароккскихъ портовъ.

Вотъ этимъ-то англо-французскимъ договоромъ Германія осталась очень недовольной, хотя для нея упомянутый 30-лѣтній срокъ и не былъ обязательнымъ. И спустя лишь годъ послѣ заключенія франко-англійскаго соглашения она стала громко выражать свое недовольствіе. 11 февраля 1905 года французскій дипломатическій агентъ въ Танжерѣ извѣстилъ своего министра, что Германія сдѣлала ему официальное сообщеніе черезъ своего консула въ Марокко, что она не будетъ считаться съ франко-англійской сдѣлкой и что она вообще ничего о ней знать не хочетъ. Въ мартѣ же Вильгельмъ II посѣщаетъ Танжеръ, гдѣ въ застольной рѣчи пьетъ за «независимаго султана» и выражаетъ надежду, что «въ свобод-

*) См. желтую книгу, выданную французскимъ правительствомъ по поводу мароккского вопроса.

номъ Марокко» никому не будетъ предоставлено право «захвата» и «исключительныхъ монополій». Какъ только мароккскій султанъ убѣдился, что западно-европейскія государства изъ-за него перессорились, такъ онъ сейчасъ же пересталъ слушаться французскаго и англійскаго правительства, а по совѣту берлинскаго кабинета пригласилъ Европу на конференцію для обсужденія на ней судьбы Марокко. Этому удару французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Delcassé не выдержалъ и палъ. Нѣмецкое же правительство предъявило французскому программу конференціи, категорически заявивъ при этомъ: что въ случаѣ Европа отказалась бы отъ сѣзда по поводу Марокко, то здѣсь все должно остаться по старому и Франціи не мѣшаетъ помнить, что за спиной Марокко стоитъ Германія *).

Сначала правящая Франція сдѣлала видъ, что готова принять вызовъ Германіи, въ чемъ была даже поддержана и буржуазной англійской пресою, хотя правда больше изъ-за политическаго приличія, но скоро замѣтила, что французскій пролетаріатъ ей воевать изъ-за Марокко не позволить. Подъ давленіемъ французскаго и нѣмецкаго пролетаріата и то и другое государство стали дѣлать другъ другу уступки, результатомъ чего и получилась мароккская конференція.

Побѣдительницей въ той или другой степени уѣдетъ изъ Алжезира Германія, обогатившаяся еще однимъ рынкомъ. Вильгельмъ же Второй можетъ напомнить Европѣ свои старыя слова: что безъ него въ міровой политикѣ ничего не можетъ быть ни начато, ни сдѣлано.

Политичесъ.

*) См. Желтую книгу.

Избирательная система и законодательные выборы въ Италіи.

I.

Въ теченіе долгихъ лѣтъ итальянская избирательная система покоилась на старомъ пьемонтскомъ законѣ, опиравшемся почти исключительно на имущественный цензъ. Ревниво охраняемый консерваторами, этотъ законъ держался вплоть до 1882 года, когда представителямъ новыхъ демократическихъ тенденцій удалось, наконецъ, взять верхъ и добиться болѣе широкаго распространенія избирательнаго права, причемъ наряду съ имущественнымъ цензомъ было предоставлено весьма значительное мѣсто образовательному цензу.

Такимъ образомъ, по дѣйствующему въ настоящее время въ Италіи закону, существуютъ двѣ категоріи избирателей: 1) избиратели, права которыхъ основываются на *имущественномъ* цензѣ (elettori per censo),— сюда относятся лица, платящіе ежегодно, по крайней мѣрѣ, 19, 80 лиръ прямыхъ государственныхъ и провинціальныхъ налоговъ, лица, платящіе за земельные участки не менѣе 500 лиръ аренды въ годъ, или поземельный налогъ, по крайней мѣрѣ, въ 80 лиръ, и, наконецъ, лица, платящіе за наемъ помѣщенія для жилища, торговаго или промышленнаго заведенія отъ 150 до 400 лиръ (смотря по многочисленности населенія данной мѣстности); 2) избиратели, права которыхъ опираются на *образовательный* цензъ (elettori per capacità). Минимальное требованіе, предъявляемое къ этимъ избирателямъ, сводится къ успѣшно-пройденнымъ испытаніямъ по программамъ, указаннымъ въ законѣ объ обязательномъ начальномъ образованіи. Избирательный законъ отмѣчаетъ законъ 11 категорій, считающихся равносильными этимъ испытаніямъ: сюда относятся, между прочимъ, лица, состоявшія въ теченіе двухъ лѣтъ на военной службѣ и съ успѣхомъ посѣщавшія полковую школу, и, кромѣ того, всѣ тѣ граждане, которые въ состояніи собственноручно написать, въ присутствіи нотариуса, просьбу о внесеніи ихъ въ избирательные списки *).

*) Къ тому же, всѣ избиратели, къ какой бы категоріи они ни принадлежали, должны умѣть читать и писать,—требованіе это обусловливается существующимъ порядкомъ голосованія: каждый избиратель получаетъ отъ предсѣдателя бюро голосованія избирательный бюллетень, на которомъ онъ долженъ написать имя выбираемаго имъ кандидата.

Изъ общаго числа 2.120,185 законныхъ избирателей, внесенныхъ въ списки передъ выборами 1895 года, 1.635,352, т.-е. 77,13%, были внесены по образовательному цензу и 484,833, т.-е. всего 22,87%, по имущественному.

Отсюда не трудно видѣть, какой радикальный переворотъ долженъ былъ внести въ избирательную систему законъ 1882 года, впервые предоставившій широкое мѣсто образовательному цензу. И дѣйствительно достаточно бросить взглядъ на приводимую нами ниже таблицу, чтобы замѣтить, что этотъ законъ увеличилъ число избирателей болѣе, чѣмъ втрое.

Годы составленія избирательныхъ списковъ.	Населеніе.	Число избирателей.	
		Абсолютное.	На 100 жителей.
1870	26.801,154	530,018	1,98
1874	27.215,771	571,939	2,10
1876	27.547,465	605,007	2,20
1879	28.045,008	621,896	2,22
1882	28.553,990	2.017,829	7,07
1883	28.742,714	2.353,223	8,19
1885	29.120,162	2.420,327	8,31
1889	29.875,058	2.677,051	8,96
1890	30.063,782	2.752,658	9,16
1892	30.441,224	2.934,445	9,64
1895	31.007,399	2.120,185	6,84
1896	31.196,126	2.120,909	6,80
1898	31.573,581	2.247,031	7,12
1899	31.762,130	2.248,509	7,08

Въ самомъ дѣлѣ, тогда какъ до введенія закона 1882 года число избирателей не превышало 621,896, въ 1882 году оно сразу же достигаетъ— 2.017,829 и затѣмъ постоянно увеличивается вплоть до 1892 года, когда оно доходитъ почти до 3 милліоновъ. Но этотъ быстрый и постоянный ростъ избирательнаго корпуса, совершавшійся, главнымъ образомъ, на счетъ интеллигентныхъ элементовъ населенія и усиливавшій политическое вліяніе оппозиціонныхъ партій, не замедлилъ вызвать серьезныя опасенія со стороны правительства. Не стѣснявшееся прибѣгать къ самымъ грубымъ нарушеніямъ закона, правительство короля Гумберта, съ Кристи во главѣ, сумѣло уменьшить число избирателей почти на цѣлый милліонъ. Подъ предлогомъ допущенныхъ будто бы раньше злоупотребленій по составленію избирательныхъ списковъ, Кристи удалось добиться отъ парламента закона о пересмотрѣ этихъ списковъ. Пересмотръ былъ, разумеется, главнымъ образомъ, направленъ противъ избирателей *per capita*. О чрезвычайномъ рвеніи, съ какимъ онъ былъ сдѣланъ, можно судить хотя бы по тому, что изъ числа избирателей оказались исключенными, якобы за отсутствіемъ надлежащаго образовательнаго ценза, нѣкоторые члены судебной магистратуры, журналисты, пользующіеся большою извѣстностью, пи-

сатели и т. п. Въ результатѣ такой безпощадной травли «опасныхъ» элементовъ оказалось, что въ 1897 году число законныхъ избирателей уже было сведено къ 2.120,909.

Въ странахъ, гдѣ дѣло народнаго просвѣщенія организовано очень широко, какъ, напримѣръ, во Франціи, избирательная система въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ въ Италиі, была бы почти равносильна всеобщему избирательному праву, такъ какъ она исключаетъ изъ числа избирателей только безграмотныхъ. Но въ Италиі дѣло обстоитъ совершенно иначе: несмотря на проведенный еще въ 1877 году законъ объ обязательномъ бесплатномъ начальномъ образованіи, число безграмотныхъ еще весьма значительно. Такъ, по официальнымъ даннымъ, приведеннымъ въ избирательной статистикѣ 1900 года, на 100 новобранцевъ приходилось въ среднемъ—37,43 безграмотныхъ, но это процентное отношеніе подвержено весьма значительнымъ колебаніямъ въ различныхъ провинціяхъ, а если въ провинціи Бано оно падаетъ до 9,72%, то во многихъ другихъ провинціяхъ (въ особенности на югѣ) оно превышаетъ 50% (57,14% въ Потенцѣ, 65,56%—въ Кальяри, 67,87%—въ Беневенто!)

Избиратели должны быть не моложе 21 года и пользоваться гражданской и политической правоспособностью. Женщины, какъ политически-неправоспособныя, исключаются изъ права выборовъ. Временно исключаются нижніе военные чины (солдаты и унтеръ-офицеры), пока они состоятъ на дѣйствительной службѣ. Исключаются также, помимо лицъ, временно или навсегда лишенныхъ юридической правоспособности лица, подлежащія уголовному наказанію или исправительному наказанію за такіе проступки какъ мошенничество, кража, подлогъ и т. п. Временному исключенію подлежатъ лица, осужденныя за бродяжество, нищенство, банкротство, а также находящіяся подъ прирѣніемъ для бѣдныхъ. Въ общемъ число избирателей, временно лишенныхъ права голоса, можетъ такимъ образомъ достигать очень значительной величины.

Въ виду весьма крупнаго процента безграмотныхъ среди населенія многихъ провинцій, съ одной стороны, и сейчасъ указанныхъ ограниченій съ другой стороны, процентное отношеніе лицъ, имѣющихъ право голоса, является въ сущности крайне слабымъ. Такъ, напримѣръ, при выборахъ 1900 года общее число избирателей равнялось 2.248,509, а между тѣмъ къ 30 іюня 1899 года населеніе Италиі опредѣлялось въ 31.762,310 человекъ, что даетъ всего 7,08 избирателей на 100 жителей. Если же принять во вниманіе только число мужчинъ свыше 21 года, то процентное отношеніе числа избирателей составитъ—27,91%.

Но еще болѣе достойно замѣчанія то обстоятельство, что далеко не всѣ избиратели пользуются предоставленнымъ имъ правомъ. За періодъ времени отъ 1861 до 1878 года лица, участвовавшія въ законодательныхъ выборахъ, составляли отъ 45,47% до 59,44% общаго числа избирателей. Немедленно по обнародованіи закона 1882 года это отношеніе поднялось до 60,65%, но впоследствии оно снова понизилось и на выборахъ 1900

года не превышало—58,28%. Такимъ образомъ, на болѣе чѣмъ 31-миліонное населеніе фактически участвовали въ выборахъ только 1.310,480 человекъ изъ 2.248,509 избирателей.

Эти цифровыя данныя достаточно показываютъ, насколько итальянская палата депутатовъ еще далеко отъ осуществленія идеи представительства народныхъ интересовъ во всемъ ея объемѣ.

Чѣмъ же объясняется политическій индифферентизмъ, заставляющій воздерживаться отъ участія въ выборахъ чуть ли не половину избирательнаго корпуса? Клерикальные органы печати обыкновенно не безъ гордости подчеркиваютъ этотъ абсентеизмъ, относя всю массу воздерживающихся къ католической партіи, которой «ватиканскій узникъ» вѣнчаетъ въ прямую обязанность систематическое уклоненіе отъ всякаго участія въ политической жизни государства. Но дѣйствительность далеко не соответствуетъ такому оптимистическому представленію клерикаловъ о тѣхъ силахъ, которыми они располагаютъ въ странѣ. Не говоря уже о томъ, что во многихъ избирательныхъ округахъ католики вовсе уже не такъ свято повинуются папскому «*pop ex credit*», необходимо имѣть въ виду цѣлый рядъ другихъ причинъ, благоприятствующихъ индифферентизму избирателей. Съ одной стороны, отсутствіе сколько-нибудь прочныхъ политическихъ традицій и политическаго воспитанія народныхъ массъ даетъ правительству возможность оказывать самое активное давленіе на избирателей и, обезпечивая успѣхъ кандидатовъ, располагающихъ большими денежными средствами и правительственной поддержкой, тѣмъ самымъ удаляетъ отъ избирательныхъ урнъ болѣе развитыхъ и сознательныхъ избирателей, считающихъ всякую борьбу съ такими кандидатами заранѣе обреченной на неудачу. Слѣдуетъ прибавить, что до послѣдняго времени сама недостаточность организаціи передовыхъ партій какъ нельзя болѣе благоприятствовала такому пессимизму, но уже на законодательныхъ выборахъ 1900 года положеніе дѣлъ значительно измѣнилось, и можно думать, что по мѣрѣ того, какъ будетъ крѣпнуть и расширяться организація оппозиціонныхъ элементовъ и, главнымъ образомъ, рабочаго класса, контингентъ воздерживающихся будетъ все болѣе и болѣе уменьшаться.

На первый взглядъ могло бы казаться, что процентъ воздерживающихся отъ участія въ голосованіи долженъ быть особенно значителенъ въ южныхъ провинціяхъ, отсталое населеніе которыхъ, повидимому, мало способно постичь значеніе избирательнаго права. Но въ дѣйствительности оказывается, что эти провинціи даютъ относительно весьма высокой процентъ участія въ выборахъ. Такъ, напримѣръ, въ выборахъ 1897 года, въ которыхъ въ среднемъ участвовали 58,54%, записанныхъ избирателей, самое активное участіе принимали избиратели Апуліи, гдѣ процентъ использовавшихъ свое право голоса достигъ—72,62%, между тѣмъ какъ Лигурія дала минимальный процентъ участія въ выборахъ (46,90%).

Этотъ парадоксальный фактъ станетъ, однако, вполне понятнымъ, если мы примемъ во вниманіе, что на югѣ Італіи рабочія массы находятся въ

гораздо большей экономической зависимости от предпринимателей, чѣмъ въ сѣверныхъ провинціяхъ, гдѣ классовое самосознаніе пролетаріата достигло уже значительнаго развитія. Избиратели южныхъ провинцій въ силу своей чрезвычайной политической отсталости легко поддаются давленію кандидатовъ, располагающихъ большими денежными средствами и правительственной поддержкой. Владѣльцамъ латифундій, дѣйствующимъ за одно съ агентами правительства, тѣмъ легче путемъ подкупа, угрозъ и обѣщаній привлечь къ избирательнымъ урнамъ многочисленныя толпы сельскихъ избирателей, что у этихъ послѣднихъ нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ убѣжденій и что на югѣ Италіи принципиальные вопросы общей политики не играютъ, можно сказать, никакой роли въ выборахъ: тутъ, напротивъ, все сводится къ мелкимъ личнымъ интересамъ, къ личному или мѣстному эгоизму. Напрасно стали бы мы здѣсь искать въ широковыщательныхъ избирательныхъ афишахъ сколько-нибудь опредѣленной политической программы, сколько-нибудь серьезнаго отношенія къ стоящимъ на очереди вопросамъ социальна-экономической жизни,—все это уступаетъ мѣсто невѣроятному самохвалству и сантиментальничанію, прекраснымъ образчикомъ котораго могутъ служить хотя бы слѣдующія заключительныя строки воззванія одного кандидата: «Матери, дочери, женщины! Если избиратели не будутъ голосовать за меня, вы откажете имъ въ вашихъ улыбкахъ и въ вашихъ поцѣлуяхъ!»

II.

Законъ предусматриваетъ и караетъ троякаго рода проступки, касающіеся нарушенія надлежащаго пользованія избирательнымъ правомъ: 1) проступки при составленіи избирательныхъ списковъ, 2) проступки при выборахъ собственно говоря (подкупъ, давленіе, злоупотребленіе властью, насилие, ноутѣи, причиненныя при выполненіи различныхъ электоральныхъ операций и т. д.) и, наконецъ, 3) проступки при провозглашеніи результата выборовъ.

Что составленіе избирательныхъ списковъ, представляя только подготовительную стадію выборовъ, тѣмъ не менѣе играетъ огромную роль, какъ своего рода санкція предписанныхъ закономъ постановленій объ избирательной правоспособности, доказываетъ хотя бы упомянутая нами выше исторія знаменитаго «пересмотра» этихъ списковъ во времена Криспи. Законъ обставляетъ поэтому составленіе избирательныхъ списковъ болѣе или менѣе серьезными гарантіями, выражающимися, во-первыхъ, въ совмѣстномъ участіи въ этомъ дѣлѣ какъ административной и судебной власти, такъ и выборныхъ лицъ. Сначала операція эта не выходитъ изъ предѣловъ данной общины, мѣстныя власти которой поставлены въ наиболѣе благопріятныя условія для контроля правъ того или много гражданина: 15 декабря cadaго года мэръ (sindaco) приглашаетъ всѣхъ гражданъ, считающихъ себя въ правѣ быть призванными къ участію въ вы-

борахъ, представить ему просьбу о внесеніи ихъ въ избирательные списки, съ прибавленіемъ въ этой просьбѣ оправдательныхъ документовъ. Послѣ этого особая коммунальная коммиссія, состоящая изъ мэра и 4-хъ (а въ болѣе населенныхъ общинахъ изъ 6) членовъ, подвергаетъ избирательные списки первому пересмотру. Коммиссія, о которой идетъ рѣчь, избирается муниципальнымъ совѣтомъ, причемъ въ ней можетъ быть представлено и меньшинство совѣта, такъ какъ каждый членъ муниципалитета подаетъ голосъ только за одного кандидата. Эта коммиссія должна составить три списка: одинъ изъ нихъ заключаетъ имена всѣхъ гражданъ, которыхъ коммиссія предлагаетъ *вписать* въ избиратели, все равно потому ли, что они сами сдѣлали соответствующее и достаточно мотивированное заявленіе или потому, что коммиссія находитъ правильнымъ внести ихъ въ списки *ex officio*; второй списокъ касается исключенія избирателей умершихъ или потерявшихъ свое право голоса (утрата юридической правоспособности и т. п.); наконецъ, въ третьемъ списокѣ коммиссія перечисляетъ всѣхъ гражданъ, просьбы которыхъ о внесеніи ихъ въ число избирателей были ею отвергнуты. Эти три списка должны быть опубликованы не позже 15 февраля; жалобы на допущенныя въ нихъ неправильности могутъ быть приносимы со дня ихъ обнародованія до конца февраля.

Послѣ этого подготовительнаго фазиса, провѣрка списковъ поручается *провинціальной избирательной коммиссіи*, состоящей изъ председателя трибунала, совѣтника префектуры, назначаемаго префектомъ и изъ трехъ членовъ, выбранныхъ провинціальнымъ совѣтомъ по той же системѣ ограниченаго голосованія (каждый голосующій выбираетъ одного только кандидата). Эта коммиссія не только даетъ свое заключеніе по жалобамъ на дѣйствія муниципальной коммиссіи, но имѣетъ право подвергать пересмотру всѣ предложенія, исходящія отъ этой послѣдней какъ касательно внесенія въ списки, такъ и объ исключеніи изъ числа избирателей. Рѣшающій голосъ принадлежитъ, слѣдовательно, провинціальной коммиссіи: утвержденные ею (не позже 31 мая) списки и считаются законными въ теченіе года, если только—по жалобѣ того или иного гражданина, хотя бы даже лично не заинтересованнаго въ дѣлѣ—судебная власть не найдетъ нужнымъ внести какую-нибудь поправку. Избиратели, обжаловавшіе постановленія провинціальной коммиссіи, сохраняютъ впредь до рѣшенія судебной палаты право голоса, если они были внесены въ списки предыдущаго года и исключены въ текущемъ году.

Не менѣе серьезными гарантіями итальянскій избирательный законъ обставляетъ и выборы: собственно говоря принципъ тайнаго голосованія, проводимый этимъ закономъ, казалось бы, долженъ обезпечить классамъ, находящимся въ экономической зависимости, возможность свободнаго выраженія своихъ политическихъ убѣжденій. Но въ дѣйствительности, какъ говорятъ итальянцы, *fatta la legge, trovato l'inganno* (для каждаго закона можно найти обходъ). Несмотря на всѣ предписанія закона, правительственные чиновники и агенты вліятельныхъ кандидатовъ, подкупавшіе

или терроризирующие избирателей, находят всетаки возможность контролировать этих последних путем всевозможных ухищрений.

Чтобы обезпечить тайну голосования, законъ устанавливаетъ такой порядокъ: избиратель получаетъ отъ предсѣдателя бюро голосования бюллетень (со штемпелемъ бюро); на этомъ бюллетенѣ избиратель долженъ написать имя выбираемаго имъ кандидата, причемъ для этой операціи въ углу залы, гдѣ происходитъ голосованіе, стоитъ особый столъ, отгороженный ширмами, такъ что избиратель можетъ написать имя того или иного кандидата ни для кого незамѣтнымъ образомъ. Но тутъ-то и проявляется изобрѣтательность электоральныхъ агентовъ: подкупая избирателя, они вручаютъ ему листокъ пропускной бумаги, который онъ долженъ приложить къ свѣже-заполненному бюллетеню, такъ чтобы на пропускной бумагѣ сохранился отпечатокъ написаннаго имени кандидата, и только по представленіи этого «оправдательнаго документа» избиратель получаетъ обѣщанную ему сумму; еще болѣе вѣрный и часто практикуемый на югѣ способъ состоятъ въ слѣдующемъ: одинъ изъ избирателей опускаетъ въ урну фиктивный бюллетень, который не пойдетъ въ счетъ, и передаетъ затѣмъ подкупившему его агенту свой законный бюллетень—агентъ пишетъ имя кандидата на этомъ бюллетенѣ и вручаетъ его слѣдующему избирателю, который долженъ опустить этотъ бюллетень въ урну и въ свою очередь передать агенту свой чистый бюллетень, полученный отъ предсѣдателя бюро и т. д.

Въ южныхъ провинціяхъ невѣжество и политическая отсталость населенія открываютъ самый широкій просторъ для кандидатовъ, не стѣсняющихся въ выборѣ средствъ для достиженія успѣха. Пятая весьма ограниченное довѣріе къ «добросовѣстности» подкупаемыхъ ими избирателей и желая по возможности стимулировать рвеніе этихъ послѣднихъ, кандидаты нерѣдко прибѣгаютъ къ такого рода сдѣлкамъ: избирателю вручается только одна половина кредитнаго билета въ 5 или 10 лиръ, а другую половину онъ долженъ будетъ получить лишь послѣ выборовъ и только при ихъ успѣшномъ исходѣ. Бывали случаи, когда крестьянамъ раздавали передъ выборами рубахи безъ рукавовъ или только по одному сапогу, отлагая выдачу рукавовъ или другого сапога до избранія щедраго, но осторожнаго кандидата.

Чтобы понять все значеніе, какое приобрѣтаютъ подкупъ и всякаго рода обманныя дѣйствія во многихъ сельскихъ избирательныхъ округахъ южной Италіи, нужно имѣть въ виду, что помимо болѣе или менѣе искусныхъ махинацій электоральныхъ агентовъ приходится еще считаться съ членами бюро голосования. Въдъ всѣмъ порядкомъ голосования руководить именно бюро: на его обязанности лежитъ соблюденіе предписаній, касающихся своевременнаго открытія голосования, провѣрка личности избирателя, подсчетъ голосовъ, разрѣшеніе возникающихъ сомнѣній въ дѣйствительности того или иного бюллетеня и пр. Понятно, что при этихъ условіяхъ правильность выборовъ въ весьма значительной мѣрѣ зависитъ

отъ большой или меньшей безпристрастности бюро. Единственная гарантія, которую устанавливаетъ въ этомъ отношеніи законъ, сводится къ тому, что въ составѣ бюро можетъ быть представлено и меньшинство избирателей: въ самомъ дѣлѣ, бюро состоитъ изъ пяти выборныхъ членовъ, но каждый избиратель голосуетъ только за три имени, предоставляя выборъ двухъ другихъ кандидатовъ меньшинству. Эта гарантія, которую едва ли можно признать достаточной даже въ теоріи, на практикѣ часто сводится къ нулю, въ особенности если одна изъ борющихся партій располагаетъ слишкомъ большимъ перевѣсомъ силъ: избирателямъ, принадлежащимъ къ этой партіи, стоитъ только раздѣлиться на двѣ группы, изъ которыхъ каждая голосуетъ за своихъ кандидатовъ въ члены бюро, и такимъ образомъ это послѣднее будетъ состоять исключительно изъ «своихъ» людей, а тогда оно можетъ безпрепятственно дѣйствовать въ пользу удобнаго ему кандидата. Избирателямъ, правда, предоставлено право наблюдать за ходомъ голосованія, но и здѣсь опять-таки находчивымъ людямъ не трудно устроиться: достаточно затѣять въ залѣ, гдѣ происходитъ голосованіе, какой-нибудь скандалъ и тогда заранее выштурованные избиратели пользуются этимъ случаемъ, чтобы предложить председателю бюро удалить публику.

Въ южныхъ избирательныхъ округахъ произвольныя и незаконныя дѣйствія бюро представляютъ до того обычное явленіе, что существуютъ даже особые термины для обозначенія такихъ не признаваемыхъ закономъ актовъ, какъ поджѣна всего содержимаго избирательной урны—*blossco*, или только извѣстной части бюллетеней—*pastella*.

III.

При такихъ условіяхъ правительству, конечно, не трудно оказать давленіе на избирателей и до послѣдняго времени ему большею частью удавалось обезпечить себѣ всякими правдами и неправдами подходящее парламентское большинство. Нужно сказать, что итальянскіе государственные люди выработали весьма искусные приемы давленія на законодательные выборы: не говоря объ активномъ вмѣшательствѣ правительства въ ходъ избирательной компаніи черезъ посредство префектовъ и синдиковъ (мэровъ), министерство помимо этого обыкновенно еще очень ловко пользуется событиями при назначеніи времени выборовъ.

Одинъ изъ обычныхъ приемовъ состоитъ въ оттягиваніи срока выборовъ съ тѣмъ, чтобы «подготовить» соответственнымъ образомъ народныя массы, терроризировать администрацію и очистить ее отъ «неблагонадежныхъ» элементовъ, и организовать официальныхъ кандидатуръ. Но не менѣе опасенъ и другой приемъ, являющійся прямой противоположностью первому: для того, чтобы лишить оппозиціонныя партіи возможности, путемъ устной и печатной пропаганды, привлечь на свою сторону новые элементы, правительство можетъ, напротивъ чстроить выборы почти не-

посредственно послѣ того, какъ распущена палата. Оно разсчитываетъ тогда, главнымъ образомъ, на неподготовленность общественнаго мнѣнія, благодаря которой избирателямъ трудно будетъ разобраться въ истинномъ положеніи дѣлъ, такъ что при нѣкоторомъ давленіи легко будетъ склонить этихъ избирателей на сторону правительственныхъ кандидатовъ.

Такого рода соображенія руководили министерствомъ генерала Пеллу при законодательныхъ выборахъ 1900 г., когда палата была распущена 18 мая, а выборы назначены на 3 июня, т.-е. *черезъ девъ недѣль*, и когда правительство возлагало самыя широкія надежды на практикуемую имъ политику запугиванія передовыхъ элементовъ населенія. Разсчетъ оказался, однако, на этотъ разъ совершенно не вѣрнымъ; антиконституціонный образъ дѣйствій правительства только способствовалъ объединенію, при перебаллотировкахъ, крайнихъ оппозиціонныхъ партій—радикаловъ, республиканцевъ и социалистовъ, которые въ общемъ получили 445,694 голосовъ, что вмѣстѣ съ 303,891 голосомъ, полученнымъ конституціонной оппозиціей, давало 749,585 голосовъ, тогда какъ кандидаты министерства получили всего 611,425 голосовъ. Интересно отмѣтить, что изъ трехъ крайнихъ оппозиціонныхъ партій наибольшее число голосовъ—215,841—получили социалисты, радикалы—110,208 и республиканцы—119,645, а между тѣмъ не далѣе какъ въ 1895 г. общее число голосовъ, полученныхъ 154 кандидатами—социалистами, не превышало 82,523.

Тогда какъ въ палатѣ, избранной въ 1897 г., крайнія лѣвая насчитывала только 67 депутатовъ, изъ коихъ 19 социалистовъ, 23 республиканца и 25 радикаловъ, на выборахъ 1900 г. число депутатовъ крайней лѣвой возросло до 94, и изъ нихъ 32 социалиста, 29 республиканцевъ и 33 радикала.

Мало того, если принять во вниманіе существующее раздѣленіе страны на избирательныя округа, то окажется, что крайнія оппозиціонныя партіи въ сущности не представлены въ палатѣ такъ широко, какъ это должно было бы имѣть мѣсто при пропорціональномъ представительствѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, вся Італія раздѣлена на 508 избирательныхъ округовъ, изъ которыхъ каждый посылаетъ въ палату одного депутата. Принципіально каждый избирательный округъ долженъ обнимать населеніе въ 50,000 душъ. Осуществляется ли это правило на практикѣ? Уже по переписи 1881 г. приходилось *въ среднемъ* на избирательный округъ 56,995 человекъ, а въ настоящее время, когда населеніе страны, по переписи 1901 г., достигаетъ 32.475,253 (вмѣсто 28.953,480 въ 1881 г.), приходится въ среднемъ 63,927 человекъ. Но эта средняя цифра не даетъ еще никакого представленія о тѣхъ колебаніяхъ, которыя представляютъ въ дѣйствительности численность населенія различныхъ избирательныхъ округовъ. Достаточно будетъ сказать, что изъ 69 провинцій только 10 болѣе или менѣе приближаются къ законной цифрѣ и что въ настоящее время имѣется 125 округовъ съ населеніемъ отъ 60,000 до 70,000 душъ и 6 округовъ, гдѣ населеніе даже превышаетъ эту послѣднюю цифру.

Нужно ли говорить, что эти округа съ значительно увеличившейся плотностью населенія относятся къ сѣвернымъ фабрично-промышленнымъ провинціямъ.

Такимъ образомъ въ Италиі, какъ и въ Германіи, неравное распредѣленіе избирательныхъ округовъ, неправильность котораго все болѣе и болѣе усиливается по мѣрѣ возрастанія населенія въ промышленныхъ центрахъ, ведетъ къ искаженію при выборахъ дѣйствительнаго соотношенія общественныхъ силъ, давая своего рода избирательную привилегію отстающимъ земледѣльческимъ областямъ на счетъ прогрессирующихъ промышленныхъ округовъ.

Насколько пропорціональное представительство должно было бы измѣнить существующее соотношеніе парламентскихъ партій, видно хотя бы изъ того, что пропорціональность выборовъ дала бы крайней лѣвой, вѣсто полученныхъ ею на выборахъ 1900 г. 94 мѣстъ, 116 мѣстъ, тогда какъ министерскіе кандидаты получили бы не 292 мѣста, а только 228, а кандидаты конституціонной оппозиціи не 77, а 154 мѣста.

Нельзя не отмѣтить слѣдующую интересную особенность выборовъ 1900 года: изъ 111 избирательныхъ округовъ, обнимающихъ 69 главныхъ городовъ провинцій, только 43 округа послали въ палату министерскихъ кандидатовъ, тогда какъ остальные 68 округовъ избрали оппозиціонныхъ кандидатовъ. Избирательная агитація правительства имѣла, слѣдовательно, успѣхъ, главнымъ образомъ, въ сельскихъ округахъ, что только лишній разъ подтверждаетъ сказанное нами раньше о политической отсталости сельскаго населенія южной Италиі. Напротивъ, наиболѣе чувствительное пораженіе правительство потерпѣло въ промышленныхъ городахъ сѣверной Италиі. Такъ, на примѣръ, Миланъ, состоящій изъ 6 избирательныхъ округовъ, не послалъ въ палату ни одного правительственнаго кандидата, а представилъ 3 мѣста социалистамъ и 3 республиканцамъ; даже Туринъ (5 избирательныхъ округовъ)—колыбель итальянской монархіи и савойской династіи—очутился всецѣло въ рукахъ оппозиціи.

Что это распредѣленіе правительственныхъ депутатовъ и депутатовъ оппозиціи представляетъ не случайное явленіе, а стоитъ въ непосредственной связи съ тѣми рѣзкими социально-экономическими контрастами, которые замѣчаются на каждомъ шагѣ между сѣверной и южной Италией, доказываетъ хотя бы слѣдующая таблица, заимствованная нами у Фокарди *) и относящаяся къ распредѣленію депутатовъ различныхъ партій послѣ законодательныхъ выборовъ 1895 года:

Если, пользуясь этими данными, вычислить процентное отношеніе правительственныхъ депутатовъ къ общему числу депутатовъ, то получится такое поучительное сравненіе: въ сѣверной Италиі министерству удалось обезпечить за своими кандидатами только 57% депутатскихъ

*) *O. Focardi: „I partiti politici alle elezioni generali dell'anno 1895“. Римъ, 1895 г.*

мѣсть, въ средней Италіи 60%, тогда какъ въ южной Италіи оно получило 80% (и на островахъ 71,87%).

Число депутатовъ.
Оппозиціонныхъ.

	Министер- скихъ.	Конституц. оппозиц.	Радикаловъ.	Социали- стовъ.	Неопротек- тантъ.	Всего.
Сѣверная Италія	107	59	16	4	1	187
Средняя Италія	72	15	22	7	4	120
Южная Италія	109	20	6	1	1	137
Острова (Сицилія и Сардинія)	46	10	3	3	2	64
Всего	334	104	47	15	8	508

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ объ избираемыхъ. Согласно 40 ст. конституціи, депутаты должны быть не моложе 30 лѣтъ. Они избираются на пятилѣтній періодъ. Каждый депутатъ можетъ быть представителемъ одного только избирательнаго округа, но при выборахъ одинъ и тотъ же кандидатъ въ правѣ выставить свою кандидатуру въ нѣсколькихъ округахъ: если онъ будетъ избранъ одновременно въ различныхъ округахъ, онъ долженъ въ теченіе восьмидневнаго срока выбрать тотъ или иной округъ. Никто не можетъ быть одновременно сенаторомъ и депутатомъ, такъ что сенаторъ не можетъ даже поставить своей кандидатуры. Не подлежатъ также избранію и члены духовенства.

Для того, чтобы быть избраннымъ, нужно получить число голосовъ, превышающее шестую часть общаго числа записанныхъ избирателей и половину числа голосующихъ. Если ни одинъ изъ кандидатовъ не удовлетворяетъ этому двойному требованію, то (обязательно черезъ недѣлю) происходитъ перебаллотировка, распространяющаяся только на двухъ кандидатовъ, получившихъ наибольшее число голосовъ.

Депутаты, какъ и сенаторы, не получаютъ никакого денежнаго вознагражденія (50 ст. конституціи); имъ предоставляется только право бесплатнаго проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ и пароходамъ. Эта безвозмездность депутатскихъ функций, дѣлая полученіе мандата извѣстной степени привилегіей имущихъ классовъ, не остается безъ многочисленныхъ протестовъ и въ настоящее время въ итальянскую палату уже внесенъ законопроектъ о введеніи вознагражденія депутатамъ.

Левъ Шейнисъ.

Литературные силуэты.

I.

Кольцовъ.

Поэзія Кольцова, это, если можно такъ выразиться, — деревня русской литературы. Изъ города, изъ обители всякихъ культурныхъ утонченностей, она выводитъ насъ въ открытое поле, въ царство зелени и луговыхъ цвѣтовъ, и нашимъ глазамъ открываются пестрящіе во ржи нигѣмъ не посѣянные, нигѣмъ не возвращенные васильки. Все здѣсь непосредственно, искренне, естественно, и жизнь дана въ своей первобытности и простотѣ. Мы возвращаемся къ чему-то родному; въ городѣ мы успѣли о немъ позабыть, но вотъ, оказывается, оно живетъ въ нашей груди, только придавленное иными заботами, тревогой искусственныхъ волненій. И когда эта грудь на вольномъ воздухѣ степи, лѣса, нивы стала дышать радостно и легко, тогда мы почувствовали, что именно здѣсь стояла наша физическая и духовная колыбель, что именно отсюда, изъ материнскихъ объятій земли, ушли мы въ городскую даль, которая теперь намъ сдѣлалась близкой, и что въ эти же объятія, насъ поджидающія, мы рано или поздно вернемся. Наша привычка ко всякой культурности заслонила отъ насъ лицо природы, и красивые образы, въ которыхъ рисуютъ ее наши городскіе поэты, больше говорятъ о творчествѣ художниковъ, чѣмъ о ней самой. Между тѣмъ только на ея лонѣ, среди ея свѣжихъ благоуханій, на великомъ просторѣ растушаго хлѣба, мы вспоминаемъ, что настоящій человекъ, наиболее реальный и достойный своего имени, это — пахарь. Оттого и чаруетъ насъ поэзія Кольцова, которая не только въ одномъ своемъ, извѣстномъ стихотвореніи, но и вся, сплошь, представляетъ собою пѣсню пахара. Она дышитъ запахомъ земли и потому является для насъ какъ бы прѣвѣтомъ и поклономъ съ давно покинутой, но вѣчно милой и зовущей родины. Можно сказать даже, что каждое изъ лучшихъ, типичныхъ произведеній Кольцова похоже на шепотку родной земли. Если онъ около васъ, если онъ овладѣлъ вами, то, значить, вы теперь не чужой, вы не на нравственной чужбинѣ, а у себя дома, вы можете быть самимъ собой, въ истинной сферѣ человѣческаго существа.

Обвѣянный воздухомъ степи, Бальцовъ такъ прозраченъ, что вы видите до дна его душу, и вы вѣрите, что въ своей поэтической книжкѣ онъ ничего не утаилъ отъ васъ, рассказалъ обо всемъ—о своей любви, объ измѣнѣ любимой дѣвушки, о своихъ радостяхъ и невзгодахъ. Какъ дитя, онъ не имѣетъ скрытыхъ мыслей; ему нельзя не вѣрить, потому что онъ и самъ доверчивъ. Его поэзія не только—самая естественная, самая неоспоримая, потому что она вмѣстѣ съ колосьями поднялась изъ почвы, но она еще—поэзія цѣломудренная и честная.

Стихія природы и народа наша себѣ въ Бальцовѣ родственную индивидуальную душу и сказалась его пѣвучими устами. Какъ это и подобаешь поэту земли, все для него живетъ,—молнія, туча, огонь, «нахмурилъ брови бѣлый день». Онъ входитъ въ лѣсъ, и тотъ, дремучій, зашатается, страшнымъ голосомъ завоетъ, чтобы злой бояринъ не послалъ погони за молодцомъ и его похищенной душой—дѣвницей. И какіе стихи, полные жизни и движенія, силы и сжатости, объ этомъ повѣствуютъ:

Я иль кола въ лѣсъ дремучій—
Лѣшій по лѣсу шумить;
Про любовь свою къ русалкѣ
Съ быстрой рѣчкой говорить.
Крикну лѣсу, топну въ берегъ—
Лѣшій за горы уйдетъ,
Съ тихимъ трепетомъ русалка
Въ берегахъ своихъ уснетъ.

Все это для него не красивыя фразы: онъ, дѣйствительно, слышитъ рѣчь рѣки, шумъ лѣшаго, онъ искренне все олицетворяетъ. Но и олицетворенія его тоже имѣютъ крестьянскій характеръ,—иначе сказать, сама природа у него еще проще, чѣмъ ее обыкновенно представляютъ себѣ, и она вся—деревенская. Оттого и зима въ теплой шубѣ идетъ, осень на дворъ черезъ прясло глядитъ. Безсмертный образъ, въ который Бальцовъ воплотилъ личность и судьбу Пушкина, навсегда останется одной изъ высшихъ красотъ русской литературы. Найти глубокое сродство между стихіей и отдѣльнымъ человекомъ—для этого надо самому быть духовно близкимъ и стихіи и человѣчеству; именно это и характеризуетъ Бальцова, именно это и составляетъ его отличительную черту: онъ весь обвѣянъ природой, напѣтанъ степью, и въ то же время онъ исполненъ поклоненія человѣку:

Всѣ творенья въ Божьемъ мѣрѣ
Такъ прекрасны, хороши!
Но прекраснѣй человѣка
Ничего нѣтъ на землѣ!
.....
И своей онъ красотой
Все на свѣтѣ помрачить.

И вотъ, дремучій лѣсъ похожъ у него на Пушкина, Бова-силачъ похожъ у него на дремучій лѣсъ; величайшій изъ людей одинъ составляетъ собою цѣлую стихію,—мочь зеленая неотдѣлима отъ мочи человѣческой,

и въ поэтическомъ синтезѣ осуществилось примиреніе между природою и человекомъ.

Въ своихъ стихотвореніяхъ Кольцовъ говоритъ первыми, неотдѣланными словами, которыя вотъ сейчасъ, только что родились у него въ сердцѣ, въ свѣтломъ сердцѣ деревенскаго жителя, естественномъ родникѣ пѣвучести; и даже это не стихи, а именно пѣсни, складныя, коротенькія строки безъ рѣмъ или съ наивными рѣмами, дорожація болѣе внутреннимъ, нежели внѣшнимъ созвучіемъ,—пѣсни, которыми сынъ полей и долженъ сопровождать свою чистую работу. Образы въ нихъ взяты откуда-то вблизи, точно изъ самой земли вырыты, и пѣвецъ, откровенный и простодушный, не рисуется, ничѣмъ не стѣсняется. Онъ не скрываетъ того, что когда запоздалымъ путникомъ плелся къ ночлегу, онъ встрѣчалъ огонь во тьмѣ ночной съ такой же страстью, съ какою иной вперяетъ на дѣву страстны очи: тамъ горѣлъ его очагъ звѣздою, тамъ спѣла наша степняка подъ пѣсню родную чумака. Въ области нормальныхъ человѣческихъ отношеній, тамъ, гдѣ царить власть земли, теряетъ свою прозаичность даже эта спѣющая наша.

Покорный данникъ стихійной власти, пахарь не можетъ не быть поэтомъ. Онъ не въ силахъ противиться обаянію нивы, потому что онъ видитъ ея красоту и понимаетъ ея величіе, котораго и самъ составляетъ нераздѣльную, сильную часть. Пахарь и поэтъ, Кольцовъ такъ ласковъ къ нивѣ, къ сивкѣ, къ боронѣ и сохѣ, и онъ употребляетъ для нихъ уменьшительныя, ласкательныя имена,—онъ говоритъ о пашенкѣ, о зернышкѣ. И нива для него не только прекрасна, одѣтая въ свое родное, собственное, не купленное золото, но и свята. Онъ чувствуетъ мистику нивы.

Пашенку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.
Его вспоить, вскормить
Мать-земля сырая;
Выйдемъ въ полѣ травка—
Ну! тащися, сивка!
Выйдемъ въ полѣ травка—
Вырастеть и колось,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.

Святыня хлѣба составляетъ центральный моментъ кольцовской поэзіи. Муза Кольцова, это—жница, съ серпомъ въ рукахъ, вся окруженная колосьями, сіяющая въ ихъ золотой тѣни, счастливая тѣмъ счастіемъ, которое она даетъ людямъ-пахарямъ. Муза Кольцова, это—Церера нашей литературы, но только не въ своей языческой красотѣ, а въ ореолѣ крестьянства и христіанства. Питаніе міра, хлѣбъ достоинъ сдѣлаться предметомъ религіи. Молитва хлѣбу естественна для Кольцова, и еще больше молится онъ Тому, кто хлѣбъ посылаетъ. Жарка его свѣча, свѣча посе-

лянина, предъ иконой Божіей Матери. Вся его жизнь стала религіозной именно изъ-за нивы:

Съ тихою молитвой
Я вспашу, посяю:
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ—мое богатство!

Онъ чувствуетъ горячую благодарность къ Творцу за эти свѣтлыя волны желтѣющаго хлѣба. Онѣ—главное и лучшее, что есть на свѣтѣ, и самый свѣтъ ради нихъ, собственно, и существуетъ. Кольцова не удовлетворяетъ даже антропоцентризмъ какъ такой: въ средоточіи міра стоитъ для него не человѣкъ вообще, а именно пахарь, и все на землѣ и въ небесахъ приурочено къ урожаю. Солнышко только тогда успокоенно холодной пошло къ осени, когда увидѣло, что жатва кончена. И пусть знаетъ пахарь, что Богъ уродитъ, а Микола подсобитъ. Кольцовъ не испуганъ міромъ: поэтъ косы и колосевъ, онъ радуется ему, поприщу Божьяго дѣла, неистощимой житницѣ зерна. Ему природа близка и свята, онъ уважаетъ землю и любитъ ея материнскую питающую грудь. Именно она образуетъ связь между мірозданіемъ и людьми: отъ міра человѣкъ получаетъ свой хлѣбъ, и оттого міръ питающій, добрый кормилецъ пашущаго человечества, несмотря на свою необъятность, является другомъ земледѣльца. Не можетъ быть далека отъ людей, отъ земли Богъ, колы скоро Онъ отечески посылаетъ дождь и вѣдро, для того чтобы уродился хлѣбъ.

И все въ поэзіи Кольцова вращается вокругъ этого хлѣба; ей отрадна музыка скрипящихъ возовъ, на которыхъ увозятся благодатныя зерна,—золотомъ рѣкой по полямъ и лугамъ хлѣбъ везутъ, продаютъ, собираютъ казну, бражку ковшикомъ пьютъ. Только о хлѣбѣ и разговариваютъ,—напримѣръ, на пирушкѣ («Какъ-то Богъ и Господь хлѣбъ уродитъ намъ, какъ-то сѣно въ степи будетъ зелено?»), только имъ и ради него живутъ и собственное существованіе приспособляютъ къ его жизни, къ его стхійнымъ требованіямъ.

Можетъ быть, потомъ золотой хлѣбъ отраженно превратится въ золотую казну, развѣнится на матеріальное, конкретное богатство, будутъ платья дорогія, ожерелья съ жемчугомъ, и крестьянина-пахаря вытѣснятъ мѣщанинъ, который поставитъ у себя на столахъ куръ, гусей много жареныхъ, пироговъ, ветчины блюда полныя, и народныя пѣсни будутъ замѣнены пѣсенникомъ (съ которымъ, дѣйствительно, и граничатъ нѣкоторыя стихотворенія Кольцова), но пока это—чистое золото, святая драгоценность міра, благословенное зерно, еще не остывшее отъ дыханія космоса, облаканное солнцемъ, напоенное дождемъ. И если Кольцовъ вообще часто говоритъ о золотѣ, то это потому, что его разъ навсегда очаровали золотые колосья.

Земля, ея глубокая жизнь, изъ нѣдръ своихъ высылающая урожай, опредѣляетъ самыя думы поселянина, ихъ срокъ и содержаніе, такъ что между внутреннимъ міромъ и внѣшнимъ возникаетъ полная гармонія, они живутъ заодно:

Заодно съ весной
 Пробуждаются
 Ихъ завѣтныя
 Думы мирныя.

На этомъ фонѣ колосающейся нивы рисуется Больцовъ волненія чело-
 вѣческаго сердца, деревенскіе романы, героями которыхъ тоже являются
 пахарь и жница. Здѣсь, среди хлѣба, происходятъ свиданія, измѣны и
 разлуки (ихъ часто поетъ Больцовъ), и если покинетъ дѣвушку ея воз-
 любимый, то симпатически почернѣетъ ея любимый серпъ: въ своемъ
 счастьи и въ своемъ несчастіи она останется связанной съ жизнью и за-
 ботами родного поля. Простыя муки и простыя радости любви еще болѣе
 отгѣняютъ силу и страстность самаго чувства, и чувство здѣсь далеко
 отъ блѣдной утонченности: оно здорово, нормально, горитъ и трепещетъ
 жаднымъ огнемъ,—обойми, поцѣлуй, приголубь, приласкай. Идеаль жен-
 ской красоты не возвышенъ, и часты у Больцова упоминанія о полной
 груди, о полныхъ щекахъ. Зато молодость окрашена здѣсь необыкновенно
 ярко, она гремитъ и звенитъ о себѣ, празднуетъ во всю свой упометельный
 праздникъ. Она гордо потряхиваетъ своими кудрями, и пѣвецъ этихъ куд-
 рей, Больцовъ не однажды воздастъ имъ честь и славу; онѣ лежатъ у
 разныхъ лихачей-кудрявичей черной или русой скобкой, и молодымъ куд-
 рямъ все счастливится. Потому уходитъ кудрявая молодость, но пока она
 дышитъ, такъ любитъся, такъ вѣрится. И пусть какая-нибудь деревен-
 ская красотка въ незатѣйливомъ голубомъ платьѣ или въ той касандриѣ,
 которую, по извѣстной пѣснѣ, ей Павелъ подарилъ, не похожа на изящ-
 ныхъ горожанокъ,—вся стихійная сила любви обращается на нее, на одну
 нее, и любятъ ее какъ только можно любить свою жизнь, свое счастье.

Прочилъ молодець,
 Прочилъ доброе
 Не своей душѣ—
 Душѣ дѣвицѣ.

Дѣвица у кольцовскаго пахаря, это именно—душа (самый частый и
 естественный для нея эпитетъ); «дѣва—радость души», въ сердцѣ живетъ
 не кто иной, какъ именно дѣвица, и можно даже такъ сказать, что
 душа въ человѣкѣ, особенно въ пахарѣ,—это и есть любимая дѣвушка.
 Оттого лишиться дѣвицы значить погубить свою жизнь. Но какъ же
 несчастный любовникъ мститъ счастливому сопернику? Опять-таки,—по-
 деревенски, элементарно, какъ и все, что дѣлается въ этой обстановкѣ:
 онъ пускаетъ на его избу краснаго пѣтуха. И трагедіи любви разыгры-
 ваются въ хуторкѣ—тамъ, гдѣ за рѣкой, на горѣ лѣсъ зеленый шумитъ.

Любить дѣвица именно тогда, когда приворотно дѣйствуетъ на нее аро-
 матическій призывъ степныхъ цвѣтовъ, когда

Весною, степь зеленая
 Цвѣтами вся разубрана,
 Вся птичками летучими,
 Пѣвучими полнымъ-полна.

Степь велѣла дѣвицѣ любить, взволновала ее своимъ призывнымъ ароматомъ, и парень, который ее любилъ, не долженъ былъ прибѣгать къ услугамъ мельника Ивана Кузьмича, мастера присушивать,—присушила ее сама степь:

Ахъ, степь, ты степь зеленая,
Вы, пташечки пѣвучія,
Развѣяли вы дѣвицу,
Отбили хлѣбъ у мельника!
У васъ весной присуха есть
Сильнѣй присухъ нашоптанныхъ...

Любите весной, пока еще не склошены цвѣты,—любите, когда сама природа напоена любовью. И музыкально звенять стихи поэта:

О, пой, косарь! зови пѣвицу,
Подругу, красную дѣвицу,
Пока еще, шума косой,
Не тронуть ты травы степной!

Скоро замузжить коса, засверкаетъ кругомъ, и зашумитъ трава подкѣшенная, и поклонятся цвѣты головой землѣ. Ибо цвѣты должны уступить хлѣбу, сѣну, всему укладу крестьянской хозяйственности. Но засохнуть они такъ, какъ сохнетъ молодецъ по Грунѣ, ибо между цвѣтами и любовью, между степью и людьми есть родственное сочувствіе.

Влюбленной дѣвушкѣ грустно на полѣ, и ей нѣтъ охоты жать колосистой ржи: бѣдная!—какъ разъ въ жнитво пришла ей пора любить:

Жница жнетъ не жнетъ,
Глядитъ въ сторону,
Забывается.

Однако не слѣдуетъ думать, что этой простотѣ чужды непонятныя и мрачныя волненія духа; въ ея рамкѣ, среди расцвѣта естественности, особенно выдѣляются моменты суевѣрные, даже—инфернальные. И вотъ дѣвушка затецалитъ свѣчу воску яраго, для того чтобы распаять кольцо друга милова, друга ей измѣнившаго, съ нею разлучившагося; но память милова не хочетъ разлитъя «золотой слезой» и

Невредимо, черно
На огнѣ кольцо,
И звенитъ по столу
Память вѣчную.

Такъ въ обыденность врывается «сила пододонная», сила нечистая, отъ которой службы требуютъ, хотя собственную, страдальческую душу Кольцова преступное не тяготитъ. Ясно и прозрачно въ ней.

Самъ Кольцовъ уже не пашетъ; отставшій пахарь, онъ стоитъ въ сторонѣ и только радуется чужой святой радости, поэтизируетъ крестьянскіе идеалы. Но нива, которой онъ теперь непосредственно не воздѣлываетъ, всетаки остается ему близка, и онъ вдыхаетъ въ себя ея живительный запахъ. Онъ вышелъ было за околицу родной деревни, свернулъ

по дорогѣ въ городъ, но до города не дошелъ. И оттого, напримѣръ, его «думы» составляютъ самый неудачный отдѣлъ его стихотвореній. Это не потому, что въ нихъ чувствуется самоучка: напротивъ, въ другихъ стихотвореніяхъ, гдѣ онъ вѣщаетъ всѣмъ извѣстныя истины, онъ не производитъ впечатлѣнія банальности, такъ какъ онъ дошелъ до нихъ путемъ личнаго внутренняго опыта, пережилъ и перестрадалъ ихъ самъ; поэтому свѣжо звучатъ у него всѣ эти жалобы: увы! нѣтъ дорогъ къ невозвратному, никогда не взойдетъ солнце съ запада, не расти травѣ послѣ осени, не цвѣсти цвѣтамъ зимой по снѣгу. Нѣтъ, его «думы» слабы оттого, что философская отвлеченность ему, питомцу конкретнаго, чужда, и вообще сложная работа размышленія лежитъ внѣ его душевной сферы. Онъ вдумывается въ природу, онъ спрашиваетъ, о чемъ шумитъ сосновый лѣсъ, какія въ немъ сокрыты думы; но именно думы природы ближе ему, чѣмъ идеи человѣческія, и этотъ лѣсъ, вообще имъ столь любимый и уже разъ сближенный съ любимымъ Пушкинымъ,—этотъ лѣсъ онъ объѣзжаетъ какъ соколъ быстрый и испытуетъ его затаенную мысль, которую онъ чувствуетъ даже «въ дыханіи былинки молчаливой». Только эту мысль и эту былинку онъ лучше всего оживить въ наивной лѣсенѣ, рвущейся изъ груди. Дума же, какъ такая его, свободнаго отъ знаній и этой свободой приближеннаго къ деревенской непосредственности, тиготить его, и онъ сознается:

Тяжела мнѣ дума,—

Сладостна молитва.

Та молитва, которая въ душѣ благодарной и умиленной зародилась при зрѣлищѣ нивы, отъ близости хлѣба, питающаго міръ, та молитва къ матері-землѣ, убравшейся, милостью солнца, въ золотое платьѣ колосьевъ,—она сохранилась навсегда у пахаря, на дѣлѣ уже не пашущаго, но душою неизмѣнно преданнаго полю. Начавъ религіозностью подъ голубымъ пологомъ неба, въ очарованіи дарами урожая, Бельцовъ къ ней же вернулся и тогда, когда сталъ думать о мірѣ, и онъ скоро отказался отъ своихъ думъ во имя живой вѣры, отказался отъ своихъ вопросовъ, потому что

Нѣтъ Богу вопроса,—

Нѣтъ мѣры ему.

Онъ проникновенно, тепло вѣруеть, на святое Провидѣнье положился онъ давно, подъ крестомъ его могила, на крестѣ—его любовь (читатель помнитъ: это все его собственныя слова). Онъ вѣруеть, онъ религіозенъ, онъ благодаритъ Творца за всяческіе урожаи міра, за хлѣбъ и все счастливое, что хлѣбъ окружаетъ,—но изъ глубины молящейся, смиренной души всетаки вырывается трогательный вопль, благоговѣйно-ласковый упрекъ Провидѣнію, и вечерняя молитва звучитъ грѣхомъ:

Спаситель, Спаситель!

Чиста моя вѣра,

Какъ пламя молитвы!

Но, Боже, и спѣшь

Моица тебѣ!

И вѣрѣ могилѣ темна. Въ темь и загадку могилы не бросить луча да-
же и вѣра. И мы бродимъ вокругъ чужихъ могилъ, и видимъ въ отдаленіи
собственную и недоумѣнно спрашиваемъ:

Чья это могила
Тиха, одинока?
И крестъ тростниковый
И насыпь свѣжа;
И чистое поле
Крутомъ безъ дорогъ.
Чья жизнь отжилася?
Чей кончился путь?

.....
Или молодая
Жница-поселянка
Ангель-младенца
На рукахъ лелѣя,
Оплакала горько
Кончину его,—
И подъ яснымъ небомъ
Въ полѣ на просторѣ,
Въ цвѣтахъ васильковыхъ
Положенъ дитя?...
Вѣетъ надъ могилой,
Вѣетъ буйный вѣтеръ

.....
Будить вольный вѣтеръ,
Будить, не пробудить,
Дикую пустыню,
Тихій сонъ могилы.

Больше всего недоумѣваетъ и трепещетъ предъ могилой Кольцовъ по-
тому, что онъ богатъ жизнью и вся его повѣя, зародившаяся подъ солн-
цемъ, представляетъ неудержимый и до конца неиспользованный порывъ
къ бытію и волѣ. Это—какой-то размахъ, неутолимое желаніе жизни,—

Такъ и рвется душа
Изъ груди молодой,
Хочетъ воли она,
Просить жизни другой.

Рвутся колосья изъ земли вверхъ, рвется и душа изъ груди молодой,
хочется воздуха груди, свободы—душѣ. Оттого и слышится несомнѣемый
звонъ. И живетъ въ Кольцовѣ столько звуковъ, столько пѣсень, что ихъ
достало бы на жизнь гораздо большую, чѣмъ та, которая припала на
его горемычную долю. Хочется ему «воли безотмѣнной»:

Развудись, плечо!
Размахнись, рука!

Оттого и часты у него мотивы сильной воли, которая отъ полей, отъ
овинатянетъ даже съ булатнымъ ножомъ въ темные лѣса, и пѣснь пахаря
превращается въ пѣснь разбойника; этотъ мирный земледѣлецъ таитъ въ
себѣ и вольницу. Даже неизвѣстно, на что будетъ употреблена жизнь,

но хочется жизни вообще, просто жизни какъ такой. Слышатся непочатая сила; но восторгъ жизни, удалъ перемежается у него съ уныніемъ. Въ Бальцовѣ были силы и на радость, и на страданье, и вы чувствуете въ немъ немыслимаго плаканія слезы. Не осуществились пылкія возможности, которыя гнѣдились въ этомъ по преимуществу живомъ сердцѣ, и жизнь, та единственная жизнь, которой нѣтъ повторенія, которой нельзя поправить, — жизнь ему не удалась. Были связаны крылья у этого сокола, но сокола протваго, были все пути ему заказаны, кромѣ пути къ ранней, безвременной могилѣ. И онъ ушелъ въ нее обиженный, обманутый, съ великой горечью и беспомощной тоской. Исполнилось его предчувствіе, которое онъ выразилъ и въ обращеніи къ сестрѣ, и въ стихотвореніи «На новый 1842 г.».

Кончился старый годъ, и вотъ наступаетъ новый:

Тяжелый годъ, тебя ужъ нѣтъ, а я еще живу,
И новый, тако безъ друзей, одинъ встрѣчаю,
Одинъ въ его заманчивую тьму,
Свои я взоры потопляю.
Что въ ней таятся для меня?
Ужели новыя страданья?
Ужель, безвременно, изъ міра выйду я,
Не совершивъ и задуманнаго желанья?

Такъ и случилось: 1842 годъ еще не кончился, какъ поета уже не было въ живыхъ, и умоляли тѣ пѣсни, которыя были

Сердцу милы,
Такъ выразительны, унылы,
Протяжны, звучны и полны
Преданьями родной страны!...

Онъ часто въ своихъ стихотвореніяхъ возвращался къ «Доли бѣдняка», трогательному отголоску своей личной судьбы. Бѣдная доля проводила его до гроба, и порывъ его къ жизни не былъ услышанъ, и жизнь его, подпошенная какъ трава его пѣсенъ, сохранилась теперь именно въ этихъ пѣсняхъ, потому что въ нихъ оставилъ онъ Россіи отголосокъ своего духовнаго полета и свой вздохъ, свою побѣжденную силу и свою непобѣдимую любовь и ласку къ зеленой нивѣ, къ поэзии хлѣба и къ тому, кто своей работой, своею сивкой распахиваетъ пашенку родной земли.

II.

Майковъ.

Въ представленіи русскаго читателя имена Фета, Майкова и Полонскаго обыкновенно сливаются въ одну поэтическую триаду. И сами участники ея сознавали свое внутреннее родство:

Другъ друга мы тотчасъ признали
Почти на первыхъ же шагахъ,—

говорить Майковъ въ стихотвореніи, посвященномъ юбилею Полонскаго, и тамъ же восклицаетъ онъ:

Тому ужъ больше чѣмъ полвѣка,
 На разныхъ русскихъ широтахъ,
 Три мальчика, въ своихъ мечтахъ
 За высшій жребій человека,
 Считая чудный даръ стиховъ,
 Имъ предались невозвратно...
 Имъ рано старыхъ мастеровъ,
 Поэтовъ Греціи и Рима
 Далось почуять красоты;
 Бывало нѣжный лучъ Аноры
 Раскрытыхъ книгъ освѣтитъ горы,
 Румяна ветхіе листы,—
 Они сидятъ, лова намеки,
 И ихъ восторгъ растетъ, растетъ,
 По мѣрѣ той, какъ трудъ идетъ,
 И сквозь разобранныя строки
 Чудесный образъ восстаетъ.

Изъ этого художественнаго созвѣздія, загорѣвшагося на небѣ русской литературы, старые мастера, поэты Греціи и Рима, наиболѣе глубокое и длительное вліяніе оказали именно на Майкова. Онъ меньше другихъ отрѣшился отъ подражанія образцамъ; оттого и можно сказать, что его поэзія, въ своемъ начальномъ и лучшемъ періодѣ, не самостоятельна и свѣтится лишь отраженнымъ свѣтомъ. Не родное, а чужое было первымъ словомъ Майкова, не подъ солнцемъ, а въ холодномъ блескѣ луны развернулся его поэтический цвѣтокъ. Но съ этимъ еще можно было бы примириться ради тѣхъ вѣчныхъ моментовъ, которые есть въ классицизмѣ и которые, разумѣется, желанны у всякаго, даже и нашъ современнаго поэта,—если бы поклоненіе античной культурѣ и красотѣ, ихъ изученіе претворились у Майкова въ нѣчто близкое и органически-родное, сдѣлались его второй натурой. Тогда онъ былъ бы заблудившійся въ нашей эпохѣ грекъ или римлянинъ, и мы, иные люди, съ удивленіемъ окружили бы этого послѣдняго язычника, и съ древней лирой въ рукѣ, онъ опять бы запѣлъ намъ давно умолкнувшія пѣсни стараго міра. И былъ бы такъ интересенъ и дорогъ этотъ одинокій человекъ безъ современниковъ, оставшій отъ историческаго движенія, заброшенный на внутреннюю чужбину, какъ Овидій среди сарматъ. Но какъ разъ этого и нѣтъ. Майковъ не перевоплотилъ себя въ языческую стихію, не сжился безраздѣльно съ ея духомъ. Прежде всего онъ именно не грекъ, а римлянинъ. Онъ подражаетъ подражателю. Римъ уже и самъ грѣлся въ солнцѣ эллинской красоты, и свѣтъ его собственной поэзіи былъ уже заимствованный. Далѣе, Майковъ классическую душу только узналъ, вычиталъ изъ книгъ, съ ихъ ветхихъ листовъ; языческіе мотивы не зародились въ немъ самопроизвольно, въ знаменательномъ совпаденіи съ психологіей прежней эпохи. Онъ былъ знатокъ древности; его даръ, какъ онъ самъ выражается, «крѣпкъ въ огнѣ науки», хотя его знанія, слишкомъ достаточныя для искусства, были бы неудовлетворительны для науки. На его поэзіи лежитъ печать книги,

потому что поэзія его не такъ глубока, чтобы она могла книгу преодолѣть и заглушить. Наконецъ, къ великому смущенію тѣхъ слушателей, которые собрались вокругъ этого живого пережитка античной старины, онъ въ своей пѣснѣ обнаружилъ много теперешняго, нашего, и явно почувалось въ ней что-то мелкое, оглядочное, слишкомъ современное; въ ней раздались тѣ самые звуки, отъ которыхъ мы и сами-то хотѣли бы освободить себя и которые особенно болѣзненно поражаютъ насъ въ язычничѣ, посулившемъ было свѣжесть и наивность. Если онъ выдаетъ себя за элина, упоеннаго красотой, такъ почему же, двадцати лѣтъ отъ роду, онъ пишетъ благоразумное стихотвореніе «Жизнь», гдѣ степенно предостерегаетъ юношу отъ красоты, отъ любви, отъ бурнаго счастья? Если онъ носитель того духа, который въ любовномъ общеніи съ природой былъ исполненъ ликованія и священной радости, такъ почему же онъ часто бываетъ сухъ и жестокъ, и безтрепетенъ? А главное, почему онъ не имѣетъ духовной свободы, внутренне связанъ и провинитъ моралью? Вѣдь когда онъ говоритъ о чемъ-нибудь неморальномъ, о какой-нибудь любовной шалости, вы чувствуете въ этомъ не искреннюю безпечность вольнаго сердца, бьющаго ключомъ непосредственнаго счастья и страсти, а только снисхожденіе, которое онъ самъ себѣ оказалъ, позволеніе, временный отпущекъ, разрѣшенный ему его строгой душою. И когда онъ сообщаетъ намъ, что при видѣ улыбки на устахъ у дѣвы скромной, онъ самъ не свой и

Прости, Сенека, Локъ и Кантъ

И пыльныхъ кодексовъ старинный фоліантъ,

то уже отъ самыхъ этихъ словъ вѣетъ какъ разъ фоліантами, пыльной книжностью; здѣсь мало искренняго и не задумывающагося отношенія къ самому себѣ, здѣсь повѣтъ очень на себя смотреть, явственно себя видѣть.

Впрочемъ, быть можетъ, это—иллюзія съ нашей стороны, и ранніе стихи Майкова только потому производятъ на насъ впечатлѣніе не свободныхъ, что мы знаемъ его дальнѣйшую эволюцію, его конечную удовлетворимость и удовлетворенность, отсутствіе алканій, его тяготѣніе ко всему офиціальному, ко всему, что признано и торжествуетъ? И не мѣшаетъ ли намъ разглядѣть Майкова молодого будущій пѣвецъ юбилеевъ и царскихъ дней, рапсодъ на придворныхъ пирахъ? И не повторяетъ ли здѣсь Майковъ тоже язычника, наприимѣръ, «умнаго Горация» въ его хвалахъ Августу?

Нѣтъ, едва ли это иллюзія—непрониновенность Майкова язычествомъ. Съ первыхъ же шаговъ его поэтической дѣятельности, такъ сказать—на первыхъ же стопахъ его стиховъ можно уловить, что хотя античному онъ и преданъ былъ душою, но душа эта была не такъ глубока и непосредственна, чтобы онъ могъ вмѣстить въ нее всю широту языческаго міросозерцанія и въ XIX вѣкѣ повторить древній Римъ, древній міръ. Духъ истинной классической свободы и природы не вѣетъ надъ этими знатокомъ и поклонникомъ классицизма. Какъ Панъ въ его стихотвореніи не могъ

воспроизвести звуковъ Феба, такъ и Майковъ неспособенъ былъ воскресить самое дыханіе Эллады. Его тростникъ оживленный хотя и доносилъ своими скважинами шумъ отдаленнаго историческаго моря, но самая натура его не была похожа на это широкошумное море. Красивы всё эти стихи съ населеніемъ воскрешенныхъ нимфъ и наядъ, музъ и дріадъ, и вновь чаруютъ васъ мнѣи и сказанія древности. Но вы не можете забыть, что для древнихъ это была жизнь, а для Майкова—только мнѣология, только «умная ложь», которой онъ не способенъ повѣрить.

Но съ этими ограниченіями, въ этихъ предѣлахъ, исключаящихъ мысль о томъ, что Майковъ былъ настоящій, послѣдній язычникъ, мы должны принять его всецѣло и признать его любовь къ Риму и его художественное воспроизведеніе римской красоты. Въ Римѣ, древняго или современнаго, онъ нигдѣ не можетъ жить, и во всѣхъ случаяхъ своей жизни онъ вспоминаетъ о немъ. Розы Пестума грезятся ему даже среди петербургскаго бала. Когда онъ увидѣлъ вѣчный городъ и въ смущеніи читалъ всю лѣтопись его отъ колыбеля, духъ его трепеталъ въ сладостномъ восторгѣ. Но и теперь, въ наши прозаическіе дни, разстилается чудное небо надъ этимъ классическимъ Римомъ, и Майковъ поэтому воспѣлъ и его, воспѣлъ альбанку, которая подходитъ къ фонтану, и смуглянку милую, которая влетаетъ себѣ въ косу нить бисеровъ перловыхъ и ходитъ за земляникой въ тѣ самыя развалины, гдѣ были нѣкогда громады Колизея. И о Римѣ помнитъ Майковъ даже на рыбной ловлѣ, когда онъ старается обмануть искусственною мушкой пугливую форель; въ Римъ ведутъ для него всё жизненные и литературныя дороги.

Однако и здѣсь, въ этой области, наиболѣе ему извѣстной и, несомнѣнно, имъ любимой, онъ самъ всегда остается внѣ своей темы, не растворяется въ ней. Это характерно для Майкова: онъ самъ по себѣ, и его темы сами по себѣ. Можетъ быть, это свойство его таланта, эта его роковая внѣшность по отношенію къ сюжету, находится въ связи съ тѣмъ, что онъ по существу не лирикъ. У него мало чувства и впечатлительности, и онъ больше живетъ внѣ себя, чѣмъ внутри. Онъ въ Римѣ не полюбилъ міра. И точно для него, для Майкова, написалъ Гете въ своихъ «Римскихъ Элегіяхъ», что хотя Римъ и есть цѣлый міръ, однако, безъ любви міръ не былъ бы міромъ и Римъ не былъ бы Римомъ:

Eine Welt zwar bist du, o Rom; doch ohne die Liebe
Wäre die Welt nicht die Welt, wäre denn Rom auch nicht Rom.

Знаменательно, что когда Майковъ въ гротѣ ждалъ въ урочный часъ своей красавицы и она не приходила, онъ на самомъ дѣлѣ вовсе не тосковалъ по ней и не замѣчалъ, что творилось у него въ душѣ, какъ это было бы съ Гейне или Фетомъ: нѣтъ, онъ въ это время наблюдалъ окружающее, внѣшнюю природу, обстановку неудавшагося свиданія,—то, какъ заснули тополи, умоляли галльоны, какъ любовница Кефала, облокотясь на рдяныя врата младого дня, изъ косъ своихъ роняла златыя зерна перловъ и опала на синіе долины и лѣса. Въ другой разъ красавица пришла,

но Майковъ опять-таки въ соответственномъ стихотвореніи вспоминается ее, а только обстановку, декорациі удавагося свиданія,—то, какъ вдаль и нѣль лавровый лѣсъ и олеандръ блестятъ цвѣтами, то, какъ синѣли горныя вершины и въ золотой пыли тумана какъ будто плавали вдаль и акведуки, и руины... Правда, въ упоенныя сказала ему тогда возлюбленная (не онъ ей): «здѣсь можно умереть вдвоемъ». Недаромъ, въ стихотвореніи, посвященномъ Е. П. М., онъ говоритъ, что творческія думы посѣщаютъ его не передъ лицомъ самой природы и не подъ ея гармонію строить онъ свои стихи, а—«послѣ, далеко отъ шилыхъ силъ явленій, въ ночи», когда глыбы и горы встаютъ предъ нимъ уже отраженные въ грезѣ, уже вторичныя:

Тогда я слышу, какъ кипитъ
Во мнѣ святой восторгъ, какъ кровь во мнѣ горитъ,
Какъ стихи слагается и прозабуютъ мысли...

Горѣніе крови во всякомъ случаѣ не сохраняется въ его стихахъ, и если чего-либо имъ недостаетъ, такъ это именно крови: они пластичны, они мраморны, но даже любовь къ Риму, который они изображаютъ, не можетъ ихъ согрѣть. Или мраморъ вообще прекрасенъ только холодный?

Впрочемъ, мраморный ледъ стихотвореній таятъ, когда Майковъ принималъ къ родной землѣ, къ своему саду, который съ каждымъ днемъ увядаетъ, къ сельской природѣ, къ нивѣ, которую онъ всегда описываетъ такъ ласково, къ идеаліи рыбной ловли, гдѣ онъ, однако, любитъ собою какъ рыбакомъ (очевидно, нельзя дѣлать предметомъ идеаліи самого себя); когда онъ привѣтствовалъ русскую весну съ ея шумомъ и благовѣстомъ ближняго храма, и говоромъ народа, и стукомъ колеса, когда онъ вспоминалъ своихъ ушедшихъ сверстниковъ и своего брата, «милаго брата». Но даже и здѣсь, при этихъ воспоминаніяхъ, когда лиризмъ вполне законенъ, Майковъ хочетъ его скрыть. Онъ думаетъ о молодости, которая улетѣла, о родныхъ могилахъ въ чужомъ краю, все въ томъ же Римѣ, который похоронилъ русскихъ юношей, «кого,—увы!—не зная землѣ онъ предастъ»; что-жъ, когда человекъ идетъ по жизни, а кругомъ него разверзаются могилы, то здѣсь ли не простить себѣ вздоха, слезы? Но нѣтъ: Майковъ спѣшитъ извиниться передъ другомъ за свое изліяніе:

Прости мнѣ, другъ, прости...
Я больше наводишь тоски тебѣ не буду
Непрошеной слезой,
И въ воды быстрыя закидываю уху,
На все махнувъ рукой.

Не это ли ключъ къ Майкову? Быть можетъ, то, что мы принимаемъ недостаткомъ лиризма, есть только душевная стыдливость, цѣломудріе и треннаго міра?

Утверждать последнее стихи Майкова не дадутъ основанія, и даже тамъ гдѣ они, среди классическихъ виврустацій, вѣщаютъ о мятежномъ эротическомъ, вы какъ-то не вѣрите ихъ непосредственности, ихъ

исхожденію изъ сердца; вамъ кажется, что Майковъ, какъ дѣти выражаются, часто говорить «нарочно», и всѣ эти Нины и Нанны, которыя будто ревнуютъ его одна къ другой, сочинены, придуманы только ради стихотворенія.

Не вѣришь его Наннѣ и Нинѣ еще и потому, что этотъ слабый лирикъ вообще рѣдко возвышается до естественныхъ женскихъ образовъ. Типично для него стихотвореніе «Сонъ въ лѣтнюю ночь», гдѣ описываются любовныя грѣзы молодой дѣвушки, и надо сказать, что мѣстами оно нестерпимо своею банальностью, своею лубочностью: этотъ юноша, который «влетѣлъ» къ героинѣ «свѣтелъ лицомъ, точно весь былъ изъ луннаго блеска», эти «колоннады», которыя присѣялись дѣвушкѣ, эти «пирамиды изъ розъ», въ которыхъ «вереницы огней въ алебастровыхъ вазахъ свѣтились»... Въ «Жрецъ» передъ нами тоже избитый образъ женщины-соблазнительницы: конечно, съ обнаженными руками и плечами, «уста съ пылающимъ дыханьемъ», и эта женщина прозаически восклицаетъ: «бѣги со мною! *возьмемъ корабль*». Зато въ «Неаполитанскомъ альбомѣ», вообще неостроумномъ и свою главную героиню изображающемъ блѣдно, намѣченъ сильными и красивыми стихами образъ королевы Іоанны,—

И безумцевъ такъ и тлѣетъ
Съ ней, женой богатырей,
Испытать и пылъ, и нѣгу
Намъ невѣдомыхъ страстей.

Но что, дѣйствительно, примиряетъ въ Майковѣ съ отсутствіемъ живой эмоциональности, такъ это—ныня стихотворенія, въ которыхъ лирика не выражена явно, однако чувствуется запрятанной въ глубинѣ холодныхъ стиховъ, подъ оболочкой строгой объективности. Напримѣръ, и Бѣлинскій, и, въ наши дни, Мережковский, писавшіе о Майковѣ, цитируютъ слѣдующее его стихотвореніе, высокій образецъ искусства:

На мысѣ семъ дикомъ, увѣчанномъ бѣдной осокой,
Покрытомъ кустарникомъ ветхимъ и зеленою сосенъ,
Печальный Менискъ, престарѣлый рыбакъ, скоронялъ
Погибшаго сына. Его возмелѣяло море,
Оно же его и пріяло въ широкое лоно,
И на берегъ бережно вынесло мертвое тѣло.
Оплакавши сына, отецъ подъ развѣсистой ивой
Могилу ему ископалъ и, накрывъ ее камнемъ,
Плетеную вершу изъ ивы надъ нею повѣсилъ—
Угрюмой ихъ бѣдности памятникъ скудный!

Несказанно-трогательнъ этотъ вздохъ отцовской печали, какъ бы кристаллизованный и бережно перенесенный изъ далекой старины въ нашу среду; здѣсь—соболезнованіе чужой давнишней скорби, не испарившейся на протяженіи вѣковъ, и бѣдности современной такъ понятна и родственна эта угрюмая бѣдность древняя, которая могла воздвигнуть своей утратѣ лишь памятникъ скудный, но которой поэтъ своимъ стихотвореніемъ создалъ памятникъ изъ драгоцѣннаго мрамора словъ,—и онъ нетлѣнно вы-

сятся надъ скромной могилой утонувшаго рыбака, тамъ, гдѣ подъ развѣсистой ивой отецъ повѣсилъ плетеную вершу. И Майковъ, не давшій умереть старой человѣческой эмоціи, горю давно умершаго Мениска, сумѣлъ включить это свое лирическое сочувствіе въ стихи, не ведущіе чувства на показъ, въ стихи спокойные и пластическіе, сумѣлъ извлечь элегію мраморную.

Внѣшній и пластическій, рѣдкій посѣтитель внутренняго міра, изображающій охотнѣе всего обстановку человѣческихъ страстей и трепетаній, Майковъ и стихомъ владѣетъ такимъ, который не теплится чувствомъ, въ отношеніи звуковомъ далеко не чуждъ шероховатостей и не часто бываетъ музыкаленъ, но зато дѣлаетъ порою очень увѣренные изгибы и легко соединяется съ другимъ, слѣдующимъ стихомъ; а иногда поэтическія строки такъ сплетены между собою, такъ требуетъ одна своего продолженія въ другой, что выѣстъ онѣ образуютъ какую-то стихотворно-каллиграфическую вязь, красивую непрерывность, *scripturam continuam*. Припомните, напримѣръ, послѣднія строки стихотворенія «Антики», и вы увидите, какъ сочетается конецъ одного стиха съ началомъ другого. Поэтъ говорить о древнихъ художникахъ:

Иль, можетъ быть, въ жизни узнали лишь горе да голодъ,
Труда вдохновенныя ночи, да творчества гордость,
И нынѣ ихъ имя погнбло, и, можетъ быть, поздно
Узнали ихъ гений... и имъ неизвѣстно осталось,
Какой энміамъ воскуретъ имъ далекимъ потомствомъ,
Неживый и чистый, подобный тому, что куряки
Въ Аеннахъ жрецы алтарямъ неизвѣстнаго бога...

Не всегда яркій звуками, живымъ отголоскомъ вдохновенія и страсти, стихъ Майкова поражаетъ зато рельефностью своихъ очертаній. Онъ до такой степени выпуклъ, что хочется нащупывать его, обводить пальцемъ его скульптуру, но мѣрѣ того какъ она, отчетливо и округло, выступаетъ изъ-подъ художническаго рѣзца. Онъ даетъ почти самую вещь, а не описаніе ея, и вамъ кажется, что вы держите ее въ рукахъ. Такъ, вѣроятно, рисовалъ Апеллесъ, и зрители принимали картину за самый предметъ. Каждое изъ лучшихъ стихотвореній Майкова, каждая изъ его словесныхъ камней похожа на статую, и вы чувствуете, что поэтъ былъ бы очень радъ, если бы ему удалось всю жизнь съ ея тревогами и красотой претворить въ какіе-то Пропилеи; во всякомъ случаѣ, портикъ или колоннаду изъ антологіи Майкова можно построить. Стихотвореніе-камень отдѣлано и закончено у него до послѣдней детали; его отличаетъ такая завершенность, оно до такой степени готово, что, право, читателю становится даже какъ-то совѣстно за самого себя, потому что вѣдь мы-то, люди, мы вѣчно неготовы, несовершенны, некрасивы, и намъ ли, безповойнымъ и озабоченнымъ, пристало имѣть такія художественныя вещи, несравненно лучшія, нежели мы сами? Майковская камея заманчивается на такой подробности, дальше и мельче которой уже ничего не придумаешь;

послѣ этого штриха для описанія не остается уже ничего. Напримѣръ, «Вакханка» до того закончена и внутренне округлена, что первый стихъ ея въ кругооборотѣ изображенія слился, отождествился съ послѣднимъ, и оба звучать одинаково:

Тампанъ и звуки флейтъ и плески вакханалій.

Точка у Майкова вполне законна и своевременна: ни раньше, ни позже ея нельзя было бы поставить. И такъ онъ извлекаетъ изъ своего мраморнаго музея одну статуэтку, одну группу за другой, и мы только думаемъ иногда: какъ хорошо было бы, если бы ваятель словъ могъ вдохнуть въ свою Галатею дыханіе живой жизни!... И его же стихами можно сказать о его стихахъ:

Какъ мраморъ ждуть они единой
Для жизни творческой черты!...

Но Майковъ не только скульпторъ,—во многихъ своихъ стихотвореніяхъ онъ является и живописцемъ. Едва ли кто-нибудь другой изъ русскихъ писателей такъ часто говоритъ о краскахъ, такъ часто употребляетъ цвѣтовые эпитеты. Колосья онъ не преминетъ назвать желтыми, зарю—янтарной; Эллада для него прежде всего—вѣчно зеленая, и такъ настойчиво слышится о цвѣтѣ въ этомъ библейскомъ мотивѣ:

Бѣлыхъ лилій Идумей
Озябный вѣничикъ цвѣлъ кругомъ,
Бѣлый голубь Іудей
Рѣялъ ласковымъ крыломъ.

Иногда на протяженіи нѣсколькихъ строкъ онъ даетъ цѣлый пейзажъ, и вы вслѣдъ за художникомъ переходите отъ одной краски къ другой:

Боже! какъ смотришь на эти лиловыя горы,
Ярко-оранжевый западъ и блѣдную синь на востокъ
.....
Бѣлыя стѣны, покрытыя плющемъ густымъ, кипарисы и т. д.

Ему нравятся разныя сочетанія красокъ: орлу никто не скажетъ

...Не плечи морей водами
Своими черными крылами
При блескѣ розовой зари;

по каменной, бѣлой оградѣ разросся зеленый плющъ, и къ фонтану подходить дѣвушка въ аломъ корсетѣ; хороши для него и красныя обломки Рима средь роши кипарисной, подъ небомъ голубымъ, и лилово-серебристыя горы. И на каждомъ шагѣ встрѣчаются у Майкова разнообразныя сочетанія цвѣтовъ, пейзажъ вещей. При этомъ краски у него простыя, безъ оттѣнковъ. Базалось бы въ такомъ случаѣ, что Майковъ задастъ намъ цѣль красокъ, но пира, лигованія у него именно и нѣтъ; сухость не покидаетъ его и здѣсь; часто вспоминается его строгое, учительское лицо въ очкахъ... Была бы упоительна оргія красокъ, но на оргію Майковъ не пойдетъ.

Не менѣ замѣтны въ его стихахъ—линіи, очертанія; важнѣе всего—рисунокъ, геометрія. У Майкова необыкновенно четкое поэтическое письмо,

и отчетливость его стиховъ, ихъ почеркъ, напоминаютъ издѣлія «старого ювелира», какъ онъ самъ себя величалъ. Онъ не забудетъ назвать семь полуокруглымъ; онъ очень точенъ и внимателенъ къ обрисовкѣ предметовъ.

При такомъ богатствѣ изобразительныхъ средствъ, при такомъ счастливомъ сочетаніи пластики, красокъ и рисунка, при этомъ совмѣщеніи въ одной натурѣ ваятеля, художника и рисовальщика становится понятнымъ, что собственно поэту, вѣщателю впечатлѣній, уже остается мало дѣла и простора. Майкова держитъ почти въ полномъ плѣну внѣшній міръ, который онъ такъ хорошо видитъ и такъ хорошо осязаетъ; Майковъ слишкомъ занятъ вещами, ихъ наружностью, для того чтобы у него были еще и впечатлѣнія, настроенія отъ вещей, чтобы послѣднія переработались въ крѣпкое достояніе внутренняго міра. Онъ опредѣляетъ, называетъ, описываетъ; дѣлаетъ онъ это округленно и отчетливо, и больше отъ него не требуйте ничего; еще разъ вспомните, что его поэзія, это — наружній міръ съ самой незначительной, только необходимой долей міра внутренняго.

Какъ темнъ сводъ деревъ вѣтвистыхъ,
Какъ зеленъ бархатъ луговой,—

это онъ замѣтитъ, но что онъ чувствуетъ подъ темнымъ сводомъ и на зеленомъ бархатѣ травы,—объ этомъ онъ не расскажетъ намъ. Привязанный къ вещамъ, населенію внѣшняго міра, онъ изображаетъ ихъ такими, каковы онѣ въ дѣйствительности и, къ тому же, какъ разъ въ данный моментъ ея. Въ противоположность Пушкину, Майковъ и своими эпитетами, и своими существительными рисуетъ не вѣчныя свойства предметовъ, не типы, не Платоновы идеи вещей, а ихъ отдѣльные, опредѣленные образцы.

Вотъ образцовъ у него очень много, и часто Майковъ любитъ перечислять вещи, какъ это онъ дѣлаетъ, напримѣръ, въ «Іафетѣ», гдѣ перечисленіе, поэтично,—можетъ быть, потому, что тамъ выступаютъ вещи живыя:

Межъ нихъ паслись, высокогруды,
Степные кони и мулы,
И двугорбые верблюды,
И мягкорунные овны.

Но зато въ «Савонаролѣ» или въ «Клермонтскомъ соборѣ» перечисленіе слишкомъ арифметично и подробно, слишкомъ обнажено:

Тутъ были жемчугъ, изумруды,
Великолѣпные сосуды,
И кучи бархатовъ, парчей,
И карты игральныхъ, и костей;
И сладострастныя картины,
И бусы фавовы и сиренъ,
Литавры, арфы, мандолины
И ноты страстныхъ канталетъ,
И кучи масокъ и корсетовъ,
Румяна, мыло и духи,

И эротических повтовъ
Соблазна полные стихи.

Или въ другомъ мѣстѣ:

Лучъ солнца ярко озаряя
Знамена, шарфы, перья, ризы,
Гербы, и ленты, и девизы,
Лазурь, и пурпуръ, и металлы.

Тутъ же перечисленія и живыхъ яркихъ предметовъ,—герцоговъ, бароновъ, къ которымъ онъ вообще такъ равнодушенъ...

Майковъ любить вещи, «серебряныя блюда и хрустальные сосуды», обстановку древняго пиршества. Эта любовь къ вещамъ, въ особенности къ античнымъ, это ихъ изобиліе и способъ ихъ изображенія, это частое описаніе дворцовъ, палатъ, тканей дѣлаютъ поэзію Майкова похожей на картины Семирадскаго. И эти же особенности въ связи съ тѣмъ, что нашъ писатель черпаетъ свои сюжеты отовсюду, приводятъ къ тому, что иногда о собраніи стихотвореній Майкова хочется сказать: лавка его стихотвореній...

Въ самомъ дѣлѣ, одной изъ отличительныхъ чертъ Майкова, находящейся въ связи съ тѣмъ, что, какъ мы уже отмѣтили, онъ по большей части стоитъ внѣ своей темы, экстерриториаленъ по отношенію къ ней,—одной изъ его чертъ является случайность или, по крайней мѣрѣ, не строгая необходимость въ выборѣ сюжетовъ. Онъ передвигаетъ страницы исторіи, дѣлаетъ смотръ «вѣкамъ и народамъ», для того чтобы выбрать отсюда интересные эпизоды. Поэтъ содержанія, фактовъ, сюжетовъ, онъ долженъ былъ со скрижалей исторіи, а не изъ собственной небогатой души черпать темы для своихъ стихотвореній. Очевидно, всегда таилось въ немъ что-то формальное и отзывающееся на случай,—поэтическая отписка. Мало органичности въ его литературныхъ исканіяхъ. Такъ какъ онъ для поэта очень свѣдущъ, то ему не трудно припомнить, гдѣ нужно, интересный историческій примѣръ, который онъ и обрамляетъ своимъ стихотвореніемъ: выходитъ красиво, но не безъ привкуса учености, хотя бы и элементарной. Напримѣръ,—въ пьесѣ «Послѣ посѣщенія Ватиканскаго музея»:

Съ душой, подавленной восторженной тоской,
Глядѣлъ въ смущенія я на лики вѣковые,
Какъ склепы дикіе, пришедшіе съ Дибра,
Средь блеска пурпура царьградскаго двора,
Предъ благогѣшемъ маститой Византіи,
Внимали музыкѣ имъ чуждой литургіи.

Это—прекрасно, но для того, чтобы это написать и это оцѣнить, надо знать про скиевъ и про Византію.

Вѣншее отношеніе къ сюжетамъ дѣлаетъ то, что и классицизмъ Майкова превращается въ ложно-классицизмъ. Здѣсь все—только воспоминаніе, только заимствованіе. «На этихъ мраморахъ густая пыль лежитъ»; залы для него «точно храмы исторіи»; Майкову часто приходится

противопоставлять настоящее прошлому, заустѣніе—расцвѣту. Онъ и современности подыскиваетъ параллели въ классической старинѣ, и эти должна была прѣхзть въ городъ поэтесса графиня Растопчина, онъ ищетъ стихотвореніе:

Въ нашъ городъ слухъ прошелъ, что Сафо будетъ къ намъ,

и въ этомъ стихотвореніи фигурируютъ и архонты, и жрецы. Но жинь, хотя и переведенная на латинскій или греческій языкъ, отъ этого не становится античной.

Вроть случайности и довольно пестраго подбора сюжетовъ, отрицательной чертою Майкова служить и то, что въ его пересказахъ изъ исторіи, въ его обработкѣ темъ, большей частью отсутствуетъ соціальное, и Майковъ этого отсутствія какъ будто даже не замѣчаетъ и насколько имъ не смущенъ; ибо онъ не Протей, какъ Пушкинъ, онъ чуждъ способности перевоплощенія. Онъ вкладываетъ въ уста своихъ древнихъ героевъ рѣчи модернизованныя, мысли, носящія явный отпечатокъ самого Майкова. Въ своихъ литературныхъ поискахъ найдя соответствующій сюжетъ, онъ ничего къ нему не прибавляетъ. Отъ его пересказа не проступаетъ идея событія, его общій смыслъ. Онъ перелагаетъ исторію въ стихи,—исторія отъ этого не выигрываетъ ничего. Онъ переводитъ прозу на прозу.

Правда, обобщенія Майковъ любитъ и, самъ неоригинальный мыслитель, тяготеетъ къ идеямъ, но онъ не идетъ за грань обыкновеннаго, всемъ известнаго: онъ не далъ Россіи никакихъ поэтическихъ или умственныхъ откровеній. Лишь изрѣдка появляется у него дѣйствительно глубокая мысль, напримѣръ,—въ стихотвореніи «Осенніе листья по вѣтру кружатъ», гдѣ отдѣльные гибнущіе листья переживаютъ иллюзію и трагедію индивидуальности: они думаютъ, что вмѣстѣ съ ними пришелъ конецъ и лѣсу,—но умираютъ только они, а лѣсъ, вѣчно живой, не слышитъ ихъ предсмертной тревоги.

Вообще же событіе скорѣе суживается отъ той идейной окраски, какую придаетъ ему Майковъ, потому что она примитивна. Тѣ краски безъ оттѣнковъ, которыя присущи ему какъ живописцу словъ, характерны для него и какъ для мыслителя. Поэтому и наиболѣе любимое обобщеніе его, которымъ онъ раздѣлилъ исторію на два міра и противопоставилъ янчеству христіанство,—это обобщеніе во всякомъ случаѣ не ново и не глубоко. Отдать язычеству плоть, а христіанству—духъ, заставить эпикурейца умереть на козляныхъ дѣвы милой, а стоика встрѣтить смерть мужества, вложить въ уста послѣднему римлянину горделивыя мысли о Римѣ и о мірѣ,—все это не оригинально, и все это мы знаемъ даже изъ учебниковъ. Въ особенности трафаретны христіане изъ «Двухъ міровъ». Обобщенія рѣзки, схематичны, сухи, и, какъ это странно ни звучитъ, уже въ нихъ, въ умственной удовлетворенности ими, сказывается то самое отсутствіе алканій и сомнѣній, которое мы уже отмѣчали въ Майковѣ. Онъ легко, просто объясняетъ прошлое, вводитъ его въ опредѣленныя

рамки и успокаивался. И при этомъ замѣчается еще у него учительство, постоянное желаніе назидать. Онъ ничего не имѣлъ бы противъ того, чтобы вся поэзія приняла дидактической характеръ.

Свойственная Майкову внѣшность по отношенію къ своимъ темамъ объясняетъ и то, что онъ много и разнообразно переводилъ. Даже мало конгеніальнаго ему Гейне онъ понялъ и охарактеризовалъ въ такомъ изящномъ и вѣрномъ образѣ:

Олень бѣжитъ по ребрамъ горъ
И съ горъ кидается стрѣлою
Въ туманы дремлющихъ озеръ,
Осеребрянные луною.

Но особенно прекрасны его переводы съ ново-греческаго и славянскихъ языковъ; здѣсь достигаетъ Майковъ высокаго художества. Здѣсь стихъ его и музыкаленъ, и граціозенъ, и, гдѣ нужно, силенъ; здѣсь есть даже и тотъ колоритъ, котораго вообще, какъ мы уже видѣли, Майкову недостаетъ. Въ ново-греческихъ пѣсняхъ часты разнообразные мотивы смерти, и они производятъ сильное впечатлѣніе, мрачныя и страшныя въ своей пластической выразительности. Очевидно, когда въ своихъ блужданіяхъ по вѣкамъ и народамъ Майковъ случайно наталкивался на близкое и родное его духу, тогда найденный сюжетъ, готовое содержаніе, онъ соотвѣтственно и достойно облакалъ.

Въ этомъ отношеніи замѣчательны также «Бальдуръ» и «Брингильда». Можетъ быть, вообще сѣверная мифологія была родственнѣе его душѣ, чѣмъ античная; во всякомъ случаѣ, мощные образы скандинавскихъ боговъ, героевъ и героинь выступаютъ у него въ своей величественной красотѣ. Брингильда, убившая того, кого она любила, и потомъ заколовшаяся надъ его трупомъ, и другія королевы, въ этой же повѣсти одна за другою вѣщающія свои чеканныя рѣчи, навсегда останутся въ скульптурѣ нашего слова прекрасными статуями. И на ряду съ антологіей Майкова, съ его стихотвореніями изъ цикловъ «Дома», «На волѣ»,—именно онѣ обезпечиваютъ Майкову вѣчную жизнь въ русской литературѣ.

Мы уже касались его міросозерцанія, мы уже знаемъ, что дѣйствительностью онъ былъ доволенъ, т.-е. не широкой дѣйствительностью, не міромъ вообще, а государственной жизнью. Во имя обожествленной государственности онъ беретъ подъ свою защиту даже Грознаго. Онъ показалъ борьбу между язычествомъ и христіанствомъ, и вотъ христіанство побѣдило; Майковъ и сталъ поэтомъ торжествующаго креста. При этомъ крестъ у него торжествуетъ именно въ государственномъ смыслѣ; христіанская побѣда, христіанское прощеніе у него или надменные, или непріятно-великодушны. Можно было бы примириться съ тѣмъ, если бы Майковъ воздавалъ кесарю кесарево,—но онъ дѣлаетъ больше: онъ воздастъ кесарю Богово.

Сильнѣе всего въ чужомъ, въ отраженномъ, Майковъ, когда переходить къ вопросамъ современности, все больше и больше подпадаетъ вялой

прозѣ,—не говоря уже объ его стихотворной публицистикѣ или сатирѣ, совсѣмъ не стоящей вниманія.

Въ общемъ надо сказать, что всегда видишь дно его таланта, видишь, гдѣ Майковъ кончается. И лучшія его вещи производятъ такое впечатлѣніе, что онѣ, послѣ долгой работы, вышли изъ-подъ слоя обильныхъ и лишннихъ словъ; это—свѣтлыя точки на общемъ фонѣ его «литературы». Но зато онѣ въ самомъ дѣлѣ прекрасны. И если въ настоящемъ вѣдѣ мы больше остановились на отрицательныхъ свойствахъ Майкова, то это лишь потому, что положительная сторона его дарованія давно уже раскрыта нашей критикой и, кромѣ того, она сама, непосредственно, выступаетъ для каждаго, кто входитъ въ очарованный міръ его антологій и бредитъ среди его боговъ и людей, такъ похожихъ другъ на друга и сливающихся въ единую семью Красоты. И хочется вмѣстѣ съ Майковымъ слушать Великаго Папъ, который давно заснулъ, но грѣзы котораго стараются разгадать и онъ, и всѣ поэты міра:

Онъ спитъ, онъ спитъ,
Великій Папъ!
Иди тихонько,
Мое дитя,
Не то проснется...
Иль лучше сядемъ
Въ травѣ густой,
И будемъ слушать,—
Какъ спитъ онъ—слушать,
Какъ дышитъ—слушать;
Къ намъ тоже тихо
Начнутъ слетать
Изъ самой выси
Святыхъ небесъ
Такіе жъ сны,
Какими грезитъ
Великій Папъ,—
Великій Папъ...

III.

Слѣпцовъ.

Особенность литературной манеры Слѣпцова заключается въ томъ, что русскую жизнь онъ раздробляетъ на вереницу коротенькихъ сценъ, производящихъ дѣйствительность въ ея звукахъ, въ ея характерной фактурѣ. Третій классъ желѣзной дороги, въ окна котораго глядятся однообразные пейзажи, какое-нибудь шоссе съ его пѣшеходами, случайный ночлегъ постоялому дворѣ—все это для автора, находящагося въ непрерывномъ путешествіи, составляетъ неизсякаемый резервуаръ рѣчей, разговоръ и отдѣльныхъ идиомовъ, которые онъ, въ своемъ этнографическомъ изысканствѣ, охотно запоминаетъ и записываетъ. Слѣпцовъ какъ бы удар

ваетъ мгновения, наполненныя словами, которыя онъ подслушиваетъ и повторяетъ съ необычайной точностью—во всёхъ перебивахъ интонацій, во всей сохранности голосовъ и тембровъ; его можно было бы уподобить фонографу, если бы регистрація звуковъ не соединилась у него съ ихъ художественной обработкой. Вѣрный тому, что слышитъ, онъ не довольствуется нормальной жизнью русскаго языка; для него мало обычнаго употребленія гласныхъ, и регентъ на спѣвкѣ выводитъ у него: «Вирую въ юднаго Буга Утца». Спѣвка вообще даетъ ему, собирателю и ловцу звуковъ, обильный фонетическій матеріалъ. Здѣсь раздолье его удивительно тонкому слуху, для котораго доступенъ и чужой шопоть; здѣсь можно подмѣтить, какъ «вливаютъ голосомъ, точно хвостомъ», и пѣвчіе исполняютъ указанія своего корифея: «тенора капни и уничтожься! альтъ журчи ручейкомъ! дишкантъ замирай!» Слѣпцовъ тщательно копить всё эти человѣческія мелочи и, благодаря послушному аппарату воспроизведенія, берегаетъ для насъ отлики мимолетныхъ восклицаній, которыя иначе отзвучали бы, не успѣвъ прозвучать. Искусный счетчикъ звуковъ, онъ ничего не пропускаетъ мимо своего чрезмѣрнаго вниманія; онъ не дѣлаетъ различія между главнымъ и второстепеннымъ; для него важны каждый слогъ, каждое междометіе, потому что звуки, какъ бы ничтожны они ни казались, цѣпляются одинъ за другой и въ своей совокупности создаютъ опредѣленный узоръ, копію жизни, съ подлиннымъ вѣрною и оттого внутренне-значительную.

Жизнь звучитъ, и всякій можетъ въ этомъ звучаніи различить иное, услышать и понять его по-своему. Для Слѣпцова жизненный шумъ, это, съ внѣшней стороны,—сплошной разговоръ. И вотъ писатель старается уловить его брызги, осколки людскихъ рѣчей, и каждое изъ лучшихъ его произведеній—отрывокъ. Дѣйствительность рисуется ему какъ безпрестанная встрѣча собесѣдниковъ; она очень рѣдко принимаетъ форму монолога, и даже бесѣда ея совсѣмъ не пространна и не складна. Жизненный діалогъ, это—короткія строчки обращеній и репликъ, вопросовъ и отвѣтовъ. Человѣческій разговоръ, подслушанные моменты котораго составляютъ тему слѣпцовскихъ разсказовъ, несмотря на свою лаконичность, до такой степени содержательна и понятна, что не нуждается ни въ какомъ комментарий. Автору приходится дѣлать очень мало поясненій отъ себя, ремарокъ и вставокъ. Да и къ перу онъ прибѣгаетъ только въ силу технической необходимости,—будь его воля, онъ предпочелъ бы устное изложеніе, такъ какъ именно въ живой, непосредственной звучности сказываются для него характеры людей, ихъ міросозерцаніе, и жизненные драмы, особенно ихъ финалы, растворяются въ словахъ и въ томъ ладѣ, на какой ихъ произносятъ. И въ этомъ отношеніи Слѣпцовъ заходитъ такъ далеко, что слова у него въ концѣ-концовъ пріобрѣтаютъ какую-то самостоятельность, точно они отрѣшены отъ своихъ понятій, отъ своихъ психологическихъ спутниковъ и предшественниковъ,—во всякомъ случаѣ, отъ своей эмоциональной окраски. Его какъ будто не интересуетъ, что всё слова—только отраженія

известных переживаний и чувствъ. Можетъ быть, именно въ связи съ этимъ находится и то, что его герои часто говорятъ, продолжаютъ говорить и тогда, когда сказать уже больше нечего, когда фразы служатъ лишь повтореніемъ и будто топчутся на одномъ мѣстѣ. Слова у Слъщова сами по себѣ, и они безчувственны.

Это—потому, что онъ ограничивается ролью безстрастнаго подслушателя жизни. Фонографъ равнодушенъ, и этимъ онъ оскорбителенъ. И даже въ самой точности его репродукцій есть нѣчто отталкивающее. Нельзя рассказывать всего, что подслушано у жизни. Какъ будто между мною и міромъ должна оставаться нѣкая тайна, и я не смѣю передавать всего, что слышалъ и видѣлъ. Слъщовъ же имѣетъ подобное дерзновеніе. Бездушно, неумолимо и сухо воспроизводитъ онъ жизнь, протоколируетъ ее, а самъ какъ бы остается ни при чемъ, въ сторонѣ, и не беретъ на себя никакой отвѣтственности за сообщаемое. Выходитъ ли смѣшно, выходитъ ли печально (чаще всего—то и другое одновременно),—все это дѣлается само собою, помимо него. Онъ ничему не удивляется. Ему все равно, услышитъ ли онъ пристойное или непристойное: онъ небрезгливъ, онъ все повторитъ и дойдетъ до самыхъ предѣловъ того, что выносить печатное слово, а иногда переступить и эту грань. Онъ не любитъ многоточій, употребляетъ ихъ въ самомъ крайнемъ случаѣ и только тамъ, гдѣ они прозрачны; напротивъ, онъ охотно раскрываетъ многоточія самой жизни, и она порою скромнѣе его.

Въ своей холодной, неизмѣнной точности онъ не признаетъ избытка штриховъ, законченный рисунокъ для него гораздо дороже красокъ, и отточенная сжатость составляетъ его отличительную черту. Одна короткая фраза слѣдуетъ за другой, одинъ фактъ нанизывается на слѣдующій—большей частью, въ хронологическомъ порядкѣ, и, кажется, какая бы душевная катастрофа ни произошла съ героемъ, Слъщовъ спокойно заставляетъ бы ее, въ своемъ повѣствованіи, дожидаться все той же временной очереди и не рассказалъ бы о ней раньше, чѣмъ о любой детали. Для его эпоса типична такая форма: «Пріѣхали въ какую-то деревню ночевать. Остановились у одной избы. Мужикъ постучалъ въ окно. Впустили. Хозяева только было собирались ложиться. Баба вошла въ избу, а мужикъ пошелъ отпрягать лошадь. Самъ хозяинъ еще не ворочался съ поля. Въ избѣ было душно, мухи жужжали и лѣзли въ лицо. На печи охала старуха; а вся семья была въ клѣтѣ. Хозяйка вошла въ избу и, доставая изъ рукава блоху, спросила» и т. д. Такъ изображаетъ онъ жизнь говорящую, Россію разговаривающую,—такимъ же спокойнымъ и чуждымъ всякаго лиризма остается онъ и тогда, когда рисуетъ фонъ для нея, когда живописуетъ природу своей страны: онъ и природу протоколируетъ. Возьмите, напримѣръ, слѣдующія строки: «Роса, вѣтерокъ подуваетъ, небо съ востока покраснѣло, изъ побурѣвшихъ озимей вылетаетъ перепелъ... Оврагъ, заросшій орѣшникомъ, внизу—мость... Туманъ поднялся, все чище и чище становится даль, ярче цвѣты, прозрачнѣе воздухъ и встантъ кру-

гомъ одно за другимъ далекія села, лѣса и озера... Рязановъ глядѣлъ, какъ лошади бѣгутъ, какъ жаворонки сверху падаютъ въ зеленую рожь и опять, точно по ступенькамъ, поднимаются выше и выше; какъ стадо пasetся по косогору; вонъ лежить въ лошинѣ свинья, а на свиньѣ сидитъ ворона».

Лежить въ лошинѣ свинья. «Въ оврагѣ валется ободранная собаками дохлая лошадь». Марья Николаевна видитъ, какъ сѣкутъ мужика. Повторемъ: онъ нисколько не брезгливъ, и никакой сюжетъ, никакая подробность не смущаетъ его. Онъ не задумается повести насъ въ специфическое отдѣленіе больницы и покажетъ, какъ больные зачумленной палаты занимаются любовными интригами; то, что это производитъ на насъ впечатлѣніе гадливости и кошмара, его не беспокоитъ.

Многого не нужно ему, чтобы обратить свое писательское вниманіе: онъ вездѣ остановится, послушаетъ, посмотритъ,—а затѣмъ припомнитъ и расскажетъ. Онъ спокоенъ; онъ увѣренъ, что гдѣ бы ни копнуть жизнь, она повсюду окажется интересной и каждая мелочь займетъ свое мѣсто въ ея общей характеристикѣ. Оттого, напримѣръ, въ рассказѣ «Вечеръ» цѣлая, такъ сказать, глава, или, во всякомъ случаѣ, эпизодъ сводится не болѣе какъ къ слѣдующему: «На завалинкѣ своего дома сидитъ старый священникъ въ ветхомъ подрясникѣ, съ заплетенной въ ленточку косой. На плечѣ у него котенокъ. Въ окно смотреть попадаѣ». Вотъ и все. И онъ не рисуется, не манерничаетъ, когда столь своеобразно рассказываетъ,—нисколько, его повѣствованіе отличается большою искренностью и простотой. Онъ только правдивъ, не хочетъ сочинять, и если на дорогѣ встрѣтятся ему неинтересные попутчики, то онъ именно о нихъ и передаетъ вамъ, не замѣнить ихъ, въ угоду беллетристики, болѣе занимательными типами.

Изъ этого сочетанія звучащихъ кусковъ жизни, изъ этой мозаики деталей проступаетъ картина, поражающая своей безотрадностью, полная унынія. Человѣческій разговоръ прежде всего смѣшонъ. Въ немъ звучитъ бездонная глупость людей и такое же ихъ бездонное страданіе, хотя послѣднее рѣдко выступаетъ въ своемъ чистомъ видѣ,—оно сливается съ комическимъ. Несчастный у Слѣпцова больше смѣшонъ, чѣмъ несчастенъ. Авторъ какъ будто не уважаетъ своихъ героевъ, людей вообще, скрытно надѣвается надъ ними, хотя, какъ истинный юмористъ, самъ никогда не позволяетъ себѣ улыбки и оцѣнки. Мы нашли одно только мѣсто, гдѣ онъ самъ характеризуетъ разговоръ своихъ персонажей какъ «жесточайшій вздоръ». Вообще же онъ предоставляетъ судить самому читателю, онъ только выводитъ во всей красотѣ своихъ героевъ, и читатель неудержимо смѣется, когда слышитъ переданныя во всѣхъ мелочахъ бесѣды «Желѣзной дороги» или «Мертваго тѣла». Безпощадный въ своемъ остроуміи, поразительно мѣткій изобличитель глупаго человѣческаго разговора, Слѣпцовъ и комическихъ эффектовъ тоже достигаетъ лишь тѣмъ, что подробно и точно передаетъ, серьезно рассказываетъ о смѣшномъ. Онъ невозмутимъ

и холоденъ; онъ только констатируетъ звуки и факты. Вотъ голова на деревскомъ сходѣ произноситъ рѣчь: «И, какъ типериче, значить, весь мѣръ, которые всѣ православные христіане у престола Всевышняго Творца все равно, какъ вѣрные рабы. Такъ будемъ говорить:—вотъ хучь бы ты, Пахомъ Игнатъичъ,—какъ ты сейчасъ передъ Заступницей Царицей небесной, такъ все одно... А какъ, значить, мѣръ, то, чтобы все въ порядкѣ, не какъ прочіе, а такъ надо стараться, чтобы какъ лучше». «Женщина... слезливо посматривала на регента и покусилась было даже упасть ему въ ноги, прося не оставить сына, но регентъ удержалъ ее, говоря, что онъ не Богъ». Или: «Часу въ одиннадцатомъ дьячокъ искалъ въ передней свои калоши, но долго не могъ ихъ найти; наконецъ, попалъ ногой въ чей-то валявшійся на полу картузь и ушелъ домой».

Блестящее остроуміе, расцвѣтъ смѣшного не могутъ всетаки окончательно заглушить собою страданія. И оно, въ своихъ отзвукахъ, обильно разлито по страницамъ Слѣпцова. Жизнь глядитъ съ нихъ горемычная и безсовѣстная. Въ этомъ ея свойствѣ убѣждается авторъ на каждомъ этапѣ своихъ скитаній, которыя онъ предпринимаетъ для того, чтобы набрать побольше «живого матеріала», побольше любопытныхъ наблюденій для слуха и глазъ. И характерно для него, что онъ часто бредетъ по унылой дорогѣ, и вѣтеръ дуетъ ему въ лицо, «снѣжныя поля тускло синѣютъ по сторонамъ, ничего не разберешь, точно во снѣ», и онъ проситъ ночлега, стучится въ избы,—не отворяютъ, не пускаютъ. Ему, пѣшему, попадаются на пути все такіе люди, которые не хотятъ его подвезти въ своихъ телегахъ,—даже мужики, ѣдущіе порожнемъ. Онъ все наталкивается на человѣческое негостепримство и эгоизмъ; онъ на собственномъ опытѣ убѣдился, что нигдѣ такъ легко не замерзнуть ночью на улицѣ, какъ въ людномъ селѣ. Или идетъ онъ вдоль рельсъ новой желѣзной дороги; издали виднѣются только что выстроенныя будочки сторожей. «Подхожу ближе: сторожъ обзываетъ меня неприличнымъ словомъ за то, что самъ обознался, принявъ меня за начальника, и съ сердцемъ уходитъ въ будку. За этой будкой такая же другая и точно такой же сторожъ, за другой третья, а тамъ четвертая и т. д. какъ двѣ капли воды. И чѣмъ дальше иду я, тѣмъ больше беретъ меня раздумье: зачѣмъ я иду по дорогѣ?»

Этотъ вопросъ имѣетъ въ устахъ Слѣпцова особое, символическое значеніе, и его можно обобщить. Вѣроятно, ему, писателю человѣческой безпомощности, умственной и нравственной, не разъ приходило въ голову, что нѣтъ смысла идти по жизненной дорогѣ. Надъ нею солнце, которое «свѣтитъ только изъ приличія и ничего не грѣетъ», по ея сторонамъ — тусклая бѣдность, жилища, освѣщенныя огарками, населенныя тупой и страдающей человѣческой массой, и если взглянуть въ людей, то невольно покажется, что всѣхъ ихъ томить «страшная, гнетущая, безвыходная скука». Героиня «Труднаго времени» хотѣла было со всѣми помириться, вдохнуть въ себя освѣжающія впечатлѣнія, «только на одинъ день за-

включить временное перемирие», — и вот она пошла съ этой цѣлью по деревнѣ, и вот что она увидѣла.

«Марья Николаевна подошла къ окну; но въ избѣ было темно и со свѣту ничего нельзя было разглядѣть; только пахло холодной гарью и слышно было, что гдѣ-то тамъ плачетъ еще ребенокъ. Марья Николаевна начала вематриваться и понемногу разглядѣла черныя стѣны, зипунъ на лавкѣ, пустой горшокъ и зыбку, висящую середь избы; въ зыбкѣ сидѣлъ ребенокъ, весь облѣпленный мухами. Онъ пересталъ кричать и съ удивленіемъ смотрѣлъ на Марью Николаевну; мальчикъ, котораго она видѣла у воротъ, дергалъ зыбку и приговаривалъ:

— Чу! Мамка скола пидеть. Чу!

— Это братъ твой, что ли?—спросила Марья Николаевна.

— Это Васька,—отвѣтилъ мальчикъ.

Мальчикъ, сидѣвшій въ зыбкѣ, ухватился руками за ея края и покачивался изъ стороны въ сторону, вытаращивъ испуганные глаза на Марью Николаевну, посмотрѣлъ, посмотрѣлъ и вдругъ закашлялся, заплакалъ, закричалъ...

— Онъ у насъ хвалить,—замѣтилъ мальчикъ и опять принялся его качать.

.....
Рядомъ съ этою избой стояла другая, точно такая же; и дальше все то же: гнилыя сѣрыя крыши, черныя окна, съ запахомъ гари и ребячьимъ пискомъ, кривыя ворота и дырявыя, покачнувшіеся плетни съ висащими на нихъ посконными рубахами».

Вообще, въ жизни такъ много всяческой неправды и невзгоды, что именно это обиліе разрѣшается въ душѣ у писателя какою-то усталостью. Овлаждаетъ имъ чувство безсилія и беспомощности передъ этими неизсякаемыми ключами страданія и злобы, которые бьютъ на каждомъ шагѣ жизненнаго пути. Какъ разъ эта усталая совѣсть, эта утомленная скорбью душа и породила ту мучительную скуку и то холодное безстрастіе, съ которыми Слѣпцовъ или его герой Рязановъ, такъ похожій на него, говорятъ о человѣческихъ драмахъ. Вѣдь это не прирожденная тупость сердца у писателя, вѣдь знаетъ же онъ состраданіе, и это онъ замѣтилъ въ «Питомкѣ» и съ скрытой лаской описалъ добраго мужика, который почувалъ какое-то горе въ прохожей бабѣ, разглядѣвъ ея потаенное несчастье. Въ глубинѣ своей Слѣпцовъ, можетъ быть, и похожъ на этого мужика, но глубины своей онъ намъ не показываетъ, держитъ насъ отъ себя въ почтительномъ отдаленіи и только развертываетъ передъ нами, безъ присказокъ рашеника, свою печальную панораму. Вотъ, напримѣръ, конецъ одной биографіи, послѣднія слова одной жизни:

Умираетъ въ больницѣ женщина въ тифозной горячкѣ, а врачъ играетъ въ карты у зрителя и давеча говорилъ, чтобы попусту его не беспокоить. «Умереть и безъ него». И вотъ, двѣ сидѣлки снимаютъ тюфякъ съ койки больной, чтобы онъ даромъ не пачкался. У нихъ недостаетъ на это

силъ, и онѣ зовутъ на помощь отставного солдата Петровича. Тотъ, сонный, пришелъ и заворчалъ:

— Ну, что еще? А, дуры-бабы, чего не могутъ сдѣлать! А ты вотъ какъ, по нашему, по-военному: разъ! Берись за тюфякъ, а я ее надъ мышку подхватчу. Съ Богомъ! Ну!

Между тѣмъ подошла какая-то больная старуха и, охая, смотрѣла на эту возню.

— Телушка ушла!—закричала вдругъ умирающая.—Ушла! Бѣги за ней, бѣги скорѣй, бѣги!...

— Нѣтъ, ужъ, голубка, упоздала, — смѣясь сказалъ служитель, — не догонишь! Клади ее на доски! Такъ. Ну, вотъ и чудесное дѣло. Теперь умирай съ Богомъ.

И женщина умираетъ.

Или въ сценахъ «Питомка» мать разыскиваетъ свою дѣвочку, затерявшуюся въ населеніи воспитательнаго дома, но нигдѣ ея не находятъ и встрѣчаетъ только насмѣшки и униженіе. Бредетъ она по деревнѣ, куда отдають питомокъ, и вотъ пришла въ старую избенку безъ крыши; тамъ лежитъ больная и голодная женщина, а вблизи нея лежитъ въ жару ея питомица, трехлѣтняя дѣвочка, обернутая въ тряпье. Больная чужая мать влечетъ больной дѣвочкѣ: «Паранюшка! встань, ягодка ты моя!» и показываетъ ее пріѣзжей, ищущей. Но нѣтъ, это не она, не ея дочь: нѣтъ у нея примѣты—родинки на правомъ боку. «Пріѣзжая баба постоила на одномъ мѣстѣ, поводила глазами по двору, потомъ подошла къ двери и сказала: ну, прощай! И вдругъ ударилась объ землю и зарыдала».

Вдругъ ударилась объ землю и зарыдала... До сихъ поръ она, въ своихъ материнскихъ поискахъ, была спокойна, молчалива и, такая несчастная, вовсе, казалось, своего несчастья не замѣчала. Но это не такъ, это—любовіа: на самомъ дѣлѣ все ея отчаяніе, все неутѣшное горе таилось подъ слоемъ скупыхъ словъ и было скрыто слѣпцовской манерой разсказа. Теперь же безмолвная скорбь достигла своего предѣла и прорвалась, и женщина *вдругъ* ударилась объ землю.

«Дочка ты моя милая! дѣтища ты моя ненаглядная! — причитала она, лежа на порогѣ.—Охъ, очень ужъ у меня накупѣло, на сердцѣ-то накупѣло... Со вчерашняго съ утра вотъ этакой крошечки во рту не было...

— Пстой, я тебѣ хошь водицы принесу, — сказала больная и пошла за водой.

Баба между тѣмъ встала, оправилась и повязала платокъ.

— Ну, я пойду, — сказала она, хлебнувъ изъ ковшика воды.

— Куда-жъ ты?

— Нѣтъ, пойду. Не могу я здѣсь.

И пошла опять, вдоль села, той же дорогой, какой пріѣхала».

Такъ они безропотно идутъ все той же дорогой, всѣ эти несчастные, ищущіе, но не обрѣтающіе. И какъ писатель, утомленный впечатлѣніями неправды и горя, сдѣлался холоденъ и бездушень, такъ и сами

несчастные покорились; они не жалуются. Они, подобно автору, спокойно говорят о своих трагедіяхъ. Навивные въ своемъ терпѣніи, они со странницею Слѣпцова являютъ образъ какой-то будничности несчастья, застарѣлой привычки къ нему. И мальчигъ на желѣзной дорогѣ равнодушно повѣствуетъ всѣмъ свою горькую эпопею, — какъ онъ съ фабрики въ лѣсъ убѣгъ, какъ отецъ его пымалъ и тутъ же въ лѣсу сначала хворостинной попужалъ, а «послѣ домой привезъ, лошадь отпрягъ и зачалъ вожжами пужать: все пужалъ, все пужалъ, мать отняла—онъ матери другой глазъ вышибъ.—«Ахъ, ахъ, ахъ!—соболезнуютъ мальчику.—Что-жъ онъ у васъ такой? Аль горячъ?» — «Нѣтъ, — съ эпическимъ спокойствіемъ отвѣчаетъ рассказчикъ, — нѣтъ, не горячъ—онъ куцу долженъ...» Или мать считаетъ въ порядкѣ вещей, что Палъ Федотычъ проломилъ ей ребенку голову, а потомъ его же обобралъ за лѣченіе проломленной головы. Или мужикъ: у него робятенки безъ хлѣба сидятъ, а его не отпускаютъ изъ волости, не сѣкутъ; наконецъ, онъ догадался, заплатилъ писарю рубль, и тогда все устроилось: мужика сейчасъ же высѣкли. И онъ такъ доволенъ, и все это для него такъ нормально.

Быть можетъ, именно потому, что и авторъ и его герои не возмущаются своимъ несчастьемъ, печальныя картинки нищеты и невзгоды, которыя разсѣяны по книгѣ Слѣпцова, производятъ трогательное и щемлящее, но не глубокое, не длительное впечатлѣніе. Не такими холодными устами надо разсказывать о человѣческомъ горѣ, для того чтобы оно оставило свой слѣдъ въ сочувствующемъ сердцѣ. А Слѣпцовъ кажется безжалостнымъ даже и тогда, когда онъ говоритъ о чужой жалости.

Какъ бы для того, чтобы еще ярче выдвинуть свое неумолимое и нелирическое отношеніе къ жизни, Слѣпцовъ создалъ фигуру Рязанова, который говоритъ такъ мало и коротко и который, если бы писалъ, писалъ бы какъ Слѣпцовъ. Герой «Труднаго времени» — сухой и жесткій діалектикъ, грубый и неразборчивый на слова даже въ бесѣдахъ съ любимой женщиной, пытающийся уложить всѣ отношенія дѣйствительности въ безстрастныя логическія рамки. Въ немъ живетъ много презрѣнія—именно, ко всему довольному и успокоенному, къ болтливому, въ особенности къ людямъ, въ родѣ Щетинина, къ «бобрамъ-строителямъ», устроителямъ жизни—своей больше, чѣмъ чужой. Требуя всего или ничего, врагъ середины, примиренности и перемирія, Рязановъ самъ однако ничего не дѣлаетъ, только охлаждаетъ вспышки чужого энтузіазма и скопилъ въ душѣ много ироніи. Но онъ долженъ былъ на личной судьбѣ убѣдиться въ томъ, что нельзя прожить одной ироніей, нельзя долго таить въ себѣ сплошную иронію и на другихъ тоже расточать только ее, ее одну. И вдругъ Рязановъ—это знаменательно—почувствовалъ, что жизнь его неполна, потому что въ ней нѣтъ страсти. Такой отчетливый, рѣзкій, такой сильный въ своемъ ядовитомъ остроуміи, онъ, въ противоположность Базарову предъ Одинцовой, сумѣлъ подавить свой порывъ передъ Марьей Николаевной, но эта побѣда стоила ему слишкомъ дорого. А своей законичности онъ такъ-таки и не выдер

жалъ, и Рязановъ разговорился, діалогическую форму, излюбленную Слѣповымъ и жизнью, онъ передъ женщиной замѣнилъ монологомъ. И вотъ Рязановъ уѣзжаетъ, онъ, человѣкъ «безъ пріюта, безъ пристанища, ничего позади, ничего впереди». Но изъ дома Щетинина самъ уѣзжая съ болью въ сердцѣ, возжаждавшемъ страсти, онъ оказалъ однако благотворное вліяніе на другихъ: его холодная иронія, его язвительная насмѣшливость не помѣшали тому, чтобы чуткая женская душа поняла его честную душу, не помѣшали и тому, чтобы Рязановъ убѣдилъ стараго дьячка отпустить сына въ университетъ, — «сонъ свершится наяву». И Рязановъ уѣзжаетъ, но не одинъ: къ его телегѣ старая дьячиха подводитъ сына и долго крестить юношу, напутствуя его на новое жизненное поприще. А когда Рязановъ, усталый отъ своего и чужого страданія, и юноша, полный непочатыхъ силъ, уѣхали, тогда стала укладываться въ дорогу и Марья Николаевна.

Что ждетъ ее? И вернется ли она Слѣповымъ, Рязановымъ, вернется ли съ холодомъ въ утомленномъ сердцѣ, съ усмѣшкой на замкнутыхъ устахъ? Можно надѣяться, что этого не будетъ: въ лицѣ Рязанова ей уже явился жизненный холодъ, и такъ какъ онъ не отшатнулъ ея, не оледенилъ ея горячаго и благороднаго сердца, то въ ней никогда уже не погаснетъ та страсть, которой недоставало Слѣпову. И это—заслуга писателя, что духовную дочь свою онъ создалъ непохожей на самого себя, ея искупилъ собственное безстрастіе. Онъ останется въ памяти русскихъ читателей убійственно-остроумный, среди своихъ глухихъ и несчастныхъ героевъ, въ нестройномъ шумѣ воспроизведенныхъ имъ разговоровъ; онъ останется въ памяти какъ элегантный рассказчикъ, сумѣвшій грубое содержаніе облечь въ художественную, изящную форму и помощью этого контраста достигши необычайно-сильныхъ результатовъ. Но его немилосердная діалектика, видимое отсутствіе писательской страсти, не будетъ насъ отталкивать, потому что онъ закончилъ свое «Трудное время» картиной великаго исканія и этимъ обнаружилъ, что въ глубинѣ его души, подъ слоемъ красиваго холода и насмѣшки, подъ этой ледяной корою, все же таилась живая жизнь.

Ю. Альдъ.

Бакинскіе ссудо-промышленники *).

Выкладки названной записки господами промышленниками опровергнуты, конечно, не были, противъ нихъ бороться было трудно и ихъ лучше было обойти горделивымъ молчаніемъ, но что записка-то была права и что нынѣ почтенныхъ погорѣльцевъ имѣло конечной цѣлью походъ на чужіе карманы, то вотъ и данныя изъ другого вѣрнаго источника. По свѣдѣніямъ акцизнаго надзора оказывается, что: общій вывозъ всѣхъ нефтяныхъ продуктовъ изъ Баку въ 1904 г., въ порядкѣ мѣсяцевъ: 12,7 мил. п. + 14,7 + 43,5 + 59 + 63,1 + 61,5 + 61,2 + 58,3 + 51,9 + 39,8 + 14,4 + 11,7 = 501,8.

Тоже въ 1905 году:

8,1 мил. пуд. + 11,7 + 27,9 + 58,9 + 62,6 + 55,4 + 61,8 + 49,6 + 19,9 + 13 + 3,6 + 1 (декабрь неизвѣстенъ, но не менѣе 1 м. п.) = 373,5 м. п.

Хотя общій вывозъ 1905 г. и менѣе на 128 м. п., 1) онъ еще не свидѣтельствуетъ о всей добычѣ нефти.

2. Вывозъ должно разсмотрѣть по роду продуктовъ. Если мы сравнимъ вывозъ нефтяныхъ остатковъ (топливо) по Каспійскому морю въ 1904 г. въ порядкѣ мѣсяцевъ, то окажется, что въ 1904 г. вывезено: 1,5 + 3,0 + 24,6 + 36,3 + 39,5 + 37,7 + 38,7 + 38 + 35,2 + 25,1 + 3 + 2 = 283,6 мил. пуд., а въ 1905 г. — 1,8 + 2,6 + 13,6 + 40,7 + 45,7 + 41,6 + 47,3 + 37,5 + 12,6 + 7,1 + 1 + 1 (въ декабрѣ цифра 1 м. п. приблизительная) 252,5 м. п., т.-е., что въ этомъ направленіи и этого продукта вывезено меньше противъ 1904 г. только на 31 м. п.

А разъ нефтяные запасы пополнены были еще до августа 1905 г., то опасаться при такомъ положеніи дѣла острой нужды въ топливѣ не было никакого основанія.

Тутъ и до оскудѣнія топлива и до бѣдствій нефтяного голода далеко. Бъ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности привести цифру добычи нефти за время съ іюля по январь — вѣроятно заваленный работой совѣтъ съѣзда, до сихъ поръ аккуратно ее отмѣчавшій въ своей газетѣ *Нефтяное Дѣло* сейчасъ совершенно исключилъ изъ нея эту таблицу и до сихъ

*) *Русская Мысль*, кн. VII, 1906 г.

поръ, у меня послѣдній № 18 этого года, въ которомъ свѣдѣній о добычѣ ни за августъ, ни за сентябрь и октябрь не помѣщено, — думается, что не одинъ не досугъ этому причина.

Дальнѣйшее собраніе фактовъ для подтвержденія вздорности опасеній нами сейчасъ указанныхъ совершенно излишне на нашъ взглядъ. Брокъ 20 м. ссуды на вышеприведенныхъ условіяхъ г. Коковцевъ «полагая, что всѣ эти льготы, представляя весьма важное значеніе въ вопросѣ о возможно скорѣйшемъ восстановленіи потрясенной нефтепромышленности, не могутъ вмѣстѣ съ тѣмъ особенно обременительно отразиться на средствахъ казны» подарилъ нефтепромышленникамъ и еще слѣдующія немаловажныя таки благодати.

4. Разсрочить уплату акциза за освѣтительныя нефтяныя масла по принятымъ до перваго октября 1905 г. залоговымъ квитанціямъ: 1) на три года, т.-е. по первое октября 1908 г. по квитанціямъ, выданнымъ подъ залогъ морскихъ и рѣчныхъ судовъ, плавающихъ по Каспійскому морю, рѣкѣ Волгѣ и ея бассейну, а также недвижимыхъ имуществъ, въ гор. Баку находящихся, и 2) на одинъ годъ, т.-е. по 1 октября 1906 г. по квитанціямъ, выданнымъ подъ залогъ принадлежащихъ исключительно бакинскимъ нефтепромышленнымъ фирмамъ свидѣтельствъ государственной 4%, ренты, а также принадлежащихъ тѣмъ же фирмамъ вагоновъ-цистернъ, резервуаровъ и прочей инвентарной движимости, обслуживающей нефтяную промышленность какъ въ городѣ Баку, такъ и внутри Имперіи, съ тѣмъ чтобы: а) на разсроченную сумму акциза начислялись проценты, въ размѣрѣ 5%, годовыхъ, начиная со времени истеченія девяти-мѣсячнаго срока каждой залоговой квитанціи по день уплаты долга и б) уплата капитальной суммы съ наросшими на нее процентами производилась въ слѣдующемъ порядкѣ: не позже 1 октября 1908 г. уплачиваются на сей день проценты на сумму долга, уплата котораго разсрочена на три года, и вся капитальная сумма отсроченнаго на одинъ годъ долга съ наросшими на нее процентами, не позже 1 октября 1907 г.—не менѣе половины разсроченной на три года суммы съ наросшими по сей день процентами на всю капитальную сумму долга, и не позже 1 октября 1908 г.—остальная часть разсроченнаго долга съ наросшими на нее процентами.

5) Отсрочить взносъ арендной платы, причитающейся казнѣ по отданнымъ подъ добычу нефти земельнымъ участкамъ, за первую половину 1905 г. до пятнадцатаго апрѣля 1906 г., платы за вторую половину 1906 г. до пятнадцатаго октября того же года, съ начисленіемъ процентовъ на остающуюся въ долгу сумму въ размѣрѣ 5%, въ годъ, допустивъ, въ видѣ временной мѣры, до конца 1906 г., оплату арендованныхъ отъ казны нефтеносныхъ участковъ земли по фактической добычѣ нефти.

6) Исчислять временно, до конца 1906 г., плату, причитающуюся съ арендаторовъ казенныхъ нефтеносныхъ участковъ, отданныхъ въ разработку за долевое отчисленіе, по среднимъ биржевымъ цѣнамъ нефти, определяемымъ ежемѣсячно.

7) Исключить изъ количества подлежащей оплатѣ нефти то ея количество, которое погибло отъ происшедшихъ въ августѣ мѣсяцѣ с. г. пожаровъ и погромовъ, при условіи составленія соответственныхъ актовъ чинами учета нефти.

8) Сложить 100% пеню, нечисляемую по пятнадцатое октября 1905 г. за невзносъ своевременно въ казну причитающихся по долевному отчисленію платежей, съ тѣмъ, чтобы за время просрочки во взносѣ основного платежа начислены были проценты въ размѣрѣ 10% за первые два мѣсяца (въ совокупности, независимо отъ времени просрочки въ предѣлахъ означенныхъ двухъ мѣсяцевъ) и по 1/2% за каждый послѣдующій мѣсяць.

Собственно на послѣднихъ льготахъ и можно было бы остановиться, разъ правительство рѣшило вообще не возмѣщать никому убытковъ, понесенныхъ отъ смуты послѣдняго времени, между тѣмъ выдача ссуды якобы для скорѣйшаго возстановленія промышленности фактически является именно этимъ возмѣщеніемъ убытковъ, что всячески многократно старается опровергнуть и г. Коконцовъ, настаивая, что ссуда благотворительнаго характера не должна носить и не носить.

Итакъ, сейчасъ идетъ рѣчь о расточеніи 20 милл. государственныхъ денегъ подъ видомъ ссуды ради скорѣйшаго оживленія нефтепромышленности. Откуда взялась эта цифра? Мы видѣли, что нефтепромышленники опредѣлили свои потери въ 40 милл., затѣмъ, поторговавшись, они сѣхали на 23 милл. и, наконецъ, горный надзоръ на 19,7 милл.

Надо знать, что бакинский горный надзоръ всѣ статистическія данныя черпаетъ и получаетъ исключительно отъ тѣхъ же нефтепромышленниковъ и думается, что разногласіе въ 6 милл. стоимости сгорѣвшаго имущества совершенно не мѣняетъ качества свѣдѣній о числѣ сгорѣвшихъ вышекъ и построекъ, а зависитъ лишь отъ нѣсколько пониженной расцѣнки. Этого надзора противъ расцѣнки нефтепромышленниковъ.

Вотъ таблица потерь бакинскихъ нефтепромышленниковъ по свѣдѣніямъ горнаго надзора:

Было скважинъ заброшенных	862
Остальныхъ категорій	3,110
Осталось:	
Буреніе, исправленіе и углубленіе	303
Временное бездѣйствіе	325
Эксплоатація	583
Не выяснено	35
Всего	1,246
Сгорѣло:	
Буреніе, исправленіе и углубленіе	435
Временное бездѣйствіе	372
Эксплоатація	1,026
Не выяснено	31
Всего	1,864

Сумма убытковъ отъ пожара выразилась въ тысячахъ рублей.

Вышки:

По свѣдѣнiямъ нефтепромышленниковъ . .	12,099
» » горнаго надзора	12,463

Мастерскія:

По свѣдѣнiямъ нефтепромышленниковъ . .	1,757
» » горнаго надзора	744

Кочегарки:

По свѣдѣнiямъ нефтепромышленниковъ . .	1,106
» » горнаго надзора	240

Жилыя помѣщенiя:

По свѣдѣнiямъ нефтепромышленниковъ . .	2,720
» » горнаго надзора	1,940

Хранилища:

По свѣдѣнiямъ нефтепромышленниковъ . .	1,583
» » горнаго надзора	969

Склады:

По свѣдѣнiямъ нефтепромышленниковъ . .	2,504
» » горнаго надзора	585

Трубопроводы:

По свѣдѣнiямъ нефтепромышленниковъ . .	1,987
» » горнаго надзора	933

Различныя сооруженiя:

По свѣдѣнiямъ нефтепромышленниковъ . .	813
» » горнаго надзора	556

Итого:

По свѣдѣнiямъ нефтепромышленниковъ . .	24,569
» » горнаго надзора	18,430

Стоимости продуктовъ:

По свѣдѣнiямъ нефтепромышленниковъ . .	1,346
» » горнаго надзора	1,346

Приведемъ и расчѣтки понесенныхъ убытковъ отъ пожара по опредѣленiю чиновъ банинскаго горнаго надзора.

1) Путемъ осмотра пострадавшихъ отъ огня вышекъ установлено было, что въ среднемъ расходы по приведенiю въ исправный видъ находившихся въ сгорѣвшихъ вышкахъ паровыхъ машинъ, буровыхъ станковъ и тартальныхъ барабановъ не превысятъ половинной стоимости названныхъ устройствъ, поэтому размѣръ убытковъ отъ поврежденiя вышекъ пожаромъ принятъ былъ равнымъ 5,000 руб. для тартавшихся скважинъ въ предположенiи, что всѣ вышки обшиты гипсосолятомъ, а для скважинъ, находившихся въ буренiи, исправленiи и чисткѣ, 12,000 руб. Для скважинъ, временно бездѣйствующихъ, принята бы та же цифра, что и для тартавшихся скважинъ, т.-е. 5,000 руб., а для скважинъ, назначенiе которыхъ не выяснилось, 8,000 руб.

2) Осмотръ пострадавшихъ отъ огня мастерскихъ показалъ, что пострадали главнымъ образомъ самыя зданія и приводы, что же касается станковъ, то таковыя не претерпѣли въ большинствѣ случаевъ особыхъ поврежденій, особенно если они были установлены на каменномъ фундаментѣ. Поэтому при исчисленіи убытковъ отъ поврежденія мастерскихъ приѣмъ былъ такой: кубическая емкость мастерскихъ въ саженихъ опредѣлялась путемъ умноженія площади мастерской на 2, и засимъ цѣнность куб. саж. принята равной 100 руб. для каменныхъ и фахверковыхъ зданій, для деревянныхъ же зданій, въ которыхъ помѣщаются мастерскія для приготовленія желонкозъ и обсадныхъ трубъ, стоимость куб. саж. принята равной 16 руб.

3) Поврежденія котелгарокозъ заключаются главнымъ образомъ въ разграбленіи арматуры и порчѣ крышъ, при этомъ похищенію подверглись исключительно мѣдныя части. Сообразно съ этимъ расходъ по ремонту котельныхъ зданій и самыхъ котловозъ исчисленъ въ размѣръ 500 руб. на каждый котель.

4) Кубическая емкость иныхъ помѣщеній опредѣлена путемъ умноженія ихъ площадей на 2 въ случаѣ одноэтажнаго зданія и на 4 въ случаѣ двухэтажнаго, затѣмъ стоимость каждой куб. саж. принята равной 50 р.

5) Стоимость желѣзныхъ хранилищъ исчислилась по тѣмъ же нормамъ, которыя приняты были комиссіей, производившей въ 1903 г. оцѣнку промысловыхъ устройствъ на Биби-Эйбатскихъ участкахъ. Цѣнность котельныхъ и деревянныхъ хранилищъ принята равной 8 коп. на пудъ емкости.

6) Осмотръ пострадавшихъ отъ огня складовъ показалъ, что въ большинствѣ случаевъ находившіеся въ нихъ предметы и матеріалы не претерпѣли существенныхъ измѣненій. Разграблены были, по всей вѣроятности, только мѣдныя предметы. Стоимость пострадавшихъ складовъ опредѣлена путемъ перемноженія ихъ площади, выраженной въ саж., на 2, причемъ цѣнность каждой куб. саж. емкости принята равной 100 руб.

7) Цѣнность пострадавшихъ отъ огня трубопроводовъ опредѣлена по расчету 500 руб. на каждую слорѣвшую вышку.

8) Стоимость различныхъ промысловыхъ зданій, не упомянутыхъ выше, опредѣлена по расчету 50 руб. на куб. саж. емкости для каменныхъ зданій, 25 руб. для фахверковыхъ и 16 руб. для деревянныхъ. Цѣнность пострадавшихъ отъ огня электрическихъ: и генераторовъ и электромоторовъ приняты въ среднемъ равной 3,000 руб.

На чемъ основанъ горный надзоръ такую удивительную расцѣнку потерь, извѣстно только ему одному, но если припять цѣны даже для сооруженія всего новаго оборудованія, то эти цѣны дѣйствительныя, не горныя и нефтепромышленныя таковы: вышка тартающая, паровая машина 1,200 р., ремень 120 руб., тартальный барабанъ 200 руб., канатъ 250 руб., деревянные подземныя сооруженія вышки 1,500 руб., прочія приспособленія 250 руб., итого 3,500 р., но при пожарѣ паровая машина страдала только

въ незначительной степени, и на ея ремонтъ надо много-много 200 р., такимъ образомъ расцѣнка съ 5,000 понизится до истиннаго и то высокаго предѣла 2,500 руб., т.-е. ровно вдвое; что касается категоріи скважинъ къ буренію и исправленію, то расцѣнка ея такова: къ стоимости оборудованія тартающей вышки надо прибавить стоимость бурильнаго станка (нѣкоторыхъ его частей) въ 1,800 руб., такимъ образомъ стоимость такой скважины надлежало бы принять не въ 12,000 руб., а въ 4,300 руб., т.-е. почти въ три раза ниже горной нормы.

Опредѣленіе стоимости кубической сажени сгорѣвшихъ мастерскихъ въ 100 руб. положительно дико, 100—120 руб. кубъ обходится городскія, зданія съ паркетными полами, потолками, лѣпными стѣнами и т. д., здѣсь же нѣтъ пола, кировая крыша, да и стѣны каменные отъ пожара вѣдь не сгорѣли. Еще удивительнѣе расцѣнка бурильныхъ станковъ что-то въ 7,500 руб., какъ видно изъ расчета назначенной преміи погорѣльцамъ-бурильщикамъ.

6-ой пунктъ оцѣнки гласить: склады не пострадали, да и кому было нужно тяжеловѣсное малоцѣнное желѣзо, отъ огня оно тоже не могло пострадать, слѣдовательно и буровой комплектъ уцѣлѣлъ; отсюда что же собственно у бурильнаго станка стоитъ 7,500 руб. Это тѣмъ болѣе интересно, что, какъ отмѣчено и министромъ, что есть и на самомъ дѣлѣ господъ подрядные бурители менѣе всѣхъ надежные на возвратъ ссуды. Дѣтское разсужденіе о 500 руб. на мѣдную арматуру каждаго котла не выдерживаетъ критики; но горный инженеръ Гавриловъ постарался, отъ человѣкъ милый и для нефтепромышленниковъ очень обязательный.

Оставляя въ сторонѣ всѣ другіе виды сгорѣвшаго имущества, слѣдуетъ отмѣтить, что если было бы необходимо экстренно возстановить вышки надъ буровыми, то, конечно, слѣдовало это сдѣлать лишь надъ эксплуатируемыми скважинами, ихъ было всего 1,026, остальные же особенно бездѣйствующія и не выясненныя съ успѣхомъ могли быть оставлены и безъ экстреннаго возстановленія; къ 1,026 можно еще добавить 435 исправлявшихся, т.-е. важно было наладить немедленно 1,460 вышекъ. Достаточно прослѣдить нефтяное дѣло, хотя бы за послѣдніе четыре года, и увидимъ, что въ 1901 г. было 1,554, въ 1902—1,402, 1903—1,414, 1904—1,555 и въ 1905—1,550 эксплуатируемыхъ скважинъ. Петербургская коммиссія составила и списокъ погорѣльцевъ съ указаніемъ необходимой имъ ссуды; изъ этого списка видно, что девять фирмъ получаютъ суммами отъ 500 т. не выше—9,773 тысячъ р. Суммами отъ 500 до 100 т. р. 34 фирмы—5,377 т. р., отъ 50 до 100 т. р. 28 фирмъ—2,009 т. р., отъ 10—50 тысячъ руб. 47 фирмъ—1,159 т. р. и ниже 10 т. р. 18 фирмъ—68 т. р. это все нефтепромышленныя фирмы. Фирмы по подрядному буренію отъ 100 до 500 т. р. 7 фирмъ—1,373 т. р., отъ 50 до 100 т. 6 фирмъ—488 т. р., отъ 10 до 50 т. р. 15 фирмъ 466 руб. Смотри приложенную таблицу.

Отъ 500 т. и свыше.

	Тыс.		Тыс.
Бакинское Общ. въ Р. на Д.	544	О-во для добычи Р. Н. жидкаго топлива	730
Общество «Кавказъ»	776	Русское нефтепромышленное Общество	908
Каспійское Т-во	1470	Теръ-Акоповъ	661
«Манташевъ и К°»	2000		
Мирзоевы Бр.	1667	Итого	9773
«Питоевъ и К°»	1017		

Отъ 100 т. до 500 т.

	Тыс.		Тыс.
Агбюръ «Товар.»	124	«Бапа»	127
Адамовъ А. И.	108	Кварыстремъ и К°	144
Адамовъ И. Д.	163	Красильниковы Бр.	155
Ашперонское нефтяное Общество	191	Кошницкій Н. З.	101
Арадо-Каспійское нефтяное Общество	203	Лазаревы Бр.	140
Арамаздъ О-во	458	Меликовъ А. С. и К°	315
Арафеловъ и К°	113	«Петроль» О-во	208
Бакинское нефтяное и торговое Общество	153	Сарухановъ	196
Бак. нефт. О-во	165	«Синай»	124
Бенкендорфъ и К°	130	Соучастники	418
Воротанъ «Т-во»	116	Тифлиское Товарищ. Биби-Эйбатск.	141
Гукасовъ П. О.	149	Русское Т-во «Нефть»	375
Кавказское нефт. Т-во	172	Шибавъ	453
		Шихово О-во	235
		Итого	5377

Подрядное бурение.

	Тыс.		Тыс.
Вотанъ	289	Молоть	122
Ленць	159	Мухтаровъ	234
Бакинское машиностроительное Общество	313	Французское О-во	131
Мотовилиха	125	Итого	1373

Отъ 50 т. до 100 т.

	Тыс.		Тыс.
Абиянцъ и К°	73	Набатовы Бр.	70
Аваковъ М. Х.	71	Поповъ И. Р.	71
Балах. нефт. Т-во	87	Русское на Биби-Эйбатъ неф. и торговое О-во	80
«Бахтъ» нефт. О-во	78	Рыльскій	78
Вартаповы Бр.	61	Сумбатовъ	63
Восточное нефт. О-во	86	Теръ-Баспаровъ	51
Гаджинскій	87	Тифлиское Т-во	82
Галперинъ А. М.	77	Тумаевы Бр.	80
Дадіани кн.	55	Удѣльное вѣдомство	88
Дочаръ Бр.	85	Фарось Т-во	66
Балантаровъ М. А.	70	Шагидановъ	67
Красильниковъ Н.	81	Ширванъ Т-во	55
Миловы Бр.	52	Шушинское Т-во	68
Миловъ и Гаировъ	73		
Мухтаровъ М.	54	Итого	2009

Подрядное бурение.

	Тыс.		Тыс.
Амираджановъ	73	Товарищи по бурению . . .	94
Біерингъ	75	Хачатуровъ и Меликовъ . .	87
Гальперинъ	84		
Болобовъ и Урбановичъ . . .	75	Итого	488

Отъ 10 т. до 50 т.

	Тыс.		Тыс.
Адамовъ М. П. (Романы) . . .	25	Лучъ Т-во	13
Адамовъ Д. И.	29	Манвеловъ и Алек.	12
Акоповъ и Адамовъ	15	Манафовъ	19
Араганцъ Т-во	47	Мягиртумовъ	42
Аракъ II	32	Минервы Т-во	24
Араменъ	36	Наджаровъ	10
Аршалуйсъ II	47	Нефть Т-во	43
Балахи-Сабун. Т-во	10	Оріонъ Т-во	27
Биби-Эйбат. нефт. О-во . . .	36	Радуга Т-во	25
Ванандъ Т-во	23	Россія	20
Вастакъ Т-во	25	Сабунчи Т-во	37
Веліевъ и Погосовъ	15	Соеди русское О-во	24
Волжско-Каспійск. О-во . . .	34	С.-Петербургское Бакинское	
Гагенъ Т. и Е.	46	нефт. Т-во	26
Демботъ	17	Сюникъ О-во	47
Европейск. нефт. Б°	25	Цатуровъ	15
Егiazаровъ О-во	22	Чернонебовъ	17
Бараундуское Т-во	32	Шумахеръ	47
Бваристремъ	10	Шахта	48
Ковильджи	19	Хатисовъ (Б)	14
Болесниковы Бр.	46	Амираслановъ (Сабунчи) . .	16
Буссиасъ и Теофилактосъ . . .	22		
Лазаревъ и Б°	22	Итого	1159

Подрядное бурение.

	Тыс.		Тыс.
Араратъ	49	Петерсонъ	42
Ардашеновъ	19	Ридель	37
Арамянцъ	28	Хатисовъ	26
Андроничъ	47	Штрессеръ	39
Бешле	26	Ш. Рамазановъ	28
Гефестъ	50	Тавросъ	17
Исаханянцъ	13	Кянгъ	19
Мирзаянцъ	26		
		Итого	446

Ниже 10 т.

	Тыс.		Тыс.
Агевянцъ	4	Назаровъ	5
Аліевъ и Манафовъ	3	Нафтаганское Т-во	8
Аслановъ	1	Надежинъ	6
Бабановъ	2	Нуріевъ	6
Бешле и Б°	2	Огулевичъ (Россійское нефте-	
Гагенъ и Теръ-Акоповъ	4	промышленное общество) . .	5
О-во Забратъ	3	Союзъ	1
Лескевичъ	2	Таронъ Т-во	6
Московско-Волжское О-во . . .	3	Танкенъ	1
Ивацакановъ и Б°	6		
		Итого	68

Если приняться за разсмотрѣніе списка субсидируемыхъ погорѣльцевъ, то мы увидимъ, что опять-таки, какъ и естественно, львы получили львиное, а шафки такъ себѣ объѣди и задаешь себѣ вопросъ, нужно ли было драть съ бѣдняка и валить въ мощну богатаго. Есть фирмы, которымъ было грѣшно суду давать, а имъ безстыдно принимать ее: таково Каспійское Товарищество (П. О. Гукасовъ), — ихъ акціи по расцѣнкѣ министерства финансовъ на второе полугодіе опредѣлены по существующему курсу за 1,000 руб. 4,950 руб.

Этимъ сказано все, болѣе любознательные могутъ обратиться къ годичному отчету этого акціонернаго общества. Товарищество Пятоевъ и К^о (довѣренный Пароньянъ) о курсѣ паевъ сказать ничего не можемъ, но этотъ же самый Пятоевъ арендуетъ богатѣйшіе рыбные промыслы въ Джаватскомъ уѣздѣ за 750 тыс. руб. ежегодной аренды казѣ, слѣдовательно, о казенномъ пособіи хлопотать едва ли надо. Такихъ господъ изъ глотающихъ суду не мало; удивляться, конечно, имъ не приходится — всѣ они типъ кулака высшаго полета, но, по крайней мѣрѣ, хотя у этой категоріи лицъ пока трудно, конечно, очень трудно вырвать изъ ихъ лапъ будетъ обратно суду, но она все же болѣе обезпечена. Но есть цѣлый рядъ фирмъ, положеніе которыхъ уже и теперь очень сомнительно, и теперь ихъ акціи далеко ниже номинала, такова, напримѣръ, Кавказъ — номинальная цѣна 250 — по той же расцѣнкѣ министерства финансовъ — 85 руб., Балаханское нефтепромышленное общество — 250 — 100 руб. Манташевъ — 250 — 196 руб. и многія другія еще хуже Амбарцумъ Меликовъ, «Мотовилиха». И это только акціонерныя предпріятія, ихъ дѣло вѣдь нетрудно провѣрить по курсу на ихъ бумаги, что же касается частныхъ товариществъ или единоличныхъ, то дѣла здѣсь во много разъ хуже, для подряднаго же буренія для большинства фирмъ расчетъ будетъ оставить великодушной казѣ всѣ драгоцѣнные станки, даже со всѣми 77-ью печатями и мирно унести въ карманъ суду, имъ-то при раздутій до крайности оцѣнкѣ ровнехонько нечѣмъ обезпечить суды. И все же нефтепромышленники съ обычной развязностью настаиваютъ на раздачѣ имъ всей ассигнованной 20 мил. суды, развязно указывая, что въ Петербургѣ, даже не входя въ разсмотрѣніе кредитоспособности, выдали 22%, изъ предположенной суды авансомъ слѣдующимъ фирмамъ: Каспійскому товариществу, Бакинскому обществу русской нефти и жидк. топлива, Кавказъ, Синай, Теръ-Акоповъ, Нефть, Русское нефт. общество, Петроль, Лазаревъ, Наслѣдн. Адамова, Князь Сумбатовъ и еще нѣсколькимъ другимъ именованнымъ.

Въ мѣстной прессѣ уже начало проскальзывать удивленіе по поводу дѣйствительно странныхъ порядковъ во всемъ этомъ судномъ дѣлѣ; такъ, въ газетѣ *Каспій* № 245 отъ 31 декабря прошлаго года читаемъ: «Будучи заинтересованъ относительно распределенія правительственной суды, хотѣлъ бы узнать, по какому расчету эти 22 милліона распределены между нефтепромышленниками и подрядчиками по буренію».

Изъ сообщенія мѣстныхъ газетъ видно, что г. Хатисовъ (Б. М. С.), у котораго сгорѣло 12 станковъ, получаетъ 313,000 руб., Штрассеръ, у котораго сгорѣло 6 станковъ, получаетъ 3,900 руб., Поль и Петерсонъ, за сгорѣвшіе 4 станка, получаютъ 42,000 руб., бр. Баппе, за тѣ же 4 станка, получаютъ 26,000 руб. и ин. др. Невольно приходится завать вопросъ: чѣмъ руководствовались при распредѣленіи этихъ суммъ. Впрочемъ, что можно говорить о правильности распредѣленія, когда въ спискѣ получающихъ ссуды оказались такія фирмы и лица, о существованіи которыхъ давно забыли и ихъ не найдете ни въ телефонномъ спискѣ, ни въ справочномъ учрежденіи, и о которыхъ менѣе всего знаютъ казначейства и податная инспекція, между тѣмъ, такимъ назначено отъ 13,000 руб. до 75,000 руб.

Если бы казна всѣхъ пострадавшихъ отъ погромовъ и пожаровъ въ русской Имперіи захотѣла вознаградить такъ же, какъ бакинцевъ, тогда не хватило бы богатствъ американскихъ милліардеровъ. Что же касается обратнаго поступленія въ казну выданной ссуды, то я сомнѣваюсь, чтобы таковая была возвращена хотя бы въ половинномъ размѣрѣ. На что намъ словоохотливый г. Хатисовъ на другой же день въ той же газетѣ отътилъ:

«Какъ одинъ изъ членовъ комиссіи, распредѣлявшей въ Петербургѣ ссуды, я могу сообщить, чѣмъ комиссія руководилась, назначая эти ссуды потерпѣвшимъ. Комиссія руководилась: 1) данными горнаго надзора; 2) данными статистическ. бюро совѣта съѣзда нефтепромышленниковъ; 3) заявленіями самихъ пострадавшихъ; 4) показаніями свидующихъ лицъ. Поэтому разница въ размѣрѣ ссуды между назначенной бакинскому машиностроительному о-ву (а не Хатисову, являющемуся лишь однимъ изъ пайщиковъ означеннаго об-ва), у котораго сгорѣло, по словамъ пострадавшаго, 12 станковъ (313 тыс. руб.) и между г. Штрассеромъ (6 станковъ и 39,000 руб.) объясняется очень просто: въ то время, какъ все биби-эйбатское имущество бакинскаго машиностроительнаго общества было сожжено и разграблено—разрушеніе производилось съ 21 августа до 19 сентября, причеъ до основанія погибъ большой механической заводъ, склады, казармы на 400 человекъ, жилия помѣщенія, электрическая станція, гипсолитовый заводъ, пристань и т. д. вплоть до кирпича, который гг. грабители разобрали и увезли на многихъ десяткахъ арбъ,— у г. Штрассера, насколько мнѣ извѣстно, погибли лишь буровые станки, погорѣвшіе на промыслахъ тѣхъ фирмъ, гдѣ онъ работалъ. А такъ какъ буровые станки составляютъ лишь небольшую часть имущества предѣлѣтій по подрядному буренію, то базировать лишь на числѣ погорѣвшихъ станковъ при опредѣленіи размѣра ссуды было бы, очевидно, негѣ в. Такъ, напримѣръ, у меня, у Хатисова, есть небольшое дѣло подряда по буренію въ Балаханахъ. Во время августовскихъ дней у меня сгорѣла небольшой складъ инструментовъ, 2 станка въ буровыхъ и 1 собиравшійся станокъ. Комиссія присудила мнѣ всего лишь 24,000 руб.—и го-

ступила совершенно правильно, такъ какъ ни завода, ни казармъ и ни прочихъ статей имущества предприятий по подрядному буренію у меня въ Балаханахъ не было, почему на эту сумму я возстановить погорѣвшее могу. Полагаю, что послѣ всего сказаннаго г. пострадавшему станетъ совершенно ясно, какъ обстояло дѣло съ распредѣленіемъ ссуды».

Хатисовское объясненіе, снявшее лишь фиговый листъ съ нашего стыдливаго распредѣленія милліоновъ, вызвало совершенно справедливо слѣдующій характерный отвѣтъ въ № 12 *Каспія*. «Въ своей замѣткѣ, по поводу распредѣленія правительственной ссуды, я имѣлъ только выяснить неправильность дѣйствій комиссіи, и моя замѣтка совершенно не относилась лично къ гг. получающимъ ссуду и, лишь для нагляднаго сравненія было указано нѣсколько фирмъ, между тѣмъ, г. Хатисовъ счелъ необходимымъ перечислять свое сгорѣвшее имущество, тѣмъ еще болѣе подчеркнуть несоотвѣтственность 313,000 рублей съ его имуществомъ. Г. Хатисовъ, вѣроятно, забылъ, что его подрядное буреніе находится на Биби-Эйбатъ, у всѣхъ на глазахъ, а не въ недоступной части Африки. Онъ пишетъ, что у него сгорѣла электрическая станція, казарма на 400 челов., складъ, жилой домъ и механическая мастерская. Въ дѣйствительности все это изъ себя представляетъ: электрическая станція, проще—динамо-машина на 60 лампочекъ при мастерской, стоящая нѣсколько сотъ рублей, казарма на 400 человѣкъ, площадью приблизительно 120 кв. саж., у которой сгорѣла кировая крыша, нѣсколько дверей, дѣжина оконъ и около 100 кв. саж. штукатурки, въ складѣ сгорѣло около 20 кв. саж. кировой крыши, двери, нѣсколько оконъ и внутреннее устройство, т.-е. полки по стѣнамъ, жилой домъ, площадью около 100 кв. саж, представляющій такую же картину, и, наконецъ, механическая мастерская, у которой сгорѣла крыша, двери и окна, попорчена трансмиссія и нѣсколько станковъ, послѣдніе, вѣроятно, не столько отъ пожара, сколько отъ того, что уже шесть нѣсяцевъ стоятъ подъ открытымъ небомъ. Такимъ образомъ, если ко всему сказанному прибавить еще стоимость 12 сгорѣвшихъ станковъ и нѣсколько тысячъ за расхищенное имущество, тогда получится сравнительно незначительная сумма, далеко не достигающая 313 тыс. рублей.

«Далѣе г. Хатисовъ пишетъ, что комиссія при распредѣленіи ссуды руководствовалась: 1) данными горнаго надзора, 2) данными статистическаго бюро сов. съѣзда нефтенпромыш. и 3) заявленіями пострадавшихъ, т.-е., другими словами, крикомъ самихъ нефтенпромышленниковъ. Эта комиссія не обращала вниманія на дѣйствительные убытки отъ пожара и на число сгорѣвшихъ станковъ, а отнеслась съ довѣріемъ къ сообщеніямъ, полученнымъ изъ одного же источника, такъ какъ статистическое бюро и горный надзоръ дали свѣдѣнія на основаніи тѣхъ же заявленій нефтенпромышленниковъ и подрядчиковъ по буренію. Я полагаю, что г. Хатисову изъ всего этого вполне понятно, почему ссуда распредѣлена несообразно и почему вознаграждены фирмы, которыя когда-то существовали».

И министръ финансовъ, и сами нефтенпромышленники многократно по-

вторяли, что свѣдѣнія о потеряхъ отъ грабежа и пожара на промыслахъ за спѣшностью отличаются большою неточностью и неполнотой, и дѣйствительно въ разгаръ всякихъ бѣдствій не было ни возможности, ни времени на громадную, въ нѣсколько десятковъ квадратныхъ верстъ, площадь выяснять убытки каждой фирмы въ отдѣльности. Можно сказать, что на вѣру приняты показанія промышленниковъ и освящены и горнымъ надзоромъ. Командированный изъ Петербурга вице-директоръ горнаго департамента и съ нимъ только въ юнѣ уѣхавшій съ сенаторомъ Кузьминскимъ податной ревизоръ департамента окладныхъ сборовъ, особенно хорошо ознакомленный съ промыслами, могли теперь посвятить имъ всего что-то около недѣли, ихъ прїездъ все же сдѣлалъ многое: осадилъ претензіи съ сорока на двадцать милліоновъ. Но они все же не боги, субъективное ощущеніе при видѣ дѣйствительно грандіозной картины разгрома подъ живымъ впечатлѣніемъ рассказовъ только что пережитаго бѣдствія много ишло и имъ, да и чрезмѣрно торопили ихъ окончить работу во что бы то ни стало, но теперь, когда все успокоилось и приведенныя министерскіи разсужденія и Высочайше утвержденныя правила возлагаютъ обязанность на особый бакинскій комитетъ съ большою осторожностью раздавать ссуды, провѣрить и провѣрить истинное положеніе каждаго промысла, прощунать достаточно ли ссуда обезпечена.

Обязанности бакинскаго комитета громадны, какъ и его нравственная отвѣтственность. Въ сожалѣнію дѣло обстоитъ едва ли совсѣмъ благополучно. Комитетъ дѣйствуетъ подъ предсѣтательствомъ управляющаго казенною палатою, человека еще дореформеннаго (разумѣемъ реформы шестидесятыхъ годовъ) типа, въ помощь ему присоединены слѣдующіе защитники казенныхъ интересовъ:

Управляющій контрольной палатою такой же старецъ, совершенно незнакомый съ бакинскими дѣлами, всего мѣсяцевъ восемь назадъ сюда назначенный; очень хорошо ознакомленный съ нефтепромышленниками горный инженеръ Федоръ Ефремовичъ Гавриловъ, имя котораго уже неоднократно связывалось со многими нефтепромышленными авантюрами вплоть до участія въ качествѣ члена окружнаго суда въ роли почетнаго мирового судьи при разборѣ извѣстнаго дѣла о соженіи Ротшильдовскимъ анбаромъ нефти (каспійско-черномор. о-во) нѣсколькихъ сотъ людей, старшаго фабричнаго инспектора и управляющаго мѣстнымъ отдѣленіемъ государственнаго банка Кананова, засимъ три члена отъ потерпѣвшихъ—нефтепромышленники Аршакъ Арутюновичъ Параньянъ, представитель Питоова, получающаго ссуду въ 1,017 тыс. руб., Аршакъ Осиповичъ Гукасовъ—братецъ Павла Осиповича Гукасова, столпа нефтепромышленниковъ, представитель каспійскаго товарищества, получающій ссуду въ 1,470 тысячъ рублей Иванъ Давыдычъ Лпанозовъ, представитель русскаго нефтепромышленнаго о-ва, получающій ссуду въ 908 тыс. руб., цѣлая стая свѣдущихъ лицъ все изъ той же компаніи, Тагіоновъ, Хатисовъ и т. д. Весь этотъ арпагъ, быть можетъ, какъ-нибудь ковыляя и выбрался бы на болѣе при-

мую дорогу и быть может что-либо и сберечь бы казнѣ, но все горе въ томъ, что въ помощь имъ какъ съ неба упалъ членъ въ совѣтѣ намѣстника Его Величества на Кавказѣ г. Джунновскій. Сей финансистъ, проходившій науку въ одномъ изъ заведеній, по ошибкѣ называемомъ учебнымъ, а затѣмъ и въ какомъ-то гвардейскомъ полку попалъ въ министерство финансовъ, къ радости нефтепромышленниковъ, о чемъ нестѣснясь они всюду и говорятъ; онъ оказался яркимъ протекціонистомъ нефтепромышленности и убѣжденъ въ необходимости во что бы то ни стало раздать эти милліоны, конечно, ради блага Россіи (только ли, а можетъ быть и третьихъ лицъ?). Онъ развязно затѣлся въ этотъ комитетъ и вы можете понять, что хотя манифестъ 17 октября и далъ обѣщаніе о свободахъ, но все же онъ и не думалъ отмѣнять закона о чиновничествѣ, и комитетъ находить нефтепромышленникамъ рубить, что называется въ ихъ пользу—съ плеча. Составъ комитета хотя, повидимому, и гарантируетъ сохраненіе казеннаго интереса, но такъ ли это на самомъ дѣлѣ—отъ нефтепромышленниковъ три члена, отъ казны пять—достаточно согласіе съ мнѣніемъ, конечно, всегда за нефтепромышленниковъ ихъ представители, двухъ членовъ отъ казны, ну хотя бы представителей горнаго округа и банка или отсутствіе одного члена отъ казны и согласія одного изъ четырехъ наличныхъ товарищей и большинство готово. Нефтепромышленники, проектируя составъ бакинскаго комитета, конечно, учли всѣ хорошо имъ извѣстныя личныя качества его членовъ. Характерно, что, напримѣръ, при выдачѣ какой-либо ничтожной суммы приглашаютъ представителей почти вѣхъ вѣдомствъ и здѣсь въ комитетѣ были бы совершенно умѣстны представители управленія земледѣлія и землеустройства,—земля-то казенная и поверхностное пользованіе ею на промыслахъ еще въ вѣдѣніи этого учрежденія, и представитель учета нефти на казенныхъ участкахъ ихъ не мало и мѣстная податная инспекція. Вспомните, что по государственной росписи на 1906 годъ назначено для нуждъ голодающихъ 30 милліоновъ, а на нужды нефтепромышленниковъ 15 милліоновъ, многіе по личному опыту знаютъ, какія мытарства нужно пережить нынче, кажется, до полученія свидѣтельства о благонадежности голодному мужику, чтобы получать жалкое пособіе по тридцати фунтовъ въ мѣсяць на «ѣдока», какъ помню было это въ голодный 1892 годъ, а тутъ такъ зря и при такой обстановкѣ мы расшвыриваемъ милліоны.

Хотѣлось бы, чтобы не медля были приняты надлежащія мѣры и упорядочены условія работы комиссіи, чтобы сейчасъ же завѣдомо безпристрастные люди были посланы сюда министерствомъ и не только финансовъ, но главнымъ управленіемъ землеустройства и земледѣлія, и я увѣренъ, что дѣло можетъ съ громаднымъ успѣхомъ ограничиться выданнымъ авансомъ и остальные 12—15 милліоновъ будутъ спасены.

Хотѣлось бы, чтобы ассигнованныя деньги не тратились на возстановленіе ненужныхъ рабочихъ казармъ, а пошли бы, по крайней мѣрѣ, на оборудованіе рабочихъ поселковъ, о которыхъ столько уже говорено и

переговорено. Хотѣлось бы наконецъ сократить аппетиты нефтепромышленниковъ, мечтающихъ сейчасъ и находящихся себѣ опять-таки въ той же Джунковскомъ опору и поддержку осуществлять слѣдующее: изъ однихъ ихъ петиціи министерству.

IV. «Необходимо всестороннее выясненіе чрезъ компетентный и беспристрастный органъ вопроса объ отчужденіи земель, занятыхъ селеніями: Балаханы, Сабунчи, Романы и Забратъ, примыгающими къ промышленной площади».

V. Предоставленіе права возведенія какихъ-либо построекъ въ чертѣ промышленной исключительно только нефтепромышленникамъ, подрядчикамъ по буренію и владѣльцамъ механическихъ заводовъ, мастерскихъ и складовъ, но съ тѣмъ, чтобы и имъ разрѣшалось возведеніе построекъ, предназначенныхъ только для надобностей производства. Постороннимъ лицамъ возведеніе построекъ можетъ быть предоставлено лишь съ согласія исполнительнаго органа съѣзда нефтепромышленниковъ и то лишь для устройства торговли предметами первой необходимости, харчевыхъ, столовыхъ, чайныхъ и проч.

VI. Предоставленіе права аренды у казны земель ея въ предѣлахъ промышленнаго района для поверхностнаго пользованія исключительно нефтепромышленникамъ, подрядчикамъ по буренію и владѣльцамъ механическихъ заводовъ, мастерскихъ и складовъ. Постороннія лица должны быть лишены этого права. Сооруженія частныхъ арендаторовъ, поскольку они не принадлежатъ въ силу договоровъ казнѣ, при прекращеніи ихъ правъ на аренду земель у казны, выкупаются средствами общаго фонда нефтепромышленниковъ по оцѣнкѣ, производимой технической по охранѣ промышленности комиссіею. Земли же, принадлежащія казнѣ и временно сдаваемые ею подъ поверхностное пользованіе, впредь до сдачи ихъ подъ добычу нефти поступаютъ въ аренду нефтепромышленниковъ лишь въ случаѣ заявленнаго ими желанія.

VII. Передача въ вѣдѣніе министерства финансовъ въ чертѣ отчужденія всѣхъ казенныхъ земель, находящихся нынѣ внѣ его вѣдѣнія. Надо надѣяться, что не создастъ же правительство особаго олигархическаго и при томъ самаго мерзко-плутократическаго царства въ предѣлахъ Апшеронскаго полуострова. Будемъ надѣяться, что главное управленіе землеустройства и земледѣлія сумѣетъ охранить интересы государства. Наглость промышленниковъ безпримѣрна, они хотятъ даромъ получить куски земли, которые сейчасъ приносятъ управленію земледѣлія болѣе 200,000 рубл. ежегодно аренды за поверхностное пользованіе ими.

А кто возмѣститъ милліоны на выкупъ земель у сельчанъ названныхъ селеній, еще не получившихъ удовлетворенія за земли, отнятыя у нихъ въ видахъ той же промышленной, еще въ 1899 году.

Подъ шумокъ, когда вся Россія охвачена созидательной работой, нефть промышленники съ особымъ успѣхомъ сумѣютъ обдѣлать свои дѣла и с-

жрать громаднѣйшій кусокъ народнаго достоянія, какимы, конечно, являются нефтеносныя земли.

Вспомните, какъ гладко сглотнули они земли, захваченныя каспійско-черноморскимъ товариществомъ, хотя даже по суду и выигранныя казной, какъ мило при участіи того же Павла Осиповича Гукасова подъ видомъ московскаго т-ва, высушили и зацапали Романинское озеро съ богатѣйшей нефтеносной подпочвой и все это шито-крыто, тихо и гладко проходить да и кто же посмѣетъ открыть ротъ всё или связаны съ нефтью, или ею замазаны.

Р. С. Настоящая статья была закончена, какъ мы прочли въ № 7 газеты *Каспій* отъ 10 января текущаго года слѣдующее. «Вчера въ Баку получена изъ Петербурга отъ находящагося тамъ нефтепромышленника Паппе слѣдующая телеграмма на имя нефтепромышленниковъ: Бакинской казенной палатѣ телеграммой открыть кредитъ въ миллионъ рублей. Если эту сумму уже израсходовали, необходимо телеграфное требованіе председателя комитета на имя министра объ ассигнованіи новаго кредита на получение всей суммы не выданныхъ авансовъ.

Имѣйте въ виду, что безъ энергичныхъ требованій, покрѣпленныхъ членомъ совѣта намѣстника Джунковскимъ, толку не будетъ».

Мудрый *Эдитъ*, разрѣши, что это такое за кураторъ нефтепромышленными зародился?

Н. У. Р.

Женское движеніе въ Европѣ *).

Среди многообразныхъ требованій, выдвигаемыхъ современными политическими партіями, такъ называемое равноправіе женщинъ стоитъ особнякомъ отъ всѣхъ остальныхъ. Его первое отличіе—хронологическое и эволюціонное. Выдвинувшись едва ли не послѣднимъ въ политическихъ программахъ прогрессивныхъ партій, женскій вопросъ развивался съ немовѣрной быстротой, проникъ разныя слои населенія и охватилъ большинство сознательныхъ женщинъ всѣхъ классовъ. На пути его воздвигались барьеры и плотины: старые предрассудки, обычаи, рутина, за которыми стоитъ эгоизмъ однихъ, инертность другихъ... Но уже на нашихъ глазахъ многіе барьеры были опрокинуты и плотины смыты освободительнымъ движеніемъ.

Стремительность и быстрота развитія—не единственная черта, выдѣляющая женскій вопросъ среди всѣхъ прочихъ. Едва ли можно назвать другой въ мірѣ вопросъ, который объединялъ бы вокругъ себя съ такою разнообразіемъ классы, профессіи, состоянія, національности. Разнообразіе женщинъ—это вопросъ интернаціональный и всепартійный. Есть и такіе, говорящіе намъ: работайте съ нами, помогайте намъ добиться всеобщаго избирательнаго права, аграрной реформы, реформъ въ положеніи рабочихъ массъ; и когда мы вмѣстѣ достигнемъ общей цѣли, тогда не будетъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, ни эксплуататоровъ, ни эксплуатируемыхъ: для всѣхъ, безъ различія, мужчинъ и женщинъ, настанетъ золотой вѣкъ свободы, равенства и братства...

Настанетъ ли золотой вѣкъ или нѣтъ—мы не знаемъ. Но уже въ наше время мы видимъ, что демократическія идеи охватили многіе слои населенія, проникли въ сознаніе массъ; а мечты о золотомъ вѣкѣ попрежнему подобны маяку среди общаго мрака, мерцающему вдали на небосклонѣ...

Что касается такъ называемаго женскаго вопроса, то и тутъ развитіе

*) Рефератъ, читанный на III съѣздѣ всероссійскаго союза равноправія женщинъ, въ С.-Петербургѣ, 22 мая 1906 г.

демократическихъ принциповъ пока не привело къ существеннымъ практическимъ результатамъ. Вопросъ этотъ попрежнему выставляется, какъ принципъ, какъ реформа необходимая и неизбежная въ будущемъ, не терпящая отлагательства. Если изрѣдка обстоятельства слагаются благоприятно, женщины получаютъ кой-какія права. Если вожди политическаго движенія признаютъ это неудобнымъ,—реформу отлагаютъ, какъ это было между прочимъ въ Бельгій и Голландіи.

Одно за другимъ выступаютъ на сцену препятствія-предлоги: клерикализмъ женщинъ, неподготовленность ихъ, неразвитость и т. п.

Неудачи, сопровождавшія въ Европѣ попытки раскрѣпить женщину, имѣли и свою хорошую сторону. Испытанія укрѣпили женщину; заставили ее трезво относиться къ окружающему міру; внушили мысль о необходимости полагаться на себя—и только на себя въ борьбѣ за свои человѣческія права.

Насколько взгляды этотъ проникъ въ общее сознание, показываетъ исторія современнаго женскаго движенія. Женщины пробудились. Богатые протянули руку бѣднымъ; интеллигентные соединяются съ фабричными работницами и крестьянками. У всѣхъ одинъ лозунгъ: свобода, равенство передъ закономъ.

Спѣшно формируются легіоны женщинъ-борцовъ за освобожденіе. Образуются политическіе кружки, общества, союзы; и всѣ эти организациі растутъ, развиваются не по днямъ, а по часамъ. Характеристика этихъ организаций въ различныхъ европейскихъ странахъ—это задачи исторіи культуры. Въ предѣлахъ краткаго доклада я попытаюсь набросать лишь нѣсколько штриховъ женскаго движенія въ Западной Европѣ.

Англія долгіе годы была главной ареной борьбы за равноправность женщинъ. Изъ всѣхъ европейскихъ странъ въ Англіи женщины первыя встали за политическія права; боролись за нихъ энергично и твердо, сталкиваясь все время съ противодействіемъ правящихъ мужчинъ, упорно замыкающихъ передъ ними двери въ парламентъ. Со времени Стюарта Милля билль о женскихъ правахъ въ теченіе 39 лѣтъ 18 разъ вносился въ парламентъ и столько же разъ былъ отвергнутъ: билль замалчивали, вышучивали, высмѣивали, отлагали,—и вопросъ, всякими правдами и неправдами, отодвигался въ неопредѣленную даль будущаго.

Но стану останавливаться на всѣхъ борющихся за равноправность женскихъ правъ обществахъ въ Англіи. Отмѣчу два главныхъ: «Женская либеральная федерациа» и «Союзъ избирательныхъ правъ женщинъ». Первое общество, «Ж. л. ф.», въ теченіе болѣе 10 лѣтъ оказывало дѣятельную поддержку прогрессивнымъ партіямъ: обращалось къ правительству съ запросами и требованіями въ духѣ либеральныхъ реформъ; всячески поддерживало либеральную партію на выборахъ и т. д. Либералы принимали услуги женщинъ, пользовались ими, благодарили... но, съ своей стороны, не считались, какъ партія, съ требованіями женщинъ. Такой образъ дѣйствій либераловъ постепенно вызвалъ въ федерациі расколъ:

часть ея членовъ попережнему выставляла первымъ пунктомъ своей программы поддержку либеральной партіи; другая часть на первый планъ выдвигала политическое равноправіе женщинъ и ставила его, какъ условие *sine qua non* под поддержки кандидатовъ въ избирательной компаніи. Въ 1902 г. послѣднія одержали верхъ. Сторонницы немедленнаго включенія женскихъ правъ въ программу либеральной партіи провели на собраніи «Ж. л. ф.» предложеніе: федерація оказываетъ поддержку лишь тѣмъ кандидатамъ либеральной партіи, которые обязуются поддерживать въ парламентѣ избирательныя права женщинъ. Въ прошломъ маѣ 1905 года постановленіе это вызвало горячій протестъ. На годичномъ собраніи «Ж. л. ф.» г-жа Фордхамъ вновь подняла сложный вопросъ. «Со времени резолюціи 1902 года,—объявила г-жа Фордхамъ,—«Ж. л. ф.», какъ таковая, прекратила свое существованіе; и самое ея названіе должно быть измѣнено. Если-бъ мы назывались «Либеральной федераціей женскихъ избирательныхъ правъ», тогда мы были бы логичны; теперь же мы плывемъ подъ ложнымъ флагомъ... Въ самомъ дѣлѣ, что же мы отстаиваемъ въ «Ж. л. ф.»? Прогрессъ? Свободу?... Наша цѣль—помочь либеральной партіи, воздѣйствовать на мужчинъ и женщинъ. И сейчасъ мы стоимъ за все это, но мы выдвигаемъ на первый планъ избирательныя права женщинъ, а на второй—ставимъ либерализмъ. И ассоціаціи старой школы пали духомъ и возмущены... Можно ли дѣлать обязательнымъ вопросомъ внѣпартійный? Я горячо ратую за тѣ ассоціаціи, которыя хотя и стоятъ за политическія права женщинъ, но все держатся либеральной партіи и даже помогаютъ кандидатамъ, не принадлежащимъ къ сторонникамъ избирательныхъ правъ женщинъ». Въ заключеніе г-жа Фордхамъ указала на Джона Морлея, знаменитаго государственнаго дѣятеля, который всего годомъ раньше призналъ политическія права женщинъ. «Раньше,—сказала докладчица,—федерація не помогла бы Джону Морлею, если-бъ онъ нуждался въ нашей помощи, ибо онъ лишь въ прошломъ году созналъ свою ошибку и сталъ сторонникомъ избирательныхъ правъ женщинъ». Всѣ эти аргументаціи, всѣ приведенныя филиппики въ защиту свободы, хотя бы при удержаніи прежняго рабства женщинъ,—не переносятъ ли насъ къ преніямъ и спорамъ въ нашей собственной средѣ?

И приведенная рѣчь оратора «Ж. л. ф.» не напоминаетъ ли нѣкоторыхъ нашихъ общественныхъ дѣятельницъ,—тѣхъ, кто недавно еще слышалъ принести свои политическія права въ жертву на алтарѣ свободы; тѣхъ, кто воображалъ, что есть будто бы свобода частичная, половинчатая; что самое понятіе свободы осуществимо, когда принципы ея попираются въ самомъ корнѣ!

На конгрессѣ «Ж. л. ф.» въ Англіи побѣду одержалъ принципъ свободы истинной, а не мнимой. Сторонницы его справедливо указали, что съ 1902 г., когда члены федераціи впервые выставили свои пренія прямо и категорически,—либеральные кандидаты стали съ ней считаться болѣе чѣмъ когда-либо. А «Ж. л. ф.» развилась и далеко раскинула свои вѣтви

Краснорѣчивѣе всего говорятъ цифры: въ 1902 году количество членовъ федераціи опустилось до 49,000; а въ 1905 г. прибавилось 27,000 новыхъ членовъ и 63 новыхъ ассоціацій. Такимъ образомъ, всего насчитывалось въ 1905 году 76,000 членовъ при 567 организаціяхъ. Лэди Макларзонъ справедливо указала при этомъ, что истинный либерализмъ состоитъ въ отстаиваніи не извѣстныхъ лицъ, а извѣстныхъ принциповъ. Причемъ другой членъ федераціи подтвердилъ этотъ аргументъ ссылкой на цѣль федераціи, какъ она была сформулирована при основаніи ея: «Содѣйствовать принятію либеральныхъ принциповъ при управленіи страной». Въ взглядахъ убѣжденныхъ сторонниковъ равноправія женщинъ примкнуло большинство—561 изъ 746 членовъ.

Гораздо болѣе цѣльный характеръ имѣетъ дѣятельность другого женскаго политическаго общества въ Англіи: «Національнаго союза избирательныхъ правъ женщинъ». Основанный въ 1867 году, въ тотъ памятный годъ, когда Стюартъ Милль выступилъ въ парламентѣ въ защиту политическихъ правъ женщинъ, національный союзъ постоянно разрастался, покрывая своими вѣтвями всю страну. Я не могу дать вамъ сейчасъ статистическихъ цифръ о количествѣ членовъ и отдѣленій національнаго союза. Замѣчу лишь, что за послѣднее время союзъ достигъ небывалаго развитія. А именно, согласно отчетамъ, за послѣдній годъ въ Англіи было организовано 60 новыхъ комитетовъ. Количество митинговъ и демонстрацій въ 1905—6 году тоже превысило все то, что дѣлалось въ предыдущіе года. Въ январѣ 1906 г. въ приморскомъ городѣ Гулѣ состоялся общій «Національный союзъ избирательныхъ правъ женщинъ». Докладчики съезда констатировали, какой огромный прогрессъ совершило женское движеніе съ 1832 года, когда впервые нѣкая Мэри Смитъ изъ Йорашейра представила въ парламентъ первую петицію о политическихъ правахъ женщинъ. При этомъ нѣкоторые ораторы указали характерную черту, отличающую женское движеніе въ Англіи. Высшіе и средніе классы не проявили особеннаго энтузіазма въ борьбѣ за избирательныя права женщинъ. Несравненно болѣе живой интересъ и горячее участіе выказали женщины-работницы. И это вполне понятно. За послѣднюю половину XIX вѣка женщины-работницы все болѣе принимали участія въ экономической борьбѣ. Многіе не только помогаютъ мужчинамъ зарабатывать кусокъ хлѣба для семьи, но часто однѣ выносятъ на своихъ плечахъ всю тягость экономической борьбы за существованіе. И женщины-работницы, особенно изъ текстильныхъ фабрикъ, проявляютъ все болѣе участія въ женскомъ политическомъ движеніи.

Англійскій національный союзъ принялъ самое дѣятельное участіе въ избирательной кампаніи этого года. Всѣмъ извѣстны результаты парламентскихъ выборовъ: большинство получила рабочая партія, обѣщавшая женщинамъ свою поддержку. Тѣмъ не менѣе, грандіозная депутація женщинъ къ премьеръ-министру, организованная 19 мая національнымъ союзомъ, не дала никакихъ положительныхъ результатовъ. Цѣль депутаціи со-

стояла въ томъ, чтобъ склонить само правительство внести въ парламентъ билль объ избирательныхъ правахъ женщинъ. Премьеръ-министръ выразилъ свое принципиальное сочувствіе требованіямъ женщинъ, но не связалъ себя никакимъ обѣщаніемъ; болѣе того, онъ даже высказался въ томъ смыслѣ, что время для реформы еще не настало и далъ женщинамъ столь знакомый имъ совѣтъ: «имѣть терпѣніе и ждать»... Какъ же объяснить тотъ фактъ, что Англія, страна культурная *par excellence* такъ медлитъ провести реформу, признанную справедливой и необходимой многими ея лучшими государственными дѣятелями,—реформу, которая, притомъ, логически вытекаетъ изъ самаго духа англійской конституціи? Главная причина этого явленія, имѣ думается, лежитъ въ чрезвычайномъ консерватизмѣ, характеризующемъ англійскую націю. Достигнувъ въ ранній періодъ исторіи значительной степени политическаго развитія, англичане съ тѣхъ поръ всегда шли впередъ медленно, осторожно, избѣгая всякой ломки, всякаго сотрясенія государственнаго организма. Всякая внезапная радикальная реформа претитъ имъ, всякое введеніе новыхъ политическихъ элементовъ принимается не сполна, съ оглядкой.

Несмотря на всѣ эти препоны, дѣятельницы женскаго движенія въ Англіи не унываютъ, не падаютъ духомъ. И никогда еще шансы женщинъ не стояли такъ высоко, какъ въ этомъ году. А именно, 405 членовъ парламента обязались оказывать поддержку въ проведеніи политическихъ правъ женщинъ.

Время не позволяетъ имѣ остановиться подробно на женскомъ движеніи въ Европѣ. Я скажу лишь два слова о Норвегіи. Въ Норвегіи, какъ и въ другихъ странахъ, главная роль въ женскомъ движеніи принадлежитъ женскимъ политическимъ обществамъ, главнымъ образомъ «Национальному союзу избирательныхъ правъ женщинъ». Благодаря пропагандѣ дѣятельницъ освободительнаго движенія, въ Норвегіи уже достигнуты въ этомъ направленіи значительные результаты. Женщины получили избирательныя права въ земскомъ и муниципальномъ самоуправленіи. Въ 1903 г. женщины получили право быть присяжными повѣренными, а въ послѣднее время онѣ допущены къ участию въ судѣ присяжныхъ.

Особенно выдвинулись женщины на авансценѣ политической жизни Норвегіи за послѣдній годъ. Въ маѣ 1905 г., какъ извѣстно, былъ поднятъ вопросъ о расторженіи уніи, соединяющей Норвегію со Швеціей, т.-е. вопросъ о свободномъ, независимомъ существованіи Норвегіи.

Вопросъ этотъ, рѣшенный утвердительно въ стортингѣ 7 іюня, былъ затѣмъ перенесенъ на утвержденіе всего народа, т.-е. всего народа, за исключеніемъ женщинъ. Норвежскія женщины не захотѣли примириться съ такимъ ненормальнымъ положеніемъ. Не только среди женщинъ, но и среди лучшихъ изъ мужчинъ стали высказываться въ пользу того или иного проявленія политическихъ взглядовъ женской половины населенія.

Въ прессѣ и на митингахъ раздалось требованіе организациі всеобщаго голосованія среди женщинъ для рѣшенія вопроса о расторженіи уніи.

«Нѣтъ, — писала 3 августа («aftenposten») г-жа Сельмеръ, одна изъ нѣсколькихъ тысячъ общественныхъ дѣятельницъ Норвегіи, — нѣтъ, мы, женщины, не можемъ сидѣть спокойно дома въ день 13 августа. Законъ не даетъ намъ права высказать нашъ взглядъ. Но вѣдь и мужчинамъ законъ не предоставляетъ права всеобщаго народнаго голосованія. Право это даетъ долгъ передъ отечествомъ. А такое право мы всегда имѣемъ. Итакъ, мы, женщины, возьмемъ все дѣло въ свои руки, — ничто не можетъ воспрепятствовать намъ въ этомъ. Всѣ узнаютъ, что въ эти дни наши сердца горѣли любовью къ родинѣ.

«Я предлагаю распространить по городамъ и селамъ листы съ слѣдующимъ заявленіемъ, подъ которымъ могутъ подписаться всѣ взрослые женщины.

«Мы, нижеподписавшіяся норвежскія женщины, высказываемся за рѣшеніе стортинга 7 іюня текущаго года». Слѣдуютъ подписи... Докажемъ воочію, что и мы, женщины, граждане политически развитые, самостоятельные и энергичные»...

Взгляды г-жи Сельмеръ и ея единомышленниковъ нашли горячій откликъ. Но время для агитаціи было неблагоприятное: многія видныя общественныя дѣятельницы, благодаря лѣтнимъ каникуламъ, были въ отсутствіи. Среди поборниковъ женскихъ правъ произошелъ расколъ: одни стояли за предложенную организацію всеобщаго голосованія среди женщинъ; другія — къ нимъ принадлежала и г-жа Гина Бругъ, — принципиально сочувствуя идеѣ, боялись за исходъ голосованія: до 13 августа времени для агитаціи было мало, — оставалось всего десять дней, — и неудачный исходъ голосованія могъ ухудшить положеніе женщинъ. Опасеніе ихъ не оправдалось. Побѣду одержали наиболѣе рѣшительныя и сильныя; голосованіе норвежскихъ женщинъ дало блестящіе результаты: свыше 400,000 высказалось за расторгненіе уніи и за свободу Норвегіи.

Я не буду останавливаться на женскомъ движеніи во Франціи, о которомъ вы, вѣроятно, вскорѣ узнаете изъ реферата нашего сочлена, г-жи Бальмановичъ, находящейся въ данное время на женскомъ съѣздѣ въ Парижѣ. Отмѣчу только, что во время послѣднихъ выборовъ женщины и во Франціи не остались безучастны. Между прочимъ главныя женскія политическія общества приняли и распространили въ періодъ выборной компаніи слѣдующее воззваніе подъ заголовкомъ: «Женщина должна имѣть право голоса въ установленіи налога, который она уплачиваетъ, и закона, которому она подчиняется».

«Избиратели! Будущія избирательницы! — такъ начинается воззваніе. — При старомъ порядкѣ женщина, глава семьи, вдова, незамужняя пользовались, наравнѣ съ мужчиной, правомъ голоса. Такъ онѣ до 1788 г. имѣли избирательныя права при созваніи генеральныхъ штатовъ.

Въ настоящую минуту онѣ пользуются правами въ четырехъ Штатахъ Сѣверной Америки, въ Австраліи и Новой Зеландіи. Въ Англіи постепенно

уменьшается большинство, отказывающее женщинамъ въ правахъ. Въ Франціи женщины имѣютъ избирательныя права въ коммерческихъ судахъ, пассивныя и активныя права при избраніи департаментскихъ учительскихъ совѣтовъ и высшихъ совѣтовъ министерства просвѣщенія. Только предоставленіе избирательныхъ правъ даетъ женщинамъ возможность послать въ парламентъ депутатовъ, которые будутъ представлять и защищать ихъ интересы; предоставить ихъ женщинамъ—это значитъ вернуть имъ тѣ права, которыя нѣкогда являлись привилегіей высшихъ классовъ. Распространеніе этого права на всѣхъ женщинъ такъ же какъ мужчинъ—и будетъ введеніемъ истинно-всеобщаго избирательнаго права».

На этомъ я окончу свою краткую замѣтку о женскомъ движеніи въ Западной Европѣ. Главными дѣятелями его являются, какъ вы видите, различные союзы избирательныхъ правъ женщинъ и другія аналогическія политическія общества. Значительная часть этихъ ассоціацій объединились въ т. наз. «международный союзъ избирательныхъ правъ женщинъ». Международный союзъ организуетъ настоящимъ лѣтомъ конгрессъ въ Боненгагенѣ. Время конгресса опредѣлено отъ 6 до 12 августа новаго стиля *).

Въ настоящую историческую минуту, когда въ разныхъ странахъ выдвигается вопросъ о равноправіи женщинъ, конгрессъ представителей и защитниковъ принципа истинной свободы, представляемъ особенный, исключительный интересъ. Характеръ и направленіе организующаго съѣзда международного союза избирательныхъ правъ женщинъ выражается въ слѣдующей деклараціи, принятой на международномъ съѣздѣ союза въ Берлинѣ въ іюль 1904 г.

«Мы, делегаты международного союза избирательныхъ правъ женщинъ, собравшіеся на 2 международный съѣздъ въ Берлинѣ въ іюль 1904 года постановили»:

1) Мужчины и женщины равно свободны и независимы по рожденію, одинаково надѣлены разумомъ и способностями и имѣютъ право на свободное ихъ развитіе.

2) Есть соотношеніе половъ, есть—общая совмѣстная работа, и ограниченіе правъ одного пола неизбѣжно наноситъ ущербъ другому полу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, и всему человѣчеству.

3) Во всѣхъ странахъ тѣ законы, обычаи и вѣрованія, которые содѣйствовали закрѣпощенію женщинъ, ограничивали ея индивидуальность и препятствовали ея развитію, основаны на извращенныхъ понятіяхъ и породили неправильныя соотношенія между полами современнаго общества.

* Мы, центр. бюро с. р. ж., получили приглашеніе примкнуть къ международному союзу и принять участіе въ конгрессѣ. Приглашаются представительницы женскихъ политическихъ организацій разныхъ странъ, при чемъ каждой странѣ предлагается прислать 6 делегатовъ, которымъ дается отъ 20 минутъ до часа для докладовъ на конгрессѣ. Центральное бюро рѣшило принять приглашеніе, такъ какъ оно отвѣчаетъ тѣмъ пожеланіямъ, которыя были высказаны на нашемъ послѣднемъ делегатскомъ съѣздѣ союза р. ж. въ октябрѣ 1906 г.

4) Участіе въ мѣстномъ самоуправленіи и дѣлахъ государства есть неотъемлемое право каждаго нормально развитога челоуѣка, достигнуга совершеннолѣтія, и отказъ въ немъ женщинамъ произвелъ соціальный и экономическій государственный гнетъ и усугубилъ существующее экономическое неустройство.

5) Правительство, которое взимаетъ налоги и подати съ женщинъ, не предоставляя имъ права согласія или протеста, которымъ пользуются мужчины, употребляетъ насилие надъ ними, несовмѣстимое съ государствомъ, основаннымъ на справедливыхъ законахъ.

5) Всеобщее голосованіе, единственное и мирное средство защиты правъ «жизни, свободы и счастья», провозглашенное деклараціей независимости въ Америкѣ,—признано неотъемлемымъ правомъ всѣхъ цивилизованныхъ націй. Во всѣхъ представительныхъ государствахъ женщины должны быть облечены всѣми политическими избирательными правами».

Въ заключеніе приводимъ уставъ «международнаго союза избирательныхъ правъ женщинъ».

Уставъ „международнаго союза избирательныхъ правъ женщинъ“, выработанный въ Берлинѣ 3—4 іюля 1904 г.

§ I. Названіе.—«Международный союзъ избирательныхъ правъ женщинъ».

§ II. Цѣль.—Цѣль союза добиваться избирательныхъ правъ для женщинъ всѣхъ націй и соединить всѣхъ лицъ, сочувствующихъ этой цѣли, въ организаціи, основанныя на коопераціи или братской помощи.

§ III. Члены: 1) Всякій національный союзъ избирательныхъ правъ женщинъ, насчитывающій не свыше 2,500 членовъ, можетъ присоединиться къ международному союзу, который обеспечиваетъ ему представительство 6 делегатовъ на всѣ международныя съѣзды; ежегодный взносъ 5 долларовъ, передаваемый казначею международнаго союза. Национальные женскіе союзы, насчитывающіе болѣе 2,500 членовъ вносятъ, ежегодно 10 долларовъ, и имѣютъ право на то же представительство 6 делегатовъ.

2) Въ тѣхъ странахъ, гдѣ нѣтъ женскаго союза равноправности, другія мѣстныя женскія организаціи соединяются въ національный комитетъ и посылаютъ 6 представителей, которые могутъ участвовать въ работахъ международнаго союза; ежегодный взносъ 5 долларовъ съ правомъ 6 голосовъ въ международномъ собраніи.

3) Отдѣльныя лица вносятъ ежегодно 5 долларовъ и могутъ быть почетными членами международнаго союза, пользуясь всѣми правами делегатовъ на собраніи, получая всѣ извѣстія, но не имѣя права голоса.

4) Въ тѣхъ странахъ, гдѣ нѣтъ союза равноправности, почетные члены могутъ составить между собою комитетъ, который получаетъ отъ международнаго союза всѣ извѣстія, имѣетъ право послать своего делегата,

который пользуется всеми правами и полномочиями за исключением права голоса.

§ IV. Собрание.—«Международный союз избирательных прав женщин» собирается через каждые пять лет для выбора представителей, проверки полномочий и расширения своей деятельности. Собрания исполнительного комитета назначаются по мере надобности.

§ V. Члены: 1) Члены состоят из одного председателя, двух товарищей председателя, одного секретаря, двух помощников секретаря и одного казначей; три секретаря для представителей английских, немецких и французских членов союза.

2) Председатели других национальных женских союзов равноправия могут быть товарищами председателя.

§ VI. Обязанности должностных лиц.—Должностные лица союза несут присущие им должности и обязанности.

§ VII. Исполнительный комитет.—Семь избранных должностных лиц составляют исполнительную комиссию, которую уполномачивают вести дело организации.

§ VIII. Отчетный год.—Отчетный год союза кончается 1 января.

§ IX. Выбор должностных лиц: 1) Должностные лица союза избираются на общих делегатских съездах через каждые пять лет, путем обыкновенной баллотировки. Трое лиц, получивших большинство голосов, считаются кандидатами, и выбор производится закрытой баллотировкою.

2) Срок времени, на который выбраны должностные лица, истекает в конце последнего заседания комиссии и вступление в должность вновь избранного лица должно состояться вслед за его избранием на съезде конгресса.

3) В случае смерти или отказа свободное место замещается лицом, занимавшим его раньше, по назначению национального союза избирательных прав не пожелает найти заместителя прав. Если национальный союз избирательных прав не пожелает найти заместителя в продолжение 6 месяцев, исполнительный комитет назначает своего кандидата.

4) Члены пользуются правом голоса на общих съездах: международный союз избирательных прав состоит из 6 членов от каждого национального союза избирательных прав женщин и из 6 делегатов от каждого соединенного местного женского союза равноправности. На выборах присутствующие члены делегаты подают все голоса, на которые имеют право их национальный союз. Подача голосов совершается в том же порядке по каждому вопросу при запросе национальных делегатов. В других вопросах каждый делегат имеет только один свой голос.

5) Казначей международного женского союза равноправности, как таковой, председательствует в комитете кассы.

6) Національный союзъ, не сдѣлавшій взноса къ 1 января, предшествующему 5-лѣтнему сѣзду, теряетъ право голоса.

§ X. Настоящій уставъ можетъ быть измѣненъ рѣшеніемъ двухъ третей голосовъ общаго сѣзда делегатовъ, созываемыхъ каждыя пять лѣтъ; при этомъ необходимо заявить о желаемыхъ измѣненіяхъ предсѣдателю сѣзда за шесть мѣсяцевъ, или товарищу предсѣдателя за три мѣсяца до сѣзда черезъ международнаго секретаря. Въ случаѣ не оповѣщенія секретаремъ или товарищемъ предсѣдателя, поправка можетъ быть подвергнута просмотру сѣздомъ делегатовъ, при чемъ требуется оповѣстить о вышеозначенной поправкѣ за день до внесенія ея на разсмотрѣніе собранія.

Н. Мировичъ.

Державы и Ближній Востокъ.

Берлинскій трактатъ и необходимость его пересмотра.—Положеніе балканскихъ племень.—Политика державъ.—Состояніе Турціи.—Недостатки современнаго международнаго строя.—Заключеніе.

Прошло уже свыше двадцатипятилѣтія берлинскому трактату,—тому международному акту, который юридически доселѣ опредѣляетъ положеніе Турціи, подвластныхъ ей племень и смежныхъ съ нею юныхъ балканскихъ государствъ. Указанный срокъ достаточно великъ, чтобы дать намъ возможность произнести безпристрастный приговоръ о значеніи этого акта. Какъ бы мы на него ни смотрѣли, но сомнѣнію не можетъ подлежать одно: берлинскій трактатъ требуетъ серьезныхъ и разностороннихъ измѣненій. И это въ силу двухъ обстоятельствъ: нѣкоторыя изъ его постановленій остались жертвою буквою; другія—плодъ вызвавшихъ ихъ политическихъ компромиссовъ—были несостоятельны съ самаго начала и оказались таковыми еще болѣе впоследствии.

Измѣненія, о которыхъ мы говоримъ, могутъ произойти по одному изъ двухъ путей: либо мирно, въ силу дружескаго соглашенія между заинтересованными населеніями съ одной стороны, и державами съ другой,—путь наиболѣе желанный и справедливый,—либо черезъ рядъ насилій, войнъ и переворотовъ.—Къ сожалѣнію, историческій опытъ прошлаго все еще оставляетъ мало надежды на мирное теченіе и разрѣшеніе этого вопроса въ будущемъ.

На это много причинъ: онѣ лежатъ въ условіяхъ жизни балканскихъ народностей, въ политикѣ державъ, въ положеніи Турціи и въ нѣкоторыхъ другихъ болѣе глубокихъ сторонахъ современнаго международнаго строя вообще.

Остановимся же нѣсколько на каждой категоріи изъ названныхъ причинъ *).

*) Новыя работы по восточному вопросу:—*Brunswick. Le traité de Berlin annoté et commenté. 1887.* Статьи *Емюлли* о берлинскомъ конгрессѣ въ *Revue de dr. int. XI, XII и XIII.*—*Choubrier. La question d'Orient depuis, le traité de Berlin. 2 изд. 1899.*—*Driault. La question d'Orient depuis ses origines jusqu'à nos jours. 1898.*—*Monicault. La question d'Orient. Le traité de Paris et ses suites (сѣ 1856 по 1871). 1898.*—*Джесперъ.* Русская политика въ восточномъ вопросѣ. Ея исторія въ XVI—XIX вѣкахъ, критическая оцѣнка и будущія задачи, 2 тома, 1896 г. Въ концѣ 2-го тома—библиографическій указатель русскихъ книгъ и статей по восточному вопросу.—*Моя брошюра. Восточный вопросъ, 1896.*

I.

Однимъ изъ главныхъ препятствій къ освобожденію христіанъ на Ближнемъ Востоку является глубокая между ними рознь и даже ненависть. Тяжкое, почти пятивѣковое иго турокъ до сихъ поръ не научило ихъ простой, казалось бы, истинѣ, что въ единеніи ихъ—главный залогъ ихъ освобожденія и возрожденія. Вѣчно озираясь на прошлое, они сходятся воскресить безвозвратно промелькнувшія царства того или другого племени, упорно оспариваютъ другъ у друга каждый клочокъ земли и наперерывъ ищутъ милостей и поддержки у иностранцевъ и порою даже у султана. Греки лелѣютъ мечту о возстановленіи Византійской имперіи, той, которая въ свое время не сумѣла отстоять дѣло христіанъ отъ мусульманъ. Сербамъ не даетъ спать мысль о великой Сербіи, подобно тому, какъ болгары преслѣдуютъ призракъ прежняго ихъ царства. Эти въ наши дни народныя грезы стоятъ въ рѣзкомъ противорѣчій съ *безсильемъ и неразвитостію этихъ народностей* и питаютъ лишь тяжелую вражду между ними, подготовляя, быть можетъ, только новое ихъ порабощеніе въ ближайшемъ будущемъ наиболее хитрымъ или сильнымъ ихъ врагомъ или политическимъ другомъ. Больше всего печально для участи балканскихъ народовъ отсутствіе въ ихъ средѣ настоящихъ талантовъ, политическихъ крѣпкихъ характеровъ, истыхъ борцовъ за народное дѣло! Не менѣе печально и то, что судьбы ихъ ввѣрены *нѣмцамъ*, иностраннымъ ставленникамъ, которымъ чужды чаянія и страданія управляемыхъ ими народовъ.

На площади Балканскаго полуострова, недавно призваннаго къ политической самостоятельности, въ нѣкоторыхъ его областяхъ, благодаря державамъ и въ особенности Россіи, мы видимъ непрерывное соперничество и вражду среди обитающихъ его племенъ: грековъ, болгаръ, сербовъ, румынъ, албанцевъ, турокъ. Всѣ они, требуя себѣ независимости, готовы наложить руку на сосѣда и для этой цѣли не брезгаютъ прибѣгать къ доносамъ и услужливости передъ оттоманскимъ владыкой. Исторически этотъ прискорбный фактъ, конечно, находитъ себѣ объясненіе въ многовѣковомъ ихъ рабствѣ.

Враждуютъ не только греки съ славянами, но и славяне между собою. Когда Россія ополчилась за освобожденіе балканскихъ христіанъ въ 1877—78 гг., Греція не приняла участія въ этой борьбѣ. Сербія устремилась на Болгарію вслѣдствіе присоединенія къ ней Восточной Румеліи (1885). Во время отчаянной борьбы Греціи съ Турціею изъ-за освобожденія Крита не тронулось ни одно изъ славянскихъ государствъ на Балканахъ. Нетерпимость грековъ повела къ такъ называемой болгарской схизмѣ. Въ 1896 г. греческіе выходцы волновали злополучную Македонію, и никто изъ славянъ не подалъ ей руку помощи. На нашихъ глазахъ болгарскіе четники подняли въ ней знамя возстанія, а греческіе добровольцы предлагали свои услуги султану на борьбу противъ возмущившихся

его подданныхъ, хотя славянъ, но всетаки ихъ братій по религіи, общимъ страданіямъ и цѣлямъ.

Берлинскій трактатъ призналъ независимость Черногоріи, Сербіи и Румыніи; изъ Болгаріи создалъ вассальное зависимое отъ Турціи княжество и превратилъ Восточную Румелию въ автономную провинцію Порты, но управляемую генераль-губернаторомъ, который назначается Турціей съ согласія державъ. Санъ-Стефанскій договоръ предусмотрительно постановлялъ прямо соединеніе послѣдней области съ Болгаріею, что и воспослѣдовало уже въ 1885 г. и получило признаніе державъ. Какъ бы то ни было, но къ единственному на Балканахъ христіанскому государству греческому, съ 30 годовъ прошлаго вѣка—берлинскій трактатъ, уступая давлению самой жизни, присоединилъ еще три государства и намѣтывалъ образованіе четвертаго (болгарскаго). Все это обозначало не малый шагъ впередъ въ дѣлѣ возрожденія балканскихъ христіанъ и было достигнуто главнымъ образомъ благодаря жертвамъ и оружію Россіи. Но, съ другой стороны, берлинскій трактатъ открылъ двери на Балканскій полуостровъ новой, очень опасной для него политической силѣ—Австро-Венгріи, давно уже стремившейся къ полученію тамъ, по совѣтамъ Бисмарка, вознагражденія за исключеніе ея изъ Италіи и Германіи. Австрія получила полицейскій, морской и санитарный надзоръ вдоль всего черноморскаго побережья, несмотря на провозглашеніе независимости Черногоріи, и послѣдняя лишена права имѣть свои военные корабли, или даже открывать портъ Антивари и вообще свои воды для военныхъ судовъ всѣхъ націй. Черногоріи вмѣняется въ обязанность ввести у себя морскіе законы, дѣйствующіе въ Далмаціи, и она должна признать покровительство Австріи (черезъ ея консуловъ) своему торговому флагу.

Кромѣ того Австріи предоставлено занять Боснію и Герцеговину и управлять ими безъ обозначенія какихъ-либо условій и даже срока для этой оккупации (ст. 25 берлинскаго договора). Австрія не вела войны, всегда относилась враждебно (какъ держава нѣмецкая и венгерская) къ славянамъ (особенно южнымъ) и получила за разъ двѣ провинціи. По мысли ея правителей, эта оккупация окончательная: о томъ свидѣлствуютъ послѣдующія ея дѣйствія (введеніе тамъ въ 1881 г. воинской повинности), и Европа своимъ молчаніемъ санкціонируетъ этотъ захватъ, рѣзко противорѣчащій международному праву. Нельзя не замѣтить по этому поводу, что относительно этихъ областей была бы гораздо естественнѣе другая комбинація, осуществленія которой такъ опасалась Австрія еще въ 1875—76 гг., когда въ нихъ вспыхнуло возстаніе, приведшее къ русско-турецкой войнѣ, именно присоединеніе Босніи къ Сербіи, а Герцеговины къ Черногоріи.

Яркую картину хозяйничанья Австріи въ этихъ областяхъ даетъ французскій публицистъ Барбъ. По его мнѣнію во имя цивилизаціи ст. 25 берлинскаго трактата должна быть пересмотрѣна; ради общественной справед-

ливости должно побудить Австрію отказаться отъ дѣла, на совершеніе котораго у нея не хватаетъ ни силы, ни доброй воли; наконецъ, во имя человечества слѣдуетъ опросить населенія, благополучіе которыхъ хотятъ обезпечить. Надо прежде всего узнать, въ чемъ они сами видятъ условія для себя мира и преуспѣянія? Европа никакъ не можетъ долѣе взирать на продолженіе такого акта предумышленного убійства (*assassinat prémédité*). Берлинскій трактатъ вѣдь не присоединилъ эти провинціи къ Австріи: онъ далъ ей только порученіе (*mandat*) ими управлять и ихъ замирить. Поэтому онъ оставилъ за Европою право контроля надъ выполненіемъ этого порученія, а также право измѣненія установленнаго тамъ порядка въ случаяхъ явной необходимости *).

Въ сожалѣнію, Россія еще до берлинскаго конгресса дала свое одобреніе на возможность оккупациі Босніи и Герцеговины Австрію. Еще въ 1876 г. она, въ видахъ улучшенія тяжкаго положенія балканскихъ христіанъ и желая избѣжать войны, предложила дипломатическое вмѣшательство Европы въ тогдашнія смуты на Востокъ, съ цѣлью постепеннаго образованія изъ христіанскихъ областей Оттоманской имперіи вассальныхъ, но автономныхъ княжествъ, съ номинальнымъ лишь подчиненіемъ ихъ власти султана. Между прочимъ русское правительство рекомендовало уступить Черногоріи гавань на морѣ и нѣсколько сопредѣльныхъ съ нею округовъ въ Герцеговинѣ, а Сербіи—отдать Малый Зворникъ. Но Австрія рѣшительно отвергла какъ автономію для Босніи и Герцеговины, такъ и присоединеніе ихъ къ Сербіи и Черногоріи. При свиданіи императоровъ Александра II и Франца-Иосифа въ Рейхштадтѣ, въ Богеміи (въ іюнѣ того же года) оба государя обмѣнялись обѣщаніемъ дѣйствовать въ восточныхъ дѣлахъ не иначе, какъ по предварительному уговору другъ съ другомъ во всѣхъ возможныхъ случайностяхъ, не исключая и окончательнаго распаденія Оттоманской имперіи. Въ послѣднемъ случаѣ предположено было изъ Болгаріи, Албапіи и остальной части Румелии образовать автономныя княжества; Фессалію, Эпиръ и островъ Бритъ присоединить къ Греціи; Константинополь же съ ближайшею его окружною (*banlieue*) объявить вольнымъ городомъ. А нѣсколько повднѣе, въ виду проявленнаго турками упорства принять совѣты державъ, государь послалъ въ Вѣну гр. Сумарокова-Эльстона съ собственноручнымъ письмомъ, въ которомъ предложилъ слѣдующія противъ Порты понудительныя мѣры: занятіе Босніи австро-венгерскими, а Болгаріи русскими войсками и вступленіе въ Босфоръ эскадръ всѣхъ великихъ державъ. Но Вѣнскій дворъ отклонилъ предложеніе совѣстнаго занятія названныхъ областей и сочувственно отнесся къ морской демонстраціи предъ Константинополемъ, на которую въ свою очередь не согласился лондонскій кабинетъ.

Уже передъ самой войной съ Турціей Россія заключила съ Австрію

*) *André Barbé*: „La Bosnie-Herzégovine. Administration autrichienne de 1878 à 1903; p. 288.

конвенцію объ ея благожелательномъ нейтралитетѣ и согласилась на то, чтобы окончательный миръ съ Турціею, или, въ случаѣ распада послѣдней, политическое устройство Балканскаго полуострова были опредѣлены при дѣятельномъ соучастіи Австро-Венгрии, и чтобы причитавшимъ въ пользу послѣдней земельное приращеніе въ Босніи и части Герцеговины явилось послѣдствіемъ не прекращенія турецкаго владычества въ Европѣ, а всякаго территориальнаго измѣненія въ распредѣленіи балканскихъ земель. Въ то же время были подтверждены условія уговора, состоявшагося въ Рейхштадтѣ и, между прочимъ, о возвращеніи Россіи дунайской части Бессарабіи *).

Греція, не принявшая участія въ войнѣ 1877—78 г., была вознаграждена за это въ 1881 г. полученіемъ Фессалии и небольшой части Эпира.

Какъ ни смотрѣть на Берлинскій трактатъ, но онъ по существу является ничѣмъ инымъ, какъ временнымъ этапомъ въ историческомъ процессѣ разложенія Оттоманской имперіи. Ни одно изъ балканскихъ государствъ не получило своихъ естественныхъ, сколько нибудь для него подходящихъ границъ. Населенія, еще не освобожденныя, должны были неизбежно стремиться къ положенію далеко не идеальному, но всетаки лучшему тѣхъ изъ ихъ братьевъ, которые вышли уже изъ-подъ турецкаго владычества. Борьба критянъ за независимость не удалась, и помощь, оказанная имъ великодушно, но безъ должной подготовки и энергіи греками въ 1897 г., повела лишь къ нѣкоторому улучшенію ихъ участи при содѣйствіи Европы, давшей имъ въ правители втораго сына короля Греціи. Тоже—полумѣра, на пути либо совершеннаго ихъ освобожденія, либо слиянія съ родною для нихъ Эладомъ **).

Немного ранѣе передъ этимъ весь образованный міръ былъ возмущенъ массовыми избиеніями въ Малой Азіи и даже на улицахъ Константинополя армянь, которымъ также обѣщала нѣкоторую помощь берлинскій трактатъ (ст. 60), повторившій въ этомъ отношеніи начинъ, сдѣланный Россіею еще въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ (ст. 16). Но послѣдовавшіе затѣмъ робкіе шаги державъ въ ихъ пользу: объѣзды консуловъ въ пострадавшіи

*) Весьма обстоятельное и документальное изложеніе всѣхъ дипломатическихъ переговоровъ Россіи съ державами по восточному вопросу въ 1875—80 гг. данъ г. *Татищевъ* въ недавно напечатанномъ имъ сочиненіи: Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе, 1903 г., т. II, (кн. VI: освобожденіе балканскихъ христіанъ). Эти страницы, содержащія въ себѣ много новаго, особенно интересны въ виду совершающихся нынѣ событій на Балканахъ.

**) Ср. прекрасную работу Штрейта. *Streit. La question crétoise au point de vue du droit international. Revue générale de Droit intern. public.* 1897—1903 г. Сменившая конституція Крита, вступившая въ силу 16 (29) апрѣля 1899 г., напечатана тамъ же, 1903; № 3 et 4, p. 384 suiv. Въ текущемъ году критяне снова возвысили свой голосъ въ пользу присоединенія къ Греціи, но державы упорно отказались имъ въ согласіи на это.—*De Stieglitz. L'île de Crète, le blocus pacifique et le point de vue international.* 1899. *Couturier. La situation de la Crète au point de vue du droit international.* 1900. Приложена также Критская конституція 1899 г.

жѣстностяхъ, комиссіи, планы реформъ, даже отчасти одобренныхъ султаномъ, доселѣ не принесли имъ никакой существенной пользы. Кабинеты, мало между собою согласные, отвлекаются другими вопросами.

Публику нѣкоторая часть печати старается охладить разсказами про политическіе происки армянъ, мечтающихъ де о восстановленіи Великой Арменіи съ включеніемъ въ нее нашихъ областей южнаго Кавказа. Гдѣ думать объ этомъ людямъ, которые борются съ азіатскимъ деспотизмомъ за самое свое существованіе. Вѣроятнѣе другіе, также обращающіеся въ публикѣ толки о тайномъ, но твердомъ нацѣреніи Порты совершенно истребить это племя съ лица земли. Надо, однако, полагать, что до этого дѣло не дойдетъ, но безучастіе Европы къ армянамъ такъ же постыдно для нея, какъ то равнодушіе, которое она недавно проявила и къ бурамъ.

Лѣтомъ 1902 г. (17 и 18 іюля) состоялся совершенно частный сѣздъ армянофиловъ въ Брюсселѣ. Онъ выработалъ проектъ минимальныхъ реформъ для Арменіи, который постановилъ препроводить державамъ. При полномъ уваженіи территоріальной цѣлости Турціи этотъ проектъ составленъ въ духѣ подобныхъ же уставовъ для другихъ провинцій ея (Ливана, Восточной Румелии, Крита) и въ особенности извѣстнаго меморандума 11 мая 1895 г., изданнаго для Арменіи, но съ нѣкоторыми добавленіями по указанію опыта. Въ немъ испрашиваются: назначеніе генераль-губернатора изъ европейцевъ и нейтральной національности съ согласія великихъ державъ на пятилѣтній срокъ; введеніе областного выборнаго собранія; учрежденіе постоянной европейской комиссіи для надзора и контроля за принятыми реформами; командованіе жандармеріею и полиціею европейскими офицерами; свобода сходовъ, народнаго образованія и печати; нѣкоторые другіе пункты, на бумагѣ уже давно обѣщанные Портою ея поданнымъ *).

Россія не оказала въ свое время должной помощи армянамъ Турціи; послѣ пораженій въ японской войнѣ она стала свидѣтельницею едва ли не бѣльшей рѣзни армянъ мусульманами на собственной своей территоріи на Кавказѣ: событія, происходившія въ теченіе 1905 г. въ Баку, Тифлисѣ, Эривани и другихъ городахъ, ясно свидѣтельствуютъ о такомъ возрастаніи мусульманскаго фанатизма, съ которымъ державамъ придется еще считаться и, быть можетъ, горько раскаяться въ своей непростительной косности и безучастіи въ дѣлѣ оказанія помощи христіанамъ въ ихъ борьбѣ съ фанатичнымъ и невѣжественнымъ исламомъ.

Ничто такъ не показываетъ на хаотическое состояніе Турціи, какъ періодически повторяющіеся въ ней взрывы: осенью 1902 года возстаніе вспыхнуло въ Македоніи. Борьба, которая началась на ея территоріи, остается все та же, какъ и въ другихъ земляхъ полушьяца: это борьба за вѣру, національность и свободу. Ея сожалѣнію, она ведется съ той и съ другой стороны съ большимъ остервенѣніемъ. Но не можетъ къ ней

*) *Revue génér. de dr. int.* 1902; № 5, p. 623—627.

относиться безучастно ни Европа, ни особенно Россія. Правительство султана, по обычаю, винить въ македонскихъ беспорядкахъ не себя, а иностранцевъ, и болѣе всего болгаръ. Но всякая революція питается живъ только если она находитъ подходящую для себя почву внутри самой страны: иначе она быстро гаснетъ, какъ огонь, не встрѣчающій горячаго матеріала. Не можетъ Болгарія, чтобы ни дѣлали кабинеты и само ея правительство, оставаться равнодушною къ событіямъ въ Македоніи не только по религіозному и національному родству съ большинствомъ ея населенія, но и въ виду массы бѣглецовъ изъ нея, ищущихъ въ Болгаріи убѣжища и спасенія отъ турецкихъ неистовствъ.

Въ такомъ отчаянномъ положеніи какіе совѣты дипломатіи объ умѣренности и миролюбіи могутъ удержать людей, которымъ нужна помощь, скорая и дѣйствительная? Въ несчастіяхъ Македоніи не безъ вины сама Европа: она слишкомъ легко даетъ Портѣ отводить себѣ глаза, притворяется вѣрною въ ея призрачныя и бумажныя реформы и не настаиваетъ на исполненіи требованій, къ ней предъявленныхъ. Возстанцы македонскіе справедливо ссылаются на 23 ст. берлинскаго трактата, въ которой державы обязали Порту ввести во всѣхъ частяхъ ея европейскихъ владѣній улучшенія въ администраціи по образцу органическаго устава, даннаго Британіи въ 1868 г., но примѣнительно къ мѣстнымъ потребностямъ. Эти мѣры должны были быть выработаны въ особыхъ комиссіяхъ при широкомъ участіи мѣстнаго населенія и до приведенія ихъ въ дѣйствіе разсмотрѣны европейскою комиссіею, которая была назначена для Восточной Румелии и успѣшно закончила послѣднее дѣло. Но эта благая статья, какъ и статья объ армянахъ (61) остается мертвою буквою, и балканскіе христіане, не получая обѣщанной имъ помощи отъ своихъ европейскихъ единовѣрцевъ, поневолѣ должны взяться за мечъ, чтобы положить конецъ нетерпимому рабству, духовному и экономическому, въ которомъ они находятся въ теченіе столѣтій.

Въ Македоніи борьба идетъ не только между христіанами и мусульманами, но и между самими христіанами на религіозной и національной основѣ. Отсюда—громадная трудность для рѣшенія македонскаго вопроса. За Македонію враждуютъ болгары и греки; на нѣкоторыя ея части претендуютъ сербы. Сама Македонія не представляетъ изъ себя культурнаго или политическаго цѣлаго.

На этой враждѣ и розни христіанъ болѣе всего поддерживается владѣтельство Турціи.

8 декабря 1902 г., когда уже броженіе въ Македоніи стало выступить наружу, султанъ издалъ законъ объ административной реформѣ въ европейскихъ вилаетахъ своей имперіи (Салоникскомъ, Адрианопольскомъ, Битовскомъ, Монастырскомъ, Янинскомъ и Скутарійскомъ *). Отчасти законъ

*) Текстъ его и подробный разборъ на основаніи существующихъ тамъ же копій см. въ назв. *Revue*, 1903, № 1, стр. 112—160. Статья: „La situation en Macédoine, le décret de réformes ottoman du 8 décembre 1902, les réformes nécessaires“.

Этотъ воспроизводитъ прежнія подобныя обѣщанія христіанамъ за послѣднія 50 лѣтъ, оставшіяся лишь на бумагѣ, отчасти онъ даже и не затрогиваетъ корня зла. Весьма благосклонный къ Турціи французскій авторъ приводимой нами въ примѣчаніи статьи рекомендуетъ улучшенія въ ея администраціи, финансахъ и судѣ посредствомъ европейскихъ элементовъ, съ горестью однако восклицаетъ: «положеніе Турціи теперь уже таково, что достаточно искры для общаго взрыва; война, счастливая или несчастная, будетъ имѣть для нея одинаково пагубныя послѣдствія». Онъ напоминаетъ слова Камбона, французскаго посла въ Константинополь, хорошо знавшаго турецкіе порядки и приемы, къ своему правительству въ 1896 г. по поводу предполагавшихся тогда общихъ административныхъ реформъ въ имперіи султана: «серьезное проведеніе этихъ реформъ превышаетъ, повидимому, силы Турціи и противорѣчатъ всѣмъ ея традиціямъ». Событія, добавляетъ авторъ, оправдали это мнѣніе, ибо всѣ мѣры, принятыя съ 1896 г., не имѣли никакого практическаго значенія.

А между тѣмъ дипломатія и въ наши дни трудится надъ наполненіемъ этой бочки Данаидъ! Россія и Австро-Венгрія успѣли выступить съ выработанною ими совмѣстно программой реформъ въ Македоніи, которую онѣ и сообщили 4 февраля 1903 г. остальнымъ великимъ державамъ. Рѣдная внѣшняя удача постигла этотъ документъ *): онъ получилъ быстрое одобреніе державъ и даже Порты. Къ несчастію, какъ и можно было ожидать, онъ не успокоилъ македонцевъ: они знаютъ, какую цѣну придавать обѣщаніямъ султана, даже поддержаннымъ дипломатіею.

Фанатичные и невѣжественные албанцы воспротивились приказу о реформахъ. Возстаніе къ концу лѣта того года вспыхнуло съ новою силою, захвативъ болѣе широкую площадь, а Россія имѣла огорченіе потерять тамъ двухъ доблестныхъ своихъ консуловъ: убитыхъ Щербину и Ростовскаго.

Впрочемъ македонскіе возстанцы сначала требовали не независимости отъ Турціи, а лишь автономіи. Въ разосланномъ тогда ихъ комитетомъ къ державамъ и Портѣ меморандумѣ они хотѣли раздѣлить Европейскую Турцію **) на четыре провинціи: Македонію, Албанію, Старую Сербію и Фракію. Провинціи эти остаются подъ военнымъ и политическимъ управленіемъ султана.

Защита ихъ возлагается на турецкую армію, но полиція должна состоять изъ международныхъ отрядовъ и изъ туземцевъ. Мѣстная милиція служить для охраны христіанъ противъ турокъ. Верховный комиссаръ изъ европейцевъ долженъ назначаться шестью великими державами на три года; онъ будетъ управлять всею страной; каждая изъ провинцій кромѣ того будетъ имѣть своего генералъ-губернатора (европейца) и свой административный совѣтъ также изъ европейцевъ. Генералъ-губернаторовъ назна-

*) Содержаніе его и критику см. въ *Вѣстн. Европы*. 1903, мартъ. (Иностранное обозрѣніе). Тамъ же сообщеніе нашего правительства по македонскому вопросу отъ 12 февраля.

**) Валахеты: Салоники, Монастырь, Ускюбъ, Скутари, Янина, Адрианополь.

часть Порта на пять лѣтъ съ согласія державъ. Административный совѣтъ пользуется содѣйствіемъ туземныхъ делегатовъ, избираемыхъ мѣстными населеніемъ всѣхъ національностей и вѣроисповѣданій.

Надъ осуществленіемъ этой реформы, въ основаніе которой положенъ проектъ, составленный международной комиссіею въ Константинополѣ въ 1880 г., трудится европейская комиссія съ делегатами изъ мѣстнаго населенія въ ея составѣ. Она должна совместно съ Портою совершить свою работу въ теченіе 6 мѣсяцевъ. На это время провинціи занимаются европейскимъ оккупационнымъ корпусомъ въ 45,000 чел., составленнымъ изъ добровольцевъ подъ командой европейскихъ офицеровъ и генераловъ одной изъ нейтральныхъ державъ.

Все это были бы полумѣры, то, что дипломаты называютъ герлэтраге. Турція добровольно не согласается на автономію возставшихъ провинцій, ибо горькимъ опытомъ убѣдилась, что таковая есть первая стадія къ ихъ независимости.

Осенью 1903 г. послѣдовало относительно Македоніи соглашеніе между кабинетами вѣнскимъ и петербургскимъ (такъ называемая мюрцистегская программа) на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) для контроля надъ дѣятельностью мѣстныхъ турецкихъ властей по приведенію въ исполненіе реформъ назначить особыхъ гражданскихъ агентовъ отъ Россіи и Австро-Венгрии (на двухгодичный срокъ), которые будутъ всюду сопровождать главнаго инспектора, обращать его вниманіе на нужды христіанскаго населенія и доносить своимъ правительствамъ обо всемъ происходящемъ въ странѣ. Порта должна предписать мѣстнымъ властямъ всячески облегчать этимъ агентамъ выполненіе порученной имъ задачи. 2) Реорганизация турецкой жандармеріи и полиціи является одной изъ наиболѣе существенныхъ мѣръ къ умиротворенію края; приглашенные для этой цѣли иностранные офицеры вслѣдствіе незнанія языка и мѣстныхъ условій не могли принести соотвѣтственной пользы; поэтому задача реорганизации жандармеріи въ трехъ вилайетахъ будетъ возложена на генерала иностранной національности, къ которому могли бы быть прикомандированы военные чины великихъ державъ; имъ будутъ поручены отдѣльные районы, на пространствахъ конхъ они будутъ дѣйствовать, какъ контролеры, инструкторы и организаторы, и будутъ наблюдать за образомъ дѣйствій войскъ по отношенію къ населенію; эти офицеры могутъ, если представится необходимость, просить о прикомандированіи къ нимъ иностранныхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ. 3) Какъ только будетъ обнаружено умиротвореніе страны, потребовать отъ турецкаго правительства измѣненія территориальнаго разграниченія административныхъ единицъ въ видахъ правильной группировки отдѣльныхъ народностей. 4) Предъявить требованіе о преобразованіи административныхъ и судебныхъ учреждений; желательно было бы открыть доступъ мѣстнымъ христіанамъ къ содѣйствію развитія мѣстнаго самоуправленія. 5) Учредить въ главныхъ центрахъ вилайетовъ слѣшаннныя комиссіи изъ христіанскихъ и мусульманскихъ делегатовъ для

разбора дѣлъ о преступленіяхъ, совершенныхъ во время смутъ. Въ комиссіяхъ должны участвовать консульскіе представители Россіи и Австро-Венгріи. 6) Потребовать отъ правительства ассигнованія суммъ для водворенія христіанскихъ семействъ, укрывшихся въ Болгаріи, на выдачу пособій христіанамъ, лишившимся имущества и на восстановленіе жилищъ, храмовъ и школъ, сожженныхъ турками во время возстанія; комиссіи, въ конхъ будутъ засѣдать представители христіанскаго населенія, будутъ завѣдывать распределеніемъ суммъ, консулы Россіи и Австро-Венгріи будутъ наблюдать за ихъ расходованіемъ. 7) Въ христіанскихъ селеніяхъ, выжженныхъ турецкими войсками, жители освобождаются въ теченіе года отъ уплаты всякихъ налоговъ. 8) Оттоманское правительство возобновить обязательство безъ малѣйшаго замедленія ввести всѣ реформы, помннутые въ проектѣ. 9) Такъ какъ большая часть насилій и жестокостей была совершаема илавами и баши-бузуками, то настоятельно необходимо, чтобы первые были распущены и чтобы безусловно не было допускаемо образованія шаекъ баши-бузуконъ *).

Лишь въ декабрѣ того же 1903 г. султанъ въ принципѣ согласился съ главными пунктами мюрцштегскаго проекта и не раньше февраля 1904 г. иностранные агенты Россіи и Австро-Венгріи могли приступить къ исполненію своей задачи: наблюденія и контроля при турецкомъ генеральномъ инспекторѣ Хильми-пашѣ. Во главѣ мѣстной жандармеріи поставленъ иностранный генералъ (итальянецъ). Но дѣйствительная правительственная власть осталась за турецкими начальниками; администрація не вышла изъ турецкихъ рукъ; войско сохранило свой особый мусульманскій характеръ, и христіанское населеніе получило только возможность надѣяться на болѣе правильное и постоянное заступничество иноземныхъ представителей. Такого рода гарантія едва ли достаточна для обезпеченія мѣстныхъ христіанъ отъ беззаконій, присущихъ турецкому режиму. Даже для достиженія этихъ результатовъ потребовалось много труда и продолжительные переговоры съ Портою. Но это—не рѣшеніе македонскаго вопроса, а лишь отложеніе его на неопредѣленное время **).

Македонскому вопросу посвятилъ недавно рядъ интересныхъ этюдовъ Энгельгардъ ***). Онъ говоритъ, что въ настоящее время въ Македоніи революціонная партія имѣетъ два руководящихъ комитета: одинъ находится въ Софіи и стремится къ присоединенію къ Болгаріи вилаетовъ Салоникскаго, Монастырскаго и Коссовскаго; другой—присвоилъ себѣ названіе «внутренней организаціи», девизомъ ставитъ: «Македонія для македонцевъ» и хочетъ освобожденія этихъ областей для образованія изъ

*) Тожественныя инструкціи графовъ Ламздорфа и Голуховскаго русскому и австрійскому посламъ въ Константинополѣ для соотвѣтствующаго представленія Портѣ въ октябрѣ 1903 г.

**) *Востокъ Европы*, 1904 г., январь, „Иностранное обозрѣніе“.

***) *Engelhardt*: „La question macédonienne“. *Revue génér. de dr. int. publ.*, 1905, № 5, p. 544; № 6, p. 636, 1906; № 1, p. 29. Статьи эти еще не кончены.

нихъ государства автономнаго и независимаго. Обѣ эти программы представляются автору прозрачными и способными на практикѣ лишь затаяуть существованіе территориальнаго тамъ *statu quo*.

При рѣшеніи вопроса о Македоніи мыслимы вообще три исхода: 1) Присоединеніе ея цѣликомъ къ Болгаріи. Это, вѣроятно, соответствовало бы интересамъ большинства ея населенія, по происхожденію и симпатіямъ своимъ болгарскаго. Но это вызвало бы сильную оппозицію со стороны остальныхъ ея сосѣдей, тоже претендующихъ на извѣстныя ея части: сербовъ и въ особенности грековъ, которые хотятъ чуть не одни захватить всю Македонію. Присоединеніе ея къ Болгаріи пришлось бы обусловить отдачею Крита Греціи, а Босніи Сербіи, но и при такихъ условіяхъ это рѣшеніе едва ли прошло бы на практикѣ вслѣдствіе вражды между самимъ мѣстнымъ населеніемъ. 2) Раздѣленіе Македоніи по этнографическому составу ея жителей и естественному очертанію страны между тремя особенно на нее притязающими народностями: болгарами, сербами и греками *). При опредѣленіи статистики населенія и племенного его состава на Балканахъ возникаютъ громадныя затрудненія вслѣдствіе отсутствія точныхъ, официальныхъ данныхъ, невозможности довѣрять въ этомъ отношеніи какъ показаніямъ турецкихъ властей, такъ и мѣстныхъ жителей, равно заинтересованныхъ въ преувеличеніи этихъ цифръ въ ущербъ противникамъ. Нужно еще имѣть въ виду смѣшанный характеръ населенія въ городахъ и пограничныхъ округахъ и некультурность населенія, въ которомъ лишь за послѣднее время стало пробуждаться національное сознание. Критеріями при установленіи его этническаго характера могутъ служить религія, языкъ, школа. Но и эти критеріи не даютъ на практикѣ, какъ показываетъ опытъ, безспорныхъ результатовъ. Наприм., школа. По нѣкоторымъ статистическимъ даннымъ въ двухъ вилайетахъ Салоникскомъ и Монастырскомъ существуетъ всего 1,661 школа съ 2,593 учителями и 81,627 учениками въ нихъ. Изъ нихъ греческихъ 998 школъ съ 1,463 учителями и 59,640 учениками; болгарскихъ 561 школа съ 873 и 18,311; сербскихъ 53 съ 112 и 1,674 и румынскихъ 49 съ 145 и 2,002 **). Но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что въ теченіе столѣтій турецкаго владычества греки составляли единственный христіанскій образованный элементъ, имѣвшій свой верховный церковно-политическій органъ въ лицѣ константинопольскаго патріарха, и лишь съ XIX столѣтія стало пробуждаться и отдѣляться отъ грековъ племя славянское, сперва въ сербахъ, а позднѣе въ болгарахъ, создавшихъ въ своемъ экзархѣ такъ органъ церковно политической пропаганды ***). Поэтому для констатированія національности македонскихъ жителей наиболѣе подходящимъ сре-

*) На нѣкоторые участки Македоніи претензіи заявляютъ кромѣ того еще румыны.

***) Замѣтка въ *Revue gén. de dr. int. publ.* „Les écoles chrétiennes de Macédonie“. 1904, № 6, p. 775.

***) *Энциклопедія*; назв. ст.

этомъ было бы порученіе этого дѣла, какъ рекомендуетъ и Энгельгардтъ, международнымъ комиссіямъ, совершенно независимымъ отъ территориальнаго правительства, но въ составъ которыхъ входили бы: делегаты отъ шести великихъ державъ, Порты, сосѣднихъ балканскихъ государствъ и отъ каждой мѣстной общины, зависящей отъ патріарха, эвзарха, папы и т. д. Конечно этому будетъ противиться Турція, сматривая въ этомъ покушеніе на ея державныя права, но права эти, какъ скажемъ далѣе, давно уже поставлены подъ «охрану» и «опеку» Европы. По нѣкоторымъ даннымъ въ Македоніи въ трехъ ея вилайетахъ (Салоника, Монастырь и Ускюбъ), занимающихъ пространство въ 65,000 кв. вил., насчитываютъ 2.275,000 жителей. По національностямъ они распредѣляются такъ: славяне—1.200,000; турки—500 тыс.; албанцы—128,000; греки—228,000; евреи—68,000; румыны—80,000; цыгане—54,000; русскіе—4,000 (на Асонъ и т. д.). Изъ 1.200,000 славянъ 300,000 исповѣдуютъ исламъ. Изъ остальныхъ: 100,000 находятся подъ вѣдѣніемъ греческой патріархіи въ Константинополь, а 800,000 признаются болгарами и состоятъ подъ духовнымъ управленіемъ болгарской эвзархіи. Но сербы оспариваютъ за послѣдними право быть болгарами на основаніи особенностей ихъ языка. Однако въ вопросѣ о національности важнѣе сознаніе сродства и симпатіи жителей, нежели лингвистическія данныя *). 3) Признаніе Македоніи независимымъ государствомъ, которое со временемъ вошло бы въ составъ конфедераціи балканскихъ народовъ. Это идеалъ многихъ изъ ея патриотовъ, быть можетъ, наиболѣе соответствующій принципу справедливости, ибо онъ не допускаетъ дѣленія этой страны между враждующими ея претендентами и лучше всего обезпечилъ бы миръ на балканскомъ полуостровѣ **).

Всматриваясь въ современное печальное положеніе балканскихъ народовъ, мы приходимъ къ слѣдующему выводу: предоставленные себѣ самимъ, они, при своей малочисленности, малоразвитости и, главное, глубокой раздѣляющей ихъ розни, не въ состояніи ни покончить съ Турціею, ни дать себѣ самимъ прочной и такой организаціи, которая соответствовала бы интересамъ и свободамъ каждаго изъ нихъ.

Вмѣшательство и даже содѣйствіе Европы для нихъ необходимы, какъ это, впрочемъ, требуется, съ другой стороны — интересами Европы и высшими началами человѣколюбія и справедливости.

*) Энгельгардтъ, впрочемъ, подчеркиваетъ то, что въ южной Македоніи преобладаютъ греки, въ сѣверной—славяне.

***) *Исаровъ*: „Турція и Македонія“. Историческій очеркъ. *Вѣстн. Европы*, 1903 г., апрѣль и май. Авторъ хорошо вскрываетъ причины внутренняго и неизбѣжнаго разложениа Турціи, даетъ очеркъ реформамъ, предпринятымъ въ ней, съ 1839 г., и говоритъ также, что въ Македоніи борются два направленія: за соединеніе ея съ Болгаріею и за провозглашеніе ея независимую. Небольшая, но дѣльная статья о Македоніи помѣщена въ *Вѣстникъ и Библиотекъ самообразованія*: „Македонія и македонскій вопросъ“ за 1904 г., №№ 1 и 3. — *Rebedgy*: „La question macédonienne“, *Revue de droit intern.*, 1904, p. 5—37 излагаетъ вопросъ съ точки зрѣнія греческихъ интересовъ и стремленій.

II.

Со времени парижскаго трактата 1856 г. въ отношеніяхъ Европы къ Турціи совершился крутой поворотъ, до этого къ ней благоволили отдѣльныя державы не только западныя: Франція и Англія, но и тѣ, которыя нанесли сокрушительные удары ея могуществу: Австрія и Россія. Частію отъ этихъ ударовъ, особенно со стороны Россіи, начиная съ Петра Великаго, частію вслѣдствіе своего внутренняго разложенія, Порты въ XIX в. стала быстро слабѣть и видимо приближаться къ распаденію. Это вызвало въ западныхъ кабинетахъ опасенія ея завоеванія Россією и возжеланія такъ или иначе воспользоваться богатѣйш., имѣющимъ послѣ нея открыться наслѣдствомъ. Между тѣмъ державы спѣшили заручиться возможно выгодною для себя позиціею въ ея владѣніяхъ: Австрія, подъ маскою миролюбивой миссіи, утвердилась въ Босніи и Герцеговинѣ *); Англія, цѣною оборонительнаго союза съ Турціею, такимъ же образомъ заняла островъ Кипръ почти наканунѣ берлинскаго конгресса, но совершенно независимо отъ него **) и захватила, вопреки международному праву, въ 1882 году Египетъ; Франція къ завоеванному въ 1830 г. Алжиру присоединила Тунисъ, правда, пока въ качествѣ его протектората ***). Въ печати появились слухи о распространеніи ея вліянія (или господства) на Триполи, на которое высказываетъ претензіи и Италия и о расширеніи Австріи до Салоникъ включительно. Последнее быть можетъ явилось бы компенсаціею за предоставленіе Россіи Константинополя и проливовъ.

Но независимо отъ этихъ событій и даже въ прямое съ ними противорѣчіе, дипломатическіе документы говорятъ только о дружбѣ державъ къ Турціи и о нѣжной заботливости объ ея участи. Парижскій трактатъ величилъ ее въ европейскій концертъ ****), и великія державы совокупнымъ своимъ ручательствомъ обезпечили уваженіе съ ихъ стороны независимости и цѣлости имперіи оттоманской» (ст. VII). Это сдѣлалось политическимъ догматомъ дипломатіи. Въ благодарность за это султанъ, «въ постоянномъ попеченіи о благѣ своихъ подданныхъ» и желая «подтвердить свои великодушныя намѣренія касательно христіанскаго народонаселенія его имперіи», издалъ «по собственному побужденію фирманъ объ улучшеніи участи свѣжхъ подданныхъ, безъ различія по вѣроисповѣданіямъ или племенамъ», который и благоволилъ «сообщить» державамъ (ст. IX). Однако факты оказались сильнѣе словъ дипломатовъ. Въ дѣйствительности надъ Турціею установилась опека Европы, но опека не временная, подобная надъ несовершеннолѣтнимъ, а совершенно безнадежная — надъ дряхлымъ, отжи-

*) Рейхштадскій договоръ 1876 г. между Австріею и Россією; берлинскій трактатъ 1878 г. (ст. 25); конвенція 1879 г. между Австріею и Турціею.

**) Конвенція 4 іюня 1878 г. между Англіею и Турціею.

***) Договоры Франціи съ беємъ 1881 и 1883 гг.

****) Или, какъ выражается этотъ актъ, „блестательная Порты признается участвующею въ выгодахъ общаго права и союза державъ европейскыхъ“.

вающимъ старцемъ или надъ промотавшимся человѣкомъ и вслѣдствіе этого впавшимъ въ неисцѣлимое душевное разстройство. Къ несчастію, эта опека, въ отличіе отъ таковой въ частномъ правѣ, лишь искусственно продолжаетъ давно наступившую агонію Турціи къ великому вреду всѣхъ живыхъ и жизнеспособныхъ въ ней элементовъ. Если бы не рознь державъ—она давно сошла бы со сцены, на которую и вступила только благодаря слабости, близорукости, разъединенію христіанскаго міра. Въ козняхъ и раздорахъ кабинетовъ, другъ другу противодѣйствующихъ,—тайна успѣховъ и долговѣчности Турціи.

Сравнивая берлинскій трактатъ съ парижскимъ *), мы находимъ въ немъ гораздо болѣе выраженными два начала—усиленіе опеки Европы надъ Турціею и возложеніе на послѣднюю обязательства приступать, наконецъ, къ внутреннимъ административнымъ реформамъ. Видно и для дипломатин не совсемъ безслѣдно прошли 22 года, отдѣляющіе одинъ актъ отъ другого! Россія получила приращеніе своихъ владѣній въ Азіи (Ардаганъ, Барсъ и Батумъ, ст. LVIII), хотя и должна была отказаться отъ долины Алашкерта и города Баязета, предоставлявшихся ей еще ст. XIX Санъ-Стефанскаго договора (ст. LX). Приобрѣла еще Россія ту часть бессарабской территоріи при устьяхъ Дуная, которая отошла къ Румыніи по парижскому трактату, взамѣнъ чего послѣдняя получила острова, составляющіе дельту Дуная, Тульчинскій санджакъ и территорію на югъ отъ Добруджи въ опредѣленной чертѣ (ст. XLV и XLVI). Но особенно важна ст. LVII берлинскаго трактата: въ ней блистательная Порта выражаетъ передъ державами «твердое намѣреніе соблюдать принципъ религіозной свободы въ самомъ широкомъ смыслѣ» и предоставить «ихъ дипломатическимъ и консульскимъ агентамъ право официальнаго покровительства надъ духовными лицами и паломниками всѣхъ націй, а равно надъ учрежденіями этого рода и другими, въ предѣлахъ турецкой имперіи».

Въ послѣдующую четверть вѣка эти важныя постановленія берлинскаго договора, какъ замѣчено, остались однако безъ исполненія: дипломатическая переписка велась усердно, но положеніе турецкихъ христіанъ отъ этого мало чѣмъ улучшалось. Впрочемъ, Россія своимъ ультиматумомъ спасла въ 1876 г. Сербію отъ разгрома Турціею и державы-покровительницы сдѣлали тоже съ Греціею въ 1897 г. послѣ ея несчастной войны за Бритъ. Державы оказали свое покровительство и британамъ, но опять не дошли и тутъ, какъ сказано выше, до конечнаго рѣшенія. За послѣдніе годы замѣчается вообще желаніе кабинетовъ всячески тормозить естественный ходъ событій на Балканахъ. Особенно два обстоятельства сильно осложняютъ тамъ дѣло: стремленія Австріи утвердить свое господство надъ южными славянами, дружба Германіи съ Портою и прибираніе ею въ эконо-мическомъ отношеніи къ своимъ рукамъ Малой Азіи. Если къ этому при-

*) Оба эти акта напечатаны въ приложенияхъ къ соч. Листа. Международное право, 1902 г. Пер. Мебежа, подъ ред. Грабаря.

бавить пассивность Россіи и вѣковую враждебность къ ней на Востокъ Англій, мы получимъ разъясненіе того невѣроятнаго факта, почему Европа, сложа руки, смотритъ на массовыя истребленія турецкими властями собственныхъ подданныхъ-христіанъ *). Этого мало: ея капиталы и инструкторы (особенно нѣмцы) приходятъ Турціи на помощь, дѣлаютъ ее, себѣ на погубель, снова грозною силою въ военномъ, но никакъ не въ политическомъ и культурномъ отношеніи, и содѣйствуютъ оживленію фанатизма и вражды ислама противъ невѣрныхъ.

Въ переживаемомъ нынѣ моментѣ на Востокъ Россія, повидимому, слѣдовала политикѣ Австріи. Но то, что въ интересахъ этой державы, идущей на буксирѣ Германіи, соответствуетъ ли пользѣ и призванію Россіи, а равне нуждамъ славянъ? Въ этомъ можно усомниться. Чтобы энергичнѣе парализовать всякую самостоятельную мысль и починъ Россіи на Ближнемъ Востокѣ, Германія съ большимъ искусствомъ сумѣла впутать ее въ отношенія и споры на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ выступили противъ насъ, помимо старыхъ соперниковъ-англичанъ, и новые, въ лицѣ японцевъ и американцевъ.

По отрывочнымъ, доходящимъ до насъ свѣдѣніямъ, Россія дѣйствовала въ македонскомъ вопросѣ на основаніи своего соглашенія съ Австріей 1897 г. Съ ними были согласны повидимости и остальные кабинеты. Основная цѣль этой политики — поддержаніе общаго мира при сохраненіи *status quo* на Востокѣ. Цѣль прекрасная въ теоріи, но на практикѣ рѣшительно неосуществимая. Миръ—великое благо подъ условіемъ справедливости въ общественныхъ отношеніяхъ, иначе онъ превращается въ невыносимое ярмо. *Status quo*, хотя бы созданное трактатами, можетъ быть поддержано и достойно этого лишь тогда, когда оно соответствуетъ требованіямъ жизненныхъ отношеній, имъ регулируемыхъ. Ни того, ни другого мы не видимъ въ Турціи: она разваливается, населяющія ее племена рвутся къ свободѣ и независимости. Чѣмъ скорѣе совершится этотъ процессъ, не предотвратимый, тѣмъ менѣе онъ потребуетъ жертвъ и тѣмъ лучше будетъ для всѣхъ.

По отношенію къ нему въ чемъ долгъ Европы, во имя не только религіи, но и культуры, человѣчности? Либо твердо и мудро руководить событіями этого всемірно-историческаго процесса. Это путь единственно ей достойный. Либо не мѣшать ему совершаться по волѣ и интересамъ вовлеченныхъ въ него народностей, не допуская, однако, ихъ взаимнаго истребленія. За освобожденіемъ и объединеніемъ итальянцевъ и нѣмцевъ должны вступить на этотъ путь и славяне. Россія, какъ земля славянская, не можетъ ни оставаться равнодушною къ этой борьбѣ и страданіямъ своихъ ближайшихъ братьевъ, ни смотрѣть на нихъ черезъ нѣмецкіе очки Вѣны или Берлина.

*) Одинъ примѣръ: въ 1894—95 гг. избито до 300,000 армянъ; дѣломъ 1904 г. ихъ погубило отъ турецкаго звѣрства 7,771 чел.

Говоря это, мы далеки от мысли о политическомъ или военномъ владычествѣ ея надъ славянами: мы имѣемъ въ виду ея культурное и литературное единеніе съ ними. Наши внутренніе политическіе порядки по многимъ причинамъ могутъ имъ не нравиться и они, конечно, имѣютъ право устроить свою жизнь по-своему, но для нихъ, какъ и для насъ, сближеніе и единеніе необходимы, и съ этой точки зрѣнія борьба, происходящая въ Македоніи, полна для насъ живого, даже трагическаго интереса.

Одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ аргументовъ въ пользу поддержанія Турціи лежитъ въ ея слабости: полезно-де имѣть такого, никому не угрожающаго сосѣда. Эта польза, однако, весьма сомнительна: она создаетъ изъ Турціи вѣчный очагъ мятежей и переворотовъ, сильно отражающихся на матеріальномъ благосостояніи какъ ея, такъ и смежныхъ съ нею населеній и глубоко возмущающихъ общественную совѣсть Европы, требующей все настойчивѣе, чтобы этимъ безобразіямъ былъ положенъ, наконецъ, предѣлъ и балканскія земли были приобщены къ благамъ гражданственности.

Изъ державъ, особенно благоволящихъ къ Оттоманской имперіи, являются въ первомъ ряду Австрія и Англія. Обѣ главныя народности въ монархіи габсбурговъ—нѣмцы и венгры, были искони врагами славянъ. Во время переговоровъ 1875—76 гт., когда Австрія уже ясно выступила съ проектомъ о своемъ расширеніи на счетъ балканскихъ земель, императоръ Францъ-Іосифъ прямо заявилъ, что «огражденіе жизненныхъ интересовъ его монархіи не позволитъ ему согласиться на образованіе за Дунаемъ единаго и сплоченнаго государства, славянскаго или иного, и что всякое измѣненіе территоріальнаго *statu quo* на Балканскомъ полуостровѣ вынудитъ его потребовать земельнаго вознагражденія (*compensation*) въ пользу Австро-Венгріи» *).

Но послѣдовательное проведеніе этого принципа въ состояніи только ускорить распаденіе Австріи, раздраемой и безъ того борьбою населяющихъ ея народностей (нѣмцевъ и чеховъ, венгровъ и хорватовъ, поляковъ и малоруссовъ и т. д.) и утратившей смыслъ своего историческаго бытія **) послѣ возрожденія могущественной германской имперіи подъ властью гогенцоллерновъ. Что касается до Англіи, то она не хочетъ видѣть Константинополя въ рукахъ Россіи и трепещетъ за Индію. Но приобрѣтеніе Константинополя не безъ основанія признается многими серьезными русскими патріотами совершенно нежелательнымъ. Въ известной бесѣдѣ съ великобританскимъ посломъ, лордомъ Лофтусомъ, въ Ливадіи (21 октября 1876 г.) императоръ Александръ заявилъ, что «приобрѣтеніе Константинополя онъ считалъ бы несчастіемъ для Россіи» и потому «не имѣетъ ни этого желанія, ни намѣренія» ***). Очевидно, Россія заинтересована только

*) *Татищевъ*: „Императоръ Александръ II“. Т. II, стр. 316.

**) Если, впрочемъ, ей суждено не превратиться въ федерацію равноправныхъ и автономныхъ политическихъ единицъ по главнымъ ея народностямъ.

***) *Татищевъ*, тамъ же, стр. 331.

въ одномъ: въ свободномъ и безпрепятственномъ плаваніи по проливамъ—Босфору и Дарданелламъ. А для этого ихъ слѣдовало бы разоружить и либо закрыть для военныхъ флаговъ всѣхъ націй, съ расширеніемъ принципа нейтрализаціи на все Черное море, либо объявить открытыми для всѣхъ судовъ безразлично, торговыхъ и военныхъ, но подчинивъ ихъ режиму, установленному для Суэзскаго канала константинопольскимъ договоромъ 1888 г. *).

Бъ Индіи же Россія приближается болѣе вѣрнымъ путемъ изъ Средней Азій, а въ желѣзной дорогѣ находитъ также лучший способъ къ сокращенію пространства, поэтому для Англій гораздо цѣлесообразнѣе мирно съ нею договориться и размежеваться, нежели доводить дѣла до послѣдней и совершенно ненужной крайности: обѣ эти державы могутъ вполне мирно и совмѣстно преслѣдовать свои торговые и культурныя задачи въ странахъ Азій. Такое соглашеніе въ значительной степени ускорило бы развязку злополучнаго восточнаго вопроса.

Бъ сожалѣнію, сколько ни желательно оно въ интересахъ мира вселенной, оно стало теперь еще гораздо болѣе труднымъ послѣ событій русско-японской войны и союза Англій съ Японіей, который, по мнѣнію многихъ, требуетъ еще расширенія и укрѣпленія въ будущемъ.

III.

Дипломатія, въ своихъ отношеніяхъ къ Турціи, впадаетъ, сознательно или бессознательно, въ крупную ошибку: она вѣритъ въ ея живучесть, въ ея способность къ реформамъ. Ссылка на Японію, представляющую дѣйствительно удивительный и единственный примѣръ азіатскаго государства, усваивающаго себѣ начала европейской культуры, не можетъ имѣть убѣдительной силы по двумъ собственно соображеніямъ. Турція насквозь пропитана религіознымъ фанатизмомъ, искони отличавшимъ исламъ, что не замѣчается въ Японіи, и въ составъ ея входятъ столь чуждые ей и разнохарактерные національные элементы, которые объединить и примирить можно лишь высшими началами духовной и государственной жизни, не находящимися въ распоряженіи оттоманскаго правительства.

Лучшимъ доказательствомъ въ пользу вѣрности этого положенія служить исторія: приговоръ ея неподкупенъ и неизмѣнимъ. Со времени Коссовскаго боя (1387) прошло свыше 500 лѣтъ, а съ паденія Константинополя и Византійской имперіи (1453) болѣе 450, и, что же мы видимъ? Турція, въ сущности, остается все тою же азіатскою ордою, какою она была въ эпохи Мурадовъ и Магометовъ; погребенныя въ ней христіанскія племена не умерли, но начинаютъ пробуждаться и воскресать къ новой, лучшей жизни. Мало того: чѣмъ далѣе идетъ поступательный ходъ цивилизаціи, тѣмъ съ нею несообразнѣе становится существованіе этого тупа,

*) О современномъ юридическомъ положеніи проливовъ см. ст. въ *Revue géogr.* 1903; № 2, p. 326—336.

шпенуемаго Оттоманскою имперією. По всѣмъ швамъ идетъ ея распадѣніе съ возрастающей силой. Волненія, мятежи вспыхиваютъ непрерывно какъ въ европейскихъ, такъ и въ азіатскихъ провинціяхъ среди христіанъ и среди мусульманъ: на Балканахъ, на Критѣ, въ Арменіи, Сиріи, Аравіи и т. д. Начавшееся въ 1905 году въ Іеменѣ возстаніе арабовъ не только не утихаетъ, но съ все большей силой охватываетъ новыя и новыя племена. Что это не обычное возмущеніе кочевыхъ племенъ, отказывающихся платить дань своему повелителю, султану, доказываютъ прокламаціи, рассылаемыя «лигой арабскихъ патриотовъ». «Мы желаемъ,—говорится въ одной изъ нихъ,—полнаго отдѣленія отъ Турціи и образованія *арабской имперіи*, охватывающей все арабскія племена и простирающейся отъ долины Тигра и Евфрата до Краснаго моря и отъ Средиземнаго моря до Индѣйскаго океана. Форма правленія будущаго государства—конституціонный султанатъ. Султаномъ можетъ быть лишь арабъ и притомъ магометанинъ». Подобная программа указываетъ на то, что тщательно спасаемая отъ окончательнаго разложенія Турціи грозитъ новый ударъ. Можетъ быть, однако, планы арабскихъ патриотовъ представляютъ лишь утопію? Выяснить этотъ вопросъ и имѣть цѣлью вышедшая недавно книга Инга *). Въ третьей части ея авторъ оставляется на разборѣ интересовъ отдѣльныхъ державъ, съ разныхъ сторонъ простирающихъ руки къ этому лакомому куску. Во всякомъ случаѣ христіанскій міръ не можетъ допустить включеніе въ эту новую предполагаемую мусульманскую имперію Палестины и Сиріи. При такомъ глубокомъ хроническомъ злѣ, развѣдающемъ Оттоманскую имперію, мыслима ли правильная жизнь? Если бы даже турецкое правительство серьезно и добросовѣстно захотѣло выполнить реформы, часто имъ обещаемыя на бумагѣ Европѣ, оно не смогло бы этого сдѣлать по двумъ простымъ причинамъ: за недостаткомъ людей и денегъ! Заимствовать все это отъ Европы значитъ для Турціи перестать быть Турцією, а оставаться вѣрною своимъ историческимъ традиціямъ для нея равно произнесенію надъ собою смертнаго приговора. Этой дилеммы нельзя устранить никакими софизмами. Мы не говоримъ объ отдѣльныхъ турецкихъ правителяхъ, о турецкомъ племеніи въ этнографическомъ смыслѣ: много представлять они, безъ сомнѣнія, почтеннаго и хорошаго, рассматриваемые въ отдѣльности, но мы должны сознаться, что турецкій режимъ въ цѣломъ, основанный на лжи, насиліи и невѣжествѣ, невыносимъ. Отсюда сама собою возникаетъ задача: не лишая турокъ ихъ личныхъ и имущественныхъ правъ, отнять у нихъ власть надъ христіанами и притомъ повсюду: какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи (въ Африкѣ они ея почти уже не имѣютъ). Съ ними въ этомъ случаѣ повторилось бы то, что постигло ихъ собратій по религіи, татаръ Россіи: нѣкогда грозные и свирѣпыя владыки Казани и Брыма, войною ходившіе на Москву, они теперь мирно уживаются съ побѣдившими ихъ русскими.

*) *Bugène Jung*: „Les Puissances devant la révolte arabe“. 1906.

Турецкіе патриоты и европейскіе ихъ доброжелатели возлагаютъ всю вину царящей въ Турціи анархіи на Европу: она своими вѣчными вѣдательствами и требованіями реформъ подгнонала все общественное зданіе этой имперіи и довела ее до современнаго безсилія.

На это можно возразить, что на путь реформъ по европейскому образцу Турція стала пробовать вступить, и то болѣе на бумагѣ, нежели въ дѣйствительности, лишь за послѣднія 60 лѣтъ (съ 1839 г.) *), а до этого она, повидимому, имѣла передъ собою достаточно времени, чтобы слѣзиться и сплотиться въ жизнеспособное политическое тѣло. Но таковыми она никогда не была. Она могла влачить свои дни, пока въ ней царил деспотизмъ власти и невѣжество массъ. Но нынѣ эти подпоры рухнули, а замѣнить ихъ нечѣмъ!

Какъ извѣстно, турецкій политическій строй покоится весь на религиозномъ ученіи Корана, насквозь пропитанномъ враждою къ иновѣрнымъ. Султанъ такой же безграничный владыка въ духовныхъ, какъ и въ свѣтскихъ дѣлахъ. Мусульмане, по всѣхъ традиціямъ своей религіи или фанатичны, или апатичны безъ мѣры. Отсюда война съ иновѣрными, съ цѣлью ихъ насильственнаго обращенія, или, по меньшей мѣрѣ, глухая, но сильная къ нимъ ненависть и косность ко всякимъ реформамъ, тѣ характерныя черты, которыя болѣе всего отличаютъ Турцію въ средѣ остальныхъ народовъ Европы. Дѣлавшіяся отъ времени до времени робкія попытки со стороны ея правителей къ нѣкоторымъ реформамъ разбивались всегда о фанатизмъ духовенства и о невѣжество народныхъ массъ. Недавно задуманныя улучшенія въ Македоніи вызвали оппозицію среди албанцевъ, и Порта даже заявила представителямъ великихъ державъ въ Константинополь, что, въ виду враждебнаго настроенія населенія, она не ручается за ихъ безопасность. Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе недостатковъ внутренняго управленія Турціи: они многочисленны и извѣстны. Либо плохи законы, либо—гораздо чаще—негодны исполнители. Но какъ строго винить послѣднихъ, когда они мѣсяцами не получаютъ своего содержанія и поневолѣ обращаются къ грабежамъ и взяткамъ, а, съ другой стороны, видать, что не законъ управляетъ разношерстною Оттоманскою имперіею, а личный произволъ, начиная съ верховнаго владыки въ Стамбулѣ и кончая послѣдними агентами полиціи. Атмосфера турецкой администраціи такова, по мнѣнію знающихъ ее лицъ, что ею нерѣдко заражаются даже европейцы, входящіе въ ея составъ.

При такомъ политическомъ неустройствѣ имперія султановъ поражена экономическимъ и финансовымъ безсиліемъ. Страны, нѣкогда столь благословенныя при грекахъ и римлянахъ Балканскаго полуострова и Малой Азіи, представляютъ изъ себя въ большинствѣ едва ли не пустыни, мало заселенныя и плохо воздѣланныя. Торговля, промышленность отсутствуютъ, или въ жалкомъ положеніи, едва прозябая на иностранные капиталы и

*) Объ этихъ реформахъ см. *Engelhardt*: „La Turquie et le Tanzimat“. 2 vis.

при помощи грековъ и армяпъ, эксплуатирующихъ остальные классы населенія. И въ финансовомъ отношеніи—Турція страна бѣдная, отсталая, которая напоминаетъ промотавшагося барина, лишеннаго кредита и давно живущаго за счетъ будущаго.

Словомъ, Оттоманская имперія среди государствъ Европы является полною аномаліею, переживаніемъ эпохи, давно исчезнувшей и не заключающей въ себѣ элементовъ для лучшей, здоровой жизни въ будущемъ. Живетъ она за счетъ порабощенныхъ ею христіанъ и только искусственно, изъ-за своекорыстныхъ и матеріальныхъ интересовъ поддерживается дипломатіею великихъ державъ. Чѣмъ скорѣе прекратится этотъ ненормальный фактъ, тѣмъ, повторяемъ, болѣе выиграютъ отъ этого рѣшительно всѣ.

IV.

Для достиженія этой великой цѣли—возможно скорого, справедливаго и мирнаго рѣшенія восточнаго вопроса, требующаго устраненія Турціи, необходимы нѣкоторыя глубокія измѣненія въ самихъ условіяхъ международнаго порядка.

Доселѣ взаимными сношеніями народовъ завѣдывала почти исключительно дипломатія. По своимъ традиціямъ и даже отчасти призванію она является органомъ политическихъ интересовъ конкретнаго государства. Начала международного права и общіе интересы народовъ ей или чужды, или служатъ благовиднымъ предлогомъ къ проведенію узко-національныхъ, эгоистичныхъ цѣлей. Въ примѣненіи къ восточному вопросу эти національные интересы великихъ державъ либо способны привести къ смутамъ и войнамъ, какъ и національное соперничество и стремленіе населяющихъ Турцію племенъ, либо къ политическимъ компромиссамъ, въ родѣ Берлинскаго трактата, непрочнымъ и никого не удовлетворяющимъ.

Съ привлеченіемъ международного права, наравнѣ съ политикою, къ болѣе активному участию въ судьбахъ народовъ, придется не только расширить и улучшить его нормы, но и создать для него новые органы съ болѣе разнообразными элементами по ихъ содержанію и дѣятельности. Таково требованіе современной жизни.

Прежде всего настоятельно необходимо поднять уровень политической морали. Въ этой области, къ сожалѣнію, продолжаютъ еще царить и возрѣнія и приемы, достойные языческихъ, но не христіанскихъ правительствъ. Отсюда лицемеріе, безсердечіе, алчность и неразборчивость въ средствахъ, довольно плохо прикрываемыя благожелательнымъ тономъ дипломатической рѣчи. Безъ болѣе строгой морали и въ политическихъ дѣлахъ тщетны всякія улучшенія права.

Необходима далѣе для Европы международная организація. Друзья мира глубоко правы, когда они ведутъ дѣятельную пропаганду въ пользу тако-

вой *). Но они не всегда предлагают подходящія для нея формы. Эта организація надолго еще не мировая (если ей когда-либо суждено пресуществовать въ таковую!), а только европейская **) должна явиться естественнымъ завершеиіемъ и дополнеиіемъ къ существующему политическому строю Европы. Будучи продолженіемъ, но не повтореніемъ формъ сложнаго или федеративнаго государства, эта организація не была бы ни союзомъ государствъ (Staatenbund), ни союзнымъ государствомъ (Bundesstaat), въ смыслѣ, установленномъ для нихъ въ государственной наукѣ. Первая форма соединенія слишкомъ слаба и лишена многихъ существенныхъ органовъ для совмѣстной жизни народовъ.—Вторая—слишкомъ узка и лишаетъ своихъ членовъ суверенитета и свободы движенія, поскольку она допустима съ общою жизнью цѣлаго. Организація, о которой мы говоримъ, будетъ общественная, а не политическая, имѣющая своимъ основаніемъ договорное начало и съ участіемъ въ ней не однихъ государствъ (правительствъ), а и тѣхъ разнообразныхъ общественныхъ элементовъ и организацій, которые играютъ такую замѣтную роль въ современной международной жизни и призваны къ еще гораздо большому участию въ будущемъ.

Въ такой организаціи мы идемъ постепенно какъ подъ вліяніемъ идей, такъ и подъ напоромъ матеріальныхъ интересовъ. Болѣе подробное разсмотрѣніе этого вопроса не входитъ въ задачу настоящей работы, но замѣтимъ только, что подготовленіями къ ней на практикѣ представляются, съ одной стороны, болѣе правильная и организованная международная третейская юрисдикція, каковая намѣчена въ Гаагской конвенціи 1899 г. и, по мнѣнію приверженцевъ мира, должна привести къ общему и постоянному третейскому суду между отдѣльными государствами или опредѣленною ихъ группою ***). Съ другой стороны—болѣе часто созываемые и по своему составу и программамъ занятій преобразованные конгрессы и конференціи. Конгрессъ же необходимъ для законнаго продолженія и пересмотра постановленій Берлинскаго трактата. Но, наученные опытомъ, участники его не должны повторять ошибокъ своихъ предшественниковъ. Подобный конгрессъ если не для рѣшенія, то для возможно удовлетворительнаго, при данныхъ условіяхъ уложенія восточнаго вопроса долженъ удовлетворять слѣдующимъ основнымъ требованіямъ: 1) Какъ органъ междунаро-

*) Ср., напримѣръ, ст. *Brandt*: „Les Etats confédérés d'Europe“ въ *Revue de dr. int.* 1903. № 2, p. 154.

**) Почему подходящимъ для нея названіемъ было бы: „европейскій союз“, „союзъ Европы“ и т. д. Впрочемъ, весьма возможно, что ранѣе этой организаціи вступитъ въ жизнь федерація американскихъ республикъ.

***) Любопытны въ этомъ отношеніи: переговоры членовъ парламентовъ Франціи и Англіи въ теченіе лѣта 1903 г., проекты договоровъ, выработанные представителями Испаніи и северо-американскихъ республикъ на съѣздѣ въ Мадридѣ въ 1900 г., третейскіе договоры 1903—1905 гг. европейскихъ государствъ.—О послѣднихъ см. мою статью въ *Русской Мысли*, апрѣль текущаго года.

ный, а не однихъ великихъ державъ, онъ долженъ въ своемъ составѣ имѣть представителей отъ всѣхъ государствъ Европы на равныхъ правахъ и съ одинаковымъ для всѣхъ правомъ голоса. 2) Въ составъ его входятъ не только не исключительно, но даже и не въ большинствѣ дипломаты, а государственные люди и юристы, знакомые съ международнымъ правомъ и политическою жизнью современныхъ народовъ, пользующіеся научнымъ и нравственнымъ авторитетомъ. Ихъ посылаютъ не правительства, а выбираютъ опредѣленные учреждения и корпораціи (палаты, верховные суды, академіи, университеты, торговыя палаты и т. п.) и верховная власть ихъ только утверждаетъ *). 3) На этотъ конгрессъ должны быть допущены представители всѣхъ балканскихъ народностей и племенъ, населяющихъ Турцію. Мнѣнія ихъ и желанія должны быть выслушаны и серьезно взвѣшены для того, чтобы по возможности согласовать ихъ между собою, съ одной стороны, съ интересами Европы—съ другой. 4) Эта оцѣнка можетъ совершиться удовлетворительно, если въ основаніе ея будутъ положены не одни соображенія политики, но прежде и болѣе всего принципы международного права, понимаемаго не въ узкомъ формальномъ только смыслѣ, какъ права писаннаго и договорнаго, а въ томъ болѣе широкомъ и реальномъ значеніи, какъ оно существуетъ въ сознаніи образованнаго общества нашего времени. 5) Конгрессъ не можетъ только довольствоваться принятіемъ благихъ пожеланій: онъ долженъ позаботиться и о наиболѣе цѣлесообразныхъ мѣрахъ къ неотложному выполненію принятыхъ имъ рѣшеній, не отступая даже, въ случаяхъ нужды, отъ принужденія. Такъ обставленное принужденіе не будетъ насильемъ, а обезпеченіемъ того уваженія къ праву и къ свободѣ, безъ котораго немислима никакая общественная организація.

Преобразованные по своему составу и снабженные опредѣленными полномочіями, конгрессы должны собираться правильно и періодически. Въ случаяхъ чрезвычайныхъ созываться державами, но и сами имѣть это право на открытіе занятій. Подготовлять имъ рѣшенія и разрабатывать ихъ въ подробностяхъ, призваны конференціи, на которыхъ могутъ участвовать и не всѣ члены европейскаго союза. Въ сроки между засѣданіями конгресса всѣ текущія дѣла ведетъ союзный совѣтъ, имъ избираемый. Совѣтъ этотъ приводитъ въ исполненіе и постановленія конгресса. Онъ не долженъ быть многочисленъ и въ составѣ его находятся делегаты нѣкоторыхъ государствъ, сменяющихся въ опредѣленные сроки по порядку французскаго алфавита названій государствъ, входящихъ въ европейскій союзъ.

При подобной организаціи рядомъ съ расширеніемъ и упорядоченіемъ международной юстиціи можно надѣяться и на укрѣпленіе мира въ Европѣ и на болѣе значительные успѣхи международного права, съ матеріальною

*) Независимо отъ этого правительства имѣютъ своихъ, ими назначенныхъ, представителей.

и съ формальной стороны. Тогда не придется, надѣмся, важнымъ междуна-роднымъ вопросамъ по цѣлымъ годамъ ждать очереди и само междуна-родное право не будетъ представлять изъ себя, какъ до сихъ поръ, н-кую-то противорѣчивую и неполную систему положеній, извлеченныхъ при этомъ изъ разнохарактерныхъ источниковъ.

Но пока это пожеланіе для будущаго! Можно ли, скажутъ намъ, рас-считывать, хотя бы отчасти, на ихъ осуществленіе при господствующей политической розни между кабинетами Европы?

Полагаемъ, что можно по многимъ соображеніямъ. Руководители су-дебъ Европы въ наши дни проникнуты серьезнымъ миролюбіемъ, отлично сознавая, что миръ—самая настоятельная потребность не только для раз-витія, но просто даже для поддержанія нашей гражданственности, плода тысячелѣтнихъ усилій предшествующихъ поколѣній. Но миръ этотъ мо-жетъ быть поддержанъ и является благомъ лишь при дружной, соединен-ной работѣ всѣхъ членовъ европейской семьи и подъ условіемъ этического и юридическаго улучшенія ихъ совмѣстной жизни и дѣятельности. За это послѣднее время съ удовольствіемъ можно замѣтить сближеніе между ка-бинетами, какое не существовало съ войны 1870 г. Тройственный и двой-ственный союзы не стоятъ въ прежней рѣзкой оппозиціи другъ къ другу.

Франція вступила въ болѣе дружескія отношенія къ Германіи и Ита-ліи съ одной стороны, къ Англій—съ другой *). Россія приблизилась къ Австріи и Германіи, но еще довольно далека отъ Англій. Течения къ боль-шему сближенію замѣчаются также въ новомъ свѣтѣ и при этомъ въ дво-якомъ направленіи: установленія экономическаго и культурнаго объединенія американскихъ республикъ подъ предводительствомъ Соединен. Штатовъ **) и попытокъ возстановленія такой же связи между республиками латино-американскими (центральной и южной Америки) и ихъ прежней метропо-ліею—Испаніею ***).

Очевидно, подъ воздѣйствіемъ однородныхъ причинъ культурный миръ движется къ большому единенію и организаци и надо желать, чтобы въ этомъ отношеніи старый свѣтъ не отсталъ отъ новаго.

Можно надѣяться, что послѣ русско-японской войны усилится въ немъ сознаніе въ необходимости международной организаци, одинаково направ-ленной къ его защитѣ и къ укрѣпленію въ немъ началъ справедливости и мира.

*) О послѣднемъ сближеніи свидѣтельствуетъ англо-французское соглашеніе 1 апрѣля 1904 г. по колониальнымъ вопросамъ (о немъ см. рядъ статей въ *Revue néer. de dr. inf. public.* 1904, № 6). Моя ст. въ *Русской Мысли*, 1905 г. сентяб.

**) Конгрессы: пан-американскіе въ Вашингтонѣ 1889—1890 гг. и въ Мекс 1901—1902 гг.

***) Конгрессы въ Мадридѣ 1892 г. (по случаю 400-лѣтія открытія Америки 1900 г. О работахъ послѣдняго, а равно принятыхъ имъ постановленіяхъ см. красную статью „Prudhomme“ въ *Revue génér.* 1902, № 2 et 3, p. 288—336.

V.

Возвращаясь къ нашей ближайшей темѣ, мы приходимъ къ слѣдующему общему выводу: Европа, принявъ Турцію—державу азиатскую и полудикую—въ свой составъ, имѣетъ по договорамъ формальное право контроля и надзора за нею. Обеспечивать же ей долговѣчность и неприкосновенность совершенно не входитъ въ ея компетенцію, какъ и вообще какой-либо власти на землѣ. Это—вопросы жизни, а не права. При событіяхъ, подобныхъ тѣмъ, которыя разыгрываются теперь въ Македоніи, Арменіи, Критѣ, Аравіи и т. д., державы получаютъ право вмѣшательства, въ видахъ остановленія ли массовыхъ избіеній озвѣрѣвшимъ правительствомъ султана, или съ цѣлью прекратить истребленіе одного племени другимъ. Это верховное право, независимо отъ трактатовъ, превращается въ долгъ челоуѣколюбія для державъ, претендующихъ на то, чтобы быть образованными, а еще болѣе христіанскими. Чѣмъ дружнѣе и скорѣе послѣдуетъ это ихъ вмѣшательство, тѣмъ менѣе потребуеъ оно крови и матеріальныхъ жертвъ. Вмѣшательство (которое вовсе не тождественно съ войною) призывается не только жестокостями турокъ, албанцевъ, башбузуковъ, курдовъ и проч., но и жестокостями возстанцевъ-христіанъ: греки истребляютъ болгаръ, болгары дѣлаютъ то же съ греками и т. д. Лица, поднимая оружіе съ отчаянія и за правое дѣло, прибѣгаютъ ко всѣмъ средствамъ истребленія, чтобы путемъ террора привлечь къ себѣ все остальное мирное населеніе и получить перевѣсъ надъ превосходящимъ ихъ численностію и вооруженіемъ противникомъ. Тотъ, въ свою очередь, на кровавыя преступленія отвѣчаетъ жестокими военными репрессіями, кровь течетъ рѣкой и ужасамъ этимъ не предвидится конца.

Едва ли македонцамъ однимъ, да и прочимъ христіанамъ, въ ихъ разрозненныхъ усміяхъ и взаимной враждѣ, удастся ослабить Турцію. Но какую цѣною будетъ куплена побѣда послѣдней? Путемъ едва ли не поголовнаго вырѣзанія цѣлаго племени (то армянъ, то болгаръ, то грековъ) и опустошенія обширныхъ, столь благословенныхъ по природѣ, провинцій. Но и такія усмиренія не вдохнуть духа жизни въ мертвый и распадающийся организмъ Оттоманской имперіи, а жертвы, ею загубленные, ложатся позоромъ и бременемъ на весь христіанскій міръ.

Въ заключеніе приведемъ слѣдующее глубоко-вѣрное разсужденіе Энгельгарда: «До половины прошлаго вѣка великія державы Европы считали Турцію государствомъ азиатскимъ, которое, по справедливости, не могло претендовать на всѣ права и почести (*tous les égards*), соблюдаемыя образованными народами въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ. Однако, вслѣдствіе своего вѣкового застоя, угрожаемая смертію, эта монархія почувствовала необходимость отказаться отъ полуварварскихъ приѣмовъ въ своей политикѣ, привлекаящихъ на нее презрѣніе всего цивилизованнаго міра, а Европа, обманутая этимъ желаніемъ реформъ со стороны Турціи, согласилась признать ее европейскою державою и допустить въ свой концертъ.

Султанъ, правда, не былъ освобожденъ отъ тѣхъ вѣковыхъ повинностей, на которыя дали согласіе его предшественники, но внѣ этой традиціонной зависимости онъ былъ допущенъ «къ выгодамъ современнаго публичнаго права» и получилъ чрезъ вступленіе въ эту ассоціацію нѣкоторыя общія гарантіи, которыя до того времени недоставали мусульманской власти.

Но, скажемъ это безъ колебаній, принятіе Турціи въ качествѣ европейской державы покоилось на фикціи. Между тѣмъ фикція въ правѣ вообще и въ международномъ въ особенности можетъ замѣнять истину лишь постольку, поскольку ея живость не доказана очевидностью истины.

Великія державы могли считать себя обязанными уважать власть султана надъ его подданными до тѣхъ поръ, пока онъ съ нѣкоторою вѣроятностью предполагали, что отнынѣ хрістіане въ Турціи будутъ управляться сообразно началамъ европейскаго публичнаго права. Но эта обязанность ихъ исчезала съ того момента, какъ для нихъ становилось очевиднымъ, что прежній режимъ азіатскаго произвола оставался въ полной силѣ. Непривосновенность, которую независимыя державы признають другъ за другомъ, въ дѣйствительности обязательна лишь для тѣхъ изъ нихъ, которыя живутъ въ мирѣ между собою. Турція же осталась въ скрытой войнѣ съ хрістіанскимъ міромъ. Это не значить, будто она продолжаетъ держаться прежняго воззрѣнія, что исламъ можетъ жить съ «невѣрными» только въ состояніи перемирія; но это значить, что она все еще существуетъ въ такомъ ненормальномъ порядкѣ, отъ котораго ей естественно должно пострадать. Это вытекаетъ изъ факта невыполненія ея правительствомъ ни одного изъ тѣхъ элементарныхъ условій, которыя ему дозволили бы превратить завоеваніе народовъ въ ихъ присоединеніе (инкорпорацию).

Турецкое правительство выказало свою неспособность къ какой-либо внутренней организаціи и къ сліянью съ хрістіанами. Мало того: оно даже не предпринимало попытокъ въ такомъ дѣлѣ сближенія и прижиренія съ ними. Оно упорно игнорировало общественныя нужды населенія, которое по численности составляло большинство, а нравственно во многихъ отношеніяхъ лучшую часть изъ всѣхъ лицъ, покоренныхъ его власти силой, а такъ какъ указанныя общественныя потребности не могли оставаться неудовлетворенными, то дѣло это, сознательно не выполняемое фактически владыкой, естественно должно было перейти въ значительной степени въ другія руки.

Мусульманское государство было поставлено подъ опеку (*tutelle*) *) вслѣдствіе иноземнаго вмѣшательства, которое, ставъ необходимымъ, явилось законнымъ. Турція существуетъ только благодаря поддержкѣ иностранныхъ державъ и къ ней приимѣнимы слова: *si cedunt,ruit* (если отступятъ, рухнетъ).

Последній опытъ подтверждаетъ ея безповоротное осужденіе.

*) Деша герцога Деназъ 10 января 1876 г.

Въ теченіе трехъ лѣтъ «невѣроятная анархія» *) царить въ тѣхъ трехъ ея провинціяхъ, которыя были освобождены Россією, но потомъ снова возвращены берлинскимъ конгрессомъ подъ непосредственную власть султана. Дикія шайки распространяють въ нихъ терроръ грабежами, убійствами, насиліями всякаго рода, и ни одна деревня, ни одно мѣстечко, ни одно человѣческое жилище не остались въ безопасности отъ этихъ разбойниковъ.

И Порта до сихъ поръ оказалась не только бессильною въ борьбѣ съ этимъ зломъ, ставшимъ хроническимъ и все возрастающимъ, но она является отвѣтственною за его распространеніе, потому что она сознательно воздвигла препятствія дѣйствіямъ той репрессивной силы, которую державы предоставили въ ея распоряженіе.

Мѣра отговорокъ и отсрочекъ перешолилась и необходимо предвидѣть наступленіе развязки, которая и безъ того слишкомъ долго все откладывалась **).

Гр. Л. Комаровскій.

*) Выраженіе г. Петкова мн. внутр. дѣлъ Болгаріи.

***) Engelhardt: „La question macédonienne“ (*Revue génér. de dr. int. public.* 1906, № 1, p. 31—33).

Журнальное обозрѣніе.

Въ іюньской книгѣ возобновившагося *Русскаго Богатства* помѣщена статья г. Елпатьевского подъ заглавіемъ «Почему имъ не вѣрять?» Читатель, вѣроятно, уже догадывается, что подъ «ними» слѣдуетъ разумѣть конституціоналистовъ-демократовъ, партію народной свободы. Г. Елпатьевскій въ своей статьѣ старается быть безпристрастнымъ. Онъ не похожъ на тѣхъ революціонеровъ вчерашняго дня, которые еще недавно сидѣли мирно подъ своими смоковницами, а сегодня бранять всѣхъ и каждого за недостаточно революціонный образъ дѣйствія. Онъ не принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, для которыхъ принципиальное разногласіе выражается прежде всего въ грубой брани, и которые не называютъ конституціоналистовъ-демократовъ иначе, какъ «измѣнниками» и «предателями». Г. Елпатьевскій—культурный человѣкъ и въ качествѣ культурнаго человѣка онъ воздастъ партіи народной свободы должное, чтобы съ тѣмъ большимъ правомъ обрушиться на нее впоследствии. Прежде всего онъ останавливается на программѣ партіи и пишетъ: «Какъ ближайшее требованіе, выставляется ею осуществленіе народовластія въ такихъ формахъ, которыя и посейчасъ представляютъ *prim desiderium* для нѣкоторыхъ болѣе цивилизованныхъ европейскихъ странъ, въ такихъ формахъ, которыя предусматриваютъ коренную ломку прошлаго, ложатся непроходимой пропастью между старымъ режимомъ и вырисовывающимся политическимъ строемъ будущаго. Соціальная программа не такъ ясна и опредѣленна, тамъ есть недоговоренныя слова, недописанныя главы. Но если бы и съ этими недоговоренными словами и недописанными главами она вошла въ жизнь, міръ увидѣлъ бы соціальную реформу, какой еще не было, какая не ставится, какъ реальное требованіе ближайшей очереди, почти ни въ одной парламентской странѣ, ни одной демократической партіей». Такимъ образомъ политическая программа партіи народной свободы не навлекаетъ на себѣ упрековъ со стороны г. Елпатьевского; и только въ соціальной программѣ по его мнѣнію, есть недоговоренныя слова и недописанныя главы.

Если подъ недоговоренными словами и недописанными главами г. Елпатьевскій подразумѣваетъ отсутствіе въ программѣ торжественно провозглаше-

ныхъ социалистическихъ принциповъ—то онъ, конечно, правъ. Партія народной свободы, охватывающая широкіе слои населенія и включающая въ себѣ различные элементы и оттѣнки различныхъ, мнѣній совершенно сознательно избѣгаетъ торжественнаго провозглашенія такихъ отвлеченныхъ принциповъ, которые не имѣютъ ни малѣйшаго практическаго значенія, и которые вмѣстѣ съ тѣмъ вслѣдствіе оторванности русской интеллигенціи отъ государственнаго дѣла до сихъ поръ разъединяютъ людей на непримиримые и враждующіе лагери. Широта социальныхъ реформъ, тотъ кругъ, въ который онѣ должны быть заключены, для партіи народной свободы равнымъ образомъ обуславливается какъ ихъ полезностью для трудящагося народа, такъ и ихъ осуществимостью. Общія начала, долженствующія лежать въ основѣ всякаго практическаго мѣропріятія, и отвлеченные принципы, лишены практическаго значенія—двѣ вещи совершенно различные. Такъ, наприм., убитый нынѣ предательскою рукою М. Я. Герценштейнъ, громадный теоретическій умъ и вмѣстѣ съ тѣмъ практическій дѣятель, предлагалъ, руководствуясь общимъ началомъ принудительнаго отчужденія земель, выраженномъ въ отвѣтѣ Думы на тронную рѣчь, приступить прямо къ избранію комиссіи для разработкіи аграрнаго вопроса; но большинство, охваченное неодолимымъ тяготѣніемъ русской интеллигенціи къ трактованію отвлеченныхъ принциповъ, до избранія комиссіи, предпочло потратить болѣе двухъ недѣль на предварительные споры въ самой Думѣ, не внесшіе ничего новаго и существеннаго.

Повидимому, г. Елпатьевскій отчасти и самъ понимаетъ это. «Постановка ими (конституціоналистами-демократами) аграрнаго вопроса, — пишетъ онъ далѣе, — по своему принципиальному и практическому значенію, представляетъ такую огромную важность, что въ настоящее время нѣтъ никакой возможности точно учесть все то будущее, которое логически будетъ вытекать изъ него, тѣ глубокія измѣненія въ экономической и правовой жизни народа и въ самой структурѣ государства, которые явились бы результатомъ такой земельной реформы». По мнѣнію г. Елпатьевского такимъ путемъ распатывается твердыня буржуазнаго государства, которая почти вездѣ стоитъ непоколебимой, частная земельная собственность, а тѣмъ самымъ и принципъ частной собственности вообще.

Конституціоналисты-демократы въ разрѣшеніи аграрнаго вопроса прежде всего видятъ необходимость вывести наше крестьянство изъ того ужаснаго положенія, въ которомъ оно теперь находится, на путь правильнаго и свободнаго развитія и приложенія всѣхъ его силъ и способностей. Г. Елпатьевскій далѣе воздастъ должное партіи народной свободы. «Она собрала въ свои ряды, несомнѣнно, лучшихъ людей русскаго общества; наиболѣе живые и интеллигентные люди въ дворянствѣ, въ купечествѣ, въ профессорскомъ мірѣ, въ такъ называемыхъ либеральныхъ профессіяхъ, наконецъ, въ чиновничествѣ вошли въ ряды партіи. Туда вошли крупныя имена въ ученномъ и литературномъ мірѣ, популярныя общественныя дѣятели въ провинціи; туда вошли испытанные лучшіе дѣятели земства, имѣв-

шіе мужество въ самыя мрачныя времена Сипягина и Плеве остаться честными земскими дѣятелями. Личная порядочность, доброе имя, честное прошлое.. не дають основаній... сомнѣваться въ искренности ихъ нагнрній».

И тѣмъ не менѣе имъ не вѣрять. И г. Елпатьевскій думаетъ, что это недовѣріе имѣетъ свои законныя и серьезныя основанія.

Недовѣріе это, если можно такъ выразиться, есть недовѣріе апіорное. Оно не явилось результатомъ дѣятельности партіи, оно не было разочарованіемъ въ возлагавшихся надеждахъ, потому,—замѣчаетъ г. Елпатьевскій,—что не было и очарованія. «Въ этомъ отношеніи партія народной свободы, несущая такія высокія знамена, не вызвала при своемъ рожденіи и первыхъ шагахъ общественной дѣятельности и сотою доли того энтузіазма, который вызывали въ моментъ своего возникновенія родственныя ей политическія партіи на Западѣ». «Это потому,—пишетъ далѣе авторъ статьи,—что у партіи этой не оказалось новыхъ словъ; на ея долю осталось только наслѣдіе историческаго прошлаго западно-европейскихъ либеральныхъ партій и собственное, нерадостное, не поднимающее духъ, историческое прошлое русскаго либерализма. То западно-европейское прошлое говоритъ прежде всего о многочисленныхъ случаяхъ обмана либеральными партіями народа, который вели онѣ на дѣло освобожденія... Это западно-европейское прошлое встало первымъ предостереженіемъ для людей, смотрѣвшихъ со стороны». Далѣе собственное прошлое партіи народной свободы, прошлое русскаго либерализма, «это тщательное оттораживаніе себя отъ слова «революція» и такое же тщательное подчеркиваніе легальности своей работы, только по писаннымъ законамъ, только совмѣстно съ правительствомъ, молчаливое и безучастное терпѣніе всякихъ поруганій и ограниченій правъ дають поводъ сомнѣваться и недовѣрять тому, сумѣетъ ли партія понять и оцѣнить во всемъ его объемѣ настоящій историческій моментъ, должнымъ образомъ ориентироваться въ немъ, не будетъ ли по старому терпѣть и ждать, пожелаетъ ли и сумѣетъ ли взять».

Таковы поводы апіорнаго недовѣрія. Партія народной свободы при выступленіи своемъ на историческую арену не сказала новыхъ словъ, не вызвала духовнаго подъема массъ населенія. Съ этимъ аргументомъ по его расплывчивости и неосязаемости трудно спорить.

Во-первыхъ, не все то хорошо, что ново, и закрѣпить въ народномъ сознаніи великіе лозунги политической свободы, объединить на ихъ почвѣ широкіе слои населенія, и стройными рядами вести ихъ къ побѣдѣ свѣта и разума—развѣ это не великая задача ближайшаго момента? Во-вторыхъ, подъемъ массъ сказанся на выборахъ въ Государственную Думу, которыхъ не забудетъ тотъ, кто ихъ пережилъ, и которые дали блестящую побѣду партіи народной свободы. И далѣе въ своей аграрной программѣ партія сказала то великое новое слово (если только вообще есть что-нибудь новаго подъ луной), котораго ждала отъ нея пострадавшая родина.

Прошлое западно-европейскаго либерализма, обманывавшаго народъ и таскавшаго изъ огня каштаны чужими руками? Не говоря о томъ, что либерализмъ этотъ въ свое время сыгралъ громадную и плодотворную роль въ исторіи западно-европейскихъ народовъ, онъ не имѣетъ никакого отношенія къ русской партіи народной свободы, программу которой самъ г. Елпатьевскій характеризуетъ какъ *ritum desiderium* и въ настоящее время для многихъ наиболѣе цивилизованныхъ европейскихъ странъ. Манчестерство, какъ характерный признакъ западно-европейскаго либерализма, никогда не находило у насъ широкаго сочувственнаго отклика, и партія народной свободы подняла знамя не только политическихъ, но и социальныхъ реформъ, безъ которыхъ не можетъ обходиться теперь ни одно освободительное движеніе. «Ужасно мыслить,—пишетъ г. Баженовъ, въ № 16 *Московскаго Еженедельника*—(«Психологія и политика»), что въ такой исторической моментъ цѣлая значительная группа дѣятелей, которые мѣсто рядомъ съ нами въ одной и той же дружинѣ, надѣла на глаза шоры изъ брошюрныхъ вульгаризацій марксизма и способна измѣрять всѣ явленія русской общественной и политической мысли и русскаго освободительнаго движенія только западно-европейскимъ, вышедшимъ изъ національныхъ мастерскихъ 1848 г. масштабомъ. Нужды нѣтъ, что «классовое самосознаніе» русскаго дворянства и никогда не существовало въ западно-европейскихъ формахъ и въ русскихъ давно уже зачало и умираетъ, а «классовое самосознаніе» денежной буржуазіи, даже въ устроенной графомъ Витте оранжереѣ не успѣло развиться и сложиться. Нужды нѣтъ, что русское революціонное и оппозиціонное ополченіе было всегда и оставалось бессловнымъ и вѣвеклассовымъ, и что и теперь огромное большинство всѣхъ тѣхъ, кого такъ охотно заподозрѣваютъ въ желаніи «эскамотировать революцію въ свою пользу» и «руками народа добыть политическую свободу и закрѣпить экономическое рабство» и т. п.; на самомъ дѣлѣ совершенно не имѣютъ буржуазныхъ вождѣвнй и даже въ значительной части своей не имѣютъ основанія руководиться «классовыми интересами» экономическихъ обезпеченныхъ группъ населенія. Нужды нѣтъ! По нѣмецкимъ учебникамъ выходитъ, что либералы должны въ дни революціи непременно обездолить народъ, а такъ какъ нѣтъ Бога, кромѣ Маркса, а Баутскій—его пророкъ, и такъ какъ всякіе догматы вѣры безусловны и безотносительны—иначе къ чему же вѣра,—то такъ есть, такъ будетъ и у насъ. Менѣе наивные и болѣе искусные полемисты смѣва и сами замѣтили, что странно и смѣшно укорять русскихъ либераловъ, кадетовъ и иныхъ дѣятелей политической оппозиціи, которые почти сплошь состоятъ изъ имущественно не обезпеченныхъ людей интеллигентнаго труда въ томъ, что «у нихъ уродливо развито чувство собственности», и предпочитаютъ поэтому посылать намъ свои полемическія стрѣлы въ тотъ флангъ, который кажется имъ болѣе уязвимымъ и упрекаютъ насъ въ недостатокъ демократизма, въ стремленіи къ политическому господству и руководительству, въ желаніи власти надъ народомъ».

И въ самомъ дѣлѣ, если задаться цѣлью упрекать во что бы то ни стало, гораздо правдоподобнѣе упрекать руководителей партіи въ желаніи добиться власти, чѣмъ и занимается въ настоящее время офиціозная газета *Россия*, чѣмъ упрекать ихъ въ стремленіи провести въ жизнь какія-то несуществующія для нихъ классовыя привилегіи. Яма ходячихъ параллелей и шаблоновъ, въ которую попасть г. Елпатьевскій, мѣшаетъ ему ясно видѣть окружающую дѣйствительность.

Последній упрекъ, брошенный имъ партіи народной свободы,—это прошлое русскаго либерализма, тщательное отгораживаніе себя отъ революціи, подчеркиваніе легальности своей работы, молчаливое и безучастное терпѣніе—не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Ядро партіи народной свободы образовалось, какъ изъ видныхъ дѣятелей земскихъ съѣздовъ и изъ «союза освобожденія». Последний не только никогда тщательно не подчеркивалъ легальности своей работы, но долженъ былъ въ силу условій русской жизни дѣйствовать почти исключительно на нелегальной почвѣ.

Пусть г. Елпатьевскій перечислитъ мысленно имена общепризнанныхъ лидеров партіи, и онъ увидитъ, что всѣ они подвергались болѣе или менѣе тяжелымъ гоненіямъ со стороны правительства, и что говорить о молчаливомъ и безучастномъ терпѣніи съ ихъ стороны во всякомъ случаѣ не приходится. «Дѣло въ психологіи партіи»,—замѣчаетъ г. Елпатьевскій.—Выборгское воззваніе, въ которомъ, по мѣткому выраженію одного изъ членовъ партіи, психологическая необходимость покрывала логическую несостоятельность,—рисуетъ отчасти психологію партіи народной свободы. И тѣмъ не менѣе здѣсь, чтобы не подать повода къ недоразумѣніямъ, мы должны оговориться. Каковы бы ни были шаги и поступки отдельныхъ членовъ или цѣлой группы членовъ партіи, партія, какъ цѣлое, несомнѣнно не можетъ разсматриваться въ качествѣ партіи революціонной. Она возникла тогда, когда возникли хотя самыя ничтожныя зачатки конституціонныхъ формъ жизни, и она уничтожится въ тотъ моментъ, когда уничтожатся эти слабыя зачатки. Она захватываетъ слишкомъ широкіе и разнородные круги населенія, чтобы дѣйствовать конспиративно и въ подпольѣ. Она есть прежде всего партія въ конституціонномъ смыслѣ этого слова; въ этомъ ея культурная сила, ея громадное воспитательное для массъ значеніе, самая возможность ея образованія.

Воротись опять самодержавіе, чего къ счастью невозможно себѣ представить, и конституціонно-демократическая партія, какъ партія, исчезнетъ съ исторической сцены; часть ея членовъ уйдетъ къ старой нелегальной работѣ, другая отдастся прежней просвѣтительной дѣятельности, третья—вернется къ своимъ смоговницамъ и домашнимъ пенатамъ. Никто не сомнѣвается въ томъ, что партія народной свободы есть блокъ, объединяющій различные элементы; но это объединеніе въ виду общаго врага, въ виду наивѣвшихъ потребностей исторической минуты, вслѣдствіе охватывающаго всѣхъ одинаковаго порыва—законно и необходимо, чтобы ни говорили объ этомъ большевики русской социаль-демократіи, эти *enfants terribles* рус-

слага освободительнаго движенія или г. Пѣшехоновъ и г. Елпатьевскій. Почему «имъ» не вѣрять,—спрашиваетъ г. Елпатьевскій про конституціоналистовъ-демократовъ? Потому, что значительная часть русской интеллигенціи ходитъ въ шорахъ, взятыхъ напрокатъ изъ западно-европейскихъ теорій и во имя общихъ и отвлеченныхъ принциповъ готова забывать о конкретной работѣ и о потребностяхъ переживаемой минуты.

Впрочемъ, несомнѣнно, конституціонно-демократическая партія и крайнія лѣвыя партіи различаются другъ отъ друга не только своими программами. Не одинаково ихъ отношеніе и къ происходящей у насъ революціи. По мнѣнію большинства конституціоналистовъ-демократовъ революція, происходящая въ странѣ, столь бѣдной культурными навыками, несетъ съ собой величайшія опасности и для самой культуры, которая представляетъ изъ себя, если можно такъ выразиться, безотносительное благо, нѣчто даже болѣе цѣнное, чѣмъ злобы настоящаго историческаго дня. Психологія не можетъ и не должна затемнять голосъ разсудка. Черезъ революцію быть можетъ придется пройти, потому что къ ней толкаетъ страну правительство, которое не даетъ возможности мирнымъ путемъ выковать для будущаго лучшія формы жизни, и тѣмъ не менѣе революція не открываетъ тѣхъ радужныхъ перспективъ для страны, которыя связываютъ съ нею крайнія партіи.

Г. Пѣшехоновъ въ той же книгѣ *Русскаго Богатства* («На очередныя темы») увѣряетъ, что «русская революція пройдетъ подъ знаменемъ социализма». Конституціоналисты-демократы, даже ихъ лѣвое социалистическое крыло, не думаютъ этого. Плодъ падаетъ съ дерева, когда онъ созрѣлъ, и никакіе декреты самаго революціоннаго правительства не могутъ насадить социализма тамъ, гдѣ для него нѣтъ почвы. Извѣстно, что правительство коммуны, владѣвшее Парижемъ около двухъ мѣсяцевъ, поставленное лицомъ къ лицу съ фактами, оказалось неспособнымъ располагать ими въ духъ своихъ собственныхъ теорій. Всѣ декреты объ эксплоатаціи фабрикъ въ интересахъ рабочихъ кооперативными ассоціаціями рабочихъ, работавшихъ на нихъ, остались мертвою буквой. Даже болѣе скромные декреты, какъ, напр., декретъ, запрещавшій ночную работу хлѣбопекамъ, не былъ приведенъ въ исполненіе, такъ какъ наткнулся на извѣстныя реальныя взаимоотношенія, которыя по мановенію ока не можетъ измѣнить ни одно даже самое социалистическое правительство. Впрочемъ, что за бѣда! Для нѣкоторыхъ крайнихъ партій революція представляется чуть ли не абсолютнымъ благомъ, благомъ *an und für sich*. Вотъ что пишетъ г. Луначарскій въ июньской книгѣ *Образованія* («Замѣтки философа»): «Революція—дивная школа самосознанія». Долго еще по ея окончаніи гремитъ, какъ боевая музыка, ея традиція, долго еще дрожать, колебля тьму, отсвѣты ея погасшаго пожара.

А жертвы? О, насколько болѣе достойны сожалѣнія жертвы безвременья; тѣ, кто пали отъ истощенія въ непосильномъ трудѣ, засосанные трясинной неподвижной нужды, размокшіе въ туманной мглѣ бездорожья,

тѣ мириады рабовъ, даже не бунтовавшихъ, всѣ эти взрослые, иногда старыя «дѣти», которыя, почти даже безъ вопроса, шли подъ ударами бича нищеты, труда, угнетенія, шли и падали, не подымая глазъ и вѣнуро повтора: «такая, видно, доля».

Конечно, за революціями, за великими революціями реакція неизбежна, и все же онѣ, по слову Маркса, «локомотивы исторіи». Не клеветаютъ же, хотя бы и бессознательно, на величіе революціи, не изображайте ихъ бессмысленными, ничего не мѣняющими столкновеніями какихъ-то тайнъ: онѣ красныя точки, огневые маяки, яркіе этапы на многострадальномъ пути человѣчества».

Разныя бываютъ революціи — и не только по своей формѣ, но и по содержанію. Но для г. Луначарскаго самое слово «революція», повидимому, звучитъ какъ нѣжная музыка... Какимъ великодушнымъ презрѣніемъ обливаетъ онъ *половинчатыхъ и трусливыхъ* жирондистовъ великой французской революціи, съ какимъ захлебывающимся восторгомъ говоритъ онъ о якобинцахъ, этихъ единственныхъ, неподражаемыхъ машинистахъ на локомотивахъ исторіи. Невольно поражаешься: неужели для этихъ людей не существуетъ опыта болѣе, чѣмъ вѣковой исторіи, прошедшей со времени французской революціи, опытъ исторіи хотя бы одной Франціи? «Златорогіи олень», котораго мечтаетъ осѣдлатъ г. Луначарскій, чтобы сѣдлатъ прыжокъ изъ царства необходимости въ царство свободы, оказывается старымъ пегасомъ, занесшимъ автора въ облака поэзіи, далеко отъ трезвой политической мысли...

Для партіи народной свободы революція не можетъ являться благомъ — и тѣмъ не менѣе, какъ мы уже говорили выше, черезъ нее быть можетъ придется пройти. Правительство вырываетъ почву изъ-подъ ногъ у наиболѣе умѣренныхъ партій. Наиболѣе умѣренные люди революціонизируются. Роспускомъ Думы, по мѣткому выраженію ин. Е. Трубецкаго («Министерство роспуска», № 18 *Московскаго Еженедельника*), стершимъ грань между безответственнымъ Монархомъ и ответственными министрами, правительство нанесло тяжелый ударъ сторонникамъ законности и порядка. «Можемъ ли мы, — спрашиваетъ Е. Трубецкой, — сказать народу, что при теперешнемъ министерствѣ онъ получить землю, когда конфликтъ на почвѣ аграрнаго вопроса послужилъ мотивомъ къ роспуску Думы? Можемъ ли мы увѣрить его, что министерство роспуска послушаетъ голоса народныхъ представителей, когда соберется вторая Дума? Можемъ ли внушить ему убѣжденіе, что это министерство уступитъ мѣсто другому, ответственному передъ Думой?» Отвѣтъ на это можетъ быть только отрицательный.

И вся политика г. Столыпина можетъ быть только реакціонной политикой, какъ бы ни увѣрялъ онъ въ противномъ общественное мнѣніе. «Во всякомъ общественномъ собраніи, которое будетъ теперь допущено, вырвется крикъ негодованія противъ правительства; и оно будетъ принуждено не допускать собраній. Вся печать будетъ поглощена одной главной заботой, борьбой противъ министерства, и оно будетъ вынуждено за-

крывать органы печати. По тѣмъ же причинамъ оно будетъ прекращать дѣятельность обществъ и союзовъ». Въ настоящее время дѣятельность уже болѣе, чѣмъ оправдала горькія слова Трубецкаго.

Каковы бы ни были недостатки Думы, вытекавшіе главнымъ образомъ изъ того положенія, которое заняло по отношенію къ Думѣ безответственное министерство, прикрывавшее съ своекорыстнымъ упорствомъ свои бюрократическія прерогативы прерогативами монарха, — Дума все же была единственнымъ учрежденіемъ, способнымъ вывести страну на путь мирнаго развитія, тѣмъ объединяющимъ началомъ, которое выковывало идею свободной и самоопредѣляющейся націи. Правительственный актъ 8 іюля 1906 г. былъ актомъ и по формѣ, и по существу глубоко неконституціоннымъ, актомъ произвола стараго режима.

Это положеніе съ неопровержимой силой доказано проф. Алексѣевымъ въ статьѣ «Правительственный актъ 8 іюля 1906 г. съ точки зрѣнія конституціоннаго права» (№ 18 *Московского Еженедѣльника*).

«Роспускъ парламента, — пишетъ авторъ статьи, — признается актомъ величайшей государственной важности, который можетъ быть оправданъ только соображеніями чрезвычайными, вызванными настоятельной и неотразимой политической необходимостью... Очевидно, что мѣра, которая обусловливаетъ собою уклоненія отъ нормальной государственной дѣятельности, должна быть поставлена основными законами страны въ строгія юридическія рамки, которыя предупреждали бы злоупотребленія этой мѣрой и не допускали бы связывать съ ней послѣдствія, могущія нарушить закономѣрное теченіе государственной жизни». И дѣйствительно, во всѣхъ государствахъ съ упрочившимся правовымъ порядкомъ дѣятельность народнаго представительства обставлена условіями, которыя гарантируютъ его правильную дѣятельность отъ произвольнаго вмѣшательства правительства, и которыя ставятъ право монарха созывать и роспускать парламентъ въ точно установленныя закономъ границы. Эти границы прежде всего опредѣляютъ сроки, въ которые долженъ быть ежегодно созванъ парламентъ, и промежутокъ времени, далѣе котораго народное представительство не можетъ остаться несозваннымъ. Между тѣмъ, какъ во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ, — замѣчаетъ далѣе авторъ статьи, — промежутокъ времени между роспускомъ палаты и созывомъ парламента новаго состава назначается по возможности краткій (отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ), актъ отъ 8 іюля откладываетъ созывъ Государственной Думы на семь мѣсяцевъ и двѣнадцать дней, и это послѣ первой сессіи той Думы, которая была созвана болѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ того, какъ она была возвѣщена рескриптомъ 18 февраля 1905 г., и болѣе чѣмъ черезъ семь мѣсяцевъ послѣ того, какъ было опубликовано ея учрежденіе 6 августа 1905 г.

Всякій правительственный актъ, который хотя и вращается въ формальныхъ рамкахъ закона, но влечетъ за собою неотразимо явное нарушеніе духа и смысла основныхъ законовъ страны, представляетъ собою актъ неконституціонный.

Такимъ именно неконституціоннымъ актомъ и является правительственное распоряженіе 8 іюля. Откладывая созывъ Думы до 20 февраля 1907 года, оно ставится въ противорѣчіе съ тѣми постановленіями нашего законодательства, которыя, во-первыхъ, опредѣляютъ, что государственная роспись доходовъ и расходовъ для того, чтобы вступить въ законную силу, нуждается въ утвержденіи Государственной Думы (ст. 31 учрежд. Гос. Д.) и которыя, во-вторыхъ, устанавливаютъ, что рассмотрѣніе Думой государственной росписи доходовъ и расходовъ должно быть окончено къ 1-му декабря предшествующаго сѣтному году (ст. 10 правилъ о порядкѣ разсмотрѣнія госуд. росписи 8 марта 1906 г.). Правда, законъ (ст. 13 правилъ) предусматриваетъ случай не утвержденія Думой внесенной на ея рассмотрѣніе государственной росписи, при наступленіи котораго остается въ силѣ послѣдняя установленнымъ порядкомъ утвержденная роспись. Но при созданныхъ указомъ 8 іюля условіяхъ этотъ случай не наступитъ: рассмотрѣнный, но не утвержденной государственной росписи не будетъ по той простой причинѣ, что не будетъ самой Думы, которая могла бы ее не утвердить. Если же допустить недопустимое толкованіе ст. 13 правилъ и приравнять роспись, вовсе не бывшую на рассмотрѣніи Думы, къ росписи, Думой не утвержденной, то и тогда положеніе, созданное указомъ 8 іюля, останется столь же безысходнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, по ст. 13 правилъ, въ случаѣ не утвержденія Думой новой государственной росписи къ началу сѣтнаго года, сохраняетъ свою силу послѣдняя, установленнымъ порядкомъ, т.-е. Думой, утвержденная роспись. Такой же росписи у насъ нѣтъ, и правительству придется управлять безъ бюджета, законодательнымъ порядкомъ утвержденного, другими словами, править незаконно.

Правительство, принимая такой бюджетъ, не будетъ въ правѣ сослаться на постановленіе нашихъ основныхъ законовъ, предоставляющее совѣту министровъ право во время прекращенія занятій Государственной Думы принимать безъ ея утвержденія мѣры, вызванныя чрезвычайными обстоятельствами, ибо ежегодную роспись государственныхъ расходовъ и доходовъ ни въ какомъ случаѣ и никакими толкованіями нельзя подвести подъ понятіе исключительнаго мѣропріятія, вызваннаго чрезвычайными обстоятельствами.

Кромѣ бюджета неудержимое теченіе государственной жизни вызываетъ необходимость и въ другихъ мѣропріятіяхъ, требующихъ законодательной формы, т.-е. негущихъ быть заданными лишь по утвержденіи Думы. Правительству придется или воздерживаться отъ нихъ, т.-е. оставлять настоятельныя государственныя нужды безъ удовлетворенія, или прибѣгать къ незаконнымъ средствамъ, т.-е. облекать въ форму административныхъ распоряженій постановленія, которыя по нашимъ основнымъ законамъ требуютъ изданія ихъ законодательнымъ порядкомъ.

Актъ 8 іюля неконституціоненъ не только по существу, но и по формѣ. Король и парламентъ—два независимыхъ и не подчиненныхъ другъ другу органа верховной власти, которые признаютъ надъ собою лишь одного владыку — законъ. Этотъ же законъ — ни воля короля, ни воля парламента, а воля государства, добываемая сложнымъ юридическимъ процессомъ, въ которомъ главными факторами являются король и парламентъ. Вотъ почему, — замѣчаетъ г. Алексѣевъ, — правительственный актъ, которымъ король распускаетъ парламентъ, никогда не можетъ носить и и когда не носить характера карательной мѣры по отношенію къ парламенту, имѣющей цѣлью обуздать и образумить непокорныхъ членовъ парламента и подчинить ихъ велѣніямъ королевскаго правительства.

Самый роспускъ парламента обставляется вездѣ извѣстными формальностями, гарантирующими его характеръ, какъ гласнаго акта правите-

ственной власти, и объявляется въ присутствіи палаты или королемъ лично или уполномоченнымъ министромъ.

У насъ же начальникъ полицейской охраны Думы былъ увѣдомленъ о роспускѣ прежде, чѣмъ объ этомъ узналъ председатель Думы...

Продолженіе статьи г. Алексѣева должно представлять значительный и несомнѣнный интересъ.

Ө. Арн.

Въ июльской книгѣ *Мира Божьяго* г. С. Кондурушкинъ продолжаетъ свои повѣствованія о сирійской жизни. Разсказъ называется «На рубежѣ пустыни». Мы не разъ уже отмѣчали у автора красивый пейзажъ; и теперь послѣдній сохраняетъ свои достоинства, иногда, впрочемъ, переходя въ манерность (горы—каменные груди земли, рѣки—ея разметавшіяся косы), по сравнительно съ прежними описаніями г. Кондурушкина онъ представляетъ мало новыхъ чертъ. Все тѣ же горы, безъ деревца, безъ кустика, точно «природа не успѣла еще набросить на нихъ зеленой одежды»,—а горы между тѣмъ въ этомъ «нагоми, грустномъ одиночествѣ» стоятъ уже тысячелѣтія. Тѣ же рѣки, дочери горъ, отдающія всѣ свои соки зеленымъ садамъ Дамаска,—а дальше разстилается желтая пустыня, убѣжище свободолюбивыхъ бедуиновъ. Она надвигается на дамасскую равнину волны желтаго песку.

Онъ прошелъ тысячеверстные поля, все засыпалъ, все похоронилъ по пути. Онъ засыпалъ долину рая,—то мѣсто, гдѣ человекъ впервые наложилъ на себя рабскія дѣла; онъ засыпалъ Ниневію и Вавилонъ—города ассирійскихъ тирановъ; онъ обратилъ въ пустыню ихъ роскошные сады, взощенные, политые слезами, потомъ и кровью сотенъ тысячъ невольниковъ; онъ засыпалъ Пальмиру, возникшую трудами рабовъ по слову деспота; онъ засыпалъ рѣки и озера... А гдѣ нельзя было засыпать, проползалъ подъ водой на другую сторону и двигался все дальше и дальше на западъ. Теперь пустыня хотѣла бы поглотить зеленую дамасскую равнину, согнать отсюда жакое стадо рабовъ, которое съ такой легкостью пасетъ дикое турецкое правительство. Она хотѣла на мѣстѣ рабства зеленой долины создать свободу песчаной пустыни, лѣтнимъ зноемъ, зимнимъ холодомъ и голодомъ разбудить живыхъ мертвецовъ и вдунуть въ ихъ боязливыя души чувство открытой злобы къ притѣснителямъ и любовь къ свободѣ.

Въ картинѣ, обильной интересными бытовыми штрихами, авторъ рисуетъ намъ жизнь Сиріи, это «кладбище живыхъ людей», лежащее у ногъ турецкаго падишаха.

Какъ крѣпко заслужъ подъ деспотическимъ гнетомъ своихъ правителей и подъ ласками благодатной природы этотъ талантливый, чуткій народъ! Всѣ народы древняго міра приходили сюда, къ подножію Антиливана съ дарами своего генія: древній Египетъ, Финикія, Индія, Персія, Греція и Римъ приносили свою культуру. Правда, многіе приносили ее на коняхъ и въ складкахъ своей боевой одежды, но все же это была высокая культура. Греки дали свою философію, римляне оставили послѣ себя величественныя сооруженія, Индія, Египетъ и Персія сообщили свои искусства и красоту домашнего обихода, наконецъ, арабы принесли съ собою огневую поэзію и богатый языкъ... Все умерло здѣсь! Только коварная природа сверкаетъ, блеститъ, переливается разными цвѣтами, да небо попрежнему безконечно прекрасно и величаво.

Не покорились туркам одни лишь кочующіе бедуины. Они—враги не только географической, но и нравственной осѣдлости. Они презираютъ людей, подчинившихъ себя чужому владычеству, людей-рабовъ.

Вотъ между свободными и порабощенными возникло кровавое столкновение. Жители села Атейбе убили одного бедуина изъ племени Руаля и съ тѣхъ поръ живутъ въ постоянномъ страхѣ: грозить имъ кровная месть. Поэтому жители Атейбе хотѣли бы примириться съ бедуинами. Христіанскій монахъ, мусульманскій шейхъ и другіе представители встревоженнаго села, захвативъ съ собою убійцу бедуина (увы! убившій забылъ совѣтъ: не бей кулакомъ по кончику шила, не ссорься съ бедуиномъ), ѣдутъ въ пустыню къ племени Руаля.

Сыны пустыни долго не хотѣли и слышать о примиреніи, тѣмъ болѣе, что въ то время какъ въ палаткѣ желтыхъ кочевниковъ шли объ этомъ переговоры,—мать убитаго пѣла скорбную пѣснь о томъ, что отняли у нея сына, прекраснаго сына, «жемчужину въ раковинѣ», вынули у нея сердце. Но позвали въ палатку горящую мать, и тогда разыгралась поразительная сцена.

Дѣло въ томъ, что убійца хотя и былъ среди участниковъ примирительной миссіи, но бедуины объ этомъ не знали. И вотъ христіанскій монахъ, уговаривая мать бедуина о прощеніи, вдругъ протиснулся въ толпу, вывелъ убійцу за руку къ женщинѣ и сказалъ: вотъ онъ убилъ твоего сына и будетъ тебѣ сыномъ вмѣсто него...

Бедуины вскочили. Послышался ропотъ сдержанный, но злобный. Женщина замахала руками; въ глазахъ ея блеснулъ огонь негодованія... Но убійца уже зналъ, что нужно дѣлать. Онъ вдругъ припалъ къ высохшей груди женщины, поймалъ бородатымъ ртомъ грязный сосокъ и началъ сосать его точно ребенокъ... Женщина громко заплакала. Многіе изъ присутствующихъ тоже прослезились. Принесли козницы: на шею убійцѣ накиннули бѣлое полотенце, и шейхъ бедуиновъ постригъ ему волосы на головѣ и бороде въ знакъ мира и радости.

Потомъ ночью въ пустынѣ былъ споръ съ бедуинами насчетъ свободы и зависимости. Бедуины говорили, что рабъ—врагъ самому себѣ: можетъ ли онъ быть кому-нибудь другомъ? Учитель села Атейбе Иса кричалъ, потрясая кулакомъ: развѣ мы тоже не арабы?! развѣ въ нашихъ жилахъ не течетъ кровь свободныхъ предковъ?!

Но люди, кромѣ бедуиновъ, утратили чувство свободы, и поэтому на возвратномъ пути въ Дамаскъ учитель Иса «совсѣмъ повялъ, и на лицѣ его была видна какая-то заботливая дума. Онъ наклонился ко мнѣ и шепотомъ повѣдалъ ее: боюсь, какъ бы не донесли на меня правительству, что я говорилъ тамъ... такіа слова...—Какія слова?—Да вотъ, что мы—арабы и предки наши были свободные»...

Да, возможно временное перемиріе между бедуинами и сельянами, но мира между ними быть не можетъ, потому что нельзя соединить въ одну семью свободныхъ и рабовъ.

Другой рассказъ г. Кондурушкина, напечатанный въ июньской книгѣ

Русскаго Богатства подъ заглавіемъ «Огарокъ», переносить читателя въ совершенно иную сферу.

Во время русско-японской войны осколками шимозы такъ ранило и контузило офицера Пилецкаго, что ему снесло всё мягкія части лица, выбило глаза, разбило нижнюю челюсть. На лицо ему наложили заплату изъ кожи, снятой съ его же руки,—и вотъ на мѣстѣ лица у него оказалась безобразная, рубчатая поверхность, безъ подбородка, такъ называемая въ медицинѣ осетринная морда. Обезображеніе удручающе дѣйствовало на офицера, и когда онъ, уже здоровый, но уродливый, эвакуировался въ санитарномъ поѣздѣ домой и слышалъ, какъ въ окна вагона струится холодокъ, идущій съ Байкала («Байкалъ, это—холодное сибирское сердце; оно бьется и разноситъ холодъ по всей странѣ»), тогда онъ думалъ: можетъ быть, если сильнѣе попросить Бога, то Онъ возвратитъ ему глаза и лицо? И Пилецкій сталъ молиться, какъ въ дѣтствѣ. «Все его существо плакало и просило: «Господи! Ну, что Тебѣ стоить сдѣлать меня здоровымъ, зрячимъ, красивымъ. Господи! У меня мать, жена, дѣти!... Добрый Боже, я не буду больше грѣшнить, не буду никого обижать, не буду лгать. Ну, Господи, Ты милостивый, всемогущій... Дай же, дай!...»

Но чуда не было, и вмѣсто лица оставалась страшная маска. Пилецкій рисовалъ себѣ картину, какъ пріѣдетъ онъ домой къ семьѣ, и какъ ужаснется мать, жена, дочка при видѣ безлицаго. А жена у него—молодая, здоровая, красивая...

Оттого Пилецкому и хочется вернуться домой, и страшно пріѣхать туда, гдѣ «ему будетъ сдѣланъ окончательный приговоръ, слѣта будетъ заживо панихида, гдѣ конецъ радостямъ жизни, вѣчная тьма въ душѣ и тѣлѣ».

На сборномъ пунктѣ, гдѣ остановился санитарный поѣздъ, Пилецкій увидѣлъ, что не его одного обошла смерть; онъ увидѣлъ нѣчто сѣрое, круглое, похожее на невѣдомаго звѣря, съ поджатыми лапами и горящими глазами: но это былъ не звѣрь, это былъ солдатъ безъ рукъ и безъ ногъ...

Пилецкій рѣшилъ не возвращаться домой, и его положили въ госпиталь. Тамъ онъ случайно услышалъ разговоръ о себѣ служителей: «не человекъ, а огарокъ»,—выразились о немъ. И продолжалъ голосъ: «Вотъ сегодня на сборномъ былъ солдатъ безъ рукъ, безъ ногъ, совсѣмъ никудышный. Не человекъ, а критикъ. Жени подарочекъ привезутъ. На, молъ, жена, кори!»

«Пилецкій почувствовалъ, будто въ груди у него потекла холодная вода. Слово, брошенное невзначай, подошло къ нему и грубо схватило его за больное мѣсто. Оно стояло передъ нимъ, такое простое и страшное, и нагло смѣялось прямо въ лицо!—Огарокъ свѣчки, спички, окурокъ папиросы—все, что угодно, только не человекъ. Огарокъ»...

Пилецкій разговаривалъ съ врачомъ о войнѣ. Исковерканный ею, онъ говорилъ, что войны не нужно, что «за одинъ взглядъ на Божій міръ, на дорогихъ, близкихъ можно отдать Манчжурію, Китай, всю Азію, всё царства міра».

Обезображенный человекъ, своимъ видомъ смертельно испугавшій сестру милосердія въ госпиталѣ, умоляя врача дать ему яду, потому что и на войнѣ жалостливѣе всѣхъ была для воюющихъ смерть. Докторъ, конечно, не послушался его, хотя и не могъ объяснить себѣ, почему этого нельзя сдѣлать. Онъ долго думалъ объ этомъ въ березовой рощѣ вокругъ госпиталя; тамъ было прекрасно и тихо: «казалось, что березки сорвутся со своихъ мѣстъ, начнутъ со смѣхомъ кружиться, бѣгать, потряхивая своими кудряшками, какъ толпа здоровыхъ, красивыхъ дѣтей». Было тихо. Лишь изрѣдка въ вышинѣ проносились вороны: «всѣ они съ торжествующимъ клекотомъ летѣли на востокъ, всѣ вороны со всего свѣта собираются и летятъ въ Манчжурію». Вдругъ въ природѣ стало твориться нѣчто необычное: зачался лѣсъ, и сосѣдняя березка, вмѣстѣ съ другими, «трепетно опустила сразу всѣ свои листья и зачалась, дрожа всѣми вѣтвями, точно собираясь упасть въ обморокъ». Это было землетрясеніе но, когда оно кончилось, въ природѣ и на душѣ у доктора стало радостно, свѣтло, успокоенно. Докторъ подумалъ, что радость природы охватила и Пилецкаго, что не осталось у него и слѣда отъ вчерашняго желанія смерти. Но докторъ ошибся: въ комнатѣ Пилецкаго висѣлъ его трупъ. Должно быть, больной обшарилъ стѣны, наткнулся на большой гвоздь и, разорвавъ простыню, связъ изъ нея веревку... «Перекошенная маска была обращена къ двери и бросалась прежде всего въ глаза. Но, мертвый, онъ не былъ такъ страшенъ, какъ живой».

Очеркъ г. Кондурушина производитъ впечатлѣніе, но только автору не удалось возвести рассказанный имъ трагическій случай на степень общей и типичной категоріи. Въ дѣйствительности жажда жизни, какой бы то ни было, лишь бы жизни, такъ велика у человека, что обезображенный офицеръ вовсе не долженъ былъ, въ силу внутренней необходимости, предпочесть смерть безобразію.

Въ той же книгѣ *Русская Богатства* находимъ тепло написанные рассказы А. Туркина изъ уральской жизни. У стараго Урала, который «осенью дикъ, какъ медвѣдь, собирающійся лечь въ берлогу», происходитъ много специфическаго горя, и молодой штейгеръ въ темную, осеннюю ночь тяжело думаетъ о немъ. Этой же ночью онъ узнаетъ, что въ рудникѣ задавило рабочаго Прохора, того самаго, которому штейгеръ каждый мѣсяцъ съ особеннымъ удовольствіемъ писалъ адресъ на конвертѣ съ деньгами, посылавшимися женѣ. Можетъ быть, и вызволили бы Прохора, если бы на рудникѣ оказался хоть фельдшеръ. Но объ этомъ не заботился главный инженеръ, «толстая пивка, грузно всосавшаяся въ жизнь», безчувственный «мундирный гиппопотамъ». А до завода было тридцать верстъ: какъ ихъ сдѣлать темной ночью, адской дорогой, болотами да кочками? И умеръ Прохоръ. И ужъ молодой штейгеръ не могъ смотрѣть на свою гитару, подъ аккомпаниментъ которой онъ любилъ въ мрачной казармѣ напѣвать чувствительные романсы.

Не везло и другому рабочему на рудниках—Ивану. Похоронилъ онъ любимую жену—«весной, когда снѣгъ бѣжалъ съ горъ, когда звонко переклипались звонкіе ручьи и мучительно хотѣлось жить». День похоронъ выдался славный. «Бѣжала торжествующая жизнь въ потокахъ солнца, глѣли птицы, въ вершинѣ пруда кричали съ прилета лебеди, и стояли стройныя сосны, душистыя, высокія и молчаливыя. И точно берегли онѣ людей, лежавшихъ подъ бѣлыми крестами»...

Потомъ женился Иванъ надругой. Вздумалъ онъ между дѣломъ вырыть колодець на покосѣ, выкопалъ яму и въ ней наткнулся на драгоценную руду. А жена Ивана мечтала купить лошадь. Вотъ она и думала, что если заявить кому слѣдуетъ о рудѣ, то и получать они нѣсколько денегъ. Дѣйствительно за подобную находку ассигнована была тысяча рублей, тѣмъ болѣе, что всѣ извѣстные рудники были уже выработаны и открытіе Ивана съ Дарьей воскрешало хирѣвшее дѣло. Но о тысячѣ рублей Иванъ и Дарья не знали, а знали о пей инженеры, и потому они выдали Ивану пятьдесятъ рублей. Онъ былъ въ восторгѣ, потому что Дарья наказывала ему просить не менѣе двадцати пяти. И сердце Ивана стучало отъ радости, когда онъ выходилъ изъ кабинета управляющаго. А управляющій, который его обокралъ, усмѣхнулся и процѣдилъ ему воскльдъ: ду-р-р-р-акъ!...

Бочегаръ Онисимъ Петровъ, у котораго жена при смерти и который самъ, хотя ему нѣтъ еще и сорока лѣтъ, представляетъ собою развалину и имѣетъ руки черныя какъ уголь, а лицо красное, не потому чтобы оно было здорово, а потому что оно было просто испечено, какъ яблоко,—Онисимъ Петровъ никогда не пѣлъ; а какъ только онъ виѣстѣ съ тысячами другихъ запѣлъ не то молитву, не то пѣсню въ бодромъ кортежѣ бастующихъ рабочихъ, то вдали запѣлъ и рожокъ, а потомъ раздался залпъ, и въ горлѣ у Онисима вдругъ зашипѣло и захлюпало, и Онисимъ сейчасъ же пересталъ пѣть и жить.

Можетъ быть, въ это самое время убили и гимназиста Гришу Иванова, ходившаго за краснымъ флагомъ. А недавно Гриша Ивановъ пріѣзжалъ на каникулы къ роднымъ на Уралъ. И было тогда прекрасно, потому что уральская весна «дышитъ зноемъ и развернувшейся страстью. Въ глубинѣ могучаго лѣса, взволнованнаго и разгоряченнаго, стоитъ удушливый ароматъ смолы... Черемухи, пышныя, пахучія, осыпанныя крушною росой, роняютъ на землю бѣлый жемчугъ цвѣтовъ, и въ душу вашу врывается странное чувство. Точно вы переживаете юность, точно вамъ жаль чего-то... И хочется почему-то крикнуть на весь лѣсъ молодымъ и сильнымъ голосомъ»... Когда узнала мать Гриши, что его убили, она повалилась головой на столъ и начала биться; а отецъ Гриши, строгій консерваторъ, судорожно выкрикивалъ: прокляты!

Отмѣтимъ еще своеобразно задуманный, но невыдержанный и мало обоснованный рассказъ В. Яшина «Денщикъ» (*Миръ Божій*, VI). Денщикъ Василенко изъ штундистовъ очень привязался къ студенту, который снималъ

комнату въ квартирѣ его барина-офицера. Гравюры на стѣнахъ, изящно представленная мебель, тонкая и гибкая дѣвушка, которая приходила къ студенту и только вела съ нимъ мирныя бесѣды,—все это умиляло Василенка, смутно чувшаго красоту. И была нравственная связь между студентомъ и денщикомъ; она особенно усилилась, когда студентъ пріютилъ у себя какого-то раненаго товарища и вмѣстѣ съ денщикомъ дни и ночи ухаживалъ за нимъ. Пребываніе раненаго должно было остаться для всѣхъ тайной, и Василенко дѣйствительно хранилъ ее. Но когда студентъ строго замѣтилъ денщику, чтобы онъ, согласно данному уже приказанію, сжигалъ окровавленную вату, а не носилъ ее по всему двору и не считалъ, что это «все одно», («дѣлайте то, что вамъ велятъ»),—то Василенко обидѣлся и остро почувствовалъ разницу между собою и студентомъ. Оскорбляло денщика и то, что онъ не зналъ, кто, собственно, его пациентъ и за что его избилъ. Студентъ не хотѣлъ ему этого сообщить и общалъ разъяснить все потомъ, когда больной выздоровѣетъ. Ныла обида въ сердцѣ денщика, и вотъ онъ пошелъ въ дворницкую и рассказалъ о таинственномъ пациентѣ. Вскорѣ послѣ этого явились жандармы и разорвали гравюры на стѣнахъ (они искали, не спрятано ли чего-нибудь въ рамахъ), и увезли студента и больного. Потомъ пришла та самая дѣвушка, тонкая и гибкая, которая чаровала Василенка, и съ ужасомъ узнала о случившемся. Ужасъ этотъ больно ударилъ совѣсть денщика. Дѣвушка вошла въ осиротѣлую комнату и задумалась. Денщику она не сказала, о чемъ думала, хотя вмѣстѣ со студентомъ, втроемъ выхаживали они больного, вмѣстѣ жажгли. И Василенко, воспринявшій было духомъ и почувствовавшій въ себѣ силы воспринять красоту, которая смотрѣла на него хотя бы съ этой маленькой гравюры, уцѣлѣвшей отъ жандармскихъ рукъ,—Василенко теперь окончательно понималъ, какъ далеки отъ него оба—и студентъ, и дѣвушка.

Въ новомъ журналѣ *Золотое Руно*, блещущемъ во всякомъ случаѣ не литературной стороною, выдается, однако, поэма Д. С. Мережковскаго «Старинныя октавы».

Талантливый авторъ говорить, что онъ давно мечталъ «въ стѣсненные границы мѣры трудной», въ «тройныя пѣли октавы» заключить вольный русскій языкъ. И это ему блестяще удалось, хотя отъ октавы съ ея искусственностью не можетъ и не вѣять холодокъ и не можетъ въ ней не отсутствовать сжатость. А по содержанію поэма г. Мережковскаго представляетъ собою «безхитростный дневникъ, не повѣсть», въ которомъ авторъ «зоветъ на судъ и жизнь свою, и совѣсть». Въ звучныхъ строфахъ поэтической автобіографіи выступаютъ передъ нами, какъ живые, образы матери, отца и даже эконожки Амалии Христіановны, которой посвящаетъ Мережковскій теплыя строки:

LI.

.....
 Она свершила подвигъ безъ награды.
 Какъ мало въ жизни было ей отрады!

III.

Какъ много скуки, горестныхъ минутъ,
 Людскихъ обидъ, и холода, и злости!
 И вотъ она забыта, и гниютъ
 Въ невѣдомой могилѣ на погостѣ,
 Найдя послѣдній отдыхъ и пріютъ,
 Измученныя, старческія кости...
 Какъ по землѣ—тѣней людскихъ тѣмы темъ,—
 И ты прошла,—Богъ вѣсть, куда, вачѣмъ...

Бартыны родного дома, дѣтства и юности проходятъ одна за другою въ ритмѣ искусныхъ стиховъ; чувствуется тяжелая рука отца, суроваго отца, и его разладъ со старшимъ сыномъ, который радовался, что «при- сяжные Засуличъ оправдали», и въ концѣ-концовъ долженъ былъ покинуть семью. Интересно, что г. Мережковский указываетъ, какъ уже въ ранней юности зародилась у него та проблема, которая составляетъ неизмѣнный предметъ всѣхъ его новѣйшихъ произведеній: разладъ духа и плоти, вражда между «владыгой тѣмы» и «ангеломъ райа»:

XII.

.....
 Уже тогда съ младенческихъ временъ
 Лукавымъ духомъ, Ябусомъ великимъ,
 Неопытный мой умъ былъ соблазненъ,
 И съ этихъ поръ я съ ужасомъ великимъ
 Всю жизнь внималъ, какъ съ Богомъ спорить бѣсъ,
 Духъ грѣшной плоти съ ангеломъ небесъ.

XIII.

Тотъ узелъ Гордіевъ чей мечъ разрубить?
 О, если бы рѣшить я только могъ,
 Кого душа моя сильнѣе любить,
 Кто сердцу ближе: Демонъ или Богъ!
 Ихъ двойственный соблазнъ меня погубитъ:
 Я все еще стою межъ двухъ дорогъ,
 И съ прачкой Леной *) борется богиня—
 Съ кошунствомъ вѣчнымъ—вѣчная святыня.

Но особенно свѣтлое впечатлѣніе производятъ строфы, посвященныя нѣжной матери; и кончается поэма призывомъ къ ней, умершей, но неуми- рающей въ душѣ поэта-сына:

CXIV.

Сотрешь съ чехъ въ предсмертной тишинѣ
 Холодный потъ моей послѣдней муки,
 Чтобъ слаще мнѣ спалось въ могильномъ снѣ,
 Бавкая, на любящія руки
 Возьмешь меня и тихо скажешь мнѣ:

*) „Первая любовь“ героя поэмы.

„Не бойся же,—пѣть смерти, пѣть разлуки.
Тебѣ я пѣсню прежнюю спю,—
Уши, мой мальчикъ, баюшки—баю“.

СХУ.

Великаго обѣта не нарушу:
О, мама, скоро я къ тебѣ приду!
Какъ погибающій пловецъ—на сушу,
Стремлюсь къ тебѣ и радуюсь, и жду:
Душа обниметь родственную душу,
Въ твоихъ чертахъ любимыхъ я найду,—
Какъ разрѣшишь ты всѣ земныя узы,—
Черты моей богини, вѣчной Музы.

д.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I.

Роспускъ Государственной Думы и его мотивы.—Запросы объ организаціи погромовъ.—Рѣчь князя Урусова.—Исслѣдованіе думской комиссіи быlostокскаго погрома.—Негласное правительство.—Аграрный вопросъ въ Думѣ.—Правительственное сообщеніе по аграрному вопросу и отвѣтное разъясненіе Думы.—Послѣдствія роспуска Думы.

Важѣйшимъ событіемъ прошлаго мѣсяца былъ роспускъ Государственной Думы. Событіе это, бывшее совершенно неожиданнымъ, еще разъ доказало, какъ вообще шатки и неустойчивы основы нашего политическаго строя. Еще за нѣсколько дней до 8 іюля, когда былъ изданъ указъ правительствующему сенату о роспускѣ Думы, не только въ широкихъ общественныхъ кругахъ и въ газетахъ, но и въ правительственныхъ сферахъ шли разговоры о возможной замѣнѣ министерства Горемыкина министерствомъ, взятымъ изъ среды думскаго большинства, и ожиданія такой замѣны имѣли, по крайней мѣрѣ, столь же серьезныя основанія, какъ и ожиданія роспуска Думы. Какъ конусъ, стоящій на одной вершинной точкѣ, нашъ государственный механизмъ могъ съ совершенно одинаковой вѣроятностью покачнуться какъ въ одну, такъ и въ другую сторону: въ сторону прогресса или реакціи. Онъ покачнулся въ послѣднюю—и дѣятельность Думы была прекращена. Мотивы этого прекращенія были высказаны въ изданномъ 9 іюля Высочайшемъ манифестѣ, въ которомъ сказано, что «выборные отъ населенія, вмѣсто работы строительства законодательнаго, уклонились въ непринужденную имъ область и обратились къ разслѣдованію дѣйствій поставленныхъ отъ насъ мѣстныхъ властей, къ указаніямъ намъ на несовершенство законовъ основныхъ, измѣненія которыхъ могутъ быть предприняты лишь Нашею Монаршею волею и къ дѣйствіямъ явно незаконнымъ, какъ обращеніе отъ лица Думы къ населенію». Переводя эти выраженія манифеста на языкъ конкретныхъ фактовъ, слѣдуетъ, повидимому, придти къ заключенію, что въ вину Думѣ были, главнымъ образомъ, поставлены, съ одной стороны, попытки ея къ дѣятельному вмѣшательству въ распоряженія администраціи, выразившіяся

въ многочисленныхъ запросахъ и въ предпринятомъ ею изслѣдованіи Бѣлостокскаго погрома, а съ другой—упорное отстаиваніе ею своихъ взглядовъ на рѣшеніе аграрнаго вопроса путемъ принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель, что министерствомъ признавалось недопустимымъ. Поэтому, чтобы вѣрно судить объ основныхъ причинахъ остраго конфликта между Думой и остальнымъ правительствомъ, надо уяснить себѣ въ особенности истинное значеніе этихъ двухъ эпизодовъ думской дѣятельности. Первый изъ нихъ состоялъ въ слѣдующемъ: 1 июня въ городѣ Бѣлостокѣ произошелъ еврейскій погромъ, продолжавшійся три дня и отличавшійся большой жестокостью. Первое официальное извѣщеніе о немъ, исходившее отъ мѣстнаго генераль-губернатора, изображало дѣло такъ, что поводъ къ погрому данъ былъ евреями, бросившими бомбу и стрѣлявшими изъ револьверовъ въ проходившую по городу православную процессію. Послѣ этого христіане начали громить лавки и избивать евреевъ. Были вызваны войска, болѣе двухъ полковъ пѣхоты и вся бывшая въ городѣ кавалерія. Тѣмъ не менѣе еще два дня продолжалась стрѣльба: евреи стрѣляли въ христіанъ, а войска имъ отвѣчали. Въ результатѣ оказалось, что евреевъ было убито 78, ранено 84, нижнихъ чиновъ ранено 4. Войска дѣйствовали правильно и только благодаря ихъ самоотверженной работѣ порядокъ былъ восстановленъ сравнительно быстро. Частныя извѣстія рисовали иначе картину погрома. Утверждали, что онъ подготовлялся заранѣе и что мѣстной полиціи это было извѣстно. Первые выстрѣлы, произведенные неизвѣстно кѣмъ, послужили только сигналомъ къ убійствамъ и грабежу. Никакихъ мѣръ къ прекращенію начавшагося погрома не было принято. Войска, которыхъ было бы для этого вполне достаточно, или бездѣйствовали, или помогали погромщикамъ, стрѣлая въ евреевъ и въ еврейскіе дома, которые послѣ этого подвергались разграбленію, а изъ чиновъ полиціи многіе сами принимали участіе въ грабежѣ. Когда свѣдѣнія о бѣлостокскихъ происшествіяхъ дошли до Думы, то естественно они произвели тамъ потрясающее впечатлѣніе. Конечно бѣлостокскій погромъ былъ только повтореніемъ того, что ранѣе происходило въ Кишиневѣ, Гомелѣ, Одессѣ, не считая тѣхъ мѣстъ, гдѣ объектомъ погромовъ было не еврейство, а мѣстная интеллигенція; нѣкоторые изъ этихъ погромовъ, наприм., Томскій, по числу жертвъ были еще ужаснѣе бѣлостокскаго. Но въ то время Думы не было и поэтому свѣдѣнія о погромахъ не шли дальше газетъ, если же въ нѣкоторыхъ случаяхъ правительствомъ и производились о нихъ дознанія, то результаты этихъ дознаній остались въ министерскихъ канцеляріяхъ. Общественное мнѣніе и тогда утверждало, что большая часть погромовъ еврейскихъ и нееврейскихъ происходила при участіи мѣстной администраціи, получавшей даже, какъ говорили, внушенія и указанія свыше. Насколько такія предположенія были справедливы, такъ и осталось не разъясненнымъ. Теперь, когда общественное мнѣніе получило свое выраженіе въ такомъ властномъ учрежденіи, какъ Государственная Дума, въ число правъ и обязанностей которой

входилъ контроль за законоуѣрной дѣятельностью администраціи, вопросъ о погромахъ и объ отношеніи къ нимъ правительства необходимо долженъ былъ выдвинуться. Поэтому еще 12 мая, черезъ двѣ недѣли послѣ открытія Думы, она сдѣлала запросъ министру внутреннихъ дѣлъ относительно оглашенныхъ въ печати дѣйствій департамента полиціи, печатавшаго воззванія къ избіенію евреевъ и интеллигенціи, послѣдствіемъ которыхъ могли быть погромы, происшедшіе въ послѣднее время въ Вологдѣ, Калязинѣ, Царицынѣ и другихъ мѣстахъ. Во время полученія извѣстія о бѣлостокскомъ погромѣ отвѣтъ на этотъ запросъ еще не былъ полученъ отъ министра. Но бѣлостокскія извѣстія произвели на членовъ Думы такое впечатлѣніе, что это лишь новое звено въ общей цѣпи погромовъ, устраиваемыхъ при содѣйствіи администраціи. «Мы не должны смотрѣть на Бѣлостокъ,—говорилъ депутатъ Левинъ,—какъ на отдѣльный случай. Это только глава изъ обширной книги еврейскихъ погромовъ. Русское правительство всегда прибѣгало къ нимъ, когда нужно было отвлечь вниманіе народа отъ его дѣйствительныхъ насущныхъ интересовъ. Теперь оно снова, для того, чтобы спасти свое положеніе, хочетъ толкнуть темныя народныя массы на устройство еврейскихъ погромовъ». Дума немедленно постановила обратиться съ запросомъ къ правительству о томъ: 1) принимаются ли въ Бѣлостокѣ мѣры къ защитѣ еврейскаго населенія и 2) что намѣрено предпринять министерство для предупрежденія убійствъ, грабежей и насилій надъ еврейскимъ населеніемъ въ другихъ мѣстностяхъ имперіи. Депутатъ Аладьинъ предложилъ не ограничиваться запросомъ, а передать дѣло о бѣлостокскомъ погромѣ въ комиссію для разслѣдованія виновности въ немъ администраціи и немедленно же послать нѣсколько депутатовъ для собранія свѣдѣній на мѣстѣ. «Гдѣ льется народная кровь,—сказалъ онъ,—тамъ должны быть и представители народа». Дума единогласно приняла это предложеніе и избранные депутаты: Щепкинъ, Араканцевъ и Якубсонъ немедленно же отправились въ Бѣлостокъ. Между тѣмъ 8 іюня министръ внутреннихъ дѣлъ нашелъ, наконецъ, возможнымъ отвѣтить на вышесказанный запросъ отъ 12 мая. Сущность объясненій министра сводится къ тому, что по вопросу о печатаніи департаментомъ полиціи и распространеніи черезъ служащихъ въ немъ должностныхъ лицъ воззваній, возбуждавшихъ одну часть населенія противъ другой, министръ, не отрицая самыхъ фактовъ, указывалъ на то, что эти неправильныя дѣйствія совершались отдѣльными лицами, а департаментъ полиціи, какъ только до него доходили свѣдѣнія о нихъ, принималъ мѣры къ ихъ прекращенію. И на будущее время министерство обязывается принять самыя энергическія мѣры къ тому, чтобы ничего подобнаго не повторялось. Относительно погромовъ въ Вологдѣ, Калязинѣ и Царицынѣ министръ, признавая, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствія полиціи давали основательные поводы къ нареканіямъ, объяснялъ самое возникновеніе безпорядковъ народнымъ негодованіемъ противъ революціонеровъ, трудность же прекращенія ихъ малочисленностью полиціи и военной силы. Министру отвѣчалъ

депутатъ князь Урусовъ, бывший ранѣе товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Рѣчь его, произведшая громадное впечатлѣніе не только во всей Россіи, но и за границей, дала возможность бросить свѣтъ на тѣ мрачныя и до сихъ поръ бывшіе совершенно недоступными тайныя лабораторіи, въ которыхъ фабриковались погромы. Сначала князь Урусовъ далъ общій очеркъ погромовъ. «Погрому,—сказалъ онъ,—всегда предшествуютъ слухи о его подготовленіи, сопровождаемые распространениемъ возбуждающихъ населеніе воззваній, однородныхъ по стилю и содержанію и появленіемъ своего рода буревѣстниковъ въ лицѣ мало кому извѣстныхъ представителей подонковъ населенія. Затѣмъ официально указываемый при возникновеніи погрома поводъ его всегда впоследствии оказывается ложнымъ. Далѣе въ дѣйствіяхъ погромщиковъ усматривается извѣстная плановѣрность, лишающая эти дѣйствія характера случайнаго, стихійнаго явленія. Погромщики дѣйствуютъ въ сознаніи какого-то права, въ сознаніи безнаказанности, и дѣйствуютъ лишь до тѣхъ поръ, пока это сознаніе не будетъ въ нихъ поколеблено, послѣ чего погромъ прекращается быстро и легко. Еще далѣе, въ дѣйствіяхъ полиціи никогда не бываетъ единства и въ то время, какъ нѣкоторые полицейскіе участки подвергаются сплошному разгрому при наличности значительныхъ полицейскихъ силъ, другіе участки остаются почти нетронутыми вслѣдствіе охраны ихъ полицейскими чинами, исполнявшими свой долгъ увѣренно и энергично. Наконецъ, погромъ прекращенъ, произведены аресты и посѣщающее арестантовъ начальство не можетъ избѣгнуть впечатлѣнія, что передъ нимъ стоятъ не столько преступники, сколько обманутые кѣмъ-то темные люди».

Сдѣлавши такую мастерскую общую характеристику нашихъ погромовъ, князь Урусовъ перешелъ къ фактамъ, сообщенія о которыхъ въ устахъ бывшаго товарища министра внутреннихъ дѣлъ получаютъ, конечно, особое значеніе. Оказывается, что погромы производились особой обширной организаціей, въ составъ которой входила «группа лицъ, составляющихъ какъ бы боевую дружину одного изъ нашихъ «патріотическихкихъ» собраний, близко стоящими къ редакціи одной изъ петербургской газеты. Этой группой лицъ распространялись воззванія, призывавшія къ истребленію краснорядниковъ, но распространялись они на мѣстахъ съ помощью союзниковъ изъ среды мѣстной полиціи, причѣмъ не всѣ чины полиціи принимали участіе въ этомъ дѣлѣ, а между ними дѣлался выборъ. Затѣмъ «у кого-нибудь изъ служащихъ въ жандармскомъ управленіи или въ охранномъ отдѣленіи появлялись какія-то особыя суммы, къ нимъ начинало ходить какіе-то темные люди, въ городѣ появлялись слухи о какихъ-то приготовленіяхъ». Губернаторъ увѣщевалъ быть спокойными, изъ министерства летѣли телеграммы объ охраненіи спокойствія, но всему это не довѣряли ни населеніе, ни полиція. Чины послѣдней иногда добровѣстно полагали, что мѣры къ успокоенію принимаются только для виду и прислушивались поверхъ губернаторскихъ приказаній къ какому-то дѣлу издадека, которому они больше вѣрили и который они принимали

за выраженіе истинныхъ намѣреній правительства. Все это, конечно, производило полную деморализацію власти. Еще осенью 1906 г. въ отдаленной комнатѣ департамента полиціи сталъ работать печатный станокъ, приобрѣтенный на казенныя суммы. Въ нему былъ приставленъ жандармскій офицеръ въ штатскомъ платьѣ, Комиссаровъ, который и готовилъ выше-сказанныя воззванія. Все дѣло велось такъ конспиративно, что о немъ мало кто зналъ даже въ департаментѣ полиціи.

Работа, повидимому, шла успѣшно, такъ какъ на вопросъ о ходѣ дѣлъ Комиссаровъ отвѣчалъ: «Погромъ устроимъ какой угодно, хотите на десять человѣкъ, хотите на десять тысячъ». Въ Кіевѣ на 3 февраля былъ назначенъ погромъ на десять тысячъ, но его удалось предотвратить. Узнавши эти факты, предсѣдатель совѣта министровъ испыталъ, говорятъ, припадокъ астмы; онъ вызвалъ къ себѣ Комиссарова и послѣ его доклада департаментская типографія исчезла со всѣмъ въ ней бывшимъ, такъ что теперь и министръ внутреннихъ дѣлъ лишенъ возможности узнать имена лицъ, распорядившихся организаціей, обеспечивавшихъ ее безнаказанность и магически дѣйствовавшихъ на полицейскихъ и другихъ правительственныхъ чиновниковъ, которые за свое усердіе въ содѣйствіи этой организаціи получали даже повышенія и награды. Изъ всего этого князь Урусовъ сдѣлалъ прежде всего тотъ выводъ, что какое министерство, какихъ бы взглядовъ оно ни держалось само, не можетъ дать серьезныхъ гарантій относительно прекращенія дѣятельности погромныхъ организацій, такъ какъ главные вдохновители ихъ находятся внѣ сферы вліянія министерства; другой выводъ, касавшійся самой Думы и оказавшійся пророческимъ, былъ тотъ, что тѣ же темныя силы, которыя устраивали погромы, вооружены и противъ Думы, ограждаютъ отъ нея верховную власть и подрываютъ довѣріе ея къ «революціонной» дѣятельности Думы. «Здѣсь, — закончилъ ораторъ, — скрывается большая опасность и она не исчезнетъ, пока на дѣла управленія и на судьбы страны будутъ оказывать вліяніе люди по воспитанію вахмистры и городовые, а по убѣжденіямъ погромщики». Рѣчь князя Урусова вызвала дружные и шумные аплодисменты всей Думы и произвела, можно сказать, потрясающее впечатлѣніе во всемъ обществѣ, выразившееся и въ литературѣ въ такихъ, напр., статьяхъ, какъ статья «Сановные погромщики» напечатанная въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*. «Какой честный человѣкъ, — говоритъ авторъ, — захочетъ теперь остаться въ одномъ ряду съ людьми, руки которыхъ не могутъ быть отмыты отъ массы покрывающей ихъ крови? Пусть этотъ честный человѣкъ представитъ себѣ, что въ тотъ моментъ, когда онъ искренно защищалъ свои мысли и радостно находилъ въ нихъ отраженіе въ народномъ негодованіи или народномъ восторгѣ, это негодованіе и восторгъ хладнокровно фабриковались въ департаментѣ полиціи, — фабриковались изъ крови и труповъ. Пусть этотъ человѣкъ вдумается на минуту въ страшный смыслъ циничныхъ словъ, сказанныхъ однимъ изъ агентовъ всемогущаго убѣжденія: «Захотимъ, — устроимъ по-

громъ на 10 человекъ, захотимъ, — на 10 тысячъ». Онъ пойметъ тогда, что режимъ, нуждающийся для своей поддержки въ такихъ средствахъ, — позорный режимъ и нельзя болѣе, защищая его, оставаться честнымъ человекомъ». Разоблаченія, сдѣланныя княземъ Урусовымъ, были дополнены и нѣкоторыми другими членами Думы; въ особенности содержательна была рѣчь депутата Винавера, указавшаго на то, что страшно становится за будущее не только потому, что между Думой и Верховной властью стоятъ лица, столь мѣтко охарактеризованные княземъ Урусовымъ, но и потому что представители исполнительной власти — министры, слишкомъ ограниченно понимаютъ значеніе выясненныхъ фактовъ. Не въ томъ дѣло, что тотъ или другой чиновникъ вѣшался въ политическую борьбу, а въ томъ, что правительственная власть дѣйствуетъ средствами, небывальными въ исторіи культурнаго человѣчества.

Когда чиновникъ, служащій въ министерствѣ, ротмистръ Будаговскій доноситъ по начальству, что «въ дѣлѣ борьбы съ революционнымъ движеніемъ распространенныя имъ воззванія оказали существенную пользу», а это были воззванія «противъ жидовъ и ихъ учредителей и братьевъ социаль-демократовъ» — то донесеніе это принимается какъ нѣчто нормальное, какъ бумага за номеромъ, адресованная къ начальству, и направляется въ «особый» отдѣлъ департамента, который существуетъ тайно, внѣ всякой связи съ извѣстными органами власти. Онъ получаетъ донесенія и посылаетъ приказы. Начальникомъ отдѣла, получившимъ донесеніе Будаговскаго, былъ Тимоѣевъ, передавшій его завѣдывавшему полиціей Рачковскому. На этой бумагѣ была помѣтка: «это воззваніе союза 17 октября и безусловно направливаетъ населеніе противъ евреевъ. Бумага съ ноября ходила изъ рукъ въ руки, пока въ февралѣ не попала къ чиновнику Макарову, черезъ котораго она и сдѣлалась извѣстной. Министръ говоритъ, что Будаговскій получилъ предупрежденіе. А что получили Тимоѣевъ и Рачковскій, знавшіе о дѣйствіяхъ Будаговскаго и ничего не сдѣлавшіе, чтобы остановить его? Рачковскій, переименованный изъ вице-директора департамента полиціи въ чиновника особыхъ порученій, получилъ награду въ 75 тысячъ и продолжаетъ ту же дѣятельность, какъ и въ званіи вице-директора. Тимоѣевъ, завѣдующій особымъ отдѣломъ департамента, сопровождалъ генерала Трепова во всѣхъ занимаемыхъ имъ должностяхъ и теперь состоитъ при немъ какъ дворцовомъ комендантѣ. Далѣе ораторъ рассказываетъ о второмъ погромѣ въ Гомелѣ, о которомъ производилъ разслѣдованіе чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ Савичъ. По отчету Савича оказывается, что на этотъ разъ не было даже никакихъ мѣстныхъ погромщиковъ, а была лишь толпа поджигателей человекъ въ 15 въ казачьей формѣ, снабженная оружіемъ помощникомъ начальника жандармскаго управленія. Тамъ была и тайная типографія, отобранная у революціонеровъ и переданная властями союзу русскихъ патриотовъ для печатанія воззваній къ погромамъ. Депутатъ Набоковъ указалъ на то, что въ Вологодскомъ погромѣ руководящая роль принадлежала

ротмистру Пышкину, который дѣлалъ такія распоряженія по телефону: «Черной сотни не тронь, въ революціонеровъ стрѣлай, патроновъ не жалѣй!» Когда во время погрома полицеймейстеръ обратился къ стражникамъ со словами, что нужно будетъ стрѣлять, то стражники отвѣчали: «мы будемъ стрѣлять, если прикажетъ ротмистръ Пышкинъ». Изъ всѣхъ этихъ фактовъ оказывается, что въ Россіи существуетъ два правительства, явное и тайное. Вологодскій губернаторъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы остановить погромъ, даже самъ былъ раненъ при этомъ, и ничего не могъ сдѣлать. Когда онъ понялъ, что рядомъ съ нимъ распоряжается ротмистръ Пышкинъ и что ему, губернатору, при такихъ условіяхъ нечего и дѣлать, то онъ вышелъ въ отставку, примѣръ, какъ выразился депутатъ Набоковъ, съ точки зрѣнія личнаго достоинства заслуживающій поощренія.

28 іюня члены Думской комиссіи, производившей изслѣдованіе въ Бѣлостокѣ, представили свой докладъ. На другой день о томъ же Бѣлостокскомъ погромѣ было напечатано въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* правительственное сообщеніе. Какъ и въ первыхъ извѣстіяхъ, картина погрома въ освѣщеніи общественномъ и правительственномъ получилась совершенно различная. Въ заключеніи Думской комиссіи прежде всего обращается вниманіе на планоустроенность произведеннаго погрома. О погромѣ знали заранѣе, къ нему готовились, даже указывали день его; низшіе органы полицейской власти распространяли выдумки о злодѣйствахъ евреевъ. Затѣмъ если бы погромъ, какъ говорили, возникъ вслѣдствіе того, что евреи стрѣляли въ христіанскую процессію, то онъ бы и начался только на самомъ мѣстѣ стрѣльбы, а не сразу во многихъ мѣстахъ, какъ бы по сигналу. Еще задолго до погрома еврейское общество указывало губернатору на пристава Шереметева какъ на организатора погрома, указывавшаго даже день, когда онъ будетъ, но изъ этого ничего не вышло. Когда въ указанный день погромъ дѣйствительно начался, то въ Бѣлостокъ пріѣхалъ губернаторъ, долгое время оставался на вокзалѣ, затѣмъ сѣзидилъ въ полицейское управленіе, гдѣ видѣлся съ генераломъ Богаевскимъ, при чемъ, проѣзжая по улицамъ, видѣлъ убитыхъ и раненыхъ; на самомъ вокзалѣ въ это время происходило избіеніе евреевъ. Тѣмъ не менѣе губернаторъ не принялъ никакихъ мѣръ и уѣхалъ въ Вильно къ генералъ-губернатору. Въ то же время Бѣлостокскій полицеймейстеръ «заболѣлъ» и сложилъ съ себя свои обязанности. Все это наводитъ на мысль, что во время пребыванія своего въ Бѣлостокѣ губернаторъ не имѣлъ власти, которая находилась въ чьихъ-то неизвѣстныхъ рукахъ, такъ какъ формально военное положеніе было введено только 3 іюня, т.-е. на третій день погрома. Утромъ 2 іюня члены Думы Ягубсонъ и Шефтель по телеграфу просили министра внутреннихъ дѣлъ о прекращеніи погрома и получили отвѣтъ, что немедленно будетъ сдѣлано по телеграфу распоряженіе о принятіи дѣйствительныхъ мѣръ. Однако избіенія продолжались и 2 и 3 іюня. Очевидно на мѣстѣ не находили нуж-

нымъ считаться съ предписаніями министра, потому что была какая-и власть болѣе сильная, обеспечивавшая безнаказанность погромщиковъ, можетъ быть извѣстная, а можетъ быть и неизвѣстная явной власти. Полиція не принимала никакихъ мѣръ къ прекращенію погрома, напротивъ, разжигала темныя силы, распуская ложные слухи о злодѣйствахъ евреевъ, и сама принимала участіе въ разграбленіи имущества и распоряжалась разстрѣлами и убійствами. Военныя власти еще до введенія военного положенія захватили въ свои руки всѣ распоряженія въ городѣ: вооруженные солдаты по указаніямъ городскихъ и предводительствуемыхъ ими хулигановъ, а иногда и по собственной инициативѣ разстрѣливали безоружныхъ евреевъ, даже и не оказывавшихъ никакого сопротивленія. Словомъ изъ доклада Думской комиссіи получается та же самая картина Бѣлостокскаго погрома, какъ и въ другихъ раньше бывшихъ погромахъ, заставляющая предполагать тѣ же причины его происхожденія, которыя были указаны въ рѣчи князя Урусова. Само собой разумѣется, что въ правительственномъ сообщеніи дѣло рисуется совсѣмъ иначе. Въ немъ повторяется то же неподтвердившееся извѣстіе, которое было и раньше, о бросаніи евреями бомбъ въ церковную процессію и обстрѣливаніи ея, что будто бы и вызвало разгромъ евреевъ со стороны населенія, прекращенный усиліями полиціи и войскъ. Точно такія же объясненія давались всегда и раньше по поводу погромовъ въ Вишневѣ, Гомелѣ и другихъ мѣстахъ. Отвергая слухи, что будто Бѣлостокскій погромъ былъ подготовленъ при участіи мѣстной администраціи и войскъ, правительственное сообщеніе утверждаетъ, что причины его слѣдуетъ искать въ дѣятельности мѣстныхъ революціонныхъ организацій, доведшихъ непрерывнымъ рядомъ посягательствъ (перечисленныхъ въ сообщеніи) мирное населеніе до крайняго озлобленія и разстроившихъ полицію, которая, вслѣдствіе постоянныхъ убійствъ полицейскихъ чиновъ, пришла въ состояніе угнетенности и апатіи, почему и не могла предупредить и остановить безпорядки. О вѣроятности обѣихъ версій можно судить, напр., по тому, что поименованныя въ правительственномъ сообщеніи лица, раненныя будто бы бомбой, брошенной въ процессію, оказались ранеными солдатскими пулями. Нельзя не обратить также вниманія на то, что въ результатѣ стрѣльбы по войскамъ, производившейся будто бы евреями изъ домовъ, оказалось всего три или четыре раненыхъ солдата, да и то имена ихъ остались неизвѣстны.

Въ Думѣ почти единогласно было высказано мнѣніе о бѣлостокскихъ событіяхъ сходное съ докладомъ депутатовъ. Только одинъ депутатъ С - ховичъ утверждалъ, что докладъ этотъ основанъ на недостаточно проверенныхъ данныхъ, что не заслушаны объясненія обвиняемыхъ, т.-е. правительства, на что депутатъ Кокоскинъ совершенно основательно возмѣлъ, что эти показанія должны бы были быть даны въ Думѣ министромъ, а между тѣмъ министерство молчитъ, предоставляя защиту правительства г. Стаховичу. Въ Думской резолюціи, редактированной депут.

томъ Бюкошкинымъ, высказано было, «что разгромъ мирнаго еврейскаго населенія въ Бѣлостокъ былъ вызванъ и поддерживался не враждою христіанскаго населенія къ евреямъ, а исключительно планомѣрными дѣйствіями властей; что дѣйствія эти должны лечь на отвѣтственность не однихъ мѣстныхъ органовъ власти, но главнымъ образомъ центральнаго правительства, которое путемъ подпольной литературной пропаганды, руководимой чинами министерства внутреннихъ дѣлъ, соорганизовало повсемѣстно въ Россіи военные и полицейскіе кадры, готовые во всякое время вступить на безоружное еврейское населеніе... что правительственное сообщеніе, замалчивающее истину... является доказательствомъ того, что само правительство, сознающее свое безсіе въ борьбѣ съ революціей, стремится къ подавленію ея посредствомъ устрашающихъ экспедицій противъ мирныхъ гражданъ». Такимъ образомъ разслѣдованіе Бѣлостокскаго погрома ни въ чемъ не измѣнило сужденія объ общей природѣ нашихъ погромовъ, вынесеннаго какъ Думой, такъ и всѣмъ русскимъ обществомъ изъ бывшихъ раньше фактовъ такого рода, наиболѣе полно резюмированныхъ въ Думской рѣчи князя Урусова.

Какъ смотрѣть на дѣйствія Думы въ этомъ случаѣ? Выше мы видѣли, что «разслѣдованіе дѣйствій мѣстныхъ властей» было поставлено въ вину Думѣ, какъ такое нарушеніе ея правъ или обязанностей, которое можетъ служить достаточнымъ мотивомъ для ея распушенія. Формально это разслѣдованіе не выходитъ изъ предѣловъ предоставленныхъ Думѣ 66 статей основныхъ законовъ, да и врядъ ли дѣйствія Думы могли привести правительство къ такому рѣшительному и рискованному шагу, какъ распушеніе Думы, если бы въ нихъ усматривалось лишь нарушеніе формальнаго закона. Но дѣло въ томъ, что результаты этого разслѣдованія до такой степени важны, что, рассматривая ихъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, слѣдуетъ признать, что дѣйствія Думы или составляютъ величайшую ея заслугу передъ страной, или совершенно не могутъ быть терпимы. Важнѣйшимъ изъ этихъ результатовъ должно конечно считаться раскрытіе того отнынѣ несомнѣннаго факта, что въ Россіи, несмотря на существованіе какъ бы нѣкотораго подобія конституціоннаго строя, съ основными законами, законодательными учрежденіями въ видѣ двухъ палатъ и исполнительной властью въ видѣ однороднаго по составу министерства, въ дѣйствительности всѣмъ управляетъ негласно правительство, которое одно только и имѣетъ дѣйствительную силу, такъ какъ и министерство вмѣстѣ со всей администраціей имѣетъ какое-нибудь значеніе лишь постольку, поскольку оно въ своихъ дѣйствіяхъ подчиняется желаніямъ этого негласнаго правительства, и сами законодательныя учрежденія, какъ теперь оказывается, могутъ существовать лишь въ зависимости отъ его доброй воли. Эта «звѣздная палата» имѣетъ за собой всю полноту власти, поскольку эта власть основывается на силѣ, какъ моральной, заключающейся въ близости ея къ верховной власти, такъ и матеріальной, состоящей въ подчиненіи ей администраціи, полиціи и войска. Не имѣя официальнаго явнаго значенія, она въ своихъ дѣй-

ствіяхъ не имѣть нужды стѣсняться никакими законами или ограниченіями и можетъ распоряжаться совершенно произвольно, согласно лишь съ настроеніемъ, господствующимъ въ ней въ данный моментъ, тѣмъ болѣе, что она совершенно недоступна никакимъ легальнымъ воздѣйствіямъ извнѣ, прежде всего потому, что она постоянно скрывается за собой монарха, а затѣмъ потому, что и составъ ея точно не извѣстенъ и, повидимому, измѣнчивъ. Обыкновенно говоря о ней упоминаютъ имя теперешняго дворцоваго коменданта генерала Трепова; но и генералъ Треповъ играетъ значительную роль лишь потому, что онъ признается, повидимому, наиболѣе надежнымъ и энергическимъ исполнителемъ намѣреній «звѣздной палаты» въ ея совокуности. Намѣренія же эти сводятся главнымъ образомъ къ самосохраненію, для котораго необходимо сохраненію преняго государственнаго строя, основаннаго на произволѣ самодержавной бюрократіи, сведеніе на нѣтъ всѣхъ новшествъ, стоящихъ въ противорѣчій съ этимъ строемъ, хотя бы эти новшества имѣли и вполне легальный характеръ и даже сами были бы законами, изданными верховной властью. Легальные и нелегальные послѣдствія освободительнаго движенія одинаково подводятся подъ понятія ненавистной «революціи», борьба съ которой всѣми средствами является единственною въ настоящее время задачей негласнаго правительства, исключаящій всякія другія задачи, имѣющія въ виду нужды и требованія не этого правительства, а народа; средствами же борьбы признаются только репрессивныя дѣйствія. Имъ нужно не умротовереніе народа, путемъ удовлетворенія хотя бы самыхъ насущныхъ его требованій, а уничтоженіе въ немъ революціоннаго духа, путемъ истребленія революціонеровъ, т.-е. всѣхъ, сколько-нибудь проявляющихъ свободную инициативу въ общественной жизни и путемъ закрытія всѣхъ учрежденій, въ которыхъ можетъ проявиться эта свободная инициатива. Въ этомъ же направленіи принуждено дѣйствовать и министерство, такъ какъ если бы оно отклонилось отъ него, то, конечно, оно тотчасъ было бы замѣнено другимъ болѣе послушнымъ и покладливымъ. Если графъ Витте,—сравнительно всетаки болѣе крупная фигура въ министерской средѣ, сдѣлалъ попытку вести свою линію, то и для него это было возможно лишь при условіи сохраненія мирныхъ отношеній со «звѣздной палатой» и онъ очень скоро очутился между двухъ стульевъ и въ концѣ-концовъ принужденъ былъ устраниваться, уступивъ же, сдѣланнымъ прошлой осенью народнымъ требованіямъ, подъ влияніемъ исключительныхъ условій, были тотчасъ же взяты назадъ, какъ только «звѣздная палата» пришла къ заключенію, что съ вызвавшимъ ихъ народнымъ движеніемъ можно еще успѣшно бороться репрессивными мѣрами. Выясненіе такого положенія вещей крайне важно, потому что имъ указывается для всѣхъ тотъ центральный узелъ, тотъ господствующій пунктъ, который составляетъ ключъ политической позиціи, за которую ведется борьба. Не совершенно понятно, что съ другой стороны, ударъ направленный изъ Думы на этотъ пунктъ повазался особенно чувствительнымъ и настолько

новыносимымъ, что заставляло прибѣгнуть къ такой радикальной мѣрѣ, какъ роспускъ Думы, вопросъ о которомъ по свѣдѣніямъ *Нашей Жизни* былъ возбужденъ въ «звѣздной палатѣ» еще въ началѣ іюня, но который окончательно рѣшенъ былъ тогда, когда для него явился новый поводъ въ пререканіи, происшедшемъ между Думой и правительствомъ по аграрному вопросу.

Аграрный вопросъ, какъ и слѣдовало ожидать обратилъ на себя наибольшее вниманіе Думы, которая посвятила ему значительную часть своего времени. Еще въ самомъ началѣ своей дѣятельности, въ отвѣтъ на тронную рѣчь Дума почти единогласно высказала убѣжденіе, что разрѣшеніе аграрнаго вопроса невозможно безъ установленія въ принципѣ принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель. На это въ министерской деклараціи воспослѣдовалъ отвѣтъ, признававшій такое отчужденіе недопустимымъ. Это заявленіе министерства, конечно, не измѣнило глубокаго убѣжденія большинства Думы и въ особенности той ея части, которая принадлежитъ къ партіи народной свободы, уже давно включившей принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель въ свою программу; поэтому тотъ же принципъ былъ опредѣленно выраженъ въ общихъ положеніяхъ по аграрному вопросу внесенныхъ въ Думу въ видѣ предварительнаго законопроекта сорока двумя членами партіи народной свободы. Этотъ законопроектъ былъ подвергнутъ самому подробному и всестороннему обсужденію, съ общихъ точекъ зрѣнія, причѣмъ въ преніяхъ приняли участіе, какъ представители министерства, главноуправляющій землеустройствомъ Стишинскій и товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Гурко, говорившіе оба противъ принудительнаго отчужденія. Доводы ихъ однако не убѣдили Думу, да и на самомъ дѣлѣ были совсѣмъ неубѣдительно: Стишинскій доказывалъ, что проектомъ не только нарушаются общественныя основы, такъ какъ частная собственность должна быть священна и неприкосновенна, но что, если бы помѣщичьи земли перешли въ руки крестьянъ, то это было бы невыгодно для самихъ крестьянъ, которые будто бы получаютъ больше, работая на помѣщичьей землѣ, чѣмъ могутъ заработать на этой землѣ, если она перейдетъ къ нимъ. Но въ убыткѣ отъ такой реформы будутъ не только крестьяне, но и вся страна, такъ какъ общій урожай а слѣдовательно и общій доходъ страны будетъ меньше, вслѣдствіе чего сократится и промышленность и увеличится число промышленныхъ безработныхъ «словомъ, если земельный вопросъ будетъ разрѣшенъ на тѣхъ основаніяхъ, какъ предлагаетъ внесенная въ Думу записка 42 представителей, то Россіи грозитъ полное разореніе». Разрѣшеніе его заключается не въ надѣленіи крестьянъ землей, а «въ улучшеніи землепользованія, въ правильной и широкой постановкѣ переселенскаго дѣла и въ покупкѣ земли черезъ крестьянскій банкъ». Обо всемъ этомъ въ Думу внесены законопроекты. Доводы о большей выгодности работать на чужой землѣ, чѣмъ на своей поддѣрпывались въ рѣчи министра совершенно фантастическими цифрами, вродѣ того,

что обрабатывая на помѣщиковъ по средней цѣнѣ 16 р. крестьяне получаютъ 450 милл. р. заработка, тогда какъ количество помѣщичьей земли, обрабатываемой наемнымъ трудомъ не превышаетъ 10 милл. десятинъ. Товарищъ министра Гурко доказывая тоже вредъ для крестьянъ надѣленія землей согласно проекту 42-хъ, не столько манипулировалъ цифрами, сколько старался внести раздоръ въ среду самой Думы, утверждая, что буди бы по проекту тѣ изъ крестьянъ, которые владеютъ землей въ количествѣ болшемъ четырехъ десятинъ, лишатся своей земли. Такого же рода намешъ былъ высказанъ ораторомъ по поводу того, что люди, говорящіе о справедливой оцѣнкѣ земли, сами продаютъ землю черезъ крестьянскій банкъ, — поэтому надо думать, что и проектируемая имъ справедливая оцѣнка будетъ та же оцѣнка крестьянскаго банка. Обоймъ министрамъ отвѣчалъ депутатъ Герценштейнъ, подло убитый послѣ роспущенія Думы. Въ блестящей и глубокой содержательной рѣчи онъ опровергъ высказанныя имъ положенія. На заявленіе о неприкосновенности частной земельной собственности онъ указалъ на то, что все наше законодательство послѣдняго времени было проникнуто идеей принудительнаго отчужденія; въ западныхъ губерніяхъ не останавливались передъ проведеніемъ этого принципа самымъ безопаснымъ образомъ. Само министерство указываетъ на такія мѣры, какъ созданіе хуторовъ, уничтоженіе черезполосицъ: развѣ эти мѣры возможны безъ принудительнаго отчужденія. Вы указывали на улучшеніе хозяйства, но и оно невозможно безъ организаціи учреждений общественно-принудительнаго характера. Во имя чего долженъ охраняться принципъ неприкосновенности помѣщичьей земли? Во имя тѣсной связи помѣщика съ землей? Но вѣдь помѣщики готовы продать свои земли, — только по высокимъ цѣнамъ. Неужели нужно охранять возможность полученія курскими помѣщиками по 400 р. за дес., рискуя дожидаться снова того, чтобы зарево пожаровъ опять охватило нѣсколько губерній. Вы говорите, что передача земли невыгодна крестьянамъ. Удивительно, что крестьяне никакъ этого понять не могутъ. Въ доказательство приводите примѣръ, какъ невыгодна была для крестьянъ покупка черезъ крестьянскій банкъ имѣнія Воронцова-Дашкова: да зачѣмъ же его было покупать за три милліона? Можетъ быть его можно было бы купить за полтора милліона. Вы говорите, что мы хотимъ уничтожить сахарные заводы и интенсивныя хозяйства; но никто изъ насъ этого не говоритъ: это упрекъ не по адресу. Вы говорите о хозяйственныхъ улучшеніяхъ; но принимали ли вы какіи-нибудь мѣры для улучшенія крестьянскаго хозяйства, помогали ли вы тѣмъ земствамъ, которыя старались объ этомъ. Развѣ еще недавно не сидѣлъ въ тюрьмѣ нашъ лучшій агрономъ Зубрилинъ, поднявшій земледѣльческую культуру въ цѣломъ Волоколамскомъ уѣздѣ. Насъ пугаютъ громадностъ долга, который ляжетъ на крестьянство за отчужденную землю, не принимая за основаніе приведенную министромъ цифру этого долга въ 3 милліардовъ, окажется, что ежегодная плата за десятину составитъ около 3½ р., а теперь платятъ по двадцати пяти рублей. Продажа земли ч.

резь крестьянскій банкъ—единственное средство, предлагаемое министерствомъ не есть новое средство: она производится и теперь и въ результатѣ получается только несообразное возрастаніе земельныхъ цѣнъ. **К**рестьянскій банкъ создалъ то, чего не было раньше: нигуда негодныя земли стали сбываться по безумнымъ цѣнамъ. Примеромъ плодотворной дѣятельности крестьянскаго банка можетъ служить покупка имѣнія графа Игнатьева. Такого рода покупки совершались только тогда, когда нужно было кого-нибудь покрыть, кого-нибудь выручить. Обращаясь въ частности къ рѣчи Гурко и къ его словамъ объ отнятіи земли у крестьянъ, имѣющихъ болѣе 4 дес., Герценштейнъ сказалъ, что такія попытки застраиванія не совсѣмъ приличествуютъ тому высокому мѣсту, гдѣ онѣ дѣлаются. Мы здѣсь не для того, чтобы играть съ народомъ. Мы совершенно ясно и опредѣленно сказали, что мы не желаемъ трогать ни надѣльныхъ земель, ни приобретенныхъ черезъ крестьянскій банкъ мелкихъ земельныхъ участковъ. «Увѣрю васъ,—заключилъ Герценштейнъ,—что народъ разберетъ, гдѣ пахнетъ землей и гдѣ земли не даютъ».

Эта полемика выяснила различіе бюрократической и думской точекъ зрѣнія на аграрный вопросъ. Но при дальнѣйшемъ обсужденіи его въ Думѣ, въ которомъ участвовало болѣе ста ораторовъ, выяснилось, что и въ средѣ самой Думы по этому вопросу существуютъ довольно разнообразныя теченія. Такъ польскіе представители настаивали на томъ, что аграрный вопросъ долженъ быть рѣшенъ въ Польшѣ независимо отъ рѣшенія его въ Россіи, сообразно съ экономическими и бытовыми особенностями польскаго населенія; но въ этомъ требованіи автономнаго рѣшенія аграрнаго вопроса проглядывало нерѣдко желаніе охранять по возможности существующее положеніе вещей и интересъ крупнаго землевладѣнія. Нѣкоторые депутаты, какъ, наприм., проф. Петражицкій и Н. Н. Львовъ, признавая необходимость принудительнаго отчужденія частновладельческой земли, особенно горячо возставали противъ проводимой въ законопроектѣ 42-хъ идеи государственнаго земельного фонда, изъ котораго земля поступила бы лишь въ пользованіе, а не въ собственность земледѣльческаго населенія. Тѣмъ не менѣе никто изъ возражавшихъ противъ законопроекта не стоялъ на точкѣ зрѣнія министерства и не являлся защитникомъ его взглядовъ. Послѣ продолжительныхъ преній законопроектъ былъ переданъ въ комиссію изъ 99 членовъ, въ которую вошли представители какъ разнообразныхъ мѣстностей, такъ и разнообразныхъ взглядовъ на рѣшеніе аграрнаго вопроса. Комиссія въ свою очередь выбрала нѣсколько подкомиссій, изъ которыхъ первой поручена была разработка основныхъ положеній земельного закона, второй—выработка устава для мѣстныхъ земельныхъ учреждений, третьей—разсмотрѣніе вопросовъ объ арендѣ и о наймѣ на сельско-хозяйственныя работы. Первая подкомиссія прежде всего занялась вопросомъ о принудительномъ отчужденіи земли и представила въ комиссію проектъ положеній, весьма сходныхъ въ общихъ чертахъ съ проектомъ 42-хъ и съ тѣмъ, который

былъ выработанъ на партійномъ конституціонно-демократическомъ съѣздѣ. Основная первая статья ихъ говоритъ слѣдующее: для расширенія площади землепользованія трудового земледѣльческаго населенія обращены пригодныя для сельско-хозяйственнаго промысла земли: а) казенныя, удѣльныя, кабинетскія, церковныя и монастырскія; б) въ порядкѣ принудительнаго отчужденія земли учреждений и частновладѣльческія. Затѣмъ подкомиссія разработала и подробности отчужденія частновладѣльческихъ земель, причемъ признала неподлежащими отчужденію: а) надѣльныя земли всѣхъ наименованій; б) земли, принадлежащія учреждениямъ, если онѣ имѣютъ общепольное значеніе; в) земли подъ усадьбами, огородами, садами, виноградниками и т. п.; г) земли, технически необходимыя для находящихся на нихъ фабрично-заводскихъ или хозяйственно-промышленныхъ заведеній, т.-е. находящіяся подъ складами, сооружениями и т. п. (а не тѣ, съ которыхъ получается сырой матеріалъ или топливо); д) лѣса, имѣющіе защитное и водоохранное значеніе; е) имѣнія или участки, которые земельными учреждениями будутъ признаны за имѣющіе общепольное значеніе; ж) мелкія земельныя владѣнія, какимъ бы порядкомъ онѣ ни обрабатывались, шажимъ которыхъ опредѣляется мѣстными земельными учреждениями и утверждается законодательнымъ порядкомъ и з) земельные участки въ томъ же размѣрѣ, которые владѣльцы отчуждаемыхъ крупныхъ участковъ пожелаютъ оставить за собой. Напротивъ, обязательно подлежатъ отчужденію тѣ земли, отчужденіе которыхъ необходимо для уничтоженія череполосицы и для улучшенія состава крестьянскихъ владѣній по угодьямъ, земли, обычно сдаваемыя въ аренду сельскимъ обществамъ, товариществамъ или отдѣльнымъ лицамъ обрабатывающимъ ихъ личнымъ трудомъ, земли, обычно обрабатываемыя крестьянскимъ инвентаремъ и земли впускъ лежащія, но пригодныя для сельско-хозяйственнаго пользованія. Внеся эти предположенія въ аграрную комиссію, подкомиссія перешла къ вопросу о томъ, кто долженъ признаваться имѣющимъ право на пользованіе землей, причемъ она исходила изъ основнаго принципа, что земля должна быть дана малоземельному и безземельному населенію, обрабатывающему землю своимъ трудомъ. Другая подкомиссія, занимавшаяся вопросомъ о мѣстныхъ землеустроительныхъ учрежденіяхъ, признала существующую организацію земскаго самоуправленія неудовлетворительною для привлеченія иныѣшнихъ земствъ къ активному участию въ созданіи такихъ учреждений и нашла нужнымъ выработать для этого новыя основанія. Получивъ отъ первой подкомиссіи ея заключенія, аграрная комиссія въ полномъ составѣ подвергла ихъ основательному обсужденію, причемъ оказалось, что хотя въ аграрной комиссіи были представители всѣхъ различныхъ направленій, тѣмъ не менѣе они сошлись въ признаніи того, что для осуществленія серьезной аграрной реформы слѣдуетъ не только передать земледѣльческому населенію казенныя, удѣльныя, церковныя и монастырскія земли, но необходимо прибѣгнуть и къ принудительному отчужденію выкупомъ частновладѣльческихъ земель. Относительно подробностей, ка

ющихся того, какія земли не подлежатъ отчужденію, коммиссія согласилась съ вышеизложеннымъ указаніемъ подкоммиссіи, опредѣленно высказавшись, что надѣльныя земли и мелкія крестьянскія земли, владѣемые на частномъ правѣ, не подлежатъ отчужденію, чѣмъ и опровергается застраиваніе чернымъ передѣломъ, распространяемое, очевидно, лишь съ цѣлью подорвать въ народѣ довѣріе къ работамъ Думы по земельному вопросу. Болѣе трудною для единогласнаго рѣшенія была задача опредѣлить, на какихъ основаніяхъ земледѣльческое населеніе должно получить землю, т.-е. должна ли, какъ полагали члены коммиссіи, принадлежащіе къ партіи народной свободы и къ трудовой группѣ, вся отчуждаемая земля поступить въ общегосударственный фондъ, изъ котораго передаваться населенію лишь въ долгосрочное пользованіе или же, какъ признавали представители Царства Польскаго и сторонники такъ называемой «прогрессивной партіи», земля какъ государственная, такъ и отчужденная изъ частнаго владѣнія, должна быть передана крестьянамъ въ собственность. Въ связи съ этимъ различіемъ взглядовъ были указанія на то, что требованіе земли въ собственность проявляется въ средѣ населенія нѣкоторыхъ опредѣленных мѣстностей, такъ что рѣшеніе этого вопроса не можетъ быть одинаковымъ для всей Россіи. Не входя въ подробности, сказаннаго достаточно, чтобы признать, что, если аграрная работа Думы двигалась не такъ быстро, какъ многимъ было бы желательно, то несомнѣнно, что она все же подвигалась впередъ, такъ что въ коммиссіи уже не только былъ выясненъ основной характеръ предполагаемой реформы, но и были разрѣшены многіе изъ важнѣйшихъ отдѣльныхъ вопросовъ, въ нее входящихъ. Такимъ образомъ имѣлись всѣ данныя предполагать, что ожидаемая съ такимъ нетерпѣніемъ земельная реформа въ не очень продолжительномъ времени получитъ въ Думѣ видъ практическаго и вмѣстѣ съ тѣмъ всесторонне-разработаннаго законопроекта. Къ несчастію, эта плодотворная работа была прервана вслѣдствіе противодѣйствія правительства. Произошло это такимъ образомъ: не довольствуясь высказаннымъ въ министерской деклараціи и въ рѣчахъ министровъ заявленіемъ о недопустимости отчужденія частновладѣльческихъ земель, правительство, вѣроятно по инициативѣ того же негласнаго правительства, о которомъ мы говорили по поводу погромовъ, напечатало въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* сообщеніе, сущность котораго сводится къ слѣдующему: исполняя Высочайшее повелѣніе о немедленномъ принятіи мѣръ къ улучшенію быта земельного крестьянства, правительство внесло въ Государственную Думу свои предположенія о способахъ улучшенія и расширенія крестьянскаго землевладѣнія и объ измѣненіи порядка землепользованія на надѣльныхъ земляхъ. Предположенныя мѣры состоятъ въ передачѣ малоземельнымъ крестьянамъ на выгодныхъ для нихъ условіяхъ всѣхъ годныхъ для земледѣлія, покупкѣ за счетъ государства отъ частныхъ владѣльцевъ добровольно продаваемыхъ ими земель и продажа ихъ малоземельнымъ крестьянамъ по доступнымъ для нихъ цѣнамъ, съ принятіемъ, въ случаѣ надобности, разницы на счетъ государства. Остальныя мѣры

сводятся къ запрещенію продажи полученныхъ такимъ путемъ земель лицамъ другихъ сословій и освобожденію ихъ отъ частныхъ взысканій, содѣйствію переселеніямъ, содѣйствію улучшенію способамъ землепользованія посредствомъ расселенія и уничтоженія череполосности, признанію правъ собственности за владѣльцами участковъ общинной земли въ тѣхъ общинахъ, гдѣ двадцать четыре года не было передѣловъ, предоставленію отдельнымъ крестьянамъ выходить изъ общины, сохраняя за собой землю и предоставленію общинамъ болѣе самостоятельнаго распоряженія своими землями. Въ особенности правительство обѣщаетъ мѣры къ облегченію переселенія въ Сибирь и Среднюю Азію, гдѣ (по утвержденію правительственнаго сообщенія) въ распоряженіи государства имѣются обширныя площади плодородной земли. Наконецъ, въ видахъ скорѣйшаго облегченія наиболее нуждающейся части крестьянства учреждаются особыя коммиссіи изъ мѣстныхъ людей, въ составъ которыхъ войдутъ и крестьяне, избранные волостными сходами, и которые должны изслѣдовать земельную нужду на мѣстахъ и содѣйствовать покупкѣ и продажѣ земли черезъ крестьянскій банкъ. Однако наиболѣе интересны въ правительственномъ сообщеніи не эти обѣщанія, а его заключительная часть, полемизирующая со взглядами на аграрный вопросъ Государственной Думы. Распространяемое среди сельскаго населенія убѣжденіе, говорится въ этой заключительной части, что земля не можетъ составлять чьей-либо собственности и должна находиться въ пользованіи трудящихся на ней, а потому необходимо произвести принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель, правительство признаетъ совершенно неправильнымъ и подтверждаетъ, что будетъ неуклонно охранять имущественныя права всѣхъ и каждаго, причѣмъ полагаетъ, что сохраненіемъ права собственности частныхъ владѣльцевъ на принадлежащія имъ земли земельное крестьянство должно дорожить, ибо, если сегодня будутъ нарушены права землевладѣльцевъ прочихъ сословій, то завтра могутъ быть нарушены права крестьянъ. Только владѣя землей на неотъемлемомъ правѣ собственности, можетъ трудовое крестьянство обезпечить плоды своего труда и быть ограждено отъ притязаній тѣхъ, которые землей не владѣютъ и ничего общаго съ нею не имѣютъ. Русское крестьянство должно знать и помнить, что не отъ смуть и насилія оно можетъ ожидать удовлетворенія своихъ нуждъ, а отъ мирнаго труда и постоянныхъ заботъ о немъ Государя Императора.

Всматриваясь въ этотъ документъ, нельзя не придти къ полному недоумѣнію. Отъ кого онъ исходитъ, къ кому обращается, какую имѣетъ въ виду цѣль и какое его закономѣрное значеніе? На все это можно отвѣчать только догадками. Онъ начинается и кончается ссылкой на верховную власть, но это не есть манифестъ, въ которомъ верховная власть обращалась бы къ народу; о Государѣ въ немъ говорится въ третьемъ лицѣ. Не есть это и мнѣніе какого-нибудь министерства или всего совѣта министровъ, вродѣ Горемыкинской деклараціи, ибо въ немъ ничего не говорится о совѣтѣ министровъ; наконецъ, это не есть чье-нибудь частное

мнѣніе, потому что документъ написанъ отъ имени «правительства». Что же это за правительство? На основаніи дѣйствовавшихъ въ моментъ напечатанія этого документа основныхъ законовъ правительство состояло изъ Монарха и двухъ палатъ; Государственнаго Совѣта и Думы; исполнительныя функціи принадлежали министерству. Если это сообщеніе исходило отъ министерства, то министерство изданіемъ его вышло изъ своей законной роли—быть исполнительной властью, такъ какъ послѣдняя можетъ исполнять лишь то, что рѣшено законодательной властью, аграрный же вопросъ не былъ еще разрѣшенъ въ законодательномъ порядкѣ; онъ не былъ еще, какъ мы видѣли, рассмотрѣнъ и въ Думѣ, а въ Государственный Совѣтъ и на благоусмотрѣніе Монарха и вовсе еще не поступалъ. Какое же правительство въ данный моментъ могло заявить такъ рѣшительно, какъ это сдѣлано въ сообщеніи, что принудительное отчужденіе частновладѣльческой земли совершенно неправильно? И какое же, тѣмъ болѣе, правительство могло взять на себя смѣлость сказать, что оно будетъ неуклонно охранять имущественныя права всѣхъ и каждаго въ смыслѣ недопущенія принудительнаго отчужденія, не считаясь съ невысказанными еще мнѣніями Государственной Думы и Государственнаго Совѣта и даже съ волею Монарха, которая въ тотъ моментъ также не была еще высказана по этому предмету? Единственнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ быть то, что въ данномъ случаѣ, какъ и въ случаяхъ съ погромами, мы имѣемъ дѣло съ негласнымъ, безымяннымъ и безотвѣтственнымъ правительствомъ, можетъ быть, того же состава, какъ и погромное, а можетъ быть и нѣсколько другое. По слухамъ, въ составленіи сообщенія принималъ участіе товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Гурко, и дѣйствительно тонъ и приемы сообщенія, особенно обращеніе къ крестьянамъ о томъ, что будто бы принудительное отчужденіе угрожаетъ ихъ интересамъ, напоминаютъ приемы г. Гурко въ его думской рѣчи. Но дѣло не въ томъ, кто именно былъ составителемъ сообщенія, а кто былъ его вдохновителемъ, какая организація чувствовала себя достаточно сильною и безотвѣтственною, чтобы выступить съ такимъ заявленіемъ. А что тѣ или другія лица, входящія въ составъ министерства, могутъ оказывать услуги такой организаціи, въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего необыкновеннаго, такъ какъ, повидимому, и существованіе всего министерства находится въ прямой зависимости отъ одобренія его негласнымъ правительствомъ. Что касается до цѣли, которую могло имѣть это сообщеніе, то, чтобы уяснить ее себѣ, нужно принять въ соображеніе, что закулисное правительство въ большинствѣ своихъ дѣйствій отличается не только эгоистичной безпринципностью, но и значительнымъ легкомысліемъ и близорукостью. На это его свойство было уже указано по поводу погромовъ депутатовъ Бюкошинныхъ, возражавшимъ депутату Стаховичу, отрицавшему участіе негласнаго правительства въ погромахъ на основаніи того, что погромы ему невыгодны. Почти всегда правительственныя мѣропріятія направляются лишь на ближайшую причину нежелательныхъ или непріят-

ныхъ для правительства явленій. Всѣ практикуемыя въ такомъ изобиліи въ настоящее время репрессивныя мѣры въ конечномъ своемъ результатѣ распространяютъ и усиливаютъ общее неудовольствіе, слѣдовательно, содѣйствуютъ развитію революціоннаго настроенія въ обществѣ и народѣ; но съ этимъ несомнѣннымъ результатомъ не считаются, лишь бы въ данную минуту непріятные люди были побиты, разогнаны, засажены. Опытъ показываетъ, что на мѣсто однихъ устраненныхъ непріятныхъ людей немедленно въ удвоенномъ числѣ являются другіе еще болѣе непріятные, но этотъ опытъ ничего не говоритъ «вахмистрамъ по воспитанію», неспособнымъ понять болѣе сложныя и болѣе отдаленныя причины революціоннаго движенія и прибѣгнуть къ другимъ болѣе рациональнымъ и дѣйствительнымъ способамъ борьбы съ нимъ. Также и въ данномъ случаѣ: авторы сообщенія, повидимому, наввно думаютъ, что обѣщанія и застрашиванія, высказанныя въ немъ, могутъ подействовать на крестьянство и отклонить его отъ Думы и ея предположеній. Они не замѣчаютъ, или не хотятъ замѣчать, насколько бессодержательны ихъ обѣщанія. Кого, въ самомъ дѣлѣ, изъ курскихъ, орловскихъ или воронежскихъ крестьянъ, требующихъ земли, можетъ утѣшить перспектива надѣленія казенными землями гдѣ-нибудь въ сѣверныхъ губерніяхъ или еще лучше въ Сибири и центральной Азій? Какое серьезное улучшеніе можетъ дать дѣятельность крестьянскаго банка, существующаго уже много лѣтъ и приведшаго только къ несообразному возвышенію земельныхъ цѣнъ? Въ особенности же насколько можно довѣрять искренности того правительства, у котораго всѣ эти способы были въ рукахъ и раньше и которое ровно ничего не сдѣлало для улучшенія положенія земледѣльческаго класса? А между тѣмъ оно хочетъ и въ будущемъ оставить земельное дѣло въ своихъ рукахъ, игнорируя мнѣніе народныхъ представителей, и уже теперь помимо ихъ приступаетъ къ устройству мѣстныхъ земельныхъ комиссій. Составъ этихъ комиссій обычный: предсѣдательствуетъ губернаторъ или предводитель дворянства, затѣмъ въ нихъ участвуютъ разные чиновники и по три представителя отъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ и отъ крестьянъ. Послѣдніе, слѣдовательно, находятся всегда въ меньшинствѣ, и, конечно, ихъ голосъ въ комиссіяхъ не будетъ имѣть никакого значенія. Насколько народъ мало довѣряетъ этимъ новымъ на старшій ладъ созданіямъ бюрократіи, доказывается многочисленными отказами крестьянъ отъ выборовъ въ комиссіи своихъ делегатовъ. Все это, конечно, не можетъ лишить народъ того чутья, о которомъ говорилъ Герценштейнъ и которое ясно указываетъ ему, съ которой стороны онъ можетъ ожидать дѣйствительнаго исполненія своихъ завѣтныхъ желаній. Тѣмъ не менѣе на сообщеніе нельзя иначе смотрѣть, какъ на попытку, хотя и съ негодными средствами, внести въ народную среду недоувѣріе къ Думѣ и къ ея аграрной программѣ. Дѣлая эту попытку, индикаторы ея, очевидно, не обращали ни малѣйшаго вниманія на то, не компрометируютъ ли они своимъ заявленіемъ явнаго, законнаго правительства и выступили совершенно внѣ всѣхъ

ких законныхъ формъ, такъ что рассматриваемое съ точки зрѣнія формальнаго закона сообщеніе не имѣетъ вовсе значенія правительственнаго акта, а представляетъ собою лишь несомнѣнный симптомъ полной дезорганизациі государственной власти. Несмотря на это, сообщеніе могло имѣть очень вредное вліяніе въ томъ смыслѣ, что, усматривая въ немъ рѣшительный отказъ правительства дать крестьянамъ ту землю, которая имъ нужна, крестьянское населеніе могло придти къ заключенію, что вообще нельзя рассчитывать на полученіе земли легальнымъ путемъ, а можно получить ее только путемъ прямого захвата. Эта опасность, т.-е. что правительственное сообщеніе можетъ послужить сигналомъ къ аграрнымъ беспорядкамъ, не могла не обратить на себя вниманіе Думы. Первый заговорилъ по этому поводу въ Думѣ депутатъ Бузьминъ-Бороваевъ, указавшій также на то, что сообщенію придана такая форма, которая можетъ подать поводъ къ ложному пониманію, будто оно исходитъ отъ верховной власти, причемъ воля Монарха какъ будто противопоставляется мнѣнію народнаго представительства. Аграрная коммиссія составила объ этомъ докладъ, въ которомъ она предложила въ отвѣтъ на правительственное сообщеніе обратиться съ разъясненіемъ къ народу; проектъ этого разъясняющаго обращенія былъ вмѣстѣ съ тѣмъ представленъ на обсужденіе Думы. Въ докладѣ указывалось на необходимость подтвержденія того, что Дума остается при своемъ взглядѣ на способъ рѣшенія земельного вопроса и будетъ продолжать работать въ этомъ направленіи, не считаясь съ мнѣніями, высказанными въ правительственномъ сообщеніи. Безъ опредѣленнаго заявленія объ этомъ отъ Думы, населеніе можетъ, въ виду неясности, отъ кого исходитъ сообщеніе, подумать, что Дума тоже согласна съ нимъ. Нѣкоторые депутаты высказывались противъ обращенія Думы къ народу, опасаясь, что оно получитъ значеніе революціоннаго акта или прямого объявленія войны правительству и внесетъ въ народъ не успокоеніе, а еще большую смуту. Напротивъ, другіе, преимущественно съ лѣвой стороны, доказывали, что между народомъ и Думой не должно быть никакой неясности, никакой недоговоренности. Народъ долженъ опредѣленно знать, чего хочетъ Дума и что она дѣлаетъ. Если прямое обращеніе къ народу есть дѣйствительно рѣшительный шагъ, то онъ вызывается требованіями самой жизни. Говорятъ, что оно не будетъ способствовать успокоенію. Но какое успокоеніе, когда крестьянамъ, надѣющимся на то, что имъ дадутъ землю, сверху говорятъ, что ея не дадутъ. Да и не о спокойствіи мы должны прежде всего заботиться. Мы конечно не будемъ призывать народъ къ возстанію, но наше дѣло объяснить ему, что мы призываемъ его къ широкому переустройству всей русской жизни, къ организациі его силъ и къ дружной поддержкѣ Думы. Въ дальнѣйшихъ весьма оживленныхъ преніяхъ по поводу редакціи обращенія къ народу споръ шелъ главнымъ образомъ о томъ, долженъ ли ему быть приданъ характеръ разъясненія, имѣющаго въ виду успокоеніе населенія, или же характеръ воззванія, призывающаго къ поддержкѣ Думы со стороны народа.

Въ концѣ-концовъ поправки послѣдняго характера были отвергнуты и окончательный текстъ обращенія былъ установленъ въ слѣдующей редакціи: указавъ въ началѣ, что правительственное сообщеніе, напечатанное въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, «подрываетъ въ населеніи вѣру въ правильное разрѣшеніе земельного вопроса», Государственная Дума заявляетъ, что она «стремилась и стремится къ мирному установленію новаго порядка въ странѣ. Дума надѣется, что и разъясненіе истиннаго положенія, въ которомъ находится вопросъ о земельномъ законѣ, дастъ возможность населенію покойно и мирно ждать окончанія работы по изданію земельного закона». Затѣмъ Дума отмѣтивъ, «что, согласно манифесту 17 октября 1905 г., никакое предположеніе правительства не можетъ воспріять силы закона безъ одобренія Государственной Думы», напоминаетъ о высказанномъ ею въ отвѣтъ на тронную рѣчь взглядѣ на земельный вопросъ и о заявленіи министерства, что принудительное отчужденіе частновладельческихъ земель безусловно недопустимо. «Тогда,—говорится дальше, Государственная Дума выразила министерству свое недовѣріе и немедленно приступила сама къ составленію новаго земельного закона». Изложивъ ходъ и результаты работъ по земельному вопросу въ Думѣ и аграрной комиссіи, Дума заканчиваетъ заявленіемъ, что «отъ предположенныхъ ею основаній новаго земельного закона она не отступить и никакія предположенія, съ ними несогласованныя, не могутъ быть ею одобрены». Противъ такой редакціи высказались съ одной стороны социалисты, съ другой поляки; послѣдніе предлагали поправку, состоящую въ томъ, что «будетъ примѣнено земельное устройство согласно съ мѣстными условіями и волей мѣстнаго населенія. Когда эта поправка, а также и редакція, предложенная трудовой группой, были отвергнуты, то какъ поляки, такъ и трудовая группа заявили, что они воздержатся отъ баллотировки. Всего въ баллотировкѣ участвовало 177 депутатовъ изъ общаго числа 278, присутствовавшихъ въ Думѣ. 101 человекъ воздержались отъ баллотировки. Изъ голосовавшихъ 124 подали свой голосъ за обращеніе къ народу и 53 противъ него. Это происходило 6 іюля, а 8 іюля былъ подписанъ указъ правительствующему Сенату о роспускѣ Думы и 9 іюля манифестъ, мотивирующий этотъ роспускъ между прочимъ обращеніемъ Думы къ населенію. Изъ предыдущаго изложенія событій, предшествовавшихъ этому обращенію, видно, что Дума была вызвана на это дѣйствіе агрессивной политикой правительства, выразившейся въ особенности въ полемическомъ «правительственномъ сообщеніи». Другой вопросъ, слѣдовало ли рѣшаться на такой шагъ. Но во-первыхъ, дѣлая его, Дума едва ли предполагала, что послѣдствіемъ его будетъ закрытіе самой Думы и въ этомъ случаѣ трудно винить ее въ непредусмотрительности, такъ какъ предусмотрѣть все, что у насъ можетъ быть сдѣлано, при существующей неустойчивости положенія, совершенно невозможно; во-вторыхъ, еще вопросъ, что было бы лучше: чтобы Дума была закрыта изъ-за несогласія правительства съ ней на почвѣ аграрнаго вопроса, въ которомъ Дума стояла явно на сторонѣ на-

рода, или по какому-нибудь другому поводу, который могъ возникнуть каждый день, такъ какъ разрывъ между Думой и правительствомъ конечно съ теченіемъ времени дѣлался бы все больше. Идти же на соглашеніе съ правительствомъ при томъ положеніи вещей, когда всякое соглашеніе было бы ничѣмъ инымъ, какъ подчиненіемъ произволу «звѣздной палаты», значило лишиться всякаго довѣрія въ народѣ и потерять всякое значеніе. Такое самоуничтоженіе было бы очевидно гораздо вреднѣе для общаго хода дѣлъ, чѣмъ внѣшнее, насильственное прекращеніе Думской дѣятельности. Последнее составляетъ, конечно, большое несчастье для страны, но несчастье временное и искупаемое тѣмъ развитіемъ политическаго сознанія, которое неминуемо должно явиться слѣдствіемъ тяжелаго опыта, тогда какъ потеря вѣры въ народное представительство повлекло бы за собой только безнадежность и упадокъ духа или же взрывъ отчаянія, въ томъ и другомъ случаѣ полную анархію. Въ указѣ о роспускѣ Думы созывъ новой Думы назначенъ на 20 февраля 1907 года, т.-е. черезъ семь слишкомъ мѣсяцевъ, и надо желать, чтобы это время было употреблено прогрессивными партіями и въ особенности партіей народной свободы на развитіе политическаго сознанія въ народѣ и на подготовку новыхъ выборовъ. Время послѣднихъ еще не опредѣлено: есть слухи, что они будутъ въ ноябрѣ. Можно сказать навѣрное, что выборная агитація и выборная борьба на этотъ разъ будетъ труднѣе, чѣмъ та, которая была прошлой весной. Хотя и тогда настоящей свободы выборовъ не было, ибо администрація явно покровительствовала реакціоннымъ партіямъ и ставила препятствія партіямъ прогрессивнымъ, но въ виду полученныхъ результатовъ, столь неблагоприятныхъ для правительства, на этотъ разъ правительственное вмѣшательство навѣрное будетъ гораздо интенсивнѣе.

Былъ слухъ, что будто бы предполагалось измѣнить самую систему выборовъ, даже ввести всеобщее избирательное право, въ расчетѣ на многочисленность и консерватизмъ крестьянъ, хотя крестьяне при выборахъ въ первую Думу вовсе не доказали своего консерватизма. Но предположеніе это было оставлено, не столько потому, что измѣненіе системы выборовъ безъ согласія Думы было бы противозаконно, это едва ли бы могло быть сочтено серьезнымъ препятствіемъ, — сколько потому, что въ рукахъ правительства имѣются средства болѣе простыя и болѣе для него привычныя, именно всякія репрессивныя мѣры, вродѣ закрытія обществъ и собраній, запрещенія газетъ и политическихъ брошюръ и въ особенности изъятіе лицъ, имѣющихъ шансы быть выбранными, путемъ привлеченія ихъ къ уголовной отвѣтственности по 129 статьѣ или другимъ статьямъ такого же политическаго характера. Этотъ способъ воздѣйствія на выборы имѣетъ ту удобную сторону, что формально онъ совершенно законенъ. Онъ практиковался и въ прошлую выборную кампанію. Но теперь онъ будетъ вѣроятно примѣненъ въ гораздо болѣе обширныхъ размѣрахъ. Такъ уже въ настоящее время большинство членовъ бывшей Думы привлечены къ обвиненію по 129 ст. Угол. Улож. за воззваніе, под-

писанное ими послѣ роспуска Думы. Мы сейчас скажемъ, поскольку это возможно, объ этомъ заключительномъ эпизодѣ Думской дѣятельности, а теперь расскажем по порядку въ короткихъ словахъ, какъ совершилось самое закрытіе Думы. Повидимому, правительство само сознавало, что это закрытіе не есть обыкновенный, предусмотрѣнный въ основныхъ законахъ роспускъ, практикуемый во всѣхъ конституціонныхъ странахъ, когда министерство несогласно съ парламентомъ и обращается къ народу, считывая, что мнѣніе народа, выраженное въ новыхъ выборахъ, будетъ на сторонѣ министерства а не парламента. Если бы это было такъ, то роспускъ Думы совершился бы официальнымъ прочтеніемъ въ самой Думѣ декрета о ея распусненіи. Но правительство отнеслось къ Думѣ не какъ дѣйствующему на законномъ основаніи высшему законодательному учрежденію страны, а какъ къ какому-то собранію бунтовщиковъ или заговорщиковъ. Думу не распустили, а ей не позволили собраться. Ночью зданіе Думы было оцѣплено полиціей, всѣ входы въ него закрыты и явившіеся утромъ въ засѣданіе депутаты не были допущены. Въ Петербургѣ стянута была масса войска всѣхъ родовъ оружія. Въмѣсто бывшей уже ранѣе въ Петербургѣ и петербургской губерніи усиленной охраны введено въ нихъ положеніе о чрезвычайной охранѣ. (Одновременно объявлено военное положеніе въ одиннадцати уѣздахъ Кіевской губерніи). На улицахъ столицы было вывѣшено обязательное постановленіе петербургскаго градоначальника, которымъ запрещаются всякія собранія, шествія, выкидываніе флаговъ, произнесеніе рѣчей, возбуждающихъ къ беспорядкамъ или къ забастовкамъ, производство неразрѣшенныхъ сборовъ, изданіе и распространеніе объявленій, нарушающихъ постановленія о печати и т. п. Тѣмъ же обязательнымъ постановленіемъ предъявляется требованіе о всякаго рода содѣйствіи полиціи со стороны домовладѣльцевъ, дворниковъ, извозчиковъ, прислуги конно-жѣлзныхъ дорогъ, хозяевъ квартиръ и т. д. Последнимъ въ особенности вмѣняется въ обязанность выдавать лицъ, разыскиваемыхъ полиціей и предупреждать выстрѣлы или бросаніе взрывчатыхъ предметовъ изъ занимаемыхъ ими помѣщеній. За неисполненіе этихъ требованій грозитъ штрафъ до 3,000 руб. или заключеніе въ тюрьму до трехъ мѣсяцевъ—то и другое въ административномъ порядкѣ. Въ день закрытія Думы и ближайшіе дни произведено множество арестовъ. Вообще роспускъ Думы сопровождался такими мѣрами, которыя заставляютъ предполагать, что и само правительство считало его не обыкновеннымъ конституціоннымъ актомъ, а тѣмъ, что называется *coup d'état*. Такой образъ дѣйствій правительства естественно вынудилъ и Думу выйти изъ вполне легальнаго положенія. Она, конечно, могла вовсе не реагировать на фактъ неожиданнаго и насильственнаго прекращенія своей дѣятельности. Депутаты не могли молча разѣхаться, не переговоривъ другъ съ другомъ о томъ положеніи вещей, которое было создано роспускомъ Думы и о возможныхъ послѣдствіяхъ. Вѣдь это были не чиновники, которые, оставшись за штатомъ, спокойно могли бы разойтись по домамъ. Для нихъ было дорого ихъ дѣло, ихъ не-

оконченная, внезапно прерванная работа; они не могли не чувствовать и лежащей на нихъ ответственности передъ ихъ избирателями и передъ народомъ вообще, не позволявшей имъ бросать возложенное на нихъ дѣло, не выяснивши себѣ, что же будетъ дальше и что имъ слѣдуетъ дѣлать. Само собой разумѣется, что неожиданность и насильственный характеръ закрытія Думы не могло не возбудить въ депутатахъ приподнятаго, боевого настроенія, заставившаго ихъ сойти съ того легальнаго пути, по которому до тѣхъ поръ шла Дума, и перейти на путь, если не революціонный въ полномъ смыслѣ слова, то во всякомъ случаѣ экстра-легальный. Депутаты въ числѣ около 185 человекъ рѣшили собраться въ засѣданіе для обсужденія дальнѣйшей тактики. Такъ какъ въ Петербургѣ собраться было очевидно невозможно, то рѣшено было собраться на финляндской территоріи въ Выборгѣ. Но и тамъ собраніе не долго могло пользоваться возможностью свободнаго обсужденія и принуждено было спѣшить. Прежде всего рѣшено было выработать обращеніе къ народу, въ которомъ отъ имени Государственной Думы было бы высказано ея отношеніе къ распоряженію о роспускѣ и указаны средства дальнѣйшей борьбы. Разныя партіи, т.-е. партія народной свободы, трудовая группа и социалисты, представили свои проекты воззванія, но общее настроеніе было настолько приподнято, что между этими проектами не оказалось серьезной разницы. Окончательная редакція была предоставлена комиссіи; но во время перерыва произошелъ разговоръ предсѣдательствовавшихъ въ совѣщаніи Муромцева и князя Долгорукаго съ выборгскимъ губернаторомъ, по слухамъ не ручавшимся за безопасность совѣщанія въ виду присутствія въ городѣ русскихъ войскъ, рѣшено было какъ можно скорѣе закончить занятія. Вслѣдствіе этого члены совѣщанія, внесшіе поправки, отказались отъ нихъ, и текстъ воззванія былъ принятъ единогласно и подписанъ 178 депутатами. Мы не имѣемъ возможности привести здѣсь содержаніе этого историческаго документа, ибо распространеніе его признано преступнымъ, хотя онъ былъ распространенъ по всей Россіи въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Изъ *Правительственнаго Вѣстника* извѣстно только, что въ числѣ мѣръ воздѣйствія на правительство въ немъ говорилось объ отказѣ въ уплатѣ податей и въ поставкѣ рекрутъ въ армию. Можетъ быть мы еще обратимся къ выборгскому совѣщанію и къ составленному имъ воззванію, когда для этого будутъ лучшія условія, чѣмъ въ настоящее время. Впечатленіе отъ закрытія Думы несомнѣнно было крайне тяжелое; но оно не выразилось, какъ ожидали нѣкоторые, въ активныхъ проявленіяхъ протеста, вродѣ октябрьской забастовки. Забастовки, хотя и были, но частичныя, и большею частью имѣли экономическую, а не политическую подкладку. Точно такъ же были и манифестаціи, при которыхъ ожидалось закрытіе Думы, но тоже только единичныя. Произошло нѣсколько серьезныхъ возстаній во флотѣ и арміи быстро подавленныхъ. Но съ другой стороны то стихійное движеніе, которое до нѣкоторой степени сдерживалось ожиданіемъ мирнаго разрѣшенія Думой вызвавшихъ это дви-

женіе вопросовъ, съ устраненіемъ этого ожиданія, конечно, могло только усиливаться, и правительство, закрывши Думу, являвшую до известной степени предохранительнымъ вѣланомъ, очутилось совершенно безпомощнымъ передъ бурей, все болѣе и болѣе усиливающейся и принимающей все болѣе беспорядочный характеръ. Это не вооруженное возстаніе, не бунтъ, сосредоточенный въ одномъ мѣстѣ, вокругъ одного знамени, или одной личности, вродѣ какого-нибудь Разина или Пугачева. Такой бунтъ можетъ быть прекращенъ энергическимъ военнымъ усмиреніемъ, подобно тому, какъ пожаръ, возникшій въ одномъ мѣстѣ, или въ одномъ районѣ, можетъ быть прекращенъ сосредоточеніемъ на немъ всѣхъ имѣющихся гасительныхъ средствъ. Другое дѣло, когда, подобно тому, какъ это бываетъ на торфяникахъ послѣ засухи, вся почва становится горючимъ матеріаломъ, то тамъ, то здѣсь вспыхивающій отъ малѣйшей причины. Беспорядокъ всякаго рода сдѣлался у насъ нормальнымъ явленіемъ. Въ каждомъ номерѣ любой газеты мы находимъ перечисленіе, съ одной стороны, убійствъ и покушеній на убійство должностныхъ лицъ, начиная отъ занимающихъ высшіе административные посты, вродѣ адмирала Чухнина или самарскаго губернатора Блока, до низшихъ полицейскихъ чиновъ, которыхъ въ одинъ день было убито въ Варшавѣ около 30 человекъ. Съ другой стороны, легальныя убійства въ видѣ смертныхъ казней, тоже не прекращаются, несмотря на высказанное о нихъ мнѣніе народныхъ представителей, а иногда и убійства изъ-за угла, какъ, напримѣръ, убійство депутата Герценштейна, относительно котораго есть сильное подозрѣніе, что оно инспирировано тѣми же элементами, которые играли направляющую роль и въ погромахъ. Къ негодованію, возбужденному этимъ подлымъ убійствомъ, въ первый моментъ прибѣждалось и недоумѣніе, зачѣмъ и кому понадобилось устраненіе человека совершенно мирнаго, не принадлежавшаго къ какимъ-нибудь активно-дѣйствующимъ крайнимъ партіямъ, преимущественно человека науки; но сообразивъ значеніе Герценштейна въ Думѣ, нельзя не придти къ заключенію, что, именно его научная логика и его обширныя свѣдѣнія, такъ побѣдоносно выраженные въ его полемикѣ со Стишинскимъ и Гурко, должны были сдѣлать изъ него лицо гораздо болѣе ненавистное для черносотенныхъ элементовъ, чѣмъ многіе изъ представителей наиболѣе крайнихъ партій. Кромѣ взаимныхъ убійствъ, общественная неурядица продолжается и въ другихъ формахъ. Аграрные беспорядки, прекращаемые въ однихъ мѣстахъ карательными экспедиціями, въ другихъ мѣстахъ снова усиливаются, какъ, напримѣръ, въ послѣднее время въ Воронежской г. На Кавказѣ волненія превратились въ постоянную и, если можно такъ выразиться, правильную междоусобную войну. Такъ въ Шушѣ происходитъ настоящее сраженіе, въ которомъ войска дѣйствовали артиллеріей. Убито и ранено множество народа и городъ почти совершенно выгорѣлъ. Наконецъ, что должно быть всего страшнѣе для правительства, беспорядки и вспыхиваютъ въ разныхъ мѣстахъ среди войскъ, принимая иногда хар-

теръ настоящаго возстанія или бунта, сопровождаемаго большею частью убійствомъ офицеровъ. Наиболѣе страшное возстаніе было въ крѣпости Свеаборгѣ возлѣ Гельсингфорса, гдѣ возставшіе успѣли захватить большую часть крѣпостныхъ верховъ съ орудіями и сдались только послѣ жестокаго сраженія, во время котораго крѣпость бомбардировалась военными судами. Такого же рода безпорядки были въ Кронштадтѣ, на военномъ суднѣ «Память Азова», въ Дешлагрѣ на Кавказѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Вообще въ послѣднее время въ ряду другихъ явленій русской жизни стала играть весьма важную роль дѣятельность войска, проявляющаяся съ двухъ сторонъ. Съ одной стороны, войско является главнымъ оплотомъ и орудіемъ самодержавно-бюрократическаго строя: посредствомъ войскъ производятся усмиренія аграрныхъ и другихъ безпорядковъ; ими же выполняются такъ называемыя карательныя экспедиціи. При этомъ войска, особенно части, преимущественно избираемыя для такой службы, приучаются признавать себя имѣющими обязанности только по отношенію къ начальству и никакихъ по отношенію къ народу. Имъ не только дозволяется, но отъ нихъ требуется, чтобы они поступали съ усмиряемыми и караемыми не какъ съ непріятелями, а гораздо хуже, какъ съ людьми совершенно безправными. За убійства и насилія, поджоги и грабежи офицеры получаютъ повышенія и ордена, солдаты — благодарности и награды. Съ другой стороны, мы постоянно слышимъ, что въ самихъ войскахъ, то въ одномъ, то въ другомъ полку неспокойно, хотя рѣдко это неспокойство проявляется въ такой страшной формѣ, какъ это было въ Севастополѣ, Свеаборгѣ или Кронштадтѣ. Большею частію причиной этихъ волненій являются не революціонныя стремленія, а тяжелое положеніе самихъ солдатъ, частію вслѣдствіе дурнаго ихъ содержанія, частію вслѣдствіе унижающаго всякое человѣческое достоинство отношенія къ нимъ офицеровъ и начальниковъ. Обыкновенно эти солдатскіе бунты скоро кончаются и послѣдствіемъ ихъ бываетъ очень суровое наказаніе зачинщиковъ, но въ то же время и нѣкоторое улучшеніе солдатской жизни. Конечно, было бы невѣроятно, чтобы и освободительное движеніе, проникшее въ крестьянскую и рабочую среду, не проникло въ извѣстную мѣрѣ и въ близкую къ нимъ солдатскую среду. Но вліяніе его едва ли настолько сильно, чтобы давать основанія для возбужденія въ различныхъ кругахъ какъ большихъ надеждъ, такъ и серьезныхъ опасеній. Со стороны правительственныхъ военныхъ властей принимаются, разумѣется, всѣ мѣры къ тому, чтобы отдѣлать войска отъ народа, направивъ ихъ противъ народа, и привязать ихъ себѣ наградами и подачками. Такая педагогическая политика, если бы она оказалась удачною, могла бы привести войска только къ тому убѣжденію, что они сила, съ которой всѣ, сверху и снизу, должны считаться и которой, пожалуй, всѣ даже должны бояться. Въ чему можетъ вести такое положеніе вещей, когда войска направлены не противъ внѣшнихъ, а противъ внутреннихъ враговъ и когда они проникаются сознаніемъ не долга своего передъ оте-

чествомъ, а лишь своей силой и безнаказанности,—разительный примѣръ даетъ намъ исторія въ римскихъ преторіанцахъ. Какъ извѣстно, эта знаменитая гвардія приобрѣла такую силу и значеніе, что долго судьба всей имперіи зависѣла отъ нея. Преторіанцы служили орудіемъ подавленія всякаго проблеска политической жизни въ народѣ и тѣмъ способствовали общему упадку народной нравственности. Наконецъ, они стали распоряжаться самой верховной властью, избирая тѣхъ императоровъ, которые имъ больше нравились, или которые больше обѣщали. Уроки исторіи не должны забываться. Конечно, историческія событія не повторяются, но сходныя причины влекутъ за собой и сходныя слѣдствія. Когда войска отдѣляются отъ народа и перестаютъ служить его цѣлямъ и интересамъ, то это представляетъ величайшую опасность не только для самаго народа, но и для власти. Такія отдаленныя соображенія мало однако дѣйствуютъ на людей, имѣющихъ власть въ настоящее время у насъ. Они видятъ лишь то, что непосредственно къ нимъ близко и на что они могутъ воздѣйствовать своими обычными средствами. Въ числѣ этихъ средствъ кромѣ грубыхъ способовъ репрессій, они пытаются иногда дѣйствовать и путемъ привлеченія къ себѣ ни къ чему не обязывающими и ни чѣмъ не гарантируемыми обѣщаніями. Этотъ способъ въ особенно обширныхъ размѣрахъ практиковался во время премьерства графа Витте, и тогда на обѣщанія, даваемые правительствомъ, поддавались и не очень легковѣрные люди. Само собой разумѣется, что примѣненіе этого способа съ каждымъ днемъ становится все болѣе труднымъ, такъ какъ даваемые и никогда не исполняемыя обѣщанія, конечно, возбуждаютъ все меньше довѣрія. Однако онъ не брошенъ совершенно и тотчасъ послѣ закрытія Думы былъ снова сдѣланъ опытъ имъ воспользоваться.

Одновременно съ роспускомъ Думы послѣдовали и нѣкоторыя перемѣны въ министерствѣ: вышли въ отставку премьеръ Горемыкинъ и министръ землеустройства Стишинскій. Тотъ и другой были самыми непопулярными изъ министровъ, такъ что отставка ихъ могла, пожалуй, произвести впечатлѣніе, что министерство въ отсутствіи Думы, будетъ готовить созваніе новой, дѣйствуя въ болѣе либеральномъ направленіи. Въ этомъ смыслѣ и высказывался новый премьеръ Столыпинъ, замѣнившій Горемыкина и сохранившій въ то же время за собою портфель министерства внутреннихъ дѣлъ. Однако скоро оказалось, что, несмотря на либеральныя рѣчи, дѣйствія министра остались тѣ же самыя. Никогда не было столько репрессивныхъ мѣръ всякаго рода, начиная отъ почти поголовнаго закрытія газетъ. Да и самыя либеральныя рѣчи въ общемъ сводились къ давно уже извѣстной и потерявшей всякій кредитъ формулѣ: «пусть наступитъ успокоеніе и тогда мы дадимъ всякія либеральныя реформы». Однако этими обѣщаніями министерство пыталось приманить къ себѣ нѣкоторыхъ общественныхъ дѣятелей, которые, какъ ему казалось, могли бы быть болѣе стоворчивыми. Съ этою цѣлью завязаны были переговоры о вступленіи въ министерство нѣкоторыхъ общественныхъ дѣятелей болѣе консервативнаго направленія, но пользова-

щихся уваженіемъ и болѣе прогрессивныхъ партій, какъ, напримѣръ, графъ Гейденъ, М. А. Стаховичъ, Д. Н. Шиповъ и нѣкоторые другіе. Однако соглашеніе даже и съ консерваторами, но имѣющими свои убѣжденія и несогласными представлять изъ себя только ширмы для бюрократіи, не могло состояться. Неудача эта въ сообщеніи правительства объясняется такъ, что комбинація составленія министерства съ участіемъ общественныхъ дѣятелей «встрѣтила затрудненіе внѣ доброй воли правительства», а самихъ приглашенныхъ лицъ. *Русскія Вѣдомости* справедливо указываютъ на странность этой фразы. Но она становится понятной, если принять въ соображеніе фактъ существованія власти или силы, находящейся внѣ явнаго правительства, на который мы уже неоднократно указывали. Далѣе, въ правительственномъ сообщеніи говорится, что приглашенные общественные дѣятели «желали составить группу лицъ единомышленныхъ, которыя должны были войти въ правительство, но это имъ не удалось. Изъ объясненій же графа Гейдена, Д. Н. Шипова и князя Львова видно, что соглашеніе не могло состояться потому, что они не хотѣли довольствоваться приглашеніемъ только двухъ изъ нихъ «на вакантные мѣста министровъ», а требовали себѣ отъ пяти до семи мѣстъ, а затѣмъ не иначе соглашались вступить въ министерство, какъ на условіи рѣшительнаго измѣненія правительственной политики, причемъ первымъ шагомъ въ новомъ направленіи долженъ былъ быть скорѣйшій созывъ Государственной Думы. Условія эти не были приняты, чѣмъ и доказывается неискренность самаго приглашенія. Впрочемъ, даже если бы министерство Столыпина и искренно пожелало бы пойти по новому пути при содѣйствіи общественныхъ дѣятелей, то и тогда оно лишено бы было возможности исполнить свое намѣреніе, такъ какъ оно при существующихъ условіяхъ не могло бы дать никакихъ гарантій, что эти намѣренія не будутъ нарушены «внѣ доброй воли» министерства. Такія гарантіи, хотя въ нѣкоторой степени, могли быть даны лишь министерствомъ отвѣтственнымъ передъ народными представителями. Теперь же нельзя не согласиться съ высказаннымъ, не помнимъ въ какой именно газетѣ, мнѣніемъ, что пытаться составить при существующихъ условіяхъ министерство съ участіемъ общественныхъ дѣятелей, значить заниматься квадратурой круга, такъ какъ всякое лицо, вступающее въ теперешнее министерство, тѣмъ самымъ перестаетъ быть общественнымъ дѣятелемъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Печально было первое появленіе представителей русскаго народа на международной конференціи въ Лондонѣ. Не успѣли избранные Думою депутаты доѣхать до столицы Великобританіи, какъ получили извѣстіе, что Государственная Дума распущена.

Наша депутація встрѣчена была съ живѣйшимъ сочувствіемъ. Ей предлагали остаться въ Лондонѣ и принять участіе въ работахъ конференціи, но члены бывшей Государственной Думы вполне основательно отказались отъ этого предложенія.

Горько и обидно.

Первый министръ Великобританіи въ весьма прочувствованныхъ выраженіяхъ привѣтствовалъ членовъ перваго русскаго представительнаго учрежденія. Кембелль-Баннерманъ произнесъ при этомъ знаменательную въ устахъ главы правительства фразу: «Дума умерла, да здравствуетъ Дума». Такъ въ былыя времена извѣщалось о смерти короля и о вступленіи на престолъ его наслѣдника. Но эту непрерывность надо заработать и укрѣпить.

Мы можемъ порадоваться тому, что печать всѣхъ просвѣщенныхъ странъ осуждаетъ внезапный и грубый по формѣ роспускъ Государственной Думы. Европейское общественное мнѣніе справедливо оцѣниваетъ то благотѣльное значеніе для мира и справедливости, для свободы и благосостоянія народовъ какое будетъ имѣть упроченіе у насъ представительнаго образа правленія.

Новой французской палатѣ предстоитъ большая и важная законодательная работа. Кабинетъ Сарриена-Клемансо серьезно приступаетъ къ демократическимъ реформамъ. Министръ финансовъ Пуанкаре выработываетъ проектъ подоходнаго налога въ духѣ англійскаго, съ тѣми, конечно, особенностями, которыя вызываются своеобразными условіями французской жизни. Выработанъ законопроектъ, устанавливающий фабричное время для взрослыхъ мужчинъ въ десять часовъ. Подготавливается законъ объ отбѣнѣ смертной казни.

Интересенъ составъ новой французской палаты депутатовъ. Первое мѣсто занимаютъ адвокаты. Въ предшествующіе выборы ихъ было въ парламентѣ 110, теперь—120. Людей, получившихъ медицинское образованіе, насчитывается болѣе шестидесяти. Профессоровъ-депутатовъ не болѣе тридцати. Торговля и промышленность представлены сравнительно слабо, въ противоположность земледѣлію, интересы котораго защищаются въ нынѣшней палатѣ 120 депутатами (въ прежнихъ было отъ 60 до 80). Зесьма характерно, что, при всеобщей и закрытой подачѣ голосовъ, въ этой группѣ депутатовъ нѣтъ ни одного крестьянина. Въ англійскомъ и германскомъ парламентахъ интересы торговли, промышленности и земледѣлія представлены болѣе пропорціально и количество депутатовъ изъ нищъ свободныхъ профессій значительно менѣе. Рабочихъ-спеціалистовъ (механиковъ, типографщиковъ и т. п.) двадцать. Почти всѣ социалисты. Другая группа социалистовъ, коллективистовъ, заключаетъ въ себѣ болѣею частью журналистовъ, адвокатовъ, профессоровъ.

Составъ палаты такимъ образомъ разнообразенъ и правительство въ своихъ преобразовательныхъ планахъ будетъ встрѣчать сопротивленіе и слѣва, и справа. Естественны поэтому стремленія искреннихъ и опытныхъ республиканцевъ-демократовъ выставить такую программу, которая объединила бы республиканское большинство. Одною изъ такихъ попытокъ является статья Фернейля (Ferneuil) въ *Revue Polit. et Parl.*

Авторъ недоволенъ большинствомъ французскихъ политическихъ дѣятелей за послѣдніа двадцать пять лѣтъ, потому что они сузили законодательную и исполнительную дѣятельность. Необходимы глубокія и многостороннія реформы. Въ числѣ ихъ Фернейль выдвигаетъ обязательное участіе на выборахъ въ парламентъ. Теперь не подають голоса 25%, избирателей. Онъ указываетъ, что въ Бельгіи послѣ введенія обязательнаго голосованія число не принимающихъ участія упало съ 16% до 5%.

Другая необходимая реформа—отмѣна выборовъ по округамъ, введеніе голосованія по департаментскимъ спискамъ и пропорціональное представительство меньшинства. Только при такихъ условіяхъ представительство будетъ вѣрнымъ отраженіемъ интересовъ и настроенія страны, а интересы мѣстные не будутъ заслонять общегосударственныхъ. Теперь кандидатъ въ депутаты не рѣдко долженъ вступать въ обязательство передъ избирателями, что будетъ въ парламентѣ поддерживать мѣстныя предприятия. Фернейль ясно видитъ, какой страшный вредъ приноситъ Франціи слабое развитіе въ ней областного самоуправленія и преобладаніе централизованной администраціи съ ненужными многочисленными должностями, под-префектурами и т. п.

Французскій публицистъ находитъ необходимымъ усилить значеніе президента республики. Въ Соединенныхъ Штатахъ онъ избирается всеобщей подачей голосовъ (двухстепенною), во Франціи конгрессомъ—общимъ заседаніемъ палаты депутатовъ и сената. Это даетъ болѣе авторитета американскому президенту. Но мы напомнимъ, что отъ американской системы

предостерегали во Франціи многіе изъ выдающихся политических дѣятелей. Въ странѣ, до сихъ поръ скованной бюрократическою централизациею, всеобщее голосованіе можетъ превратиться въ шлебисцитъ и открыть путь диктатурѣ.

Можно согласиться съ другимъ утвержденіемъ Фернейля: онъ полагаетъ, что было бы цѣлесообразно, заимствовать изъ американской конституціи статью о президентскомъ *veto*. По этой статьѣ подпись президента даетъ принятому народными представителями проекту силу закона. Отказываясь дать подпись, президентъ обязанъ въ теченіе десяти дней вернуть законопроектъ въ палату съ изложеніемъ мотивовъ, побуждающихъ его не давать законопроекту утвержденія. Если послѣ этого объ палаты, большинствомъ двухъ третей, вновь примутъ законопроектъ, то въ подписи президента республики онъ уже не нуждается.

Фернейль видитъ недостатки и въ постановкѣ правосудія во Франціи. Министру юстиціи предоставлено слишкомъ много власти въ повышеніяхъ и перемѣщеніяхъ лицъ судебнаго вѣдомства. Судьи всѣхъ степеней должны, въ интересахъ ихъ независимости, быть равными и получать одинаковое вознагражденіе. При министрѣ юстиціи долженъ быть образованъ совѣтъ, который разсматриваетъ дѣла о справедливости и цѣлесообразности разнаго рода повышеній и наградъ и представляетъ свои заключенія на разсмотрѣніе министра.

31 мая 1902 г. вожди побѣжденных буровъ, Бота, Девей, Деларей и другіе представители Оранжевой и Трансваальской республикъ, подписывали мирный договоръ съ Англіей, лишавшей ихъ родину независимости, они дѣлали это съ горечью и опасеніями за будущее голландскаго населенія. Прежній кабинетъ не слѣдилъ возвращать бурамъ политическія права, но на счастье мужественному народу власть въ Англіи перешла въ руки либеральной партіи. Кембель-Баннерманъ и его товарищи порѣшили сразу создать нормальный порядокъ, то-есть установить политическое равенство между бурами и англичанами, введя прямую и всеобщую подачу голосовъ. Законопроектъ уже представленъ палатѣ общины и палатѣ лордовъ.

Бъ сожалѣнію, принципъ пропорціональнаго представительства, который отстаивали буры, не принятъ (это обезпечило бы большинство голландскому населенію). Пріиски (*Rand*) пошлютъ въ палату 34 депутата, Преторія и округъ ея—6 депутатовъ, а земледѣльческіе районы—29. Оба языка, голландскій и англійскій, пользуются равнымъ правомъ въ палатѣ. Депутаты выбираются на пять лѣтъ и получаютъ по 200 ф. ст. въ годъ. Такъ какъ объ партіи въ парламентѣ будутъ почти равны, то избранный спикеръ (президентъ) слагаетъ съ себя обязанность депутата. Въ Банатѣ, гдѣ рядомъ живутъ двѣ народности, различныя между собою по происхожденію, языку и вѣрѣ, мы видимъ отдѣльные сеймы французскіе и англійскіе, а затѣмъ федеральный парламентъ съ коалиціоннымъ министерствомъ. Та-

жимъ образомъ въ отношеніи нижней палаты, проектируемой для Трансвааля, правительство повторяетъ опытъ, который далъ самые блестящіе результаты въ Канадѣ, Австраліи, Новой Зеландіи и въ Капской колоніи.

Но правительство, въ угоду консерваторамъ, отступило отъ принциповъ либерально-демократической партіи и обременило Трансвааль и Оранжевую республику верхнею палатой, которая пять лѣтъ будетъ по назначенію отъ правительства, а потомъ станетъ выборною. Въ парламентѣ противъ такой отсрочки и вообще противъ верхней палаты раздавались рѣшительные голоса (между прочимъ сильную рѣчь въ этомъ направленіи произнесъ Чарльзъ Дилкъ). Нельзя не признать во всякомъ случаѣ, что конституція, даваемая черезъ четыре года *покореннымъ*, доставила бы нѣкоторое утѣшеніе и непокореннымъ, а мирному населенію родной страны.

Въ грозныхъ и прискорбныхъ событіяхъ, которыя переживаетъ наша родина, прошла мало отмѣченною кончина одного изъ весьма замѣчательныхъ политическихъ дѣятелей Великобританіи, Ричарда Седдона. Онъ былъ шестнадцать лѣтъ министромъ Новой Зеландіи и съ 1893 г. министромъ-президентомъ въ этой колоніи, гдѣ пользовался исключительною популярностью. Популярнымъ именемъ его было *King Dick*. Лондонскій корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей*, г. Ш., сообщаетъ, что въ 1890 г. земельныя отношенія въ Новой Зеландіи были болѣе тягостны для массъ, чѣмъ въ Ирландіи. «Лучшая земля находилась въ рукахъ монополистовъ, которые на придачу, подобно нашимъ крупнымъ землевладѣльцамъ, жили не на мѣстѣ, а далеко въ столицѣ. Отношеніе къ работникамъ было жестоко. Такъ какъ и денежный капиталъ находился въ рукахъ немногихъ, то торговцы и ремесленники всегда подвергались опасности банкротства, если пойдутъ противъ желанія капиталистовъ. Послѣдніе захватили въ свои руки не только орудія производства, но и правительство. Новая Зеландія имѣла самоуправленіе, но, по выраженію одного изслѣдователя, девизомъ правительства было: «Все для крупныхъ землевладѣльцевъ при помощи ихъ» (*Henry Lloyd, Newest England, p. 366*). «Захватчики земли, спекуляторы и грюндеры, дѣлаютъ у насъ законы для самихъ себя»,—говорилъ тогда Мекензи, сдѣлавшійся потомъ министромъ «революціоннаго» кабинета. Малкіе фермеры (ихъ было немного въ 1850 г.) вынуждены были продать свои земли крупнымъ капиталистамъ, рабочіе доведены были до нищеты и становились бродягами. Дороги были заполнены бродягами. Въ городахъ были непрерывныя стачки. Газеты обсуждали вопросы о безработныхъ, о несправедливыхъ налогахъ, застоѣ въ дѣлахъ, о скученности населенія. «Если не будетъ положенъ конецъ всему этому,—сказалъ въ 1868 г. въ парламентѣ Рисъ (Rees),—то насъ неминуемо ждутъ разореніе и гражданская война». И вотъ послѣ громадной, всеобщей стачки 1890 г. наступило обновленіе. Выборы, послѣдовавшіе за этимъ, представляютъ настоящую революцію. Консервативная партія въ Новой Зе-

ландіи была сметена навсегда, и хозяевами положенія оказались сторонники самых радикальных социальных реформ. Членами обновленнаго министерства были Баллэнсъ и Седдонъ или «Дикъ», какъ его звали въ колоніи.

Седдонъ молодымъ человѣкомъ эмигрировалъ изъ Англіи въ Австралію (по профессіи онъ былъ желѣзнодорожный мастеръ). Тамъ онъ скопилъ немного денегъ и перебрался въ Новую Зеландію. Здѣсь онъ познакомился съ Баллэнсомъ и много обязанъ ему въ развитіи своихъ социально-политическихъ воззрѣній. Баллэнсъ умеръ въ 1891 г. и программу его, весьма радикальную, пришлось осуществить Седдону.

У насъ были статьи о Новой Зеландіи, о тѣхъ смѣлыхъ опытахъ, которые произведены въ этой странѣ въ интересахъ справедливости и народнаго благосостоянія. Въ ней введены націонализація земли, восьмичасовой рабочей день, государственныя пенсіи для престарѣлыхъ и т. д. И Седдонъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ во всѣхъ этихъ преобразованіяхъ. Просвѣщенный и благородный король Великобританіи Эдуардъ VII въ трогательныхъ выраженіяхъ выразилъ Новой Зеландіи глубокое сожалѣніе о кончинѣ Седдона.

Слѣдуетъ однако отмѣтить, что Седдонъ былъ горячимъ империалистомъ и готовъ былъ новозеландскими войсками принять участіе въ борьбѣ метрополиі съ бурами, за что и заслужилъ похвалы Чемберлана.

В. Г.

БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Августъ

1906 года.

Содержаніе. I. Вязи: Беллетристика. — Публицистика. — Философія и педагогика. — Юридическія книги. — Географія. — Естествознаніе. — Сельское хозяйство. — Книги для дѣтей. — Учебныя пособія. II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го іюля по 1-е августа 1906 года.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

С. Степнякъ. Штундистъ Павелъ Руденко. — *Швейхель, Робертъ.* За свободу. — *С. Ковалевская.* Шиглистка. — *Въра Фильмеръ.* Стихотворенія. — *М. Беме.* Дневникъ падшей.

С. Степнякъ (С. М. Кравчинскій). Штундистъ Павелъ Руденко. Романъ. Спб., 1906 г., Ц. 1 р. Кравчинскій несомнѣнно обладаетъ крупнымъ художественнымъ дарованіемъ, развитію котораго помѣшала бурная революціонная карьера. Въ его „Андрей Кожуховъ“ рядъ сильныхъ и яркихъ картинъ, которыя и до сихъ поръ захватываютъ читателя, даже очень далекаго отъ воспоминаній эпохи „народовольчества“.

„Штундистъ Павелъ Руденко“, — лучшая изъ его вещей, наиболѣе ровная и выдержанная. Въ періодъ увлеченія пропагандой Кравчинскій близко сошелся съ міромъ штундизма. Когда въ 1893—1895 гг. русское правительство начало звѣрски преслѣдовать этихъ сектантовъ, и англійскія газеты были переполнены подробностями возмутительныхъ репрессій, Степнякъ согласился подобрать матеріалы о штундистахъ для англійской писательницы Стреттонъ. „Какъ-то само собою матеріалъ вылился у него въ форму стройнаго разсказа съ определенной фабулой, характерами и бытовыми сценами“.

Весь романъ проникнутъ глубокой симпатіей по отношенію къ штундистамъ и негодованіемъ противъ духовенства и полиціи, которыя не останавливались ни передъ какими средствами въ борьбѣ противъ секты. Потрясающее впечатлѣніе производитъ разсказъ о томъ, какъ власти пытали и затѣмъ замучили учителя штундистовъ Лукьяна и какъ погѣбъ среди смрада этаповъ по пути въ Сибирь ребенокъ Руденка. Отвратительныя картины подстроеннаго властями погрома и инквизиторскихъ приемовъ духовнаго слѣдователя чередуются съ мягкими и любовными описаніями малорусской природы и жизни украинскаго села.

Съ внѣшней стороны изданіе очень хорошо.

Швейхель, Робертъ. За свободу. Романъ изъ крестьянской войны 1525 года. Сокращенный переводъ съ нѣмецкаго О. Анасовой. 456 стр. Изд. Е. Мягкова „Колоколъ“. Первая библиотена. М., 1905 г. Ц. 50 к. Великое крестьянское движеніе до сихъ поръ остается мало освѣщеннымъ даже для европейцевъ. У насъ же о крестьянскихъ войнахъ извѣстны только двѣ книги: одна, вышедшая въ

концѣ 60-хъ гг. и теперь представляющая библиографическую рѣдкость— „Крестьянскія войны“ Циммермана, книга исключительно описательная, и другая, изданная въ текущемъ году брошюра Энгельса— „Крестьянская война въ Германіи“.

А между тѣмъ въ настоящій историческій моментъ для насъ, русскихъ, средневѣковое крестьянское движеніе представляетъ глубокой интересъ. Намъ важно знать, конечно, не одну внѣшнюю, фактическую исторію этого грандіознаго, охватившаго всю Европу, движенія; намъ гораздо важнѣе уяснить себѣ: какое сочетаніе причинъ воспламенило именно въ этотъ историческій моментъ все трудовое населеніе Европы, одновременно подняло села и города на борьбу противъ матеріальнаго и духовнаго угнетенія, и грозило одно время подъ пепломъ революціи погребсти весь старыи міръ землевладѣнія и управленія, основанныхъ на произволѣ и насилии надъ трудовымъ народомъ. Намъ важно и поучительно затѣмъ всесторонне выяснитъ себѣ, почему великое дѣло трудового народа, несмотря на блестящее начало, несмотря на всю идейную, творческую мощь, какую оно развило въ себѣ въ цѣляхъ обновленія общественнаго строя, потерпѣло тогда полное пораженіе. Но еще быть можетъ важнѣе было бы въ настоящее время выяснитъ, почему подавленное въ 1525 г. крестьянское движеніе замираетъ на много вѣковъ, хотя положеніе крестьянъ послѣ 1525 года въ теченіе двухъ съ половиной столѣтій лишь ухудшается; почему это движеніе, бывшее въ сущности борьбою всего трудового народа за всю полноту его человѣческихъ правъ, замираетъ какъ разъ въ то время, когда открытіе Америки, ростъ торговли, а затѣмъ промышленной техники раздѣляетъ интересы города и деревни и кладетъ начало такъ называемой новой исторіи, т.-е. эпохѣ господства буржуазіи, подмѣнившей въ исторіи начала прямого грабежа и насилия, насиліемъ и грабежемъ замаскированнымъ и сдѣланной буржуазными самья революціи XVIII и XIX вѣковъ. И только, быть можетъ, русской революціи суждено открыть собою новую эру, эру возрожденія великаго дѣла социальнаго обновленія человѣчества, оборваннаго въ концѣ среднихъ вѣковъ.

Романъ Швейхеля, интересный и какъ художественное произведеніе, цѣненъ, главнымъ образомъ, какъ популяризація свѣдѣній о крайне интересномъ и важномъ для насъ въ настоящее время періодѣ всемірной исторіи. Правда, онъ не касается послѣдняго изъ указанныхъ здѣсь вопросовъ, а именно, почему возстанію 1525 года суждено было стать послѣдней въ Западной Европѣ крестьянской революціей, но зато онъ даетъ исторически-правдивое изображеніе *швабско-франконской* крестьянской войны, причѣмъ освѣщаетъ все крестьянское движеніе въ Германіи съ той точки зрѣнія, какъ это сдѣлано Энгельсомъ.

Сначала въ романѣ изображается положеніе крестьянъ: 1) *свободныхъ*, которые жили на отнятыхъ у народа дворянствомъ, духовенствомъ и городами земляхъ въ качествѣ *наслѣдственныхъ* арендаторовъ; 2) *краснотинныхъ* и *барщинниковъ*, которые къ описываемому времени большей частью были переведены на положеніе краткосрочныхъ—*временныхъ* арендаторовъ, и 3) *бездомныхъ батраковъ*.

Худшимъ положеніемъ, конечно, было положеніе безземельнаго пролетарія. Ремесломъ, при цеховомъ устройствѣ, онъ заняться не могъ; батраковъ свободнымъ крестьянамъ требовалось немного, да и то большею частью въ лѣтнее время, и лишнему земли и осѣлости деревенскому пролетарію оставалось или наниматься въ ратники, а еще чаще нищенствовать, или заниматься разбоемъ.

Не многимъ лучше бездомнаго изгнанника было и положеніе временнаго арендатора. Разоряемый барщиной, непомѣрными оброками и всевозможными поборами, сплошь и рядомъ не имѣя ни скота, ни нужнаго рабочаго инвентаря, онъ вѣчно жилъ подѣ страхомъ изгнанія съ арендуемаго клочка земли и изъ жалкой предоставленной ему землевладѣльцемъ хижины-конуры. Малѣйшая недоимка—и землевладѣлецъ тотчасъ же гналъ его съ участка, превращая въ бездомнаго и безработнаго бродягу.

Лучше другихъ крестьянъ было положеніе наследственныхъ арендаторовъ. Но при царившемъ всюду ничѣмъ не ограничиваемомъ помѣщичьемъ произволѣ и ихъ уравнивало съ другими общее крестьянское безправіе. Помѣщикъ во всякое время могъ лишитъ подѣ какимъ-нибудь предлогомъ и безъ предлога зажиточнаго крестьянина всего его состоянія, сгноить его самого въ тюрьмѣ, а то и просто убить. Во время охоты помѣщики вытаптывали безъ всякой церемоніи крестьянскія поля, котормы и безъ того сильно страдали отъ всякихъ звѣрей и птицъ, предназначенныхъ для барской охоты; а застрѣли кого-нибудь изъ этихъ хищниковъ въ дѣлахъ охраненія своего имущества крестьянинъ, онъ платился за это не только имуществомъ, а нерѣдко и головой. Разореніе крестьянъ довершало духовенство своими всевозможными поборами. Кромѣ обычныхъ изъ нихъ, всякій грѣхъ, всякое несоблюденіе обряда облагалось налогомъ.

Вслѣдствіе этого особенно тяжело было положеніе крестьянъ монастырскихъ и принадлежащихъ помѣщикамъ изъ духовенства. Здѣсь разоряли уже крестьянъ не только за то, что они крестьяне, но и за то, что они христіане. Положеніе крестьянъ передъ возстаніемъ освѣщено въ романѣ полно и разносторонне.

Не менѣе обстоятельно изображенъ авторомъ и городъ во взаимоотношеніяхъ разныхъ слоевъ его населенія. Здѣсь всю власть захватила маленькая кучка городской знати изъ разжившихся откупщиковъ и торговцевъ. Они распоряжались городскими землями и всѣми доходами, какъ своей собственностью. Къ описываемому періоду они отгѣснили отъ всякаго участія въ городскихъ дѣлахъ представителей ремесленныхъ цеховъ. Подѣ ихъ властью положеніе городской бѣдности, быстро растущей численно, становилось и въ экономическомъ и въ правовомъ отношеніяхъ все тяжелѣе и тяжелѣе, пока не сдѣлалось къ 1525 году совсемъ невыносимымъ и безвыходнымъ, особенно съ того времени, какъ порохъ и пушки сильно уменьшили потребность въ ратникахъ. Вообще весь городской строй того времени былъ таковъ, что онъ дѣлалъ городъ очагомъ, гдѣ зарождалось и сгущалось недовольство и броженіе экономическаго, умственнаго и религіознаго характера, гдѣ оно складывалось въ опредѣленные ученія и откуда распространялось по странѣ; и этому особенно способствовали любознательныя, подвижныя, но лишешныя правъ гдущише свое положеніе, классъ вѣчныхъ ремесленниковъ-подмастерьевъ.

Наконецъ, не было довольства и въ средѣ высшаго сословія—дворянства, тоже распавшагося къ концу среднихъ вѣковъ на нѣсколько враждебныхъ другъ другу слоевъ. Наибольшую ненависть и зависть всего свѣтскаго дворянства возбуждала къ себѣ централизованная знать, стремившаяся заключить въ свои кандалы даже дворянство. Въ то же время все болѣе и болѣе обострялась борьба между императорскою властью и крупными князьями, стремившимися съ одной стороны быть полновластными, неограниченными владыками въ своихъ княжествахъ, а съ другой—подчинитъ себѣ мелкихъ и болѣе слабыхъ владѣльцевъ, а

также и вольные города. Наконец, мелкое дворянство-рыцари в лиц лучших своих вождей Ульриха фонь-Гутена и Франца фонь-Зингена дѣлао послѣднія попытки возстановить свое значеніе въ государствѣ путемъ борьбы за объединеніе страны подъ властью императора и противъ стремленія князей разбить ее на отдѣльныя княжества, хотя порохъ и пушки уже произнесли свой смертный приговоръ сословію рыцарей.

Такимъ образомъ въ концѣ XV и началѣ XVI вв. всѣ слои нѣмецкаго народа находились въ состояніи сильнаго стихійнаго броженія. Недоставало только того, что объединило бы стремленія недовольныхъ, поставило бы передъ ними такія задачи, которыя воодушевили бы массы на борьбу, освятили бы ее цѣль.

Такимъ началомъ и явилась *реформація*. Она дала въ руки народа евангеліе на родномъ понятномъ для всѣхъ языкѣ съ его ученіемъ равенства и братства. Она выдвинула изъ деревенской и городской бѣдности и низшаго духовенства великое множество проповѣдниковъ, одни изъ которыхъ звали къ обновленію жизни мирнымъ путемъ, а другіе—путемъ революціоннымъ: звали уничтожить всякаго рода произволъ, гнетъ и насилія, подати и налоги, сословія—путемъ уничтоженія самихъ высильниковъ, представителей высшаго давящаго трудового народа сословія, послѣ чего и установить на землѣ евангельское царство труда, свободы, равенства и братства. Такимъ образомъ реформація, проникнувши въ крестьянство и въ рабочую среду городовъ, превратилась тамъ въ народное революціонно-коммунистическое движеніе, къ которому примкнули лучшіе, честнѣйшіе люди и изъ интеллигенціи дворянской. Это движеніе пробудило столько великихъ творческихъ силъ, что религиозно-нравственные, социальные и другіе трагаты, проповѣди, требованія, проекты государственнаго преобразованія того времени до сихъ поръ поражаютъ своей широтой всѣхъ, кто съ ними имѣетъ возможность познакомиться, и заставляютъ преклоняться предъ умственной и нравственной мощью ихъ творцовъ. Изъ нихъ есть чему поучиться и современнымъ законодателямъ и борцамъ за новыя начала общественности. Движеніе быстро превращается во всеобщее возстаніе крестьянъ и городской бѣдности, въ организованную побѣдоносную войну (особенно послѣднія швабско-франконская война), заставившую трепетать все дворянство, сдаваться города и укрѣпленные замки, вступать въ союзъ съ крестьянами знатнѣйшихъ и сильнѣйшихъ князей... И всетаки эта величайшая изъ войнъ трудового народа за новыя справедливыя начала общечеловѣчія была подавлена на много вѣковъ.

Главнѣйшей причиной этого была та же *реформація*, какъ и всякое религиозное движеніе она явилась двуликимъ Янусомъ. И если одинъ ея ликъ былъ революціонеръ и демократиченъ, то другой—въ рукахъ великаго торговца, „доктора вралѣ“ (какъ называлъ его Мюнцеръ) Лютера пожралъ свое собственное дѣтище. Лютеранство только для того низвергло въ Германіи католичество, чтобы передать богатства и власть поповской знати князьямъ, чѣмъ всего болѣе и помогло имъ подавить крестьянскую революцію. Это же лютеранство, явившись удобреніемъ тѣхъ полей, которыя взростили буржуазію, на нѣсколько вѣковъ заставило страну отъ призраковъ „башмака“ и социализма, отъ повторенія войны трудового народа. Было, конечно, много и другихъ причинъ, почему такъ побѣдоносно начавшаяся война была быстро подавлена по всей странѣ. Изъ нихъ предательство, измена, святотупецкія и нарушение договоровъ и всякихъ обязательствъ со стороны военныхъ и

мѣльниковъ дворянскихъ войскъ и дворянъ, вступавшихъ въ союзъ съ крестьянами, съ одной стороны, и довѣрчивость, миролюбіе со стороны крестьянъ, а затѣмъ неумѣніе оцѣнить и предпочесть общіе интересы мѣстнымъ, недостаточная сознательность даже среди вождей крестьянскихъ войскъ, неопытность ихъ большинства въ военномъ дѣлѣ, босаческія наклонности значительной части повстанцевъ изъ городской бѣдности и предводителей изъ этой среды,—были важнѣйшими. Все это должнымъ образомъ отмѣчено и оцѣнено въ романѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ дана исторически-вѣрная характеристика настроеній и интересовъ представителей различныхъ слоевъ дворянства, горожанъ и крестьянъ, втянутыхъ въ движеніе. Въ авторѣ все время чувствуется не только освѣдомленность историка, но и талантъ художника-психолога, мѣстами довольно тонкаго; онъ не покидаетъ автора ни при изображеніи такихъ свѣтлыхъ носителей крестьянской идеи и героевъ крестьянской борьбы, какъ Флоріанъ Гейеръ, Вендель Гиплеръ, Максъ Эбергардъ, Симонъ Нейферъ и многіе другіе, ни при изображеніи ея темныхъ враговъ. Но лучшіе психологически типы въ романѣ,—это типы, взятые изъ крестьянской и рабочей среды, хотя печать современности и сильно замѣтна на нихъ.

Указанныя свойства романа дѣлаютъ его очень интереснымъ. Къ сожалѣнію громадное количество собственныхъ именъ дѣйствующихъ лицъ (очень часто созвучныхъ), простирающееся свыше 200, что усложняется еще искаженіемъ и опечатками *), которыми вообще книга обилуетъ, многіе десятки названій городовъ, замковъ, рѣкъ, мѣстечекъ и т. п.,—все это безъ надобности пестритъ и загромождаетъ страницы романа до такой степени, что онъ становится трудно читаемымъ для широкихъ круговъ.

Соответственно объему книга издана дешево.

Софія Ковалевская. Нигилистка. Романъ изъ эпохи 60—70 гг. Изд. Кохманскаго. М., 1906 г. Ц. 60 к. „Нигилистка“ была написана Ковалевской за границей, повидимому, незадолго до смерти. Въ 1892 г. она была начата за границей же съ предисловіемъ М. М. Ковалевскаго. Въ Россіи этотъ романъ могъ появиться только въ текущемъ году.

По мнѣнію издателя, онъ „представляетъ интересъ главнымъ образомъ съ художественной стороны“. „Не слѣдуетъ въ немъ искать точнаго изложенія событій, волновавшихъ въ то время русское общество. Видимо, самъ авторъ не желалъ связывать свободу художественнаго творчества обязательствомъ историка“.

Съ этимъ мнѣніемъ трудно согласиться.

„Художественная сторона“ всего слабѣе въ этомъ романѣ. Ковалевская мало была знакома съ радикальными кружками и революціоннымъ движеніемъ своего времени и очень неудачно попыталась замѣнить непосредственныя наблюденія „выдумкой“ и подражаніемъ главнымъ образомъ Тургеневу. Шаблонная романическая завязка и банальныя описа-

*) Такъ, Гансъ *Штабелъ* въ другихъ мѣстахъ называется—*Жнабелъ*; Вальтгаръ *Вюрцбургеръ*, въ другихъ мѣстахъ—*Вюрцбергеръ*; посолъ Флоріана Гейера называется то *Ленделандъ*, то *Венделъ*; Маттеи Лангъ въ другихъ мѣстахъ называется просто уменьшительнымъ именемъ *Тессъ*; Георгъ—Ергъ; *Гейеръ* въ нѣсколькихъ мѣстахъ называется—*Мейеръ*; Мецлеръ называется то *Дорениомъ*, то *Леонардомъ*; Леонардъ Брейнкенъ, въ другихъ мѣстахъ—Лингардъ Длинный; *Гасселъ*—*Гассельмъ*; *Гиллеръ*—*Гиплеръ*; Розенбергъ, въ другихъ мѣстахъ—Дикій Цейцъвольфъ; *Горнбаатъ*—*Горнбургъ* и т. д. Кромѣ того въ романѣ фигурируетъ болѣе 20 разныхъ Гансовъ, до 10 Георговъ (Ергъ то-жъ), столько же Леонардовъ и т. д.

нїя природы заканчиваются искусственнымъ эффектомъ, психологически неразработаннымъ и основаннымъ на коренномъ недоразумѣнїи автора.

Героиня, Вѣра Баранцова,—слабый сколокъ съ Тургеневскихъ дѣвушекъ. Ея развитіе намѣчено чисто внѣшнимъ образомъ, по графикамъ „общественныхъ романовъ“ 70 и 80-хъ годовъ: пошлая семья, не сумѣвшая удовлетворить умственнымъ и нравственнымъ запросамъ индустриальной природы,—влїяніе осыльного радикала (въ данномъ случаѣ пожилого профессора, въ котораго потомъ влюбляется Вѣра), разлука съ нимъ и смерть его (конечно, отъ чахотки), разореніе семьи, искали дѣла и, разумѣется, подвигъ.

Послѣдній моментъ особенно характеренъ для романа Ковалевской. Вѣра присутствуетъ въ судѣ во время „процесса 75“. Его герою, еврею Павленкову, грозить заключеніе въ крѣпость. Вѣра знаетъ, что женатыхъ будто бы въ крѣпости не садятъ (!!), а ссылаетъ въ Сибирь, и рѣшается выйти замужъ за Павленкова, котораго видѣла одинъ только разъ въ жизни, чтобы спасти его отъ петропавловки. Для этого она наряжается, ѣдетъ къ вліятельному знакомому своей матери и даетъ ему понять, что дѣло у нея съ Павленковымъ зашло далеко, что нужно „грѣхъ покрыть и честь свою спасти“. Автору-рассказчику она такъ отзывается про старика-покровителя: „Ко мнѣ онъ любовно отнесся, такъ почему? Потому что рожица моя ему по вкусу пришлась; старыя грѣхи ему напомнила, кровь его старую распевелила“.

Очень блѣдно написана сцена политическаго суда. Стоить сравнить ее съ соотвѣствующимъ мѣстомъ въ „Андрѣй Кожуховъ“ Стеняка-Кравчинскаго, чтобы почувствовать всю разницу освѣдомленности и художественнаго проникновенїя.

Сравненіе это далеко не въ пользу Ковалевской.

Романъ этотъ издавъ по черновымъ наброскамъ. Не думаемъ, чтобы изъ него что-нибудь вышло, если бы Ковалевская успѣла закончить обработку. Во всякомъ случаѣ онъ ничего не прибавитъ въ литературной репутациі этой выдающейся русской женщины.

В. Н. Фигнеръ. Стихотворенїя. „Библиотека освободительной борьбы“. Спб., 1906 г. Ц. 20 к. Не съ художественной стороны слѣдуетъ цѣнить лежащїй передъ нами маленькїй сборникъ стихотворенїй, В. Фигнеръ, хотя въ немъ, безспорно, есть нѣсколько вещей глубоко поэтическихъ и трогательныхъ, какъ, наприм., привѣтъ матери или „Библия“. Стихотворенїя эти интересны, какъ отголосокъ того, что было пережито авторомъ въ разные періоды 22-лѣтняго швейцарскаго заключенїя. „Чего-чего не было за это время,—пишетъ авторъ въ предисловіи.—И настроенїе христіанской мученицы, готовой все снести съ кротостью агнца... и ярость пантеры, заключенной въ клетку и грудью и когтями бьющейся въ ней, въ порывѣ неутожимаго желанїя свободы, и безконечная сибѣнная пелена, когда все застыло, все успокоилось, и началось существованїе „безъ настроенїя“, безъ остраго страданїя, безъ мукъ отъ сознанїя своихъ силъ и своего безсилїя, когда думалось, что уже „свершилась судьба“, и единственный исходъ—смерть, естественная, спокойная, съ блѣднымъ утѣшенїемъ, что ляжешь рядомъ съ тѣмъ, кто умеръ раньше, и заслужишь такое же теплое чувство, которое самъ питаешь къ дорогимъ поклонникамъ... И вдругъ! опять ударъ въ замкнутую дверь, стукъ жизни, призывающїй: „возстань и гряди!“ Ахъ, когда человѣкъ уже рѣшилъ, что все кончено, и примирился съ этимъ, отказался жить, то быть вновь разбуженнымъ крикомъ: „живи!“, это цѣлая трагедїя, мука, отъ которой даже и сейчасъ я не могу еще освободит-

ся". Благодарная Россія никогда не забудетъ своихъ борцовъ за свободу: ихъ кровь и слезы—лучшіе перлы въ коронѣ грядущаго свободнаго народа.

М. Беме. Дневникъ падшей. Перев. съ нѣмецкаго. Книгоиздательство „Правда“. Кіевъ, 1906 г. Эта книга имѣла въ Германіи огромный успѣхъ. Онъ объясняется не тѣмъ, что ея заглавіе и сюжетъ могли привлечь извѣстное любопытство, напротивъ, ея страницы—и это очень характерно—строго-цѣломудренны, а тѣмъ, что „Дневникъ“ дѣйствительно является одной изъ самыхъ трогательныхъ повѣстей, какія только написаны о человѣческомъ—въ частности, о женскомъ страданіи. Нельзя сказать, чтобы та „падшая“, которая передаетъ намъ свою жизнь, была типичной проституткой и чтобы ея повѣствованіе характеризовало ординарную женщину улицы. Нѣтъ, внутренній міръ героини такъ изыщенъ, богатъ и сложенъ, что ее несомнѣнно слѣдуетъ признать натурой выдающейся. Только человѣкъ съ тонкой и впечатлительной душою могъ такъ реагировать на внѣшнія событія и окружающую среду. Что есть типичнаго въ книгѣ, такъ это—быть и нравы профессионаловъ разврата. Но центръ тяжести заключается не въ нихъ, а въ индивидуальныхъ переживаніяхъ героини. Она рано лишилась матери, и это привело ее на роковую дорогу. Молилась за нее мать на смертномъ одрѣ, молилась за нее тетя Фрида, старая дѣва, пасторъ судьбу ея ввѣрялъ Христу, но все это не помогло, и безпризорная дѣвушка, дочь распущеннаго отца, была столкнута злой мужской волей, мужской страстью, съ прямого пути, а затѣмъ, подхваченная водоворотомъ жизни, беспомощно забилась въ ея мутныхъ волнахъ. Ей встрѣчались и хорошіе люди, она была богата, и всяческія наслажденія были ей доступны, но все время томила ее тоска, потомъ сразила ее чахотка, и, больная, хотѣла она вернуться къ прошлому, къ розамъ родного сада, къ роднымъ могиламъ, но сама ушла въ безвременную могилу. И надъ ея гробомъ докторъ, который былъ для нея не только врачомъ, проникновенно воскликнулъ: „Боже, спаси нашихъ дѣтей!“ Эта молитва проходитъ черезъ всю книгу,—молитва за дѣтей, которыя носятъ когда-то бѣлые платьица, а потомъ выходятъ на улицу и продаютъ свое тѣло. Объ этой великой трагедіи есть въ произведеніи г-жи Беме яркія тирады и общественнаго, и философскаго характера, и книга вся вообще умна, интеллигентна, но опять-таки не этой стороною привлекаетъ она васъ, и не протестъ играть въ ней главную роль. Читатель оставляетъ книгу глубоко растроганный потому, что предъ нимъ прошла исторія сироты,—исторія, написанная въ нѣжныхъ и правдивыхъ чертахъ, плѣняющая своей искренностью и умственной печалью. Этотъ удивительный „дневникъ“, непосредственно вылившійся изъ обиженнаго, но въ то же время гордаго сердца, производитъ мягкое впечатлѣніе чистоты, которая не понадобилась міру нечистоту и была имъ осмѣяна и осквернена. Этимъ и замѣчательна элегія Беме, что, вопреки сюжету, „падшую“, которую она оплакиваетъ, хочется увѣнчать померанцевой вѣтвой—вѣнкомъ непорочной невѣсты.

ПУБЛИЦИСТИКА.

Карль Марксъ передъ судомъ присяжныхъ.—*Н. Кудринъ*. Галлерей современныхъ французскихъ знаменитостей.—*Климова*. Расправы и разстрѣлы.—*Д. Перрисъ*. Пionеры русской революціи.—13 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости.—*Грациановъ*. Народные университеты.

Карль Марксъ передъ судомъ присяжныхъ въ Кельнѣ. Дешевая библиотека товарищества Знанія. Ц. 10 к. Спб., 1906 г. Изъ массы выпущенныхъ въ послѣднее время товариществомъ Знанія брошюръ лежащая передъ нами брошюра, содержащая рѣчь Маркса передъ судомъ присяжныхъ, является наиболѣе интересной и заслуживающей вниманія. 9 ноября 1848 г., какъ извѣстно, министерство Мантейфеля перенесло самовольно мѣсто засѣданій національнаго собранія изъ Берлина въ Бранденбургъ, распустило гражданскую гвардію и объявило Берлинъ въ осадномъ положеніи. Національное собраніе, которое министерство гоняло изъ одного помѣщенія Берлина въ другое, сдѣлало постановленіе о пассивномъ сопротивленіи—объ отказѣ въ платежѣ податей беззаконному правительству. Правительство не преслѣдовало депутатовъ, но за то съ тѣмъ большей силой обрушилось на тѣхъ лицъ, которыя въ провинціи своими воззваніями пропагандировали постановленіе національнаго собранія. Въ числѣ этихъ лицъ передъ судомъ присяжныхъ въ Кельнѣ предсталъ и Карль Марксъ, обвиняемый въ призывѣ въ вооруженному возстанію и къ неплатежу податей. Рѣчь Маркса представляетъ изъ себя образчикъ неумолимой и безошадной логики. Онъ доказываетъ, что правительство первое переступило законъ, и если теперь оно думаетъ поразить своихъ противникомъ громовымъ словомъ: революціонеръ!—то этимъ оно можетъ привести въ ужасъ только филистеровъ. „Самъ революціонеръ“,—звучитъ эхо по всей Европѣ. „Постановленіе объ отказѣ въ платежѣ податей, принятое національнымъ собраніемъ, резюмируетъ Марксъ свою рѣчь, было дѣйствительно—я формально и материально. Мы въ своемъ воззваніи пошли дальше, чѣмъ національное собраніе. Это было наше право и наша обязанность. Я повторяю, наконецъ, что закончено только первое дѣйствіе драмы. Борьба между двумя обществами—средневѣковымъ и буржуазнымъ будетъ снова вестись въ политическихъ формахъ. Тѣ же конфликты опять начнутся, лишь только возобновится собраніе. Уже органъ министерства пророчить: опять выбрали тѣхъ же людей и придется второй разъ разгонять собраніе. Но на какой бы новый путь не вступило новое національное собраніе, неизбѣжный результатъ можетъ быть только одинъ: полная побѣда контръ-революціи или новая побѣдоносная революція“.

Н. Е. Кудринъ (Н. С. Русановъ). Галлерей современныхъ французскихъ знаменитостей. Книгоиздательство „Русское Богатство“. Спб., 1906 г. Ц. 1 р. 50 к. „Для меня всегда казалась крайне привлекательной задача объяснять и отчасти творчески воссоздавать—ибо безъ творчества тутъ не обойдешься—психологическіе типы такъ называемыхъ „знаменитостей“ изъ ихъ природныхъ особенностей, условій ихъ воспитанія, обстановки—въ узкомъ и широкомъ смыслѣ этого слова,—вплотдо великихъ историческихъ событій, увлекающихъ крупнаго человѣка въ водоворотъ общественной жизни и въ свою очередь получающихъ отъ него извѣстный драматическій интересъ,—замѣчаетъ авторъ въ предисловіи къ своей книгѣ. И нужно сказать, что онъ умѣло выполнилъ принятую на себя задачу. Передъ читателемъ, какъ живые, проходятъ цѣлый рядъ французскихъ общественныхъ и государственныхъ дѣятелей

какъ, напримѣръ, Клемансо, Вальдекъ Руссо, Комбъ, Анри Рошфоръ, Жоржъ и Гэдъ, людей науки, какъ Пастёръ и художниковъ слова, какъ Додэ, Золя, Анатоль Франсъ и Бурже. Анализируя психологию этихъ историческихъ личностей и ихъ произведеній въ связи съ общими потребностями эпохи, автору удалось „схватить и самый характеръ этихъ потребностей, потому что крупный дѣятель ярче отражаетъ, концентрируя въ своемъ сознаниі, какъ въ фокусѣ, носящаяся всюду въ воздухѣ, но разсыпанная по частямъ въ отдѣльныхъ личностяхъ идеи историческаго момента“. Книга снабжена двѣнадцатью хорошо выполненными портретами.

1) Климовъ. Расправы и разстрѣлы. Изд. Ефимова. М., 1906 г. Цѣна 1 р. 25 к. 2) Владиміровъ. Карательная экспедиція отряда лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка въ декабрьскіе дни на Московско-Казанской ж. д. М., 1906 г. Ц. 1 р. 3) Москва въ декабрь 1905 г. Изд. Кохманскаго. М., 1906 г. Ц. 1 р. „Безуміе и ужасъ... Этотъ лейтмотивъ „Краснаго смѣха“ Л. Н. Андреева сдѣлался основнымъ девизомъ современной русской дѣйствительности. Кровавыя расправы озвѣрѣвшей и обезумѣвшей контръ-революціи воскресили времена татарскихъ нашествій и опричнины.

Грабежи и организованная убійства, пытки, поджиганіе домовъ и разстрѣливаніе выбѣгающихъ мирныхъ обывателей, отдача цѣлыхъ городовъ на „потокъ и разграбленіе“ войскамъ и полици—вотъ тотъ отвратительный кошмаръ, который съ 17 октября давить и душить насъ. Тутъ офицеръ съ солдатами сбѣгутъ и затѣмъ разстрѣливаютъ послѣ всевозможныхъ издѣвательствъ случайно попавшагося въ руки студента; тамъ жандармы и городовые подстрѣливаютъ изъ оконъ и подворотенъ всѣхъ проходящихъ; разстрѣливаютъ за револьверъ, за найденный въ карманѣ номеръ радикальной газеты, за красный платокъ, за помощь раненымъ; разстрѣливаютъ—и грабятъ... Приснопамятный Минь „тремякратно лобызаетъ“ солдатъ и казаковъ за убійства рабочихъ и избіеніе нагайками сестеръ милосердія и благодарить ихъ „отъ имени Россіи“. И все это съ полнымъ сознаниемъ безнаказанности! Уѣзжая послѣ кровавой бойни, другой палачъ, Римапъ, совѣтовалъ крестьянамъ избивать, чѣмъ попало, всѣхъ, кто покажется имъ „ораторами и агитаторами“: „помните, что вамъ за это ничего не будетъ“. Дальнѣйшая судьба самихъ Миновъ и Римаповъ показала полную справедливость ихъ словъ.

Три книги, заголовки которыхъ выписаны нами выше, донесутъ до отдаленныхъ потомковъ „обиду нашего времени“. Собранные въ нихъ факты камнемъ ложатся на душу и вопіютъ о возмездіи. Они лягутъ въ основу обвинительнаго акта будущаго народнаго суда...

Большая заслуга г. Владимірова передъ родиной, опозоренной дикими вакханаліями опричниковъ, что онъ, подвергая свою жизнь опасности, собралъ по свѣжимъ слѣдамъ всѣ подробности „карательной экспедиціи“ семеновцевъ. Жаль только, что онъ испортилъ свою книгу излишними подчеркиваніями, претенціозными изліяніями, факты сами говорятъ за себя, и умышленно сгущать впечатлѣніе не было нужды.

Рассказъ г. Климова менѣе литературенъ, не вездѣ даже складенъ, но въ немъ больше чувства мѣры и простоты, спокойной дѣловитости, которая производитъ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ нервно подергивающееся, иногда срывающееся съ тона изложеніе г. Владимірова.

Сборникъ г. Кохманскаго—безхитростный, слабо проредактированный сводъ печатныхъ и рукописныхъ данныхъ о московскомъ вооруженномъ возстаніи. Кромѣ личныхъ наблюденій, составители его воспользовались

материалами московских „большевиков“ и „меньшевиков“, железнодорожного союза и союза союзов, санитарных отрядов и боевых дружин. При всѣх своихъ техническихъ недостаткахъ (непропорциональность и противорѣчія плана, повторенія, ужасающее количество опечатокъ и т. д.), онъ въ общемъ хорошо возстановливаетъ потрясающую картину декабрьскихъ дней въ Москвѣ.

Д. Перрисъ. Пionеры русской революціи (пер. съ англійскаго). Издан. Карчагина. Спб., 1906 г. Ц. 30 к. Книжка Перриса (при 152 стр., цѣна всего 30 к.) состоитъ изъ ряда очерковъ, основанныхъ главнымъ образомъ на воспоминаніяхъ русскихъ политическихъ эмигрантовъ. Она открывается краткой характеристикой „пропаганды“ 1870—1874 гг., въ которую включены бѣглыя воспоминанія о своей революціонной карьерѣ Н. В. Чайковскаго. Сама по себѣ она мало содержательна, но представляетъ извѣстный интересъ потому, что въ нашей легальной печати о Чайковскомъ и кружкѣ „Чайковцевъ“ говорилось слишкомъ мало. Слѣдующій за этимъ отрывокъ изъ воспоминаній Е. Ковальской даетъ яркую картину возмутительныхъ правительственныхъ репрессій по отношенію къ политическимъ каторжанамъ. Какъ извѣстно, насильственный увозъ Ковальской изъ Карійскихъ рудниковъ привелъ къ крупнымъ осложненіямъ, которыя закончились сѣченіемъ Сигиды, ея скорострительною смертью и самоубійствомъ нѣсколькихъ заключенныхъ одновременно съ нею лицъ (Ковалевской, Бобохова, Калюжнаго и др.). Очень интересна характеристика Ф. Волховскаго, талантливаго автора ряда агитаціонныхъ популярныхъ книжекъ, о которомъ въ нашей легальной печати до сихъ поръ не было никакихъ свѣдѣній. Съ большою любовью обрисованъ Степнякъ-Кравчинскій, одинъ изъ наиболѣе яркихъ „народовольцевъ“. Особенно цѣнно изложеніе его взглядовъ на терроръ. Послѣднія двѣ главы посвящены „молодому поколѣнію“ и „началу (?) рабочаго движенія“ — д-ру Сосеасу, Марку Брайдо и Гапону. Повторяя общеизвѣстные данныя, онѣ могли представить интересъ только для западныхъ читателей.

Кое-гдѣ встрѣчаются фактическіе промахи, которые слѣдовало бы отговорить переводчикомъ: казненный въ Одессѣ въ 1878 г. Ковальскій превратился въ Марію Ковальскую (стр. 65), С. М. Драгомановъ см. М. П. (стр. 70), Веймаръ будто бы былъ „другомъ императрицы“ (стр. 74) и т. д. Въ текстѣ помѣщены портреты Лаврова, Чайковскаго, Крапоткина, Брешневской, Ковальской Сигиды, Волховскаго, Степняка и Гапона.

13 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Записки Л. А. Волкенштейнъ. Съ пред. В. И. Засуличъ. Книгоизд. „Новый Миръ“. Спб., 1906 г. Ц. 20 к. Въ короткое время выходитъ второе изданіе этихъ замѣчательныхъ записокъ. По поводу перваго (г. Балашова) мы уже говорили на страницахъ *Русской Мысли* объ ихъ общемъ значеніи. Второе, на сторонѣ котораго всѣ преимущества, даетъ болѣе полный и исправный текстъ, лучше въ типографскомъ отношеніи и снабжено недурнымъ портретомъ автора и прекраснымъ предисловіемъ В. И. Засуличъ.

На послѣднемъ стоить остановиться.

Обрисовавъ нѣсколькими рѣзкими и яркими штрихами всѣ ужасы русской политической тюрьмы, г-жа Засуличъ возводитъ ее въ символъ самодержавной Россіи. Новая жизнь закипѣла въ послѣднее время въ этой „громадной вероссийской тюрьмѣ“.

Давно уже въ ней слышалось движеніе. „Но до послѣдняго времени

самодержавную тишину нарушала по преимуществу молодежь интеллигентнаго „отдѣленія“, рѣзко ограниченнаго отъ необозримаго пространства, гдѣ молчаливо дремалъ еще въ средневѣковомъ снѣ россійскій народъ, приводя въ отчаяніе пытавшихся сговориться съ нимъ борцовъ. Последнее движеніе дошло до высочайшей степени напряженія, но, покинутая своими старшими родичами и не добудившись народа, она послѣ отчаяннаго сопротивленія была, наконецъ, сломлена. Восьмидесятые годы были торжествомъ идеальнаго самодержавія: все притихло въ громадной тюрьмѣ. Миновало, однако, проклятое десятилѣтіе, наступило другое, и снова послышалось движеніе, но на этотъ разъ не одно только уже привычное движеніе интеллигентной молодежи. На ея призывъ теперь гудко отвѣтила тысячами голосовъ часть народной массы, неотдѣлимая отъ нея рѣзкой гранью, въ нее переходящая и отъ нея пополняющаяся.

Какая судьба ждетъ это новое движеніе? Задушено, выловлено, подобно предыдущему, совершавшемуся въ слишкомъ ограниченной сферѣ, оно быть не можетъ. Но какъ долго продлится борьба, сколько причинитъ она страданій, будетъ зависѣть отъ солидарности всѣхъ враговъ самодержавія.

На этотъ разъ среди „отцовъ“, среди интеллигентнаго поколѣнія, выставившаго шлессельбуржцевъ, много людей, которымъ знакома вся тоска, сопровождающая пониженіе жизни до уровня, требуемаго самодержавіемъ, и—хотя бы по сочувствію—вся вражда революціонной эпохи, тотъ „духъ злобы и печали“, о которомъ говоритъ поэтъ. Солидарность, если не любви, то гнѣва, требуетъ, чтобы такъ или иначе они поддержали начавшееся движеніе. Чѣмъ разнообразнѣе и многочисленнѣе были бы нарушенія предписаннаго безмолвія и бездѣйствія, тѣмъ скорѣе прелѣдованія потеряли бы и всю свою остроту, и всякій смыслъ, и безпрерывно и всесторонне нарушаемая инструкторія превратилась бы въ невыполнимую, негодную бумажонку, которая отправилась бы въ архивъ вмѣстѣ со всей системой“.

Шлессельбурга, въ которомъ борьба за жизнь и человѣческое достоинство почти всегда и всѣхъ приводила къ смерти или безумію, уже нѣтъ, какъ мѣста заключенія; но когда свѣжее и молодое движеніе подороетъ стѣны „громадной всероссійской тюрьмы“?

Н. Граціановъ. Народные университеты въ Западной Европѣ, Сѣверн. Америкѣ и въ Россіи. Книгоиздательство „Свѣтель“. Ц. 10 к. Эта брошюра, написанная извѣстнымъ дѣятелемъ народнаго образованія, въ сжатомъ очеркѣ намѣчаетъ успѣхи того просвѣтительнаго теченія („university extension“), которое въ последнее время какъ бы сдвинуло университетъ съ его мѣста и сдѣлало его странствующимъ, приблизило къ массѣ, жаждущей свѣта. Конечно, Россія въ этой популяризаціи знанія путемъ живого слова играетъ далеко не видную роль, хотя кое-что уже сдѣлано. Нечего говорить о великомъ значеніи, какое имѣетъ демократизація науки. Среди нашей тьмы и крови, въ которой мы живемъ, единственный выходъ можно видѣть въ просвѣщеніи народа: вѣдь и тьма-то воцарилась, и кровь полилась именно потому, что правящіе классы намѣренно и сознательно держали народъ въ невѣжествѣ. Оттого всякая попытка къ распространенію науки и является такой желанной. И отрадно читать на обложкѣ отмѣчаемой брошюры, что значительная часть ея выручки „пойдетъ на устройство въ Нижнемъ-Новгородѣ научныхъ курсовъ для рабочаго и ремесленнаго населенія“. Инициаторы курсовъ обращаются за сильной помощью въ этомъ благодѣльѣ ко всему русскому обществу, ко всѣмъ, „раздѣляющимъ взглядъ,

что народное невежество является однимъ изъ злѣйшихъ и упорныхъ враговъ благосостоянія нашей родины, что начальное образование совершенно не въ состояніи дать отвѣты на всѣ сложные жизненные запросы крестьянства, рабочаго и ремесленного населенія, что сила и могущество государства находится въ прямой и непосредственной зависимости отъ суммы знаній въ широкихъ слояхъ населенія". А кто же этого взгляда не разделяетъ?

ФИЛОСОФІЯ, ПЕДАГОГИКА.

Фр. Паульсенъ. Основы этики.—Первая, вторая и третья книги педагогической психологіи.

Фридрихъ Паульсенъ. Основы этики. Пер. подъ ред. Вл. Н. Ивановскаго. Изд. Прокоповича. Вып. I. М., 1906 г. Предлагаемая въ переводѣ книга представляетъ собою I-й томъ двухтомнаго сочиненія Паульсена, озаглавленнаго „System der Ethik, mit einem Umriss der Stats und Gesellschaftslehre“. Томъ этотъ является вполне законченнымъ цѣлымъ, почему и издается пока отдѣльно, хотя переводчики не теряютъ надежды познакомить русскую публику и со вторымъ томомъ. Основную точку зрѣнія, вокругъ которой, по мнѣнію Паульсена, группируются мысли новыхъ писателей по этикѣ, онъ называетъ телеологической. Она занимаетъ средину между двумя противоположными крайностями и ими опредѣляется. Съ одной стороны, телеологическая этика, въ противоположность *гедонистическому утилитаризму*, утверждаетъ, что абсолютно цѣннымъ будетъ не самое ощущение, но переживаемое съ наслажденіемъ объективное содержаніе жизни, что наслажденіе представляетъ собою форму, въ которой субъектъ познаетъ вещи и ихъ цѣнность. Съ другой стороны, телеологическое направленіе избѣгаетъ крайностей *интуитивнаго формализма*, который видитъ абсолютно цѣнное въ соблюденіи апріорныхъ правилъ, нравственныхъ законовъ. Телеологическая этика, напротивъ, утверждаетъ, что абсолютно цѣнное заключается не въ соблюденіи нравственныхъ законовъ, въ самомъ ихъ содержаніи—въ самой человѣчески-исторической жизни. Подъ вліяніемъ новыхъ биологическихъ воззрѣній этика снова, по мнѣнію Паульсена, возвращается къ своей старой задачѣ: быть общимъ „практическимъ ученіемъ о жизни“ въ духѣ Аристотеля, снова становится телеологическимъ изслѣдованіемъ условій высшаго блага, или совершенной формы жизни. Уклонялась же въ сторону этика подъ вліяніемъ формалистическаго апріоризма Канта, внесеннаго имъ въ этику изъ его теоріи познанія. Таковъ общій фонъ книги. Сочиненіе Паульсена замѣчательно не только по основной своей идеѣ и по своему направленію, единственно, какъ кажется, возможному при современномъ состояніи знанія. Оно замѣчательно и какъ литературное произведеніе. Рѣдко встрѣчаются книги такъ хорошо и такъ задушевно и сердечно, если можно такъ выразиться, написанныя. Это не сухое научное сочиненіе, но какъ бы радически лиризованная, отлитая въ отвлеченныя формы, автобіографія, богата опытомъ жизни и практической мудростью. Къ сочиненію Паульсена вполне примѣнимо то, что онъ говоритъ на стр. 48 о Платонѣ: „кимъ образомъ, для Платона, какъ и для всякаго истиннаго философа, то, что онъ переживалъ въ своей душѣ, обратилось въ ключъ, при помощи котораго онъ толковалъ человѣческую жизнь да и все вообще“. Поэтому Паульсенъ учитъ не только непосредственно тѣмъ, что г

рять о данномъ предметѣ, но и какъ бы между строкъ, въ виду разсѣянныхъ по всей книгѣ отдѣльныхъ тонкихъ и жизненныхъ мыслей. Вышедшій I-й выпускъ содержитъ въ себѣ исторію этики. Въ историческомъ обзорѣ Паульсенъ даетъ не обстоятельныя изложенія извѣстнаго ученія, но законченныя общія характеристики этики древнихъ, христіанства и новаго времени, необыкновенно мастерски написанныя. Въ особенности удалась Паульсену характеристика христіанства.

Первая, вторая и третья книжки педагогической психологіи. Спб., 1905—1906 гг. Ц. 75, 75 и 70 к. Книжки педагогической психологіи, выходящія подъ редакціей А. П. Нечаева, посвящены новѣйшимъ теченіямъ въ разработкѣ науки о дѣтяхъ, основной принципъ которыхъ—опираться въ педагогикѣ на изученія дѣтей. Основатель новаго направленія, носящаго названіе *педологическаго*, Стэнли Холль, началъ въ 1893 году издавать журналъ *Pedagogical Seminary*, въ которомъ впервые устанавливаетъ понятіе о новой наукѣ и о ея методахъ. Педологія стремится всесторонне понять духовный міръ ребенка, исходя изъ экспериментальныхъ физиологическихъ и психологическихъ данныхъ. Педологія занимаетъ технику эксперимента у физиологіи и психологіи, но примѣняетъ ее для достиженія специально педагогическихъ цѣлей. Въ первомъ номерѣ новаго журнала *Die experimentelle Pädagogik* (Wiesbaden 1905) проф. Мейманъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ отличіе педологическаго эксперимента отъ собственно психологическаго: „Психологическій экспериментъ носитъ, по преимуществу, *аналитическій* характеръ, у него на первомъ планѣ стоитъ задача расчленивъ душевную жизнь, провести это расчлененіе до элементовъ и изслѣдовать условія душевныхъ процессовъ; педагогическій экспериментъ, напротивъ, носитъ, по преимуществу *синтетическій* характеръ, ставя своей цѣлью воссоздать работу ученика изъ простыхъ, схематически представленныхъ условій работы, и выяснитъ совмѣстное вліяніе многихъ условій на пороженіе психической работоспособности“. Дальнѣйшія различія между психологическимъ и педагогическимъ экспериментомъ, по мнѣнію Меймана, заключаются въ томъ, что при первомъ имѣются въ виду чисто *теоретическій* интересъ и выясненіе *общихъ* явленій душевной жизни, между тѣмъ какъ при второмъ на первый планъ выступаютъ *практическіе* запросы и выясненіе *индивидуальныхъ* особенностей психическаго міра. Итакъ, педологія стремится къ всестороннему экспериментальному изученію ребенка, какъ объекта воспитанія, въ надеждѣ, что точное знаніе этого объекта поможетъ современемъ построить новую, фактически обоснованную педагогику. Въ Петербургѣ существуетъ психологическая лабораторія, приспособленная для педологическихъ цѣлей, руководимая редакторомъ „Внѣжекъ“, и работы изъ этой лабораторіи входятъ въ составъ „Книжекъ педагогической психологіи“. Въ Европѣ педологическое движеніе, начатое америванцами, еще только начинаетъ развиваться. „Книжки“ представляютъ собою первый опытъ русскихъ психологовъ-педагоговъ въ этомъ дѣлѣ.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

К. Качаровскій. Народное право.

К. Качаровскій. Народное право. Книгоиздательство „Молодая Россія“. Москва, 1906 г. Ц. 90 к. Новая работа г. Качаровскаго, извѣстнаго изслѣдователя общины, заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

Авторъ полагаетъ, что для Россіи въ настоящій моментъ представляется самымъ основнымъ и наиболее неотложнымъ изученіе народнаго права, правосознанія трудовыхъ массъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Со времени народниковъ это изученіе приостановилось; марксизмъ, разсматривающій трудовую массу съ высоты отвлеченнаго, догматическаго ученія, не создалъ ни этнографической, ни правовой, ни исторической литературы. Задачи момента возлагаютъ на интеллигенцію тяжелую отвѣтственность: догматизмъ долженъ быть устраненъ добросовѣстнымъ изученіемъ матеріальнаго и духовнаго быта населенія. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что законодательныя нормы представляются трудовому крестьянству дремучимъ лѣсомъ, гдѣ нѣтъ дорогъ и гдѣ ждутъ его тысячи опасностей. „Писанный законъ бюрократическаго государства своей внутренней противорѣчивостью, противорѣчьемъ съ условіями жизни, съ интересами и идеалами трудовыхъ массамъ, наконецъ, голымъ насиліемъ и произволомъ въ его примѣненіи — непонятенъ этимъ массамъ, и потому, хотя страшенъ, но ненавистенъ, а часто, когда понятенъ, то еще болѣе ненавистенъ“. Несмотря на терроризирующую силу закона, онъ открыто не исполняется массами: такова, наприм., судьба трехъ главнѣйшихъ законовъ, имѣвшихъ цѣлью затереть просыпающуюся въ крестьянствѣ личность и раздробить складывающіяся и развивающіяся общественныя организаціи трудового крестьянства, а именно законовъ о семейныхъ раздѣлахъ, о передѣлахъ общинной земли и о переселеніи. Народная жизнь регулируется обычнымъ правомъ. „Какимъ бы въ самомъ дѣлѣ дикаремъ не представлялъ русскаго мужика, но допустить, что онъ, отвергая законъ, дѣлаетъ это не во имя другого права, а въ силу отсутствія у него всякаго правосознанія, и что на мѣсто отвергнутаго имъ закона у него нѣтъ никакихъ правовыхъ нормъ, а какое-то сплошное безправіе, какая-то полная анархія, — невозможно“. Авторъ на примѣрѣ преобладанія жизнѣдѣтельной общины надъ замерзшей, регулирующей въ значительной части своихъ коренныхъ устоевъ обычнымъ правомъ, опровергаетъ установившійся взглядъ объ отсутствіи среди крестьянства этого права. Народное право слагается изъ права труда, права на вещи, благодаря вложенному въ ихъ производство труду и изъ права на трудъ, вытекающаго изъ общаго права на человеческое существованіе. Трудъ затрачивается въ настоящее время главнымъ образомъ индивидуальное; поэтому и право труда проникнуто личнымъ, а не коллективистическимъ началомъ и предоставляетъ изъ себя скорѣе отклоненіе, чѣмъ приближеніе къ высшему типу развитія.

„Право труда, отрицая не трудовое капиталистическое землевладѣніе, не только не замѣняетъ его необходимо трудовыми коллективными владѣніемъ, но, наоборотъ, благодаря неколлективности малаго земледѣческаго производства, стремится или къ совершенно личной (подворной) собственности, или къ узко-коллективной общинной. Право же на трудъ, напротивъ, немыслимо безъ уравнительнаго распредѣленія, а значитъ, и безъ той или иной широкой формы коллективнаго владѣнія“. Отсюда вытекаетъ необходимость разрѣшенія аграрнаго вопроса въ формѣ народно-государственнаго обобществленія земли. Стихійное же творчество приводитъ лишь къ дальнѣйшей анархіи. „Если бы захватъ пришелъ подъ знаменемъ коллективизма, то подъ этимъ знаменемъ сражалась бы огромная контрабанда личнаго начала въ видѣ неуравнительнаго захвата“.

Здѣсь мы не будемъ полемизировать съ г. Качаровскимъ, укажемъ ли на основную, по нашему мнѣнію, недостаточность изслѣдованій автора, на иде

лизированіе міра, „общественной совѣсти“ крестьянства. Въ качествѣ примѣра авторъ указываетъ на рѣдкость злоупотребленій при крестьянскихъ опекахъ. Какъ разъ обратное неопровержимо доказываютъ такіе изслѣдователи народнаго быта и права, какъ Бржесскій. Г. Качаровскому присуща и нѣкоторая неясность, и непродуманность общихъ началъ и положеній. Націонализація земли не представляетъ торжества коллективизма, какъ это думаетъ Качаровскій.

Во всякомъ случаѣ книга г. Качаровскаго, какъ мы уже замѣтили въ началѣ рецензіи, заслуживаетъ серьезнаго вниманія и изученія.

ГЕОГРАФІЯ.

Д. Садовниковъ. Наши землепроходцы.

Д. Садовниковъ. Наши землепроходцы. Разказы о заселеніи Сибири. (1581—1712 гг.). Изд. третье, исправленное. Москва, 1905 г. Въ исторіи каждаго народа мы встрѣчаемъ страницы, посвященныя открытіямъ и изобрѣтеніямъ въ той или другой области. Испанія, Португалія, Франція, Англія,—всѣ эти страны дали отважныхъ людей, посвятившихъ себя всецѣло одной идеѣ,—идеѣ открытія невѣдомаго въ окружающемъ насъ мірѣ. Другія страны являются носительницами прогресса въ другомъ отношеніи,—въ дѣлѣ изобрѣтенія полезныхъ машинъ или въ дѣлѣ открытія невѣдомыхъ для насъ дотолѣ силъ природы. Путешествія составляютъ и до сихъ поръ наиболее интересный отдѣлъ бібліотеки, которая предназначается для юношества; кто не знаетъ, съ какимъ увлеченіемъ читаются книги, говорящія объ открытіи новыхъ земель и областей. Западная литература представляетъ собой богатый матеріалъ по исторіи путешествій; особенно много, правда, и фантастичнаго вложилъ Жюль-Вернъ въ свои произведенія, представляющія неисчерпаемый интересъ для юнаго возраста. Русская литература чрезвычайно бѣдна въ томъ отношеніи и предлагала до сихъ поръ юнымъ читателямъ переводныя книги, пользующіяся большимъ и вполне заслуженнымъ успѣхомъ на западѣ. Г. Садовниковъ пытается восполнить этотъ пробѣлъ въ отечественной литературѣ и предлагаетъ вниманію читателей новую книгу, посвященную исторіи заселенія Сибири и ея завоевателей. Мы не знаемъ, какую цѣль преслѣдовалъ авторъ разбираемой книги: желалъ ли онъ познакомить читателей съ исторіей завоеванія Сибири или же онъ преслѣдовалъ совершенно иную цѣль: познакомить юнаго читателя съ русскими „великими“ людьми, отрывшими человечеству новую страну—Сибирь. Судя по заключительной главѣ авторъ преслѣдовалъ вторую цѣль, что для насъ является чрезвычайно страннымъ. Неужели же г. Садовниковъ въ припадкѣ особаго „патріотизма“ (достойнаго развѣ духа *Моск. Вѣдомостей*) можетъ сравнивать открытіе Америки Колумбомъ, этимъ великимъ человекомъ, преданнымъ всецѣло своей идеѣ исполнѣ отвлеченной, идеѣ открытія новаго пути въ Индію,—съ завоеваніемъ русскими хгорской земли? Неужели Ермакъ, первооткрыватель Сибири, и всѣ остальные „великіе“ люди, вродѣ Пояркова, Хабарова и т. п., являются достойными носителями идеи открытія, настолько достойными, чтобы имъ посвящать отдѣльную книгу? Исторія этихъ завоеваній представляетъ собой одно только стремленіе къ наживѣ, сначала со стороны Строгановыхъ, затѣмъ уже со стороны наводнившихъ Сибирь бездомныхъ казаковъ; правда, истребленіе несчастныхъ инородцевъ шло чрезвычайно успѣшно, но неужели этотъ фактъ достоинъ особаго восхваленія? Если

бы г. Садовниковъ не привелъ вышеупомянутого сравненія въ послѣдней главѣ, то мы думали бы, что авторъ преслѣдуетъ первую цѣль, — исторію завоеванія Сибири. Съ этой точки зрѣнія книга несомнѣнно представляетъ особый интересъ, позволяющій намъ поближе познакомиться съ наиболѣе темными страницами нашей исторіи, тѣмъ болѣе, что авторъ знакомитъ насъ съ подлинными донесеніями завоевателей, отправлявшихъ „грамоты совмѣстно съ ясакомъ (данью) великому государю“. Намъ кажется нѣсколько страннымъ языкъ, которымъ пользуется г. Садовниковъ: если эта книга написана для дѣтей, то она слишкомъ серьезна, если же для юношества, то зачѣмъ это поддѣлываніе подъ народный говоръ съ особенными словечками, вроде „путина“ вмѣсто путь и т. д.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

И. Ремсенъ. Введеніе въ изученіе химіи.—М. Коноваловъ. Практическія занятія по общей химіи.

Библиотека для самообразован'я. И. Ремсенъ. Введеніе въ изученіе химіи. (Неорганическая химія.) Переводъ подъ редакціей М. И. Коновалова. Изданіе 2-ое, исправленное и дополненное. Москва, 1906 г. Книга Ремсена давно завоевала себѣ прочное положеніе въ ряду другихъ руководствъ по неорганической химіи. Нагляднымъ показателемъ такого отношенія къ вышеупомянутой книгѣ мы видимъ въ томъ успѣхѣ, съ какимъ успѣло разойтись 1-ое изданіе въ сравнительно короткій промежутокъ времени. Систематизація матеріала, умѣлое изложеніе, скажемъ даже больше, популярное, оставаясь все время строго научнымъ (эти два качества такъ рѣзко уживаются вмѣстѣ)—вотъ что составляетъ отличительную особенность книги Ремсена. Въ краткомъ предисловіи редакторъ означеннаго труда, проф. М. И. Коноваловъ, указываетъ на быстрое распространеніе перваго изданія; это явилось побудительнымъ стимуломъ для выпуска 2-го изданія. Различіе между этими двумя изданіями весьма небольшое. О первомъ изданіи было сказано въ свое время, были разобраны научныя достоинства „Введенія въ изученіе химіи“. Намъ остается только указать на тѣ добавленія, которыя сдѣланы въ настоящемъ изданіи. Такими добавленіями являются: на стр. 164 — методъ сгущенія воздуха въ жидкость (съ примѣчаніемъ редактора), на стр. 317 — контактный способъ приготовленія сѣрной кислоты, на стр. 395 — электролитическая диссоціація (въ этомъ параграфѣ чрезвычайно сжато говорится о существующей теперь гипотезѣ іоновъ), на стр. 431 — радій и радиоактивность и т. д. Намъ кажется нѣсколько страннымъ, что редакторъ не счелъ нужнымъ хотя бы въ словѣ болѣе подробно сказать о получившей теперь права гражданства гипотезѣ іоновъ; гипотеза эта имѣетъ въ настоящее время очень большое значеніе, все болѣе и болѣе разрастающееся благодаря тщательной разработкѣ теоріи электролиза. Не менѣе удивительнымъ является и то обстоятельство, что въ параграфѣ о радіи говорится объ эманации, не поясняя въ чемъ она состоитъ; поланіи и актиніи совершенно обойдены молчаніемъ. Конечно, это небольшіе промахи, которые не вредятъ общему достоинству книгу; хотѣлось бы, чтобы они были избѣгнуты при печатаніи 3-го изданія, что, надѣемся мы, придется скоро исполнить въ виду громаднаго спроса на крайне полезную книгу Ремсена.

Библиотека для самообразованія. М. Коноваловъ. Практическія занятія по общей химіи. Составлено по Рамсэю съ измѣненіями и дополненіями. Москва, 1906 г. Вмѣстѣ со 2-мъ изданіемъ

книги Ремсена „Введение въ изученіе химіи“ (Неорганическая химія). Библиотека для самообразованія выпустила небольшой томикъ практическихъ занятій по общей химіи, составленный проф. М. И. Коноваловымъ. Нельзя не привѣтствовать отъ всей души этого крайне полезнаго и давно ужъ назрѣвшаго появленія пособій какъ по физикѣ, такъ и по химіи.

Въ предисловіи къ своему труду проф. Коноваловъ указываетъ на громадную пользу работъ въ лабораторіи „какъ для общаго химическаго образованія, такъ и для усвоенія неорганической (общей) химіи вообще и стехиометріи въ частности“. Наглядность этихъ практическихъ занятій, большая ихъ польза, все это вмѣстѣ взятое убѣдило автора книги „напечатать то“, что онъ издавалъ для небольшого курса практикантовъ, работавшихъ подъ его руководствомъ. Основой настоящаго труда является превосходная книга Рамсея „Экспериментальныя основанія теоретической химіи“, русскій переводъ которой сдѣланъ А. П. Постниковымъ. Составитель сборника останавливаетъ вниманіе читателя на серьезномъ педагогическомъ значеніи количественныхъ работъ и указываетъ на тѣ возраженія, которыя были сдѣланы ему по поводу этого „нововведенія“; мы думаемъ, что результаты этихъ работъ настолько могутъ быть велики, что возраженія противъ нихъ сами собой отпадутъ. Достаточно той небольшой таблицы, которую приводитъ проф. Коноваловъ (рядовыя работы двухъ студентовъ въ 1903—1904 уч. г.): разница въ конечныхъ результатахъ колеблется отъ 1 до 2%; принимая во вниманіе „грубость пріемовъ“ и новизну работъ можно считать постановку данныхъ опытовъ болѣе, чѣмъ удовлетворительной. Составитель книги даетъ указанія, какія работы и на какомъ отдѣленіи исполнять въ теченіе послѣдняго учебнаго года. Мы думаемъ, что эта небольшая книжка принесетъ много пользы работающимъ по общей химіи и сдѣлается вскорѣ настольной книжкой въ каждой мало-мальски порядочной лабораторіи.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

И. Климентъ. Воздѣлываніе кормовыхъ растений и польза отъ нихъ.—*К. Окуличъ.* Молочное дѣло.

И. Клингенъ. Воздѣлываніе кормовыхъ растений и польза отъ нихъ. Часть I. Ц. 40 к. Часть II—Злаки. Ц. 10 к. Часть III—Бобовыя травы. Ц. 20 к. Спб., 1906 г. Только удѣльному вѣдомству (не стѣсненному денежными средствами) можно было выпустить въ свѣтъ такое баснословно дешевое изданіе, назначенное въ руководство удѣльнымъ арендаторамъ. Первая часть, включающая въ себя общій обзоръ кормовыхъ растений и изложеніе научныхъ основъ полевого травосѣянія, содержитъ 15 печатныхъ листовъ большого формата, свыше сотни довольно изящныхъ рисунковъ и три отдѣльныя таблицы. Во второй части, которая продается отдѣльно только за гривенникъ (а удѣльнымъ арендаторамъ даже за 5 к.), около 9 листовъ текста, 72 рисунка и 4 раскрашенныя таблицы сѣвооборотовъ; здѣсь дано специальное описаніе культуры отдѣльныхъ злаковыхъ травъ. Третья часть, отведенная воздѣлыванію многолѣтнихъ бобовыхъ, содержитъ болѣе 8 листовъ текста, 49 рисунковъ и 7 таблицъ. Всѣ выпуски снабжены подробными оглавленіями и алфавитными указателями. Среди рисунковъ много оригинальныхъ по фотографіямъ съ натуры. Руководство, написанное И. Н. Кли-

геномъ, будетъ оцѣнено далеко внѣ тѣсной среды удѣльныхъ арендаторовъ: оно окажется очень полезнымъ для учителей народныхъ школъ и заслуживаетъ самаго широкаго распространенія. Въ заключительныхъ страницахъ текста къ первому выпуску авторъ останавливается на причинахъ русской бѣдности и къ этимъ причинамъ относитъ, между прочимъ, „неладные общинные правовые и поземельные порядки“ (стр. 163). напрасно вставлено здѣсь слово „общинные“, позволяющее думать, будто бы наши государственные порядки были когда-нибудь удовлетворены и не отразились на положеніи крестьянскаго хозяйства.

И. К. Окуличъ. Молочное дѣло. Изд. Девриена. Спб., 1906 г. Цѣна 1 р. 25 к. Авторъ книги—питомецъ цюрихскаго политехникума, бывшій дѣятель сибирскаго маслодѣлія, теперь перешедшій на службу въ Петербургъ. Книга назначена въ руководство русскимъ хозяевамъ. Послѣ краткихъ указаній на составъ и пороки молока описаны важнѣйшіе приемы изслѣдованія молока, уходъ за молокомъ и получение сливокъ; второй отдѣлъ книги даетъ краткій очеркъ маслодѣлія; въ третьемъ отдѣлѣ болѣе подробно описано сыродѣліе. Въ книгѣ около 150 рисунковъ, между прочимъ детальныи рисунокъ сепаратора въ разрѣзѣ. Изложеніе сжатое и довольно простое; имѣются указанія на практику сибирскаго хозяйства. Цѣна книги нѣсколько высока для объема, многимъ превышающаго 10 печатныхъ листовъ.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Н. Березинъ. Страна гранита и озеръ.—Т. Эдисонъ, его жизнь и изобрѣтенія.

Н. Березинъ. Страна гранита и озеръ. (Финляндія). Съ рис. Библиотека юнаго читателя. Цѣна 35 коп. На страницахъ нашего журнала все чаще и чаще встрѣчаются отзывы о книжкахъ, входящихъ въ составъ „Библиотеки юнаго читателя“. Очевидно, книгоиздательство энергично принялось за дѣло, и выпуски „Библиотеки“ встрѣчаютъ сочувственные отзывы печати.

Очеркъ г. Березина представляетъ полное и всестороннее, но нѣсколько сухое описаніе Финляндіи. Въ 1-ой главѣ мы находимъ очеркъ геологическаго прошлаго страны и описаніе ея природы, полной своеобразной прелести хвойныхъ лѣсовъ, причудливыхъ скалъ, безчисленныхъ тихихъ озеръ и серебристо-голубого моря, усѣяннаго множествомъ шхеръ (или „шеръ“ по финскому произношенію). Здѣсь вниманіе читателя привлечетъ тотъ трудъ, тѣ безконечныя усилія, которые прилагаетъ финнъ для обработки своей каменистой земли, для эксплуатациіи своихъ рѣкъ и озеръ. И труды эти не пропади даромъ. На страницахъ книги г. Березина читатель найдетъ всю исторію развитія этой бѣдной страны, исторію упорнаго труда и побѣды человѣка надъ природой. Очень интересны главы, посвященные жизни финскихъ крестьянъ и батраковъ и финскихъ рабочихъ. Для иллюстраціи авторъ приводитъ рассказы изъ жизни финскихъ бѣдняковъ: рассказъ финскаго писателя Пьетари Пейверанта: „Илмари Юузе“ и рассказъ Юхани Ахо: „Новая земля“. Предпоследняя глава посвящена государственному устройству и самоуправленію Финляндіи. Описаніе сейма, сената, суда, администраціи и самоуправления отличается полной научностью и безпристрастіемъ, но изложено нѣсколько сухо и, скажемъ, слишкомъ серьезно, принимая во вниманіе юный возрастъ читателей, для которыхъ предназначается книжка

г. Березина. Гораздо доступнѣе и интереснѣе отдѣлы о религіи и церкви въ Финляндіи и о народномъ образованіи; рассказы и эпизоды изъ жизни финновъ, личныя впечатлѣнія автора придають этимъ очеркамъ живость и яркость непосредственнаго наблюденія. Глава о финскихъ партіяхъ очень интересна, но опять-таки нѣсколько суше написана. Авторъ доходитъ въ своемъ описаніи до самыхъ послѣднихъ дней, говоритъ даже о возвращеніи финляндской „вольности“ послѣ 17 октября. Впечатлѣніе отъ прочтенія книги у читателя получается бодрое, будущее Финляндіи рисуется свѣтлымъ. „Посѣтитель, успѣвшій изучить финскую страну,—говоритъ авторъ (стр. 6),—уважаетъ съ мыслью, что, дѣйствительно, народъ этотъ отлично справится со своими невзгодами, что онъ самъ,—только не мѣшайте ему,—медленными, но вѣрными шагами будетъ двигаться впередъ, и, можетъ быть, дѣйствительно скорѣе другихъ достигнетъ общаго благополучія, водворить у себя справедливость во всемъ, въ чемъ такъ давно и упорно нуждаются всѣ люди на всей землѣ“.

„Библіотека юнаго читателя“. Томасъ Альва Эдисонъ, его жизнь и изобрѣтенія. Съ рисунками. Спб., 1906 г. Среди современныхъ великихъ людей имя Эдисона пользуется особымъ уваженіемъ; этому величайшему современному изобрѣтателю въ области электротехники и посвящаетъ „Библіотека юнаго читателя“ свою небольшую книжку. Не много книгъ, которыя прочтутся съ такимъ захватывающимъ интересомъ, какъ біографія Эдисона.

Т. А. Эдисонъ представляетъ собой выдающійся примѣръ терпѣнія, энергіи, силы воли и ума; это человѣкъ, который добьется своего, если только задуманное достижимо. Выросши въ небогатой семьѣ, онъ 14 лѣтъ отъ роду самостоятельно зарабатывалъ хлѣбъ насущный и даже помогалъ родителямъ; 14 лѣтъ онъ издавалъ маленькую желѣзнодорожную газету, въ которой былъ и наборщикомъ, и редакторомъ, и продавцомъ! Телеграфъ внушаетъ ему особенный къ себѣ интересъ; онъ всецѣло поглощенъ улучшеніями и новизобрѣтеніями въ телеграфномъ дѣлѣ и путешествуетъ изъ одного города Америки въ другой, изгоняемый со службы то за свою слишкомъ смѣлую изобрѣтательность, то благодаря зависти окружающихъ его людей. Наконецъ, 21 года онъ попадаетъ въ Нью-Йоркъ, гдѣ, благодаря счастливой случайности, онъ получаетъ работу опять же въ области телеграфнаго дѣла; работа разрастается, увеличивается производство Эдисона, съ этимъ послѣднимъ улучшается и его благосостояніе. Черезъ 15 лѣтъ—это миллионеръ, владѣющій огромными фабриками выдѣлки электротехническихъ издѣлій, все время вводящій все новыя и новыя усовершенствованія въ вырабатываемые имъ предметы. Теперь изобрѣтенія слѣдуютъ одно за другимъ: аерофонъ, мегафонъ, электрическое перо, фонографъ, кинематографъ и т. д. сыпятся теперь одно за другимъ изъ лабораторіи этого чудесника XIX вѣка.

Изобрѣтеніе электрической лампочки накаливанія, примѣненіе электрической энергіи для движенія поѣздовъ,—все это дѣло рукъ Эдисона. Теперь Эдисонъ занятъ новой дѣлю, изобрѣтеніемъ аппарата, представляющаго собой соединеніе фонографа и кинематографа. „Я задался теперь дѣлю изобрѣсти такой аппаратъ, который могъ бы дѣйствовать одновременно на два нашихъ чувства: на слухъ и зрѣніе“ (стр. 82). Такова въ краткихъ чертахъ дѣятельность этого великаго человѣка; можно всецѣло присоединиться къ мнѣнію составителя предлагаемой книжки, „что его жизнь вся полна неустанной работы на пользу человечества“ (стр. 89). Мы надѣемся, что біографія Эдисона произведетъ глубокое впечатлѣніе на юныхъ читателей и покажетъ имъ, что энергія

и терпѣніе,—вотъ необходимый залогъ успѣха всякой работы. Единственный недостатокъ разбираемой книги,—отсутствіе задушевности, теплоты въ передать біографіи Эдисона. Цѣна книжки очень доступна, поэтому мы можемъ заранѣе предсказать широкое ея распространеніе.

УЧЕБНЫЯ КНИГИ.

А. Постниковъ. Элементарный курсъ электротехники.—**Н. Абрахамъ.** Сборникъ элементарныхъ опытовъ по физикѣ.—**И. Шафровъ.** Учебникъ геометріи.—**П. И. Мосеричеръ.** Учебникъ геометріи.—**Н. А. Пашковскій.** Полное руководство для устройства волшебныхъ фонарейъ.

А. П. Постниковъ. Элементарный курсъ электротехники. Изд. второе, исправленное. Съ 100 чертежами. Москва, 1906 г. Настоящій курсъ выдержалъ уже одно изданіе, онъ представляетъ собой наиболѣе сжатое изложеніе всего, наиболѣе существеннаго по отдѣлу примѣненія электричества—электротехники. Составился этотъ курсъ по лекціямъ, читаннымъ авторомъ въ московскомъ военномъ училищѣ въ продолженіе 1899—1900 учебнаго года. Кромѣ всѣхъ наиболѣе важныхъ примѣненій электротехники, предлагаемый курсъ содержитъ также сжатое изложеніе телеграфировація безъ проводовъ, которому посвящено 2 параграфа. Кромѣ того, въ книгѣ находится большое число задачъ, могущихъ служить хорошими упражненіями для усвоенія пройденнаго курса. Второе изданіе отличается отъ перваго весьма немногимъ: выпущенъ электродинамометръ Сименса и Гальске и, наоборотъ, включено описаніе Уитстонова мостика съ передвижнымъ ключомъ. Книга г. Постникова давно уже пользуется вполне заслуженной извѣстностью, такъ что намъ остается только пожелать второму изданію столь же успѣшнаго распространенія, какъ и первому.

Н. Абрахамъ. Сборникъ элементарныхъ опытовъ по физикѣ, составленный при участіи многихъ физиковъ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей Б. П. Вейнбергъ. Часть II. Звукъ.—Свѣтъ.—Электричество.—Магнитизмъ. Одесса. Изд. Mathesis. 1906. На страницахъ *Русской Мысли* мы имѣли случай дать отзывъ о 1-ой части „Сборника элементарныхъ опытовъ по физикѣ“, заключавшей въ себѣ практическія работы по первоначальнымъ отдѣламъ физики: механикѣ, ученію о жидкостяхъ, газахъ и т. д. Передъ нами теперь 2-ая часть этого труда, заключающая въ себѣ опыты по наиболѣе интереснымъ отдѣламъ физики: звуку, свѣту, электричеству и магнитизму. Мы не можемъ не указать на богатый подборъ матеріала по этимъ важнымъ отдѣламъ физики; не говоря о томъ, что всѣ наиболѣе извѣстныя работы находятъ себѣ мѣсто на страницахъ этой чрезвычайно полезной книги, но мы встрѣчаемъ здѣсь цѣлый рядъ опытовъ, до сихъ поръ невведенныхъ въ кругъ занятій опытной физикой, которые, несомнѣнно, представляютъ каждый выдающійся интересъ. Къ числу такихъ опытовъ принадлежитъ: синхронизація и резонансъ медленныхъ колебаній (акустика), изученіе фотографическаго объектива и чувствительность фотографическихъ пластинокъ (оптика), электрическая конвенція въ газахъ переменныя токи (электричество) и т. д. Кромѣ того, несомнѣнное значеніе получаютъ тѣ таблицы, которыя приложены ко 2-ой части сборника. Здѣсь помѣщены не только обыкновенно приводимыя числовыя таблицы логарифмовъ, величинъ круговыхъ функцій и т. п., но всѣ наиболѣе важныя измѣренія по всѣмъ отдѣламъ физики. На русскомъ языкѣ давнѣе

уже чувствовался недостатокъ въ такихъ таблицахъ, такъ какъ единственная книга таблицъ по физикѣ Кольрауша не можетъ удовлетворить всѣхъ и каждого, благодаря слишкомъ большому числу проводимыхъ данныхъ, между тѣмъ какъ въ данномъ сборникѣ приведены наиболѣе необходимые. Книга снабжена рисунками; изданія, какъ вообще всѣ изданія книгоиздательства „Mathesis“, не оставляютъ желать ничего лучшаго. Мы надѣемся, что разбираемый трудъ станетъ настольной книгой каждой физической лабораторіи въ Россіи.

Учебникъ геометріи и собраніе геометрическихъ задачъ. 387 чертежей въ текстѣ. Составилъ по программѣ городскихъ училищъ И. Шафровъ. Москва, 1906 г. Программа геометріи, принятая для прохождения курса геометріи въ городскихъ училищахъ, представляла собой до 1897 года какой-то хаотическій беспорядокъ, стремящійся къ одной цѣли—централизаціи. Въ 1897 г. ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія далъ новую программу геометріи для городскихъ училищъ, но... внѣшность была измѣнена, а внутреннее содержаніе осталось то же. Въ этой послѣдней программѣ достигнута одна важная цѣль, а именно систематизація матеріала, столь необходимая для правильнаго усвоенія учащимися проходимаго ими курса.

Г. Шафровъ задался цѣлью составить „Учебникъ геометріи“, который бы удовлетворялъ, съ одной стороны „*последнимъ требованіямъ*“, предъявляемымъ при прохожденіи курса геометріи въ городскихъ училищахъ, съ другой стороны—любовательность учениковъ, интересующихся практическимъ приложеніемъ геометріи. Поэтому мы съ удовольствіемъ видимъ въ настоящемъ учебникѣ небольшой, но чрезвычайно удобно построенный отдѣлъ геодезіи, дающій возможность поближе познакомиться съ первоначальными правилами съемки, нивелированія и съ наиболее употребляемыми геодезическими инструментами. Послѣ каждой главы составитель приводитъ рядъ задачъ не только на вычисленія и доказательства, но и на построенія. „Задачи, помѣщенные въ учебникѣ, отличаются легкостью и приспособлены къ самостоятельному рѣшенію учащихся“. Мы должны указать на ту систему, которой держится составитель курса: прежде всего онъ даетъ общее понятіе о всѣхъ тѣлахъ (призмы, кубы и т. д.), а затѣмъ уже переходитъ къ общепринятому курсу геометріи. Книга издана аккуратно, рисунки исполнены довольно тщательно.

П. И. Межеричеръ. Учебникъ геометріи. Для ремесленныхъ, техническихъ и др. училищъ, курсовъ, для мастеровыхъ и рабочихъ и для самообученія. Съ 237 фиг. въ текстѣ. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб., 1906 г. Въ послѣднее время замѣчается появленіе новыхъ руководствъ по математикѣ; явленіе болѣе чѣмъ отрадное, указывающее на растущую необходимость въ дѣлѣ образованія. Прошлые годы ограничивались выпускомъ только новыхъ изданій старыхъ учебниковъ, дальше этого дѣла не шло!

Г. Межеричеръ предлагаетъ новое руководство по курсу геометріи, но ограничиваетъ примѣненіе своего учебника ремесленными и техническими училищами. Такія узкія рамки, поставленныя г. Межеричеромъ, объясняются, какъ цѣлью изданія, такъ и тѣмъ способомъ, при помощи котораго данное руководство было составлено. „Настоящая книга имѣетъ цѣлью—при возможной научности изложенія и полнотѣ курса сдѣлать начальную геометрію доступной и для такихъ учащихся, которые успѣли ознакомиться только съ началами ариметики“. Такова цѣль учебника; составился же онъ при прохожденіи курса геометріи въ ремесленномъ

училищъ, гдѣ авторъ книги преподавалъ математику. Составитель не могъ удовлетвориться существующими учебниками по геометріи и заданъ цѣлью составить новое руководство, пользуясь для этого „лучшими изъ имѣющихся у насъ учебниковъ и задачникѣвъ по геометріи“. Кромя самаго курса, къ книгѣ приложенъ отдѣлъ объ извлеченіи квадратныхъ и кубическихъ корней изъ чиселъ, могущій принести ученикамъ много пользы при рѣшеніи задачъ. Можно пожалѣть, что г. Межоричеръ самъ ограничиваетъ примѣненіе своего учебника техническими училищами; при нѣкоторой весьма небольшой обработкѣ данный курсъ былъ бы вполне примѣнимъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, благодаря научному и въ то же время ясному изложенію. Изданіе, какъ вообще всѣ изданія Девриена, не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Полное руководство для управленія волшебнымъ фонаремъ. Составилъ Н. А. Пашковскій, редакторъ-издатель журнала „Волшебный фонарь“. Цѣна 1 р. Елисаветградъ, 1905 г. Волшебный фонарь въ настоящее время является однимъ изъ самыхъ необходимыхъ пособій какъ въ средней и низшей, такъ и въ высшей школѣ. Имъ одинаково пользуются и для физическихъ и химическихъ опытовъ въ высшемъ учебномъ заведеніи и для удовлетворенія любознательности крестьянскихъ дѣтей въ сельской школѣ. Распространеніе волшебнаго фонаря настолько велико, что рѣдко можно найти учебное заведеніе какаго угодно типа, въ которомъ бы не было этого полезнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне интереснаго прибора. Въ Россіи издается даже журналъ, посвященный этому фонарю и носящій заглавіе „Волшебный фонарь“.

Издатель этого журнала, г. Пашковскій, рѣшилъ выпустить теперь въ свѣтъ особую книгу, посвященную волшебному фонарю и его примѣненію. Книга раздѣлена на нѣсколько главъ, которыя поочередно рассматриваютъ виды фонарей, способы освѣщенія (керосинъ, ацетиленъ, кислородъ, электричество и т. д.), и, наконецъ, способы, которыми можно лучше представить ту или другую картину. Книгѣ предпослано небольшое введеніе, знакомящее читателя съ физическими основаніями устройства свѣтовыхъ приборовъ вообще и волшебныхъ фонарей въ частности. Въ заключеніи приводитъ небольшой списокъ физическихъ и химическихъ опытовъ, возможныхъ къ исполненію при помощи волшебнаго фонаря. Книга представитъ несомнѣнно весьма полезное пособие для всякаго желающаго поближе познакомиться съ устройствомъ этого оптическаго прибора. Единственное, въ чемъ мы можемъ упрекнуть издателя разбираемой книги, это не вполне аккуратное исполненіе чертежей и рисункѣвъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію жур- нала „Русская Мысль“ съ 1 іюля по 1 августа 1906 г.

А. А. Борьба за право. Н.-Новгородъ, 1906 г. Ц. 12 к.
А. П. Какъ жили первые люди и какъ пошла жизнь наивнѣлась. Спб., 1906 г. Ц. 7 к.
Advocatus. Пропорціональная система выборовъ и выборы въ германскій рейхстагъ. Кіевъ, 1906 г. Ц. 10 к.
Вагницкій, Д. Русско-польскій общественный договоръ. Спб., 1906 годъ. Ц. 10 к.
Вари, К. Бѣшенство. М., 1906 годъ. Ц. 25 к.
Вълоаеровъ, Ад. Пѣсни борьбы и свободы. Н. Новгородъ. Ц. 10 к.
Вълоаерскій, Ж. Слово и дѣло. Въ „Правдивомъ словѣ“ Р. Кёлера. М., 1906 г.
Ведлеръ, С. О мировомъ зенрѣ. Тифльсъ, 1906 г. Ц. 30 к.
Вишперъ, Р. Учебникъ новой исторіи. М., 1906 г. Ц. 1 р. 35 к.
Вернеръ, И. Городское самоуправленіе въ Россіи. М., 1906 г. Ц. 10 к.
Горцевъ, И. Какъ грузинскіе крестьяне борются за свободу. М., 1906 г. Ц. 2 к.
Граціановъ, Н. Народные университеты. Изд. „Сѣятель“. Ц. 10 к.
Дагаевъ, Ин. Народное здравіе и текущіе вопросы медицинскій организаціи. Спб., 1906 г. Ц. 60 к.
Дешевая библиотека г-ва „Знаніе“. *Андреевъ, Л.* На рѣкѣ. Ц. 4 к. *Молчаніе.* Ц. 3 к. *Воля.* Ц. 3 к. *Въ подвалѣ.* Ц. 3 к. *Петька на датѣ.* Ц. 3 к. *У окна.* Ц. 5 к. *Въ темную даль.* Ц. 4 к. *Жили-были.* Ц. 5 к. *Набатъ.* Ц. 2 к. *Бумина, И.* Стихотворенія. Ц. 4 к. *Баламонтъ, Л.* Стихотворенія. Ц. 3 к. *Бибель, А.* Профессіон. движ. и полит. партія. Ц. 5 к. *Интеллигенція и социализмъ.* Ц. 5 к. *Горькій, М.* Въ степи. Ц. 3 к. *Махъва.* Ц. 10 к. *Товарищи.* Ц. 4 к. *Оворинъ.* Ц. 5 к. *Бывшіе люди.* Ц. 12 к. *Супруги Орловы.* Ц. 12 к. *Ханъ и его сынъ.* Ц. 2 к. *Коконваловъ.* Ц. 10 к. *Ярмарка въ Голтвѣ.* Ц. 3 к. *Пѣсня о соколѣ.* Ц. 2 к. *Человѣкъ.* Ц. 2 к. *О чижѣ, который лгалъ.* Ц. 2 к. *Макарь Чудра.* Ц. 3 к. *Емельявъ Пляй.* Ц. 3 к. *Дѣдъ Архипъ и Левъка.* Однажды оселяю. Ц. 3 к.

Старуха Извергиль. Ц. 5 к. *Чекмашъ.* Ц. 7 к. *Тоска.* Ц. 10 к. *Бохель.* Ц. 2 к. *На плотахъ.* Ц. 3 к. *Дѣло съ застажками.* Ц. 3 к. *Мой спутникъ.* Ц. 6 к. *Тюрма.* Ц. 8 к. *Разсказъ Филипа Васильевича.* Ц. 5 к. *Двадцать шесть и одна.* Ц. 5 к. *Васка Красный.* Ц. 5 к. *Кырилка.* Ц. 3 к. *Проходимецъ.* Ц. 7 к. *Дружки.* Ц. 4 к. *Кашъ и Артѣмъ.* Ц. 6 к. *Скуки радн.* Ц. 5 к. *Завубрина.* Ц. 3 к. *Гусевъ - Оренбургскій, С.* Въ приходѣ. Ц. 12 к. *Омѣтъ.* Ц. 3 к. *Жалоба.* Ц. 5 к. *Злой духой.* Ц. 4 к. *Бѣдный приходъ.* Ц. 2 к. *Кажетинка.* Ц. 8 к. *Коконрадъ.* Ц. 2 к. *Мыша.* Ц. 2 к. *Послѣдній часть.* Ц. 6 к. *На родину.* Ц. 4 к. *Сквозъ преграду.* Ц. 2 к. *Елатиесскій, С.* Спирька. Ц. 8 к. *Пожалѣй меня.* Ц. 2 к. *Присяжнымъ засѣдателямъ.* Ц. 3 к. *Каутскій, И.* Этика и матеріалстич. пониманіе исторіи. Ц. 20 к. *Клейбортъ, Л.* О партіяхъ и партійности. Ц. 5 к. *Русскій имперіализмъ въ Азіи.* Ц. 8 к. *Дуринъ, А.* Довнаніе. Ц. 3 к. *Марксъ, К.* Передъ судомъ присяжныхъ въ Кельнѣ. Ц. 10 к. *Либералы у власти.* Ц. 8 к. *Къ еврейскому вопросу.* Ц. 10 к. *Ольминскій, М.* Свобода печати. Ц. 12 к. *Права Государственной Думы.* Ц. 5 к. *Серафимовичъ, А.* Подъ уклономъ. Ц. 3 к. *Подъ землей.* Ц. 6 к. *На льдинѣ.* Ц. 4 к. *Въ камышахъ.* Ц. 3 к. *Местъ.* Ц. 4 к. *На заводѣ.* Ц. 5 к. *Слѣдчикъ.* Ц. 3 к. *Ночью.* Ц. 3 к. *Скутилакъ.* Ц. 12 к. *За тюремной стѣной.* Ц. 5 к. *Стихотвор. Кв. I и II.* Ц. 11 к. *Сквозъ строй.* Ц. 12 к. *Соловъ, О.* Справедливый налогъ. Ц. 12 к. *Телемовъ, Н.* Противъ обычая. Ц. 3 к. *Хлѣбъ - соль.* Ц. 3 к. *Домой.* Ц. 3 к. *Пѣсня о трехъ юншахъ.* Ц. 3 к. *Тыриковъ, Е.* Евреи. Ц. 12 к. *Этнель, Фр.* Статьи 1871—1875 гг. *Клишевскъ, С.* Новинны. Ц. 4 к. *Убийца.* Ц. 3 к. *Кабатчикъ Гейманъ.* Ц. 7 к. *Евреи.* Ц. 30 к. Спб., 1906 г.
Довнаръ-Запольскій. Мемуары декабристовъ. Кіевъ. Ц. 1 р. 50 к.
Ермоловъ, А. Нашъ земельный вопросъ. Спб., 1906 г. Ц. 1 р. 50 к.
Жаковъ, К. Очерки изъ жизни рабочихъ и крестьянъ на сѣверѣ. Спб., 1906 г. Ц. 40 к.

- Журналы полтавского губернского земского собрания. 41 очередного созыма 1905 г. Полтава, 1906 г.
- Изъ николевскаго рибоводнаго завода. Подъ редакц. Гримма. Слб., 1905 годъ. Ц. 1 р.
- Кеннанъ, Дж. Сибирь! Т. П. Слб., 1906 г. Ц. 75 к.
- Кольцовъ, Н. Памяти павшихъ. Жертвы изъ среды моск. студентч. въ октябр. и декабр. дн. М., 1906 г. Ц. 50 к.
- Краткій очеркъ исторіи харьковскаго университета за первые сто лѣтъ его существованія (1805 — 1905 гг.). Харьковъ, 1906 г. Ц. 2 р.
- Кресинъ, Р. Еврейскій вопросъ съ точки зрѣнія дѣйствительныхъ интересовъ русскаго народа. Харьковъ, 1906 г. Ц. 15 к.
- Круновскій, Андр. Характеръ творчества Ибсена. Вильна, 1906 г. Ц. 10 к.
- Луи Поль. Будущее социализма. Изд. „Дѣло“. Слб., 1906 г. Ц. 60 к.
- Мазепинъ, Евг. Повѣсти и рассказы изъ сельской жизни. Кадниковъ, 1906 г. Ц. 1 р.
- Материалы подворной переписи Полтавской губ. въ 1900 г. Прилуцкій уѣздъ, Кременчугскій уѣздъ и Зѣньковский уѣздъ. Полтава, 1906 г.
- Малкъ, литературно-публицистич. сборникъ. Изд. Лугового. Ц. 1 р. 35 к.
- Мельшинъ, Л. Вѣсто Штисельсбургъ. Слб., 1906 г. Ц. 8 к.
- Мерингъ, Фр. Сущность научнаго коллективизма. Киевъ, 1906 г. Ц. 5 к.
- Мигулинъ, П. Аграрный вопросъ. Харьковъ, 1906 г. Ц. 1 р.
- Нижегородскій. Упадокъ православія въ Россіи. Екатеринбургъ, 1906 г. Ц. 10 к.
- Новакъ, М. Передъ бурей. Драма въ 5-ти дѣйств. Софія, 1906 г. Ц. 1 р.
- Новомбергскій, Н. Колдовство въ Московской Руси XVII столѣтія. Слб., 1906 г. Ц. 1 р.
- Материалы по исторіи медицины въ Россіи. Т. П. Слб., 1906 г.
- Основы борьбы съ эпидеміями въ допетровской Руси. Слб., 1906 г.
- Обзоръ дѣятельности крестьянскаго поземельнаго банка за 1883 — 1904 гг. Слб., 1906 г.
- Обуховъ, Серг. Не въ ногу. Рассказъ изъ крестьянской жизни. М., 1906 г. Ц. 9 к.
- Оверовъ, И. X. Нужды рабочаго класса въ Россіи. Изд. Смына. М., 1906 г. Ц. 15 к.
- Ольшевскій. Очеркъ изъ исторіи бюрократіи. Киевъ, 1906 г. Ц. 10 к.
- Петровъ, Н. Способы уборки и сохранения сѣна въ дождливую погоду. Слб., 1906 г. Ц. 20 к.
- Погромы и погромщики. Рѣчи министра внутреннихъ дѣлъ и члена Думы, князя Урусова. Н.-Новгородъ, 1906 г. Ц. 4 к.
- Полтавское вострѣнное губернскаго земскаго собранія 1906 г. Полтава, 1906 г.
- Революціонные слуготы (первокартошки). Слб., 1906 г.
- Рейснеръ, М. Русскій абсолютизмъ и Европейская реакція. Изд. „Дѣло“. Ц. 40 к.
- Ренанъ, Эрн. Жизнь Исуса. Изд. Изанова. Киевъ, 1906 г. Ц. 80 к.
- Рудинскій, Н. Записки земскаго врача. Слб., 1906 г. Ц. 1 р.
- Рылѣевъ, К. Войнаровский. Повесть. Слб., 1906 г. Ц. 10 к.
- С. Ф. Чего мы ждемъ отъ Думы. Слб., 1906 г.
- Чего ждать отъ насъ Государственная Дума. Слб., 1906 г.
- Сегаль, С. Вопросы жизни съ точки зрѣнія естествознанія. Новочеркасскъ, 1906 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Селигманъ, Эд. Экономическое объясненіе исторіи. Киевъ, 1906 г. Ц. 15 к.
- Семеновъ, Вл. Вой при Цусимѣ. Слб., 1906 г. Ц. 50 к.
- Сибирскій, Э. Очердный вопросъ. (Объ аграрныхъ программахъ.) М., 1906 г. Ц. 8 к.
- Систематическій сводъ постановленій и распоряженій полтавскаго губернскаго земства за три трехлѣтія (съ 1895 — 1905 гг. включительно). Полтава, 1906 г.
- Статьи А. И. Герцена. 1) М. А. Бакунинъ. 2) Биографическій очеркъ Драгоманова. 3) Рѣчи и воззванія. Слб. Ц. 1 р.
- Степановъ, П. Учебникъ космографіи. Изданіе Вольфа. Слб., 1906 годъ. Ц. 75 к.
- Таблицы къ обзору дѣятельности крестьянскаго поземельнаго банка за 1833 — 1904 гг. Слб., 1906 г.
- Томара, М. Къ аграрной реформѣ. М., 1906 г. Ц. 10 к.
- Трейманъ, Р. Тираго-борцы. Изд. „Дѣло“. Слб., 1906 г. Ц. 50 к.
- Трубниковъ, Ив. Совѣты по пчеловодству. Изд. Девриена. Слб., 1906 г. Ц. 40 к.
- Фридрихинъ, С. О выборѣ молочной коровы при покупкѣ. Изданіе Девриена. Слб., 1906 г. Ц. 30 к.
- Фризаель, А. Уставъ общества взаимности русскихъ изобрѣтат. въ С.-Петербургѣ. Слб., 1906 г.
- Чрезвычайное собраніе 27 марта 1906 Журналъ и доклады. Полтава, 1906
- Шульгинъ, Г. Розы, годныя для держанія въ комнатахъ и ихъ культъ. Слб., 1906 г.
- 1905 г. въ сельско-хозяйственномъ с. шевин. Вып. V. Слб., 1906 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

I. Книги.

	<i>Стр.</i>
Беллетристика: <i>С. Стетликъ.</i> Штудирность Павель Руденко.— <i>Шей-асель, Робертъ.</i> За свободу.— <i>С. Ковалевская.</i> Нигилиста.— <i>Вара Финнеръ.</i> Стихотворенія.— <i>М. Баме.</i> Дневникъ падшей	197
Публицистика: Карль Марксъ передъ судомъ присяжныхъ.— <i>Н. Кудричъ.</i> Галерея современныхъ французскихъ знаменитостей.— <i>Кимкозъ.</i> Расправы и разстрѣлы.— <i>Д. Перрисъ.</i> Шонеры русской революціи.—13 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости.— <i>Граціанозъ.</i> Народные университеты	204
Философія, педагогика: <i>Фр. Паумсонъ.</i> Основы этики.—Первая, вторая и третья книжки педагогической психологіи	208
Юридическія книги: <i>К. Качаровскій.</i> Народное право	209
Географія: <i>Д. Садовниковъ.</i> Наши землепроходцы	211
Естествознаніе: <i>И. Ремсенъ.</i> Введеніе въ изученіе химіи.— <i>М. Конозаловъ.</i> Практическія занятія по общей химіи	212
Сельское ховяйство: <i>И. Киммонъ.</i> Воздѣлываніе кормовыхъ растений и польза отъ нихъ.— <i>К. Окуличъ.</i> Молочное дѣло	218
Книги для дѣтей: <i>Н. Березинъ.</i> Страна гранита и озеръ.— <i>Т. Эднсонъ,</i> его жизнь и изобрѣтенія	314
Учебныя книги: <i>А. Постниковъ.</i> Элементарный курсъ электротехники.— <i>Н. Абрахамъ.</i> Сборникъ элементарныхъ опытовъ по физикѣ.— <i>И. Шафровъ.</i> Учебникъ геометріи.— <i>П. И. Межеричеръ.</i> Учебникъ геометріи.— <i>Н. А. Пашковскій.</i> Полное руководство для управленія волшебнымъ фонаремъ	316

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль»
съ 1 іюля по 1 августа 1906 г.

4 р. 50 к.
безъ пере-
сылки.

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

(„ЮНАЯ РОССИЯ“).

5 руб.
съ пере-
сылкой.

Особымъ отдѣломъ ученаго комитета мин. нар. просв. журналъ допущенъ къ выпискѣ, по предварительной подлинкѣ, въ учебныя бібліотеки среднихъ и низшихъ учебныя заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки. (Отношеніе № 32542, отъ 21 ноября 1902 года.)

Въ 1906 г. журналъ „Дѣтское Чтеніе“ (Юная Россія) дастъ всѣмъ подписчикамъ: 12 книжекъ журнала, въ составъ которыхъ входятъ: а) повѣсти, рассказы и сказки; б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи; г) популярно-научныя статьи; д) снимки съ портретовъ замѣчательныхъ людей и съ картинъ и проч. **Бесплатныя приложенія:** I. Меньшіе братья въ семьѣ народовъ.—Очерки быта и нравовъ дикарей. Я. А. Берлина. Со многими рисунками.

1. Дивныя или люди? 2. Дѣти природы. 3. Братская женя. 4. Мірскія дѣла. 5. Вожди и начальники. 6. Дѣлу—часъ, потѣхъ—время. (Первобытныя труды; общественныя удовольствія и увеселенія). 7. Тяжелая доля. (Положеніе женщинъ). 8. Дикіе ребятишки. 9. Голь на выдумки хитра. (Первобытная техника). 10. Классъ приготовительный. (Языкъ; началка точнаго знанія; письмо; искусство). 11. Волшебное дарство. (Врванія). 12. Сказочные люди. (Болдуны). 13. Какъ и изъ-за чего воюютъ дикари? 14. Опять сказочные люди. (Людобѣды). 15. Мирныя отношенія. 16. Неравная борьба. (Изъ отношеній культурныхъ народовъ и дикарей). Заключеніе. П. Славяно-Савастополя, сборникъ къ пятидесятилѣтню савастопольской войны, съ рисунками: 1. Война—бѣдствіе народное. А. Т. 2. Польѣжа опуста. Величественный городъ. Графская пристань. Братское кладбище. Старый нивалищъ. Въ храмѣ.—П. Россеева. 3. Впечатлѣнія Савастополя. Савастополь. Херсонскъ. Малаховъ курганъ. Братское кладбище. На прощанье.—Стихотвореніе Е. Булавиной. 4. Савастопольцы. Е. Владиміровой. 5. Дѣти-герои. Г. Т. Стерцова-Полынова. III. Три сказки Андерсена, переводъ Е. Владиміровой. IV. Смертныя жребіи, рассказъ Мариа-Тавна, переводъ съ англійскаго У. Темные люди, рассказъ Амена Лондона, переводъ съ англійскаго Р. Рубиновой. VI. Орсо, рассказъ Генриха Сенкевича, переводъ съ польскаго Вукла Лаврова. Подписная цѣна на „Дѣтское Чтеніе“ (Юная Россія): безъ доставки на годъ 4 р. 50 к. съ доставк. и перес. на годъ 5 р. Подписная цѣна на „Дѣтское Чтеніе“ (Юная Россія) съ „Педагогич. Листкомъ“ (8 нн.): безъ доставки на годъ 5 р. съ доставкой и перес. на годъ 6 р. За границу „Дѣтское Чтеніе“ (Юная Россія) съ „Педагогич. Листкомъ“—8 р.

Вышла августовская книга „Юной Россія“ (Дѣтскаго Чтенія) за 1906 г. **Содержаніе:** I. По Варяжскому морю. Изъ дѣтнихъ рассказовъ. Продолженіе. Д. И. Мамма-Сибиряна. II. Служители правды. Повѣсть. Продолженіе. Гл. XVI.—Въ арестантской больницѣ. Гл. XVII.—Тяжелые дни.—Печальная повѣсть. Гл. XVIII.—Отъѣздъ пана судьи. Гл. XIX.—Письмо „изъ большого города“. Гл. XX.—„Святой старичокъ“. Гл. XXI.—Проводы Осн Ивана Шмелева. Съ рисунками художника Н. И. Живаго. III. На родицѣ. Стихотвореніе. А. Д. IV. Ребекка изъ Сенвибука. Повѣсть. Продолженіе. Гл. XIII.—Наслѣдница Израиля Сейера. Гл. XIV.—Ребекка въ Вархамѣ. Съ англійск. Е. Л. Мандонозой. V. Подъ южнми небомъ. I.—Подъвѣ душень. II.—Не пришла гроза. III.—Утромъ. Стихотвореніе. Павла Тулуба. VI. „Король“, большой таггакоксій медвѣдь. Повѣсть. Эрнеста Томсонъ-Сетона. Продолженіе. Гл. XV.—Потопъ. Съ англійскаго Р. Рубиновой. VII. Гость хѣзовъ. Сказка. Окончаніе. А. В. Трубачевой. VIII. Тины Москвы. Мостовщицы улицы. IX. Сумерки Возрожденія. Историческая повѣсть. Продолженіе. Гл. VII.—Ради Флоренціи. Ал. Алтаева. Съ рисунками художника Е. Е. Гаряла. X. Изъ исторіи одного натуралиста. Гл. III и IV. Профессора А. Ш. Никольскаго. Съ рисунками. XI. Въ родной глуши. Стихотвореніе Анатолія Доброхотова. XII. Ассоры. В. А. Гатцуца. Съ рисунками. XIII. Гражданствъ и отечество. Окончаніе. Гл. XVII—Свобода. Гл. XIX—Какъ мы добыли себѣ свободу. Гл. XX—Досуги англійской свободы. Ариельда Фѣрстеръ. Съ рисунками. Переводъ съ англійскаго Э. С. Вульфсона. XIV. Во тѣмъ. Изъ В. Гринченка. Стихотвореніе. Изъ Бѣлеусова. XV. Какъ животныя защищаются отъ враговъ. Гл. VIII.—Откуда у животныя явилась кровявѣстная окраска и защитныя привычки. Гл. IX.—Маскарадъ въ царствѣ животныя. Продолженіе. Н. А. Сиворцова. Съ рисунками. XVI. Объясненія. При этой книжкѣ разсматривается всѣмъ подписчикамъ одна книжка бесплатныхъ иллюстрированныхъ приложеній: Берлинъ, Я. А. Меньшіе братья въ семьѣ народовъ. Очеркъ одиннадцатый. „Классъ приготовительный“.

Издательница Е. Н. Тихомирова.

Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

